ИТЕРАТУРНЫЙ
АРХИВ

А.Ф. ПИСЕМСКИЙ

А. Ф. ПИСЕМСКИЙ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

МОСКВА—ЛЕНИНГРАД
1936

ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ

А. Ф. ПИСЕМСКИЙ

ПИСЬМА

Подготовка текста
и комментарии
М. К. КЛЕМАНА и А. П. МОГИЛЯНСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Непременный секретарь академик Н. Горбунов

Редактор издания Н. Г. Свирин

Технический редактор О. И. Подобедова — Корректор В. А. Петров

Сдано в набор 21/IX 1935 г. Подписано к печати 25/VIII 1936 г. Формат 62 × 94 1/16. Объем 58 1/2 л. и 19 вклеек. В 1 п. л. 46000 печ. зн. Тираж 7165 экз. Уполн. Главлита В-40834. АНИ № 36. Заказ № 3262.

1-я Образцовая типография Огиза РСФСР треста „Полиграфкнига“. Москва, Валовая, 28.

ОТ РЕДАКЦИИ

В настоящем томе „Литературного Архива“ впервые объединены все известные и доступные письма А. Ф. Писемского. В основу издания положены были документы, хранящиеся в Рукописном отделении Института Литературы Академии Наук СССР (Пушкинского Дома). К ним присоединены письма, обнаруженные в Институте Книги, Документа и Письма Академии Наук СССР, Архиве Академии Наук СССР, Рукописном отделении Ленинградской Государственной Публичной Библиотеки, Центральной Библиотеке Русской Драмы в Ленинграде, Рукописном отделении Государственной Публичной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Государственном Литературном Музее, Государственном Театральном Музее им. А. А. Бахрушина, Московском Историческом Музее, Центральном Историческом Архиве (Московском и Ленинградском отделениях), Владимирском Губернском Архиве, Ивановском областном архивном управлении и Средне-Волжском краевом архивном управлении в Куйбышеве. Вне тома осталась, по причинам, от редакции не зависящим, лишь связка в 56 писем к И. С. Тургеневу 1855—1879 гг., помеченная в каталоге парижского архива Виардо (A. Mazon, Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguéneff, P. 1930, p. 108).

В интересах цельности и полноты настоящего тома „Литературного Архива“ в него включаются и ранее опубликованные документы. Это казалось необходимым также ввиду неисправности как самого текста ранних публикаций (рукописи Писемского представляют значительные трудности для чтения), так и их датировок. Малая изученность фактической биографии писателя затрудняла исследователей в определении точных дат его писем; достаточно отметить, что в наиболее значительной и интересной публикации — переписке с А. Н. Островским („Неизданные письма к А. Н. Островскому. По материалам Гос. Театрального Музея им. А. А. Бахрушина. Приготовили к печати М. Д. Прыгунов, Ю. А. Бахрушин и Н. Л. Бродский“, М. 1932, стр. 334—395) —

около трети всех писем оказалось датировано совершенно неправильно. Все ранее опубликованные письма, за единичными исключениями, были при перепечатке сверены с автографами.

Весь эпистолярный материал расположен в общей хронологической последовательности, в конец выделено небольшое число документов, датировка которых не поддавалась точному обоснованию. В порядке дополнения вслед за основным текстом пришлось поместить письма к М. П. Погодину, основная часть автографов которых стала доступна только по окончании работы над томом, когда первые листы его были уже сверстаны.

Тексты даны в новой орфографии, но с полным соблюдением всех особенностей написаний Писемского во всей их непоследовательности. От точного соблюдения пунктуации Писемского, необычайно пестрой и хаотичной, в настоящем издании пришлось отказаться — она несколько дополнена (расстановкой совершенно необходимых точек и запятых) и, значительно реже, исправлена путем устранения имеющихся в оригинале запятых, мешающих пониманию текста. Зачеркнутое в подлиннике заключено в прямые скобки [ ], в угловые скобки < > заключены редакторские дополнения и предположительные чтения. Недописанные слова дополняются, а явные описки исправляются без особых оговорок.

Из черновых вариантов в текст вводятся только имеющие смысловой характер, зачеркнутые неудачные написания не воспроизводятся. Частые у Писемского ошибки в датах в тексте сохраняются, но оговариваются и исправляются в комментариях. Адреса на конвертах и на обороте писем, пометки и приписки, не принадлежащие Писемскому, воспроизводятся не в основном тексте, а в комментариях, отнесенных в конец тома. Исторический и литературный комментарий расположен под номерами писем, персональный включен в именной указатель. Текстологические и библиографические справки к публикуемым документам даны в указателе писем по адресатам. В комментариях использованы не появлявшиеся в печати цензурные и служебные документы Писемского, обнаруженные в фондах Ленинградского отделения Центрального Исторического Архива. Здесь же опубликован ряд неизданных писем к Писемскому И. А. Гончарова, В. Дерели, С. В. Максимова, И. С. Тургенева и других его корреспондентов.

В приложении напечатаны подписанные Писемским и никогда не воспроизводившиеся программные объявления об издании „Библиотеки для Чтения" на 1861 и 1862 гг. Здесь же впервые публикуются в транскрипции черновые редакции незаконченного рассказа „З. Грудина", автографы которого хранятся в Рукописном отделении Института Литературы Академии Наук СССР.

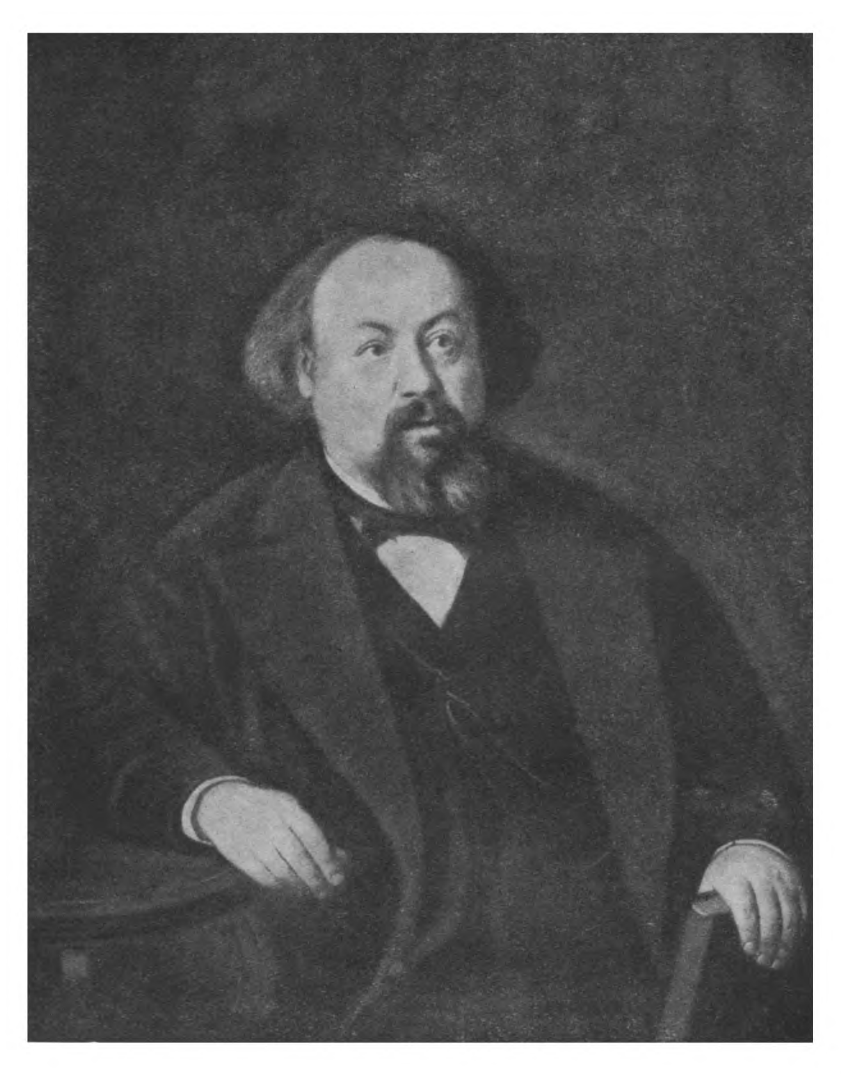
В особое приложение выделены также письма к Писемскому А. Н. Майкова и Н. А. Писемского. Они теснейшим образом связаны с одним эпизодом биографии писателя — самоубийством его младшего сына Николая, но представляют интерес и для изучения его творчества. В частности, письма Н. Писемского содержат ценные данные о постановке пьес Писемского на петербургской сцене.

К сборнику приложены: 1) Указатель писем по адресатам, 2) Общий именной указатель.

Беглого просмотра указателя адресатов достаточно, чтобы убедиться в наличии больших пробелов в выявленном к настоящему времени эпистолярном наследии Писемского. С приближением к полноте представлена в настоящем томе только переписка 1875—1880 гг., публикуемая в основном по отпускам „черновых тетрадей" Писемского, в которые он вносил, с совершенно изумительным педантизмом, даже самые незначительные записки. Но именно эти „черновые тетради" служат прекрасным контрольным материалом для определения степени сохранности эпистолярного фонда писателя: бо́льшая часть беловиков писем, известных по черновым, оказалась утраченной. Утрачена, за единичными исключениями, вся семейная переписка Писемского. Далеко не полностью дошла до настоящего времени переписка писателя с членами молодой редакции „Москвитянина". Только частично сохранилась его переписка с редакторами „Современника" — Н. А. Некрасовым и И. И. Панаевым. Полностью утрачена редакционная переписка Писемского по журналам „Библиотека для Чтения" (за исключением писем к А. В. Дружинину), „Искусства", „Русский Вестник". Несомненно, очень интенсивной была его переписка с редакциями „Всемирного Труда", „Беседы", „Гражданина". К сожалению, надежд на разыскание всех этих материалов остается очень мало.

Основная работа по подготовке к печати и комментированию материалов настоящего тома осуществлена была М. К. Клеманом и А. П. Могилянским. А. П. Могилянский подготовил к печати материалы, хранящиеся в московских собраниях (за исключением писем к М. П. Погодину), письма, обнаруженные в архиве Академии Наук СССР и Ленинградском областном архиве, 15 писем, хранящихся в Ленинградском отделении Центрального Исторического Архива, обе книги черновых отпусков (за исключением №№ 656—704 и 809—846). Им же были подготовлены к печати из материалов Института Литературы Академии Наук 26 писем к П. В. Анненкову и письма к Е. П. Писемской: А. П. Могилянскому принадлежат примечания к письмам А. В. Дружинину и Е. Н. Эдельсону, к письмам 1873—1880 гг. (за исключением писем к И. С. Тургеневу, В. Дерели и Н. С. Абазе), а также к №№ 114, 172, 175, 195, 204, 209, 220, 225, 234—235, 261,

277, 279, 318, 336, 344, 356 и 359. Наконец, А. П. Могилянским подготовлены к печати и прокомментированы тексты черновых набросков А. Ф. Писемского „З. Грудина“ и писем к нему А. Н. Майкова и Н. А. Писемского, им же написан персональный комментарий, включенный в именной указатель. И. Л. Андронников подготовил тексты печатаемых по автографам писем к М. П. Погодину. П. Н. Берков подготовил к печати и прокомментировал редакционные объявления „Библиотеки для Чтения“, детально обследовав вопрос о работе Писемского в этом издании. А. Н. Лесков подготовил к печати письма к Н. С. Лескову и принимал ближайшее участие в их комментировании. С. А. Макашин предоставил для издания тексты писем к Е. Н. Эдельсону. Н. Я. Морачевский подготовил к печати и прокомментировал письма к М. Я. Киттары. А. И. Орлов подготовил к печати и прокомментировал письма к Н. А. Купреянову. С. А. Рейсер подготовил к печати письма к Ф. П. Врангелю и Д. А. Толстому и прокомментировал письма, относящиеся к „литературной экспедиции“ 1856 г. Сверку по автографам копий писем, хранящихся в Государственном Литературном Музее, любезно принял на себя С. И. Синебрюхов. С. С. Советов подготовил к печати хранящиеся в Ленинградском отделении Центрального Исторического Архива письма №№ 162, 228, 271, 275, 287, 291, 293, 316, 319 и 368 и участвовал в подборе служебных и цензурных документов, использованных в комментарии. Весь остальной материал подготовил к печати и прокомментировал М. К. Клеман, принимавший ближайшее участие и в редактировании настоящего сборника.

А. Ф. ПИСЕМСКИЙ
Портрет В. Г. Перова 1869 г. (Третьяковская галлерея)

СУДЬБА ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ПИСЕМСКОГО

I

А. Ф. Писемский принадлежит к числу авторов, жестоко обойденных литературной наукой. Давно устаревшая книга И. И. Иванова, критико-биографический очерк С. А. Венгерова, поверхностная общая характеристика Л. Лобова и популярная биография А. Скабичевского — вот и вся монографическая литература о писателе, затмевавшем некогда своей популярностью автора „Записок охотника". Если присоединить сюда статьи А. Кирпичникова, В. Зелинского, И. Анненского, А. Измайлова, В. Ветринского, заметку А. Горнфельда в энциклопедии Брокгауза и публикации Н. Виноградова и Н. Дризена, то этим будет уже совершенно исчерпан список работ, которые можно бы занести в актив литературоведению в деле изучения творческого наследия Писемского. Несравненно более богатая критическая литература о нем пятидесятых-семидесятых годов погребена на страницах старых журналов и никем научно не обследована; только однажды в последние годы в советской науке была сделана попытка общей характеристики творческого пути писателя; из общих курсов литературы он фатально выпадал. Поэтому вполне уместен поставленный еще в 1901 г. А. Налимовым в журнале „Образование" вопрос — „Забыт ли Писемский?"

Отмечая скудость исследовательской литературы о Писемском, необходимо констатировать, что читательский интерес к нему в конце XIX и в первые десятилетия XX века не ослабевал; не иссяк он и в настоящее время. Об этом свидетельствует появление за годы 1883—1912 четырех „Полных собраний сочинений" Писемского, появление в 1932 г. тома его „Избранных произведений", переиздание отдельных вещей в 1918, 1919, 1923, 1926 и 1928 гг. Большим вниманием пользовалось и пользуется творческое наследие Писемского в литературной среде. Из старых отзывов можно напомнить блестящую характеристику А. П. Чехова (в письме к А. С. Суворину от 26 апреля 1893 г.):

„Читаю Писемского. Это большой, большой талант... Люди у Писемского живые, темперамент сильный. Скабичевский в своей „Истории" обвиняет его в обскурантизме и измене, но, боже мой, из всех современных писателей я не

знаю ни одного, который был бы так страстно и убежденно либерален, как Писемский. У него все попы, чиновники и генералы — сплошные мерзавцы. Никто не оплевал так старый суд и солдатчину, как он. Кстати: прочел я „Космополис“ Бурже. У Бурже и Рим, и папа, и Корреджио, и Микель Анжело, и Тициан, и дожи, и красавица в 50 лет, и русские, и поляки — но как все это жидко и натянуто, и слащаво, и фальшиво в сравнении с нашим хотя бы все тем же грубым и простоватым Писемским“.

Пренебрежение позднейшей либерально-буржуазной литературной историографии к художественному наследию Писемского в значительной мере предопределилось оценкой его творчества критикой шестидесятых и семидесятых годов и заключало тяжбу писателя с его современниками. Судьба научного изучения Писемского теснейшим образом связана с ходом его литературной карьеры, а карьера его сложилась вполне своеобразно.

При вступлении на литературную арену у Писемского были все данные стать со временем „классическим“ автором. Уже первое опубликованное им крупное произведение — повесть „Тюфяк“ (1850) — вызвала самые одобрительные критические отзывы. Авторитетнейшие журналы самых разнообразных направлений отмечали „замечательную наблюдательность“ автора („Современник“), „беспристрастность, искренность и чистоту его таланта“ („Библиотека для Чтения“). В декабрьской книжке „Отечественных Записок“ 1850 г. заявлялось, что „Тюфяк“ — „лучшее произведение по части отечественной беллетристики в нынешнем году“.

Из безвестного провинциала, не осмеливавшегося посылать свои произведения непосредственно в редакции журналов из опасения, что их там „даже не прочтут“, Писемский в течение одного года становится желанным сотрудником всех крупных изданий. М. П. Погодин заключает с ним договор на печатание в „Москвитянине“ всех написанных и еще только предположенных вещей и тут же откупает право на издание „собрания сочинений“ молодого автора, напечатавшего пока еще только одну повесть. Осторожный А. А. Краевский настойчиво предлагает Писемскому сотрудничество в „Отечественных Записках“, и только цензурные препятствия мешают появлению на страницах этого журнала еще в 1851 г. романа „Москвич в Гарольдовом плаще“ (впоследствии переработанного и напечатанного под заглавием „M-r Батманов“ в „Москвитянине“). Удачливее Краевского оказался Н. А. Некрасов, завербовавший Писемского в число сотрудников „Современника“, уже объединившего в своем редакционном кружке все крупнейшие дарования. С осени 1851 г. начинается печатание по главам в журнале Некрасова и Панаева романа „Богатый жених“. Несколько

позднее А. В. Старчевский усиленно приглашает Писемского работать в „Библиотеке для Чтения“.

Выход уже в 1853 г. то-есть через три года после первого серьезного печатного выступления, трехтомного собрания „Повестей и рассказов“ А. Ф. Писемского только укрепляет популярность писателя. Его имя ставится на ряду с именами первостепенных литературных знаменитостей. Рецензенты, сравнивая произведения Писемского с повестями Тургенева, приходят к выводам далеко не в пользу автора „Записок охотника“. Так, литературный обозреватель „Москвитянина“ писал о напечатанных в двух смежных книжках „Современника“ — „Затишьи“ и „Фанфароне“:

„Повесть г. Тургенева „Затишье“ много уступит „Фанфарону“ Писемского в отношении постройки целого. У г. Писемского все события, характеры и описания сведены к одной мысли — сгруппированы около одного главного лица. Оттого произведение г. Писемского является стройным целым, все части его гармонируют между собою. Напротив, в повести г. Тургенева все лица представляются случайно сошедшимися или насильственно сведенными автором: они не связаны общей идеей произведения“.

Вторая половина пятидесятых годов — пора высшей популярности Писемского. Журналы наперебой расхватывают его произведения. Морское министерство отправляет его в командировку в Астрахань и на Каспийское море в числе известных литераторов, писания которых должны укрепить авторитет правительственных начинаний. В февральских „Заметках о журналах“ в „Современнике“ 1857 г. Н. Г. Чернышевский заключает отзыв о рассказе „Старая барыня“: „А какая правда в самом рассказе! Как соблюден характер старины и в языке и в понятиях — „Старая барыня“ принадлежит к лучшим произведениям талантливого автора, а по художественной отделке — эта повесть, бесспорно, выше всего, что доселе издано г. Писемским“. В том же 1857 г. Писемский становится редактором „Библиотеки для Чтения“, конкурирующей с „Современником“ и „Отечественными Записками“. Наконец, в 1860 г. Академия Наук премирует его пьесу „Горькая судьбина“. Писемский достигает вершины своей славы, за нею — крутой срыв.

Единодушие в благожелательном отношении к Писемскому со стороны журналов, занимавших разные общественные позиции, было возможно только до той поры, пока обострение классовых противоречий не разбило сложившийся в предреформенные десятилетия шаткий блок радикальных разночинцев и либерального дворянства, объединенных общей борьбой с крепостничеством. По мере углубления классовой борьбы в русской журналистике, по мере выявления всех противоречий, которые еще недавно казались стертыми

и сглаженными, разрушается и единодушие в одобрительной оценке Писемского со стороны журнальной критики. Характерно, что именно в начале шестидесятых годов блестящая репутация писателя подверглась серьезным испытаниям. Ряд фельетонов Писемского в „Библиотеке для Чтения“, подписанных псевдонимом „Никита Безрылов“, навлек на автора ожесточенные нападки не только радикально-демократической, но и либеральной журналистики. Писемский принужден был отказаться от публицистических выступлений и совсем уехать из Петербурга в Москву, куда писателя настойчиво звал М. Н. Катков, сделавший его с весны 1863 г. своим соредактором по литературному отделу „Русского Вестника“. Антинигилистический роман „Взбаламученное море“, напечатанный на страницах „Русского Вестника“ и вызвавший в „Колоколе“ ядовитую заметку А. И. Герцена „Взболтанная помойная яма“, окончательно закрыл перед Писемским редакции прогрессивных буржуазных и демократических изданий.

В шестидесятых годах серьезным испытаниям подвергалась репутация не одного Писемского. Ориентировавшиеся на крестьянскую революцию радикальные демократы подвергли жестокому обстрелу позиции либерально-дворянского лагеря, представлявшего интересы втянутого в оборот капиталистических отношений поместного землевладения. Если революционные демократы резко порвали в пору крестьянской реформы с либеральничавшими „попутчиками“ из числа дворянских писателей, то и в либерально-дворянском лагере более четко наметились свои ориентации, и многие из былых соратников Белинского, напуганные польским восстанием, выстрелом Каракозова и нечаевской историей, нашли прочное пристанище на страницах катковского „Русского Вестника“. В их числе оказался и Писемский.

Впоследствии, в семидесятых и восьмидесятых годах, ряд дворянских писателей из числа „деятелей сороковых годов“ нашел полное признание и был усвоен новым читательским слоем в качестве „классиков“ литературы. Либеральные демонстрации 1879 г. вполне реабилитировали подвергавшегося жестоким гонениям в течение шестидесятых и первой половины семидесятых годов И. С. Тургенева; выступление Ф. М. Достоевского на „Пушкинских празднествах“ 1880 г. вызвало восторженные аплодисменты, а похороны автора „Бесов“ собрали многотысячные толпы народа и вылились во внушительную манифестацию.

Однако эта реабилитация писателей сороковых годов не коснулась Писемского. С Катковым он разошелся еще в 1864 г., радикальные и либеральные издания были для него закрыты. Последние романы и пьесы писателю приходилось печатать во второстепенных, не имевших большого распространения изданиях, органах дворянской реакции —

„Всемирном Труде“, „Заре“, „Беседе“, „Гражданине“. Но и здесь устраивать свои вещи ему становилось все труднее, да и цензурные запреты неоднократно обрушивались на произведения автора „Взбаламученного моря“. В 1875 г. „Русский Вестник“ отказался взять пьесу Писемского „Финансовый гений“. Жалуясь на это, он писал И. С. Тургеневу 29 января 1876 г.: „Пьеса моя напечатана в маленькой газетке, потому что „Русский Вестник“ не принял ее по негодности, и таким образом у меня связь прервалась и с последним толстым журналом, который меня печатал, и я отныне остаюсь без приюта среди многолюдной площади, именуемой „русская литература“.

Не возродил симпатий критики и юбилей автора „Тюфяка“, отпразднованный в январе 1875 г., а вступительная статья С. А. Венгерова к посмертному изданию „Сочинений“ Писемского давала такого рода оценку творчеству покойного писателя, что ее пришлось в последний момент вырезать и спешно заменить дружескими воспоминаниями П. В. Анненкова.

Либерально-буржуазная историография объясняла внезапный перелом в литературной судьбе Писемского падением его таланта, резким изменением после „безрыловской истории“ направленности его творчества. Однако это не так. В 1864 г. им были написаны блестящие очерки „Русские лгуны“, 1879 годом датируется один из шедевров Писемского „Капитан Рухнев“. Тургенев заявлял Писемскому по поводу его романа „Мещане“ (1874 г.): „Вы сохранили ту силу, жизненность и правдивость, которые особенно свойственны вам и составляют вашу литературную физиономию. Виден мастер, хотя и несколько усталый, думая о котором, хочется повторить: „Вы, нынешние, ну-тка!“ Тремя годами ранее Н. С. Лесков в письме от 6 апреля 1871 года отзывался о романе „В водовороте“: „Не мне писать вам похвальные листы и давать „книги в руки“, но по нетерпячести своей не могу не крикнуть вам, что вы богатырь!... помимо мастерства, вы никогда не достигали такой силы в работе. Это все из матерой бронзы; этому всему века не будет!“

Если нет оснований говорить о „падении таланта“ Писемского во второй половине его литературной деятельности, то тем менее оснований различать в ней два резко противоречивых периода. Творчество автора „Тюфяка“ представляется, наоборот, на всем протяжении его литературной работы очень последовательной и цельной системой.

Владелец 55 родовых наследственных крестьянских душ в Чухломском и Солигаличском уездах, асессор Костромского Губернского правления титулярный советник А. Ф. Писемский выступил в литературе как представитель социальной группы, с которой был кровно связан и своим

происхождением и всей системой своих жизненных отношений. Идеологом мелкопоместного дворянства оставался он и в своих поздних произведениях. Об изменении направленности творчества писателя приходится говорить лишь постольку, поскольку в нем отражалась все обострявшаяся и усложнявшаяся в новых хозяйственных условиях борьба мелкопоместного дворянства с враждебными ему классовыми группировками.

В автобиографическом письме к французскому переводчику В. Дерели Писемский подводил итоги своей тридцатилетней литературной деятельности и пытался формулировать ее общие установки.

„Сначала я обличал глупость, предрассудочность, невежество, смеялся над детским романтизмом и пустозвонными фразами, боролся против крепостного права, преследовал сановничьи злоупотребления, обрисовал цветки нашего нигилизма, которого посевы теперь уж созревают в плод, и в конце-концов принялся за сильнейшего, может быть, врага человеческого, за Ваала и за поклонение Золотому тельцу и только в прошлом (1877) году был глубоко утешен тем, что мещане и купцы (что под этими кличками я разумею, вы уясните себе из романа моего „Мещане“), мещане и купцы отодвинуты на задний план и в массе случаев опозорены. Открылось воочию всех, что мошенничества разных предпринимателей и поставщиков колоссальны, что торговля идет на постыднейшем обмане; банковские воровства чуть не каждодневно совершались и совершаются“.

Приписывая себе задним числом честь борца с крепостным правом, Писемский, несомненно, искажал действительное положение вещей. Далекий от обличения крепостного строя, он, наоборот, склонен был в своих ранних вещах („Очерках из крестьянского быта“) представлять отношения помещиков и крестьян в идиллическом свете, оправдывая своим творчеством высказанное в 1854 г. П. В. Анненковым заключение: „в течение последних четырех лет сельская идиллия сделалась господствующим направлением в нашей словесности и редкий из писателей не прибегал к ней“.

Пафос ранних вещей Писемского — в „преследовании сановничьих злоупотреблений“ и в показе распада мелкопоместного землевладения, гибнущего под натиском развивающихся капиталистических отношений. Писемского радовал успех его рассказа „Фанфарон“ в среде провинциальных помещиков, потому что в этом произведении он обнаруживал гибельность прививки городских, буржуазных затей к полунатуральному, архаическому хозяйственному быту мелкопоместного дворянства. 7 октября 1854 г. он писал Н. А. Некрасову о „Фанфароне“: „Очень рад, что этот очерк понравился в Петербурге и вместе с тем могу вам сооб-

щить не ради авторского самолюбия, а ради правды, что в нашей провинциальной читающей публике он получил, кажется, исключительный, перед всеми другими моими сочинениями, успех — его прочитали даже все положительные люди, давно не читающие никаких повестей, потому что в Фанфароне тронута самая живая, самая интересная для них струна в жизни: безрасчетливость и неблагоразумное хозяйство".

Если рост капиталистических отношений размывал хозяйственную базу мелкопоместного дворянства, то другим грозным врагом этой обширной, но политически беспомощной и распыленной общественной группировки в дореформенную эпоху являлось крупнопоместное дворянское землевладение, создававшее свои латифундии за счет поглощения именно обезземеливаемых мелких помещиков. Это обусловило основную направленность творчества Писемского в пятидесятые годы, это же обусловило и успех его произведений в массовой читательской аудитории.

Однако только сравнительной недифференцированностью оппозиционных группировок русского общества перед лицом сперва господствующего крупного дворянства, а затем дворянско-крупнобуржуазного блока можно объяснить то обстоятельство, что творчество Писемского воспринималось в течение пятидесятых годов демократическими читателями в качестве социально созвучного. Читательский успех Писемского зависел от того, что он подверг резкой критике старую дворянскую официальную Россию, с одной стороны, и нарождавшуюся буржуазную — с другой. Этот враг стоял и перед окрепшим к этому времени разночинцем, и Писемский на первых порах, пока не стало ясно, что критика его проистекает из иных предпосылок и во имя иных идеалов, был принят за союзника. К началу шестидесятых годов требовалась, однако, уже большая четкость и определенность политического лица писателя.

Реакционную природу мелкопоместного дворянства до конца обнажила реализация крестьянской реформы, разорившей как раз мелких помещиков, которым выкупная сумма не могла обеспечить капитала, необходимого для заведения нового хозяйства. Обнищание и социально-политическое измельчание этой общественной группировки прогрессировало по мере убыстрения роста капитализма. В глазах идеологов разлагающегося мелкопоместного землевладения власть капитала приобретала облик основной классово-враждебной силы, и на борьбу с этим „сильнейшим, быть может, врагом человеческим" мобилизовались все ресурсы.

После окончившихся разрывом с радикальной журналистикой публицистических выступлений в „Библиотеке для Чтения" Писемский перешел к злободневному роману-фельетону,

создав один из первых по времени появления в русской литературе тенденциозный антинигилистический роман — „Взбаламученное море“. Роман этот, закрепивший за автором репутацию реакционера и изменника, расценивался современной критикой преимущественно со стороны антинигилистических выпадов. Однако клеветническая кампания против радикальной общественности и памфлетная зарисовка свидания с издателями „Колокола“ Герценом и Огаревым переплеталась с показом общественной деморализации, вызванной, в глазах писателя, вторжением капиталистических отношений. Все сцены „Взбаламученного моря“, действие которых приурочено к большому торговому и промышленному городу К***, должны были демонстрировать читателю беззастенчивость торговых и промышленных спекуляций, продажность газетчиков и разложение губернской администрации, выполняющей волю капиталистов и прикрывающей преступления и мошенничества откупщиков. Таким образом, в романе налицо две установки — антинигилистическая и антибуржуазная, причем в представлении Писемского оба врага патриархального землевладения — и революционер-разночинец и мошенник-капиталист — являются порождением одной стихии. Не случайно сыновья откупщика Галкина оказываются в романе типичными представителями радикального лагеря.

В одном из своих драматических памфлетов, комедии „Ваал“, Писемский дал четкую формулировку своей позиции по отношению к капитализму:

Клеопатра Сергеевна... Неужели купец не может быть хорошим и честным человеком?

Мирович. Нет, не может! Знаешь ли ты, что такое купец в человеческом обществе?.. Это паразит и заедатель денег работника и потребителя.

Клеопатра Сергеевна. Но нельзя же обществу быть совсем без купцов. Они тоже пользу приносят.

Мирович. Никакой! Все усилия теперь лучших и честных умов направлены на то, чтобы купцов не было и чтоб отнять у капитала всякую силу! Для этих господ скоро придет их час, и с ними, вероятно, рассчитаются еще почище, чем некогда рассчитались с феодальными дворянами.

Критика капиталистических отношений велась Писемским с реакционных по существу позиций и не могла примирить с ним революционную демократию. Резкость этой критики обусловила, однако, то, что творчество Писемского оказалось неприемлемым для широкой буржуазной аудитории, сорганизовавшейся в восьмидесятых и девяностых годах, а именно эта аудитория переоценивала на рубеже XIX и XX столетия наследие дворянской литературы. Писемский не был причтен к кругу „классиков“, а вместе с тем и изучение его творчества было отодвинуто в литературной историографии на второй и на третий план.

II

Задача объединения рассеянных по журналам художественных произведений А. Ф. Писемского, задача подготовки „полного собрания сочинений“ была в основных чертах выполнена самим писателем.

Раннее трехтомное издание „Повестей и рассказов А. Ф. Писемского“ (Москва, 1853), осуществленное М. П. Погодиным без участия автора, ни в какой мере не претендовало на полноту и явилось сборником вещей, опубликованных в „Москвитянине“. Ни ранний рассказ „Нина“, которым Писемский дебютировал в 1848 г. в „Сыне Отечества“, ни роман „Богатый жених“ и комедия „Раздел“, напечатанные в 1851—53 гг. в „Современнике“, в издание Погодина не вошли. В текстовом отношении „Повести и рассказы“ 1853 г. интереса не представляют, так как воспроизводят без всяких изменений журнальные редакции произведений Писемского. Больший интерес представляет подготовленный к печати самим Писемским томик „Очерков из крестьянского быта“ (С.-Петербург, 1856), хотя и здесь только один очерк „Леший“, подвергся авторской правке, два других — „Питерщик“ и „Плотничья артель“ повторяли журнальный текст. Следует кстати отметить, что только в издании 1856 г. фигурирует объединяющий заголовок „Очерки из крестьянского быта“ — в последующей перепечатке Писемский отказался от циклизации своих крестьянских рассказов.

За систематическую правку, местами весьма существенную, всего корпуса своих произведений Писемский взялся в период подготовки трехтомного собрания „Сочинений“, изданных Ф. Стелловским в С.-Петербурге в 1861 году. Этот трехтомник приближался по своему плану к типу „Полных собраний“. Если из него был исключен, по примеру прошлого издания, рассказ „Нина“, то он объединил без изъятия все дальнейшие публикации художественных произведений, повествовательных и драматических. Вошла в него и крупнейшая критическая работа Писемского — разросшаяся до размеров большой статьи рецензия на второй том „Мертвых душ“ Гоголя. Вне трехтомника 1861 г. остались „Путевые очерки“ и рецензии и заметки, печатавшиеся в „Библиотеке для Чтения“ и журнале „Искусства“, в котором Писемский работал с сентября по декабрь 1860 г. Как отмечалось, текст всех произведений, вошедших в издание Стелловского, подвергся более или менее существенной правке. Наиболее значительная переработка коснулась романа „Богатый жених“, впрочем, по особым причинам. Готовя в условиях спешной журнальной работы роман для „Современника“, Писемский перенес в него большие куски, целые главы из своего раннего, оставшегося под цензурным запретом романа „Виновата ли она?“ Этот

последний появился в 1858 г. в „Библиотеке для Чтения" под новым названием „Боярщина", а в 1861 г., включая оба произведения в свои „Сочинения", Писемский, естественно, должен был изъять из текста „Богатого жениха" страницы, органически связанные с ходом действия своего раннего романа.

Наблюдения над характером правки Писемским своих ранних вещей обнаруживают большую чуткость писателя по отношению к замечаниям дружеской и враждебной критики. Так, например, при редакционной переработке очерков из крестьянского быта Писемский послушно следовал указаниям Анненкова и Дружинина, трактовавших очерки как сельские идиллии, примиряющие с действительностью. Вместе с тем он учел и рецензию Чернышевского, удалив из окончательного текста как раз те места, на которые опирался критик революционно-демократического лагеря в своей полемике с Дружининым, демонстрируя „узкую мизантропическую тенденцию" Писемского, сказавшуюся в „преднамеренном зачернении действительности" при воспроизведении отношений крепостной деревни. Наблюдения над текстом издания 1861 г. обнаруживают также, что Писемский возвращался в редакционной работе к рукописям напечатанных произведений. Очевидно, по отметкам на автографах были восстановлены в трехтомнике Стелловского точные даты произведений, отсутствовавшие, как правило, в начальных публикациях.

Одновременно с выходом томов собрания „Сочинений" Стелловским были изданы отдельными книжками все основные произведения Писемского. Это издание не представляет, однако, никакого самостоятельного интереса, так как оно печаталось по набору „Сочинений" 1861 г. и ничем, кроме формата, от него не отличается.

В 1867 г. вышел четвертый, дополнительный том „Сочинений" в издании Ф. Стелловского. Помимо художественных произведений, напечатаных в журналах с 1861 г., в него вошли „Путевые очерки", публиковавшиеся в „Морском Сборнике" и „Библиотеке для Чтения" 1857—1860 гг., и некоторые из фельетонов Писемского: „Записки Салатушки", „Завещание моим детям", „Обличительное письмо из ада". Из пяти драматических произведений, написанных к концу 1866 г. („Бойцы и выжидатели", „Бывые соколы", „Птенцы последнего слета". „Самоуправцы", „Поручик Гладков"), в четвертый том „Сочинений" было включено только одно — трагедия „Самоуправцы"; публикации остальных препятствовали цензурные запреты. К редактированию текста четвертого тома „Сочинений" Писемский проявил ту же заботливость, что и к подготовке трех предыдущих. Так, например, очерки „Русские лгуны", опубликованные всего за год или полтора в „Отечественных Записках", подверглись существенной правке.

Чтобы закончить обзор прижизненных изданий, необходимо еще назвать сборник „Комедий, драм и трагедий“ Писемского, вышедший в Москве в двух частях в 1874 г. Это издание не представляет собою полного свода драматических произведений писателя — в него не вошли не только оставшиеся под цензурным запретом пьесы „Бойцы и выжидатели“, „Птенцы последнего слета“, но и напечатанные к 1874 г. пьесы „Самоуправцы“ и „Бывые соколы“. Не вошла в сборник и оставшаяся в рукописи трагедия „Милославские и Нарышкины“, написанная в 1867 г.

Четыре тома „Сочинений“ в издании Стелловского и два тома „Комедий, драм и трагедий“ 1874 г. дают дефинитивный авторский текст для подавляющего числа произведений Писемского. Дополнением к ним служат отдельные издания позднейших романов. „Люди сороковых годов“ (СПб., 1869), „В водовороте“ (три части, Москва, 1872), „Мещане“ (СПб., 1878), „Масоны“ (два тома, СПб., 1880—1881 гг.) и отдельные издания комедии „Финансовый гений“ (московское и петербугское, оба 1876 г).

При текстологической работе над Писемским, помимо прижизненных публикаций и изданий, необходимо учитывать первое посмертное издание „Сочинений“, осуществленное товариществом М. О. Вольф в 1883—1886 гг. в двадцати томах (переговоры о приобретении права издания Вольф начал с Писемским еще в 1878 г). При утрате большинства рукописей писателя издание это в ряде случаев приобретает характер первоисточника, так как при подготовке его был широко использован архив Писемского, предоставленный издательству вдовой писателя. Благодаря этому оказалось, например, возможным включение в состав „Русских лгунов“ запрещенных в свое время цензурой очерков „Кавалер ордена пур-ле-мерит“ (1-я редакция) и „Друг царствующего дома“ (в цензурной редакции, коренным образом измененной, — „Фантазерка“). В двадцатом томе издания были также впервые напечатаны остававшиеся в рукописи трагедии Писемского „Птенцы последнего слета“, „Милославские и Нарышкины“, „Бойцы и выжидатели“ и неоконченная пьеса „Семейный омут“. Остается, правда, не совсем ясным, насколько удачен был выбор редакций, положенных в основу публикации (ряд пьес дошел в нескольких рукописях, соотношение которых запутано). На это сомнение наводит то обстоятельство, что в первом издании Вольфа комедия „Подкопы“ была напечатана по рукописи в менее авторитетной редакции 4-й с измененным заглавием „Хищники“. Библиографическим курьезом является включение в это издание (а за ним и во все последующие), в качестве незаконченной пьесы Писемского, отрывка из стихотворной трагедии И. И. Лажечникова „Матери-соперницы“. (Первым обратил на это внимание А. П. Могилянский).

Объединив весь собранный самим Писемским корпус художественных произведений и пополнив его немногими журнальными публикациями (рассказ „Нина“, очерк „Капитан Рухнев“) и изданием непопавших своевременно в печать пьес, собрание „Сочинение А. Писемского“ не поставило себе задачи выявления и перепечатки журнальных работ писателя. В него были включены только статья о втором томе „Мертвых душ“ Гоголя и немногие фельетоны, внесенные самим автором в четвертый том издания Стелловского. По пути пополнения состава „Полного собрания сочинений“ журнальными работами пошло второе посмертное издание Вольфа 1895—1896 гг., в двадцати четырех томах. Здесь, в шестом томе, были перепечатаны из „Библиотеки для Чтения“ 1861—1862 гг. три фельетона, подписанные псевдонимом „Никита Безрылов“, и связанный с ними „Ответ Писемского“. Менее удачно было пополнение издания 1895—1896 гг. перепечаткой статей „Пребывание черноморцев в Москве“ и „Прием черноморцев в Астрахани“, присоединенных в качестве восьмой главы к „Путевым очеркам“. Обе эти статьи появились первоначально в „Морском Сборнике“ (1856, кн. 6, апрель), вторая, снабженная подзаголовком „Письмо в редакцию „Морского Сборника“ за полной подписью Писемского, первая анонимно. Это и ввело в заблуждение редакторов „Полного собрания сочинений“, хотя ближайшее ознакомление с содержанием первой статьи должно было бы привести к заключению о невозможности приписать ее Писемскому. Действительно, очерк „Пребывание черноморцев в Москве“ излагает хронику патриотических демонстраций в Москве с 16 по 29 февраля 1856 г., свидетелем которых Писемский не мог быть, так как находился в это время в Астрахани, что устанавливается, без дальнейших справок, датой письма „Прием черноморцев в Астрахани“, помеченного 27 февраля 1856 г. Этим эпизодом закончились попытки дополнения установленного фонда произведений Писемского. Правда, в библиографическом приложении к монографии о Писемском С. А. Венгерова, переизданной в 1911 г., отмечены, как принадлежащие писателю, три статьи, не входившие в собрания его сочинений: „Невинные размышления начинающего“ („Библиотека для Чтения“ 1861, кн. 11), „Пестрые заметки“ („Библиотека для Чтения“ 1862, кн. 2 и 4), „Письмо постороннего критика в редакцию нашего журнала по поводу книг г. Павлова и Нового поэта“ („Время“, 1861, кн. 1). Однако две первые принадлежат П. Боборыкину и подписаны его обычным псевдонимом „Петр Нескажусь“; что касается до „Письма постороннего критика“, то в сохранившихся конторских книгах журнала „Время“ Писемский не значится в числе сотрудников первой книжки 1861 г., а выступление его во „Времени“ кажется тем более сомнительным, что в конце 1860 г. он редактировал два журнала: „Библиотеку для Чтения“

и „Искусства“, в любом из которых мог напечатать свою статью.

В 1910—1911 гг. вышло третье посмертное „Полное собрание сочинений А. Ф. Писемского“ в издании „Товарищества А. Ф. Маркс“, в восьми томах, приложением к „Ниве“. Единственное расширение списка включенных в это издание произведений заключалось в перепечатке альбомного стихотворения Писемского „Когда Марлинского фрегат“..., опубликованного еще в 1883 г. в издании „Album de m-me Kozloff“. Со стороны текста „Полное собрание сочинений“ Писемского в изд. „Нивы“ представляется менее авторитетным, чем вольфовское, так как оно в ряде случаев возвратилось к ранним печатным редакциям, добровольно подчиняясь, таким образом, цензурным строгостям 60-х—70-х гг. Так, например, в составе „Русских лгунов“ восстановленные по рукописям первый вариант очерка „Кавалер ордена пур-ле-мерит“ и „Друг царствующего дома“ были заменены цензурными редакциями. С матриц издания „Нивы“ (заменены были лишь титульные листы и подклеены иллюстрации) было отпечатано в 1912 г. третье посмертное вольфовское „Полное собрание сочинений Писемского“.

Четырьмя охарактеризованными собраниями исчерпывается список дореволюционных посмертных изданий Писемского.

За последние 18 лет переиздавался ряд вещей А. Ф. Писемского. Издательством Театрального отдела Наркомпроса были выпущены отдельными брошюрами трагедии „Бывые соколы“ и „Птенцы последнего слета“ (Пгр. 1918 и 1919 гг.). Драма „Горькая судьбина“ вышла в 1923 году в издании „Театральной библиотеки Губполитпросвета МОНО“. Рассказ „Батька“ появился в серии „Библиотека для всех“ (№ 103—104, Л. „Прибой“ 1926). Из больших вещей был переиздан роман „Люди сороковых годов“ (М. „Земля и Фабрика“ 1928). Наконец, в 1932 году Государственным издательством художественной литературы был выпущен однотомник „А. Ф. Писемский. Избранные произведения. Статья и комментарии П. Беркова и М. Клемана, редакция текста К. Халабаева и Б. Эйхенбаума“. В состав книги вошли наиболее значительные повести и рассказы писателя („Тюфяк“, „Комик“, „Фанфарон“, „Старческий грех“, „Старая барыня“, „Капитан Рухнев“), его „Очерки из крестьянского быта“, часть „Путевых очерков“, цикл „Русские лгуны“, две пьесы („Ипохондрик“ и „Горькая судьбина“) и несколько фельетонов („Записки Салатушки“, „Обличительное письмо из ада“, „Завещание моим детям“). Из романов Писемского в однотомнике напечатаны только „Богатый жених“ и четыре главы из „Людей сороковых годов“. В комментарий к однотомнику, составленный с привлечением неизданной переписки романиста, включена краткая биографическая „канва“, библиография его

произведений и перечень писем. Тексту однотомника предпослана статья „Литературный путь Писемского“.

Как уже отмечалось, редакторы первого вольфовского собрания „Сочинений“ получили от Е. П. Писемской архив писателя, сохранявшийся в большей или меньшей сохранности издательством в течение нескольких десятилетий. Основная часть этого архива, повидимому, погибла при пожаре в книжном магазине и конторе Вольфа в 1918 г. В состав архива входили не только рукописи произведений Писемского, но и часть его переписки и кое-какие биографические материалы. Некоторое представление о первоначальном объеме и составе литературного архива Писемского дают сохранившиеся ранние свидетельства.

Подбор биографических документов о Писемском был предпринят вдовой и сыном писателя вскоре же после его смерти. 7 октября 1881 г. П. В. Анненков, готовясь к работе над статьей „А. Ф. Писемский, как художник и простой человек“, обратился за рядом справок к Е. П. Писемской.

„Я часто думал о покойном Алексее Феофилактовиче и пришел к заключению, что на обязанности его друзей лежит труд составления характеристики этого высоко-талантливого и благородного человека. Я решился сказать о нем все что знаю, но для этого мне нужны еще следующие сведения, которые от Вас и ожидаю. 1) Когда впервые приехал он в Петербург, когда переехали Вы туда же с семьей, что он писал в это время, где жил и в каком настроении находился. 2) Когда продал он Стеллов<скому> свои сочинения, за сколько и где были напечатаны „Тысяча Душ“. 3) Когда принял он издание „Библ. для чтения“, какие столкновения понудили его покинуть Петер<бург> — и поселиться в Москве и в котором году. 4) Если можно, то сообщите несколько биографических черт из его молодости, службы и пребывании в Костроме“.

Обилие доставленного материала смутило Анненкова. 28 октября он писал Е. П. Писемской:

„Примите мою глубочайшую благодарность и таковую же передайте Павлу Алексеевичу за присылку дорогого справочного материала для биографии незабвенного Алексея Феоф<илактовича>. В выборе его видна очень опытная рука, напавшая именно на то, что может быть нужно автору намеченного труда, но здесь я должен предупредить и Вас и его, что ничего подобного серьезной биографии покойника я писать не намереваюсь. Для этого нужно бы было собрание множества житейских подробностей, которые получаются только на месте, — а за тем еще прочтение во второй раз всего написанного лицом, чего я, конечно, не могу сделать в Бадене. Во избежание недоразумений я считаю нужным передать Вам эти соображения теперь же, чтобы не мешать никому в составлении

биографии покойника и свести Ваши ожидания на умеренные размеры, соответственно действительности. Мое дело заключается собственно в передаче „воспоминаний“ о покойнике и в изображении его симпатической фигуры так, как она мне представлялась в промежуток моего наиболее близкого знакомства с ней, — т. е. в петербургский период жизни Писемского. Периода этого достаточно, чтобы определить с некоторой достоверностию нравственные качества его и те богатства души, мысли и таланта, которые лежали в основе его природы, что я и постараюсь сделать. Документы, Вами присланные, облегчат мне работу эту в значительной степени.“

Два цитированные письма (автографы их хранятся в Рукописном отделении Пушкинского Дома) обнаруживают источник информации П. В. Анненкова для его статьи о Писемском, они дают также некоторое представление о документальной части архива писателя. Биографические материалы, от использования которых отказался Анненков, были переданы С. А. Венгерову, которому был заказан вступительный очерк к первому посмертному вольфовскому изданию сочинений. Работа С. А. Венгерова, дававшая неприемлемо резкую с точки зрения родных и близких писателя литературно-бытовую характеристику Писемского, была уже по отпечатании первого тома сочинений вырезана из него и заменена статьей П. В. Анненкова (попадаются экземпляры первого тома „Сочинений“ 1883 г. со статьей С. А. Венгерова — один такой экземпляр хранится в Библиотеке Академии Наук СССР). В вышедшей отдельным изданием в 1884 г. монографии Венгерова приводится список рукописных источников, характеризующий документальную часть архива Писемского.

„Кроме печатных источников... мы при составлении очерка пользовались:

а) Нигде еще не напечатанною краткою автобиографиею Алексея Феофилактовича, содержащею в себе некоторые довольно ценные сведения, хотя, к сожалению, она и обрывается годом женитьбы (1848 г).

в) Письмами Алексея Феофилактовича к разным лицам за период с 1875 г. до самой смерти. Писемский имел обыкновение (по крайней мере за последние годы своей жизни) писать свои письма сначала начерно. Для этого имелись у него особые брульоны. И вот два таких больших брульона, обнимающие всю переписку в означенный период, были весьма любезно предоставлены в наше распоряжение вдовою Алексея Феофилактовича — Екатериною Павловною...

с) Довольно обширным собранием писем разных лиц к Алексею Феофилактовичу, тоже предоставленным нам Екатериною Павловной. Они относятся, по преимуществу, к семидесятым годам, но есть и более ранние. Больше всего (до 30)

писем в этом собрании — от Ив. Серг. Тургенева, с которым покойный был очень дружен, и от П. В. Анненкова, тоже одного из ближайших друзей Алексея Феофилактовича и автора весьма любопытных воспоминаний о нем. Писемский очень дорожил мнением г. Анненкова. Пока он жил в Петербурге, он всегда г. Анненкову и покойному Дудышкину первым читал свои произведения.

Имеется затем в этом собрании много любопытных писем от И. А. Гончарова, гг. Авсеенко, Лескова, г-жи Ольги Киреевой, от разных издателей журналов, обращавшихся к Писемскому за сотрудничеством: гг. Микешина, Ф. Берга, Кашпирева, Хана и др.; есть небольшие письма от Льва Толстого, Алексея Толстого, Лажечникова, кн. Вяземского. Правда, вся эта обширная переписка, представляющая не малый литературно-исторический интерес, больше имеет значения для характеристики авторов писем, нежели для характеристики Писемского, но некоторые сведения можно отсюда извлечь и для непосредственной биографии Алексея Феофилактовича".

При переиздании своей монографии о Писемском (в пятом томе „Собрания сочинений", СПб. 1911) С. А. Венгеров заключил приведенный список сообщением: „Все названные рукописные материалы составляют собственность т-ва М. О. Вольф".

В работе о Писемском С. А. Венгеров использовал имевшиеся у него под руками документы довольно скупо. В книгу были введены большие цитаты из автобиографии Писемского, целиком было напечатано по черновику большое принципиального интереса письмо к Буслаеву и процитировано в отрывках из „брульонов" около двух десятков писем к П. В. Анненкову, В. А. Басову, Е. И. Бларамберг, Губернатису, В. Дерели, С. В. Максимову, П. А. Писемскому, И. С. Тургеневу и фотографу Шапиро. Из писем Писемскому Венгеров привел только три отрывка: отзывы о романе „В водовороте" Н. С. Лескова и Анненкова — о комедии „Просвещенное время".

Архив Писемского в части, перешедшей от семьи писателя к т-ву Вольф, явился на протяжении тридцати лет основным источником публикаций документального порядка.

С. Либрович, под псевдонимом „В. Русаков", напечатал в журнале „Новь" (1889, № 5) начало автобиографии Писемского, присоединив к ней био-библиографического характера справки из писем к Дерели, М. П. Дмитриеву и А. Губернатису. Либровичу оставалась, однако, неизвестной наиболее ранняя автобиографическая справка, напечатанная без подписи и с небольшими редакционными изменениями в „Русском Художественном Листке" (1859, № 14) — автограф ее хранится в Рукописном отделении Государственной Публичной Библиотеки в Ленинграде. Из двух черновых тетрадей

(„брульонов“) Писемского Либровичем были извлечены и напечатаны в „Нови“ 1888—1895 гг. его письма к П. В. Анненкову (5 писем), И. А. Гончарову (2), В. Дерели (18), А. А. Краевскому (2), А. Н. Майкову (1), С. В. Максимову (1), М. О. Микешину (1), И. С. Тургеневу (9). Эти публикации, охватывающие письма периода 1875 — 1880 гг., были повторены с некоторыми дополнениями в первом томе „Полного собрания сочинений А. Ф. Писемского“ 1895 г., а оттуда перешли в последующие издания. Одновременно с публикацией писем Писемского С. Либрович предпринял печатание писем, ему адресованных. В „Нови“ и „Известиях книжных магазинов т-ва М. О. Вольф“ были обнародованы письма и записки к Писемскому П. В. Анненкова („Новь“ 1888, № 20), И. А. Гончарова („Новь“ 1891, № 13—14; „Известия“ 1900, № 12), В. В. Кашпирева („Новь“ 1890, № 7), И. И. Лажечникова („Известия“ 1899, № 9—10), Н. С. Лескова („Новь“ 1895, № 9), М. О. Микешина („Известия“ 1913, №№ 5 и 6), А. В. Никитенко („Новь“ 1890, № 7), А. В. Прахова („Известия“ 1913, №№ 5 и 6), А. К. Толстого („Известия“ 1900, № 10—11), Л. Н. Толстого („Известия“ 1898, № 1), И. С. Тургенева („Новь“ 1886, № 23).

Сопоставляя опубликованные материалы с краткой описью архива Писемского, данной С. А. Венгеровым, приходится установить: 1) в состав фонда, поступившего в распоряжение т-ва М. О. Вольф, входили документы, относящиеся к концу шестидесятых и к семидесятым годам, 2) материалы из него были опубликованы далеко не полностью.

Весь этот эпистолярный фонд погиб при пожаре в 1918 г., за исключением „брульонов“ — черновых тетрадей с письмами 1875—1880 гг., один из которых (поздний) поступил от вдовы П. В. Быкова в Рукописное отделение Института Литературы Академии Наук СССР, а второй принадлежит А. П. Могилянскому.

Небольшое число писем Писемского, извлеченное из других фондов, появлялось в печати в разных изданиях начиная с 1882 г. — письма к Е. И. Бларамберг (9 писем), П. А. Валуеву (1), И. Ф. Горбунову (1), Н. А. Некрасову (5) А. В. Никитенко (2), О. А. Новиковой (1), И. А. Норденстрему (1), П. А. Плетневу (3), А. Л. Потапову (1), Т. Г. Шевченко (1), С. П. Шевыреву (1). Значительнее по объему были публикации в отрывках писем к М. П. Погодину (59 отрывков) и, наконец, полностью сохранившегося фонда писем к А. Н. Островскому (66 писем). В общей сложности за пятьдесят с лишком лет, истекших со смерти Писемского, в печати появилось полностью и в отрывках не больше 170 его писем.

Между тем в архивных хранилищах СССР накапливался значительный документальный материал о Писемском,

в несколько раз превышавший опубликованное эпистолярное наследие. Достаточно перечислить наиболее крупные фонды — письма к Б. Н. Алмазову (26), П. В. Анненкову (59), А. В. Дружинину (16), А. А. Краевскому (40), А. А. Майкову (10), А. Н. и А. И. Майковым (14), И. С. Тургеневу (11), Е. Н. Эдельсону (11). К этому перечню следует добавить более сотни разрозненных писем к десяткам адресатов. Наконец, в черновых тетрадях Писемского оказалось более 450 неопубликованных его писем.

В худшей сохранности дошли до нас рукописи художественных произведений Писемского. Из крупных вещей известны автографы романов „Взбаламученное море" (Государственная Публичная Библиотека в Ленинграде), „Мещане" (Государственная Публичная Библиотека им. В. И. Ленина в Москве), „Масоны" (черновая редакция — в Москве в Ленинской Библиотеке, беловая—в Ленинграде, в Публичной Библиотеке, кроме того в Пушкинском Доме имеется том черновых материалов к этому роману). Из рассказов Писемского дошли в автографах: „Батька" (Государственная Публичная Библиотека в Ленинграде), „Старческий грех" (цензурная копия, Институт Литературы Академии Наук СССР), три редакции очерка „З. С. Грудина" (там же) и в корректурном оттиске очерк „Друг царствующего дома" (Ленинградское отделение Центрального Исторического Архива). Лучше представлено автографами драматическое наследие Писемского. В Москве, в Государственной Публичной Библиотеке им. Ленина хранится беловой автограф пьесы „Бывые соколы" и черновые рукописи пьес: „Бойцы и выжидатели", „Птенцы последнего слета", „Финансовый гений", „Бывые соколы", „Старые счеты"; в Ленинграде, в Государственной Публичной Библиотеке черновой автограф пьесы „Старые счеты", наконец, третья черновая рукопись той же неоконченной пьесы „Старые счеты" хранится в Институте Литературы Академии Наук СССР; в собрании А. П. Могилянского имеется беловая рукопись пьесы „Подкопы". Большое число театральных списков пьес Писемского, шедших на б. императорской сцене, хранится в Центральной Библиотеке Русской Драмы.

Весь этот материал никогда еще не подвергался систематическому изучению и ждет своего исследователя.

Из приведенного обзора изданий Писемского и наличного документального материала о нем выясняются очередные задачи в деле изучения писателя — публикация всего фонда его эпистолярного наследия, представляющего надежную фактическую основу для исследования творчества автора „Тысяча душ", и завершение собирания его художественных, публицистических и критических работ. Выполнение первой из этих задач и ставит себе настоящий сборник.

М. Клеман

ПИСЬМА

1840—1880

1. РЕКТОРУ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

⟨13—31 июля 1840 г., Москва⟩

Его Высокоблагородию

Господину Ректору Университета Заслуженному Профессору Статскому Советнику и Кавалеру Михаилу Трофимовичу Коченовскому

Из дворян Алексея Феофилактовича *Писемского*

ПРОШЕНИЕ

Родился я из дворян, от роду имею 19 лет, вероисповедания Греко-Российского, обучался в Костромской Губернской Гимназии, ныне имею желание для усовершенствования себя в науках поступить в императорский Московский Университет по Второму отделению Философского Факультета, — почему честь имею просить Ваше Высокородие подвергнуть меня надлежащему испытанию и допустить к слушанию Профессорских лекций.

При сем прилагаю следующие документы:

Аттестат, выданный мне из Костромской Гимназии, за надлежащим подписанием от Июля 2-го дня, 1840 года, за № 977.

Копию с Протокола Костромского дворянского депутатского собрания о дворянском моем происхождении, выданное от февраля 20-го дня, 1840 года, за № 177.

Метрического свидетельства в настоящее время не имею при себе и обязуюсь оное представить в скорейшем времени.

К сему прошению из дворян кончивший курс в Костромской Гимназии Ученик *Алексей Феофилактович Писемский* руку приложил

Июля 13-го дня
1840-го года.

В дополнение доставленных мною документов имею честь доставить метрическое свидетельство Костромской Духовной Консистории от 24 Июля 1834 года за № 4501.

Алексей Писемский

1840 года, 31 Июля.

2. *С. П. ШЕВЫРЕВУ*

13-го марта 1847 г., Галич

Почтенный вашим милостивым вниманием, осмеливаюсь я представить вам мой небольшой рассказ: „Нина“ и покорнейше просить вас напечатать его в каком-нибудь журнале. Имея в виду фельетон я стеснил в развитии и конечно не исчерпал всей задачи, а только в намеках выразил мою мысль. Повесть мою: „Виновата ли она?“ — я, сообразно с вашими замечаниями, значительно изменил, а именно: смягчил и облагородил, по возможности, многие сцены; а главное, обратил внимание на характер Ваньковского (мужа моей героини) и, если можно так выразиться, очеловечил его: Ваньковскому неудается уже произвести над женою следствия, повредить Шамилову; ему противодействует князь. Он бесится, страдает, пьет, вследствии последнего обстоятельства делается болен, и он уже жалок, хоть и ужасен. Повесть эту я не посылаю, потому, что боюсь обеспокоить вас, но все-таки осмеливаюсь прибегнуть к вам с моею покорнейшею просьбою, представить вам ее в непосредственное ваше распоряжение. Мне желалось бы этот рассказ напечатать в каком-нибудь петербургском журнале, т. е., в „Отечественных Записках“, „Современнике“ или „Библиотеке для Чтения“; послать прямо в редакцию, — но имя мое неизвестно, очень естественно, что его даже не прочтут. Примите, Степан Петрович, по доброте вашей участие почти в судьбе моей, за это наградит вас бог, потому что я прошу вас об этом не столько как автор, сколько как человек: я пишу давно, пишу, манкируя моими практическими обязанностями, но труды мои были келейные и ни разу не венчались успехом, и потому я еще не знаю, есть ли это мое истинное призвание, хоть почти всем для этого жертвую. С таким-то важным вопросом обращаюсь я к вам, — ваше покровительство некоторым образом разрешит его и ободрит меня в дальнейших моих занятиях. Матвей Григорьевич <По-

пов⟩, которому вместе с сим я пишу письмо, не откажется, по своему расположению, уведомить меня о вашем позволении, прислать к вам мою: „Виновата ли она?“.

За сим имею честь пребыть с глубочайшим моим почтением, ваш покорнейший слуга...

3. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

⟨7 апреля 1850 г., Кострома⟩

Достопочтенный наш Автор Банкрута!

Если Вы хоть немного помните вашего старого знакомца Писемского, которому доставили столько удовольствия чтением еще в рукописи вашей комедии, то можете себе представить, с каким истинным наслаждением прочитал я ваше произведение, вполне законченное. Впечатление, произведенное вашим Банкрутом на меня, столь сильно, что я тотчас же решил писать к Вам и высказать нелицеприятно все то, что чувствовал и думал при чтении вашей комедии: основная идея ее развита вполне, — необразованность, а вследствие ее совершенное отсутствие всех нравственных правил и самый грубый эгоизм [резко обнаруживается в каждом лице и все события пиэсы условливаются тем-же бесчестным эгоизмом т. е. замыслом и исполнением ложного банкрутства. Ваш [серьезный] глубокой юмор, столь знакомый мне, проглядывает в каждом монологе. Драматическая сцена посаженного в Яму Банкрута в доме его детей, которые грубо отказываются платить за него, превосходна по идее и по выполнению. Искусный актер в этом месте может заставить плакать и смеятся. Самое окончание, где подъячий, обманутый тем же Подхалюзиным, инстинктивно сознавая свое бессилие перед официально-утвердившимся тем же подлецом Подхалюзиным, старается хоть перед театральной публикой оконфузить его, продумано весьма удачно. Вот Вам то, что я чувствовал и мыслил при первом чтении вашей пиэсы; но потом я стал вглядываться внимательнее в каждую сцену и в каждой характер: Липочка в I-м своем монологе слишком верно и резко знакомит с самой собою; сцена ее с матерью ведена весьма искусно бестолково, как и должны быть сцены подобных полудур; одно только: зачем Вы мать заставили бегать за танцующей дочкою? Мне кажется это несовсем

верно: старуха могла [у]дивится, жалеть на дочь, бранить ее, но не бегая. Вы конечно имели в виду театральную сцену и зрящий на нее партер. Бестолково-многоречивая и вероятно хлебнувшая достаточно пива Фоминишна очень верна. Про Устинью Наумовну и говорить нечего, — я очень хорошо помню этот глубоко-сознанный Вами тип из ваших рассказов. — Ее поговорки: серебряный, жемчужный, брильянтовой, как нельзя лучше обрисовывают эту подлянку. Р и с п о л о ж е н с к и й — и этот тип я помню в лице безместных Титюлерных Советников, стоящих обыкновенно у Иверских ворот, и столь любезных сердцу купеческому адвокатов, великолепно описывающих в каждом прошении все доблестные качества своего клиента и неимоверное количество детей. В том месте, где Рисположенский отказывается пить вино, а просит заменить его водкою, он обрисовывает всю его многопутную, грязную жизнь, приучившую его, на перекор чувству вкуса, исключительно к одной только водке. Главное лицо пиэсы Большов, а за ним Подхалюзин, оба они похожи друг на друга. Один подлец старый, а другой подлец молодой. Старость одурила Большова, затемнила его плутовские очи и он дался в обман одному, думая обмануть и удачно обманывая прежде 100 людей. — Сколько припомню, — у вас был монолог Большова, в котором высказывал он свой план, но в печати его нет; а жаль; мне кажется он еще яснее могбы обозначить личность Банкрута, высказав его задушевные мысли, и кроме того уяснил-бы самые события пиэсы. Но как бы то не было, — кладя на сердце руку, говорю я: Ваш Банкрут — купеческое Г о р е о т У м а, или точнее сказать: купеческие М е р т в ы е д у ш и.

Пишу к Вам это письмо, не помня хорошенько адресса вашего, на русское авось: дойдет; а вместе с тем присоединяю к Вам мою покорнейшую прозьбу, напишите мне, бедному служебному труженику, хоть несколько строк, скажите мне, так-ли я понял ваше произведение, довольны-ли Вы сами им вполне. Письмо ваше доставит слишком много удовольствия человеку, делившемуся прежде с Вами своими убеждения<ми>, а ныне обреченному волею судеб на убийственную жизнь провинциального чиновника; человеку, которой по несчастию до сих пор не может убить в себе бесполезную в настоящем положении энергию духа. О собствен-

ных моих творениях я забыл, хоть они и лежат вполне оконченные. Адресс мой: Алексею Феофилактовичу Писемскому в г. Кострому, Чиновнику Особых Поручений при Военном Губернаторе. — Каждую почту буду ожидать вашего ответа, в каковой надежде и пребываю

любящий и уважающий

Вас

А. Писемский

1850 г.
Апреля 7-го

Если Вы будите писать ко мне, то припишите Ваш адресс по полнее и поточнее.

4. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

⟨21 апреля 1850 г., Кострома⟩

Посылаю Вам, почтенный мой А. Н., произведение мое на полное Ваше распоряжение. Делайте с ним, что хотите. Я его назвал: Семейные Драмы; но если это заглавие или, лучше сказать, что бы то не было в моем творении будет несообразно с требованиями цензуры, или с духом журнала, — перемените, как хотите и что хотите. Роман мой назовите: просто Бешметев, Тюфяк, или каким Вам будет угодно окрестите названием. Главная моя мысль была та, чтобы в обыденной и весьма обыкновенной жизни обыкновенных людей раскрыть драмы, которые каждое лице переживает по своему. Ничего общественного я не касался и ограничивался только одними семейными отношениями. Я посылаю только первую часть моего романа, но Вы поручитесь редакции, что я вышлю при первом Вашем требовании и вторую, т. е. последнюю часть, которая уже в черне написана, но не отделана окончательно; а оканчивать ее совершенно во мне не достает силы воли, так как я на этом поприще уже много трудился бесполезно. Но если редакция не доверит и будет требовать второй части, напишите, и я не замедлю ее выслать. Характеры моих героев я понимал так: главное лице Бешметев. — Это личность по натуре полная и вместе с тем лишенная юношеской энергии, видимо не сообщительная и получившая притом весьма одностороннее, исключительно школьное образование. В первый раз он встречается с жизнию, по выходе из университета и по приезде домой. Но жизнь

эта его начинает не развивать, а терзать; и затем он не имея никого и ничего руководителем — [и] начинает делать на житейском пути страшные глупости, оканчивающиеся в первой части безумною женитьбою. Прочие характеры, как я думаю, достаточно объясняют сами себя.

В произведении моем, опять повторяю, Вы можете изменить, выпустить, прибавить все, что найдете нужным по требованию цензуры. В практическом отношении, я прошу Вас, если возможно, продать его и тоже за сколько возможно. Это может меня убедить в достоинстве моего творения. Жду от Вас ответа, и в настоящее время думаю исключительно об вас, моих Московских, незаменимых собеседниках, и жду ваших писем, как некогда ждал чувствительных посланий от прекрасного пола.

Любящий и уважающий

Вас

Алексей Писемский

1850 г.
Апреля 21-го.
Кострома.

5. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

⟨27 июня 1850 г., Кострома⟩

Почтеннейший Александр Николаевичь!

Приношу мою искренную благодарность за ваш авторский подарок, который я не примину приняться тотчас же перечитывать. На счет моего романа, — то он совершенно в вашей власти; назначьте ему цену сами, по крайней мере, не менее того, что дается за переводы, которым, кажется, цена семь рубл. серебром за печатный лист. Вы пишете, что в половине июля будете в нашей Костроме, — с несказанным нетерпением буду ждать удовольствия увидеться с вами. Найдти меня в Костроме не трудно: я живу в Ивановской улице в доме Третьякова. Вторую часть я не успею выслать до Вашего отъезда из Москвы; но Вы заверьте редакцию, что я не замедлю выслать и вторую, — пусть она мой роман принимает, цензорует и печатает. Надеюсь, что по приезде в Кострому вы не замедлите мне доставить удовольствие Вас видеть, и еслиб даже меня не было дома, то сказать

Вашу фамилию — и меня сейчас отъищут. Затем желаю вам доброго здоровья. Имею честь пребыть

покорнейшим слугою

Алексей Писемский

Еще утруждаю вас моею покорнейшею просьбою переговорить до Вашего отъезда с Погодиным в отношении условий, а также и о том, когда я должен буду представить вторую часть.

1850
июня 27

6. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

⟨16 ноября 1850 г., Кострома⟩

Милостивый Государь,

Александр Николаевичь!

Роман мой наконец весь вышел в свет, — приношу Вам мою искренную благодарность за принятое Вами в этом деле участие и вместе с тем обращаюсь к Вам с покорнейшею прозьбою докончить его и попросить редакцию разщитатся со мною, так как для меня это один из важнейших вопросов, тем более, что я нуждаюсь и в деньгах, то о сем предмете я крепко беспокоюсь; [добрейший] бога ради, Добрейший А⟨лександр⟩ Николаевичь, уведомьте меня, когда и каким образом я получу *гонорарию* по 20 р. сер. за лист и будет-ли роман печататься отдельно.

Еще раз повторяю мою покорнейшую прозьбу обязать меня вашим ответом и успокоить волнующееся корыстию сердце. — Затем с истинным моим почтением пребываю

Покорным слугой

А. Писемский

1850 г.
Ноября 16-го.

На святках буду сам в Москве и принесу Вам за ваши хлопоты личную благодарность.

7. А. Д. ГАЛАХОВУ

〈16 ноября 1850 г., Кострома〉

Милостивый Государь,
Алексей Дмитревичь!

Приношу мою чувствительную благодарность за доставление 1-ой части моей Виновата-ли она? и вместе с тем изъявляю полную готовность на лестное для меня участие в Отеч. Записках; написано у меня много, но ничего не приведено в окончательной вид, а это для меня самый продолжительной и самый скучной труд. Теперь у меня готовится два расказа—1-й) Брак по страсти и 2-й) Никитушка. — Я сам думаю побывать в Москве и тогда оба расказа лично представлю на ваше благоусмотрение. Все это время мои литтературные занятия, по случаю огромного количества служебных трудов, были совершенно почти приостановлены, но теперь я получил другое место члена Губер. Правления и потому имею гораздо более времени.

Затем принося мое усердное почтение пребываю

готовый к услугам
А. Писемский

1850 г.
Ноября 16-го.

8. А. Д. ГАЛАХОВУ

〈1 декабря 1850 г., Кострома〉

Милостивый Государь
Алексей Дмитревичь!

В прошлом письме моем я изъявлял уже Вам мою искренную благодарность за присылку моей повести: Виновата-ли она и вместе с тем мою готовность участвовать в Отечественных Записках: не знаю, получили ли Вы его? В половине или конце нынешнего мца я могу выслать 1-ю часть моего Романа: Брак по страсти; а в половине Генваря 2-ю и последнюю. — Но только куда и каким образом я могу ее доставить, о чем и прошу вас меня уведомить и еще также прошу вас разрешить, роман по своему ходу должен, непременно должен кончится тем, что женившиеся по страсти должны непременно разъехаться — то возможно-ли это и про-

пустит-ли цензура. [Содержан] Главная мысль Романа насмешка над мелкими натурами, претендующими на любовь. В ожидании вашего обязательного для меня ответа пребываю покорный к услугам

А. Писемский

1850 г.
Декабря 1-го

Адрес мой: в Г. *Кострому*: Алексею Феофилактовичу Писемскому.

9. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

〈26 декабря 1850 г., Кострома〉

Любезный Друг,
Александр Николаевичь!

Первое мое слово будет то, что я на Вас посердился немного, а главное огорчился вашим молчанием, которое некоторым образом отнимало у меня руки на литтературную деятельность. Принять участие я искренно желаю в вашем альманахе, но не знаю, успею-ли что-нибудь изготовить для него. Есть у меня в начатке рассказ Комик, но я его ранее половины или конца февраля не могу окончить. Уведомьте меня и уведомьте, когда имянно думаете издать альманах, чтобы я соображаясь со временем мог расспорядиться. И вот еще к вам одна моя прозьба: вы, может быть, помните мою повесть: Виновата-ли она?—Ее не пропустила Петербургская цензура; но я отчасти переделаю ее, т. е. переменю заглавие, уничтожу резкие сцены; не пропустят-ли ее в Москве. Я готов ее напечатать, где вам угодно, — в вашем Альманахе, в Москвитянине, но только-бы она не валялась; мне ее жаль, хоть я немного из нее и вырос.

Обо всем этом прошу вас меня уведомить с первою же почтою, потому что на основании вашего ответа я буду располагать мои труды — и вместе с тем прошу вас сказать при свидании Немчинову, что и на его крепко посерживаюсь за молчание. Затем желая всего лучшего вам остаюсь

ваш слуга
А. Писемский

1850 г.
Декабря 26-го.

В Москву я вряд-ли попаду этим путем, — оному противоречит многое и потому прошу вас не забывать меня письмами.

10. М. П. ПОГОДИНУ

⟨6 марта 1851 г., Кострома⟩

Милостивейший Государь,

Михайло Петрович!

Около трех недель, как я возвратился в богохранимый град Кострому, и до сих пор не успел еще поблагодарить Вас за радушный Ваш прием, которым я пользовался в бытность мою в Москве. Литературная моя деятельность уже началась: первое действие Ипохондрика написано, но он впрочем отложен покудова в сторону; Комик скипит как раз. Кроме того, хочется послать что нибудь в Отечественные Записки. Не знаю, как мне все это бог поможет; по 1-е Мая мне хочется все это кончить, а там на свободе приняться снова за мою комедию. Вместе с этим письмом я писал в редакцию Москвитянина о высылке мне Отечественных Записок и Современника. Распорядитесь и Вы, почтеннейший Михайло Петрович, я здесь очень затрудняюсь в доставании журналов. Четырнадцатое Марта приготовляется огромное событие в Костроме: открытие памятника царю Михаилу Феодоровичу Романову и поселянину Сусанину, приготовляется большая церемония. Я вам опишу ее. Поклонитесь при свидании Островскому, и скажите, что я его жду в Кострому.

Затем с истинным моим почтением пребываю

покорнейшим слугою

Алексей Писемский

1851 г.
Марта 6-го

11. М. П. ПОГОДИНУ

⟨отрывки⟩

⟨27 марта 1851 г., Кострома⟩

... Посылаю вам нашу газетную статью об открытии в Костроме памятника; самому мне писать некогда, охотников нашлось и без меня много, да и, пожалуй, будут из одного куста разные ветви; но главная моя просьба состоит в том, чтобы вы напечатали эту статью и поскорее, т. е. в первой выходящей книге; на стряпанье не взыщите, какое есть. О напечатании в самоскорейшем времени в вашем журнале меня

просил мой начальник, а вы вероятно сами знаете, что значит угодить и не угодить начальнику. Статью эту намерены послать и в прочие журналы, но в вашем она, по моему рассчету, должна выдти раньше прочих...

... Мысль его ⟨романа „Москвич в Гарольдовом плаще“⟩ понятна, — это великая личность Печорина, сведенная с ходуль на землю...

12. А. Д. ГАЛАХОВУ

⟨27 марта 1851 г., Кострома⟩

Милостивейший Государь
Алексей Дмитревичь!

Питая в душе самое искреннее желание поместить мою статью в Отеч. Запис⟨ки⟩ я тотчас же по приезде из Москвы принялся за работу и в настоящее время написал целой Роман под заглавием: Москвичь в Гарольдовом плаще. Мысль его понятна; на следующей неделе я вышлю его к вам — он не кончен только тем, что не выправлены ошибки писца; затем принося мое усердное почтение и вместе с тем благодаря за ваш радушной меня прием в Москве остаюсь

Покорный к услугам
Алексей Писемский

1851
Марта 27-го.

13. А. А. КРАЕВСКОМУ

⟨4 апреля 1851 г., Кострома⟩

Милостивый Государь,
Андрей Александровичь!

Алексей Дмитревичь Галахов, по письму вашему, предлагал мне участвовать в Отечественных Записках. — В настоящее время у меня написан роман: Москвичь в Гарольдовом плаще, которой и имею честь вам доставить. Условия с моей стороны нижеследующие: цену за него я желаю получить пятьсот руб. серебром не полистно, а за всю рукопись. По величине своей этот роман не менее последней моей повести Брак по страсти, за которую я получил от Москвитянина 800 р. серебром. — Деньги получить мне

тотчас по напечатании и выслать ко мне в г. Кострому. Желал-бы очень, чтобы в тексте ничего не было выпущено и, по возможности, не изменено — разве только по требованиям цензуры, чего впрочем не предполагаю. Извиняюсь, что посылаю рукопись в таком грязном виде, если переписывать, то наши скорописцы снова наврут, и снова нужно будет марать. Журнал ваш, вероятно, пользуется правом представлять в цензуру корректуру и которая у вас, как я мог заметить, гораздо лучше, чем в Москвитянине. Еще моя большая прозьба состоит в том, чтобы Вы поскорее почтили меня ответом, как о получении моего романа, так и о том принят-ли он вами по своему литтературному достоинству и по цене его, так как в противном случае должен буду спешить дать ему другое назначение. Адрес мой: *Его В-ю Алексею Феофилактовичу Писемскому в г. Кострому*. — Заглавия каждой главы, если вы найдете неудобным, можно уничтожить: я написал их так... для форсу...

Затем ожидая вашего обязательного ответа остаюсь с полным моим уважением

Покорный к услугам
Алексей Писемский

1851 года.
Апреля 4-го.

14. А. Н. ОСТРОВСКОМУ, Т. И. ФИЛИППОВУ и Е. Н. ЭДЕЛЬСОНУ

〈Около 8 апреля 1851 г., Кострома〉

Христос воскресе!

Любезные и милейшие Друзья,
Александр Николаевичь, Тертий Иваныч и Евгений Николаевичь!

После разного рода хлопот семейных, служебных и авторских я, наконец, собрался к вам написать — в дни покаяния и поста я очень много нагрешил литтературно: во 1-х) написал уже полтора действия Ипохондрика, во 2-х) более половины Комика и наконец в 3-х) целый роман: Москвичь в Гарольдовом плаще. О содержании его вы конечьно догадываетесь по заглавию; но все-таки я хочу вам сказать несколько слов о нем — а это может быть послужит для соображения Евгения Николаевича, который захочет м. б. ска-

зать о нем несколько слов (я его помещу в Отеч. Записках). В декабрской книжке 1850 г. этот журнал, разбирая моего Тюфяка, между прочим [сказал] заметил, что Бахтиаров разоблаченная претензия на Печорина; это совсем неверно: Бахтиаров не прет<ен>дует на разочарование, но он, в самом деле, пресыщен — это стареющийся эпикуреец и эпикуреец с небольшими деньгами; женщины его только раздражают, как больного обжору новинка; но другое дело сам Герой нашего времени и его претенденты — это народ еще очень молодой, немного даже поэты в душе, они очень любят женщин, общество и славу, но не показывают этого, потому что все это или не совсем им доступно, а если и есть что в руках, то в таких микроскопических размерах, что даже совестно признаться, что подобные мелочи их занимают и волнуют. Некой Г-н А-в начал уже осмеивать этот тип в своих письмах, но выведенное им лицо психологически ложно: всякая претензия в человеке условливается некоторыми прирожденными наклонностями: никак нельзя представить себе, чтобы Собакевичь, какое бы не было его воспитание, объявил претензию на стих в духе Гейне, но Манилов, пожалуй бы, хватил на подражание. У Г-на А-ва из мяконького бесхарактерного мальчика выходит разочарованный юноша. Если это и действительно случилось в жизни, в которой конечьно бывает очень много необъяснимых странностей, то по крайней мере это лицо никак не могло быть взято за тип. Родственная черта героев нашего времени есть, я полагаю, гордость, выра<жа>ющаяся отрицанием [и под смешными] от всего того, что хоть немного раздражает чувство самолюбия, большею наклонностью властвовать, неуважением ко многому, скрытностию всех нравственных движений, которые обнаруживают в них присущую смертным слабость и мягкость, и наконец жизненным образом они очень хорошо высказываются *грубостью,* в том значении этого слова, как оно понимается в школах. Байрон, так много выразивший себя в Шилд-Гарольде, грубил в пансионе; Печорин грубит своему Штабс-капитану и вероятно за грубость был отправлен на Кавказ и грубит <окончание утеряно>

P. S. Александр Николаевичь, потрудитесь сказать Щепкину, чтобы он выслал мне *свой Сборник,* я тотчас же заплачу ему.

15. М. П. ПОГОДИНУ

⟨отрывки⟩

⟨10 апреля 1851 г., Кострома⟩

... Во-первых, Христос воскресе! Роман мой наконец напечатался в вашем журнале. Какое он произвел на публику впечатление я не знаю, и получил только, по случаю его, очень лестное письмо от Отечественных Записок, с большим впрочем укором, отчего я не послал его к ним, так как прежде обещал...

... Комик вчерне готов, стоит только переписать и немного исправить. Покорнейшая просьба моя будет в том — прислать мне следующие *двести пятьдесят руб. сер.,* по получении которых я не замедлю выслать Комика. Я, как семьянин, по случаю новых экипажей очень нуждаюсь в деньгах. Условия мои я выполню добросовестно... Еще повторяю мою просьбу о высылке денег, которые только и ободряют меня в моих трудах, так как богохранимая Кострома занята совершенно другими интересами...

16. М. П. ПОГОДИНУ

⟨отрывок⟩

⟨27 апреля 1851 г., Кострома⟩

... Еще раз повторяю, почтеннейший Михаил Петрович, ⟨просьбу⟩ выслать мне двести пятьдесят руб. сер. — В настоящей моей жизни это почти единственная награда за мои усиленные труды. Славы я почти не чувствую и не испытываю, — и ободренья ни от кого; а кроме того, когда у семьянина нет денег, так неспокоен и дух его, а следовательно и трудиться неудобно...

17. М. П. ПОГОДИНУ

⟨отрывок⟩

⟨Апрель — май 1851 г., Кострома⟩

... На меня самым неприятным образом подействовал ваш Эраст Благонравов своим тупым остроумием, своею претензиею на что-то и наконец всем своим тоном... Такой серьезный журнал, как Москвитянин, не должен позволять так дурачиться на своих страницах...

18. М. П. ПОГОДИНУ

〈отрывок〉

〈17 мая 1851 г., Кострома〉

... Двумя моими письмами просил вас о высылке мне следующих, по условию нашему, *двухсот пятидесяти* руб. сер., надеясь на которые, я до сих пор остаюсь в нужде. В последнем письме вашем вы обещали мне их выслать на той же неделе. — Приходит срок высылки моего К о м и к а, который у меня уже готов давно. В том же письме вашем вы высказываете на меня несколько претензий ваших, на которые впрочем я за лучшее считаю объясниться при личном свидании с вами, и в настоящем случае скажу только то, что все предпринятые мною условия сохраню свято и ненарушимо, а равным образом прошу и М о с к в и т я н и н а, *не манкировать*... Все условия хороши, если они исполняются обоюдно...

19. А. А. МАЙКОВУ

〈25 мая 1851 г., Кострома〉

Милостивый Государь,
Аполлон Александровичь!

Решаюсь к Вам обратиться с покорнейшею моею прозьбою: — доставить к Г. Погодину мою рукопись, которую при сем посылаю; но первоначально не отдавать ее, а только известить, что вы получили ее от меня, потому что он не дослал еще денег за прежнее мое сочинение, и отдать ему тогда только, когда он уже отправил или отправит 250 р. сер. ко мне. Тотчас же повестите его о получении моей рукописи, потому что я, согласно принятому мною условию, высылаю к 1-му Июню, а он не шлет мне денег, — но не отдавайте рукописи ни как, покажите, почитайте и только. — По заключенному нами условию, по получении этого расказа он должен тотчас выслать мне 250 р. сер., о чем предуведомьте его и попросите не задерживать денег, в которых я имею крайную нужду.—Одним словом должен я с Погодина получить 500 р. сер., из коих 250 до получения рукописи, а 250 р. по получении оной. — Утруждая вас этой прозьбой я несказанно вам буду благодарен [Вам] потому что все мои комисионеры разбрелись. — Письмо это адрессую на имя батюшки вашего —

потому что боюсь, чтобы вы не укатили в деревню и в таком случае прошу дядюшку Александра Аполлоновича известить хоть письменно Погодина о получении Рукописи и моих требований на щет высылки денег, — а рукопись тоже не отдавать до тех пор, покуда не будет ко мне послано 250 р. сер.

Почтеннейшему дядюшке и тетушке и сестрице от меня и всех моих прошу засвидетельствовать мое усердное почтение. Кита на днях разрешилась только от бремени — и родила еще сына, которого мы назвали Аполлоном. Затем еще повторяя мою прозьбу, и прося уведомить меня поскорее, остаюсь

покорнейший слуга

Алексей Писемский

1851 г.
Мая 25-го.

Адрес *Погодина*: на Девичьем Поле в собственном доме.—О том, что вы доставите, я вместе с этим пишу к П<огоди>ну.

Еще раз повторяю прозьбу удержать рукопись у себя до тех пор, пока не посланы будут ко мне деньги.

Бога ради не замедлите меня уведомить.

20. М. П. ПОГОДИНУ

<отрывок>

<25 мая 1851 г., Кострома>

... Рукопись мою я переслал в Москву к 1 числу, которую может доставить к вам брат жены моей, Аполлон Александрович Майков; но прежде получения ее, вновь покорнейше прошу выслать мне, по нашему условию, *двести пятьдесят* руб. сер. и, по получении, — следующие *двести пятьдесят*. Деньги мне очень нужны; в ожидании будущих благ, я теперь занимаю; у меня родился на днях еще сын, наименованный Аполлоном. Пожалуйста, почтеннейший Михаил Петрович, снабдите меня деньгами, а то у меня без денег пропадает совершенно вся литературная деятельность. — В ожидании присылки вами денег, я третью неделю ничего не делаю....

21. А. А. КРАЕВСКОМУ

〈12 июня 1851 г., Кострома〉

Милостивый Государь
Андрей Александровичь!

Месяца три тому назад я отправил к Вам с письмом через Алексея Дмитревича Галахова роман мой: Москвичь в Гарольдовом плаще, — по сих пор не имею известия, получен-ли он Вами, принят-ли Редакциею Журнала на моих условиях, прошел-ли цензуру и тому подобное. Соболезнуя о моем детище, я с большим нетерпением желаю иметь об нем известие и потому решаюсь Вас беспокоить моей прозьбою, уведомить меня поскорее. Адрес мой: в Кострому Его Высокоблагородию *Алексею Феофилактовичу Писемскому*.

Я писал об этом к Алексею Дмитревичу, но он уведомил меня, что он от вас не получил никакого известия кроме того, что возвратившийся из Петербурга Боткин сказывал, что вы хотите печатать мой роман, но и только...

Еще раз повторяю мою прозьбу обязать меня уведомлением. Пребываю с полным моим уважением

Покорный к услугам
Алексей Писемский

1851 г.
Июня 12.

22. М. П. ПОГОДИНУ

〈отрывки〉

〈Июнь—июль 1851 г., Кострома〉

... Тысячу раз извиняюсь, что я так долго не уведомлял вас о получении мною *двухсот пятидесяти* рублей сер., за каковые приношу вам чувствительную мою благодарность; причина впрочем не от меня: у нас в Костроме ограбили почту и потому мы, как собаки, рыскаем по губернии и ловим преступников. Я только на днях возвратился в Кострому. Комика моего, я полагаю, вы уже получили...

... Прочитали ли вы моего Комика, понравился ли он вам и когда вы его напечатаете?...

23. А. А. КРАЕВСКОМУ

〈10 июля 1851 г., Кострома〉

Милостивый Государь,
Андрей Александровичь!

Вы вероятно сами угадываете, как мне неприятно было получить последнее ваше письмо с обращенным при оном вспять Москвичем, — и не столько потому, что труд мой пропал безвозвратно, сколько потому, что я на опыте увидел до какой степени доходит ныне цензурное разбойничество. — Это одно из тех чиновничьих злоупотреблений властью, которые мы встречаем часто в самых добрых целях правительства. — Сколько я не просматривал его помарки, но решительно не мог понять, что он разумеет под удобопозволяемым и неудобопозволяемым, а равным образом трудно это догадаться и по Петербурским повестям, которые я, как это не трудно, просматриваю и могу заключить только то, что под именем дозволяемого романа разумеют те романы, в которых не только нет характеров в действующих лицах, но даже нет и анекдота, а так... набор одних слов.

Но всетаки я очень желал бы быть участником Отеч. Записок, хотя в настоящее время решительно не могу сказать, когда и что изготовлю, во 1-х потому, что летом писать не могу и во 2-х занят другого рода делами.— Осенью, я думаю, примусь и пришлю вам в самом начале мой труд, т. е. на лист печатной, которой вы предъявите Цензору, так как рисковать на целой роман у меня уже не станет терпения; а пусть цензура просматривает по листам, а возможно-ли это, и согласны-ли вы на то, прошу меня уведомить. Затем с полным моим уважением

ваш слуга
Алексей Писемский

1851 г.
Июля 10-го.

24. М. П. ПОГОДИНУ

〈отрывок〉

〈Июль — август 1851 г., Кострома〉

... По желанию вашему я тотчас же начал распространение вашего журнала и уже продал за нынешний год один экземпляр, за который я уже получил деньги и потому по-

корнейше прошу вас, не подрывая мой кредит, поскорее выслать весь вышедший Москвитянин в г. Буй, Костромской губернии, Михаилу Павловичу *Корсакову.* Деньги же я не высылаю, но привезу сам в Москву — или, если хотите, зачту в свою гонорарию. Нынешний год большого распространения не надеюсь, потому что прошло более полугода (впрочем, по моему настоянию, еще один экземпляр выписывается); но другое дело на будущий год, мы вотрем каждому исправнику, городничим и головам — это берется сделать ваш старый знакомый, наш вице-губернатор, князь Гагарин...

25. А. А. КРАЕВСКОМУ

1851 г. Августа 17-го <Кострома>

Милостивый Государь,
Андрей Александровичь!

Спешу отвечать на ваше обязательное письмо, коим Вы предлагаете мне участие в Вашем журнале, чего я и сам душевно желал-бы. Помарки Москвича произвели на меня тяжелое впечатление: писавши этот роман я едва не потерял зрение, желая поспешнее исполнить данное мною слово вашему журналу, но весь мой усиленный труд пропал, от прихоти цензора, безвозмездно; но это еще не столько важно, сколько то, что отбило охоту. Я семьянин, я несу многотрудную и серьезную службу; для литтературных занятий моих у меня остается одна только ночь, надобно много благоприятных обстоятельств, чтобы человек при подобных условиях собрал силы для труда. Видит бог, сколько я желаю трудиться и сделать хоть что нибудь для руской литтературы и с каким грустным и тяжелым чувством пробегаю я повести, романы и расказы моих собратов, которые кажется и приучили Цензоров к бесцветности и пошлости. Во всем этом нет не только таланта, но даже ума, ума Загоскинского, т. е. на анегдот, но все это скорее бредни кичлив<ых> людей, которые ходят около какой-то мысли и между тем только изощряются в диалектике. Но обращаюсь к общему нам делу: несмотря на недостаток времени у меня теперь очень много литтературных занятий — и вот Вам перечень моих трудов; в нынешнем году я написал: Брак по страсти, Комик, расказ (для Москвитянина по контракту); комедию Ипохондрик (тоже для

Москвитянина по контракту), пишу теперь роман по главам для Современника и наконец Москвича для Отече<ственных> Записок. — Я делаю насколько достает во мне сил. Помещать в вашем журнале я по преймуществу желаю: с будущего же мца я начну писать для вас, но только буду высылать к вам по частям, на целое не хватит смелости: сужетом, думаю, выбрать: Авто-биографию обыкновенного человека: начну с рождения и буду следить за постепенным развитием человека. — Обстоятельствами жизни обставлю его самыми обыкновенными, препятствие со стороны цензуры вижу в одном только, что он должен еще в школе влюбиться, влюбиться невинно, наивно или даже глупо, прослежу потом все замашки юности, горькие уроки, постепенное охлаждение, в период которого он оглянулся на прошедшее и пишет записки. Предполагаемой мною сужет глубоко задушевен для меня, будет он неудобен, возвратите мне его так, не представляя даже в цензуру. — Можно-ли писать это, почтите меня уведомлением.

Ваш слуга

А. Писемский

26. М. П. ПОГОДИНУ

<отрывок>

<17 августа 1851 г., Кострома>

... Когда вы напечатаете Комика?..

27. М. П. ПОГОДИНУ

<2 ноября 1851 г., Москва>

Почтеннейший Михаил Петровичь!

Сейчас я был у Верстовского, — первое слово его было: а ваша комедия? Потом он сделал мне несколько весьма дельных и весьма сценических замечаний, из которых самое важное об конце: он верен, но печален — пусть опять Никита намачивает ему голову и пусть Сол. Плат. рассердится более и более, скажем, все это я принял к сведению. Он очень желает, чтобы комедию скорее послать в Питер и советует лучше писаную, потому что это скорее и потому пришлите мне комедию; я ее сейчас заставлю переписывать, да нельзя ли мне прислать двух или хоть одного писца, — мне хочется переписывать ее в три руки.

Верстовский хотел писать к директору и почти не сомневается в цензуре...

Навеки обязанный вам

1851 г.
Ноября 2-го

А. Писемский

28. М. П. ПОГОДИНУ

<6 ноября 1851 г., Москва>

Милостивый Государь,
Михаил Петрович

... После Вас я заезжал к Степану Петровичу <Шевыреву>, и он мне сказывал, что у Васильчиковых, по середам большие вечера, на которых бывает всякого рода люд. — Если это так, то завтра мне читать у них будет неловко, а лучше как нибудь в другой раз. Вашего посещения, впрочем, буду ожидать. Пишу это письмо затем, чтобы вы не сделали распоряжения касательно извещения о нашем визите; они, может быть, поделикатничают и изъявят согласие, а читать будет неловко.

Остаюсь в приятном ожидании вас видеть завтра.

Покорный к услугам

6 октября
1851 г.

А. Писемский

29. М. П. ПОГОДИНУ

<отрывок>

<Середина ноября 1851 г., Москва>

... Прощайте, дай бог поскорее увидеться, чтобы уже не расставаться...

30. С. П. ШЕВЫРЕВУ

<7 декабря 1851 г., Кострома>

Милостивый Государь,
Степан Петрович!

Александр Николаевич Островский писал мне, что вскоре по моем отъезде освободилось место инспектора 1-й Московской Гимназии и что вы, по доброте вашей, закинули уже словцо Назимову на щет меня. — Принося мою благодарность, я снова повторяю мою покорнейшую прозьбу о содействии вашем к перемещению моему в Москву, в котором я более чем когда либо нуждаюсь и желаю, потому что в Костроме большие служебные перемены, но главное, что есть слухи, что занимаемое мною место упраздниться, в последнем случае

меня причислят к Министерству и дернут в Петербург, в котором я [по значи] с моим семейством решительно буду не в состоянии жить по дороговизне.

Не оставьте, почтеннейший Степан Петрович, вашим участием и попросите В. И. Назимова принять под свое начальство меня грешного. Затем с полным моим уважением имею честь пребыть вашим покорнейшим слугою

1851 г.,
Декабря 7-го
Кострома

Алексей Писемский

31. М. П. ПОГОДИНУ

<отрывок>

<7 декабря 1851 г., Кострома>

... А. Н. Островский писал ко мне, что очищается место инспектора 1-й Московской Гимназии, и что С. П. Шевырев говорил о сем обстоятельстве Назимову. Я желаю и нуждаюсь перейти из Костромы по многим причинам: во 1-х, меняется у нас губернатор, во 2-х, говорят, упраздняется мое место и меня в таком случае причислят к департаменту без жалованья. Ехавши из Москвы, я провалился на Волге или, лучше сказать, не я, а мой экипаж; все подмокло, испортилось совершенно, рублей на сто пятьдесят сер. Похлопочите о переходе моем...

32. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

<7 декабря 1851 г., Кострома>

Любезнейший и милейший
Александр Николаевич

Не знаю, как и благодарить Вас за все ваши хлопоты по моим делам, а главное: касательно моей службы, которой я желаю, как бог знает чего; особенно в настоящее время. Губернатор от нас переходит, место мое, говорят, упраздниться, и меня в таком случае дернут в Питер и причислют к Министерству без жалования, я по необходимости должен буду оставить место. Что вы поделываете, и что неприехали из Москвы. <Я> все хвораю и хандрю. — Опасения мои нащет Волги сбылись: мы переходили ее с женою пешком с большою опасностию, а экипаж прова<ли>лся, едва вытащили и перепорчено руб. на 150 сер. Константин чуть не утонул. Уведомьте бога ради поскорее о месте. Я вместе с этим письмом пишу к Шевыреву и Погодину. Сегодня мы получили

от Отца Павла перчатки, за которые жена вас несказанно благодарит и просит вас приехать в Кострому играть в преферанс; а какие у меня стали мальчишки молодцы — так мое вам почтение. Adieu-c! Нашим и всем низехонкой поклон.

Весь ваш

Декабря 7-го. *Алексей Писемский*

Повести и квитанцию от Вашей маминьки я не получил, вышлите по почте.

33. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

‹14 декабря 1851 г., Кострома›

Милейший друг
Александр Николаевичь!

Я, жена, и все дети мои на вас сердиты, для чего вы не пришлете никакой нам весточки нащет места в Театральной дирекции, если ничего нет окончательно положительного, то нет-ли по крайней мере каких нибудь частных слухов. Напишите, бога ради. Москвича поспешите выслать.

Ваш

А. Писемский

Жена за перчатки делает вам кникен. Нашим и всем любящим руское слово — поклон!

14 Декабря.

34. М. П. ПОГОДИНУ

‹отрывок›

‹21 декабря 1851 г., Кострома›

... Богу одному известно, как я во все это время измучился и устал. Когда пишу это письмо, у меня умирает маленький мой ребенок, но, не смотря на это, я сейчас еду на следствие по смертоубийству, по делу, в котором должен буду неутомимо действовать, сколько по обязанности чиновника, но более того, как человек. Просто не достает сил на все те разнообразные обязанности, которыми я обставлен! Облегчит ли хоть сколько-нибудь ваша Москва мою участь: неужели она, прокармливающая 700,000 жителей, не даст бедному литератору службы, которая бы дала ему кусок хлеба...

35. М. П. ПОГОДИНУ

〈отрывок〉

〈25 декабря 1851 г., Кострома〉

... Сейчас получил письмо от Островского... Радуюсь его успеху и заочно восклицаю: Ура!!! Выдирай наши!!!..

36. В КОНТОРУ „МОСКВИТЯНИНА"

〈28 декабря 1851 г., Кострома〉

В Контору Москвитянина.

Михаил Петровичь дал мне на поручение продать десять билетов на Москвитянин 1852 г., из коих я и продал уже три билета: 1) в г. Буй Костромской Губернии Михайлу Павловичу *Корсакову* 2) в г. Кострому, Его Высокородию Александру Павловичу Шипову; 3) в г. Кострому, Его Высокоблагородию Якову Васильевичу Перфильеву.

Деньги мною уже получены и потому прошу контору сделать немедленно распоряженье о высылке Москвитянина на 1852 г. по вышеприписанным Адресам

А. Писемский

1851
Дек. 28

P. S. Прилагаемую при сем записочку прошу доставить Михайлу Петровичу.

37. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

〈Январь 1852 г., Кострома〉

Любезнейший и милейший
Александр Николаевичь!

Когда вы пришлете моего Москвича, я до сих пор еще не получал его. Неужели он пропал на почте. От чего вы так ленитесь писать ко мне, ничего не знаю ни о комедии, ни о должности, видно мне сидеть в Костроме. Шевырев хотел писать ко мне, но ничего не пишет. Бога ради уведомьте меня, а также пришлите и Москвича.

Ваш слуга
А. Писемский

38. М. П. ПОГОДИНУ

⟨отрывки⟩

⟨Январь—март 1852 г., Кострома⟩

... Я не советую вам верить Григорьеву на слово. Он завирается иногда...

Обозрение Литературы 1851 года начато из далека. Посоветуйте больше говорить об авторах, чем о своих началах...

39. М. П. ПОГОДИНУ

⟨отрывок⟩

⟨22 января 1852 г., Кострома⟩

... Я сделал покупку и через полторы недели должен внести все деньги, в противном случае подпаду огромной неустойке. Надежда только на вас. Из Современника получил тысячу руб. сер., но еще тысячи не хватает. Вас, вероятно, не стеснит, потому что, в настоящее время, в Конторе денег должно быть много. Еще прошу,— не задержите. Что комедия моя прошла или нет цензуру и что Назимов?— Если бы я знал наверное о комедии, то принялся бы за новую, а должность видно только мечта, видно Москва не хочет дать мне приют. Бог с ней. От Степана Петровича Шевырева, не смотря на все мое нетерпеливое ожидание, не получал писем. Первый нумер ваш хорош; очень удачно задуманы переводы: Вильгельма Мейстера и роман Шарля Бернарда (последний самый талантливый из Французских беллетристов)...

40. М. П. ПОГОДИНУ

⟨отрывок⟩

⟨Февраль 1852 г., Кострома⟩

... Вы напрасно огорчились моим последним письмом — я очень нуждаюсь: сделал покупку, затянулся в долг и решительно не знаю, как выпутаться. Я теперь болен и расстроен в такой степени, что едва хватает смысла написать это письмо...

... Москвича, при всем моем нездоровьи, начинаю переделывать. На счет поставки Ипохондрика на сцену, я начинаю терять надежду. Петербургские журналы вооружились на меня; бранятся все, Отечественные записки

и С. *Петербургские Ведомости* ожесточеннее всех... Вот результат, до которого я достигнул усиленными полуторогодичными трудами!...

41. М. П. ПОГОДИНУ

⟨отрывок⟩

⟨Февраль 1852 г., Кострома⟩

... Где вы, в Москве или Суздале? А у нас в Костроме перемены большие: губернатор наш Каменский, который ко мне был очень хорош, вышел в отставку и на место сие определен ваш помощник попечителя Валериан Николаевич Муравьев...

42. М. П. ПОГОДИНУ

⟨отрывок⟩

⟨Конец февраля — начало марта 1852 г., Кострома⟩

... Гоголь помер — смерть его на меня произвела самое тяжелое впечатление. Он помер от мук, созерцая действительность издали, но долго ли придется жить нам, которые втянуты нуждою и семействами жить в этом омуте пошлостей и быть в полной зависимости от них...

43. М. П. ПОГОДИНУ

⟨отрывок⟩

⟨Март 1852 г., Кострома⟩

... На счет письма Назимова к Муравьеву, я очень бы желал, чтобы ему сказали обо мне хорошее слово, тем более, что он, говорят, едет предубежденный, но только чтобы он написал по почте, а лично передавать мне неловко...

44. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

⟨20 марта 1852 г., Кострома⟩

Любезнейший Александр Николаевичь!

Давно я не получал от вас весточки, давно и сам не писал к Вам. Комедию вашу я прочитал с неистовым удовольствием и нахожу, что она не только не уступает *Свои люди сочтемся!* но даже выше, потому что комизм ее тонше, задушевнее — выведенные лица до того живы, что мне снятся во сне. Ох как бы я сыграл каждого, все мне по душе.

Последнее действие написано Шекспировскою кистию. Будет-ли она поставлена на сцену, и не слыхали-ли чего об Ипохондрике? Я все это время хвораю и хандрю. Сил моих не достает жить в Костроме. Так все огадило. Еще года два такой жизни, я откажусь и от литтературы, потому что ничто не поддается перу. Надежды мои перейти в Москву кажется несбыточны — узнайте, бога ради, повернее, Назимов только по губам мажет. Погодин денег тоже не высылает, обещался еще в феврале, а теперь конец марта. Попросите его, чтобы он выслал, мне очень нужно. Задумываю еще большую комедию: сужет или анекдот готов, а это для меня самое трудное дело, в характерах не затруднюсь. Богатым Женихом я сам недоволен, но впрочем 2-я часть идет гораздо лучше, чем конец 1-й. Последняя книжка Москвитянина до отвратительности пуста, но Погодинское известие о смерти Гоголя прекрасно — я его беспрестанно перечитываю и потихоньку плачу... Чорт знает, что такое твориться в божьем мире: Галаховы цветут здоровьем, а Гоголи умирают, добро бы хмелем занимался, а то и того не было — нашему брату, например, не диво умереть рано, за тем что с малолетства имели к вину пристрастие. Прощайте, милейший Александр Николаевичь, поклонитесь нашим, поблагодарите [за заступ] Едельсона, что он за меня заступился. Напишите бога ради мне, если нет ничего видного, так пустяки какие нибудь, [пожалу́ста] но только напишите.

Ваш *Писемский*

P. S. Купите бога ради мне портрет *Гоголя*, если есть хороший — то самый лучший, а если нет, то какой есть, но пожалуста.

1852
Марта 20-го.

Жена моя вам кланяется, но очень сердита на вас за то, что ничего не пишете и не исполняете ее поручений.

45. М. П. ПОГОДИНУ

〈отрывки〉

〈Вторая половина марта 1852 г., Кострома〉

...Комедия Островского 〈Бедная Невеста〉 нравится всем без исключения...

Все выведенные им типы мне снятся каждую ночь. Беневоленского я выучил наизусть и недурно играю...

46. Е. В. САЛИАС-ДЕ-ТУРНЕМИР

‹отрывок›

‹25 марта 1852 г., Кострома›

... Это мне сказали заклятые чтецы Руских журналов, но в то же время все почти нарасхват просят у меня прочитать ваш роман, первое время я, несообразивши, давал, но потом, узнавши, что у Гувернанки Мерказина есть экземпляры для продажи, я перестал снабжать, а советывал купить. — Успел-ли я в этом случае и полезно-ли действовал в отношении вас — не знаю.

Душевно бы желал, чтобы Вы почтили меня вашим ответом. В моей жизни сношение с литтераторами есть такая услада, что дает мне щастие на целую .... Сей час только получил Мартовскую книжку Отечест. Записок, где помещена ваша поговорка: Чужая душа — потемки, и сей час же начну ее читать. За тем поздравляя вас с великим праздником, остаюсь

глубоко вас уважающий

и

душевно вам преданный

А. Писемский

1852 г.
Марта 25-го.

P. S. Простите за дурной почерк и за помарки, лучше своей рукой писать не умею.

47. М. П. ПОГОДИНУ

‹отрывок›

‹Апрель 1852 г., Кострома›

Последнее письмо ваше о запрещении Ипохондрика меня одурило; я упал духом, но временно; поверьте, я знаю себя! Буду биться до-нельзя; посылаю к вам два письма: к Перфильеву и к Назимову; если они написаны без такту или бесполезны почему нибудь другому, то задержите; а нет, так отправьте. Наш добрый князь Гагарин с этою же почтою отправляет мою комедию к отцу (к князю Павлу Павловичу) и просит его, чтобы он попросил Дубельта или даже графа Орлова о пропуске моей комедии на сцену. В отношении дальнейших наших сношений вы не беспокойтесь: я буду деятельным и постоянным сотрудником Москвитянина, но связывать себя условием боюсь...

48. М. П. ПОГОДИНУ

⟨отрывок⟩

⟨Начало мая 1852 г., Кострома⟩

...Об *Ипохондрике* я получил положительные и самые грустные известия. Теперь в Костроме Степан Васильевич Перфильев, он несколько дней из Петербурга и говорил о моей комедии с Дубельтом; тот был почти согласен, но цензор восстал и доказал ему, что комедию мою не одобрил потому, что она длинна, скучна, нет ни одного хорошего лица и не имеет идеи, и когда Степан Васильевич сказал, зачем вы нападаете так на Москвичей, разумея Островского, то ему сказал: они пишут в одном роде. Степан Васильевич советует мне сократить и попеределать и прислать хоть к нему, то может быть пропустят; но я не ведаю, что мне делать — посоветуйте. Сокращать, а более того переделывать для меня почти невозможно. Перейти в Москву тоже для меня несбыточная мечта — но да будет во всем воля божья. Прощайте и не сердитесь и считайте меня всегда душевно вам преданным...

49. М. П. ПОГОДИНУ

⟨отрывок⟩

⟨Апрель — май 1852 г., Кострома⟩

... За ваши хлопоты о моем *Ипохондрике* я несказанно благодарю: по совету вашему я начал его переделывать, но в сильном затруднении, что̀ именно изменить: вы писали, чтобы я старался приноровиться к литературным замечаниям, но их почти не было. *Современник*, например, сказал, что в комедии нет общей завязки, от которой бы все вытекало; может быть это и справедливо, но изменить невозможно. *Библиотека для Чтения* наговорила вздор какой-то; *Отечественные Записки* отозвались желчно — и только. Какими же советами прикажете пользоваться. Одно, что мне кажется самому — она длинна немного и поэтому я хочу ее сократить; но что мне потом делать с нею — не знаю; каким образом и куда именно я должен ее послать. Об ходатайстве, кроме вас, ни на кого надежды не имею; сам я думаю быть в Москве и в Петербурге не ранее зимы: если откладывать до этого времени, то зимний сезон опять пропущу. Уведомьте меня, как и что̀ мне сделать. Мне что-то нынче выдался не литературный год...

50. М. П. ПОГОДИНУ

⟨отрывки⟩

⟨Июнь 1852 г., Кострома⟩

... Я на днях только узнал, что Владимир Иванович Назимов был в Костроме; я в это время ездил в Галич; объясните ему это, а то он может думать, что я не хотел к нему явиться. Новый наш губернатор приехал и очень бы хорошо, если бы Владимир Иванович замолвил ему за меня словечко...

... Арнольди тоже в Костроме, я его случайно встретил у прокурора. Может быть он хороший и литературный, как вы писали, человек, но чтобы он желал познакомиться со мной, этого не видно; живет здесь около двух недель, а ко мне не едет, вероятно на том основании, что я губернский, а он министерский чиновник. Из разговоров с ним я заметил, что он в грош не ставит Бедной Невесты Островского, следовательно, не наших литературных убеждений. В Костроме мне прежде было тяжело жить, а что теперь будет, и сам не знаю. Служебные хлопоты и дрязги отнимают у меня и время и спокойствие и потому я ничего не пишу ...

51. Н. А. НЕКРАСОВУ

⟨12 августа 1852 г., Кострома⟩

Милостивый Государь
Николай Алексеичь!

В последнее время я написал в 3-х действиях комедию, под названием Раздел. К концу Августа или много к половине Сентября она будет окончательно готова. Искреннее мое желание поместить ее в Современнике и опасаюсь только цензуры, особенного в ней, впрочем, ничего нет: осмеянна та мелочная жадность, которая так ярко и так комически высказываеться при подобных случаях. Подробности содержания ее таковы: после смерти старого холостяка, у которого есть воспитанник и коллекция приближенных лакеев, съезжаються делить имение его родные: Брат Кирило Прокофьичь, человек смирной и глуповатой, но инстинктивно своего не упустит, брат Иван Прок⟨офичь⟩: умный, хитрый, с железным харак-

тером, сестра Анна Прокофьевна, убеждающая всех в своей доброте и родственной любви, на основании которой и ожидает, чтобы для нее никто ничего не жалел, племянник Сергей Васильичь, московской хват, человек с кредитом в общественных местах, но без денег, большой любитель женщин и лошадей, племянница Амалия Петровна, дама с очень беспокойным характером, которая впрочем уверяет, что она все делает и говорит по приказанию мужа. В 1-м действии все взаимно убеждают друг друга, что никому особенного не надобно, разъискивают пропавшие после покойника деньги, нападают на воспитанника и прочие предуготовительные распоряжения, во втором действии начинаються скопляться тучи: бескорыстные наследники начинают по двое и по трое делать между собой стачки и, наконец, когда приступают к разделу, оказываеться, что за каждую дрянную чашку шум, спор. Иван Прок. беситься и чуть не прибил прочих. В 3-м действии неудовольствия идут crescendo, но разделиться все таки надобно, снова начинают, но опять та же история. Иван Прокоф. видимо хочет обмануть всех, но вдруг известие, что покойник за два дни до смерти продал все свое имение и оставил им по совершенно равной и небольшой части денег, лица всех вытягиваються, но делать нечего, — и тут все миряться.

Если вы надеитесь напечатать эту комедию, то уведомьте меня, я вам ее вышлю, цензору вы покажите хоть частно, чтобы на всякой случай непропуск его не мог бы у меня отнять возможность напечатать ее в Москве.

Причитающиеся мне деньги я покорнейше прошу выслать мне в этом месяце, я имею в них крайную нужду. Я давно уж не получаю от вас писем, не собрались ли вы в наши края.

Изъявляя мое душевное желание всего лучшего остаюсь с полным моим уважением

А. Писемский

1852 г.
Августа 12-го.

P. S. В последней моей комедии я избежал недостатка 1-й, т. е. отсутствия анекдота; характеры вышли довольно крупные.

52. М. П. ПОГОДИНУ

<отрывок>

<Октябрь 1852 г., Кострома>

...Батманов мой прошел: нравится он или нет?...

53. М. П. ПОГОДИНУ

<отрывок>

<Осень, 1852 г., Кострома>

...В декабре или в январе я сбираюсь в Москву и Петербург, чтобы хоть сколько-нибудь по-освежиться от пошлой Костромской жизни; все это время я болею: вот уже месяц, как ни дня, ни ночи не знаю покою от зубной боли; и к несчастию, здесь очень много господ, которые готовы и сумеют выбить зубы у своего брата, но выдернуть зуба никто не умеет...

54. Н. А. НЕКРАСОВУ

<28 ноября 1852г., Кострома.>

Милостивый Государь,
Николай Алексеевичь!

Посылаю Вам мою комедию: извините, что рукопись грязна, впрочем она мною прилежно расмотрена,— корректуру я бы просил вас прислать ко мне, —я гораздо нахожу удобнее,— поправлять в корректуре: типографию вероятно это не затруднит, тем более, что я на следующую же почту вышлю; вместе с корректурой я просил бы и вашего совета, сообразно с которым я сделал-бы несколько перемен: главное меня неудовлетворяет окончание,— хоть оно и вытекает прямо из характера Ивана Прокофьича. Нащет цены желал-бы за нее получить 400 руб. сер. сравнительно с Ипохондриком, за которого я взял 600 руб. Я полагаю. в этой комедии будет листов 6-ть. Если цензура затруднит, то возвратите мне и возвратите поскорей,—Погодин пристает, а у меня ничего не написано покуда.

Нащет Батманова вы зделали мне много замечаний справедливых, и имей я их в виду, может быть и изменил-бы некоторое. Писать более некогда. Остаюсь

покорнейший слуга
А. Писемский

1852 г.
Ноября 28.

Корректуру, бога ради, пришлите!

55. М. П. ПОГОДИНУ

<Начало декабря 1852 г., Кострома>

...Получили ли вы моего переделанного Ипохондрика; я его послал в Контору с тем, что если вас не застанет в Москве, то отправили бы в Петербург. Филиппов еще пишет, что в Москве есть слухи, будто бы граф Адлерберг сделал запрос цензуре, на каком основании она не пропускает Ипохондрика,— правда ли это и какие тому результаты и не нужно ли мне самому приехать в Петербург?.. Через нашего вице-губернатора, который теперь в Петербурге, я получил собственноручную записку барона Корфа об Ипохондрике, которую при сем и прилагаю. Похлопочите, почтеннейший Михаил Петрович; эта неудача у меня ей богу отбила всю энергию...

56. М. П. ПОГОДИНУ

<отрывок>

<Конец 1852 г., Кострома>

...С будущего года я попросил бы у вас места для фельетона: в роде провинциальных писем, в котором я стал бы передавать мнения публики и личные мои мнения о новых произведениях беллетристики...

57. М. П. ПОГОДИНУ

<отрывок>

<1852 г., Кострома>

... Над романом Ростопчиной смеются все — даже наши провинциальные барыни...

58. А. В. СТАРЧЕВСКОМУ

<16 января 1853 г., Кострома>

Милостивый Государь,
Альберт Викентьевич!

Спешу отвечать на ваше обязательное приглашение к участию в Биб. для Чтения, которое принимаю с большим удовольствием, но дело в том, что нынешний год я почти ничего не написал, отчасти вследствие служебных хлопот, а отчасти и [по неду] по тому, что запрещение цензуры поставить моего Ипохондрика на сцену отбило у меня, что

называется, крылья, и я только в последние месяцы начинаю понемногу приниматься за литературное дело.

Нынешней весной я сам думаю быть в Петербурге и буду иметь честь лично представиться Вам и если что нибудь у меня будет к тому времени окончательно написано, то непримину предоставить с полною моей готовностию для напечатания в Биб. для Чтения. Чтобы торопился я, вы вероятно сами не пожелаете, тем более, что на эту ногу я во всех моих прежних произведениях храмлю немного, — но пора исправляться.

Прося принять уверение в совершенном моем уважении, пребываю

покорнейшим слугою
Алексей Писемский

1853 г.
января 16-го.

59. М. П. ПОГОДИНУ

<20 января 1853 г., Кострома>

Почтеннейший Михаил Петровичь!

Благодарю Вас за присылку справки Гедеонова; я уже совсем потерял надежду поставить когда либо его на сцену; сбираюсь в Москву и Петербург, мне приходится очень неловко служить. Новый наш губернатор не поладил с бывшим нашим вице-губернатором кн. Гагариным, а мои Костромские враги успели представить, что я закадычный друг того; невиноватый в этом ни душею, ни телом и не принадлежащий ни прежде, ни ныне ни к какой служебной партии, я все-таки в опале, так что мне не только нельзя ожидать никакого служебного повышения, но даже жду каждую минуту, что и с своего места турнут. Один бог только знает, как я страдаю все это время: писать ничего не могу, начаты две вещи, но обе остановились на первых главах, службу ни за что ни про что теряю; и семья между тем увеличивается...

В Контору Москвитянина я писал о высылке мне книг в щет оставшихся мне. Вот мой щет. В 1851 и 1852 годах я должен был получить: 1500 руб. да за сорок экземпляров Тюфяка по 1 руб. 25 к. — 50 руб. сер. итого 1550, мною по-

лучено от вас в Москве по [напечатании] отдаче Брака по страсти 250; выслали вы мне в Кострому в 1851 г. 250 ру<б.> и 60 руб.; в Москве я от Вас получил в Ноябре 1851 г. 225; забрал книг в Конторе два романа Лажечникова, два полные издания Шекспира всего на 28 руб.; выписал Руководство к Российск<им> Зак<оном> 4 руб. 50; за 7-мь экземпляров Москвитянина 115 руб. 50 — за журналы 1851 г. От<ечественные> Зап<иски> 16—50, Соврем<енник> 16—50; Москв<итянин> 1851 пошел в замен Москв<итянина> 1850 г., которого я не взял, но который пошел в щет за Тюфяк. [Итого я получил] Москв<итянин> 1852 г. 16 руб. 50 и наконец получил в Марте 1852 500. Итого 1482—50; след. должно получить 67 руб. 50 к.

В щет этой Суммы я прошу выслать мне: 1853 г. Москвитянин, Отеч<ественные> Зап<иски> и Пантеон, особенно последний, разбором которого я думаю заняться: безобразие Драм<атических> Произведений, печатаемых в нем невыносимо,— к ним надобно также отнестись, как некогда отнеслась Биб<лиотека> для Чтения к Историческим романам; на сцене они проходят или незамеченными, или с некоторым успехом, а журналы об них не говорят или говорят не в театральной хронике, где больше впрочем толкуют об исполнителях-актерах. Этим надобно заняться серьезно, потому что большинство публики на их стороне и они исковеркали вкус некоторых талантливых актеров: напр. Шумского — я хочу за это взяться, буду разбирать каждую пиэску, каждую переделку— и потому, пожалуста, вышлите мне поскорее Пантеон.— Я раскрою дело, как оно есть за это я ручаюсь: похлопочите только о цензуре, чтоб не задерживала: наболела душа моя глядя на безобразие русской сцены и русской публики не потому, что обе они очень пошлы, потому что в них ничего нет своего,— и большинство спокойно этим удовлетворяется.

Досвидания: пришлите Репертуар, я его отделаю: и отделаю потому, что я сам играл несколько водевилей, играл с успехом, и знаю, как я лично оставался в этом случае доволен собою, и к чему я прибегал чтобы смешить зрителей.

Ваш *Писемский*

1853
Январь 20

60. М. П. ПОГОДИНУ

⟨отрывок⟩

⟨Февраль 1853 г., Кострома⟩

... Не могу выразить, как я рад успеху в постановке пиесы Островского. Писатель без сцены не может сделаться популярен, а Островскому предпочтительно грешно быть непопулярным: он имеет на это все права...

61. А. В. СТАРЧЕВСКОМУ

⟨Март 1853 г., Кострома⟩

Милостивый Государь
Алберт Викентьевичь!

Поездка моя в Петербург отложилась до лета. Задумываю писать много, а написал еще мало. Какой тяжолый ныне год для искувства! умерли Гоголь, Жуковский, Брюлов, Каратыгин и наконец сгорел в Москве Театр.

Вашей Библиот. для Чтения 1853 г. я не получал, а потому просил бы выслать мне ее.

Вышли мои Повести и Расказы, напечатанные Москв⟨итянином⟩ отдельно и я очень бы желал послать их экземпляр Вам, но увы! Сам не имею его ни одного — до сих пор не высылают.

Пребываю с полным моим уважением
Ваш покорнейший
слуга
Алексей Писемский

62. А. Н. МАЙКОВУ

⟨2 июня 1853 г., Кострома⟩

Милостивый Государь,
Аполлон Николаевичь!

Приношу мою искреную благодарность за присылку ваших Стихотворений, из числа которых я более половины знаю наизуст, что может служить доказательством глубокой симпатии, которую питаю к вашему истино-поэтическому дарованию.— О вашем непропущенном произведении я много слышал и весьма-бы желал прочесть его хоть в рукописи.

Посылаю Вам три томика моих сочинений; извиняюсь в небрежности издания, я в этом деле не участвовал: их издавал Погодин, который все делает расщетливо-хозяйственным образом.

Душевно желая личного с Вами знакомства, пребываю покорным слугою *Алексей Писемский*

1853 г.
Июня 2-го.

63. М. П. ПОГОДИНУ

<4 октября 1853 г., Москва>

Почтеннейший Михаил Петровичь!

Я приехал в Москву, проездом из Петербурга и весьма желал-бы видеться с Вами, по пробуду здесь не более двух дней; и потому могу я [сегодня] завтра вечером быть у Вас, а во вторник я уезжаю. С полным моим уважением пребываю

Ваш слуга
А. Писемский

1853 г.
4 Октября
Воскресенье

64. А. Н. МАЙКОВУ

<Середина октября 1853 г., Кострома>

Милейший сердцу моему Аполлон Николаевичь!

Прежде всего: *спасибо*! за радушной прием меня в Питере. Возвратившись в Кострому я [уже] нашел жену уже в городе, чему душевно обрадовался, и на другой день узнал о производстве моей особы в Титулярные Советники — [все это очень] и получил от Губернатора предложение быть редактором Неофициальной части Губерн. Ведомостей за 360 руб. сер. в год сверх получаемого мною жалования, — все бы это было очень недурно, но за то на самых первых порах попал в служебные дрязги, которые наш Виц-Губернатор (дурак естественный) затеял с [Губерн.] членами Губернского Правления, в том числе конечно и со мной — он пишет на нас, а мы на его — и все это представится на благорасмотрение в Питер, в Министерство Внутр<енних> Дел, а там, вероятно, для водворения согласия начнут разводить и мне будет очень непонутру, если меня дернут куда-нибудь в дальние губернии. Я писал Некрасову и Панаеву, чтобы они попросили Милютина заступится за нас грешных, но

ваше Высокоблагородие прошу напомнить им и справиться у них, говорили-ли они и какой получили ответ.

Вторая просьба, нельзя-ли поговорить с Федоровым нащет поставки моего Ипохондрика на сцену, я бы его попеределал и представил в Петербурскую Дирекцию; впрочем надобно его предуведомить, что он уже был в Цензуре Театральной и запрещен. — Возвращаю Три смерти, которые кому я не читал, всех приводят в восторг; бога ради вышлите Саванаролу. Письмо это я вкладываю в мои сочинения, которые прошу передать *Ушинскому*, я забыл его адресс, о котором можно узнать от Панаева. У супруги прошу поцеловать ручку, а батюшке, матушке и всей вашей благочестивой семье засвидетельствуйте мое глубокое уважение,

Искренно преданный *Писемский*

Ад⟨рес⟩ мой: Его Вю Алексею Феофилактовичу Писемскому, в Кострому.

65. М. П. ПОГОДИНУ

⟨1 декабря 1853 г., Кострома⟩

Почтенейший Михаил Петровичь!

В бытность мою в Москве в 1852-м году я отдал Вам сборники покойного моего тестя, в настоящее время теща моя поручила мне покорнейше просить Вас передать эти сборники Аполлону Александровичу Майкову, который явится для получения к Вам оных и доставит их к ней.

Прошу принять уверение в совершенном моем почтении, с каким пребываю.

Покорный к услугам
А. Писемский

1853
Декабря 1

66. И. И. ПАНАЕВУ и Н. А. НЕКРАСОВУ

⟨Декабрь 1853 г., Кострома⟩

Милостивый Государь
Иван Ивановичь и
Николай Алексеевичь!

Я думаю я наскучил Вам писавши третие письмо, но что делать: обстоятельства!.. Служебные мои опасения сбылись. — Я переведен, шуточка сказать, в *Херсонь*, куда я не имею

ни средств, ни желания ехать, а потому и выхожу в отставку, следовательно щеты мои с Костромой кончены и я переезжаю в деревню. Бога ради обяжите меня и вышлите мне 500 руб. сер. я теперь с поездкою в Петербург, с потерею жалования и с переездом в деревню имею страшную нужду в деньгах. За ваше обязательство в настоящих моих трудных обстоятельствах я заслужу Вам своей литтературной деятельностию. — Еще раз повторяю Вам мою прозьбу о высылке 500 руб. — редакция вероятно теперь при деньгах. — В и н о в а т а л и о н а? я при неприятностях и хлопотах не успел поправить ⟨как⟩ мне хочется, но в конце будущего месяца или в начале февраля одним словом к мартовской книжке непременно приготовлю. Еще также прошу уведомить о комедии Иванова — и бога ради еще вышлите хоть сколько нибудь денег — он в страшной бедности. Письмо ужь на его имя в Кострому Е⟨го⟩ Б⟨лагородию⟩ Александру Васильевичу Иванову; мой же адрес В г. Чухлому Костромской Губернии Е⟨го⟩ Б⟨лагородию⟩ А. Ф. Писемскому.

Затем нетерпеливо ожидаю Вашего ответа и остаюсь

покорный к услугам

А. Писемский

Роман, о котором я с Вами, Иван Иванычь, говорил, я начал и написал две главы — он будет в 3-х частях — листов на 35 печатных.

67. А. Н. МАЙКОВУ

⟨Декабрь 1853 г., Кострома⟩

Милейший Аполлон Николаевичь!

Я был несказанно обрадован твоим письмом, тем более, что оно пришло в довольно грустное для меня время; служебные опасения мои сбылись: я переведен в *Херсонь* — шуточка!.. поэтому выхо́жу в отставку, а поэтому переезжаю в свою деревню — усадьбу Раменье, Чухломского Уезда, Костр. Губ., и таким образом теряю вдруг и службу и принужден с моей семьей жить в захолустной деревнюшке в тесном холодном флигилишке; положим мне ништо: за чем не был подлецом чиновником, но чем же семья виновата? Все это меня до того отуманило, что я теперь решительно не могу ничего ясно сообразить, как и что мне предпринять: сил

никаких не хватает продолжать эту жизненную битву, — с какой завистью смотрю я на других людей, у которых [все] так последовательно, так ровно проходит все в жизни, а я вечно в волнениях. Сам-ли я тому причиной, или случайные обстоятельства — не знаю, но по выходе из Университета недели не живал покойно, — [всей] В деревне я по необходимости должен буду, кажется, жить около года, потому что все мои бумаги зашлются в Херсонь, откуда их ранее полугода не выцарапаешь; в литературном отношении идет порядочно: начал новой и очень длинной, длинной роман, написал две главы — сужет долго расказывать, я говорил об нем Панаеву, спроси, если любопытно, у него, но только выведется Литтератор не по призванию, а из самолюбия. Петербург я трону, но, не бойся, не ошибусь, по тому что возьму из него только то, что хорошо узнал и знал еще прежде. В отношении Петербургских Литтераторов я скажу откровенно, что они, не говоря уже про вашу милость, ей богу понравились мне лучше Московских, не тартюфят по крайней мере, тогда как там [всюду почти] встречаешь лицемерие, ханженство (с легкой руки Гоголя) и возму<ти>тельное, безмысленное славянофильство в одном кружку собственно московском и бездарное педанство в другом — петербургском. Прощай

А. Писемский

У супруги поцалуй за меня ручку; а жена моя тебя целует, на правах кузины. Похлопочите, бога ради, о месте в Питере — готов ехать на лишения.

Адрес мой: в *Чухлому Костр. Губернии.*

68. А. Н. МАЙКОВУ

<12 марта 1854 г., Раменье>

Милейший и достойно-именуемый Аполлон!

Дурочка — чудо, а Ребенок прелесть, только в первой употреблено одно слово неправильно „*воркотня*“ Этого слова во 1-х я не слыхал, а если оно и есть, то может произойти только от слова *ворковать*, что значит нежничать, а не от *ворчать*. К милому моему поэту я придирчив, как Покровский — мне хочется, чтоб у него все было безукоризненно. Службу я оставил, потому что меня перевели *в Херсонь* и теперь живу с моей семьей в деревне, в

в страшной глуши, но не скучаю и отрезвляюсь в мудром уединении. Пишу очень много: почти написал 1-ю часть длинного романа, под названием [Умный человек] не знаю еще каким, написал еще расказ Исправника: Матушкин сынок и заготовляю очерк из простонародного быта: Порченый, где выведется остряк — Пешняк. Хочется потягаться нашим Северным юмором с Хохлацким, авось не поддадимся! Редакторы Современника со мной нехорошо поступают, на несколько моих писем, хоть бы строчку ответили, а еще не ⟨весть⟩ чего обещали писать. Я пишу к ним вместе с этим письмом, но ты потрудись их спросить, когда им надобно, чтобы выслал [им]: Виновата-ли она? Они мне ничего не пишут, а я ленюсь приняться за поправку ее. Просил их выслать мне денег, в которых мне крайная нужда, им все равно теперь-ли, после-ли платить. Повесть мою я вышлю тотчас по их востребованию;— попроси их, пожалуйста, и об этом. Краевскому скажи, что я для От. Зап. изготовлю расказ *непременно*. К Октябрю надеюсь кончить все мои литературные начинания и тронусь в Питер с женой и старшим сыном: тогда поживем!

Супруге, Родителям, братцам от меня, жены и Надежды Аполлоновны заствидетельствуй наше искреннее почтение и желание всего лучшего; бога ради не поленись написать мне, в моем уединении истинная услада получить посланьеце, а за тем, дай бог тебе больше и больше писать и вспоминать иногда

преданного *Писемского*

1854
Марта 12.

Адрес мой: Его В-ю Алексею Феофилактовичу *Писемскому* в г. *Чухлому* Костромской Губернии.

Мне отчасти смешно, а отчасти грустно читать журнальные возгласы в пользу романов из крестьянского быта, в числе которых, между нами сказать, попадаются сильно бездарные и что еще хуже того лживые и пожалуй настолько лживые, как и романы Марлинского, но мода! оригинально, изволите видеть, курьезно, любопытно! Все это, повторяю еще, между нами сказано, а то, пожалуй, гусей раздразнишь, при свидании поговорю об этом подробнее. Когда придут эти блаженные времена, когда критика в искувстве будет

видеть искувство, имеющее в самом себе цель, когда она, [будет читая] разбирая [ро] Обыкновенную Историю Гончарова, забудет и думать о направлении, с которым он написан, а будет говорить, что этот роман прекрасен и художествен, что Ревизор вовсе не донос на взяточников-чиновников, а комедия, над которой во все грядущие времена станут смеятся народы, которые даже очень смутно будут знать, что такое чиновник-взяточник, как смеемся мы над Хвастливым воином, как смеемся даже над Тартюфом.

На днях я прочитал роман Тур Заколдованный Круг и невольно задал себе вопрос, сколько еще романов эта писательница предполагает написать, чтобы доказать миру, с каким самоотвержением любящая женщина способна уступить сестре жениха. Тема хорошая, кто говорит, но написать на ее 3-й роман — это уже много.

69. А. Н. НЕКРАСОВУ

〈12 марта 1854 г., Раменье〉

Милостивый Государь,
Николай Алексеевичь!

Снова взываю к Вам из моего уединения, три месяца скоро, как я оставил службу и живу в деревне, где конечно пишу и пишу много: написал 1-ю часть очень длинного романа, написал еще расказ Исправника Матушкин сынок и заготовляю очерк из крестьянского быта: Порченый. Я на вас несколько претендую, бог с вами, хоть бы строчку мне написали. Письма ваши нам, провинциальным авторам, много пару поддают — не ленитесь. Погодин на меня очень негодует за отдачу вам Лешего. Когда вам нужна Виновата-ли она, вы мне ничего не пишите, [я не] и потому я ее [в] не посылаю еще, но вышлю к вам при первом вашем требовании. Нащет денег я просил бы вас покорнейше выслать мне, я теперь без службы, вам все равно платить, а мне крайняя нужда: если не можете 500, как я просил, то хоть 300, — заслужу! Осенью думаю приехать в Петербург — пожить; адрес мой: Его В-ю Алексею Феофилактовичу Писемскому, в г. Чухлому Костромской Губернии.

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ПИСЬМА А. Ф. ПИСЕМСКОГО К А. А. КРАЕВСКОМУ (№ 74)

Ивану Ивановичу <Панаеву> и супруге их прошу заствидетельствовать мое глубокое уважение и за тем, снова повторяя мою просьбу почтить меня вашим ответом, пребываю

покорный к услугам
Алексей Писемский

1854 г.
Марта 12-го.

70. М. П. ПОГОДИНУ

<отрывок>

<25 марта 1854 г., Раменье>

... Спешу отвечать на ваше письмецо, в котором вы пишете, что сердиты на меня, а за что не объяснили... Я не живу более в Костроме, а не живу потому, что не служу более... У нас такая дрянь стала начальниками, что поставили в необходимость не соглашаться с их дурацкими распоряжениями; они написали кляузу министру, и так как на святой Руси подчиненный всегда виноват, то *для пользы службы* меня и перевели в *Херсонь* — за тысячу семьсот верст, а мне и ехать-то с моей семьей туда не на что. Теперь я живу в маленькой своей деревнюшке, и когда и чем улучшится мое положение, — не знаю. Пишется мало, а хандрится много; будущею осенью еду в Петербург, хлопотать о какой-нибудь службе; буду поэтому в Москве и буду у вас; а за тем, желаю всего хорошего...

71. А. Н. МАЙКОВУ

<27 марта 1854 г., Раменье>

На прошлой неделе я писал к тебе длиннейшее письмо, а теперь пишу опять и с покорнейшей просьбой: будь [только] толико великодушен, сходи в Министерство Внутренних Дел и справся в департаменте Полиции Исполнительной, было-ли от *Херсонского Губернского Правления* представление об увольнении меня в отставку, если было, то сделано-ли по оному распоряжение, то есть уволен я или нет еще, если уволен, [то когда им] то дано-ли об этом знать Херсонскому Губерн. Правлению и когда именно? И об всем этом, бога ради, уведомь поскорее. Бог видит, в каком я теперь неприятном положении — получил письмо от Некрасова, пишет, что не может денег выслать потому что журнал упал

по милости газет, печатающих политические и военные известия.

Тебе и [от] твоим от меня и моих желание всего лучшего.

А. Писемский

1854 г.
марта 27.

72. Н. А. НЕКРАСОВУ

<15 апреля 1854 г., Раменье>

Почтеннейший Николай Алексеевичь!

Посылаю к Вам, по письму вашему, Матушкина сынка, перекрещенного мною в Фанфарона. К нему прилагаю на всякой случай два окончания: одно, пришитое к тетради, где герою дается место чиновника особых поручений, и я желал бы, что бы оно было напечатано, но если, паче чаяния, встретятся затруднения со стороны цензора, так как тут касается несколько службы, то делать нечего, тисните другое, [что, впрочем, мне чрезвычайно бы не желалось] что для меня почти все равно. Как вам понравится Фанфарон, уведомьте меня. Я его написал и никому не читал еще. Рост его менее: Виновата ли она? полагаю в нем неболее четырех листов. В моей деревенской жизни я либо напишу очень много, либо съума сойду. Вообразите, — до сих пор никаких признаков весны, даже еще вороны не выляняли. Примечание к Фанфарону на первой странице — не покажется ли вам очень резским? впрочем я этого ненахожу с своей стороны и желал, что бы оно напечаталось. Насчет денег, я просил бы, если это не стеснит вас очень, дать мне за маленькие рассказы: Лешего и Фанфарона по 70 руб. сер. за лист, которых и выйдет за 7 листов 490 рублей, а за исключением полученных 100 рублей серебром 390 рублей, да есть небольшой, по моему счету, недостаток по Богатому жениху, а именно: в нем 17-ть листов, за которые по 60-ти следует получить 1020 рублей серебром, а получено мною 900, итого в остатке сто слишком рублей, из числа которых забрано мною книг, [одним] но сколько не помню, — справиться надобно в конторе, но, кажется, что мне приходится около 60-ти рублей серебром, итого 450 руб., которые бы я, почтеннейший Николай Алексеевичь, и просил покорнейше выслать мне в следующем месяце, ибо я имею крайнюю и распрекрай-

нюю нужду в деньгах и единственно по этому беспокою вас и даже печатаю, чего мне до осени, без нужды бы в деньгах, никак не хотелось делать. Я сожалею и бешусь за уменьшение подписчиков на Современник. Он так нынче идет хорошо,— один рассказ Тургенева: Муму лучше всего, что было напечатано в нынешнем году во всех прочих журналах. Статья Анненкова по поводу простонародных рассказов, очень умная, но только неэстетическая. Нельзя ли вам выхлопотать право для вашего журнала на Политический отдел, который у Москвитянина и есть, но которым он, конечно, неумеет пользоваться даже и в настоящее время. До свидания, почтеннейший Николай Алексеевичь; душевно желаю поправления вашего здоровья, чтобы в следующий приезд мой увидеть вас таким же хоть толстяком, как я сам. Об деньгах еще раз повторяю мою просьбу. Ивану Ивановичу и супруге его прошу от меня поклониться, а затем извиняюсь, что не сам пишу, потому что совсем разучился.

Остаюсь
покорным слугою
А. Писемский

1854 г.
Апреля 15-го.

73. А. Н. МАЙКОВУ

<8 мая 1854 г., Раменье>

Милейший Аполлон Николаичь!

Принимаясь за это письмо, я хочу снять с себя справедливый упрек твой за короткие послания и написать тебе письмо длиннейшее, сперва о том, что к нему прилагается — это мой Драматический очерк, который я написал по случаю настоящих событий, и который посылаю на твое полное распоряжение. Мне бы хотелось его во первых поставить на сцену, а во вторых напечатать в Отечественных Записках, о чем и заяви Краевскому. Поставка на сцену, я желал бы, чтоб шла прежде печати. Бога ради так и распорядись: твой знакомец Федоров сей час может обделать это дело. Противо цензурного, кажется, ничего уж нет. Актерам я желал бы раздать таким образом: полковник — Самойлов, жена его — Сосницкая, солдат — Григорьев, Александр — Максимов, Макар Макарычь — Мартынов, Власий Матвеичь — Каратыгин; так по крайней мере я предпола-

гаю, хотя и знаю Петербургских актеров очень мало. Насчет платы, тоже желал бы получить хоть малую толику от Дирекции. Островский за пятиактную комедию получил 500 сер., а мне бы хоть сотни полторы, а у Краевского за право напечатания попроси 200, впрочем назначение цены тут и там предоставляю на твое распоряжение*,— как найдешь удобным, так и распорядись. По мимо этих житейских рассчетов, по мимо современного интереса моей пиески, меня беспокоит и художественная ее сторона: напиши мне, как ты найдешь ее и как другие на нее взглянут. Я пробовал читать ее здесь, плачут; и, кажется, если ветерана старика актер так выполнит, как я его задумал, так заставит плакать и в театре. В молодом новобранце пусть актер выразит одну черту — это молодость и наивность. Стихи Пушки пусть читает не горячась и не декламаторски, а только с чувством и толком. На солдатскую песню: м о л о д к а м о л о д а я я, может быть, буду иметь возможность прислать музыку. Самому мне ехать ставить очень бы хотелось и знаю, что очень бы нужно, но по неимению средств до Ноября или Декабря не могу приехать в Петербург. Бога ради похлопочи за меня; ты мне сделаешь истинное благодеяние. Твои опасения на счет *того* показали мне, что ты меня действительно полюбил, за что тебе и спасибо. Я впрочем не то, чтобы особенно был падок к *сему*, да и от моих некрасивых, по внешней стороне, обстоятельств, не только не упал духом, а напротив воскрилил, освободившись от подлых служебных влияний в следствии преподлейшего Костромского Начальства. Я теперь блаженствую, упиваясь весной, которая стоит у нас чудная, и только когда подумаешь о том, что деется на театре войны, так невольно сердце замрет, вряд ли Россия не в более трудном подвиге, чем была она в двенадцатом году! Тогда двенадесять язычей ведены были на Россию за шивороток капризною волею одного человека, и теперь покуда трое, да действуют под влиянием самой искренней ненависти. Что мы этим [подле] бесстыдникам сделали, не понимаю. Болей умеренной внешней политики, какою всегда руководствовался государь, я вообразить себе не могу. Корень, кажется, лежит в Евро-

* Впрочем менее 80 руб. сер. за лист я не возьму с Краевского — эту цену мне дали за Раздел, а за эту надобно 200 получить ⟨Примечание Писемского⟩.

пейских крамольниках 1848 года, которые никак не хотят простить России ни спокойствия ее в этот период взрыва мелких страстишек, ни того страха, который они ощущали к северному великану, затевая свое гнусное и разбойничье дело. Впрочем они и думать не могут иначе, но что же венценосцы-то слушаются их? Они дают им таким образом оттачивать орудие на самих себя. Невольно скажешь: прости им господи, не ведят бо что творят.

Оду твою я получил — благодарю! но она так варварски переписана, что я многого не разобрал; но впрочем, вот тебе общее впечатление твоих патриотических стихов: они без сравнения выше всех написанных в настоящее время на эту тему, они умны, искренни и не фальшивы и я только могу одно сказать, что несколько длинноваты и что ты еще не овладел тем из стали кованым стихом, какой видим у Пушкина, или, прямее сказать: ты вообще, кажется, ленив в внешней обработке. Мысль у тебя перетягивает форму. Не гонись за подробностями; мысль, которая не выражается у тебя, лучше брось ее. И вместе с тем скажу тебе еще: подражай больше Пушкину, а на Державина смотри, как на поэта, у которого [больше инстинкта] только один инстинкт.— Но и у Пушкина не заимствуй целиком фраз *(дух отрицанья, дух сомненья)* или: *востань же днесь и виждь как снова.* Впрочем, милейший, все это тонкости и усиленные мои требования в следствие искренней симпатии, которую я питаю к каждому твоему стихотворению, когда еще не знал тебя лично, и в каком бы оно роде и духе [оно] не было написано. Убедись, не ради самообольщения, а ради укрепления, что [б] пальма первенства, как поэта, в настоящее время за тобой. Как бы некричали рецензенты в пользу Фета и Тютчева, как бы Щербина неуверял, что он воспевает только красоту-красоту, у всех у них против тебя кишки тонки. Фет действительно поэт, но очень уж с ограниченным кружком и мне всегда смешно, когда рецензенты [уверяю] объявляют о тонком наслаждении, которое они испытывают при чтении его стихотворений, не похожи ли они в этом случае на котов, у которых чешут за ухом. Щербина велик, когда проходится насчет клубнички в греческом духе, но и только. Кстати здесь о критику-слагающей и фельетонной братии, которая тебя возмущает своею тупой неподатливостию к современному инте-

ресу, иначе и быть не может: эти господа весь век живут одним только чувством зависти. Они завидовали литтераторам, имена которых с успехом оглашались, а теперь завидуют офицерам, кровию себе добывающим чины и почести, тогда как они, бедные поденщики, только шляются около храма славы и нюхают.

Жена уехала в Москву за сестрой Машей и я теперь один с матерями и детками и пишется много, не знаю, хорошо-ли только выйдет. К пятой книжке Современника я выслал очерк Фанфарон, а они мне должны выслать денег и если не сделают этого, так подрежут меня решительно. Напомни им к слову и уведомь меня, что они скажут. С большим нетерпением жду я от тебя письма об моей отставке, да и об пиэсе не замедли уведомить меня. Вместе с этим я тоже пишу к Краевскому и назначаю цену 200 рублей серебром, пускай непоскупится на этот раз, после заслужу, — деньги ужасно нужны. Весенний бред твой только что сей час прочитал и вот какого рода мысли родил он во мне: в самом-ли деле в науках, по их сущности, таится и мертвенность их? Не ученые ли виноваты в этом? Не знаю, учился ли ты одной науке, которой учился некогда я, а именно — так называемой Физической Географии, созданной Гумбольтом? Она с первой до последней страницы кипит жизнию. Стало быть [в науке] все зависит от гения ученого. Таковых есть очень много исторических очерков и есть также очерки исторические, напр: Погодина, от которых мертвечиной так и пахнет. Не то-ли же точно мы видим и в Искусствах? По случаю настоящих событий ты пишешь стихи и пишет их Шевырев, который каждым своим стихотворением отражает чувство патриотизма, но [справедливо также и то] дело только в том, что в ходу бездарных ученых гораздо больше, чем бездарных писателей и понятно почему: на Парнасе можно удержаться одною только талантливостию, а в науках и на памяти многие выезжают до смерти и даже после смерти. По мнению некоторых, подобные [специальные] бездарные специалисты полезны своими чернорабочими трудами, а я нахожу, что для многих наук [они] по настоящему их состоянию они вредны. Особенно это чувствуется в науках Естественных, которые с каждым годом дробятся на частности во вред общему. В письме твоем ты между прочим пишешь, что критики ненужно, у нас есть [критика] публика. Увы! мой милой! ты в этом

случае ошибаешся жестоко: читающей с верным чутьем публики у нас нет, а если и есть публика, так только зрительная, театральная, и та потому только существует более справедливою в своих суждениях [потому только] что ей растолковывает писателя игрой своей актер; могу тебя уверить, что Гоголь познакомил с самим собою публику своим Ревизором, а не Мертвыми душами. Об Островском стали говорить после представления: *Не в свои сани не садись.* Вот какова публика в общей ее массе и потому критика [должна бы быть] необходима и она должна бы идти вместе за писателями с тем, чтобы, указывая на их недостатки для поучения их, указывала бы также публике и на достоинства их. Вот почему Редакторам следовало бы критику доверять людям, достойным [в] этого важного в настоящее время назначенья, тогда как из всех их я знаю только одного *Эдельсона* при Москвитянине, а прочих всех бы забрил в коллекторы; например, статья Анненкова в Современнике по поводу романов и рассказов из простонародной жизни, очень остроумная, если хочешь; но разве она критическая? Вместо того, чтобы вдуматься в то, что́ [он] разбирает, он приступил с наперед заданной себе мыслию, что простонародный быт не может быть возведен в перл создания, по выражению Гоголя, да и давай гнуть под это все. [По случаю] На его разбор моего Питерщика я бы мог его зарезать, потому что он совершенно не понял того, что писал я, но так как я дал себе слово — не вступать печатно ни в какие критические словопрения, то и молчу. По поводу Рыбаков Григоровича и Потехинских романов тоже бы самое можно сказать, но впрочем бог с ним! Пускай попользуются своим успехом, журнальным, конечно, только. Однако прощай. Ты, конечно, не сердишся, что я пишу не своей рукой потому, что приятнее читать все возможные на свете руки, чем мои каракули. Супруге твоей от меня поклонись низенько и передай ей мой восторг, что она не может сойтись с барынями; такова и должна быть жена автора Барышни. Прощай, мой милейший... Пиши бога ради, и на остатках только не стерплю и скажу, что мои ребятишки в деревне лихо ростут — атлеты, братец, будут, старшего учу теперь: *о чем шумите вы, народные витии?*

Твой *Писемский*

P. S. Вчитайся в моего ветерана — этот тип мне очень близок к сердцу — это мой покойной отец, я вложил ему в уста все его мысли, все поговорки, все песни и стихи, которые любил покойник, да попроси Федорова, чтобы в случае представления актеры оделись чисто и красиво.

74. А. А. КРАЕВСКОМУ

〈8 мая 1854 г., Раменье〉

Милостивый Государь,
Андрей Александровичь!

Вместе с этим письмом я отправил к Аполлону Николаевичу Майкову пиесу мою: Ветеран и Новобранец, которую желал-бы поставить на сцену, а потом поместить в Отечественных Записках, у которых я в долгу: не знаю, какое у вас в Питере будет ее впечатление, а здесь поплакивают от нее: я получить за нее желал-бы 200 руб. Я теперь ужь больше не служу, живу в деревне, пишу очень много и осенью надеюсь быть в Петербурге с порядочным запасом трудов. Если можете, почтеннейший Андрей Александровичь, чем либо посодействовать к поставке на сцену моей пиески, то не откажите в этом случае и надобно поставкою поторопиться, потому что интерес ее современный и она выхвачена мною из жизни, которою теперь живут наши провинции. — Как я думаю наелектризован Петербург настоящими событиями и какие великие действительно предначертываются события, авось хоть эта война поставит нашу публику, по простому чувству мести, в неприязненное положение ко всему иностранному, а паче к француз. Литтературе и фр. актрисам; англичане хоть и подлецы, да народ по крайней мере умной и солидной, а французы, чем ближе приглядываешься к ходу их истории, тем более убеждаешься, что они решительные дураки, не много умнее прежних поляков: хоть-бы на грош здравого смысла: прогоняют королей, устраивают республику, сажают президента, производят его в императоры и все это в какие нибудь пять шесть лет — экая сбалмашь, теперь-бы я им советывал принять магометанскую веру, только ужь этого недоставало в их истории. Досвидания почтеннейший Андрей Александровичь, почтите меня вашим

ответом, а адресс мой: в г. *Чухлому* Костр. Губернии Его Вы-ю, Алексею Феофилактовичу Писемскому.

За тем пребываю с полным моим уважением

ваш слуга

1854 *А. Писемский*
Мая 8.

P. S. Письмо это вероятно ранее к вам попадет, чем посылка моя к Аполлону Николаевичу, то дайте ему знать и попросите его получить скорее.

75. А. Н. МАЙКОВУ

⟨29 мая 1854 г., Раменье⟩

Милейший мой поэт!

Три недели, как я отправил на твое покровительство мою пиеску и с нетерпением жду, какое будет твое с оною распоряжение и как она покажется тебе и прочим. Бога ради, уведомь меня хоть коротеньким письмом, а то, находясь в беспокойно-ожидательном положении, ничего не могу писать, а писать надобно, потому что в писании главный источник для существования. Об отставке моей ты тоже ничего не пишешь. Бог с тобой,—это меня ужасно беспокоит и за это я жалуюсь на тебя твоей супруге и покорнейше прошу ее силой своей власти заставить тебя написать мне ответ с первою же отходящею почтою, если не с конечными результатами, то по крайней мере в каком положении находятся мои дела, нащет т. е. пиески и отставки. Посылаю при сем песню, присланную мне из Москвы, потрудись ее поместить в мою пиесу вместо написанной там, в которой я наврал, и поместить таким образом, пускай Савельичь один поет со слова *молодка* до слова *не нажити*, а потом хором пускай поют всю до конца. Не вздумали-бы [мо] полковника дать какому нибудь записному трагику, я решительно против этого протестую и кроме Самойлова не желаю дать никому. [Голо] Музыки на песню нигде не мог достать, но вероятно ее знают многие полковые певчие. О себе тебе сказать почти нечего: жена ездила в Москву, привезла оттуда Машу, которая теперь у нас. Осенью я думаю приехать в Петербург искать места, в деревне жить во 1-х нечем, во 2-х очень уж одичаешь. Бога ради не забывай меня письмами, они истинное для меня

благодеяние в моем затворничестве, за примером ходить не далеко: патриотическая пиеска у меня давно вертелась в голове, но так бы провертелась долго, [но] а когда ты письмом своим поддал мне пару и я [его] ее написал: такой уж характер, непременно требует толчков из вне. Прощай, писать больше негде. От меня и моих себе и своим поклонись, а затем будь здоров.

Твой *Писемский*

1854 г.
Мая 2 .

⟨На обороте, рукой не Писемского:⟩

Молодка, молодка, молодая!
Солдатка, солдатка полковая!
Перестань, молодка, по улице ходити,
Перестань, молодка, черну грязь топтати,
Перестань по милом тосковати.
Уж как по нем не тужити —
Другого такого по век не нажити!
Хорош, пригож милый уродился,
Он ростом, дородством, своей красотою,
Своей молодецкою поступкой.
Вечо̀р я с милым побранилась,
Побранка была с ним не большая:
[Канальским его сыном называла]
[Каналья, каналья, сын разбестий!]
Не знаю как с милым помириться?
Самой покориться негодится;
Людей засылать будто стыдно.
Дождусь молоденька поры время,
Поры тоя время темной ночи,
Темной ночи — полуночи.
Сама я к милому побываю,
Сама я милому попеняю:
Не слушай ты разума чужова:
Как люди-то бают — все смущают,
А нас с тобой, милый, разлуча̀ют.

76. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

⟨17 июня 1854 г., Раменье⟩

Любезный Друг,
Александр Николаевичь!

Жена моя, возвратившись из Москвы, передала мне твою претензию за мое молчание, но ты сам знаешь, сколько моих писем к тебе осталось без ответа (каковая участь, вероятно,

постигнет и настоящее послание), а кроме того и писать мне было почти нечего: живу я больше полугода в деревне, почитываю, пописываю, играю с своими детками, теперь езжу верхом, ловлю рыбу, шляюсь по полям и с нетерпением жду, чтобы начали грибы рости, а их на досаду ни одной благушки нет, вот тебе и все мои занятия; что касается собственно до писания, то пишется много: пишу длинный роман, написал два небольшие очерка, одну небольшую драматическую пиеску, которую уже и отправил в Петербург для постановки, не знаю, какая постигнет ее судьба. За подарок жене твоей пиесы Бедность не порок благодарю. Я прочел ее с большим нетерпением и с большим удовольствием и вот тебе мое замечание, если не побрезгуешь им: надобно бы было больше развить левую сторону — для этого стоило прибавить хоть одну задушевную сцену между Г. Кар. Торцевым и Коршуновым, и в Г. Карпыче выразить поярче тиранию в семействе; это бы осветило много и [левую] правую сторону, которую, пожалуй, можно бы было, пожжать. Журнальные укоры в случайности развязки вздор — в ней прекрасно выразился самодурный характер Торцова. Очень бы желалось знать, какой успех был на сцене драмы Потехина, из журнальных заметок ничего не видно, да я им, признаюсь, и не верю. И так будь здоров, дай бог тебе писать больше и больше

Алексей Писемский

1854
Июня 17-го.

P. S. Эдельсону и кто еще из знакомых вспомнит меня, поклонись.

77. А. А. КРАЕВСКОМУ

〈17 июня 1854 г., Кострома〉

Милостивый Государь,
Андрей Александровичь!

Очень Вам благодарен за ваше письмо, которым Вы известили меня хоть немного о моей пиэске, — я до сих пор ничего об ней не знал. Милейший мой Аполлон Николаевичь, при всех своих прекрасных качествах, имеет один неисправимой, кажется, недостаток, свойственный впрочем многим поэтам: отвечать на самонужнейшие письма через полгода,

если не через год. Я действительно не служу больше: по служебным неприятностям я был переведен действительно в Херсонь, но не поехал туда, а вышел в отставку и живу теперь с декабря 1853 г. в деревне. Пишу много, но не прочитать, не посоветыватся не с кем, это много отнимает энергии. Служенье музам не терпит Суеты, но зато и продолжительное уединение не совсем благотворно этим занятиям. И Амос Федоровичь, может быть, умный человек, однако одним своим умом не до многого дошел. В старинных естественных Историях есть вопрос: какое самое общежитное животное? Ответ: Человек.

Пиэсу мою я желал бы предварительно поставить на сцену и потом уже поместить в Отечественных Записках. Если вы затруднитесь как нибудь из дирекции получить дубликат, то уведомьте меня, я сей час же вам его вышлю и даже послал бы его теперь, но у меня есть только черновой, а писца под руками нет, отвечать же вам спешу. Если бог потерпит грехам, так по осени надеюсь к вам привезти длиннейший Роман, для печатания в Отечестве⟨нных⟩ Записках; — одно что меня только пугает или просто ужасает — ваш Цензор. Если вы можете иметь какое нибудь содействие в постановке моей пиэски, так не откажите в этом, главное в раздаче ролей: роль ветерана старика я желаю, чтоб взял на себя Самойлов, сохрани господь если отдадут ее какому нибудь трагику — в роде Леонидова — зарежет он меня, салдата — Григорьев, мать — Сосницкая, Макара Макарыча — Мартынов, Александра — Максимов, Власия Матвеича — Каратыгин.

Затем принося мое усердное почтение пребываю

покорнейшим Слугою

Алексей Писемский

1854
Июня 17.

78. А. Н. МАЙКОВУ

⟨Июль 1854 г., Раменье⟩

Милейший Аполлон Николаевичь!

Спасибо за ответ: в дирекцию отдай, чорт их дери, даром — пускай только ставят, с Краевского возьми сколько возможно подороже и отдай ему, пускай печатает, когда хочет, [хочет до пред] если очень ему желается, то, пожа-

луй, хоть до Представления на сцене. Ты ничего мне не написал, заявил-ли ты о моем желании, как должны быть розданы роли. — Больно боюсь я ваших Питерских актеров, легоньки они очень, сколько я их видел. Я подобно тебе тоже ничего не делаю, а лежу, шляюсь по полям и ловлю тоже рыбу, только не удочками, а так называемыми куретами, в роде маленкого [пре] бредня. Прощай, поклонись супруге, извини, что пишу очень короткое письмо, отправляю его на почту с оказией — с проезжающим мимо попом, людей нарочно посылать некого — сенокос, прощай

твой *Писемский*

79. А. Н. МАЙКОВУ

⟨1 октября 1854 г., Раменье⟩

Коварный друг, но сердцу милый! Вы со мной поступаете жестоко: хоть бы строчку, которая в моей глуши была бы для меня маной небесной, могущей пропитать меня нравственно целый месяц, хоть бы коротенкая весточка о моей пиэске, какая ее постигнула театральная судьба: дирекция-ли не приняла, цензура-ли запретила или актеры не хотят разучивать? — все худое лучше знать, чем ожидать. О, милейший мой поэт, если бы ты знал, какая для меня радость твои посланияца и с каким нетерпением ожидаю я личного свидания, которое предстанет как только откроется первой зимний путь... в Питер, в Питер! Бог с ним с этим уединением, в котором я даже сочинять не могу: Гоголь между многими умными правдами сказал одну неправду, что будто бы писатель должен искать вдохновения в тиши кабинета: вдохновение, я по крайней мере, черпал всегда из жизни, а в уединении и то временном, непродолжительном, удобно пользоваться этим вдохновением. Длинный роман, которой я задумал, остановился, просто лень писать, а насиловать себя боюсь, пожалуй так напишешь, что лучше бы совсем не писать, тем более, что я уже пробовал заставлять себя сочинять в Богатом Женихе и вышла такая мерзость, что самому стыдно. Не знаю писал-ли я тебе об основной мысли романа, но во всяком случае вот она: что бы про наш век не говорили, какие бы в нем не были частные проявления, главное и отличительное его направление *практическое*: составить себе карьеру, устроить себя покомфортабельнее,

обеспечить [св] будущность свою и потомства своего — вот божки, которым поклоняются герои нашего времени — все это даже очень недурно, если ты хочешь: стремление к карьере производит полезное трудолюбие, из частного комфорта слагается общий Комфорт и так далее, но дело в том, что человеку идущему, не оглядываясь и не обертываясь никуда, по этому пути, приходится убивать в себе самые благородные, самые справедливые требования сердца, а потом, когда цель достигается, то всегда почти [человек] он видит, что стремился к Пустякам, видит, что по всей прошедшей жизни подлец и подлец черт знает для чего! На эту тему пишется роман. Письмо это начато прежде, и я сей час узнал из письма Федорова к соседу моему Новикову, что пиэска моя ставится и роли розданы, как я желал, спасибо тебе и Федорову, только сердце болит, как-то она будет принята. В конце Ноября или начале Декабря я трогаюсь в Петербург искать счастья и с каким нетерпением ожидаю личного свидания с тобой — это богу только известно. Если пиэска моя играна, то, бога́ ради, напиши мне, напиши с первой же почтой, как она сошла — не поленись, хоть коротенкое письмецо пришли. Супруге твоей, батюшке, матушке, братцам поклонись от меня и от жены Твой *Писемский*

1854
Окт. 1-го.

80. Н. А. НЕКРАСОВУ

〈7 октября 1854 г., Раменье〉

Почтеннейший Николай Алексеевичь!

Наконец-то я получил от Вас весточку. О том, что мой Фанфарон уже напечатан, я тоже узнал недавно, потому что с Июльской книжки не получаю Современника и что такое это значит — понять не могу: не высылают-ли его ко мне совсем или заслан он кому нибудь другому — неведаю. Очень рад, что этот очерк понравился в Петербурге и вместе с этим могу вам сообщить не ради авторского самолюбия, а ради правды, что в нашей провинциальной читающей публике он [имеет] получил, кажется, исключительный, перед всеми другими моими сочинениями, успех — его прочитали даже все положительные люди, давно нечитающие никаких

повестей, потому что в Фанфароне тронута самая живая, самая интересная для них струна в жизни: [раще] безращетливость и неблагоразумное хозяйство.

Нащет денег, не могу скрыть, меня очень стесняло неполучение их, так что я не знаю, как и промаять нынешний год, имея в литературе единственный ресурс к существованию и не получив ни откуда ни копейки, и дошел окончательно до убеждения, что в России покуда литературой жить невозможно! В ноябре я отправляюсь в Питер, на долго, искать там места и потому я просил бы вас, бога ради, приготовить мне в декабре следующие мне деньги, на которые ращитывая я и еду: пожалуста не подрежте меня тогда. Повесть Виновата-ли она? я привезу сам, мне хочется ее изменить, а поэтому изменению может возникнуть цензурный вопрос, а главное теперь поправлять не в состоянии со сборами, с хлопотами, с поездками к родным. [По письм] В прошшлом или нынешнем м͠це должна поставиться моя маленькая пиэска: Ветеран и новобранец. Как она не мала, а все таки у меня сердце и обмирает: будет-ли она иметь успех или нет! Прощайте, почтеннейший Николай Алексеевичь, до свидания. Ивану Ивановичу <Панаеву> и Супруге его прошу от меня поклониться.

Ваш слуга Покорный

Писемский

1854-го
Окт. 7-го

P. S. Современник прикажите мне выслать. Адрес мой в Чухлому Костромской Губернии.

81. Л. А. ПЕРОВСКОМУ

<13 января 1855 г.. С. Петербург>

Его Сиятельству,
Господину Министру Уделов
Графу Льву Алексеевичу Перовскому

Титулярного советника
Алексея Феофилактова
Писемского

ПРОШЕНИЕ

Окончив службу мою в прошлом 1854 году, я ныне снова желаю продолжать оную по Министерству Уделов, а потому прилагая при сем свой атестат, покорнейше прошу, Ваше

Сиятельство, об определении меня по вверенному Вам Министерству. 1855 года, января 13 дня. К сему прошению Титулярный Советник *Алексей Феофилактов Писемский* руку приложил.

82. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

〈30 марта 1855 г., С. Петербург〉

Христос воскресе!

Любезнейший Друг, Александр Николаевичь!

Прибегаю к тебе с моей покорнейшей просьбою: по ополчению мне приходится ставить одного человека, приличной для этого человек у меня проживает в Москве, именно тот самый, которому ты писал паспорт, то бога ради вышли его в деревню и сделай это таким манером: пошли за другим моим мужиком Гарасимом, который живет против тверской части, в гостиннице Европе, и имянуется Маляром. Накажи ему накрепко, чтобы он сей час же приискал подводчика и отправил этого Абрама в деревню и мне бы написал об этом, и кстате, и оброк-бы с себя Гарасим выслал, давно ужь пора; ты призови его к себе, скажи ему построже и погромче, он очень глух и любит, чтобы на его прикрикнули. Бога ради, схлопочи это дело, а то я, пожалуй, попаду в беду, в деревне решительно некого ставить.

Что тебе сказать о моем житье-бытье в Петербурге, оно было-бы не дурно, если бы здоровье не хлибило. Милейший Тургенев едет скоро в Москву и, вероятно, увидится с тобой и раскажет тебе, как я подвизаюсь в чтении у разных сильных мира сего моего нового романа Тысяча душ и очерка Плотничья Артель. В Мае месяце, вероятно, буду и я сам в Москве, если только получу командировку. Из литературных новостей — возвратился из круго-светного путешествия Гончаров и привез с собой кипу Записок, не глупы, да не очень и умны и порядочно скучноваты, впрочем несмотря на это он, как человек, хороший человек, и я не знаю почему, но очень много вижу в нем как-бы родного мне — [чистой русак — наш брат помещик]. Все его убеждения, даже капризные, я понимаю и — больше того — сочувствую им.

Прощай, писать больше некогда, кучи писем надо писать еще в Кострому. — Поклонись от меня всем вашим и Ивану

А. Ф. ПИСЕМСКИЙ

Фото 1850-х годов (Пушкинский Дом)

Федоровичу <Горбунову>, скажи что мы часто об нем говорим. Мне очень досадно, что его расказы здесь расказывает Бурдин и подлейшим образом. Приехал-бы он в Петербург может быть мы как-нибудь пристроили-бы его к театру.

Твой *Писемский*

30 марта
1855 г.

Напиши мне хоть коротенкое письмецо; не забыл-ли адрессу, вот он: на Итальянской в д. Износкова № 18.

83. И. Ф. ГОРБУНОВУ

<Весна 1355 г., С. Петербург>

Мой любезнейший
Иван Федорович!

Павел Васильичь Анненков очень просит тебя, чтобы ты уделил ему вечерок — посети, пожалуста, его, а ради этого забеги как нибудь ко мне утром и мы условимся с тобой когда идти к нему.

Твой *Писемский*

84. А. В. НИКИТЕНКО

<5 июля 1855 г., С. Петербург>

Милостивый Государь,
Александр Васильевичь!

Пользуясь вашим обязательным дозволением обращаюсь с покорнейшею просьбою заступиться за мой рассказ: „Плотничья артель", который сего дня должен быть представлен от Волкова Министру при рапорте. Рапорт этот написан совершенно в мою пользу, только, бога ради, не задержали-бы его. Расказ должен печататься в Августовской Книжке От<ечественных> Записок.

Смею уверить, что расказ мой цензурен и только придирчивость Г-на Фрейганга видит в нем места, которые будто бы противуречат правила<м> Цензуры.

Прося принять уверение в совершенном моем почтении, пребываю

покорнейшим слугою
А. Писемский

1855 г.
Июля 5.
Вторник.

85. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

<26 июля 1855 г., С. Петербург>

Любезный Друг,
Александр Николаевичь!

Спешу отвечать на твое письмо. По просьбе твоей об деньгах я на этой же неделе отправлюсь к [нему] Федорову на дачу, стану его просить и стыдить. Об Ипохондрике моем Иван Фед. <Горбунов> немножко соврал; он пропускается, но еще непропущен. Теперь он, смягченный и сокращенный, у Дупельта — впрочем Федоров говорит, что непременно пропустится, и я с большим, большим удовольствием предоставлю его Васильеву на бенефис и как только, что пропуститься, сей час же вышлю ему письмо, по твоей копии. Я без ужасу не могу вообразить угрожающей ему слепоты — только дело в том, темная-ли у него вода, которая поражает гораздо быстрей и не другая-ли какая нибудь глазная болезнь, более излечимая. Тебе, кажется, писал Горбунов, что мы с ним были у великого князя Константина Николаевича: я читал мою Артель, а он рассказывал. С цензурой Фрейганга по случаю Артели воюю, и неуступая ему, не знаю, чья выдерет, а буду биться до последней капли крови.

Вчера вечером слушал я новой очерк Толстого Июльская ночь в Севастополе (т. е. Штурм). Ужас овладевает, волосы становятся дыбом от одного только воображения того, что делается там. Статья написана до такой степени безжалостно-честно, что тяжело [даже] становится читать. Прочти ее непременно! Об твоих Свои люди сочтемся я подумал и полагаю, что непременно надобно хлопотать об поставке ее на сцену и, кажется, можно это сделать, только дело в том, мой милой, что Тебе надобно самому приехать в Петербург, потому что здесь без личного ходатайства ничего не сделаешь. Приезжай и будем таскаться всюду вместе по всем сильным мира сего, оно-бы хорошо, если бы привез с собой что нибудь новенькое, понатужься, милой, отдыхаешь ужь целой год. Конечно, искусство требует вдохновения, да ведь и вдохновение может родиться в следствие некоторого принуждения самого себя. Горбунова я серьезно упрекаю: готовиться человек к дебуту и хоть-бы одну ролю готовил. Я очень опасаюсь, что бы это его малень-

кое личное творчество не помешало ему в выполнении ролей. Он все будет, пожалуй, сбиваться на свой тон или переходить в карикатуру. Что тебе сказать об себе: в длиннейшем моем романе перевалился ужь в третию часть. Мечтаю кончить к 1 январю 56-го года, кончить совсем, но вряд-ли сил хватит. Прощай: поклонись и поцалуй за меня Агафью Ивановну.

Твой *Писемский*

1855 г.
26 Июля

P. S. С Мих. Николаичем ⟨Островским⟩ видаемся довольно часто, я ему передам твое поручение, только вряд-ли он не уехал гостить в Финляндию. Что за умной юноша — залюбованье.

Был-ли у Эдельсона Анненков. Он ему очень понравился и он непременно хотел быть у него.

Евгению Николаичу ⟨Эдельсону⟩ передай от меня искреннее сожаление о смерти брата. Жаль, крепко жаль юноши. Скажи еще Евгению Николаевичу, что Панаев, а паче того Краевский объявили мне за его большие претензии, что я не привез его к ним.

85. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

⟨1 августа 1855 г., С. Петербург⟩

Любезный Друг,
Александр Николаевичь!

Спешу тебя уведомить 1-е) нащет денег твоих я обращался к Федорову, он сказал, что это независит от его, а от Борщева, а сей объяснил, что у них состоялось *милое* постановление, не выдавать никому поспектакельной платы до начала спектакля т. е. до 30 августа. 2-е) Иван Федорычь ⟨Горбунов⟩ раскахывал и читал твои Свои лю⟨ди⟩ Соч⟨темся⟩ у великой княгини Елены Павловны и говорит, что всем понравилось. Это может служить хорошим путем для цензуры. Во всяком случае в августе или в сентябре приезжай сам. Брось эту леность и распущенность, я бы тебе даже советывал приехать и прожить всю зиму в Петербурге. Это тебя освежит и поддаст пару к деятельности: писателю необходимо менять среды, чтобы прожитое им ярче выступало в уме. Гоголь неглупо делал, что писал Мерт⟨вые⟩ души

в Италии. 3-е об Ипохондрике сей час опять получил известие от Ивана Федоровича, что он будто бы пропущен и будто-бы жена Федорова показывала ему рукопись. Как получу окончательно положительные сведения, сей час уведомлю Васильева.

Был-ли, проезжая Москву, Анненков у Эдельсона и виделся-ли ты с ним? Он малый хороший и желал с тобой позна<ко>миться.

Теперь моя просьба: пошли ты своего Ивана к моему кр<естьяни>ну Герасиму, живущему в Гостиннице Европе, напротив Тверской части, и скажи им, что он каналья и другие не высылают оброк, который должны были прислать на петров день по нижеследующему реестру: с Герасима — 5 руб.; с Лаврентья Маркова — 20 руб. в числе которых 15 р. новых и 5 р. старых; Григорья Васильева — 15 руб. а иначе скажи им, что приехавши в Москву я с ними разделаюсь.

Когда будут ставить Ипохондрика, похлопочи, чтоб это было потщательнее сделано. Что здесь он шлепнется, в этом я наперед уверен. Жду с нетерпением и некоторым опасением дебюта Ивана Федоровича и беспрестанно ему долблю, чтобы он готовился: мальчик умный и с огромными дарованиями, но только ужасно привык *веселиться*, а дела делать не любит. Прощай, поклонись Эдельсону, Матери Агафии и всем мя знающим, кроме впрочем Филипова.

Твой *Писемский*

1855 г.
Августа 1-го.

Напиши что нибудь новое, без того и не езди, в Петербурге непременно нужна новинка.

Ты пишешь о моих успехах литературных — это, может быть, до вас так доходит, успехов особенных нет, какие они были, такие и есть.

Ты пишешь, чтоб я поклонился всем, кто не совсем тебя ругает в Петербурге, тебя никто неругает — и все видят в тебе художника, но говорят, что ты, родившись сатириком, вздумал проливать слезы чувствительности и сбился на тон Романа в Двумужнице в последней твоей пиэсе — это правда!

Длинным романом своим похвастаюсь: выходит штука серьезная, хоть выполнение пока еще слабо.

87. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

6 августа ⟨1855 г., С. Петербург⟩

Любезный Друг,
Александр Николаевичь!

Вот, как я бомбандирую тебя письмами. Ипохондрик мой пропущен наконец. Прилагаю при сем письмо к Васильеву. В нем есть маленькие прибавления, которые велел мне сделать Федоров. Он мне растолковал, что, отдавая пиэсу в дирекцию, я на ее теряю официальные права. Я хотел было отдать ее и здесь на бенефис, но Федоров не допустил, говоря, что Дирекция хочет поставить для себя. При открытии театра он будет единственная новинка, поставить ее хотят недели в три и конечно свернут; жду великолепнейшего шлепка. Васильев конечно отнесется сюда и я попрошу, чтоб ему разрешили, только уведомьте меня. Одолевши одну цензуру, бьюсь теперь с другой. — Вчера целую почти ночь толковал с Фрейгангом об моей Плотничьей артели и дело вероятно дойдет до Главного Управления Цензуры, где пропустят. Когда пойдет Ипохондрик, уведомь меня. На последние репетиции я м. б. сам приеду.. Деньги тебе открывается возможность выслать. В понедельник иду об этом толковать с Борщовым.

Твой *Писемский*

88. М. П. ПОГОДИНУ

⟨11 августа 1855 г., С. Петербург⟩

Милостивый Государь,
Михаило Петровичь!

По некогда существовавшему между нами условию я должен был получить от вас моих сочинений 50 экзем., но получил всего только 25 — и потому утруждаю вас моей покорнейшею просьбою приказать Конторе выслать мне остальные в которых я очень нуждаюсь, тогда как у меня нет ни одного экземпляра, а между тем „Ипохондрик“ мой после четырехгодичного ареста, пропущен наконец на сцену, надобно послать в дирекцию, дать актерам и иметь у себя. Как у вас в Москве, а здесь в Цензурном отношении большой просвет. В Сентябрской книжке Отеч. Записок будет напечатан мой расказ „Плотничья артель“, которую цензор Фрейганг помарал всплошь, но так как я нынешнюю зиму читал ее Министру

и наконец в Июне мца имел щастие читать великому князю Константину Николаевичу, то на этом [я] и не успокоился, пошел с жалобой к добрейшему Абраму Сергеичу <Норову>, тот и велел мне подать ее в цензурный Комитет с тем, чтобы перенести потом в Главное Управление, но до этого дело не дошло: в Ценз<урном> Комитете сам-же Фрейганг пропустил ее до последнего слова. В Москве начинается, говорят, новый журнал: Московский Летописец. Что ваш Москвитянин — увы!.. а жаль — началось-было так хорошо — и так безрезультатно заумирать.

За тем, повторяя мою просьбу о высылке сочинений, остаюсь

Покорнейшим слугою
Алексей Писемский

1855
Августа 11-го

Адрес мой: На Итальянской, близь Лиговки в доме *Износкова,* № 16-й.

89. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

<20 октября 1855 г., С. Петербург>

Любезный Друг,
Александр Николаевичь!

У меня к тебе большая просьба, которую, наперед уговор, прошу исполнить: 1-е спросить Васильева, просил-ли он об разрешении поставить в свой бенефис Ипохондрика, если просил, то разрешили-ли ему. Вероятно, что не разрешили и не разрешат, так как у них здесь положено правилом, чтобы не давать актерам на бенефисы пиэс, которые взяты дирекцией за поспектакельную плату. 2) Если Васильев уже просил и ему отказано, то уведомь меня. В таком случае я буду писать к Верстовскому и просить его о поставке пиэсы. 3) Если Васильев не просил еще, то попроси его поскорее решить этот вопрос и когда он пришлет сюда об этом, то уведомил-бы меня. Я похлопочу в его пользу. Пожалуста уведомь меня обо всем этом, как можно поскорее.

Твой *Писемский*

20 октября.

90. М. П. ПОГОДИНУ

〈26 октября 1855 г., С. Петербург〉

Почтеннейший Михаил Петровичь!

Извиняюсь, что так долго не отвечал на ваше письмо: сначала был занят разного рода хлопотами, а тут заболел, да так, что и до сих пор не могу хорошенько поправиться. Милой Петербурский климат добьет, кажется, окончательно небольшой запас моего здоровья. Ипохондрик мой имел успех, но не в массе публики. — Впрочем, так и должно быть в толпе, воспитанной, с одной стороны, на Итальянской опере и Французском Театре, а с другой — на переделанных водевилях и драмах Кукольника. Выполнена она прилично, но и только! Не говорю о моем Ипохондрике, в котором, при некоторых достоинствах и куча недостатков; но вот, что грустно, что, хотя по преимуществу перед всеми родами Литтература наша представляет истино-достойные образцы высокой комедии, а между тем все они принимаются более с уважением, чем с любовью, — для нас театр все еще не школа, а забава. Смеются и фразе, исполненной глубокого юмора, которую пережил и произнес актер всей своей душой, смеются тем же смехом и по пошлейшему экивоку, который, говоря, актер делает гримасу, как паяц. Явление грубейшего исполнения публике поставляет здесь один из любимцев ее Самойлов, актер, который играет только кожей и мышцами, от которого я еще не слыхал ни одного слова без нервного раздражения, потому что в каждом слове его слышится фальш, дерзость и холодный крик, а между тем, его ставят выше Мартынова — актера, которого портили двадцать лет и дирекция, и авторы, и публика и который все-таки остался задушевнейшим актером. Насчет портрета моего, почтеннейший Михаил Петровичь, откровенно должен вам сказать, что списать порядочный и прислать вам его, у меня, право, нет настолько лишних денег, доказательством чего может служить то, что у меня у самого даже нет моего изображения, и нет чисто по недостатку кармана, а не по невниманию к своей собственной физиономии. Написал я статью о Гоголе, если полюбопытствуете, то прочтите, она помещена в Сентябрской книжке Отечественных Записок. Сказал, по крайнему своему убеждению, о нашем великом мастере *правду;* многие на меня, знаю, теперь восстанут, но верю в одно, что с течением времени правда

останется за мной. У вас возникают в Москве два журнала — один западной, другой — славянской, — дай бог обоим и успеха: некоторые Петербургские журналы, как например, Библ. для чтения и Пантеон, следует похоронить. Надобно знать, какую мерзость человечества составляют сотрудники этих журналов. До свидания.

Ваш покорный слуга
Алексей Писемский

91. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

<12 ноября 1855 г., С. Петербург>

Любезный друг,
Александр Николаевичь!

Пиэса моя наконец переправлена. Бога ради не откажи и прими участие в постановке ее: ты в этом и толк знаешь, и тебе все знакомы артисты. Вместе с этим письмом я пишу к Алексею Николаевичу Верстовскому, где написал и желание мое касательно раздачи роли, а именно: Ипохондрик — Садовский, Ваничка — Васильев, Прохор Прохорычь — Щепкин, Михайло Иваныч — Степанов. На щет женских ролей Надежда Ивановна — Рыкалова, Настасья Кириловна — Акимова, Соломанида Платоновна решительно не знаю кто; Никиту я желал-бы, что б играл Живокини. Роль эту я переделал и Василий Игнатьичь вероятно не откажется сыграть ее. Еще просьба моя большая в том, пожалуйста, уведомь меня поточнее, когда предположится ставить пиэсу и когда начнутся репетиции, вероятно я сам приеду в Москву. Вместе с этим письмом я пишу к Садовскому. Дело в конце пиэсы, прочитай это письмо и подумайте вместе. Твой *Писемский*

12 Ноября.
1855 г.

Прилагаемое при этом письмо к Прову Михайловичу <Садовскому> — передай.

92. А. Н. ВЕРСТОВСКОМУ

<12 ноября 1855 г., С. Петербург>

Милостивый Государь,
Алексей Николаевичь!

Пользуясь вашим обязательным вниманием, с которым Вы лет пять тому назад приняли мою пиэсу „Ипохонд-

рик", решаюсь в настоящем случае утруждать Вас покорнейшею моей просьбой об участии вашем в постановке ее на московской сцене. Цензура наконец ее пропустила, в Петербурге она сыграна и имела довольно значительный успех. На этой-же почте посылается из дирекции и самая пиэса. Роли я желал-бы, чтобы были розданы таким образом: Ипохондрика — Садовский, Прохора Прохоровича — Щепкин. — Роль эту играл в Петербурге Зубров — молодой актер и преимущественно пред всеми имел успех огромный. Ваничку — Васильев. — Михайла Ивановича — Степанов. Никиту-лакея я просил-бы сыграть Живокини, тем более, что роль эта переделана и может быть им сыграна весело: он два акта на сцене крепко выпивший. Нащет женских ролей, незная актрис, я решительно затрудняюсь. Впрочем, как и прежде предполагалось, [играть] Настасью Кириловну играть Акимовой, Надежду Ивановну Рыкаловой. На роль-же Соломаниды Платоновны, [за] с выходом старушки Сабуровой, не имею никого в виду и предоставляю вашему усмотрению. Здесь пиэса разбивается не на четыре действия, а шесть картин по неудобству менять декорации. Некоторые сцены, при представлении, пропускаются и все они у меня в цензурном посылаемом экземпляре отмечены карандашом. — Выпустить их необходимо, — потому что они решительно без пользы удлинняют пиэсу, без того уже длинную. В конце пиэсы Мартынов, игравший Ипохондрика, после того, как испугался холеры и произнеся свой грустной монолог, вдруг вскакивает, кричит: доктора!.. и [же] для возбуждения испарины начинает бегать по сцене. Занавес в это время отпускается. Все это я просил бы сделать и Садовского, потому что без этого конец вял и скучен, а так сыгранный чрезвычайно оживляет и производит всеобщий смех. — Вот все мои желания, независимо от которых я покорнейше просил бы уведомить меня, когда именно предположена будет поставка моей пиэсы и назначутся ее репетиции, я вероятно сам найду случай приехать на это время в Москву.

За тем, прося принять уверение в совершенном моем почтении и преданности, имею честь пребыть

покорнейшим слугою

1855 г. *А. Писемский*

Ноября 12-го.

Адресс мой: В Санкт-Петербурге, на Итальянской, близ Лиговки, в доме Износкова.

93. А. В. НИКИТЕНКО

<25 ноября 1855 г., С. Петербург>

Милостивый Государь,
Александр Васильевичь!

Пользуясь вашей добротой я решаюсь обратиться к Вам с моей покорнейшей просьбой. Я слышал, что открывается несколько цензорских мест и потому, не имею-ли возможности поступить туда и я. Состоя в настоящее время, без жалованья, по Министерству Уделов, и живя в Петербурге одними литературными трудами, я крайне нуждаюсь в службе и до сих пор не имею в виду никакого места. Об участии вашем по этому делу я хотел вас просить еще в прошлой раз у Тургенева, но посовестился и теперь решаюсь обратиться письменно. Министерству очень удобно сделать Цензоров из Литераторов, предоставя, так сказать, цензурный суд об них из среды же их самих.

Если есть надежда на получение мне этой должности, то, бога ради, не оставьте меня советом, как и что мне делать: идти-ли мне прямо к Министру, или к товарищу Министра, или просить кого нибудь прежде? За получением ответа я сегодня лично-бы явился к вам на вашу Пятницу, но читаю свой новой Роман у Абрама Сергеевича <Норова>. Не обяжите-ли меня письменным ответом или, когда назначите, я сам явлюсь.

Еще раз прося извинения, что утруждаю моей просьбой, пребываю

с истинным моим
уважением
покорнейший слуга
Алексей Писемский

25 Ноября
Пятница.

Адрес мой: На Итальянской, близь Лиговки, в доме Износкова; Алексею Феофилактовичу Писемскому.

94. А. Н. МАЙКОВУ

〈25 ноября 1855 г., С. Петербург〉

Любезный Друг
Аполлон Николаевичь!

Поедешь ты сегодня к Министру Норову или нет, и я бы просил тебя ехать, и за мной заехать или мне к тебе быть; а мне все нездоровится и хандриться. Уведомь меня с сим же посланным.

А. Писемский

95. Н. А. НЕКРАСОВУ

〈28 декабря 1855 г., С. Петербург〉

Почтеннейший Николай Алексеевичь!

Вчера я забыл Вам напомнить на щет моего Лешего. Нельзя-ли как нибудь одолжить мне его по скорее хоть сегодня или завтра, потому что мне хочется кое-что поисправить в нем, а после нового года я на другой же день хочу представить мои очерки в Цензуру.

Ваш покорный слуга
А. Писемский

Середа
28 окт.

96. Е. П. ПИСЕМСКОЙ

Воскресенье 19 Февраля 〈1856 г., Астрахань〉

Бесценная моя Кита! Вот я пишу к тебе ужь и из Астрахани, сидя в теплом номере, уже несколько отдохнувши после адской усталости, переехав Волгу на саласках, которые везли Калмыки, и лед в это время подо мной качался, можешь судить, какого я труса праздновал. Что тебе сказать об Астрахани? На первый взгляд она вдвое больше Костромы и в 15-ть раз грязнее и бестолковее. Сей час я воротился из Театра. Пошел частию от скуки, а частию, чтобы познакомится кое с кем и ты себе представить не можешь, куда я попал! В Петербурге зверинец перед этим сараем идеал чистоты и благовония, актеры — дрянь, публики порядочной — никого. Просидел два действия и ушел писать к тебе. В городе проезду нет ни на санях, ни на колесах; на каждом шагу днем встречается то татарин, то армянин, то казак, то калмык и все это грязное, оборваное, неопрятное. Вот тебе

печальная сторона в моем житье бытье, но есть и хорошая. Первое, Фейгин, к которому я имел письмо, сам приехал ко мне первый, объявил, что он уже ожидал меня и пригласил переехать к нему, что я и совершу завтра. Губернатора нет в городе и его ждут на днях и все говорят, что он отличный человек и окажет мне всякое содействие. Завтра поеду представиться Губернаторше. Жизнь вероятно мне будет стоить здесь недорого, вчера я ужинал и сегодня обедал по нашему баснословные вещи: уху из стерлядей полпорции за 25 к. сер. и жареного фазана полпорции за 25 к. сереб. Но что больше всего меня радует, это то, что я в состоянии начинать писать и из своих Путевых Записок написал целую сцену. Вот тебе покуда, что видел, завтра буду продолжать письмо.

20 *Понедельник*. Обязательный Фейгин поселил меня у себя. Я сижу в прекрасном кабинете, с камином, на креслах волтеровских, прекрасно пообедав, с отличным вином. Поутру познакомился с Сапожниковым, которому принадлежат главные рыбные промыслы и он предлагает свой катер и даже пароход для разъездов — все это недурно!

21 *Вторник*. Сегодня, как Чичиков, делал я визиты: был у Губернаторши, Виц-Губернатора, Председателя Казенной Палаты и так далее. Фейгин человек удивительный: доставляет мне все удобства: сегодня визиты делал в его фаэтоне, пью и ем отлично, помещен со всем комфортом, так что совестно, до того мое положение хорошо и удобно. Губернатора еще нет, но ждут каждый день. Письмо это дописывал-было карандашем, как начал, но боюсь, что карандаш сотрется и ты получишь один пустой лист и потому начинаю обводить чернилами. Прощай покуда. Детей мильон раз целую и благословляю, тебя обнимаю, у Маминьки и Маши поцалуй ручки.

Твой *Писемский*

Адрес мой: на мое имя в г. Астрахань.

97. А. Н. и А. И. МАЙКОВЫМ

⟨20 февраля 1856 г., Астрахань⟩

Письмо это, мой милой Аполлон и добрая Анна Ивановна, я пишу к вам ужь из Астрахани, отделенный от вас [2500 верст] двумя с половиною тысячами верст, с грустною

и тяжолою мыслию, что еще бог знает, когда увидимся!.. Приехал я хоть и здоров, но измучен в конец и только еще начинаю немного отдыхать, а это еще только начало предпринятого труда, но сколько его будет впереди и подумать страшно, а между тем, сколько я проехал городов, сел, деревень, климатов и теперь уже в весенней полосе, в Азиатском почти городе, большом, но грязном, [где] на каждом шагу встречая то армянина, то персиянина, то калмыка, то казака, ем стерлядь, фазанов, пью Кохитинской, край хороший, но увы! цивилизация в массе еще не тронула его на иоту. Грязно, лениво, глупо и главное пустынно, за исключением конечно Астрахани, где 40 ты<сяч> жителей и жизнь довольно бойка и деятельна, хоть далеко не развита до приличной ей силы; работы мне предстоит, кажется, много, а что я [зде] сделаю, то бог еще весть. — Что-то вы, мои милые друзья, поделываете? Пишите ко мне больше на мое имя в Астрахань — и только. Сегодня я, как Чичиков, делал визиты сильным мира сего и, кажется, попал к очень хорошим людям, а главное очень хвалят Губернатора, которого нет в городе. Обнимаю вас крепко и целую

Ваш *Писемский*

Николаю Аполлоновичу, Евгении Петровне, Володе, Катерине Павловне, Леле всем поклон и всех заочно целую, Юлию Дмитревну, и ту, скажите, целую заочно. Володю попроси написать мне о моих очерках и Комедии Иванова, которую я послал к нему из Костромы.

20 февраля.

98. А. А. КРАЕВСКОМУ

<20 февраля 1856 г., Астрахань>

Почтеннейший Андрей Александровичь!

Вероятно в жизни вашей не много таких добрых дел, какое сделали вы для меня, отрекомендовавши меня Якову Яковличу Фейгину, которой меня, измученного, беспомощного странника приютил у себя и окружает такими удобствами, что даже совестно. Что вам сказать об себе. Первое, что посылать путешествовать по России людей можно только за наказание, до того удобны наши пути сообщения.

В благословенном крае — Саратовской и Астраханской Губернии я чуть было не умер с голоду, квасу, яиц нет в деревнях. Хорошо мне ответила по этому случаю баба; как-же, шельма, у вас нет даже яиц, сказал я ей. Что делать сударь, ответила она, у нас на всем селе у одного священника и есть яйцы. Работы мне в Астрахани предстоит много: есть что описывать!

Что-то поделывается в вашем Питере,—напишите, не забывайте меня странника. Г-ну Утину принесите от меня глубочайшую благодарность за обязательное гостеприимство Якова Яковлича. Прощайте пока,

Ваш *Писемский*

20 февраля.

99. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

<28 февраля 1856 г., Астрахань>

Любезный Друг
Александр Николаевичь!

Вот ужь я другую неделю в Астрахани; пропутешествовал на почтовых около двух тысяч верст, переехал в другую природу, климат; узнал степи, видел и вижу Калмыков, их кибитки, верблюдов, Армян, Татар, Киргиз-Кайсаков, словом почти в Азии и знаешь-ли какое впечатление? Всё это милый мой говно против нашей полосы, говно — люди и даже климат. Теперь мне понятно, почему Московское царство одолело все прочее. Что? состоялась-ли твоя поездка на Дон? и если состоялась, то наперед советую тебе запастись терпением. По России не так еще приятно и удобно путешествовать, но во всяком случае будет [приятно] любопытно, потому что через каждые сто верст ты будешь встречать и новый народ, новые нравы, обычаи, даже Религию, точно [едешь за границей] переезжаешь из Государства в Государство. Не знаю, что может встретиться на Дону, но Астрахань это непочатое дно для описаний: не говоря ужь о Губернии, самой город точно явившийся после столпотворения Вавилонского и неслитно до сих пор оставшийся: Калмык со своим языком, кочевой кибиткой, идолами, Армянин более православный, Армянин более католик, Татарин со своим языком и магометанским толком, Персиянин со

своим языком и другим магометанским толком, Русский мужик, Немец, Казак — все это покуда наглядно еще режет мой глаз, но сколько откроется, когда еще внимательнее во все это вглядишься. Пиши мне, бога ради, при всем разнообразии впечатлений мне тоска смертная и каждая весточка от вас будет [мне] истинная отрада. Прощай.

Твой *Писемский.*

Кланяйся всем. Адрес мой: на мое имя в Астрахань.

28 Февраля
1856 г.

100. Е. П. ПИСЕМСКОЙ

⟨25 марта 1856 г., Астрахань⟩

Бесценный Друг мой Кита!

Вчерашнего дня, в одинатцать часов вечера, возвратился я из первого своего вояжа морского, получил твое письмо, обрадовался, проспал потом часов 12-ть, встал и начинаю писать к тебе. Ездил я с адмиралом на так называемую *Бирючью Косу,* маленкой островок при втоке Волги в Каспийское море. Во первых, здесь еще холод страшный, так что никто незапомнит. Чтобы сесть на пароход, мы ехали на катере пробиваясь и расталкивая лед, и когда сели, то у парохода не достало силы, чтобы выйти из льду, употребили завоз. Наконец тронулись: сначала все шло очень хорошо, я стал на палубе, хоть и был холодный ветер, хоть решительно на берегах и не было ничего привлекательного: — либо пустырь, либо камышь, изредка попадется в глаза рыбная ватага (в роде нашей деревни), да калмыцкая кибитка, — словом на всем этом пространстве меня более всего заинтересовали *бакланы*, черная птица, в роде нашей утки, которые, по расказам, находяться в услужении у Пеликанов, мы видели с тобой их в зверинце. Пеликан сам не может ловить рыбу и это для него делает Баклан, подгоняя ему рыбу, иногда даже кладя ему ее в рот, засовывая ему при этом в пасть свою собственую голову. Чем вознаграждают их за эти услуги Пеликаны — неизвестно! Кажется, ничем! Очень верное изображение человеческого общества. Пока я рассуждал так о бакланах, пароход встал, потому что дальше не мог идти — мелко! *До Бирючей Косы* оставалось еще верст 15-ть. Пересели в катер. Я сделал гримасу, впрочем

ничего — катер был довольно большой и гребли 14 человек Севастопольских матросов-молодцов и все с георгиевскими крестами; проехали еще 5 верст; зашли в деревню, распросили, говорят, нельзя доехать и на катере, а надобно на маленких лодочках. Можешь судить, как мне это было приятно, но делать нечего — сели. Гребли у нас два молоденькие калмыченка, между тем солнце садилось, волны становились шире и шире, течение быстрей и быстрей, ветер разыгрывался, продувая нас до костей. Наконец сделалось совершенно темно: я чувствовал только, что меня поднимало и опускало: валы, как какой зверь поднимались, встряхивали, как гривой белой пеною, и обливали нас. И я... вот по пословице: нужда научит калачи есть... я — ничего! Наконец приехали, но чтоб вступить на берег, к нам вышли матросы и переносили нас на руках, проламывая лед и идя по колено в воде. На другой день предполагали возвратиться из Бирючей Косы, но, проснувшись, увы! увидели весь форватер в льду. Оставленной нами катер, говорят, кругом замерз и не может двинуться ни взад, ни вперед. Все приуныли: подобная история могла продолжиться около недели. Но, [по пословице] нужной путь бог правит. Передневали, ветер подул с моря, катер подошел к Косе и мы отправились и тут оказалось, что доехать до парохода было нелегко: беспрестанно попадался в две три версты лед, который мы прорубали, проламывали и могли только двигаться, раскачивая общими силами катер, и через пять часов были однако на пароходе. Можешь судить, как были все довольны, точно приехали в родной дом, к отцу-матере.

Вот тебе мое первое морское путешествие. На той неделе я, вероятно, поеду в море настоящее, в Баку. Во всяком случае ты не беспокойся: все это только беспокойно, но совершенно безопасно, потому что делается людьми опытными и моряками хорошими. Детей целую и благословляю, Надежде Аполлоновне и Маше поклонись. Обнимаю тебя

твой *Писемский*

25 марта.

Адрес мой: в Астрахань на мое имя.

Сбереги это мое письмо! Адресу<ю> по твоему письму в Галичь.

1853

Почтеннейший Николай Алексеевич!

Верно я забыл Вам напомнить на счет моего Лешего. Нельзя-ли как нибудь сдвинуть мне его по скорее [illegible]! Сегодня или завтра, потому что мне хочется кое-что поисправить в нем, а после Нового года я на другой же день хотел бы этот очерк представить в ценсуру.

Ваш покорный слуга

А. Писемский.

Середа
2 Декабр.

ПИСЬМО А. Ф. ПИСЕМСКОГО К Н. А. НЕКРАСОВУ (№ 95)

101. А. В. ДРУЖИНИНУ

<17 мая 1856 г., Астрахань>

Почтеннейший Александр Васильевич!

Душевно порадуясь изгнанию из Библиотеки для Чтения Ст<арчевско>го и еще более тому, что вы взяли это дело на себя, спешу отвечать на ваше письмецо: по условию моему с Печаткиным я должен доставить в библиотеку расказ Старая Барыня, которого несколько у меня уже и написано, но в нынешнем году я вряд-ли что нибудь еще в состоянии сделать; принятое мною на себя путешествие если не отнимает у меня всего времени, то покрайней <мере> занимает и беспокоит на столько, что другим заниматься почти невозможно и ко всему этому и здоровье мое очень плохо, жду не дождусь, когда кончу это мое поручение и возвращусь в Петербург, а дела еще здесь очень много, как и когда бог приведет мне управится с этим, не знаю. Что наши общие друзья и знакомые поделывают? От Тургенева я получил письмо, но сам к нему после того еще не писал — где он, в Петербурге или в деревне. Письмо [это] ваше я получил только что возвратившись из *Баку*, куда ходил морем, совершая в первой раз морское путешествие и так благополучно и спокойно, что во весь путь не качнуло. Поклонитесь от меня всем, всем, а Владимира Николаевича Майкова попросите уведомить меня нащет моих Очерков из Крестьянского быта, которые приобрел право издать Печаткин, будет-ли он издавать их в нынешнем году или отложил до будущего? Что вам сказать об нашем Юговостоке, где теперь я [путешеств] странствую: он гроша не стоит против севера: у Русского мужика в пятке больше дарования и ума, чем у целого улуса здешнего. — Прощайте, почтеннейший Александр Васильевич, желаю вам всего лучшего и, прося еще раз поклонится всем общим знакомым, остаюсь

искренно преданным

А. Писемский

Астрахань
1856 г. Мая 17.

102. А. А. КРАЕВСКОМУ

〈2 июня 1856 г., Астрахань〉

Почтеннейший Андрей Александрович!

Благодарю Вас за ваше письмецо, которым вы уведомили об себе и делах литературных, об контракте Некрасова я не слыхал; во всяком случае он очень выгоден для него и совершенно бесполезен контрагентам! Интересно знать, будет-ли он оглашен печатно. Что Вам сказать об себе? Небольшое мое здоровье остатки расхлябалось в Астрахани так, что я кое как волоку мое поручение, впрочем Каспийское море изъездил ужь вдоль и поперег, я был в Баку, был в Тюк-Караганском полуострове, на Тюленьих островах и теперь сбираюсь в степь; в Астрахани вожусь с Армянами и Татарами, а выйдет-ли что нибудь путное из моих заметок, — не знаю.— За Роман не принимался и покуда не кончу своего вояжа, заняться им не могу: совершенно другое в голове. Расщитываю на осень, когда возвращусь в деревню и если только мое здоровье не растроится еще более, т. е. окончательно, то печатание вам можно будет начать с Генварской книжки будущего 1857 года. Гостеприимством Фейгина я не знаю как и довольным быть: поблагодарите пожалуйста Утина за все одолжения, которыми я здесь пользуюсь без всяких прав с своей стороны; Яков Яковличь уехал в Петербург, вы вероятно с ним встретитесь, поблагодарите и его за меня. Кто Вам похвалит Юговосток наш, скажите тому, что он лжет; за все эти степи и морское приволье нельзя отдать одной губернии на нашем севере: здесь ни природы, ни людей,—ничего нет! виноградом сыт не будешь, из Татарина и Калмыка вряд-ли когда будет что нибудь.

Прощайте, поклонитесь от меня всем нашим общим знакомым, а затем желая вам всего хорошего остаюсь

покорный слуга

Июня. *А. Писемский*

103. А. А. КРАЕВСКОМУ

〈6 июля 1856 г., Астрахань〉

Почтеннейший Андрей Александрович!

Обращаюсь к вам с моей покорнейшею просьбою: к записочке этой я прилагаю письмо к Графине Толстой, жене виц-президента Академии Художеств. Пишу в нем об извест-

ном вам несчастном Шевченке, который солдатом в Ново-Петров<ском> укреплении и с которым я познакомился, бывши на Тюк-Караганском Полуострове. В чем состоит просьба, вы увидите из письма. Я не знаю имени Графини и потому не могу писать к ней прямо. Потрудитесь узнать, как ее зовут, положить письмо в конверт, написать адрес и отправить к Графине. Я болею и теперь так ослаб, что едва достало силы написать эти письма. Об болезни моей не говорите, а то дойдет до Майковых, те напишут к жене, ее встревожат, а она ходит последнее время. Прощайте, если останусь жив, осенью увидимся, чего я только и желаю сходя с ума от скуки и тоски в Астрахани.

Ваш *Писемский*

6 июля.

104. Т. Г. ШЕВЧЕНКЕ

<Начало июля 1856 г., Астрахань>

Извините меня Тарас Григорьевич, что не написал до сих пор к гр. Толстой, потому что не знаю ее имени-отчества. Душевно рад, что мое свидание с вами доставило вам хоть маленькое развлечение. Да подкрепит вас господь бог нести ваш крест!

Не знаю, говорил ли я вам, по крайней мере, скажу теперь. Я видел на одном вечере человек 20 ваших земляков, которые, читая ваши стихотворения, плакали от восторга и произносили ваше имя с благоговением. Я сам писатель и больше этой заочной чести не желал бы другой славы и известности, и да послужит все это утешением в вашей безотрадной жизни!

Все ваши поручения: и в Москве к Бодянскому, и в Петербурге к Костомарову исполню в точности. А Астраханский климат и астраханские доктора добьют, кажется, меня окончательно.

P. S. С прошлой почтой писал к гр. Толстой, виделся с Бэром. Добрый старик сам заходил навестить больного и говорит, что по этой почте будет непременно писать к графу, а теперь самое удобное время: в августе должна быть коронация.

105. Е. П. ПИСЕМСКОЙ

<2 октября 1856 г., Москва>

Бесценной Друг мой Кита!

Поздравляю и тебя с дочькой. Я получивши твое письмо бог знает как обрадовался, слава богу ты здорова и все благополучно кончилось, по крайней мере хоть вы не берите примера с меня хворого. Здоровье мое все еще не может придти в прежнее положение: слаб и чувствую нервное изнурение. Доктор впрочем говорит, что недели через две можно будет меня отпустить и положительно говорит, что я страдаю больше мнительностью, чем болезнию: не соберешься-ли ты с силами и не надумаешь-ли сама приехать ко мне, уведомь меня на это письмо, я буду ждать на его ответа в Москве, а то, пожалуй, чего доброго разъедешься.

В Москве ничего нет нового: Александр Николаевичь <Островский> все еще лежит без ноги. Как бы мне хотелось поцеловать мою Дунюшку, но нынешний год господь бог послал на меня какое-то испытание. Прощай мой друг, если бы ты знала, как тяжело мне писать это письмо, а не скакать к вам самому, но да будет его святая воля надо мной. Детей обнимаю.

Твой *Писемский*

2 октября.

106. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

<18 октября 1856 г., С. Петербург>

Любезный Друг,
Александр Николаевичь

Я доехал до Питера благополучно; остановился в гостинице Семенова, на углу, напротив Знаменья, в 4 Номере, о чем и заяви Барыне, как она приедет. Твой *Писемский*

Эта гостинница в том самом доме, где живет Мартынов.

107. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

<19 октября 1856 г., С. Петербург>

Любезный Друг,
Александр Николаевичь!

Я остановился т. е. нанял квартиру и уже переезжаю на Лиговке, в доме Раменской, в одном доме с Дудышкиным, если ты бывал, кварти<ра> для меня удобная и главное очень

теплая, что я знаю, бывая у Дудышкина и всегда завидуя [ему] его теплой и сухой квартире.— Докторов сдешних пригла<ша>л: Заблоцкий, <знаменитость> сдешняя на щет венерических болезней, с божбой и клятвой уверял меня, что у меня ничего не видать, кроме нервных страданий, и предписал мне втирание хлороформа и хождение частое в бани ради принятия ванн. Кому хочешь, тому и верь, видно лучше всего возложить упование на бога и ждать, что будет, то будет.

Прощай, твой *Писемский*

19 октября.

Агафье Ивановне поклонись от меня, а такожде и всем другим.

108. А. В. ДРУЖИНИНУ

<23 октября 1856 г., С. Петербург>

Почтеннейший и многоуважаемый,
Александр Васильевичь!

Я приехал в Питер и очень бы желал с вами повидаться, но болею и болею уже давно и теперь никуда не выезжаю. Не будите-ли так добры, не посетите-ли меня, я остановился на Лиговке, близь Железной дороги, в доме Раменского, во втором этаже, в том самом доме.

Покорный к услугам
А. Писемский

Вторник.

109. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

<5 ноября 1856 г., С. Петербург>

Любезный Друг,
Александр Николаевичь!

Посылаю тебе вышедшие мои очерки из Крестьянского быта, кажется, издано недурно. У Оболенского я еще не был, потому что последнее время попростудился и лежу в постеле.

Твой *Писемский*

Ноября 5-го.

110. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

⟨Середина ноября 1856 г., С. Петербург⟩

Любезный Друг,
Александр Николаевичь!

У Оболенского я еще не был, потому что никуда не выхожу, но как буду у него спрошу и объясню ему касательно тебя все, что нужно. Иван Федоровичь ⟨Горбунов⟩ был у меня и расказывал, что в Бенефис Марковецского действительно давали какую-то Ерунду, в которой у Актера Горького Автор захватил и выдает за свое несколько комедий, ну и потом они съезжаются вместе в одном купеческом доме. Всю эту чепуху публика ошикала. Ты этот вздор не принимай близко к сердцу, но мне тут очень досаден Федоров, как ему не стыдно допускать ставить на сцену подобные пасквили. Если я его увижу, то отделаю его так, что слюна из брыла его потечет еще не такая.— На квартире я понемногу устроиваюсь; болезнь моя все в том же положении: доктора здешние все в один голос говорят, что это невралгия, однако от этой безмысленной фразы мне мало утешительного и я почти не могу выезжать, но да будет воля божья: я решился терпеть и теперь в моем затворничестве начинаю понемногу работать, чего и тебе желаю.

Твой *Писемский*

Поклонись всем от меня.

111. Ф. П. ВРАНГЕЛЮ

⟨20 ноября 1856 г., С. Петербург⟩

Милостивый Государь,
Барон Фердинад Петрович.

Возвратясь из путешествия по Астраханской Губернии, куда я был командирован по распоряжению Морского Министерства, для составления статей в Морской Сборник, имею честь представить при сем Вашему Высокопревосходительству, для напечатания в Сборнике, первый отдел моих путевых очерков, собственно по Астра⟨ха⟩нской Губернии, а также и морские мои поездки.

При этом случае прошу Ваше Высокопревосходительство принять уверение в глубочайшем почтении и совершенной преданности

Вашего покорного слуги
Алексея Писемского

„20“ Ноября 1856.
Его Высок-ву Барону Ф. П. Врангелю.

112. Б. Н. АЛМАЗОВУ

<отрывок>

<24 ноября 1856 г., С. Петербург>

... Некрасов по свойственной ему филантропии тоже не побережет и ухлопает каким-нибудь реторическим, но вольнодумным стихотворением, Панаева (эту ни в чем не повинную жопу Современника) призывали и пудрили.— Весь этот скандал чрезвычайно неприятен всем нам остальным литераторам тем, что Цензура опять [поднимет] выпустит свои [коих] кохти, на что цензора имеют полное нравственное право, если мы, Литераторы, станем так поступать с ним и для придания полукуплетным стихам своим значения станем печа<та>ть в оглавлении Рылеевские думы, которые и сами-то по себе имеют некоторой смысл потому только, что этот человек был удавлен. Здесь затевает еще новый журнал Кушелев-Безбородко, страшный богачь и жаждущий быть литературным меценатом. Сначала его окружала его Литературная Саранча, но потом он познакомился с Гончаровым, Майковым и Дружининым и те хотят его направить на более истинной путь.— Вот тебе все здешние новости. Кланяюсь всем.

Твой *Писемский*

1856
24 ноября.
С. Петербург.

113. Д. А. ТОЛСТОМУ

<3 декабря 1856 г., С. Петербург>

Милостивый Государь,
Граф Димитрий Андреевичь!

На письмо Ваше имею честь уведомить, что изготовлены мною и приведены к совершенному окончанию для напечатания в Морском Сборнике статьи: 1-я Путевые Очерки,

2 — Армяне, 3-я — Татары, 4-я — Поездка на Бирючью Косу, 5 — в Баку, 6-я — в Новопетровское Укрепление, 7 — поездка в Красной Яр и наконец большая статья под названием Астраханские Калмыки, которую я предполагаю окончить непозже Марта месяца. —

Прошу принять уверение в совершенном моем почтении и преданности, с коим имею честь быть

Вашего Сиятельства
покорнейшим слугою
Алексей Писемский

1856 года
Декабря 3-го дня.

114. В. М. ЛАЗАРЕВСКОМУ

〈29 января 1857 г., С. Петербург〉

Почтеннейший и] Добрейший Василий Михайловичь!

Я виноват перед Вами, что [не видался с Вами, но последнее время я был занят хлопотами и цензурой по случаю печатанья моего рассказа: Старая Барыня, а тут, тотчас как мне назначили поручение, я заболел и только еще теперь начинаю несколько поправляться. [и гла] Само поручение я принял с удовольствием, но дела я должен принимать в Земледельческом училище, куда должен ездить каждодневно и эта история может продолжиться, а мне не назначено даже и проездных денег. Рассчитывая на вашу доброту и обязательное участие прошу Вас, не завернете-ли ко мне или я сам заеду к вам завтра часу в девятом утра; научите и наставьте, от разнообразных хлопот и болезней я почти потерял голову.

Душевно Вам преданный
А. Писемский

Вторник.

115. В. М. ЛАЗАРЕВСКОМУ

〈1—2 февраля 1857 г., С. Петербург〉

Несказанно благодарен Вам, почтеннейший Василий Михайловичь, за ваше ходатайство. В понедельник я дома не только вечер, но и целый день. Бога ради посетите или мне повелите явиться к Вам, но наставьте и научите!

Покорнейший слуга
А. Писемский

116. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

<4 февраля 1857 г., С. Петербург>

Любезный друг,
Александр Николаевич.

Очень рад, что получил весточку от тебя и узнал о состоянии [твоего здоровья] твоей ноги, раны которой меня напугали, по слухам. О твоей комедии я слышал от некоторых господ, тебе известных, и слухи весьма холодные, что меня первоначально огорчило, а потом рассердило, так что я этим господам загнул по матушке и они, вероятно, возненавидели меня окончательно своей маленькой душонкой. О себе скажу, что яйца мои продолжает ломить, но я на все сие ужь плюнул, хотя и впадаю в истерику в неделю раза по три великолепным манером, а в остальные дни выпиваю приличное количество водки и вина. — В Мор<ской> Сб<орник> статьи свои изготовил почти окончательно. „Старую барыню" отдал в Биб<лиотеку> для Чтения за 400 р. сер. (она появится в Феврале), что и тебе советую принять в рассчет, при назначении денежной цифры за твои сочинения. Не забудь: два листа с половиной за 400 р.!.. Об литер. мирке ничего нельзя сказать, кроме разве того, что у Панаева на губе что-то в роде рака и сыпь на всем теле, от чего Боткин лечит его голодом и водой, и этот простодушный баран в восторге от своего собственного здоровья. Друг наш Ив. Ал. Гончаров окончательно стал походить на дядю в его „Обыкновенной истории" и производит на меня такой страх, что мне и встречаться с ним тяжело. Бесценному нашему Ив. Сергеевичу <Тургеневу> возвратилась невралгия яйца, от которой чтоб вылечить, Парижские врачи, напрактиковавшиеся во время кампании на счет ножей и других хирургических инструментов, входят к нему в пузырь зонтом, делают там насечки, прижигают ляписом, и он, с глупым, но милым взором умирающей газели, даже не молит о пощаде, потому что верит в науку. Анненков хлопает себя по ляжке и поощряет человечество к [искусству] развитию искусств, правды и мысли. Краевский мрачен и для пополнения убытков в подписке на От<ечественные> Зап<иски>, как рассказывает Григорович, употребляет свою старую тещу, в видах получения от нее наследства, приобретенного ею собственной своей особой, посредством м...ы,

которую она денно и нощно подставляла, с некоторым личным удовольствием, танцмейстеру Дидло. У Федорова губа почти совсем отвалилась и слюнотечение сделалось постоянное, за тем был смотр Стрелкового полка, у Старчевского родился сын и в Синоде ждут прибытия Филиппова.

Письмо это пишет под мою диктовку Иван Федорович <Горбунов>, так как мне, по случаю дрожания десной руки, трудно изображать буквы.

Прося принять уверение в совершенном моем почтении и преданности, с коими имею честь пребыть

Вашего Высокоолимпийства
покорнейшим слугою
Алексей Писемский

1857 года
Февраля 4-го.

117. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

<15 февраля 1857 г., С. Петербург>

Любезный друг,
Александр Николаевич.

Посылаю два экз. моей „Ст<арой> Бар<ыни>", из которых один тебе, а другой передай от меня Садовскому. Твои сценки в Современнике я прочитал и прочитал с удовольствием, и когда я читал их другим — все хохотали; но мнение большинства литературного таково, что в них ты повторяешься; хотя в тоже время все очень хорошо убеждены, что виноват в этом случае не ты, а среда, и душевное желание всех людей, тебя любящих и понимающих, чтоб ты переходил в другие сферы: на одной среде ни один из больших европейских и русских писателей не останавливался, потому что это сверх творческих средств. Если мы и <не> мастера первого разряда, то все таки в нас есть на столько душевных сил, чтобы переходить из одной среды в другую. Если же ты этого не можешь сделать, то знакомься больше и больше с купеческим бытом более высшим; или, наконец, отчего ты не займешься *мужиком*, которого ты, я знаю, — знаешь? Говорят, твоя новая комедия из чинов. быта. Я радуюсь заранее. Знаю, что у тебя сюжет созрел, но выполнил ли ты, как большой маэстро по драматической части, со всей подробностью и объектив-

ностью характер? Читал-ли ты критич. разборы Дружинина, где он говорит, что ты, Толстой и я — представители направления независимого от критик. В какой мере это справедливо я не могу судить, но уже и то хорошо, что нас определили независимыми от критик. Григорович, приехавши в Петербург, первым долгом обнародовал везде, что А. А. Григорьев пропал без вести и что его ищут чрез полицию. Не знавши этого, я встретился с Григоровичем в магазине Печаткина и, по известной тебе моей к нему симпатии, обругал его за весь его литературный блуд, и он теперь скрылся у И. А. Гончарова и ругает меня как свинью, которая не умеет себя держать в обществе, а при встрече со мной — побаивается меня. Если ты можешь приехать в Пет<ербург>, — приезжай; мы с тобой может быть что нибудь и сделаем тут, тем более, что на плечах Современник. Боткин здесь пакостит, на сколько он может пакостить. Все это до такой степени возмутило меня — чего при нашем бесценном Иване Сергеевиче не бывало, — возмутило так, что я, кроме ругани, ничего этим господам не говорю.

Болезнь моя в том же положении, но я не лечусь и напиваюсь постоянно и в гостях и дома, при всяком удобном случае и прошу только одного общественного мнения, чтоб быть мне Ермилом Костровым. Я убежден, что у Е. Кострова также ломило яицы, как у меня ломит. [Ты видишь, что]

Затем прощай и не повторяйся так, как ты повторился в твоем последнем произведении.

Подписал: *Алексей Писемский*

Литературный секретарь *И. Горбунов*

118. И. Ф. ГОРБУНОВУ

<5 марта 1857 г., С. Петербург>

Иван Федорычь!

Тебя желают видеть наша братия завтра, в середу, у Дружинина, которой [прих] живет в д. Водова, около Владимирской. Приходи или ко мне или прямо к Дружинину.

Писемский

Вторник.

119. АЛЕКСАНДРУ II

〈23 марта 1857 г., С. Петербург〉

Всепресветлейший, державнейший
великий государь император
Александр Николаевич,

самодержец всероссийский, государь всемилостивейший!

Просит титулярный советник Писемский, а о чем, тому следуют пункты.

Состоя с 1855 года причисленным к Департаменту Уделов, я в настоящее время по домашним моим обстоятельствам не могу продолжать службы, а потому всеподданнейше прошу, *к сему*

Дабы повелено было уволить меня от службы и снабдить аттестатом, для написания которого прилагаю при сем лист гербовой бумаги в девяносто копеек сереб. Прошение сие подачею надлежит в Департамент Уделов. Сочинял и переписывал его сам проситель. 1857 года, марта дня. *прошению титулярный советник Алексей Феофилактов сын Писемский руку приложил.*

Жительство имею в С. Петербурге на Лиговке, в доме Раменского.

120. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

〈30 марта 1857 г., С. Петербург〉

Любезный Друг,
Александр Николаевичь!

Последнее время я не только, что пил, но был почти в запое: скверная моя болезнь, продолжающаяся до сих пор, приводит меня в отчаяние, которое желая заглушить, — я пью; а в этом виде делаю еще горшие глупости. Старший ребенок мой Павел болен: у него холодная опухоль локтя на правой руке, болезнь, которая часто кончается отнятием руки. Бедная жена моя убита всем этим; но еще бодриться, тогда как я падаю духом окончательно! Обе комедии здесь твои пользуются полным успехом. — Личное мое мнение об них вот тебе самое откровенное: в Сне в Праздничный день лицо Бальзаминова не дотанцовано в представлении Ав-

тора. В первой сцене — *прижиганье уха* совершенно водевильный прием, а прочие лица все превосходны, особенно две *девки*, я так и чувствую от них [запах *женщиной*] здоровый женский запах. Во второй комедии: самая картина исполнена и жизни и бойких типов, и наконец нравственной глубины, но все это вставлено в рамку т. е: в 1-е и 5-е действия, [которая] совершенно *мозговую*, сделанную, а не созданную и потому именно, что в них играют роли пара Вишневских — оба эти лица по грамматичности их изложения совершенные гробы, но это бы еще ничего: не создашь всех лиц, другие можно и попридумать, но дело в том, что они очень много говорят, их надобно сократить: пусть они только самой необходимой стороной касаются комедии; с концом пиэсы я тоже не согласен: Жданов недолжен был бы выйти победителем, а должен был бы пасть. Смысл комедии был бы, по моему, многозначительнее и глубже, я нарочно пишу тебе самые отрицательные стороны твоих пиес, чтобы ты принял это в ращет при вторичном их издании или при постановке на сцену: личных курителей и печатных ругателей найдется много у тебя и без меня. Денежная необходимость заставила меня вспомнить мой первой роман Виновата-ли она. Я прочитал его совершенно, как чужое произведение — и он мне понравился: мне ужь теперь с таким запалом не написать — много конечно в нем совершенно драло мои уши, как например, вся пахабщина, которую я где совсем вырвал, где смягчил; неверя впрочем себе, стал читать редакторству и критикам — все хвалят и Биб. для чтения, если только Фрейганг пропустит, [то я получу] дает мне за него 3000 руб. сереб. — сумма, которая меня обеспечит более чем на год, и даст мне хоть некоторое время не думать о проклятых деньгах.—Теперь о твоих делах — Уваров, говорят, назначил 3000 руб. сереб. пожизненной пенсии тому, кто напишет лучшую комедию или драму: пиши-ка брат! а я впрочем распространяю мысль, что нельзя-ли тебе отдать премии без писания, так как по этой части тобой много написано и без того, а то чего доброго нажарит Потехин драму или Салогуб комедию — да и возмут. Прощай — поклонись всему кому знаешь.

Твой *Писемский*

1857 года.
Марта 30-го.

121. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

〈6 октября 1857 г., С. Петербург〉

Любезный Друг,
Александр Николаевичь!

Давно уже от тебя не было никакой весточки, и только последнее время возвратившийся из Москвы Майков сказал мне, что ты возвратился из своего вояжа и собираешся побывать в Питере. На этих днях со мной совершился важный казус: я вместе с *Дружининым* делаюсь редактором Библиотеки для Чтения. Знаю, что многого у меня не достает для сего, начиная с образования, до поведения, которое впрочем [начиная] с самой весны до сего времени в возможной исправности. Заведывать я буду по преимуществу изящною литературою и может быть в этом отделе успею сделать некоторые улучшения, потому что в этом случае чутья и знанья конечно более, чем у всех остальных редакторов. Получив это письмо, будь так добр: собери всю вашу Московскую братию: Григорьева, Эдельсона, Алмазова, Шаповалова и еще кого знаешь, участвовавших в молодой Редакции покойного Москвитянина и попроси у них от меня покорнейше помочь мне; я открою им [полнейший] свободнейший орган для выражения их убеждений, в которых вероятно мы не будем разнится и которые в Библиотеке будут состоять в том, чтобы востановить и хоть сколько нибудь раскрыть не достоинства ужь, а свойства человеческие русского человека, [втоптанного последнее время] которые Русский Вестник окончательно [в грязь] у него отнял, и что в самых пороках и преступлениях наших есть нравственное магбетовское величие, а не мелкое мошенничество, которым они все хотят запятнать. Второе: привести в ясность, напомнить те естетические требования, без которых Литература все таки не может назваться Литературой: — и Мельниковской донос (в Медвежьем угле) на инженера все таки не повесть и вовсе не имеет той прелести, которою она благоухает для некоторых. Все это нашей братии ты и заяви, подумайте и напишите мне; а главное попроси, чтобы они не оставили меня беспо〈мо〉щным; впрочем я и сам через неделю думаю быть в Москве, послучаю поставки Ипохондрика, а вы все таки хоть сообща напишите мне, как вы смотрите на это дело.

Комедия твоя: Доходное место пропущена театральной цензурой, но, пожалуста, нельзя-ли, чтоб ее давали прежде в Москве, а не на этой разбитой гитаре — *Александрынке*, [а то здесь] где наверняк ее ухлопают без Мартынова. Выискалась здесь презадушевная, говорят, актриса Федорова, которая в твоей Бедной Невесте превосходна и мне до сих пор не удалось ее видеть, потому что дали всего два раза и больше не дают по малому сбору. Не стоит-ли после того этого каналью Федорова съездить в рожу наконец. Числа около 11-го или 12-го лично всех вас обниму.

Твой *Писемский*

Октября 6,
1857.

P. S. По литер. моим делам я сначала сходился-было с Современником, которой сам сначала предложил мне, а потом сам-же и отказался и для меня это вышло лучше, потому что вместо жулика Некрасова буду иметь дело с честнейшим Печаткиным.

122. А. В. ДРУЖИНИНУ

<Октябрь 1857 г., С. Петербург>

Почтеннейший Александр Васильевичь!

Островский уже давно просит меня, чтобы я узнал от этой старой кобылы — Федорова, может-ли быть представлены его Семейные сцены на Московском Театре и если не могут, то почему именно, и писал мне чтобы я доведал это через Горбунова, но я этого Ерника не вижу бог знает сколько времени и когда увижу не знаю. Вы сегодня, почтеннейший Александр Васильевичь, будете в [Кабине] Комитете, спросите этого несносного Федорова и что он вам скажет уведомьте меня.

Душею вам преданный
А. Писемский

Суббота.

123. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

<24 октября 1857 г., С. Петербург>

Любезный Друг,
Александр Николаевичь!

Получил-ли ты свою комедию. Она уже недели две, как пропущена комитетом. Здесь теперь имеет страшный успех комедия Львова Свет не без добрых людей, но я еще

не видал, а потому не могу судить, что такое? [Когда] Что ты теперь поделываешь и когда приедешь в Питер? Бесценный наш Мартынов играет, но увы! совсем, говорят, человек пораженной болезнию. В Литературном и журнальном мире ничего нет нового, кроме того, что Соврем⟨енник⟩ и Отечест. Запи⟨ски⟩ в один раз объявили об издании в переводе Исторических Сочинений и теперь грызутся, как собаки за кость, ездят к Щербатову жаловаться друг на друга, и я советую употребить для разбора сего дела турецкое правосудие — отколотить обоих мерзавцев по пятам палками. Прощай! обнимаю всех.

Твой *Писемский*

24 октября.

124. А. В. ДРУЖИНИНУ

⟨Октябрь 1857 г., С. Петербург⟩

Почтеннейший Александр Васильевичь!

Возвращаю Вам рукописи. Повесть Кохановской непременно следует напечатать. По всем ее местами безобразии, в ней есть огонь; но ради поправок, прикажите ее переписать по разгонистей, а то по такой мелко-написанной рукописи мне своими каракулями не поправить. Что касается Очерков быта Уральских козаков, то без сокращений их по моему печатать невозможно: есть утомительные длинноты, повторения и небрежность в изложении. Нельзя-ли Вам написать автору письмо в таком роде, что-де вашу прекрасную статью Биб. для Чтения с удовольствием напечатает, если только он согласится на некоторые сокращения, так как возвратясь из за границы, вы будто бы слышали укоры за длинноту статей, которые по необходимости растягивались на 2 и на 3 номера и что обо всем этом вы поручили мне переговорить с ним лично в бытность мою в Москве. Он вероятно на это согласится, потому человек умный и мягкий, и мы в Москве-же ее обделаем, как надо, но в ноябрской книжке она таким образом не пойдет, но вы говорили о каком то Сибирском расказе, которой можно будет поместить и кроме того у меня вчера был Максимов и обещал к Субботе доставить маленкой расказ Странница, которой по сюжету может быть очень хорош и если он доставит его, то можно и тиснуть.

В Москву я еду во вторник, а потому Железнову вы напишите завтра же, чтобы мне встретить его приготовленным и хорошо, как-бы мне свозить с собой и роман Дрианского Квартет.

Ваш *Писемский*

Середа.

125. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

<8 ноября 1857 г., С. Петербург>

Любезный Друг,
Александр Николаевичь!

Во первых спасибо за радушный прием; теперь о пиэсе твоей Доходное место. По приезде моем в Пѐтербург я узнал, что я тоже назначен членом Комитета и, разумеется, воспользовался сим. Поехал к Председателю, который теперь Никитенко, и настоял на том, чтобы в следующую Субботу открылось заседание и пиэса твоя, как читаная всеми, сей часже будет пропущена. Поклонись от меня всем и всех от глубины души моей целую я заочно и благодарю за ласковой и радушной прием. Алмазову, вероятно, я сегодня-же буду писать. Прощай, Агафьи Ивановне делаю ручкой.

Твой *Писемский*

Пятница,
8 Ноября.

126. Е. Н. ЭДЕЛЬСОНУ

<14 ноября 1857 г., С. Петербург>

Пожалуйста мой любезнейший,
Евгений Николаевичь!

Незамедли выслать обещанную тобой статью о Щедрине, мы ждем и ее для печатания в декабрской книжке, да попроси Шеповалова, чтобы он покорнейше попросил Железнова незамедлить высылкой своих очерков, мы непременно думаем их поместить в генварской книжке. Прощай. Поклонись всем.

Твой *Писемский*

1857
Ноябрь, 14.

127. Е. Н. ЭДЕЛЬСОНУ

<29 ноября 1857 г., С. Петербург>

Любезный друг
Евгений Николаевичь!

Спасибо тебе за исполнение обещания: статья твоя очень хороша, но мы по необходимости должны пустить ее

в генварской книжке и кроме того Дружинин желает и хочет просить тебя, чтобы ты написал и о подражателях Щедрина. Он хотел было сам писать об них, но все хворает и доктор решительно ему запрещает пока работать. Бога ради не откажись помочь нам.

Душевно преданный тебе твой
Писемский

1857
Ноябрь 29

P. S. Поздравляю и я с наступающими имянинами. Поклонись всем.

128. Е. Н. ЭДЕЛЬСОНУ

<18 декабря 1857 г., С. Петербург>

Любезный друг,
Евгений Николаевичь!

Спешу ответить на твое обвинительное письмо, в котором ты между прочим упрекал меня в том, что я вел себя в отношении тебя как редактор, а не как приятель. Вот тебе подробное изложение всего дела! поступивши в редакцию Библиотеки по приглашению самого редактора разделить с ним это право и, затем, я перед поездкой моей в Москву сказал ему откровенно, что журнал его весьма в дурном положении, потому, что толкуя об эстетических требованиях сам мало определительно высказался не делом для этой цели; и потому единственная возможность хоть сколько нибудь поправить это дело, это дать ход бывшим сотрудникам Москвитянина. Он вполне с этим согласился и сам поручил мне обратиться к тебе с просьбой написать статью о Щедрине, так как ты уже говорил об ней Аполлону Майкову. Я просил тебя, ты написал, прислал. Статья твоя вполне мне понравилась, и я тотчас же отправил ее в редакцию. Дружинин, прочитавши ее и державши об ней с кем-то совет, сказал мне в таком тоне, что желает, чтоб ты дополнил ее разбором подражателей Щедрина, так-как он сам думал об этом писать, но теперь не может по болезни. Я на это сказал: хорошо, и решительно не знал, что он тебе писал в своих заметках: но получивши твое письмо пошел к нему и спросил, что-же отвечать тебе. Он на это мне сказал решительно, что статьи твои не может печатать без начерченных им изменений. Что

мне осталось в таком случае делать? Безусловного права требовать печатания статей мною избранных за мной нет: я, видимо, только нанят для советов и я однако сказал, что на будущее время не войду ни с кем из сотрудников ни в какие объяснения, чтоб не ставить себя в то щекотливое положение, в которое поставлен теперь, а у тебя прошу извинения, что не знавши брода, втянул в воду.

Статью впрочем просил бы прислать, авось опомнятся и напечатают. Поклонись всем.

Твой *Писемский*

18 декабря
1857

129. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

⟨6 января 1858 г., С. Петербург⟩

Любезный Друг,
Александр Николаевичь!

Извини, что я долго не отвечал на два твои письма; но весь декабрь я страшно был занят по случаю печатания двух моих романов за один раз, а на праздники, грешным делом, позагулял, так что едва теперь и поправляюсь. Известие о запрещении пиэсы твоей меня приводит в бешенство; [но как я не прошу, как я не ручаюсь, что это совершенно не одно и тоже с пиэсой Львова, что тут и мысль и выполнение другое, — все ничего: глас вопиющего в пустынях. Поручения твоего к известным господам я даже не передавал, наперед зная, что это будет бесполезно, и это скверное, с оскаленным ртом, как например, у М..ва, холодное и даже несколько радующееся участие для меня гадко: я готов в эту минуту плюнуть в рожу; но я придумал вот что: Некрасов подружился в Париже с Орловым (сыном Орлова) — который и выхлопотал ему вторичное издание стихотворений. Возьмись ты за этот канал и напиши Некрасову, чтоб государь ужь разрешил поставку этой пиэсы да кстати и Банкрута, а я тоже буду пилить Некрасова. Алмазову скажи, чтоб он высылал летопись хоть для февральской Книжки; да скажи ему, что его уже два стихотворения напечатаны в Библиотеке и вероятно будет напечатано третие, но он написал-бы Печаткину прямо от себя, сколько он желает за них получить. Печаткина зовут Владислав Петровичь. Агафье Ивановне кланяйся и скажи, что

супруга моя, за сохранение моей особы в бытность мою в Москве, душевно желает ей сделать презент, что [и] я разрешил ей и что будет исполнено на сих днях. Прощай.

Твой *Писемский*

6 Января
1858.

P. S. Якушкин теперь у меня и тебе кланяется.

130. П. В. АННЕНКОВУ

〈27 января 1858 г., С. Петербург〉

Почтеннейший Павел Васильевичь! Не будите-ли столь добры и не прибудите-ли завтрашний день т. е. во вторник ко мне отобедать часов около 4-х. Будет Миша Островский и может быть вытащу Дружинина.

Ваш *Писемский*

131. П. М. САДОВСКОМУ

〈1 марта 1858 г., С. Петербург〉

Любезный Друг
Пров Михайловичь!

Расщету мне все еще из вашего Театра не прислано; похлопочи, бога ради, чтоб поскорей это сделали. Я очень нуждаюсь в деньгах. Пожалуста, попроси. Я бы написал Пороховщикову, да не знаю, как зовут его. На Фоминой все тебя ждут. Поклонись и перецелуй всех.

Твой *Писемский*

1 марта
1856.

132. А. А. МАЙКОВУ

〈2 марта 1858 г., С. Петербург〉

Любезнейший Друг,
Аполлон Александровичь!

Прибегаю к вашей милости с покорнейшей просьбою: супруга моя, Титулярная Советница, Екатерина Павловна Писемская продала свое имение, состоящее Костромской Губернии, Макарьевского Уезда по Усадьбе Михайловскому и деревне Высокову, сестре своей Марье Павловне Свиньиной. Теперь надобно на ту продажу совершить купчую в Петербурской Гражданской Палате, а ради того надобно, чтоб в эту Па-

лату прислано было разрешение от Московского Опекунского Совета, где именье это заложено. Вместе с этим письмом послано от нас объявление в Опекунской Совет. — Будьте столько добры, мой милейший, Аполлон [Николаевичь] Александровичь, похлопочите там, чтоб это поскорей выслали. Недоимки, которая могла бы мешать переводу долга, кажется, нет, но еслиб, паче чаяния, таковая и открылась и необходимо потребоваласьбы очистка [недоимки] оной, то уведомьте меня и мы сей час вышлем. Во всяком случае, бога ради, похлопочите и незамедлите уведомить. Мы спешим это кончить, потому что носятся слухи, что скоро будет совершенно воспрещена продажа. Жена вам кланяется и просит покорнейше о том-же. Батюшке, матушке, бабушке, сестрицам засвидетельствуйте наше искреннее почтение и пожелайте всего хорошего, а паче всего быть здоровыми. Остаюсь

душевно преданный

Алексей Писемский

Марта 2-го
1858 года
С. Петербург.

P. S. Нащет стихов Ленского я от своего Командира-редактора не получил еще никакого разрешения, и как получу, так и уведомлю.

133. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

⟨11 марта 1858 г., С. Петербург⟩

Любезный Друг,
Александр Николаевичь!

По делу твоему я сей час же поехал к Печаткину, но вот тут какого рода обстоятельства открылись: он предполагает большую издержку для Биб⟨лиотеки⟩ для чтения, а именно — покупку Романа Гончарова С о н О б л о м о в а, за который будет платить по 200 руб. сереб. ⟨за лист⟩, а всех их будет до 35, значит 7000, да мазу к тому еще 500 руб. за то, что этот Господин соизволяет печатать в Биб. для чтения, а не в Русском Вестнике. Задерживать таким образом деньги на другие издания, он говорит, что не имеет возможности. Впрочем, при усиленных моих настояниях, он сказал, что [может дать, но такую] не знает, какую ты цену жалаешь взять, я объявил ему ту, которую взял с него за свои очерки — 600 руб., но он на это не согласен и назначил безобразно мало — 300 руб. сереб.;

на что вероятно ты не согласишься. Вчера я виделся с братом твоим Мишей и решительно с ним положили, что тебе надобно приехать в Питер, где все эти денежные дела гораздо удобнее могут обделаться в присутствии твоем. Давыдов, например, дал, говорят, Печерскому 2500 руб. за его расказы и, пожалуйста, не раздумывай и приезжай. В Москве ничего не высидишь!

Твой *Писемский*

11 марта.

134. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

⟨16 марта 1858 г., С. Петербург⟩

Любезный Друг,
Александр Николаевичь!

У меня к тебе маленькая просьба: опекунской совет у тебя под боком; зайди, бога ради, в него и похлопочи, чтоб там разрешили жене моей т. е. титулярной советнице Екатерине Павловне Писемской продажу именья ее, состоящего Костромской Губернии, Макарьевского Уезда, по Усадьбе Михайловскому и деревне Высокову, о чем и послана от нас в совет просьба недели полторы тому назад. Пожалуста похлопочи и меня не замедли уведомить. Это крайне-нужное для меня дело! Когда ты приедешь в Питер, мы все ждем тебя с нетерпением. Кланяйся всем

твой *Писемский*

16 марта.

135. А. А. МАЙКОВУ

⟨Середина марта 1858 г., С. Петербург⟩

⟨Мой⟩ любезнейший Аполлон Александровичь!

Недели полторы тому назад я писал к вам письмо по крайне-нужному для меня делу, но от вас до сих пор ни весточки — получили-ли вы его? Дело мое состоит в том, что я послал объявление в Московской Опекунской Совет, прося его разрешить продажу с переводом долга имения жены моей т. е. Титулярной Советницы Екатерины Павловны Писемской, состоящее Костромской Губернии, Макарьевского Уезда, по сельцу Михайловскому и деревне Высокову. Похлопочите, бога ради, чтобы поскорей Совет разрешил Петербурскую Гражданскую Палату [разрешить ее] на утверждение купчей и, пожалуйста, нельзя ⟨ли⟩, чтобы сделать это до

праздника, потому что покупщики к нам пристают. Поклонитесь от меня и жены всем вашим, а затем <остаюсь>

душевно вам преданный

А. Писемский

136. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

<19 апреля 1858 г., С. Петербург>

Мой любезный Друг, Александр Николаевичь!

Климовский твой был у меня. Он добивается дебюта, но как это сделается, сказать трудно, по милости их скверно-пакостного начальства. В последнем письме твоем ты пишешь, что в Питер не думаешь приехать. Пожалуста, отмени такое свое намерение. Я нынче нанял дачу тоже на Безбородке и довольно большую, имея между прочим предположение, что ты приедешь и погостишь у меня. Приехать ты можешь на сколько хочешь, на месяц, [на два] на две недели, на неделю. Мы с тобою занялись-бы рыбной ловлей, потаскались-бы по окрестностям Петербурга — и вообще это было-бы для тебя развлечением, а для меня истинным удовольствием. Право соберись и уведомь меня. Садовский вероятно тоже приедет в Петербург. Здесь до такой степени ужь скверно идет театр, что каждой день не смеют играть, а только по 3 раза в неделю. На дачу я думаю переехать в 1-х числах Мая и ни как не позже 15-го числа. Занят я теперь по горло окончанием моего романа, которого три части сбыл наконец, но как пройдет 4-я цензуру — неизвестно!

Прощай твой *Писемский*

Агафье Ивановне поклонись.

19 Апреля
1858.

Дружинин хотел к тебе писать.

137. Е. Н. ЭДЕЛЬСОНУ

<Май 1858 г., С. Петербург>

Любезный друг,
Евгений Николаевич!

Обращаюсь к тебе с моей покорнейшей просьбой: напиши бога ради статейку о стихотворениях Майкова: она будет напечатана тотчас по получении. Пожалуйста,

недоразумения такого как с прежней твоей статьей не выйдет. Пожалуйста и незамедли. Хорошо если-бы прислал к 20 июня, а в июльской она будет тиснута.

Твой *Писемский*

138. С. В. МАКСИМОВУ

<Май 1858 г., С. Петербург>

Мой дорогой Сергей Васильичь! приходите, пожалуста, ко мне в четверг или в субботу. Мне крайная надобность в вас, а именно: приехал Кушелев и неможете-ли вы меня познакомить с ним

Ваш *Писемский*

139. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

<20 мая 1858 г., С. Петербург>

Степан Дмитричь Яновский и Александра Ивановна просили меня передать тебе, чтобы ты и Пров Михайловичь выбрали денек и приехали к ним обедать, а они соберут для тебя, Александр Николаевичь, Самойлова, Зуброва ,Федорову, -словом кого ты пожелаешь, чтобы ты им почитал -- это сделается как-бы ради удовольствия, а им послужит в науку; только ты заранее уведоми хоть меня, или саму Александру Ивановну в театре, какой вы именно избираете день. Живут-же они тоже на Безбородке, недалеко от меня, на даче Ландздорфа бывшей Ванде. До свидания

Твой *Писемский*

20 мая

140. В. М. ЛАЗАРЕВСКОМУ

<31 мая 1858 г.. С. Петербург>

Почтеннейший Василий Матвеичь!

Обращаюсь к вам с покорнейшею моей просьбой: числится у вас в Удельном Департаменте молодой человек Павел Федорычь Сипягин. — Он не имеет никаких почти средств к существованию в Петербурге, а между тем, когда ему дадут хоть какое нибудь место, он решительно не знает. Будьте столько добры, примите в нем участие, кто из нас в молодости не терпел подобной участи! Он кончил курсы в Демидовском лицее, получил серебряную медаль, а между тем, приехавши в Петербург целый год не находит никакого места с содержанием. Ращитывая на вашу доброту обращаюсь с этой

моей просьбою, ходатайствуя не оставить вашим покровительством молодого человека, чем вы сделаете истинно доброе дело; а затем принося мое усердное почтение пребываю

Покорнейшим слугою

А. Писемский

31 мая
1858.

141. А. В. ДРУЖИНИНУ

1858 года Июля 2-го ⟨С. Петербург⟩

Мой любезнейший Друг, Александр Васильевич! Как-то вы наслаждаетесь превосходной погодой, которая даже Петербург превратила в какую-то Италию, так что в воде 19 градусов. Книжка Июльская выйдет числа 6-го и с нее начнутся романы в приложении. Теперь помещен будет Остап, очень хороший польской роман, а в следующей книжке пойдет Бовари, в успехе которой я почти уверен. Тургенев, проезжая пробыл здесь дня четыре и все это время у нас были обеды и между прочим давали мы прощальной обед князю Щербатову, которой окончательно вышел в отставку. После Тургенева обратил на себя всеобщее вниманье Граф Кушелев, которой возвратился из за границы и привез с собой Дюма, Юма и теперь устраивает беспрестанные праздники, не забывая в тоже время и об Литературе, чем мы воспользуясь выписали сюда Островского, которой опять приезжал в Питер и продал ему все свои сочинения за 4000 руб. сереб. У меня тоже Кушелев приторговывает для отдельного издания „Тысячу душ“.

Григорович, желая вероятно получить окончательно Европейскую известность, сделался каким-то прихвостнем Дюма, всюду ездит с ним и переводит с ним романы; [одна из главнейших] но самая главная теперь ⟨из⟩ новостей здесь — это картина Иванова, которая [несмотря на то, что] возбуждает самые разнородные толки, заставляет всех сходится в одном, что это вещь очень хорошая, но не генеальная.

Прощайте, дай бог вам окончательно поправиться в вашем здоровье. Матушке вашей засвидетельствуйте мое почтение.

Остаюсь душевно вам преданный

А. Писемский

P. S. Вейнберг вам кланяется.

142. А. В. ДРУЖИНИНУ

〈18 июля 1858 г., С. Петербург〉

Мой любезнейший друг Александр Васильевичь!

Спешу отвечать на ваше письмецо. Июльскую книжку издали, теперь хлопочем об Августовской книжке, в которую будет помещена Бовари. Нащет романа этого вы не беспокойтесь: во первых на него, как на переводной, не обратят большого внимания, а во вторых, мы через чур уж вольное исключаем; но сам по себе роман очень занимателен и наверняк будет иметь успех. Напечатанный уже роман Остап Бандурчук очень всем нравится. Несмотря на свои хлопоты, я, как не начались жары, все почти хвораю: в Петербурге холера пошибает весьма ловко и у меня почти постоянное растройство желудка и постоянная почти хандра и тоска, так что места не нахожу. К вам я, если только буду здоров, непременно приеду по выпуске книжки. Здесь одна главная и печальная новость: не знаю, при вас-ли приехал художник Иванов и привез свою картину, над которой работал слишком дватцать лет, конечно [при этом] в это вложил всю свою душу и привязал все свое самолюбие; но публика разделилась, все порядочные люди или хвалили или молчали; но большая часть ерников — Петербурских художников и их скотского начальства [стали кр] говорили, что это ковер, дрянь ... [Велики] При всех этих криках отличался наш Григоровичь, — которой как знаток бегал и кричал по всему Петербургу, что мерзей ничего он 〈не〉 воображал. Вся эта невежественная дерзкая болтовня доходила конечно до Иванова и кончилось это тем, что он заболел холерой и умер. Григоровичь прилетел было на похороны, но студентами был с позором прогонен. На могиле произнесена была речь, где опять сказали, что два мерзавца кидали каменья в это почтенное имя — это Бруни и Григоровичь. Нам всем по Комитету дали перстни в 350 рублей серебром, а в том числе и вам, и Жихарев спрашивал, как его переправить к вам, но только нельзя без вас взять из Кабинета и я сказал, чтоб оставили до вашего приезда, а то Жихарев, пожалуй, получит, да [и распорядится] позаимствуется в свою пользу. Друг наш Мей, бывши у Кушелева и выпивши достаточное количество, [разбранил] объяснил Дюма откровенно все, что думают об нем в России, чем ужасно оскорбил того, так что он хотел вызвать его на дуэль.

Григоровичь зато состоит постоянно при Дюма и сделался совершенным прихлебателем Кушелева. Написал вам все новости; а затем душевно желая вам здоровья и всего хорошего

остаюсь душевно вам преданный
А. Писемский

18 Июля
1858.

143. А. В. ДРУЖИНИНУ

⟨7 августа 1858 г., С. Петербург⟩

Мой почтеннейший Александр Васильевичь!

Сколько я не желал вырваться к вам, решительно невозможно того, во первых, по случаю редакции, которую никак нельзя оставить: третьего дни еще я получил от дурака Дрианского письмо, которому заплочено и 1-я часть почти набрана, а он вдруг пишет, что повесть эту он продаст Кушелеву по 100 руб. за лист. Я написал ему на это, что вещь его уже куплена, а потому принадлежит издателю, а не ему и буду ее печатать. По своим делам тоже хлопоты: „Тысячу душ" свою я продал Кожанчикову для отдельного издания за 3000 руб. и ее начали уже набирать. По случаю этой продажи у меня уморительной казус вышел с дураком Кушелевым. Купивши у Островского, он изъявлял желание купить и у меня Тысячу душ, для приложения к своему журналу. У меня еще прежде того торговал Кожанчиков и почти давал 3000. Я объявил ему эту цену. Кушелев согласился, потом через две недели присылает меня просить, что не уступлю-ли я ему за 2000, а 3-х он дать не может, — дорого! Я велел ему сказать, что я продаю не сало, а сочинения, которые от жаров не портяться и не дешевеют, а потом на другой-же день продал Кожанчикову за три тысячи. Вот вам и меценаты, скупяться дать то, что дает первой книгопродавец. Когда-то вы возвратитесь в наш Питер, где еще, надобно сказать, очень скверно, а мы живем еще на даче, а квартиру я снимаю после Аполлона Майкова, которой уехал за границу, а вместе с тем и пламенная супруга его едет за ним же.

До свидания
ваш *Писемский*

7 Августа.

P. S. Матушке вашей прошу от меня засвидетельствовать усердное почтение.

Извините, что дурно пишу, тороплюсь!

144. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

〈Около 7 августа 1858 г., С. Петербург〉

Любезный Друг,

Александр Николаевичь!

Что этот дуралей Дрианский делает. За паршивой роман его мы уже заплатили ему деньги, набрали уже всю первую часть и вдруг он теперь пишет, чтобы передали его повесть полоумному Григорьеву, которой будто бы ему дает за все его произведения по сту руб. Я написал Дрианскому письмо довольно легонько, но ты распеки его и скажи, что так [благородные] даже берейторы, облик которых он носит, так берейторы не делают, да и Григорьеву скажи, что это и глупо и подло! а Кушелеву я сам объясню в приличных выражениях. Что ты с твоим изданием? Я свою Тысячу душ продал Кожанчикову за 3000 руб. сереб. и уже начали набирать.

Гончарову было замечание за 4-ю часть, но он ее вторично пропустил с очень маленькими помарками. Пожалуста, Дрианского выпиши к себе или съезди к нему и растолкуй ему, что так поступать в Литературе нельзя.

Прощай твой *Писемский*

Агафьи Ивановне поклон.

P. S. Комедией незамедли выслать. Мы очень оскудели материалами.

145. А. В. ДРУЖИНИНУ

1858 года Августа 22-го
Петербург

Мой почтеннейший и любезнейший Александр Васильевичь! С какой досадой и злобой сижу теперь я на своей Безбородке, лишенной возможности съездить к Вам: кроме ужь [своих] коректурных хлопот по изданию „Тысячи душ“ и редакции оставить без себя решительно невозможно. Дурак Дрианский, накутивший было в начале месяца, прислал наконец извинительное письмо и потому в [пьес] Сентябрскую и Октябрскую книжку пойдет его Квартет, который я, сколько

возможно было, поисправил. Бекетов, возвратившийся из отпуска, стал порядком помарывать, так что я на следующей неделе поеду к нему и буду спорить, тем более для нас этот месяц важен, что пойдет Болотов, его служба в Петербурге и заговор, которой я [тоже] я несколько позатемнил и буду отстаивать до последнего слова. Жду вашего приезда с нетерпением; во первых, чтобы лично увидеться с вами, а потом есть и более егоистическая причина: в половине Сентября я имею крайную надобность ехать в Кострому, чего совершить, до вашего прибытия, никак не могу.

До вас, вероятно, дошли уже слухи о страшном случае, который занимает теперь весь Петербург: 19 числа, часу в девятом утра взорвало Пароховой завод. Наша Безбородка ближайшая ему соседка и как произошли четыре удара — описать того невозможно! Первая мысль у всех была, что это, вследствие влияния Кометы, землятресение!!! В газетах пишут, что несчастных солдат убито 37 человек, но это вздор — их убито до 350. Получил я [письмо] от Тургенева письмо, в котором он между прочим пишет, что он нынешнее лето много работал. Я ему [пи] отвечал и убедительно просил его дать что нибудь Библ. для Чтения, а также попросить о том-же и Толстого. Независимо от этого напишите вы к ним [о то] ту же просьбу, а то на будущий год у нас ничего нет из Беллетристики: Островский своей комедии еще не выслал. Я тоже писал к нему, но он, говорят, в Нижнем, на ярмонке. Прощайте, мой дорогой Александр Васильевич, до скорого свидания

душевно вам преданный

А. Писемский

Матушке вашей прошу поклониться.

146. А. А. МАЙКОВУ

⟨28 августа 1853 г., С. Петербург⟩

Любезный Друг, Аполлон Александровичь!

Несказанно благодарю за ваши хлопоты по моим дела⟨м⟩: уведомление из Опекунского Совета мы действительно получили и совершенно покончили это дело. Касательно романа моего я извиняюсь, что неуспел вас уведомить, что я уже продал его здесь книгопродавцу Кожанчикову и, как вы именно предпологали, за 3000.

Вы, я думаю, слышали об ужасном происсшествии в Петербурге: на пароховых заводах взорвано 1500 пудов пороху. Наша безбородкинская дача ближайшая к заводам соседка и потому можете себе представить, каковы у нас были удары. В некоторых домах полопались стекла, все жители выскочили на улицу, думая, что это началось, по милости кометы, переставление света.

Нащет вашей просьбы касательно Терновского, вот существует какого рода обстоятельство: с Тертием Филиповым я действительно был прежде коротко знаком, но он, переселившись в Петербург, совершенно изменил свое отношение ко мне, так что мы совершенно не видимся и просьба моя, полагаю, в его мнении скорей может повредить человеку, чем сделать пользу, потому что он, говорят, дышет злобой на всю литературу и на всех литераторов. Впрочем, я попробую попросить его через другого человека. Аполлон ⟨Майков⟩ наш, как вы тоже, я думаю, знаете, ушел в [море] Грецию, а вслед за ним уехала и супруга его Анна Ивановна, и будет жить в Триесте. Мы сняли у них квартиру и я таким образом буду иметь адрес: на Садовой, против Юсуповского саду, в доме Куканова, № 25. Я, как и вы же, сбираюсь в Сентябре ехать в Кострому по нашим дворянским делам.

Что у вас поделывается в Москве, в Университете, в литературе?

Вашему батюшке, матушке, сестрицам и бабушке прошу от меня и от жены засвидетельствовать наше искреннее почтение, а за тем душевно желая вам всего лучшего, остаюсь

душевно вам преданный
Алексей Писемский

1858 года
Августа 28-го

147. Е. Н. ЭДЕЛЬСОНУ

⟨17 ноября 1853 г., С. Петербург⟩

Любезный друг,
Евгений Николаевичь!

Посылаю тебе через Прова Михайловича экземпляр моего романа. Душевно бы желалось, чтобы ты составил об нем статейку. Я недели через полторы непременно буду в Москве проездом в деревню. Александр Николаевичь у нас в Питере и жив и здрав.

Адресую в лавку Кошеверова, так как это единственный верный адрес, который я знаю. До свидания.

Твой *Писемский*

1858 г.
Ноябрь. 17-го.

148. А. Н. МАЙКОВУ

⟨24 ноября 1858 г., С. Петербург⟩

Любезнейший Друг,
Аполлон Николаевичь!

Где ты? что поделываешь? по сведениям, говорят, в Нице и вместе с Анной Ивановной. Счастливцы! Каким воздухом дышите, какое небо видите, а мы вот уже около двух недель сидим совершенно окутанные в туман, на улицах ни ходить, ни ездить нельзя. Я сбирался ехать в деревню и уселся теперь, потому что дорог совершенно нет. Что тебе сказать о другого рода новостях? Литературных собственно никаких нет, кроме того, что новых журналов прибавилось, кажется, миллион, да как-то по осени фельетонист — Толбин дал две отчаянные плюхи [высоко[высоко-почтенному — Старчевскому за неплатежь денег. Здесь теперь Островский и приехал Тургенев. Последний болен и довольно серьезно отвратительным Петербурским кашлем. Граф Кушелев принялся за издание своего журнала и написал такое дурацкое объявление, что даже в департаментах смеялись. Со стороны других журналов им на первый раз прощено, но впредь будут обличены и наказаны!

На квартире вашей мы отлично поживаем, только ужь тепло более, чем следует! Напиши хотя несколько строк, какое впечатление произвели на тебя заморские страны. Был-ли в Англии — в Лондоне. Что в Париже был — это я слышал, наконец что такое Ница? ловишь-ли ты там рыбу?

Павла моего я ужь отдал в Пансион — Коха, недалеко от нас. Не знаю, что бог даст дальше, а теперь начинает порядочно учиться и ходит ужь в куртках, чем ужасно гордится! и если бы не это предстоящее воспитание детей, то я дня-бы не остался в Петербурге, до того он мне надоел: город плохих товаров, продажных страстишек, мелкого умишка, пустого труда — и это цвет, букет России — лучше у нас ничего этого нет и не может быть! (Пр) Супруга моя здраствует и кланяется тебе и Анне Ивановне. Ваш Коля, говорят, скучает по родине: это хороший знак, значит есть

народный нерв. Извини, что пишу так беспорядочно; мне до того в последний год надоело *сочинять*, что я ради отдохновения устроил у себя в голове совершеннейший эралаш и теперь живу не [столько] мыслями, а, как животные, ощущениями: что попало под глаза, о том и промычал! Кстате: здесь играет шекспировские роли африканский трагик Айро Эльдриджа и [в] Петербург, как водится, в восторге; лично я сам не могу быть судьей, ибо не бельмеса не знаю по англйнски, но по всем соображениям кажется, что этот господин трагик горячь, но глуповат. И так до свидания: поцелуй за меня у Анны Ивановны ручки, а затем да будет с вами все хорошее:

душевно вам преданный *А. Писемский*

1858 г.
Ноября 24-го.

149. П. В. АННЕНКОВУ

〈1858 г., С. Петербург〉

Мой почтеннейший Павел Васильичь!

Что с Вами? Почему вы вчера не были у Дружинина?.. А мы все так жаждали Вас видеть... Завтрашний день, т. е. в Воскресенье, вся наша братия обещали собраться у меня вечерком. Приходите, мой дорогой, пожалуста: без вас беседа не в беседу! пожалуста!

Ваш *Писемский*

Суббота.

150. Я. П. ПОЛОНСКОМУ

〈Последние месяцы 1858 г., С. Петербург〉

Мой Дорогой Яков Васильевичь!

Я величайший в мире болван: когда вы меня звали, я заранее уже дал слово быть у одних знакомых беспременно; но если таково уже безотменно приказание Елены Васильевны, то явлюсь к Вам с $7^1/_2$ половины до $^1/_2$ десятого, а там и отправлюсь-куда обещал. Кроме того в продолжении будущей недели обязуюсь явиться к Вам в какой час дня и ночи вы не назначили-бы.

весь ваш *Писемский*

151. Я. П. ПОЛОНСКОМУ

〈Последние месяцы 1858 г., С. Петербург〉

Мой Дорогой Яков Петровичь!

Сегодня, кажется, собирается у Мея чтение его Драмы и он просил меня быть у него, и потому позвольте мне быть

1.

Старческій грѣхъ.

1.

Если вамъ когда нибудь случалось взбираться по крутой и постоянно чѣмъ то воняющей лѣстницѣ зданія присутственныхъ мѣстъ въ городѣ Б..., и тамъ, на самомъ верху, повернувъ направо, проникать сквозь неуклюжую и съ вѣчно неуломаннымъ замкомъ дверь въ цѣлое отдѣленіе пере[illegible] [illegible] комнатъ, помѣщавшихся въ обѣ стороны прихода общественнаго присутствія, то вамъ конечно бросился въ глаза, сидѣвшій у окна передъ дубовой конторкой чиновникъ лѣтъ уже далеко за сорокъ, съ крупными чертами лица, съ всклокоченными волосами и бакенбардами, широкоплечій, съ длинными руками и лице...

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 13 Декабря 1860. Ценсоръ В. Бекетовъ

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА РУКОПИСИ ПОВЕСТИ „СТАРЧЕСКИЙ ГРЕХ“ С ОТМЕТКОЙ ЦЕНЗОРА В. БЕКЕТОВА

у Вас, дорогой Яков Васильичь, завтра вечерком, если только вы дома; ежели-же вы куда отозваны, то я являюсь и завтра.

До свидания
ваш *Писемский*

152. П. В. АННЕНКОВУ

⟨9 февраля 1859 г., С. Петербург⟩

Мой почтеннейший Павел Васильичь!

Ваш обед, вероятно, совершится в квартире Тургенева, я этого и не спросил у Вас, а то, чтобы мне не продрать куда нибудь в непоказанное место — уведомьте с сим моим посланным хоть словесно.

Ваш *Писемский*

153. Е. Н. ЭДЕЛЬСОНУ

⟨Вторая половина февраля 1859 г., С. Петербург⟩

Любезнейший друг,
Евгений Николаевич!

Благодарю тебя за твоего Лаокоона. Это прелесть что такое! Между всей нашей братией труд твой по своей добросовестности и своему самоотвержению вызывал искренние похвалы. Для Библиотеки же статью я отдал разобрать Лаврову—автор статей о гегелизме. Не знаю есть ли у него чутье, по которому он полюбил-бы ⟨нрзб⟩ но во всяком случае он очень умный человек и при вашей редакции единственный, который может об твоей книге говорить. Хуже-же будет, как сам редактор надрищет какую-нибудь размазню. Поклонись от меня супруге своей и всем нашим общим друзьям.

Когда ты приедешь в Петербург? Надеюсь что до скорого свидания,

Твой *Писемский*

154. А. А. МАЙКОВУ

⟨1 июля 1859 г., С. Петербург⟩

Любезный Друг,
Аполлон Александровичь!

Разбору твоему очень будем рады и поместим его, и я [вме] вполне сочувствую тебе, что этот господин шарлатанит и потому чем резче его резче его остановить, тем лучше.

Присылай и статья твоя будет немедленно напечатана. Поклонись от меня всем вашим

душевно преданный

Писемский

1 Июля
1859.

155. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

<Июль 1859 г., С. Петербург>

Мне может быть не удас<т>ся побывать в Москву; но бога ради, любезный друг, поддержи меня — и дай свою комедию, а главное с первой же почтой уведоми меня, когда ты к нам ее пришлешь и нельзя-ли начало прислать для набора теперь-же. Пожалуста, уведомь.

Твой *Писемский*

156. А. А. МАЙКОВУ

<Июль — август 1859 г., С. Петербург>

Любезный Друг,
Аполлон Александровичь!

Обращаюсь к тебе с самым екстренным вопрос<ом>: издатель наш явился ко мне с твоей статьей и просит, чтоб ты назначил цену за лист: у нас за критики обыкновенно платится 50 руб.; но как твоя статья вместе с другой половиной должна будет составить 10 слишком листов, то он назначает только 40 руб. за лист. Предоставляю сие на твое распоряжение. Уведомь скорей, согласен-ли ты на эти условия?

До свидания,
твой *Писемский*

Мы желаем подписать твою фамилию [сог], можно ли это?

157. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

<7 августа 1859 г., С. Петербург>

Любезный Друг,
Александр Николаевичь!

Что твоя пиэса, которой мы ожидаем с нетерпением? — Якушкин, явившийся на днях в Питер, говорил мне, что ты ее оканчиваешь: уведомь нас, бога ради, об этом. В октябрской Книжке, самой важной почти, у нас решительно нечего печатать. Я сам написал драму, но ей предстоит большая возня с цензурой — и когда она пройдет, богу ведомо. [Во всяком случае] Торопить тебя конечно мы не хотим, во вся-

ком случае уведомь, пожалуста, можно-ли нам ращитывать на октябрскую Книжку, т. е. получить от тебя пиэсу в 1-х числах сентября, даже до половины. Я на днях только возвратился от Дружинина, где мы с ним ели и спали адски; за то у себя на даче все лето я мерз. Думаешь-ли ты нынче побывать в Петербурге? Письмо ко мне адресуй в Контору Библиотеки для чтения, на Невской Проспект, в книжной Магазин Печаткина. До свидания! Поклонись от меня Агафье Ивановне.

Твой *Писемский*

7 Августа
1859 года.

158. А. В. ДРУЖИНИНУ

⟨7 августа 1859 г., С. Петербург⟩

Мой почтеннейший Александр Васильевичь!

От души благодарю Вас и вашу матушку за радушной и ласковой прием. Я доехал очень хорошо,— но только в тот день не поспел на железную дорогу; а ночевал у одного помещика в 12-ти верстах — и вообразите — это господин в пляске святого Вита и пьет мертвую. Просто видеть ужасно! Драму я дописываю, что повергает меня в неописанной восторг и кончивши ее, может быть, сей час же примусь и за роман. От Тургенева я получил письмо. Он с божбой и клятвой уверяет, что к Декабрю приготовит нам повесть. Островский тоже пишет, что он вскоре вышлет Комедию. В Сентябрскую книжку у нас идет повесть Петрова, вышла очень недурная вещь.

Досвидания мой дорогой Александр Васильевичь. Писать более некогда, спешу на пароход. Матушке вашей засвидетельствуйте мое усердное почтение.

Ваш *Писемский*

7 Августа.

159. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

⟨6 сентября 1859 г., С. Петербург⟩

Любезный Друг,
Александр Николаевичь!

Посылаю тебе письмо Гончарова ко мне; из него ты увидишь, что до тебя тут касается и исполни по нем, о чем тебя просит Делаво. Прощай: поздравляю тебя с прошедшими именинами. Деньги ты вероятно уже получил? Агафье Ивановне поклонись от меня.

Твой *Писемский*

Сентября.

160. П. В. АННЕНКОВУ

⟨Конец августа — сентябрь, 1859 г., СПБ⟩

Мой дорогой Павел Васильичь! Приезжайте ко мне сегодня вечерком; во 1-х я вам драму прочту, а во 2-х еще одна просьба: вы бываете у Блудова, я тоже у него бывал, но может быть он меня забыл — а он мне нужен: Министр Ковалевский, не смотря на радушное участие его брата, вероятно напакостит и сделает две вещи — или сам собой запретит, тогда я буду жаловаться Главному Управлению, или он сам внесет в Главное Управление, где драма моя и может зауряд казенным образом быть запрещена, если Блудова не предуведомить; он там один порядочно может действовать — как это сделать, научите меня, вы все таки лучше меня знаете верховный Петербург. Всего-бы лучше было устроить чтение у Блудова, как это некогда было сделано с моей Плотничьей артелью. С сим посланным уведомьте меня, приедите-ли вы завтра ко мне вечерком.

Ваш *Писемский*

161. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

⟨Сентябрь 1859 г., С. Петербург⟩

Бога ради, любезный Друг, высылать твою ⟨пьесу⟩: Смерть пора, и во всяком случае уведомь меня, когда ты именно вышлешь. Без тебя мне, откровенно сказать, решительно не с чем выйти. Пожалуста высылай и отвечай с первой же почтой, успокой мое беспокойное сердце.

А. Писемский

162. С. П. ЗАГИБЕНИНУ

⟨19 октября 1859 г., С. Петербург⟩

Милостивый Государь,
Стахий Петровичь!

Статья моя сегодня лично доставлена мною Г-ну Министру и передана двум чиновникам, которые, несмотря на все мое настояние, чтобы она сей час-же была доставлена Г-ну Министру, — довольно грубо отказали мне в том, говоря, что это подано будет вместе с другими бумагами, о чем и прошу вас объяснить вашему начальству.

Имею честь быть
покорнейшим слугою
А. Писемский

О статье моей я однако настоял на то<м>, чтобы она была записана в книгу дежурную.

163. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

<19 октября 1859 г., С. Петербург>

Любезный Друг,

Александр Николаевичь!

Спаси „Библиотеку для чтения" и вышли твою комедию для Ноябрской книжки. Драма моя была уже пропущена, но вчера ее потребовали к Министру вследствие какого то доноса ему. Еще раз прошу тебя выслать, остаюсь

любящий тебя

А. Писемский

19 Ноября.

Я расстроен, взбешен и больнехонек.

164. Я. П. ПОЛОНСКОМУ

<Последняя декада октября 1859 г., С. Петербург>

Мой милейший Друг

Яков Петровичь!

Говорил-ли ты Редактору Русского Слова Благосветлову, что не желает-ли он купить у меня драму мою „Горькая Судьбина" для приложения к Русскому <Слову>; если ты не говорил, то уведомь меня, как его зовут, и когда его можно застать дома и где он живет? Но только уведомь о сем сей час-же. Пожалуста.

твой *Писемский*

165. Я. П. ПОЛОНСКОМУ

<Последняя декада октября 1859 г., С. Петербург>

Мой милейший

Яков Петровичь!

О „Горькой Судьбине" я писал письмо к Благосветлову. Потрудись и ты написать ему с своей стороны по городской почте, но только не откладывая времени, а сей час-же. Пожалуста!

твой *Писемский*

166. П. В. АННЕНКОВУ

<Ноябрь 1859 г., С. Петербург>

Мой дорогой Павел Васильичь!

Статья ваша прелесть и я вам, что вы хотите, не возвращу ее, а буду просить отдать нам: мы в этом месяце

погибаем, надежда только на вашу оживленную и увлекательную статью. Умоляю позволить ее набирать, поправки вы можете сделать, какие угодно, в корректуре, которая к вам будет доставлена. Со стороны цензуры вероятно не будет препятствий. Уведомьте с сим посланным ваш *Писемский*

167. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

<Ноябрь 1859 г., С. Петербург>

Любезный Друг,
Александр Николаевичь!

Не знаю, не рассердишься-ли ты на случившуюся перемену. В ноябрской Книжке вместо твоей драмы должна была пойти моя. Произошло это вследствие таких обстоятельств: Министр, как ты знаешь, взявший на себя пропуск моей драмы, дал мне знать, что я печатал-бы ее сей час-же; в противном-же случае, очень может статься, что власть его будет не действительна, потому что в самом непродолжительном времени, [все] цензура отойдет от Министерства Народного Просвещения и образуется новое управление [под в], совершенно отдельное, под верховным начальством Барона Корфа (автора восшествия на престол Николая I-го). В это же управление, говорят, войдут Иностранной Цензурной Комитет и Театральная цензура. Во всем сим в конце письма тебя удостоверит и Иван Александровичь <Гончаров>! Что касается до твоей пиэсы, то это никоим образом, кажется, <не> повредит ей: чем долее ее не печатают, тем выгоднее для ее сценической обстановки и ты очень-бы нас обязал, если бы позволил оставить ее до Генваря, ибо хотя мы и будем иметь Щедрина, то тебя печатать в декабре, т. е. для старых подписчиков, а Салтыкова в Генваре для новых подписчиков,— безумно нерасчетливо! Если ты согласен на это, то уведомь меня и, еще раз повторяя эту просьбу от себя и от Александра Васильича <Дружинина>, остаюсь душевно тебе преданный *А. Писемский*

P. S. Кроме того от Салтыкова еще не получена <повесть> и только рассчитывая на его акуратность я пишу, что мы будем иметь его повесть. Пиши ко мне прямо на квартиру: на Садовой, в доме Куканова, против Юсупова саду.

Драма твоя совсем уже начисто отделана, пропущена цензором и первые листы даже отпечатаны.

Если почему-либо тебе непременно нужно, то мы драму поместить ⟨можем⟩ и в Декабрской книжке, но нам бы гораздо лучше сохранить ее до Генваря.

168. А. А. МАЙКОВУ

⟨Ноябрь 1859 г., С. Петербург⟩

Любезный Друг,

Аполлон Александровичь!

Статейку твою разбили на три книжки, потому что поместить ее в двух решительно не было места. Корректуру твою вряд-ли найдем возможность выслать, потому что до такой степени запоздали Ноябрской книжкой, что декабрскую книжку должны свернуть в две недели. Об опечатках не беспокойся, от журнала, которой [требует] дает 45 листов в месяц, невозможно требовать такой строгости, как от книги. Статья твоя и здесь всем понравилась; кончится она в Декабре и тут мы выставим твою фамилию. Передай душевное сожаление мое и жены моей о смерти вашей почтенной бабушки. Батюшке, матушке и сестрицам поклонись,

душевно преданный

А. Писемский

169. Е. Н. ЭДЕЛЬСОНУ

⟨20 декабря 1859 г., С. Петербург⟩

Мой любезнейший друг,

Евгений Николаевичь!

Посылаю тебе экземплярчик моей пиэсы, передай таковой-же и Михаилу Николаевичу. Да что тебя не видать? Приходи сегодня обедать; а к Дудышкину мы отправимся завтра, т. е. в понедельник вечером, о чем я и пишу к нему. Сегодня же меня звали в одно место. Досвидания.

Твой *Писемский*

[Потрудись также попросить Михаила Николаевича ⟨Островскому⟩ передать экземпляр и Ал.]

170. А. В. ДРУЖИНИНУ

⟨Конец 1859 г. — начало 1860 г., С. Петербург⟩

Мой почтеннейший Александр Васильевичь!

О каком-же Касаткине полоумной Кавелин толкует и какое нам дело до Г. Касаткина. У нас-же повесть Два света получена мною лично не от студента, а от частного лица—

фамилии его не помню — и лично знаю, что ему деньги заплочены. У меня все еще хворают. Я больше дома сижу. да теперь и работы пропасть. Нащет повести я буду ждать Тургенева донельзя; а там увидим. Ваш *Писемский*

171. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

〈Январь 1860 г., С. Петербург〉

Любезный Друг,
Александр Николаевичь!

Оттиски и № Биб. для чтения был сдан к Базунову на другой же день выхода книжки и вероятно теперь ужь давно должен находиться у Московского Базунова. Когда ты приедешь к нам опять в Питер?

Поклонись всем от меня.

Твой *Писемский*

172. Б. Н. АЛМАЗОВУ

〈Август 1860 г., С. Петербург〉

Любезнейший Друг!
Борис Николаевичь!

Спешу отвечать на твое письмо: скажи Калошину, чтобы он высылал повесть, и что если она найдется удобною, то мы с удовольствием примем. Твой *Писемский*

Я принимаю редакцию в другом еще журнале «Искусства“. Не будешь-ли ты столько добр и не возьмешь-ли ты на себя составления Летописи о Московском Театре? Уведомь об этом меня пожалуста поскорей и если возмешься то доставляй это акуратно на имя мое прямо в Садовую Улицу, в дом Куканова, против Юсупова Саду. Начни это дело с Сентября и оно будет для тебя постоянным. Буду ждать твоего ответа. Ваш *Писемский*

173. А. В. ДРУЖИНИНУ

〈Сентябрь 1860 г., С. Петербург.〉

Почтеннейший Александр Васильевичь!

Печаткин уведомил меня, что вы отходите от Библиотеки для Чтения. Бога ради, скажите, не считаете-ли вы меня хоть сколько нибудь причастным этому делу. Я сам с радостью-бы отошел, если бы не эти несчастные 1800, ко-

торые одни делают для меня возможною жизнь в Петербурге, которая теперь, по случаю воспитания детей, стала для меня окончательно необходима. Чтобы отказаться от всего этого, вы сами конечно, по доброте вашей, от меня этого не потребуете. А между тем меня ужасно беспокоит, не подозреваете-ли или не обвиняете-ли вы меня в чем-нибудь тут. Совершенно противному я могу представить вам тысячи доказательств. Напишите мне пожалуста, я даже заболел так меня это растроило.

Преданный вам

А. Писемский

174. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

⟨Конец сентября 1860 г., С. Петербург⟩

Любезный Друг,

Александр Николаевичь!

Соблаговолишь-ли ты дать нам что нибудь в Библиотеку для чтения. Пожалуста, не откажи и повозможности уведомь меня, к какому времени можно надеятся получить от тебя, чтобы я мог расчитать материал. Что ты именно поделываешь теперь? Поздравляю тебя с получением премии Уваровской. Да вот еще у меня к тебе просьба: я участвую еще в новом Журнальце „Искусство“. Не напишешь-ли для этого изданья ты ⟨о⟩ последних днях Мартынова и его смерти. Все это совершилось на твоих глазах и руках. Не поленись ответить мне поскорей на все сии вопросы.

Твой *Писемский*

175. П. А. ПЛЕТНЕВУ

⟨10 октября 1860 г., С. Петербург⟩

Милостивый Государь,

Петр Александровичь

Позвольте мне представить Вам экземплярчик моей драмы „Горькая Судьбина“ и еще раз поблагодарить Вас за ваше лестное для меня внимание к ней. Память об этом я сохраню навсегда, как о величайшей чести, которую когда либо я надеялся заслужить моими слабыми трудами.

Вы были другом и советником Пушкина и Гоголя и поверьте, что ваше ободрение для нас (юнейших и далеко ниже стоящих перед этими великими маестро) дороже самого громкаго успеха в публике, часто создающей себе, бог ⟨знает⟩ за что и почему, кумирчики.

За сим прося принять уверение в совершенном моем почтении имею честь пребыть

покорнейшим слугой

А. Писемский

10 октября
1860 г.

176. А. В. НИКИТЕНКО

〈10 октября 1860 г., С. Петербург〉

Имею честь доставить Вам экземплярчик моей драмы. Сам-бы занес его к Вам, но сижу дома и жду решения своей цунзурной участи.

Прося принять уверение в совершенном моем уважении и преданности, пребываю

Вашим
покорным слугою
А. Писемский

177. П. В. АННЕНКОВУ

〈10 Октября 1860 г., С. Петербург〉

Почтеннейший Павел Васильичь!

Препровождаю Вам экземплярчик моей драмы, пробегите ее еще раз если не скучно будет и скажите ваше мнение.

Ваш *Писемский*

178. К. К. ГЕРЦУ

〈16 октября 1860 г., С. Петербург〉

Милостивый Государь,
Карл Карловичь!

По Петербурским газетам вы, может быть, видели объявление о выходе в свет журнала „Искусства". По первой книжке мы просили-бы как вас, так и прочих читателей, не судить нас. Это дело только что еще начинается и если оно только устоит по среди этого почти всеобщего в настоящее время обличительного и скандального направления, то примет гораздо большие размеры, и совершенно иной вид. Заведывая некоторыми отделами этого журнала я решаюсь, от себя и от издателя Г-на Герике, обратиться к вам с покорнейшею просьбою принять участие в нашем деле. Все, что вы не пожелали бы поместить: будь то критическая статья или изыскание о древнем Искусстве или наконец ис-

тория самого Искусства и его деятелей — все мы примем с величайшею благодарностью.

Вместе с тем я просил-бы вас покорнейше передать такого же рода мою просьбу и Г-ну Шестакову, к которому я лично-бы конечно обратился с письмом, но к сожалению решительно не знаю его адреса.

О решении вашем я покорнейше просил бы вас меня уведомить надписывая на мое имя, т. е. *Алексею Феофилактовичу Писемскому, на Садовой, в доме Куканова, в Петербург.* За сим прося принять уверение в совершенном моем почтении имею честь

быть

покорнейшим слугой
Алексей Писемский

16 октября
1860 г.

179. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

〈Ноябрь 1860 г., С. Петербург〉

Любезнейший друг!

Пришли, бога ради, заглавие твоей комедии, которую ты готовишь для „Библиотеки для Чтения". Нам крайне нужно для объявления. Об высылке к тебе „Искусства", 2 №№ я распорядился.

Каковы у нас в Библиотеке Гаваньские Чиновники. Пожалуйста пришли Заглавие и поскорей, нам в этом крайняя надобность.

Твой *Писемский*

180. П. А. ПЛЕТНЕВУ

〈19 ноября 1860 г., С. Петербург〉

Многоуважаемый
Петр Александровичь!

Несказанно Вам благодарен за присылку мне вашего разбора. Что могу вам сказать про него, кроме того, что Вы были ободрителем и руководителем таких Маестро, как Пушкин и Гоголь; как-же мне и Островскому не ценить высоко и не гордится вашим вниманием. Я так много виноват, что до сих пор не был у Вас; каждую среду, каждое воскресенье я сбираюсь к Вам, но тысячи дел, которыми я теперь опутан, непременно остановят: две редакции и издание полного

собрания моих сочинений отнимает у меня целый день, с 8 часов утра до часу ночи.

В ближайшее воскресенье непременно явлюсь и если позволите, то вместе с Библиотекой для Чтения, чтобы представить Вам напечатанное в ней произведение нового Автора „Гаваньские Чиновники“, которое, почти наперед надеюсь, что заслужит вашу похвалу. Островскому и Майковым перешлю ваши экземпляры, а за тем свидетельствуя мое глубокое уважение имею честь пребыть

покорнейшим слугою

А. Писемский

Суббота

181. А. В. ДРУЖИНИНУ

〈Ноябрь 1860 г., С. Петербург〉

Мой дорогой Александр Васильичь!

Тысячу лет мы с вами не видались; но я занят по горло: две редакции и в добавок еще продал собрание моих сочинений, так что каждый день зарабатываюсь почти до обморок. Вейнберг говорил, что вы могли-бы написать о Гогарте — для Искусства. Вы этим решительно сделаете для нас величайшее одолжение. Пожалуста! для вас это дело знакомое, а нам подмога да и подмога большая. Весь ваш

Писемский

О решении вашем я просил-бы вас меня уведомить.

182. Е. Н. ЭДЕЛЬСОНУ

〈Ноябрь 1860 г., С. Петербург〉

Любезный друг
Евгений Николаевичь!

Статейку твою потрудись доставить ко мне, хорошо если бы сегодня вечерком, а не то приходи завтра обедать ко мне. Что ты меня вчера не подождал немного. Я сейчас-же почти после твоего ухода возвратился домой. Твой *Писемский*

Середа.

183. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

〈Конец ноября 1860 г., С. Петербург〉

Посылаю теперь разбор Плетнева по Уваровским премиям. Говоря по правде, по милости его мы и получили премии. Напиши ему письмецо благодарственное. Ему будет очень

это приятно. Адрес его: *Его Превосходительству, Петру Александровичу Плетневу в Петербург, в Университет.* Да пришли ему и экземплярчик драмы с надписью.

Твой *Писемский*

184. Е. Н. ЭДЕЛЬСОНУ

<Начало декабря 1860 г., С. Петербург>

Любезнейший друг,
Евгений Николаевич!

Уведомь меня с первой же почтой, когда ты вышлешь вторую статейку, я так и буду дожидаться. Немедленно же уведомь с первой же почвой. Разрывать неловко. Я после тебя заболел жабой и до сих пор болен. Твой *Писемский*

185. И. С. ГЕНСЛЕРУ

<Начало декабря 1860 г., С. Петербург>

Мой почтеннейший
Иван Семеновичь!

Я болею и довольно тяжко: была сильная жаба, которая и теперь еще не совершенно прошла. Посе<ти>те больного, а также решаюсь напомнить о статье вашей, которую весьма бы желат<ельно> было послушать

душевно вам преданный
А. Писемский

186. А. В. ДРУЖИНИНУ

<Декабрь 1860 г., С. Петербург>

Все сделаю, мой дорогой Александр Васильичь, что только от меня зависит, и признаюсь откровенно, меня эти редакторства совершенно измучили: „Искусство" например совсем лопнуло и никому из сотрудников не платит.

Я потребую у Печаткина расчет с вами и просмотрю его.

Весь ваш
Писемский

187. А. В. ДРУЖИНИНУ

<Декабрь 1860 г., С. Петербург>

Любезнейший Александр Васильичь!

Печаткин вероятно не заплатит за книги. Вы знаете этот народ — если нет гербовых бумаг, так ничего не получишь. Одно орудие — опечатайте его. Ваш *Писемский*

188. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

⟨Декабрь 1860 г., С. Петербург⟩

Любезный Друг

Александр Николаевич!

Посылаю тебе письмо ко мне от Стеловского нащет некоторых твоих пиэс, которые он желает поместить в сборнике. Как ты решишь, так и уведомь меня. Нащет комедии Востокова, в Библиотеку для чтения я не могу ее принять: ибо по сюжету избито, да и по выполнению слабо: это и не сцены, а скорее какое-то упражненье в разговорах на заданный анекдот; но не пожелает-ли он, чтобы я отдал в другие редакции; например: в Век, в Русской Мир. Там может быть ее примут и она сойдет: больше писать некогда.

Твой *Писемский*

189. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

⟨Декабрь 1860 г., С. Петербург⟩

Любезный Друг, Александр Николаичь!

Стеловский уже написал, чтобы тебе там из магазина музыкального [Ленго] доставили деньги.

С пиэсой Востокова не знаю, что делать. Стеловский не берет и говорит, что он печатает только пиэсы, бывшие на сцене. Попробую отдать к Достоевским в журнал.

К февральской книжке я на твою пиэсу расчитываю. Когда ты приедешь в Питер? Твои „Свои люди сочтемся", говорят, пропустили. Поздравляю, но кто у тебя здесь ее будет играть? Употреби по крайней мере твое вляние, чтобы Бурдина в ней не было.

Твой *Писемский*

190. Ф. Ф. ВЕСЕЛАГО

⟨Декабрь 1860 г., С. Петербург⟩

Милостивый Государь,

Феодосий Федорович!

Вчера мне в Комитете повести⟨ли⟩, что Токвиль имеет быть пропущен; будьте столь добры — уведомить меня, когда мы можем его получить пропущенным; нам надобно его уже печатать, по крайней мере [в] первые листы. За ним дело встало.

Имею честь пребыть

покорнейшим слугою

А. Писемский

191. Ф. Ф. ВЕСЕЛАГО

〈Январь 1861 г., С. Петербург〉

Милостивый Государь
Феодосий Федорович!

Разрешите, пожалуста, 1-ю главу сего романа назвать вместо „Старые Девы“, (что выходит несколько из тона) „Две сеструшки-мастерицы“. Статья о Московском Театре решительно последовала к Федорову, и он ее, если только не совсем из ума выжил, вероятно не подпишет.

вам преданный
А. Писемский

192. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

〈Январь 1861 г., С. Петербург〉

Как ты не подрезал меня, друг сердечной, но во всяком случае, бога ради, не насилуй себя и не торопись и только по крайней мере — к Мартовской-то книжке изготовь, а то в противном случае публика, пожалуй, подумает, что мы ее надуваем объявлениями. Пожалуста изготовь к Мартовской.

Твой *Писемский*

193. Ф. Ф. ВЕСЕЛАГО

〈Начало 1861 г., С. Петербург〉

Почтеннейший Федосий Федорович!

Будьте столько великодушны: пропустите по сей грязной корректуре моего Салатушку. Тут решительно все цензурное.

Преданный вам
А. Писемский

Процензуровавши прикажите ко мне принести.

194. А. В. ДРУЖИНИНУ

〈Начало 1861 г., С. Петербург〉

Мой дорогой Александр Васильичь!

Роман Криницкой я еще не прочел, потому что занят ужасно всевозможными делами — и во всяком случае ранее лета он не может быть помещен, потому что я уже назначил материал до Июня м͠ца.

Мне ужасно грустно, что мы так давно с Вами не видались. Я решительно не бываю в вашем краю. Хоть бы, мой

дорогой Александр Васильичь, приехали ко мне как нибудь обедать. Это священное дело непременно уже совершаю дома и потому побеседовали-бы, потолковали-бы.

Ваш *Писемский*

195. П. Л. ЛАВРОВУ

⟨Начало марта 1861 г., С. Петербург⟩

Имею честь вас удостоверить, почтеннейший Петр Лаврович, что предъявитель сей моей рукописки есть Александр Васильичь Иванов, которому, как нам сказывали, назначено 100 руб. воспомоществования от Комитета.

А. Писемский

196. М. И. СЕМЕВСКОМУ

⟨Апрель 1861 г., С. Петербург⟩

Мой почтеннейший
Михайло Иванычь!

Мы берем у Вас ваших „Сторонников“ по жалаемой Вами цене, только потрудитесь зайти, ходя по Невскому, к Печатнику и сказать ему, когда вы желаете получить деньги: печататься ваша статья начнется с Июня. Ваш *Писемский*

197. М. И. СЕМЕВСКОМУ

⟨Апрель 1861 г., С. Петербург⟩

Почтеннейший Михаил Иванович

Я к Вам уже ⟨писал⟩ по городской почте, но пришел рассыльной и я снова повторяю мое письмо: ваших „Сторонников“ мы приобретаем за желаемую Вами цену и только потрудитесь, гуляя по Невскому, зайти к Печаткину и повестить его, когда Вам именно будут нужны деньги. Статья ваша будет напечатана в Июне. Ваш *Писемский*

198. П. В. АННЕНКОВУ

⟨11 апреля 1861 г., С. Петербург⟩

Мой любезнейший Павел Васильичь!

Тысячу лет мы с вами не видались; а у меня опять дети больны, оба в страшной кори, так что все это время мы себя не помним. Хоть-бы зашли как нибудь вечерком. Не имеете-ли вы известий от Тургенева, когда он приедет?

ваш *Писемский*

В. С. КУРОЧКИН И А. Ф. ПИСЕМСКИЙ. КАРИКАТУРА ЖУРНАЛА „ГУДОК“ (1862)

199. П. А. ПЛЕТНЕВУ

〈19 апреля 1861 г., С. Петербург〉

Почтеннейший
Петр Александрычь!

Все это время я рвался к Вам душей; но увы! не мог того исполнить: оба сына мои были в сильной кори и я во все те дома, где есть дети, и носу не смею показать. А между тем я имею к Вам просьбу, а именно одолжить меня присылкою — вашей фотографической карточки, которую я бесконечно желал-бы иметь, но сам приобресть не знаю где.

Как мне горько и досадно за князя Вяземского; а все это по преимуществу подали повод неосторожные стихи Салогуба и еще более неосторожная статья Т. Толстого.

Надеюсь, что князь знает, что мы, бывшие на его юбилее, нисколько не разделяем мыслей с этим кричащим против него Газетным Кагалом.

Повторяя еще раз мою просьбу о карточке остаюсь

душевно вас уважающий
А. Писемский

19 Апреля
1861

200. М. И. СЕМЕВСКОМУ

〈11 мая 1861 г., С. Петербург〉

Рукопись Штенгеля переправлена в Контору Печаткина. Гуляя по Невскому, потрудитесь за нею зайти.

Ваш *Писемский*

201. А. А. КРАЕВСКОМУ

〈Лето 1861 г.〉

Милостивый Государь,
Андрей Александрович!

Прошу Вас сообщить г. г. Литераторам мое мнение касательно перемены цензуры: в настоящем своем виде она существовать не может, так как только понижает Литературу: все, что составляет серьезную мысль, она запрещает, все, что мелко, пошло — под ее благодетельным влиянием расцветает роскошными букетами; но с другой стороны и касательно цензуры карательной мы должны поступить осторожно и, как я полагаю, прежде чем изъявлять на нее свое желание, мы

должны-бы спросить о тех законах, по которым нас будут карать, и о составе того судилища, где нас будут судить, и во всяком случае мы в этом деле лица угнетенные и должны заявлять только свои права и желания, несоображаясь с требованием правительства, которых мы не знаем и которые оно вероятно само не пропустит. Мы-же, как мне кажется, должны просить: 1.) права переводить все сочинения, вышедшие на иностранных языках, так как они и без того не скрываются от Русской Публики, почти с подряд знающей иностранные языки и преспокойно покупающей эти книги у книгопродавцев и при поездках за границу; но переведенные они, если и больше огласятся, то вероятно в критических статьях вызовут и реакцию против себя, 2.) — права рассуждать об всевозможных формах Правительств, что почти и делается теперь, но только в недомолвках, которые только раздражают читателей, заставляя его предполагать бог знает какую премудрость между строками; 3.) — права излагать в совершенной полноте все философские системы — будь автор Деист, Идеалист, Материалист. В этом случае Правительству опять следует поставить на вид то, что мысль может уничтожаться только мыслию, а не квартальными и цензорами; 4.) допустить Сатиру в самых широких размерах. Касательно ограничения пускай недопущено будет никакой нахальной личности ни в отношении Правительственных лиц, ни в отношении Частных. Из всего этого, разумеется, у нас половину отрежут, но все таки мы ничего иного желать *не можем и не должны.* Предположить соединение предостерегательной Цензуры и карательной нелепо — это значит прямо идти на то, чтобы Вас били с двух боков; пусть оно лучше остается как теперь идет: цензора еще обмануть можно, а сам-то себя не обманешь! Но опять повторяю, что покуда не будем знать положительно тех законов, по которым нас будут казнить, то мы и в пользу Карательной Цензуры ни должны говорить ни слова, ни звука!

Чтобы оформить все это в официальном тоне, то я полагаю, что и записку к Министру следует начать так: „Что, Ваше Высо<ко>превосходительство, прежде всего мы желали-бы знать: 1) чего правительство требует от Цензуры: того-ли, чтоб она была ослаблена или того-ли, чтоб усилена? 2) Какие установлены будут Законы Цензурные, так как из ныне суще-

ствующих ничего нельзя понять, и дозволено-ли нам самим будет проэктировать эти законы? 3) Какого рода судилище будет устроено над виновными, чему их именно будут подвергать и кого именно: авторов или издателей" — а до тех пор, пока нам не будет этого сказано, мы ничего сказать не можем.

Вот все, что я пока считал нужным сказать с своей стороны.

Жму вашу руку

А. Писемский

202. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

〈Начало ноября 1861 г., С. Петербург〉

Любезный Друг,

Александр Николаевичь!

Сей час был твой брат и сказывал, что ты во первых здрав, а во вторых, что через месяц докончишь своего Минина. Последнее меня несказанно обрадовало, авось с твоей легкой руки у нас и появиться настоящая историческая драма. Если ты не заговорил ее ни в какой журнал, то давай нам ее в Библиотеку для Чтения. Ты этим крайне меня обяжешь и я только прошу тебя написать мне определительно цену, дабы я мог ее заявить издателю, которой начинает разные штучьки делать с авторами, при неопределенном уговоре в цене; но во всяком случае тебе разумеется будет заплачено самым акуратным образом. На письмо это отвечай мне, пожалуста. Что собственно касается до меня, то я все вожусь с болезнями: летом в деревне жена была больна; а по приезде сюда сам заболел ревматизмом (жена тоже была больна ревматизмом, это какой-то наш семейный бичь). Да хранит тебя бог; прощай,

твой *А. Писемский*

203. Е. П. КОВАЛЕВСКОМУ

〈6 ноября 1861 г., С. Петербург〉

Явимся непременно, многоуважаемый Егор Петровичь, но только откровенно Вам сказать, вряд-ли наши чтения принесут сбор.

Пребываю
с полным моим
уважением
А. Писемский

6 Ноября
1861.

204. *П. В. АННЕНКОВУ*

<Между 20 и 27 ноября 1861 г., С. Петербург>

Посылаю Вам, мой любезнейший Павел Васильичь! комедию Баулина по прилагаемому при сем письму. По миновании в ней надобности, если она вам будет ненужна, возвратите мне ее.

Ваш *А. Писемский*

205. *Ф. Ф. ВЕСЕЛАГО*

<Ноябрь 1861 г., С. Петербург>

Многоуважаемый
Феодосий Федорович!

К Вам представлена будет повесть Петрова для Декабрьской книжки. Бога ради, не погубите и пропустите ее поскорее, непосылая к Буткову. Если что найдете резким, лучше сами вычеркните. Еще раз прошу обязать несказанно и дать возможность выйти книжке поскорее.

Имею честь быть
покорнейшим слугою
А. Писемский

206. *А. А. КРАЕВСКОМУ*

<Конец ноября 1861 г., С. Петербург>

Почтеннейший Андрей Александрович

В 59 году у вас в Отечественных Записках была напечатана [повесть] Комедия моего умершего приятеля Осипова, от сестры которого я на днях получил письмо из Лондона, которое к Вам и препровождаю. Уведомьте меня, что мне ей отвечать; деньги же, сколько вы предполагаете заплатить, потрудитесь выслать от себя в Лондон по прилагаемому в письме адресу. Что эта особа действительно родная сестра его, в этом удостоверяет вас и Баталин. До свиданья. Не замедлите бога ради ответом, чтобы и мне ей что нибудь отвечать

ваш
Писемский

207. *М. И. СЕМЕВСКОМУ*

<24 декабря 1861 г., С. Петербург>

Посылаю вам, мой почтеннейший, роль Анны Тимофеевны, которую вы желали сыграть. Если вы не отдумали, то при-

мите ее и о решении вашем потрудитесь уведомить меня с сим посланным или через городскую почту.

преданный вам

Алексей Писемский

208. С. В. МАКСИМОВУ

⟨30 декабря 1861 г., С. Петербург⟩

Любезный друг

Сергей Васильичь!

Приходи-ка завтра, т. е. в воскресенье, встречать ко мне Новый год. У меня будут Михайловы, которые очень желают тебя видеть.

Твой *Писемский*

209. Е. П. КОВАЛЕВСКОМУ

⟨18 января 1862 г., С. Петербург⟩

Милостивый Государь,

Егор Петрович

Прилагаю при сем записку о художнике Якутовиче, который ходатайствует о вспомоществовании ему от Литературного Фонда, и вместе с тем считаю себя обязанным подтвердить, что все, сказанное в записке, совершенно справедливо.

Прося принять уверение в совершенном моем почтении и преданности, с коими имею честь быть

покорнейшим слугою

Алексей Писемский

1862 года
Генваря 18-го.

210. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

⟨7 февраля 1862 г., С. Петербург⟩

Любезный друг

Александр Николаевичь!

Здесь составляется и уже составлен адрес против поступка „Искры“ со мной в том тоне, что если они кинули грязью в меня, так кинут и во всякого, кто им подвернется, а потому литераторы протестуют против этого: хочешь-ли ты подписаться или нет — уведомь меня сей час-же, — протест на днях будет печататься. Отвечай сей час-же.

Твой *Писемский*

211. В. А. ЦЕЭ

⟨22 марта 1862 г., С. Петербург⟩

Милостивый Государь,
Василий Андреевич,

Получив несколько дней тому назад обязательной для меня визит ваш я по тяжко болезненному моему состоянию не мог до сих пор явиться к Вам и поручить себя как литератора и редактора вашему вниманию, что и исполню при первом востановлении моего здоровья.

Принося еще раз извинение в невольной моей невежливости, имею честь пребыть с полным моим уважением

покорнейший слуга
А. Писемский

22 Марта
1862.

212. А. А. КРАЕВСКОМУ

⟨10 мая 1862 г., Дрезден⟩

Мой почтеннейший
Андрей Александрович!

Не желаете-ли Вы в Петербур. Вед. поместить прилагаемые при сем письма: они очень мило написаны и главное полезны — для бедняков. Кроме того автор может быть и дальнейшим корреспондентом и вероятно пригодится и для будущей вашей газеты. Пока главная его специальность — это озлобление против Немцев — чувство весьма законное в каждом порядочном человеке. Я тащусь по Европе и пока кроме хлопот по дороге никаких еще особых удовольствий не получил. Предаваться тем грешным наслаждениям, которым вы предавались, объезжая Европу, вы знаете я не могу и только и развлекаю себя тем, что ем за двоих; но на немецкой кухне и того нельзя делать с особым удовольствием. Дружески жму вашу руку

ваш
Писемский

Дрезден
$\frac{22}{10}$ Мая.

213. П. В. АННЕНКОВУ

⟨8 октября 1862 г., С. Петербург⟩

Мой дорогой Павел Васильич!

Я пишу, пишу мой роман, а сам еще и не знаю, что это такое? Не приедите-ли прослушать хоть частичку его, а также пригласите и ваших дам: супругу и Варвару Яковлевну,

и когда вам можно будет сие совершить, известите меня, и я поприглашу кой кого и других на помощь моему авторскому разумению. До свидания

ваш
Писемский

Октября 8-го.

214. Б. Н. АЛМАЗОВУ

⟨1 ноября 1862 г., С. Петербург⟩

Мой драгоценнейший
Борис Николаичь!

По твоему письму я вместе с этим писал к Каткову и откровенно объяснил ему дело все, как оно есть. Я теперь пишу большой роман, который будет больше Тысячи душ. Слышавшие его все очень хвалят и он захватывает всю почти нашу матушку Русь; [за] словом труд серьезной. Я с удовольствием бы поместил его в Рус. Вест., но на беду связал себя некоторым обещанием Коршу, который хочет его издать приложением к Петерб. Ведомостям, но окончательное решение об этом умоляет отложить до Генваря, т. е. когда для него самого определиться подписка, так как мне придется заплатить сумму порядочную.

Если у него подписка будет так себе, он вероятно откажется от этого предприятия и тогда я с радостью привезу Роман в Рус. Вестник, в котором мне и самому желается участвовать.

На письмо это я просил бы тебя ответить, как и что они и желают-ли приобресть такую большую вещь.

Пожалуста, отвечай!

1 Ноября
1862 г.

Твой
Писемский

215. М. Н. КАТКОВУ

⟨1 ноября 1862 г., С. Петербург⟩

Милостивый Государь,
Михайло Никифорычь!

Алмазов мне писал, что вы желали бы иметь что нибудь мое в Рус. Вест. С душевным удовольствием принимаю это предложение и только вот какого рода обстоятельства должен объяснить Вам: я теперь пишу огромный роман (листов до 35 печатных) и который далеко еще не кончен и идет всего на третей части. На роман этот имеет уже отчасти мое

слово Валентин Федоровичь Корш, который просил меня о том еще за границей, при встрече со мной; но с тем, что он может объявить окончательное свое требование только в Генваре, т. е. когда определиться для него самого подписка Петер. Ведомостей. Говоря откровенно, я находил бы гораздо более удобным поместить его в Русс. вестнике, но связанный некоторым образом своим обещанием до Генваря ничего не могу сказать определительного, тем более, что и самый труд-то далеко не кончен.

Если подписка у Корша будет [мала] [мен] не слишком значительна, то я сам буду настаивать, чтобы он отказался от моего романа, которой у него пойдет в Приложении, как подарок читателям, и в таком случае буду просить позволения обратиться к Вам: приеду для этого в Генваре в Москву, прочту вам мой роман и если вы найдете его удобным для себя и по достоинству и по цене, я с большим удовольствием отдам его в Рус. Вестник.

Затем прося принять уверение в совершенном моем уважении имею честь быть

покорнейшим слугою

А. Писемский

1862 года.
Ноября 1-го.

216. Я. П. ПОЛОНСКОМУ

⟨Первая половина ноября 1862 г., С. Петербург⟩

Любезный друг,
Яков Петровичь!

В пятницу вечером я юным поэтам буду читать мой роман. Если хочешь послушать — приезжай и скажешь какой нибудь добрый совет. А что-же стишки-то!

Твой *Писемский*

217. Б. Н. АЛМАЗОВУ

⟨15 ноября 1862 г., С. Петербург⟩

Любезный Друг,
Борис Николаичь!

При всем желании отвечать тебе определительно на твое письмо, я не могу, потому роман мой еще только на половине и должен быть кончен, потом должен еще повылежаться, чтобы мне потому самому беспристрас⟨т⟩нее попройтись по

нем. Роман этот есть дело все⟨й⟩ моей жизни: худ-ли, хорош-ли он выйдет, но мне ужь лучше и сильнее не написать, поэтому можешь судить, что ветрено и торопливо распорядиться с таким трудом я не могу. Кроме того и переговоры мои и с Коршем некончены до Генваря. Чувствую и сам, говоря между нами, неловкость прилагаться к газете, но что делать — не давши слова крепись, а давши держись. Я пошел на это просто потому, что думал, что не найду издателей.

В Генваре напишу сам более решительный ответ или сам приеду в Москву, привезу и роман, почитаю. До свидания. Жму крепко твою руку.

Твой

Писемский

Каткову не мешает самому ко мне написать, если в самом деле желает иметь мои произвед⟨ен⟩ия.

15 Ноября
1862.

Про роман говорят, кто слышал, что очень хорош — можешь сей слух поверить от Эдельсона.

218. А. В. ДРУЖИНИНУ

⟨29 декабря 1862 г., С. Петербург⟩

Мой почтеннейший Александр Васильичь!

Я перед Вами виноват так, как и сказать не могу; но все это время, что не приехал с дачи, страшно работаю и нигде решительно не бываю. Так еще пройдет вероятно и Генварь, а к концу которого надеюсь в черне ⟨закончить⟩ мою работу: пишу роман в 6 частей и написал уже 5.

Не сердитесь бога ради что не бывал у вас — решительно все это время творчествую. Вас не смею к себе звать на мою высочайшую лестницу.

Как только поотработаюсь, сей час-же лично явлюсь повидаться с Вами и дружески-дружески пожать вашу руку виноватый перед вами

и душевно вас

любящий

А. Писемский

219. Б. Н. АЛМАЗОВУ

〈Конец января 1863 г., С. Петербург〉

Что это, любезный Друг, за вздор, что я бросил роман. Мало, что я его не бросил, но даже дописал, [но зато] хоть он совершенно еще пока грязен.

В Четверг т. е. 31 Генваря я выезжаю в Москву. В Пятницу буду в Москве. Остановлюсь я в Гагаринском переулке, дом Оссовской, квартира Бабушкина. Как приеду, так заеду к тебе и поедем вместе к Каткову.

До свидания.

Твой

Писемский

220. Б. Н. АЛМАЗОВУ

〈1 февраля 1863 г., Москва〉

Любезнейший друг,

Борис Николаевичь!

Я прибыл наконец в Москву и хотел было сей час же ехать к тебе; но сильно устал и не спал всю ночь и назябся; а потому приезжай бога ради ко мне; я искренно и нетерпеливо желаю тебя видеть.

А. Писемский

Адрес мой: в Гагаринском переулке, д. Оссовской, в квартире капитана Бабушкина близь Пречистенского бульвара.

221. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

〈Середина февраля 1863 г., Москва〉

Любезнейший друг, Александр Николаичь!

Будь так добр, — найми и свою, и мою тройку для катания, я не знаю где нанять; только ехать не в Бирюлево, а в Мытищи, потому что в Пятницу в Бирюлеве назначен огромный пикник другой компаниею и все комнаты заняты. О тройках распорядись пораньше: в четверг [приходи] приезжай ко мне. Я сегодня был у тебя.

Твой *Писемский*

222. А. А. КРАЕВСКОМУ

〈3 июля 1863 г., Москва〉

Почтеннейший Андрей Александрович!

На днях здешней Дирекцией отправлена в Театральный Комитет пиэса моя „Горькая Судьбина". Будьте столько

добры, похлопочите, чтобы ее не задерживали и поскорее просмотрели.

Перед отъездом моим из Петербурга я не успел у вас побывать: оставляя жену тяжко-больную я думал сам еще вернуться в Петербург, но однако она сама приехала и снова слегла в постеле, в которой и до сих пор лежит, не поднимая головы — все это меня до такой степени расстраивает, что ни до чего.

Много-бы обязали, если бы хоть двумя строчьками уведомили, когда и какое последует распоряжение о моей пиэсе.

До свидания. Дружески жму вашу руку

преданный вам

3 Июля
1863.

А. Писемский

Адрес мой: В Москву, в Петровский парк, в Последнем, Лозовском переулке, на даче Окунькова.

223. А. И. НОРДЕНСТРЕМУ

8 июля ⟨1863 г.⟩, Москва

Милостивый Государь
Иван Андреевич!

Из театральной дирекции вероятно препровождена уже драма моя „Горькая судьбина“ на рассмотрение вашего превосходительства. Время, в которое она могла бы показаться несколько щекотливою в цензурном отношении, давно прошло; сама пьеса была неоднократно играна на частных спектаклях и никогда ничем не производила никакого скандала; наконец и мое личное направление, кажется, достаточно уже определилось в глазах правительства и публики, а в последнем романе моем „Взбаламученное море“ оно выясняется еще более, так что все это дает мне надежду на доверие и некоторое внимание к двадцатилетним трудам моим, в продолжение которых я всегда более дорожа правдою, чем модным эфектом, ни разу не подвергнул ни себя, ни цензора ответственности. Поручая пьесу мою благосклонной снисходительности вашего превосходительства, я вместе с тем покорнейше просил бы сохранить в ней и самые фразы, так как они составляют неотъемлемую принадлежность самого быта: отнять их значит отнять краски, без которых пьеса не стоит быть

и представляема. Адрес мой — в Москву, в редакцию Русского Вестника, в котором я в настоящее время заведываю литературным отделом. Засим прошу принять уверение <и проч.>

224. М. Н. ЛОНГИНОВУ

<Лето 1863 г., Москва>

Почтеннейший
Михайло Николаевичь!

В воскресенье в Англинском Клубе дается обед Каткову. Нельзя-ли мне участвовать в этом обеде? Если возможно, то не будите-ли Вы столько добры записать меня и потрудиться меня уведомить в Редакцию Русского Вестника и невдолге, чтобы меня успели уведомить в Парк, на дачю, где я теперь пребываю.

С совершенным моим уважением имею честь быть
покорнейшим слугою

Пятница.

Алексей Писемский

225. П. В. ВАСИЛЬЕВУ

<2 августа 1863 г., Москва>

Любезнейший
Павел Васильичь!

Пиэса моя „Горькая Судьбина“ пропущена для представления на сцену. Если Вы желаете, то возьмите себе на бенефис. С моей стороны такие условия: 1) чтобы пиэса поступила, на основании существующих постановлений, на поспектакельную плату; 2) чтобы она поставлена была нынешней осенью, 3) чтобы роль Ананья играли вы, а роль бурмистра — Самойлов, роль Никона — Зубров или Горбунов.

Письмо это можете предъявить дирекции. В Москве она будет поставлена осенью.

Душевно вам
преданный

2 августа
1863 года.

Писемский

226. А. А. КРАЕВСКОМУ

<Около 4 августа 1863 г., Москва>

Почтеннейший Андрей Александровичь!

Опять к Вам покорнейшая моя просьба. Здешнее московское Начальство Театральное мне пакостит и не хочет ставить моей пиэсы „Горькой Судьбины“, я поэтому жалуюсь

к Борху, копию с письма к которому прилагаю к Вам. Вы хороши с Федоровым, попросите его, чтобы он хоть от лица вашего Комитета похлопотал, чтобы Директор предписал здешнему мерзавцу Львову поставить мою пиэсу. Из письма к Директору вы увидите в чем дело. Об результате моего письма просил бы меня уведомить. Я живу в Москве, на Новой Басманной, в доме Рябинина.

Роман мой пришлю к Вам на веленевой бумаге, как только он кончится.

А что, вы бранить или хвалить его намерены за основную мысль? лучше похвалите, справедливее это будет.

Дудышкину поклонитесь от меня. Жена моя кланяется Вам, она все еще не может совершенно поправиться от болезни. Дружески жму вашу руку

ваш

Писемский

227. А. М. БОРХУ

⟨Около 4 августа 1863 г., Москва⟩

Милостивый Государь,
Александр Михайловичь!

В начале нынешнего лета Дирекция Московских Театров обратилась ко мне с своим желанием поставить мою пиэсу: „Горькая Судьбина“ на сцену. Я изъявил на то мое согласие. Дирекция от себя представила мою пиэсу в театральной комитет; тот одобрил ее; цензура III-го отделения пропустила; Московской актер Шумский заявил ее на свой бенефис. Около этого же времени пиэса моя была сыграна любителями, получила огромный успех; но вслед-же за тем прошел по городу слух, что Управляющий здешнею конторою Г. Львов делает на мою пиэсу изветы здешнему Генерал Губернатору, в III-е отделение; но все таки, не успев ее подвергнуть полицейскому запрещению, донес Вашему Сиятельству, что пиэсу мою не следует ставить в Москве потому что она может оскорбить общество. Ссылка Г. Львова на публику совершенно несправедлива, так как и публика и литература — все за мою ⟨пиэсу⟩. По собранным мною сведениям оказалось, что какие-то двое-трое приятелей Г. Львова недовольны моей пиэсой, и он в угоду им, превышая свои служебные права, хочет не ставить ее.

Общая молва говорит, что Ваше Сиятельство желаете ободрять и заохочивать Русских авторов — и вот Вам один из обращиков, как в этом случае поступает Московское Театральное Начальство. Я, например, в нынешнем-же году предполагал написать еще пиэсу, но между тем невольно руки отпускаются, и даже если она и написана будет, то я не стану спешить ставить ее на сцену, чтобы еще раз не иметь удовольствия встретиться с подобным недоброжелательством.

Пиэсу мою я покорнейше просил-бы Ваше Сиятельство *приказать* поставить на здешней сцене (Без Ваше<го> форменного приказания этого не будет). Я желаю видеть мою пиэсу на Московском театре не из корыстных целей, так как твердо уверен, что какой бы она успех не имела, ее сей час-же снимут с репертуара, а хочу доказать, что не публика против ее, а какая <то> темная и мне не известная интрига.

Вместе с тем я позволяю себе сказать несколько слов и о политической стороне моей пиэсы, против которой г. Львов с таким старанием собирает все возможные обвинения: пиэса, говорят, может возбудить неудовольствие дворян; но она выдержала уже 4 издания, разошлась в публике в 8000 экземплярах и исключительно раскуплена все дворянами, стало быть не возмутила их! Пиэсу обвиняют, что она производит тяжелое впечатление и имеет грубый язык; но она должна производить тяжелое впечатление, потому что она трагедия: это ее достоинство, а не недостаток. Что касается до грубого языка, то если бы я моих мужиков заставил, например, говорить нежным языком пиэс Г. Кугушева, то я-бы солгал, а ложь со сцены есть самая неэстетическая и возмутительная вещь! Пиэса моя наконец, по мотивам своим, отошла уже в историю: крепостные злоупотребления и недостатки секретного Судопроизводства могут оскорблять только полусумашедших!

Ответом вашим какое последует со стороны Вашего Сиятельства распоряжение я покорнейше просил бы почтить меня лично, по жительству моему в г. Москве, на Новой Басманной, в доме Рябинина, так как если ответ ваш последует или в Контору или Г. Львову, то я об нем знать не буду. Доказательство тому я имею в том, что на мое полу-официаль-

ное письмо к Г. Львову он не отвечает и видимо в этом случае желает протянуть только время, чтобы лишить возможности Г. Шумского взять мою пиэсу на бенефис, а за тем и совсем ее не поставить.

228. П. А. ВАЛУЕВУ

〈4 августа 1863 г., Москва〉

Милостивый Государь,
Петр Александровичь!

Пользуясь Вашим милостивым вниманием, которым я имел честь пользоваться в бытность мою в Петербурге, я решаюсь обратиться к Вам с покорнейшей моей просьбой: пиэса моя „Горькая Судьбина“, написанная еще в 59 году, разрешена наконец к представлению на сцене цензурою III-го отделения в прошлом месяце и на днях была сыграна Любителями в Петровском Парке. Пиэса имела полный успех, каковой, вероятно, ожидает ее и на императорской сцене; а между тем по городу распространился слух, что Московский Генерал-Губернатор обратился к Вашему Высокопревосходительству с письмом о том, чтобы пиэса моя снова была запрещена к представлению на том основании, что будто бы она может оскорбить дворян.

Подобное мнение совершенно личное Г. Генерал Губернатора, потому что публика, смотревшая пиэсу мою, была исключительно почти дворянская и никому однако в голову не приходило впадать в обиду; а что публика эта действительно была не революционного какого нибудь настроения доказывается тем, что когда, вслед за моей пиэсой, читались стихи: К Клеветникам России и один господин при этом шикнул, она с гамом и позором выгнала его, значит была самая патриотическая, и в тоже время пиэсе моей хлопала и вызывала меня до 20 раз.

Г. Генерал-Губернатора вероятно ввел в боязливое сомнение успех пиэсы, а бывшие при этом его агенты не сумели или не захотели ему объяснить, от чего он произошел: пиэса моя вовсе не *тенденционная*; публика хлопала в ней трагизму, трагическому положению лиц, крупности и рельефности характеров, а не задирательным каким нибудь фразам, да их вовсе и нет в драме!

Злым фатумом в пиэсе является не сословие какое нибудь, а крепостное право, которое уже и устранено; выведены недостатки Камерного Следопроизводства, но и то в новом порядке уничтожается — словом, пиэса моя скорей имеет характер исторической, так все это в публике [видят] понимают и с удовольствием видят, что мы наконец перешагнули ужь через это зло!

Скажу более того: в пиэсе моей нет даже исключительного демократического характера. При первом появлении ее в печати она с самой ожесточенной бранью была встречена со стороны наших демократических Журналов: Русской Беседы и Современника, именно за отсутствие в ней пристрастного демократизма и за то, что он поставлен на приличное ему место.

Пиэса моя, разошедшаяся, может быть, в 6000 экз., выдержала 4 издания, поэтому 4 раза подвергалась цензуре; была расмотрена в академии, и я за нее получил Уваровскую премию, одобрена к представлению III отделением. Скрывать ее от публики все равно, что скрывать в Москве Ивана великого: все ужь знали и видали его. Стремление образовать из Литературы одну гладкую и ровную поверхность, исполненную только взаимных похвал, может повре<ди>ть самому этому направлению, сделать его приторным, внушить подозрение в его искренности.

Правительству, кажется, нечего опасатся каких либо неудовольствий со стороны дворян, крестьян, купцов и вообще кого бы то не было, после тех заявлений, которые сделаны перед ним, и я смею заверить, что запрещение пиэсы моей произведет гораздо более неудовольствия, чем поставка ее — *публика давно и сильно желает видеть ее на сцене!*

Я дватцать лет служу литературе, никогда моим печатным словом не производил скандалу, мои враждебные отношения с так называемой крайней партией, наконец мой последний Роман, которым я надеюсь дать революционному направлению такой щелчек, после которого оно ужь больше и не подним<ет>ся, все это давало мне некоторую надежду на доверие и снисхождение со стороны Правительства. Не смея сравнивать себя с Гоголем, я тем не менее позволяю себе привести пример: в то время, как по всем журналам и газетам запрещалось совершенно говорить о *чиновниках*, на

сцене игрался Ревизор и издавались Мертвые души. Во времена самого страшного цензурного террора в этом случае делались исключения для изящных произведений, в которых дело заключалось в искустве, а не в тенде<н>ции!!

Г. Генерал Губернатор, ходатайствуя о запрещении моей пиэсы, видимо относит меня к тем говорунам, которых по крайней мере на время надо заставить замолчать, а во вторых, лишает меня почти половины средств, на которые я ращитывал нынешний год жить!... За что же такое нравственное обвинение и денежное наказание?

Приношу мое глубокое извинение в том, что пишу дурно и нескладно: неприятность, постигшая мой труд, повергла меня даже в болезнь.

Затем повергая все это дело мое вашему милостивому и просвещенному благоусмотрению, прошу принять уверение в совершенном моем почтении и преданности, с коим и имею честь быть

Вашего Высокопревосходительства

покорнейшим слугою

Алексей Писемский

4 августа
1863 г.

229. А. А. ПОТАПОВУ

<Августа 1863 г., Москва>

Будучи твердо уверен в вашей высокой справедливости и просвещенном понимании того, что каждый из нас, русских писателей, пишет и с какою целью это пишет, я беру смелость обратиться к вашему превосходительству с моею просьбою, по поводу пьесы моей „Горькая судьбина“, с месяц тому назад пропущенной для представления на сцене цензурою 3 отделения. Пьеса эта 31 Июля была сыграна любителями, в благотворительном спектакле. Публикою она была принята с полнейшим успехом: я был вызван до 20 раз! Но, через несколько дней, стал ходить по городу слух, что Московский генерал-губернатор хочет запретить представление моей пьесы на сцене на том основании, что она шокирует будто бы дворян, осмеивает чиновников, производит тяжелое впечатление и исполнена грубых выражений... Никому ничего подобного из публики и в голову не приходило; тем не менее, так как г. Генерал-Губернатора самого и на представлении не было, я счел себя обязанным лично явиться к нему и объяснить во

1-х, что пьеса моя была разыграна вся дворянами, смотрели на нее по преимуществу дворяне и принимали пьесу с общим удовольствием. Кроме того, пьеса моя не новинка; она 4 года как издана, разошлась может быть в 8 тысячах экземплярах и раскуплена исключительно дворянами, значит она никого не обидела! Во 2-х, пьеса моя не на тенденцию написанная: мне дана за нее Уваровская премия Академией, а по уставу этой премии прямо воспрещено назначать премии за пьесы с какой нибудь задней мыслью. В 3-х, пьеса моя имеет почти уже исторический характер: злой фатум ее — крепостное право уничтожено правительством и отвергнуто самим обществом; выведены в пьесе недостатки камерного судопроизводства, — но и те уничтожены, а говорить обществу об его болезнях, от которых оно уже излечилось, не значит его оскорблять, а напротив — радовать. В 4-х, касательно тяжелого впечатления и грубых выражений, встречающихся в пьесе, то, по законам эстетики, она должна производить тяжелое впечатление, потому что трагедия, и если бы не производила этого впечатления, то в таком случае ее и на сцену не стоило бы ставить; грубых же выражений в языке я не мог избегнуть или смягчить их потому, что я тогда бы *солгал* на быт, а ложь и еще ложь со сцены есть безнравственная и возмутительная вещь! Все эти мысли я тем более считал себя вправе высказать, что они не мои, а ходячие в обществе и насколько я ими убедил Г. Генерал-Губернатора — не знаю; но он мне при этом сказал, что один из изветов на пьесу мою он получил от начальника здешних театров г. Львова. При этом я только руки распустил. Пьесы моей я не навязывал дирекции. Она сама через своих чиновников выпросила у меня согласие на постановку ее на сцене, сама представила ее в комитет, сама получила ее оттуда и вдруг пьеса стала негодиться! Что нибудь одно: или Г. Львов не знает, что у него делается в управлении, или, наконец, сам даже не знает, что делает! Наднях Г. Львов распустил еще новый слух, что пьеса моя окончательно запрещена для постановки на сцену. Полагая, что одно только 3-е отделение может разрешать и воспрещать постановку пьес на сцене и в то ⟨же⟩ время зная очень хорошо ваше благородство, прямоту и твердость во всех ваших служебных действиях, я решаюсь просить ваше превосходительство защитить судьбу моих произведений от мнений

г. Львова и каких то других господ, сделавших на пьесу мою донос Генерал-Губернатору и, если возможно, то испросить высочайшего разрешения на постановку ее на сцену, как сделано это было в отношении „Ревизора“ Гоголя: мне скрываться нечего, ни перед царем моим, ни перед обществом. — При всех недостатках моей пьесы, она есть единственная, которая взяла крестьянский быт в главном его жизненном мотиве и смею клятвенно заверить, что если постановка ее и будет может быть неприятна двум, трем господам, то запрещение ее произведет ропот во всем русском обществе, которое уже не ребенок и не желает, чтобы от него скрывали то, что оно само очень хорошо и давно знает! Излагая все это вниманию вашего превосходительства, я снова повторяю мою просьбу защитить мое бедное произведение, которое не возмущало общество, а, напротив, стоит за него, прошу принять уверение <и т. д.>

230. И. А. НОРДЕНСТРЕМУ

<отрывок>

<Август 1863 г., Москва>

...Я прошу его <А. Л. Потапова> защитить в этом случае себя и меня. Общественное мнение решительно за мою пьесу и даже теперь я слышу отовсюду ропот по случаю слухов, что пьеса моя запрещена, виновата только тем, что не понравилась кому то из знакомых Генерал-Губернатора, которые ему насказали на нее. Сам он не был в театре и даже вряд ли читал мою пьесу!...

231. П. С. ФЕДОРОВУ

<17 августа 1863 г., Москва>

Милостивый Государь,
Павел Степаныч!

Пиесу мою „Горькая Судьбина“ я предоставил на бенефис Г. Васильеву, которой должен играть в ней главную роль. Роль Бурмистра я желал-бы, что<бы> играл В. В. Самойлов. Что касается до женской роли — Лизаветы, то мне писала Г-жа Федорова, что она желает играть эту роль. Я против этого ничего не имею, хотя в то же время совершенно не знаю других молодых; а потому отдачу этой роли предоставляю на распоряжение дирекции.

С моей стороны условие то, чтобы пиэса моя принята была на *спектакельную плату*.

За тем прошу принять уверение в совершенном моем почтении, с коим и имею честь быть

покорнейшим слугою

17 Августа 1863.

А. Писемский

232. В. В. САМОЙЛОВУ

⟨Август 1863 г., Москва⟩

Почтеннейший
Василий Васильичь!

Пиеса моя „Горькая Судьбина“ разрешена к представлению и идет на вашей сцене, а потому я покорнейше просилбы Вас взять в ней роль Бурмистра. Роль весьма яркая и которая в вашем исполнении выйдет очень хороша. Исполнением моей просьбы вы крайне обяжете

вашего
покорнейшего слугу
А. Писемского

233. П. А. ВАЛУЕВУ

⟨10 января 1864 г., Москва⟩

Милостивый Государь,
Петр Александрович!

В изъявление своей глубокой признательности за ваше благосклонное участие, которым Вам угодно было почтить мой роман: „Взбаламученое море“, при пропуске его цензурою, имею честь снова представить его вашему вниманию уже в отдельном издании.

Независимо от сего прилагаю при сем еще экземпляр, который желал бы поднести государю императору. Конечно достоинства моего труда слишком ничтожны, чтобы удостоится этой высокой чести, но дело в том, что в нем, с возможною верностию, описано русское общество или, точнее сказать, его лживые и фальшивые стороны; а монархам ведать недостатки своего народа также надлежит как и его добродетели. Первые три части посвящены мною на то, чтобы изобразить почву, на которой в последнее время расцвела наша псевдо-революция. В какой мере все ничтожно, не народно и даже смешно было это, мною подробно и досто-

верно описано — и да исполнится сердце государя милосердием к несчастным, которые, во всех своих действиях, скорей говорили фразы, чем делали какое нибудь дело — вот одна из главных целей, для которой я желал-бы, чтобы государь узнал мой труд.

Прося принять уверение в совершенном моем почтении и преданности, с коими и имею честь быть

Вашего Высокопревосходительства
покорнейшим слугою
Алексей Писемский

Генваря 10
1864
Москва.

234. А. М. БОРХУ

<10 января 1864 г., Москва>

Милостивый Государь,
Александр Михайловичь!

Снова беру на себя смелость обратиться к Вашему Сиятельству с жалобою на здешнее театральное начальство. Пиэсу мою „Горькая Судьбина“, поставленную на московской сцене единственно только по вашему приказанию, они, как и ожидал я, после пяти, шести представлений выжили из Репертуара; между тем как она исключительно перед всеми другими давала каждый раз полный сбор, с часов 4-х уже обыкновенно не было уже билетов. В театральном уставе есть статья, по которой авторам предоставляется право, если пиэса их дает три четверти сбора, требовать, чтобы она шла каждонедельно. На это Г. Львов с своими подчиненными может возразить, что и другие пиэсы дают точно такой сбор, но это будет неправда: творения г. Кугушевых и Родиславских, занимавшие весь репертуар во время праздников, были встречаемы публикой с величайшим равнодушием — обо всех этих хозяйственных расчетах Дирекции я не счел было себя вправе и говорить Вашему Сиятельству, но дело в том, что я со всех сторон от публики получаю и словесные, и письменные запросы, почему пиэса моя не дается, [также] так что я вынужденным нахожусь печатно [част] объяснить публике все действия Г. Львова против меня.

Независимо от этого ходайствую у Вашего Сиятельства приказать ввести мою пиэсу в репертуар и не выдать таким образом нас — авторов в бесконтрольную власть г.г. Львова и Кугушева. Касательно распоряжения вашего я покорнейше

просил бы почтить меня уведомлением. Адрес мой, на Новой Басманной, в доме Рябинина, в Москве.

Прошу принять уверение в совершенном моем почтении и преданности с коими и имею честь быть

Вашего Сиятельства
покорнейшим слугой
Алексей Писемский

1864 г.
января 10.
Москва.

235. Б. Н. АЛМАЗОВУ

⟨29 января 1864 г., Москва⟩

Любезный друг,
Борис Николаичь!

Ты как-то говорил, что желал-бы собрать статьи петербургской журналистики о моем романе „Взбаламученное Море" и написать по поводу их статейку. Статей сих появилась пропасть и все разумеется в ругательном тоне — были они в „Библиотеке для Чтения", в Русском Слове, в Отечественных Записках, в Современнике и все это ты можешь получить от Редакции. Если ты намерен писать, то переговори об этом с Катковым — им следует хоть [слов] несколько слов сказать за меня против этой целой фаланги. Что ты не ходишь ко мне; нынче у меня собираются по середам и сегодня будет разная братия. Приходи.

Твой
Писемский

Середа.

236. Я. П. ПОЛОНСКОМУ

⟨29 марта 1864 г., Москва⟩

Любезнейший Друг,
Яков Петровичь!

К нам в Москву дошел слух, что ты написал поэму; чему я, во первых, лично обрадовался, а, во вторых, не желаешь-ли ты ее поместить в Русс. Вестнике, который, в этом случае, с величайшим удовольствием откроет для тебя свои страницы. В направлении вероятно разногласия быть не может; а какие почтенные [люди издатели Рус. Вестн.] и обязательные для авторов люди издатели Русс. Вестника, об этом лично я считаю неловким даже и говорить, а ты можешь спросить Майкова, который вероятно ужь не одной своей серьезной вещи не отдаст никуда, кроме Русс. Вест. Ответь, по-

жалуста, мне незамедля. Адрес мой: в Москве, в Редакцию Русс. Вестника.

Дружески жму твою руку

душевно преданный тебе

29 Марта 1864 г.

Алексей Писемский

237. А. Н. МАЙКОВУ

⟨Около 29 марта 1864 г., Москва⟩

Любезный Друг,
Аполлон Николаичь!

До нас дошли слухи, что Полонский написал поэму и хочет печатать ее в Современнике — ведь — это безобразие! Там всех вас поэтов бог знает как унижали, а вы все таки не отказались навсегда и совершенно от этих господ. Русс. Вестник с удовольствием поместит поэму Полонского, если только она не расходится в направлении, чего я и не предполагаю. Я об этом писал Полонскому, а и ты с своей стороны настой и растолкуй ему, что печататься в Рус. Вестнике следует всем порядочным людям. На письмо это не замедля отвечай мне и вообще об этом деле поусердней похлопочи, чем обяжешь Редакцию Русс. Вестника, которая, как ты знаешь, сама в отношении тебя была всегда так обязательна.

Твой *Писемский*

238. Я. П. ПОЛОНСКОМУ

⟨Апрель 1864 г., Москва⟩

Любезнейший друг,
Яков Петровичь!

Спешу отвечать на твое письмо: я его, разумеется, сей час-же предъявил Каткову и он говорит, чтобы ты прислал твою поэму прочесть, а без этого нельзя тебе ничего положительно ответить, тем более, что цена, о которой ты упоминаешь в письме, весьма значительная, но что ответом о [том принят] [о] твоей поэме не задержит не минуты и она будет прочтена в тот-же день как получится в редакцию и в тот-же день ты получишь ответ по телеграфу. За все сие ручаюсь и я, а потому, по получении этого письма, незамедля высылай твою поэму, адресуя на имя Каткова, в редакцию Рус. Вестника.

В случае если бы Вы с Катковым не сошлись или по направлению поэмы или по цене, то то, что поэма твоя была у нас, это будут знать только Катков и я — значит, болтать не станем

твой *Писемский*

239. Н. А. КУПРЕЯНОВУ

〈20 мая 1864 г., Москва〉

Милостивый Государь, Николай Александровичь.

Именье мое, состоящее Костромской губернии, Солигаличского уезда, по деревням Вонышеву и Васильевскому—по первому 15 ревиз. душ, а по второму 7 рев. душ, а всего дватцать две души, получившие от меня в душевой надел по д. Вонышеву 90 десятин, а по Васильевскому 42 дес., на каковые наделы уставные грамоты уже и утверждены Солигаличским мировым съездом июня 3-го дня 1862 г., я желаю, на основании высочайше утвержденного 19-го февраля 1861 года положения о выкупе капитализировать с тем, чтобы мне была выдана из казны причитающаяся за это именье по ст. 66 выкупная ссуда по 120 рублей за душу, а всего за дватцать две души — две тысячи шестьсот сорок руб. сер.

Всей удобной земли состояло в пользовании крестьян до обнародования положения по Вонышеву 104 дес. 328 с., а по Васильевскому 61 дес. 790 саж. По местности же, где находится вышеозначенное именье, определен Местным Положением высший надел 6 десятин, а потому по Вонышеву 90 дес., а по Васильевскому 42 дес. идет в надел крестьянам остающие же по Вонышеву 14 д. 328 саж., а по Васильевскому 19 дес. 790 саж., имеют быть отрезаны в мое Писемского владение. Означенное выше количество земли определено с планов: по Вонышеву с плана 1849 года, а дер. Васильевскому с двух планов 1852 г., каковы планы представлены мною вместе с уставными грамотами: перемен после утверждения грамот ни каких не последовало.

Заявляя обо всем этом Вам, покорнейше прошу сделать по сему предмету зависящее от Вас распоряжение и о последующем почтить меня уведомлением, адресуя на мое имя в Москву, в Редакцию Русского Вестника. Затем прошу при-

нять уверение в совершенном моем почтении, с каковым и имею честь пребывать

покорнейшим слугою

Алексей Писемский

Мая 20-го
1864.

P. S. При сем письме имею честь приложить копии с уставных грамот, как по деревне Васильевскому, так и по дер. Вонышеву.

Обе вышеупомянутые деревни постоянно состояли на оброке.

240. Н. А. КУПРЕЯНОВУ

⟨19 июля 1864 г., Москва⟩

Милостивый государь
Николай Александрович!

Во первых, прежде всего, позвольте Вас поблагодарить за участие, которое Вы принимаете в моем деле. Согласно письму вашему посылаю при сем план на деревню Васильевское и Геодезическое описание по дер. Вонышеву. Что-же касается до прочих приложений, то я их не могу доставить, потому что а) копии с уставной грамоты у меня нет; я ее отправил к Вам при первом моем объявлении, в) вводного листа совсем у меня нет, потому что именье мне досталось прямо от родителей, у которых я был единственный наследник и живя в Петербурге вводу себе во владение не делал. Родителям же моим именье это досталось: Вонышево матере моей по раздельному акту с ее сестрами и братниными детьми, совершенному в 1834 году в Костромской Гражданской Палате, а д. Васильевское приобретено отцом моим по купчей крепости. Оба эти документа, если только встретится в них надобность, я вышлю к Вам. Что-же касается до копий, то будьте столько добры — прикажите их переписать у себя и все что это будет стоить, а равно и нужные на припечатание деньги взыскать с крестьян моих.

За тем прошу принять уверение в совершенном моем уважении, имею честь пребыть покорнейшим слугою.

А. Писемский

1864 г.
Июля 19-го.

P. S. Адрес мой: в Москву, на Сивцев-Вражек, в Нащекинской переулок, в д. Яковлевой.

Планы на д. д. Вонышево и Васильевское я получил.

241. А. А. КРАЕВСКОМУ

Августа 25, 1864 г. ⟨Москва⟩

Почтеннейший
Андрей Александровичь!

Вы вероятно уже слышали, что я с Катковым разошелся по причинам зависящим от его, и от меня, а потому имею теперь довольно свободного времени; в продолжении осени и зимы я желал бы написать и напечатать несколько статеек о Московском Театре, возьмете-ли вы их, в ваш Голос — статьи, наперед говорю, будут резкие как в отношении Театрального Начальства, так и в отношении актеров — не стесните ли вы их напечатать — отвечайте, пожалуста, мне прямо: взгляд мой и понимание театра вы отчасти знаете.

Теперь второе: пишутся у меня очерки под названием Русские лгуны — выведен будет целый ряд типов в роде снобсов Текерея. Теперь окончена мною первая серия: Невинные врали т. е. которые лгали нащет охоты, силы, близости к царской фамилии, нащет чудес, испытываемых ими во время путешествий; далее будут: Сентементалы и Сентементалки, порожденные Карамзиным и Жуковским. Далее: Марлинщина. Далее: Байронисты российские, далее — тонкие эстетики, далее: народолюбы. Далее Герценисты и в заключение: Катковисты. Посылаю вам на обороте копию с маленкого предисловия к этому труду, оно вам несколько объяснит значение его.

Теперь у меня написано листа на два печатных, а печатать я желал бы начать с Генваря. Уведомьте пригоден вам этот труд мой или нет, если не пригоден, не стесняйтесь и пишите прямо. Дружески жму вашу руку

преданный вам

А. Писемский

Адрес мой: на Сивцовом Вражке, в Нащекинском переулке, в доме Яковлевой.

РУССКИЕ ЛГУНЫ

Люди, названные мною в заголовке, вероятно знакомы и читателю. Когда я встречался с ними в жизни, они производили на меня скуку, тоску и озлобление; но теперь, отодвинутые от меня временем и обстоятельствами, они стали до-

роги моему сердцу. В них я вижу столько национального, близкого, родного мне: начав с простейших элементов, мне вероятно придется перейти и к гораздо более высшим типам. Поле мое таким образом широко. Я только робею за свои силы, чтобы все эти фигуры отлить из достойного металла, с искуством и точностью, достойными самого предмета и в этом случае наперед прошу читателя обращать внимание не столько на тех добрых людей, про которых мне придется рассказывать, как на те мотивы, на которые они лгали. Выдумывая всякий человек, разумеется, старается выдумать и приписать себе самое лучшее, и это лучшее по большей части берет из того, что и в обществе считается за лучшее. Лгуны времен Екатерины лгали совсем по другой моде, чем лгут в наше время. Прислушиваясь со вниманием к тем темам, на которые известная страна в известную эпоху лжет и фантазирует, почти безошибочно можно определить степень умственного, нравственного и даже политического развития этой страны. В этом смысле мы придаем некоторое значение и нашему труду. Начинаем:

242. Н. А. КУПРЕЯНОВУ

〈Конец августа 1864 г., Москва〉

Милостивый Государь,

Николай Александровичь!

Снова обращаюсь к Вам с моей покорнейшей просьбой: бумаг на право владения Вонышевым и Васильевским я решительно не нашел, знаю только, что Вонышево досталось матере моей по раздельному акту с сестрами, совершенному в Костромской Гражданской Палате 1834 года в июле или в августе. Делились мать моя Подполковница Авдотья Алексеевна Писемская, сестры ее из дворян девицы Анна, Варвара и Марья Шиповы и по доверенности от малолетных детей Марии Захаровны Шиповой — не можете ли Вы мне встребовать из Гражданской Палаты копию с этого акта. Деревня же Васильевское досталось отцу моему по купчей крепости от малолетных детей Марьи Захаровны Шиповой, но где она совершена решительно не знаю, только уверен, что в каком нибудь уездном городе Тверской Губернии — на это именье выдаваемо мне было свидетельство из Костромской Гражданской Палаты, которая вероятно основывала на чем нибудь мое право на

владение. Как мне тут поступить, научите меня бога ради. Возвратившаяся из деревни жена поручила мне еще раз поблагодарить Вас за внимание, за каковое и приношу я мою глубочайшую благодарность и вместе с тем покорнейше просил бы Вас почтить меня незамедлительным Вашим ответом. Адрес мой в Москву, на Сивцев Вражек, в Нащекинской переулок, в доме Яковлевой.

С моим уважением имею честь быть покорнейшим слугою

А. Писемский

243. Б. Н. АЛМАЗОВУ

⟨Начало сентября 1864 г., Москва⟩

Любезный друг,

Борис Николаичь!

Не будешь-ли столько добр, не придешь-ли ко мне [завтра] сегодня т. е. в четверг обедать — я написал одну небольшую вещь, которую желал-бы тебе прочесть: я в Москве только твоему суду и верю. С Катковым, ты слышал я думаю, я еще с лета разошелся или правильнее сказать он мне отказал. — Ответь, будешь-ли? я обедаю в 2 часа.

Преданный тебе

Писемский

Я сам хотел идти к тебе звать, но дожжик, да и рукопись хочется просмотреть еще раз. Я живу теперь близехонько к тебе: на Сивцевом Вражке, в Нащекинском переулке (первый переулок на лево, как взойдешь с Пречистенского Бульвара на Сивцев Вражек), в доме Яковлева.

244. Б. Н. АЛМАЗОВУ

⟨Начало сентября 1864 г., Москва⟩

Любезный друг,

Борис Николаичь!

Если будешь так добр, то я просил-бы посетить меня в *субботу поутру*, часов в 12-ть, а там остался бы пообедать у меня, после обеда потолковали бы. Сегодня же я целый день занят. До свидания, уведомь меня с сим посланным будешь-ли в Субботу. Пишу еще [твой] мой адрес: на Сивцевом вражке, в Нащекинском переулке, в доме Яковлевой.

Твой

Писемский

245. А. А. КРАЕВСКОМУ

<Начало сентября 1864 г., Москва>

Почтеннейший

Андрей Александровичь!

Незамедляю отвечать Вам. Лгунов вам вышлю недели через две, а также и статейку о театре — словом буду вам работать, а вы пока вот что сделайте для меня: я за сто руб. сер. взялся составлять в Московских Полицейских Ведомостях дневник происшествий, который прежде у них составлялся безграмотнейшим образом, а теперь я и сам зная хорошо, следственную часть составляю толково, но скоты, от коих зависит сия газета, вряд ли понимают это, а потому, чтобы упрочить за мной эту работу, которая для меня сподручна и легка, всего часа два в день, введите в какой нибудь ваш фельэтон, что *вот де в Московских Полицейских Ведомостях появился наконец дневник, которой стало возможно читать, дневник, написанный без водословия, а напротив ясно, коротко и отчетливо!*

Дружески жму вашу <руку>. Пожалуста, исполните эту мою просьбу, я себя тут нисколько не прикрашиваю, а в самом деле так оно есть.

Душевно преданный

вам

А. Писемский

246. А. А. КРАЕВСКОМУ

<19 сентября 1864 г., Москва>

Почтеннейший

Андрей Александровичь!

Во первых благодарю за „Голос“: я его уже получил. „Лгунов“ моих я Вам вышлю в конце будущей недели — непременно! А теперь вот в чем пока дело: хороший мой приятель А. Н. Андреев (редактор живописного журнальца: „Картинная Галлерея Европы“) желал-бы в вашей газете поместить несколько статеек о Московской опере и балете. Он человек очень хороший и не присяжный, денег алчущий фельетонист, а просто любитель этого дела и человек знающий его. Напишите мне, если можно, незамедля желаете вы принять или нет сие предложение.

Вы пишите, хорошо-ли сплетничают Москов. Литераторы? Вероятно хорошо; но я никого из них не вижу за

исключением бессмертного Пановского, но и тот скорее объедатель, чем писатель. Не пишу больше потому что для вас же сей час принимаюсь за лгунов, чтобы скорее с ними покончить. Дружески жму вашу руку

преданный Вам

А. Писемский

19 Сент.
1864.

247. А. А. КРАЕВСКОМУ

1864 года, Сентября 21 ⟨Москва⟩

Почтеннейший Андрей Александровичь!

Вместе с этим письмом я высылаю Вам 1-ю Серию „Лгунов“ — это пока все еще невинные врали — дальнейшую програму я писал уже Вам — Всех очерков, я полагаю, хватит листов на 7 или на 8 печатных. Желаю я получить по *двести пятидесяти рублей серебр.* (Взбаламученое море я продал Каткову по 400 ру⟨блей⟩ с правом отдельного издания). Печатать очерки, я полагаю, в Отеч. Записках и Вы несказанно бы меня одолжили, если бы велели их набрать, провели бы цензуру и мне бы выслали по расчету листов деньги. Я хоть с Каткова получил и массу денег (12 тысячь), но плата по срокам, и ближайший срок в Генваре, а до тех пор не имею ни откуда получить ни копейки. С цензурой, бога ради, употребите все усилия. Если она будет ставить препятствия в расказах о кавалере Ордена Пур-ле мерит и о друге Царствующего Дома, то объясните им, что если эти люди хвастаются своею близостью к царям, то это показывает только любовь народную — в предисловии у меня прямо сказано, что Лгуны стараются обыкновенно приписать себе то что и в самом общественном мнении считается за лучшее, а если очень станут упираться, то не давая им марать напишите мне, что их особенно устрашает. Буду ждать с нетерпением вашего ответа. Дружески жму вашу руку

душевно вам преданный

А. Писемский

Степану Семенычу ⟨Дудышкину⟩ поклонитесь от меня.

Денежного истощения большого не бойтесь; очерков выйдет, как я писал, листов 8, следовательно с небольшим на две тысячи, а помещаться они будут по крайней мере года полтора. Проведя цензуру и выслав мне скудного металлу вы

можете печатать очерки когда хотите: теперь, в конце года, в начале будущего года; следующую серию я непременно надеюсь изготовить к Генварю и много к Февралю.

Набравши корректуру пришли<те> ко мне в 2-х экземплярах, потому что один может замараться, затеряться.

248. А. А. КРАЕВСКОМУ

<Конец сентября — нач. октября 1864 г., Москва>

Почтеннейший
Андрей Александровичь!

Жду и не дождусь вашего ответа: получили-ли вы „Лгунов“ и что говорит о них цензура? последний кровавый вопрос — сильно меня беспокоит — уведомте меня хоть коротенько в каком положении все сие мое дело.

Преданный вам
А. Писемский

Адрес мой: на Сивцовом Вражке, в Нащекинском переулке, в доме Яковлевой.

249. А. А. КРАЕВСКОМУ

<24 октября 1864 г., Москва>

Почтеннейший Андрей Александровичь!

Думал я думал, по получении вашего письма, и вот что придумал: к Министру Двора Вы пошлите только один рассказ: „Друг Царствующего Дома“ и ужь хлопочите, бога ради, чтобы его пропустили — этот рассказ может быть напечатан: в нем тронуто все так легко. Нельзя <ли> попросить покровительства в этом случае *Мины* <Бурковой>. Мне както в Петербурге говорили, что она благоволит ко мне, как к автору. Кавалер Ордена Пур ле Мерит вероятно никак не пропустят — а потому я переделаю вероятно не вдолге и к вам вышлю. Кроме того я до половины уже изготовил еще рассказ „Сентементалы“ и тот когда кончу пришлю. Об театре не писал статейку, за то вышлю статью „о Московском пьянстве и Московских мошенниках“ и надеюсь, что будет полюбопытнее всяких эстетических разглагольствований.

Бога ради, схлопочите чтобы пропустили „Друга Царствующего Дома“. Если их шекирует заглавие, так я могу

его изменить и меня уведомьте незамедля о ходе этого дела — ужасно обидно — революционные журналы процветают, а тебе слова правдивого не велят сказать.

Дружески жму вашу руку

24 окт.
1864.

душевно преданный
Вам
А. Писемский

250. Н. А. КУПРЕЯНОВУ

〈29 октября 1864 г., Москва〉

Милостивый Государь
Николай Александрович!

Снова обращаюсь к Вам с моей покорнейшей просьбой, не почтите ли вы меня уведомлением, в каком положении находится дело о капитализации моего именья по д.д. Васильевскому и Вонышеву и доставлены ли копии с раздельного акта и из Костромской Гражданской Палаты и с купчей из Тверской Палаты, или по крайней мере отвечали ли хоть что-нибудь эти Палаты. Сим ответом Вы несказанно бы обязали меня. Адрес мой: в Москву, на Сивцевом Вражке, в Нащекинском переулке, в доме Яковлевой.

За сим прошу принять уверение в совершенном моем почтении, с коим и имею честь быть покорнейшим слугою.

А. Писемский

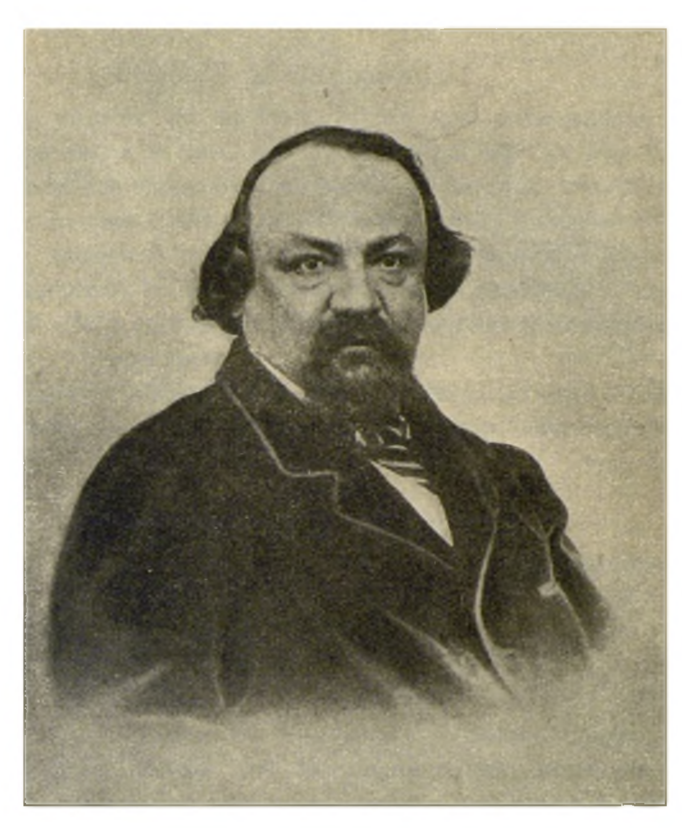
29-го Октября
1864 г. Москва.

251. Н. А. КУПРЕЯНОВУ

〈4 ноября 1864 г., Москва〉

Милостивый Государь,
Николай Александрович!

Наконец я разыскал купчую крепость на дер. Васильевское. Она совершена не в Тверской Гражданской Палате, а в Костромской и выдана от опекунши над своими малолетними детьми Марьи Захарьевны Шиповой подполковнику Феофилакту Гавриловичу Писемскому (моему отцу) 21 сентября 1834 года, копию с какой я и прошу вас истребовать из Палаты, копия же с раздельного акта на д. Вонышево, как меня уведомляли, отправлена к Вам 7-го октября за № 5501 — когда Вы пошлете требование на копию с купчей крепости на д. Васильевское, я покорнейше просил бы меня уведомить.

А. Ф. ПИСЕМСКИЙ

Фото 1860-х годов (Гос. театральный музей им. А. Бахрушина)

За тем принося мое усердное почтение имею честь пребыть с полным моим уважением ваш покорнейший слуга

А. Писемский

4-го ноября 1864 г.

252. Н. А. КУПРЕЯНОВУ

〈15 ноября 1864 г., Москва〉

Милостивый Государь
Николай Александрович!

Документы по именью моему уже отправлены к Вам, а также я писал к Вам, что купчая крепость на дер. Васильевское, как это оказалось по моим розыскам, совершена была 21-го сентября 1834 года в Костромской Гражданской Палате, а не в Тверской, и прошу вас сделать запрос в Костромскую Гражданскую Палату. Купчая была совершена опекуншей Марьей Захаровной Шиповой на продажу отцу моему Феофилакту Писемскому.

Принося несказанную благодарность за хлопоты по моему делу пребываю с моим глубоким уважением ваш покорный слуга

А. Писемский

1864 г.
Ноября 15-го.

253. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

〈19 ноября 1864., Москва〉

Любезный друг
Александр Николаичь!

В следующую субботу я предполагаю прочесть мою новую Драму Садовскому и некоторым другим знакомым. — Если ты свободен, то приезжай; а также скажи о том и Полтавцеву. Я бы сам ему написал; но не знаю ни имяни его, ни адреса — а между тем желаю, чтобы он был моим слушателем.

Твой
Писемский

254. Б. Н. АЛМАЗОВУ

〈19 ноября 1864 г., Москва〉

Любезный друг
Борис Николаичь!

Не посетишь-ли меня в следующую субботу: я буду читать мою новую пиэсу Садовскому и некоторым другим знакомым. Пожалуста, приходи: мне не на шутку грустно, что мы так редко с тобой видимся. До свидания

твой
Писемский

255. Е. Н. ЭДЕЛЬСОНУ

⟨20 ноября 1864 г., Москва

Мой любезнейший друг,
Евгений Николаевич!

Приходи ко мне завтра, т. е. в субботу вечером, будет разная литературная братия.

Твой *Писемский*

Пятница.

256. А. А. КРАЕВСКОМУ

⟨Вторая половина ноября 1864 г., Москва⟩

Почтеннейший
Андрей Александрович!

От вас нет ни слуху ни духу о моей старухе Исаевой, пропустил-ли ее Министр Двора и нельзя-ли нам ее напечатать без пропуска. Пусть возьмут с меня 50 целковых. Уведомьте меня, бога ради, а то это отнимает у меня охоту работать дальше — да кстати вышлите, пожалуста, мне деньги за то, что уже пропущено по 250 руб. сер. за лист — я крайне нуждаюсь. Нынче по лету купил домишко в Москве и весь свой огромный капитал всадил за него. Пожалуста, вышлите. У меня изготовляются еще два очерка, которые в декабре вероятно вышлю Вам

дружески жму вашу руку
А. Писемский

257. А. А. КРАЕВСКОМУ

⟨Вторая половина ноября 1864 г., Москва⟩

Почтеннейший Андрей Александрович!

Есть нынче правило, которым Катков и пользуется, что редакция, если цензор чего не пропускает, печатает с личной своей ответственностью и штрафу за это подвергается 50 руб. сер. Ваши Отеч. Записки вероятно еще не разу не подпадали штрафу этому, а потому если старуху Исаеву Адлерберг не про⟨пус⟩кает (благо его говорят сменяют), то печатайте без цензуры, я эти 50 руб. плачу из собственного кармана.— Как вы об этом думаете уведомьте меня — пожалуста, не поленитесь и черкните — меня это очень беспокоит. Катков ужь раза три штрафовал⟨ся⟩.

преданный в⟨ам⟩
А. Писемский

258. А. А. КРАЕВСКОМУ

<Начало декабря 1864 г., Москва>

Почтеннейший Андрей Александровичь!

Письмо ваше крепко поогорчило меня, тем более, что оно застало меня после тяжкой болезни: был болен жабой и чуть не умер. Старуху Исаеву на будущей неделе т. е. числу к 15 я переделаю, она выйдет не менее забавна; другие очерки (2) хоть и написаны уже у меня, но они имеют несколько отдельный характер (называются Сентементалы) и потому ими должна начинаться новая серия — и так 15 или еще ранее высылаю к Вам старуху; если же почему либо не в состоянии буду этого сделать, то уведомлю вас. Катков изъявляет мне претензии, зачем очерки я отдал вам — я ему ответил, что я всегда во всех моих литературных сношениях [предпочитал] любил иметь дело с редакторами, которые умеют себя порядочно держать. Дружески жму вашу <руку,>

ваш *Писемский*

259. А. А. КРАЕВСКОМУ

<9 декабря 1864 г., Москва

Почтеннейший

Андрей Александровичь!

Посылаю Вам переделанную старуху Исаеву. Когда корректура наберется, потрудитесь прислать ко мне, я не задержу и больше двух дней не продержу. На щет Цензуры теперь совершенно уже не в чем. Главная просьба опять об деньгах по числу листов (по 250 руб. сер. за лист), прикажите, пожалуста, выслать. Мои обстоятельства очень затруднительны: летом я купил домишко в 15 тысячь и ухлопал в него весь мой капиталишко, надеясь, что буду иметь постоянную работу при Русс<ком> Вестнике, что они и говорили, перезывая меня в Москву; но вышло далеко не так и вот я теперь месяца уже четыре на подножном корму. Пожалуста вместе с корректурой вышлите и деньженок.

Здесь у меня Цензура прихлопнула еще целую драму: Бойцы и выжидатели. Такая гадость стала, что гораздо хуже прежнего. А все эта дурацкая революция, вызвавшая реакцию и давшая возможность всей гадости российской снова

поднять голову. —Дружески жму вашу руку. Пожалуста, исполните мою просьбу нащет денег.

ваш

Писемский

Степану Семенычу <Дудышкину> мой поклон.

9 Декабря
1864.

260. А. А. КРАЕВСКОМУ

<Конец 1864 — начало 1865 г., Москва>

Почтеннейший Андрей Александрычь

Мой хороший знакомый Александр Николаичь Андреев, который доставит Вам это письмо, имеет к Вам маленькую просьбу: у него есть две пиэсы — одна оригинальная, а другая переводная; он желал-бы их поставить на сцену. Поспособствуйте, пожалуста, чтобы они не замедля и благоприятно прошли театральной комитет. Он ставил прежде много пиэс на сцене и его знает Павел Степанычь Федоров. Кроме того он имеет статейку о театре, которую желал поместить в Голосе и вообще доставлять по временам статьи о театре, — вообще вам приобрести его кореспондентом Москвы было бы полезно, он человек бывалый, честный и станет этим делом заниматься не из одних только денег.

Желаю Вам всего лучшего и дружески жму вашу руку

душевно вам

преданный

А. Писемский

261. Е. П. КОВАЛЕВСКОМУ

<6 января 1865 г., Москва>

Милостивый Государь,
Егор Петровичь!

Я получил от Вас понудительную записку касательно взноса денег за членство мое в обществе для пособия нуждающимся литераторам; но дело в том, что с 1862 года разойдясь по своим убеждениям самым существенным образом с действиями общества я перестал быть членом оного, не бывал совершенно на собраниях общества, не участвовал в выборах и наконец прекратил плату денег, а равно и теперь, поселясь навсегда в Москве, и не предполагая быть чем нибудь серьезно полезным обществу, не желаю в нем оставаться.

Прося принять уверение в совершенном моем почтении, с коим и имею честь быть

покорнейшим слугою

Генваря 6
1865.

А. Писемский

262. Н. А. КУПРЕЯНОВУ

〈9 января 1865 г., Москва〉

Милостивый государь,
Николай Александровичь!

Позволю себе еще раз затруждать Вас моей покорнейшей просьбой уведомить меня, в каком положении находится дело мое по капитализации именья и доставлены ли Костромскою Гражданскою Палатою Вам купчая крепость на дер. Васильевское (она была совершена в Костромской Гражданской Палате 21-го сентября 1834 года от опекунши над своими малолетними детьми Марии Захаровны Шиповой на имя отца моего подполковника Писемского); если все это доставлено, то когда я могу надеяться, что дело мое поступит в Губернское по Крестьянским делам присутствие. Адрес мой: на Сивцевом Вражке, в Нащекинском переулке, в доме Яковлевой.

За тем прошу принять уверение в совершенном моем уважении, с коим имею честь пребыть покорнейшим слугою

9 генваря 1864 г.

А. Писемский

263. А. А. КРАЕВСКОМУ

〈24 января 1865 г., Москва〉

Почтеннейший
Андрей Александровичь!

Посылаю одну небольшую серию мою очерков; третий очерк в ней еще не готов, Вы это напечатайте во 2 Генварской книжке; а ко 2 февр. или 1 мартовской я Вам вышлю еще два расказа, один будет называться: Лживой красавец — опишется мущина, у которого уже тело лжет: он прелестной наружности но подлец душей, и второй называемой: В с е л г у т, где опишется, что все лгут, чиновники, артисты, хозяева, барышни и никто того не замечает. Досвидания

ваш

24 Генваря
1865

Писемский

Хорошо как бы Вы прислали мне корректуру; один день бы всего продержал.

Пожалуста, корректуру пришлите взглянуть.

264. А. А. КРАЕВСКОМУ

<25 апреля 1865 г., Москва>

Почтеннейший
Андрей Александрович!

Степан Семеныч <Дудышкин> мне между прочим писал, что он дал ужь знать конторе Отеч. Записок об уплате мне за Красавца за полтора кажется листа 375 руб., но я сих денег до сих пор еще не получал, а потому скомандуйте, отец и благодетель, что бы их мне поскорее выплатил хоть бы Базунов, что-ли.

Осенью привезу к вам две трагедии, которые написал с трагизмом, кажется, настоящим, и как в этом случае Российская-то жизнь гораздо лучше и легче укладывается, чем в сентементальную-то драму с расскаивающимся под конец злодеем, и сказать нельзя.

Что новый Цензурный устав, как понимают у вас в Питере?... Признаюсь, меня даже покоробило, когда я прочел его — особенно для политики и для газет будет плохо — как вы будете издавать Отеч. Записки, с цензурой или без оной — и как например я буду печатать в них мои трагедии (в которых сколько я понимаю нецензурного ничего нет), с цензурой или без цензуры — напишите мне об этом, — меня это очень интересует.

А об деньгах-то, пожалуста, распорядитесь. Крайная надобность.

Дружески жму вашу руку
душевно преданный
вам
А. Писемский

1865.
Апр. 25.

265. Н. А. КУПРЕЯНОВУ

<Конец апреля 1865 г., Москва>

Милостивый Государь
Николай Александрович.

Полученная мною частным образом справка из Костромского Губернского по крестьянским делам присутствия по делу о капитализации имения моего и удивила, и поставила меня в крайне стеснительное положение, мне пишут, что по

деревне Васильевскому будет представлено в Главное Выкупное Учреждение о принятии этого имения на выкуп, по Вонышеву же не может быть представлено, потому что мировой уведомил Губернское присутствие, что много находится в Петербурге крестьян Писемского, которые должны подписать приговор, требуемый от них 97 ст. Положения о выкупе. Почему Губернское Присутствие скоро будет писать к вам, чтобы Вы отнеслись в Петерб<ургскую> Управу Благочиния об обязании помянутых крестьян подпиской, чтобы они прислали сельскому старосте доверенность на объявление в приговоре согласия или несогласия их на приобретение земли через выкуп. По смыслу 97 ст. сказано только объявить крестьянам о выкупе, требуемом помещиком, одному-двум, тремчетверым и это ужь их дело сноситься с прочими товарищами, и если через месяц не будет подано от них никакого отзыва, то и делать без <оного>. Если непременно нужно требовать от крестьян, проживающих в Петербурге, отзыва, то нельзя ли отправить о том прямо по их адресам, которые знают их домашние, а Губернское Присутствие видимо так делает, что дело мое никогда не кончиться — бога ради, помогите в этом случае мне — я ращитывая на эти деньги начал в Москве стройку и теперь поставлен в крайне-стеснительное положение. Вы знаете, дело мое совершено чисто и это чисто только придирка и формальности. Никаких у меня договоров с крестьянами нет, капитализирую я их за 120 рублей за душу и крестьяне мои, конечно, желают этого, потому что им приятнее платить по 7 руб. 50 коп., чем по 9 рублей.

Еще раз приношу мою покорнейшую и усерднейшую просьбу поспешить моим делом и доставить Губернскому Присутствию те данные, которые его так беспокоят.

С душевным моим уважением пребываю покорным слугою

А. Писемский

Адрес мой: в Москву, в Нащекинской переулок, близ Сивцева-Вражка, дом Яковлевой.

266. Н. А. КУПРЕЯНОВУ

1865 года Июня 23-го

Милостивый Государь
Николай Александрович

Обращаюсь к Вам снова с моей покорнейшей просьбой: согласно расспоряжению Губернского Присутствия вы

вероятно снеслись уже с Управами Московской и Петербурскою; я было начинал хлопотать в той и другой, но никакого толку добиться не мог, а потому будьте великодушны сообщить мне, от какого числа и за какими номерами Вы сносились как с Петербурскою Управою, так и с Московскою, а также какие крестьяне проживают в Петербурге и какие в Москве и в чем собственно состояли ваши требования.

В надежде на ваш обязательный ответ имею честь пребыть покорнейшим слугою

А. Писемский

Так как сам я теперь живу на даче в деревне, то письма прошу адресовать так: в Москву, Его В. Александру Николаевичу Андрееву для передачи г-ну Писемскому.

267. Н. А. КУПРЕЯНОВУ

⟨14 июля 1865 г., Москва⟩

Милостивый Государь
Николай Александрович

Снова позволяя себе утруждать Вас моей покорнейшей просьбой, касательно того, от какого числа и за каким номером вами сообщено в Московскую и С. Петербурскую Управу ⟨Благочиния⟩ об отобрании от крестьян моих дер. Вонышево приговора или доверенности и вместе с тем прошу вашего совета по нижеследующему обязательству: в деревне Васильевском я продал моему временно-обязанному крестьянину Галактиону Иванову оставшуюся от надела землю; но купчей крепости не совершил; ныне этот крестьянин помер, после него остался отец Иван Марков и вдова с двоими или троими детьми, на чье имя теперь я должен буду совершать крепость и кто будет из них подписываться при совершении крепости. Тому или другому совершить — мне все равно; я желаю только в этом случае наблюсти справедливость; всего ближе, разумеется, детям, но как мне это сделать — не примет ли в этом случае какого нибудь участия Волостное Правление или ⟨2 нрзб⟩ опекунов — не оставьте меня наставлением как мне тут поступить; независимо от сего я бы покорнейше просил Вас понудить Нероновское Волостное Правление выслать мне оброк с вышеуказанных крестьян

деревни Васильевское. Адрес мой: в Москву, на Поварскую улицу, в Борисоглебский переулок, в мой собственной дом.

Принося мое усердное почтение, с коим имею честь пребывать покорнейшим слугою

А. Писемский

Июля 14-го
1865 года.

268. Н. А. КУПРЕЯНОВУ

Москва, 1865 г., Июля 25-го

Милостивый Государь,
Николай Александрович

Крестьяне мои дер. Вонышево, проживающие в Петербурге, послали наконец от себя доверенность, как уведомили меня из Петербурга, на имя бывшего моего управляющего Якова Иванова, которому бога ради, поскорей прикажите, и он немедленно явиться к вам для подписаний приговора. Я бы не стал Вас так усиленно беспокоить этим моим делом, если бы в скорейшем окончании его не нуждался сильно, по случаю покупки дома и перестройки его.

В полной надежде на Ваше обязательное содействие в моих хлопотах имею честь пребыть вашим покорнейшим слугою

А. Писемский

P. S. Оброку, следующего мне на Петров день, я с крестьян моих д. Васильевское до сих пор еще не получил.

269. С. В. МАКСИМОВУ

⟨6 октября 1865 г., С. Петербург⟩

Любезнейший друг
Сергей Васильичь!

Я совершенно запамятовал, назначил ты мне вчера день, когда мне быть у тебя вечером или нет, если назначил, то напомни мне его [вечеро] записочкой и как мне к тебе приходить с трагедиями или без оных

весь твой

Писемский

270. *П. А. ВАЛУЕВУ*

〈12 октября 1865 г., С. Петербург〉

Ваше Высокопревосходительство
Милостивый Государь,
Петр Александрович!

Василий Матвеичь Лазаревский от имяни Вашего Высокопревосходительства передал мне, что, не смотря на все ваше желание, Вы, вследствие ходатайства Виц-Губернатора, Губернатора и Генерал-Губернатора за другого кандидата, не можете назначить меня на освободившееся место Советника Московского Губернского Правления. При таком их общем ходатайстве за другое лицо, я и сам не желаю поступать под их начальство и идти до такой степени на перекор их желанию. Предлагаемое же Вашим Высокопревосходительством место Ассесора, не говоря уже о том, что я был им 12 лет тому назад и был 5 лет, но оно, по количеству жалования и отнявши у меня все время на службу, не может дать мне возможности хоть сколько нибудь безбедно существовать с моим семейством. Сильных и влиятельных лиц я никого не имею, откажите Вы мне в вашей помощи, мне обратиться не к кому. Просьба моя в настоящее время следующая: разрешить мне подать прошение о причислении меня к Министерству и вместе с тем, дозволив мне жить в Москве, рекомендовать меня вниманию Мансурова с тем, чтобы я мог надеяться занять первую открывшуюся ваканцию цензора в Московском Цензурном Комитете. Мои политические и нравственные убеждения, я полагаю, достаточно известны и не могут далеко расходиться с обязанностями цензора.

Возлагая еще раз свои надежды на Ваше милостивое усмотрение, ходатайствую дозволить мне лично представиться Вашему Высокопревосходительству и лично от Вас услышать дозволение надеяться получить место цензора: по моим денежным и домашним обстоятельствам я в Петербурге могу оставаться не более двух дней.

Прошу принять уверение в совершенном моем почтении и преданности, с коими я имею честь пребыть

Вашего Высокопревосходительства

покорнейшим слугою

Алексей Писемский

1865 года
12 октября.

271. *П. А. ВАЛУЕВУ*

〈14 октября 1865 г., Москва〉

Господину Министру
Внутренних Дел.

Титулярного Советника
Алексея Феофилактова
Писемского

ПРОШЕНИЕ

Службу мою я начал 1845 года, января 31-го дня, в Костромской Палате Государственных Имуществ, потом продолжал оную в Московской Палате Государственных Имуществ Помощником Столоначальника, Чиновником Особых Поручений при Начальнике Костромской Губернии, Ассесором Костромского Губернского Правления и затем состоял причисленным при Департаменте Уделов, от куда по прошению и уволен 1857 года 20-го Апреля; ныне-же снова желаю поступить на службу, а потому почтительнейше прошу, Ваше Высокопревосходительство, согласно разрешению Вашему, приказать меня зачислить по Министерству Внутренних Дел с тем, чтобы я, с течением времени, назначен был или Советником Московского Губернского Правления или Цензором в Московском Цензурном Комитете. *К сему*

Прилагая при сем аттестат о моей службе, я вместе с тем ходатайствую о последующем разпоряжении на сие мое прошение дать мне знать по месту жительства моего в Москве, на Поварской, в Борисоглебском Переулке, в собственном доме под № 7. — *прошению Титулярный Советник Алексей Феофилактов Писемский руку приложил.*

1865 года
14-го Октября.

272. *П. В. АННЕНКОВУ*

〈Середина октября 1865 г., С. Петербург〉

Почтеннейший Павел Васильичь!

При разговоре с Лазаревским раскажите ему прилагаемое письмо жены и объясните, что Генерал-Губернатор был просто обманут, а что гораздо более желал-бы меня, потому что меня знает и пусть он это объяснит Министру, и попросите его, что когда меня Генерал Губернатор представит на обозначенное место, то он посодействовал бы определению.

Ваш
Писемский

273. П. В. АННЕНКОВУ

<19 октября 1865 г., Москва>

Любезнейший друг
Павел Васильичь!

Пишу к вам через посредство жены, до того я устал и утомлен. Записку вашу я уж получил в Москве и по поводу ее вместе с сим пишу к Лазаревскому. Похлопочите у него, чтобы меня поскорее зачислили по министерству и выслали бы мне печатный приказ о том. Генерал-Губернатор говорят жалеет, что представлением своим помешал мне занять место советника и как только он изъявит согласие на принятие меня в надзиратели по типографиям, я сейчас же буду писать официальное письмо к Валуеву о желании своем поступить на это место, о чем, впрочем, я уж и заявлял ему в первой поданной ему мною докладной записке и не упомянул о том только в моем прошении не [надеясь на] зная о желании на то Генерал-Губернатора определить меня к себе, а он как оказывается желает меня. До свиданья, мой добрый друг, сейчас получил и другое ваше письмо, спасибо вам

весь ваш
А. Писемский

274. П. В. АННЕНКОВУ

<22 октября 1865 г., Москва>

Несказанно благодарю, мой почтеннейший Павел Васильичь, за ваши хлопоты об моей горькой участи. По приезде в Москву я был у Генерал-Губернатора (я знал еще его по Петербургу), он принял меня весьма благосклонно и изъявил мне полное сожаление, что своим преставлением Тимерязева помешал мне занять место Советника и обещался дать мне открывшееся и приличное для меня место (места-же надзирателей за типографиями все заняты) — словом все это хорошо пока только еще на словах.

А теперь вот в чем моя <просьба>: в субботу вы увидите Лазаревского, спросите его зачислен-ли я Середовым приказом [в] по Министерству, если не зачислен, то почему и попросите в следующую середу уже зачислить меня непременно, мне это зачисление очень важно!

Прощайте, [спрош] спешу отправить на почту

ваш *Писемский*

Супруге вашей от меня и от жены — поклон.

275. В. М. ЛАЗАРЕВСКОМУ

<6 ноября 1865 г., Москва>

Милостивый Государь,
Василий Матвеичь!

Я получил известие о вновь открывающемся месте в Московском Губернском Правлении: Советник Лапухин заявил о своем желании балтироваться в Мировые Судьи, и по доброму общественному мнению об нем почти наверное будет избран; на беду мою Генерал Губернатор уехал в Петербург, ближайшие же власти в Губернском Правлении врядли опять неимеют в виду представить своего кандидата. Вместе с этим я пишу к Князю Долгорукому и прошу его замолвить перед Министром слово о назначении меня на это место, если только оно освободится, а также обращаюсь и к Вам с моей покорнейшей просьбой объяснить о вновь открывающейся ваканции Петру Александровичу <Валуеву> и попросить его предпочесть меня другим кандидатам, если бы таковые и были на сие место. Генерал Губернатор же лично сказал мне, что желает дать мне место и велел только высматривать ваканции.

Тысячекратно извиняясь, что беспокою Вас своими маленкими делишками, имею честь пребыть

Вашего Превосходительства
покорнейшим слугою
Алексей Писемский

Ноября 6
1865 г.

276. П. В. АННЕНКОВУ

<10 ноября 1865 г., Москва>

Почтеннейший
Павел Васильичь!

Без стыда и без совести пользуюсь вашим позволением возлагать на Вас разные делишки: вместе с этим письмом я посылаю в Театральной Комитет пиэсу мою: Самоуправцы, которую я впрочем перекрестил и назвал: „Екатерининские Орлы“. Я ее пообделал и пообчистил и посылаю ее также и в Академию на Уваровскую премию. Похлопочите, мой дорогой, во первых, что бы она прошла поскорее Театральной Комитет и Федорова; а также и Цензурный — в Главном Управлении Цензуры — у Гончарова. Когда сии два чистилища

пройдет, то узнайте у Федорова — будет-ли она поставлена на Петербурской сцене и когда именно? Из Академии может быть к вам пришлют на рассмотрение мою пиэсу — будьте к ней милостивы; хоть-бы мне в Уваровской-то премии найти какое-нибудь себе поощрение, а то только и дела, что бьют со всех сторон. Когда Вы увидитесь с Лазаревским спросите его, нет-ли у них в виду какого нибудь для меня местишка в Москве, я здесь пока ничего не могу вынюхать.

До свидания. Поклонитесь вашей супруге от меня и от жены моей.

Душевно преданный

10 Ноября
1865 г.

вам

А. Писемский

[Слухи есть]

Сей час до меня дошли слухи, что один Цензор [Загибенин] переходит из Москвы в Петербург, а другой совсем выходит, попросите при свидании Лазаревского, что если эта перемена действительно происходит, то напомнил бы он обо мне Министру. Я здесь, пожалуй, и просмотрю, и наконец мне не сказывают.

277. К. С. ВЕСЕЛОВСКОМУ

⟨11 ноября 1865 г., Москва⟩

Милостивый Государь
Константин Степановичь!

Имею честь представить в Академию Наук на удостоение Уваровской премии трагедию мою, пропущенную уже цензурою: Екатерининские Орлы, и при сем беру на себя смелость изложить некоторые свои соображения касательно Русского трагизма: мнение мое по этому поводу, может быть, на первой вгзляд покажется несколько странным, но, вдумавшись, вряд ли кто не согласится с ним. Оно состоит в том, что два только народа могут по праву щитаться хранителями и проявителями простого древнего трагизма — это Русские и Англичане, так по крайней мере говорит в нас наше народное чувство и понимание. Кому из Русских, мыслящих людей, если только он не изломан окончательно воспитанием, не покажется всякий французкий трагический герой театральным и фразистым, а немецкий черезчур уж думчивым и реф-

лексивным: органических и активных страстей человеческих, на которых только и зиждется истинная трагедия, в них нет; но представляются они в героях Шекспира, Смолета, Байрона, Шелли (в его знаменитой трагедии Ченчи) и наконец в некоторых лицах Диккенса. Наш народ, смело можно сказать, носит в своей душе, и в своем организме, и в своей истории семена настоящего трагизма, далеко еще в нашей литературе непроявленного и неразработанного: все произведения Княжнина, Сумарокова, Озерова, Катенина, Кукольника и Полевого, не смотря на все их достоинства по своему времени никак не могут быть названы настоящими трагедиями, и тем более трагедиями Русскими. И только в позднейшее время Г-н Островский и другие более или менее даровитые писатели пытались выйти на путь Русского трагизма. Настоящее мое произведение тоже попытка в этом роде: взято оно из Павловских времен. Анекдотичность и театральность эпохи сообщилась и самой пиэсе. Главной задачей своей я имел, взяв в основание страсть человека, выразить вместе и самое время. Насколько исполнил я ее предоставляю — решать моим судьям. О получении моей пиэсы я просил бы почтить меня уведомлением, по жительству моему в Москву, на Поварской, в Борисоглебском переулке в доме № 7-ой.

Принося мое глубокое и полное уважение, имею честь пребыть

Вашего Превосходительства
покорнейшим слугою
Алексей Писемский

11 Ноября
1865 года.
Москва.

278. А. А. КРАЕВСКОМУ

<11 ноября 1865 г., Москва>

Почтеннейший
Андрей Александровичь!

Вместе с этим письмом я посылаю пиэсу мою „Екатерининские Орлы“ к Федорову в ваш театральной комитет для представления на сцену. Цензурою для печати она уже пропущена, в Цензуру-же для представления пусть Комитет пошлет уже сам, когда рассмотрит ее и удостоит, а о том, чем вообще решится вся ее театральная участь, я просил бы Вас хоть коротенким писмецом уведомить меня. Адрес

мой вы, кажется, знаете: на Поварской, в Борисоглебском переулке, в собственном доме.

Желаю вам всего лучшего и пребываю

искренно вам преданный

А. Писемский

P. S. Очень-бы меня обязали, если бы настояли чтобы пиэсу мою прочли у вас в ближайшую субботу.

11 Ноября.
1865.

279. П. С. ФЕДОРОВУ

⟨11 ноября 1865 г. Москва⟩

Милостивый Государь,
Павел Степановичь!

Имею честь представить при сем на рассмотрение Театрального Комитета в двух экземплярах пиэсу мою: Екатерининские Орлы. Цензурою для печати она уже пропущена; в цензуру-же для театральных представлений я прошу Комитет самого препроводить, если только она будет им принята для представления на сцене. Предоставить я ее желаю в дирекцию на правах *поспектакельной платы* мне. Главная роль* я желал-бы чтоб отдана была господину Самойлову. О том, какое последует решение как со стороны Комитета, так и со стороны цензуры театральной касательно моей пиэсы, я просил-бы почтить меня уведомлением по жительству моему в Москве, на Поварской, в Борисоглебском переулке, в собственном доме, № 7.

Прося принять уверение в совершенном моем почтении и преданности, с коими и имею честь быть

Вашего Превосходительства

покорнейшим слугою

Алексей Писемский

11 Ноября
1865.
Москва.

280. К. С. ВЕСЕЛОВСКОМУ

⟨3 декабря 1865 г., Москва⟩

Милостивый Государь,
Константин Степановичь!

Независимо от моего официального письма, при котором я послал в Академию пиэсу мою „Екатерининские Орлы", я

* Князя Платона Иларионовича Имшина ⟨примечание Писемского⟩.

ФАСАД ДОМА А. Ф. ПИСЕМСКОГО В МОСКВЕ, В БОРИСОГЛЕБСКОМ ПЕРЕУЛКЕ
Фото 1925 г.

ФЛИГЕЛЬ ДОМА А. Ф. ПИСЕМСКОГО В МОСКВЕ, В КОТОРОМ ПОМЕЩАЛАСЬ КВАРТИРА ПИСАТЕЛЯ
Фото 1925 г.

обращаюсь к Вам и с частною моей просьбой — не подвергнуть ее суду враждующих против меня Литераторов, как это выпало на долю драме мо<е>й: „Горькая Судьбина“, и желал бы что<бы> новая пиэса моя была послана Павлу Васильичу Анненкову, как человеку известному своим естетическим образованием и своим беспристрастием и потом другому Литератору Дмитреву (автору нескольких повестей и значительного числа эстетических статеек, помещаемых в Русском Вестнике и Московских Ведомостях). Он живет в Петербурге и служит в Почтовом Департаменте; имя его Николай Дмитричь Дмитрев. Прошу об этом нестолько за себя, сколько для него: что напишет он самый добросовестный разбор, в этом нет никакого сомнения, и академия вероятно назначит ему награду, а такое поощрение и вспомоществование крайне-бы было ему полезно; он человек нуждающийся, и принадлежит к тем чистым людям, в отношении которого возможна только самая деликатная и благородная помощь, которую и может ему сделать академия.

Повергая все это милостивому вашему вниманию и возлагая свои надежды на ваше обязательное содействие, пребываю с полным моим уважением

всекопокорнейший слуга

ваш

Алексей Писемский

Декабря 3-го
1865 года
Москва.

281. П. В. АННЕНКОВУ

<13 декабря 1865 г., Москва>

Мой дорогой Павел Васильичь!

Наконец пиэса моя прошла и Театральную Цензуру; но это еще ничего не значит, она может Дирекцией не поставлена тысячу лет, тем более, что, как писал мне Краевский, при рассмотрении ее в Театральном Комитете актеры и Федоров были против ее. То нельзя <ли> Вам сему Господину втолковать, что нехорошо так поступать с Литераторами — ставить черт знает что и задерживать наши пиэсы, и вообще что будет по сему предмету говорить и какие даст Вам по сему предмету [объяснить] объяснения, меня уведомить.

Всем вашим участием в моих делах и моем положении Вы меня бесконечно и на всю жизнь обяжете.

Душою вас любящий

А. Писемский

Жена вам и супруге вашей кланяется, а также и я сие творю.

282. А. А. КРАЕВСКОМУ

〈18 декабря 1865 г., Москва〉

Почтеннейший

Андрей Александровичь!

Несказанно благодарю Вас за хлопоты по моей пиэсе: „Самоуправцы" и будьте столько добры докончить сие дело: Театральный элемент был против моей пиэсы; она теперь уже пропущена Театральною Цензурою, как уведомил меня Гончаров, и вероятно возвращена уже в Дирекцию, но не смотря на это ее все таки ставить не будут, если только Театральный элемент против ее, но Вы расстолкуйте Федорову, что не хорошо-же так поступать против литераторов — и вообще понастойте чтобы пиэса была поставлена. Желаю я этого даже не из самолюбия, но чисто из за денег; когда она поставлена будет в Петербурге, пусть предпишут и сюда, чтобы ставили, а то без этого и здесь не станут ее ставить ненавидящее за что-то меня начальство.

Извиняюсь что утруждаю вас моими хлопотами и дружески жму вашу руку,

преданный вам

А. Писемский

1865
18 Декабря.

283. П. В. АННЕНКОВУ

〈23 декабря 1865 г., Москва〉

Мой дорогой Павел Васильевич!

Снова просьба: пиэсу мою Самоуправцы пропустила цензура для представления на сцену; в Москве ее хотят поставить на срочный бенефис Г-жи Савиной; схлопочите, бога ради, в Главном Управлении Цензуры, чтобы пиэсу мою, если только она из Главного Управления неотправлена еще в Петербургскую Дирекцию, немедленно-же выслали в Москву в Московскую Контору Театра. Об этом же самом я посылаю от себя докладную записку в Главное Управление. Если-же пиэса

моя уже отправлена в Петербургскую Дирекцию, т. е. к Федорову, то съездите к нему и попросите его, чтобы он в цензурованном экземпляре, который ему будет прислан из Главного Управления, немедленно-же велел ее послать в Московскую Контору. Пишу к Вам чужою рукой, потому что мои каракули Вы, пожалуй, и не разберете, а письмо это нужное.

Дружески жму вашу руку и кланяюсь от себя и от жены вашей супруге.

Душевно вас любящий и уважающий

23 Декабря
1865.

А. Писемский

284. П. В. АННЕНКОВУ

〈3 января 1866 г., Москва〉

Мой дорогой
Павел Васильичь!

Поздравляю Вас и супругу вашу с праздником и Новым годом.

Гончаров писал, что пиэсу мою Самоуправцы 27 Декабря послали в Москву, но ее нет еще и до сих пор в Москве (3 Генваря) ни у меня, ни в Театральной Конторе; справьтесь, бога ради в Главном Управлении, когда она отправлена, за каким номером и числом и куда именно, ко мне или в Театральную Контору; если пиэса почему либо не отправлена, то схлопочите, чтобы ее немедленно-же послали; мне дорога каждая минута, пройдет еще неделя, и если пиэса не будет выслана, то хоть не ставь ее — меня не замедлите уведомить о последствии ваших розысков.

Тороплюсь докончить письмо и послать на почту.

Душою вас
любящий
А. Писемский

285. П. В. АННЕНКОВУ

〈4 января 1866 г., Москва〉

Мой дорогой Павел Васильичь!

Пишу это письмо в отмену вчера мною посланного: пиэса моя послáна из Главного Управления не в Москву, а к Федорову в Петербурге; пусть и будет так: а здешнее начальство как само знает выхлопотывало-бы себе экземпляр и Вы по сему делу не чините никаких хлопот, как и я оные прекращаю,

пусть будет, как будет. Дружески жму вашу руку и извиняюсь, что беспокоил Вас напрасно.

Весь ваш

Писемский

286. *П. В. АННЕНКОВУ*

⟨16 января 1866 г., Москва⟩

Мой дорогой Павел Васильичь!

Потрудитесь меня уведомить — идет-ли моя пиэса Самоуправцы в Петербурге в бенефис Владимировой [здесь] и когда именно? Здесь она идет 21 числа а не было еще ни одной репетиции, вероятно сварганят так, что и не опомнишься. Директор Неклюдов делал на пиэсу несколько доносов Генерал-Губернатору с тем, чтобы ее запретили; но Долгорукий, который ко мне очень благосклонен, отстоял ее. Дружески жму вашу руку. Уведомьте если возможно незамедля. Я нынешний год столько переношу ото всюду неприятностей, что и выразить того не могу

весь ваш

16 Янв.

Писемский

287. *В. М. ЛАЗАРЕВСКОМУ*

⟨19 января 1866 г., Москва⟩

Милостивый Государь,
Василий Матвеичь!

Некоторые Члены здешней Думы предложили мне балтироваться в Мировые Судьи; как не мало шансов на успех (на девять ваканций — 70 человек желающих), но я все таки не счел себя в праве отказаться и заявил о своем желании балтироваться; но для этого нужна копия с документа о службе, который находится у Вас в Министерстве, а потому прибегаю к Вам с покорнейшей моей просьбой — выслать мне копию с атестата о моей службе — и весь вопрос в скорости высылки этой копии, так как балтировка назначена будет в самом непродолжительном времени.

Повторяя еще раз мою просьбу выслать незамедля документ о службе мо⟨е⟩й, от которого зависит теперь возможность балтироваться мне или нет, прошу принять уверение в совершенном моем почтении и преданности, с коими и имею честь пребыть

Вашим
покорнейшим слугою

19 Генваря
1866

Алексей Писемский

288. П. В. АННЕНКОВУ

〈27 января 1866 г., Москва〉

Мой дорогой Павел Васильичь!

Письмо ваше я получил как раз вскоре после представления на сцене моей пиэсы, которая имела громадный успех. так что теперь третие представление и уже билетов за день нет.

Самарин явился в ней замечательнейшим трагическим актером. Обо всем этом и заявите Петербурскому театральному начальству, а также и мерзавцам актерам, которые своей пользы даже в этом случае не понимают. Здесь я тоже прошел страшные пытки: [дур] директор здешнего театра Неклюдов делал на мою пиэсу донос Генерал-Губернатору. Хорошо что Долгорукий оказался человеком знакомым и по расположению ко мне спас пиэсу и даже велел поставить ее; но эффект был поразительный на первом представлении — видимо, что публике страшно надоела купеческие чуйки и даже фраки и сертуки на сцене; увидя Павловские мундиры [об] пудреные парики и вообще всю обстановку того времени, она просто пришла в восторг, актеры разыграли мастерски: Степанов, игравший шута, изобразил идиотизм и собачью привязаность к своему Господину художественно до колосальных размеров, Шумской, игравший Девочкина, был совершенный петух — Суворов. До свидания мой дорогой; спасибо Вам за участие ко мне. Супруге от меня и от жены кланяйтесь.

Душей вас любящий

А. Писемский

289. А. А. КРАЕВСКОМУ

〈Около 10 февраля 1866 г., Москва〉

Почтеннейший

Андрей Александровичь!

Препровождаю к Вам при сем статейку Г. Поля, которую он желает поместить в Голосе в видах возражения против статьи Г. Назарова, напечатанной у Вас; он решительно терпит по этому делу несправедливые обвиненья. Пиэса моя: Самоуправцы, спасенная вами в театральном Комитете, сыграна в Москве, исполнена актерами отлично и имеет очень большой и постоянный успех. Какая участь ожидает ее

в Питере? если вы что-нибудь о сем узнаете, черкните мне хоть строчку.

Дружески жму вашу руку и желаю всего вам лучшего,

преданный вам

А. Писемский

290. П. В. АННЕНКОВУ

‹17 февраля 1866 г., Москва›

Мой дорогой Павел Васильичь!

Место Советника Губер. Правления я очень желаю получить, потому что хоть и заявлял было о своем желании балтироваться в Мировые Судьи, но там такое огромное количество кандидатов, что я взял свое заявление назад. По вашему письму я сей час был у Генерал-Губернатора и он мне положительно сказал, что кроме меня никого не представит, и просил даже написать об этом Министру. Письмо это доставит Вам мой задушевнейший друг Сергей Алексеичь Усов, а также и раскажет Вам все подробности о представлении в Москве моей пиэсы: Самоуправцы, а такожде о новой моей трагедии, которую я замышляю, и уже написал почти первый акт; как Вам выразить мою благодарность за участие ко мне и сказать того не могу. — Если что услышите об участи театральной Самоуправцев, уведомьте меня. Да хранит Вас бог. Поклонитесь от меня и от жены моей супруге вашей.

Любящий и уважающий

Вас

1866 г.
Февр. 17.

А. Писемский

291. П. А. ВАЛУЕВУ

‹17 февраля 1866 г., Москва›

Ваше Высокопревосходительство,

Милостивый Государь,

Петр Александровичь!

В Московском Губернском Правлении снова, как известился я, открывается место Советника Губернского Правления. Г-н Московский Генерал Губернатор лично изъявил мне, что на сие вновь открывающееся место никого не представит кроме меня. Представляя о сем на благоусмотрение Вашего

Высокопревосходительства, беру смелость еще раз ходатайствовать определить меня на вышеупомянутое место.

Принося мое совершенное уважение и преданность имею честь пребыть

Ваше<го> Высо<ко>превосходительства

покорнейшим слугою

А. Писемский

17 февраля
1866 г.

292. П. В. АННЕНКОВУ

<2 марта 1866 г., Москва>

Мой дорогой Павел Васильичь, вместе с этим письмом пошло в Петербург представление к Министру Внутренних <Дел> об определении меня Советником Московского Губернского Правления в таком смысле: Советник Московского Губернского Правления Лопухин избран в Мировые Судьи, а по сему Генерал-Губернатор заранее просит [что] Министра чтобы на это место был назначен я, и всеми помыслами души желает оставить это место за мной; обо всем этом скажите вы Лазаревскому и попросите его, чтобы он заявил Министру представление Генерал-Губернатора тотчас же по получении его; оно пущено от 28 февраля, 1866 года, за № 1746 и к [слу] слову скажите ему, что Генерал-Губернатор самым искренним образом желает дать мне место и очень жалеет, что и в первый раз, по незнанию, подставил мне ногу. Какой ответ Вам дадут, будьте столько великодушны уведомьте меня.

Дружески жму вашу руку и кланяюсь вашей супруге. Жена моя тоже вам обоим кланяется.

Весь ваш

А. Писемский

2 февраля
1866 г.

293. В ДЕПАРТАМЕНТ ОБЩИХ ДЕЛ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

11 марта 1866 г. Москва

Состоящего при Министерстве Внутренних Дел Титулярного Советника Писемского

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

В исполнение предписания Департамента Общих Дел от 22 Января сего года за № 1602, имею честь представить при сем квитанцию Московского Губернского Казначейства в двух

руб., десяти копейках за употребленную для написания моего формулярного списка вместо гербовой простую бумагу. 1866 года, Марта 11 дня.

Титулярный Советник

Писемский

294. В. М. ЛАЗАРЕВСКОМУ

〈12 марта 1866 г., Москва〉

Милостивый Государь,

Василий Матвеичь!

Павел Васильичь Анненков снова меня уведомил, что, по получении представления обо мне от Генерал-Губернатора, по Министерству сделано уже распоряжение, что место Советника Губер. Правления, когда оно откроется, считать уже за мною. Не знаю как и выразить Вам мою благодарность за ваше участие, которое Вы принимали в этом и которое тем дороже для меня, что Вы снискали им меня в одну из самых трудных минут моей жизни. С журналистикой я разошелся совершенно, приходится войти в сношение с издателями, а это у нас пока еще дело совершенно новое, таким образом для писателей, у которых нет своего состояния, служба осталась единственным прибежищем.

Еще раз повторяя мою благодарность, имею честь пребыть с полным моим уважением и преданностью

Ваш

покорнейший слуга

А. Писемский

12 Марта
1866.

295. П. В. АННЕНКОВУ

〈24 марта 1866 г., Москва〉

Мой дорогой Павел Васильичь!

Сей час меня призывал к себе Генерал-Губернатор. Страстно желая меня определить на место Советника Губернского Правления, он расказал мне, что вчера являлся к нему претендент на это место Ассесор Карновичь и сказал, что акибы Валуев обещал ему, что он определит на это место его, если только его представят из Москвы. Генерал-Губернатор на это сказал ему, что он его никак не представит, потому что уже представил другого; [тем не менее советывал мне написать в Петербург и поразузнав] я на это Генерал-Губернатору сказал, что я получил из Петербурга письмо, которым меня извещают, что по Министерству уже сделано распоряжение,

по его представлению, чтобы на это место зачислить меня и никаких других на оное кандидатов не иметь. Тем не менее он советывал написать в Петербург и схлопотать еще раз чтобы никого на это место кроме меня не определяли; а он с своей стороны никого другого не представит.

Поразведайте, бога ради, от Лазаревского как и в каком положении находится там это дело и какое именно распоряжение сделано на щет замещения меня на это место, а кстати спросите его произведен-ли я в следующий чин.

Я написал еще трагедию (4 акта) „Поручик Гладков", из времен Бирона, документов массу отрыл и прочел. Говорят, что выходит хорошо. По весне, когда пойдет представление обо мне, сам, может быт, буду в Петербурге и прочту вам ее. Дружески жму вашу руку и кланяюсь супруге вашей

ваш

Писемский

24 марта

296. П. В. АННЕНКОВУ

<14 апреля 1866 г., Москва>

Мой дорогой Павел Васильичь!

Петербурское событие 4 Апреля, отвлекшее всех нас здесь от самих себя, помешало мне до сих пор поблагодарить Вас за доброе ваше уведомление о моей пиэске — а я за последнее время расхворался: разные прелести и воздержности прежней жизни, разные удовольствия, которые я как-то скопом получил в нынешнем году, до того развили у меня печень, что меня поспешили лечить Виши, которую я несмотря на этакой холод пью. Здесь ходят слухи о всевозможных переменах: говорят, между прочим, что и мой покровитель Валуев [с назна] получает какое-то другое назначение — правда ли это? Не можете-ли Вы разузнать об этом и меня уведомить, и также не слыхали-ли Вы чего-нибудь и об утверждении Московских Мировых посредников, здесь нет еще об их утверждении. Если имеете что либо о сем, то меня уведомьте; а главное, напишите где Вы нынешнее лето будете проводить — на даче-ли, в [Мо] деревне-ли, за границей-ли; в начале или в конце Мая я все таки непременно буду в Питере.

Дружески жму вашу руку и принося мой усердный поклон вашей супруге остаюсь

душевно преданный

А. Писемский

P. S. Наш общий знакомый *Усов,* бывший заклятым холостяком, женился на актрисе Савиной. Все это, надо отдать честь, обделала моя супруга. На днях праздновали их свадьбу.

297. А. А. КРАЕВСКОМУ

〈17 апреля 1866 г., Москва〉

Почтеннейший

Андрей Александровичь!

В газете вашей *Голос* было напечатано объявление о намерении Костромичей проживающих в Петербурге устроить празднество 24 Апреля по случаю спасения жизни государя императора — костромичем Комисаровым. По случаю этого празднества прошу напечатать и мое заявление, как тоже костромича — всем сим Вы несказанно обяжете меня.

Остаюсь желая Вам всего лучшего

душевно преданный

Вам

А. Писемский

17 Апреля
1866 года.

298. П. В. АННЕНКОВУ

〈28 апреля 1866 г., Москва〉

Мой дорогой Павел Васильичь!

Ваша доброта в отношении меня бесконечна: отсюда снова [про] пошло представление об утверждении меня на место Советника Губернского Правления; предместник мой уже утвержден в Мировые Судьи; а по сему мой дорогой Павел Васильичь попросите Лазаревского еще раз поучаствовать в моем определении и утвердить меня окончательно на этом месте и что он Вам скажет хоть двумя строчками меня уведомить.

Дружески и с величайшею признательностью жму вашу руку

Ваш

Писемский

299. И. С. ТУРГЕНЕВУ

〈8 мая 1866 г., Москва.〉

Мой дорогой Иван Сергеичь!

Тысячу лет я не имею об Вас никакого сведения, так что наконец это стало ужь невыносимо грустно: неужели Вы для нас и мы для вас совершенно [ужь] и пропали: я пишу это письмо [совершенно] наугад в Баден, авось оно дойдет

до Вас и Вы хоть весточку единую пришлете мне об себе; а за это в письме сем изложу все мои житейские и литературные треволнения: Вы, я думаю, слышали [уже], да и писал я, кажется, к Вам, что в Москву я собственно переехал по приглашению Каткова к участию в редакции Русского Вестника; но с первых же дней у нас пошло как то неладно: видимо было, что [им] они привыкли к какому-то холопскому и подобострастному отношению своих сотрудников и что им более нужен корректор, чем соредактор — чем дальше шло, тем натянутее и несноснее становились наши отношения, так что мы почти одновременно и к обоюдному удовольствию решились прервать их, а между тем я, в следствие этого, очутился с семьей моей, как говорится, на подножном корму — на небольшой капиталец, которой был мною сбережен, я купил домик (на Поварской, в Борисоглебском Переулке, [в] № 7) — но на доходы с него можно было прожить [два] не более двух месяцев — к счастию, как мне казалось, ко мне на житейскую помощь [при] снизошло вдохновение — я написал одну трагедию, другую, третию, четвертую; небольшое число моих московских друзей слышали эти трагедии, плакали, говорили, что это свежо, ново и до грандиозности сильно; а между тем я чувствовал, да и теперь еще чувствую, что у меня в душе на десяток еще таких трагедий хватит — поехал с сими детищами моими в Петербург прошлою осенью, с тем чтобы напечатать их в Отечественных Записках, устроилось чтение у Дудышкина, в присутствии: нескольких Литераторов [вижу] и их супруг, по преимуществу Майковщины, читаю и вижу, что мои трагедии производят ужас, омерзение, даже на меня лично начинают смотреть как на человека, которой сей час только совершил гнуснейшее преступление; читаю потом у Тютчева, опять тоже если еще и не сильнейшее омерзение — ругательства уже без всякой церемонии рассыпаются [при] мне в глаза [моим любимым трудам] за мои произведения — все это, разумеется, сильно покоробило меня и поддержало [меня] только одно твердое сознание, что [литературное] беллетристическое, сценическое и даже трагическое дело я понимаю лучше всех этих господ, и что [только одна] естетическая золотуха, которою они прогнили все насквозь, мешает им взглянуть на дело настоящим манером. — Во все это как бы то не было тяжелое для меня время один только

Павел Васильичь Анненков не отпехнул меня от себя и не ругал ужь на повал мои произведения и принял наконец участие в моем житейском положении. Я куплю его портрет и оставлю детям моим в наследство с такой надписью: Этот человек поддержал вашего отца своею дружбою в самое тяжелое время его жизни! Вследствие всех сих обстоятельств я, разумеется, со всеми журналистами разошелся; а между тем надобно было жить чем нибудь, что нибудь кушать и чем нибудь воспитывать детей. — Обо всем этом я написал Министру Вну<тренних> Дел Валуеву откровенное письмо и просил у него место Советника Губ. Прав. в Москве, которое он мнѐ в настоящее время и дал. Между тем пиэсам моим нашелся и издатель — прежний мой издатель Стелловский, и я их, посмягчивши несколько к ужасу и омерзению Петербурских литераторов, напечатаю вероятно — кроме того одна из этих пиэс: „Самоуправцы“ проскочила и на сцену — до представления в Москве делали на нее доносы Генерал-Губернатору. [В] Она в сущности анекдотическая вещь из времен Павла, и в ней между прочим муж устраивает над женой суд и любовника ее выводит перед ней и перед публикой зашитого в медвежью шкуру за то, что тот в письме назвал его старым медведем, все ожидали в эту минуту хохоту и скандалу, и вместо того вышло настоящее трагическое впечатление — пиэса имела огромный успех, в Петербурге тоже — эстетическая золотуха впрочем и тут не успокоилась и пробравшись в разные газетишки разругала меня наповал. Не обращая уже на все сие больше никакого внимания я написал еще Трагедию, совсем уже историческую из Времен Бирона. Трагедия вышла, говорят опять таки мои Московские друзья, совсем [тр] историческая!.. Письмо это мое было сей час остановлено известием, что Московские Ведомости получили 3 предостережение и запрещены на два месяца... Вы вероятно читали всю их предыдущую историю: они не приняли первого данного предостережения, т. е. не напечатали его и сами присудили себя к штрафу платить в продолжении 3 месяцев за каждой номер по 25 руб., а между <тем> еще стали [еще] реще осуждать разных правительственных лиц, так что наконец их прихлопнули и по моему *по делом*: во 1-х потому, что совершенно безопасно: эти господа такие интриганы и в таких

лапах держат профессоров Московских, что это запрещение, очищающее их от всех предостережений разыграют совершенно в свою пользу; во 2-х) они в самом деле [ли] хотели на этой газетной арене, за свой аки бы патриотизм и добросовестность создать какое-то особенное положение, чтобы [других] им позволялось говорить все, а другим никому ничего, и в 3) в отношении всех этих других они действовали очень просто: кто глупо им возражал, они об том или умалчивали или смеялись; а кто поумнее, про того они начинали кричать: государственный изменник, подкупленный человек и наконец в 4) Вы сами вероятно по личным своим сношениям знаете, что они вовсе не люди ясных и твердых личных убеждений, и тоже берут их на прокат отовсюду, когда что нужно. До свидания. Писать ужь больше негде

ваш *Писемский*

300. В. М. ЛАЗАРЕВСКОМУ

⟨10 мая 1866 г., Москва⟩

Милостивый Государь,
Василий Матвеичь!

Позвольте еще раз принести Вам мою искреннейшую благодарность за участие ваше в определении меня советником Московского Губернского Правления, и поверьте, что оно навсегда останется неизгладимым в моей памяти. Независимо от уведомления Павла Васильича Анненкова об утверждении меня, Генерал-Губернатор, получив отношение Министра, вызвал меня к себе и с величайшим доброхотством объявил мне о том и вместе с тем дал мне заметить, чтобы я в отношении ближайшего моего начальства держал себя как можно официальнее, что разумеется я исполнил-бы и без того. Повторяя еще раз мою благодарность, прошу принять уверение в совершенном моем почтении и преданности с коим и имею честь быть

Вашим
покорнейшим слугою
А. Писемский

10 Мая
1866 г.

301. П. В. АННЕНКОВУ

⟨11 мая 1866 г., Москва⟩

Мой дорогой и почтеннейший
Павел Васильичь!

Пишу это письмо, приготовляясь явиться на службу: после вашего уведомления, через несколько дней, вызвал меня

Генерал-Губернатор и с величайшим удовольствием объявил мне, что я определен; но в отношении ближайшего моего начальства советывал быть как можно официальнее, почему я и ожидаю теперь от портного полной формы, в коей и явлюсь я перед их светлые очи.

Вы поедите в Киев, но неужели не завернете в Москве; а если завернете, то бога ради, навестите нас: я с супругой и детьми теперь уже на даче — в Петровском Парке, на даче Умова. Если Вам [т сюда] на даче нельзя будет приехать к нам, то заезжайте по крайней мере в дом ко мне на Поварскую, в Борисоглебском переулке и пошлите сей час же ко мне дворника и я немедля явлюсь к Вам.

Желая вам всего что только можно пожелать человеку хорошего и принося мое почтение вашей супруге

душею вам
преданный
А. Писемский

302. И. С. ТУРГЕНЕВУ

〈19 июня 1866 г., Москва〉

Мой дорогой и любезнейший сердцу
Иван Сергеичь!

Не знаю как Вас и благодарить за скорое письмецо ко мне, коим Вы еще раз явили мне ваше расположение [ко мне]. Я бы сей час же выслал Вам все мои новые сочинения, но, увы! ни одно из них еще не напечатано (ни один журнал их не берет у меня, более не столько по цензурным условиям, сколько по естетическим недостаткам) я думал послать их Вам в писаных экземплярах, но [это] Вам придется заплатить за пересылку их так дорого, что, пожалуй, и самые-то сочинения не стоют того — впрочем, если Вы разрешаете мне сие, то я стану высылать Вам хоть постепенно — по одной пиэсе и буду просить Вас сказать мне совершенно откровенно Ваше мнение. Поживаю я или, лучше сказать, послуживаю так [сер] себе — недурно, хоть очень ужь *невысоко*: в 46 лет быть Советником Губернского Правления небольшая услада для самолюбия — 15 лет тому назад я носил уже сей-же самый ранг; впрочем наказан поделом: не надеятся бы было на Русскую Литературу, а служить бы и служить и не был-бы таким маленким человеком. Читая в газеты приходишь в некоторой

трепет, видя, что у Вас в Европе деется. Прусаки идут на пролом, не обеспокоят-ли они и Вас в Бадене? Карты Европы, пожалуй, в самом деле переделаются в нынешнее лето, так что нужно будет новые карты и Географии издавать. У нас [же] то же кое что происходит: вводится новое Судебное Устройство и, кажется, недурно — по крайней мере в том отношении, что баре, купцы и мужики начинают потрухивать суда. Литература молчит совершенно: Русское Слово — Современник, как Вы я думаю уже читали, запрещены на веки-веченские — даже говоривший на всю Европу Катков другой уже месяц молчит! Наш бесценный Павел Васильичь Анненков недавно проезжал в Киев с женой лечить ее; она бедная все больна! Если Вы любопытствуете прочесть хоть в рукописи мои трагедии — напишите — я вышлю Вам одну из них. От души Вас обнимаю. Жена вам кланяется.

Ваш
Писемский

1866 года
Июня 19 дня.

Об старых моих сочинениях напишу в Петербург чтобы вам их выслали; у меня ни одно<го> нет экземпляра здесь.

303. А. Н. МАЙКОВУ

<22 июля 1866 г. Москва>

Любезный друг,
Аполлон Николаевичь!

Тысячу лет мы не имели никакого слуха об вас, и только на днях я узнал о постигшем Вас несчастии: бедная Верочка!.. Какая была умненькая и, кажется, здоровая! Петербург решительно бойня — для детей; они там если не умирают, то выростают хилыми! Вот по ребятишкам то и чувствуешь, что Москва здоровее: мои, благодаря бога, все здоровеют и мужают, и теперь оба держат экзамены — один переходит ужь в 7-й последний класс, а другой в 5-й и мы уже переехали на дачу — в Петровский Парк, на дачу Умова. Домишко свой я отстроил — кроме собственного помещения и маленкой квартирки в каменном флигеле, — в большом деревянном доме вышло 4 очень хорошие квартиры на 1400 руб. в год; но из которых, увы! надо израсходовать и заплатить в Кредитное общество 1000 руб. Службу я тоже получил, и в настоящее время уже Советник Губернского Правления, обрит и в Виц-мундире—

странное ощущение: 13 лет я не служил, 13 лет занимался как бы повидимому высшим делом — литературою и вдруг снова окунутся в эту служебную мелкую деятельность — казалось-бы надо с ума сойти от такого умственного понижения — а ничего: как будто бы ничего и не случилось, как будто бы не одной ступеньки и не шагнул ниже! Вместо безграмотных повестей читаешь безграмотные бумаги, вместо фраз о женском труде слышишь и сам говоришь фразы об улучшении городского хозяйства, когда и доходу-то всего у города 5000... Прощай, мой друг, жена просит оставить место и приписать к Вам. Поклонись от меня Анне Ивановне и поцелуй детей. Да хранит Вас бог!

[Ваш] твой

Писемский

304. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

⟨Осень 1866 г., Москва⟩

Любезный друг
Александр Николаичь!

Ко мне, как и к тебе вероятно, обратился некто г. Хан — редактор нового Питерского Журнала и между прочим через Н. Д. Дмитрева просит меня, чтобы я попросил тебя чтобы ты, по примеру моему, сам сообщил Хану свои условия. Заезжай в середу вечерком, мы по прежнему в этот вечер дома.

Преданный тебе

А. Писемский

305. С. В. МАКСИМОВУ

⟨19 октября 1866 г., Москва⟩

Любезнейший друг,
Сергей Васильичь!

Ты позволил обращаться к тебе с моими просьбами, и вот одна из них: сходи, бога ради, к Стелловскому (издателю моих Сочинений; он живет на углу Садовой и Екатерингофского проспекта, в доме Куканова). Во первых, поблагодари ты его от меня за исправную и акуратную уплату мне денег; и скажи ему, что я уже получил от Г. Смирнова по Октябрскому векселю деньги; во вторых, узнай ты от него поточнее: начал-ли он печатать IV-й том моих сочинений, если начал, то сколько его уже отпечатал?.. Я его убедительно просил, чтобы он высылал мне корректуру для просмотра; а между тем я не полу-

чал ни листа; а потому попроси его, чтобы он выслал хоть те, которые еще не отпечатаны; мне крайне нужно просмотреть еще раз мои сочинения в корректуре, и что тебе ответит по всем сим вопросам, *сей час же* мне ответь. Я сам хотел ехать в Питер; но у меня умерла тетка и жена уехала в Кострому, а я остался с детьми.

Еще раз прошу не замедля отвечать на мое письмо, чем несказанно и крайне обяжешь

душевно преданн<ого>
тебе
А. Писемского

19 окт.
1866.

306. Н. А. КУПРЕЯНОВУ

<29 октября 1866 г., Москва>

Милостивый государь,
Николай Александрович

Будьте так добры, потрудитесь меня уведомить, в каком положении находится дело мое по капитализации именья моего Солигаличского уезда по деревне Вонышеву. Доверенность от Цветухина давно уже отправлена к Вам. Адрес мой: в Москву, на Поварской, в Борисоглебском переулке, в собственном доме.

Еще раз повторяя мою просьбу почтить меня вашим уведомлением имею честь пребыть покорнейшим слугою

А. Писемский

29-го Октября

307. П. В. АННЕНКОВУ

Москва, 1866 года, Ноября 7 дня

Мой дорогой Павел Васильич!

Получая во дни оные любовные письма, я так не трепетал радостью, как затрепетал оною, завидев на конверте ваши милые строки. Я уже неоднократно справлялся об Вас; но мне все доставляли печальное известие, что Павла Васильича нет в Петербурге и что, по случаю болезни Глафиры Александровны, он вряд-ли не пробудет всей зимы в Малороссии, но Вы в Питере, значит, все сие, слава богу, несправедливо. Письмо ваше застало в одиночестве: супруга моя вот уже месяц как уехала в деревню Костромской Губернии получать доставшееся мне там от родной моей тетки наследство. Как

ей не грустно было растаться с детьми, что случилось с ней в первый еще раз, как не неприятно потом ездить теперь по проселочным дорогам; но она все таки со свойственным ей стоическим духом поехала и теперь скоро уже и вернется. Доставшаяся нам наследственная лепта, вместе со службою моей совершенно нас обеспечивает: я теперь владетель дома, усадьбы, временно обязанных крестьян, распорядитель 5000 годового дохода — словом Материальная сторона жизни улажена; но никак нельзя сказать того про духовную мою сторону, а паче всего про литературную частицу в оной стороне... Как и чем я не прикидывайся [собст] *проприетером, чиновником,* но в сущности я все таки заражен до мозгу костей моих писательством и *органически неизлечимой Литератор,* но Литература-то имянно последнее время как-то и дает мне щелчки: драмы мои, вы знаете, у меня берет и Стелловский, и Г. Хан, редактор журнала (с дурацким названием: Всемирный Труд) оба по 250 руб. сер. за печатный лист; но для обоих их стоит заставой цензура и перескочим-ли мы сей ров — еще неизвестно. Кроме сей тяжеловесной причины, мне и по другим более тонким рациям приятнее было бы напечатать мою трагедию в журнале у Г. Стасюлевича, и Вы передайте ему, что я непрочь напечатать у него мою новую историческую трагедию, тем более, что журнал его, кажется, бесцензурной, и на тех-же, разумеется, денежных условиях, за которые у меня берут и другие издатели.

Что касается до вашего желания поскорей прочесть мою трагедию, то я так хочу им злоупотребить, что вместе с этим же письмом посылаю ее к Вам: прочтите ее, посудите и с *возращением самой драмы и с сопровождением ваших замечаний напишите мне;* а также и насчет *цензурности ее поразузнайте,* она вся впрочем с *печатных документов написана.* Возвратить драму не замедлите, ибо я всеми Вашими замечаниями намерен воспользоваться, поисправить ее и в Генваре сам ее *непременно* привести в Петербург. 5-й акт в ней только еще накидан. Но довольно о делах: Как здоровье Глафиры Александровны и как вы вообще провели время в Киеве, а я все это время служил

душою вас обожающий *А. Писемский*

308. П. В АННЕНКОВУ

<8 ноября 1866 г., Москва>

Почтеннейший

Павел Васильичь

Вчера я к Вам писал одно письмо, а сегодня пришлось писать другое: только что я отправил к Вам письмо и посылку, как получил от Хана (издателя „Современного Труда“) послание, коим умоляет непременно отдать ему „Поручика Гладкова“ и так как я [некоторым образом] все таки входил с ним в некоторое соглашение касательно всех моих пиэс, а потому без всякого поводу переки<ну>ться в другой журнал неблаговидно. — Вследствие чего Вы пока ничего не говорите Стасюлевичу, а скажите только то, что я это дело оставляю впредь до моего приезда в Петербург в Генваре будущего 1867 года, что будет через каких нибудь полтора месяца. Мое же, сказать между нами, *искреннейшее секретное желание* напечатать пиэсу мою у Стасюлевича, которого журнал будет вероятно гораздо поумней Всемирного Труда. Вестник Европы, кажется, будет журнал *бесцензурный* а Всемирный Труд под цензурою пойдет — вот и повод отдать пиэсу в первой, тем более, что в цензурном отношении она несколько щекотлива.

Таким образом сыграв с Г. Стасюлевичем на полутонах, т. е. не обещав и не отказав ему в пиэсе, Вы всетаки ее прочтите, посудите, поразузнайте на счет ее цензурности и мне возвратите.

Мысленно обнимаю вас и тысячекратно жму вашу руку

любящий Вас

А. Писемский

Глафире Александровне еще от меня поклон.

309. П. В. АННЕНКОВУ

<21 ноября 1866 г., Москва>

Мой дорогой Павел Васильичь!

Душевнейшим образом благодарю Вас за ваше письмецо — все ваши замечания глубоко верны, но воспользоваться могу только 1-м и 3-м т. е. о том, что Волынский не думал никогда сам с собой о престолонаследии сыну и переделать значительно 5-й акт. Все это возможно и мною будет сделано.

Что же касается до 2 замечания о любовной сцене во 2-м акте, так тут ничего не поделаешь: во 1-х это не любовная сцена, потому что Бирон и Гладков тут *дело делают*, а не в чувствах изъясняются: *Бирон приготовляет себе шпиона, а Гладков обделывает карьеру.*

Скорость известия о казни Волынского — несчастная необходимость всякой драмы — у Шекспира в две секунды выигрываются сражения. — Об этом замечании вашем я говорил с некоторыми моими приятелями и они соглашались с справедливостью оного, и в то же время не отрицали справедливости и моих возражений. До личного свидания и до личных препинаний по сему предмету. Рукопись мою Вы, если желаете, продержите хоть весь Ноябрь, ибо в <этом> месяце мне некогда будет ею заняться.

Жена возвратилась из деревни и кланяется Вам и Глафире Александровне и желает Вам всего лучшего, а также и я того же самого.

Обожающий вас

Писемский

21 Ноября
1866.

310. П. В. АННЕНКОВУ

<30 ноября 1866 г., Москва>

Мой дорогой Павел Васильичь!

Рукопись свою я получил — благодарю, и вместе с тем я просил-бы Вас уведомить меня, делали-ли Вы легонькие разведывания на счет цензурного взгляда на мою трагедию а также не показывали-ли ее и Стасюлевичу, и вообще все, что до сего предмета касается и молил-бы Вас, подробно, подробно мне написать — за переделку я уже принялся. Буду ждать вашего доброго и обязательного ответа мне.

Обожающий вас

А. Писемский

30 Ноября
1866.

311. А. А. КРАЕВСКОМУ

<27 января 1867 г., С. Петербург>

Почтеннейший
Андрей Александровичь!

Вот какого рода обстоятельства, — как я предполагал, так и случилось: Тютчев сам сегодня заезжал ко мне и просил меня прочесть у него пиэсу мою. Для будущей судьбы этого моего детища мне необходимо прочесть его в этом

обществе и сделать я это могу только в воскресенье вечером, единственный последний день, который я еще могу пробыть в Питере, а по сему, принося милион извинений, я не могу приехать к Вам в сей вечер читать. Надеюсь, что Вы отнесете сие не к нежеланию, а к чистой необходимости. Мне вероятно скоро опять придется быть в Петербурге и тогда сам явлюсь к Вам и буду просить позволения прочесть Вам. После нашего свидания с Вами я заболел, и вот уже второй день не выхожу из квартиры.

Преданный Вам

Пятница

А. Писемский

312. Б. Н. АЛМАЗОВУ

〈1 февраля 1867 г., Москва〉

Любезнейший друг,

Борис Николаевичь!

Я вчера возвратился из Петербурга и привез тебе приглашение от Хана, (издателя „Всемирного труда“) дать что-либо из твоих стихотворений. Г-н Хан, кажется, человек весьма порядочной и честный и с ним дело можно иметь. Если ты имеешь намерение что либо уделить ему, то дай мне случай переговорить с тобой о том и ради этого назначь, когда я тебя могу застать дома и прийти к тебе, или сам приходи ко мне, или в *сегоднишную середу вечером* или в *будущую субботу обедать к 2 часам*. Адрес мой: на Поварской, в Борисоглебском переулке в собственном доме.

До свидания

Твой

Писемский

Хорошо как-бы с сим посланным прислал ответ мне.

313. М. Н. ПОХВИСНЕВУ

〈24 февраля 1867 г., Москва〉

Милостивый Государь,

Михайло Николаичь!

Вчерашнего числа ко мне приезжал с Вашим письмом Барон Бюлер. Во первых, позвольте Вас поблагодарить за сие столь приятное для меня знакомство, а [так же] во вторых, и за ваше обязательное участие к моему произведению. Верьте, что оно на всегда останется незабвенным для меня:

я прибегнул к вашему покровительству в то время, когда, от разных литературных гроз, совсем было опустил голову; но Вы заставили меня поднять ее и снова пустится в сей путь, не смотря на разные служебные хлопоты я по приезде из Петербурга успел уже написать три акта новой пиэсы из времен Стрелецких Бунтов, которую нынешнею осенью и буду иметь честь представить вашему вниманию.

Барон Бюлер пожелал, чтобы я прочел ему свою трагедию „Поручик Гладков“. Я, разумеется, изъявил на сие полную мою готовность, и в среду на первой неделе назначено у него это чтение.

За тем, прося принять уверение в совершенном моем почтении и преданности, имею честь

пребыть

Вашим покорнейшим слугою

А. Писемский

4 февраля.
1867.

314. Б. Н. АЛМАЗОВУ

⟨Февраль — март 1867 г., Москва⟩

Любезнейший друг,
Борис Николаевичь!

От Хана я опять получил письмо с запросом, не имеешь-ли ты чего прислать к нему и независимо от сего так — просто желал-бы повидаться с тобой, не посетишь-ли ты меня сегодня, сиречь в субботу, или завтра вечерком. Я все дома и никуда не выезжаю, потому что болен и лечусь.

Ответь с сим посланным когда посетишь меня.

Твой

Писемский

P. S. Я пишу еще одну новую вещь и по поводу ее желал бы поговорить с тобой и посоветываться.

315. П. В. АННЕНКОВУ

Марта 27, 1867 г. ⟨Москва⟩

Мой дорогой Павел Васильичь!

Доброта ваша бесконечна, а потому я решаюсь обременить вас превеликой моей просьбой: во первых, вместе с этим письмом я посылаю к вам посылку, в коей заключается— один экземпляр пиэсы моей Гладков для Вас, а три других для Валуева, Вяземского и Тютчева, с приложенными

к ним письмами. — Все эти письма и книги я молил-бы Вас разослать по принадлежности - от Вас весьма это близко — Вяземскому и Валуеву в дом Министра Внутр. Дел против Александринского Театра, а Тютчеву в дом Армянской Церкви на Невском; а вторая наконец просьба тоже очень великая и важная для меня: узнать в Академии от Веселовского каким образом им представлять на Уваровскую Премию пиэсы, не бывшие в Цензуре и напечатанные без цензуры, но не подвергнувшиеся никакому ни административному, ни судебному преследованию, и следует-ли их снова за тем подвергать цензуре, так как в уставе сказано — представлять *пиэсы цензурованные* и обо всем этом опишите мне, мой родной, чем Вы по гроб меня обяжите

душою вас любящий

Писемский

Наш бесценный Иван Сергеичь ⟨Тургенев⟩ захворал подагрой — я у него бываю каждый день.

Супруге вашей поклон.

316. В ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЦЕНЗУРЫ

⟨27 марта 1867 г., Москва⟩

В Главное Управление Цензуры

Литератора Писемского

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Имею честь представить в Главное Управление Цензуры два экземпляра пиэсы моей: Поручик Гладков для разрешения к представлению ее на сцену, и если таковое разрешение последует, то пропущенный экземпляр прошу препроводить ко мне в Москву, на Поварскую, в Борисоглебской переулок, в мой собственный дом.

Литератор *Писемский*

1867 г.
Марта 27 дня
Москва.

317. П. В. АННЕНКОВУ

⟨8 апреля 1867 г. Москва⟩

Мой дорогой
Павел Васильичь!

Во первых благодарю Вас за исполнение моего поручения, и во вторых от глубины души моей и с моей величайшею

радостью поздравляю Вас с тем угрожающим вам счастием — *быть отцем* — это великое счастие и великая минута в жизни — я по себе знаю! А теперь бы я попросил Вас коротенькою записочкою меня уведомить — 1-е) уехал-ли Тургенев из Питера, если не уехал, то когда едет? 2) Где вы пробудите лето — на дачу-ли переедете и куда имянно, за границу-ли уедите, или в деревню? Всем сим Вы крайне и несказанно меня обяжите

ваш

Писемский

Глафире Александровне мой поклон и поздравление.

Апреля
1867.

318. К. С. ВЕСЕЛОВСКОМУ

⟨26 апреля 1867 г., Москва⟩

Милостивый Государь,
Константин Степанович!

Имею честь представить при сем на рассмотрение Академии Наук пиэсу мою: Поручик Гладков, напечатанную в журнале Всемирной Труд в 3-м Номере сего года, для получения мне за оную Уваровской Премии 1868 года.

За тем прося принять уверение в совершенном моем почтении, имею честь пребыть

Вашего Превосходительства
покорнейшим слугою
А. Писемский

1867 года
Апреля 26 дня
Москва.

Адрес мой: в Москве, на Поварской, в Борисоглебском переулке, в собственном доме.

319. П. А. ВАЛУЕВУ

⟨8 мая 1867 г., Москва⟩

Ваше Высо⟨ко⟩превосходительство

Милостивый Государь,
Петр Александровичь!

В прошлом месяце я представлял в Главное Управление Цензуры историческую пиэсу мою Поручик Гладков для одобрения ее к представлению на сцене. — Главное Управление, как ныне известился я, большинством голосов постановило

запретить ее к постановке на театре, руководствуясь вероятно тем, что сюжет моей пиэсы никогда еще не был выводим на сцену. Не находя с своей стороны в моей пиэсе ничего, могущего служить прямой причиной <запрещения> к оглашению ее со сцены, я беру смелость прибегнуть к Вашему Высокопревосходительству и ходатайствовать, в силу дарованной Вам власти, разрешить представление моей пиэсы на театре. Вам лично известно мое литературное направление, и сколь мои труды, как писателя, не малозначительны и не слабы, но я всегда в них имел одну цель — *говорить по крайнему своему разумению, правду*, точно также смею заверить, и пиэса моя: Гладков ничего тенденционного, ничего символического и имеющего хоть малейшую возможность быть применимо к настоящему времени не представляет, а имеет в себе одно только свойство: *историческую достоверность и справедливость*. Скрывать от народа его историю, я полагаю, более вредно, чем полезно; а между тем сцена есть единственной путь, через которой масса публики может познакомиться с светлыми и темными сторонами своей прошедшей жизни, заинтересуется ею и полюбит ее: никакой умный учебник, никакая строгая школа не в состоянии сделать этого для истории!

Повергая все сие милостивому вниманию Вашему, я разрешение пиэсы моей к постановке на сцену приму новым проявлением вашей благосклонности ко мне, которая уже служила мне, а ныне еще раз послужит ободряющим средством к литературным трудам моим.

Прошу принять уверение в глубоком моем уважении, с коим и имею честь пребыть

Вашего Высо<ко>превосходительства

покорнейшим слугою

Алексей Писемский

1867
Мая 8 дня

320. А. А. КРАЕВСКОМУ

<22 мая 1867 г., Москва>

Почтеннейший

Андрей Александровичь!

Расчитывая на Ваше доброе расположение ко мне я решаюсь обратится к Вам с одною весьма покорнейшею просьбою: пиэса моя Поручик Гладков, как Вы сами уведомляли

меня, запрещена Цензурою Театр. к представлению на сцене. Для поправления сего дела, я обратился с просьбой о том к Князю Вяземскому; он с удовольствием взялся хлопотать и взял от меня к Министру полуофициальное письмо и за ответом, какой последует ему от Министра т. е. разрешит-ли он своею властию пиэсу на сцену или нет, он поручил, чтобы я попросил кого нибудь из своих петербурских знакомых заехать к нему и спросить его: „какая мо ⟨л⟩ де участь постигла пиэсу Писемского „Поручик Гладков". Живет-же Князь Вяземский теперь в Царском; Вы тоже будите жить в Царском, не будите-ли столько великодушны и милостивы, незавернете-ли к Князю и неспросите-ли его о моем грешном творении. Если же Вам почему-либо нельзя, то хоть двумя строчками уведомьте меня, что „мне мо ⟨л⟩ нельзя, неловко, не хочется", а вместе с тем я попросил бы Вас сообщить дачный адрес П. В. Анненкова; у вас вероятно есть он в конторе — я только знаю, что он теперь живет на Невском, в доме Лонгиновой и хочет переехать, а, может быть, ужь и переехал в Лесной, но на чью дачу — не знаю. Будьте столь милостивы не лишите вашего ответа на сие мое слезное послание. Пишите мне, адресуя так: на мое имя, в Москву, в Сокольники, на Ширяевом Поле, на дачу Чубарова.

Душевно преданный Вам

22 мая
1867.

Писемский

321. И. С. ТУРГЕНЕВУ

1867 года, Мая 25 дня ⟨Москва⟩

Мой дорогой Иван Сергеевичь! Наконец я переехал на дачу и собрался к Вам писать: во первых, как Вам не грех было потаить от меня [что с ка] то, с каким Вы прелестным запахом написали ваш Дым? Это так хорошо, что я бы лично и бесконечно желал с Вами говорить на эту [тэ] тему. Из слов ваших я заключил, что эта какая нибудь сердечная история и в том предположении стал читать вашу Повесть, которая, к неописанному моему восторгу, оказалась величайшею и самой едкой сатирой — виват вам! Но, но!.. Это говорю я и все, по моему по крайней мере разумению, все более умные, более образованные и более честные люди в Москве, но вся масса и челядь имянуемая читающей публикой, злится до

бешенства. — Петербурская Журналистика тоже начинает урчать, но, по обыкновению, туманно, бездарно, бестолково, но впрочем черт их всех дери! Обратимся лучше к Москве, которая совершает в настоящее время два великие дел<а>: 1-е открыла этнографическую выставку всея России — глупее, бессмысленнее, игрушечнее этого трудно что нибудь вообразить себе, так что при всем обожании всякого своего дерма Москвичи находят, что это дело вышло плоховато. 2-е *мы принимаем наших братьев Славян*. О всем этом вы вероятно читаете в Газетах, смысл этого дела, размеры и результаты его вы вероятно сами очень хорошо понимаете — и я могу сказать только одно, что в газетах нисколько не преувеличивают и только передают несколько по умней и по приличней, чем происходит на самом деле. Великие слова Русские: „*Мировой посредник*“, „*Наша меньшая братия*“, „*Наши заатлантические друзья*“ и „*Наши братья Славяне*“ должны бесмертными буквами начертаться в нашей истории по тому букету и эссенции пустозвучия и лжи, которая таится под ними. — Все эти мгновенные увлечения общества показывают никак не молодость его, а просто на просто глупость и необразование! [Но довольно. Под гнетом вот этих впечатлений мне просто хочется] Это перекидывание его, как оно прекрасно у вас выражено в Д ы м е, наконец до того мне надоело, что хочется навсегда кончить мое писательство. — Гнев на ваш последний Роман как нельзя [нагляднее] яснее показал с кем и с какой публикой имеет писатель настоящего времени дело, а критика [хорошего] и публициста поумней и почестней, которой бы хорошенько прикрикнул и растолковал суть дела — нет! До свидания, мой дорогой, будущим летом вытянусь до последних кишек, да приеду к Вам в Баден.

Обожающий вас

Писемский

Пиэс моих не посылаю, потому что не решил еще вопроса, что их *безвредно* можно напечатать за границей.

Напишите мне незамедля хоть несколько строчек об себе.

Адрес мой: в Сокольники, на Ширяево поле, на дачу Чубарова.

322. П. В. АННЕНКОВУ

〈25 мая 1867 г., Москва〉

Почтеннейший и милейший сердцу Павел Васильичь!

Я узнаю, узнаю адрес вашей дачи и не от кого не могу узнать, а потому пишу это письмо уже на авось в Англинский клуб, может быть, и дойдет как нибудь.

Первое: как здоровье вашей супруги и переехали-ли Вы уже на дачу, а мы уже переехали и ежели [вздумае] будите так добры уведомить как и об Вас самих, так и об адресе вашей дачи, чтобы я мог переписываться с вами в продолжении лета, то пишите на мое имя, в Москву, в Сокольники, на Ширяево Поле, на дачу Чубарова и, бога ради, не замедлите мне ответить, ибо я имею крайнюю надобность отнестись к Вам с просьбою об одном делишке своем в Питере.

В последнем письме вашем Вы меня спрашивали об Тургеневском Дыме. Вы вероятно и прежде догадывались о том, что я нахожу это [одную] одною из лучших, умнейших и блестящих сатир, когда либо написанных на нашу неумную родину. В Москве все люди поумней и почестней за нее, вся самолюбивая и лживая челядь рычит против [про] повести.—Вместе с этим письмом я пишу письмо и к Тургеневу и между прочим описываю как вся Москва беснуется с *братьями Славянами* так, что уже те начинают подозревать что, все эти выходки или глупы или неискренни и фальшивы. Буду ждать хоть коротенького вашего ответа.

Ваш

Писемский

25 мая
1867.

323. П. В. АННЕНКОВУ

〈31 мая 1867 г., Москва〉

Любезнейший Друг
Павел Васильичь!

Не знаю как и благодарить Вас за ваш скорый ответ. Просьба моя к Вам будет состоять в следующем: пиэса моя Поручик Гладков, как Вы, я думаю, уже и слышали, запрещена для сцены; но в Москве был князь Вяземский. Я обратился к нему с сим моим горем и он взялся мне похлопотать у Министра Внутренних Дел Валуева с тем чтобы тот своей Министерской властью не пропустит-ли моей пиэсы к представлению на сцене и князь поручил мне, чтобы я попросил

кого либо из своих знакомых зайти к нему узнать о последствии этого ходатайства. — Я просил было взять это на себя Краевского, который и живет, кажется, в Царском Селе, где живет и князь Вяземский во дворце при императрице; но великий издатель Голоса и не отвечает даже на это мое письмо; не хочет-ли, не умеет-ли или боится исполнить мою просьбу — не знаю! Находясь в сих жестоких обстоятельствах, молю слезно вас о том-же т. е. съездить в Царское Село к Вяземскому и спросить его об результате принятого им ходатайства о моей пиэсе и что он вам скажет — уведомить меня о том. Мне очень совестно, что я утруждаю Вас такой моей просьбой; но видит бог, некого о том попросить. Буду ждать вашего милостивого ответа и молиться за здоровье и благополучное разрешение вашей супруги.

Душевно преданный

Вам

Писемский

31 Мая
1867 года.

324. П. В. АННЕНКОВУ

<21 июня 1867 г. Москва>

Мой дорогой Павел Васильичь!

По делу о моей пиэсе не хлопочите во первых потому что я получил уже официальное уведомление, что она прихлопнута окончательно для представления на сцене, а во вторых, Краевский был уже у Вяземского, и тот ему сказал, что хлопотал у Валуева, но безуспешно, — словом это дело уже конченное не в мою пользу. Как Вы поживаете на даче? А я скверно, потому что все служу и целый день в городе. Семья моя уехала в деревню, куда и я намерен отправиться на месяц и жду сего с нетерпением. Старший сын мой Павел кончил курс в Гимназии первым и выпущен с золотой медалью и с 14-м класом и поступил на Юридический Факультет, младший Николай тоже перешел первым в 6-й класс — все сие только и утешает меня бесконечно на склоне дней моих и посреди разного российского безобразия. Покл<он>итесь вашей супруге

Душевно преданный

Вам

Писемский

21 Июня

325. И. С. ТУРГЕНЕВУ

<5 июля 1867 г., Москва>

Мой дорогой Иван Сергеевичь!

Пишу это письмо к Вам перед отъездом своим в деревню. Мои уже недели три как уехали туда, а теперь и я, оторвавшись от службы, еду к ним на месяц. Старший сын мой Павел кончил курс в Гимназии 1-м, с золотой медалью и с чином 14-го класса и поступил на Юридическої Факультет в Университет, и поэтому поводу я имею к Вам великую, превеликую просьбу: сей вышереченный сын мой к наукам склонность великую имеет: нарочито [буду] познако<ми>вшись с литературами Французской, Немецской (в подлинниках) и Англинскою в переводах, он взор свой устремляет к философии и при сем показывает немалое остроумие, заниматься умственными предметами он может по 12 часов в день с великой охотою. — Таковые данные в сем юнце; но в Университете вы знаете учат мало, я боюсь, что при сей легости занятий, он не привык бы к праздности, ради чего и стремлюсь всеми силами, чтобы дать ему занятие окромя Университетских лекций. Сие возможно только тогда будет, когда профессора укажут ему на источники; а посему я покорнейше просил бы Вас написать Чечерину о моем Павлушке и попросить его обратить на сего юношу несколько исключительное внимание. С Вами Чечерин хорош, и вашей рекомендации поверит. Если Вы будете писать ко мне, то до конца Августа адресуйте пока по прежнему: на мое имя, на Ширяево Поле, в Сокольники, на дачу Чубарова, а ужь отсюда ко мне доставят его.

Кроме сего не можете-ли вы сами указать на хорошие книги по Юридической части и на последнее слово сих наук; я бы их преобрел для моего будущего Юриста. Буду ждать вашего ответа

до глубины души
Вас
любящий
Писемский

5 Июля
1867 г.

326. П. В. АННЕНКОВУ

〈9 августа 1867 г., Москва〉

Любезнейший друг,
Павел Васильичь!

Пишу к Вам это письмецо, сжигаемый нетерпением узнать, как, где и что Вы поделываете и первое самое дело, разумеется, как здоровье вашей супруги? Что касается до моего семейства, то оно еще в деревне. Я к ним тоже ездил на месяц и возвратился оттуда больной, так что по возвращении в Москву едва поправили меня, но и до сих пор сижу на диэте, которую, кажется, придется сохранять всю остальную жизнь. Напишите мне о себе хоть строчку, адрес мой пока тот же, но если Вы будите писать после 20 Августа, то адресуйте уже в город, на Поварскую, в мой собственный дом. До свидания

душевно Вам
преданный

9 Августа. *Писемский*

327. И. С. ТУРГЕНЕВУ

1867. Августа 9. 〈Москва〉

Мой дорогой Иван Сергеевичь!

Я к Вам писал письмо и еще с просьбою, не знаю дошло-ли оно до Вас, и если дошло, то я просил-бы выполнить мое прошение, если же нет, то уведомьте меня, бога ради, и я повторю Вам мою просьбу. Я ездил в деревню, и уже возвратился оттуда, но только больной, в деревне сделалось у меня такое расстройство желудка, что ничем унять не могли, и только уже по возвращении в Москву посредством слизистых отваров и опиума утишили желудочное раздражение и теперь я пребываю на полнейшей диэте, которую, кажется, должен буду сохранять всю остальную жизнь, если хочу хоть сколько нибудь здоровым быть. Просьба моя собственно состояла вот в чем: старший сын мой Павел, вышедший из Гимназии первым и с золотой медалью поступил в Университет на Юридической Факультет и я просил у вас письмеца к Чечерину, чтобы он принял его несколько под свое покровительство, т. е. помимо лекций поруководствовал бы его,

указал на источники. Если можно это Вам сделать, то, пожалуста, сделайте! Этим Вы крайне и несказанно обяжите

душею Вас любящего и преданного

Вам

Писемского

Адресуйте мне теперь таким ужь образом: в Москву, на Поварскую, в Борисоглебской переулок, в собственной дом.

328. П. В. АННЕНКОВУ

<29 августа 1867 г., Москва>

Любезнейший друг,
Павел Васильичь!

Спешу, немедля ни минуты, поздравить Вас с великим делом — благополучного рождения дочери. Жена моя, а такожде и все дети поздравляют Вас о том-же!.. Мы только вчера, в самый момент получения от Вас письма, возвратились из деревни. Павел уже студент, медаленосец еминент и чиновник 14-го класса. Сам же я все болен: подводится, видно, итог разного рода горь, грехов и трудов!

Скажите мне, бога ради, что нибудь о Тургеневе. Я писал к нему два письма, весьма нужных для меня и <ни> на одно из них от него ни строчки — что это значит — не болен - ли он или не уехал-ли куда нибудь из Бадена, уведомьте меня, пожалуста.

Глафире Александровне от меня и от жены принесите наше душевное поздравление и пожелайте, чтобы она встала здорова и бодра с своего нынешнего одра.

За тем, да хранит Вас бог,

1867
Авг. 29.

ваш

Писемский

329. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

<18 ноября 1867 г., С. Петербург>

Любезный друг,
Александр Николаичь!

П. А. Валуев, у которого я был сей час, поручил мне сказать тебе, что вчера он был у Толстого на твоем чтении и прослушал только первый акт, но это он сделал потому что решительно не имел времени, так как он целый день

пробыл в Царском, и дома его ожидала пропасть бумаг; но и из того что он слышал — он вполне остался доволен совершенно руской речью, полнейшим отсутствием какого либо иностранного оборота — словом все очень ему понравилось. Это подлинные его слова, которые он и просил меня передать тебе.

Преданный тебе

Писемский

1867 г.
Ноября 18.

330. О. А. НОВИКОВОЙ

<20 ноября 1867 г., С. Петербург>

Имею честь препроводить Вам при сем песню из моей драмы. Когда Вы будите в Москве я надеюсь, что Вы неприменете дать мне знать о сем и я непременно явлюсь к Вам, что и исполнил <бы> и здесь в Петербурге, но сей час держу путь в Москву.

Прошу принять уверения в совершенном моем почтении и преданности, с коими имею честь быть

Вашим
покорнейшим слугою
А. Писемский

Понедельник
1867
20

Адрес мой: в Москве, на Поварской, в Борисоглебском переулке, в собственном доме.

Как в лесу, лесу с перелесками
Народил орел все орлят своих,
Бил орлами он воронье поганое,
Воронье поганое — турков с шведами:
Отлетел орел в царство божие,
Налетел на орлят черно́й ворон,
Стал орлят он бить-надругатися,
В кандалы-тюрьмы их ввергаючи,
В кандалы-тюрьмы их и ввергаючи
Над орлятами стал ругатися.

А. Писемский

331. П. В. АННЕНКОВУ

<1 декабря 1867 г., Москва>

Мой дорогой и любезнейший Павел Васильичь!

Не замедляю ответить на ваше письмецо; я перед вами не совсем виноват, потому что заходил к Вам перед отъездом, но не мог добиться где вы, и про Глафиру А<лександро>вну сказали, что она у маленкой, и я уже не посмел ее оторвать от сего любезного для матери дела. Предположения мои и желания в Петербурге не увенчались никаким почти успехом. Похвиснев хотя и изъявил полное желание и удовольствие принять меня в свою среду, но Министр сказал: ни то, ни се и отпустил меня в Москву с такой фразой, что будет меня иметь в виду. Фраза, как известно, весьма растяжимая и для искателей обыкновенно не сопровождающаяся никаким успехом — [и как] [здешняя же служба] а как приятна здешняя служба, вы сами можете судить из анекдота о Филарете — все это повергло меня не то, что в грусть и печаль: от русской жизни я ожидаю всяких пакостей! Но я впал в апатию и конечно весьма долгое время не соберусь ничего делать, и ничего предпринять... Ко всему это<му> по возвращению в Москву нашел жену несовсем здоровой, у нее сначала глаз болел, а потом нервы растроились. Детки же здоровы и по прежнему милые и умные ребята — с ними только я и блаженствую.

Глафире А<лександро>вне от меня и жены большой поклон, а за тем да хранит вас бог

1867 душевно преданный
Декабря 1. Вам *Писемский*

332. П. В. АННЕНКОВУ

<28 января 1868 г., Москва>

Мой дорогой Павел Васильичь!

Как-то Вы поживаете? Что ваша супруга и дщерь? А я, что не возвратился из Питера, пребываю в служебных занятиях — новый Губернатор, возня, хлопотня со всяким вздор<ом>, а важным и ответственным заняться некогда, так что как не велико мое терпение, но начинает наконец лопать — от пребывания в сей глупой клоаке... Не увидите-ли Вы как нибудь в клубе Похвиснева; спросите, бога ради, [переве] есть-ли надежда, что меня когда нибудь переведут в Цензоры и мелкает-ли хоть вдали возможность что ваканция очистится

в Москве, по крайней мере я буду терпеть настоящее мое горестное положение хоть с какой нибудь надеждой впереди. Когда Вы его спросите, и что он вам скажет, не поленитесь меня уведомить. Об Москве я ничего не могу сказать Вам интересного, отчасти и потому, что по случаю сквернейшего душевного состояния моего я никуда не езжу и никого не вижу.

До свидания, мой почтеннейший, да хранит Вас бог — поклонитесь от меня и от жены вашей супруге.

Душевно преданный

Вам

А. Писемский

1868 года
Генваря 28.

333. П. В. АННЕНКОВУ

⟨9 марта 1868 г., Москва⟩

Мой дорогой
Павел Васильичь!

По дошедшим до нас слухам, в Питере в наших властях приготовляется перемена: Валуев уходит с горизонта и на место его аки бы восходит Тимашев — правда-ли это?.. Мне что-то помнится, что Вы с Тимашевым были знакомы — что это за господин и как он относится, например, к Литераторам и Литературе? и главное меня интересовало-бы знать, остается-ли при нем Похвиснев или нет — и могу-ли я хоть когда нибудь надеятся попасть в Цензоры — все это, мой почтеннейший и добрейший Павел Васильичь, вы по некоторым слухам и фактам можете сообразить и крайне бы меня обязали, если бы уведомили о том. Что касается до меня, то я поживаю весьма скверно [и], служба моя, по своей бестолковой ответственности, решительно меня измучила. Буду ждать с нетерпением вашего ответа, остаюсь

душей любящий и преданный вам

Писемский

Супруге вашей мое почтение от меня и от жены.

9 марта
1868
Москва.

334. А. А. МАЙКОВУ

⟨6 мая 1868 г., Москва⟩

Посылаю тебе, любезный друг, письмо Хана; он его, кажется, писал, неполучив еще моего письма. — Когда он приедет в Москву, я повещу тебя.

Твой *Писемский*

335. А. А. МАЙКОВУ

〈19 мая 1868 г., Москва〉

Любезный друг,

Аполлон Николаевичь!

Приехал Хан и привез тебе и деньги и оттиски, а тебя и желает очень [т] с тобой видеться; ради чего я и устроиваю у себя собрание во вторник будущий, сиречь, 21 числа, в семь часов вечера; а потому изволь непременно же приезжать, будем ждать тебя непременно.

Твой

19 Мая *Писемский*

336. В ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЦЕНЗУРЫ

〈28 мая 1868 г., Москва〉

Имею честь представить при сем пиэсу мою: „Бывые соколы" для просмотра ее и пропуска к постановке на сцену Петебурского и Московского театров и вместе с тем покорнейше прошу, в случае разрешения пиэсы моей к представлению на театре, один экземпляр ее, обозначенный именем подлинника, препроводить в Дирекцию императорских С. Петербурских Театров на имя начальника репертура Павла Степановича Федорова, которому я тоже вместе с сим заявляю о желании моем поставить пиэсу мою на сцену императорских театров. Касательно же того будет-ли пиэса моя разрешена к постановке на сцену, а равно если бы для этого потребовались перемены какие нибудь в ней, я прошу сообщить мне по местожительству моему в Москве, на Поварской, в Борисоглебском переулке (арбатской части, 1-го квартала), в собственном доме.

А. Писемский

1868 года
Мая 28
Москва

337. П. С. ФЕДОРОВУ

〈28 мая 1868 г., Москва〉

Милостивый Государь,

Павел Степановичь!

Вместе с настоящим письмом моим к Вашему Превосходительству я представляю в Главное Управление Цензуры новую пиэсу мою: Бывые соколы, и в случае разрешения ее к постановке на сцену прошу Управление препроводить оную в Дирекцию императорских С. Петербурских

театров на ваше имя; а Вас утруждаю моей покорнейшею просьбою внести ее в Литературно-театральной Комитет для одобрения и приема на сцену петербурских и московских театров. Я желал-бы чтобы пиэса моя шла в бенефис г. Васильева, которому я об этом и пишу вместе с этим письмом.

Ваше благосклонное внимание, которым я всегда имел честь пользоваться в отношении моих литературных трудов, дают мне надежду, что Вы окажете Ваше просвещенное содействие к приему и постановке моей пиэсы на сцену.

Прося принять уверение в совершенном моем почтении и преданности, с коим и имею честь быть

Вашего Превосходительства
покорнейшим слугою
А. Писемский

28 мая
1868
Москва

Адрес мой: на Поварской, в Борисоглебском переулке, в собственном доме.

338 А. А. КРАЕВСКОМУ

<28 мая 1868 г., Москва>

Почтеннейший
Андрей Александровичь!

Будучи уверен в вашей не миновавшей еще ко мне приязни, обращаюсь к Вам с мо<е>й просьбой: долгие размышления о пиэсе моей „Бывые Соколы“ дали мне возможность не только смягчить сужет ее (я вам года три тому назад читал эту пиэсу), но даже возмущающий мотив кровосмешения совершенно исключить из нее, так что пиэса вышла не только совершенно цензурная для печати, но даже возможная для постановки на сцену, вследствии чего я вместе с этим письмом и посылаю ее в Главное Управление Цензуры для разрешения ее к постановке на сцену, и когда она там будет пропущена, то будет препровождена к Павлу Степановичу Федорову для просмотра в Литературном Комитете; вот где я и прошу Вас похлопотать, чтобы враждующая за что не знаю против меня актерская партия в Комитете не задушила моей пиэсы и даже просил бы у вас совета; не должен-ли я о пиэсе моей, когда она будет пропущена Цензурой, написать Директору Гедеонову, который, по всем отзывам, человек весьма хороший? Пиэсу мою я желал бы отдать на бенефис Васильеву,

который и должен будет играть в ней главную роль и которому я тоже вместе с этим письмом пишу. Если Вы имеете возможность похлопотать в Главном Управлении, то и там похлопочите и будьте столько великодушны и благорасположительны ко мне, что уведомьте меня о ходе сего дела.

Душею вам преданный
и
искренно вас уважающий
А. Писемский

1868 г.

Адрес мой: в Москву, на Поварскую, в Борисоглебском переулке, в собственном доме.

339. М. Н. ПОХВИСНЕВУ

⟨31 мая 1868 г., Москва⟩

Милостивый Государь,
Михаил Николаевич!

Вслед за прежним письмом моим я решаюсь снова обратиться к Вашему Превосходительству с моим всепокорнейшим ходатайством: известился я, что из здешнего Цензурного Комитета выходит цензор Рахманинов; Вы были так благосклонны ко мне, что обещали меня назначить в цензоры, как только на эту должность откроется ваканция; Генерал-Губернатор, по прежнему, желает этого назначения для меня.

Представляя всё сие милостивому вниманию вашему беру смелость еще раз повторить мою просьбу о назначении меня на вышесказанную должность.

За тем, принося мое глубокое уважение, имею честь пребыть

Вашего превосходительства
покорнейшим слугою
А. Писемский

1868 года
31 Мая

340. П. В. АННЕНКОВУ

⟨1 июня 1868 г., Москва⟩

Почтеннейший
Павел Васильичь!

Опять старая просьба: здесь выходит в отставку цензор Рахманинов; мне вы знаете была ⟨обещана⟩ открывшаяся ваканция; а потому повидайте Похвиснева и попросите его за меня и что он Вам скажет, уведомьте меня. Я сам писал об

этом Похвисневу, но вам он скажет откровенее, а мне вероятно ничего не напишет. Где вы? на даче или нет? А я живу в городе и торопясь пишу это письмо к Вам в Английской клуб. Буду ждать вашего ответа

Ваш

Писемский

341. Б. Н. АЛМАЗОВУ

⟨12 июля 1868 г., Москва⟩

Любезный друг,
Борис Николаевичь!

Кашпирев сам приехал в Москву и сегодня, сиречь, в Пятницу будет у меня вечером, но то горе, что я ему буду читать начало моего романа. — Если тебе не очень ужь будет скучно прослушать меня во второй раз, то приходи; а тебе-бы не мешало повидаться с Каш⟨п⟩иревым: он предполагает предложить тебе по 30 к. за стих и вероятно сам будет у тебя, он приехал сюда дня на три —

твой

Пятница.

Писемский

342. П. В. АННЕНКОВУ

⟨16 июля 1868 г., Москва

Мой дорогой
Павел Васильичь!

Как я рад, что вы приехали в Москву и, как мне сказал Кашпирев, даже думаете поселиться в какой нибудь подмосковной даче. Я сам бы сей час явился, но живу на даче, лечусь и сильно занят по службе, а потому до присутствия придти некогда, а после присутствия страшно устаю и сей час же уезжаю на дачу. Не будите-ли так добры — не завернете-ли ко мне вечерком на дачу; я живу в Сокольниках в Ивановской улице близь Старого гулянья, дача Фомина.

До свидания

ваш

Писемский

343. И. С. ТУРГЕНЕВУ

⟨17 июля 1868 г., Москва⟩

Мой дорогой Иван Сергеевичь!

Вчера проехал через Москву Анненков и я ему читал свой Роман и он мне сделал между прочим такое замечание: после 2-х объективных глав об Имплеве идет собственно уже от

автора расказ его любви с Аннушкой, расказ о рождении ее дочери, об его отношениях к Княгине. Все сие по его мне⟨нию⟩ ослабляет дело и одна только глава эта выска⟨ль⟩зывает так сказать из объективной формы и является какою-то *деланною* — напишите мне об этом ваше мнение, как и вы на сие смотрите. — Расказать эту историю и чисто объективно я найду место. А также напишите мне и то место из Виктора Гюго, которое Вы мне приводили о летящей Славе, имянно то место, где поэт говорит что Слава летит выставивши титьки вперед, — мне это нужно. До свидания пока. Писать более решительно нечего; как вы доехали — благополучно-ли и здоровы-ли?

Ваш

Писемский

17 Июля
1868.

344. В ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ

⟨20 августа 1868 г., Москва⟩

Имею честь при сем вновь представить пиэсу мою: Бывые Соколы, каковую я, согласно с указаниями Совета изменил; а именно упоминание имя Муравьева, чтение псалтыри ⟨и⟩ проклятие сына отцу совершенно уничтожил, а убийства совершаются теперь ужь не на сцене.

По окончательному утверждению пропуска моей пиэсы на сцену, я покорнейше прошу препроводить оную в Дирекцию императорских театров на имя Павла Степановича Федорова или на имя председателя Литературно-Театрального Комитета Г. Юркевича и когда оная будет отослана почтить меня уведомлением.

Алексей Писемский

20 Августа
1868.

345. Н. С. ЛЕСКОВУ

⟨24 сентября 1868 г., Москва⟩

Тысячекратно, почтеннейший Николай Семеновичь, благодарю Вас за хлопоты по моим делам: я почти ожидал, что театральный комитет мне напакостит, ибо там говорят сидят какие то заклятые враги мои, но кто собственно они не знаю и я просил бы Вас теперь допытать только одно: по своему-ли собственно вкусу Комитет запретил мою пиэсу или это было желание директора; если только [он] Комитет запретил [только] пиэсу по собственной инциативе, так на них можно еще

будет жаловаться Директору, но если же и сей последний с ним в стачке или даже запевало в этом деле, так об этом и хлопотать больше нечего. Вместе с тем я просил бы Вас уведомить меня, что когда выйдет объявление об вашем журнале Заря и получено-ли на него разрешение — этим делом я гораздо более интересуюсь, чем театральною судьбой моей пиэсы. Клюшников мне говорил, что Вы будите так добры что можете мне прислать все ваши сочинения, о чем я усердно Вас прошу, потому что некоторых из них я совсем не читал. Об пиэсе моей Вы прямо спросите Федорова: кто ее запретил, Комитет или [Федоров] Директор и можно-ли это дело поправить как нибудь?

Душевно преданный

24 Сент. в<ам>

Писемский

346. Н. С. ЛЕСКОВУ

<Октябрь 1868 г., Москва>

Еще раз благодарю вас, почтеннейший Николай Семенович, за ваше доброе участие в моей пиэсе, и я сам думаю по приезде моем в Петербург, похлопотать об ней немного; хотя, признаться сказать, не питаю особенно сильного желания поставить ее на сцену, ибо видеть как бурдины и тому подобные бездарности будуть воспроизводить ваше произведение на сцене никому не лестно. Об вашем Расточителе я ничего не слыхал, но, может быть, это потому что я ни с кем из театрального мира не вижусь и ни с кем не имею никаких человеческих [сно] отношений, потому что все почти они делали против меня мерзости не менее петербургских актеров. Приехать в Петербург думаю в конце ноября и привезу с собою вероятно части четыре окончательно уже отделанные моего Романа, над которым я теперь и корплю —

душевно преданный

Вам

Писемский

347. П. В. АННЕНКОВУ

<Конец ноября 1868 г., С. Петербург>

Павел Васильичь! Я был у вас, но не застал вас дома. Завтра около этого же времени опять заверну. Остановился я на той-же Малой Морской, в Гостиннице Париж в 29 №

ваш *Писемский*

348. Н. Н. СТРАХОВУ

⟨27 февраля 1869 г., Москва⟩

Милостивый Государь,
Николай Николаевичь!

Обращаюсь к Вам с превеликою моей просьбою: я в романе моем теперь дошел до того, чтобы групировать и поименовывать перед читателем те положительные и *хорошие* стороны Русского Человека, которые я в массе фактов разбросал по всему роману, о том-же или почти о том-же самом придется говорить и Данилевскому, как это можно судить по ходу-то статей. — Вы, кажется, знаете их содержание: не можете-ли вы хоть в кратце намекнуть мне о тех идеалах, которые он полагает живут в Русском народе и о тех нравст⟨в⟩енных силах, которые, по преимуществу, хранятся в Русском Народе, чтобы нам поспеться на этот предмет и дружнее ударить для выражения направления вашего журнала. Вообще статьи Г-на Данилевского производят в мыслящих кружках здесь большое впечатление: об них говорят, спорят, соглашаются с ними и несоглашаются!... Будьте столько добры — почтите меня вашим ответом и дайте мне возможность пояснее послужить направлению Зари. Адрес мой: в Москве, на Поварской, в Борисоглебском переулке, в собственном доме.

Искренно уважающий вас и преданный Вам

А. Писемский

1869 г.
февраля 27.

349. О. А. НОВИКОВОЙ

⟨22 марта 1869 г., Москва⟩

Милостивая Государыня, Ольга Алексеевна!

Имею честь представить Вашему вниманию экземпляр печатающегося моего Романа. Василий Владимирович Кашпирев был так добр, что сам обещался доставить его Вам. Крайне бы желал знать ваше мнение о моем новом труде, а потому не будите-ли Вы столь милостивы ко мне, чтобы написать мне его совершенно откровенно в Москву, на Поварскую, в Борисоглебской переулок, в мой собственный дом,

на мое имя: поездка моя в Петербург, может быть, состоиться, а, может быть, даже и нет!

При желании Вам всего лучшего остаюсь с глубоким моим уважением

Ваш покорнейший слуга

А. Писемский

22 Марта 1869.

350. Н. Н. СТРАХОВУ

⟨3 апреля 1869 г., Москва⟩

Многоуважаемый

Николай Николаевичь!

От души благодарю Вас за ваше письмо и настоящим моим посланием хочу сообщить Вам одну мою мысль: в Москве появилась книжка под заглавием: Материалы для характеристики Современной Русской Литературы, содержащая в себе объяснения г.г. Антоновича и Жуковского с Некрасовым: книжка эта вероятно есть уже и в редакции и я полагал бы необходимым огласить ее в Заре с целию [объяснить] раскрыть читателю всю ту газетно-журнальную интригу, устроенную г. Краевским в Отечеств. Записках, Голосе, Искре, Неделе и Петерб⟨ург⟩ских Ведомостях, которая очень подробно объяснена в этой книжке и от которой немало потерпела Заря, а во вторых, чтобы раскрыть вполне ужь сих милых литературных деятелей. Сделать это весьма легко: стоит только произвести несколько попикантнее выписок — и все будет понятно читателю — право сделайте, это будет очень полезно для Зари. Публика нагляднее увидит какого рода ваши порицатели.

Дружески жму вашу руку

искренно Вас уважающий

Писемский

Апреля 3-го 1869

351. О. А. НОВИКОВОЙ

⟨12 апреля 1869 г., Москва⟩

Милостивая Государыня,

Ольга Алексеевна!

Спешу поблагодарить Вас за письмецо ваше, в котором Вы так благосклонно отозвались о моем романе; весьма желал-бы сделать это лично и может быть застану еще Вас в Петербурге, в которой вероятно приеду 8 или 9 Мая; но

теперь несколько слов о Людях Сороковых Годов: говорят испоконь веков ведется, что старики хвалят себя и бранят молодое поколение и в том и другом случае, разумеется, несправедливо; но вряд-ли это так в отношении Людей Сороковых Годов: они в самом деле были лучше или по крайней мере поэтичнее нынешних юношей, которых очень много портит, (вы вероятно удивитесь моей мысли, но я совершенно убежден в справедливости ее) очень много портит развитие *газетчества,* и вообще-то газета, сделавшаяся в последнее время царицею и правительницею всего мира если и приносит человечеству пользу, то решительно только с материальной стороны, но никак ни для умственного или какого либо иного духовного развития, но для нашего же русского, молодого общества, для нашей все таки бывшей до последних годов весьма честной литературы она явилась безусловно пагубною: наши газеты и газетишки всевозможных направлений опошлили толки и суждения об литературе до гадости, унижают истины науки, произнося их своим фельетонным, изболтавшимся язычишком, распространяют в обществе страсть к сплетням, к скандалу, ко вздору и, что печальнее всего, всему этому и конца не предвидиться, а напротив все больше и больше будет распространяться и есть надежда, что современем все наше общество поглупеет до умственного уровня фельетона — зрелище почти страшное!

Кстате еще: потрудитесь приобрести себе и прочесть книжку под заглавием: Материалы для Истории Русской Литературы (письма Антоновича и Жуковского); она хорошо характеризует одного нашего поэта и теперешнего его друга соиздателя!

За тем принося мое глубокое уважение, пребываю

Москва.
1869
Апреля 12.

Вашим
покорнейшим слугою
А. Писемский

352. И. И. ЛАЖЕЧНИКОВУ

〈отрывок〉

〈3 мая 1869 г., Москва〉

... Но, при всей вашей наклонности изображать добрую и хорошую сторону души человеческой, вы в лучших ваших произведениях совершенно избавились от несвойственной русскому человеку мечтательности Жуковского. Перед вашими

товарищами романистами вы имели огромное преимущество: добродушного Загоскина вы превосходили своим образованием и уж, разумеется, как светоч ничем незапятнанной честности, горели над темною деятельностью газетчика Булгарина; в ваших произведениях никогда не было бесстрастных страстей Марлинского и его фосфорического блеска, который только светил, но не грел; ваша была теплота была сообщающаяся и согревающая. Вы ни разу не прозвучали тем притворным и фабрикованным патриотизмом, которым запятнал свое имя Полевой, и никогда не рисовали, подобно Кукольнику, реторически-ходульно-величавых фигур...

353. Б. Н. АЛМАЗОВУ

<4 мая 1869 г., Москва>

Милейший друг,

Борис Николаевичь!

Мы с тобой тысячу лет не видались; приезжай, пожалуста, в следующую середу; я скоро еду в Петербург и не пошлешь-ли ты что нибудь со мной для З а р и. Пожалуста, приезжай.

Твой

Воскресенье *Писемский*

354. Н. Н. СТРАХОВУ

<1 июня 1869 г., Москва>

Многоуважаемый

Николай Николаичь!

Я известился, что Кашпирев, по случаю смерти своего тестя, уехал из Петербурга в деревню недели на две, а между тем мне прислана была через Господина Боруцского, Главного Контролера сп<альны>х Вагонов, корректура моего романа, каковую я исправил и сего числа снова отправил [с] в Петербург для передачи ее в редакцию Зари тому-же Г. Борицскому, а вместе с тем написал и Клюшникову письмо об отправке корректуры, в котором просил его уведомить меня о получении корректуры, но сей час мне сказали, что и Клюшникова видели в Москве — кто-же теперь в Редакции остался? Одни вы, а потому и извещаю вас об отправке моей корректуры обратно к Г. Боруцскому и вместе с тем убедительнейше прошу вас известить меня о получении этой корректуры, а также о том, когда вернется Кашпирев в Петербург и к кому мне относиться по разным вопросам

касательно печатания моего романа и где наконец печа<та>ется Заря, так как говорят она типографию Майкова оставила и перенесена в другую типографию — ничего этого я положительно не знаю и обо всем этом только доходят до меня темные слухи. — Будьте великодушны, уведомьте меня обо всем этом поподробнее.

Остаюсь в ожидании вашего обязательного ответа

глубоко
вас уважающий
Писемский

Июня
1869

355. Н. Я. МАКАРОВУ

<8 августа 1869 г., Москва>

Милостивый Государь,
Николай Яковличь!

П. В. Анненков говорил мне о своем желании поместить в журнале Заря свою статью об романе Гончарова: Обрыв; я писал об этом в редакцию и получил оттуда ответ, что они статью Павла Васильича напечатают с великим удовольствием и просят его только не замедлить в этом случае, а потому потрудитесь как нибудь дать знать Анненкову, чтоб он эту статью доставил мне в город, на Поварскую, в Борисоглебской, в мой дом, куда я в будущий понедельник, т. е. 11-е августа сам окончательно переселяюсь с дачи.

Прошу принять уверение в совершенном моем уважении

Ваш
покорный слуга
Писемский

Пятница

356. В. Г. АВСЕЕНКЕ

<26 декабря 1869 г., Москва

Адрес мой: Поварская, Борисоглебской переулок, собственный дом.

Почтеннейший Василий Григорьичь!

Не замедляю отвечать на ваше письмо и прямо начну с того, что о вашем намерении издавать чисто беллетристический журнал я долго думал и пришел, надо признаться, к весьма неутешительным соображениям. Главное, где Вы наберете материалу в этом роде?.. Много-ли у нас беллетристических деятелей и в каком они положении?.. Тургенев, кажется, совершенно искренно объявляет, что он кончает свою литературную деятельность; Гончаров, головой можно пору-

читься, раньше десяти лет в печати не покажется; не весьма можно надеятся и на плодовитость Достоевского; Островский, как вам известно, принадлежит к враждебному лагерю; Лев Толстой, как я слышал, затевает что-то такое сам издавать; Клюшников, при своем редакторстве, вряд-ли что напишет; он не кончил еще романа своего для Зари; что до меня касается, то прежде всего я должен сказать, что у меня в настоящее время ничего нет и кроме того, я к Заре привязан если не юридически, то нравственно: я получил от Кашпирева такую значительную сумму денег, что почти обязан всеми своими слабыми силами помогать его делу — чувство это, я надеюсь, вы сами хорошо поймете и одобрите его. В гораздо более привлекательном свете является мне ваше бывшее намерение сойтись с Кашпиревым, о котором я слышал еще в Петербурге: что вы вашим материальным и нравственным участием принесете Заре огромную пользу — в этом я почти твердо убежден и об этом вашем намерении говорил даже, в бытность мою в Петербурге, с Кашпиревым и, как мне показалось из его слов, он весьма был-бы непрочь от того, а в настоящее время будет вероятно еще податливей. Не найдете-ли Вы возможным возобн<ов>ить опять с ним переговоры по сему предмету. Право, кажется, это дело будет [возмо] полезнее для обоих сторон. Заря все таки несколько уже журнал определившийся и устоявшийся и исправить ее и помочь ей будет гораздо легче, чем затевать новый журнал, который в Петербурской литературе возбудит брань, а Заря уже оттерпелась в этом отношении. Что Кашпирев человек весьма хороший и честный — в этом сомнения нет, что он желает улучшения и оживления своему журналу — это тоже несомненно, следовательно, весь вопрос между вами будет заключаться в денежных условиях, но и тут, я полагаю, Кашпирев не будет слишком требователен.

Вот вам совершенно откровенное мое мнение — напишите мне, как и вы думаете и на чем остановятся ваши намерения. Остаюсь с душевным пожеланием всего Вам лучшего

искренно преданный
и уважающий вас
Писемский

1869 г.
Декабря 26
Москва.

P. S. С большим интересом буду ожидать вашего ответа.

357. П. В. АННЕНКОВУ

⟨2 января 1870 г., Москва⟩

Почтеннейший
Павел Васильичь!

Едва только больной я возвратился из Петербурга, как меня сей час-же впрягли в службу и только вот на праздниках я поосвободился и улучил минуту поблагодарить Вас за ваше доброе и радушное участие во время моей болезни в Петербурге. Нашему милейшему Ивану Сергеевичу я пишу довольно часто и между прочим писал ему и об его *странном* эпизоде в его Литературных воспоминаниях по поводу Отцов и детей, который, говоря не шутя, возбудил здесь в Москве против него всех его искренних почитателей; хоть я и убежден, [что] как я писал [и] ему, что это он написал единственно потому что это *так на самом деле было*; но иногда и правду говорить не надо и ту могут перетолковать в самую дурную сторону. Здоровье мое и по преимуществу мое душевное настроение до такой степени плохо, что я хочу даже оставить службу, которая мучит меня своими маленькими, но беспрерывными неудовольствиями и хлопотами до последней степени. Поздравляю вас и супругу вашу с новым годом и остаюсь

душевно преданный
Писемский

1870
Генваря 2.

358. П. В. АННЕНКОВУ

⟨5 февраля 1870 г., Москва⟩

Почтеннейший
Павел Васильичь!

Вы некогда обещали поучаствовать в одном моем деле, в котором настает мне теперь великая надобность, а имянно: по Газетам видно, что в Комитет Министров поступил из Министерства Внутренних Дел проект о преобразовании Губернских Правлений. Не будите-ли Вы столько добры и не узнаете-ли повернее и поподробнее касательно следующих пунктов: а) действительно-ли проэкт внесен в Комитет Министров; в) действительно-ли он к марту 1870 г. будет рассмотрен; с) что Советники уничтожатся-ли совершенно или будут названы Членами Губернского Совета.

Словом, обо всем что вы узнаете по сему предмету меня поподробнее уведомте — все сие нужно для меня затем, чтобы знать как собою распорядиться: оставаться на службе или нет; если предстоит что-нибудь хорошее, так можно еще потянуть лямку, если же нет, так и бог с ней, потому что здоровье мое совершенно поколебалось: с месяц я совсем не выходил из дома, да и теперь еще плохо таскаю ноги. Буду ожидать вашего обязательного ответа для меня. Глафире Александровне и от меня и от жены моей усердный поклон.

душей и искренно

Вам

преданный

Писемский

5 февр<аля>
1870 г.

359. В. Г. АВСЕЕНКЕ

<13 февраля 1870 г., Москва>

Почтеннейший
Василий Григорьевичь!

Крайне благодарен вам за ваше письмецо и незамедляю отвечать на него. Пишется мне совсем тупо или, лучше сказать, совсем не пишется и не то, чтоб этому причина разные литературные безобразия, а просто в самом то себе огонь непламенной горит! Еще одна превеликая просьба: в прошлой приезд мой в Петербург я привез письма покойного Рамазанова и в вашем, кажется, присутствии передал их ветреному Клюшникову. Письма эти оказались неудобными к напечатанию в Ниве, о чем меня Клюшников известил, придя провожать на железную дорогу, но самых писем не возвратил и сказал мне, что передаст их Василию Владимировичу — но вот сколько с тех пор не пишу не от кого не могу добиться ответа об этих письмах, а между тем жена Рамазанова ходит ко мне чуть не каждый день и требует чтобы я ей или положительно ответил или бы возвратил письма назад, но я ни той, ни другой просьбы ее удовлетворить не могу. Писал неоднократно об этом и звука в ответ на это не получаю. Разыщите, бога ради, где эти письма и лучше пусть уж их возвратят мне для передачи Г-же Рамазановой и выведут меня из страшно неловкого положения.

Извините, что беспокою Вас, но в этом случае ни в ком себе помощи не чаю, кроме вас. Писать пока нечего более остаюсь искренно и душевно

Вам

преданный *Писемский*

P. S. Василью Владимировичу и сотрудникам его поклонитесь от меня.

18 $\frac{13}{II}$ 70.

360. П. В. АННЕНКОВУ

⟨14 марта 1870 г., Москва⟩

Почтеннейший

Павел Васильичь!

Я до сих пор еще не успел поблагодарить Вас за ваше доброе и обязательное уведомление меня о нашем преобразовательном проэкте, который по всем вероятиям не пройдет — ну да и бог с ним!.. Теперь вот в чем к вам моя покорнейшая просьба: по Москве распространился слух, что будто бы Иван Сергеичь Тургенев очень болен. Правда-ли это?.. и не имеете-ли Вы каких нибудь известий об нем? Мне слух этот тем более представляется вероятным, что в начале прошлого мца я получил от него письмо которым он уведомляет меня, что он переехал в Веймар; я ему ответил [ему] и даже с некоторыми вопросами; но ответу на это письмо от него уже не имел [что] чего он, бывши здоров, никогда не делает. — Будьте так добры, почтеннейший Павел Васильичь, черкните хоть двумя строчьками справедлив этот слух или нет, да кстати если можете, то сообщите и о том, в каком положении теперь находится пресловутой проэкт. 1-е марта уже прошло; Министры вероятно уже дали все отзывы. Да хранит Вас и супругу вашу и прелестных малюток ваших бог,

душевно

Вам преданный

Писемский

18 $\frac{14}{III}$ 70

361. Б. Н. АЛМАЗОВУ

⟨Конец марта — начало апреля 1870 г., Москва⟩

Любезнейший друг,

Борис Николаевичь!

Приходи, пожалуста, ко мне в середу вечером непременно: мне нужно поговорить с тобой по поводу твоей поэмы, кото-

рая, как пишет мне Кашпирев, будет в Майской Книжке у них напечатана; а потом условиться с тобой когда ехать к Далю, у которого мне тем нужнее быть, что я имею надобность купить у него его толковый словарь. Буду ждать тебя.

Твой

Писемский

362. Б. Н. АЛМАЗОВУ

⟨7 апреля 1870 г., Москва⟩

Любезный друг,

Зайдешь-ли ты ко мне [сегодня] завтра, т. е. во вторник, чтобы ехать к Далю. Если почему-либо тебе нельзя, то уведомь о том с сим поссланным; если-же заедешь, то я очень рад буду с тобой ехать и буду ждать тебя.

Твой

18 $\frac{7}{IV}$ 70.

Писемский

363. Б. Н. АЛМАЗОВУ

⟨Апрель 1870 г., Москва⟩

Любезнейший друг,
Борис Николаевич!

Напоминаю еще тебе о прозьбе моей переговорить с Далем по просьбе Кашпирева, а потом будь так добр — посети меня вечерком в [среду] середу и мне скажеш тогда какой получиш ответ от него — всем сим несказанно и крайне обяжеш

преданного тебе

Воскресенье.

Писемского

364. П. В. АННЕНКОВУ

⟨5 мая 1870 г., Москва⟩

Почтеннейший
Павел Васильичь!

Позвольте вам представить моего доброго приятеля Сергея Андреевича Юрьева, который предполагает издавать в Москве журнал и желает крайне познакомиться с Вами; примите и помогите ему в сем деле вашим советом: он [хочет] очень умный и хороший человек. До свидания; вероятно

скоро с вами увидимся. Извините, что неряшливо пишу, он завтра едет в Петербург.

Вас любящий
и
преданный вам
Писемский

$18 \frac{5}{V} 70$.

365. А. А. МАЙКОВУ

〈11 декабря 1870 г., Москва〉

Любезнейший друг,
Аполлон Александрович

Пожалуста, не забудь в субботу заявить в Собрании г.г. драматических Писателей, что я не желаю быть членом этого учреждения, а также и о том, что не желаю подписываться к предполагаемому ими заявлению

остаюсь
любящий тебя
Писемский

366. Н. С. ЛЕСКОВУ

〈12 апреля 1871 г., Москва〉

Любезнейший
Николай Семеновичь!

Спешу Вас поблагодарить за добрый отзыв о моем романе и мне-ли не порадоваться, что мой труд Вам понравился — вы сами служитель того-же невеселого дела, на котором я уже 25 лет [как] корплю и оборвал все мое здоровье: путь наш тернист и похвалами мы не избалованы. Отсутствие хоть сколько нибудь понимающего критика [а между тем] и в то же время крики разных газетных бумагомарателей сбивает с толку [кри] публику, далеко еще не привыкшую иметь собственное мнение; но авось в горниле времени все это поочистится и правда возмет свое: я собственно уже на склоне дней моих и, может быть, скоро совсем покину литературную арену, но за молодые дарования невольно приходится скорбеть душой: где для них ободряющая и поучающая школа, где бы они могли развиться и окрепнуть; всюду только и читаешь или голословную брань, когда вы не из на-

ших, или пристрастную похвалу, если Вы наш; а между тем роман, видимо, все более и более становится художественной статистикой времяни и ближайшим помощником истории — критики-же полоумные наши наперерыв кричат романистам: „не смейте говорить правды, а лгите и лгите, чтобы не повредить нашим высоко-избранным направлениям“ — к счастью только, что избранные им агенты желаемой им лжи являются очень слабыми и незубастыми: ни умор, ни поэзия как-то не роднятся с ложью!

Еще раз благодарю Вас за ваше письмецо и остаюсь

душевно
Вам преданный
Писемский

1871 г.
Апреля 12

адрес мой: Поварская, Борисоглебский переулок, свой дом.

367. П. В. АННЕНКОВУ

<25 апреля 1871 г., Москва>

Москва, Поварская, Борисоглебской пер., свой дом.

Почтеннейший
Павел Васильичь!

Уже давно я сбираюсь к Вам писать, но, благодаря разным хлопотам и недугам, не собрался до сих пор: во вчерашних газетах я прочел известие о смерти М-ме Виардо — и страшно испугался за нашего общего друга Ивана Сергеевича — смерть эта должна его сильно поразить и я остаюсь еще в [приятной] некоторой надежде, что авось это известие [есть еще] недостоверно! Не знаете ли Вы чего нибудь об этом повернее и не имеете-ли каких нибудь писем об том от Ивана Сергеича. — Боюсь в этом случае за него самого: в наши годы такие потери не пройдут, пожалуй, даром. — Пожалуйста уведомьте меня обо всем этом. Буду ждать с нетерпением вашего ответа. Поклонитесь вашей супруге и перецелуйте ваших прелестных детей

Ваш
Писемский

Апреля 25
1871 года

368. АЛЕКСАНДРУ II

<20 мая 1872 г., Москва>

Всепресветлейший, державнейший,
великий государь император
Александр Николаевич,
самодержец всероссийский, государь всемилостивейший!

Просит Старший Советник Московского Губернского Правления Надворный Советник Алексей Феофилактов Писемский, а о чем мое прошение тому следуют пункты:

1.

Службу Вашего императорского величества продолжаю в Московском Губернском Правлении, ныне по домашним обстоятельствам более таковой продолжать не могу, а потому представляя у сего лист гербовой бумаги рублевого достоинства для написания мне аттестата о службе и два листа по сороку копеек на производство, всеподданнейше прошу: *К сему*

Дабы повелено было сие мое прошение принять и сделать надлежащее распоряжение об увольнении меня в отставку и о выдаче мне аттестата. — Мая 20 дня 1872 года. — К поданию надлежит в Московское Губернское Правление, прошение сие писал с слов просителя Канцелярский служитель Павел Акимов Гаврилов. — *прошению Надворный Советник Алексей Феофилактов Писемский руку приложил.*

Жительство имею на Поварской, в Борисоглебском переулке, в своем доме.

369. М. Я. КИТТАРЫ

<27 мая 1872 г., с. Покровское>

Милостивый Государь
Модест Яковличь!

Расстроенное состояние моего здоровья и житье мое в окрестностях Москвы — в местности, у которой нет постоянного сообщения с Москвою, лишают меня решительно возможности с должною добросовестностью посещать собрание членов совета по управлению народным театром, а потому сколько это не печально для меня, но я вынужденным нахо-

жусь покорнейше просить Вас снять с меня звание члена совета.

Затем, желая искренним образом полнейшего успеха делу Народного театра, имею честь пребыть

Вашего Превосходительства покорнейшим
слугою *Алексей Писемский*

1872 г.
Мая 27
Покровское
Фили
Дача Гурьева.

370. М. Я. КИТТАРЫ

<29 июня 1872 г., с. Покровское>

Милостивый Государь
Модест Яковлевичь!

Препровожденные ко мне пиесы Дележка и Приворожиха я немедленно прочел и, согласно Вашему желанию, позволяю себе высказать откровенное мое мнение об них: первая из них Дележка хотя не представляет собою ни строго определенного сюжета, ни характеров ясно очерченных и изложена довольно бесцветным народным языком, но вместе с тем выводя перед зрителем действительно существующие мотивы в русской простонародной жизни, она казалась бы мне, с некоторыми по усмотрению актеров сокращениями, могла быть поставлена на сцену и вероятно при представлении будет до некоторой степени скучна, но не лжива. Что касается до второй пиэсы Приворожиха, то по случаю нетвердого женского пера и крайней неумелости выполнения, она мне кажется не пригодна ни для печати, ни для сцены.

Вместе с сим я имею честь присоединить на Ваше благоусмотрение и мою собственную пиесу Милославские и Нарышкины для представления ее на Народном Театре. Пиеса эта написана мною еще в 1867 году, но не придавая ей литературного значения, так как в ней говорится о том, о чем неоднократно говорилось в истории и в отдельных статьях, я ее не печатал, но тем не менее полагал бы, что, как зрелище, она может быть не бесполезна, знакомя публику в образах с той невежественной и кознями исполненной эпохой, по среди которой Петр Великий начал свое трудное царствование. Если мысль эта представит затруднение

к постановке моей пиэсы в цензурном отношении, то я долгом своим считаю объяснить на сие, что никогда панегирики и хвалебные оды не поучали публику, а напротив того поселяли в ней всегда недоверие, а поучает и внушает уважение к лицам и совершившимся событиям одна только беспристрастно сказанная об них правда. Если пиеса моя найдена будет неудобною к постановке на сцену, то я покорнейше просил бы настоящий экземпляр ее возратить мне обратно, так как он у меня единственный.

Все бы это объяснил я, а равно и доставил прилагаемые при сем пиэсы сам лично Вам, если бы болезнь моя не лишала меня возможности оставлять дачу и выходить даже из комнаты.

Прошу принять уверение в совершенном моем уважении с коим и имею честь быть

Вашим покорнейшим слугою

Писемский

1872 г.
Июня 29 дня
Покровское-Фили

371. Н. С. ЛЕСКОВУ

18 $\frac{VII}{20}$ 72 ⟨Москва⟩

Почтейнейший
Николай-Семеновичь!

Несказано благодарю за ваше попечение о моем деле — касательно сборника мне сам Мещерский писал, что он выйдет в Октябре и просил ему выслать к 1-му Сентября что нибудь; но к 1-му Сентября я не могу выслать, потому что пиэса моя еще окончательно мною не отделана и не раньше может быть окончена вполне, как к половине Сентября, а потом я сам думаю приехать в Петербург к 22 Сентября и привезу пиэсу с собой и она могла бы, кажется, быть набрана до Октября, если у них не сформирована будет еще книжка — что вы и передайте князю Мещерскому. Что-же касается до помещения пиэсы моей в газете, то для меня конечно-бы это было все равно; но в газете она не может быть помещена вся, а должна печататься по частям, что я считаю совершенно неудобным,— это вы тоже передайте князю Мещерскому и что он вам на все это скажет, уведомьте меня, чем крайне обяжите

душей вас любящего

Писемского

372. Н. С. ЛЕСКОВУ

⟨17 сентября 1872 г., Москва⟩

Я получил тетрадку вашу от Юрьева; напишите к вам ли мне переслать или передать кому нибудь в Москве. Я ждал от вас сегодня письмеца и пока еще не получил. Дружески жму вашу руку ваш *Писемский*

Воскресенье

373. Н. С. ЛЕСКОВУ

⟨19 сентября 1872 г., Москва⟩

Добрейший
Николай Семеныч!

Незнаю как и благодарить Вас за ваше обязательное письмецо — и спешу отвечать на ваши вопросы: выехать в Петербург я предполагаю в пятницу т. е. 22 числа сего месяца с почтовым поездом; прочесть у вас пиэсу мою буду душевно рад. До скорого, значит, свидания!

душевно
вас любящий и уважающий
Алексей Писемский

$18\frac{IX}{19}72$

374. Н. С. ЛЕСКОВУ

$18\frac{IX}{22}72$ ⟨Москва⟩

Почтеннейший и добрейший Николай Семеновичь!

Как ожидал я, так и случилось: перед самым моим выездом меня постиг недуг; сей час посылаю за доктором, который вероятно неразрешит мне ехать, потому что у меня невыносимейшая головная боль, насморк, колотье в боках, может быть все это скоро пройдет, но, пожалуй, и разыграется; во всяком случае, как только доктор позволит мне, я сей час же отправляюсь в Петербург, а настоящее письмо останавливаюсь дописывать в ожидании доктора и что он мне скажет, вам припишу... . Сей час был у меня доктор и сказал, что дня через два мне можно будет выехать, а, может быть, даже и раньше. До личного свидания, коего я весьма и весьма желаю, душевно преданный и любящий вас *Писемский*

375. Н. С. ЛЕСКОВУ

<Конец сентября 1872 г., С. Петербург>

Я приехал измученный, усталый и совсем больной, хотел сам сегодня ехать к Вам, но не имею сил на то, приезжайте ко мне вечерком, я весь вечер дома. Остановился я в той же гостиннице Париж, на малой Морской, в 83 Номере

Ваш *Писемский*

376. А. А. КРАЕВСКОМУ

<Конец октября — начало ноября 1872 г., Москва>

Многоуважаемый
Андрей Александрович,

Я снова позволяю себе беспокоить вас просьбою о моей пиэсе. Я ее, обеститулив, представил на предварительную Цензуру и вот уже целый месяц не имею никакого ответа — все ее читают; Мещерский, которого я спрашивал об ней, ни слова даже не отвечает на мое письмо. Будьте столь добры ко мне, поразведайте через кого либо из ваших знакомых: какая судьба постигла мою пиэсу и вообще постигнет-ли ее какая нибудь судьба; т. е. пропустят ее или нет, а если не пропустят, то уведомят-ли меня о том и неследует ли мне для этого послать свой адрес в Главное Управление и вообще не будет ли полезно мне от себя написать в Главное Управление или на имя Лонгинова и просить их разрешить наконец чем нибудь вопрос о пропуске моей пиэсы — вам в Петербурге это виднее и осязательнее и по доброму расположению вашему ко мне вы конечно не откажетесь снабдить меня и уведомлением и советом вашим.

Затем в ожидании вашего дружественного ответа, остаюсь с полным моим пожеланием всего вам хорошего

душевно уважающий вас *Писемский*

P. S. Ко всем вящим удовольствиям моим я лежу еще в постеле, в ревматизмах.

377. Н. С. ЛЕСКОВУ

<29 ноября 1872 г., Москва>

Дорогой мой Николай Семенович!

Пиэсу мою прихлопнула цензура: ее вырезали из сборника Мещерского. На меня это страшно подействовало!..

Освежившееся несколько последнее время здоровье мое сразу рухнуло — вот уже 48 часов, как я не заснул на волос и если так будет продолжаться, то не знаю еще чем и кончится это для меня. Узнайте, пожалуста, если можете только, кто именно попреймуществу востал против моей пиэсы и вообще как шло это дело и меня уведомьте, а вместе с тем пришлите мне и экземплярчик Соборян — остаюсь душевно Вам преданный

Писемский

29 Ноября

378. А. А. КРАЕВСКОМУ

〈30 ноября 1872 г., Москва〉

Почтеннейший
Андрей Александровичь!

Пиэсу мою „Подкопы", как уведомили меня, Цензура задержала и она вынута из Сборника Мещерского, но какая затем ей участь предназначена, я толку добиться не могу.— У вас есть знакомые посреди цензоров, — а потому не можете-ли вы узнать, что тем-ли только ограничаться, что пиэсу мою вынут из книжки или ее представят в комитет Министров и не могу ли я как нибудь помочь моему горю, — в Петербурге это виднее; будьте столь добры ко мне, поразузнайте и уведомьте меня. Мне, зря, ехать для этого в Петербург, у меня нет на то ни здоровья, ни денег лишних.

Еще раз повторяя просьбу мою остаюсь с душевным пожеланием всего Вам лучшего, вам преданный *А. Писемский*

18 $\frac{30}{XI}$ 72.

Адрес мой: Москва, Поварская, Борисоглебский переулок, свой дом

379. К. С. ВЕСЕЛОВСКОМУ

〈16 марта 1873 г., Москва〉

Милостивый Государь,
Константин Степановичь!

Имея честь представить при сем в Академию Наук пятиактную комедию мою Подкопы, покорнейше прошу подвергнуть ее рассмотрению в установленном порядке для назначения мне за оную Уваровской Премии. Жительство мое

в Москве, на Поварской, в Борисоглеб<с>ком переулке, в своем доме.

За тем прося принять уверение в совершенном моем почтении и преданности, остаюсь

Вашего Превосходительства
покорнейшим слугою
Алексей Писемский

1873 года
Марта 16-го

380. А. В. НИКИТЕНКО

<16 марта 1873 г., Москва>

Милостивый Государь,
Александр Васильевич!

Комедия моя Подкопы, в судьбе которой Вы столь обязательно для меня принимали такое живое участие, появилась наконец в печати и вместе с этим письмом отправлена мною в Петербург, в Академию Наук, на имя Константина Степановича Веселовского: предоставляю ее на ваш милостивый и праведный суд! Цензурных изменений, хоть сколько нибудь существенных, пиэса не потерпела нисколько: я всего только и сделал, что в перечне действующих лиц уничтожил титулы; в самом же тексте не произошло никаких перемен за исключением тех немногих, которые я сам сделал чисто уже в видах художественного улучшения. В надежде на ваше доброе расположение ко мне я вместе с сим решаюсь повергнуть вашему вниманию еще другое обстоятельство до меня касающееся: кроме Подкопов я написал еще новую пиэсу Ваал. Из самого заглавия вы уже конечно усматриваете, что в пиэсе этой затронут вряд-ли не главнейший мотив в жизни современного общества: все ныне поклоняется Ваалу, — этому богу денег и материальных преуспеяний и которой, как некогда греческая Судьба, тяго<те>ет над миром и все заранее предрекает!.. Под гнетом его люди совершают мерзости и великие дела, страдают и торжествуют. Пиэса эта будет напечатана в нынешнем году в Русском Вестнике; но могу-ли я ее тоже представить в Академию на Уваровскую премию в нынешнем году вместе с Подкопами и может-ли быть назначаема премия за две пиэсы одного и того же автора в один год, этого я решительно не знаю и недоумеваю; а потому убедительнейше просил бы вас уведомить меня, как говорит об этом Устав об Уваровской премии, а также и

о том, как Вы лично полагаете, что лучше для меня: в нынешнем-ли году представить мне Ваала в Академию или отложить это до будущего года?

Вашим обязательным ответом Вы бесконечно одолжите меня и заставите навсегда быть благодарным Вам

искренно и глубоко
уважающий Вас
Писемский

1873 года
Марта 16

Адрес мой: в Москве, на Поварской, в Борисоглебском переулке, в своем доме.

381. В ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ

〈16 марта 1873 г., Москва〉

Препровождая при сем две пиесы мои: комедию в 5 действиях Подкопы и драму в 4-х действиях Ваал, (каждую в двух экземплярах), покорнейше прошу Главное Управление по делам печати рассмотреть их и одобрить для представления на сцене, а за тем препроводить по одному процензурованному экземпляру каждой из пиэс в дирекцию императорских С. Петербургских театров. Жительство мое: в Москве, на Поварской, в Борисоглебском переулке, в своем доме.

Алексей Писемский

1873 года
Марта 16.

382. В. П. МЕЩЕРСКОМУ

〈17 марта 1873 г., Москва〉

Многоуважаемый Князь Владимир Петровичь!

Мне крайне нужно иметь экземплярчик моей пиэсы: Подкопы и у меня есть 8, 9 и 10 Номера Гражданина, но 7-го Номера, где помещено 1-е действие пиэсы, нет и его нет даже у всех московских книгопродавцев, а потому будьте так добры, прикажите мне выслать сказанной 7-й Номер, чем крайне и несказанно обяжите меня. Не думаете-ли Вы приехать в Москву? Вы давно ужь сбираетесь! Я сам думал приехать в Петербург, но пока еще отложил эту поездку. Подкопы я послал сегодня в Главное Управление по делам печати для пропуска этой комедии на сцену. Если можете, то замолвите

Лонгинову словечко и попросите его докончить доброе дело для меня и посодействовать своей властию к пропуску пиэсы на сцену.

Душевно желая вам всего лучшего, о<с>таюсь искренно Вас уважающий *Писемский*

1873
Марта 17-го.

383. Я. П. ПОЛОНСКОМУ

<14 апреля 1873 г., Москва>

Любезнейший друг
Яков Петровичь

Посылаю тебе экземплярчик моей новой пиэсы Ваал, на днях вышедшей в Р. Вестнике. Очень желаю, чтобы она тебе понравилась. Что твои Собаки? Кончил ли ты их, где и когда будешь печатать? Гражданин, говорят, кончается? Какое неловкое положение при этом бедного Достоевского — хоть бы он приискал какого нибудь другого издателя.

Поздравляю тебя и супругу твою с праздником и душевно желая, что бы всем домочадцам твоим было хорошо, остаюсь душевно преданный

Писемский

18$\frac{IV}{14}$73

384. В. Г. АВСЕЕНКЕ

<Около 14 апреля 1873 г., Москва>

Почтеннейший
Василий Григорьичь!

Препровождаю к Вам при сем экземплярчик моей новой пиэсы В а а л, которая уже вышла в Русском Вестнике. Напишите мне какое она произведет впечатление на Вас, а также и на публике, если это ведомо вам будет. В начале Мая, если только не помешает мне в том здоровье мое, думаю сам приехать в Питер и тогда лично буду у вас.

На днях я беседовал с Катковым и между прочим говорил ему, что недурно бы им в Русском Вестнике, который они видимо желают улучшать и разнообразить, завести критическое обозрение и попросить на сие дело вас. Катков, кажется, очень бы желал этого и Любимов даже хотел писать Вам о том.

Да хранит вас бог, поздравляя Вас и супругу вашу с праздником, остаюсь с моим душевным уважением

искренно преданный

18 IV — 73

Вам

Писемский

385. К. С. ВЕСЕЛОВСКОМУ

⟨4 мая 1873., Москва⟩

Милостивый Государь

Константин Степановичь!

Имею честь представить при сем новую мою пиэсу Ваал, напечатанную в нынешнем году в Русском Вестнике, на рассмотрение Академии Наук для назначения мне за оную Уваровской премии и какое последует со стороны Академии расспоряжение почтить меня уведомлением. Адрес мой на Поварской, в Борисоглебском переулке, в собственном доме, в Москве.

За тем прося принять уверение в совершенном моем почтении и преданности имею честь пребыть

Вашего Превосходительства

покорнейшим слугою

Алексей Писемский

1873 года
Мая 4 дня.

386. П. С. ФЕДОРОВУ

⟨9 мая 1873 г., Москва⟩

Милостивый Государь,

Павел Степановичь

Главное Управление по делам печати рассмотрело и одобрило для представления на сцене пиэсу мою Ваал и уже препроводило ее, согласно моей просьбе, в дирекцию императорских театров, а потому покорнейше прошу пиэсу сию рассмотреть и принять для представления на петербурском и московском театрах с назначением мне за оную поспектакельной платы.

За тем принося мое совершеннейшее уважение, имею честь пребыть

Вашего Превосходительства

покорнейшим слугою

Алексей Писемский

1873 года
Мая 9

Поварская, Борисоглебский переулок, свой дом, Москва.

387. Н. Ф. САЗОНОВУ

〈22 августа 1873 г., Москва〉

Любезнейший

Николай Федорович!

Из Петербурга мне пишут, что там в газетах прочли, что пиэса моя „Ваал“ идет в ваш бенефис. Напишите мне, бога ради, когда именно она пойдет и если мне хоть немного позволят обстоятельства, то я сам бы желал приехать чтобы хоть несколько поучаствовать в постановке пиэсы на сцену; а также уведомьте меня, пожалуста, кто из артистов и какие роли принял на себя. Все это меня интересует и заботит. Пожалуста-же ответьте. Адрес мой если вы его запамятовали: в Москве, на Поварской, в Борисоглебском переулке, в собственном доме. Пожимаю вам руку

преданный вам

Писемский

$18\frac{8}{22}73$

P. S. Буду ждать незамедля вашего ответа.

388. А. Н. МАЙКОВУ

〈26 августа 1873 г., Москва〉

Любезный друг

Аполлон Николаичь!

Сколь не преклонен был в своих годах Николай Аполлонович, но известие о смерти его глубоко огорчило всех нас: Клеопатре Аполлоновне известие о смерти передала жена, старушка сильно была поражена, хотела было сей час же ехать в Петербург, но жена ее отговорила. Вчерашний же день я передал это печальное известие и Аполлону Александровичу. Весьма бы желательно было, чтобы напечатана была подробная Биография Николая Аполлоновича, он поистинне своей жизнию может служить образцом для художников.— Про себя тебе сказать много нечего: я нынешнее лето жил в городе и все проболел; еще в начале лета меня постигнул кровавый понос, за которым последовала сильная слабость и истощение сил, отчего я и до сих пор не могу еще отделаться. Павел ждет отправки за границу; а Николай у вас в Петербурге, кончил 1-м кандидатом, был оставлен Университетом, но всем сим пренебрег и поступил в Инженерной

А. Ф. ПИСЕМСКИЙ

Фото начала 1870-х годов (собрание А. П. Могилянского)

Корпус. — Он вероятно скоро к вам явиться. Жена здорова и просила передать свое соболезнованье о смерти Николая Аполлоновича. Да хранит всех вас бог,

душевно преданный

$18 - \frac{VIII}{26} - 73.$ Вам

Писемский

389. Е. П. и П. А. ПИСЕМСКИМ

⟨3 октября 1873 г., С. Петербург⟩

Я доехал благополучно и теперь беседуем с Колей, который здоров и потолстел.

Пока писать более нечего. Ваш *Писемский*

$18 \frac{X}{3} 73$ г.

390. И. Д. ДЕЛЯНОВУ

⟨Первая половина октября 1873 г., С. Петербург⟩

Сын мой Павел Писемский, магистрант по гражданскому праву имеет быть представлен от Московского Университета к отправке за границу. Ходатайствую перед Вашим Высокопревосходительством разрешить сию командировку с нынешнего 1873 года в тех видах, чтобы командируемый магистрант захватил семместр в его начале и тем получил возможность скорее окончить свое образование в иностранных Университетах и скорее возврат⟨ит⟩ься для занятия кафедры по Юридическому Факультету Московского Университета

Алексей Писемский

391. И. Д. ДЕЛЯНОВУ

⟨17 октября 1873 г., Москва⟩

Ваше Высокопревосходительство,
Милостивый Государь,
Иван Давыдовичь!

Представление о сыне моем Павле Писемском, магистранте по гражданскому праву, касательно командировки его за границу, последовало от Попечителя Московского Учебного Округа 17 октября сего года за № 4385. Снова осмеливаюсь утруждать Ваше Высокопревосходительство моей покорнейшей просьбой о командировании Писемского в нынешнем году, что даст возможность молодому человеку, по случаю только еще начала семместра, немедля же, по приезде

за границу, приступить к слушанию лекций и тем, не теряя дорогого времени, скорее закончить свое заграничное воспитание и сделаться готовым для занятия кафедры.

За тем поручая вашему просвещенному вниманию мое ходатайство имею честь пребыть

Вашего Высокопревосходительства

покорнейшим слугою

Алексей Писемский

1873 года
октября 17 дня
Москва, Поварская
Борисоглебский пер.
свой дом.

392. *В. А. КУЛИКОВОЙ*

<21 октября 1873 г., Москва>

Почтеннейшая Варвара Александровна! Несказанно благодарю Вас за уведомление о моей пиэсе. Дай бог, чтобы ваше пророчество сбылось касательно того, что она будет несколько раз даваться. Здесь в Москве она пойдет 15 ноября; вчера некоторым актерам сам я читал ее у Васильевой, которая между прочим поручила Вам поклониться, а я с своей стороны прошу Вас от меня передать поклон Николаю Ивановичу, Николаю Николаичу и Варваре Николаевне. Остаюсь с моим уважением искренне и душевно Вам преданный

Писемский

18 $\frac{X}{21}$ 73

393. *П. С. ФЕДОРОВУ*

<Около 28 ноября 1873 г., Москва>

Милостивый Государь,
Павел Степаныч

Московская Дирекция препроводила в Литературно-Театральной Комитет для просмотра и одобрения две мои пиэсы: комедию: Раздел и комедию Ипохондрик, уже ставленную на сцену, но которую ныне предполагают возобновить и которую я, для большей ее сценичности, значительно сократил и за тем, вследствии этого, должен был сделать хоть и небольшие, но изменения. Пользуясь вашим добрым вниманием, которое Вы всегда оказывали к моим трудам, я обращаюсь к Вашему Превосходительству с покорнейшею просьбою: разрешить Ипохондрика к представлению в первое же заседание комитета, так как он, будучи уже прежде игран и одобрен, в настоящее время требует весьма беглого про-

смотра, а равно не замедлить одобрением и другой моей пиэсы: Раздел. Утруждаю Вас моей просьбой о скорости по преимуществу за тем, что некоторые из артистов ожидают эти пиэсы получить для своих бенефисов еще в нынешний созон.

Поручая себя вашему милостивому покровительству имею честь пребыть

Вашего Превосходительства

$18\frac{X}{21}73$ покорнейшим слугою

Алексей Писемский

Москва, Поварская, Борисоглебский пер., свой дом.

394. А. Н. МАЙКОВУ

<21 февраля 1874 г., Москва>

Любезный друг

Аполлон Николаичь!

Посылаю тебе сто руб<лей> на уплату хозяйке комн<аты> и другим лицам; платя им возьми с них расписки: их нужно, говорят, будет представить к делу. Сколько, по твоему, Коля остался должен Лукину — напиши мне, пожалуста. Как нам благодарить вас с Анной Ивановной мы и не знаем. Счастием ваших собственных детей вы будете вознаграждены за ваше участие в нашем страшном горе. Твой *Писемский*

21 февраля
1874.

395. Ф. А. БУРДИНУ

<10 марта 1874 г., Москва>

Почтеннейший

Федор Алексеевичь

Я писал через Московскую Контору в Петербурскую Контору Театров, а также просил письмом и Павла Степановича Федорова о том, чтобы выслали в Московскую Контору причитающиеся мне деньги с театра за Ваала и Раздел; но и до сих пор они еще не высланы: схлопочите, бога ради, чтобы их прислали мне, но только поскорей, до праздника. Пожалуста схлопочите мне это. Остаюсь искренно и душевно вам преданный *Писемский*

$18\frac{10}{III}74.$

396. В. М. МИХЕЕВУ

〈9/21 мая 1874 г., Геттинген〉

В〈асилий〉 М〈ихайлович〉

Мы теперь основались на постоянном местожительстве и если что тебе нужно будет нас известить, то адрес наш таков: Deutschland, Göttingen, Kornmarkt 13, Pissemsky, который ты Юлию Захаровну или кого нибудь из знающих по французски и попроси написать на конверте и к этому приписать еще по русски: в Германию, в Геттинген. Мы слава богу все здоровы.

Пи〈семский〉

$\frac{21}{9}$ мая.

397. Л. Ф. ФОН-ВЕНДРИХ

〈10 мая 1874 г., Геттинген〉

Милостивый Государь
Лотарь Федоровичь!

Я прибыл ужь на место своего постоянного местожительства т. е. в Геттинген и покорнейше просил бы Вас выслать мне, согласно вашему обещанию, причитающиеся с Вас за квартиру деньги две сторублевых ассигнации по почте, адресуя так: *Deutschland, Göttingen, monsieur Pissemsky* Poste restante, повторяя еще снова раз просьбу послать мне сторублевыми бумажками — так как прочие ассигнации наши неохотно меняют. Всем сим вы несказанно обяжите вашего покорнейшего слугу *Писемского*

$\frac{22}{10}$ мая
1874
пятница

398. Д. А. СОКОЛОВУ

Геттинген 1874 года, мая $\frac{22}{10}$

Милостивый Государь
Дмитрий Алексеевичь!

Я прибыл уже на место своего постоянного пребывания, т. е. в Геттинген, где и пробуду до Июля, а потому покорнейше просил бы вас, согласно обещанию супруги вашей выслать мне причитающиеся с вас за следующую треть с 15-го Июня за квартиру деньги по следующему адресу:

Deutschland Göttingen, Monsieur Pissemsky, poste restante, чем крайне и несказанно обяжите искренно вас уважающего

1874 *Писемского*

22/10 Мая

Пятница.

399. А. И. ПОСТЕЛЬНИКОВУ

10/23 мая ⟨1874 г. Геттинген⟩

М⟨ногоуважаемый⟩ и Д⟨орогой⟩
А⟨лександ⟩р И⟨ванови⟩чь

Прежде всего хочу вас поблагодарить за ваше доброе участие, которое вы показали в нашем горестном положении. Теперь мы уже в Геттингене; нашли Павлушу здоровым хотя и сильно еще огорченным страшной потерей. Он освоился с Европой, что пребывает в ⟨оно⟩ ней теперь как дома. На днях, по случаю Троицына дня, у них каникулы дней на 8 и он хочет с нами прока⟨ти⟩ться до Дрездена, в котором он еще не был; что мы и предполагаем сделать; а затем снова вернемся на довольно продолжительное время в Геттинген, крый, кажется, весьма ⟨дрянной⟩ городок, но для нас конечно он будет очень весел. Здоровье наше выдержало довольно сносно путешествие и только теперь меня как-то поламывает. Дайте и вы об себе весточку и адресуйте ваше письмо по следующему адресу: Deutschland, Göttingen, poste restante. Адресованные таким образом письма на дом уж доставляю⟨т⟩ Павлу. Такую он получил известность в двухсаженном городе. Да хранит вас бог. Дружески жму вашу руку. [*Писе ⟨мский⟩*]

P. S. Извините, что пишу карандашом, перо плохо держит рука. Павел и жена усердно вам кланяются. Павлуша спешит в Университет.

400. А. А. ЕГОРОВУ

⟨Май 1874 г., Геттинген⟩

Многоуважаемый Александр
Алексеевичь!

Вот мы уже и в Геттингене, где нашли нашего сына здоровым, бодрым и занимающимся. [Один] Бог [только] видел конечно слезы нашей благодарности ему зато. Сами мы хоть и утомлены дорогой, но здоровы и даже успели уже из

Геттингена съездить в Дрезден, где Павел еще не был и ему хотелось посмотреть тамошную, знаменитую картинную галлерею; а теперь мы приискиваем квартиру, так как в Геттингене проживем мцa два. Что ныне сделалось из некогда умной, дешевой и честной Германии [ныне и поверить] и сказать невозможно. Не говоря уж о Берлине, [где] который из всех сил топоршится сделаться городом величавым и [элегантным] изящным, забывши то, что казармы, лавки, дебакадеры железных дорог никогда не могут быть ни величавыми ни изящными и что эти качества только даются религией и искуством — но даже маленькие городишки все обратились в [в маленьких плутишков] мелкого сорта торгашей и продажников [нахальных], какие мошенни<че>ства и беспорядки происходят на железных дорогах и [описать невозможно] поверить трудно. [Поезды не приходят во время прицепленные два локомотива едва их тянут вследствие тяжести от нахватанных товаров и пасажиров, кондукторы дерут [с пасажиров] с проезжающих за всевозможные услуги. В гостиницах тоже почти грабеж и неисправность [Чем все это такое нравственное растление кончиться] Не знаю какова осталась еще семейная жизнь — но внешняя общественная пожалуй хуже] Поезды не приходят во время; прицепленные два локомотива едва их тянут вследствие тяжести от нахват<анн>ых пасажиров и товаров; кондуктора обдирают проезжающих за всевозможные услуги. Словом, мы Русские можем утешиться что у нас если и не лучше, то и ни как уже не хуже.

Если вздумаете написать к нам, то адресуйте т. об.: De<utschla>nd Ge<ttinge>n

P. S. Жена вам кланяется, будьте здоровы и счастливы со всей вашей семьей. Искренно вас уважающий и преданный вам

Писемский

401. С. А. УСОВУ

<Май 1874 г., Геттинген>

Любезный друг
Сергей Алексеевичь!

Пишу это письмо к тебе уже из Геттингена, где мы поселились на постоянное жительство в продолжении двух месяцев, т. е. до окончания семестра. Павла нашли здоровым и сильно

занимающимся, так что он почти целый день работает. Он как и [все прочие его] товарищи его: Умов, Лепидевский [Свиридов], Князь Голицын слушают здесь Геринга (знаменитость по Римскому Праву). Доехали мы благополучно и здравы до сих пор. В первые дни нашего приезда у Павла случилась по случаю Троицына дня вакация дней на 8, которыми мы воспользовались и съездили в Дрезден, где, как водится, осматривали картинную галлерею, Грюне Геволбе и сидели на Брюлевской Терасе. [Сам] Геттинген собственно весьма небольшой но вместе с тем весьма вонючий городок, хотя по наружности и содержится [весьма] довольно чисто; окрестности его так себе: незамечательны; в прошлую Субботу ездили осматривать одну из здешних примечательностей — Замок Плес, которой представляет собой на довольно высокой горе две башни и полуразрушенную стену. [В самом Геттин. мы беспрестанно видим Немецких студентов с израненными лицами и в цветных шапочках а еще больше того Прусских солдат. На счет питанья мы] В следующее воскресенье предполагаем съездить в [Касиль] Вильгельмсгое, где содержался Наполеон. Живем мы на квартире и за 4 почти роскошно-убраные комнаты платим 33 талера а обедать ходим в соседний отель за 15 грошей с человека. Если вздумаете написать нам, то адрес наш следующий: Deutschland, Gottingen, Cornmarkt 13 или просто poste restante — одинаково дойдет. Дай вам бог всем здоровья и всего, всего хорошего, ваш ⟨*Писемский*⟩

P. S. Напишите свой адрес по немецки, а то я это письмо посылаю тебе через Москву.

402. В. И. КОХНОВУ

⟨Май 1874 г., Геттинген⟩

Милостивый Государь,
Виссарион Ивановичь.

Прошу Вас, согласно обещанию вашему, причитающиеся с Вас за квартиру деньги передать нашей знакомой Юлии Захаровне Солянке, которая живет теперь в нашей квартире и которая доставит их мне. За тем еще раз повторяя мою просьбу не задержать уплатою остаюсь вашим покорным слугою

Писемский

Deutschland
Cornmarkt 13

403. И. С. ТУРГЕНЕВУ

Göttingen Cornmarkt 13
⟨4/16 июня 1874 г.⟩

Мой дорогой Иван Сергеичь

Сей час я получил известие, что вы были у меня в Москве. Пишу это письмо на удачу не застанет-ли еще оно Вас [в Москве]. Вы конечно уже слышали о страшном несчастии, разразившимся нынешней зимой над нашим семейством: младший сын наш, Николай, застрелился без всяких каких либо хоть сколько нибудь понятных и объяснимых причин. [Этим выстрелом он конечно пришиб]. Горе это было выше сил наших: мои уже и физическими недугами разбитые нервы упали окончательно — день мы обыкновенно встречали слезами и провожали его тем-же. Теперь мы живем в Геттингене около единственной нашей радости, старшего сына, командированного от Университета за границу и который здесь слушает Геринга, знаменитость по Римскому праву. По окончании семестра думаем [с ним] [все] попутешествовать в Швейцарии [сам] Павел уж впрочем объездил весной всю Италию, а затем мы приедем в августе в Париж, где [он] сын наш и останется. Простите, слезы мешают больше писать. Напишите мне, пожалуста, об себе, как долго вы пробудите в России, [и] возвратитесь-ли к Августу в Россию и где мне вас там найти? Жена и сын вам кланяются. Дружески жму вашу руку душевно вас любящий *Писемский*

4/16 Июня
1874

[P. S. Жена и сын мои вам свидетельствуют свое почтение]

404. П. В. АННЕНКОВУ

18/30 Июня 1874 г. ⟨Геттинген⟩

Почтеннейший Павел Васильичь!

Давно-бы мне следовало написать вам и поблагодарить вас за присылку вашей статьи о Пушкине, но то ужасное душевное состояние, в котором я нахожусь с Февраля месяца, мешало мне это исполнить. Вы, может быть, уже слышали о страшном горе, постигшем наше семейство: младший сын наш Николай, кончивший курс в Университете первым кандидатом и уже начавший службу в Петербурге, вдруг, без вся-

кого хоть сколько нибудь понятного и объяснимого повода, застрелился. (Намерение это, как мне [это] потом рассказывали, он имел уже года два и видимо, что был мономан этой мысли). Можете судить как на нас, полустариках, это отразилось. Жена и я до сих пор еще под влиянием ужаса от этого события. Старший сын наш, страстно любивший брата, тоже не менее нас поражен. Мы все теперь живем в Геттингене, где сын наш, командированный от Университета за границу, слушает Геринга, одну из знаменитостей германских по Римскому праву. По окончании семестра т. е. 1 Августа по старому штилю мы думаем проехать в Швейцарию, а потом в Париж, где сын наш и останется. Проезжая в Швейцарию мне крайне бы хотелось заехать в Баден-Баден повидаться с вами, что я и исполню, если что особенное не воспрепятствует тому.

Продолжать письмо далее сил нет: до того еще сильно и живо во мне мое горе, что я едва совладел с собою написать эти строки! Супруге вашей поклонитесь от нас, а детей перецелуйте. Душевно и искренно вас любящий и уважающий *Писемский*

P. S. Если вздумаете написать мне, то мой адрес: Cöttingen, Kornmarkt, 13.

405. И. С. ТУРГЕНЕВУ

Göttirgen, Cornmarkt 13
Июня 23 / Июля 10 74.

Мой дорогой Иван Сергеевичь.

[Пишу это письмо также на авось — мо<жет>] Вы вероятно уже теперь в Карлсбаде, куда я [адрес] посылаю это письмецо, адресуя его poste restante может быть оно как нибудь и дойдет до вас. Наше пребывание в Геттингене [пожалуй] несколько сокращается. Геринг, которого слушает Павел, стал теперь читать собственно для студентов слишком элементарный курс, хорошо ужь известный нашим магистрантам, а потому они его почти не слушают, и таким образом, когда Павел кончит другие свои занятия в Геттингене, то мы сей час тронемся [из Гетти] от сюда, что, может быть, произойдет с небольшим через две недели. Сначала мы проедем в Гейдельберг, а потом в Баден [к Павлу В] денька на два на три, где, разумеется, увидимся с П. В<асильичем>, я с ним уже переписался. Вообразите, он страдает полипом

в носу, о чем он [вам вероятно] может быть ужь [и] писал вам; а из Бадена попутешествуем по Швейцарии и в Париж. До свидания. Дайте о себе весточку если только [получите] письмо это дойдет до вас.

406. И. В. ЦВЕТУХИНУ

1 Июля 1874 [Göttingen Co:<nmarkt 13>]

Почтеннейший Иван В<асильеви>чь!

Обращаюсь к вам с моей убедительнейшей и покорнейшей просьбой: сыну моему магистранту Павлу Писемскому следует получить к 1-му Июля из Министерства Нар. Просв. свое заграничное содержание на три мца; но между тем 1-е число уже наступило, а деньги еще не высланы. Будьте столь милостивы и добры: съездите в Министер. Нар. Про<свещения>, которое находится у Чернышева Моста, вблизи Александринского театра, обратитесь там к очень хорошему человеку, столоначальнику Икорникову, сими делами заведывающему, и спросите его: высланы ли деньги магистранту Писемскому в Геттинген, и если не высланы, то убедительнейше попросите его выслать их, ибо молодой человек совершенно без денег. (О том, что я в Геттингене вы не говорите, а <то> он, пожалуй, понадеясь на родителя, и не поспешит распоряжением). Что же вам скажет я убедительнейше прошу вас меня немедленно уведомить, для чего в этом письме прикладываю конверт с точнейшим моим адресом и даже с Русской почтовой маркой, которая как-то осталась еще у меня от Петербурга. Вы в этот конверт положите ваше письмо и забросьте его на почту. Но только, бога ради, поспешите вашим ответом, который мы все с великим и великим нетерпением будем ожидать. Павел с своей стороны телеграфирует вместе с этим письмом в Министерство о высылке ему денег. Адрес здесь таков: Deutschland, Göttingen, Poste restante. В ожидании вашего ответа дружески жму вам руку *П.*

407. НЕИЗВЕСТНОМУ

Посл<ано> 7/19 <июля> 74 <Геттинген>

Почтеннейший Василий Иванычь!

Как-то вы поживаете и начался-ли процесс мат<ери> Митрофании; мы здесь живя даже газет Русских не видим.

От Юлии Захаровны мы [уже три] уже [дня чет<ыре>] несколько дней не имеем писем и ничем не можем объяснить ее молчания. Съездите, пожалуста, к ней и узнайте здорова-ли она и не случилось-ли у нас чего в доме и будьте так добры меня уведомить о том. Мое больное воображение бог знает чего мне не представляет. [Если что постигло неприятное на<ш> дом, то уведомьте меня телеграмой. Постигнутый та<ким> неожидаемым и невоображаемым несчастие<м>] [В потере сына] [Испытав в потере сы<на>] [Раз уже будучи постигнут таким великим и неожидаемым несчастием, я то и дело отовсюду жду ударов] [живем мы] Нам живется здесь довольно [скучно] плохо — погода по большей части [стоит дурная] дождливая и холодная. Жена [уже другой день больна от] вот уже два дня как страдает уж сильным растройством желудка <от> немецких обедов и [стол] [расстройством желудка дань] к этому [удовольствию] еще не имеем никаких известий из Москвы. Еще раз повторяя мою просьбу съездить к нам в дом и уведомить и вместе с тем принося усердное извинение, что беспокою вас сим, остаюсь душевно и искренно вам преданн<ый> Писем<ский> [Самым экстре] [нрзб]. [Чем крайне и несказанно обяжете душевно преда<нного> Вам *Пис.*]

P. S. Адрес наш таков: Deutschland, Göttingen, Kornmarkt 13.

408. В. М. МИХЕЕВУ

7/19 <июля> 74 г. <Геттинген>

Василий Михайловичь.

[Вот уж] От Ю<лии> З<ахаровны> мы долго не имеем писем. По получении этого письма ты тотчас меня уведомь: здорова-ли [она] Юлия Захаровна, где она и все ли благополучно в доме? Адрес мой я тебе уже писал; но повторяю еще раз: Deutschland, Höttingen, Cornmarkt 13. Еще раз повторяю, чтобы немедленно же и экстренным образом [уведо] ответил на это письмо мое. Остаюсь доброжелательствуя тебе *Пи<семский>*

P. S. Адрес попроси списать с этого письма кого нибудь знающего по французски. Деньги за квартиру с Фонвендриха я получил. Сходи его поблагодарить.

409. В. И. ЦВЕТУХИНУ

<Около 10 июля 1874 г., Геттинген>

М<илейший> И<ван> В<асильевич>

Не знаю как и благодарить вас за ваше письмецо и еще новая мольба к вам всех нас. Нельзя-ли вам [схло] похлопотать, чтобы из Минист. Финанс. [поскорее высла] а равно и в Департам. Народ просвещ поскорей [окончить] выслали Павлу [деньги] вексель, [что] так [нрзб] чтобы [Павел] он получил его в Геттингене числа 17; [после] [ради того] ибо 18-го числа мы предполагали [было] совсем [вые] уехать из Геттин- (о чем вы впрочем не говорите в [Министерстве] Департ<аменте>, так как Павел выезжает [из Геттингена] несколько ранее срока), а также попросите [убедительно] тут и там о более скорой высылке [словом] и допросите поточнее когда именно [может быть] можно надеяться получить в Геттингене вексель. Если числа 18, 19, то мы его подождем, если же позднее 20, то уедем. И при этом все мы вас просим уведомить нас, что вам скажут [и что вам скажут меня о том уведомь для чего] [в конв] посылаю опять вам конверт с точным адресом [и] Извините, что пишу рукой жены, она пишет проворнее, а я спешу на почту.

410. П. В. АННЕНКОВУ

21/9 Августа <1874 г. Женева>

Почтеннейший и любезнейший друг

Павел Васильичь!

Прежде всего желаю я вас поблагодарить тысячекратно за ваш радушный прием нас в Бадене, а потом рассказать вам хоть коротенько о нашем странствовании: всю Швейцарию мы объехали в неделю и теперь уже сидим другой день в Женеве, предполагая сегодня-же выехать и в Париж. Из Бадена мы проехали по прелестнейшей дороге до Шифгаузена, из которого проехали в Цюрих, за тем из сего последнего направились в Цуг, где прокатившись по озеру, переправились через Люцерн на Фирвальш<тет>тское озеро, с которого взбирались на Риги, но очень неудачно, потому что шел дождик и мы испытали только одно удовольствие съездить вверх и вниз по железной дороге — это конечно игрушка, выдуманная для забавы путешественников, но игрушка такая смелая и грандиозная, что неиспытавши нельзя и судить что

это такое. После Риги из Цюриха мы ехали в коляске до Бриенса тоже по прелестнейшей дороге а потом по озеру до Интерлакена, из которого проехали сначала в Веве, а затем и в Женеву. Из Парижа еще буду писать вам; да хранит вас бог. Поклонитесь от меня и от жены Глафире Александровне и перецелуйте прелестных детей ваших. Душевно и искренно вам преданный *Писемский*

411. И. С. ТУРГЕНЕВУ

Понедельник $\frac{24}{12}$ августа ⟨1874 г., Париж⟩

Мой дорогой Иван Сергеевичь! Хотя и наверное почти знаю через А⟨нненко⟩ва, что вы в Кар⟨л⟩сбаде, но все таки пишу вам по указанному адресу. Может быть вы сократили леченье и возвратились во Францию. Я приехал в Париж позавчера и остановился в Hotel de Suez, Boulevard S. Michel 31, и пробуду в Париже недели две; [как только приеде⟨те⟩] и если вы еще застанете меня, то немедлено дайте мне возможность повидаться с вами, но если жь я уеду, то сын мой крый остается на целый год почти в Париже, явится к вам и бога ради не оставьте его вашим вниманием и расположением. Я писал к вам еще из Геттингена в Кар⟨л⟩сбад poste restante, не знаю дошло-ли до вас это письмо мое. Молю бога, чтобы он привел мне с вами видеться. Да будьте здоровы. Остаюсь душевно и нели⟨це⟩мерно вам преданный ⟨*Писемский*⟩

412. П. В. АННЕНКОВУ

Середа 26/14 Августа 74. ⟨Париж⟩

Милейший и добрейший друг Павел Васильичь

Вот мы четвертый день уже в Париже и вы представить себе не можете какое впечатление произвел на меня сей город мира: он мне представляется городом пустынным, как бы вымершим, обедневшим и даже грязноватым после того многолюдства, роскоши и чистоты, какими он блистал в первый мой приезд в него в 62 году, и при этом самые Парижане стали какие то смирные, тихие и печальные, женщины все почти в скромных черных платьях. Все это впрочем некоторые объясняют летним сезоном, но вряд-ли это так: я тогда тоже был в летний сезон, но видел совсем иное.

По приезде моем в Париж я тотчас написал Тургеневу письмо в Rue du douie 50, но вряд-ли оно дойдет к нему, а потому будьте так добры, мой дорогой Павел Васильичь, напишите вы ему в Карлсбад, что я в Париже, что нетерпеливо желаю его видеть и чтобы он уведомил меня с точностью, когда он возвратится в Париж: данный мне вами адрес его я куда-то засовал; мой-же адрес в Париже: *Boulevard S. Michel, Hôtel de Suez 31.*

Да хранит вас бог. Поклонитесь от меня и от жены моей Глафире Александровне и перецелуйте детей ваших. Душевно и нели⟨це⟩мерно вам преданный *Писемский*

P. S. В Париже я думаю еще остаться с сего числа недели на полторы, а там и в Москву, но каким путем еще не решил.

413. В МОСКОВСКУЮ КОНТОРУ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА

⟨5 сентября 1874 г., Москва⟩

от Коллежского Советника
Алексея Феофилактова
Писемского

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Представляя при сем принадлежащие мне два выкупные свидетельства за №№ 93722 и 96550 на сумму шесть тысячь с истекшими купонами, прошу покорнейше Московскую Контору обменять их согласно высочайшего повеления 23 Апреля 1874 года на $5^{0}/_{0}$ банковые билеты и выдать мне оные по принадлежности. Свидетельство о личности моей *представлю* при получении. Сентября 5 дня, 1874 года. Коллежский Советник *Алексей Фео⟨филакто⟩в* [*П⟨исемский⟩*]

Местожительство Москва, Поварс⟨кая⟩, Борисо⟨глебский⟩ пер., свой д⟨ом.⟩

А что на 15 сверх⟨у⟩ строчке наверху написано представлю то верить. *П⟨исемский⟩*

414. П. В. АННЕНКОВУ

Воскресенье 20/8 Сентября 74 г. ⟨Москва⟩

Любезнейший и почтеннейший Павел Васильичь!

К 1-му Сентябрю мы возвратились из нашего заграничного путешествия, оставив сына в Париже, а вместе с ним и душу

свою там. Уведомьте, бога ради, меня когда вы переедете в Париж и не оставьте его там добрым вниманием и даже наставлениями. Мы с женой здоровы и уже почти вошли в обычную колею московской жизни, хотя из знакомых очень мало кого еще видели. В Париже мы пробыли две недели и я с Иваном Сергеичем виделся всего один раз, т. е. ездил к нему в Буживаль, где нашел его с больными ногами, потом он хотел приехать в Париж, но подагра его еще сильней разыгралась, а я тоже не мог к нему поехать, так как сам или лучше сказать со всей семьей был болен желудком; а тут мне надо было по делам поспешить в Москву. Из Парижа мы проехали через Вену и оба с женой находимся в недоумении — каким образом Вену приравнивают Парижу и даже некоторые говорят, что она лучше, или по крайней мере свежее Парижа, а по моему ей и до Петербурга далеко, так как тот несравненно более грандиозное впечатление производит. Да хранит Вас бог. Поклонитесь от меня и от жены моей супруге вашей и перецелуйте ваших детей. Остаюсь, дружески пожимая вашу руку, искренно любящий и уважающий вас *Писемский*

415. П. В. АННЕНКОВУ

18/30 Сент. 74 г. ⟨Москва⟩

Почтеннейший Павел Васильевичь!

Письмо ваше от 27 Сент. я получил и приношу Вам за него великую благодарность и вместе с тем спешу вам написать адрес сына моего в Париже, который я, кажется, в прошлом письме не обозначал, а именно он живет: *Boulevard St. Germain, 73, Maison Tallard.* Вы конечно уже прочли в газетах о странном произсшествии случившемся в Лицее Каткова. По Леонтьеву родной брат Каткова, которого вы, может быть, знаете, два раза стрелял почти в упор, и обе пули не пробили даже кожи, а солдата, подбежавшего, чтобы схватить его, ранил. Тургеневу я писал и от него не получаю ответа, что меня, очень хорошо знающего его акуратность в переписке, начинает беспокоить: неужели ему опять стало хуже?

Заниматься я до сих пор не могу ничем и большую часть времени провожу под влиянием самых печальных мыслей:

увы! старую душу мою ничем, видно, ужь не вылечиш и не рассееш. Да ниспошлет господь бог благословение на вас и на всех ваших домочадцев. Жена вам и вашей супруге кланяется. Душевно преданный вам *Писемский*

416. В. А. КУЛИКОВОЙ

Суббота 12 октября 1874.

Почтеннейшая Варвара Александровна!

Прежде всего благодарю вас за хлопоты по моим делам. Завтрашный день я посылаю рекомендованное письмо в дирекцию театров о высылке мне из Петербурга денег в Москву за представление пиэс моих Раздела и Ваала. Новую комедию мою я уже кончил и с нее теперь переписывается два экземпляра для отправки в Петербург и после следующей Субботы я прочту ее некоторым приятелям моим и некоторым актерам; я немедленно пошлю ее в Петербург в Главное Управление Цензуры, от которой впрочем не может быть никакой опасности, и послав вас уведомлю, а также и Нильского, чтобы он похлопотал о скорейшем пропуске ее в Цензуре и Театральном Комитете. Что касается до заглавия, то я его не решил еще и имею предположение назвать ее или 1) Кампания по выщипке руна из овец или 2) Сумасшедшая женщина или 3) Проблики. На котором из них остановлюсь и сам еще не ведаю. Пусть пока заявят они, что новая пиэса Писемского, если это только возможно. Поклонитесь вашему супругу, а равно и Николаю Николаевичу. Душевно преданный вам и уважающий вас *Писемский*

P. S. Здесь пиэса эта должна идти в бенефис Федотовой. На постановку ее я, может быть, и в Петербург приеду.

417. С. А. УСОВУ

⟨15 октября 1874 г., Москва⟩

Любезнейший друг
Сергей Алексеевичь!

В субботу вечером в 8 часов — я буду читать мою новую комедию. Приезжай, попроси и Анну Павловну, а так же скажи Бугаеву и Борзенкову, — не посетят-ли и они меня, если только им не скучно будет слушать. Твой *Писемский*

СТРАНИЦЫ 2 И 3 ЧЕРНОВИКА ПИСЬМА А. Ф. ПИСЕМСКОГО К. А. А. ЕГОРОВУ (№ 400)

418. А. А. НИЛЬСКОМУ

Четверг $18\frac{10}{17}74$ <Москва>

Милостивый Государь,
Александр Александрович!

Пиэса моя совершенно окончена; но в ближайшую субботу я никак немогу ее к вам выслать, во 1-х: я письмо В. А. Куликовой получил в четверг, следовательно могу послать пиэсу только в пятницу и к вам в руки она никак бы ранее понедельника не попала. Во 2-х: один чистый экземпляр пиэсы еще переписывается и в третьих: в ближайшую субботу я буду ее читать в первый раз некоторым приятелям своим и Федотовой, у которой она пойдет на бенефис, и в следствии этого чтения и толкования после оного может быть понадобиться в пиэсе сделать небольшие изменения; но как бы то не было — в воскресенье или много в понедельник я пиэсу пошлю *прямо в Главное Управление по Делам печати,* где и прошу вас похлопотать об скорейшем пропуске ее, а также и в Те<а>тральном комитете. В обоих этих учреждениях я неожидаю ни какого препятствия к пропуску [ее] пиэсы... Если она пойдет к вам на бенефис я весьма буду этим доволен. Об отсылке пиэсы в Главное управление по делам печати я вам сообщу вместе с отправкою оной. Об ходе дела сего я бы покорнейше просил вас уведомить меня. Адрес мой в Москве, Поварская, Борисоглебский переулок, свой дом. Когда вы прочтете пиэсу, я бы просил вас написать мне ваши предположения кому раздать роли; я этого из своего ума никак не выдумаю!

Имею честь быть вашим покорным слугою *Писемский*

419. П. В. АННЕНКОВУ

20 октября 1874 г. <Москва>

Почтеннейший Павел Васильичь! Сейчас я окончил только письмо к Тургеневу и так устал, что рука уже не пишет; а между тем написать к вам хочется, а потому диктую уже жене.— Об себе могу сказать, что я здоров, даже написал пиэсу, которую поимяновал Просвещенное Время и не в долгом времяни она вероятно пойдет на сцене, но где напечатать ее и сам не знаю, так как ни с каким журналом у меня не существует никаких отношений. Вся

Москва последние две недели была занята процессом игуменьи Митрофании, которую приговорили к лишению всех прав и лично и по состоянии присвоенных и ссылке в Сибирь. Очень замечательна, говорят, была речь Плевако, вот мне передавали несколько фраз его: „Прежде, сказал он, в монастырях стены высокие строились, чтобы монастырствующие не видели того, что в мире творится, а ныне надо строить их высокими, затем чтобы из миру было не видно, что за этими стенами совершается"; и в конце речи выразился так: „На горе Синайской в облаке даны были заповеди, которые говорили: не укради! Мы обворованы. Не лжесвидетельствуй друг на друга, а мы здесь только и слышим другую неделю лжесвидетельствование". Речь его была [принята] покрыта аплодисментами публики. Адвокат же матери игуменьи Шайкевичь был, говорят, очень слаб и по некоторым из обвинений почти отказался от защиты. Да хранит вас бог. Поклонитесь от меня и жены вашей супруге и перецелуйте ваших детей. Авось это письмо захватит вас еще в Бадене. Когда увидите Павла в Париже, то напишите мне об том хоть две строчки. Ваш *Писемский*

420. В ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ

〈20 октября 1874 г., Москва〉

Представляя при сем два экземпляра комедии моей: Просвещенное время, в 4-х актах, покорнейше прошу Главное Управление по делам печати рассмотреть ее и одобрить для представления на сцене; за тем один процензурованный экземпляр препроводить в Дирекцию императорских Театров. Место жительства моего: Москва, Поварская, Борисоглебской переулок, свой дом. *Алексей Писемский*

20 октября
1874 года.

421. А. Н. МАЙКОВУ

4 Ноября, 1874 г. Поварская, Борисоглебский пер. свой дом

Любезный друг, Аполлон Николаичь! Обращаюсь к тебе с моей просьбицей: я послал в Главное Управление по делам печати мою новую пиэску: Просвещенное время с тем, чтобы ее разрешили к постановке на сцену, а за тем она поступит в Театральной Комитет. Тут и там я надеюсь, что она пройдет; но вот дело в чем: я ее послал несколько спеша,

будучи далеко не доволен ее окончанием. Теперь я это окончание изменил и вместе с этим письмом отправил это измененное окончание к актеру А. А. Нильскому, который хлопочет о моей пиэсе и которого я прошу, чтобы он свез это перемененное окончание к театральному цензору и за тем пиэсу представил в ваш Театральный Комитет уже с измененным окончанием, что он вероятно и сделает; но ты все таки, бога ради, наблюди в этом Комитете, чтобы пиэса была пропущена не в первичном виде, а в измененном. Перемена эта состоит в том, что прежде главная героиня [пиэсы] (Софья Михайловна Сырдаръялова) в конце пиэсы просто уходила, а теперь она за кулисами застреливается. Мне это необходимо потому, что это, как сам ты увидиш, изменяет смысл всей пиэсы и несказанно возвышает ее нравственное значение. Я бы сам приехал в Петербург похлопотать обо всем этом, но у меня заболела жена хоть и не сильным, но все таки довольно острым ревматизмом и мне, с моим напуганным воображением бог знает в каком уже виде представляется ее болезнь. За границу мы съездили благополучно и если не душевно, то по крайней мере телесно все время были здоровы.— Поклонись от меня и от жены Анне Ивановне и детям твоим и черкни мне после субботы хоть две строчки о судьбе моей пиэсы. Да хранит всех вас бог! *А. Писемский*

422. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

Вторник 19/XI <1874 г., Москва>

Любезный друг,

Александр Николаичь!

Приезжай, пожалуста, ко мне завтра т. е. в среду вечерком и вместе с супругой. Жене моей гораздо лучше и она только не выходит еще из своей комнаты. Алмазов тоже будет у меня, и он обещал прочесть свое стихотворение новое Консерватор. До свидания, твой *Писемский*

423. П. В. АННЕНКОВУ

3/15 Декабря 1874 года <Москва>

Мой дорогой Павел Васильевич!

Не видя из писем сына моего, чтобы вы были в Париже, я пишу это письмо к Вам в Баден. Вероятно вы отдумали ехать в Париж. Прежде всего благодарю вас за вашу книжку

Пушкин в Александровскую эпоху. Я прочел ее с несказанным удовольствием. Все взятое вами время, по моему, очерчено с величайшею справедливостию и полным пониманием, и прочитав ваши сказания о сем времени я невольно воскликнул: а все таки это время было лучше нашего: оно было и умнее, и честнее, и пожалуй, образованнее.

Я написал-было драму и писанью этому был крайне рад, потому что оно хотя на некоторые часы отвлекало меня от моих трагических мыслей; но по пословице: на бедного Макара отовсюду шишки валятся: во первых, драму запретила цензура для представления на сцене; а теперь я даже не знаю где мне и печатать ее! Словом, единственный могший меня хоть сколько нибудь оживить и рассеять труд, и перед тем для меня спущен шламбаум. Напишите об себе, как вы поживаете и предполагаете-ли ехать в Париж. А затем поклонитесь от меня и от жены моей вашей супруге и перецелуйте детей ваших, остаюсь душевно и нелицемерно вам преданный *Писемский*

424. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

〈4 декабря 1874 г., Москва〉

Любезный друг Александр Николаичь!

Спасибо тебе за письмо. Но только вот еще я тебя попрошу о чем: Некрасов вероятно прочтет мою пиэсу в том виде, как она послана в Главном Управлении; но пиэса уже после того переделана; кроме мелких поправок изменен конец, а именно: теперь героиня застреливается, а прежде этого не было! Предоведомь его завтра же об этом, — и измененной конец он может найти у актера Нильского, которому я послал его. В Петербург я еще не знаю когда поеду, потому что по случаю отъезда Каткова мне не говорят оттуда ни да, ни нет.

Поклонись от меня и от жены моей супруге. Твой

4 Декабря *Писемский*
1874 г.

425. В ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ

〈15 декабря 1874 г., Москва〉

Представляя при сем в двух экземплярах пиэсу мою: „Просвещенное время!“ измененную и исправленную согласно замечаниям Г-на Цензора имею честь покорнейше

просить снова рассмотреть ее и разрешить к представлению на сценах императорских а равно и частных театров и за тем один из вышеозначенных экземпляров препроводить в Дирекцию императорских театров. 1874 года Декабря 15 дня.

А. Писемский

426. В ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ

⟨19 декабря 1874 г., Москва⟩

Представляя при сем пиэсы мои: Ипохондрик, Раздел, Ветеран и новобранец, Горькая судьбина, Самоуправцы и Ваал, изданные мною в 1874 году, имею честь покорнейше просить разрешить их в сем издании к безусловному представлению на сценах императорских и частных театров. 1874 г. Декабря 19 дня. *Писемский*.

427. И. С. ТУРГЕНЕВУ

Генварь 3 ⟨1875 г., Москва⟩

Мой дорогой Иван Сергеичь! Давным-давно я сбираюсь к вам написать, но все это время был занят хлопотами с моей новой пиэсой, которую назвал П р о с в е щ е н н о е В р е м я! Сначала ее запретила театральная цензура, в следствии чего я должен был ехать в Петербург, где выхлопотал ей пропуск, и теперь она вероятно пойдет в Москве 30-го генваря. Напечатана она будет в Русском Вестнике в январской книжке, и как только получу из типографии отдельные оттиски, так сейчас же пришлю вам экземплярчик на ваш суд и приговор. В Русском Вестнике начнется в Генварской книжке печататься роман графа Толстого Льва, за который он взял с них 20-ть тысяч. В чем собственно состоит этот роман я не знаю, но хвалят. В Обществе Любителей Русской Словесности, как я не отбояривался, как не приводил тысячи резонов, однако положили в нынешнем генваре праздновать мой 25-ний юбилей. Все это, разумеется, на бедную, седую голову, не чаявшую никаких себе чествований, со стороны петербурской журналистики вызывало целое море брани и оскорбления, но отказаться не было возможности, потому что это значило обидеть.

Весною я думаю приехать в Париж к сыну, пробыть там недели две и потом вместе с ним проехать в Италию, в которой

я еще не бывал. Желая вам всего хорошего и пуще всего здоровья и прося вас не оставлять вашим вниманием и расположением моего сына, остаюсь дружески пожимая вашу руку ⟨*Писемский*⟩

P. S. Черкните об себе хоть строчки две, и не написали ли вы чего нибудь, и нет ли П. В. Анненкова в Париже?

428. И. В. ЦВЕТУХИНУ

4 января ⟨1875 г., Москва⟩

Почтеннейший Иван Васильичь

Вот я и обращаюсь снова к вам с моей великой просьбой: сходите в главное управление по делам печати, которое находится в Министерстве Внутренних Дел около Александровского театра в переулке, идущем от театра к Чернышеву мосту, и справьтесь там у чиновника Мозера от моего имяни: утвержден ли окончательный пропуск моей пиэсы Просвещенное Время для представления на сцене и когда будет выслан экземпляр этой пьэсы скрепленный в Москву к актеру Бергу, у которого она идет в бенефис 30-го января, и попросите покорнейше поскорее выслать таковой экземпляр и меня о том, что вам скажут, уведомьте а также и пришлите мерочку вашего сынка. Пишу это письмо рукой жены потому что она пишет скорее и четче меня.

429. П. А. ПИСЕМСКОМУ

6/18 января ⟨1875 г., Москва⟩

Бесценной друг мой Поля! Письмо твое от 9-го января мы получили, где ты между прочим пишеш о нашем путешествии, касательно которого я тебе напишу подробно обдумавши все хорошенько и теперь только решились, если позволит здоровье, непременно поехать путешествовать. Лапидевский ваш еще, говорят, сделал глупость: он представил в факультет и вместе с тем напечатал в юридическом сборнике разбор ученья Геринга где обругал его совершенно и главное, как говорят, все наврал. Отчет этот отдали на рассмотрение Умова, который, при всей своей скромности, хочет напечатать, что Г. Лапидевский или выдумал все на Геринга или его не понял. Да хранит тебя бог, будь здоров, пиши к нам чаще. Обнимаю тебя, любящий тебя отец.

430. П. А. ПИСЕМСКОМУ

10/22 Генваря <1875 г., Москва>

Бес<ценный> друг мой Поля! Вследствии последнего письма твоего я вместе с этим письмом отправляю к тебе посылкой торговые законы. Касательно же нашего путешествия я уже тебе писал, что я напишу через несколько времени подробно наше намерение, а теперь скажу только то, что мы думаем приехать к тебе в Париж и оттуда уж по общему совещанию предпримем путешествие по Италии. Да хранит тебя бог. Спешу скорее ехать в большой почтамт чтобы отправить тебе книгу. Все тебе кланяются. Обнимаю и благословляю тебя, отец твой.

431. Г. М. БОГУШЕВИЧУ

Москва, Поварская, Борисоглебский переулок, свой дом. 18 $\frac{10}{I}$ 75

Милостивый Государь,

Георгий Михайловичь!

Ваше доброе внимание дает мне смелость утруждать Вас моей покорнейшей просьбой — исходатайствовать у Министра утверждения пропуска моей пиэсы: „Просвещенное время“ и дать тем возможность пиэсу скорей выслать в Москву, где она пойдет в бенефис Берга, назначенный на 30 Генваря, а между тем для пиэсы еще нужно сшить костюмы, нарисовать декорации и расписать роли; на все это, разумеется, некоторое время необходимо.

Повторяя еще раз мою убедительнейшую просьбу, прошу принять уверение в совершенном моем уважении, с коим и имею честь быть вашим покорнейшим слугою *Писемский*

432. П. А. ПИСЕМСКОМУ

<11 января 1875 г., Москва>

Бес<ценный> др<уг> мой Поля! Вот тебе предполагаемый план нашей поездки за границу. Прежде всего ты с своей стороны к 1-му марта, по старому стилю пошли свой парижский адрес в министерство. Мы приедем в Петербург к последним числам марта где этот вексель вероятно уже будет готов и вероятно мне министерство выдаст его для доставления и для этого ты все таки с своей стороны напиши мне отдельное письмо с просьбой получить твой вексель и таким

образом я тебе привезу и ты не будеш зависеть от ожидания презренного металла и мы из Парижа спустимся в Италию; мне очень хочется побывать и в Риме и в Неаполе а там увидим, что дальше будет на лето.

433. М. И. ЦУХАНОВУ

<11 января 1875 г., Москва>

М<илостивый> Г<осударь,>
М<ихаил> И<ванович!>

Прилагаю при сем следующие с меня десять рублей, дополнительный взнос в Кружок, о получении каковых прошу сему подателю выдать квитанцию.

Имею честь быть вашим покорным слугой <*Писемский*>

434. П. И. ФРИДБЕРГУ

11 Генваря <1875 г., Москва>

М<илостивый> Г<осударь,>
П<етр> И<ванович!>

Решаюсь утруждать вас моей покорнейшей просьбой посодействовать к окончательному утверждению пропуска моей пиэсы <„Просвещенное время">. Спешу этим главным образом потому, что пьэса моя назначена здесь в Москве на 30 Генваря в бенефис актера Берга а между тем для нее еще нужно будет сделать некоторые <костюмы,> нарисовать декорацию и расписать роли. Вследствии всего этого помогите к скорейшей высылке процензурованного экземпляра в Москву на имя актера Берга на Арбат в Кривой переулок в собственной дом, который просил о высылке экземпляра сего Г. Мозера. Ваше доброе участие к нашей авторской судьбе дает мне смелость утруждать вас сей моей покорнейшей просьбой с каковой я тоже обратился к Г. М. Богушевичь. Прося принять уверение в совершенном моем уважении имею честь быть вашим покорным слугою <*Писемский*>

435. И. В. ЦВЕТУХИНУ

13 Генваря <1875 г., Москва>

Почтен<нейший> Иван Васильичь!

Вместе с этим письмом вы вероятно получите объявление о посылке к вам платьеца на вашего сынка, не знаем угадали ли в мерку. Если паче чаяния платьеце это окажется

совсем не в пору то возвратите нам и мы его переменим и в этом случае только пришлите уж самую подробную мерку. Пиэса моя еще до сих пор не прислана в Москву, убедительно прошу вас справиться еще раз в главном управлении по делам печати когда экземпляр пьэсы будет выслан в Москву. Он здесь крайне необходим, потому что бенефис назначен 30 Генваря а для пьэсы еще нужно будет сделать костюмы ⟨и⟩ декорации: попросите от имени моего Г-на Богушевича, секретаря правления, которому я тоже писал, чтобы он поспешил утверждением министра и что он вам скажет уведомьте меня. Мозера вы всегда найдете в правлении а Богушевичь кажется приходит часу во втором.

Пишу рукой жены, своя очень устала. Буду ждать вашего ответа.

436. В. Г. АВСЕЕНКЕ

13 Генваря ⟨1875 г., Москва⟩

Многоуважаемый
Вас⟨илий⟩ Григ⟨орьевич!⟩

Обращаюсь к вам с великой моей просьбой. От попечителя москов⟨ского⟩ Учебного Округа 7-го января 1875 за №: 41 пошло в Министерство Народного Просвещения представление о командировании за границу на счет казны магистранта по физике Г. Зилова. Будьте столь милостивы для меня, спросите в Министерстве разрешится ли эта командировка и вместе с тем попросите и замолвите ваше словечко чтобы она состоялась. Молодой человек достоин этой отправки как по своим знаниям, трудолюбью, так и по нравственным качествам. Я горячо хлопочу об этом и могу смело заверить, потому что юноша этот почти на моих глазах вырос, он был товарищем покойного Николая. О том как решен будет этот вопрос не откажите меня уведомить, чем крайне и несказанно обяжете душевно вас уважающего ⟨*Писемского*⟩

P. S. 19-го генваря здесь в Обществе Люб⟨ителей⟩ Рос⟨сийской⟩ Слове⟨сности⟩ предполагается празднование мне юбилея, а 30-го Генваря пойдет вероятно моя пьэса на моско̀в⟨ской⟩ сцене. Все это весьма сильно треплет и без того уже разбитые нервы.

437. Д. И. ИЛОВАЙСКОМУ

14 января ⟨1875 г., Москва⟩

Почт⟨еннейший⟩ Дмитр⟨ий⟩ Иванычь

Будьте так добры пришлите с сим посланным мне билетов 20-ть на мой юбилей. Завтра вас жду.

Искренно вас уважающий ⟨*Писемский*⟩

438. Вс. С. СОЛОВЬЕВУ

⟨16 января 1875 г., Москва⟩

Милостив⟨ый⟩ Госу⟨дарь⟩ Всеволод Сергеичь! Позволяю себе утруждать Вас великою моей просьбой: сын мой Павел просит меня достать и выслать ему проэкты акционерных законодательств; но я решительно не знаю где они находятся в настоящее время, нет ли их у вас в рассмотрении и если я не ошибся в своем предположении и они действительно во 2-м отделении собственной его императорского величества канцелярии, то научите бога ради, каким образом я мог бы получить с них копию. Получение этих проэктов даст сыну моему возможность вполне окончить за границей свою диссертацию (он пишет ее об Акционерных Компаниях). В ожидании вашего обязательного ответа для себя остаюсь душевно преданный и уважающий вас *Писемский*

P. S. Адрес мой Поварская, Борисоглебский переу⟨лок⟩ свой дом.

16-го января
1875.

439. Т. И. ФИЛИППОВУ

[16] 17 января 1874 ⟨г. Москва⟩

Многоуважаемый Тертий Иванов⟨ич!⟩

Решаюсь обеспокоить тебя превеликой моей просьбой: сын мой Павел, который теперь в Париже и пишет диссертацию об акционерных компаниях, просит меня достать и выслать ему проэкты акционерного законодательства. Ты живеш в среде государственных деятелей: не можеш-ли достать мне копии с этих проектов [и прислать — что будет стоить пересы⟨лка⟩] или по крайней мере указать мне, где они находяться и научить меня каким образом я могу получить

с них копии. Все это будет не ради огласки какой нибудь, а чисто ради научной цели и имение этих ⟨копий⟩ даст возможность сыну моему вполне окончить диссертацию свою за границей.

Ожидая от тебя обязательного ответа для себя, дружески жму руку твою и прошу передать поклон мой от меня и жены супруге твоей остаюсь [дружески пожимая руку твою] душевно преданный тебе *Писемский*

P. S. Извини, что пишу рукой жены, своя ужь очень устала. 19 Генваря в Обществе Любителей Русс⟨кой⟩ Словесно⟨сти⟩ мне назначен юбилей, а 30 Генваря пойдет моя новая пиэса на сцене. — Все это не мало треплет мои и без того разбитые нервы.

440. П. С. ФЕДОРОВУ

⟨17 января 1875 г., Москва⟩

Милостивый Государь,

Павел Степановичь!

Из Главного Управления по делам печати я получил уведомление, что пиэса моя: Просвещенное время пропущена цензурою для представления на сцене и препровождена к Вам; но так как теперь осталось весьма малое время сезона и все бенефисы артистами уже разобраны, то я покорнейше прошу Вас постановку моей пиэсы отложить до осени 1875 года, что, полагаю, будет удобнее для дирекции и для меня. А вместе с тем я позволяю себе утруждать Вас еще моей просьбой: приказать в экземпляре моей пиэсы фамилию Сырдаръялов переменить просто на Даръялова, а фамилию Адатурова переменить на Аматурова, т. е. на такие фамилии, с какими пиэса будет напечатана в Русском Вестнике.

Прошу принять уверение в совершенном моем уважении и преданности, с коим и имею честь быть вашим покорнейшим слугою *Писемский*

1875 года
Генваря 17
Москва,
Поварская
Борисоглебский пер.
свой дом.

441. П. А. ПИСЕМСКОМУ

<18 января 1875 г., Москва>

Бесцен<ный> друг мой Поля! Пишу к тебе это письмо накануне моего юбилея и как еще он сойдет не ведаю: Алмазов будет читать отчет о моей литературной деятельности а в следующей неделе начнется репетиция моей пиэсы — какая и ее участь постигнет тоже не ведаю. Мы здоровы и оба с мамашей обнимаем и благословляем тебя. Люб<ящий> теб<я> оте<ц> *Пи<семский>*

442. Г. В. ЛЕРМОНТОВУ

19 генв<аря 1875 г., Москва>

Мой дорогой Г<еннадий> В<асильевич!>

От души благодарю за поздравления и за портрет. Верь, что все это глубоко чувствую. Посылаю тебе свой портрет и не имею времени много писать, потому что сей час еду в обще<ство> Люб<ителей> Р<оссийской> С<ловесности.>

Поклонись от меня почтеннейшей супруге твоей и еще раз благодарю. Душевно предан<ный *Писемский*>

443. С. В. МАКСИМОВУ

<ТЕЛЕГРАММА>

<19 января 1875 г., Москва>

Несказанно благодарю всех меня поздравивших и пью за их здоровье. *П<исемски>й*

444. И. А. ГОНЧАРОВУ

<ТЕЛЕГРАММА>

<19 января 1875 г., Москва>

Земно кланяюсь и благодарю всех меня поздравивших и пью за их здоровье. *П<исемски>й*

445. И. А. ГОНЧАРОВУ

<21 января 1875 г., Москва>

Многоуважаемый Иван Алек<сандр>ычь.

Не могу и выразить вам всей моей благодарности за ваши приветствия, которыми вы почтили меня по случаю моего юбилея. Вы знаете, как я высоко всегда ценил ваши литературные мнения и как часто и много пользовался вашими естетическими советами и замечаниями. Но по мимо этого

вы были для меня спаситель и хранитель цензурный: вы пропустили 4-ю часть Тысячи душ и получили за то выговор. Вы Горькой Судьбине дали возможность увидать свет божий в том виде, в каком она написана.

Все это я буду до конца дней моих помнить и для меня было бы самой большой радостью отпраздновать вашу высокохудожественную деятельность.

Дружески жму вашу руку и еще раз приношу мою благодарность за ваши приветствия

душевно и искренно вас уважающий ⟨*Писемский*⟩

21 января
1875

446. П. С. ФЕДОРОВУ

⟨ТЕЛЕГРАММА⟩

⟨21 января 1875 г., Москва⟩

Несказанно благодарю и взаимно желаю долгого процветания под вашим управлением Театра.

447. С. В. МАКСИМОВУ

⟨21 января 1875 г., Москва⟩

Мой милейший Сергей Васильичь.

Помимо телеграмы лично уж тебя благодарю за все, за все. Также поблагодари и прочих меня приветствовавших. Писать больше некогда. Все переживаемые мною волнения сильно расшатали мои нервы, а теперь еще надобно ехать отблагодарить московских друзей моих.

Любящий и уважающий тебя душевно *П⟨исемский⟩*

Января 21
1875 г.

448. Н. Ф. САЗОНОВУ

⟨ТЕЛЕГРАММА⟩

⟨21 января 1875 г., Москва⟩

Прошу передать всем артистам петербурским почтившим меня поздравлением мою глубокую благодарность.

449. О. А. НОВИКОВОЙ

⟨22 января 1875 г., Москва⟩

В понедельник вечером на будущей неделе приеду к вам с величайшим удовольствием, но в четверг не могу потому

что в сей вечер идет в 1-й раз на сцене моя пиэса: Просвещенное время.

До скорого с вами свидания остаюсь глубоко вас уважающий <*Писемский*>

22 генваря
1875 г.

450. П. А. ПИСЕМСКОМУ

<22 января 1875 г., Москва>

Бес<ценный> др<уг> наш Пс<ля!>

Об отзывах по твоим отчетам я еще слышал в Петербурге и уже писал к тебе об этом; но об безобразии особенном мне ничего не говорили; напротив, Страхов, который член ученого Комитета и который присутствовал в том заседании когда разбирались твои отчеты, говорил мне что об тебе сделан гораздо более еще благоприятный отзыв, чем о других. А что тебе поставлен<ы> [так сказать] на вид некоторые твои упущения, то [это вероятно] эта мера вероятно принята Ми<ни>стром обяза<тельной> в отношении всех вас, командированных за границу. Одному поставили на вид одно, другому другое [и во всяком случае]. Умоляю тебя об одном: нисколько этим не смущаться и не тревожится. Подобную безмыслицу Российскую ты постоянно [в жизни] будеш встречать на всевозможных поприщах. Будь здоров, покоен, и следующий отчет конечно напиши повнимательнее и в ихнем вкусе. Юбилей мой сошел [отличнейшим] [блистательным] блестящим образом, посылаю тебе печатный отчет об нем. Да хранит тебя бог. Обнимаю и благословляю тебя.

451. И. В. ЦВЕТУХИНУ

<22 января 1875 г., Москва>

Почтенней<ший> Ив<ан> Васи<льевич!>

Не знаю как и благодарить вас за отъискание проэктов об акционерных компаниях, которые бога ради и отправьте к Павлу под бандеролем. Стоить это будет весьма дешево. Адрес Павла следующий:

Во Францию. France.
в Париж. Paris.
Monsieur Pissemsky
Boulevard S[t] Germain 73 Maison Tallard.

Дружески жму вашу руку.

22 Генваря.

452. П. А. ПИСЕМСКОМУ

⟨22 генв⟨аря 1875 г., Москва⟩

Посылаю тебе, дорогой мой Павлуша, письмо Всеволода Соловьева, которое я получил от него по поводу твоей просьбы выслать тебе проэкт законов об акционерных компаниях. Поступай соображаясь с этим письмом как сам найдеш лучше. Независимо от этого Иван Васильичь Цветух⟨ин⟩ вышлет проэкт устава. Об выходке со стороны Министерства прошу еще раз нисколько не беспокойся. Преобразование Университетов оттянется непременно года на два. Благослов⟨ляю⟩ те⟨бя⟩ *Пи⟨семский⟩*

453. П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ

22 ген⟨варя 1875 г. Москва⟩

Многоуважаемый Петр Карло⟨вичь!⟩

Благодарю вас за ваше приветствие и память. Поверьте, что все это глубоко ценю и чтобы хоть сколько нибудь выразить вам свою брагодарность я как только выйдет Русский Вестник где печатается моя новая драма Просвещенное Время то возьму там экземплярчик этой пьэсы и вышлю к Вам, а теперь препровождаю пока сборник моих драматических вещей который я издал в прошедшем году. Дружески пожимая вашу руку и желая вам и всему вашему семейству всех благ земных остаюсь душевно преданный вам *Писемский*

454. Т. И ФИЛИППОВУ

24 января 1875 г. ⟨Москва⟩

Любезнейший друг
Тертий Ивановичь!

Во первых, от души благодарю за твое приветствие ко мне по случаю моего юбелея и независимо от теллеграммы, которую я послал Гончарову с моей благодарностью ко всем лицам, меня оприветствовавшим, я просил бы и тебя поблагодарить их от меня при свидании: у князя Мещерского ты, вероятно, их всех встречаеш. За тем ходатайство к тебе: у вас в контроле ищет места некто Николай Нилычь Дроздов — человек умный и дельный. Он уже был на испытании у вас и, как говорят, оказался способным; но он просил тогда себе места собственно в Петербурге, где по большому

количеству кандидатов, ему не могли обещать места; но теперь уж он желает ехать и в провинцию. Посодействуй, бога ради, к определению его: по некоторым обстоятельствам жизни своей он вызывает к себе большое участие. Об законоположениях по акционерным компаниям я прошу тебя не беспокоиться: я уже разыскал их и часть из оных вероятно уже и пошла к Павлу из Петербурга.

Принося от себя и от жены моей усердный поклон супруге твоей и дочерям, а также прося поцеловать и юнца остаюсь душевно преданный и уважающий тебя *Писемский*

455. С. А. ЮРЬЕВУ

<24 января 1875 г., Москва>

Любезный друг Сер<гей> А<ндреевич!>

В воскресенье вечером ко мне соберутся все лица, участвовавш<ие> в обеде; тебя хоть и не было тут, но ты был мой Бард и тебя усердно просил бы приехать ко мне в сей вечер, побеседуем, поужинаем. Буду ждать тебя. Твой *Писе<мский>*

456. П. А. ПИСЕМСКОМУ

25 Генваря 1875 г. <Москва>

Бес<ценный> др<уг> мой Поля

Письмо твое, в кром ты [пише<шь>] извещаеш меня, что получил мою пиэсу, пришло к нам вчера; но получил-ли ты торговые уставы, крые еще раньше к тебе послал, ты ничего не пишеш. Неужели они пропали? Если они не пришли еще к тебе, то уведомь меня о том, я немедленно тебе вышлю другие и сделаю розыск на почте, где они могли пропасть.

Что касается опять до выходки Министерства, то действительно, как я и предполагал, мера эта общая, принятая им для того, что, имея в виду, что со временем оно само уже будет назначать вас, хочет наблюдать за вами и держать вас в более строгих рукавицах — что, пожалуй, будет и недурно. — Да хранит тебя бог, будь здоров, покоен и забудь окончательно об этой истории, — это обыкновенный наш начальнический прием. Сей час еду ставить пиэсу мою на сцену. Благословляю тебя.

457. П. А. ПИСЕМСКОМУ

<26—27 января 1875 г., Москва>

Бесценный друг мой Поля!

Еще пишу тебе об твоем отчете: в Университет прислан отзыв Комитета, который и к тебе был прислан и между прочим спрашивают дополнительное мнение о первом твоем отчете, так как в Петербурге не оказалось достаточного специалиста по этому делу [и вообще] — мнение это поручено было сделать Умову, который тебе воздал [в нем] хвальбу великую. Значит, 1-й отчет расхвален безусловно и теперь тебе <нужно>, это совет всех добрых товарищей, *непременно написать третий отчет — дельно, сухо, если можно подробно* и уже переписав чисто несколько раз — просмотреть нет ли в нем граматических ошибок [а всего бы лучше если бы ты переписав прислал его мне, я бы сам его просмотрел по академическому словарю и наконец [отдал] позвал <?> бы просмотреть одного мне знакомого [очень опытному] отличного коррект<ора> [орфографические ошибки [конек] это шик нынешнего министерства], затем снова бы возвратил тебе и ты бы от себя послал в Петербург. Если же в Париже хочется просмотреть, то не церемонься а сходи к Ив. Сер. Тур<геневу> — попроси его прочесть с обращением внимания на орфографию и откровенно ему признайся, что это оттого, что тебе недостает внимания на это дело: он отличный корректор].

Об отчете твоем ты вероятно получиш бумагу и от Университета и пожалуста нисколько этим не смущайся, так как это обычная служебная процедура и в университетской бумаге ты прочтеш тоже самое, что читал в министерской. Факультет весь за тебя и все прямо объясняют недостаток твоего отчета тем, что ты полагал, что отчеты эти нигде даже не читаются, — напротив, оказывается что их не только читают в Петербурге и в Москве, но даже лучшие из них печатают в журнале министерства народного просвещения. Оканчивая письмо мое я снова повторяю: не смущайся нисколько и следующий отчет старайся написать акуратнее и старательнейшим образом избежать орфографических ошибок, так как они суть конек нынешнего министерства.

458. Д. В. АВЕРКИЕВУ

〈27 января 1875 г., Москва〉

Почтеннейший

Дмитрий Васильевичь!

Мне вчера не удалось попросить ваших стихов ко мне. Будьте столь милостивы ко мне: пришлите мне их по городской почте. Я весьма желаю их сохранить как знак вашего доброго расположения ко мне, которое, поверьте, всегда буду ценить. Душевно вам преданный *Писемский*

459. С. В. МАКСИМОВУ

〈27—28 января 1875 г., Москва〉

Мой дорогой Сергей Васильевичь!

В газетах я прочел, что костромичи литераторы и художники в память моего юбелея хотят в пользу бедных издать сборник. Если это действительно есть намерение, то ты, конечно, уж участвуеш в нем а потому уведомь, бога ради, действительно ли есть такое намерение...

О таком дорогом венке я никогда конечно и не мечтал и надеюсь только что вы позволите и мне участвовать в этом сборнике и чтобы [мне] моя в этом случае рука была не щербата. Остаюсь душевно любящий тебя *Писемский*

P. S. Буду с нетерпением ждать ответа от тебя.

460. Т. И. ФИЛИППОВУ

〈28 января 1875 г., Москва〉

Любезный друг

Тертий Иванычь!

Я уже тебе писал и благодарил за твое приветствие. — Ты знаеш сам, как я ценил всегда твои умные и искренние мнения касательно моих трудов!.. Об первой моей просьбе т. е. отыскании проэктов ты не беспокойся, они частию будут уже посланы Павлу, ну а по второй, т. е. в отношении Г-на Дроздова посодействуй что можеш.

Когда ты приедеш в Москву, то я убедительно прошу тебя остановиться у меня и прямо с железной дороги приехать ко мне.

Поклонись от меня и жены всей твоей семье, остаюсь дружески пожимая твою руку *Писемский*

28 Генв〈аря〉
1875.

461. И. В. ЦВЕТУХИНУ

<29 января 1875 г., Москва>

Мой дорогой Иван В<асильевич!>

Опять к вам с просьбой: на<д> сыном моим Павлом из Министерства Нар<одного> Просв<ещения> разразилась гроза: он как и другие командированные за границу молодые люди представлял отчеты, из коих два найдены совершенно удовлетворительными, но последний обруган и главное в нем найдены граматические ошибки, — так что сам министр обратил на это обстоятельство сильно свое внимание и сделал даже запрос Университету, в какой гимназии Павел учился — Университет расхвалил Павла и при этом объяснил, что [Павел] он кончил курс в гимназии с золотой медалью, а из Университета выпущен 1-м кандидатом. Ошибки эти у него произошли конечно не от безграмотности, а от поспешности и неряшливости — но я боюсь, что [Министерство] на это иначе взглянут. Не можете-ли вы в Министерстве Нар<одного> Пр<освещения> узнать в каком положении это дело и не разразится ли над бедным еще большего чего или так на том и кончится; следующий отчет он конечно пришлет самым окуратнейшим образом составленный и тщательно переписанный. В министерс<тве> все люди добрые, они не потаят этого от вас?

Писать к другим и просить об этом мне не хотелось-бы; но с вами, как с другом нашего семейства, я могу обо всем говорить откровенно; но вы об [всем] этом случае никому не говорите.

Буду ждать с великим нетерпением и страхом ответа [от вас] вашего. Душевно предан<ный> вам *П<исемский>*

Генваря 29
1875.

462. Б. Н. АЛМАЗОВУ

Середа <29 января 1875 г., Москва>

Приезжай завтра на первое представление Просвещенного Времени. Номер ложи 11-ой 1-го ряда с правой стороны. Жду тебя. *Писемский*

Середа.

463. С. А. ЮРЬЕВУ

Сер<еда 29 января 1875 г., Москва>

[Я взял ложу для друзей своих на первое т. е. на завтрашнее представление пиэсы моей Просвещенное Время.

Приезжай к 7-ми часам в театр, можеш взять с собой еще двух человек. В ложе этой будут всего только Алмазов и Мельников. Номер ложи 1-го ряда № 11 с правой стороны. Непременно же приезжай, твой *Писемский*]

464. П. И. МЕЛЬНИКОВУ

⟨29 января 1875 г., Москва⟩

[Я взял ложу в которую и вас бы просил приехать на первое т. е. на завтрашнее представление пиэсы моей Просвещенное Время. № ложи 11-ой 1-го ряда с правой стороны. До свиданья, ваш *Писемский*]

465. П. А. ПИСЕМСКОМУ

31 Генваря 1875 ⟨Москва⟩

Бесценный друг мой Поля!

Вчера сыграли в первый раз мою пиэсу. Сама пиэса принята публикой восторженно: со 2-го акта меня начали вызывать по несколько раз (чего никогда прежде не бывало: авторов обыкновенно вызывали по окончании пиэс, а тут публика как будто бы не [выдержала] вытерпела и поспешила меня оприветствовать! Вот мой друг, и мой юбилей, и нынешний прием моей пиэсы может быть наглядный для тебя пример, как колесо жизни поднимает иногда человека а иногда и опускает. Ты сам был свидетелем, сколько я перенес литературных невзгод, обвинений, ругательств, оскорблений. Я сердился конечно, огорчался, но никогда не падал настолько духом, чтобы бросить свое дело. Того же самого и тебе советую держаться в жизни и паче всего хлопотать о том, чтобы довершать свое ученое образование и в этом случае не смущаться [слишком] никакими шипами, которые тебе будут попадаться на сем пути, тем более, что материальным образом ты человек совершенно обеспеченный. Обнимаю [тебя] и благословляю тебя *Писемский*

466. М. Н. ОСТРОВСКОМУ

1875 $\frac{2}{1}$ ⟨Москва⟩

Многоуважаемый Михаил Николаичь. В память нашей старинной дружбы и в изъявление моей сердечной благодарности за ваше приветствие ко мне по случаю юбилея моего препровождаю при сем экземпляр пиэсы моей Просвещенное

Время, которая уже сыграна 30-го Генваря на здешней сцене и получила большой успех. От души желаю чтобы она хоть на короткое время доставила вам развлечение среди ваших служебных трудов. С Алек⟨сандром⟩ Николаичем мы видимся довольно часто. Он все что-то прихварывает последнее время. Впрочем, он лучше выглядит. Желая вам всего, всего хорошего остаюсь уважающий и преданный вам *Писемский*

467. А. Н. МАЙКОВУ

⟨1 февраля 1875 г., Москва⟩

Любезный друг Аполлон Николаичь! Прежде всего еще раз спасибо за ваше приветствие ко мне по случаю юбилея, а потом посылаю тебе и Леониду Николаичу по экземплярчику пиэсы моей Просвещенное время, которая уже 30-го генваря сыграна здесь на Малом театре и имела большой успех. Да хранит всех вас бог, вам преданный *Писемский*

P. S. Прилагаю также экземплярчик и для Страхова. Не делаю вам надписей ибо сего под бандеролем не позволяют делать.

468. Т. И. ФИЛИППОВУ

⟨1 февраля 1875 г., Москва⟩

Любезный друг Тертий Иванычь.

Посылаю тебе экземплярчик моей новой пиэсы Просвещенное Время, которая уже отпечаталась и 30-го Генваря была сыграна на Малом театре, при чем имела весьма значительный успех, в особенности 2-й акт и конец 4-го. Да хранит тебя господь бог со всеми твоими домочадцами, преданный тебе *Писемский*

P. S. Посылаю также и Михайлу Николаичу ⟨Островскому⟩ вместе с этим экземплярчик пиэсы, но так как решительно забыл имя дома его, то уже адресую просто в Государственный Контроль.

469. А. А. КРАЕВСКОМУ

18$\frac{2}{1}$75 ⟨Москва⟩

Почтеннейший Андрей Александрович

Посылаю Вам при сем три экземплярчика драмы моей Просвещенное время для Вас, для Г-на Бильбасова и Зотова,

и да послужит это выражением моей большой благодарности за то, что вы почтили меня приветствием в мой юбилей.

Желая Вам всего лучшего и дружески пожимая вашу руку остаюсь преданный Вам *Писемский*

30 числа пиэска эта сыгралась здесь на Малом Театре и получила большой успех. Не делаю на экземплярах надписи потому что почтамт не позволяет сего делать под бандеролем.

470. С. В. МАКСИМОВУ

〈1 февраля 1875 г., Москва〉

Любезный друг Сергей Васильичь!

Посылаю тебе и трем братьям Потехиным Алексею, Николаю и Павлу по экземплярчику моей пиэсы и да послужит это хоть малым выражением моей дружбы к вам и моей благодарности за ваши приветствия по случаю моего юбилея. Да хранит вас всех бог на долгие дни, остаюсь душевно преданный вам *Писемский*

471. П. В. АННЕНКОВУ

2 Февраля, 1875 г. 〈Москва〉

Мой дорогой
Павел Васильичь!

Да, действительно: все мои литературные труды прошли под наблюдением вашего дружеского и естетического ока!.. Спасибо вам за это и за ваш привет, он дорог и ценен для меня. Посылаю Вам на ваш суд и разумение экземплярчик моей пиэсы. Напишите мне откровенно — как она вам покажется. 30-го Генваря она здесь в Москве шла на Малом театре и имела очень большой успех. Не делаю на экземплярчике надписи, потому что [здесь] на почте с надписью под бандеролью не принимают. В конце марта я сам с женой, разумеется, думаю приехать к сыну в Париж — может быть там и съедемся в одно время?

Супруге вашей от нас поклон, детей перецелуйте. Дружески обнимаю вас и остаюсь преданный вам *Писемский*

472. И. А. ГОНЧАРОВУ

〈2 февраля 1875 г., Москва〉

Многоуважаемый Иван Александрычь. Посылаю вам при сем экземплярчик моей новой пиэсы Просвещенное время, уже съигранной в Москве 30-го генваря на Малом театре и

принятой публикой весьма благосклонно, и при этом еще раз хочу вас поблагодарить за ваше дружеское внимание и расположение, которое, поверьте, буду ценить всю жизнь. Не делаю на экземплярчике надписи, потому с ней в почтамте под бандеролем не принимают. Дружески пожимая вашу руку остаюсь навсегда вам преданный *Писемский*

473. В. Г. АВСЕЕНКЕ

⟨2 февраля 1875 г., Москва⟩

Почтеннейший Василий Григорьичь.

Несказанно благодарю вас за ваше приветствие по случаю моего юбилея и поверьте что никогда не сомневаясь в вашем добром внимании ко мне, объяснил ваше молчание просто отъездом куда нибудь из Петербурга, вы не на словах а на деле доказали мне ваше дружеское расположение. Увы! моему клиенту отказано в его просьбе — как известили его. Правда ли это? и нельзя ли как нибудь помочь ему в этом деле. Известите меня хоть коротенько. Посылаю при сем к вам экземплярчик моей пиэсы, которая 30-го генваря сыгралась уже на малом театре и имела очень большой успех. Дружески жму вашу руку и прошу передать мой поклон вашей супруге. Душевно преданный вам *Писемский*

P. S. Не делаю надписи, потому что с надписью под бандеролем на почте не принимают а посылкой такой маленький экземплярчик посылать слишком легко.

474. Г. В. ЛЕРМОНТОВУ

⟨2 февраля 1875 г., Москва⟩

Любезный друг Генадий Васильичь.

Посылаю экземплярчик моей последней пиэсы. Надписи не делаю ибо с оною на почте под бандеролью не принимают. 30-го генваря моя пиэса сыграна в Москве с большим успехом. Дай бог тебе и супруге твоей и сыну всех благ. Преданный душевно *Писемский*

475. П. И. ФРИДБЕРГУ

⟨3 февраля 1875 г., Москва⟩

М⟨илостивый⟩ Г⟨осударь⟩
П⟨етр⟩ И⟨ванович!⟩

Имею честь препроводить и вам пиэсу мою Просв⟨ещенное⟩ вре⟨мя⟩, ныне уже отпечатанную и даже сыгранную

на московской сцене, где она получила блестательный успех. Да послужит этот экземплярчик хоть слабым выражением того глубокого чувств<а> признательно<сти>, крое я навсегда сохраню к вам за ваше доброе участие к моей сценической судьбе и вместе с тем я покорнейше прошу приказать в процензурованном экземпляре фамилию Сырдаръялова переменить просто на Дарьялова а фамилию Адатурова [пере] на Аматурова, т. е. так, как они напечатаны. Сделал это я затем, что первая из этих фамилий была очень длинная, а к второй существует в Москве близко подходящая и господа, ее носящие, мо<гут> обидеться.

За тем прося еще раз принять от меня благодарность за пропуск моей пиэсы имею честь быть вашим покорным слугой *П<исемский>*

476. И. В. ЦВЕТУХИНУ

<3 февраля 1875 г., Москва>

Мой дорогой Иван Васильичь!

Несказанно вас благодарю за вашу справку в Министер<стве> Нар<одного> Пр<освещения> и посылаю вам экземплярчик моей пиэсы Просвещенное время. Да послужит он свидетельством моей дружбы и приязни к вам. Пиэса моя была уже сыграна в Москве с большим успехом. Юбилей мой тоже прошел очень хорошо. Да хранит вас бог со всеми ваш<ими> домочадцами.

477. П. А. ПИСЕМСКОМУ

4 февраля <1875 г., Москва>

Бесценный друг мой Поля! Когда ты получиш это письмо то вероятно уже будеш беседовать с Зиловым, который в прошлое воскресенье хотел выехать в Париж. Пьэса моя делает шум: публика рвется смотреть ее и билетов не хватает. Другое событие в Москве — это идущие теперь выборы дворянские: одна сторона желает почеркнуть князя Мещерского (губернского предводителя) а другая отстоять. Теперь я хочу приняться за роман, поработать над ним и затем к тебе в Париж. Из Университета об твоем отчете послана полная похвала в Министерство и к тебе собственно не будет никакой бумаги, значит ты по этому делу можеш совершенно успокоиться, как по делу совершенно конченному. Обнимаю и благо<словляю> тебя *Пис<емский>*

478. П. И. МЕЛЬНИКОВУ

⟨4 февраля 1875 г., Москва⟩

Почтенне⟨йший⟩ Павел Иванычь!

Захлопотавшись я забыл повестить вас о номере ложи в первое представление моей пиэсы и чтобы хоть сколько нибудь искупить вину свою прошу вас приехать в среду в театр в мою ложу, кличка сей ложи такова: 1-ой ряд № 10-ой с правой стороны. В ней будут еще некоторые из моих друзей. Посылаю вам при сем экземпляр моей пиэсы. До свиданья, душевно преданный вам *Писемский*

479. М. Е. КУБЛИЦКОМУ

Вторник ⟨4 февраля 1875 г., Москва⟩

Почтеннейший Михаил Егорычь

Я взял на середу ложу на мою пиэсу, № ложи 10-й 1-го ряда с правой стороны. Приезжайте. В ложе будут некоторые из моих друзей. Преданный вам *Писемский*

480. С. А. ЮРЬЕВУ

⟨4 февраля 1875 г., Москва⟩

Любезный друг Сергей Андреичь!

В среду на мою пиэсу я взял ложу и номер ложи 10-й 1-го ряда с правой стороны. Приезжай. В ложе будут некоторые из моих друзей. Твой *Писемский*

вторник.

481. В. В. КАШПИРЕВУ

8 февраля ⟨18⟩75 г. ⟨Москва⟩

Люб⟨езнейший⟩ В⟨асилий⟩ В⟨ладимирови⟩чь!

Спасибо вам за ваше поздравление меня с моим юбилеем и посылаю Вам, как свидетельство моего дружественного расположения экземпляр моей пиэсы. В Питере ее, говорят, бранят многие, но в Москве напротив: на сцене, например, она имела громадный успех. Да хранит Вас бог. Поклонитесь вашей супруге. Ваш *П⟨исемский⟩*

P. S. Надписи на экземпляре не делаю, потому, что под бандеролем не допускают сего.

482. П. А. ПИСЕМСКОМУ

9 февраля ⟨18⟩75 ⟨Москва⟩

Бес⟨ценный⟩ дру⟨г⟩ мой Поля!

Мы получили твои два письма от 12 и 13 февраля вчера оба вместе, а сегодня 3-е, и на все их повторю тебе одно и тоже: что пожалуста не беспокойся, надейся на нас, как на каменную стену, мы люди достаточные, нас всего трое и на нас, слава богу, хватит. Располагай собой как сам найдеш лучшим. Чтобы ты ученую карьеру оставил мы не только не будем желать того, напротив будем умолять тебя продолжать оную. А что Министерству вздумается делать, об этом и беспокоить⟨ся⟩ нечего, да вероятно оно ничего и не сделает.

Об факультете опять тебе повторяю: факультет весь за тебя.

Вместе с этим письмом я посылаю тебе газеты с отчетами об моем юбилее и первом представлении моей пиэсы. Что то приехал ли к тебе в Париж Зилов? Будь покоен, здоров, бодр и весел и старайся ⟨сделать⟩ из себя специалис⟨та⟩ по торговому праву. В Апреле увидимся. Обнимаю и благослов⟨ляю⟩ тебя отец твой.

483. Н. Н. СТРАХОВУ

⟨10—12 февраля 1875 г., Москва⟩

[Мно⟨го⟩у⟨важаемый⟩ Никол⟨ай⟩ Н⟨иколаевич!⟩

Позволяю себе обратиться к вам с великой моей просьбой. Помните вы мне говорили об докладе Ученог⟨о⟩ Комите⟨та⟩ об отчетах сына моего, по случаю которых с ним случил⟨ся⟩ малень⟨кий⟩ грех. Два отчета его найдены очень хорош⟨ими⟩, а третий нет⟨?⟩ и [назван] признан поверхностным, но главное, что отчет этот на спех переписан и кроме того представляет граматические ошибки, за что Павлу и сделано замечание от Министерства, а между тем до получения этого замечания он послал еще 4-й отчет, который по содержанию серьезн⟨ый⟩, но по изложению и переписке может быть тоже небрежн⟨ый⟩, потому что откровенно говоря они все полагали, что отчеты эти даже и не читают; а потому не можете-ли как нибудь заявить (в случае если опять будут придираться к переписке и ошибкам), что это отчет ранее получения]

484. П. А. ПИСЕМСКОМУ

14 февр⟨аля⟩ 1875 ⟨Москва⟩

Бесцен⟨ный⟩ друг мой Поля!

Прошлой вторник я у некоей Рахмановой по рождению а по замужеству Самариной читал свою пьэсу Просвещенное время в присутствии самого высшего общества и многих славянофилов, т. е. всех братьев Самариных, князя Щербатова, Сухотиных, et cetera. Я подозреваю, что они сделали это затем отчасти, чтобы почтить меня вниманием как юбиляра да кстати послушать и чтение мое. Больше всего в пиэсе нравится и поражает 2-й акт и заключительные монологи Софьи Михайловны. Уставы разных обществ я постараюсь достать для тебя, в книжных лавках их конечно нет. Надобно попросить в самых учреждениях, чем я и займусь даже сегодняшний день. Последний отчет твой, посланный тобой до получения тобой бумаги из Министерства, если только он по торговому праву, будет вероятно прислан как и второй твой отчет в Москву, где конечно не будут делать бессмысленных граматических придирок. Бурные выборы губернских предводителей кончились. Мещерский сам отказался и выбрали Граф⟨а⟩ Бобринского а в кандидаты к нему Шереметьева, но кого государь из них утвердит — не решено еще! Да хранит тебя бог, обнимаю и благословляю тебя, любящий отец тв⟨ой⟩ *Писемский*

P. S. В пиэсе моей главную роль Софьи Михайловны играла Никулина — отлично, Дарьялова Самарин — недурно, Аматурова — Шумский — отвратительно, из акционеров: татарина — Макшеев а немца Петров — были велики, Препиратова — Садовский — хорош, Трухина — Акимова — отлично, публика впрочем вызывала больше меня чем актеров так что в следующий раз я уже и не поеду.

485. Д. И. ИЛОВАЙСКОМУ

⟨14 февраля 1875 г., Москва⟩

Почтеннейший Дмитрий Иванычь! Решительно не могу исполнить вашего желания так как то, что я предполагал читать находится у меня в таком неряшливом состоянии, что я не все даже могу и разобрать и чтобы привести это в порядок надобно не менее недели. Кроме этого главу эту

я еще заранее обещался прочесть на вечере предполагаемом в пользу общества драматических писателей. Душевно вас уважающий *Писемский*

пятница

486. П. В. АННЕНКОВУ

15/27 февраля 1875 <Москва>

Многоуважаемый
Павел Васильичь!

Не знаю как и благодарить Вас за ваш добрый отзыв о моей пиэсе и по поводу его вот какая у меня к Вам покорнейшая и убедительная просьба: Алмазов пишет мой автобиографический очерк; я ему прочел ваш отзыв и он желал бы поместить буквально в примечании это ваше мнение о моих пиэсах, с наимянованием вашей фамилии. — Разрешаете-ли вы сие или нет? Если разрешите, то я буду бесконечно вам благодарен; если же почему либо найдете это неудобным для себя, то не стесняйтесь и откажите! Очерк этот будет помещен в Русском Архиве у Бартенева, который тоже желал бы сохранить это ваше мнение об аз грешном; и еще мольба в том, поспешите немедленно уведомить меня о вашем решении, от которого будет зависеть выход книжки. Буду ждать с нетерпением вашего ответа, глубоко преданный вам *Писемский*

P. S. Вашей супруге кланяюсь.

487. П. А. ПИСЕМСКОМУ

16 февраля <1875 г., Москва>

Бесценный друг мой Поля!

Я еще в пятницу отправил тебе посылкой просимые тобой уставы и законы кредитные. Мне сказали что они придут в Париж дней через десять а потому ты спустя недельку справься в [Париже] почтамте не получены ли они. Зилов теперь непременно должен быть в Париже, так как мы получили от него письмо уж из Варшавы. Напиши мне самым точнейшим образом как долго т. е. до которого числа нашего Апреля ты можеш и хочеш пробыть в Париже дабы сообразно с этим я мог распорядиться своим выездом из Москвы, а тебя буду просить дожидаться нас в Париже не выезжая из оного никуда и в Париже мы решим на общем совещании куда нам ехать. Зилов вероятно тоже отправиться с нами. Обнимаю и благосло<вляю> тебя от<ец> *Пи<семский>*

Присмотри по ближности от тебя отель для нас, которая чтобы конечно была получше отель де Суец и меня тоже уведомь об ее [имени] имяни.

488. Г. В. ЛЕРМОНТОВУ

17 февраля 1875 ⟨Москва⟩

Любез⟨ный⟩ друг Генад⟨ий⟩ Васильичь!

Премного благодарю за твои хлопоты по моей просьбе. Я [бы желал] желаю заказать памятник в полтораста рублей, но так как теперь вероятно ставить еще [нельзя] невозможно, то [нельзя-ли] мне хотелось-бы окончательное решение отложить до 25 марта, т. е. до того времени, [с которого] когда я сам буду в Петербурге при проезде своем [за границу] в Париж к сыну. [Тепер] Тебя, разуме⟨ется,⟩ застанем еще в Петербурге да, может быть, вместе и за границу тронемся — из Парижа я думаю съездить в Италию.

Кла⟨ня⟩ясь от себя и от жены [своей] моей супруге твоей остаюсь душевно преданный *П⟨исемский⟩*

489. П. А. ПИСЕМСКОМУ

19 февраля 1875 ⟨Москва⟩

Бесценный друг мой Поля!

Мы ваше общее с Петром Алексеичем письмецо получили и душевно порадовались что он благополучно приехал в Париж и что тебя нашел бодрым и здоровым. Мы тоже здоровы. Писать решительно больше нечего. Обнимаю тебя и благословляю любящий тебя отец

Писемский

490. П. А. ПИСЕМСКОМУ

26 февраля 1875 ⟨Москва⟩

Бесценный друг мой
Павел.

Посылаю тебе Иллюстрацию, где напечатан мой портрет. Сверх ожидания он вышел не дурен. Избалованный последнее время твоими частыми письмами я уже сильно волнуюсь тем, что вот 4-й день а от тебя нет писем; но может быть, замедлила почта. Смоленская дорога от беспорядков дошла до гигантских размеров.

Вчера я слышал, что бедный Умов заболел, сегодня вечером узнаю в какой мере он болен и если сильно, то завтра

поеду к нему. Теперь здесь всех занимает поступок Маркевича, который будто бы уличен в том, что получил с Баймакова, издателя Петербургских ведомостей, деньги за переход к нему Петербургских Ведомостей и за сей поступок свой Маркевичь принужден был оставить службу, что уже есть в газетах. Редакция Русского Вестника сильно сама смущена, так как он был их ближайший сотрудник. Да хранит тебя бог. Обнимаю и благословляю тебя. Любящий тебя отец *Писемский*

491. П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ

27 февраля 1875 ⟨Москва⟩

Почтеннейший Петр Карловичь!

От глубины души благодарю вас за письмецо ваше и за присылку вашего портрета и взамен которого посылаю вам и свой портретик и да послужит этот обмен воспоминанием тех приятных вечеров, которые проводили мы с Вами в Москве. О горе нашем мне и говорить страшно, это вдосталь подсекло нашу жизнь и без того уже полустариков. Прошлое лето я и жена все жили за границей с нашим сыном а в конце марта тоже опять думаем ехать в Париж где теперь сын наш находится. Не думаете ли вы приехать в Москву а может быть получите возможность и совсем к нам переселиться. Поклонитесь от меня супруге вашей и вашим милым дочерям и затем дружески пожимая вашу руку остаюсь душевно вам преданный и уважающий вас *Писемский*

492. М. Н. ЛОПАТИНУ

⟨2 марта 1875 г., Москва⟩

Почтеннейший Михаил Николаичь!

Попомните и приезжайте ко мне во вторник в 7-мь часов вечера прослушать мой роман, чем несказанно меня обяжете. Душевно преданный вам *Писемский*

493. С. А. ЮРЬЕВУ

⟨2 марта 1875 г., Москва⟩

Любезный друг Сергей Андреичь!

В 7-мь часов во вторник т. е. 4-е марта приезжай ко мне прослушать мой роман, чем много и премного меня обяжеш. Любящий тебя *Писемский*

Воскресенье.

494. Б. Н. АЛМАЗОВУ

〈2 марта 1875 г., Москва〉

Любезный друг Борис Николаичь!

Во вторник в 7-мь часов вечера приезжай, ко мне прослушать мой роман, чем очень меня обяжеш. Любящий тебя *Писемский*

495. П. А. ПИСЕМСКОМУ

〈2—3 марта 1875 г., Москва〉

Бесцен〈ный〉 друг мой Поля!

Вот уже приближается время нашего отъезда за границу, между тем здесь стоят такие холода, что как будто бы середина зимы. В газетах пишут, что и в Европе холодно. В Париж на днях выезжает трупа из Народного Театра и будут там давать представления всего только одну пиэсу, которую ты вероятно и видал: Русскую свадьбу, Сухотина. Мы все опасаемся, что опозорят они там имя Русское на веки веченские. Умов покупает дом в Новой Слободе. Я вчера ездил с ним смотреть этот дом. По нынешним ценам, он довольно не дорог. Дювернуа от нас переехали, и таким образом квартира их теперь у нас пустует.

Я писал, кажется, тебе, что брат Каткова Мефодий Катков стрелял в Леоньтьева, в следствии чего и содержался в сумашедшем доме, под стражей, где говорят, на днях и удавился. На бедного Каткова со всех сторон беды рушаться. Да хранит тебя бог, любящий тебя отец

Писемский

496. П. А. ПИСЕМСКОМУ

5 марта 1875 〈Москва〉

Бесценный друг мой Поль!

Сейчас получил я твое письмо, которому душевно обрадовался. Касательно путешествия располагай как тебе угодно, мы только приедем в Париж, чтобы видеть тебя, и там рабы твои. Вчера я кой кому из приятелей читал роман мой который ты знаеш и он очень всем понравился. Русский Вестник по случаю этого романа моего уже ухаживает за мною, но у меня еще очень мало написано и может быть нынешний раз что нибудь за границей поработаю. Да хранит тебя бог. Любящий тебя от〈ец〉 *Писем〈ский〉*

497. *И. В. ЦВЕТУХИНУ*

〈6–7 марта 1875 г., Москва〉

Мой добрейший Иван Васильичь!

Опять моя к вам просьба: справьтесь бога ради в Министерстве Народного Просвещения прислал ли Павел мой свой адрес в Министерство, если нет, то заявите в Министерстве, что адрес его тот же самый т. е.: в Париже Boulevard St Germain № 73 Maison Tallard и спросите в Министерстве сделано ли распоряжение в Министерстве об изготовлении ему векселя, если не сделано, то попросите сделать и не замедля выслать ему его вексель в Париж. Что вам там скажут потрудитесь меня уведомить. В конце марта я сам приеду в Петербург и оттуда поеду за границу. Остаюсь в ожидании вашего ответа и дружески пожимая вашу руку

Писемский

498. *П. А. ПИСЕМСКОМУ*

8-е марта 1875 〈Москва〉

Бесценный друг мой Поль! Я вчера получил от тебя статью Курьера. Статья хорошая хоть в тоже время должно сказать, что своего, лично автору принадлежащего в ней мало и все это больше выдержки из Русских критиков, немецкие критики в этом случае гораздо самостоятельнее будут. Мы предполагаем выехать из Москвы 23 марта по нашему штилю. Приехав 24 в Петербург, я сейчас справлюсь в Министерстве когда будет послан к тебе вексель. Затем пробыв два дня в Петербурге тронемся в Париж и на этот переезд от Петербурга до Парижа вероятно употребим дней 5-ть — 6-ть. Поэтому Анненкова я уже конечно не застану, но ты его спроси где он думает проводить лето. Сам же ты все продолжай писать в Москву впредь до нашего уведомления, что мы выехали. Обнимаю и благословляю тебя, отец твой *Писем*〈*ский*〉

499. *П. А. ПИСЕМСКОМУ*

11 марта 1875 〈Москва〉

Дорогой мой друг Поля!

Вот уже менее двух недель осталось до нашего отъезда из Москвы. Я этим временем дописал 1-ю часть моего романа: Мещане, читал некоторым из приятелей моих — всем

очень понравилось. В Москве никаких новостей — кроме наплыва разных концертистов и певцов с певицами и между прочими приезжала сестра Пати, которой шикали. Писать пока более нечего. Обнимаю и благословляю тебя отец твой *Пи⟨семский⟩*

P. S. Мы выезжаем из Москвы как я писал тебе в прошлом письме 23 марта и если все будет благополучно к 1-му Апреля по нашему стилю надеемся быть в Париже. За частые твои письма крепко тебя целую.

500. И. В. ЦВЕТУХИНУ

13 марта 1875 ⟨Москва⟩

П⟨очтеннейший⟩ И⟨ван⟩ В⟨асильевич!⟩

Я писал к вам и просил вас справиться в М⟨инистерстве⟩ Нар⟨одного⟩ Пр⟨освещения⟩ о том, что сделано-ли там расспоряжение об изготовлении моему Павлу векселя и когда он к нему будет послан; но до сих пор от вас нет ответа. Зная ваше доброе внимание ко мне я думал здоровы-ли ужь вы или наконец дошло-ли до вас письмо, а потому снова повторяю эту просьбу мою уведомить меня о том, что будет ли сделано расспоряженье о высылке Павлу денег, потому что иначе я от себя ужь должен буду послать ему. Бога ради, не замедлите вашим ответом, от которого будет также зависеть и отъезд наш за границу, который был⟨о⟩ мы назначили ⟨на⟩ 23 марта.

501. И. В. ЦВЕТУХИНУ

14 марта 1875 ⟨Москва⟩

Мой дорогой Иван Васильичь! Я только что просил вас об ответе на мое письмо, как получил его от вас, и потому извиняюсь, не хлопочите по этому делу больше ничего, при свиданьи объясню вам, почему я тут так беспокоился. Скоро свидимся. 23 марта мы думаем выехать из Москвы. Дружески жму вашу руку. Ваш *Пис⟨емский⟩*

502. В. Н. МАЙКОВУ

⟨14 марта 1875 г., Москва⟩

Почтеннейший Владимир Николаичь!

Будьте столь милостивы ко мне: сыну моему Павлу Писемскому изготовляется по требованию Министерства

Народ⟨ного⟩ Просв⟨ещения⟩ в Министерстве Финансов вексель, попросите в том отделении, в котором водили меня прошлой зимой, чтобы поспешили там высылкою сего векселя в Министерство Нар⟨одного⟩ Прос⟨вещения⟩. Поклонитесь от меня всем вашим а затем с желаньем вам всего лучшего остаюсь преданный вам *Писемский*

503. П. А. ПИСЕМСКОМУ

14 марта 1875 ⟨Москва⟩

Бесценный друг мой Поля!

Сейчас получил твое письмо от 20 марта вашего а также и от Ивана Васильича Цветухина, который между прочим пишет, что он справлялся в Министерстве Народ⟨ного⟩ Просв⟨ещения⟩ и там ему сказали, что вексель на твое имя еще 4-е марта нашего писано в Министер⟨ство⟩ Финансов изготовить, которое к 15-му числу марта пришлет его в Министерство Нар⟨одного⟩ Просв⟨ещения⟩ и оно с своей стороны дня через три отправит к тебе. Сами же мы, как я тебе уже писал, предполагаем выехать из Москвы 23 марта. Да хранит тебя бог. *Писемский*

P. S. Русская трупа, не полагаю, чтобы имела успех в Париже, так как будет давать всего только одну пиэсу Русская Свадьба. Жалею тут главное одно, чтобы поэтому господа французы не стали судить вообще о состоянии драматического искусства в России

504. П. А. ПИСЕМСКОМУ

17 марта 1875 ⟨Москва⟩

Бесценный друг мой Поль!

Меня перед самым отъездом посетил недуг — нарыв на заднице, мешающий мне и ходить и сидеть. По мнению врача он должен прорваться, но когда это совершится с точностью определить невозможно, а потому очень [вероятно] возможно, что отъезд наш отложится на некоторое время, что для меня несказанно грустно, но против веления судьбы ничего не поделаеш. Посылаю тебе вместе с этим письмом на день твоего рождения сто рублей, которые могут для тебя служить некоторым вспомоществованием в случае если бы в Министерстве позамедлили несколько высылкою тебе векселя, хоть этого нельзя ожидать, потому что из Министер-

ства Народ⟨ного⟩ Просв⟨ещения⟩ послано требование ⟨в⟩ Министерство Финансов еще 4-е марта, оттуда к 15-му марта вероятно будет прислан вексель и к тебе отправиться числа 18. Обнимаю и благословляю тебя, отец твой *Писемский*

P. S. Об отъезде нашем из Москвы я уведомлю тебя телеграмою, а потому ты не испугайся оной и до получения этой телеграмы все продолжай писать в Москву и также часто как и писал. В письмах твоих нам только и утешение.

505. П. А. ПИСЕМСКОМУ

21 марта 1875 ⟨Москва⟩

Бесценный друг мой Поля!

Нарыв мой лопнул и теперь на пути к разрешению, но когда оно совершится окончательно, — сказать теперь еще нельзя, а потому не могу определить и дня нашего отъезда. Вследствии всего этого, я снова прошу тебя продолжать писать к нам в Москву впредь до получения от нас телеграмы, что мы выехали из Москвы. Спасибо за частые твои письма (я сей час только получил твое письмо), они доставляют мне истинное утешение в моем недуге который видимо что кончается и отлогает наш отъезд на весьма непродолжительное время. Да хранит тебя бог, твой *Пис⟨емский⟩*

506. А. А. ПОТЕХИНУ

24 марта 1875 г. ⟨Москва⟩

Любезный друг
Алексей Антиповичь!

Я несколько позамедлил отвечать тебе, но причина тому та, что я болею, и потому ничего не могу сказать определительного, так как ни сам не могу приехать, ни выслать чего либо из написанного, потому что это написанное требует больших поправок, каковых по состоянию головы моей в настоящее время решительно не в состоянии делать. Если только я поправлюсь, то немедлено же поеду за границу, буду в Петербурге, увижусь с тобой, переговорю еще об этом. Во всяком случае для вас вернее будет на меня не расчитывать. Дружески жму твою руку и остаюсь душевно преданный *Писе⟨мский⟩*

P. S. Поклонись от меня всем нашим общим знакомым.

507. П. А. ПИСЕМСКОМУ

25 марта 1875 ‹Москва›

Бесценный друг мой Поля!

Вот уже 6-й день как от тебя нет писем. Вместе с этим я отправляю к тебе телеграму. Я все еще болен, нарыв мой прорвался, но когда заживет никто из врачей определить не может, хоть он уменьшился, следовательно день нашего отъезда мы не можем назначить.

Умоляем тебя об одном: продолжай писать по два раза в неделю к нам в Москву впредь до нашего уведомления что мы выехали из Москвы. Будем ждать уведомления от тебя с нетерпением. Отец твой *Писемский*

P. S. Обнимаю и благословляю тебя.

508. В. А. УМОВУ

Четверг 27 марта ‹1875 г., Москва›

Почтеннейший Владимир Алексеичь

В воскресенье, если все, по милости божией, будет благополучно, я выезжаю за границу. У вас вряд-ли, по своим недугам и сквернейшей дороге, успею быть а если вы урвете свободный вечерок, то приезжайте проститься. Не имеете ли что Павлу сказать? Дружески жму вашу руку и прося поклониться вашей супруге остаюсь душевно преданный вам *Писемский*

509. А. И. ПОСТЕЛЬНИКОВУ

‹27 марта 1875 г., Москва›

Мой дорогой Александр Иваныч! Поздравляю вас с повышением вашего брата и с получением им полка. Поздравьте и его от меня, когда будете писать к нему. Я, если все будет благополучно, выезжаю в воскресенье, приезжайте пожалуста ко мне проститься и отобедать часу в 1-м в воскресенье, чем несказанно обяжете душевно вам преданного и любящего вас *Писемского*

510. П. А. ПИСЕМСКОМУ

‹28 марта 1875 г., Москва›

Бесценный друг мой Поля!

В воскресенье, если все будет благополучно, думаем выехать; но ты все таки продолжай писать к нам в Москву

впредь до окончательного уведомления моего что мы в вагоне. Сегодня здесь похороны Леонтьева; стечение народа было огромное. Да хранит тебя бог. Твой *Писемский*

28-го марта 1875.

511. П. А. ПИСЕМСКОМУ

Воскресенье 30 марта 1875 го<да, Москва>

Бесценный друг Поля! Мы сейчас садимся в Вагон, чтобы ехать в Петербург, откуда я тебе напишу. Оба мы здоровы. Благословляю тебя. Твой *Писемский*

512. И. С. ТУРГЕНЕВУ

Понедельник
6/12 Апреля <1875 г., Париж>

Добрейший Иван Сергеичь!

Вчера вечером я вместе с женою приехал в Париж и сгораю желанием поскорее увидеть Вас, но до того устал и утомлен, что вряд-ли сегодня доберусь до вас, тем более, что чувствую значительную простуду. Во всяком случае напишите мне, когда я наверное могу застать Вас и я немедленно явлюсь к вам. Адрес мой: Boulevard St Michel, Hotel du Musée de Cluny, 18. До свидания ваш *Писемский*

513. П. В. АННЕНКОВУ

11/23 Апреля 75 г. <Париж>

Мой почтеннейший Павел Васильичь! Вот мы с женой уже и в Париже, но вас, к сожалению, не застали уже здесь. Впрочем надеюсь видеться с вами в Бадене: если милость божья будет к нам, то наши предположения таковы: числа до 25 мая нового штиля мы пробудем в Париже, а там вместе с Тургеневым приедем к вам в Баден, где я и думаю с женой пожить, сын же отправится в Берлин студировать. С милейшим Иваном Сергеичем мы каждодневно видимся; жаль только, что далеко живем друг от друга. Я остановился в Латинском Квартале, недалеко от сына, а именно Boulevad St Michel 18, grand Hôtel du Musée de Cluny, M-me Saulniev. Напишите мне, пожалуста, все-ли лето вы пробудете в Бадене и если уедите в Россию, то когда именно и когда из оной вернетесь обратно в Баден.

Да хранит вас бог со всеми вашими домочадцами. Поклони<те>сь от меня и от жены вашей супруге. Душевно вам преданный *Писемский*

514. И. С. ТУРГЕНЕВУ

⟨17 (29) апреля 1875 г., Париж⟩

Boulevard St Michel, Hotel de musée du Cluny 18.

Мой дорогой Иван Сергеевичь!

Я сегодня поутру хотел было ехать к вам, но все как то нездоровиться, а между тем даль страшная, а вас, пожалуй, и дома не застанешь, а потому черкните мне, когда вы будите дома и свободны, и я приеду к вам. До свидания — душей вам преданный *Писемский*

P. S. Вчера получил от Анненкова письмо. Вообразите, в конце мая он предполагает уехать из Бадена в [Париж] Россию, так что мы, приехавши туда, можем не застать его, — [так что] это сильно меня опечалило — я так мечтал пожить с ним около месяца.

515. П. В. АННЕНКОВУ

12⟨Мая⟩ 1875 года⟨30 апреля 1875 г., Париж⟩

Boulevard St Michel Hotel du musèe
de Cluny, 18, M-me Saulnieuv

Почтеннейший и милейший друг Павел Васильичь! Вот уже приближается время и нашего выезда из Парижа. Иван Сергеичь непременно сбирается выехать 25 числа, но если бы он и замедлил, то мы, если только живы и здоровы будем, непременно выедем около этого числа в Баден. На нынешней неделе должно здесь состояться литературно-музыкальное утро в пользу Русской Читальни. Участвовать в нем будут M-me Виардо, ее дочь и сын, Рубенштейн, Тургенев и я — один Штиглиц за три билета прислал триста франков. Иван Сергеичь рассказывал мне по письму вашему, что бедный Салтыков очень заболел по приезде в Баден, но что теперь ему однако лучше: душевно желаю, чтобы он в благорастворенном воздухе баденской долины получил себе облегчение; что касается до меня, то я, нельзя сказать, чтобы суетливо проводил время в Париже — все почти дома и тоже вследствии недугов: время разделения еды парижской окончательно расстраивает мой и без того плохой желудок и при этом какие то еще боли ревматические во всем теле. Напишите мне, пожалуста, что сколько времени нам приведется пробыть ⟨с⟩ вами до отъезда вашего в [Париж] ⟨Рос⟩сию, если мы приедем в Баден около 25 числа. Затем, дружески

пожимая вашу руку и кланяясь усердно от себя и от жены супруге вашей и деточкам, остаюсь душевно Вам преданный *Писемский*

516. Л. Ф. ФОН-ВЕНДРИХУ

⟨2 мая 1875 г., Париж⟩

Милостивый Государь

Лотарь Федорович!

Покорнейше прошу вас причитающиеся мне за квартиру деньги на срок 1 июня 1875 г. уплатить проживающей в квартире моей Юлие Захаровне Богуш-Селянке, чем премного обяжите уважающего вас *Писемского*

$\frac{17}{2}$ Мая

1875 г. Париж.

517. Е. П. ВОРОНИНОЙ

⟨5 мая 1875 г., Париж⟩

Милостивая Государыня

Елизавета Петровна!

Покорнейше прошу вас причитающиеся мне за квартиру деньги на срок 1 июня 1875 г. уплатить проживающей в квартире моей Юлие Захаровне Богуш-Селянке, чем крайне обяжите уважающего вас *Писемского*

$\frac{17}{5}$ мая

1875 Париж.

518. П. В. АННЕНКОВУ

⟨14 мая 1875 г., Париж⟩

Милейший друг,

Павел Васильичь!

Завтрашний день т. е. в четверг мы, если милость божья будет к нам, выезжаем из Парижа в Баден с вечерним поездом. Тургенев остается еще в Париже до субботы или, лучше сказать, сам, кажется, не знает еще до какого дня, хотя и клянется выехать в субботу непременно; но я все таки решился лучше дожидаться его в Бадене тем более, что просидя в Париже, я рискую не застать Вас в Бадене. Глафире Александровне наш поклон. Дружески жму вашу руку, ваш *Писемский*

Середа 26|14 1875.

P. S. Остановлюсь я на первый раз там-же, где и прежде останавливался: около железной дороги.

519. М. И. ЛЕБЛЕ

$\frac{26}{14}$ мая, 1875 г. ⟨Париж⟩

Милостивый Государь
Михайло Иваныч!

Покорнейше прошу Вас причитающиеся мне от вас деньги за квартиру уплатить проживающей в квартире моей Г-же Селянке, чем крайне обяжите уважающего вас *Писемского*

520. Б. Н. АЛМАЗОВУ

⟨Июль 1875 г., Москва⟩

Любезный друг,
Борис Николаичь!

Искренно благодарю тебя за присылку твоих Стихотворений, которые я сам прочел с величайшим удовольствием и даю читать другим.

Мы с тобой целую вечность не видались, заходи в середу вечером. Я непременно бываю дома.

Душей
преданный тебе
А. Писемский

Адрес мой: на Поварской, в Борисоглебском переулке, в собственном доме.

521. П. А. ПИСЕМСКОМУ

Пятница 11/23 ⟨июля 18⟩75 ⟨Москва⟩

Бесценный друг наш Поля!

Сей час мы получили от тебя письмо, которому душевно обрадовались. Я как приехал в Москву сей час-же избавился от моих недугов. Подробности жизни тебе будет описывать мамаша, а я буду извещать тебя только о состоянии нашего здоровья. У меня теперь пропасть хлопот по дому, который в многих местах следует ремонтировать. Обнимаю и благословляю тебя отец твой *Писемский*

P. S. Сегодня мы получили и вторую посылку твоих книг из Берлина.

522. П. А. ПИСЕМСКОМУ

Вторник 15/27 июля ⟨1875 г., Москва⟩

Бесценный друг наш Поля!

Вчера мы получили второе твое письмо. Что ты скучаешь в Берлине — это понятно; но, во 1-х, это принесет тебе наверно пользу в том отношении, что заставит много заниматься, а потом тебе очень ужь недолго и осталось быть в Берлине: когда ты получишь это письмо, то ужь менее 3-х мцев. Вчера приехал в Москву П. В. Анненков. Он глядит⟨?⟩ довольно бодро. Горло мое зажило, зато нервность ⟨?⟩ странствий еще более усиливаемая жарами, дошла до громадных размеров. Хочу ужь начать свое водолечение. Да хранит тебя бог. Обнимаю и благословляю тебя. Отец твой ⟨*Писемский*⟩

P. S. [Об уставах] Уставы акционерных компаний я хлопочу достать тебе, но пока только имею обещания. Кажется, потрухивают мне дать. Думают, что это я их описывать хочу.

523. П. А. ПИСЕМСКОМУ

⟨ОТРЫВОК⟩

⟨Около 20 июля 1875 г., Москва⟩

Квартиры наши все заняты и только в следующий четверг я сужусь у мирового с Кохновым, который решительно не хочет платить мне денег (он мне надолжал ужь до 400 руб.) К 1-му сентября я сгоню его с квартиры. По дому у меня идут хлопоты и огромный ремонт, так что в нынешнем году я понесу, вероятно значительный дефицит в доходах. Все мы в настоящее время только и мечтаем и молим бога, чтобы ты скорее возвратился к нам. Обнимаю и благословляю тебя. *Писемский*

P. S. Напиши все ли Зиловы уезжают или только он один.

524. П. А. ПИСЕМСКОМУ

Воскресенье 27/8 $\frac{\text{Июля}}{\text{Августа}}$ ⟨1875 г., Москва⟩

Бесценный друг мой Поль! Сейчас получили мы твое письмецо и благодарим бога, что ты здоров и покоин. Мамаша сейчас едит к Егорову, чтобы добыть у него устав двух акционерных обществ железных дорог (один уж у меня

есть: устав Смоленских железных дорог) которые я тебе и вышлю на днях и, может быть, добуду еще и 4-й. На счет закона 30 марта я справлялся у Анисимова, где мне и сказали, что он только был напечатан в Правительственном Вестнике, который еще постараюсь добыть у Родиславского в Канцелярии Генерал-Губернатора. Здесь стоит жара невыносимая и пыль в Москве неописанная. Да хранит тебя бог. Обнимаю и благословляю тебя. Любящий тебя отец *Писемский*]

525. П. А. ПИСЕМСКОМУ

Середа 30/11 <июля/августа 18>75<Москва>

Бесценный друг мой Поль! Я ждал было от тебя вчера письмеца, но не получил — может быть, сегодня получу. Третьего дня я отправил тебе уставы акционерных обществ, какие только нашел. Вчерашний день я судился с Кохновым у Мирового и милее всего, что он просил Мирового отсрочить разбирательство на том основании, что он получил поздно повестку и потому не успел собрать нужных для дела фактов. Мировой при этом пожал только плечами и постановил: взыскать с него! В половине Августа надобно еще подавать на него прошение о высылке его с квартиры и просить при этом уже предварительного исполнения. И не дождешься, кажется, когда бог приведет развязаться с этим человеком. Да хранит тебя бог. Обнимаю и благословляю тебя. Отец твой *Писемский*

526. П. А. ПИСЕМСКОМУ

Пятница 1/13 Авгу<ста 18>75.<Москва>

Бесценный друг мой Поль!

Письма твои несказанно нас утешают, дай бог чтоб все время также хорошо шло для тебя, как идет теперь. Мы здоровы и только сильно страдаем от жары. Постараюсь отыскать желаемую тобой книгу Зарудного и не замедля вышлю ее тебе. Посланные тебе уставы акционерных обществ, бога ради, сохрани бережно: я их достал через Егорова и он поставил первейшим условием, чтобы они были ему возвращены. Больше писать решительно нечего. Обнимаю и благословляю тебя. Отец тв<ой> *Писе<мский>*

527. П. А. ПИСЕМСКОМУ

4/16 Августа<18>75 г.<Москва>

Бесценный друг мой Поль! Вместе с этим письмом я отправляю тебе через книгопродавца Анисимова Итальянское Торговое право Зарудного; Гражданское-же Итальянское право, если оно тебе совершенно не нужно, ты сбереги: Анисимов изъявляет согласие взять его назад; но если оно хоть сколько нибудь тебе нужно, то ты оставишь его у себя.

Вместе с этой книгой посылаю тебе еще устав железнодорожный... Вчера от тебя не было писем и это меня ужь обеспокоило; но утешаю себя тем, что вчера было воскресенье и вероятно в почтамте задержали все нефранкированные письма, так как их нужно вписывать в книгу. Да хранит тебя бог. Обнимаю и благословляю тебя. Отец твой *Пис<емский>*

528. П. А. ПИСЕМСКОМУ

7/19 Августа 1875<Москва>

Бесценный друг мой Поль!

Сейчас получил твое письмо да и сейчас же отвечаю на него. В библиотеке твоей мы не могли сделать розыск так как ключь от нее у Юлии Захаровны, а она по своим делам уехала в Зарайск дня на два. Только дело вот в чем: 2-ой части X-го тома Устава Гражданского Судопроизводства я что-то не знаю. Есть 2-я часть X-го т<ома> Свода Гражданских Законов, который у меня есть и который я завтра же мог бы тебе послать, но так как не уверен, что он тебе нужен, то пойду завтра к Анисимову и если найду то что ты желаеш, то немедля тебе вышлю. Да хранит тебя бог. Обнимаю и благословляю тебя. Отец тв<ой> *Писем<ский>*

529. П. А. ПИСЕМСКОМУ

11/23 Августа<18>75<Москва>

Бесценный друг мой Поля!

Просимую тобою 2 часть X-го тома я вчера через Анисимова послал тебе. Что ты разрезал книгу Зарудного это [надо полагать] не важность: Анисимов вероятно возмет и разрезанную. Сборника кассационных решений мы пока не можем еще найти. Впрочем если не найдем я все таки завтра куплю ее и вышлю тебе не замедля. Павел Васильич Анненков уже возвращается в Баден и через несколько дней

вероятно будет в Берлине и хотел тебя повидать. Сборник Думашевского мы решительно не нашли пересмотрев все твои книги. Завтра по утру отправлюсь и куплю ее и завтра же вероятно и пошлю ее к тебе. Да хранит тебя бог. Обнимаю и благословляю тебя. Отец тв⟨ой⟩ *Пи⟨семский⟩*

530. П. А. ПИСЕМСКОМУ

14/26 Августа 1875 года ⟨Москва⟩

Бесценный друг мой Поль!

Сейчас получил твое письмо от 23/11 Августа и сегодня же к тебе отправил собрание кассационных решений Думашевского 1 часть к X-му тому, которое приобрел у Анисимова, у нас же таковою в библиотеке не оказалось — перебрали все до единой книги. Я все хлопочу по дому: живший под нами Завадовский съехал и оставил квартиру в таком виде, что я все съизнова должен был ее ремонтировать, впрочем ее сейчас же наняла одна госпожа Крюкова. Кохнов тоже говорят нанял себе квартиру, хотя об уплате денег, повидимому, вовсе и не думает, несмотря на то, что мировым судом уже приговорен к уплате следующей мне суммы. Вот уже с понедельника два месяца осталось тебе пребывать за границей. Кажется и не дождёшься этой радости, когда ты воротишься к нам. Обнимаю и благословляю тебя. Любящий тебя отец *Писем⟨ский⟩*

P. S. Не забудь к 1-му Сентября написать в Петербург о высылке тебе остального содержания.

531. П. А. ПИСЕМСКОМУ

Воскресенье 17/29⟨августа 18⟩75⟨Москва⟩

Бесценный друг мой Поля!

Сейчас получил твое письмецо от 24-го Августа. У нас уж началась настоящая осень. Александр Иваныч Постельников уезжал в отпуск и теперь возвратился: может быть я через него добуду тебе закон 30-го марта 1873-го года. Квартиру Завадовских уже сняли у нас: одна барыня Крюкова в весьма скором времени. В Москве никаких нет новостей и мы живем совершенно уединенно. Да хранит тебя бог, обнимаю и благословляю тебя. Любящий тебя отец *Писемский*

P. S. Третьего дня я послал тебе через Анисимова Собрание Кассационных решений к Х-му тому, которое ты вероятно скоро и получиш.

532. И. С. ТУРГЕНЕВУ

⟨19 августа, 1875 г., Москва⟩

Поварская, Борисоглебский пер., свой дом.

18 $\frac{IX}{19}$ 75

Мой дорогой Иван Сергеевичь! Вот уже полтора месяца почти, как я в Москве. В Берлине пробыл всего только две недели, и мы из оного вместе с П. В. Анненковым тронулись в Питер, из которого я через день отбыл в Москву. Павел Васильевичь проезжал через Москву в деревню и вот уже более недели как проехал обратно заграницу. Все свое длинное путешествие он [говорит] совершил вполне здоровым. Как то ваше здоровье? Напишите об себе! Вместе с этим письмом посылаю Вам стихотворения Алмазова, вам приподнесеные. Напишите мне, как они вам понравятся. Павел Васильевичь от некоторых в восторге. Я, кажется, писал вам, что, по письму вашему, я был у Юльана Шмидта, но по подлейшему моему неведению иностранных языков беседа наша не могла быть очень одушевлена и продолжительна. Он мне показался истым и немножко даже грубоватым немцем! Виделся также и с Кайслером, который мне между прочим сказал, что было переведено под именем Das ausgewühlte Meer мое „Взбаламученное море" и напечатано года три тому назад в газете Poste, но я этой газеты нигде уже в Берлине найти не мог. Сын мой остался в Берлине и несказанно меня утешает и своими частыми письмами, и тем, что много занимается и работает над диссертацией.

Да хранит вас бог. Остаюсь, дружески пожимая вашу руку, душевно преданный вам *Писемский*

533. И. В. ЦВЕТУХИНУ

⟨19 августа 1875 г., Москва⟩

Почтеннейший

Иван Васильичь!

[Снова] Прибегаю к Вам с моей великой просьбой: в Гражданский Кассационный Департамент Сената поступило дело мое с штабс-капитаном Орловым касательно взыскания

мною с него Орлова судебных издержек; поступило оно еще в Сентябре месяце прошлого года, а потому будьте так добры, справьте<сь> в Кассационном Департаменте когда оно будет решено; а главнее всего: посмотрите в деле этом мою доверенность, данную мною авдокату Шайкевичу и спишите с нее копию, которую, бога ради, пришлите мне. Вообще спросите [там] в Сенате каким-бы образом я мог эту доверенность возвратить себе, так как ходатайство по этому делу веду уже я сам. В Сенате вы, впрочем, не говорите что это я вас просил, а спросите так будто от себя, что что именно должен я сделать не будучи сам в Петербурге и желая получить эту доверенность обратно себе; [и] а прежде всего, бога ради, снимите мне копию и пришли<те> мне ее. Это единственная доверенность, с которой у меня не осталось копии, а я, как вы знаете, не могу быть спокойным в неведении подписанных мною бумаг. Остаюсь ваш *Писемский*

534. П. А. ПИСЕМСКОМУ

Пятница 22/3 <августа/сентября 1875 г., Москва>

Бесцен<ный> друг мой Поля!

Сейчас я получил твое письмо, которое меня решительно оживило — как ходят почты и понять невозможно. Вообрази себе: твое письмо предъидущее писанное тобой 15-го нашего Августа вечером так как ты в нем пишеш что спешиш ужинать: значит оно пошло 16-го, а я получил его в 4 часа 18. Поэтому оно перелетело в Москву в два дня, а настоящее же письмо твое пришло на 5-й день а случались письма что и на 6-й. Что это такое понять невозможно. Мы живем по прежнему совершенно уединенно и заняты исключительно тем, что считаем дни когда ты к нам вернешься. Да хранит тебя бог. Обнимаю тебя и благословляю. Отец твой *Писем<ский>*

P. S. Думашевского я тебе послал еще в прошлой четверг, и закон 30-го марта тоже послал тебе. *П.*

535. П. В. АННЕНКОВУ

<26 августа 1875 г., Москва>

Почтеннейший Павел Васильевичь! Несказанно Вас благодарю за уведомление ваше о моем сыне, а вместе с тем

и от души радуюсь и поздравляю вас с благополучным прибытием вашим в Берлин, откуда добраться до Бадена уже не далеко. Что касается до нас, то жена здорова, а я окончательно делаюсь мучеником моей ипохондрии, которая еще тем более увеличивается, что все время погода здесь стоит невероятно дурная. Да хранит вас бог и желаю вам паче всего здоровья и скорого свиданья с семьей. Остаюсь душевно и нелицемерно вам преданный *Писемский*

P. S. Супруге вашей от меня и от жены просим передать низкий поклон.

1875 г.
26 Августа

536. П. А. ПИСЕМСКОМУ

26 Августа / 7 Сентября 1875 года ⟨Москва⟩

Бесценный друг наш Поль!

Третьего дня тебе мамаша писала и я тебе пишу теперь затем, чтобы сказать, что мы здоровы и все эти дни проводили с Марьей Марцеловной Михайловой, которую может быть уж и не помнишь. Завтра идут на Малом Театре мои Самоуправцы и мы едем смотреть их. Погода здесь стоит неописанной мерзости. Обнимаю и благословляю тебя
Любящий отец *Писемский*

537. П. А. ПИСЕМСКОМУ

10 Сент⟨ября⟩ / 29 Августа 1875 ⟨Москва⟩

Бесценный друг мой Поль! Напрасно ты думаеш, что утруждаеш нас своими поручениями. Это такое для меня приятное занятие и развлечение, что и сказать тебе не могу. Завтра же я разыщу просимые тобой книги и завтра же, вероятно, отправлю их на почту. Что касается до Взбаламученного моря, то пожалуй поищи, но вряд-ли что успееш сделать, потому что я был у Кайслера и по его указаниям разыскивал газету Post, где напечатан мой роман, [но] и ничего не мог найти. Анненкова же собственно просил я похлопотать об этом не в Берлине, а в Бадене и поручить это дело жидовке-книгопродавице, великой мастерице этого дела и которая мне уже доставала две книги моих переводов. Да хранит тебя бог. Обнимаю и благословляю тебя. Отец твой *Писемский*

538. *П. А. ПИСЕМСКОМУ*

2/14 Сентября 1875 ⟨Москва⟩

Бесценный друг мой Поля! Вчера послал тебе Цитовича две книжки, одну отдельно не продают, и я уже подписался на все четыре выпуска. Что касается до Малышева то он не издал еще своего Торгового Права, а пока только существует его Гражданское Право, но и то уже все распродано и в Москве нет ни одного экземпляра. Да хранит тебя бог, обнимаю и благословляю тебя отец твой *Писемский*

P. S. Если еще какие книги нужно, пиши, я сейчас же буду высылать тебе их.

539. *И. В. ЦВЕТУХИНУ*

[4] 5 сент⟨ября 1875 г., Москва⟩

Почт⟨еннейший⟩ Ив⟨ан⟩ В⟨асильевич!⟩

Я еще 19 Августа писал к вам, но и до сих пор не получил ответа от вас, что меня крайне беспокоит: получили ли вы мое письмо, а главное здоровы-ли вы? на случай неполучения вами письма повтор⟨ю⟩ к вам мою просьбу, которую я в нем излагал, а именно о том, чтобы вы справились в Гражданском Кассационном Департаменте Сената [о том, что]: решено-ли там мое дело с штабс-капитаном Орловым касательно взыскания мной с него — Орлова судебных издержек, а главное снимите и вышлите мне копию с доверенности моей, данной авдокату Шай⟨кев⟩ичу, которая должна находиться при этом деле и с которой у меня не осталось копии. И вообще спросите в Сенате каким образом мне получить эту доверенность обратно, не ездивши для этого самому в Петербург.

О себе сказать мне нечего. От Павлуши получаем очень часто письма. Жена здорова, я же день от дня что-то все хуже, ипохондрия моя развивается до сумашествия.

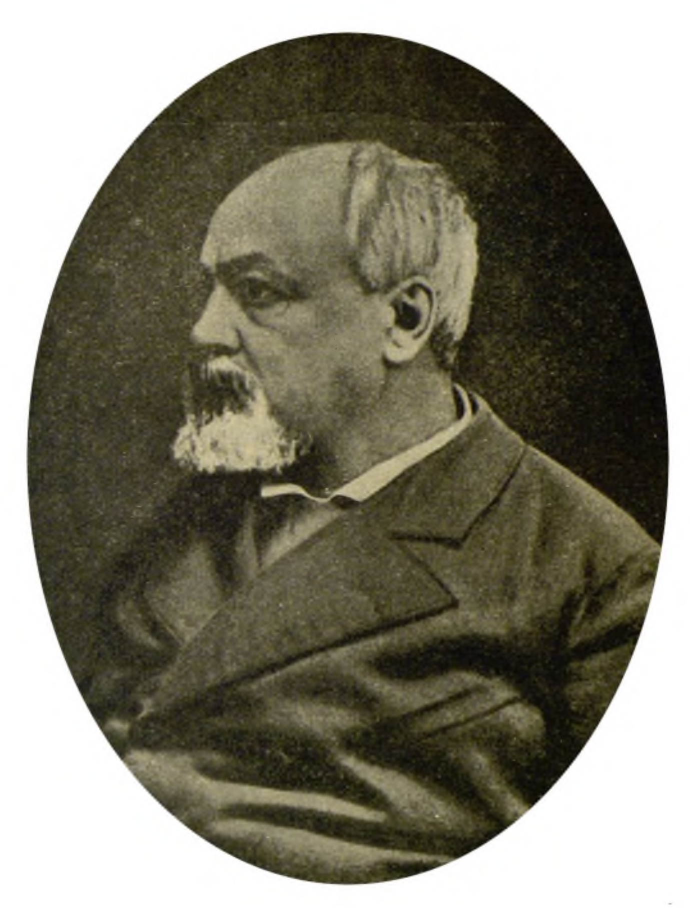
Остаюсь душевно преданный вам *Пи⟨семский⟩*

540. *П. А. ПИСЕМСКОМУ*

8/20 Сентября 1875 ⟨Москва⟩

Бесценный друг мой Поль!

Сейчас получил я от тебя письмо, которое меня обрадовало. Здесь ничего решительно нет нового!.. Вчера было были у нас Актрисы Шуберт и Стрепетова, приехавшие

А. Ф. ПИСЕМСКИЙ

Фото середины 1870-х годов (Гос. театральный музей им. А. Бахрушина)

к нам с открытия Артистического Кружка, которое чинил взявши в свое управление актер Вильде и уже на поправку одного здания не ведомо из каких источников ухлопавши огромную массу денег. Книги Цытовича предстоит нам получить еще два выпуска, так как я подписался на все полные 4-е выпуска, в которых будут и желаемые тобой лекции о торговых товариществах. Да хранит тебя бог. Твой отец *Писемский*

541. П. А. ПИСЕМСКОМУ

1875 13/25 ⟨сентября, Москва⟩

Бесценный друг мой Поль! Прежде всего тебе великое спасибо за частые твои письма, которые нас несказанно успокаивают. — *Напиши мне сейчас-же* достанет-ли у тебя денег до 1-го октября по нашему стилю и так как высылкой из Министерства векселя могут замедлить, то я предполагаю выслать тебе к 1-му октября нашего стиля *сто рублей,* которые, если Министерством и будет прислано тебе жалованье, пригодятся тебе на дорогу. Пожалуста отвечай не медля на это письмо, чтобы я заблаговременно мог распорядиться. Обнимаю и благославляю тебя. Отец *Писемский*

542. П. А. ПИСЕМСКОМУ

Середа 17/29 ⟨сентября 18⟩75 ⟨Москва⟩

Бесценный друг мой Поль! Вот уже осталось только полтора месяца до возвращения твоего к нам... Мы живем уединенно: заезжают только Усов и Юрьев — последний перевел две драмы Лопе де Вего и читал нам. Погода все время стоит отвратительная, что окончательно развило во мне мое ипохондрическое настроение — только письма от тебя и оживляют меня. Да хранит тебя бог! Обнимаю и благословляю тебя. Отец *Писемский*

543. А. В. ЗИЛОВОЙ

⟨19 сентября 1875 г., Москва

Милостивая Государыня
Александра [Егоровна] Васильевна!

Прежде всего позвольте Вас поблагодарить за ваш [любезной] добрый ответ на письмо жены моей и вместе с тем снова повторить ту-же нашу великую просьбу не оставить

вашим [добрым] вниманием нашего сына. Он все время [в] вашего отсутствия из Берлина пробыл как пишет в совершенном [уединении] одиночестве и приезду вашему, как он пишет] крайне обрадовался. В Берлине ему осталось пробыть с небольшим месяц, но чем короче будет этот срок, тем наше родительское [сердце] нетерпенье и беспокойство будут возрастать. Как сами мать вы конечно хорошо [это] поймете наши чувства, а потому еще раз поручая вашему вниманию нашего [птенца] Павла и прося передать от меня и от жены усердный поклон [и вашему сыну и вашей дочери] Петру А<лексеевичу> и Мар<ье> А<лексее>в<не> остаюсь с глубоким моим уважением *Писемский*

1 окт<ября> / 19 сент<ября> 75.

544. П. А. ПИСЕМСКОМУ

Воскресенье 21 Сентября / 3 Октября <18>75 <Москва>

Бесценный друг мой Поль! Касательно высылки тебе жалованья из Петербурга мы просили справиться в Министерстве Варвару Александровну Куликову, от которой на днях и ждем ответа и в чем он будет состоять тебе немедленно сообщим — просим в настоящее время сделать эту справку не Ивана Васильевича Цветухина потому что, вообрази, он был очень болен. У него существовала вероятно уже с давних пор жировая шишка, которая, как он сам пишет, нынешним летом развилась до громадных размеров, так что он не мог уже шляпы надевать и поэтому надобно было срезать эту шишку: операция эта была очень продолжительная и с большой потерей крови, так что он до сих пор еще не выходит из дому. Писать больше нечего. Да хранит тебя господь бог. Обнимаю и благословляю тебя. Отец твой *Писем<ский>*

545. П. А. ПИСЕМСКОМУ

Четверг 24 <сентября> / 12 окт<ября> <18>75 <Москва>

Бесценный друг мой Поль! Сейчас мы получили от В. А. Куликовой известие, что тебе уже отправлены деньги из Министерства, и я бы убедительно просил тебя, чтобы ты ехал через Петербург а не через Варшаву, т. е. не по Смоленскому тракту на котором почти ежедневно случаются

казусы, сопровождаемые иногда и серьезными несчастиями. Денежный же расчет в этом случае усилится только на 15 руб., чтобы проехать от Петербурга до Москвы. В Петербурге ты можеш даже не останавливаться а прямо пересесть из вагона в вагон и ехать в Москву. Напиши мне как ты в этом случае думаеш распорядиться. У нас к великой нашей досаде три самые ценные квартиры Кохнова, Ворониной и Фонвендриха — пустые и когда еще займутся богу ведомо. Да хранит тебя бог. Л⟨юбящий⟩ те⟨бя⟩ от⟨ец⟩ *Писемский*

546. А. А. КРАЕВСКОМУ

25 сентября 1875 г. ⟨Москва⟩

Почтеннейший Андрей Александрович!

Расчитывая на вашу старую приязнь, обращаюсь к Вам с моей просьбою: получил я сведения, что Павел Степаныч Федоров запрещает актерам пиэсу мою Просвещенное время, пропущенную и цензурою и театральным комитетом, брать на бенефис на том основании, что *аки бы она безнравственна*. Пиэсу эту вы сами слышали в чтении моем с Савиной и вместе с тем можете, кажется, воздействовать на Федорова, а потому будьте так добры, объясните ему, что мнение его совершенно несправедливо и этим ошибочным взглядом своим он бьет только по карману и актеров и меня, и попросите его разрешить пиэсу взять желающим на бенефис: в Москве она давалась, имела и до сих пор еще имеет большой успех и ни на кого не произвела впечатления, чтобы она была безнравственна. Что он скажет Вам в ответ, будьте так добры — уведомьте меня. Напоминаю Вам мой адрес: Москва, Поварская, Борисоглебский переулок, свой дом.
Остаюсь душевно преданный вам *Писемский*

547. П. А. ПИСЕМСКОМУ

30/12 ⟨сентября/октября 1875 г., Москва⟩

Бесценный друг мой Поля!

Меня крайне удивляет что до сих пор ты не получил из Петербурга денег. Варвара Александровна Куликова давным-давно писала нам что тебе деньги посланы. Уведомь сейчас же когда их получиш. Денежная разница в проезде через Петербург а не через Варшаву всего простирается на 9 рублей,

как видно это из тарифа. Тому, что ты приедеш к 1-му ноября я не знаю как мы обрадовались. Обнимаю и благословляю тебя. Отец тв⟨ой⟩ *Писемский*

P. S. Мать тебе писала уже, что я был у Умова у которого на рассмотрении твои два отчета о которых он отзывается с большой похвалой. Они будут оба напечатаны в Университетских отчетах.

548. П. А. ПИСЕМСКОМУ

6/18 ⟨октября⟩ 1875 ⟨Москва⟩

Бесценный друг мой Поля! С чего ты взял, что я часто бываю у Умова? Я у него в продолжении почти трех месяцев был всего только два раза: в 1-й раз, когда мне сказали, что он тяжко болен, а потом — когда мне передали, что ему гораздо лучше — таким образом я бываю у всех моих знакомых когда они серьезно заболевают и точно также я заходил и к Дювернуа, и к Бугаеву, и к Усову, — словом ко всем моим знакомым профессорам, значит никакая изобретательная клевета из моих посещений не может ничего вывести. Деньги к просимому тобою сроку я вышлю. Да хранит тебя бог, обнимаю и благословляю тебя, отец твой *Писем⟨ский⟩*

549. П. А. ПИСЕМСКОМУ

⟨10—11 октября 1875 г., Москва⟩

Бесценный друг мой Поля!

Вместе с этим письмом я посылаю тебе сто рублей в отдельном конверте, так как в заграничной корреспонденции письма вместе с деньгами не принимаются. Обдумал-ли ты как повезеш книги? Я сегодня справлялся в Иностранном отделении цензуры и мне сказали, что когда ты книги повезеш с собою, то в Вержболове на таможне у тебя их отберут и взыщут с тебя за провоз от Вержболова до Москвы — прими все это к сведению и распорядись как сам для себя найдеш более удобным. Обнимаю и благословляю тебя. Отец *Писемский*

[10-го октября 1875]

P. S. Материал, тобой собранный для диссертации, ты не клади с книгами, а то и ему придется прокатиться через разные таможни, где он может затеряться. Ты их вези с собой!

Суббота
[12/24] 11/23 75.

P. S. Еще совет: прими в соображение: выезжая из Берлина немецких денег иметь в кармане только до Еидкунена, а там на дальнейший путь чтобы у тебя были уже Русские, которыми ты запасись в Берлине и возьми лучше всего пятирублевыми и вообще мелкими.

550. П. А. ПИСЕМСКОМУ

15/27 октября 1875. ⟨Москва⟩

Бесценный друг мой Поля!

Мать тебе уже писала об номере и числе пакета, в котором к тебе должны придти деньги: на всякий случай повторяю его еще раз: № 1, 11 октября 1875 г. Получить эти деньги ты должен дней через 6-ть после отправки, т. е. числа 17-го по нашему стилю. В Москве теперь сильное волнение: лопнул комерческий, ссудный банк, в котором у меня, как и в прочих частных банках, нет ни гроша, но тем не менее я другой день в каком-то лихорадочном состоянии, прислушиваюсь к этому общенародному бедствию. Акции этого банка все почеркнуты и на бирже не имеют никакой цены, а сколько получат вкладчики по билетам и текучим счетам — еще неизвестно, но говорят, [его] что дифицит огромный. Если есть в Берлине Московские ведомости, то в 261 номере их, от 14 Октября, ты можеш об этом прочесть очень обстоятельную статью. Правительство, кажется, серьезно озабочено, чтобы не было в Москве общего банкового кризиса, так как публика, под влиянием паники, пожалуй, сразу потянет из всех банков свои вклады и как пишут в газетах, оно готово в этом случае идти на помощь к банкам. Председателем лопнувшего банка был молодой еще почти человек, некто Полянский, который, если ты помниш, жил рядом с нами в Останкине. Теперь он уже арестован и вместе с ним еще один директор, фамилии которого я не знаю. Прокурорский надзор начал уже следствие. В самом

банке происходят раздирающие душу сцены: плачут, бранятся, падают в обморок — ужас, что такое!.. Да хранит тебя бог. Обнимаю и благословляю тебя. Отец т<вой> *Писемский*

551. И. В. ЦВЕТУХИНУ

<24 октября 1875 г., Москва>

Почтеннейший Иван Васильичь!

Дело Орлова с нами отправлено 2-го октября 1874 за № 7105, а то, что его не находят, произошло вероятно от того, что в Гражданском Кассационном Д<епартамен>те его надобно искать в так называемом исковом отделении, потому что оно собственно поступило не на кассацию, а не аппеляцию в следствии того, что судились мы, члены Губернского прав<ления>, то для нас 1-ая степень суда составляет Палата а Кассационный Д<епартамен>т 2-я степень. Когда вы объясните это в Д<епартамен>те то вероятно дело сейчас же отыщется. Благодаря за ваше беспокойство по моей просьбе и прося еще раз исполнить ее, остаюсь дружески пожимая вашу руку душевно преданный вам *Писе<мский>*

24 окт.
1875.

552. И. С. ТУРГЕНЕВУ

1875 $\frac{\text{октября 29}}{\text{ноября 10}}$ <Москва>

Мой дорогой Иван Сергеевичь!

Вот наконец сын ко мне возвратился из заграницы, что значительно меня успокоило, хотя физические недуги меня продолжают невыносимо мучить да более всего меланхолическое настроение и всевозможные страхи за близких мне людей. Над Москвою, как вы вероятно уже слышали и читали, разразился страшный удар, — лопнул и рухнул Комерческий Ссудный банк; открылось безобразнейшее мошенничество, акции все ничего не стоят да и по вкладам вряд-ли получить полную сумму. Я, разумеется, не пострадал по своему глубочайшему презрению ко всем нашим частным и так называемым общественным учреждениям. Куда я не покажусь меня все называют пророком, вспоминая 2-й акт моей пиесы Просвещенное время. В ссудном банке проявилось тоже самое <?*)> и мошенничество, как и в пиесе моей.

*) После слов „тоже самое" в рукописи оставлен пробел для одного слова.

Рекомендованную мне вами девицу Блярамберг я мог рекомендовать Гатцуку (издателю маленькой газеты). Он задал ей перевод а именно статьи Юльяна Шмита, обо мне и об вас, которые она перевела и перевела очень хорошо. Статейки эти уже пошли.

Вот вам все наши новости. Да даст вам бог здоровья. Остаюсь дружески пожимая вашу руку преданный вам *Писемский*

P. S. Где Анненков и не можете-ли вы сообщить мне его адрес.

553. В. И. РОДИСЛАВСКОМУ

⟨1 ноября 1875 г., Москва⟩

Милостивый Государь
Владимир Иванович!

Покорнейше прошу вас сделать распоряжение об увольнении меня из членов Комитета Общества Драматических писателей, так как я, по расстроенному состоянию моего здоровья, ни в каких комитетах участвовать не могу. Имею честь быть вашим покорным слугою *Писемский*

1875
Ноября 1-го.

554. С. С. КАШПИРЕВОЙ

18 $\frac{10}{XII}$ 75 ⟨Москва⟩

Милейшая Софья Сергеевна!

Ваше письмецо меня глубоко [огорчило] поразило и огорчило. Я сам любил душевно вашего мужа: он был из этого небольшого числа чистых людей, которых все менее и менее становиться; на могиле его можно написать, что он был человеко⟨м⟩ 40-х а не 70-х годов. Да подкрепит господь бог вас в вашей труженической жизни. Поручение ваше успокоить Г-жу Кохановскую я уже передал одному моему знакомому и он его передаст Аксакову. Остаюсь желая вам душевной твердости искренно преданный вам *Писемский*

555. А. Н. МАЙКОВУ

2 Января 1876 ⟨Москва⟩

Любезный друг
Аполлон Николаичь!

Обращаюсь к тебе с прошлогодней же просьбою: я написал новую пиэсу под названием Финансовой Гений.

Два экземпляра этой пиэсы уже отправлены из Дирекции здешнего императорского театра в Петербург по нижеследующему адресу: в канцелярию Г-на Директора императорских театров для передачи в Театрально-Литературный Комитет и цензуру от 30-го Декабря 1875 за № 2663. Схлопочи бога ради, чтобы она в следующую субботу была в вашем Комитете прочтена и разрешена. К запрещению ее ни в цензурном ни в вашем театральном смысле не вижу причин. Я читал уже здесь в обществе эту пиэсу и она имела большой успех. Поспешность ее пропуска необходима потому что ее берет на бенефис свой Вильде, который назначен в конце генваря. Бога ради потрудись сам идти в Комитет и схлопотать мне этот пропуск. Кланяюсь тебе и супруге твоей а также и всем детям твоим. Остаюсь дружески пожимая твою руку *Пис<емский>*

556. П. И. ФРИДБЕРГУ

1876 Января 2 д<ня, Москва>

Мил<остивый> Госу<дарь>
Петр Иванычь!

Пользуясь вашим добрым позволением обращаюсь к Вам с моею покорнейшею просьбой: от 30-го Декабря 1875 г. за № 2663 отправлены из Московской Конторы императорских театров в Петербург в Канцелярию Г-на Директора императорских Театров для передачи в театрально-литературный Комитет и цензуру два экземпляра новой моей пиэсы Финансовой Гений. Будьте столь добры пропустите ее в скором времени. Препятствий к тому, как вы сами изволите усмотреть, никаких нет. Поспешность же в этом случае необходима потому что пиэсу эту берет на свой бенефис здешний артист Вильде, каковой предназначен на 29 января сего года.

Еще раз поручая собственному вашему милостивому вниманию имею честь пребыть

Ва<шим>
покорнейшим слугою
Алексей Писемс<кий>

Адрес мой: Москва Поварская Борисоглебский переулок — свой дом.

557. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

⟨3 января 1876 г., Москва⟩

Напиши, мой добрый друг, в Питер касательно моей пиэсы. Пиэсу я уже отдал Вильде. Из Дирекции здешней она отправлена 30-го Декабря 1875-го года за № 2663 и называется Ф и н а н с о в о й Г е н и й. Пишу рукою жены, чтобы разборчивее было. Твой *Писемский*

558. А. Н. МАЙКОВУ

⟨14 января 1876 г., Москва⟩

Любезный друг мой
Аполлон Николаичь!

Опять к тебе обращаюсь с театральной просьбой: приятель мой Юрьев отправил в ваш театральный Комитет две свои переводные пиэсы из Лопе де Вега, одна из них называется Местечко Фуэнто Овехуно, а другая Кассандра герцогиня Феррарская. Похлопочи бога ради, чтобы поскорее их пропустили, а также бога ради уведомь меня хоть двумя строчками о судьбе моей пиэсы: „Финансовой Гений", просмотрена ли она и одобрена ли. Я более всего опасаюсь противодействия со стороны Федорова, который последнее время по неизвестной для меня причине, получил против меня какое-то предубуждение, а между тем задержка пиэсы моей повредит, кроме меня, актеру Вильде взявшему ее на бенефис, да и самой дирекции в смысле денежном. Еще раз повторяя мою просьбу похлопотать, как о моей пиэсе так и о пиэсах Юрьева, и о решениях какие на них последуют уведомить меня самым коротеньким письмецом. Остаюсь дружески пожимая твою руку *Писе⟨мский⟩*

1876
Генваря 14.

559. Ф. А. БЮЛЕРУ

⟨Вторая половина января 1876 г., Москва⟩

М⟨илостивый⟩ Г⟨осударь⟩
Федор Андреевичь

Спешу отвечать на ваше любезное приглашение: я употреблю все усилия, чтобы явиться к вам в четверг для прочтения моей комедии, хотя действительно очень сильно утомлен и дурно себя чувствую.

Прошу принять уверение в совершенном моем уважении ваш покорный слуга *Писемский*

560. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

⟨29 января 1876 г., Москва⟩

Любезный друг, Александр Николаичь!

Я вчера виделся с Гатцуком. Он непрочь от твоего предприятия и желает только обстоятельно с тобою переговорить, ради чего и просит тебя приехать ко мне *в будущую середу* и он ко мне придет непременно. Душевно преданный тебе *Писемский*

Четверг
29 Января
1876.

561. И. С. ТУРГЕНЕВУ

⟨7 февраля 1876 г., Москва⟩

Мой дорогой Иван Сергеичь!

Давным-давно я сбираюсь Вам писать, но то недуги, то хлопоты препятствовали тому. Прежде всего скажу вам, что сын мой возвратился уже из-за границы и теперь доканчивает диссертацию об акционерных компаниях, которую может быть нынешней весной и защитит. Я сам, несмотря на различные хворости и страшнейшую ипохондрию, написал пиэсу Финансовый Гений, которую и препровождаю к вам в двух экземплярах, из каковых один убедительнейше прошу переслать П. В. Анненкову, чего сам не делаю, потому что не знаю, где он пребывает, и напишите ему пожалуста, чтобы он хоть двумя строчками уведомил меня о своем местожительстве. Пиэса моя напечатана в маленькой газетке, потому что Русский Вестник не принял ее по негодности и таким образом у меня прервалась связь и с последним толстым журналом, которой меня печатал, и я отныне остаюсь без приюта среди многолюдной площади, именуемой Русская литтература.

Пиэса между тем была уже поставлена на сцену в Москве и имела и имеет большой успех. Нелепости спиритизма, продажная и глупая печать, фальшивые телеграмы, безденежные векселя видно слишком уже намерзили в глазах публики, так что меня неоднократно и с громкими рукоплесканьями вызывают и затем словесно благодарят, что я всех сих гадин хоть на сцене по крайней мере казню, так как, к сожалению, прокурорский надзор и суд не до многих еще из

них находит юридическ⟨ую⟩ возможность добраться. Да хранит вас бог. Напишите об себе хоть несколько слов. Дружески жму вашу руку *Писемский*

1876

562. П. В. АННЕНКОВУ

⟨8 февраля 1876 г., Москва⟩

Мой дорогой Павел Васильичь! Пишу это письмо к Вам на авось, адресуя его в Баден poste restante, так как точного адресса вашего я не знаю, о каковом и прошу вас убедительно меня уведомить. Через Тургенева я вчера послал Вам экземплярчик моей новой пиэски, именуемой Финансовый Гений, которой как вы увидите, я напечатал в маленькой газетке Гатцука, вследствии того, что с этой пиэской произошел странный случай. Я отправил ее в Русской Вестник, как в единственный журнал, с которым у меня сохранились некоторые отношения; но увы! и там из разных, как мне говорили, юных сотрудников образовалась враждебная мне партия, которая порешила возвратить мне рукопись за негодностью к напечатанию, но почти одновременно с этим пиэса была поставлена на Малом театре в Москве; публика обсыпает и актеров, и меня аплодисментами: выведенные в пиэсе глупая, продажная газетчина, фальшивые телеграмы, безденежные ложные векселя, явления видно слишком знакомые публике, которая помимо аплодисментов благодарит меня и словесно за то, что я хоть на сцене по крайней мере казню этих негодяев, до которых суду еще долго не добраться. Да хранит вас бог; поклонитесь от меня и от жены вашей супруге и перецелуйте детей ваших. Буду ждать вашего письмеца *Писемский*

1876 года
Февраля 9

563. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

⟨Конец февраля 1876 г., Москва⟩

Любезный друг,
Александр Николаичь!

Посылаю тебе в подлинннике письмо Леонтьева, сообразно которому ты сам увидишь, что он желает. Твой *Писемский*

P. S. Живет Леонтьев теперь уже не в гостинице Ленх, а в Мамонтовской гостинице, в Лоскутном.

564. А. И. ГАНИХУ

<8 июня 1876 г., Москва>

М<илостивый> Г<осударь>
А<лександр> И<ванович!>

Обращаюсь к Вам с великой моей просьбой: от Солигаличской Земской Управы через пристава 2 стана Солигали<чского> Уезда поступило [требование] в Московскую Управу Благочиния требование [об уплате мною] о взыскании с меня числящейся на клочке земли моей по д<еревне> Паримоново недоимки; между тем как известился я, что означенною землею владеет один из бывших кр<естья>н д<еревни> Вонышево и не только что не платил мне ничего, но даже не вносил за меня сборов а потому я вместе с сим прошу Г. пристава 2 стана или взыскать накопившуюся недоймку с сказанного кр<естьяни>на или же продать самую землю за цену, сколько числиться за ней недоимки, и затем на всегда ужь изъять ее из моего владения. — Попросите о сем и вы вашего товарища, которого я не имею чести знать и если он может сказанную землю описать и продать с торгов, то сим несказанно меня обяжет, что полагаю и законно и легко весьма сделать так как желающих купить эту землю много, и один из таковых являлся даже ко мне.

Примите уверения в соверше<нном> моем уважении [и преданности] с коим имею честь быть вашим покорным слугой *П<исемский>*

18 $\frac{VI}{8}$ 76

Адрес мой:
Москва, Поварская, Борисоглебский пер., свой дом.

P. S. Матушке вашей от меня, от сына и от жены поклонитесь.

565. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

<Середина июня 1876 г., Москва>

Любезный друг Александр Николаичь!

Вчера я передал Гатцуку твое желание, на это он мне сказал, что получил ваше условие и оное уже изменив отправил к тебе, и все что в этом условии начертано, он изменить не может и в официальное соредакторство вступить с кем бы то не было кроме тебя не желает, по крайней мере в продолжении первого года издания. Твой ***Писемский***

566. Д. И. ИЛОВАЙСКОМУ

<Середина июня 1876 г., Москва>

[Почте<ннейший> Д<митрий> И<ванович!>

Несказанно благодарю вас за вашу книжку. Я вчера сам хотел приехать к вам, но, по обыкновению, недуги мои помешали тому.

[Пр] Посылаю вам при сем мой драматический сборник. Может быть он для вашего маленького театра и пригодиться. В нем вы найдете все уже приспособленным к сцене. Дружески пожимая вашу руку остаюсь истино вас уважаю<щий> *П<исемский>*]

567. В КОНТОРУ МОСКОВСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ

<Середина июня 1876 г., Москва>

Я через разносчика газет, а равно и сам лично просил высылать мне Московские ведомости в Село Останкино, на дачу Чулкова, на мое имя, но таковых газет и до сего времени не получаю, а потому еще раз прошу [ра] сделать расспоряжение о высылке мне ведомостей по сказанному адресу *П<исемски>й*

568. Е. И. БЛАРАМБЕРГ

Останкино, дача Чубукова
<10—11 августа 1876 г.>

Любезнейшая Елена Ивановна!

Незамедляю отвечать на ваше письмо. Прежде всего радуюсь за ваш успех в Редакции Вестника Европы и душевно желаю, чтобы роман ваш был скорее окончен и напечатан. Что касается до нас, то мы живем [на даче] в Останкине [в] на даче Чубукова — погода первоначально стояла очень жаркая, а теперь [с неделю ужь] [очень] довольно холодная. Сын наш (это, кажется, ужь было без вас) защитил свою диссертацию, удостоен звания магистра Прав и факультетом избран в доценты на кафедру гражданского процесса; дело теперь стало только за Советом, который окончательно утверждает доцентов, и который, по случаю наступившего вакантного времени, не мог собраться.

Что касается до меня, то я, попрежнему, ничего не делаю и не могу ничего делать кроме маленьких хлопот и дрязг по дому. Ипохондрическое настроение владеет мною вполне:

ко всякой умственной работе полнейшее отвращение, к письменному столу подойти нет сил. [Старые раны душевные не только что не подживают и не затихают, но еще сильнее и больнее дают себя чувствовать.]

Тургенев проезжал через Москву, был у нас на даче; совершенно здрав и, повидимому, в очень хорошем настроении духа. [Более за тем решительно нечего писать, остаюсь дружески пожимая вашу руку]

Письмо это я пишу рукой жены, потому что моих каракуль вы вероятно и не разберете. Все мы вам кланяемся и желаем вам одновременно и трудиться и веселиться. Дружески пожимая вашу руку остаюсь преданный вам ⟨*Писемский*⟩

569. С. В. ФЛЕРОВУ

⟨19 сентября 1876 г. Москва⟩

М⟨илостивый⟩ Г⟨осударь⟩
С⟨ергей⟩ В⟨асильевич!⟩

От души благодарю вас за ваше поздравление и вместе с тем в свою очередь поздравляю и вас с рождением дочери. — Дай бог [чтобы вы в их] чтобы она росла и цвела. Очень бы обязали еслибы посетили как нибудь нас в середу вечером, когда мы непременно уже бываем дома.

Остаюсь с [душевным] искренним пожеланием вам всего лучшего,

Ваш покорный слуга *Писе⟨мский⟩*

Сент. 19
1876 г.

570. И. В. ЦВЕТУХИНУ

11 октября 1876 г. ⟨Москва⟩

Мой дорогой Иван Васильичь!

Сей час мы получили от вас письмецо о состоянии вашего здоровья, и [все] наши молитвы будут устремлены чтобы господь подкрепил Вас выдержать предстоящую Вам операцию. По собственным горе⟨стя⟩м и недугам я убедился, что бог [справедлив и] милосерд и явно оказывает помощь людям страждущим; а Вы сверх того еще один из тех *чистых* людей [и праведников], за которых господь милует целые города. В письме вашем меня утешили и твердый почерк [вашего письма] ваш и тон [его] ваших мыслей [которые]; все это несомненно показывает, что общее состояние вашего здоровья

совершенно нормально; а при [таком состоянии] таких силах в организме операции всегда имеют благополучный исход. Павел наш уже получил Кафедру Гражданского процесса и начинает читать [лекции]. Будем ждать с великим нетерпением весточки от Вас. Да подкрепит вас господь, остаюсь дружески пожимая вашу руку *Писемский*

571. И. С. ТУРГЕНЕВУ

<12—15 октября 1876 г., Москва>

Мой почтеннейший и добрейший Иван Сергеевич! Зная ваше доброе расположение ко [всей нашей семье] всему нашему семейству, я [спешу] не замедляю вас уведомить, что сын мой, пройдя все мытарства [коллегиального парада] и преграды, получил наконец кафедру „Гражданского процесса" и уже прочел три лекции. Сколько за все это время мы прожили волнений и сказать того не могу. [Читать он кажется начинал не дурно]

Маслов, как-то встретясь со мной, сказывал мне, что Вы кончили ваш большой роман [—названье его, кажется, Новь]. С нетерпением будем ждать прочесть его. — Печататься он, вероятно, начется с Генваря. Дай бог ему полного успеха!

В Москве, между тем, как и во всей, я думаю, России, сильное уныние: во первых ожидание войны, потом застой в сих делах, безденежье [сильное] — одни только газеты и благоденствуют, разнося каждодневн<о> разного рода лживые телеграмы. К довершению этой картины, в стенах московского окружного Суда судится и рассматривается Банковское дело Струсберга. Чем оно кончится, до сего часу нельзя определить! Что касается лично до меня, то физически я здоров, но никак нельзя этого сказать про мою умственную и нравственную сторону: ипохондрия мучит меня невыносимейшим образом; не только что не могу писать, но даже от всякого хоть сколько чибудь умственного занятия чувствую полнейшее отвращение, так что написать настоящее письмо для меня уже сильной труд, который одолеть я мог не ранее как в три дня — слава богу, что все более и более раскрывающееся во мне религиозное чувство еще дает некоторое успокоение и подкрепление моей страдающей душе. Где Павел Васильичь Анненков, я решительно не ведаю где он живет —

в Бадене или Швейцарии. Когда вы будете писать ему, черкните, чтобы он меня уведомил о своем адресе.

Касательно новостей литературных, вы вероятно сами видите, что их совсем нет; в театральном мире тоже, кроме того разве, что в артистический кружок приглашен провинциальный драматический актер Писарев, молодой еще человек, обладающий прекрасною наружностью и довольно сильным внутренним огнем.

Будьте здоровы, не забывайте душевно вам преданного *Писемского*

572. А. Н. МАЙКОВУ

⟨16 октября 1876 г.. Москва⟩

Люб⟨езный⟩ дру⟨г⟩
А⟨поллон⟩ Н⟨иколаевич!⟩

Рекомендую тебе Надежду Владимировну Савицкую (по замужеству Батезатул). Она замечательная актриса и теперь, перебравшись в Петербург, желала бы возобновить свою сценическую деятельность, но в Петербурге, как в лесу, она никого не знает. Не имеешь ли ты знакомых в вашем Клубе Художников, чтобы провести ее хоть в сей мирок и дать ей возможность сыграть. В Москве она во многих ролях имела большой успех и между прочим в моей пиэсе: Горькой Судьбине в роли Лизаветы. Жена и сын тебе кланяются. Павел мой, благодаря бога, перескочил все беды и преграды, получил наконец Кафедру Гражданского процесса и теперь уже Магистр и доцент. Сам же я все хвораю и ничего не делаю: все идет, как говорится, на убыль. Поклонись от меня и от моих своей супруге и своим сыновьям. Остаюсь душевно преданный тебе *Писемский*

1876 г. — октябр 16.

573. Н. В. САВИЦКОЙ-БАТЕЗАТУЛ

⟨16 октября 1876 г., Москва⟩

Посылаю вам, милейшая Над⟨ежда⟩ Вл⟨адимиров⟩на, письмо к Майкову, каковое вы можете прочесть и затем уже запечатать. Душевно желаю,. чтобы он пособил исполниться вашему желанию. Сегодня, кажется, уехала из Москвы актриса Стрепетова играть в Художественном клубе, именно ⟨?⟩:

Дѣйствіе первое

Гостиная въ домѣ Грохова.

Явленіе 1е

Сидятъ на одной сторонѣ сцены: М-ме Грохова [illegible] довольно еще сохранившаяся женщина, а на другой — старикъ Грохов, съ коротко остриженными [illegible] и съ лицомъ [illegible] исполненнымъ благородства.

Грохов (не глядя на М-ме Грохову)

М-ме [illegible] Не утомилась ли ты [illegible] [illegible] Напротивъ [illegible]

Г-жа Грохова (сухо) [illegible]

И все это за любовь мою къ тебѣ! 339

СТРАНИЦА ЧЕРНОВОГО АВТОГРАФА ДРАМЫ „СТАРЫЕ СЧЕТЫ“

Лизавету в Горькой Судьбине; но вам вряд-ли удастся ее видеть: она едет всего на один спектакль. Остаюсь дружески пожимая вашу руку *Пи<семский>*

1876 г. октября 16.

574. А. Д. КУРЕПИНУ

25 окт<ября> 1876 года <Москва>

Милостивый Г<осударь>
Александр Дмитриевичь

Спешу ответить на ваше письмецо: пиэса моя: „Бывые соколы“, действительно имевшая первоначально [совершенно иной сужет] тот сужет, на которой вы намекаете в вашей статье, не была мною печатаема отчасти по цензурным, а еще более того [по личным] чисто моим авторским соображениям. Но потом я ее переделал, в каковом виде она была и отпечатана а теперь играется на сцене. Прошу принять уверение в совершенном мо<ем> уважен<ии> и остаюсь ваш<им> покорным слугою *Пи<семский>*

575. Ф. Н. БЕРГУ

<Конец октября 1876 г., Москва>

Добрейший Федор Николаичь!

Волнения переживаемые мною по случаю утверждения сына моего Павла доцентом по Кафедре Гражданского процесса, каковое наконец совершилось, мешало мне до сих пор поблагодарить вас за высылку Русского мира, которой мы читаем весьма внимательно. Что-то будет далее а тучи сильно собираются: спасибо вам за коротенькую заметку в Русском мире о Г-не Струсберге, который якобы в первые был развращен в России взятками. Дай бог вашей газете полного успеха. Остаюсь дружески пожимая вашу руку *Пи<семский>*

576. Н. И. ЗУЕВУ

<31 октября 1876 г., Москва>

Милостивый Государь
Никита Ивановичь!

На письмо ваше от 27 октября незамедляю отвечать: с большим-бы удовольствием доставил в начинаемый вами журнал свой труд, но к сожалению, в настоящее время ничего оконченного не имею. Начат большой роман, написана 1-я часть его, но на том дело и встало. Начата также драма, но

и та не кончена: недуги мои решительно не дают мне возможности заниматься по прежнему! К осени, впрочем, а, может быть, даже и ранее, я драму вероятно кончу и тогда, если позволите, перепишусь с вами. Касательно же цены, я зайду в какую-нибудь типографию и попрошу там сделать мне расчет по указанному вами способу, за прежние же мои труды я обыкновенно получал и из Русского Вестника, и из Зари, и из Беседы *по двести пятидесяти рублей серебром за каждый печатный лист этих изданий.*

Прошу принять уверение в совершенном моем уважении ваш покорный слуга *А. Писе⟨мский⟩*

октября 31
1876.

P. S. Адрес мой: Поварская, Борисоглебский переулок свой дом.

577. О. Н. ПОНОМАРЕВОЙ

⟨Первая половина ноября 1876 г., Москва⟩

Милостивая Госу⟨дарыня⟩
Ольга Николаевна!

Я еще вчера думал к вам зайти, но так занедужилось, что и сегодня вряд-ли выйду из дому, а потому ужь пишу вам: я участвовать в вашем вечере совершенно готов, но мне нужно знать: публичный он будет или частный? Если публичный, то все, что на нем будет [читано] читаться, должно быть представляемо в цензуру, а это весьма обременительно, а также сколько времени я могу занять своим чтением. Обо всем этом я покорнейше Вас просил бы уведомить меня. Остаюсь с моим уважением ваш слуга покорный *П⟨исемски⟩й*

578. В. И. РОДИСЛАВСКОМУ

⟨15 ноября 1876 г., Москва⟩

Посылаю Вам сборник моих драматических вещей, а также и экземпляр пиэсы моей Финансовый Гений. Что касается до пиэсы Просвещенное время, то я не имею ни одного экземпляра, напечатана же она была в январской книжке Русского Вестника 1875 года. Я бы все это сам препроводил к Боборыкину, но не знаю его адреса. Остаюсь с моим уважением *Писемский*

1876 года
Ноября 15-го.

579. Н. И. ЗУЕВУ

<16 ноября 1876 г., Москва>

Милостивый Государь, Никита Иваныч!

Я позамедлил несколько ответом на ваше письмо, именно потому, что все измышлял как назвать мою пиэсу, но увы! и до сих пор не придумал того, колеблясь между множеством заглавий; но как только остановлюсь на каком нибудь из них, так немедленно же уведомлю вас о том. — Прося принять уверение в совершенном моем уважении, остаюсь вашим покорным слугой *П<исемский>*

16 Ноября
1876 г.

580. П. Д. БОБОРЫКИНУ

<18 ноября 1876 г., Москва>

Любезный Петр Дмитричь! По письму Г-на Родиславского я немедленно отправил ему сборник моих театральных вещей, а также и отдельно изданную мою пиэску Финансовый Гений для доставления Вам: я бы сам вам все это отправил, но не знал вашего адреса. Теперь вы вероятно уже их получили. Остаюсь с моим уважением к вам ваш покорный слуга *Писемский*

18$\frac{18}{XI}$76.

581. О. Н. ПОНОМАРЕВОЙ

<Около 1 декабря 1876 г., Москва>

Милостив<ая> Госуда<рыня>
Ольга Николаевна!

Я уже около недели лежу больной и решительно не знаю чтобы мне прочесть у вас. Как только поправлюсь то немедленно уведомлю вас могу ли читать и что именно!

Прошу принять уверение в совершенном моем уважении, ваш покорный слуга *Писем<ский>*

582. О. Н. ПОНОМАРЕВОЙ

<5 декабря 1876 г., Москва>

Милостивая Государы<ня>
Ольга Николаевна!

Так как болезненное мое состояние все еще продолжается, то спешу вас уведомить, что при всем моем великом желании участвовать в предполагаемом вами вечере я решительно не

в состоянии того сделать так как ни за одну минуту моего здоровья не могу поручиться.

Прошу принять уверение в совершенном моем уважении и преданности *Писе⟨мский⟩*

5 Декабря
1875.

583. В. П. КЛЮШНИКОВУ

⟨Декабрь 1876 г., Москва⟩

Почтеннейший Виктор Петровичь!

Рекомендую Вам двух молодых людей, из коих одного вы, кажется, знаете — Владимир Сергеичь Соловьев, а другой князь Цертелев. Они желают с Вами познакомиться как с редактором и князь Цертелев хотел бы поместить у вас в журнале свои статьи. Поручая обоих молодых людей вашему доброму вниманию, остаюсь дружески пожимая вашу руку *Пис⟨емский⟩*

P. S. Большое спасибо вам за высылку мне Кругозора, крый я читаю с удовольствием.

584. Ф. Н. БЕРГУ

18 $\frac{1}{6}$77. ⟨Москва⟩

Почтеннейший Федор Николаичь!

Спасибо Вам за приглашение к участию в вашей газете, каковое я бы с удовольствием принял, но как мне сие учинить — не могу и придумать: [я отдаю все на ваше суждение] написать что-либо новое [я решительно] по состоянию моего здоровья [которое] окончательно в нынешнем году [окончательно расстроилось] рухнувшего, я решительно не [могу] в состоянии. Из написанного-же у меня всего только и есть один акт из пиэсы, которую не знаю еще когда и кончу, но и ту я уже заручил обещанием в газету к Зуеву. Кроме того есть еще у меня первая часть (листов в 10 печатных) длинного Романа, года три тому назад мною [начатого] написанная, а весь роман тоже не ведаю когда кончу [— вот вам весь запас находящийся в моем рабочем портфеле]. [Часть романа, полагаю с своей стороны, совершенно для вас неудобна]. Рассудите сами, я же с своей стороны полагаю совершенно для вас неудобным печатать длинный роман [и такой еще], тем более роман, крый [я] вероятно [и не

кончу] не будет иметь и конца. Благодарю вас за высылку мне Русского мира, который я читаю с вниманием и [с] удовольствием, но вот уже второй день мне его почему-то не приносят. [Затем желая вам всякого успеха] Остаюсь дружески пожимая вашу руку *Пис⟨емский⟩*

585. Ф. Н. БЕРГУ

⟨10 января 1877 г., Москва⟩

Почтеннейший Федор Николаичь!

В романе решительно нет глав, имеющих отдельный эпизодический характер: все они связаны сюжетом и только освещаемые его светом имеют смысл. Из этого ясно, что печатанием отрывков в вашей газете я не принесу никакой пользы, так как читателю трудно даже будет понять что такое и к чему все это говориться, а самому роману такого рода печатание окончательно повредит в силу того, что и в целом, ненапечатаном виде толстые журналы не с большой охотой принимают большие романы, а ужь в продыравленом и подавно! Если вы найдете возможным напечатать всю первую часть, которая, как я писал вам, простирается по примерному расчету до 10 печатных листов, я пожалуй бы на это согласился, только не будет-ли это обременительно для вас, так как роман займет много места и потребует значительной затраты денег. Пишу вам это письмо рукой жены потому что мои каракули вы, [пожалуй] может быть, и не разберете [а между тем письмо нужное]. Дружески жму вашу руку. *Писе⟨мский⟩*

10-го Генваря
1877 года.

586. Ф. Н. БЕРГУ

⟨15 января 1877 г., Москва⟩

Почтеннейший Федор Николаичь!

Спешу ответить на последнее ваше письмецо, в котором вы пишите, что желали бы напечатать в Русском Мире три главы из моего романа. На это я снова повторю тоже, о чем уже и писал Вам, что я могу согласиться только на печатание всей I части, в которой 12 глав, в которой [все таки] выйдет как это оказалось [по поверке] из расчета, сделанного мне в типографии Лаврова, [всего только] примерно пять листов [в Русском Мире] но никак не десять, как я предполагал.

Касательно же денежного вознаграждения, то я желаю получить то, что получал с других журнал⟨ов⟩ [т. е] и именно по *двести пятидесяти рублей сере⟨бром⟩* за каждый печатный лист; вся эта часть должна быть напечатана в продолжении года, деньги должны быть уплачиваемы по напечатании каждых двух глав.

Вот вам, милейший Федор Николаичь, все мои условия, от которых я и не отступлю ни на иоту; примите вы их хорошо, а не примите, так тоже хорошо. Остаюсь [желая вам всякого успеха и] дружески пожимая вашу руку ⟨*Писемский*⟩

18 $\frac{I}{15}$ 77.

587. А. В. ПРАХОВУ

⟨Около 14 февраля 1877 г., Москва⟩

Милостивый Государь,
Андриян Викторовичь!

Благодарю Вас за высылку мне билета на Пчелу, но я не знаю откуда я ее буду получать: сегодня ездил по книжным магазинам Соловьева и Мамонтова, но ни тут ни там мне ее не дали. Будьте так добры расспорядитесь, что ⟨бы⟩ кто нибудь мне ее доставлял. Что касает⟨ся⟩ до цензуры, то не думаю чтобы вышло с этой стороны сурьезное затруднение, а, если дело будет ограничивать⟨ся⟩ фразами, то об этом можно будет столковаться с цензором.

Письмо это пишу рукою жены, потому что моих каракуль вы вероятно и не разберете.

В ожидании вашего письма [имею честь заверить Вас в совершенном моем уважении ваш покорн⟨ый⟩ слуга] остаюсь с пожеланием Вам всего хорошего ⟨*Писемский*⟩.

588. М. О. МИКЕШИНУ

⟨23 февраля 1877 г., Москва⟩

Почтеннейший Михайло Осипыч! Как вам не грех думать, что я вас не помню? Слава богу вы напоминали о себе не одному мне а всей России вашей художественной деятельностью. Что касается до романа и до бороды Бегушева, [то я ему не придал оной потому что в настоящее время все жулики, все мошенники уже] то пожалуй придайте ему ее и в типе его, когда будете набрасывать карандашом, если можете постарайтесь сохранить [то, что я писавши сам имел в моем

воображении] характер лиц Бестужева и Герцена. Касательно же цензурных и редакционных неряшеств (последних я полагаю ужасно много) то я сам приеду в Петербург для переговора о сем предмете, но дело только в том, что скоро ли приедет в Москву Прахов. Если скоро то я его подожду и с ним приеду в Петербург, если же долее двух недель, то я приеду сам в Петербург. Уведомьте меня об этом немедленно дабы я знал как распорядиться [моим].

Остаюсь дружески пожимая вашу руку ⟨*Писемский*⟩

23 февраля
1877 года.

589. Н. И. ЗУЕВУ

⟨26 февраля 1877 г., Москва⟩

Милостивый Госу⟨дарь⟩
Никита Иванычь!

Состояние моего здоровья в продолжении зимы не только не улучшилось, но даже ухудшилось: упадок сил такой, что ничем не могу заниматься, а поэтому и к комедии моей ничего не прибавилось. Заглавия к ней я тоже до сих пор не придумал. Если я соберусь с силами хоть сколько нибудь, то думаю приехать в Петербург и непременно повидаться с вами.

Остаюсь принося мое совершенное уважение *Пи⟨семский⟩*

Февраля 26
1877.

590. А. В. ПРАХОВУ

⟨27 февраля 1877 г., Москва⟩

Милостивый Государь,
Андриан Викторовичь!

В дополнение к вашему письму от 25 февраля будьте так добры мне написать, что вы разумеете под вашим печатным листом, то есть: сколько страниц вашей Пчелы входит в этот лист и как производится разчет: с выкидкою-ли рисунков или без выкидок, а также я просил бы Вас прикинуть в типографии, сколько приблизительно печатных листов вашей Пчелы будет в моей рукописи и меня о том уведомить.

В ожидании вашего обязательного для меня ответа на все сие, остаюсь ⟨с моим уважением *Писемский*⟩

27 февр.
1877.

591. М. О. МИКЕШИНУ

⟨1 марта 1877 г., Москва⟩

Почтенней⟨ший⟩ Михайло Осиповичь! Я расхворался и [скоро] не могу приехать в Петербург, а потому попросите Г-на Прахова для окончательного соглашения насчет романа ответить мне на мое последнее письмо к нему, в ожидании коего остаюсь душевно вас уважающий ⟨*Писемский*⟩

1-го марта
1877 года.

592. А. В. ПРАХОВУ

⟨4 марта 1877 г., Москва⟩

Милостивый Государь
Андриан Викторовичь!

Пишу письмо мое к Вам для вящей акуратности по пунктам: 1-е) 1 часть романа моего „Мещане“ я согласен уступить для Пчелы на первом предполагаемом вами условии, то есть: по *двести рублей серебром за печатный лист* Пчелы с предоставлением издателю права на вторичное издание этой части и к сему желаю дополнить только то, что если бы издатель, по каким [бы] нибудь причинам, отдумал возпользоваться своим правом издать роман мой отдельно, то он все таки обязан заплатить мне по *двести рублей сер⟨ебром⟩ за печатный лист*, так как за полтораста рублей за лист я ни в каком случае не могу [согласиться] уступить роман, тем более [принявши во внимание] что ⟨шрифт⟩ ваш очень убористой. 2) Будьте так добры уведомить меня, когда вы предполагаете начать [печатанием] печатать мой роман, а также буду убедительно просить набирать роман не с той рукописи, которая у вас и которая страшно неряшлива и совершенно мною непросмотрена, а с той, которую я вам буду высылать постепенно из Москвы [и две, три начальные главы каковой я пошлю к вам дня через два], просмотрев уже ее внимательно [и окончательно отделав]. 3) Корректуру я также бы просил Вас [в бан⟨деролях⟩] высылать ко мне в Москву, — задерживать я ее не буду: присланная ко мне она на другой же день будет просмотрена и отправлена. 4) [На] В начале следующей же недели я Вам вышлю две три начальные главы романа, окончательно [уже] мною отделанные. 5) В случае если бы я роман докончил, то редак-

ция обязана принять его для напечатания на тех же условиях, на коих принята и первая часть его.

Остаюсь с моим уважением и желая вам всего хорошего *Пис<емский>*

4 марта 1877 го<да.>

593. П. А. БЕССОНОВУ

<7 марта 1877 г., Москва>

Поч<теннейший> Петр Алексеичь! Я готов совершить предполагаемое Вами чтение в Обществе Люб<ителей> Р<оссийской> С<ловесности> и только заблаговременно уведомьте меня, в какое именно воскресенье вы намерены сие сделать. Душевно преданный Вам *П<исемский>*

18 7/III 77.

594. А. В. ПРАХОВУ

<7 марта 1877 г., Москва>

Почтеннейший Андриан Викторовичь!

Посылаю вам начальные четыре главы окончательно мною просмотренные и поправленные. Ту рукопись Романа, которая у вас [есть] находится, вы заприте в вашу конторку и не обращайте на нее никакого внимания, как будто бы ее совсем не существовало и прикажите набирать с сей, мною вам вместе с сим письмом посылкою отправляемой. Эта рукопись хоть и грязна но она уже тщательно мною просмотрена. Но во всяком случае я корректуру все таки убедительно прошу Вас [высылать ко мне — задерживать ее, я повторяю еще раз, не буду] [уведомьте меня о получении рукописи] присылать [ко] мне и в двух экземплярчиках; самый-же оригинал не посылайте: я помню и так — следовательно: корректуру вы можете посылать под бандеролью, что весьма дешево и очень скоро доходит. О получении рукописи прошу хоть двумя строчками меня уведомить, а также и о том: когда вы предполагаете начать [печатание] печатать Роман, дабы я знал как мне разполагать [своими] своей работою. Пчелы вашей я получил разом нескс<ль>ко номеров, но теперь снова не получаю, а очень бы интересно было [просматривать] прочитывать ее.

[В ожидании вашего ответа остаюсь с моим уваж<ением>] Поклонитесь от меня М. О. Микешину. Буду ждать ответа от вас.

18 7/III 77.

595. А. В. ПРАХОВУ

〈9 марта 1877 г., Москва〉

Почтеннейший Андриан [Осиповичь] Викторовичь!

Рукопись моего романа в размере 4-х глав я уже отправил к вам 7 марта. Корректуру, умоляю, присылать ко мне в двух, а еще бы лучше в трех даже оттисках: я очень неряшлив при исправлении корректур, а поэтому если перепачкаю какой нибудь листок, — сей час же заменю его другим. В будущее воскресенье я буду читать несколько глав из моего романа в Обществе Любителей Русской Словесности и как совершится сие чтение, я на другой же день пошлю к Вам еще 4 главы, окончательно мною просмотренные.

Касательно портрета я сей час ездил к лучшему здешнему фотографу Панова и он с меня снял кабинетный портрет, который будет у него готов к Пятнице или Субботе и каковой я немедленно к вам пошлю.

Пчелы я все не получаю — пожалуста распорядитесь, чтобы окуратно ее доставляли. Остаюсь с душевным пожеланием вам всего хорошего 〈*Писемский*〉

P. S. Сейчас получил от М. О. Микешина эскиз. Завтра отправляю к нему длинное письмо.

$18\frac{9}{III}77$.

596 М. О. МИКЕШИНУ

〈10 марта 1877 г., Москва〉

Почтеннейший Михайло Осипычь!

Прежде всего согласно вашему желанию письменно сим удостоверяю, что я, Писемский, при точном исполнении принятых вами, Микешиным, платежных условий за [1-ю часть романа моего] роман мой Мещане, т. е. по *двести рублей сер〈ебром〉 за печатный лист* Пчелы обязуюсь последующие части романа, если таковые будут мною написаны, печатать в Пчеле и [отнють] отнудь не передавать ни в какой другой журнал и части эти должны быть принимаемы редакцией на тех же условиях, на каких принята и 1-я часть романа.

[Перехожу теперь к [прекра〈сному〉] мастерскому рисунку вашему] Сей час я получил мастерской рисунок ваш: фигура

Олуховой, по моему, совершенно хороша; но Бегушев должен быть и толще, и старше, ему уже 50 лет и у него немного седых волос. И вообще при очень хорошем *думчивом* выражении лица Бегушева [на вашем рисунке в тоже время] в фигуре его как-то мало импозатности, мало *барина*, т. е. того, на что есть прекрасный намек в Короле Лире. Когда этого несчастного Короля в пустыне в рубище встречает одно из действующих лиц трагедии, то восклицает: „Король!“ „Почему ты знаеш, что я Король?“ спрашивает его [Король] Лир. „В тебе есть *нечто* такое, что говорит что ты Король!“ отвечает ему это лицо. Что барство Бегушева необходимо выразить, это вытекает из внутреннего смысла романа: на Бегушеве-барине пробуются, как на осилке, окружающие его Мещане; не будь его, — они не были-бы так ярки; он фон, на котором они рисуются. За тем перехожу к более частным подробностям: волосы у него пусть будут львиная грива и курчавые, но зачесаны назад и не падать на лоб; бороду ему, по вашему желанию, я приделал в романе, но бакены, полагаю, не нужны.

Вот, [мой] почтеннейший Михайло Осипычь, мое совершен<но> откровенное мнение. Воспользуйтесь [из него] им, насколько оно, разумеется, будет Вам пригодно.

Желая вам полнейшего успеха в вашей [иллюстрации] иллюстрировке романа и [прилагая] посылая при сем обратно ваш рисунок, остаюсь душевно преданный вам *Пи<семский>*

18 $\frac{10}{\text{III}}$ 77.

597. А. В. ПРАХОВУ

<11 марта 1877 г., Москва>

Почтеннейший Андриан Викторовичь! Посылаю вам только что полученную мною карточку от Панова. Она лучшая, какая когда либо удавалась с моего бестолкового лица. Для лучшего сбережения я посылаю ее посылкой заложенную в книги: сборник моих драматических пиэс, каковой экземпляр и имею честь презентовать Вам. Самую карточку вы найдете в 1-й части сборника, на 1-й странице. Остаюсь с [душевным] искреним пожеланием вам всего хорошего *Писе<мский>*

11 марта 1877 года.

598. М. О. МИКЕШИНУ

<14 марта 1877 г., Москва>

М<илостивый> Г<осударь>
Мих<аил> О<сипови>чь

Спасибо вам за присылку вашего [экз] [эз] второго эскиза и спешу передать вам мое мнение: фигура Янсутского хороша, но только надо бы было приделать ему бакенбарды, редкие, жидкие [но] и длинные [о коих] о чем у меня [и сказано] даже упоминается в романе — что же касается до густых полковничьих эполет, то я полагал-бы [необходим] заменить их погонами, а то [он] Янсутский выходит очень ужь военная фигура, тогда как он полувоенный. У [меня] Меровой не находите-ли вы слишком лукавым взгляд ее? Она кокетка, но простодушная. [Все это] Все сии мнения, опять повторяю, отдаю на ваше рассуждение: воспользуйтесь [сими мнениями] ими насколько они вам будут пригодны. Ескизец вам возвращаю. Остаюсь [дружески] пожимая вашу руку *Писе<мский>*

18 $\frac{14}{III}$ 77.

599. А. В. ПРАХОВУ

<15 марта 1877 г., Москва>

Почтен<нейший> А<ндриан> В<икторови>чь

Посылаю Вам вместе с этим письмом посылкою еще 4 главы окончательно мною просмотренные; 5-ю, 6-ю, 7-ю и 8-ю. Получили ли вы первые 4 главы, а также и карточку мою? Скоро-ли я получу от вас корректуру? Через неделю вероятно я вышлю вам и окончательные 4 главы 1-й части. Остаюсь с пожеланием вам всего лучшего преданный вам *Пис<емский>*

18 $\frac{15}{III}$ 77.

600. М. О. МИКЕШИНУ

<21 марта 1877 г., Москва>

Почтеннейший Михаил Осиповичь!

Посылаю вам во первых свой факсимиль написанный обыкновенными чернилами, копировальных чернил у меня нет и не знаю где их найти в Москве. Посылаю также и портрет Аксакова из газеты Гатцука. Он очень похож, карточки же его тоже не ведаю где купить. Корректуру я уже послал

Прахову сегодня. Через несколько дней вышлю окончание и 1-й части. Написал, вообразите, две главы второй части. Ваш *Писем⟨ский⟩*

18 $\frac{2\langle 1\rangle\text{-е}}{\text{III}}$ 77.

601. А. В. ПРАХОВУ

⟨22 марта 1877 г., Москва⟩

Почтеннейший Андриан Викторовичь!

Вчера я отправил Вам корректуру под бандеролью, а сегодня отправляю тоже на ваше имя последние четыре главы 1-й части Романа уже посылкой от 22 марта 1877 г. за № 6/10. От Микешина я вчера получил письмо и уже отвечал ему. На прошлой неделе я написал почти две главы 2 части Романа.

Остаюсь при желании Вам всего хорошего *Писе⟨мский⟩*

18 $\frac{22}{\text{II}}$ 77.

602. С. В. МАКСИМОВУ

⟨7 апреля 1877 г., Москва⟩

Любезн⟨ый⟩ Д⟨руг⟩
Сер⟨гей⟩ В⟨асильевич!⟩

Спасибо тебе за высылку твоей книжки, с которой я теперь и знакомлюсь с великим удовольствием: эк, какой мирок ты разных гадин вывел; впрочем, надо сказать правду, и другие более высшие наслойки нашего общества не лучше.

Про себя тебе скажу—одно у меня очень хорошо: что сын мой уже магистр и профессор, читает в здешнем Университете Гражданский процесс; а другое — очень худо — а именно я сам хирею [,болею] и худею [так что ни на что не] с каждым деньком [Ни дать, ни взять как теперешние люди: с каждым часом идет на убыль] и [только] утешаюсь только тем, что последнее время немножко порабатываю.

Прося передать мой поклон твоей супруге, остаюсь крепко пожимая твою ру⟨ку⟩ *Пи⟨семский⟩*

18 $\frac{7}{\text{IV}}$ 77.

603. А. В. ПРАХОВУ

18 $\frac{9}{\text{IV}}$ 77. ⟨Москва⟩

Почт⟨еннейший⟩ А⟨ндриан⟩ В⟨икторович!⟩

Вместе с этим письмом возвращаю вам корректуру под бандеролью. Она очень небрежно набрана и поправлена

в Типографии. Очень бы обязали меня, если бы [по исправлении] исправленную еще раз прислали мне на просмотр — а то сердце будет болеть, что многое не исправят — пожалуста пришлите, время еще будет, а я, как вы видите, не задерживаю. Что касается до [цензурного вопроса, то вы объясните цензору, если он только таковой сделает, что трех звезд] цензора, он скажет вам о трех звездах Т⟨юмене⟩ва, то вы объясните ему, что в Петербурге Т⟨юмене⟩в конечно бы не надел таковых на трактирный обед. [Касатель⟨но⟩] А об монологе же Хмури⟨на⟩ [объясните] скажите ему, что он не великую правду вещает и если бранит новый суд, то потому что сам боится его и в доказательство тому во 2-й части романа он будет у меня сидеть на скамье подсудимых и обвиняться за разные мошенничества. Обо всех этих заметках цензора мне писал Микешин. [Написал окончательно] Я окончил четыре главы 2-й части романа — значит, [пятая] [Роман] если не умру, надеюсь кончить роман. Остаюсь дружески пожимая вашу руку [*Писе⟨мский⟩*]

P. S. Напишите к какому време⟨ни⟩ вам нужны будут 4 главы 2 части, чтобы я [заранее] заблаговрем⟨енно⟩ мог их еще раз просмотреть. [Ваш *Писе⟨мский⟩*]

604. И. С. ТУРГЕНЕВУ

19 апреля 1877 г. ⟨Москва⟩

Мой дорогой Иван Сергеичь!

Письмо мое, может быть, и не застанет Вас в Париже, так как есть слухи, что вы думаете приехать в Россию, но все таки пишу вам и хочу поблагодарить вас, что вы познакомили меня с M-r Дюран: вы решительно радетель в Европе нашей бедной и загнанной беллетрестической литтературы [наши же критики договорились ужь до чертиков]. Дюран мне между прочим сказал, что вы думаете, что роман ваш Новь не имеет в России успеха. Не верьте: вас ввели в заблуждение статейки разных газет; в серьезной части публики он имеет успех и уж конечно со временем получит и историческое значение. Правда, что на вас сердятся и консерваторы, за то, что вы мало побранили [нигилистов] грядущих в народ юношей, и радикалы, недовольные тем, что вы мало похвалили сих юношей, забывая одно, что художник прежде всего должен быть объективен и беспристрастен и

вовсе не обязан писать для услады каких-либо партий. Что касается до меня, то я хоть и сильно прихварываю, но работаю и оканчиваю свой роман Мещане [хоть здоровье и хиреет с каждым днем]. Что творится в политике — вы сами это лучше нас знаете, но вот вам вопрос: московскую публику приводит теперь в восторг итальянский актер Росси, играющий здесь с своей трупой и растолковывающий нам — [варварам] [вандалам] дикарям Шекспира. По недугам моим я не ездил его смотреть, но наконец собрался и вчера видел его в Короле Лире [и, признаюсь, нисколько не был им очарован] Признаюсь, впечатление мое далеко было не в пользу сего артиста: он мне показался актером неумным, без всякого [нутра] внутреннего огня, но с большим стремлением к аффектации, доходящей иногда до балетных приемов. Сын мой Павел, впрочем, говорит, что это последнее свойство вовсе не Росси, и что итальянцы вообще очень сильно жестикулируют. Росси, вероятно, был уже в Париже: напишите, пожалуста, мне: имел ли он там серьезный успех. Да хранит вас бог. Мои вам кланяются. Ваш *Писемский*

605. М. И. ПИСАРЕВУ

<25 апреля 1877 г., Москва>

Любезнейший

Модест Ив<анови>чь!

Приезжайте, пожалуста, ко мне во вторник вечерком часам к 7-ми, а также попросите о том-же Пелагею Антиповну, если только она сможет приехать: у меня будет M-lle Блярамбер<г>, которую она знает и которая только что вернулась из Парижа.

Остаюсь дружески пожимая вашу руку *П<исемский>*

18 25/IV 77.

606. М. О. МИКЕШИНУ

18 30/<I>V 77 <Москва>

Почтеннейший

Михаил Осиповичь!

Уведомьте хоть вы меня, когда вы начнете печатать мой роман; на обертке [журнала] Пчелы постоянно стояло, что роман начнется печатанием в Апрельских книжках, но Апрель кончился а печатание не началось и даже объявления о том

[нет] когда он будет печататься — [изчезли] нет более! А между тем меня словесно и письменно спрашивают когда роман начнут печатанием, да и сам я, как автор, интересуюсь [о том] этим, тем более, что роман я продолжаю писать и он летом будет кончен. Разъясните мне, что значит это откладыванье печатания, я остаюсь в полном неведении по сему предмету. Андриану Викторовичу Прахову я уже писал и спрашивал его еще возвращая корректуру, когда именно роман будут печатать, но не получил от него никакого ответа. Остаюсь при душевном пожелании вам всего хорошего. *Писе<мский>*

P. S. Еще раз убедительно прошу вас ответить на это письмо мое.

607. А. В. ПРАХОВУ

<5 мая 1877 г., Москва>

Почтеннейший Андриан Викторовичь!

Спасибо Вам за уведомление; корректуры я неполучал, — неужели она затерялась на почте! Потрудитесь на всякий случай послать мне еще экземпляр. 2-ю часть романа я кончил. Будет еще 3-я. Каждая из них будет в размере 1-й части. Герой [умер] умрет [под] на войне в Азиатской Турции, как бывший кавказец. Скажите об этом Микешину. Он желал подобного конца. Дружески жму вашу руку <*Писемский*>

5 мая
1877.

608. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

<9 мая 1877 г., Москва>

Любезный друг,
Александр Николаевич!

Я у тебя не был вчера по случаю сильного дождя, кроме того и самому очень нездоровилось, сегодня всю ночь напролет не спал и теперь лежу распростертым на диване. Как только поправлюсь немного, сейчас-же приеду к тебе. Если ты не писал еще Микешину, то и не пиши: роман они ужь начали печатать. Дружески пожимая твою руку остаюсь *Писемский*

18 $\frac{9}{V}$ 77.

609. А. В. ПРАХОВУ

<14 мая 1877 г., Москва>

Почтенней<ший> Андр<иан> В<икторови>чь!

Возвращаю вам вместе с этим письмом корректуру 9, 10, 11 и 12 главы. Вторую-же корректуру глав 5, 6, 7 и 8 я до сих пор не получил: бога ради, если это [необрем<енительно>] возможно, вышлите мне ее еще раз просмотреть. Возвращаемую ныне корректуру я тоже желал бы просмотреть еще раз: времени у нас еще много, так как вы печатаете всего по одной главе в неделю, а я корректуру, как сами вы видите, не задерживаю. Вторую часть я почти вполне кончил и буду постепенно к вам высылать. За третию и последнюю часть я тоже скоро примусь. [Два номера] 18 и 19 номера Пчелы я получил: текст романа напечатан очень [хорошо] исправно: всего только одна ошибка, вместо смиренницу напечатано: смиренную. Портрет тоже вышел хорош, но только как-то бледен, точно повыцвел [может быть потому, что я и сам-то уж выцвел. Второй частью я доволен], но это еще пожалуй больше подходит к оригиналу, потому что я и живой-то не блистаю приятным колоритом.

Остаюсь [с душевным пожеланием вам всего хорошего] преданный вам *Писе*<*мский*>

18$\frac{14}{V}$77.

610. В МОСКОВСКОЕ АГЕНТСТВО СТРАХОВОГО ОБЩЕСТВА САЛАМАНДРА

<14 мая 1877 г., Москва>

[Вчерашнего числа в доме моем, Арбатской части, 1 квартала, застрахованном в обществе Саламандра, произошел небольшой пожар: загорелась перегородка от плиты. Пожар этот был прекращен домашними средствами; убытку понесено мною [приблизитель<но>] *около 75 рублей сереб*<*ром.*> Доводя о сем до сведения агентства покорнейше прошу о вознаграждении меня за убытки. Мая 14 1877 года. *Алексей Ф. Писе*<*мский*>]

611. А. В. ПРАХОВУ

<29 мая 1877 г., Москва>

Почтеннейший Андриан Викторовичь!

Посылаю вместе с этим письмом на ваше имя в редакцию Пчелы, на новое ее помещение, 1-ю половину 2-й части

моего романа: Мещане; другую половину тоже вышлю невдолге. Спешу [окончить] покончить с 2 частию, чтобы с спокойным духом приняться за третию часть. Рукопись посылаемой половины 2 части хоть и грязна по наружности, но по внутреннему содержанию чиста и исправна, я ее прополоскал в волнах моего мозга раз пять.

Остаюсь с моим уважен<ием> ваш покорный слуга *П<исемский>*

18 29/V 77.

612. Н. И. ЗУЕВУ

<1 июня 1877 г., Москва>

Милос<тивый Г<осударь>
Никита Иванычь!

Обещанная мною вам комедия все еще находится в том положении в каком была зимой, т. е. ее написано полтора акта. Я занят теперь окончанием и печатанием моего романа Мещане. С окончанием его я вероятно сейчас же займусь комедией, если только здоровье мое не рухнет окончательно; но когда собственно окончу комедию решительно не могу сказать, так как мне нынче очень трудно становится работать.

Прошу принять уверение в совершенном моем уважении *Писем<ский>*

18 1/VI 77.

613. А. В. ПРАХОВУ

<2 июня 1877 г., Москва>

Почтен<нейший> А<ндриан> В<икторович!>

Посылаю в редакцию на ваше имя окончание 2 части. [Первая] Самая главная и неотразимая моя просьба: присылать мне корректуры ее, как [присы] высылали вы и 1-й части. Пишу также я и Микешину на [всякой] тот случай, что может быть кто нибудь из вас и на даче. Принимаюсь за 3-ю часть. Наружность этой половины 2-й части хоть также грязна, как и 1-я, но зато точно также мною внимательно просмотрена, как и та. Екземпляр 2 части, бога ради, сберегите, беда, если он пропадет: у меня остался только совершенно черновой, [но такой что] который и прочесть [будет] трудно.

Остаюсь с моим уважением *Пи<семский>*

18 2/VI 77

614. М. О. МИКЕШИНУ

⟨2 июня 1877 г., Москва⟩

Почтен⟨нейший⟩ Михайло Осипычь

[Вместе с этим письмом я вы⟨сы⟩лаю и 2-ю ужь половину 2 части (первая половина этой] Я к вам в редакцию на имя Прахова выслал уже всю 2-ю часть моего романа Мещане.

Убедительно прошу корректуру высылать ко мне. Пишу это письмо к вам так как не знаю, кто при Редакции живет в новом ее помещении — вы или Прахов. [Убедительно] Окончание 2 части высылается вместе с этим письмом.

Остаюсь дружески пожимая вашу руку *П⟨исемский⟩*

18 2/VI 77

615. ШКУНОВУ

⟨7 июня 1877 г., Москва⟩

Прошу прислать мне десяток тесу и две доски сосновые семиаршинные. *Писемский*

1877, Июня 7 дня.

616. Э. ДЮРАНУ

14/VI 1877 ⟨Москва⟩

Любезнейший M-r Дюран!

Примного благодарен Вам за высылку мне портрета Бальзака, который у меня красуется уже на стенке. Я несколько позамедлил поблагодарить вас за присылку портрета, потому что все это время был занят окончанием и печатанием моего нового романа, помещенным мною в Русской иллюстрации „Пчела“. Ждем в Москву Тургенева, который давно уже обещается приехать.

Жена моя в свою очередь тоже очень благодарит вашу супругу за намерение прислать ей свой роман и сверх того вы крайне бы обязали, если бы прислали мне те статьи о Русской литературе, которые вы предполагаете печатать.

Остаюсь с моим уважением *Писемский*

617. А. В. ПРАХОВУ

⟨21 июня 1877 г., Москва⟩

Почтеннейший

Андриан В⟨икторови⟩чь!

Так как печатание 1-й части моего романа Мещане подходит к концу, то снова обращаюсь к вам с убедительнейшею

просьб<ою> выслать мне корректуру 2 части [моего романа Мещане], как высылали вы и 1-й части. Без моего просмотра ее нельзя печатать потому что сообразно с ходом 3 части, которой я написал уже 4 главы, во 2-й части я должен сделать хоть и небольшие, но существенные изменения. Точно такое-же письмо я пишу и Микешину, так как не знаю, кто из вас заведывает редакцией.

Еще раз повторяя мою просьбу остаюсь с моим уважением *Писе<мский>*

$18\frac{21}{VI}77$

618. М. О. МИКЕШИНУ

<21 июня 1877 г., Москва>

Почтен<нейший> Мих<аил> Ос<ипович!>

Если Андриана В<икторовича> нет в Питере, то, бога ради, распорядитесь вы, чтобы корректуру 2-й части романа моего Мещане выслали ко мне для просмотра — потому, что в этой 2-й части я, сообразно с ходом 3-й части, кото<рой> я написал уже 4 главы, должен сделать небольшие, но в тоже время существенные изменения. [Чтобы] Если роман напечатается в неряшливом виде, то это, полагаю, и для вас также будет неприятно, как и для меня.

Повторяя еще раз мою просьбу остаюсь с моим уваже<нием> *Пи<семский>*

$18\frac{21}{VI}77$

619. М. О. МИКЕШИНУ

<25 июня 1877 г., Москва>

Почт<еннейший> Мих<аил> Осип<ович!>

Корректуры окончания 1-й части я не получал, хотя Прахов и писал ко мне, что она послана вместе с его письмом, а если бы я получил ее, то через день бы возвратил вам ее назад исправленною. Точно также и теперь получив от вас письмо о высылке мне корректуры, я ее не получил, а как только получу, то в продолжении ночи исправлю ее, а поутру отправлю ее. Справтесь в типографии, они может быть только говорят вам что посылают, а на деле ничего не посылают; от меня задержки никакой не было и не последует, а если она будет, то никак не по моей вине. Прахова я не видал. Жду корректуры.

О том, что получена ли в редакции 2-я часть моего романа, отправленная мною вполне, я тоже не имею никакого известия, хотя и послал ее посылкой. Сей час получил повестку [из] Почтамта из Петербурга. [Вероятно это корректура, завтра сам еду в Почтамт.] Если это корректура, то завтра же получу ее, просмотрю, а послезавтра верну вам ее назад.

Остаюсь дружески пожимая вашу руку <*Писемский*>

620. М. О. МИКЕШИНУ

<27 июня 1877 г., Москва>

Почт<еннейший> Мих<аил> О<сипович!>

Корректуры я получил, из коих 9-ю главу, нужную для печатания, я исправил и лично вручил Анд. В. Прахову, который заезжал ко мне вчера. Сей час вместе с этим письмом отправил я исправленные мною 10, 11 и 12 главы, которые были ужь мною исправлены, но Типограф<ия> по моим поправкам ни на иоту не <и>справила и прислала ко мне как прежде было. Теперь впрочем мною снова все исправлено; наблюдите только чтобы в Типограф<ии> поправили.

Для верности я корректуру послал под заказным бандеролем и получил на ее расписку, а именно от 27 Июня 1877 за № 14. Отдельный лист пошлю завтра или послезавтра. 2-ю часть тоже не задержу.

Остаюсь с пожеланием вам всего хорошего *П<исемский>*

27 июня
1877 г.

621. А. В. ПРАХОВУ

<5 июля 1877 г., Москва>

Почт<еннейший> Андриан Викторо<вичь!>

Сегодня поутру я отправил последнюю корректуру, остававшуюся у меня, и таким образом: 9-й главы корректура передана мною Вам лично; главы 10, 11 и 12 отправлены в редакцию под заказным бандеролем на имя Мих. Ос. Микешина от 27 Июня 1877 г. за № 14; корректура отдельного листа на имя Микешина от 28 Июня 1877 за № 3; корректуры 2 части 1 главы, 2 главы и 3 главы на ваше имя 1 Июля 1877 г. за № 2 и глав 4-й, 5 и 6 от 5 Июля 1877 г. за № 8. Орригинал я оставил у себя. В случае утраты чего либо вы можете справиться в Почтамте; следующие корректуры я прошу

убедительно выслать мне тоже под заказным бандеролем,— это стоит нескольки⟨ми⟩ копейкам⟨и⟩ дороже, а между ⟨тем⟩ вы получите возможность поверить ваших отправителей, которые как и оказалось в предыдущ⟨ий⟩ раз сказали вам, что отправили, а между тем я ничего не получил. Наблюдите, бога ради, чтобы покрайней ме⟨ре⟩ в корректур⟨ах⟩ больше правили в типографии — буквенных ошибок было множество и как я своими слепыми глазами не выдерживал, но вероятно еще их осталось. Следующие корректуры я прошу вас высылать мне в двух экземпляр⟨ах⟩ затем, что я один могу испортить, и тогда заменить его другим. Остаюсь дружески пожимая вашу руку *Пис⟨емский⟩*

1877
Июля 5.

622. А. В. ПРАХОВУ

⟨15 июля 1877 г., Москва⟩

Почтеннейший Андриан Викторович!

Что это значит, что ни 26, ни 27 номера Пчелы ни я, ни другие, кажется, подписчики, через почту получавши ее, не получили, и между тем [как в] Магазины Книжные имеют более недели [этот] 26 номер и даже получен 27. Будьте так добры, прикажите мне выслать эти номера [да пора бы выйти и 27 номеру] и вообще наблюдите за правильностью отправки: на денежных подписчиков это действует весьма неблагоприятно. Я от многих слышу сетования [и жал⟨обы⟩]. Пишу вам об этом в видах пользы вашего журнала. О том, что получена-ли исправленная мною корректура я тоже не имею никакого уведомления.

В ожидании вашего распоряжения остаюсь пожимая вашу руку *П⟨исемский⟩*

18 $\frac{VII}{15}$ 77.

УСЛАЕВУ

⟨20 июля 1877 г., Москва⟩

Многоуважаемый
Федор Иваныч!

Несказанно благодарю Вас за присылку мне вашей брошюрки, которую я уже прочел с жадным вниманием и хотел было в этом же письмеце написать и свои замечанья, но сильно болею: от летних жаров голова мутна, желудочные страдания невыносимы! Поправившись, непременно изложу Вам

то, что желал бы с своей стороны сказать. Во всяком случае статья ваша прекрасна и совершенно справедлива.

Прося принять уверение в совершенном моем уважении, остаюсь вашим [покорнийшим] покорным слугой

Писемский

18 $\frac{VII}{20}$ 77.

P. S. Адресую это письмо через Умова, ибо с точностью не знаю вашего адреса.

624. А. В. ПРАХОВУ

18 $\frac{9}{IX}$ 77 <9 августа 1877 г., Москва>

Почтеннейший Андриан Викторовичь!

Мне опять 30 номера Пчелы не выслали; вообще и другие, как говорили мне в почтовом отделении, подписчики через почту его тоже не получили. Распорядитесь, пожалуста, чтобы окуратнее мне высылали. Корректуру остальных 6 глав 2-части прикажите как можно заблаговременнее мне выслать. Я ее исправлю и, незадержав, возвращу. В том что ужь напечатано пропасть буквенных и орфографических ошибок, но я в этом случае ничем не могу помочь, потому что хоть и поправляю старательно но в типографии вашей видимо оставляют совершенно без внимания мои поправки. Прикажите также высылать мне и листы отдельного издания, [страм вам и м<не>] а то будет крайне нехорошо, если оно выйдет с таким же количеством ошибок и опечаток.

Убедительно прошу вас исполнить все эти мои просьбы. Первые [5] пять глав 3 части я невдолге к вам вышлю. Остаюсь с пожеланием всего вам хорошего *Пис<емский>*

625. М. М. МИХАЙЛОВОЙ

<14—15 августа 1877 г., Москва>

Милейшая Марья Марцелов<на!>

Посылаю вам еще раз извещение, которое получено мною от Земельно<го> банка, коим меня уведомляют, что вам правлени<ем> назначено в ссуду 2500 руб. сер<ебром> по нарицательной цене. Ссуду вам назначили на том основании, что Банк по своим правилам выдает наличными от 50 до 60 копеек сер<ебром> на руб<ль> против оценки. За ваше-же

имение, как мало доходное, определи<л>и только как мне сказали по 50 к. за руб<ль>. Независимо от моего письма вы получите уведомление и от банка, адресованное к вам в ваше имение 12 Августа 1877 г. за № 648. Мои все здоровы, я-же иссыхаю. В<аш> *П<исемский>*

626. М. О. МИКЕШИНУ

30 Августа
1877 г. <Москва>

Почте<ннейший> Мих<аил> Осипо<вич!>

Сегодня мною отправлены первые пять глав 3 части; но корректуры 7, 8, 9, 10, 11, 12 глав я до сих пор не получил для просмотра, хоть и просил неоднократно о том редакцию. Что тому воспрепятствовало понять не могу. Распорядитесь, бога ради, один раз навсегда, *чтобы корректуры были ко мне высылаемы под заказным бандеролем и заблаговременно.* Это необходимо как для моей так и для вашей пользы. Корректуру как вы видите я не задерживаю и работаю над ними целые ночи, чтобы поспеть их выслать к вам обратно. Остаюсь в надежде все еще получить их. Впрочем если почему либо вы уже не успеете прислать мне 7-й главы, то уже печатайте ее и неп<ре>рывайте печатания романа, на что публика вознегодует ко вреду моему и вашему. Листы отдельного издания я тоже прошу высылать мне для просмотра.

Остаюсь с пожеланием вам всего хорошего <*Писемский*>

627. А. В. ПРАХОВУ

30 Августа
1877 <Москва>

Почтен<нейший> Андриан В<икторови>чь!

Сегодня поутру я отправил к вам посылкой первые 5 глав 3-й части моего романа Мещане. Они мною тщательно просмотрены. Корректуры 2-й половины 2-й части я *до сих пор не получил.* Какая тому причина понять не могу. [Если корректуру будете ко мне посылать посылкой, то потрудитесь надписывать что с доста<вкой>] Доставляют-ли вам мои письма? Для большой верности пишу такое-же письмо и к Микешину. Последние две главы то есть 3 и 4 2-й части напечатаны [очень исправно] совершенно без ошибок. Остаюсь все еще не теряя надежды получить корректу<ры> для просмотра моего <*Писемский*>

P. S. [Впрочем] Если корректуру 7-й главы не успеете прислать без перерывки печатания, то печатайте уже ее, но не прерывайте, бога ради, романа, на длинную протяжку которого и без того уже в публике ропщат.

628. А. В. ПРАХОВУ

⟨1 сентября 1877 г., Москва⟩

Почтеннейший Андриан В⟨икторови⟩чь

Вчера я в 5 часов вечера получил корректуру, а сегодня в 10 часов утра отправляю ее к вам. Остаюсь дружески пожимая вашу руку *Пи⟨семский⟩*

1877 года 1 сентября.

P. S. Прикажите пожалуста высылать мне корректуру в двух оттисках.

629. М. О. МИКЕШИНУ

18 $\frac{10}{\mathrm{IX}}$ 77 ⟨Москва⟩

Почт⟨еннейший⟩ Мих⟨аил⟩ Осипычь!

Отправляю к вам вместе с этим письмом еще три главы третей части: 6, 7-ю и 8. Корректуру 8 главы я тоже отправил к вам вчера заказным письмом; а перед этим, как я уже и писал вам, послал в вашу редакцию 1, 2, 3, 4 и 5 главы третей части, адресовав их на имя Прахова. Не знаю, можете-ли вы эту посылку получить из Почтамта, так как Прахов был в Москве и заезжал между прочим ко мне, но вернулся-ли в Петербург — не ведаю. Остаюсь с желанием вам всего хорошего *Писем⟨ский⟩*

630. М. М. МИХАЙЛОВОЙ

18 $\frac{9}{10}$ 77 ⟨Москва⟩

Милейшая Мар⟨ия⟩ М⟨арцеловна!⟩

Жена продолжает лежать в постеле. Я схлопотал, чтобы вам послали уведомление об расходе ваших денег. Я хожу тоже ели живой, а между тем надобно дописывать роман, а что еще хуже того возиться с домом и с постояльцами оного. Будьте здоровы вы и Маша. Душевно преданный *Пи⟨семский⟩*

631. В ТИПОГРАФИЮ А. М. КОТОМИНА

⟨22 сентября 1877 г., Москва⟩

Возвращаю корректуру прямо в типографию, а также и последний полулист оригинала, так как в нем начинается XI глава, на тот случай, что может быть ее еще не начинали набирать. Остальной же оригинал оставляю у себя. Автор.

[Вообще оригинал можете не присылать мне, чтобы не так был тяжел пакет].

632. В ТИПОГРАФИЮ А. М. КОТОМИНА

⟨12 окгября 1877 г., Москва⟩

Возвращаю корректуру I главы 3 части романа моего Мещане. Лист же для отдельного издания не успел еще поправить, а потому пошлю его завтра, т. е. в четверг.

12 октября.

633. А. В. ПРАХОВУ

⟨13 октября 1877 г., Москва⟩

Почте⟨ннейший⟩ Андриан Викторовичь!

[Сей час] В среду я отправил прямо в вашу типографию коректуру 1-й главы 3 части; но второй лист отдельного издания отправляю уже через вас: тут, как сами вы усмотрите, бог знает что вышло: пропущено несколько столбцов против того как было уже напечатано. Что за причина тому — [не ведаю] типография-ли напутала или цензор замарал — понять не могу. Я востановил приклейкой уцелевшей у меня корректуры все, как было напечатано в Пчеле, и умоляю вас, во первых, разузнать это дело в типографии и уведомить меня хоть двумя строчками, что это значит. Желательно, чтобы это были ошибки типографии, но если цензорские помарки, то съездите и объяснитесь с ним. — Если последнее мое предположение справедливо, то 2-й лист опять пришлите ко мне: я его подправлю и пополню, может быть — но в таком виде печатать, как прислана мне корректура — [срам] невозможно. Буду ждать с нетерпением вашего ответа. Надеясь, что вы не допустите такого неряшливого выпуска отдельного издания, остаюсь [дружески] пожимая вашу руку *Пи⟨семский⟩*

P. S. Роман мой, который [я] уже почти мною кончен, ограничивается десятью главами с эпилогом в сей последней главе. Значит он своей последней главой напечатается [в последнее воскресенье перед новым годом] в самом конце Декабря.

634. А. В. ПРАХОВУ

⟨20 октября 1877 г., Москва⟩

Почтенн⟨ейший⟩ А⟨ндриан⟩ В⟨икторович!⟩

Письмецо ваше от 16 октября я получил только 19-го вечером, а корректур ни для журнала, ни для отдельного издания не получал; наблюдите бога ради, за типографией, а то они, пожалуй, скажут, что послали, а в действительности ничего этого не было. Остаюсь с пожеланием вам всего хорошего *Пис⟨емский⟩*

20 октября
1877.

P. S. Окончание романа я вам вышлю в конце нынешнего мца или много, много в начале ноября. Он уже у меня кончен и остается только просмотреть еще раз эти две главы.

635. А. В. ПРАХОВУ

⟨25 октября 1877 г., Москва⟩

Почтеннейший Андриан Викторовичь!

Вместе с этим письмом к Вам посылаю я и окончание моего романа, т. е. [10 и 11-ю] 9 и 10-ю главы. Корректуры 2 главы 3 части, а также и 2 лист отдельного издания я просмотрел и отправил еще на прошлой неделе. Следующие корректуры я буду посылать к вам простым письмом — они все равно будут доходить, как доходят они и ко мне от вас, а то отправлять их заказным письмом обременительно, [так как] потому что у меня людей мало, сам же я по моим недугам и скверной погоде почти не выезжаю.

Остаюсь желая вам всего хорошего *Пи⟨семский⟩*

25 октября 1877 года.

636. В ТИПОГРАФИЮ А. М. КОТОМИНА

⟨Около 27 октября 1877 г., Москва⟩

Отчего мне прислан был один только экземпляр корректуры. Прошу убедительно высылать мне корректуру, как это и прежде делали, [по] в двух оттисках.

637. В ТИПОГРАФИЮ А. М. КОТОМИНА

<30—31 октября 1877 г., Москва>

Прошу исправить ошибку: в №№ 42 и 43 Пчелы на обертке напечатано, что печатаются XIII и XIV главы 2 части романа Мещане, тогда как печатались I-я и II-я главы 3 части. Затем следующая пойдет III глава 3 части. Автор романа Мещане.

638. В ТИПОГРАФИЮ А. М. КОТОМИНА

1877 г. Ноября 3. <Москва>

Вот уже пятница, а я все еще не получал корректуры романа моего Мещане, — что это значит понять не могу. Прежде я ее получал или во вторник или среду. Прошу убедительно немедля [же] мне выслать ее. *Писемский*

639. Ф. И. БУСЛАЕВУ

<4 ноября 1877 г., Москва>

Почтеннейший Федор Иванович!

Я до сих пор не успел написать Вам более подробное письмецо в ответ на Вашу присланную мне брошюрку. Причина тому то, что я оканчивал мой роман „Мещане", а еще более того, что я болею. Брошюрку Вашу, как только что получил, я прочел немедленно, и из нее вижу, что Вы от романа совершенно справедливо считаемого Вами за самого распространенного и прочного представителя современной художественной литературы, требуете дидактики, поучения, так как он *может популяризовать всю необъятную массу сведений и многовековых опытов*. Действительно, не связанный ни трудною формою чисто лирических произведений, ни строгою верностью событиям исторических повествований, ни тесными рамками драмы, роман свободней на ходу своем и может многое захватить и многое раскрыть.

Но достигает-ли он этого на практике, как только автор задал себе подобную задачу? Почти безошибочно можно отвечать, что нет! Некоторые романисты нашего века, французские, немецкие и английские, пытались явно поучать публику. В романе у Евгения Сю („Семь смертных грехов") показано, как наказываются на земле смертные грехи; у немцев есть, что какой-нибудь юный лавочник высказывает столько возвышенных мыслей и благородных чувствований, что чита-

тель хочет — не хочет, а должен, повидимому, слушаться сего юноши; у нас Чернышевский в романе своем „Что делать?“ назначил современному человечеству даже, какие иметь квартиры и как они должны быть разделены. Но, увы! это глупое человечество не устрашилось нисколько картинами, представленными Евгением Сю, и продолжает по-прежнему творить смертные грехи; лавочнику никто не верит в искренность его слов и он все-таки остается лавочником; квартир своих пока никто не делает и не устраивает по плану автора „Что делать?“ и всем сим поучительным произведениям, полагаю, угрожает скорое и вечное забвение.

Но не такова судьба больших старых романистов. Беру их на выдержку. Сервантес, вряд-ли думавший кого либо поучать своим Дон Кихотом, явил только картину замирающего рыцарства, и она помнится всем читающим миром. Смолет, описавший морские нравы, дал нам такие из меди литые фигуры, по которым хорошо поймет каждый, какого закала английская раса; Вальтер Скотт запечатлел на веки-веченские в умах человечества старую поэтическую Шотландию; даже Жорж-Занд, повидимому, самая тенденциозная писательница — во времена моей и Вашей молодости, Вы, конечно, это помните, она считалась у нас в России растолковательницей и чуть-ли даже не поправительницей евангелия, но в этом случае, мне кажется, на нее совершенно клеветали, — Жорж-Занд была не проповедница, а страстная поэтическая натура, она описывала только те среды, которые ее женское сердце или заедали, или вдохновляли. У нас ни Пушкин, создавший нам „Евгения Онегина“ и „Капитанскую Дочку“, ни Лермонтов, нарисовавший „Героя Нашего Времени“ неотразимо крупными чертами, нисколько, кажется, не помышляли о поучении и касательно читателя держали себя так: *„на-мол, клади в мешок, а дома разберешь, что тебе пригодно и что нет!“*

В Гоголе, при всей высоте его комического полета, к сожалению, в конце его деятельности, мы видели совершенно противоположное явление. Сбитый с толку разными своими советчиками, лишенными эстетического разума и решительно не понимавшими ни характера, ни пределов дарования великого писателя, он еще в „Мертвых Душах“ пытался поучать русских людей посредством лирических отступлений и возгласов: „Ах, тройка, птица тройка!“ и потом в своем поползновении

явить образец женщины в особе бессмысленной Улиньки, после Пушкинской Татьяны, и в конце концов в Переписке с друзьями дошел до чертиков. Признаюсь, писем с подобными претензиями и в то-же время фразистых и пошлых я не читывал ни у одного самого глупого и бездарного писателя.

Но перехожу опять к роману, в отношении которого мое такое убеждение, что он, как всякое художественное произведение, должен быть рожден, а не придуман; что, бывши плодом материального и духовного организма автора, в то-же время он должен представлять концентрированную действительность: будь то внешняя, открытая действительность, или потаенная, психическая.

Лично меня все считают реалистом-писателем и я именно таков, хотя в то-же время с самых ранних лет искренно и глубоко сочувствовал писателям и другого пошиба, только желал-бы одного, чтобы это дело было в умелых руках. Подкреплю это примером. В конце тридцатых годов сильно гремел Кукольник своими патриотическими драмами и повестями из жизни художников с бесконечными толками об искусстве. И все это мне было противно читать; я инстинктивно чувствовал, что тут нет ни патриотизма, ни драматизма, ни художества, ни художников, а есть только реторические крики! Затем, когда я уже сделался студентом и прочел „Вильгельма Мейстера", не могу описать Вам того благоговейного восторга, который овладел мною! Из бесед и разговоров действующих лиц я познакомился с целой теорией драматического и сценического искусства. „Гете — воскликнул я — точно выворачивает все мое нутро!.." Он осветил как бы искрой электрической все, что копошилось и в моих скудных помыслах о драматическом искусстве. Потом другой пример. В половине сороковых годов стали появляться писатели, стремящиеся описывать тонкие ощущения и возвышенные чувствования выводимых ими лиц. Бедняжки, они при этом становились на цыпочки, вытягивали, сколько могли, свои мозговые руки, чтобы дотянуться до своих не очень высоких героев, и вдруг, как-бы ради уничтожения сего направления был переведен на русский язык (в „Современнике" кажется) роман Гете „Предрасполагающее средство" (Wahlverwandschaften), где могучий поэт, видимо, без всякого труда и сверху, переставил, как шашки, несколько лиц, исполненных тончайших ощу-

щений и самого возвышенного образа мыслей. Ни дать ни взять как вол обо... муравьев...

Чувствую, почтеннейший Федор Иванович, что я написал Вам не столько рассуждений и возражений, сколько исповедь своих мыслей и эстетических воззрений. Но что же делать? так написалось, и в заключение, скажу еще два, три слова. Вы мне как-то говорили: „вы, романисты, должны нас учить, как жить: ни религия, ни философия, ни науки вообще для этого не годятся"; а мы, романисты, с своей стороны, можем сказать: „а вы, господа критики и историки литературы, должны нас учить, как писать!" В сущности ни то, ни другое не нужно, а желательно, чтобы это шло рука об руку, как это и было при Белинском и продолжалось некоторое время после него. Белинский, в этом случае, был замечательное явление: он не столько любил свои писания, сколько то, о чем он писал, и как сам, говорят, выражался про себя, что он *„недоносок-художник..."* (он, как известно, написал драму и, по слухам, неудавшуюся), и потому так высоко ценил доносков-художников.

Дружески пожимая Вашу руку, остаюсь с пожеланием всего хорошего, а паче всего здоровья

А. Писемский

1877 г.
Ноября 4.

640. А. В. ПРАХОВУ

〈5 ноября 1877 г., Москва〉

Почтеннейший Андриан Викторовичь!

Нынешнюю неделю я совсем не получил корректуры — что это значит, не понимаю. Писал о том в саму типографию, [а также] и вас о том-же извещаю, убедительно прося распорядиться, что〈бы〉 корректура была мне высылаема [за] окуратно и по возможности заблаговременно и главным образом последние две главы романа, отправленные мною к вам 25 октября, в которых я должен сделать необходимейшие поправки 〈и〉 изменения.

Остаюсь все таки еще в ожидании получить [от вас] корректуру [душевно преданный вам] *Пи〈семский〉*

5 ноября
1877

641. А. И. ПОСТЕЛЬНИКОВУ

⟨Около 8—9 ноября 1877 г., Москва⟩

Милейший А⟨лександ⟩р Ива⟨нович!⟩

Карс взят, поздравляю вас, как и всех русских людей. Брат ваш под Карсом: не убит-ли он или нe ранен ⟨ли⟩? Как вы получите от него или даже об нем какое либо известие, уведомьте меня коротеньким письмецом. Душевно вас любящий ⟨*Писемский*⟩

642. А. В. ПРАХОВУ

⟨19 ноября 1877 г., Москва⟩

Почт⟨еннейший⟩ А⟨ндриан⟩ В⟨икторови⟩чь!

Посылаю [к вам] вместе с этим письмом прямо в Типографию исправленную мною 9 главу, присланную ко мне вероятно по вашему распоряжению заблаговременно — [из прилагаемой при сем корректуры вы увидите какие сделал я поправки] таким образом у меня в просмотре была 6 глава и уже 9-я, но 7 и 8 мне еще не высылали. Наблюдите, бога ради, за типографиею, чтобы там как не перепутали и не хватили бы прямо после 6 главы 9-ю.

Желаю вам всего хорошего ⟨*Писемский*⟩

643. А. В. ПРАХОВУ

22 Ноября 1877 ⟨Москва⟩

Почт⟨еннейший⟩ Андр⟨иан⟩ В⟨икторович!⟩

Сей час я получил Пчелу, в которой напечатаны V и VI главы романа моего Мещане, значит все что у меня было на просмотре; когда-же я просмотрю до выхода следующего номера VII и VIII главы — не ведаю, а потому спешу написать к вам и еще раз попросить наблюсти, чтобы в Типографии вашей не хватили после VI главы прямо IX, крую я уже просматривал. Ваш *Пи*⟨*семский*⟩

644. Е. И. БЛАРАМБЕРГ

⟨28 ноября 1877 г., Москва⟩

Милейшая Елена Ивановна! Уведомьте меня с точностью, когда можете приехать к нам вечерком. Пишу вам об этом помимо собственного желания видеть вас, но меня просил

А. Ф. ПИСЕМСКИЙ
Фото 1877 г. (собрание А. П. Могилянского)

о том и Островский, который имеет до вас *дело* и *просьбу*. Когда вы напишите, что в какой день вы будете у нас, я повещу его, и он тоже явится. Дружески жму вашу руку.

Писемский

28 ноября
1877 г.

645. А. В. ПРАХОВУ

〈2 декабря 1877 г., Москва〉

Почтеннейший
Андриан Викторович!

Возвращаю через Вас корректуру отдельного издания, в которой опять напутали: конец 1-й части и начало 2-й пропущены: по номерации [листов] страниц следует мне прислать 49, 50, 51 и 52 страницы, а мне в двух экземплярах прислали начиная с 53, — страницы 54-ю, 55 и 56, каковые я не просматривал, пусть мне пришлют полный лист и без пропусков, тогда и просмотрю все вместе.

Желаю вам всего хорошего. *Пи〈семский〉*

2 Ноября
1877

646. Н. Г. ГОЛЬДГАММЕРУ

〈2—5 декабря 1877 г., Москва〉

Милост〈ивый〉 Г〈осударь〉
Николай Германович!

Будьте так добры, — посетите меня ради переговоров касательно Н. И. Зуева. С пяти часов вечера я постоянно бываю дома. [Звезды я до сих] Журнала Н. И. Зуева я до сих пор в глаза не видал. То, что я вам сказал, т. е. послать к нему 1-й акт моей пиэсы, для которой я и заглавие уже определил, я готов, но в настоящее время даже не знаю по какому адресу мне это послать — Вы мне все это растолкуете. Остаюсь в ожида〈нии〉 вас видеть у себя 〈*Писемский*〉

647. С. А. УСОВУ

〈3 –5 декабря 1877 г., Москва〉

Любезный друг
Сергей Алексеичь

Мне нужна для эпиграфа приблизительно такая фраза из Гамлета: „З л о д е й с т в о в с т а н е т н а б е д у с е б е, х о т я з а с ы п ь е г о з е м л е ю“. Но так как на точность моей

памяти я не могу совершенно понадеяться, Шекспира у меня нет, то и прибегаю к твоей помощи. Уведомь меня нет ли в Гамлете такого изречения и как его говорят, чем крайне меня обяжеш. *Писемский*

P. S. Фразу эту я запомнил по переводу Полевого, кроме которого я других переводов и не читал.

648. Н. И. ЗУЕВУ

<Около 6 декабря 1877 г., Москва>

М<илостивый> Г<осударь>
Н<икита> И<ванович!>

Согласно моему обещанию, данному мною Г-ну Гольдгамеру, выслать вам 1-й акт моей драмы, название которой я уже определил, а именно: Старые счеты, видел<ся> с Г. Гольдгаммер, крый мне сказал, что он на это уведомление <даст ответ. Но> с его стороны никакого ответа не получил, а потому я уже пишу Вам прямо — желаете-ли вы напечатать один только 1-й акт моей пиэсы или нет (когда я другие допишу сказать не могу). Желаю я за этот акт получить двести пятьдесят рублей (*цена*, которую я брал за все мои прежние пиэсы). Если Вы найдете или эту цену слишком высокою или найдете неудобным печат<ать> один акт, то [бога ра<ди>] пожалуста не стесняйтесь и уведомьте меня лаконически — что вы это находите неудобным. Молчанье с вашей стороны я сочту за отказ моему предложению.

Уважающий вас *Писем<ский>*

649. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

<7 декабря 1877 г., Москва>

Любезный друг,
Александр Николаичь!

Адрес Блярамберг (Елены Ивановны) Милютинский пер. дом Херодинова. Если ты едешь в Петербург, то схлопочи, бога ради, там, чтобы мне выслали из Театральной Конторы деньги, причитающиеся мне за представление моей пиэсы: Горькая Судьбина, совершенное еще в прошлом году в Декабре, кажется, и научи меня что я лично должен для этого сделать. Любящий тебя *Писемский*

7 декабря
1877

650. В КОНТОРУ ИМПЕРАТОРСКИХ С. ПЕТЕРБУРГСКИХ ТЕАТРОВ

<12 декабря 1877 г., Москва>

Покорнейше прошу причитающиеся мне деньги за представление пиэсы моей Горькая Судьбина в бенефис Г-жи Левкеевой выслать мне по местожительству моему в Москве, на Поварской, в Борисоглебском переулке, в собственном доме.

651. А. И. ПОСТЕЛЬНИКОВУ

<13 декабря 1877 г., Москва>

Милейш<ий> А<лександр> И<ванович>!

Я вчера послал заказным письмом за № 32 свою просьбу в Контору С.-Петербур<гских> театров о высылке мне поспектакельной платы за представление пиэсы моей Горькая Судьбина в бенефис Левкеевой. Согласно обещанию вашему попросить вашего знакомого спустя этак недельку справиться в Театральной Конторе, которая находится против Александринского театра, получено ли там мое прошение, когда по нем будет сделано распоряжение а равно и то, каким образом Контора мне вышлет причитающуюся сумму? Чистыми деньгами они, я знаю, не посылают, а всего вероятнее, что пришлют в здешнюю Театральную Контору купон на мое имя. Если это так, то приблизительно когда это совершится. Обо всем этом пусть бы ваш знакомый уведомил вас а вы меня, чем несказанно обяжете душевно вас любящего *Писемского*

13-го Декабря 1877 года.

652. М. О. МИКЕШИНУ

<14 декабря 1877 г., Москва>

Почтеннейший Михайло Осипычь!

Так как роман мой Мещане уже кончился печатаньем, то я убедительно прошу вас выслать мне причитающиеся за него деньги, в которых я в настоящее время сильно нуждаюсь и должен сам произвести срочные и неотклонимые уплаты. [Для] Касательно отдельного издания [я] [у меня всего только два листа; правда, что бы<ли> присланы два полулисточка и третьего, но с такими пропусками, что я должен был их вернуть назад через А. В. Прахова в типографию и будут ли присылаемы мне далее эти листы не ведаю и когда оно] вы

объявляли в Пчеле, что оно выйдет в течении Декабря, но [когда] как вы успеете это сделать — недоумеваю, потому что у меня на просмотре было всего еще два листа. Правда, что были присылаемы ко мне еще два полулисточка 3-го листа, но с такими пропусками, что я должен был вернуть их назад. Уведомьте, бога ради, меня, что будут-ли ко мне высылаемы следующие листы, а за тем повторяя еще раз мою неотступную просьбу [о высылке] об уплате мне денег остаюсь дружески пожимая вашу руку *Пи⟨семский⟩*

653. А. И. ПОСТЕЛЬНИКОВУ

⟨20 декабря 1877 г., Москва⟩

Добрей⟨ший⟩ Але⟨ксандр⟩ Ива⟨нович!⟩

Не знаю как и благодарить вас за последнее ваше письмецо и затем снова имею неотклонимую надобность посоветоваться с вами по одному лично уже меня касающемуся исковому с моей стороны литтературному делу. Сам бы приехал к Вам, но видит бог сил не хватает двинутся куда нибудь. Будьте так милостивы приезжайте ко мне как нибудь в конце нынешней недели и научите меня как бы это устроить.

В⟨аш⟩ *Пи⟨семский⟩*

20 декабря
1877 го⟨да.⟩

654. А. В. ПРАХОВУ

⟨23 декабря 1877 г., Москва⟩

Почт⟨еннейший⟩ Андр⟨иан⟩ В⟨икторович!⟩

Я просмотрел 6 листов корректуры отдельного издания и в 6-м листе снова встретил довольно значительный пропуск, который конечно и вставил. Корректуры, как это вы должны убедиться, я не задерживаю; получая обыкновенно корректуру часов в восемь вечера и не смотря на мое слабое зрение и разбитое здоровье просиживаю иногда за нею целую ночь, и всякий ⟨раз⟩ отправляю ее до 11-ти часов на почту. Михайла Осипыча попросите исполнить его обещание заплатить мне деньги, в которых я в настоящее время крайне нуждаюсь.

Остаюсь при желании вам всего лучшего *Писемский*

1877 го⟨да⟩
Декабря 23-го

655. *Ф. И. БУСЛАЕВУ*

〈31 декабря 1877 г., Москва〉

〈Почтенне〉йший

Федор Иванович!

Поздравляю Вас с рождеством Христа и [с] новым годом. Думал это лично сделать; но, по недугам моим, никуда не выезжаю. Роман мой кончился уже печатанием в Пчеле и вероятно скоро выйдет 〈в свет его〉 отдель〈ное〉 издание, каковое я и непримину представить вашему вниманию. Тот экземпляр Пчелы, который у вас, потрудитесь передать в Университете сыну моему Павлу. [Он] Экземпляр этот мне нужен, потому что многие просят у меня читать роман, а у меня [ничего] его не осталось. Очень бы 〈желал, чтобы〉 посетили 〈меня как〉 нибудь в среду вечерком, [когда] у нас [кой-кто] в этот день собираются некоторые знакомые. Жму вашу руку *Писемский*

[1878 января 1-го]

1877 г. Декабря 31.

656. *М. О. МИКЕШИНУ*

〈2 января 1878 г., Москва〉

Почтеннейший Михайло Осипович

Деньги в уплату мне за роман мой Мещане в сумме тысяча руб. серебром я получил от Живарева [на другой же день после получения от вас письма], за каковую уплату и благодарю Вас. В получении этих денег я дал Живареву росписку, которую он обещался переслать к вам [и вместе с тем убедительно прошу уплатить 〈нрзб〉 и остальные, чем вы крайне обяжете меня. Листов отдельного издания ко мне не присылали и мне даже не верится, что оно уже вышло, — это конечно не беда; боюсь одного, чтобы в неприсланных ко мне листах 〈не оказались〉 такие безбожные пропуски, какие я встречал в корректурах просмотренных мною листов. [Экземпляров десять при] Если отдельное издание действительно вышло, то будьте так добры выслать мне экземпляров десять для подарка друзьям. Жму вашу руку.]

А от Мамонтова еще не получал, потому что болен и не выезжаю. Романа моего [отдель] вероятно уже вышло отдельное издание; будьте так добры велите мне выслать экземплярчиков десять сего издания для [раздачи] подарка друзьям. Как получу от Мамонтова деньги, так напишу вам.

[Дружески жму вам руку. Не <*нрзб*>-ли Прах<ов> по приезде в Москву так скажите ему, чтобы повидал. Некрасов наконец [дострадал] истрадал до смерти. Что делать? — все мы старики на очереди и я как мне кажется ближайший к тому кандидат и дай бог только что<бы> не так долго [страдать] мучиться.]

Дружески жму вашу руку

Пи<семский>

18 2/I 78 г.

657. М. О. МИКЕШИНУ

1878 года, Января 8 дня <Москва>

Почтеннейший Михайло Осипович!

От Мамонтова я получил по вашему переводу четыреста руб. серебром и дал ему в том расписку, таким образом мною всего получено от вас тысячу четыреста рублей серебром; но собственно за роман, в котором без одной осьмой девять листов, мне следует получить [триста семьдесят пять рублей] тысячу семьсот семьдесят пять рублей; значит: мною недополучено триста семьдесят пять рублей, каковые деньги я убедительно прошу дослать мне, так как мне предстоит самонужнейший расход, а именно страховка дома. Расчет листов я делал по расчету Андриана Викторовича Прахова, который мне доставил [одной] его [еще] когда шли первоначальные переговоры, т. е. кладя по 1920 строк в лист и, считая таким образом, во всем романе вышло восемь листов и [еще] 1679 строк. Еще раз повторяя мою просьбу, остаюсь с пожеланием Вам на новый год всевозможных успехов и вместе с тем пожимая вашу руку *Пи<семский>*

658. А. В. ПРАХОВУ

1878 года, Января 8 дня <Москва>

Почтеннейший

Андриан Викторович

Вместе с этим письмом я пишу и к Михайлу О<сипо>вичу касательно доплаты мне остального гонорара, [а именно] так как я [теперь] получил от Живарева и Мамонтова в уплату за роман тысячу четыреста рублей сереб.; но мне же собственно следует получить тысячу семьсот семьдесят пять рублей, следовательно остались не доплоченными триста семьдесят пять рублей. Расчет этот я делал по доставленному от вас расчету, а именно кладя по 1920 строк в лист, коих таким

образом и вышло восемь листов и 1679 строк. Попросите, пожалуста, Михаила Осипыча дослать мне вышесказанные триста семьдесят пять руб., потому что предстоит еще самонужнейший расход [по застрах] на застраховку дома. В ожидании вашего обязательного содействия остаюсь дружески пожимая вашу руку *Пи*〈*семский*〉

P. S. Отдельного издания у меня было на просмотре 6 лист〈ов〉

659. В КОНТОРУ ИМПЕРАТОРСКИХ С. ПЕТЕРБУРГСКИХ ТЕАТРОВ

$18\frac{10}{I}78$ 〈Москва〉

Так как известился я что кроме пиэсы моей Горькая Судьбина, играли и другие мои пиэсы, то в дополнение к ходатайству моему от 12 Декабря 1877, [попр] покорнейше прошу причитающие мне деньги за все сказанные представления выслать мне по местожительству моему в Москву, на Поварской, в Борисоглебском переулке, в своем доме, через контору императорских Московских Театров.

660. М. О. МИКЕШИНУ

〈14 января 1878 г., Москва〉

Почтен〈нейший〉 Мих〈айло〉 Оси〈пови〉чь

С присланным от Вас переводом на Книжной Магазин Мамонтова я сегодня отправился туда, но там мне объявили, что уплаты они произвести не могут, так как у них аки бы нет ваших денег, а платить из своих тоже не могут. Распорядитесь, пожалуста, что бы произвели мне уплату из этого магазина, или-бы из какого нибудь другого: [мне] я, как уже писал Вам, имею крайнюю надобность в деньгах!

Остаюсь в ожидании вашего обязательного расспоряжения об уплате мне, чем крайне и несказанно обяжите [меня] [душевно] преданного вам 〈*Писемского*〉

$18\frac{14}{I}78$

661. А. В. ПРАХОВУ

〈14 января 1878 г., Москва〉

Почтеннейший Анд〈риан〉 В〈икторович〉

По присланному мне [от вас] при последнем письме вашем переводу на магазин Мамонтова [денег] об уплате мне денег я отправился сегодня туда, но там мне не заплатили,

говоря, что у них нет денег Михаила Осипыча, а своими уплачивать находят неудобным. Попросите [бога] пожалуста Михаила О<сипови>ча, чтобы он сделал распоряжение об уплате мне из более надежного [места] источника.

Остаюсь повторяя еще раз мою просьбу преданный вам <*Писемский*>

P. S. Корректуру 8-го листа вместе с сим возвращаю.

1878 года
Января 14.

662. М. О. МИКЕШИНУ

<16 января 1878 г., Москва>

Увы, почтеннейший Ми<хай>ло О<сипови>чь, магазин Мамонтова и после вашей телеграмы упорно стоит на своем и неуплатил мне, отзываясь тем, что не магазин вам, а вы магазину должны, о чем они [и] намерены [как] послать вам телеграму. Препинаньям этим вряд-ли суждено будет скоро разрешиться, а потому будьте так добры избавьте меня, больного, от необходимости бесполезно ездить к этим господам и пришлите мне уплату прямо от себя из Петербурга через почту [прямо] на мое имя: это гораздо будет верней и даст мне возможность запла<ти>ть самонужнейший долг.

В [ост] ожидании вашего обязательного исполнения моей прозьбы остаюсь с душевным желанием вам всего хорошего *П.*

16 января
1878 г.

663. А. В. ПРАХОВУ

1878 года, Января 20 <Москва>

Почтеннейший Андриан Викторовичь!

Вчера я получил 9-й лист корректуры и сегодня поутру отправил его в типографию. Вероятно будет еще около двух листов. Михайлу Осипычу я снова писал об [уплате] доплате мне денег, так как магазин Мамонтова неисполнил его первого приказа, а также и второго, [упорно] утверждая, что не магазин должен Микешину, а Микешин еще должен [им] магазину. Во всяком случае это дело [ни ма] нисколько до меня некасающееся, а потому я убедительно прошу вас попросить Михайла Осипыча уплатить мне из какого нибудь более верного источника, а всего бы лучше если бы он выслал мне деньги прямо от себя через почту [на мое имя]

Еще раз повторяя мою прозьбу остаюсь душев<но> вам преда<нный> *П.*

664. М. О. МИКЕШИНУ

〈22 января 1878 г., Москва〉

Почтеннейший

Михайло Осиповичь.

Спасибо Вам, как за высылку мне остальных денег за роман мой Мещане, так и за то, что вы избавили меня от свидания с Господами Книгопродавцами, крые у нас вероятно почище ваших петербурских. Вчера ко мне тоже присланы были последние листы корректуры романа и я их, просмотрев в продолжении ночи, поутру отправил обратно в типографию. Роман мой вероятно скоро и выйдет. Будьте так добры прислать мне хоть десяточек экземпляров. [Касательно сотрудничества моего, так как у меня ничего [нет] неимеется окончательно написанного] В портфеле моем ничего нет окончательно написанного, сказать-же что нибудь вперед я решительно не могу по состоянию моего здоровья, которое [в таком усталом виде] таково, что сегодня для освежения воздухом я сам съездил в Почтамт получить деньги и приехал в таком усталом виде, что как будто бы в Ерусалим сходил пешком богу помолиться, а ипохондрия и одышка совершенно меня заедает!

Дружески жму вашу руку *Пи〈семский〉*

P. S. Первые два [№№] номера Пчелы за нынешний год по рисункам превосходны.

$18\frac{22}{I}77$

665. И. И. МАСЛОВУ

〈Конец января 1878 г., Москва〉

Многоуважаемый Иван Ильичь!

Жена моя была у вас и просила, чтобы Вы посодействовали об уплате мне поспектакельных денег из Дирекции Петербурских Театров, которые [дирекция должна мне] уже третий год мне неуплачиваются, не смотря на мои ходатайства. Мне писали из Петербурга, что сумма эта ужь и ассигнована, но только талона сюда не высылают. Я-бы сам приехал попросить [к вам] вас о том; но болен и чувствую такой упадок сил и такую одышку, что никуда не выезжаю. Еще раз повторяя мою просьбу о вашем обязательном для меня содействии остаюсь с полным моим уважением *Писе〈мский〉*

P. S. Будьте так добры посетите как нибудь в среду. Где Анненков и что Тургенев — ничего этого я не ведаю.

666. Г. О. ТЕРЕЩЕНКЕ

<Конец января 1878 г., Москва>

М. Г.

Гаврило Осипычь

Вы были так добры, что в позапрошлом году обещали [мне] походатайствовать о высылке мне поспектакльной платы из Дирекции Петербурских Театров, которая мне не уплачивается уже третий год; [года] плата эта мне следует за два представления пиэсы моей Ваал и за одно представление пиэсы Горькая Судьбина. Я у вас в Декабре был в Конторе, но не [застал вас и теперь бы сам приехал, но болен и никуда не выезжаю. Крайне бы меня обязали, если бы уведомили касательно исполнения мое<го> ходатайства. Адрес-же мой на Поварской, в Борисоглебском переулке, в собственном доме.

P. S. Из Петербурга мне писали, что сумма эта уже и ассигнована, только сюда не высылается.

667. ВЕСЕЛОВУ

<10 февраля 1878 г., Москва>

Прошу вас с сим посланным прислать мне книгу мой юбилей, который я отдал вам переплести. Рамка картины моей слишком велика и потому я не посылаю вам ее, а прошу сделать мне ту, которую я вам уже заказал прежде. *Пи<семский>*

10 февраля
1878 года

668. В ОТДЕЛЕНИЕ КОНТРОЛЯ КАССЫ МИНИСТЕРСТВА ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА

<10 февраля 1878 г., Москва>

Коллежского Советника
Алексея Феофилактовича
Писемского

ЗАЯВЛЕНИЕ

Пиэсы моего сочинения Ваал и Горькая Судьбина, принятые на поспектакельную плату, были играны в минувших 1876 и 1877 годах.

Так как причитающееся за них поспектакельное вознаграждение я до [сего времени] сих пор не получил, между тем мне известно, что другие авторы, живущие в Москве, по-

спектакельную плату за Петербурские театры получают в Москве из отделения Контроля, то и я имею честь покорнейше просить Московское отделение Контроля сделать распоряжение о выдаче мне таковой платы в зачет Петербурских театров как [в истекшее время] за прошедшие года, так и на будущее время [если таковая будет мне причитаться]

Колл. сов. *А. Ф. Писем<ский>*

10 февраля 1878.

669. А. И. ПОСТЕЛЬНИКОВУ

<11 февраля 1878 г., Москва>

Почтеннейший А<лександр> И<ванови>чь

Несмотря на то, что половина февраля приближается и что из Петербурга меня даже уведомили, что по справке в Дирекции Театров деньги мне уже и посланы, но здесь ни в Театральной Конторе, ни в Отделении Контроля ничего нет. Напишите вашему знакомому, что не может-ли он еще раз похлопотать, чтобы Дирекция наконец выслала [мне] причитающееся мне вознаграждение и [чем крайне и несказанно обяжите] что он вам напишет уведомьте меня.

Что ваш брат — имеете ли от него известия? Остаюсь дружески пожимая вашу руку *Писемский*

11 февраля 1878

670. М. О. МИКЕШИНУ

<24 февраля 1878 г., Москва>

Почтеннейший Михайло Осиповичь!

Из полученной мною Пчелы я увидел, что роман мой Мещане вышел отдельным изданием, а потому прошу вас выслать мне экземпляров десять для подарка друзьям. По слухам доходящим [от] до меня с разных сторон [нрзб] Пчела ваша преуспевает в Москве. Сам [же] я до того нынешнюю зиму падаю силами, что и сказать не могу. Предполагал-было съездить в Петербург — но и на то силы нет. Остаюсь в ожидании вашей обязательной для меня присылки экземплярчиков моего романа и дружески пожимая вашу руку. *П.*

24 февраля
1878.

671. В МОСКОВСКУЮ КОНТОРУ ТОВАРНОЙ СТАНЦИИ НИКОЛАЕВСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

〈3 марта 1878 г., Москва〉

Высланный мне короб (одно место) из Петербурга, из конторы Редакции Пчелы, по квитанции железной дороги за № 8228 доверяю получить эту посылку сему посланному артельщику книжного магазина Н. И. Мамонтова

А-й. Ф. Писемский

1878 г. Марта 3-го.

672. А. И. КОШЕЛЕВУ

〈4 марта 1878 г., Москва〉

Многоуважаемый

Алек〈сандр〉 Ива〈нович〉

Вчера я не успел поблагодарить Вас письменно за присланную мне Русскую Беседу, потому что в это время у нас были гости. Спеша в настоящее время исполнить это, приношу мою великую благодарность за сказанную присылку. Остаюсь душевно вас уважающий *Писе〈мский〉*

1878 г. 4-го марта.

673. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

〈Март 1878 г., Москва〉

Любезнейший друг

Александр Николаичь!

Поручаю тебе подавать за меня голос в общих собраниях Общества Русских Драматических [изда] писателей.

674. И. С. ТУРГЕНЕВУ

〈23 марта 1878 г., Москва〉

Мой дорогой Иван Сергеичь!

Давно я сбираюсь написать вам, но недуги мои все останавливали [меня] от того. Не помню — поблагодарил ли я вас за переданный мне через Салаева экземпляр Нови, и в возблагодарение посылаю вам отдельный экземпляр моего романа Мещане. Под какими тяготами и скорбями живем мы и выразить не могу. Каждодневно и на каждом шагу только и приходится слышать умер, умер и умер. Один Московский Университет потерял четырех профессоров, в числе которых находится может быть знакомый вам Мильгаузен, один из даровитых и истинно ученых русских людей. Он принадлежал

еще к плеяде Грановского. Актеры тоже мрут и между прочим Шумский, но зато процветают газетчики, всякого рода подрядчики и поставщики и контористы. У меня к вам милейший, Ив<ан> Сер<геевич>, просьба: добудьте мне и пришлите карточку настольную Флобера. Я уже успел собрать деятелей этой школы, а Флобера ни от кого не могу достать. Про себя [конечно] мы ничего многого не можем сказать. Сын мой предполагает ехать за границу, если только курс наш будет иметь хоть малейшую [сходную] сносную стоимость. Мы же, вероятно, останемся в городе, потому что во-первых в Москве все таки поближе к почте, а во-вторых и домишку оставить не на кого. Жена не любит около московных <дач>, а мне, по моему душевному настроению, чем хуже, тем лучше. Упадок сил у меня такой, что я едва совладел, чтобы написать это, кажись, не длинное письмецо.

В ожидании хоть коротенькой весточки от вас остаюсь дружески пожимая вашу руку *Писемский*

23 Марта
1878

675. Д. Я. ПОСТЕЛЬНИКОВОЙ

<27 марта 1878 г., Москва>

Почтеннейшая
Дарья Яковлевна!

Не могу и выразить какою глубокою скорбию поражены мы были получив от Александра Иваныча печальное известие о смерти Василья Иваныча. Павел сейчас же побежал к Александру Иванычу, чтобы его хоть сколько нибудь успокоить, я же, прикованный моими недугами, сел писать это письмецо! Ваше горе я понимаю глубоко, тем более что и сам страдаю подобным уже несколько лет.

Да подкрепит вас бог. *Писемский*

1873
Марта 27

676. А. И. ПОСТЕЛЬНИКОВУ

<27 марта 1878 г., Москва>

Мой добрейший Александр Иваныч

Точно громом пораженный я был потрясен полученным от вас известием, получить которое я впрочем как будто бы предчувствовал. [Письмо] Посылаю к вам мое коротенькое письмецо к вашей матушке, пошлете его когда найдете удобным

и своевременным. К моим слезам, могу сказать, прибавились еще новые. Душевно вас любящий *Писемский*

P. S. Не могу умолчать об участи деда Василья Иваныча. Тот в 12-м году тоже умер от болезни, кажется, в Финдляндии.

677. А. А. БОБРОВУ

⟨29 марта 1878 г., Москва⟩

Почтеннейший Александр Алексеичь!

Посетите, пожалуста, меня или сегодня вечером часов в 6 или завтра утром ради того чтобы мне при Вас поставить в первый раз промывательное из ляписа, которое вероятно причинит мне сильную боль, которую, в присутствии Вашем, мне все таки будет легче и поспокойнее перенести. В ожидании вашего посещения остаюсь дружески пожимая вашу руку *П.*

Середа
29 марта
1878 г.

678. В. А. БАСОВУ

⟨12 апреля 1878 г., Москва⟩

Многоуважаемый
Василий А⟨лександрови⟩чь

Пожалуста, посетите меня; я очень рассхворался: бога ради, не откажите в вашем посещении и сегодня-же навестите меня. Терплю страдания едва выносимые. Душевно вас уважающий ⟨*Писемский*⟩

Середа, 12 Апреля
1878.

679. В. А. БАСОВУ

⟨15 апреля 1878 г., Москва⟩

Многоуважаемый
Василий Александровичь

Умоляю Вас посетить меня сегодня по утру. Я измучился от [сильных] беспрерывных послаблений и сильно ослаб. В ожидании Вашего визита остаюсь искренно вас уважающий

Пис⟨емский⟩

Суббота
15 Апреля
1878.

680. М. Н. ЛОПАТИНУ

23 Апреля 1878 ⟨Москва⟩

Почт⟨еннейший⟩ Мих⟨айло⟩ Ник⟨олаевич⟩

Если вы не имеете ничего особенно нужного на сегодняшний вечерок, то посетите меня, больного; я все еще продолжаю лежать и болезнь моя с своего казенного места кинулась на диете в голову, что причиняет мне боли не малые. Остаюсь в ожидании встречи с Вами душевно Вас любящий *П.*

681. В. А. КУЛИКОВОЙ

⟨25 апреля 1878 г., Москва⟩

Почтеннейшая Варвара Александровна!

Пишу к вам мое благодарственное письмо рукой жены, потому что сам лежу в постеле, спасибо вам великое! вчера был у меня Вольф; он, кажется, очень бы непрочь купить мои сочинения хоть и имеет очень много других пред⟨приятий⟩ он ⟨оборвано⟩ цели через ⟨оборвано⟩ приехал в Москву ⟨пови⟩даться со мной. Но во всяком случае [не повидавшись] я очень бы желал видеться с Кирпичниковым [нрзб] и вы убедительно попросите его заехать ко мне: кроме дела мне и лично с ним познакомиться весьма желательно.

Даже диктовать дальше нет более сил. Поклонитесь всем вашим [дружески] искренно вас уважающий *П.*

P. S. Актерам-же петербурским скажите, что я в пиэсах моих ничего переделывать не стану.

25 Апреля
1878

682. И. И. МАСЛОВУ

⟨2 мая 1878 г., Москва⟩

Многоуважаемый Иван Ильичь!

Неизвестен-ли Вам адрес Павла Васильича Анненкова; если известен, то уведомьте, пожалуста, меня; мне очень нужно написать ему письмецо. Я вот уже четвертую неделю окончательно лежу в постеле: у меня лихорадочный мышечный ревматизм. Вчера я получил письмо от Тургенева, он тоже лежит в подагре.

В ожидании вашего обязательного ответа, остаюсь с полным моим уважением *Пис⟨емский⟩*

2 мая
1878.

683. П. В. АННЕНКОВУ

<4 мая 1878 г., Москва>

Люб<езный> др<уг> Павел Васильичь

Посылаю вам при сем экземплярчик моего отдельно-вышедшего романа Мещане. Сам-же я вот уже месяц как лежу в постеле окончательно сломленный моими недугами! у меня лихорадочный мышечный ревматизм, повременам совершенно затихающий, а по временам терзающий меня невыносимо. Жена здорова, сын едет в конце мая за границу на Парижскую выставку. Что внутри и вне у нас происходит — вы это конеч<но> знаете из Газет. Думаете-ли вы нынешним летом побывать в России и в Москве, а хорошо бы это было, для меня по крайней мере. Поклонитесь вашей супруге и поцелуйте ваших детей, а у меня больше писать сил нет, ваш *Пис<емский>*

18$\frac{5}{4}$78

684. Н. Н. СТРАХОВУ

<5 мая 1878 г., Москва>

Добрейший Николай Николаичь!

Матушка ваша сказывала мне, что вы собираете русскую библиотеку и между прочим искали и моих сочинений. С удовольствием послал бы вам их; но увы! сам не имею таковых и ограничиваюсь по крайней мере тем, что посылаю вам экземплярчик последнего моего романа Мещане на память обо мне. Поклонитесь всем вашим. Извиняюсь, что не могу более писать. Болен, лежу в постеле и очень еще пока слаб. Кирпичников, спасибо ему, заезжал ко мне. Искренно вам преданный *Писемский.*

P. S. Не надписываю на экземпляре потому что под бандеролью, пожалуй, не примут.

5-го Мая
1878 года.

685. М. О. МИКЕШИНУ

<6 мая 1878 г., Москва>

Почтеннейший Михаил Осиповичь

Пишу к Вам с одра моей болезни, на которой меня окончательно уложили мои недуги, желая поздравить Вас

успехом по случаю создаваемого Вами памятника Богдану Хмельницкому. Дай бог вам стяжать еще многократно такие успехи. Остаюсь с душевным пожеланием Вам всего лучшего

Пис<емский>

1878-го
Мая 6-го.

686. И. С. ТУРГЕНЕВУ

18 $\frac{9}{V}$ 78 <Москва>

Мой дорогой Иван Сергеичь!

Не знаю, как и благодарить вас за ваше доброе письмецо. Очень скорблю [я] о постигшей вас болезни, о которой, впрочем, я уже слышал от Бларамбер. Сам я тоже уподобляюсь вам и вот уже четвертую неделю лежу в постеле. Со мной случились удивительные переходы: один юный доктор вздумал мне дать карльсбадской соли; тщетно я уверял его, что мне слабительные вредны, но он настоял, и я имел глупость послушаться его. После двух, трех приемов у меня начался страшный понос, доходящий до 40 и 50 раз послаблений в день. Можете себе представить до чего я, и без того слабый, ослабел, и уж ради спасения себя я вынужден был юному другу человечества отказать и обратиться к прежнему своему доктору, старику профессору Басову, который успокоил мне желудок, уничтожил начавшиеся [страдания] страшные геморроидальные боли, но в то же время, вследствии вероятно ослабления и отвратительной весны, которая у нас стоит, меня постиг мышечный ревматизм, который очень возможно, что перейдет в сочленовный. Касательно романа вы совершенно справедливо сказали; я действительно устал писать, а еще более того жить, тем более, что хоть конечно старость не радость для всех, но у меня она особенно уж нехороша и исполнена таких мрачных страданий, каких не желал бы я и злейшему врагу своему. В конце этого месяца сын уезжает в Париж на выставку и будет конечно у вас. Вы хоть, может-быть, и переехали в Буживаль, но я письмо это адресую все таки в Париж. Да востановит господь бог ваше здоровье. Приехавши в Москву вы [конечно] сей час же дайте знать в мой дом. Всего вероятней я останусь на лето в городе.

Ваш *Пис<емский>*

687. М. О. МИКЕШИНУ

<Май 1878 г., Москва>

Почтеннейший Михайло Осипычь!

В одном из ваших писем вы говорили, что не имею-ли я чего прислать Вам; я вам написал что ничего не имею, но потом вспомнил, что у меня есть две пиэсы не бывшие в печати; участь которых была такова: я написал их еще лет 14 тому назад и предполагал напеча<та>ть в Петербурге, но когда в сей град приехал и прочел [то] некоторым из приятелей, те в один голос сказали, что это вещи очень сильные, но печатать их невозможно — в первой из них у отца связь с незамужней дочерью, а во второй [ко] выведены семейные распри, убийства и самоубийства. Покойный Федор Иван<ович> Тютчев, у которого я между прочим читал, воскликнул прослушав пиэсы: у вас выведены какие-то кретины самоубийств [и увы! ока], этого нико<г>да в жизни не бывало и быть не может — но увы! на поверку оказалось, что [все] друзья мои ошибались, и я был пророком того, что уже носилось в воздухе, я первый почувствовал и написал, и то, что написал стало потом повторять<ся> сильно <?> каждочасно и почти каждосекундно.

688. П. А. ПИСЕМСКОМУ

3 Июня 1878 г., <Москва>

Бесценный друг наш Поля

Вчера мы получили твое письмо из Берлина и теперь полагаем, что ты уже в Париже. Мы живем попрежнему; новостей никаких кроме той, что Министром Юстиции назначен Набоков ([кажется] управлявший гражданскими делами Польши). Остаемся желая тебе всего хорошего и благословляя тебя.

689. П. А. ПИСЕМСКОМУ

Понедельник 5/17 <июня> 1878 <Москва>

Бесценный друг наш Поля

Сей час я получил от тебя письмо из Парижа и усердно благодарил бога за твой благополучный приезд. Мать у Рамазановой, а я, по обыкновению, дома. Вчера я получил письмо от Анненкова — Павла Васильича — из Брюсселя, в кром он пишет, что тоже был в Париже на Выставке и в неописанном

удивлении от количества собранных на ней предметов изящества, изобретельности, ума et cetera. А так же он пишет что после 15 Июля переезжает с семьей в Баден, вот люди-то катают! У Тургенева ты, не откладывая времени, побывай, если только он в Париже. У тебя был Сухарев — говорил, что только недавно поправился от болезни и что-то такое толковал мне о своей диссертации, но я, признаюсь, мало понял. Да хранит тебя бог. Благословляю тебя отец твой *П.*

690. П. А. ПИСЕМСКОМУ

Суббота
18 $\frac{10}{22}$ 78 <июнь, Москва>

Бесценный друг наш Поля! Сего дня мы получили от тебя письмо от прошлого воскресенья и, видя, что тебя так занимает и развлекает выставка, душевно тому порадовались. Сегодня у нас сидела Бларамбер края до того заработалась в Русских Ведомостях, что даже больна была. У нас здесь началась наконец жаркая погода и утишила мои ревматизмы, за то нас стала <нрзб> духота. Поклонись от меня при свидания Ив. Сергеи<чу> Тургеневу. Новостей здесь никаких нет, что ты можешь видеть [из Русских газет] и по газетам, если только просматриваешь их в Париже. Да хранит тебя бог, которого мы молим о твоем здоровьи. Остаюсь, благославляя тебя отец твой *Пис<емский>*

P. S. Получил-ли ты наши письма: мы начали уже тебе первые писать poste restante, потом три письма в отель.

691. П. А. ПИСЕМСКОМУ

Суббота $\frac{17}{29}$ <июня 1878 г., Москва>

Бес<ценный> др<уг> мой Поля! Сей час я ездил на почту и получил твое письмо, которое несказанно нас всех успокоило и порадовало. Хотелось бы на твои милые и обстоятельные письма написать письмо подлиннее, но увы! в нашем захолустье ничего нет нового и хоть сколько нибудь интересного. Политические новости ты вероятно читаешь или м. б. слышишь об них, но я все таки тебе напишу об них. Болгарский вопрос решен конгрессом и Болгария востановлена самостоятельно на Балкана<х>, а остальные части оставлены в прежнем, но под

большим [протекторством] контролем Европы. Некоторые газетчики, крым война выгода, землю дерут от злобы, видя что золотое время их прекращается, что прямо их ударяют по карману: омерзительно читать проявления подобного патриотизма! В Имперском Прусском указателе напечатан фарс о том, что у каждого нового лица, приезжающего в Париж, будет требоваться паспорт. Береги твой паспорт, а то без него через Берлин и не проедешь. Когда Тургенев выезжает из Парижа и куда? В Карлсбад или в Москву, желательно чтобы было последнее. [Матерь] Мать и я благословляем тебя. Отец твой *Пис.*

692. М. В. СОКОЛОВУ

⟨Июль 1873 г., Москва⟩

Почтеннейший Матв⟨ей⟩ В.

Муж велел мне вам написать, что обоев в комнату с окном наверху надо — 13 кусков и 3 куска бордюру — обои [бери] возьмите вы на Кузнецком Мосту у Дабо. У него и выбор лучше и дешевле они. При жела⟨нии⟩ вам всего хорошего остаюсь

693. А. Н. МАЙКОВУ

⟨26 июля 1878 г., Москва⟩

Л⟨юбезный⟩ Д⟨руг⟩
А⟨поллон⟩ Н⟨иколаевич⟩

Обращаюсь к тебе с ходатайством об одном авторе Г-не Шпажинском, которого пиэса Маиорша была доставлена к тебе через Розенгейма для представления в ваш литературный театральный комитет. Ходатайство это будет, разумеется, состоять в том, чтобы вы пиэсу пропустили к постановке на сцену, чего она вполне заслуживает, и сверх того поскорей бы пропустили, так как ее в начале сезона предполагают ставить на здешнюю сцену. Как то вы поживаете на даче, а мы с женой в городе, сын же наш во Франции, на Западном берегу ее, в деревнюшке [Роскоф] Росков купается в море. Прося от меня и от жены поклониться Анне Ивановне и всем твоим домочадцам а также еще раз повторяя мою просьбу об Г-не Шпажинском остаюсь душевно преданный *Писемский*

1878 года
26 Июля
Москва.

694. П. А. ПИСЕМСКОМУ

Вторник $\frac{8}{20}$ августа 1878 года ⟨Москва⟩

Бесценный друг наш Поля! Письмо твое из Парижа, в котором ты пишеш, что получил посланные тебе деньги, к нам пришло на 5-й день, т. е. вчера, и из него мы видим, что ты предполагаешь заехать в Мюнхен, но туда мы настоящее письмо уже не адресуем, а посылаем его в Вену. Ты может быть не прочел еще в иностранных газетах о страшном происшествии, случившемся в Петербурге. Посылаю тебе об сем правительственное [сообщение] извещение из 199 № Московских Ведомостей. Сами мы хоть и скрипим по случаю дурной погоды, но живем по маленьку и молим бога каждоминутно о твоем возвращении к нам. Благословляю тебя отец твой *П.*

695. П. А. ПИСЕМСКОМУ

1878 г. $\frac{18}{30}$ Августа 1878 ⟨Москва⟩

Бесценный друг наш Поля

Сей час мы получили твое письмо от понедельника, сиречь от вашего 26 числа, и вот только неделя осталась до нашего свидания с тобой. В газетах напечатано, что 20 числа будет у вас в Университете молебствие и затем начнутся вступительные [экзамены] испытания. Мамаша не будет тебе приписывать, потому что играет в карты с Еленой Константиновной Исаковой, чем они уже и занимаются четвертый день каждый вечер. Я же каждое утро хожу в Водолечебное и все ловлю возвратившихся наших со⟨л⟩дат из Турции, с коими и вступаю в беседу. Это решительно герои. Об пулях и об ранах они почти не рассказывают, а говорят только, что болезней было много. Больше писать тебе решительно нечего, остаюсь благословляя тебя и моля бога о твоем возвращении отец твой *П.*

696. В. А. БАСОВУ

⟨Сентябрь 1878 г., Москва⟩

Почт⟨еннейший⟩ Василий Александровичь

Бога ради, посетите меня: вот уже пятый день, как я страдаю сильнейшим поносом с сильными болями в животе:

послаблений бывает более 20 раз в день. Ослаб так, что едва имею силы написать это письмо. Еще раз умоляя посетить меня остаюсь с моим глубоким уважением *Писе<мский>*

697. В. ДЕРЕЛИ

1878 года
Октября $\frac{14}{26}$ дня <Москва>

Почтеннейший господин Дерели!

12 октября 1878 года, за № 4 я отправил к вам по почте мои сочинения с [ду<шевным>] искренним пожеланием, чтобы они доставили Вам развлечение и занятия. Хронологический порядок моих литературных трудов таков: первая пове<сть, мною написанная еще в 1846 году, была „Боярщина“, но по цензурным условиям, она пролежала в моем письменном столе более 10-ти лет, и таким образом первою повестью, явившеюся в свет в 1850 году, был „Тюфяк“, за которой следовали повести: „Брак по страсти“, „Monsieur Батманов“, „Комик“, рассказ „Питерщик“ и комедия „Ипохондрик“, долго не игранная на сцене. Все эти вещи я печатал в московском журнале „Москвитянин“ (давно уже прекратившемся). Затем перешел в петербургские журналы и с 1854 года по 1856 напечатал в журнале „Современник“ роман „Богатый жених“, повесть „Виновата ли она?“ и два рассказа: „Леший“ и „Фанфарон“, а в журнале „Отечественные Записки“ пьеску „Ветеран и новобранец“, рассказ „Плотничья артель“ и критическую статью о нашем знаменитом писателе Гоголе. В 1856 году я командирован был правительством для составления этнографических описаний и, как результат этого путешествия, я поместил в журнале „Морской Сборник“ и журнале „Библиотека для чтения“ ряд очерков, которые вы найдете в книжке моих небольших статей. Возвратившись из путешествия, напечатал в 1858 г., в „Отечественных Записках“ свой большой роман „Тысяча душ“, подробно разобранный и отчасти переведенный> в сокращениях покойным Деляво в Revue des deux Monde<s> и в последствии переведенный и на немецкий язык, и в то же время поместил в Библиотеке для чтения прежде непропускаемую повесть Боярщина и рассказ: Старая Барыня, а затем, сделавшись редактором Библиотеки для чтения [поместил] напечатал в ней повесть: Старческий грех, тоже пере-

веденную ныне на немецкий язык, и трагедию из крестьянского быта: Горькую судьбину, за которую и получил от академии наук 1-ю уваровскую премию, потом я поместил в журнале Русское Слово рассказ: Батька. В 1863 году я оставил редакторство Библиотеки для Чтения и, переселившись из Петербурга в Москву, поместил в журнале Русский Вестник свой большой роман Взбаламученное Море, [обрисовав] изобразив в конце этого романа начинающийся у нас развиваться нигилизм. После того я напечатал в Отечественных Записках очерки: Русские лгуны, которые по разным причинам не довел до конца. С 1866 года по [1869] 1868 год я напечатал [три] [две] [мои пиэсы] в журнале Всемирный Труд [две мои пиэсы Поручик] трагедию Самоуправцы, историческую трагедию из времен Бирона Поручик Гладков, которая на сцену до сих пор не пропущена аки бы за очень сильное участие войска в решении дворцовых революций, весьма часто в то время следовавших одна за другой [и око] В 1869 году я напечатал в журнале Заря свой большой роман: Люди Сороковых годов, имеющий до некоторой степени автобиографический характер, а потом через два года поместил в журнале Беседа роман: В водовороте, хорошо известный Вам. В 1873 году мною напечатана в журнале Гражданин комедия Подкопы, едва, едва пропущенную цензурою для печати и совершенно воспрещенную для постановки на сцену. В 1874 году я [напе] поместил в Русском Вестнике драму Ваал и в 1875 драму Просвещенное время, а в 1876 году в журнале Гатцука драму: Финансовый Гений и наконец в прошлом году поместил в журнале Пчела — роман: Мещане.

Пишу Вам этот подробный перечень моих трудов, потому что в посылаемых мною Вам книгах они размещены совершенно не в том порядке, как писались; а время вещь многознаменательная: меняя все в мире, оно кладет, разумеется, печать этих перемен и на труды авторов. Сначала я обличал глупость, предрассудочность, невежество, смеялся над детским романтизмом и пустозвонными фразами, боролся против Крепостного права, преследовал чиновничьи злоупотребления, обрисовал цветки нашего [нарожд] нигилизма, <посевы> которого теперь ужь созревают [и] в плоды; и в конце концов принялся [теперь] за сильнейшего, может быть, врага

человеческого, за *Ваала и за поклонение Золотому тельцу* и только в прошлом году был глубоко утешен тем, что мещане и купцы (что под этими кличками я разумею вы уясните себе из романа моего М е щ а н е), мещане и купцы отодвинуты на задний план и в массе случаев опозорены. Открылось воочию всех, что мошенничества разных предпринимателей и поставщиков колосальны, что торговля идет на постыднейшем обмане; банковские воровства чуть не каждодневно совершались и совершаются, и над всей этой мерзостью, как чистые ангелы, воссияли наши солдаты и офицеры; но довольно, всего не перескажеш, что кипит и волнуется в моей бы ужь, кажется, старческой душе!

В посылаемых Вам книгах нет [романа] экземпляра Т ы с я ч и д у ш. Романа этого нет у меня и я нигде не мог его достать в Москве и написал уже в Петербург, что не добу<ду>т-ли его где нибудь там для меня; и как [только] получу экземплярчик, то немедленно же отправлю его к Вам. Весьма бы обязали меня [если бы прислали мне ваш] присылкою вашего портрета, но только, если возможно это, то кабинетного, а не карточку, и я бы поместил его на стене [моего кабинета] моей кельи посреди портретов моих учителей, друзей и людей с добром и со вниманием ко мне относившихся. Не теряю также надежды получить от Вас хоть бы даже коротенькие [даже] отзывы о моих трудах, вы такой опытной и в [глубь] суть дела проникающий ценитель! Письмо это я пишу [извиня] [пи] рукой жены, [так ка] потому что собственная моя длань, пораженная ревматизмом, решительно отказывается писать четко и разборчиво. Сын мой усердно Вам кланяется, он теперь очень занят чтением лекций в Университете и писанием [Д] диссертации на степень доктора. [Да наградит в] [Принося Вам мое усердное почтение остаюсь [при] искрен] Между прочим он мне говорил, что Вы предполагаете или перевести что нибудь из моих трудов или написать статейку о них, но во всяком случае я был бы несказанно обязан и благодарен Вам за это.

В заключение прося принять уверение в [св] совершенном моем почтении остаюсь

искренно вам преданный

Алексей Писем<ский>

P. S. Адрес мой тот же, что и сына: Москва, Поварская, Борисоглебский переулок, собственный дом.

698. С. В. МАКСИМОВУ

⟨14 октября 1878 г., Москва⟩

Любезный друг, Сергей Васильичь!

Спасибо тебе за портрет и за письмецо, очень сожалею о постигшей тебя болезни. Желудки, кажется, сделались в настоящее время несчастием всего человечества. Избыток-ли нервных, умственных трудов, выпадающих на долю большей части людей или остаток разжиженного холерного яду в атмосфере — причина тому богу ведома. Сын мой благополучнейшим образом возвратился из за границы и теперь читает лекции в Университете и пишет диссертацию на доктора. Жена здорова, я же, как [водится] подобает это мне, вожусь с своим желудочным катаром. Виделся недели две тому назад с Костомаровым, он у меня был и я у него. Он сильно постарел [с тех пор] после того, как я его видел в Петербурге и сильно тоже жалуется на желудок. Новостей здесь нет никаких, а потому и писать более нечего. Поклонись от меня и от жены твоей супруге. Остаюсь с душевным пожеланием всего вам хорошего *Пис⟨емский⟩*

1878 г.
Октября 14.

699. В. Ф. ФЕДОРОВУ

⟨Середина октября 1878 г., Москва⟩

При всем желании моем, Г. Федоров, [у] исполнить вам [мою] вашу просьбу, я решительно не могу, — из [сказа] поименованых вами моих сочинений у меня ни одного нет, так как я все мои труды [прод] отдавал или журналистам или издателям, крые [снабжали] уделяли мне или [только] 25, или 50 экземпляров [которые] и те конечно раздаривал все ⟨ежеминутно⟩ весьма быстро. Посылаю вам только мои драматические пиэсы, которые я лично издавал и которые хоть в малом количестве экземпляров, ноесть. Извиняясь что я не мог удовлетворить ваше жела⟨ние⟩ так как в Москве даже в продаже у книгопродавцев нет. Издавать же их снова у меня ни средств, ни здоровья нет. Остаюсь [искренно вас уважающий П.] снова с моим извинением, что я не мог исполнить вашей просьбы *Пи⟨семский⟩*

700. А. И. ПОСТЕЛЬНИКОВУ

⟨25 октября 1878 г., Москва⟩

Почтеннейший Александр И⟨ванович⟩ъ

Приберите, пожалуста, посылаемый при сем письмеце мой пакет. В нем хранятся два первые акта моей новой пиэсы. Остаюсь при желании вам всего [лучшего] хорошего *А. Писе⟨мский⟩*

[1878] 18 $\frac{X}{25}$ 78

701. В. А. БАСОВУ

⟨28 октября 1878 г., Москва⟩

Многоуважаемый Василий Александрычь! Посетите меня бога ради. Здоровье опять совершенно растроилось, ни дня ни ночи не имею покоя от желудочных страданий. Помогите и не откажите в вашем посещении. Вы столько уже раз восстановляли меня с одра болезни. В ожидании вашего доброго посещения остаюсь глубоко вас уважающий *Писемский*

Суббота
29 октября
1878 г.

702. А. А. ГАТЦУКУ

⟨29 октября 1878 г., Москва⟩

Почтеннейший Алексей Алексеичь!

Я у вас до сих пор не был в типографии потому что на другой же день как вы были у меня я заболел и теперь почти лежу в постеле, от той же причины я все не могу зайти к Николаю Иванычу. Навестите меня хоть не надолго. Остаюсь искренно вам преданный

А. Пис⟨емский⟩

Воскресенье.

703. В. ДЕРЕЛИ

[Москва] Поварская, Борисоглебский пер.

Собственный дом 18 $\frac{XI}{I}$ 1878

Почтеннейший Г. Дерели!

Несмотря на [полнейшее] [сильным образом овладевающие] физические [недуги] одолевающие меня недуги я незамедляю ответить Вам на ваше любезное письмо и прежде всего спешу Вам высказать мое почти удивление тому, что до какой степени вы уже хорошо владеете Русским языком: [за исключением двух трех неправильностей и непринятых у нас оборотов, вы, видит бог, что не льщу, [не льщу пишете, гораздо]

пиша в первый раз по русски, гораздо лучше излагаете наших газетных [фельетонистов и репортеров] великая честь вашим лингвистическим способностям и вашему, что еще важнее, столь высоко поставленному эстетическому образованию и вкусу. Для нас Русских писателей это тем более поразительно, что в нашей критике, почти исключите⟨льно⟩ захваченой за последние пятнадцать лет газетами, [царствует] царит хаос или точнее сказать безобразие, так что даже масса публики, далеко неразборчивая не читает критических статей и. не верит им, потому что все [и странное явление представляет в этом случае мое отечество. Мы, люди Сороковых годов, [воспи] не захваченные никаким политическим переворотом, зрели чисто в Естетических вопросах: мы изучали Шекспира, Гете, Шиллера, [Ди] Валтер Скота, Дикенса, Текерея, ваших: Корне⟨ля⟩] мнения их авторов или пошлы [или] либо тенденциозны, [и] или невежественны, в некоторых случаях пожалуй и продажны! [даже!] Вместе с этим письмом я посылаю вам тот том моих сочинений, где помещен роман: Т ы с я ч а д у ш. [который] Том этот я наконец успел [добыть] добыл из Петербурга и в нем, может быть, вы найдете повторения некоторых статей, которые [я] уже отправлены [к] мною Вам, но это не беда по пословице: лучше переделать, чем недоделать! Я несказанно обрадован вашим известием, что вы предполагаете перевести мой роман: В в о д о в о р о т е и когда он будет издан Вами, то [несказанно] весьма-бы обязали меня, если бы выслали мне экземплярчик [или даже два] вашего перевода.

Затем, прося принять уверение в совершенном моем уважении имею честь пребыть

вашим покорным слугою

⟨*Писемский*⟩

P. S. Письмо это я осилил написать своей рукой.

704. А. ГУБЕРНАТИСУ

⟨3 ноября 1878 г., Москва⟩

Monsieur [Angelo de Gubernatis!]

Je vous envoie les reponses [sur vous] à vos questions: I. [Nom d'ecrivant] Nom de l'ecrivain, *titres et fonctions actuelles?* Alexis Pissemsky, gentilhomme et proprietaire. 2. *Année et lieu de naissance?* [*premiers etudes, premiers succes, carriere*

litteraire?] Âgé de 58 ans, né au gouvernement de Kostroma, domaine Ramaigné. 3. *Premiers etudes?* Au gimnase de Kostroma et puis à l'Université de [Mosq] Moscou. 4. *Premiers succès?* Romans: „Tufiac“ (Homme flegmatique) „Mariage par passion“; [Comedie] „Hypocondriaque“ — comedie, „Piterchique“ — essai sur les moeurs du peuple [Toutes ces productions ont été] Tous ces ouvrages ont été publiés à Moscou dans un journal periodique: Moscovite (Москвитянин) [Москвитянин En 1857 je fus] [Dès l'an] Depuis 1852 jusqu'a [l'an] 1863 je fus collaborateur dans les journaux de Petersbourg: Современника (Contemporain), Отечественных Записок (Lettres de patrie) et Библиотеки для Чтения (Bibliotheque pour la lecture), donc je devins redacteur en 1857 [an]. Durant cette periode j'ai publié les romans: „Mille âmes“ traduit [en francais et] en allemand, la tragedie „Sort Malheureux“ pour laquelle j'ai [ressus] reçue le premier prix de l' Academie des Sciences et [un] le roman „Le pechet d'un vieillard“, traduit en Allemand. En 1863 [anne] [année] [j'ai publié] j'ai publié dans le journal: Messager Russe (Русский Вестник) un grand roman intitule: [A mer] „La mer agitée“ qui avait une importance politique à cause de Nihilisme naissant en Russie, dont je fais la description. [Cet] Ce roman a [etait] été tradui en Allemand. [An] En 1871 an j'ai publie le roman „Dans le tourbillon“ dans le journal Cercle (Беседа) dans lequel j'ai represente au lecteur le nihilisme pratiqué, dans la masse de la societé. En 1874 j'ai demasqué le mal monstrieux produit par la puissance et l'abus du capital dans plusieurs drames. 5. *Notes des ouvrages publies?* Romans: „Tufiac“ (Homme flegmatique); „Mariage par passion“; „Monsieur Batmanoff“; „Un acteur comique“; „Un riche promis“; „Est-elle coupable?“; „Mille âmes“; „Les gentilhommes campagnards“, „La mer agitée“; „Les hommes de les quarantièmes de notre siecle“, „La Bourgeoisie“; „Dans le tourbillon“; Recits et Histoires: L'Esprit des bois, un Fanfaron. Les Charpentiers. Une vielle boyarina. Le pecher d'un viellard. Le père. Les blagueurs russes. [Tragedies, Drames, Comedies] Pieces dramatiques: Hypocondre, comedie. Le veteran et le jeune recrue, drame. Le Sort malheureux (Tragedie). Les despotes (tragedie) Lieutenant Gladkoff — tragedie. Les Mineurs — comedie, Baal — drame, L'Epoque eclairée — drame. Le genie [des finances] financier — comedie.

18 $\frac{3}{XI}$ 78

705. В. И. РОДИСЛАВСКОМУ

⟨Ноябрь 1878 г., Москва⟩

Почт⟨еннейший⟩ В⟨ладими⟩р И⟨ванови⟩чь! я мало, что ни выезжаю никуда, но даже лежу в постеле, а жена не знаю, потому что ее дома нет. Искренно сожалею что не могу приехать к Вам, преданный вам *П.*

706. А. А. ГАТЦУКУ

⟨Ноябрь 1878 г., Москва⟩

Почтенней⟨ший⟩ Алексей Алексеичь

Я никак не мог приехать на ваше приглашение, потому что лежу даже в постеле.

Вчера мне ставили пиявки а сегодня все утро ждал доктора. Остаюсь с пожеланием Вам всего хорошего *Писемский*

Воскресенье.

707. П. А. КАНШИНУ

⟨Ноябрь — декабрь 1878 г., Москва⟩

По моему мнению стихотворение это весьма подходящее ко времени и так как перевод хорош, то вероятно его с охотою поместят. *Пис.*

708. В. И. РОДИСЛАВСКОМУ

⟨Ноябрь — декабрь 1878 г., Москва⟩

Многоуважаемый Влад. Ива⟨новичь!⟩

Не могу и выразить Вам всей нашей благодарности за прием бедной старухи Иполитовой; вам бог воздаст за это доброе дело. Я же все болею и больше недели был, благодаря ревматизму, без ноги. Отвратительная погода окончательно [доканывает] доколачивает мое разбитое здоровье. Жена в субботу сама предполагает быть у Вас и поблагодарить за нашу богадельницу. Поздравляю Вас со звездою и дай бог вам еще больше преуспевать на Вашем служебном поприще. Супруге вашей наше почтение, преданный вам *Писемский*

709. Е. В. БАРСОВУ

⟨Ноябрь — декабрь 1878 г., Москва⟩

Почт. Елпидиф⟨ор⟩ Васильичь! Будьте так добры прислать мне с сим посланным обещанные вами мне книги Пыпина, ваш покорный слуга *Писем⟨ский⟩*

Четверг.

710. В. ДЕРЕЛИ

18 $\frac{10}{XII}$ 78 ⟨Москва⟩

M-r Дерели!

Я давно уже собираюсь написать Вам и повторить мою просьбу касательно присылки мне вашего портрета, чем вы несказанно и много меня обяжете. Начавшаяся уже зима у нас несколько облегчила мои недуги, что и дало мне возможность приняться за мое дело, которое я уже предначертал себе давно, но принялся за него последнее только время, а именно: написать большой роман под названием Масон. В настоящее время их нет в России ни одного, но в моем еще детстве и даже отрочестве я лично знал их многих, из которых некоторые были весьма близкими [для меня] нам родственниками; но этого знакомства конечно было недостаточно, чтобы приняться за роман и так как в настоящее время в разных наших книгохранилищах стеклось множество материалов о русских масонах, бывших, по преимуществу, *мартинистами*; их ритуалы, речи, работы, сочинения и всем этим я теперь напитываюсь и насасываюсь, а вместе хоть и медленно, пододвигаю и самый роман мой. Но когда я его кончу и как выполню, покуда ничего еще не могу ведать.

Крайне бы обязали меня, если бы уведомили, что продолжаете ли Вы, по доброте вашей ко мне, знакомиться с моими слабыми трудами и как Вы их находите. Касательно вашего намерения перевести какую-нибудь из небольших повестей моих я могу указать, что удобнее других для этого повесть Брак по страсти или рассказ Старческий грех.

В ожидании от Вас хоть коротенького письмеца остаюсь с полным моим уважением *Писемский*

P. S. Адрес мой: Москва, Поварская, Борисоглебский переулок, собственный дом.

711. П. М. ДМИТРИЕВУ

⟨25 декабря 1878 г., Москва⟩

Г. Дмитриев!

Согласно вашему желанию, выраженному в письме ко мне от 14 Декабря 1878 г., посылаю в редакцию Невы мой кабинетный портрет, — это лучший какой у меня есть; потом:

мою автографическую подпись, которую вы найдете в конце [сего письма — приложенную] моего письма и наконец краткий материял для [моей биб] биографии: родился я 1820 г., марта 10 дня, в сельце Раменье, Костромской Губернии, Чухломского Уезд<а>; учился сначала в Костромской Гимназии, а потом поступил в Московский Университет, где и окончил Курс по 2-у отделению Фило<со>фского факультета. Литературную мою деятельность я начал в Москве, в 1846 году тем, что написал роман Боярщина, ходивший в то время по рукам в рукописи и только уже в 1858 году напечатанный в [журнале] Библиотеке для Чтения. [Первым напечатанным произведением моим была повесть] В 1850 году я напечатал в [жур] Москвитянине мою повесть *Тюфяк*; потом там же повесть *Брак по страсти*, [рассказы Комик и Питерщик, комед] и *М. Батманов*, комедию *Ипохондрик*, и рассказы *Комик*, *Питерщик*; почти одновременно с этим я поместил в Современнике роман *Богатый жених*, повесть *Виновата <ли> она?* и два рассказа: *Леший* и *Фанфарон*, а в Отечественных Записках пиэску *Ветеран и Новобранец*, рассказ *Плотничья артель* и *критическую статью о Гоголе*. В 1856 году я командирован был от Морского Министерства в Астраханскую Губернию и, как результат этого путешествия, напечатал в Морском Сборнике, в Библиотеке для Чтения ряд статей под названием: *Астрахань*, *Татары*, *Астраханские армяне*, *Калмыки*, *Бирючья Коса*, *Тюк Караганский полуостров и Тюленьи острова*. По возвращении из командиров<ки> я [полу] поступил в редакцию [жур] Биб. для Чте<ния> и продолжал в ней свое редакторство до 1863 года, напечатав в самой Биб. для Чтения рассказ *Старая Барыня*, роман Боя<р>щина, рассказ *Старческий Грех* и трагедию *Горькая Судьбина*, за которую мне от Академии Наук дана первая Уваровская Премия; кроме того в 1858 году я поместил в Отечественных Записках роман *Тысяча душ*, переведенный на несколько иностранных языков, а в Русском Слове рассказ *Батька*. В 1863 году я напечатал в Русском Вестнике большой роман *Взбаламученное море*. За тем в 1865 году я напечатал в Отечественных Записках рассказы *Руские Лгуны*; [в 1867 году] с 1866 года по 1869 год я напечатал в журнале

Всемирный Труд пиэсы мои Поручик Гладков, трагедию в пяти актах, неразрешенную на сцену; Самоуправцы — тоже тр. в 5 актах и драму Бывые соколы, явившую<ся> в свет совершенно не в том виде как она был<а> написана. В 1869 году я напечатал в журнале Заря большой роман Люди Сороковых годов и через два г<ода> в журн. Беседа тоже больш<ой> ром<ан> В водовороте. В 1873 году я напечатал в журн. Гражданин [поместил] комедию Подкопы, непропущенную на сцену, и в Русском Вестнике драму Ваал; там-же [1874] 1875 г. драму Просвещенное время; наконец в 1876 году я поместил в Газете Гатцука драму Финансовый гений, а в 1877 году напечатал в жур<н>але Пчела большой роман: Мещане.

Что касается до сотрудничества моего в редактируемом Вами журнале, я к сожалению не могу исполнить Вашей просьбы так <как> в настоящее время ничего не имею в трудах моих ничего оконченного и сколь<ко> нибудь определившего<ся>.

За тем имею честь быть
Вашим
Покорным слугою
<*Писемский*>

1878 г.
Декабря 25.

P. S. Адрес мой: Москва Поварская Борисоглебский пере<улок> свой дом.

712. А. И. ПОСТЕЛЬНИКОВУ

<7 января 1879 г., Москва>

Мой дорогой Алек<сандр> Ив<анович>

Посылаю к Вам на хранение 5 главу моего нового романа Масоны, а также и 3 первые печатные части романа Люди Сороковых годов; остальные две части сего романа мне обещались доставить, которые я тоже не замедлю препроводить к Вам.

Дружески пожимаю Вашу <руку,> остаюсь искренно вас любящий *Пи<семский>*

1879 г.
Января 7.

713. А. А. ГАТЦУКУ

<8 января 1879 г., Москва>

Почтеннейший А<лексей> А<лексеевич!>

[Сегодня] Вчера я просмотрел написанный мною рассказ: Отставной капитан Рухнев. Я его [несколько] почти окончательно поправил. Не пожилаете-ли вы его напечатать в вашей газете; займет он [места] в $^2/_3$ листа Русского Вестника; но в нем есть нечто, о чем [я жел<аю> с] мне необходимо переговорить с вами, а потому не завернете-ли Вы ко мне (я каждодневно с 2 часов пополудни до поздней ночи дома) или не назначите-ли мне, когда я могу приехать к Вам потолковать.

В ожидании вашего ответа остаюсь искренно вам преданный <*Писемский*>

1879 г.
Янва<ря> 8.

714. В. ДЕРЕЛИ

25 Января / 6 <Февраля> 1879 г. <Москва>

Повар<ская,> Бори<соглебский> пе<реулок> св<ой> до<м>

Многоуважаемый Г-н Дерели!

Я к вам так долго не писал, потому что все это время [я] сидел погруженный в моих масонах: я читал об них, выписывал из разных документов об них и наконец сочинял самый роман, которого [теперь] у меня уже написано шесть глав. Сведения мои по этой части таковы теперь, что я готов хоть сей час быть посвещенным [великим мастером] в великие мастера любой ложи. [Касательно вашего доброго предложения] За ваше доброе предложение выслать мне французские [масонские] сочинения о масонах я приношу [великую] мою искренную благодарность, но этого рода сочинений и у нас здесь по разным библиотекам великое множество; [и] сверх того, по моему слабому знанию французского языка, я предпочитаю их читать в Русских переводах, которых у нас тоже очень много и [странное явление в этом случае произсходит у нас] несовсем понятное для меня явление представляется [мне] при этом: наши собственно масоны были Мартинисты, так они и назывались этим именем; но с вашими Мартинистами разнились и вот сколько я мог

извлечь из чтения разных переписок между масонами, посланий ихних, [мог ощупать эту разницу] речей, то разница эта состояла в том, что [у нас] к масонскому мистическому учению последователей С. Мартена они присоединяли еще учение и [аскетические] правила наших [отцов церкви] аскетов, основателей нашего пустынножительства, и зато менее вдавались в мистическую сторону. Касательно романа моего: Взбаламученное море я прежде всего конечно должен поблагодарить вас за ваш лестной отзыв об нем и вместе с тем выразить свое крайнее удовольствие, если бы вздумали перевести и его, потому что в нем, как справедливо вы заметили, обширнее чем в прочих моих романах изображена Россия 60-х годов, [да пожалуй] но что касается до тех трудностей [для вас при переводе этого романа] о которых вы говорите в последнем письме вашем сыну моему, то я полагал бы что их легко устранить таким [образом] способом, что бы вы на все [эти] *слова. наименования, термины, целые тирады* и даже целые страницы указали мне в письме вашем, поимяновывая только числа страниц, на которых они напечатаны, и я бы с своего ужь экземпляра, с помощию жены и сына перевел [для вас] их на французский язык, несовсем м<ожет> б<ыть> правильной, но во всяком случае совершенно понятной для вас и который [бы] вы, по вашему усмотрению могли-бы исправить, а некоторые места даже и выкинуть... Предоставляя все это вашему благоусмотрению и исполняя просьбу моего сына [принять от него свой] передать Вам от него искренний привет, я [вместе с тем] спешу также послать вам [последнюю и] сегоднишную весьма успокоительного свойства официальную телеграму об чуме, из которой вы усмотрите, что последнее время не было уже более случаев заболеваний, что дает надежду, что дальнейшее распространение этой ужасной болезни остановится, тем более что со стороны нашего правительства [принято] принимаются самые енергические меры, в Астрахань послан особый Генерал-Губернатор Граф Лорис-Меликов с большими уполномочиями, а станицу Ветвлянку, в которой болезнь началась и из которой распространялась, предположено всю сжечь.

За тем прося вас принять уверения в совершенном моем уважении и преданности остаюсь ваш<им> покорней<шим> слугою <*Писемский*>

P. S. Посылаю вам небольшой свой рассказец, на днях только напечатанный мною в газете Гатцука, крый конечно не имеет серьезного значения, но тем не менее не пригодиться <ли> он для того, чтобы его перевести для Фигаро — он смешон. Рассказы такие по мере воспоминаний из моей прошлой и довольно ужь длинной жизни я буду продолжать и ради чего озаглавил их: Уже отцветшие цветки.

715. С. А. ЮРЬЕВУ

<11 февраля 1879 г., Москва>

Любезный друг
Сер<гей> Анд<реевич>

Сын мой мне передал, что ты назначаеш чтение в [первое] воскресение на первой неделе; я готов прочесть на этом чтении две первые главы моего романа, но не забудь, что эти две главы я уже читал публично 2 Февраля, а потому ловко-ли будет их повторять, [чтоб] Разузнай и посоветуйся с кем знаеш и вообще заверни как нибудь ко мне. Вечера я все дома без исключения. [Любящий тебя П.] Надобно определить между прочим и количество времяни, которое может быть предназначено для меня. Пожалуста заезж<ай>.

Любящий тебя <*Писемский*>

18 $\frac{11}{1}$ 79 г.

716. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

<20 февраля 1879 г., Москва>

Любезный друг,
Александр Николаичь!

Тургенев здесь, что и ты вероятно знаешь; но он заболел в своей подагре и со вчерашнего дни лежит без ноги. В среду впрочем он, если только позволит ему его подагра, хотел приехать ко мне вечером. Приезжай и ты: вчера Тургенев хотел быть у тебя, но не исполнил этого по независящим от него обстоятельствам. До свидания.

Любящий тебя
Писемский

717. В. ДЕРЕЛИ

3 Марта 1879 г. ⟨Москва⟩

Почтеннейший Г. Дерели!

В ответ на последнее письмо ваше я прежде всего должен Вас предуведомить, что вместе с этим письмом моим вы вероятно также получите письмо и от Тургенева, [крый теперь здесь и который, по дру] краго вы конечно по слухам знаете и который, будучи теперь здесь, по дружбе своей ко мне, взялся разъяснить Вам все трудно понимаемые [для] Вами слова в Взбаламученном море и что он конечно сделает лучше, чем кто либо [из нас] мог сделать; сверх того он поручил мне предложить вам — что когда Вы при дальнейшем вашем чтении или переводе моих сочинений будете встречать какие-бы то не было затруднения, то прямо обращайтесь к нему и он с великой охотой будет вам пояснять их. Живет же он, как вы конечно знаете, постоянно в Париже и вот его адрес: Paris, 50 rue de Douai. Заставать вам его дома всего лучше будет по утрам. В Париж он полагает вернуться дней через двадцать. — Жду с нетерпением получить ваш перевод Капитана Рухнева и [когда] Тургенев, когда я ему передавал об этом, сказал мне что может открыть вам возможнос⟨ть⟩ в дружественной ему газете поместить и более длинные переводы [из] моих сочинений. Словом, обо всем этом вы переговорите с ним [лично] при личном свидании. Что касается до ваших писем, то бога ради прошу вас не утруждать себя писать их непременно по [франц] Русски, а напротив пишите мне [прямо] по Французски и если я в ваших письмах встречу [в них] что-либо непонятное для меня, то мне жена или сын переведут все это с буквальной точностью; но мне же с своей стороны позвольте продолжать к вам писать по Русски, ибо по французски я двух слов не съумею написать.

[По поводу переводов ваших моих сочинений, то вот что пришло мне в голову: не найдете ли вы удобным перевести 2 акт из пиэсы моей Просвещенное время. Он составляет совершенно отдельный и целостной эпизодец. Пиэсу эту вы найдете в посланном мною Вам сборнике моих комедий, драм и трагедий и на 84]

За тем, прося извинения, что, по случаю чувствуемых мною ревматических припадков, я снова пишу к Вам рукой жены моей, остаюсь

с искренним моим
уважением
⟨*Писемский*⟩

718. Е. И. БЛАРАМБЕРГ

⟨3 марта 1879 г., Москва⟩

Любезнейшая старческому сердцу моему Елена Ивановна! Я сегодня хотел было ехать к вам вечером, но недуги мои не пустили меня, а между тем завтра, сиречь в воскресенье вечером хотел приехать ко мне Иван Сергеич Тургенев, а потому приезжайте и вы, — побеседуем, позлословим, позубоскалим, — словом все как следует будет.

В ожидании видеть Вас дружески жму вашу руку.

Писемский

Суббота.

719. Вл. С. СОЛОВЬЕВУ

⟨Середина марта 1879 г, Москва⟩

Любезнейший Влад⟨имир⟩ С. Серг⟨еевич!⟩

Будьте так милостивы, пришлите [пожалуста] мне или сами завезите об [самой] махинации Умного делания. Мне теперь предстоит в этом крайняя надобность.

Извиняюсь, что утруждаю вас; но [надо] расчитываю в этом случае на доброту вашу и остаюсь дружески пожимая руку вашу ⟨*Писемский*⟩

720. М. Н. ЛОПАТИНУ

⟨26 марта 1879 г., Москва⟩

Почт⟨еннейший⟩ Мих⟨аил⟩ Николаичь!

Вчера я заходил к вам, чтобы условится, когда вы на страстной неделе можете подарить мне вечерок [на кром] в крый бы я мог прочесть Вам и Усову еще несколько глав из моего романа. Для меня все вечера, за исключением середы и четверга, одинаковы. Следовательно, какой вечер вы назначите, о таком я и повещу Усова. Ответить мне на

сие мое письмецо я просил бы вас с моим посланным, а затем, желая вам всего лучшаго, остаюсь преданым

Писем⟨ским⟩

1879 г.
Марта 26.

721. В. ДЕРЕЛИ

⟨31 марта 1879 г., Москва⟩

Москва, Повар⟨ская⟩ Бори⟨соглебский⟩ пе⟨реулок⟩ свой дом.

Почтеннейший Г. Дерели!

Занятый своими масонами я несколько замедлил поблагодарить Вас за присылку портрета вашего, который теперь уже висит на стенке у меня [в кабинете]. Не знаю, виделись ли вы с Иваном Сергеевичем Турген⟨евым⟩ и написал-ли он Вам ответ на сделанные вами вопросы [по случаю] касательно выражений в моем Взбаламученном море и если не сделал еще того, так единственно потому что охвачен был с головы до ног овациями, которые делались ему в Москве и Петербурге; я же его более уже не видал, так как он в Москву не возвращался и прямо из Петербурга уехал в Париж. Во всяком случае я просил бы вас побывать [к нему] у него и смею заверить Вас, что он будет очень рад вас видеть и снабдит Вас всякого рода советами [касательно] в отношении русского языка. Вместе с этим письмом я пишу также [письмо] и к Тургеневу [и прошу его], прося его о том же, т. е. чтобы он повозился с Вами. За тем принося [к Вам] мое усердное почтение остаюсь вашим покорным слугою

Пи⟨семский⟩

31 марта
1879.

P. S. Повторяю вам Адрес Тургенева: Rue De Douai 50.

722. И. С. ТУРГЕНЕВУ

⟨31 марта 1879 г., Москва⟩

Мой дорогой Иван Сергеев⟨ич!⟩

И так [в Москву] к нам Вы более не возвратились, а это грустно: мне всегда как-то легче дышится, когда вы бываете [здесь] в Москве: [по правде сказать,] очень ужь мы,

здесь проживающие писатели, pooплеваны разными газетными и общественными гадинами, а Вы приедите и словно бы пообботрете и пообчистите нас. Но вот дело в чем, голубчик! виделись ли вы с М. [Дерели, [моим] переводчиком моих романов, если же нет, то умоляю Вас повидаться с ним и разрешить ему те вопросы, котор⟨ые⟩ он поставил мне в письме [своем касательно [выражений] некоторых слов в Взбала⟨мученном⟩ Мор⟨е⟩. Адрес Дерели нижеследующий: rue Vaugirard, 26. Вы ему напишите коротенькое приглашение и он, полагаю, немедленно-же явится к Вам и о чем произойдет ваша беседа с ним я бы убедительно просил Вас [хоть коротенько] уведомить меня. Да снисрошлет Вам бог здоровья и всего лучше⟨го⟩, оста⟨юсь⟩ дружески пожимая вашу руку *Пи⟨семский⟩*

1879 г.
марта 31.

723. *В. А. ФЕДОРОВСКОМУ*

⟨5 апреля 1879 г., Москва⟩

Люб⟨езнейший⟩ В⟨иктор⟩ А⟨лександрович⟩! Я поправил остальные главы, а потому посетите меня, чтобы эти поправки переписать на чисто и с сим посланным, пожалуста, уведомьте меня, когда Вы придете ко мне. Нельзя ли сегодня с утра.

Преданный вам *Пис⟨емский⟩*

Четверг
5 Апреля
1879.

724. *Е. И. БЛАРАМБЕРГ*

⟨14 апреля 1879 г., Москва⟩

Милейшая
Елена Ивановна

Я никак сегодня вечером не могу приехать к Вам ибо у меня такой упадок сил и так разболелись мои ноги, что я еле брожу по комнатам. Перед отъездом в деревню заверните к нам. С дружеским пожеланием вам всего лучшего остаюсь преда⟨нный⟩ в⟨ам⟩

Пис⟨емский⟩

Суббота
14 апреля
1879

725. В. И. РОДИСЛАВСКОМУ

⟨18 апреля 1879 г., Москва⟩

Милостивый Государь
Владимир Иванов⟨ич!⟩

Пре⟨про⟩вождая при сем [последнюю] остальную из присланных мне Вами для просмотра пиэсу с надлежащею отметкою касательно ее, я вместе с тем покорнейше прошу сделать распоряжение об [избрании на мое место судьи должн] увольнении меня от звания судьи, так как болезненное состояние моих глаз решительно недозволяет мне [натруднять их чтением и особенно рукописей, а потому я и не могу] исполнять обязанности возлагаемые сим званием.

За тем при⟨но⟩ся уверения в совершенном моем уважении

имею честь пребыть
Ваш⟨им⟩ покорнейш⟨им⟩ слуго⟨ю⟩

1879 г.
Апреля 18

⟨*Писемский*⟩

726. В 1-й КВАРТАЛ АРБАТСКОЙ ЧАСТИ

⟨9 мая 1879 г., Москва⟩

В 1-й квартал Арбатской части
Домовладельца Писемского

ЗАЯ⟨В⟩ЛЕНИЕ

Проживающий в доме моем тайный советник Владимир Николаичь Драшусов имеет у себя два одноствольные пистолета, но так как по болезненному состоянию своему не может сам ни писать, ни говорить, [а потому] то и просил меня известить об имеющемся у него оружии полицию с тем, чтобы разрешение [иметь] хранить таковое было выдано служащему при нем человеку Михайлу Иванову Тюрину для передачи оного Г. Драшусову.

Домовладетель *Писемский*

1879 года
мая 9 дня.

727. Д. М. ПОГОДИНУ

⟨Середина мая 1879 г., Москва⟩

Почтеннейший Дмитрий Михайлов⟨ич!⟩

Сильно разыгравшаяся последние дни болезнь моя решительно лишает меня возможности приехать к Вам сегодня. Поклонитесь, пожалуста, [от меня] Т. И. ⟨Филиппову⟩ и

передайте ему мое сожаление, что [недуги мои] по недугам моим мне не удается повидаться с ним.

Остаюсь с пожеланием вам всего хорошего

Писе<мский>

P. S. Спасибо вам за присыл<ку> восто<чного займа> [который я еще <нрзб> вечер <нрзб>]

728. В. Г. АВСЕЕНКЕ

<1 июня 1879 г., Москва>

Почтеннейший Василий Григорьичь!

Не замедляю отвечать на ваше писмецо: об романе моем Масоны я редакции Огонька, точно также, как и некоторым другим редакциям, ко мне уже обращавшимся, я не могу дать никакого положительного ответа по причине весьма простой: романа этого у меня написано только полторы части, тогда как по предполагаемому размеру мною он будет состоять не менее, как из 4-х частей. Следовательно: когда я его кончу и даже кончу-ли, если принять во внимание мое совершенно разбитое здоровье мое, заранее сказать нельзя, ибо роман сей, как выразились-бы мистики, находится еще в области *сумрака веры*. Кроме того, помимо ужь становящегося мне день ото дня труднее писательства, я должен еще читать много материалов, что при моем слабом зрении мне тоже нелегко. Время взятое мною весьма любопытно. Я масонов лично знал еще в моей юности и знал их конечно чисто с внешней стороны, а теперь, войдя в их внутренний мир, убеждаюсь, что по большей части это были весьма просвещенные и честные люди и в нравственном отношении стоявшие гораздо выше так называемых тогда волтерианцев, которые были просто грубые развратники.

Душевно буду рад, если Вы посетите меня нынешним летом, я даже живу не на даче, а по своему слабому состоянию здоровья остался в городе.

Прося передать мой поклон вашей супруге, остаюсь с моим уважением

преданный Вам

Писемский

1879 г.
Июня 1-го.

729. Н. П. ГИЛЯРОВУ-ПЛАТОНОВУ

⟨1—19 **июня** 1879 **г., Москва**⟩

[Почтеннейший Никита Петровичь

Не могу удержаться, чтобы не перед⟨ать⟩ вам того восторга от статей Сироты. Прежде всего, [я думаю] я дум⟨аю⟩ название Сирота не совсем удачн⟨о.⟩ Нет, он не сирота, а людей тож дума⟨ющих⟩ и главное хри⟨...⟩ много и даже думаю, что слова газетные главным образом находят⟨ся⟩ под их покровительством — первое [них] их деятельность там всякий лишь труд убит, и коей вы платите сторицей целые ⟨?⟩ заказы ⟨*2 нрзб*⟩ покров... в вине, когда вы платите за кусок говна, чорт знает кому и где, вы умираете ⟨?⟩ вы платите кредитками ⟨?⟩ — что ни прогорают эти слоны, но они сами лишь исполины в юбк⟨е⟩ общитывать народ; пусть [входят в соглашение] но ду⟨маю⟩ народ ужь от них отринет, они входят в соглашени⟨е⟩ с разными предста⟨вителями⟩]

730. Ф. Ф. ПОПУДОГЛО

⟨19 **июня** 1879 **г., Москва**⟩

М. Г.

Федор Федосеевичь!

Стрепетова прислала мне портрет свой для Всем. Иллюс⟨трации⟩; но я затрудняюсь как к вам препроводить его: по городской почте послать чтобы как не затерялся, а потому не будите-ли вы так добры чтобы завернуть ко мне и получить сказанный портрет. Дома я бываю постоянно все вечера.

За тем с пожеланием вам всего хорошего остаюсь вашим покорным слугою *Пис.*

1879 г. 19 Июня.

731. А. А. ГАТЦУКУ

⟨19—20 **июня** 1879 **г., Москва**⟩

Почт⟨еннейший⟩ А⟨лексей⟨ А⟨лексеевич!⟩

Посылаю вам портрет актрисы Стрепетовой, к҃рый вы желали поместить в вашей газете, биографические сведения об ней вы можете заимствовать из № 4 журнала Живописное обозрение 27 января 1879.

Остаюсь при желании вам всего хорошего *Писе⟨мский⟩*

732. В. И. РОДИСЛАВСКОМУ

<22 июня 1879 г., Москва>

М. Г.

В<ладимир> И<ванович!>

На письмо ваше от 21 Июня 1879 имею честь ответствовать, что я никаких препятствий с своей стороны касательно постановки моей пиэсы Просвещенное время в Оринбауме г. Васильевою не имею, и пиэса эта хоть и не игранная на императорской Петербу<ргской> сцене должна подчиниться всем условиям, каковые определяются Комитетом для прочих пиэс.

Прося принять уверения в совершенном моем уважении остаюсь

покор. слуга

22 июня
1879 г.

<Писемский>

733. Ф. Ф. ПОПУДОГЛО

<22 июня 1879 г., Москва>

М. Г.

Федор Федосеичь.

Крайне сожалею, что Вы не застали меня, и чтобы поправить мою провинность посылаю Вам портрет Г-жи Стрепетовой уже с нарочным. Что касается до биографических об ней сведений, то их можно заимствовать, как она пишет, из 4-го номера журнала Живописное обозрение *27 января 1879 г.*

За тем, свидетельствуя мое уважение к вам остаюсь покорный ко услугам

Пи<семский>

22 июня
1879.

734. Н. П. АЛОВЕРТУ

<ТЕЛЕГРАММА>

<8 июля 1879 г., Москва>

Я [9 и 10 июля] весь июль буду в Москве

Писемский

735. В. А. ФЕДОРОВСКОМУ

<12 июля 1879 г., Москва>

У меня I глава романа готова для переписки. В завтрашний день т. е. в пятницу или в субботу заходите ко мне взять ее. *П.*

Четвер<г>
12.

736. Н. П. АЛОВЕРТУ

⟨20 июля 1879 г., Москва⟩

Милост. Госу⟨дарь⟩
Николай Павлычь

Присланное мне [вами] от Г. Гоппе условие я подписал и [в кр] копию с него вручил Г. Попудоглу, который вскоре вероятно и доставит Вам ее, я же с своей стороны вместе с сим письмом препровождаю [к Вам] I часть моего романа [Масоны], окончательно мною просмотренную, исправленную и даже переплетенную. Покорнейшая просьба моя состоит [первое конечно] в том, чтобы [как бы у вас] ваши художники [ее] рукопись эту не изорвали очень и не затеряли — в устранен⟨ие⟩ чего я просил бы вас те сцены, которые вы предполагаете илюстровать — велеть переписать для художников, а не вручать им всей рукописи. Касательно условленных денег я тоже бы просил вас выслать мне их, по получении рукописи; [вторую часть я тоже не вдолге] [Высылкой 2 части я тоже вероятно не замедлю. О получении рукописи] а также потрудитесь меня уведомить, когда именно в августе вы уедите из Петербурга и на чье имя мне тогда выслать 2-ю часть [моего] романа, которая тоже приходит [ужь] к концу.

А за тем, дружески пожимая вашу руку остаюсь преданный вам *Писемс⟨кий⟩*

18 VII/20 79

737. Н. П. АЛОВЕРТУ

⟨26 июля 1879 г., Москва⟩

Милостивый Государь
Николай Павловичь!

Благодарю Вас за уведомление меня о получении Вами I части романа моего Масоны. Что касается до предложения г. Гоппе уплатить мне векселями на Соловьева, то я на сие никак не могу согласиться по многим причинам: во первых, где мне больному, мнительному и никуда почти невыезжающему [человеку возиться], хлопотать с какого бы рода векселями не было, потом: с книгопродавцами я весьма мало имел дел, а если и случались оные, то был ими крайне

притесняем; наконец, не занимаясь никакого рода торговыми сделками, я весьма мало знаю права и обязанности векселедержателей. В силу всего этого я убедительно прошу Вас и г. Гоппе произвести мне уплату, согласно нашему условию, *чистыми деньгами т. е. кредитными билетами.*

Портрет для Огонька с меня снят уже в фотографии Настюкова и, как кажется, должен выйти хорош. А затем желая Вам всего хорошего и дружески пожимая вашу руку остаюсь душевно преданный Вам *Писемский*

1879 г.
26 Июля.

738. Ф. Ф. ПОПУДОГЛО

〈6 августа 1879 г., Москва〉

Почтеннейший
Федор Федосеевич

Посетите меня; мне очень нужно вас видеть, я бы сам к вам заехал, но болен и никуда не выезжаю и остаюсь дома целые дни.

Остаюсь в ожидании вашего обязательного для меня посещения *Писемский*

Воскресенье.

739. В. А. БАСОВУ

〈6 августа 1879 г., Москва〉

Многоуважаемый
Василий Александрычь

Посетите бога ради меня, я как кончил купанье опять расклеился и желудок мой дурит до такой степени, что даже лишает меня возможности заниматься. В ожидании вашего благодетельного посещения меня остаюсь глубоко вас уважающий *Писемский*

Воскресенье. 5-го Августа.

740. Н. П. АЛОВЕРТУ

〈10 августа 1879 г., Москва〉

Почтеннейший Николай Павловичь!

Несказанно благодарю Вас за [высылку] уплату через Г. Ланга следующих мне за первую часть моего романа денег, каковую благодарность прошу передать от меня и Г. Гоппе.

Вторую часть романа я вероятно вышлю к Вам в конце Сентября, которая у меня уже окончена и даже переписана на чисто, но я ее желаю прочесть некоторым из моих друзей, которые пока еще пребывают на дачах. Когда сие чтение совершится, после которого вероятно я кой что и изменю а за тем немедленно и пошлю к Вам. Фотографию с картины Ге я получил, она довольно хорошая, но мне непонятно в картине одно, почему художник выбрал слушателем Пущина, скорей-бы, кажется, пригодны были для этого Дельвиг или Плетнев, более близкие друзья Пушкина и поклонники его таланта. Касательно Портрета моего он, как я вам писал, снят с моего большого портрета и копию с которого несколько большую, чем обыкновенный кабинетный портрет, я и просил бы Вас [помести] оттиснуть в Огоньке. Третей части я написал уже три главы, — а что будет далее — в руце божией.

Затем, кланяясь вам от сына и жены моей остаюсь дружески пожимая вашу руку *Писемский*

10 Августа
1879.

P. S. Если это будет не стеснительно для редакции, то я просил бы наброски художниковы рисунков для моего романа присылать мне и я их буду возвращать с первой же почтой.

741. Вл. С. СОЛОВЬЕВУ

〈11 или 18 августа 1879 г., Москва

Любезнейший Владимир Сергеичь!

Приходите пожалуста к нам завтрашний день сиречь в суботу к двум часам обедать. Я даю празднество всем добрым приятелям, принимавшим живое участие в моих масонах.

До свиданья! Остаюсь дружески пожимая вашу руку

Пятница. *А. Писемский*

742. Ф. Ф. ПОПУДОГЛО

〈19 августа 1879 г., Москва〉

Почтеннейший Ф〈едор〉 Ф〈едосеевич!〉

Я желаю послать в редакцию Огонька два рисунка, необходимые, по моему, для иллюстрации моего романа; но предварительно этой отсылке мне-бы хотелось переговорить с вами.

Не будите-ли вы так добры чтобы зайти ко мне часа в два, когда я наверняк бываю дома, потому что обедаю в это время. В ожидании вашего доброго посещенья меня остаюсь дружески пожимая вашу руку *Пи<семский>*

Суббота
19 **Августа**
1379.

743. С. А. ЮРЬЕВУ

<30 августа 1879 г., Москва>

Любез<ный> Друг Сергей Анд<реевич!>

По твоему желанию не замедляю отвечать тебе. Ты пишешь, что я мой роман Масоны обещал отдать хоть и в предпринимаемой тобою, но находящийся еще в облацех журнал. Действительно ты мне говорил о твоем желании напечатать мой роман и я тебе сказал на это, что не имею ни каких сношений или соглашений с каким либо толстым журналом, да вероятно и не буду иметь их. Кроме того мне в то время и нельзя было ни с тобой и ни с кем другим входить в какие либо договоры, так как роману тогда было все<го> только написана одна часть. Ты же [мне] при этом сказал, что пришлешь ко мне твоего издателя Лаврова, но [затем] потом я ни тебя, ни Г. Лаврова до сего часу не видал у себя, а между тем по городу ходили и до сих пор ходят положительные слухи о том, что ты или не будешь вовсе издавать своего журнала или предполагаешь изменить его на газету. Согласись, что в виду всего этого мне было бы странно и даже глупо сидеть с моим тяжело совершаемым трудом сложа руки и ждать, когда вы изольете на меня милость из затеваемого вами дела. Я думаю, что г. г. издатели и редакторы должны в отношении нас, авторов, соблюдать некоторую вежливость и неогра<ни>чиваться тем, что бросив им с высоты своего величия словцо, успокоиваться на том. Что касается до того, что ты считаешь журнал Огонек изданием ефемерным, то я имею на это совершенно иной взгляд, [и у журнала этого в настоящее время обильное число подписчиков, в следствии чего я с Гоппе вошел уже в окончательное соглашение и заключил с ним контракт] вследствии которого и вошел с Г. Гоппе в окончательные контрактные условия. Желая за тем от души успеха твоему

журналу и утешая себя мыслию, что у тебя вероятно много будет сотрудников и без меня, остаюсь дружески пожимая твою руку *Писем<ский>*

1879 г.
30 Августа
Москва.

744. В. А. ФЕДОРОВСКОМУ

<30 августа 1879 г., Москва>

Виктор Алек<сандрови>чь! Если вы завтра будите в Москве, то заходите ко мне: у меня много накопилось дела для вас.

1879. *Пис<емский>*
30 Августа.

745. Н. П. АЛОВЕРТУ

<1 сентября 1879 г., Москва>

Милостивый Государь,
Николай Павловичь!

Я действительно желал бы на оба предполагаемые мною рисунка предварительно их тиснения взглянуть и весьма благодарен буду Вам если вы ради сей цели пришлете их ко мне в Москву; я незамедлю рисунки эти воротить к вам обратно. Вместе с этим посылаю материалы для оных рисунков: 1) рисунок церкви Архангела Гавриила, что на Чистых Прудах. Перед церковью этой, по ходу романа, стоят Сусана и Егор Егорычь, который ей показывает на наружные арнаменты церкви и толкует их ей; невдалеке от них должен также стоять и Антип Ильичь (камердинер Егор<а> Е<горы>ча); 2) Рисунок с ковра масонского, который должен быть разложен на полу в комнате Gnädige frau и она объясняет Суссанне каждый отдельный предмет, изображенный на ковре. К рисунку этому прилагается и самая сцена, выписанная из романа.

Что касается [до вашего желания что бы вашу просьбу] Островского, то его пока нет еще в Москве, а когда он приедет, то я передам ему ваше желание поместить в Огоньке его новую комедию, и что он мне ответит я немедленно сообщу Вам.

За тем остаюсь при желании вам всего лучшего

1879 г. *Пи<семский>*
Сентября 1

Е. П. ПИСЕМСКАЯ

Фото 1870-х годов (собственность проф. А. В. Павлова)

P. S. Я вообще бы просил вас написать мне какие именно сцены вы предполагаете иллюстровать в Масонах, я придерживаюсь в этом отношении мнения Лесинга, который говорил, что илюстрированными могут быть только сцены, происходящие в пространстве, а не во времени; т. е. сцены спокойные, но не страстные, и последние должны быть предоставлены воображению читателя.

Надобно [му<ндштук>] янтарь держать в левой руке, где пенка в правой, и повертывать к себе.

746. М. Н. ЛОПАТИНУ

<4 сентября 1879 г., Москва>

Почтеннейший Михаил Николаичь!

Усов возвратился в Москву. Выберите сами вечерок, но только чтобы не поздно, часам к восьми, и приезжайте ко мне прослушать мой роман, а я об избранном вами вечере уведомлю Усова. Хорошо если бы это чтение произошло поскорее, так как я должен спешить отправкою романа в Петербург, и также просил бы вас ответить мне с сей же посланной.

Остаюсь, желая вам всего лучшего

Душевно вас уважающий *Писемский*

Вторник
4 сентября.

747. С. А. УСОВУ

<4 сентября 1879 г., Москва>

Лопатин приедет ко мне в четверг, приходи и ты, бога ради.

Любящий тебя *Писем<ский>*

Вторник.

748. М. Н. ЛОПАТИНУ

<4 сентября 1879 г., Москва>

В среду неудобно, потому что это наш установленный день, а приходите, мой дорогой Михайло Николаичь, в четверг.

душевно вам преда<нный>

Писем<ский>

Вторник.

749. Вл. С. СОЛОВЬЕВУ

<7 сентября 1879 г., Москва>

Мой дорогой В<ладимир> Сер<геевич>!

Обращаю<сь> к Вам с великой мольбой: не можете-ли Вы поспешить доставкою мне проповеди, — я вторую часть моего романа предполагаю в конце будущей недели отправить в Петербург.

Еще раз повторяя мою просьбу остаюсь душевно вас любящий *П.*

Пятница
7 сентября 1879

750. Н. П. АЛОВЕРТУ

<7 сентября 1879 г., Москва>

Почтеннейший Николай Павловичь

В последнем номере Огонька я читал ваш ответ какому-то господину о романе моем Масоны и мне бы очень хотелось узнать в чем состоял 2-й вопрос, напишите мне о том, если это не тайна. Кстати в Огоньке напечатано Массоны тогда как следует писать это слово с одною буквою *С* т. е.: Масоны. Из рисунков я полагаю вам необходимо сделать сцену Марфина с Ченцовым, ради того, чтобы тогда получить возможность нарисовать масонские ордена и знаки а равно и белые перчатки, так как сии предметы лежали на столе у Егора Егорыча. Они у меня описаны тут, но если этого мало, то я хоть и плохо но срисую их в Румянцевском Музеуме. Черкните мне и на это как вы полагаете. 2-ю часть моего романа я уж начал читать моим друзьям и вероятно через неделю вышлю к вам. Пожимая дружески вашу руку

остаюсь преданный вам

Писем<ский>

7 сентября
1879.

751. Н. П. АЛОВЕРТУ

18 IX/14 79 <Москва>

Милостивый Государь,
Николай Павловичь!

Посылаю Вам 2-ю часть моего романа и убедительно прошу Вас выслать мне следующие за него *две тысячи рублей серебром,* в коих я в настоящее время весьма нуж-

даюсь. Третей части мною написано 6 глав; а за тем, повторяя еще раз мою просьбу об вык<сы>лке денег, остаюсь дружески пожимая вашу руку *Писемский*

P. S. Я сегодня заезжал к Г. Лангу, который мне сказал, что у [него есть деньги вашего журнала и он охотно сделает уплату следующей мне суммы; значит с вашей стороны остается только сделать распоряжение о том.

752. В. А. БАСОВУ

<Около 15 сентября 1879 г., Москва>

Почтенейший Васил<ий> Александровичь!

В утробе моей опять бунт до такой степени, что я заниматься не могу, а это для меня [горше] печальнее всего. Бога ради навестите меня и поуспокойте во мне этот мой ад.

Глубоко вас уважающий

Писемский

753. В. А. БАСОВУ

<17 сентября 1879 г., Москва>

Почтенейший Васил<ий> Александров<ич!>

Посетите, бога ради, меня сегодня: я продолжаю себя очень дурно чувствовать. Буду ждать вас с великим нетерпением.

Глубоко вас уважающий

Писемский

1879 г.
сентября 17
Понедельник.

754. Е. Р. РИНКУ

<20 сентября 1879 г., Москва>

М. Г.

Евгений Романычь

Приношу Вам несказанную благодарность за присылку мне узаконения о ссылке крн. Я пока еще не успел его просмотреть, но оно мне очень нужно, и я вероятно им воспользуюсь. Что касается до поездки к Троице, то я полагаю, что для меня будет совершенно достаточно пробыть там два дня.

Затем принося вам мое усердное уважение остаюсь Ваш⟨им⟩ покорнейшим слугою *Пи⟨семский⟩*

20 сент.
1879.

755. Г. Д. ГОППЕ

⟨24 сентября 1879 г., Москва⟩

Monsieur Гоппе!

Посланный ко мне Вами перевод на Контору Юнкера в *две тысячи* руб. я получил, по каковому переводу мне сказанною Конторою деньги сего числа выплачены сполна.

Принося за сделанную Вами мне уплату благодарность, имею честь пребыть с полным уважением к вам *Писемский*

1879
Сентября 24.

756. Н. П. АЛОВЕРТУ

⟨25 сентября 1879 г., Москва⟩

Многоуважаемый
Николай Павловичь!

Следующие мне деньги за вторую часть моего романа я получил от Г. Гоппе через контору Юнкера, о чем уже и уведомил вместе с благодарностью моею Г. Гоппе. Что касается до вашего вопроса, что действительно-ли я написал пиэсу М о л о д ы е п о б е г и, то спешу вас уведомить что я, занятый по горло работаю над Масонами, и не помышлял писать пиэсы, и это чисто журнальная утка.

За тем остаюсь при желании Вам всего хорошего и дружески пожимая вашу руку *Писемский*

1879 г.
Сентября 25.

757. СТАРШИНАМ МОСКОВСКОГО АРТИСТИЧЕСКОГО КРУЖКА

⟨30 сентября 1879 г., Москва⟩

Почтеннейшие господа старшины!

Получив от вас уведомление об избрании меня почетным членом Артистического Кружка я [первым] долгом для себя поставляю поблагодарить как вас, так и все избравшее меня общество за оказанную мне честь, и вместе с тем изъявить

мое согласие на принятие звания почетно⟨го⟩ члена Артистического Кружка.

Прося затем принять уверение в совершенном моем уважении к вам

остаюсь покорным слугою

30 сентября
1879.

⟨Писемский⟩

758. В. А. ФЕДОРОВСКОМУ

⟨1 октября 1879 г., Москва⟩

Любезнейший В. А.

Что это вы совсем запропали, а между тем у меня накопились поправки. Бога ради посетите меня сегодня хоть вечерком. В ожидании видеться с Вами остаюсь душевно вам преданный *Пи⟨семский⟩*

1 октября
1879.

759. А. И. ШУБЕРТ

⟨2 октября 1879 г., Москва⟩

Милейшая Александра Ивановна!

Спасибо Вам за вашу память об нас и сожалею душевно, что вы предпочли Вильну — Москве. Дай бог успеха начатому Вами труду; он, по моему, не так для вас труден, как вам представлялся и, по множеству лиц, с которыми вы в жизни встречались, вероятно будет любопытен. Что касается до меня, то я сколь не хил телом, но духом вероятно еще бодр: напитываю, насасываю в себя о масонстве и пишу большой роман, имянуемый Масонами, которого и кончил теперь три части, а осталось еще две,—что раньше случится: довершу ли я этот роман или сам прежде сего лопну, богу ведомо. За уведомление о представлении моей Горькой судьбины я тоже Вас благодарю и при этом сообщаю вам неприятное известие, которое не далее как вчера я слышал, в Артистическом Кружке, что бедная *Стрепетова* тяжко больна, в болезни неизлечимой — чахотке. Молю бога, чтобы этот слух оказался ложным, хотя должен сказать, что нынешней весной она приезжала в Москву, была у меня и говорила, что больна, и больна, по словам доктора, аки бы диабетис —сиречь: чахоткой почек, болезнью впрочем излечимой и могущей весьма долго продолжаться.

Да хранит вас затем бог. Остаюсь дружески пожимая вашу руку и желая вам всего хорошего *Писемский*

1879 г.
Октября 2-го
Москва.

760. М. Я. БАУМШТЕЙНУ

<Первая половина октября 1879 г., Москва>

Милостивый Государь
Моисей Яковлевич!

Сим уполномочиваю Вас ходатайствовать о приписке [воспитанницы моей] принятую мною на воспитание девочку Софью, незаконнорожденной и наимянованной мною Алексеевою, к Московскому Мещанскому Обществу, подавать на сей предмет разного рода прошения, заявления и другие бумаги в Московскую Казенную Палату или другие Правительственные учреждения, а равно разным лицам; подавать жалобы в Правительствующий Сенат и другие учреждения; получать справки, документы, удостовер<ения>, касающиеся воспитанницы моей Софьи Алексеевой и разного рода бумаги. Все что законно учините против того спорить и прекословить не буду. Доверенность эта дана присяжному поверенному Моисею Яковлевичу Баумштейну.

761. МАЛЯРУ

<17 октября 1879 г., Москва>

Пришлите мне непременно завтра т. е. в четверг выбелить потолок, а также и оклеить обоями в коридоре. Непременно же пришлите. *Пис<емский>*

17 окт. 1879.

762. В. И. РОДИСЛАВСКОМУ

<18 октября 1879 г., Москва>

Почтеннейший Владимир Иванычь.

При всем желании прослушать пиэсу Александра Николаича, я, как вы знаете, решительно не могу выезжать никуда по вечерам. Жена тоже больна и сидит с таким бронхитисом, что говорить даже не может, но сын вероятно придет к вам.

Затем желая вам всего лучшего, остаюсь душев<но> преданный вам *Писемский*

Октября 18
1879 го<да>

763. *МАЛЯРУ*

⟨26 октября 1879 г., Москва⟩

Завтрашний день пришлите мне маляров, чтобы выкрасить окно и покрыть лаком дверь в девичьей а также и оклеить ее обоями, и выкрасить в ней потолок — непременно же пришлите. *Пи⟨семский⟩*

1879 г. 26 октября.

764. *МАЛЯРУ*

⟨2 ноября 1879 г., Москва⟩

Придите, пожалуста, завтра ко мне потолков⟨ать⟩ о колидоре, который, кажется, придется оклеить. *П⟨исемский⟩*

1879 г.
2 Ноября

765. *Е. И. БЛАРАМБЕРГ*

⟨3 ноября 1879 г., Москва⟩

Милейшая Елена Ивановна! Искренно благодарю за присланный мне вами портрет ваш, который я уже отделал в красивую рамочку, и он висит в моих апартаментах. Душевно рад, что Вы устроились в Питере. Что касается до нас, то мы живем попрежнему: я работаю, а еще более того хвораю, так как в Москве стоит такая ужасная погода с полудождем и с полуснегом, что носа никуда нельзя высунуть; но как бы ⟨то⟩ ни было, пользуясь тем, что сам не могу творить, я почитываю и припоминаю себе Гегеля ради того, чтобы в 4-й части романа заставить какого-нибудь гегельянца, каковых тогда было многое множество, а в том числе и я сам, схватиться спорить с Марфиным, сиречь мистиком. Третью часть я кончил и раскачиваюсь, чтобы приступить к четвертой. За тем да хранит вас бог; остаюсь, дружески пожимая вашу руку,

Писемский

P. S. Мои вам кланяются.

1879 г.
Ноябрь 3.

766. *Н. П. АЛОВЕРТУ*

⟨8 ноября 1879 г., Москва⟩

Почтеннейший
Николай Павловичь

С Островским я еще не видался лично, потому что оба мы больны и оба не выезжаем, но я передавал ваше желание жене Александра Николаича, которая бы⟨ла⟩ у нас

и которая прямо мне объявила, что Островский исключительно печатает в Отеч. Запис<ках>, так что даже Вестнику Европы ничего не уделяет. Получив такой ответ, мне другой раз передавать мое ходатайство уже неудобно, так как это может показаться назойливым, но вам бы я советовал от имени редакции послать вашего агента к Островскому, который конечно ответит прямо, что может ли он вам дать что либо из своих трудов или нет.

Затем дружески пожимая вашу руку остаюсь вам преданный *Писемский*

Ноября 8.

P. S. 3-ю часть моего романа я кончил вчерне.

767. Н. П. АЛОВЕРТУ

<17 ноября 1879 г., Москва>

Милостивый Государь
Николай Павловичь.

Посылаю Вам вместе с этим письмом третью часть моего романа Масоны, окончательно мною просмотренную и убедительно прошу, согласно нашему условию, выслать мне в уплату две тысячи руб. серебром. Для редакции это будет конечно не обременительно, так как теперь настало время подписки, а мне, по случаю наступивших платежей рабочим и в Думу за дом, деньги крайне нужны. Попросите о сем от моего имени и Г. Гоппе, который исполнением моей просьбы крайне меня обяжет.

Затем дружески пожимая вашу руку остаюсь преданный Вам *Писемский*

Ноября 17 дня
1879 г.

768. С. А. ЮРЬЕВУ

<17 ноября 1879 г., Москва>

Любезный друг
Сергей Андреичь.

Не имееш ли ты надобность в корректоре третей последней корректуры, я бы тебе мог рекомендовать для этого самого грамотнейшего корректора, именно того самого господина, которого ты видел у меня: имя его Виктор Алексан-

дрович Федоровский; он человек весьма добросовестный и весьма просвещенный. Под его надзором твой журнал был бы образцом в смысле грамотности и в доказательство того могу привести, что Г. Федоровский пришел ко мне в качестве переписчика, а теперь он мне друг и главный советник и [отличнейший советник] эстетический судья по моему роману. На это письмо мое я просил бы [тебя ответить коротко, пусть состоит из одного слова] ответить и писмецо твое напиши мне коротко, нужен или ненужен тебе корректор. Если нужен, то г. Федоровский придет к тебе объясниться. До свиданья. *Писемский*

17 Ноября
1879 г.

769. А. И. ПОСТЕЛЬНИКОВУ

⟨17 ноября 1879 г., Москва⟩

Почтеннейший Александр Иванычь!

Не знаю как и благодарить вас; если завтра выеду, то заеду к вам, но кажется придется посидеть дома, ибо кашляю и горло болит. Посылаю к вам конверт с переменами в моем романе — потрудитесь его спрятать.

Остаюсь мысленно обнимая вас *Писемский*

17 Ноября
1879.

770. МАЛЯРУ

⟨18 или 25 ноября 1879 г., Москва⟩

Степан Кузьмичь, пришлите ко мне завтра т. е. в понедельник маляра выкрасить новое окно и вставить в него стекла. Непременно же пришлите.

771. Ф. А. ГИЛЯРОВУ

⟨18 или 25 ноября 1879 г., Москва⟩

Почтеннейший Федор Александрович!

С просьбою к Вам, чтобы вы прислали мне песню о Ванюше Ключнике, а также не можете ли вы мне указать опять таки на апокрифическое, кажется, сказание о капле молока, которое божья матерь дала от своей груди младенцу, капле, спасшей потом разбойника (этого самого младенца), распятого вместе с Христом на Голгофе. На предание это Глинка

написал мистическую поэму, названную им Капля, о которой мне приходится говорить, но самое предание я в точности не знаю. Не можете ли вы указать мне где я могу найти это предание, чем крайне бы обязали преданного вам *Писемского*

Воскресенье.

772. Н. П. АЛОВЕРТУ

<28 ноября 1879 г., Москва>

Милостивый Государь,
Николай Павловичь!

Письмо ваше от 23 Ноября я получил, из которого увидел, что Вы получили 3-ю часть моего романа Масоны и что сделается немедленное распоряжение об уплате мне денег, ради чего сегодняшний день я и заезжал в вашу контору при центральном магазине, где мне сказали, что распоряжения об уплате мне денег еще не было, а потому я еще раз и убедительно прошу Вас о производстве мне уплаты, так как я в нынешнем месяце должен произвести неотклонимые взносы в Думу и в Страховое общество. Что касается до вашей просьбы касательно того, чтобы начать печатанье романа с Генварских номеров, то я на сие согласен с таковым условием, чтобы за промедление мое в изготовлении следующих частей и за могущий от того произойти перерыв в печатании романа на меня не претендовать, потому что мне все трудней и трудней становиться писать, благодаря моим физическим недугам, но в то же время весьма возможно, что я и успею следовать за вашим печатаньем. Словом, заранее об этом ничего сказать нельзя: все в руце божией. 4-й части у меня впрочем написано уже три главы. Второе условие и весьма важное для меня это то, чтобы мне высылали в Москву корректуру романа для просмотра. Задерживать корректуры я не буду: присланная ко мне она через день-же будет возвращаема к Вам, но просмотреть мне ее необходимо ужь по одному тому что в 1-й, 2 и 3 части нужно будет сделать существенные перемены. Корректуры этой вы мне присылайте по *два экземпляра* из коих один по исправлении я буду возвращать Вам, а другой оставлять у себя.

А за тем в надежде, что Вы исполните обе мои просьбы, остаюсь преданный Вам *Писемский*

1879 года
Ноября 28

773. В. ДЕРЕЛИ

⟨29 ноября 1879 г., Москва⟩

М-r Дерели!

Я несказанно обрадовался вашему письму, и уже давно сбирался сам Вам] написать, но не знал [в точности вашего адреса] возвратились-ли вы в Париж, из которого вероятно уезжали куда нибудь на лето, — или нет. Что до меня касается, то я две вещи совершаю: или пишу мой роман [Масоны], или хвораю, а иногда то и другое вместе делаю: роману [этого у меня] моего в настоящее время [уже] мною написано три части и начата четвертая. Печатать я его начну с Генваря будущего 1880 года в недельном журнале О г о н е к, в котором [будет издавать] Масоны появятся иллюстрированными [иллюстрациями]. Журнал этот я буду доставлять Вам по мере выхода его в свет с моим романом. [Ис] [Радуюсь] Благодарю вас от души за ваш перевод Капитана Рухнева и [душе] [искренно] я весьма доволен, что он напечатался в Телеграфе, который и буду ожидать с нетерпением. Не знаю как я получу его через Министерство Иностранных Дел; но если бы это получение почему либо замедлилось, то я просил бы Вас выслать мне Телеграф просто под бандеролем; тогда этот журнал процензируют на Почте и принесут мне его на дом. С милейшим Иваном Сергеичем я действительно давно не переписывался, но причина этому то, что я весь был, как и до сего времени это продолжается, [весь] был погружен в мой роман, и потом я ждал [его] приезда Ивана Сергеи⟨ча⟩ в Москву все лето, всю осень, [как] и жду даже [и] теперь, потому что меня уверяют, [что] будто бы в Ноябре он непременно должен быть в Москве. Если Вы увидите его, то попросите чтобы он мне написал когда-жь он наконец приедет к нам?

За сим еще раз благодар⟨я⟩ вас за перевод [Капитана] Рухнева остаюсь дружески пожимая вашу руку *Пи⟨семский⟩*

1879 г.
Ноября 29.

Р. S. Сын мой вам кланяется.

774. МАЛЯРУ

⟨29 ноября 1879 г., Москва⟩

Пришлите, пожалуста, мне маляра еще раз выкрасить раму. Непременно же пришлите. *Пи⟨семский⟩*

29 ноября 1879 г.

775. В. ДЕРЕЛИ

⟨4 декабря 1879 г., Москва⟩

M-r Дерели!

Я получил Телеграф в исправности и уже прочел ваш перевод, который нахожу весьма хорошим и одно только показалось мне не совсем понятным: в объяснении которое дал Рухнев полицмейстеру, в одном месте сказано: votre Altesse, в другом votre Majesté, а в третьем votre noblesse! Так титуловать по нашему по русски полицмейстера значит оказывать ему слишком большую честь: с него совершенно бы достаточно было *votre noblesse*, но как бы то не было, позволяю себе повторить еще раз — перевод прекрасен и замечателен по своей [верности] точности. Душевно желаю чтобы вы столь же успешно перевели и Роман мой: *В водовороте* и чтоб тот скорей был напечатан.

Затем принося мое искреннее уважение остаюсь с пожеланием Вам всего хорошего *Писемский*

1879 года.
Декабря 4 дня.

776. Ф. Ф. ПОПУДОГЛО

⟨8 декабря 1879 г., Москва.⟩

Почтеннейший Феодор Ф⟨едосееви⟩чь

Снова обращаюсь к Вашей помощи. В редакцию Огонька я послал 3 части моего романа. По заключенному нами условию редакция должна мне выплачивать по мере доставления мною материала. Ник⟨олай⟩ Павл⟨ович⟩ уведомил меня, что 3 часть моего романа получена, вместе с тем присовокуплял, что сделает немедленное распоряжение об уплате мне денег, но вот с тех пор прошли две недели и я ни уплаты, ни ответа даже на вторичное мое письмо не получаю. Посетите, бога ради, меня и научите меня, что предпринять. Это странное молчание до такой степени меня удивляет и беспокоит, что я даже не могу заниматься и продолжать мою работу.

Вашим посещением вы меня крайне обяжите. Ваш покорнейший слуга *Пи⟨семский⟩*

Суббота
8 Декабря
1879.

P. S. Кроме вышеупомянутого я спрашивал Аловерта, что будут ли они мне высылать на просмотр корректуру, а мне это более, чем необходимо знать.

777. Н. П. АЛОВЕРТУ

⟨11 декабря 1879 г., Москва⟩

Почтеннейший
Николай Павловичь!

Я получил две тысячи рублей от Г-на Ланга за мою 3-ю часть, в чем и дана мною ему отдельно от сего письма росписка каковую Г-н Ланг и перешлет к Г-ну Гоппе, которого с своей стороны я [и] благодарю за уплату, а также приношу мою благодарность и вам за то. Корректуру буду ожидать с нетерпением. Огонек за следующий 1880 год я просил бы вас высылать мне в двух экземплярах потому что один из них наверно будут у меня выпрашивать, для прочтения, а другой я буду никому не давать и хранить у себя, дабы делать по нем справки. 4-й части у меня написано 4 главы.

Затем дружески пожимая вашу руку остаюсь вашим покорным слугою *Писем⟨ский⟩*

1879 года
Декабря 11.

778. Ф. Ф. ПОПУДОГЛО

⟨12 декабря 1879 г., Москва⟩

Адрес моего переводчика нижеследующий: Françe, Paris, во Францию, в Париж, Monsieur Victor Derely
26, rue Vaugirard.

А. Писемский

1879 г. Среда 12.

779. Н. П. АЛОВЕРТУ

⟨15 декабря 1879 г., Москва⟩

Снова молю вас, почт⟨еннейший⟩ Ник⟨олай⟩ Пав⟨лович⟩, о корректуре. Незамедлите и не забудьте мне ее выслать, я возвращу ее на другой же день, но просмотреть мне ее необ-

ходимо, ибо я должен сделать в ней хоть и небольшие, но существенные перемены. В твердой надежде, что вы исполните мою просьбу, остаюсь преданный вам *Писем⟨ский⟩*

1879 г. $\frac{XII}{15}$

780. Н. П. АЛОВЕРТУ

⟨17 декабря 1879 г., Москва⟩

Почтеннейший Николай Павловичь!

Возвращаю вам исправленную мною корректуру, за присылку которой весьма вас благодарю, и сожалею только, что мне выслали ее в одном только экземпляре. Распорядитесь, [голубчик] пожалуста, чтобы мне высылали корректуру в двух экземплярах. Если паче чаяния цензор несколько усумнится [в изложении] пропускать тирады об учении масонском, то вы [скажите] объясните ему, что все это было прежде неоднократно напечатано и между прочим в Истории масонства Финделя, переведенной и на русский язык.

[Затем дружески пожимая вашу руку остаюсь] Преданный вам *Писе⟨мский⟩*

P. S. Корректуры прошу вас держаться буквально, как она мною сделана.

1879 года
Декабря 17.

781. Н. П. АЛОВЕРТУ

1879 г. Декабря 19 ⟨Москва⟩

Я получил, почтеннейший Николай Павлычь, второй экземпляр корректуры, за каковой и благодарю вас. Также прошу и Огонек с будущего года высылать мне в двух экземплярах, а сверх того еще просьба: у меня в Париже есть переводчик моих сочинений некто Monsieur Derely, крый перевел мой небольшой расказец Капитан Рухнев и напечатал уже его, перевел и большой мой роман В водовороте, крый вероятно в нынешнем году напечатается, а также он желал бы, во первых, прочесть, а потом перевести моих Масонов, что было бы небесполезно и для вашего журнала, а потому я просил-бы с начала печатания моего романа высылать г. Дерели экземпляр Огонька по нижеследующему адресу: Françe, Paris, M-r Derely, rue Vaugirard, 26. Надеюсь, что я не затрудню вас этой маленькой моей просьбой и затем остаюсь дружески пожимая вашу руку *Писемский*

782. В. ДЕРЕЛИ

⟨20 декабря 1879 г., Москва⟩

M-r Derely!

Спешу ответить на ваше письмо и прежде всего благодарю за [ваше] теплое участие к моим недугам, крые действительно меня, на склоне дней моих, сильно мучат. Что каса⟨ется⟩ до высылки вам журнала О г о н е к, в котором будут помещаться мои Масоны, то я уже поручал одному из корреспон⟨ден⟩тов этого журнала, чтобы он написал в редакцию о высылке вам сего журнала, и независимо от того, я и вместе [с тем] сам пишу туда о том-же и если вы в Генваре не будите получать О г о н ь к а, то уведомьте меня, и я еще раз их прихлестну. От души признателен вам за ваше пророчество что роман выйдет хорош. Обычные мои судьи и критики, крым я [обыкн] всегда читаю мои произведения до напечатания их, тоже отзываются об нем благосклонно; но встретит-ли его успех в нашей русской публике, это еще вопрос, ибо она после шестидесятых годов сделалась, если гораздо обширнее по числу, то на столько же глупее по пониманию; но как-бы то ни было, все в руце божией, и затем принося вам от себя и от сына моего усердное почтение остаюсь дружески пожимая вашу руку *Писемский*

1879 года
Декабря 20
Января 1
1880.

783. В. А. ФЕДОРОВСКОМУ

⟨23 декабря 1879 г., Москва⟩

Виктор Александрычь,

приходите ко мне сегодня вечерком; у меня для вас, во первых, приготовлен портрет, во вторых есть что поправлять и переписывать. *Писемский*

Воскресенье

784. М. И. ПИСАРЕВУ

⟨25 декабря 1879 г., Москва⟩

Любезнейший Модест Иванычь!

Сегодня у меня был Шпажинский и сказал, что видел вас в Петербурге, где вы подвизаетесь со славой и пробудете еще весь Генварь. Вашему успеху порадуясь от души, я вместе

с тем желал бы иметь более точные сведения о том, какие вы именно роли играете и что не сделано-ли вам предложение поступить на императорскую сцену, что для нас авторов конечно было бы несказанно приятно. Как здоровье Аполинарии Антиповны и не собирается ли она что нибудь съиграть в Питере.

За тем поздравляя вас с праздниками и ожидая от вас получить хоть бы коротенькое письмецо остаюсь дружески пожимая вашу руку *Пи‹семский›*

1879
Декабря 25

785. К. А. ТРУТОВСКОМУ

‹28 декабря 1879 г., Москва›

Почтеннейший
Константин Александрычь

Душевно сожалею, что вы незастали меня дома; сам бы с великой готовностию катавшись завернул к Вам, но с точностию незнаю вашего адреса, да [и боюсь невысока-ли к Вам лестница, по коим ныне я весьма боюсь взбираться] и по лестницам входить с моими больными ногами решительно немогу — очень бы обязали [меня] еслибы посетили меня как нибудь вечерком *в Среду* когда мы уже непременно бываем дома.

Искренно вас уважающий *Писемс‹кий›*

1879.
Декабря 28

786. П. А. СТРЕПЕТОВОЙ

‹1 января 1880 г., Москва›

Поздравляю и Вас тоже обоих [с новым годом, а также прошу передать таковое же поздравление и Елене Ивановне. Что касается до ваших портретов, то один из них в Питере, в редакции Огонька и Модест Иванычь может взять его, если он не будет там долго напечатан; другой же портрет в Москве у Гатцука, которой я тоже могу отобрать у него, если Вы пожелаете того. А затем да хранит Вас бог

Алексей Писемский

1880 года
Генваря 1.

787. В. А. ФЕДОРОВСКОМУ

⟨2 января 1880 г., Москва⟩

Мне прислали корректуру; убедительно прошу вас придти ко мне.

788. Н. П. АЛОВЕРТУ

1880 г. Января 2 ⟨Москва⟩

Сей час получил корректуру, просмотрел и завтра сам свезу ее на почту, но только тут я не вижу окончания 2-й главы; неужели вы будите разрывать эту главу? Это будет очень нехорошо и для вас и для меня. Если-же это просто типография недослала мне, то вы поручите ей посылать мне каждую главу до конца, потому что в самом-то конце и может случиться надобность мне сделать самые важные перемены, а затем поздравляя вас и M-r Гоппе с новым годом остаюсь преданный вам *Писе⟨мский⟩*

789. А. И. ПОСТЕЛЬНИКОВУ

⟨3 января 1880 г., Москва⟩

Мы все будем дома и ждем вас с великим удовольствием. Душевно вас любящий *Писемс⟨кий⟩*

Пятница

790. Н. П. АЛОВЕРТУ

⟨5 января 1880 г., Москва⟩

Корректуру возвращаю. Огонек я получил; в рисунках старуха Рыжова сделана очень молода. Не забудьте посылать экземпляр Огонька в Париж к M-r Derely; напоминаю Вам его адрес: France, Paris, M. Victor Derely, rue Vaugirard, № 26. Пишу Вам это письмо чужой рукой, потому что своя очень утомлена. Преданный вам *Писемский*

1880 г.
Генваря 5.

791. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

⟨7 января 1880 г., Москва⟩

Любезный друг,
Александр Николаичь!

Возвращаю тебе 6-ю часть твоих сочинений и вместе с тем прошу тебя наделить меня 2-ю частию, каковой у меня не оказалось и если можно то прислать ее с сего податель-

ницею. Лопатин не может с нами обедать, так как будет участвовать в их судейском обеде; но Павел хотел привести некоторых своих товарищей, человек двух, с коими мы отобедаем. Досвидания твой *Писемский*

7 Января.
1880.

792. П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

⟨8 января 1880 г., Москва⟩

Милостивый Го⟨сударь⟩
Пав⟨ел⟩ Мих⟨айлович⟩

Снова утруждаю вас тою же моею покорнейшей просьбою: глухонемую девочку, за крую я ходатайствовал перед Вами, зовут Марьей; она дочь стрелкового батальона стрелка Василия Кузьмина, крый в Августе мце прошедшего года и подавал г. Директору вашего заведения просьбу о принятии его глухонемой дочери, каковая ныне уже и зачислена в кандидатки. А за тем, поручая все это дело вашему милостивому усмотрению остаюсь с моим полным уважением вашим покорным слуго⟨ю⟩ *Писем⟨ский⟩*

1880 года
Января
8.

P. S. В одно из ближайших воскресений я приеду к вам в вашу прекрасную галлерею с одним знакомым, жаждущим ее видеть и как-то еще в ней небывавшим.

793. В. А. ФЕДОРОВСКОМУ

⟨10—11 января 1880 г., Москва⟩

Придите, голубчик, хоть на часок, еще прислали корректуры — седьмую главу. Пожалуста, придите

ваш *Пи⟨семский⟩*

794. Н. П. АЛОВЕРТУ

⟨11 января 1880 г., Москва⟩

Вчера я послал Вам просмотренные мною окончание 5 главы и всю 6-ю главу, а теперь возвращаю, тоже просмотренную мною, 7 главу, крой опять мне прислала ваша типография один только экземпляр. Велите, пожалуста, прислать мне еще другой экземпляр 7-й главы и поручите вместе с тем

постоянно высылать мне все корректуры в двух экземплярах. Огонька 1-й номер я тоже получил один экземпляр, тогда как я просил высылать мне по два экземпляра. Повторяя еще раз все вышеозначенные просьбы мои остаюсь дружески пожимая вашу руку *П.*

11 Декабря 1880 г.

795. П. Е. БАСИСТОВУ, Н. А. КАРЫШЕВУ И ДУБРОВСКОМУ

〈11 января 1880 г., Москва〉

12 Января обед должен произойти на Варварке в трактире Лопашева ровно в 4 часа и он уже заказан. 1880 года января 11. *Пи〈семский〉*

796. В. ДЕРЕЛИ

〈12 января 1880 г., Москва〉

Почтеннейший Г. Дерели!

От души благодарю Вас за ваши хлопоты провести на француской сцену моего Баал〈а〉 и очень любопытно будет узнать, чем окончатся препинания М-le Дюма с М-r Нанси и вообще настоящее письмо к Вам я наполню вопросами: кто именно М-le Дюма? Дочь-ли она или внука старика Дюма, автора Монте-Кристо, или какая-нибудь иная особа? Второе: действительно-ли роман Доде Les rois en exile вышел 16-м изданием и что будто бы каждое издание француских романистов простирается до 10 тысяч экземпляров, — это цифра гигантская, совершенно непонятная для нас! Наконец третье, получили ли вы журнал Огонек, в котором напечатано уже моего романа четыре главы. Я нетерпеливо желаю слышать ваше мнение о сем моем [романе] старческом труде, — что касается лично до меня, то я заработался как говорится до чертиков: я пишу далее мой роман, просматриваю написанное, держу корректуру сам, которую высылают мне в Москву, и в добавок каждое утро выдерживаю шведскую гимнастику, — все это меня сильно утомляет, но все таки, благодаря сухой морозной погоде, чувствую себя недурно. А затем дружески пожимая вашу руку остаюсь душевно Вам преданный *Пи〈семский〉*

1880 г.
января 12.

P. S. Не имеете ли вы каких либо сведений из Телеграфа — о судьбе вашего перевода моего романа В водовороте.

797. Е. И. БЛАРАМБЕРГ

⟨12 января 1880 г., Москва⟩

Милейшая Елена Ивановна!

Пишу к вам на розовой бумажке для выражения моих нежных чувствований к вам, но суть дела в том: будьте столь добры, заверните в редакцию Огонька, которая находится на Большой Садовой, в доме Коровина, № 16, и спросите там редактора Аловерта, а сего последнего спросите, де-послал ли он экземпляр Огонька в Париж к m-r Derely, переводчику моих романов. Мне крайне нужно, чтобы m-r Derely имел мой роман в своих руках по мере его выхода в свет. Как вы поживаете и когда думаете начать печататься и где? Что до меня касается, то я заработался до чортиков и почти никуда не выхожу, за исключением впрочем сегодняшнего дня, сиречь 12-го января; я еду с Островским и с сыном обедать в трактир к Лопашеву. В ожидании письмеца от вас остаюсь душевно преданный *Писемский*

1880 г.
Января 12.

P. S. Поклонитесь от меня Писаревым.

798. П. И. ЮРКЕВИЧУ

⟨16 января 1880 г., Москва⟩

Милостивый Государь!

Благодаря за избрание меня в члены Театрального Комитета я в тоже время, к великому сожаленью моему, никак не могу принять сего звания, ибо недуги мои так велики, что лишают меня почти возможности выезжать из дому, а кроме того я нынешний год занят собственным большим трудом, на который у меня едва достает времени.

За тем принося мое искреннее уважение остаюсь покорный слуга ⟨*Писемский*⟩

1880 г.
Января 16.

799. Н. П. АЛОВЕРТУ

<16 и 17 января 1880 г., Москва>

Возвращаю Вам 8-ю главу и начало 9-й. Если, паче чаяния, цензор усомнится, то объясните ему, что все, что говорит архиерей о хлыстах и скопцах, было уже неоднократно напечатано: у Надеждина, у Реутского, у Мельникова, в статьях Барсова, которые даже помещены в Православном Обозрении, и сверх того, архиерей говорит, как вы сами видите, в строго православном духе. *Писемский*

1880 года
16 января

Сейчас мне припомнилось, что в посланной мною вам корректуре 8 главы я забыл в первом столбце поправить слово *опечаленная*, которое у вас кажется напечатано *опечалная*, а также и в конце главы вместо г. сенатор следует напечатать *господин сенатор*. Ваш *Писемский*

1880 года
Января 17.

800. Н. П. АЛОВЕРТУ

<20 января 1880 г., Москва>

Возвращаю вам корректуру отдельного издания и прошу вас продолжать высылать мне ее, ибо может случиться надобность сделать небольшие перемены, а равно встретятся и ошибочки маленкие. В 1-м рисунке 3-го Номера Художник сделал рисунок не по тексту. У меня говорится, что Марфин и Сенатор сидели, а он их нарисовал стоящими [сверх того на фраке Графа сделал 3 пуговицы, тогда камергер<ы> только и опи]; во 2 рисунке Катрин следовало по тексту нарисовать [с вязаным ею] со шнурком, которой она вязала, а тут ей дали в руки какое-то полотенце. — Буду с нетерпением ждать 4 Номера, где выйдет Архиерей.

1880 года
20 Генваря.

801. Ф. Ф. ПОПУДОГЛО

<22 января 1880 г., Москва>

Любезнейший Федор Федосеевичь!

Посетите меня бога ради, мне крайне нужно поговорить с вами об рисунках к моему роману. Я каждый день по-утру до десяти часов бываю дома а также и по вечерам никуда

не выезжаю. Буду ожидать Вас с великим нетерпением. Остаюсь вам преданным *Писе⟨мским⟩*

22 Января
1880.

802. П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

⟨22 января 1880 г., Москва⟩

Милостив⟨ый⟩ Государь
Павел Михайлычь!

Несказано сожалею, что вы не застали меня дома. Я был с одним моим приятелем в вашей галлерее, который пришел в искренний восторг от вашего собрания картин. В следующее воскресенье я непременно буду дома и буду ожидать Вас, а равно и Г-на Репина. Девочку глухонемую согласно вашему приказанию привезут в заведение после четверга.

Затем принося мое усердное уважение остаюсь

Ваш
покорный слуга
Пис⟨емский⟩

1880 года
генваря 22.

803. А. И. ПОСТЕЛЬНИКОВУ

⟨22 января 1880 г., Москва⟩

Мой дорогой Александр Иванычь! Справьтесь и уведомьте присутствовал ли при объявлениях приговоров людям ссылаемым на каторги священник и делал ли какие либо наставления, хоть бы эти лица были изъяты от телесного наказания. Извините что беспокою Вас, но мне это необходимо знать, чтобы не проврасться в моем романе. Ваш

Писем⟨ский⟩

22 генваря
1880 г.

804. НЕИЗВЕСТНОМУ

⟨24 января 1880 г., Москва⟩

Посылаю вам согласно вашему желанию свое имя и фамилию, каковую вы и найдете на обороте сего письма.

Алексей Писемский

1880 года
24 Января
Москва.

805. Н. П. АЛОВЕРТУ

〈24 января 1880 г., Москва〉

Почтеннейший
Николай Павлович!

Ковер, по моему, следует ни на кресле раскидывать, ни на стол класть, а лучше повесить его на стене. Но при этом нужно текст описания этой сцены изменить и вместо слов: „где уже и нашли ковер разостланным на полу и он ее первоначально поразил“ — напечатать таким образом: „где и нашли ковер повешенным на стену, что gnädige Frau придумала сделать для большего удобства растолковывать его Сусанне Николаевне, которую первоначально ковер этот поразил“.

Что касается до величины ковра, то Вы сделайте его сколь возможно большим, сохраняя условия рисунка, и попросите г. художника как можно яснее изобразить все начертанные на нем предметы, ради которых собственно ковер и рисуется. Я Попадогло просил Вам написать, но независимо от сего повторяю и сам: лицо, именуемое в моем романе Лябьевым, Вы приблизительно срисуйте с портрета Алябьева, который Вам пришлет г. Попадогло. А также лица тогдашних масонов, выведенных мною в романе, т. е. Сергея Степаныча Ланского и Михаила Михаиловича Сперанского, пусть спишут с портретов этих лиц, напечатанных в Мюнстеровской галлерее, а если таковой в продаже не найдется, то пусть они взглянут в Публичной Библиотеке Мюнстеровское издание, где таковое непременно обретается; портреты-же князя Голицына и Федора Ивановича Прянишникова находятся в Румянцевском Музее, с которых я убедительно прошу Вас поручить Вашему московскому фотографу снять копии и чтобы Ваш художник, рисуя этих лиц, держался сходства с снятой фотографией.

Остаюсь при желании Вам всего лучшего

1880 года
Января 24.

Писемский

806. Вл. С. СОЛОВЬЕВУ

〈25 января 1880 г., Москва〉

Мой дорогой В〈ладимир〉 С〈ергеевич,〉 посетите бога ради меня перед вашим отъездом в Петербург. Мне крайне

нужно посоветываться с Вами по поводу одной сцены в моем романе. Нетерпеливо ожидая видеть вас остаюсь душевно вам преданный *Писемский*

Января 25
1880 г.

807. Н. П. АЛОВЕРТУ

〈26 января 1880 г., Москва〉

В отправленной мною сегодня корректуре XI-й главы я сделал ошибку, которую и прошу исправить.— В первом столбце внизу находится слово: „возжался“; в написанной же мною с боку поправке этого места я снова повторил это слово, не зачеркнув его в наборе, а потому потрудитесь тут или там его уничтожить. На счет картинок 4-го номера: я должен сделать замечание, что Сверстов чересчур молод и кажется как-бы мальчишкой; седины в волосах его нисколько не чувствуется и бакенбарды едва заметны. На сенаторском бале сделана тоже грубейшая ошибка; в тексте нигде не говорится, чтобы сенатор и губернатор были в мундирах; напротив, было сказано, что сенаторские чиновники были разодеты как лондонские дэнди, т. е. во фраках. Сенаторский бал должен был представлять совершенное сходство с балом Крапчика; значит, как там хозяин и сенатор были во фраках, так и здесь сенатор и губернатор должны быть тоже во фраках. Преданный Вам

Писемский

Января 26-го
1880 г.

808. С. А. ЮРЬЕВУ

〈29 января 1880 г., Москва〉

Любезный друг
Сергей Андреичь

Благодарю тебя и издателя твоего за присылку мне Русской Мысли. Душевно [желаю чтобы] рад, что она вышла и дай Вам бог преуспевать в читателях и подписчиках. Сам я по уши сижу в работе и никуда носу не кажу кроме водолечебного заведения; хоть бы завернул как нибудь в середу.

Любящий тебя *Писемский*

1880 г.
Января 29.

809. А. И. ПОСТЕЛЬНИКОВУ

⟨30 января 1880 г., Москва⟩

Мой дорогой Александр Иваныч

Опять к Вам моя великая просьба. По прежнему порядку, как вы знаете, решения тогдашних уголовных Палат утверждал по Губерниям Губернатор, но как это делалось здесь, — кто утверждал эти решения: гражданский ли Губернатор или Генерал-Губернатор? У вас вероятно в Суде есть лица, которые это наверное знают, спросите их и напишите мне поскорее. Мне крайне это нужно знать для моего романа. Заехал-бы к вам сам, но завален делом по горло. Любящий вас *П.*

30 Января
1880.

810. Н. П. АЛОВЕРТУ

⟨30 января 1880 г., Москва⟩

Возвращаю Вам 12-ю главу, а вместе с тем прилагаю также и рисунки масонских запонов (фартухов). В 3-й части вы вероятно, будете рисовать сцену посвящения Сусанны Николаевны в масонки. Необходимо, чтобы участвующие в этой сцене лица имели на себе сказанные запоны; для этого пусть художник выберет из трех прилагаемых наиболее для себя удобный. Надеты эти запоны должны быть на талии, как обыкновенно носят рабочие свои фартухи; все лица должны быть в белых перчатках и не мешает сделать, чтобы они все имели в руках шпаги, кроме Сусанны Николаевны, которая должна быть в цветах и белом платье, без запона и шпаги.

30 Января
1880 г.

Писемский

811. Н. П. АЛОВЕРТУ

⟨31 января 1880 г., Москва⟩

Адрес Островского: на Пречистенке, против Храма Спасителя, в доме князя Голицына. Корректуру возвращаю. *П.*

31 Января
1880.

812. В. ДЕРЕЛИ

⟨4 февраля 1880 г., Москва⟩

Почтеннейший господ⟨ин⟩ Дерели!

[Сей час] я получил от вас [книжку] Роман Г. Доде — les Roi en Exile [за что] и письмо и за все сие приношу [Вам] мою великую благодарность; [и] сожалею только, что с Ром⟨аном⟩

Г. Доде я вероятно не скоро еще познакомлюсь, так как завален работой, в одно и тоже время оканчивая четвертую часть Романа, просматривая корректуру для Огонька, а также и корректуру для отдельного издания; на все это я должен употреблять по крайней мере 12 часов в сутки [и], что по моим старческим недугам мне крайне [это] тяжело; так что это письмо я пишу к вам уже рукою жены, а у самого на столе лежат корректурные листы для просмотра [Дай бог вам успеха во всех ваших начинаниях, а пока оста] За участь Марфина не бойтесь; он кончит жизнь как следует истинному христианину и честному гражданину — но вместе с ним умрет и Масонство: он был последний из Могикан! Затем желая успеха всем вашим начинаниям и дружески пожимая вашу руку остаюсь

душевно предан‹ный›

Вам

‹*Писемский*›

1880 г.
Февр. 4 16

813. С. В. МАКСИМОВУ

‹ТЕЛЕГРАММА›

‹5 февраля 1880 г., Москва›

Прочитав о твоем Юбилее спешу тебя поздравить с оным

Писемс‹кий›

814. Н. М. ГОРОДЕЦКОМУ

‹7 февраля 1880 г., Москва›

Я согласен читать назначенный мне отрывок из Грибоедова и буду в Понедельник в 7 часов вечера в Артистическом Кружке. Уведомьте только, в фраке-ли нужно быть или в сюртуке, а также в белом или черном галстухе.

Затем в ожидании Вашего ответа остаюсь искренно Вас уважающий *Писемский*

1880 г.
7 февраля.

815. И. Е. РЕПИНУ

‹8 февраля 1880 г., Москва›

Любезнейший
Илья Ефимычь!

Я давно сбираюсь завернуть к вам и посмотреть вашу мастерскую, если только есть в ней какие нибудь работы ваши, но не знаю, когда могу вас застать, а также не крута ли

к Вам очень лестница, по каковым я с моими больными ногами решительно не могу всходить. Я просил бы вас уведомить меня обо всем этом, а всего бы лучше если бы вы посетили меня как нибудь в среду вечером, когда собираются у меня мои знакомые, чем крайне обязали бы вашего покорного слугу

1880 г. *Писем⟨ского⟩*
Февр. 8

P. S. Напоминаю вам адрес мой: в Борисоглебском переулке близь Поварской в собственном доме

816. Н. П. АЛОВЕРТУ

⟨10 февраля 1880 г., Москва⟩

Почтеннейший Николай Павловичь!

Я в крайнем недоумении что вы не высылаете мне до сих пор корректуры [2 и] 3 и 4 глав Масонов, если что либо [их] задерживает высылку этой корректуры, то, бога ради, немедленно уведомьте меня ибо такое замедление крайне меня тревожит. Четвертую часть я уже дописываю и в конце февраля вероятно вышлю Вам ее. Буду ждать или корректуры или вашего ответа.

Ваш
Писемский

1880 год.
10 февраля
Воскресенье.

817. Н. П. АЛОВЕРТУ

⟨11 февраля 1880 г., Москва⟩

Любезнейший Николай Павловичь!

Мучимый беспокойством и удивлением, что я до сих пор не имею от вас корректуры 3 и 4 глав моего романа для 8 номера Огонька я посылаю вам выписку тех перемен и изменений, которые неизбежно сделать в сказанных главах, иначе выйдет бессмыслица; вот эти перемены:

В третьей главе 2-ой части после фразы но даже направить ее к, до фразы умненькими и как-то следует изменить так: „пожилой даме, красовавшейся в очень дорогой турецкой шале на самом почетном месте. Около дамы этой стоял мальчик лет шестьнадцати в красивом пажеском мундире с“

Далее в той же главе после фразы: отвечал тот не без гордости до фразы и человек превосходнейший следует изменить так: „однако служба вам все таки претит.

— Как вам сказать, и служба претит: в заряженьи ружья на двенадцать темпов и в вытягиваньи носка ничего нет интересного; но главное общество офицеров не по мне. Можете себе вообразить, что между всеми моими товарищами один только был у меня друг — поручик Рибнер, с которым я жил душа в душу; по происхождению своему он был немец".

В 4 главе после фразы: отпереть садовую калитку до фразы: — Мамаша, Людмила вас зовет следует все это исключить и не набирать.

Независимо от сих существенных изменений, я должен сделать еще и другие, а потому умоляю вас не печатать сих глав без присылки ко мне на просмотр да и вообще все мне доставлять для просмотра.

Остаюсь дружески пожимая вашу руку *Пис⟨емский⟩*

11 февраля
1880
Понедельник
7 часов вечера

818. Н. П. АЛОВЕРТУ

⟨11 февраля 1880 г., Москва⟩

Любезнейший Николай Павловичь

Имея в виду, что во 2-ой части моих Масонов сделаны мною, после отправки вам оригинала, значительные перемены, из каковых я уже при [вчерашнем] прежнем письме и послал к вам таковые перемены в 3 и 4 главе. Ныне же, чтобы не затруднять [отп] типографии напрасным набором тех мест, которые изменены мною, я препровождаю к Вам перемены в следующих главах 2 части с точным обозначением после какой фразы [они должны] каждая перемена должна начаться и до какой фразы дойти. Перемены эти нижеследующие:

1.) В начале 7 главы 2 части после фразы сильно воздействовало до фразы: воскликнул Егор Егорычь, окончательно сбиваемый с толку поступками племянника следует набирать так:

„— Из чего вы это заключаете? отозвался Егор Егорычь.

— Заключаю по письму дочери, которая мне пишет, что господина Звез<д>кина отозвали в Петербург и что он не возвратится более [сюда] к нам, так как Граф Эдлерс открыто при всех изъявляет радость, что его освободили от этого взяточника.

— Вот-с какая, скажите [какая] откровенность, произнес, усмехнувшись, Егор Егорычь: а с губернатором он что же?

— С губернатором, продолжал Петр Григорьичь, — граф [ужь] больше не видится; напротив того он недавно [заме] заезжал к дочери моей <и> непременно [тр] потребовал, чтобы она его приняла, был с нею очень любезен, расспрашивал об вас и обо мне и сказал, что он с нетерпением ждет нашего возвращения, потому что мы можем быть полезны ему [в] советами. Из всего этого [прямо было] ясно видно, что нахлобучка его сиятельству из Петербурга была сильная.

— Ну и чорт его возми, произнес Егор Егорычь, [как можно] видимо желавший поскорей окончить разговор об ревизии — а какие другие еще есть там новости? [в наших местах] присовокупил он.

— Да новость тоже вероятно для вас интересная: в нашем городе опять появился ваш племяник, посетил Катрин и объяснил ей что он овдовел!

— Как овдовел и почему-жь он мне не написал об том?“

2.) В половине 9 главы [с] после фразы *сбрасывая с себя шинель* и до фразы: *опрятность Антип Ильичь* следует набирать таким образом: „Калоши, причем оказалось, что он был в щеголеватом, черном сертуке и, имея как-то через чур ужь открытые воротнички у сорочки, [вообще] всей своей наружностью, за исключением [красивых] голубых глаз и некрасивого толстоватого носа, мало смахивал на Русского, а скорей напоминал итальянца; волосы молодой человек имел густые, [русые] вьющиеся и приподнятые вверх; небольшие и сильно нафабреные усики лежали у него на губах как бы две приклееные раковинки, а также на подобную приклеенную раковинку походила и испаньелка его.

— А тут я ничего? продолжал молодой человек, показывая на платье свое.

— Тут франты! говорил Антип Ильичь, спеша обтереть не много [раз] загрязнившиеся брюки у гостя“

3.) В X главе той же части после фразы: *многие занимались внешними только* до фразы *покойной муж мой* следует все исключить и не набирать.

4.) В той же главе: после фразы в *особую темную комнату*, до фразы: *что так мы странствуем в жизни* следует набра<ть> таким образом: в которую входит ритор; он с приставленною к груди вашей шпагою водит вас по ужасному полу, нарочно изломанному и перековерканому и тут-же объясняет.

5.) В той-же X главе: [с] после фразы *по приказанию Великого Мастера братья* до фразы: *не была пуглива* надобно набрать таким образом: надзиратели подвели меня. Великий Мастер сказал мне приветствие. После чего я стала одним коленом на подушку, а они мне дали раскрытый циркуль, ножку которого я должна была приставить к обнаженной груди моей и в таком положении заставили меня дать клятву; потом приложили мне к губам печать Соломона [как печать] в знак молчания и тут-то вот наступила самая страшная минута: я была брезглива с рождения, но никогда

6.) В XII главе, 2 части. После фразы: *Войдя в дом по полусгнившим ступеням переднего* до фразы: [с доктором и с Егором Егорычем] *увидав прибывших к нему гостей* следует набрать таким образом: крыльца Егор Егорычь и Сверстов пошли далее и застали Пилецкого сидящим в небольшой гостиной за книгой. [Он] Это был повидимо<му> весьма хилый старик, с лицом совершенно [не] дряблым; на голове у него совсем почти не [было] оказывалось волос, а потому дома в одиночестве Мартын Степанычь обыкновенно [носил парик] носил колпак, а при посторонних и в гостях надевал [колпа] парик; бакенбарды его состояли из каких-то седоватых клочков; уши Мартын Степанычь имел большие, торчащие, и [об] особенно правое [из них] ухо, что было весьма натурально, [так как] ибо Мартын Степанычь всякий раз когда начинал что либо соображать или высказыва[ть]л какую нибудь тонкую мысль то проводил у себя пальцем за ухом чрезвычайно напоминая как этим своим движением, так и другими ласкового кота. Но все эти недостатки и странности Мартына Степаныча сто-

рицею выкупались развитым почти до Сократовских размеров лбом и необыкновенно в то же время мечтательными серыми глазами, которым соответствовал мягкий убеждающий голос, так что когда [он] Мартын Степаныч говорил, то никто никогда не мог усумниться, чтобы говоримое не шло у него из глубины сердечного убеждения.

7.) В конце той-же главы [со] после слова: аминь до конца 2 части должно набрать так: плакала, слушая эту проповедь почти навзрыд Сусанна; у Егора Егорыча также текли слёзы, оросили они [также] и глаза Сверстова, которой нет, нет да и закинет свою курчавую голову назад; кого же больше всех произнесенное отцом Василием слово вышибло, так сказать из седла, так это gnädige frau, которая перед тем очень редко видала отца Василья, потому что в православную церковь она не ходила, а когда он приходил в дом, то почти не обращала на него никакого внимания, но тут [отец] увидав отца Василья в золотой ризе, с расчесанными седыми волосами [показался ей красавцем и при этом еще так] и услыхав как он красноречиво и правильно говорил о столь возвышенных предметах [при чем высказывал очень много знакомых для самой gnädige frau мыслей; что она до мозгу костей была поражена], gnädige frau пришла в несказанное удивленье, ибо никак не ожидала чтобы между русскими попами могли быть такие светлые личности [gnädige frau кажется] Ей конечно и в голову не приходило, что отец Василий содержимый Егором Егорычем [при] на руге при маленькой церкви был один из умнейших и многосведущих масонов!

Все вышеприписанные перемены я убедительно прошу Вас приказать кому нибудь из людей акуратных немедля же перевести в экземпляр 2 части, [ибо] а то письмо может затеряться [и тогда] и экземпляр останется не исправленным.

Повторяя еще раз сказанную просьбу мою я вместе с тем прошу уведомить меня хоть единым словом [что исполнена она или нет] [ува] [исполнена эта просьба моя потом уведомить меня] об исполнении ее, а то неизвестность повергая меня в беспокойство [которое] лишает [меня] возможности работать с тою <пос>пешностью, с какой бы работал, а затем остаюсь пожимая вашу руку <*Писемский*>

819. Н. П. АЛОВЕРТУ

⟨13 февраля 1880 г., Москва⟩

Вот уже и 13 число, а корректуры 3 и 4 главы я все-таки не получил. Удивляюсь и огорчаюсь сим тем более, что и ответа никакого не имею на мое последнее письмо. Неужели вы хотите эти главы выпустить на свет без просмотра моего или может быть тут встретило⟨сь⟩ какое нибудь цензурное препятствие. Умоляю Вас уведомить меня *Пи⟨семский⟩*

820. Вл. С. СОЛОВЬЕВУ

⟨13 февраля 1880 г., Москва⟩

Дорогой мой
Владимир Сергеичь!

Обращаюсь к вам с мольбой моей: сходите, бога ради, в редакцию Огонька, которая помещается на большой Садовой, в доме Коровина, № 16, и спросите там редактора Огонька Г-на Аловерта, от чего мне не высылается корректура 3 и 4 глав 2-ой части моего романа, а между тем мне необходимо сделать в них перемены, а также допытайтесь у него, когда же мне корректура будет выслана. В редакции Г-н Аловерт вероятно проводит целые утра. Я пишу, пишу к нему и никакого ответа от него не [имею] получаю, но такая неряшливость беспокоит меня и лишает возможности спокойно работать. Что он вам скажет, не медленно меня уведомьте, ибо все это время я сижу как на иголках, не понимая от чего происходит такая медленность в высылке мне корректуры.

В надежде на вашу доброту остаюсь с нетерпеливым ожиданием [вашим] вашего обязательного для меня ответа любящий и уважающий вас *Пис⟨емский⟩*

13 февраля
1880

821. В. А. ФЕДОРОВСКОМУ

⟨17 февраля 1880 г., Москва⟩

Виктор Але⟨ксандрови⟩чь!

Приходите ко мне сегодня обедать и если можно, так и пораньше даже: я очень много приготовил вам поправлять, а также принесите и 15 главу, крую вы вероятно уже переписали В⟨аш⟩ *Пис⟨емский⟩*

Воскрес⟨енье⟩

мин не ответили, и таким образом я до сих пор остаюсь в недоумении касательно того отчего в 13-м № не окончена 12-я глава. Ваш Писемский.

31 Марта 1880 г.

СТРАНИЦА ВТОРОЙ ЧЕРНОВОЙ ТЕТРАДИ А. Ф. ПИСЕМСКОГО
С НАДПИСЯМИ О ПОСЫЛКЕ КОРРЕКТУРЫ РОМАНА „МАСОНЫ“

822. К. А. ШАПИРО

〈18 февраля 1880 г., Москва〉

Милостивый Государь
Константин Александрович!

Возвращаю Вам просмотренную мною и переписанную биографию, из которой я исключил и похвалы себе, и порицания, так как нахожу их совершенно неуместными в коротенькой биографии. Пусть ужь нас судит публика и потомство, а не составители биографий.

Затем при желании Вам всякого рода успехов остаюсь покорный слуга *Пи〈семский〉*

1880 года
18 февраля

823. П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

〈24 февраля 1880 г., Москва〉

Многоуважаемый
Павел Михайлычь!

Сейчас ко мне приходил отец глухонемой девочки и со слезами благодарил меня за помещение дочери в ваше училище; мне же позвольте эту благодарность всецело перенести к Вам и пожелать вам еще более преуспевать в соделании добрых дел, которые, уверен, оценятся для вас в здешней жизни, а еще более того вознаградятся и в будущей!

При[мите]нося затем мое глубокое уважение Вам остаюсь несказанно обязанный Вам *Писе〈мский〉*

1880 года
Февраля 24.

824. Н. П. АЛОВЕРТУ

1880 г. Февраля 26 〈Москва〉

Почтеннейший Николай Павлычь.

Вместе с этой корректурой я посылаю также 4 часть моего романа и прошу убедительно Вас сделать распоряжение о высылке мне *двух тысячь руб. сер.* а также будьте так добры уведомьте меня как о получении сей части так и о том почему мне перестали высылать корректуру отдельного издания. Затем принося мое усердное почтение остаюсь покорным слугою *Писемский*

825. Н. П. АЛОВЕРТУ

⟨2 марта 1880 г., Москва⟩

В дополнение к коректуре моей спешу вас уведомить, что если цензор усумниться в 5-ой главе в сцене когда князь Голицын рассказывает [Марфину] Сергею Степан⟨овичу⟩ о том как его проклял Фотий, то вы помяните ему, что это было уже напечатано в Русском Архиве 1870 № 1 стр. 176. Преданный вам *Пи⟨семский⟩*

826. В. ДЕРЕЛИ

⟨2 марта 1880 г., Москва⟩

Почтеннейший Г-н Дерели

Сей час я получил от Вас письмо ваше от $\frac{8 \text{ марта}}{26 \text{ февраля}}$ и меня крайне удивляет, что вы не получили моего письма от 4/16 Февраля, в котором я с великою благодарностью уведомлял вас о получении мною романа Доде, а равно и о том, что письмо ваше от $\frac{10 \text{ февраля}}{29 \text{ января}}$ мною получено [но 3] и куда могло [запропастится] деваться это письмо — не ведаю. Что же касается до 3 Номера газеты Телеграф, то я его не получил. Это письмо я уже отправляю рекомендованным и спешу в нем прежде всего [авось оно дойдет] [Благодр] поблагодарить вас за ваш перевод моего романа В Водовороте и с большим нетерпением буду ожидать его получения. Исправно-ли Вам высылают Огонек и пробегаете-ли вы моих Масонов. Очень интересуюсь узнать ваше мнение об первой части этого романа. Касательно перемен и сокращений в [моем романе] Водоворо⟨те⟩ [я вас совершенно уполномочиваю — чтобы как вы найдете удобным] то я это совершенно предоставляю в ваше распоряжение; что вы найдете за лучшее, так и поступайте [и я с своей стороны никаких претензий иметь не буду]. В неполученном Вами письме моем я вам писал, что завален по горло работой, ибо продолжаю писать мой роман, которого осталось всего одна Пятая Часть. Потом просматриваю корректуру для Огонька и для отдельного издания, а потому извиняюсь, что пишу короткое к Вам письмо, и затем пожимая [за очно вашу] вам дружески руку остаюсь душевно [Вам] предан

827. В. ДЕРЕЛИ

Марта $\frac{3}{15}$, 1880 года ⟨Москва⟩

Отправив по утру к Вам письмо, почтеннейший господин Дерели, я вечером получил 3-й номер Телеграфа и касательно анализа романа моего: Взбаламученное море должен сказать, что тут вкралась ошибка. В анализе этом говорится, что Сабакеев из расскольников; но это несправедливо: Сабакеев происходит из семьи Славянофилов, а сии последние не имеют [весьма мало] ничего общего с раскольниками, которые все состоят из простолюдинов и представляют собою [есть] исключительно движение религиозное; славянофилы же почти все [исключительно] из дворян, да [еще] и из дворян [достаточных] еще зажиточных, которые собственно народа нашего не знают, [да] равно и народ тоже их не знает: Славянофильство наше измышлено в подражение стремлению Немцов к объединению Германии, забывая, что у тех все почти общее— язык, нравы, литература, [вот и наши] Славянофилы также мечтают слить все славянские племена во едино, что [и] по моему [все это] [до сих пор еще находится в области] до сих пор ⟨одно слово оторвано⟩ утопия [и], так все это пока ограничивается с нашей стороны религиозно-лингвистическим сентементальничаньем, а со стороны [тех] братьев Славян довольно [неискреннею] сомнительной любовью людей принадлежащих к разряду недо⟨с⟩таточных к богатому родственнику. Благодаря еще раз вас за ваш прекрасный, в чем наперед уверен, перевод моего романа, остаюсь [признательный вам] с пожеланием вам всего хорошего *Писемский*

828. В. А. ФЕДОРОВСКОМУ

⟨Начало марта 1880 г., Москва⟩

Прислан⟨а⟩ корректура, бог⟨а⟩ рад⟨и⟩ приезжайте с сим извощиком.

P. S. Прежнюю коррек⟨туру⟩ захватите с собою.

829. Н. П. АЛОВЕРТУ

⟨9 марта 1880 г., Москва⟩

Почтеннейший Николай Павловичь!

Я получил 10 № Огонька и вижу, что в конце 5 главы вероятно Цензор исключил несколько строк и хоть это исключение не особенно важное, но важно то, что глава от того

очень странно кончилась, и я убедительно вас прошу всегда уведомлять меня об исключениях Цензора, я в таком случае изменю и осмыслю как нибудь сделанную перемену.

Корректуру IX и X глав я обратно отправил Вам. Письмо ваше, в котором вы меня уведомляете о получении 4 части, я получил, а равно получил потом и письмо от Г-на Гоппе, которым он уведомляет меня что книгопродавец Соловьев уплатит мне две тысячи рублей, но, увы! Соловьев, ссылаясь на свое стесненное положение отказывается это сделать, говоря что одну тысячу рублей он постарается мне выплатить, но в какие сроки сказать того не может. Согласитесь что оставаться в таком неопределенном положении мне не весьма приятно и потому попросите Г-на Гоппе поручить сделать следующую мне уплату или вашей здешней конторе или книгопродавцу Лангу, так как тут и там я знаю деньги Г-на Гоппе имеются.

За сим еще раз прося уведомлять меня о цензурных изменениях, а равно и об том, почему мне перестали высылать корректуру отдельного издания, в котором мне необходимо сделать маленькие поправочки, остаюсь дружески пожимая вашу руку *Писемский*

1880 года
марта 9 дня.

830. Г. Д. ГОППЕ

〈9 марта 1880 г., Москва〉

Г-н Гоппе!

Хоть вы и уведомили меня, что поручили мне уплатить две тысячи рублей серебром Книгопродавцу Соловьеву, но он отказался сделать таковую уплату, говоря, что по стесненным своим обстоятельствам тысячу рублей он постарается мне выплатить, но в какие сроки—сказать того не может, но так как оставаться в таком неопределенном положении для меня неприятно и затруднительно, то я и прошу вас убедительно поручить произвести уплату мне или вашей здешней конторе или тому же Г-ну Ланге.

В ожидании, что вы исполните мою покорнейшую просьбу остаюсь ваш покорный слуга *Писемский*

1880 года
марта 9.

831. В. А. ФЕДОРОВСКОМУ

<Середина марта 1880 г., Москва>

В<икто>р А<лександрови>чь! Что это значит, что Вы не пришли ко мне сегодня обедать, а между тем ко мне заходил Гиляров, крому я еще прежде говорил, что как бы он хорошо сделал, если бы прис<пос>обил вас к своей газете. Сегодня же он зашел ко мне и, объявив, что он желает это сделать, просил меня прислать Вас к нему, и потому зайдите ко мне сегодня, и от меня переберетесь к нему. Он живет в моем доме.

832. В. ДЕРЕЛИ

<16 марта 1880 г., Москва>

Почтеннейший господин Дерели!

[Прежде всего, что] Начинаю мое письмо с того, что передаю Вам сотню поклонов от моего сына, который каждый раз, как я Вам пишу, просит меня [передать] Вам поклониться, а я по своей старческой рассеяности забываю. Что касается до высылки ко мне номеров Телеграфа, которого я до сих пор не получал еще ни единого листа, то я по поводу этого сегодня ездил в здешний главный почтамт, в котором мне сказали, что всего удобнее устроить эту высылку таким образом, что, отрезав фельетон, где печатается перевод моего романа и, накопив этих вырезок штук до двадцати, высылать их под рекомендованной бандеролью (sous bande-rolle recommandée). [Их] Вырезки эти в почтамте же подвергнут цензуре и пришлют мне, конечно, ужь без всякой перемарки, [мне при] так как роман мой [вы] появлялся в России в печати несколько раз. [Что] О Масонах-же моих могу сказать, что я [с ними] уже пишу пятую часть и, будучи несказанно утомлен [несколько] таким быстрым и весьма утомительным по моим летам трудом, радуюсь, что достигаю берега, хотя в то же время не могу скрыть, что если только не умру, то пожалуй и еще что-нибудь затею. За Ваш лестный отзыв о моей способности переноситься в отдаленные эпохи я приношу, конечно, мою великую благодарность, и за тем, при желании Вам всяких благ, остаюсь

16/28 Марта
1880 г.

833. А. И. ШУБЕРТ

⟨18 марта 1880 г., Москва⟩

Милейшая Александра Ивановна!

Душевное мое спасибо вам за вашу память моих имянин и вместе с тем поздравляю также и вас со днем ангела вашего. Как ваше здравие, что вы поделываете и успешно-ли подвигаются ваши записки? Что до меня грешного касается, то на старости лет я снова разразился романом в 5-ти частях под названием Масоны, который уже печатается в журнале Огонек. Весьма бы все мы были рады, [от] если бы вернулись в Москву, но говорят, что здоровье ваше решительно не позволяет того, а за тем желая вам всех благ остаюсь искренно преданный

Пи⟨семский⟩

1880
18 марта

834. Е. И. БЛАРАМБЕРГ

⟨18 марта 1880 г., Москва⟩

Милейшая Елена Ивановна!

Благодарю вас и Стрепетову несказанно за память вашу о моих именинах. Пожалуста передайте ей эту мою благодарность и скажите, что о супруге ее я слышу, но не видал его. Что касается до меня, то я продолжаю по-прежнему работать и уже написал три главы пятой части, чем чрезвычайно доволен, потому что творческий труд сильно начинает меня утомлять. К вам, Елена Ивановна, у меня просьба: заезжайте бога ради в контору Огонька, на Большой Садовой улице, дом № 16, и спросите того же Аловерта, отчего он перестал мне высылать корректуру отдельного издания, которую мне необходимо просмотреть. Я спрашивал его неоднократно об этом в письмах моих, и он мне ни одним звуком не ответил на то. Затем, дружески пожимая вашу руку, остаюсь душевно преданный вам

Писемский

1880 год
13-го марта.

P. S. Дерели перевел мой роман „В водовороте" и помещает его в газете Телеграф. Любопытно, какое впечатление этот роман мой произведет на французов.

835. А. И. ПОСТЕЛЬНИКОВУ

18 марта ‹1880 г., Москва›

Любезный друг Александр Иванычь

[Разумеется]

Разрешите мое сомнение где по старому судопроизводству начинались дела по убийствам совершенным дворянами: в уездном суде или, не будучи совсем обсуждаемы в сей дистанции, они прямо поступали в уголовные палаты, мне это необходимо знать для моего романа с точностью, и прошу поспешить вашим ответом, чем крайне обяжете душевно вас любящего *Писем‹ского›*

836. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

‹23 марта 1880 г., Москва›

Любезный друг,
Александр Николаичь!

Слышал-ли ты печальную новость: с Владимиром Иванычем Родиславским сделался удар: у него отнялась левая рука и левая нога, а также и язык; он лежит с закрытыми глазами. Я сей час заезжал к нему, но меня не приняли. У тебя я буду с Павлом 30 марта.

Затем дружески пожимая твою руку остаюсь любящий тебя *Писемский*

23 Марта
1880.

837. А. И. ПОСТЕЛЬНИКОВУ

‹23 марта 1880 г., Москва›

Опять мой дорогой Александр Иванычь к вам с вопросом: по законам действующим в сороковых годах мог ли женатый человек без согласья своей жены поступить в монахи и брак тогда нарушался конечно. Если вы это узнаете то незамедлите и уведомить меня о том. Слышали ли вы, что с Родиславским, Управляющим Канцелярией Генерал-Губернатора, сделался удар вчера и он, бедный, лежит без руки, без ноги и без языка.

В ожидании вашего доброго ответа остаюсь искренно любящий вас *Пис‹емский›*

23 марта
1880

838. В. А. ФЕДОРОВСКОМУ

⟨Конец марта 1880 г., Москва⟩

Корректуры еще пока не прислали мне, [то немедля же пере] а как пришлют, то немедля же перешлю ее к вам для просмотра. Очень желаю Вам скорейшего выздоровления. Сам я тоже весьма дурно себя чувствую. Вам преданный

Пис⟨емский⟩

839. В. А. ФЕДОРОВСКОМУ

⟨28 марта 1880 г., Москва⟩

Виктор Александрычь!

[Придете] Уведомьте меня [пожалуста] с сею посланною как мне распорядиться на случай присылки сегодня корректуры, к вам-ли ее прислать или вы ко мне придете.

Пятница
23 марта
1830.

Пи⟨семский⟩

Если вы сегодня не выходите, то могу-ли я прислать к вам корректуру и достанет-ли у вас сил просмотреть ее.

840. Н. П. АЛОВЕРТУ

⟨29 марта 1880 г., Москва⟩

Возвращаю Вам корректуру отдельного издания, а перед тем только послал к Вам телеграмму о том, почему 12-я глава не кончена. Ежели ее измарал цензор, то бога-ради пришлите мне корректуру на просмотр, дабы я мог ее изменить, исправить и сделать сколько-нибудь сносною для печати. Еще прошу Вас убедительно выслать мне все на-бело напечатанные листы отдельного издания под бандеролью, ибо я боюсь, нет-ли в них ошибок, что тем более возможно, так как в тексте Огонька таковые ошибки существуют.

Затем остаюсь, дружески пожимая Вашу руку

Марта 29
1830 г.

Писемский

841. В. ДЕРЕЛИ

31 Марта / 12 Апреля 1880 г. ⟨Москва⟩

Поч⟨теннейший⟩ Г. Дерели

Третьего дня я получил письмо ваше а вчера наконец доставили мне в благополучнейшем виде и [корректуру] фельетоны Телеграфа и вчера-же в ночь я пробежал начало

вашего перевода. Должен сказать, что он безукоризнен и даже превосходен, как по правильности и [ясности] точности языка, так и по близости к подлинику; я сличил и убедился, что он сделан почти слово в слово. Спасибо Вам вместе с тем и желая хотя чем нибудь вещественным выразить мою благодарность, я [вышлю] прошу у вас позволения выслать Вам [мо] фотографический снимок с [меня] моего портрета, который теперь пишет с меня один из лучших [наших] русских художников для галлереи некоего господина Третьякова, галлереи, которая составляет нашу национальную гордость, потому что вся она состоит исключительно из работ Русских художников и работ первокласных по достоинству кисти. Снимаемый с меня портрет выходит до того похожее [чтобы как будто бы он более похож на] меня, чем я сам на себя до такой степен<и> художник уме<л> выбрать [типическое] [мое самое характерное выражение] более свойственное мне выражение. Что касается до вашего намерения сделать к В В о д о в о р о т е примечания, то [и] я с своей стороны нахожу это полезным и весьма буду благодарен Вам за них. Затем дружески [и несколько раз] пожимая вашу руку [и] остаюсь

глубоко вас уважающий <*Писемский*>

842. Н. П. АЛОВЕРТУ

<31 марта 1880 г., Москва>

Возвращаю Вам корректуру, но во вторник вряд-ли она придет к Вам, ибо я сам только получил ее в Понедельник в 4 часа, а в 6 часов она была уже снова отпущена в почтовый ящик, а потому вините ужь не меня а вашу типографию, а так же обратите внимание и на отправку Конторою ваших писем. Вы последнее письмо мне писали 28 [числа] Марта и положен<ное> в тот же день оно должно было бы придти ко мне 30 Марта, а оно пришло 31, значит целый день прова<ля>лось в Конторе. [Остаюсь преданный вам] На телеграмму мою Вы тоже ничего мне не ответили, и таким образом я до сих пор остаюсь в недоумении касательно того, отчего в 13-м № не окончена 12-я глава. Ваш *Писемский*

31 Марта
1880 г.

843. Н. П. АЛОВЕРТУ

〈3 апреля 1880 г., Москва〉

Возвращаю Вам корректуру 3 и 4 главы 3 части а также повторяю мою просьбу о том, чтобы все начисто отпечатанные листы отдельного издания вы мне присылали. Я в них не заметил чрезвычайно важной ошибки: в VIII главе 2 части на 213 странице Огонька следовало сказать к Александру Яко〈в〉личу Углакову, а не Булгакову, точно ту же ошибку я оставил и в корректуре отдельного издания. Бога ради исправьте это как нибудь; но оставлять издание с такой важной опечаткой [безобразно] [весьма не хорошо] невозможно.

Ваш *Писемский*

1880 года
Апреля 3 дня.

844. С. А. УСОВУ

〈Начало апреля 1880 г., Москва〉

Любезный друг
Сергей Алексеичь!

С меня снимают для галлереи Третьякова новый портрет и совершает это художник Репин. Портрет, по моему, выходит как следует, но мне желалось бы, чтобы ты взглянул на него и я просил бы тебя это сделать как нибудь по утру часов до 11-ти, пока я не уйду по разным своим делишкам, а за тем дружески пожимая твою руку остаюсь преданный тебе

Писемский

845. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

〈5 апреля 1880 г., Москва〉

Любезный друг
Александр Никола〈евич!〉

Покорнейше прошу тебя подавать за меня голос в очередном Общем Собрании Общества Рус. Др. Писателей имеющем происходить в семь часов

Искренно любящий тебя

П.

846. Н. П. АЛОВЕРТУ

<6 апреля 1880 г., Москва>

Почтеннейший
Николай Павловичь!

Просмотрите сии два листика возвращаемой мною Вам корректуры и обратите пожалуйста внимание на то безобразие, которое чинит Ваша типография. На главе X второй части она обозначает, что тут конец второй части; между тем как в этой части 12-ть глав и XI-ю главу типография уже переносит в третью часть. Кто тут виноват я не знаю; но во всяком <случае> я убедительнейше прошу оштрафовать то лицо, которое это натворило. Недаром я, зная русские типографии, желаю, чтобы вы мне высылали все листы отдельного издания и также снова повторяю мою просьбу прислать мне те листы отдельного издания, которые не были у меня на просмотре. Очень вероятно, что и в них найдется нечто подобное. Что касается масонского знака, то рисунок с него потрудитесь ко мне выслать поскорее, так как я может быть найду возможность упомянуть о нем в тексте. Кстати, в корректуре III-й главы третьей части во втором столбце в строке двадцать седьмой снизу нами пропущена нижеследующая ошибка: напечатано: освящали, а следует напечатать: освещали. Исправьте это, если возможно. Преданный Вам *Писемский*

6 Апреля.
1880 г.

P. S. В французской газете Телеграф помещается перевод моего романа В Водовороте. Посылаю Вам рекламу о том. Не найдете ли вы нужным напечатать в Огоньке то, что мною отчеркнуто красным карандашом.

847. Н. П. АЛОВЕРТУ

6 Апр. 1880 г. <Москва>

Пишу к Вам в дополнение к посланному сегодня письму моему. Я в корректуре, в IX главе, в строчке 22—23 (226 стр. 2-й столб.) по Огоньку, слово „восемнадцатого“ заменил „тринадцатого“, но этой перемены не велите делать, а прикажите оставить так, как было.

848. П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

1880 года Апреля 9. ⟨Москва⟩

Многоуважаемый
Павел Михайлычь

Портрет с меня кончен и кажется вышел очень хорош. Я весьма желал бы, чтобы вы заехали ко мне взглянуть на портрет вашим опытным взглядом. Илья Ефимычь предполагает его оставить у меня до субботы а потом взять к себе.

Принося мое искреннее уважение остаюсь

покорный слуга

А. Пи⟨семский⟩

849. О. А. ЧЕКМАРЕВОЙ

⟨11 апреля 1880 г., Москва⟩

Вместо экземпляра Огонька посылаю Вам билет на оный. Через несколько дней вы получите этот журнал с 1-го Номера 1880 года и будите потом постоянно получать. В случае переезда на дачу вы потрудитесь зайти в Мос⟨ковскую⟩ Конт⟨ору⟩ Огонька, края находится на Никольской улице в доме Славянск⟨ого⟩ базара (при Центральном книжном магаз⟨ине⟩) и известите там о перемене вашего адрес⟨а⟩. На страстной, если только буду здоров, заеду к вам в Институт и завезу бусы для Сони, крые уже куплены; а затем желая вам всего хорошего остаюсь преданный вам *Пи⟨семский⟩*

1880 года
Апреля 11.

850. И. Е. РЕПИНУ

⟨14 апреля 1880 г., Москва⟩

Любезнейший Илья Ефимовичь!

Что это вы вчера не приехали ко мне? неужели Вы расхворались? В субботу у меня были Усов и Третьяков и оба нашли руки в портрете недокончеными, а потому Павел М⟨ихайлови⟩чь с своей стороны предполагает, что Вы еще один сеанс поработаете над руками. Во всяком случае я просил бы вас уведомить меня как о состоянии Вашего здоровья, так и о том, когда Вы думаете посетить меня. Пав⟨ел⟩ М⟨ихайлови⟩чь прямо от меня хотел заехать к вам, — не знаю был-ли он у вас.

А затем при желании Вам всего хорошего остаюсь преданный вам *Пи⟨семский⟩*

18 $\frac{14}{IV}$ 80 г.

851. А. И. ПОСТЕЛЬНИКОВУ

⟨15 апреля 1880 г., Москва⟩

Дорогой Александр Иванычь!

При всем моем желании съездить к Троице я никак теперь не могу этого, ибо лежу с больным горлом и выезжаю только на гимнастику, потом завален корректурой и в третьих в романе мне не придется завозить моих героев в Троицкую лавру. Поклонитесь от меня Евгению Романычу; на Святой непременно к вам заеду.

1880 г.
15 Апреля

Любящий вас
Писем⟨ский⟩

852. Н. П. АЛОВЕРТУ

⟨18 апреля 1880 г., Москва⟩

В восьмой главе метранпаж напутал и неправильно составил столбцы, так что я должен был вырезать и приклеить так, как должно быть напечатано. Вы обратите внимание на это метранпажа и корректора Вашего. Если после 17-го листа много уже оттиснуто чистых листов отдельного издания, то прикажите их выслать ко мне, а затем поздравляю Вас с наступающим праздником и остаюсь преданный Вам *Писемский*

18 Апреля
1880 г.

853. К. А. ШАПИРО

⟨20 апреля 1880 г., Москва⟩

Милост⟨ивый⟩ Госу⟨дарь⟩
Константин Ал⟨ександрови⟩чь

Прежде всего благодарю Вас за выс⟨ы⟩лку мне 2-го выпуска портретной галлереи, а равно и за отдельные портреты мои, из коих сделанный во весь рост очень хорош, но карточки [слабее] неудовлетворительны. Что касается портретов в самом выпуске, то выскажу вам откровенно мое мнение об них: портреты Григоровича и Полонского хороши, хоть того и другого я давно невидал и не могу судить в какой мере они похожи на свои оригиналы; но портрет Островского вам

неудался и я крайне удивляюсь как это могло случиться; ту карточку, которую вы прислали еще прежде Але<ксанд>р<у> Н<иколаевич>у, которую он мне показывал, была отличная, а в выпуске появилось нечто совсем другое, и зачем ему так удлиннили лицо. Граф Толстой, по моему, тоже слишком полон и имеет такую всклоченую бороду, каковая вряд ли у него есть в натуре. Мой же портрет носит на себе те недостатки, которые оказывают<ся> у меня во всех моих фотографических портретах и которые конечно зависят от моего неуменья сидеть. У меня на всех фотографиях выходят какие-то выпученные, испуганные и как бы даже и сумашедшие глаза и может быть потому что я в самом деле, когда меня сажают перед камер-обскурное стекло, то чувствую если не страх, то сильное беспокойст<в>о: Вы бы хорошо сделали, буде это возможно, если бы поручили вашему ретушеру смягчить несколько мой взгляд, который у меня в покойные минуты вовсе не таков. Статью Голоса я еще ранее читал и мысленно поблагодарил издателя этой газеты, как за себя и своих собрато<в>, так и за вас, видимо предпринявшего свое издание никак ужь не ради барышей и авось бог даст Вы будете вознаграждены за ваше доброе намерение и все сделанные Вами затраты более, чем окупятся.

Затем принося Вам мое искреннее уважение остаюсь вашим

покорным слугой

<*Писемский*>

20 Апреля
1880 год.

854. В. ДЕРЕЛИ

<20 апреля 1880 г., Москва>

Многоуважаемый Господи<н> Дерели!

Я позамедлил ответом на ваше письмо потому что поджидал получения Телеграфа, который вчера [получил] и принесли мне; но прочесть из этой серии я ничего не успел, так как у меня сидел целый вечер Ив. С. Тургенев, только что приехавший из Петербурга в Москву. Вероятно перевод Ваш и в этих номерах так же безупречно хорош, как и в пре<ды>-дущих [номерах газеты]. [Роман Мас] Масонов моих мне осталось написать немного, чему я несказанно радуюсь, [так как] ибо работа эта [особенно последнее вре] особенно при содей-

ствии нашей ужасной по непостоян<с>тву весны меня сильно стала утомлять. Мы [зде] теперь готовимся к великому торжеству: 26-го мая будет открытие в Москве Памятника нашему бес<с>мертному Пушкину [,который хоть]; Памятник этот хоть и не очень затейлив и великолепен, но [все таки] зато из под резца художника вышел [очень] весьма изящен и [что] особенно в нем хорошо то, что во всей фигуре Поэта, стоящего на ногах, чувствуется как бы движение, он на пьедестале своем [стоит не окаме<не>лый] не окаменел и хочет как бы двинуться. К великому огорчению моему я по моим недугам не могу принять особенно энергического участия в смысле внешних распоряжений по торжеств<у>, но во всяком случае приду на [торжество] оное с сердцем исполненны<м> радости и с благоговением поклонюсь перед статуей моего великого Учителя, произведениями которого я еще с [14] четырнатцатилетнего возраста питался, как манной небесной.

Напишите, пожалуста, мне ваше откровенное мнение о романе Золя Нана [который я не читал потому что у нас успели ужь его и запретить.] По случаю этого романа [зд] в наше<й> публике происходит что <то> странно<е:> [все б] по большей части все бранят его, но все с любопытством читают.

Письмо это я пишу к вам в самый Христов день, каковой ужь вероятно давно прошел у вас, но [с каковым] с которым я все таки вас поздравляю [с оным] и остаюсь искренно вас уважающий и преданный Вам <*Писемский*>

1880 г.
Апреля 20

855. Н. П. АЛОВЕРТУ

<20 апреля 1880 г., Москва>

Поздравляю и вас с праздником. Корректуру я Вам отправляю в простом, а не в заказном конверте ибо очень обременительно ездить в почтовое отделение и так буду отправлять ее постоянно. Если бы в обычной срок вы не получили ее, то уведомьте меня, ибо я постоянно получивши корректуру в 4 часа в продолжении вечера исправляю ее, а в седьмом часу утра отпускаю уже ее в ящик. Преданный вам

Писемский

1880 года
Апреля 20 д<ня>

856. Н. В. БУГАЕВУ

1880 года Апреля 21 ⟨Москва⟩

Многоуважаемый Ник⟨олай⟩ В⟨асильеви⟩чь

Приношу Вам искренную благодарность за ваше посещение и сегодня собрался было заехать к вам, но увы! больные мои ноги лишили меня возможности добраться до Вас, а потому извиняясь в моей невольной невежливости, поздравляю Вас а равно и супругу вашу с праздником и остаюсь покорнейшим слу⟨гою⟩ *П.*

P. S. В среду вечером ко мне хотел приехать Тур⟨генев⟩, не завернете-ли и вы тоже?

857. М. И. ПИСАРЕВУ

⟨21 апреля 1880 г., Москва⟩

Любезнейший
Мод⟨ест⟩ И⟨ванович⟩

В среду вечером у меня хотели быть Тург. и Остр.; прие⟨з⟩жайте пожалуста и Вы а также не соберется-ли и супруга Ваша, чем премного-бы обязали искренно преданного Вам *Пис⟨емского⟩*

858. Ф. А. ГИЛЯРОВУ

⟨23 апреля 1880 г., Москва⟩

Любезнейший Федор А⟨лександрови⟩чь

В вашей статейке о моем портрете проскользнула важная ошибка. Прежний портрет мой писал не Брюлов, а Перов. Вы хорошо бы сделали если бы оговорили где нибудь эту ошибку. Душевно Вам преданный *П.*

Середа

859. С. А. УСОВУ

⟨24 апреля 1880 г., Москва⟩

Люб⟨езный⟩ др⟨уг⟩ С⟨ергей⟩ Ал⟨ексеевич⟩

Пришли с сей подательницей том Пушкина, где помещена Капитанская дочька, чем крайне и несказано обяжешь меня.

Душевно преданный тебе

Четверг

Писем⟨ский⟩

А. Ф. ПИСЕМСКИЙ

Портрет И. Е. Репина 1880 г. (Третьяковская галлерея)

860. И. Е. РЕПИНУ

⟨24 апреля 1880 г., Москва⟩

Любезнейший И⟨лья⟩ Е⟨фимович⟩

Посылаю вам коротенький отзыв, напечатанный в Совр. Изв. о портрете, написанном Вами с меня. Тут вкралась довольно грубая ошибка, что будто бы первый мой портрет, находящийся в Галлерее Пав. М. Третьякова, написан Брюловым, тогда как его делал Перов. Ошибка эта впрочем в ближайшем же номере будет поправлена.

Четверг
24 Апреля

душевно вам преданный

П.

861. А. Н. БЕРНОВУ

Пятница ⟨25 апреля 1880 г., Москва⟩

М. Г.

Алексей Никаноровичь

При всем желании побывать у вас я сей час узнал, что к Вам довольно высокая лестница, а я с моими больными ногами решительно не в состоянии взбираться по большим лестницам, а за тем принося мое искренное уважение остаюсь вашим покорным слугою *П.*

862. М. П. САДОВСКОМУ

⟨ТЕЛЕГРАММА⟩

⟨26 апреля 1880 г., Москва⟩

Заезжайте в воскресенье в одинатцать часов утра; и мы поедем в парк *Писе⟨мский⟩*

863. М. П. САДОВСКОМУ

⟨ТЕЛЕГРАММА⟩

⟨27 апреля 1880 г., Москва⟩

Дачу беру только поправьте несколько пол и печь заезжайте получить задаток *Писемский*

27 Апреля
1880 года.

864. Н. П. АЛОВЕРТУ

⟨27 апреля 1880 г., Москва⟩

Если встретится в этой главе (IX) препятствие со стороны цензора, то не печатайте бога ради без моего просмотра и пришлите мне.

865. С. А. УСОВУ

<30 апреля 1880 г., Москва>

Любезный друг
Сергей Ал<ексееви>чь!

Вчера [у меня был] ко мне заезжал Тургенев и просил меня передать тебе его извинения в том, что он не дождался тебя для поездки к Шевруду и уехал по довольно важному делу — получить оставшиеся ему после брата деньги и что по возвращении из деревни он непременно будет у Шевруда [и труды котораго он ужь].

Желая тебе всего хорошего остаюсь душевно преданный

1880 г. <*Писемский*>
30 Апреля

866. С. А. ЮРЬЕВУ

<30 апреля 1880 г., Москва>

Любезный друг
Сергей Ан<дреевич>

Вчера у меня был Тургенев и я спешу тебе сообщить такого рода наше общее намерение: оба мы желаем читать в Обществе Любителей Русской <Словесности> и предполагаем так разделить наши [рефераты] доклады: он прочтет об значении Пушкина, как Европейского поэта, я же как об историческом романисте Пушкине, взяв в основание разумеется его Капитан. дочь, и поэтому мы желали бы читать рядом, сначала прочтет Тургенев, а потом тотчас за ним и я, как бы в дополнение ему. Письмо это потрудись передать в Комитет учрежденной при Обществе, дабы об этом заранее было сделано распоряжение.

Затем желая тебе всего хорошего остаюсь душевно преданный тебе <*Писемский*>

30 Апреля
1880 г.

867. М. П. САДОВСКОМУ

<4 мая 1880 г., Москва>

Любезнейший
Михайло Прович.

Я сейчас ездил на дачу Вашу и слышал там, что с завтрашнего дня начнут там поправлять, но все-таки я хочу Вас убедительно просить как можно скорее сделать поправки, осо-

бенно плиты. В следующую субботу я непременно думаю переехать на дачу.

Преданный Вам *Писемский*

4 Мая
1880 г.

868. С. А. ЮРЬЕВУ

⟨5 мая 1880 г., Москва⟩

Милостивый Государь
Сергей Андреевичь!

На письмо Ваше от 2 Мая 1880 г. имею честь отвечать, что в заседаниях Об. Л. Р. С. по поводу открытия памятника нашему бессмертному Пушкину я с великою готовностью приму участие и в одном из сих заседаний предполагал бы прочесть коротенькую статью о Пушкине, как об историч. романисте, имея в этом случае главным образом в виду его Капитанскую дочку.

Затем имею честь пребыть

5 Мая 1880 г.

Вашим
покорным слугою
Писемский

869. В. ДЕРЕЛИ

⟨6 мая 1880 г., Москва⟩

Почтеннейший
Господин Дерели!

Спешу отвечать на ваше любезное письмо, [в коем] и прежде всего приношу Вам благодарность за ваше намерение перевести моих М е щ а н. Что касается до встречаемых Вами затруднений при переводе, то не найдете ли Вы возможным прислать мне краткую выписку [сих трудных] не вполне понятных для вас мест, и я, может быть, как нибудь успел бы облегчить для Вас перевод их. [Что касается до романа] Об романе С ф и н к с я дознал, что автор его Г-жа Дубровина и напечатан он был в 10, 11 и 12 №№ журнала Д е л о за 1877 год; [мне может быть удас<т>ся найти отдельные оттиски этого романа и когда обрету оные тогда я Вам вышлю их, но не думаю чтобы таковые были] отдельного же издания этого романа говорят не было. На открытии Памятника Пушкина я при всех моих недугах, разумеется, буду и даже прочту маленькую статейку об нем, как об историческом

романисте в прозе, т. е. собственно говоря об его Капитанской дочке.

Тургенев был в Москве, уехал теперь в деревню и скоро опять к нам вернется; он бодр и свеж, каким я давно его не видал.

А за тем, [же] [принося мое уверение в] с искренним уважением пожимая вашу руку остаюсь вам преданный

1880 г. [*П*]
6 мая.

870. Н. П. АЛОВЕРТУ

<7 мая 1880 г., Москва>

Опять путаница со стороны вашей типографии: мне прислали корректуру 12-й и 13-й глав, между тем как 10-й и 11-й у меня не было на просмотре, а потому прошу Вас убедительно исправить эту ошибку типографии немедленно, и прислать мне для просмотра 10-ю и 11-ю главы. Письмо сие пишу к Вам 7 числа, а завтра вышлю Вам корректуры 12-й и 13 глав. Преданный Вам *Писемский*

7 Мая 1880 г.

871. В. А. ФЕДОРОВСКОМУ

<9 мая 1880 г., Москва>

В. А., заходите ко мне взять бюст мой, изготовленный для вас. *Пи<семский>*

9 Мая 1880 г.

872. С. А. УСОВУ

<9 мая 1880 г., Москва>

Люб<езный> д<руг> Сер<гей> А<лексеевич>

Одолжи мне, пожалуста, те томы сочинений Пушкина, где помещены его стихотворения К морю, К Вельможе, стихотворение у Русского царя в чертогах есть палата, а также и Каменный Гость, чем крайне обяжешь душевно преданно<го> тебе *П.*

9 Мая 1880 г.

873. В. А. ДАШКОВУ

<9 мая 1880 г., Москва>

Милостивый Государь
Василий Андреевичь

Пользуясь вашим благосклонным дозволением я имею честь представить при сем в Румянцовский музей рукописный черновой экземпляр I, II, III и IV частей романа моего

Масоны с таковым пояснением, что V часть я доставлю тотчас по окончании ее мною.

Затем прося принять уверения в совершенном моем уважении и преданности остаюсь

вашим
покорнейшим слугою
Писемский

874. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

⟨10 мая 1880 г., Москва⟩

Любезный друг,
Александр Николаичь

Вчера у меня был Ковалевский (один из распорядителей празднования открытия Памятника Пушкину) и он мне сказал, что 26 мая будет обед, на которой вместе с другими литераторами тебя и меня пригласят как почетных гостей, значит, подписываться тебе не нужно. 27 назначено утреннее заседание общества Любителей Русской Словесности, того же 27 — вечернее заседание, а равно 28 числа утреннее и вечернее заседание общества. Читать может каждый по выбору или за обедом, или в какое пожелает заседание,— вот пока все, что я узнал и о чем спешу тебя уведомить.

За тем дружески пожимая твою руку остаюсь преданный тебе *Писемский*

10 Мая
1880.

Посылаю тебе объявление от общ. Люб. Ру⟨сской⟩ С⟨ловесности⟩.

875. М. М. КОВАЛЕВСКОМУ

⟨10 мая 1880 г., Москва⟩

Почтеннейший
Максим Максимычь!

Сей час я получил от Г-жи Хвощинской (псевдоним ее В. Крестовский) письмо, которым она просит меня доставить ей билет на имеющееся последовать заседание Общ⟨ества⟩ Люб. Рус. Словес., что я конечно и исполню, но независимо от того я полагал бы что комитету следует ей тоже послать от себя один билет из числа, которое назначено для писателей, ибо Г-жа Хвощинская есть одна из крупнейших женщин

писательниц. Адрес ее таковой: В Рязань д. Хвощинской Надежде Дмитревне Заиончковской. Сыну моему потрудитесь передать как вы намерены распорядиться.

1830. преда<нный> ва<м>
10 мая.

Писем<ский>

876. Н. Д. ЗАИОНЧКОВСКОЙ

Мая 10 1880 г. <Москва>

Многоуважаемая
Надежда Дмитревна

Билет я для Вас оставлю, но независимо от того [Вам вероятно и Комитет распоряжающийся заседаниями Общества Любителей Русской Словесности пришлет билет [и не один [вероятно] а несколько, так как вы будите одною из самых почетнейших гостей сего празднества.

Прося затем принять уверения в совершенном моем уважении остаюсь вашим покорным слугой

<Писемский>

877. Н. П. АЛОВЕРТУ

<10 мая 1880 г., Москва>

Корректуру X и XI <глав> я получил и возвращаю оную, но она мне прислана была без второго экземпляра [корректуры X и XI глав] каковой и прошу Вас убедительно выслать мне, а также и отпечатанные листы отдельного издания начиная с 18 листа.

10 Мая
1880 г.

878. В. ДЕРЕЛИ

<12 мая 1880 г., Москва>

Почтеннейший Г-н Дерели!

Вчера я получил ваш переводец [который уже и пробежал]. Не могущий конечно оценить [собственно] достоинств французского языка в вашем переводе я в то же время должен сказать, что вы до такой степени близко [переводите] передаете меня, что я как будто бы читаю свои собственные выражения. Посылаю Вам при сем статейку из [газеты] Моск<овских> Вед<омостей>, в которой говорится о предстоящем празднестве в дни открытия Памятника Пушкину — не найдете-ли вы возможным перевести эту статейку и [напечатать]

поместить ее в какой либо газете французской в качестве известия. Из статейки же этой я увидал, что к нам на праздник хочет приехать Г. Рамбо. Не соберетесь-ли и вы сделать то же и, господи, сколь бы много вы обрадовали меня этим. За тем крепко и дружески пожимая вашу руку [и извиняясь, что пишу не своей дланью, которая опять начал⟨а⟩ у меня болеть,] остаюсь

1880
мая 12.

душевно преданный Вам
⟨*Писемский*⟩

879. В. ДЕРЕЛИ

⟨12 мая 1880 г., Москва⟩

Почтеннейший господин Дерели!

В дополнение к сегодняшнему письму моему пишу еще послание к Вам: сейчас только получил я известие, что к Вам послано от Общ. Люб. Рус. Сл. письмо с просьбою приехать и участвовать в нашем торжестве, что во мне еще более укрепляет надежду на свид⟨ание⟩ с Вами и если такое к великой радости моей состоится, то я убедительно прошу Вас нигде не останавливаться как у меня и хоть я вероятно буду уже на даче, но это все равно, я прошу Вас пожить и на даче у меня в совершенно особом отделении моего сына и вы в этом случае поступите так: прибыв в Москву наведайтесь первоначально в моем доме на Поварской в Борисоглебском пер. и если Вам скажут, что я уже на даче, то Вы с Вашим багажем поезжайте ко мне на дачу, края находится в весьма недальнем расстоянии от Москвы, а именно в Петр⟨овском⟩ Парке, на Старой Башиловке, на даче актера Садовского, где я и встречу Вас с распростертыми объятиями. Дача моя как я сказал находится весьма близко от Москвы и неболее как в двацати минутах езды от города. Кроме того из Парка беспрерывно ходят в Москву дилижансы конножелезной дороги. И так, пока до свидания, на крое я крепко расчитываю.

12 мая
1880 г.

Душевно Вам
преданный *Писемский*

P. S. Письма Ваши впредь до уведомления от меня прошу Вас адресовать по прежнему в дом мой.

880. *Н. П. АЛОВЕРТУ*

⟨15 мая 1880 г., Москва⟩

Почтенней⟨ший⟩
Николай Павлычь!

Я переехал уже на дачу и поэтому Вы потрудитесь корректуру а равно и письма ваши адресовать по нижеследующему адресу: в Москву, в Петровской Парк, на Башиловку, на дачу артиста Садовского и на мое, разумеется, имя. Я с неделю тому назад послал вам 10-ть глав пятой части моего романа, но уведомления, что вы получили сказанные главы, до сих пор я не имею и потому убедительно прошу вас уведомить меня о том, а также сделать и распоряжение о высылке мне денег. Огонек тоже прошу вас высылать мне по вышесказанному адресу.

Затем пожимая вашу руку остаюсь душевно преданный вам *Писемский*

15 мая
1880 г.

881. *В. ДЕРЕЛИ*

⟨15 мая 1880 г., Москва⟩

Почтенней⟨ший⟩
Господи⟨н⟩ Дерели!

Я переехал уже на дачу, а потому прошу ваши письма и бандероль адресовать мне по нижеследующему адресу: в Москву, в Петровский Парк, на Башиловку, на дачу артиста Садовского.

За тем питая себя приятной надеждой увидаться лично с Вами остаюсь дружески пожимая вашу руку

15 мая
1880.

Пи⟨семский⟩

882. *Н. П. АЛОВЕРТУ*

⟨16 мая 1880 г., Москва⟩

Почтеннейший
Николай Павловичь.

Я писал вам о том, что переехал в Петровский Парк, но опасаюсь, что письмо это по случаю неустановившейся почты не дойдет до вас а потому снова повторяю Вам об этом. Нынешний мой адрес, таков: в Москву, в Петровский Парк,

на Башиловку, на дачу Садовского, куда и прошу вас адресовать корректуру а также и Огонек.

1880 года
мая 16.

Преданный вам

Писе⟨мский⟩

883. Ф. И. БАРАНОВИЧУ

⟨17—18 мая 1880 г., Москва⟩

Открытие памятника Пушкину отложено, но все таки я посылаю Вам два билета на 1 и 2 чтения; билеты эти будут действительны когда бы чтения не состоялись. В [четверг] среду заеду к Вам поутру между 11 и 2-мя часами. Преданный Вам ⟨*Писемский*⟩

884. М. М. КОВАЛЕВСКОМУ

⟨18 мая 1880 г., Москва⟩

Почтеннейший
Максим Максимычь!

Опять к вам с покорнейшей просьбой: будут-ли нам выданы на 27 и 28 мая билеты и если будут то в каком числе и где, а равно и от кого я могу их получить? Разузнайте бога ради об этом и уведомьте меня, адресуя мне письмо таким образом: в Петровский Парк на Башиловку на дачу артиста Садовского; марку положите пятикопеечную, ибо это город. Исполнением моей просьбы вы крайне и несказанно обяжете душевно вам преданного *Писе⟨мского⟩*

1880 года
мая 18 дня.

P. S. Убедительно также прошу вас уведомить меня, когда назначается предварительное чтение, у кого и будут ли разосланы к нам повестки, если будут таковые, то пусть мне адресуют по сказанному адресу а то в городе я почти не бываю.

885. А. Н. ВИШНЕВСКОМУ

⟨23 мая 1880 г., Москва⟩

Я письмо ваше касательно получения билетов препроводил к Льву Иванычу Поливанову, который распоряжается оными. Адрес г. Поливанова на Пречистенке, дом Степанова.

За тем прося принять уверение в совершенном моем уважении имею честь быть вашим покорным слугою

⟨*Писемский*⟩

886. Л. И. ПОЛИВАНОВУ

<23 мая 1880 г., Москва>

Милост<ивый> Г<осударь>
Лев Иваныч

Имею честь препроводить на ваше расспоряжение письмо Г. Вишневского, Адьютанта Генерал-Губернатора, и вместе с тем, благодаря за присылку мне билетов, имею честь пребыть

Вашим
покор<ным> слугою
<*Писемский*>

23 мая
1880.

887. Н. П. АЛОВЕРТУ

<23 мая 1880 г., Москва>

Почтеннейший Николай Павлович

Понять не могу на мои три письма вашего молчания, каковое крайне меня беспокоит — неужели не дошли к вам ни моя рукопись, ни мои письма, и полагая, что, может быть, Вы в отлучке из Петербурга я уже вместе с этим письмом пишу Г. Гоппе, а все таки независимо от того снова повторяю Вам мои просьбы: во 1-х) уведомить меня получены-ли 10 глав пятой части, во 2) сделать распоряжение об уплате мне, согласно заключенному нами условию, впредь до окончательного расчета *тысячи рублей* и 3) посылать мне корректуру и письма не в городской дом мой, в котором я, переехав на дачу, весьма редко бываю, а по нижеследующему адресу: в Москву, в Петровский Парк, на Башилову, на дачу [артиста] актера Садовского на мое имя.

В ожидании, что вы по крайней мере на это письмо мне ответите, остаюсь преданный Вам <*Писемский*>

23 мая
1880 г.

P. S. Чистого оттиска моего романа я вчера получил до 26 листа включительно.

888. Г. Д. ГОППЕ

<23 мая 1880 г., Москва>

Почтеннейший [Г-н Гоппе!]
Герман Дмитричь!

Недели две тому назад мною отправлены в редакцию Огонька десять глав 5 части романа моего Масоны, т. е.

две трети оной части, с просьбой выслать мне согласно заключенному нами условию впредь до окончательного расчета *тысячу руб.*, но и до сего времени я от Николая Павловича Аловерта не имею никакого ответа как в отношении того, что рукопись моя получена, так и касательно распоряжения об уплате мне тысячи рублей, а потому полагая, что Нико<лай> П<авлович>, может быть, в отсутствии, пишу уже к Вам письмо, в коем повторяю мои просьбы: 1) уведомить меня получена-ли рукопись, 2) выслать мне просимые мною тысячу руб. и наконец 3) высылать мне коррект<уру> и письма не в городской мой дом, в котором я, переехав на дачу, бываю весьма редко, а по нижеследующему адресу: *в Москву, в Петровский Парк*, на Башиловку, *на дачу Артиста Садовского, на мое имя.*

В ожидании вашего ответа имею честь быть

Вашим покорным слугою

<*Писемский*>

1880 г.
мая 23.

889. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

23 мая 1880 г. <Москва>

Любезный друг,
Александр Николаичь!

Спешу тебя известить, что я сейчас прочел телеграму о смерти императрицы, а также и распоряжение сдешнего генерал губернатора, которое и прилагаю тебе в подлиннике

Любящий тебя

Писемский

890. А. И. ПОСТЕЛЬНИКОВУ

<24 мая 1880 г., Москва>

Почт<еннейший> А<лександр> И<ванович>

Заезжайте как нибудь ко мне на дачу; адрес ее нижеследующий: Петровский Парк, Башиловка, дача актера Садовского. Досвидания

ваш

Пи<семский>

суббота
1880 г.
24 мая.

891. О. А. ЧЕКМАРЕВОЙ

〈26 мая 1880 г., Москва〉

Я хотел к вам приехать в Институт в четверг, но сей час справившись в календаре вижу, что в четверг праздник т. е. Вознесенье, а потому я буду у вас в среду в Институте между 11-ю и 1 часом. Досвидания,

пред〈анный〉 вам *П.*

Понедел.
26 мая.

892. Н. П. АЛОВЕРТУ

〈26 — 27 мая 1880 г., Москва〉

Обратите внимание — перепутаны страницы — там, где следовало быть напечатанной 494 странице напечатана 495, а на месте 495—494. *Пи〈семский〉*

893. Ф. И. БАРАНОВИЧУ

〈27 мая 1880 г., Москва〉

Хоть и отменено открытие Памятника Пушкину, я все таки завтра т. е. в среду вечером заеду к Вам, если только погода или что либо особенное не остановит меня.

894. Е. И. БЛАРАМБЕРГ

1880 года, мая 30 〈Москва〉

Милейшая Елена Ивановна!

Спасибо Вам за весточку, которую Вы дали об себе. Что касается до нас, то все мы живы и здоровы и собственно я лично весь поглощен предстоящим празднованием открытия памятника Пушкина. Это, положа руку на сердце могу я сказать, мой праздник и такого уж для меня больше в жизни не повторится. Обо всех приготовляемых торжествах Вы вероятно читаете в газетах и желательно одно, чтобы они прошли не с обычною русскою бестолковостью. В Москву съехалось очень много моих приятелей и знакомых и меня почти каждый день кто нибудь из них посещает на даче где я теперь живу: а именно в Петровском Парке, на Башиловке, на даче актера Садовского. Иван Сергеевич Тургенев тоже здесь, но болен, и я опасаюсь, что не хуже-ли, чем обыкновенно он болеет, потому что у него, говорят, не подагра теперь, а ревматизм в спине. Еду нарочно в город

сегодня, чтобы повидать его. Душевно радуюсь, что мои Масоны нравятся в Ваших местах. Я почти дописал этот роман до конца, но печататься он, вероятно, будет еще долго. В водовороте напечатано в Париже в Телеграфе две уже части и осталась только последняя часть. Сверх того Дерели теперь переводит моих Мещан, которые тоже будут помещены им в Телеграфе. Вот Вам все мои новости, более коих я, сидя в моей уединенной дачьке, ничего не ведаю и затем дружески пожимая вашу руку, остаюсь

искренно преданный Вам

Писемский

P. S. Жена и сын Вам кланяются.

895. И. С. ТУРГЕНЕВУ

⟨Конец мая — начало июня 1880 г., Москва⟩

Мой дорогой Иван Сергеевичь!

Посылаю вам письмо Дерели, из которого Вы усмотрите, чего он не понимает, а также и выписку тех двадцати строк, кои он совершенно уже не уразумел. Я с своей стороны полагаю всего лучше [совершенно] совсем выкинуть это место, так как оно намекает на весьма маленкое событие, а именно на тот адрес, который некогда был [послан нашею] отправлен здешнею думою в Питер, где и был прихлопнут. Хлопотать о том, чтобы все это выяснилось в француском переводе, по моему, труд лишний и [напрасный] бесполезный; но все предыдущие места вы [потрудитесь] по бесконечной вашей доброте переведите, бога ради, и каковы они должны быть меня уведомьте.

Дачный адрес мой Вам известен. Остаюсь дружески пожимая Вашу руку *Писемский*

896. Н. П. АЛОВЕРТУ

⟨2 июня 1880 г., Москва⟩

Мне всего был прислан один экземпляр корректуры 2 главы; прикажите мне выслать другой экземпляр, а то мне потом и справиться будет непочем. Буквальные ошибки потрудитесь приказать вашему корректору просмотреть внимательней, а то сам я плохо вижу; корректор же мой в городе и я не могу его скоро вызвать *Пис⟨емский⟩*

Июня 2
1880.

897. Л. И. ПОЛИВАНОВУ

<3—4 июня 1880 г., Москва>

На при<го>товительном [чтении] собрании я не буду, но расчитывайте так: на утренн<ем> собрании я буду читать статью о Пушкине, как историческом романисте, и чтение это займет времени около получасу; в 1-м вечернем заседании готов прочесть Гусара Пушкина, а во втором Полководца.

898. Н. П. АЛОВЕРТУ

<7 июня 1880 г., Москва>

По случаю празднеств посылаю Вам пока только III главу; IV отпущу в ящик завтраш<ний> день. *Пи<семский>*

Июня 7 1880 г.
Суббота.

899. В. ДЕРЕЛИ

<7 июня 1880 г., Москва>

Почтеннейший Г-н Дерели!

Я позамедлил Вам писать [по случаю хлопот] занятый хлопотами, которые все таки возникли для меня по случаю открытия памятника Пушкину, которое наконец совершилось [вчерашняго числа т. е.] 6 Июня. Печатные описания всех наших торжеств я буду высылать к вам под бандеро<ле>м когда их накопится порядочное количество. Теперь же пока перехожу собственно к нашему делу касательно Мещан: фразу, что желаете получить лавки можно перевести так: que vous desirez avoir les boutiques (magasins) qui lui appartiennent; фраза: гнет дуги не парит — сломает не тужит приблизительно [значит следующее: il ploie la poudre sans la cuire à la vapeur et s'il la brise, ne regrette pas; слова: неотсталое - заметь — Mais non ce qui est arrière, faites attention; [выражение:] [чтоб объяснить] Для объяснения вам выражения: о, я тебе скажу, у нас везде Матери Митрофании нужно Вам сказать, что в последние дватцать лет правительством нашим утверждено и разрешено множество общественных учреждений и Управлений, так например дозволено множество акционерных обществ, дано самоуправление городским думам и всем Земским Управлениям; щедрой рукой также разрешались и благотворительные учреждения

и к стыду нашему мы должны сознаться, что все эти вновь возникшие учреждения обнаружили в членах своих великую наклонность и способность мошенничать и воровать, чему ярким экземпляром явилась между прочим некая Игуменья Мать Митрофания, устроившая на сбор пожертвований общину для Сестер Милосердия; но так как этих пожертвований на ее затеи по устройству общины, а еще более того на расходы по собственной жизни оказалось недостаточно, то она первоначально стала прибегать к заимам, но [так как] и этого однако было мало и Мать Игуменья принялась выпускать фальшивые векселя на имена разных капиталистов, в каковой деятельности своей она была наконец поймана, судима и [наконец] сослана ныне. [Вместе с тем] Почти одновременно с этим и другие общественные учреждения начали проделывать штуки, пожалуй, еще почище матери Митрофании, а потому они и стяжали себе прозвище: *Мать Митрофания 2-го номера, Мать Митрофания 3-го номера и так далее.* Что касается до места в монологе Купца Хмурина вас затруднивше<го>, я бы с своей стороны полагал совсем выпустить его, ибо оно намекает на довольно частный случай, а именно некоторые члены здешней Думы (главным образом Славянофилы) задумали некогда послать адрес государю с ходатайством свободы печати, свободы, кажется, церкви, и [в] адрес написанный в довольно резких выражениях. Сочиняя этот адрес они очень хорошо знали, что в Петербурге его прихлопнут; но зачем же спрашивается они [это делали] писали его? А для того чтобы, как говорит Хмурин, показать себя публике, что вот де мы какие смелые либералы. [Но] Во всяком случае, почтеннейший господин Дерели, обо всех этих переводах фраз, а равно и об исключении [вы] я просил бы вас переговорить с Тургеневым, который через две недели будет в своем Буживале и обещался мне дать вам объявление по поводу всех недоразумений, какие бы вы не встретили в романе. А за тем прощайте — сей час еду читать [в] свою статейку в Общества Любителей Русской Словесности.

Искренно уважающий вас

Писемский

P. S. Сей час только получил с почты 3 серию вашего пере<во>да моего романа В Водовороте.

900. *Ф. Н. БЕРГУ*

⟨8 июня 1880 г., Москва⟩

Любезнейший Федор Ниоклаичь!

Надеюсь что Вы не сомневаетесь что я имея что либо в моем портфеле не заговоренным и начатым не пожелал бы участвовать в вашем журнале, но к сожалению пока ничего такого нет и я весь в настоящее время занят окончанием моего романа Масоны; последние дни впрочем мы поглощены празднованием открытия памятника Пушкину и целые дни говорим речи, читаем его произведения, обедаем и пьем и как отлично выразился Островский радуемся потому так, что это на нашей улице праздник.

Затем дружески пожимая вашу руку остаюсь преданный

Вам

Писемский

1880 года
Июня 8

901. *А. И. ПОСТЕЛЬНИКОВУ*

⟨14 июня 1880 г., Москва⟩

Мой дорогой А⟨лександр⟩ И⟨ванович⟩

Опять к вам с юридическим вопросом: до новых Судебных Узаконений действительно-ли по прежним законам нельзя было сажать в яму лиц, служащих при Министерстве Двора, т. е. камер-генералов, камер-юнкеров и так далее. Справтесь об этом, голубчик, в суде и уведомьте меня, чем крайне и несказанно обяжете душевно Вас любящего *П.*

14 Июня
1880.

902. *Ф. Ф. ПОПУДОГЛО*

15 Июня 1880 г. ⟨Москва⟩

Почтеннейший
Федор Федосеевичь!

Вы вероятно бываете в Петровском Парке, а потому посетите меня когда будите в оном. Мне крайне нужно переговорить с Вами касательно редакции Огонька [которая почти не отвечает мне на мои письма.] Живу же я в Парке, на Старой Башилове, на даче актера Садовского. В ожидании, что вы, по вашей доброте посетите меня остаюсь преданный Вам ⟨*Писемский*⟩

P. S. Кроме вечера середы я все вечера бываю дома.

903. В. ДЕРЕЛИ

⟨19 июня 1880 г., Москва⟩

Почтеннейший Г-н Дерели!

Я роман Золя получил, равно как и два номера Телеграфа, за что и приношу Вам мою великую благодарность. Что касается до моего романа В водовороте, то мною получено вашего перевода до фельетона 10 Июня, 1880 г., в коем напечата⟨на⟩ 2 глава 3 части, оканчивающаяся фразой: mais suffisante pour aller attendre plaie à Petersbourg. [И] Буду с нетерпением ожидать получить [и] остальное [окончание]. [За приглашение] На предложение[же] Г. Езерского доставлять ему корреспонденции я к сожалению должен объяснить нижеследующее: [обстоятельства] во первых я никуда [во всю жизнь мою] ни в одну газету не писал корреспонде⟨н⟩ции, и все какие у меня были накоплен⟨ы⟩ мысли политического [и], нравственного и умственного содержания, все⟨х⟩ их я выражал исключительно в моих романах; [котор] кроме того в настоящее время [я] и по образу моей жизни, который я веду благодаря моим недугам, не могу взятся за такого рода дело. Читаю я по слабости моего зрения весьма мало; никаких общественных и [удовольство] увеселительных сборищ не посещаю, потому что толпа на меня производит одуряющее впечатление и доводит почти до обморока; видаюсь у себя дома тоже в весьма малым числом друзей — согласитесь, что при таких данных я не могу ⟨?⟩ быть подробным, интересным и добросовестным корреспондентом, не говоря уже и о том, что после [пяти частей] такого большого романа как мои Масоны мне необходим отдых, полный, совершенный [и отчужденн⟨ый⟩ от всякого умственного труда, но если бы меня и снова [обратило] потянуло к [занятиям] нему, то у меня есть несколько небольш⟨их⟩ начатых вещей, [что] которые я [пожела] должен кончить.]

[А] За тем, искренно желая вам преодолеть трудности Мещан, в чем, еще раз повторяю, Тургенев готов оказать [Вам] [полную] всевозможную помощь, остаюсь

глубоко вас уважающий

⟨*Писемский*⟩

19 Июня
1880.

904. В РЕДАКЦИЮ РУССКОЙ МЫСЛИ

〈19 июня 1880 г., Москва〉

Из прилагаемого при сем письма ко мне Г. Поливанова Редакция усмотрит, что он просит меня доставить ему для описания празднеств по поводу открытия Памятника Пушкину мою статейку, но так как [статейка моя] она довольно велика, то ее следует отправить посылкой, ехать с которой мне в Почтамт с дачи совершенно невозможно, а потому пре〈про〉вождаю сказанную мою статью в редакцию Русской Мысли для отправления оной к Г. Поливанову, который пишет мне, что описание это собственно готовится для Русской Мысли.

905. Н. П. АЛОВЕРТУ

〈20 июня 1880 г., Москва〉

Любезнейший Николай Павловичь!

В письмах к Вам, а равно и в письме к Г. Гоппе я просил об уплате мне тысячи рублей, но до сих пор не получаю на сей предмет ни от Вас и ни от Г. Гоппе никакого уведомления. Предполагал, что Вы приедете на открытие Памятника и тогда я получу от Вас ответ, но и того однако не было; между тем я весьма нуждаюсь в деньгах, ибо у меня пошли постро〈й〉ки по дому и наступили срочные платежи в Страховое общество и в Думу, а потому я убедительно прошу Вас и Г. Гоппе выслать мне просимую мною тысячу рублей и я в этом случае желаю получить не вперед, так как в условии нашем с Г. Гоппе сказано, что он обязывается уплачивать мне по мере доставления от меня материала, которого мною доставлено на большую сумму, чем я прошу [уплатить мне.] Надеюсь что [Вы и] г. Гоппе исполнит мою прозьбу тем более, что в Конторе вашей мне говорили, что к 1-му Июля сего года там накопится тысяча рублей, каковая и может быть мне уплачена. Романа моего мне осталось дописать всего одна глава [и коротенький эпилог].

Затем остаюсь преданный вам *Пи〈семский〉*

20 Июня
1880.

906. В. ДЕРЕЛИ

<23 июня 1880 г., Москва>

Почтеннейший Г-н Дерели!

Спешу Вам хоть коротенько ответить на ваше письмо от 26/14 июня. Очень рад, что мои растолкования оказались для вас удовлетворительными и покорнейше прошу Вас на будущее время спрашивать меня обо всем, что только вы найдете нужным, я через день же буду отвечать на все ваши запросы. Фельетоны В Водовороте я акуратно получил и ошибся писав Вам, что получил три серии, оказывается, что я получил их четыре. Желая Вам всего лучшего остаюсь дружески пожимая вашу руку *Писемский*

1880 года
23 Июня

907. В. А. ФЕДОРОВСКОМУ

<26 июня 1880 г., Москва>

Милейший Виктор Александро<вич!>

Не свободны ли Вы сегодня вечерком посетить меня дабы обвести сделанные мною поправки в XI и в XII главах в чистом экземпляре; когда пойдете, то захватите с собой черновой экземпляр XI, XII и XIII глав, в каковые тоже надобно перевести поправки, а также принесите и беловой экземпляр XIII главы, сколько бы не было ее у Вас написано.

1880
26 июня
четверг.

Ваш *Писе<мский>*

908. Н. П. АЛОВЕРТУ

<28 июня 1880 г., Москва>

Любезнейший Нико<лай> Павловичь!

Я получил письмо от вас, в котором вы уведомляете меня, что Г. Гоппе обещается уплатить мне тысячу рублей в половине Июля сего года; на таковую отсрочку я согласен, но с таковой лишь просьбой с своей стороны, чтобы к вышесказанному числу мне непременно получить просимую мною сумму, так как до этого только времени я могу сам отсрочить мои неотложные платежи в Думу и главное рабочим, которые, как, может быть, вы знаете, дня не терпят неуплаты и сей час же сойдут с работы, а это лишит меня

постояльцев, что весьма серьезно треснет меня по карману. Надеясь, что г. Гоппе исполнит свое обещание, остаюсь преданный вам *П.*

1880 июня 23.

P. S. Потрудитесь приказать мне выслать все на чисто отпечатанные оттиски романа, коих мною пока что получено до 26 листа включительно.

909. А. И. ПОСТЕЛЬНИКОВУ

⟨ТЕЛЕГРАММА⟩

⟨23 июня 1880 г., Москва⟩

Приезжайте завтра обедать к двум часам Павел имянинник *Писемский*

910. Н. П. АЛОВЕРТУ

⟨30 июня 1880 г., Москва⟩

Любезн⟨ейший⟩ Ник⟨олай⟩ П⟨авлович⟩

Посылаю Вам крупные перемены, которые я сделал сообразно ходу романа в 7-й и 8 [и 9] главах моего романа и вот они: в 7 главе начиная со слов между тем после переданнаго мною до слов количество ли вина велите все исключить; В той же главе от слова на котором до слов сошью тебе изменить так: „но если ты мне будешь служить не с усердием то я с тобой строго распоряжусь и ⟨...⟩“ В той же главе от слов и ближе к смерти до слов глаза поручика изменить так: обоих своих товарищей был по своей наружности отставной поручик; он являл собою как-бы ходячую водянку, которая, кажется, каждую минуту была готова брызнуть из под кожи; ради сокрытия того, глаза поручика еще с раннего утра ⟨...⟩ В 8 главе от слов вдыхать в себя до слова спускается под гору изменить так: почти не чувствуя что ему приходится все ниже и ниже спускаться;

В той же 8 главе со слов: он решил убить себя до слов ко мне любви заменить так: или убью себя или с ума сойду.

Сусанна Николаевна и на это молчала.

— Но если ужь в вас нисколько нет любви ко мне, продолжал Углаков трепетным голосом

В той же 8 главе со слов *можно здесь спросить* до слов *порыв молодого сердца* изменить так: возможен здесь вопрос: Сусана Н<иколаев>на поэтому совершенно разлюбила мужа? Ответ на это более ясный читатель найдет впоследствии и теперь достаточно сказать, что Су<сан-на> Н<иколаевна> продолжала любить мужа, но то была любовь пассивная, основанная на уважении к уму и к благородству Егор<а> Е<горыч>а, любовь поддерживаемая доселе полным согласием во всевозможных взглядах; чувство-же к Угл<ако>ву выражало <...> В той-же 8 главе от слов *забормотал про себя* до слова *переговорить* изменить так: чтожь это такое? болтовня обезумевшей старухи или пророчество и должный удар в мою совесть? Я знаю теперь и чувствую сколько виноват и все от того, что возмнил опять об себе! Все чувствуйте, как я чувствую, а не как они, сколь не велики мои грехи, но неужели [справедливость божья не накажет меня] милосердый бог назначит мне еще новое уже невыносимое для меня испытание и умру не я, а Сусан<на>? При этой мысли Е. Е. почти совершенно обезумел: не давая себе отчета в том что делал он велел Антипу И<льи>чу позвать Сусан<ну> Н-вн<у>, что бы сколь [ко] возможно откровеннее <...> В той же 8 главе после слова *воскликнул* до слов *кроме меня* изменить так:

— Значит я загубил тебя

— Когда и чем ты загубил меня? воскликнула Су. Н.

— Тем, что ты все больна [настаивал] бормотал Е. Е.

— Нет, нет, [говорила] отвечала ему торопливо Су. Н., ты не думай нисколько, что я больна и будь прежде всего покоен за меня; ты нужен еще для многих добрых дел <...> В той же 8 главе со слова *страдания* до самого конца главы изменить так: и что он причиной сих страданий.

Все эти изменения прикажите тому лицу, кто у вас сим заведует, внести в текст, дабы не затруднить типографию поправками после набора. Через два или три дня я вам вышлю крупные поправки следующих глав; если только таковые встретятся там.

Предан<ный> В<ам>

Писе<мский>

30 Июня
1880

911. А. И. ПОСТЕЛЬНИКОВУ

〈Первая половина июля 1880 г., Москва〉

Мой дорогой А〈лександр〉 И〈ванович〉

Вчера у меня был Беркут, освидетельствовал Павла подробнейшим образом и ничего в нем не нашел кроме желудочного катара и в следствии этого некоторое нервное растройство. Спешу вас уведомить об этом, зная, какое участие вы, по вашей доброте, принимаете в Пав〈ле.〉 Ваш *П.*

Заезжайте как нибудь к нам.

912. Н. П. АЛОВЕРТУ

〈Первая половина июля 1880 г., Москва〉

Любезнейший Николай Павловичь

Посылаю вам изменения в дальнейших главах моего романа; в главе 9-й не будет никаких крупных изменений; но в 10 они нижеследующие: со слов которою заведывал частный пристав до слов: воскликнул с полукомическим оттенком частный пристав следует изменить так:

— У меня есть картина-с, гравюра очень хорошая и на ней изображены греки или римляне, я ужь не знаю, но представляю, что они обедают и не сидят, знаете, по наше〈м〉у за столом, а лежат.

— То есть возлежат! поправил его молодой ученый.

— Но ведь тут может быть и начальство какое нибудь есть; неужели же они и перед начальством-то возлежат. В той же 〈главе〉 с слова кофейной, до слов теснее сблизиться изменить так: в сущности частный пристав соврал, что настоящий день был днем его рождения: он только желал еще 〈...〉 В 11 главе со слов был послан Антип Ильичь — до слов — Ну-с, барыня моя изменить так: Сусанна Николаевна пришла. Крупные перемены в следующих главах я вышлю дня через три.

913. В. ДЕРЕЛИ

〈Первая половина июля 1880 г., Москва〉

Почтеннейший

Господин Дерели!

Посылаю Вам ответы на ваши вопросы и если бы они показались Вам неполны то потрудитесь еще раз спросить

меня и нам удас<т>ся, может быть, еще подробнее [и яснее объяснить] разъяснить Вам.

[5] [6 вопрос ваш] Затруднявшее вас место совершенно правильно Вами переведено и [для лучшего] только для большего разъяснения я [должен] могу прибавить, что у нас до сих пор еще жидов очень презирают и несколько лет тому назад наши офицеры [в Виль<но>] весьма часто в грязь ловили [жидов] жида за шивороток, вскакивали ему на плечи и заставляли [перетаскивать себя] переносить себя через [грязь] улицу.

[P. S. Для разъяснения] Что касается д<о> 3-го вашего вопроса, то я должен сказать, что намерение Грохова [состоит] состояло в том, чтобы взыскать по дешево-купленым векселям с имения Олуховых а [с другой] потом — чтобы поживится и на конкурсе, которые, когда у нас устраиваются, то от этого пользы никакой не бывает ни кредиторам, ни должнику, а только наживаются и воруют себе в карман члены конкурса.

За тем дружески жму Вашу руку и [спешу дописать письмо, чтобы отправить его на почту] остаюсь

уважающий Вас

Писемский

914. В. ДЕРЕЛИ

<17 июля 1880 г., Москва>

Почтеннейший
Г. Дерели

Я получил окончание Вашего перевода моего романа и по странному стечению обстоятельств почтальон подал его мне в ту минуту, когда я дописал последние слова Масон. Получили ли вы мои ответы на ваши вопросы и показались <ли> они для вас достаточно удовлетворительными, а также весьма желательно было бы знать, где вы предполагаете напечатать Мещан. Теперь летнее затишье всюду и письмо это не найдет вас м<ожет> б<ыть> в Париже, а потому не распространяясь боле<е> остаюсь искренно вас уважа<ющий>

<*Писемский*>

17 июля 1880.

915. Н. П. АЛОВЕРТУ

<18 июля 1880 г., Москва>

В IV части моего романа прошу сделать нижеследующие изменения. В главе 12 после слов *пустые и глупые* до слов *в тоже время* изменить так: — *Не знаю, чтобы это пустоту женщины свидетельствовало, а скорее показывает ее чистоту, возразил Егор Е<горы>чь, видимо имевший некоторое предубеждение против Б<атене>ва: отдавая полную справедливость его уму, он*

В 13 главе после слов *я должен* изменить так: но этим начавшаяся над ним <невзгода> еще не кончилась... Здесь впрочем

В той же XIII главе со слов *на вкус не узнаешь* до слов *о, зачем* исключить. Там же после слов *отдаленной от дома Ту<лузо>ва улице* до слов *Тулузов же* исключить.

В главе 15 со слов *с настоящей минуты* до слов *и видит бог* изменить так: *прошу тебя идти куда влекут твои пожеланья... наш брак есть брак духа и потому ничего от того не утрачивается.*

— О нет, произнесла со стоном Су<санна> Н<иколаевна>, я ничего не желаю кроме того, чтобы быть вам женой верной <...>

В той же главе после слов: *тем не менее* до слов *по наружности* изменить так: *оно кинуло их в неизмеримый омут страданий. Е. Е. понял, что С. Н. при всей своей духовной высоте все таки женщина молодая,* [*тогда*] *а между тем до этого он считал ее почти бестелесной. С<усанна> же Н-в<на> в свою очередь мучилась от мысли, что какой она пустой и ни<чтожной> женщиной должна теперь казаться Е-р<у> Е-ч<у>.*

В той же XV главе после слов *все беседующие* до слов *чувствовали* должно все исключить. Конец части следует окончить на словах: где раки-то зимуют! и остальное исключить.

18 Июля 1880 г.

916. Н. П. АЛОВЕРТУ

<Между 19 и 25 июля 1880 г., Москва>

В 5 части Масонов прошу сделать нижеследующие изменения. Со слов [Василий] Савелий В<ласьев>, до слов с раскольников изменить так: поступок, по мнению всех почти местных чиновников, безумный. Вообще А<ггей> Н<икитичь> держал себя на службе довольно непонятно для многих, место его по своей доходности

В той же I-й главе 5 части со слова [положение Зверевых] и откупщицею до слов: А<гге>й Ни<ки>т<ич>ь изменить так: после их откровенного разговора. Откупщица в то-же утро передала мужу о стесненном положении Зверевых и проведя с ним по этому поводу довольно продолжительную и секретную беседу сказала М<иропе> Д<митриевне>, когда она пришла к ней

В этой же главе: Миропу Д<митрие>вну до слова и внушило изменить так: считавшую А. Н. мущиною во цвете сил удивило это

[Далее] Там же после слова хотя до слов потому что изменить так: по всем соображениям это было совершенно невозможно

Там же: после слов обрусевших немцев до слов и едва изменить так: Аггей Никитичь подошел к нему

Во второй главе со слов принимать их до слов так как изменить: — В чем это они поссорились? спросила Аггея Никитича откупщица, показывая глазами на Почтмей<стера> и Аптекаря.

— В картах вероятно что-нибудь, слукавил он,

В той же главе со слов: Аггей Ники<ти>чь до слов хоть и немец изменить так:

— Ну, про Почтмейстера никто что-то этого не говаривал, [объяснил ополче<нец>] он, одно слово из кутейников; на деньгу такой жадный как я не знаю что: мало, что <с> крестьянских бабенок <?> по десяти копеек за каждое письмо берет, но еще принеси ему всякого крестьянского добра: и яичек, и маслеца, и ягод объясн<ил> опол<ченец.>

— Ах, он негодяй этакой! воскликнул Аггей Никитичь: жаль что я теперь не губернский почтмейстер, я бы его сей час из службы вытурил. Ну, а аптекарь тоже так<ой?>

— Нет, тот не такой, возразил ополченец

В самом конце 2 главы со слов пани Аптекарша до самого конца главы изменить так: с презрительной улыбочкой ушла.

917. Н. П. АЛОВЕРТУ

⟨26 июля 1880 г., Москва⟩

Люб⟨езнейший⟩ Ни⟨колай⟩ Па⟨влович⟩

В пятой части романа моего Масоны прошу в 3-й главе после слов лица, шеи до слов угольным порошком изменить так: зубы себе вычистил

Там-же после слова Вибель до слова продолжал изменить так: вдруг взглянул на А⟨ггея⟩ Н⟨икитича⟩ [как-бы] желая [убедиться] узнать, внимательно-ли тот его слушает и убедившись, что неофит внимателен

Там-же после слов Аггей Н-чь до слова когда изменить так: употреблял все усилия своего ума, чтобы уразуметь Вибеля, но, повидимому не достиг этого

Там-же после слов развивать в себе до слов на этих словах все изключить.

Там же после слова решился до слов в своем кабинете изменить так: переговорить об этом издалека с старым аптекарем, к которому, придя на другой день вечером, нашел его сидящим

Там же после слов: это грех до слов [касательно масонства] до некоторой степени изменить так: Аггей Н-чь вздохнул свободнее: из слов Вибеля он заключил, что касательно масонства [он] мог быть

В IV главе после слов всякое подозрение до слов открыться ей в любви изменить так: и вместе с тем предпринял и другую предосторожность в том смысле, что стал не так часто бывать у Вибелей, отзываясь там, что будто бы очень занят службой, а сам все обдумывал как ему объясниться с Пани [Вибель в любви.]

Там же после слов терпимость до слов хоть франкмасоны изменить так:

Слово терпимость повидимому не ускользнуло от внимания слушателей, так что они даже переглянулись между собой, причем А. Н. как бы спросил своим взглядом: А, что сам г. Вибель терпелив-ли и добр[-ли] — Да, как же ответила ему тоже в<зо>ром П<ани> [В]

Там же после слов: [неиспорченого сердца] как голос до слов [наскучивший] до истерики изменить так:

нашего неиспорченого сердца, и по которой мы, как по компасу, чувствуем: идем ли прямо к путеводной точке нашего бытия или уклоняемся от нее.

При этом А. Н. заметно покоробило а Пани Вибель — ничего, и она только наскучавшись

Там же после слов самих себя до слова ускользнуло изменить так: смотря вместе с тем друг на друга [оживившимися <?> взорами] блистающими зрачками. Последнее обстоятельство совершенно

Там же после слов ходенем ходили до слов [самым] веселым образом изменить так:

— Неужели, проговорила потом пани Вибель когда они стали подходить к освещенным алеям, на которых виднелись некоторые из гуляющих, вы [не видите] еще сумневаетесь, что я уже ваша?

— [Вижу!] Нет, не сомневаюсь! отозвался А г. Н. глухим голосом.

За тем пикник окончился, как все пикники.

1880 г. *Писем<ский>*
26 июля.

P. S. Сей час я получил беловые листы I тома романа моего, из которых усмотрел, что том сей вероятно будет в непродолжительном времени выпущен в свет, а потому спешу с своей стороны сделать замечания: по моему страница 232 должна быть перепечатана, так как в ней произошла в следствии непропуска [цензу] цензора большая неловкость, ради исправления крой последнюю фразу главы: теперь конечно это дело прошлое следует исключить.

Равным образом полагал бы необходимым перепечатать 271 страницу, на которой напечатано Булгакову тогда как следовало напечатать Углакову. Ошибка [эта] очень важная,

потому что Булгаков был действительное лицо и я вовсе не желаю описывать ужь прямо его.

5 часть романа моего кончена мною, а значит и он весь кончен; остается еще раз просмотреть остальные главы, и я их вышлю к вам. Всех глав в 5 части вышло 15 и небольшой эпилог.

913. Н. П. АЛОВЕРТУ

<Между 27 и 30 июля 1880 г., Москва>

В 5 главе 5 части моего романа прошу сделать нижеследующие [изме] исправления со слов: из нее вышли до слова [настоял] Гаускнехт изменить так: Суса<нна> Н<иколаевна> и Е<го>р Е<горы>чь, постаревший,, сгорбившийся и совсем, как видно, больной а вслед за ними, чего вероятно не ожидает читатель, появился и А<нтип> И<льичь>. Сей верный камердин<ер> не в первый уже раз был за границей и некогда прожил с своим тогда еще молодым барином более трех лет, в Германии он выучился даже говорить по немецки. В настоящую же поездку Е-р<а> Е<горыча> А<нтип> И<льичь>, видя до какой степени господин его слаб и недужен, настоял, что бы [и] его тоже взяли, убеждая тем, что он все таки будет усерднее служить, чем какие нибудь иностранные наемные лакеи. Выйдя из кареты и видимо прибадриваясь [он] А<нтип> И<льичь> поспешно сказал Гаускнехту, что нужны два большие номера.

Там же после слов: немецкий язык до слова [огорчился] обстановка — все исключить.

Там же после слов Сусанны Николаевны до слов за табль д'от [ом] изменить так: впрочем насколько он в этом отношении [считал] полагал себя виноватым [и одно толь] определить даже трудно и можно сказать лишь одно, что только его некогда геройское сердце могло еще выдерживать столь тяжелые и вместе с тем тайные муки.

Там же после слов от этого храма до слова совершалось изменить так: и ожидание его вполне оправдалось; случилось так, что в Кельн они приехали

к обеду и в четыре часа отправились в Собор, где,

Там же после слов погружен был до слов из Кельна: в размышления по поводу незабытого им изречения Сперанского, который в своем письме о мистическом богословии говорит, что одни только ангелы мудрые востока т. е. [волхвы] три царя пришед<шие> к Христу на поклонение знали его небесное достоинство, а в Кельнском соборе отведено такое огромное значение сим царям, но отчего же и простые пастыри не символированы тут? спросил он вместе с тем себя.

Там же после слов кучеру ехать до слова [оставшаяся изменить так: в гостиницу

Факел-цуг между тем] оставшаяся изменить так:

в гостинницу.

Сусанна Н-вна, между тем

В 6-й главе 5 части после слов вчитаться в Ритуал до слова воскликнул изменить так: я все последнее время был занят делом Тулузова, о котором вы я думаю слышали — одних бумаг надобно было написать чортову пропасть.

— А, если вы заняты были — то другое дело — так бы вы мне и сказали о том.

Там же после слов было справедливо до слов в продолжении изменить так: разгром произведенный великим переселением народов был столь силен и так долго тянулся, что невозможно даже вообразить, чтобы

Там же после слова хоть до слов: но не после-же изменить так: и не [вполне] [казывал] казал того

919. Н. П. АЛОВЕРТУ

<29 июля 1880 г., Москва>

Если бы паче чаяния в сей главе цензор четверостишие Дьякова: о, чудо из чудес и скандал для небес — Дьяков в рясе и святитель в усах, при штанах и во фраке — не пропустит, то вы пришлите мне корректуру. Я это как нибудь поискусней сглажу. Время, полагаю, еще будет.

29 Июля
1880.

920. В. А. ФЕДОРОВСКОМУ

<30 июля 1880 г., Москва>

Люб<езнейший> В<иктор> А<лександрович>, поспешите, если это только возможно, переписать 15 главу и хорошо бы было, если бы Вы в воскресенье пришли к нам обедать. Вам предан<ный> *Писемский*

921. А. И. РАЗДЕРИШИНОЙ

<30 июля 1880 г., Москва>

Любезн<ейшая> Анна Ивановна

Удивляюсь, как вы могли подумать, что мы отказываем вам от квартиры по случаю не уплаты денег в срочное время, кажется в продолжении девяти лет, что вы у нас живете, мы достаточно узнали вас, чтобы верить вам и еслиб не уважительные причины, о которых М. Иван. кажется не сочла за нужное вам написать, то мы бы с вами конечно и еще бы лет десять не растались, но дело в том, что нам нужна квартира на две половины, из которых одну будем занимать мы старики, а другую наш сын, и вот почему мы убедительно просим Вас и гг. Добр<омысловых> переехать из нашего дома, что она уже и сделала и теперь ее квартиру мы уже начали переделывать для себя. Надеюсь, что и вы, как благородная женщина, войдете в наше положение и поймете, что тут не каприз какой заставляет нас поступать так.

Итак еще раз убедительно прошу вас не сетовать на нас и устроить это дело миролюбиво, в чем я конечно и не сомневаюсь. Пока поручите М. И. подыскать несколько квартир и по приезде своем и выберете которую нибудь из них. Желая вам дожить лето весело и приятно посреди ваших родных и запастись на зиму здоровьем побольше

остаюсь
г<отовая> к у<слугам>
<Е. Писемская>

30 июля
1880 г.

И я также прошу Вас исполнить нашу просьбу касательно очистки квартиры, которая нам, как вы видите, безотлагательно нужна самим. Ваш п<окорный> сл<уга>

П<исемский>

922. Н. П. АЛОВЕРТУ

31 июля
1880 г <Москва>

Любез<нейший> Н<иколай> Пав<лович!>

В главе 7-й прошу сделать нижеследующие изменения: после слов у е з ж а л а о т м у ж а до слова с е р ь е з н о е изменить так: с п р о с и л в д р у г А г г е й Н и к и т и ч ь.

Лицо пани Вибель мгновенно приняло при этом

Там же после слов бальные платья до слова значит изменить так: у ней были прошлогоднего фасона

Там же после слов повторил он до слов [в Суд] тогда изменить так: решившись на этот раз взять у приходорасходчика жалованья вперед, что сделать ему было повидимому весьма нелегко, потому что идя по утру Аггей Ни<кити>чь всю дорогу както тяжело дышал и по крайней мере до половины присут<ст>вия у него недоставало духу позвать к себе приходорасходчика, наконец

Там же после слов служебного долга до слов [так шагнул] Аггей Никитичь изменить так: но этим еще не ограничилось и Аггей Никитичь в [этом смысле] тот же день по этому пути так шагнул, что и сам потом не мог дать себе в том ясного отчета. Случилось это... впрочем представим все лучше в образах: [третий] три часа

Там-же после слов в душе до слов [а потому] благодарю вас изменить так: но я понимаю жизнь, и вы, будучи благороднейшим человеком мало видно ее знаете, а потому позвольте мне в этом случае быть руководителем вашим

[Там-же] В главе 8 после слов Катерины Петровны Тулузовой до слов [и захватив] супруг ее изменить так: которая более уже месяца сделалась провинциальною жительницей вследствии того, что

[Там-же после слов: удобным для себя до слова захватить изменить так: оставить шумную столицу и переехать хоть и в уединенное, но богатое Синьково]

Там же после слов: удобным для себя до слов захватить изменить так: оставить шумную столицу и переехать хо́ть и в уединенное, но в богатое и привольное Синьково

Там-же после слов мне все до слов во вражде изменить так: я с мужем моим давно

[Там-же] В главе IX после слова поручик до слова помилуйте-с изменить так: очень опечаленный тем что лишался возможности явиться в роли

секунданта и тем показать обществу, что он не *гарниза пузатая* как обыкновенно тогда называли инвалидных начальников, но такой же офицер, как и прочие лица армии.

— Ну, это я еще посмотрю, как он спрячется от меня, проговорил мрачным голосом Аггей Никитичь и после того [обра] отнесся строго к лакею: если ты врешь, что камер-юнкер уехал в Москву, так это бесполезно: я перешарю всю усадьбу!

В главе X 5 части [прошу сделать нижеследующие изменения. В самом начале [главы] оной] со слов „Миропа Дмитриевна" до слов „актер Максинька" изменить так:

Все люди, как известно, старея, делаются более и более рабами своих главных, прирожденных инстинктов. Прирожденный-же Миропе Дмитриевне инстинкт [был в приобретении] состоял в жажде приобретения имущественных и денежных благ (автор подозревает, что Миропа Дмитриевна, по своему отдаленному происхождению, вряд-ли была не из жидовок). С самых молодых лет она думала, что жить и не наживаться, это — прозябание, а не жизнь. В силу такого мнения, она, по выходе замуж за Зудченко, а потом, сделавшись даже вдовою, каждый год что-нибудь приобретала, и только [став] сделавшись женою безалаберного Зверева, Миропа Дмитриевна как-бы утратила эту способность и стала даже почти проживаться, так как, в чаянии больших выгод от почтамтской службы мужа, она много истратилась на переезд из Москвы в губернию и в результате этой службы, как мы знаем, получила шиш. Потом новый переезд из губернского города в уездный тоже повлек расход. Наконец, это скрытное вытягивание денег от Рамзаева, отказ тоговзять ее в часть по откупу до того утомили и истерзали практическую душу Миропы Дмитриевны, что она после долгих бессонных ночей и обдумываний составила себе твердый план

расстаться с своим супругом, в котором ничего не находила лестного и приятного для себя. Ради этой цели она объявила Аггею Никитичу, что [бы] поедет в Малороссию продать там свое заглазное [и весьма мало приносящее ей доходу] именье, потом переправится в Москву, чтобы и там тоже продать свой домишко на Гороховом Поле, начинающий приходить в окончательную ветхость. Аггей Никитич [скрывая в душе свой восторг] исполнился восторгу от такого намерения Миропы Дмитриевны [уехать, вполне] и, разумеется, одобрил ее желание. [Переписывались они потом редко [и чуть ли только не] и не более как по одному только письму написали друг к другу; но] Таким образом супруги растались и тем временем, как Аггей Никитич куролесил с пани Вибель и с камер-юнкером, Миропа Дмитриевна окончила с успехом свои продажи и, поселившись окончательно в Москве, вознамерилась заняться ростовщичеством, в коем она, бывши еще молодой вдовой, практиковалась, ссужая карабинерных офицеров небольшими суммами за большие проценты. В настоящее [же] время [Миропа Дмитриевна] она предполагала развить это дело на более серьезную и широкую руку, и сначала оно у нее пошло очень недурно: во первых, Миропа Дмитриевна не дополучила с лица, купившего у нее дом, двухтысяч рублей, и оставила ему эту сумму за двадцать процентов в год под закладную на самый дом [но] и вследже затем ей открылась весьма крупная и вы <*конец письма утрачен*>

923. В А. ДАШКОВУ

<9 августа 1880 г., Москва>

Милостивый Государь
Василий А<ндрееви>чь

В исполнение прежнего письма моего имею честь препроводить при сем черновое окончание романа моего Масоны [Доставил бы это окончание лично сам, но лежу больной

и никуда <не> выезжаю из дома] а вместе с тем [позволяю] считаю себя обязанным выразить мою самую искренную благодарность лицам, кои заведывают Румянцовским музеумом и кои были мне истинными руководителями и наставниками при совершении сего моего труда.

За тем прося принять уверение в совершенном моем уважении имею честь быть

вашим покорным слугою

1880 г. *<Писемский>*
А<в>г. 9.

924. Г. Д. ГОППЕ

<16 августа 1880 г., Москва>

Почтеннейший Г-н Гоппе!

Окончание 5 части моего романа мною уже послано в редакцию Огонька, значит, весь роман мой у Вас и вместе с тем я повторяю мою просьбу к Вам: В одном из прежних писем моих я просил Вас впредь до окончательного рассчета выслать мне *тысячу рублей,* а между тем мне до сих пор уплачено из вашей конторы всего *только пятьсот руб.,* о чем и дана мною отдельная от сего письма расписка а потому убедительно прошу Вас уплатить мне еще пятьсот рублей, а также и уведомить меня получены-ли в редакции посланные мною последние пять глав. Письма ко мне прошу адресовать уж не на дачу, а в Москву на Поварскую, в Борисоглебский пер. в мой дом, куда уже я переехал.

Остаюсь с моим уважением

16 Августа *Писемский*
1880 г.

925. В КОНТОРУ ОГОНЬКА

<17 августа 1880 г., Москва>

Я получаю два номера Огонька, из коих один мне в продолжении лета был высылаем в Петровский парк, на дачу Садовского, а другой в Москву на Поварскую в Борисоглебский переулок в мой дом, но так как ныне я уже переехал с дачи в город, то и прошу оба номера выслать мне по моему городскому адресу, а именно: Алексею Феофилактовичу Писемскому на Поварскую в Борисоглебский переулок свой дом.

Писемский

1880 г.
Августа 17.

926. О. Н. ДОППЕЛЬМЕЙЕР

⟨20 августа 1880 г., Москва⟩

Милостивая Государыня
Ольга Николаевна!

Письмо Ваше получила и спешу отвечать на него. Всякий домовладелец конечно имеет право просить жильцов очистить квартиру и жильцы обязаны это сделать уплатив деньги за все время простоенное в его квартире; но в виду того, что мы не предуведомили вас об этом при отъезде вашем из Москвы, мы и предлагаем вам занять верхнюю квартиру за 500 рублей, тогда как в настоящее время цена ей 600 руб.: следовательно мы уже уступаем вам тут 100 рублей, и если еще, как вы ставите в условие вычесть 100 рублей, пла́ту летних месяцев за тепер⟨еш⟩нею вашу квартиру, то новая верхняя квартира пойдет всего за 400 рублей в год и мы потеряем уже не сто а двести рублей в год и на эти условия мы согласиться не можем и я полагаю, что предложив вам занять верхнюю квартиру за 500 руб. я действовала добросовестно с своей стороны, так как переделка ее нам обойдется слишком тысячу рублей. Надеюсь, что вы примите все это в расчет и мы с вами покончим дело миролюбиво; а верхняя квартира, я уверена, вам понравиться, комнаты стали высокие, светлые, теплые а также и кухня теплая

Готовая к услугам
вашим
К. Писемская

20-е Августа
1880 года.

Равно и я прошу вас об свобождении занимаемой вами в моем доме квартиры с уплатою мне за все прожитое вами время; на предлагаемые же вами условия мы не согласны.

Ваш покорный слуга
Писемский

927. НЕИЗВЕСТНОМУ

⟨25 августа 1880 г., Москва⟩

Прошу с сим подателем прислать мне 8 кусков белил маляр⟨ных⟩ по 20 к. сер. *П.*

25 Авг.
1880.

928. В. ДЕРЕЛИ

⟨26 августа 1880 г., Москва⟩

Почтенн⟨ейший⟩ Г. Дерели

[Если] Когда Вы будите писать мне, то потрудитесь письма ваши адресовать ко мне ужь не на дачу, а по прежнему моему адресу, т⟨о-есть⟩ в Москву, на Повар⟨скую⟩ в Борис⟨оглебский⟩ переу⟨лок⟩ в собственный дом, куда я

ныне переехал, а затем дружес<ки> пожимая вашу руку остаюсь искренно вас уважающий *Пи<семский>*

1880 г.
Августа 26
Сен. 7.

929. *В МОСКОВСКУЮ КОНТОРУ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА*

<Начало сентября 1880 г., Москва>

В Московскую Контору
Государственного Банка

Коллежского Советника
Алексея Феофилактова
Писемского

ЗАЯВЛЕНИЕ

30 Августа 1880 года мною потерян бумажник, в коем [находилась подробная опись] записаны все мои процентные бумаги, находящиеся на хранении в Московской Конторе банка, а равно года, месяцы и числа всех росписок, выданных [мне [контору] из [отделения В-кого] Банка, а именно: 1) росписки на 2 билета Госуд. Банка 2 выпуска на сумму шесть тысяч] 6000 рублей от 26 октября 1874 года за № 42171, 2) росписка на [девять] 9 облигаций Восточного займа на сумму 900 руб., от февраля 17, 1879 г. № 72368, 3) росписки на [восемь] 8 билетов 2 Внутренн<его> займа на сумму 800 руб. сер. от 5 марта 1879 г. № 72688, 4) росписки на [три] 3 билета 1 внутрен. займа на сумму 300 рублей серебр. от 10 марта 1879 г. № 72824, 5) росписки на [две] 2 облигации 3 восточного займа на сумму 200 рублей сереб. от 10 Августа 1879 г. № 77737, 6) росписки на <две> облигации 3 Восточного займа на сумму в [две тысячи] 2000 рублей сер. от 24 сентября 1879 № 78539, 7) росписки на две облигации 3-го восточного займа на сумму [две тыся] 2000 рублей серебром от Декабря 11, 1879 г. № 79905, 8) росписки на [шесть] 6 облигаций 2 Восточного займа на сумму [тысяч<а> пятьсот] 1500 рублей от 26 марта 1880 г. № 81996, 9) росписки на пять облигаций 3 восточного займа на сумму в [пятьсот] 500 рублей сер. от 8 Апре<ля> 1880 г. № 82264, 10) росписки на [три] 3 облигаци<и> 3 восточного займа на сумму в 300 р. сер. июля 16, 1880 г. № 85200.

В предупреждение того, дабы сими сведениями кто-либо из неблагонамеренных людей не воспользовался, я [спешу заявить, что в случае утраты мно⟨ю⟩ росписок] [то просил Банк никому] заявляя о сем банку прошу из хранящихся в оном моих процентных бумаг никому [никогда] не выдавать кроме как лично мне или жене моей [Коллеж⟨ской⟩ совет⟨нице⟩] Екатери⟨не⟩ Павловой Писемской [какой] которой и будет выдана мною на сей предмет особая законная доверенность, из других-же лиц никому сего доверено мною не будет.

930. Н. П. АЛОВЕРТУ

⟨6 сентября 1880 г., Москва⟩

Любезнейший Николай Па⟨влови⟩чь

Сей час я получил последний номер Огонька, из коего вижу, что в номере этом вторая глава 5 части начата и неокончена. Понять не могу какая тому причина и, опасаясь что типография, пожалуй, в следующем номере, недопечатав второй главы, начнет третию главу, что будет такой ужасной ошибкой, которую неизвестно как и поправить потом и которая [между тем] изломает всю сказку романа и произведет совершенную бессмыслицу. Наблюдите, [пожалуста] бога ради, чтобы непроизошло этой ошибки, но так как мне говорили, что вы еще на даче, то вместе с сим я пишу и Г. Гоппе о том же, дабы и он наблюл [тоже] за этим.

Остаюсь
покорный ко услугам
⟨*Писемский*⟩

1880 года
сентября 6.

931. Г. Д. ГОППЕ

⟨6 сентября 1880 г., Москва⟩

Почтеннейший Г. Гоппе

В полученном мною последнем 34 номере Огонька я вижу, что вторая глава 5 части начата и неокончена и, не понимая причины тому, спешу Вам написать об этом и просить Вас, чтобы это окончание было напечатано в следующем номере и непропущено, иначе выйдет такая ошибка, которую и поправить потом будет невозможно и которая изломает всю сказку романа и страшно повредит как роману

моему, так и Огоньку, что для Вас, как для издателя, конечно будет неприятно.

Имею честь быть
покорным ко услугам
⟨Писемский⟩

Сентября 6
1880 года.

932. В. А. ФЕДОРОВСКОМУ

⟨Первая половина сентября 1880 г., Москва⟩

Виктор А⟨лександрови⟩чь! Если Вы переехали в город, то зайдите ко мне сегодня или завтра вечерком, мне очень нужно с Вами повидаться.

Ваш *⟨Писемский⟩*

933. В. А. ФЕДОРОВСКОМУ

⟨17 сентября 1880 г., Москва⟩

Не можете ли вы ко мне придти хоть на некоторое время; ко мне прислали корректуру. Уведомьте меня с сим посланным.

П.

Середа

934. Н. П. АЛОВЕРТУ

⟨18 сентября 1880 г., Москва⟩

Любезнейший [Ва] Никол⟨ай⟩ Павлычь

Вслед за посланной мною [к Вам] обратно сего числа корректурой спешу [еще] написать Вам, что в ней сделаны мною существенные перемены, так как посланные мною [еще] летом [в рукописи] изме⟨не⟩ния 10-й главы введены типографьей неправильно, а потому наблюдите, бога ради, чтобы [все] это было исправлено как сделано мною в корректуре и вместе с тем я прошу вас приказать мне выслать отпечатанные на чисто листы отдельного издания, начиная с 4 части все сколько их оттиснуто.

Остаюсь преданный Вам
Пи⟨семский⟩

18 сентября
1880.

935. А. А. КРАЕВСКОМУ

⟨19 сентября 1880 г., Москва⟩

Почтеннейший Андрей Александрович!

Пользуясь нашим старым знакомством и вашим добрым расположением ко мне, я хочу у Вас попросить совета по одному цензурному делу. Видимо, что ныне наступила цен-

зурная оттепель и о многом говорится, о чем прежде пикнуть не смели, между тем на моих двух пиэсах, напечатанных, а именно: на исторической трагедии из времен Бирона Поручик Гладков и на современной комедии Подкопы, которую я когда-то читал у Вас, лежит цензурный запрет касательно представления их на сцене. Порасспросите и поразузнайте, если можете, к кому бы мне обратиться с ходатайством об разрешении сих двух пиэс моих к представлению на сцене. С театральными цензорами я весьма мало знаком, с председателем Абазой совершенно незнаком, обратиться-же прямо к Лорис Меликову, полагаю, неудобно, ибо утруждать Министра по такому маленькому и специальному делу, как мое, по меньшей мере странно! В Петербурге все это виднее и, может быть, даже в практике установился некоторый обычай для ходатайств о вытаскивании на свет божий прихлопнутых Цензурою вещей. Вашим ответом на мое письмо и советом вашим по просимому мною делу Вы несказанно обяжите меня. Напоминаю Вам адрес мой: в Москве, на Поварской, в Борисоглебском переулке, в собственном доме.

Затем, принося мое искреннее уважение и пожимая вашу руку остаюсь

Вам преданный

Алексей Писемский

1880
Сентября 19.

936. А. А. МАЙКОВУ

<19 сентября 1880 г., Москва>

Любезнейший друг
Аполлон Александровичь!

Поручи пожалуста сделать расчет мне театральных денег и пришли мне их, я по случаю разнообразнейших расходов сильно теперь нуждаюсь. Я заезжал было в вашу канцелярию попросить о том же Кондратьева, но к сожалению не застал его там

душевно преданный тебе

Писемский

19 сентября.

937. Н. П. АЛОВЕРТУ

<Между 19 и 26 сентября 1880 г., Москва>

Любез<нейший> Ник<олай> Па<влович!>

[Если успеете еще, то] Согласно последнему вашему письму потрудитесь вместо [изломан] перемаранного рассказа

о Янгуражее<ве> со слов: объяснил частный пристав до слов—стало быть нынешний генерал-губернатор — изменить так:

— Что-же он натворил еще что нибудь новое! воскликнул [частный пристав] [Ал] Лябьев.

— Не новое, а все тоже, что и прежде, мошенничество за мошенничеством, [объяснил] начал пристав, а главное дело, все его проделки были такого рода, что по суду ему ничего нельзя сделать и для примера я приведу вам последнюю его проделку: еще года за два перед тем он вместе с [этим] надсмотрщиком Гражданской Палаты, [который сюда вот все шлялся] выследили одного помещи[ч]ка, богатого, глупенького, кутилу, но который в карты не играл; однако они [от этого] перед этим не уныли, зазвали его раз к себе в гости, угостили, напоили [так, что он [под стол] с ног свалился] почесть до-мертва, а потом, когда барин этот проспался, [так] они и говорят ему: „ты нам проиграл пять тысяч!“—„Как говорит проиграл, я совсем [и] в карты не играю.“— Трезвый-то, пока ты в памяти, может быть не играешь, а пьяненький-то п[р]оигрываешь; вот, говорят, смотри, на столе весь проигрыш твой записан, ты нам пять тысяч проиграл! — Тот было стал с ними ругаться. „Ну, говорят, если ты будешь [буянить] шуметь, так мы тебя в линьки примем и будем тебя драть до тех пор, пока ты нам не надпишешь заемного письма“, и линьки даже ему показали. Тот испугался [и делать нечего], подписал [поданное ему] заемное письмо, а сам между тем, как его выпустили, прямо к оберполицеймейстеру: так мол и так, дал [говорит] Янгуржееву безденежное обязательство. Ну, разумеется, Янгуржеева сейчас-же вытянули на цугундер. Тот, говорит, действительно, у меня есть заемное обязательство на этого [господин], только оно выдано мне им еще два года тому назад и даже явлено в Гражданской Палате. Справляемся, действительно явлено. Что тут прикажете делать с таким [господином] мошенником? Обер Полицеймейстер едет к генерал-губернатору: Ваше сиятельство, говорит, позвольте мне просить вас выслать Янгуржеева из Москвы. Он каждый день изобретает такие мошенничества, что [и] предвидеть невозможно. Тот было своим барским голоском. Зачем-же, говорит, я никому бы не желал делать зла. В таком случае, ваше

сиятельство, говорит обер-полиц<еймейстер>, позвольте мне оставить службу, потому что это значит потакать мошенничествам. Словом-с, уломали старика; он выдал нам бланки и мы упрятали нашего молодчика, куда нам удобнее показалось.

938. А. И. ПОСТЕЛЬНИКОВУ

<26 сентября 1880 г., Москва>

Милейший Александр Иваныч! Потрудитесь прибрать перемены в 1-м и 2-м действиях моей новой комедии, за которую я теперь принялся. Посетите как нибудь нашего больного, он очень рад будет вас видеть.

26 сентября
1880 г.

Ваш *Писемский*

939. В. А. ФЕДОРОВСКОМУ

<Между 26—30 сентября 1880 г., Москва>

Чтобы не откладывать в дальный ящик, посылаю Вам начало 1 действия моей комедии. Потрудитесь начать его переписывать; бумаги возьмите у Померанцова, хорошо <бы> копеек по 35 за десть. Всего возьмите пока две дести. Продолжение комедии или пришлю или сам занесу.

940. С. В. АВЕРКИЕВОЙ

<1 октября 1880 г., Москва>

С полною готовностью, мадам Аверкиева, я [разрешаю] дозволяю Вам поставить мою пиэсу: Просвещенное время и заранее надеюсь, что она будет [поставлена] [исполнена] сыграна хорошо [тем более, что в ней примет участие Н. <нрзб>]. Одно в этом случае ставлю условие, чтобы [Вами] исполнены были правила общества Драматических Писателей, членом которого я состою.

Прошу принять уверение в совершенном моем уважении

Писемский

P. S. Супругу вашему прошу поклониться от меня.

1 Октября, 1880 г.

941. Н. П. АЛОВЕРТУ

<3 октября 1880 г., Москва>

Люб<езнейший>
Ник<олай> Пав<лович>

Я снова изменил против той перемены в XIII главе, которую послал было вам, то есть об Янгуржееве я все уже

выкинул, а потому теперь прошу вас приказать напеча<та>ть *с буквальною точностью, как изменено это в прилагаемой при [сем] письме корректуре.* Ваш покорный слуга

3 Октября
1880.

Писемский

942. НЕИЗВЕСТНОМУ

<Между 3 и 6 октября 1880 г., Москва>

Любезнейший Иван Григорьевич!

Прикажите для меня переплести в коричневый шагреневый переплет „Русского Энциклопедического словаря" 2-й том IV отдела (буква *Т*) и 3-й том II отдела (буква *К* окончание).

943. Н. С. АБАЗЕ

<7 октября 1880 г., Москва>

Милостивый Государь
Николай Саввичь!

В Главное Управление по делам печати были мною в предшествующих годах представляемы для разрешения к постановке на сцену] две мои напечатанные пиэсы, одна историческая трагедия [из времен Бирона] „Поручик Гладков" и другая современная [драма] комедия „Подкопы". Для разрешения к представлению их на сцен<е> обе они были запрещены. Ныне решаюсь обратиться к вашему просвещенному вниманию с ходатайством о том, чтобы сказанные пьэсы мои были вновь просмотренны и [буде] [если то возможно то разрешить их к представлению как на императорских так и на частных театрах] дозволены к представлению на сцене и в последнем случае [если они будут дозволены] покорнейше прошу из прилагаемых при сем [двух] четырех экземпляров по одному из каждой пиэсы отправить [для просмотра] в Литературно Театральной Комитет — состоящий при [петербурских] Дирекции императорских театров.

[Прося принять] Принося мои уверения в совершенном моем уважении и преданности имею честь быть [вашим] Вашего Превосходительства покорнейшим слугой

1880 г.
октября 7.

А. Писе<мский>

P. S. Адрес мой: Пов<арская> Бори<соглебский> пер<еулок> свой дом.

944. А. А. КРАЕВСКОМУ

⟨9 октября 1880 г., Москва⟩

Почтеннейший

Андрей Александрович!

Несказанно Вам благодарен за ваш совет мне обратиться прямо к Николаю Саввичу Абазе, который действительно принял меня весьма любезно и обещал сделать все в пользу пропуска моих пиэс на сцену, и если они будут пропущены, то тут возникает для меня другой вопрос: будут они или нет поставлены на Петербурской императорской сцене? Дело в том, что покойный Федоров последние годы воспылал за что-то ненавистью ко мне и воспретил актерам две мои пиэсы, пропущенные Цензурою и театральным комитетом: Просвещенное время и Финансовой гений брать на бенефисы, но ныне другой начальник репертуара, к которому я, в случае пропуска моих пиэс: Поручика Гладкова и комедии Подкопы, хочу обратиться с письмом, но вместе с тем недоумеваю стоит-ли это делать и поможет-ли это к постановке моих пиэс на Петербургской сцене? Разрешите, почтеннейший Андрей Александрович, мои сомнения касательно того, как мне тут поступить: вам театральный мирок вероятно ведом и как вы мне посоветуете, так я и сделаю. Извините что беспокою Вас моими делишками, но видит бог, что кроме Вас мне в Петербурге решительно не к кому отнестись.

Остаюсь дружески пожимая вашу руку искренно Вас уважающий *Писемский*

1880 года
Октября 9.

P. S. Просил бы Вас также уведомить меня об имени, отчестве и фамилии нынешнего начальника репертуара, чего я тоже не ведаю.

945. Н. П. АЛОВЕРТУ

⟨13 октября 1880 г., Москва⟩

Любез⟨нейший⟩ Ник⟨олай⟩ Пав⟨лович⟩

Посылаю Вам перечень ошибок, замеченных мною в I-м томе Масонов, крый прошу Вас напечатать и приложить к сему тому. Ошибки сии нижеследующие (смотри последний лист

I тома, романа Масонов). Вместе с тем я прошу Вас также, не откладывая времени, выслать мне начисто отпечатанные листы 2 тома, из коих у меня пока еще имеются только 13 листов — словом все остальные, какие только ныне уже отпечатаны.

За тем остаюсь дружески пожимая вашу руку

13 октября
1880. *Пи⟨семский⟩*

946. Н. И. ГАЛАХОВУ

⟨Вторая половина октября 1880 г., Москва⟩

Многоуважаемый
Николай Иванычь!

Пользуясь вашим добрым знакомством со мной решаюсь я, по просьбе соседа моего по дому Г-на Ильинского, обратиться к вам с ходатайством: вольно определяющий⟨ся⟩ Николай Александрович Богоявленский, выдержавший экзамен в юнкерскую школу, и ныне [желает] состоящий на службе в 35 пехотной дивизии, 137 пехотного Нежинского полка, желает быть переведен⟨ным⟩ в Москву, и что [будто бы] это зависит от вас.

Если Вам возможно будет это сделать, то совершите сие доброе дело, коим несказанно обяжите

искренно вас уважающего

Пи⟨семского⟩

947. А. И. ПОСТЕЛЬНИКОВУ

⟨Вторая половина октября 1880 г., Москва⟩

П⟨очтеннейший⟩ А⟨лександр⟩ И⟨ванович⟩

Потрудитесь прибрать прилагаемое при сем начало 3 действия новой моей пиэсы. *П.*

948. И. Е. РЕПИНУ

⟨Вторая половина октября 1880 г., Москва⟩

Любезнейший Илья Ефимовичь!

Незная возвратились-ли Вы или нет из вашего путешеств⟨ия⟩, пишу Вам наугад по прежнему вашему адресу и снова повторяю Вам прежнюю мою просьбу доставить мне,

если то возможно, два экземплярчика фотографии с вашего прекрасного портрета снятого Вами с меня, чем несказанно обяжите преданного Вам *П.*

949. Д. В. АВЕРКИЕВУ

⟨ТЕЛЕГРАММА⟩

⟨Вторая половина октября 1880 г., Москва⟩

Разрешаю играть мою пиесу *Писемский*

950. С. А. УСОВУ

⟨Вторая половина октября 1880 г., Москва⟩

Любезный друг,
Сергей Алексеевичь!

Посылаю тебе письмо Павла к Легонину, прочти его и если оно пригодно, то передай его [В. А. Легонину] Виктору Алексеевичу, а также сделай и [адрес] нужную надпись на конверте [Я не знаю с точностью титула [его] Легонина: генерал он ⟨или⟩ нет]

951. Н. П. АЛОВЕРТУ

Москва
28 октября 1880 г.

Милостивый Государь
Николай Павлович!

Так как роман мой Масоны кончился уже печатаньем в Огоньке, то посылаю Вам точнейшим образом сделанный мною расчет. Роман мой продан в Ваш журнал *по двести пятидесяти рублей за печатный лист в формате журнала Русский Вестник*; лист же Русского Вестника, считая по 46 букв в строчке содержит невступно 30 200 букв, а в романе моем в Огоньке, кладя по 43 буквы в строчке выходит: в 1-й части 231.340, во 2-й части 260.967, в 3-й части 300.054, в 4-й части 338.539, в 5-й части с эпилогом 327.253 буквы, итого во всех пяти частях 1.458.153 буквы, каковую цифру разделив на 30 200, получим *48 печатных листов почти с третью* за которые мне следует получить *двенадцать тысячь семьдесят рублей* Из этой суммы мною получено *девять тысячь.* Таким образом с г. Гоппе мне остается еще получить *три тысячи семьдесят рублей*

каковые и прошу Вас попросить г. Гоппе выслать мне не замедляя. Вместе с тем я посылаю также расчет и г. Гоппе.

Затем остаюсь преданный Вам

Писемский

952. Г. Д. ГОППЕ

Москва
28 октября 1880 г.

Почтеннейший
Господин Гоппе!

Роман мой Масоны кончился печатанием в Вашем журнале Огонек. Продан он мною вам согласно заключенному между нами условию по двести пятидесяти рублей серебром за печатный лист в формате журнала Русский Вестник. В листе же Русского Вестника, считая по 46 букв в строчке, содержится невступно 30.200 букв, а в романе моем в Огоньке кладя по 43 буквы в строке выйдет: в 1-й части 231.340, во 2-й части 260.967, в 3-й части 300.054, в 4-й части 338.539, в 5 части с эпилогом 327.253 буквы и того во всем романе 1 458.153 буквы, что разделив на 30.200 получим *48 печатных листов почти с третью* за каковые мне следует получить *двенадцать тысячь семьдесят рублей* серебром. Из этих 12 070 рублей мною получено от Вас девять тысяч, поэтому за Вами еще остается *три тысячи семьдесят рублей,* которые и прошу Вас убедительно не замедляя мне выслать.

Затем прося принять уверение в совершенном моем уважении имею честь быть Вашим покорным слугою

〈*Писемский*〉

953. И. Е. РЕПИНУ

〈1 ноября 1880 г., Москва〉

Добрейший Илья Ефимовичь!

Ваш портрет так нравится многим моим приятелям, что непременно просят с него фотографию, а потому напишите мне фамилию фотографа, а равно и то, где находится его фотография. Я к нему заеду в надежде, что негатив у него еще сохранился.

Остаюсь дружески пожимая Вашу руку 〈*Писемский*〉

1 Ноября
80 г.

954. Ф. Г. ФЛЕРОВУ

⟨5 ноября 1880 г., Москва⟩

Многоуважаемый

Федор Григорьичь!

Будьте так добры посетите меня: я очень порасхворался и вместе с сим я просил бы Вас приказать на словах с сим посланным когда Вы приедете ко мне.

Остаюсь в ожидании вашего обязательного посещения

Середа. *Писемский*

955. А. И. ПОСТЕЛЬНИКОВУ ⟨?⟩

⟨6 ноября 1880 г., Москва⟩

Недуги мои до того усилились, что сегодня у меня был доктор и велел мне поставить пиявки завтрашний день, а потому я завтра [к вам не заеду] у вас не буду, а если только не очень ослабну, заеду в субботу, а если буду еще очень слаб то уже в понедельник вечером. Преданный вам ⟨*Писемский*⟩

956. А. И. ПОСТЕЛЬНИКОВУ⟨?⟩

⟨8 ноября 1880 г., Москва⟩

Я очень ослаб после пиявок, хоть они мне и принесли весьма пользы, а сверх того еще и дождик, а потому я ужь приду к вам в понедельник вечером, а завтра опять пошлю за доктором.

Вам пре⟨данный⟩

Суббота. *Пи⟨семский⟩*

957. Ф. Г. ФЛЕРОВУ

⟨9 ноября 1880 г., Москва⟩

М⟨н⟩огоу⟨важаемый⟩ Федор Григ⟨орьевич⟩

Посетите меня сегодня, пиявки принесли мне весьма малое облегчение. Остаюсь в ожидании вашего обязательного посещения *Пис⟨емский⟩*

Воскресенье.

958. С. А. ЮРЬЕВУ

⟨10 ноября 1880 г., Москва⟩

Любезный друг,

Сергей Андреевичь

Я значительно болен и мне воспрещено заниматься, а потому за новую пиэсу, о кр̃ой я с тобой говорил, я

вероятно долго непримусь [а потому]. Взамен ее не найдешь-ли ты удобным поместить две [мои] давным давно написанные мною пиэсы „Бывые Соколы“ и „Птенцы последнего слета“, которые ты вероятно читал. — Если это предложение пригодно тебе, то приезжай ко мне и мы потолкуем. Душ⟨евная⟩ просьба приезжай не поздно, ибо я по моим недугам в 9 часов уж лажусь в постель.

10 Ноября
1880 г.

959. А. И. ПОСТЕЛЬНИКОВУ⟨?⟩

⟨12 ноября 1880 г., Москва⟩

Я не буду сегодня у вас, потому что очень слаб и жду доктора, а там что будет заранее⟨?⟩ вас уведомлю.

Предан⟨ный⟩ В⟨ам⟩

Середа. *Писе⟨мский⟩*

960. В. А. ФЕДОРОВСКОМУ

⟨12 ноября 1880 г., Москва⟩

Виктор А⟨лександрович⟩

Приходите ко мне сегодня. Я получил письмо о моих пиэсах Пор⟨учик⟩ Гладков и Подкопы, наполовину благорасполо⟨женное⟩ ко мне, по поводу чего я и желал бы ⟨с⟩ Вами посоветываться. Ваш *П.*

Середа.

961. Н. С. АБАЗЕ

⟨13 ноября 1880 г., Москва⟩

Милостивый Государь
Николай Савич

Я получил письмо от Петра Ив. Фридберга, из которого вижу, что он затрудняется пропустить мою трагедию „Поручик Гладков“ и предлагает мне сделать в ней перемены, что при настоящем моем окончательно разбитом здоровье я сделать решительно не могу, а потому ходатайствую перед Вами о разрешении для представления на сцене по крайней мере моей комедии „Подкопы“.

Извиняясь, что пишу настоящее письмо мое не собственной рукой, которая поражена у меня ревматизмом, остаюсь с полным и искренним моим уважением

Вашего Превосходительства
покорнейшим слугою

<Писемский>

1880 г.
ноября 12

962. П. И. ФРИДБЕРГУ

<12 ноября 1880 г., Москва>

Милостивый Государь
Петр Иванович!

На почтеннейшее письмо Ваше спешу отвечать [что] касательно переделки в трагедии моей „Поручик Гладков“, что я по окончательно разбитому здоровью вряд-ли в состоянии буду к ней приступить, а потому прошу Вас по крайней мере походатайствовать о пропуске для представления на сцене моей комедии „Подкопы“, о чем я также буду писать Николаю Саввичу Абазе.

[Остаюсь с моим полным уважением и] извиняясь, что пишу не собственной рукой, которая поражена ревматизмом, остаюсь с полным моим уважением Вашим покорнейшим слугой

<Писемский>

1880 г.
ноября 12.

963. А. И. ПОСТЕЛЬНИКОВУ<?>

<13 ноября 1880 г., Москва>

Посылаю Вам бюллетень о состоянии моего здоровья. Ночь спал хорошо, голова болит умеренно, но еще слаб (доктор находит, что у меня мигрень).

К Вам приду, как только подкреплюсь несколько, но только поутру между 12 и 2 часами, кроме воскресенья разумеет<ся>. Досвидания

пред<анный> В<ам> *П.*

Четверг.

964. Е. И. БЛАРАМБЕРГ

<15 ноября 1880 г., Москва>

Любезнейшая Елена Ивановна!

Меня постигло новое семейное горе. Павел, сын мой, все нынешнее лето находился в умственном расстройстве, так-называемом маниакальном возбуждении, которое теперь хотя и прекратилось, но осталось еще апатичное состояние, так что он не читает лекций и не будет их читать весь нынешний год. Что касается до меня, то я, сломленный трудами моими и еще более того совершенно неожиданным и невыносимым горем, свалился, наконец, в постель. Из сего письма моего вы усмотрите, что сколь оно ни коротко, но тем не менее красноречиво! Остаюсь преданный вам

Писемский

P. S. Роман мой я, благодаря бога, успел кончить, и он теперь уже кончился печатанием в Огоньке.

965. Ф. Г. ФЛЕРОВУ

<15 ноября 1880 г., Москва>

Почт<еннейший> Федор Г<ригорьеви>чь

Бога ради посетите меня сегодня: мне очень нехорошо.

Уважающий вас <*Писемский*>

Суббота.

966. А. И. ПОСТЕЛЬНИКОВУ<?>

<15 ноября 1880 г., Москва>

Сей час был доктор у меня и по случаю слабости запретил мне выезжать; утверждает попрежнему, что у меня мигрень. Завтра напишу.

суббота.

ПИСЬМА НЕИЗВЕСТНЫХ ЛЕТ

967. Б. Н. АЛМАЗОВУ

〈1863—1864 г., Москва〉

Любезный друг!

Михайло Никифорович очень рад поместить твое стихотворение „О н а ш л и с т и х“. Он очень рад его шутливому тону. Принеси его пожалуста, поскорее сам. Оно может быть помещено в нынешнем номере. Пожалуста принеси.

Твой *Писемский*

968. Б. Н. АЛМАЗОВУ

〈1863 - 1870 г., Москва〉

Любезнейший друг,
Борис Николаичь!

Приходи сего дня ко мне вечерком; у меня, может быть, будут Щебальский и Клюшников. Пожалуйста, приходи!

твой
Писемский

969. Б. Н. АЛМАЗОВУ

〈1869—1870 г., Москва〉

Любезнейший друг,
Борис Николаичь!

Я целые мольбы получаю на щет тебя из З а р и и мне очень бы хотелось с тобой повидаться; будь так добр: посети сегодня вечерком и уведомь с сим посланным будеш — или нет.

Твой
Писемский

970. Б. Н. АЛМАЗОВУ

Любезный друг,

что за вздор, что ты беспокоишься, что спал, когда я приходил к тебе. Спать всякий должен и имеет на то полное и законное право!

В середу вечером приходи, буду ждать тебя непременно.

Твой *Писемский*

971. Б. Н. АЛМАЗОВУ

Любезный друг!

Не забудь, что сегодня понедельник я тебя жду вечером.

Твой *Писемский*

972. Б. Н. АЛМАЗОВУ

Милейший друг,
Борис Николаичь!

Давненько мы с тобой не видались, а между тем я сижу больной — дома: не посетишь-ли меня сегодня вечерком, чем-бы крайне и несказанно обязал бы меня.

Твой
Писемский

973. Б. Н. АЛМАЗОВУ

Любезный друг
Борис Николаичь!

Приходи, пожалуста, в среду: я тысячу лет с тобой не видался.

Твой *Писемский*

974. Б. Н. АЛМАЗОВУ

Любезнейший друг
Борис Николаичь!

Тысячу лет мы с тобой не видались и мне это очень грустно: не посетишь ли меня в четверг вечером, я буду дома и по четвергам у меня бывают кое-кто из знакомых. Заходи!

Твой
Писемский

975. А. Н. АПУХТИНУ

〈1859 г., С. Петербург?〉

Мой любезнейший Апухтин!

Что, изготовили-ли вы по вашему обещанию ваш фельетончик и если изготовили, то привезете-ли мне его... я каждый день часов в 6 вечера дома. Обо всем этом потрудитесь уведомить меня с сим посланным.

Преданный вам

А. Писемский

976. И. Ф. ГОРБУНОВУ

〈1870-е гг., Москва〉

Любезный друг
Иван Федоровичь!

Приезжай, пожалуста, ко мне завтра, т. е. в середу вечером, часов в 7-мь, у меня собираются кое кто из моих знакомых. Попроси и Александра Николаича, если он здоров, то приезжал-бы!

Твой *Писемский*

977. А. В. ДРУЖИНИНУ

〈1855—1857 гг., С. Петербург〉

Мой любезнейший Александр Васильичь, хоть завтра [у вас] и ваш день, но если можете, то приезжайте ко мне, у меня будет Филипов, который только пробудет в Петербурге до послезавтра и нам споет Русскую песню.

Ваш *Писемский*

Из нашей Публики я ко всем писал и прошу переехать от вас ко мне.

978. К. И. ЗВАНЦЕВУ

Пришлите, бога ради, обещанные вами статейки о Марии Стюарт и Калама. У нас типография стоит без дела. Пожалуста если еще они не готовы то поспешите их окончить и прислать прямо ко мне. Я живу на Садовой, против Юсупова Саду, в д. Куканова.

Преданный вам

А. Писемский

979. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

Любезный друг,

Александр Николаичь!

Я сегодня никак не могу обедать с Вами — во 1-х, у меня страшнейший понос, а во 2-х, уже в 5 часов должен идти к цензору

Твой *Писемский*

980. Н. Г. ПОМЯЛОВСКОМУ

〈1860—1862 гг., Москва〉

Переводы у меня зависят не от меня, а от Зарина. Потрудитесь обратиться к нему и он, если это возможно, сделает. Адрес Зарина в Спаском Переулке, против Преображения в д. Краевского.

ваш преданный

А. Писемский

Не зависимо от этого я и сам напишу Зарину.

981. Н. А. ЧАЕВУ

〈1863—1864 гг., Москва〉

Любезнейший Николай Александрович!

Катков наконец прочитал вашу драму и уведомил меня, что печатать ее в Рус. Вестнике находит неудобным; потому что если бы это был какой нибудь современный расказ или очерк, то и слова бы не было, но это *драма историческая*!.. Претензия огромная, но выполнение весьма слабое, как по самому созданию, так и по выражению. Он находит язык искуствен и неверен [хотя], я [и] невполне разделяю это мнение и нахожу с своей стороны *печатать эту драму даже нужным* потому что она все таки пробивает дорожку к хорошему пути, а потому не хотите ли послать ее в Петербург, [по] приезжайте ко мне и потолкуем об этом. Драма ваша уже у меня.

Преданный вам

А. Писемский

Отечественные Записки наверно возьмут вашу драму.

982. Е. Н. ЭДЕЛЬСОНУ

Имянитого именинника с днем ангела поздравляю и подвыпить ему сегодня желаю.

Писемский

13 декабря.

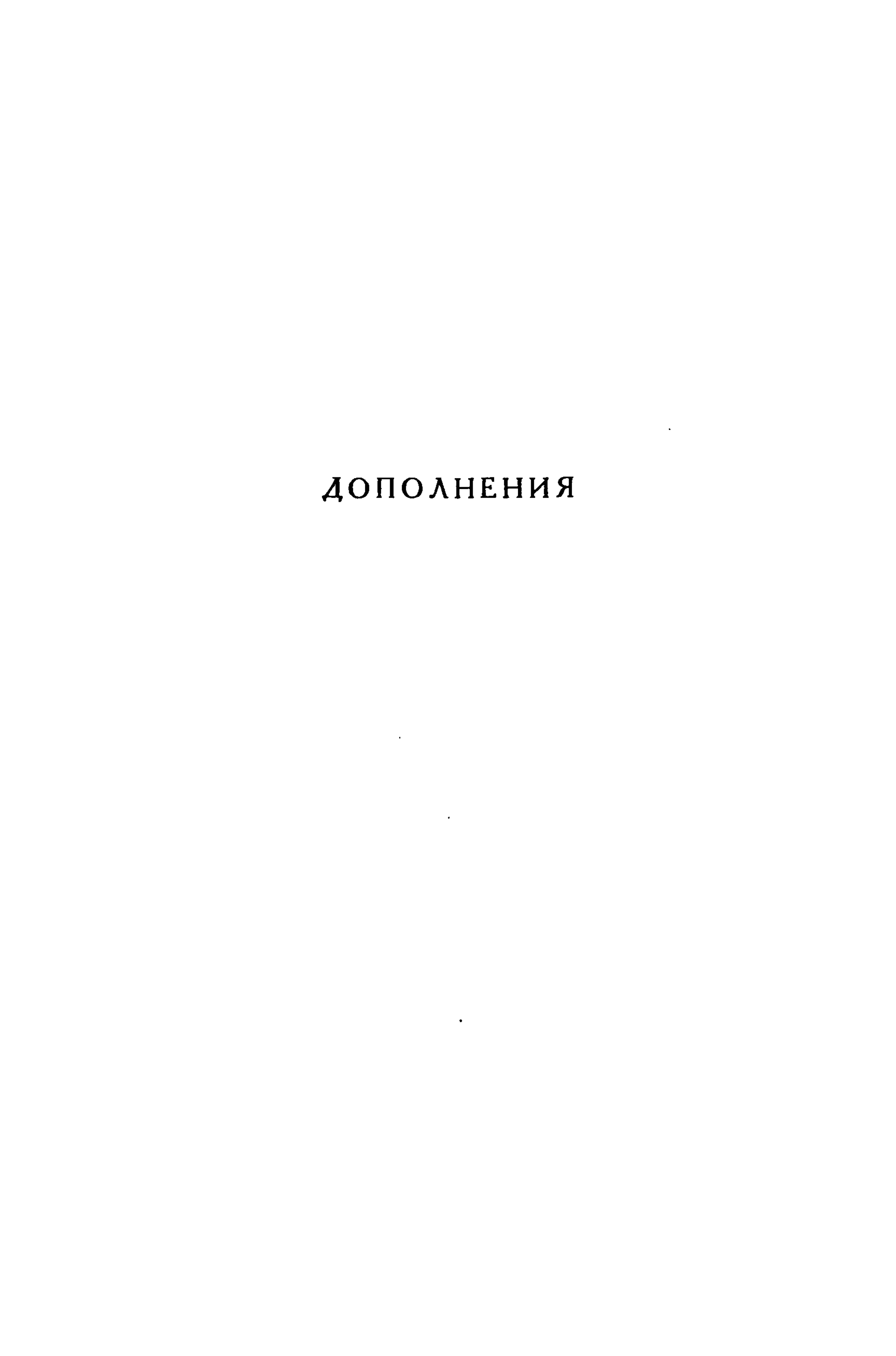
983. НЕИЗВЕСТНОМУ

Милостивый Государь,
Александр Петровичь!

Пользуясь вашим обещанием посещать меня болящего и хандрящего, [и] обращаюсь ужь к вам, не навестите-ли меня сегодня вечерком, ради беседы, а, пожалуй, в карты поиграть, чѐм премного обяжите

вашего покорного слугу

А. Писемского

ДОПОЛНЕНИЯ

ПИСЬМА К М. П. ПОГОДИНУ

I

⟨Середина февраля 1851 г., Москва⟩

Милостивейший Государь
Михаил Петровичь!

Я просил Вас вчера об обмене моих 40 экземпляров Т ю ф я к а на другие книги, но по справке в Конторе распоряжение Вами еще не сделано, а потому покорнейше прошу вручить сему подателю письма ваш приказ о выдаче мне сегодняшний день книг, потому что я теперь дорожу каждой минутой, так много у меня дела. Реэстр книгам при сем прилагаю. Затем пребываю

с полным моим уважением

А. Писемский

Да нельзя выдать мне тоже 10 экз. моего Тюфяка?

II

⟨Середина февраля 1851 г., Москва⟩

Милостивый Государь,
Михаил Петровичь!

В первое мое свидание с Вами я забыл у Вас портфель мой, в которой я привез свое творение, портфель это мне очень нужно, потому что на ней навязаны все мои ключи и потому покорнейше прошу доставить ее с сим посланным; я сегодня вечером думаю выехать.

Покорный ко услугам

А. Писемский

III

<27 марта 1851 г., Кострома>

Милостивейший Государь,
Почтеннейший
Михайло Петровичь!

Посылаю Вам нашу газетную статью об открытии в г. Костроме памятника, самому мне писать некогда, охотников нашлось и без меня много, да и, пожалуй, будет из одного куста разные вести, но главная моя прозьба состоит в том› что бы вы напечатали эту статью и поскорее т. е. в первой выходящей книге; на стряпанье невзыщите, какое есть. О напечатании в самоскорейшем времени в вашем Журнале меня просил мой начальник, а вы вероятно сами знаете, что значит угодить и неугодить начальнику. Статью эту намерены послать и в прочие журналы, но в вашем она по моему расщету должна выдти раньше прочих. — Обращаюсь теперь к своим собственным трудам: во 1-х Ипохондрика написано уже половина 2-го акта; Комик почти в конце; сверх того для Отеч. Записок написал целой Роман под заглавием: Москвичь в Гарольдовом плаще. Мысль его понятна, — это великая личность Печерина, сведенная с ходуль на землю. — В прошлом письме моем просил я вашу Контору о высылке мне Отеч. Записок и Современника, — ныне снова повторяю эту прозьбу, прося также и поклониться нашим общим знакомым, и за тем остаюсь с полным моим уважением

покорный ко услугам
Алексей Писемский

1851 г.
Марта 27-го.

IV

<10 апреля 1851 г., Кострома>

Милостивый Государь,
Михаил Петровичь!

Во-первых: Христос воскресе! и поздравляю вас с светлым праздником. Роман мой наконец напечатался весь в вашем Журнале. Какое он произвел на публику впечатление я незнаю; и получил только, по случаю его, очень лестное письмо от Отеч. Записок, с большим впрочем укором, от

чего я не послал его к ним, так как прежде [я] обещал. [Ипохондрик] Комик в черне [готовить] готов, стоит только переписать и немного исправить. Покорнейшая прозьба моя будет в том — прислать мне следующие *двести пятьдесят р. серебром*, по получении которых я не замедлю выслать Комика. — Я как семьянин по случаю новых экипажей очень нуждаюсь в деньгах. — Условия мои я выполню добросовестно. — [Ком] Ипохондрика написано [уже] два действия — два расказа для будущего года в голове уже готовы. Почтите меня вашим ответом, почтеннейший Михаил Петровичь; — я ничего здесь незнаю. Осенью приеду, может быть, в Москву, но это впрочем в воле божьей — затем, желая вам всего лучшего, остаюсь с полным моим уважением

покорный ко услугам
А. Писемский

1851 года
Апреля 10-го.

P. S. Поручите вашей Конторе высылать мне поскорее Современник — в бытность мою в Москве — я сочтусь во всем. Еще раз повторяю мою прозьбу о высылке денег, которые только и ободряют меня в моих трудах, так как богохранимая Кострома занята совершенно другими интересами. — Нашли-ли вы удобным напечатать нашу статью о памятнике?

V

⟨27 апреля 1851 г., Кострома⟩

Милостивый Государь,
Михаил Петровичь!

Записочьку вашу и брошурку об обеде Айвазовскому и Иордану я получил от Кн. Мещерского и вместе с тем все таки решаюсь утруждать вас моей покорнейшей прозьбой о высылке мне двух-сот пятидесяти рублей сереб., так как я теперь нуждаюсь в деньгах до зарезу по случаю некоторых покупок. — Для вас самих будет, я думаю, труднее платить мне вдруг 500 р. по доставке Комика, — этот же расказ я в срок или даже ранее, как только получу от вас следующие за Брак по страсти — 250 р., вышлю непременно — он у меня совершенно написан и растянут на 9 глав, столько сколько возможно было растянуть. Еще раз повторяю почтен-

нейший Михаил Петровичь <просьбу> выслать мне 250 р. сер. — в настоящей моей жизни это почти единственная награда за мои усиленные труды. Славы я почти нечувствую и неиспытываю, — и ободрения не от кого; а кроме того, когда у семьянина нет денег, так не спокоен и дух его, а следовательно и трудиться неудобно. — Затем в ожидании вашего ответа пребываю уважающий вас и преданный

Алексей Писемский

1851 года
Апреля 27-го.

VI

<17 мая 1851 г., Кострома>

Милостивый Государь
Михаил Петровичь!

Двумя моими письмами я просил вас о высылке мне следующих по условию нашему 250 р., надеясь на которые я до сих пор остаюсь в нужде. В последнем письме вашем вы обещали мне их выслать на той же неделе — приходит срок высылки моего Комика, который у меня уже готов давно. В том же письме вашем вы высказываете на меня несколько претензий ваших, на которые впрочем я за лучшее считаю объясниться при личном свидании с вами и в настоящем случае скажу только то, что все предпринятые мною условия сохраню свято и ненарушимо, а равным образом прошу и Москвитянина не манкировать — [он который раз уж неисполняет, но я исполню: т. е.] к 1-му числу мой расказ будет в Москве у Комисионера моего. Все условия хороши, если они исполняются обоюдно. В настоящем случае снова повторяю мою прозьбу о высылке мне 250 р. сер. Сверх того за нужное считаю вам сообщить, что я после покойного Павла Петровича <Свиньина> нашел до 8 огромных сборников различных [древ] старинных актов и документов — которые привезу в Москву. В ожидании вашего обязательного ответа остаюсь

покорным слугою

Алексей Писемский

1851-го
Мая 17-го.

P. S. Грюнберг — немец. — Служит у нас в Правлении помощником Экзекутора: от вас я ему передавал, а [у нас] он уже сомневался и хотел жаловаться на почту.

VII

⟨25 мая 1851 г., Кострома⟩

Милостивый Государь
Михаил Петровичь!

Рукопись мою я переслал в Москву к 1-му числу [она] [ее] которую может доставить к Вам Брат Жены моей Аполлон Александровичь Майков — но прежде получения ее вновь покорнейше прошу выслать мне, по нашему условию, 250 р. сер. и по получении следующие 250 р. сер.; я в часе незамедлил высылкою. Деньги мне очень нужны, в ожидании будущих благ я теперь занимаю, у меня родился на днях еще сын, наименнованный Аполлоном. — Пожалуйста Почтеннейший Михайло П⟨етрови⟩чь снабдите меня деньгами, а то у меня без денег пропадает совершенно вся литтературная деятельность. — В ожидании присылки вами денег я 3-ю неделю ничего не делаю. Затем с полным моим уважением пребываю

покорный ко услугам
Ал. Писемский

25
мая.

1-е. заключение расказа пожалуй выпустите — заключения ⟨повести⟩ Брак по страсти вовсе неследовало бы печатать, если не требовала цензура — я написал его на случай необходимости.

VIII

⟨Середина июня 1851 г., Кострома⟩

Милостивый Государь
Михаил Петровичь!

Тысячу раз извиняюсь, что я так долго не уведомлял о получении мною 250 р. сер., за каковые приношу вам чувствительную мою благодарность; причина впрочем не от меня: у нас в Костроме ограбили почьту и потому мы все как собаки рыскаем по Губернии и ловим преступников, я только на днях возвратился в Кострому. — Комика моего я

полагаю вы уже получили. Ипохондрик почти дописан, в Сентябре мце думаю прибыть в [Кострому] Москву. Весьма бы желалось мне исправить по замечаниям господ рецензентов касательно поспешности в окончании моих романов, что мне и хочется сделать при полном издании. Вы вероятно необременитесь перепечатать последние листы и припечатать несколько новых — впрочем об этом я лично объяснюсь с Вами. Затем с полным моим уважением пребываю

покорный ко услугам

Алексей Писемский

P. S. С Александром Николаевичем Островским я виделся и читал ему мою комедию. Потрудитесь дать знать вашей Конторе о получении мною 250 р. сер. да поручите ей выслать мне: Руководство к Российским Законам, составленное экстраорд. профессором Николаем Рождественским. Издание *Четвертое.* Только непременно *Четвертое.* Прежние никуда не годны.

IX

⟨3 июля 1851 г., Кострома⟩

Милостивый Государь
Михаил Петровичь

Прочитали-ли Вы моего Комика, понравился-ли он вам и когда вы его напечатаете? По желанию вашему я тотчас же начал расспространение вашего журнала и уже продал за нынешний год один екземпляр, за который я уже получил деньги 16 р. 50 к. сер. и потому покорнейше вас прошу не подрывая мой кредит поскорее выслать весь вышедший Москвитянин в г. Буй Костромской губернии Михайлу Павловичу *Корсакову.* Деньги же [как прикажете] я не высылаю, но привезу сам в Москву — или если хотите зачту в свою гонорарию. Нынешний год большого распро⟨стра⟩нения не надеюсь, потому что прошло более полугода (впрочем по моему настоянию еще один экземпляр выписывается); но другое дело на будущий год, мы вотрем каждому Исправнику, Городничим и Головам — это берется сделать ваш старый знакомый наш Виц-Губернатор князь Гагарин. —

Нащет мнения о вашем журнале скажу то, что в обществе у нас ни о каком журнале не имеют никакого мнения,

в силу того, что думают о совершенно других предметах, а журналы получают так для близиру, для тону -- и обыкновенно их только перелистывают; что касается до меня лично, то на меня самым неприятным образом подействовал ваш Эраст Благонравов — своим тупым остроумием, своею претензиею на что-то и наконец всем своим тоном, который еще ниже тону Иногородного Подписчика. Такой серьезный Журнал как Москвитянин не должен позволять так дурачится на своих страницах. — Критика вашего журнала превосходна; Беллетристика бедна и бледна, впрочем лучше чем в других журналах. Ваш *А. Писемский*

1851
Июля 3-го.

Пожалуста не замедлите выслать в Буй к Корсакову Москвитянин.

X

⟨17 августа 1851 г., Кострома⟩

Милостивый Государь
Михаил Петровичь!

Давно я сам не писал к Вам, давно [сам неп] и от Вас не получал писем. При свидании с А. Н. Островским я говорил, что конец Комика думаю переделать, но вникнувши хорошенько вижу, что не следует, потому что в противном случае выдет, что я главного моего Героя поднимаю на ходули, чего я не люблю делать, а пусть он останется таким как есть. Ипохондрик у меня совершенно готов, но к 1-му Сентябрю я не вышлю его к Вам, потому что в половине Сентября думаю сам приехать в вашу Белокаменную. Когда Вы напечатаете Комика? и нельзя-ли, почтеннейший Михайла Петровичь, выслать мне хоть половину из 250 руб. ибо мне без сего ресурса трудно и подняться к Вам в путь, или откровенно говоря, просто невозможно. Что поделывают наш Островский и рецензенты ваши, т. е. Эдельсон, Филипов и прочие. Скажите им, чтобы они хоть строчкой письма меня удостоили — я уж к ним не пишу, потому что это бесполезно. —

В ожидании вашего ответа, пребываю
глубоко вас уважающий
А. Писемский

1851 года
Августа 17-го

P. S. Москвитянин ваш я очень поздно получаю, прикажите мне высылать ранее, чем прочим. Выслан-ли он к Г. Корсакову в Буй, с которого я, как писал к Вам, уже получил и деньги.

XI

⟨4 сентября 1851 г., Кострома⟩

Милостивый Государь,
Михаил Петрович!

Как бы я не летел в вашу белокаменную, но служба, отнимающая у меня и время и здоровье, связывает [меня] по рукам и по ногам, ранее [конца октября или] половины октября я, кажется, не вырвусь. Меня очень обеспокоило то, что в Комике действительно м. б. несовсем исправлен язык и я очень желал-бы его поправить; но как?... Нельзя-ли вам выслать мне корректуру, я бы ее тотчас же исправил и выслал через почту к Вам, [только] и если это возможно, то вышлите мне два, три экземпляра, а то один я испорчу наверняк. Ипохондрик мой готов, отделан окончательно, переписан, но все таки я сам его привезу к Вам; ранее он [вам] конечьно ненужен для журнала, но если уже настоит надобность — я вышлю. Крепко мне хочется поставить его на сцену, но боюсь цензуры и прочего — а все бы хотелось обделать это при себе.

Нащет корреспонденций из Костромы в отношении себя извиняюсь, потому что едва управляюсь и с моими делами, а прочие — они не могут, да и не желают этого делать: во тьме-бо ходят! Употреблю все мои силы, чтобы в октябре быть в Москве.

Юное поколение я уже и не беспокою моими письмами, поклонитесь впрочем им.

При первой возможности я являюсь в Москву. [О Комике] Корректуру Комика если есть возможность выслать — вышлите, я исправлю очень скоро.

Глубо́ко вас уважающий

А. Писемский

1851
Сентября 4.

Уведомьте меня на сие письмо, я очень буду нетерпеливо ждать нащет корректуры.

XII

<14 сентября 1851 г., Кострома>

Милостивый Государь,
Михаил Петрович!

С прошедшею почьтою я получил из вашей Конторы 70 р. сер. денег и связку книг, которые будто бы тоже отправлены ко мне по приказанию вашему, но мне этих книг совершенно нужно не было; мне выслали: Памятную Книжку 51 г., Курс Словесности Чистякова, Практ<ическое> Руководство, Хрестоматию Галахова, Обозре<ние> Законов, Рождественского, Басни Крылова, сочине<ние> [Лермантова] Марлинского о литер<атуре>, всего на 23 руб. сер. Но я решительно ненуждаюсь ни в одной из них, начиная с поэтических сочинений Марлинского до глубокомысленной Хрестоматии Галахова. Вероятно это ошибка — уведомьте, что мне с ними делать, во всяком случае я привезу их обратно в Москву. Вышлите или нет мне корректуру Комика. Нащет денег снова обращаюсь к Вам, нельзя ли обязать и прислать мне хоть еще 100 руб. Я теперь переезжаю на другую квартиру и должен буду в следующем месяце подняться в Москву. Затем в ожидании вашего обязательного ответа остаюсь

покорный слуга

А. Писемский

Сент. 14.

XIII

<9 октября 1851 г., Кострома>

Милостивый Государь,
Михаил Петрович!

Посылаю Вам исправленную корректуру. — Поправил все добросовестно на столько, на сколько умел. К тем листам, которые вышли ужь очень грязны, приложены писаные дубликаты, с которыми и следует поверить вторую корректуру. — Не оправдывая своей рукописи, я все таки скажу, что она в корректуре вышла гораздо безобразнее, чем в подлиннике. [При]

Если мое начальство не свяжет меня по рукам и ногам, то в конце нынешнего м͠ца я выезжаю в Москву. Привезу мою комедию и, может быть, начало нового расказа.

Москвича моего Петербурская цензура не то, что бы не пропустила, но изуродовала его, и я его вытребовал из Редакции к себе обратно.

Если бы вы знали, как трудно и как неудобно заниматься беллетристикой мелкому губернскому чиновнику, то вероятно не обвинили-бы его в некоторой поспешности. — У вас там хорошо, все поддает пару, но мне... мне другое дело.

Жду с величайшим нетерпением свидания с вами. Островскому не пишу, потому что надеюсь лично с ним увидеться и переговорить.

Глубоко вас уважающий

А. Писемский

1851
Октября 9-го.

XIV

〈31 октября 1851 г., Москва〉

Мне еще вчера, Почтеннейший Михаил Петрович, Шевырев передавал, что Верстовский будет у вас — я несказанно этому рад и непременно явлюсь в 7-м часу.

Уважающий вас

А. Писемский

1851 г.
Октября 31.

XV

〈Середина ноября 1851 г., Москва〉

Прощайте—дай бог поскорее увидеться и чтобы уже не раставаться. Книги Вам посылаю. Нащет заглавия погодите, я еще не думал об этом — сказать на авось не хорошо: введешь Вас в ошибку.—

Постарайтесь завербовать Тур. Это будет очень полезно для журнала. Весь ваш *А. Писемский.*

P. S. К Редакции приспособляйте Щербину — он очень для нее хорош. Я может быть разберу роман Племяницу и вышлю Вам, годится, напечатаете, а нет — не надо. Альбомы у меня уложены, но посылаю им список, которой доставьте Рабусу, он хотел его пустить в ход.

XVI

⟨7 декабря 1851 г., Кострома⟩

Милостивый Государь,
Михаил Петровичь!

Вот уже 7-е Декабря, а корректуры Ипохондрика нет у меня, кроме трех полулистов, которые я увез с собой из Москвы.— Без моего просмотра ее нельзя печатать.

А. Н. Островский писал ко мне, что очищается место инспектора 1-й Московской гимназии и что С. П. Шевырев говорил о сем обстоятельстве Назимову. Я желаю и нуждаюсь перейти из Костромы по многим причинам: в 1-х меняется у нас Губернатор, во 2-х, говорят, упраздняется мое место и меня в таком случае причислят к Департаменту без жалованья и дернут в Петербург. Нет-ли слухов о моей Комедии из Питера.— Ехавши из Москвы я провалился на Волге или лучше сказать не я, а мой экипаж; все подмокло, испортилось совершенно руб. на 150 сер.

Похлопочите о переходе моем. Затем остаюсь

с полным моим уважением
Алексей Писемский

1851
Декабря 7-го

XVII

1851 г. Декабря 21 ⟨Кострома⟩

Милостивый Государь,
Михаил Петровичь!

Корректуру вашу я получил 19 декабря, а 21 возвращаю ее: перемен ни в чем никаких не сделал — не могу: богу одному известно, как я во все это время измучился и устал. Когда пишу это письмо, у меня умирает маленькой мой ребенок, но несмотря на это я сей час еду на следствие [сам больной и ра] по смертоубийству, по делу в котором должен буду неутомимо действовать сколько по обязанности чиновника, но более того, как человек, сам болен.— Просто недостает сил нести те [слож] разнообразные обязанности, которыми я обставлен! Облегчит-ли хоть сколько нибудь ваша Москва мою участь; неужели она, прокармливающая 70 000 жителей, не даст бедному литтератору службы, которая

бы дала ему кусок хлеба. На щет заглавий моих дальнейших произведений напечатайте, что будет помещен: Леший — повесть из народного быта или [лу] скромнее: повесть, она у меня уже в половину написана и я хочу ее поместить преимущественно: в Москвитянине. Об Москвиче в Гароль⟨довом⟩ плаще я ничего не могу сказать, его нет у меня под руками: Островский мне его еще не-выслал. Комик мой произвел в Петербурге фурор, по крайней мере так пишет мне Некрасов. Похлопочите Михаил Петровичь о моем переходе в Москву, попросите о том же [Михайла] Степана Петровича Шевырева, иначе у меня недостанет сил заниматься литтературой в той мере, как я теперь занимаюсь.

Ваш *Писемский*

P. S. Бога ради пишите ко мне чаще. Корректуру Ипохондрика прочитайте сами построже [я очень спе]. Пусть он выдет поблаговиднее.

XVIII

⟨25 Декабря 1851 г., Кострома⟩

Милостивый Государь,
Михаил Петровичь!

Прошлое письмо я писал растревоженный и потому позабыл Вам написать об деле: 1.) потрудитесь дать знать Конторе вашего Москвитянина, чтоб *ни* Отечественных Записок *ни* Современника для меня не выписывалось, 2.) велеть напечатать 5 или 6 экземпляров Ипохондрика, отдельных от журнала, из коих два или три на веленевой бумаге.

Другой экземпляр корректуры я получил, но исправлять не буду, потому что уже исправил первой и отправил.

У нас в Костроме то и дело, что болеют и умирают.—

Сей час получил письмо от Островского. — Несказно радуюсь ее успеху и заочно восклицаю: Ура!!! выдирай наши!!!

В будущем мце я надеюсь выслать к Вам свой разбор ⟨романа⟩ Племянница в форме письма от меня к автору.

К Вам послал из Костромы стихи в журнал некто Жохов, душевно бы желал, что бы они не были напечатаны, потому что наперед убежден, что в них одна только реторика; Коме-

диею Грюнберга вы дали кнут на себя другим журналам, если только они захотят обратить внимание на ее. Она ниже всяких слов.

Ваш слуга

Писемский

1851 г.
Декабря 25-го

XIX

⟨28 декабря 1851 г., Кострома⟩

Почтеннейший
Михаил Петровичь.

Из ваших билетов Москвитянина 1852 г. я успел продать 3, о чем пишу и в Контору. Прошу и с вашей стороны отдать приказ о высылке журнала по означенным мною адресам, а то что бы мне не остаться в дураках. Деньги я уже получил т. е. 46 р. 50 сер.

Ваш *Писемский*

1851 г.
Дек. 28.

XX

⟨22 января 1852 г., Кострома⟩

Милостивый Государь
Михаил Петровичь!

Обращаюсь к Вам с моей покорной прозьбою выслать мне с первой почтою 700 руб. или по крайней мере 600 р. сер. Мне страшная нужда: я сделал покупку и через полторы недели должен внести все деньги, в противном случае подпаду огромной неустойке. Надежда только на вас, из Современника получил [вперед] тысячу руб. сер., но еще тысячи нехватает. Вас вероятно нестеснит, потому что в настоящее время в Конторе денег должно быть много. — Еще прошу — не задержите. Что Комедия моя прошла или нет цензуру и что Назимов. — Если бы я знал наверное об Комедии, то принялся бы за новую, а должность видно только мечта, видно Москва не хочет дать мне приют. Бог с ней. От Степана Петровича, несмотря на все мое нетерпеливое ожидание, не получал писем. 1-й Номер ваш [бы] хорош; очень удачно задуманы переводы: Вильгельма Мейстера и Романа Шарль Бернарда

(последний самый талантливой из Францу⟨зских⟩ Белетристов). Над романом Р⟨остопчино⟩й смеются все даже наши провинциальные барыни. Обозрение Литтературы 1851-го ⟨года⟩ начато очень из далека.— Посоветуйте [меньше] больше говорить об авторах, чем о своих началах. Рецензию мне хотелось бы написать на Племянницу, но неумею, хочу ужь ограничиться письмом и если оно выдет удачно, то попрошу вас напечатать его. [Неоставл] Незабывайте о перемещении моем.

Ваш

А. Писемский

22 генваря

P. S. Еще повторяю мою прозьбу об деньгах.

XXI

⟨21 февраля 1852 г., Кострома⟩

Милостивый Государь,
Михаил Петровичь!

Вы напрасно огорчились моим последним письмом — я очень нуждаюсь: сделал покупку, затянулся в долги и решительно не знаю, как выпутаться. Я теперь болен и растроен в такой степени, что едва хватает смысла написать это письмо. Прописываю наш щет: я должен от вас получить по условленной цене 1500 р. сер. да за 40 экземпляров Тюфяка по 1 р. 25 к. 50 руб. Получено мною: в Феврале 1851 г. 250 руб. в Июне 250 руб.; в Сентябре — 70 руб., в Ноябре 100 руб. и 125 руб. Продано 6 экземпляров Москвитянина 99 руб. Забрано в Книжной Лавке книг: 1) [экземпляр] Географический Словарь князя Гагарина 6 руб. 2) Учебная книга Судопроизводства Дегая 3 руб. 50 к.; 3) Литтература Зеленецского 1 руб. 25 к. 4) Хозяйственный Календарь [50 р.] 50 к. 5) Фанты Географ. игра 3 руб. 6) Отечественные Записки 1851 г. 16 руб. 50 к. 7) Современник 16 руб. 50 к. Руководство к Законам Рожественского 3 руб. 50 к. 8) два экземпляра осьмнатцати выпусков Шекспира 18 руб. 9) Ледяной Дом 5 руб. 10) Новик 5 руб., итого на 78 р.75 к. А всего мною получено: 972 руб. 75 к. Осталось дополучить 577 руб. 25 к. — Москвича при всем моем нездоровьи начинаю переделывать. Нащет поставки Ипохондрика на сцену я на-

чинаю терять надежду. Петербурские журналы вооружились на меня, браняться все без исключения, Отечественные Записки и С. Петербур. ведомости ожесточеннее всех — вот результат, до которого я достигнул усиленными полутора годичны<ми> трудами! К 5 книге Москвитянина я вряд-ли успею переделать всего Москвича, потому что болен, устал, растроен.

Очень бы хорошо, еслибы вы надумали заехать в нашу Кострому и в таком случае буду просить Вас приехать прямо ко мне. До свидания — едва имел силы написать это письмо.

Ваш слуга

А. Писемский

1852 г.
Февр. 21-го

XXII

<Середина марта 1852 г.. Кострома>

Милостивый Государь,
Михаил Петровичь!

Где вы — в Москве или Суздале? а у нас в Костроме перемены большие: Губернатор наш Каменский, который ко мне был очень хорош, вышел в отставку и на место сие определен ваш помощник попечителя Муравьев. 1852 год для меня решительно черный — Ипохондрик лежит в цензуре, Журналы придираются, сам все болею. К Литтературному делу явилась леность и трусость, какое то недоверие к самому себе, а ободрить некому. Если я еще останусь на долгое время в Костроме, то решительно перестану писать. Москвича я переделал три уже главы, — на страстной займусь им хорошенько. Если он вам очень нужен, я пожалуй сначала вышлю половину, но откровенно говоря не желаю этого — вы видите, как Петерб. Журналы начали ко мне придираться, надобно быть осмотрительнее, я многое хочу переменить и назову О — е очерки — и только!..

Об деньгах я опять обращаюсь к вам с покорнейшею прозьбою [выдать], у меня нужда до зарезу. — По вашему письму я ожидал их в начале нынешнего мца, но не получил. Гоголь помер — смерть его на меня произвела самое тяжелое впечатление. — Он помер от мук, созерцая действительность

издали, но долго-ли придется жить нам, которые втянуты нуждою и семейством жить в этом омуте пошлостей и быть в полной зависимости от них. Как хороша комедия Островского Бедная Невеста. Все выведенные им типы мне снятся каждую ночь — Беневоленского я [изучил] выучил на изусть и недурно играю. Об Москвитянине доходят до меня самые лестные отзывы, от самых заклятых чтецов, укоряют только за бедность иностранных известий. Прощайте, остаюсь хандрящий *Писемский*

XXIII

<28 марта 1852 г., Кострома>

Милостивый Государь,
Михаил Петровичь!

Душевно благодарю вас за высланные деньги 500 руб., которые я получил. Извините, что не выслал еще Москвича, которого думаю назвать просто О-е очерки. Весь великий пост я болею. На святой надеюсь допоправить и на фоминой вышлю. Сочинения мои когда хотите начинайте издавать, но Богатого Жениха я в них не помещу, его надобно много переделывать, а он мне настолько <опротивел, что> пусть покуда пройдет только через Журнал. Брани и без того не оберешся, Москвитянину не грех бы мне и поспешить, в Петербурге над этим смеются. Я не советую вам верить Григорьеву на слово, он завирается иногда. Нащет поправок моих сочинений, то они будут не большие, у Брака по страсти надобно выключить [предисловие] заключение и окончить письмом Мамиловой, а остальное я могу сделать в корректуре, которую прошу ко мне выслать. Экземпляров моих Москвитянина я не за что не измараю, они слишком для меня дороги по воспоминаниям. Комедия Островского нравится всем без исключения. Получены письма из Петербурга, что мое место уничтожено: Москва видно места не даст, надобно будет хлопотать в Питере, а нет, так как Рымов определюсь в Питейную Контору. В Костроме мне жить более, чем не в терпеж.

Прощайте.
Желаю вам всего лучшего
А. Писемский

P. S. Нащет условия, то оно бесполезно для вас, а обременительно для меня: Сотрудником вашего Журнала я буду постоянно, но не настоль <*недописано*> который меня заставляет волноваться и торопиться. Я Островскому писал, чтоб он выслал мне портрет Гоголя но он м. б. неисполнит моей прозьбы, [при] напомните ему или сами вышлите самый лучший какой только есть, что будет стоить я с благодарностью заплачу.

1852 г.
Марта 28-е.

XXIV

<2 апреля 1852 г., Кострома>

Милостивый Государь,
Михаил Петровичь!

Первое слово мое: спасибо за все ваши хлопоты, которые вы предприняли для поставки моей комедии на сцену. Вы первый дали мне литературный ход, первый положили камень для отдачи ее в дирекцию, ваше желание перетащить меня в Москву и наконец теперешнее ваше беспокойство — все это делает в такой мере меня обязанным Вам, что мне с Вами и не расквитаться. С Москвичем сверх ожидания я встретил пропасть хлопот, а именно с пятой главы я должен переделать сподряд все сцены, или лучше сказать написать совершенно другие, потому что Капринский в прежних очень похож на Богатого Жениха. Я сей<час> бы мог послать к Вам четыре отделанные главы, но хочется сформировать все и все вместе пересмотреть.

Последнее письмо ваше о запрещении Ипохондрика меня одурило: я упал духом, но временно, поверьте: я знаю себя! Буду биться до нельзя: посылаю к Вам два письма: к Перфильеву и к Назимову, если они написаны без такту или бесполезны почему нибудь другому, то задержите, а нет так отправьте. Наш добрый Князь Гагарин с этою же почтою отправляет мою комедию к отцу (к Князю Павлу Павловичу) и просит его, чтобы он попросил Дупельта или даже Графа Орлова о пропуске моей комедии на сцену. В отношении дальнейших наших сношений вы не беспокойтесь: я буду деятельным и постоянным сотрудником Москвитянина, но связывать условием себя боюсь. Богатого Жениха мне надобно

переделать много. Лучше пустите мои со<чи>нения без него — в нынешнем году я неуспею, я думаю, его переделать, впрочем уведомлю вас об этом окуратнее через несколько времени.

Не оставьте меня бедного Литтератора, которому нынешний 1852 год очень тяжел, а затем

остаюсь с моим уважением
преданный *А. Писемский*

1852 г.
Апреля 2-го.

XXV

<Середина апреля 1852 г., Кострома>

Почтеннейший Михаил Петровичь.

Я не знаю, как и благодарить за все ваши хлопоты по моим делам, но увы! Ипохондрик непропущенный отнял у меня всякую надежду переехать в Москву. Я бы желал знать по подробнее какое именно место открывается в Типографии, вероятно оно гораздо ниже моего, которое в 7-м классе с 600 руб. сер. жал<ованья>, а там сколько, какова квартира, все это надобно иметь в виду по подробнее: я и здесь с моей семьей едва концы с концами свожу, а в Москве и подавно. Москвичь <для> вас изготовляется. Богатого Жениха кончил— как гора с плечь; я все болею; коректуру моих сочинений прикажите высылать постепенно. Ваш *Писемский*

P. S. Об месте бога ради уведомте окуратнее, а также и о том, что вам ответил Перфильев.

XXVI

<6 мая 1852 г., Кострома>

Милостивый Государь,
Михаил Петровичь!

Первое слово: положите гнев на милость, но впрочем я виноват не совсем, если бы вы знали, как мне трудно переделать было? — я изменил все почти характеры и переделал [почти] более половины сцен, так что мне легче бы было написать новое и по сю пору остаюсь еще недоволен. Посылаю Вам шесть глав, а 7-ю, 8-ю и 9 вышлю на следующей почте; они написаны, но мне хочется еще почитать их — всего в повести 162 полулиста и я желал бы, что бы вы напечатали ее в двух книжках: в 1-й — четыре главы до 75 ли-

ста, а остальные 5 во второй. Я назвал очерками, но если найдете удобным, то можете назвать повестью. Печатать начинайте, если вам нужно, сей час же, остальное я вышлю непременно на следующей почте. Очень бы желал почитать корректуру, но вы вероятно затруднитесь мне выслать. Об Ипохондрике я получил положительные и самые грустные известия. Теперь в Костроме Степан Васильевичь Перфильев, он несколько дней из Петербурга и говорил о моей комедии с Дупельтом, тот был почти согласен, но цензор востал и доказал им, что комедию мою не одобрил потому, что она длинна, скучна, нет ни одного хорошего лица и неимеет идеи, и когда Степан Василь<евич> сказал, зачем вы нападаете так на Москвичей, разумея Островского, то ему сказал: они пишут в одном роде. Степан Васильевичь советует мне сократить и попеределать и прислать хоть к нему, то может быть пропустят, но неверно. Что мне делать — посоветуйте — сокращать, а более того переделывать для меня почти невозможно. Перейти в Москву тоже для меня несбыточная мечта — но да будет во всем воля божья. Прощайте и не сердитесь и щитайте меня всегда

душевно вам преданным

Писемским

1852 г.
Мая 6-го

XXVII

<14 мая 1852 г., Кострома>

Почтеннейший Михаил Петровичь!

По жела<ни>ю сочинительницы этой рукописи прилагаю при сем мое письмо — Г-жа Кобякова желает поместить свое произведение в Москвитянине и обратилась по этому случаю ко мне. Написанная ею быль взята из устного предания: прабабка ее была личною свидетельницею этого происшествия и передала его со всеми подробностями своему семейству. Сочинительница девица-купчиха, писала это тайком от [семейства] [других] родных из страсти к авторству.

Как распорядитесь с нею, почтите меня уведомить, а за тем

остаюсь

покорнейшим слугою

Алексей Писемский

1852 г.
Мая 14-го.

XXVIII

<14 мая 1852 г., Кострома>

Почтеннейший Михаил Петровичь!

Посылаю Вам окончание Этманова, уведомьте, когда вы думаете начать его печатать и во скольких книжках поместите? Посоветуйте что мне делать с Комедией моей.

Ваш слуга покорный

Писемский

1852 г.
Мая 14-го

XXIX

<6 июня 1852 г., Кострома>

Почтеннейший Михаил Петровичь!

Возвратившись в Кострому я нашел ваше письмо. Последние два письма [послал я с п] я вручил авторам, страстно желающим напечататься... [в] отказать было совестно особенно вспомня как некогда я и сам терпел их участь — т. е. писал, а непечаталось. За литтературное достоинство их я впрочем неотвечаю, но думаю, что стихи Воронова можно напечатать. Заглавие Этманов мне самому ненравится: назовите: Своебышник, оно очень будет идти к герою и может быть поможет рецензентам открыть смысл расказа, в чем [оне] они т. е. петербурские критики обнаруживают часто крайнее тупоумие.

Нащет письма Назимова к Муравьеву. Я очень-бы желал, чтобы ему сказали обо мне хорошое слово, тем более, что он, говорят, едет предубежденный, но только, что бы он написал ему по почте, а лично передавать мне неловко.—

Нетерпеливо желаю познакомиться с Арнольди. Теперь я ничего не пишу, увлеченый службою, в которой проводить правду вряд-ли не труднее, чем в Литтературе, но — да будет воля божья. Пришлите мне бога ради корректуру Этманова или Своебышника. Островскому и прочим приятелям стыдно за меня: они упорно молчат на все мои письма. Затем прощайте —

остаюсь душевно вам

преданный *Писемский*

1852.
Июня 6-го.

P. S. Понять немогу, почему ваш Москвитянин не идет вперед в подписчиках, по здешним местам напротив: его выписывают и читают сотни людей, которые прежде и незнали о существовании его, мне думается, что в этом случае и Питерские журналы лгут и что сам г. Краевский не имел того числа подписчиков, которое он оглашал. Но во всяком случае я [⟨нрзб⟩ и потому знать ничего не знаю и не ведаю, что] думаю, что это только на нынешний год вам испытание еще, а там пойдет лучше.

XXX

⟨20 июня 1852 г., Кострома⟩

Почтеннейший Михаил Петрович!

Я на днях только узнал, что Владимир Иванович Назимов был в Костроме, а в это время ездил в Галичь; объясните ему это, а то он может думать, что я не хотел к нему явиться. Новый наш Губернатор приехал и очень бы хорошо, если бы Влад⟨имир⟩ Ив⟨анович⟩ замолвил ему за меня словечко. Арнольди тоже в Костроме, я его случайно встретил у Прокурора. Может быть он хороший и Литтературный, как вы писали, человек, но чтобы он желал познакомиться со мной, этого не видно, живет здесь около двух недель, а ко мне неедет, вероятно на том основании, что я Губернский, а он Министерский чиновник. Из разговоров с ним я заметил, что он в грош не ставит Бедной Невесты Островского, следовательно не наших литтературных убеждений.

В Костроме мне прежде было тяжело жить, а что теперь будет и сам не знаю. Что мой Своебышник, читали-ли вы его и другие и как его находят?

Служебные хлопоты и дрязги отнимают у меня и время и спокойствие и потому я ничего не пишу. Москвитянин ваш в последние два мц̃а очень слаб, даже критические статьи очень малы; хоть бы Вильгельма Мейстера переводили побольше.

Напишите мне весточку о Литтературном движении, я ничего не знаю: есть в голове моей план комедии под названием Раздел наследства, где хочется выразить жадность нескольких наследников, прикрытое обычной фразой: мне ничего не надобно, а конец ее будет состоять в том, что

покойник сам всех разделил и все останутся видимым образом довольны в силу того, что страсти человеческие при необходимости унимаются. Прощайте, остаюсь душевно вам преданный

А. Писемский

20 Июня
1852 г.

XXXI

‹18 июля 1852 г., Кострома›

Почтеннейший Михаил Петрович!

Очень давно уже не получал я от Вас никакой весточки; а мы здесь живем и беспрестанно слышим о литературных утратах: еще померли двое, Загоскин и Брюллов. Моего Своебычника вы не печатаете и вероятно не будете печатать до осенних месяцов, а меня торопили; вследствие чего последние главы я, по обыкновению, свернул. Журнальные приятели не пропустят удобного случая, и продернут меня. Нельзя ли Вам выслать ко мне корректуру его или просто рукопись: я вам возвращу ее исправленною и к назначенному сроку, непременно.

За тем желая вам всего лучшего остаюсь

с моим уважением

Алексей Писемский

1852-го
Июля 18-го

XXXII

‹22 августа 1852 г., Кострома›

Милостивый Государь,
Михаил Петровичь!

Возвращаю Вам корректуру через три дня по получении, кажется не задержал. Очень бы хотел, что бы [они] очерки были [названы] помещены в двух книгах, но теперь ужь это будет неудобно сделать: вы не прислали мне половины — в нынешней книжке поместите до четвертой главы, а на следующую книжку назначенную, когда мне пришлете корректуру. Название я переменил и называю: M-r Батманов. Почему назвал M-r Батманов — этому есть объяснение в самом расказе. Для страниц 30 и 34 посылаю дубликаты.

Уведомьте меня, какая участь постигла посланной от Г-жи Кобяковой к Вам Роман при моем письме в Июне мце, она каждый день ходит почти ко мне и справляется.

Душевно желаю, чтобы Москвитянин исправился, а то ужь он мца четыре из рук вон, как плох. Все жалуются и негодуют. Такими статьями как об Алф. de Mycet не составишь подпищиков, и за количество их в будущем году я очень опасаюсь. Прощайте, почтеннейший Михаил Петрович, желаю вам всего лучшего. На меня что-то нынче тяжелый год: умер маленкой ребенок, сам страдаю постоянно головными болями и ничего почти не пишется.

Ваш *Писемский*

1852 года
Августа 22-го

Вторую корректуру вы все таки велите продержать, я за себя не ручаюсь вполне.

XXXIII

〈22 сентября 1852 г., Кострома〉

Почтеннейший Михаил Петрович!

Возвращаю вам корректуру с первою, по получении, почтою: я ее получил 18-го числа, а 22 отправляю: меня заботит, каким образом она попадет во вторую сентябрскую книжку.

За ваши хлопоты о моем Ипохондрике я несказанно благодарю: по совету вашему я начал его переделывать, но в сильном затруднении, что именно изменить: вы писали, чтобы я старался принОровиться к литтературным замечаниям, но их почти не было: Современник, например, сказал, что в Комедии нет общей завязки, из которой бы все вытекало, может быть это и справедливо, но изменить не возможно. Библиотека для чтения наговорила вздор какой-то; Отеч. Записки отозвались желчно — и только: какими же советами прикажете пользоваться. [Д] Одно, [до чего] что мне кажется самому — она длинна немного и поэтому я хочу ее сократить; но что мне потом делать с нею, — не знаю: каким образом и куда именно я должен ее послать. Об ходатайстве кроме вас ни на кого надежды не имею: сам я думаю быть в Москве и в Петербурге не ранее зимы: если откладывать до этого времени, то зимний сезон опять пропущу. Уведомьте меня, как и что

мне сделать. Мне что-то нынче выдался не литературный год. Вторую статейку для Москвитянина готовлю: Питерщик, т. е. мужик, промышляющий по мастерству в Питере. Ипохондрика ранее месяца не могу переделать, потому что теперь у нас идет Губернаторская ревизия. — С будущего года я попросил бы у вас места в фельэтоне, в роде провинциальных писем, в котором я стал бы передавать [и] мнения публики и личные мои мнения о новых произведениях беллетристики.

Нащет новых собственных произведений, в голове их много, да на бумагу не кладуться, — это впрочем ничего: подобное напряженное состояние мысли со мной бывало и всегда почти разрешалось деятельностию.

Уведомьте, бога ради, меня об Ипохондрике: поставка его на сцену и успех придаст мне новые силы, случись это и я в один месяц берусь написать две комедии. Затем, желая вам всего лучшего и душевно радуясь вашей успешной продаже Древлехранилища, остаюсь

покорный ко услугам
А. Писемский

P. S. Корректуру прикажите продержать еще раз, я за себя не ручаюсь. Ипохондрика я переменю и сокращу очень не много: не переменить-ли заглавие и не назвать-ли Мнительный.

XXXIV

<21 октября 1852 г., Кострома>

Почтеннейший Михаил Петровичь!

Батманов мой прошел: нравиться он или нет и что мне делать с Ипохондриком, — я его сократил и даже готов переменить заглавие и назвать: Мнительный; но не знаю, как поступить, куда его послать, кого просить — и наконец не знаю, где вы и пишу это письмо на удачу.

В Декабре или в Генваре я сбираюсь в Москву и Петербург, чтобы хоть сколько нибудь поосвежится от пошлой Костромской жизни; все это время я болею: вот уже месяц, как ни дня ни ночи не знаю покою от зубной боли; и к несчастию здесь очень много господ, которые готовы и съумеют выбить зубы у своего брата, но выдернуть зуба никто не умеет.

Не разрешите-ли мне прислать к Вам переделанного Ипохондрика.

Прощайте, почтеннейший Михаил Петровичь, писать более ничего не имею, остаюсь

с моим уважением

А. Писемский

1852 г.
Октября 21-го.

XXXV

<28 октября 1852 г., Кострома>

Почтеннейший Михаил Петровичь!

Посылаю на ваше покровительство моего переделанного Ипохондрика, которого я перекрестил в Мнительного. Похлопочите о разрешении его — только и надежды на Вас, сам я не знаю, когда соберусь в Питер, да один ничего и не сделаю. Я все болею и хандрю; Костромская жизнь меня доколачивает по немногу, но да будет воля божья: все, говорят, к лучшему. Не могу выразить, как я рад успеху в поставке пиэсы Островского. Писатель без сцены не может сделаться популярен, а Островскому предпочтительно грешно быть не популярным: он имеет на это все права. Пишу это письмо через Контору, которую прошу, если вы уже в Петербурге, переслать к вам туда. О Костромских моих делах я сообщу вам лично. Писать об них будет очень много. Приятелям моим, а по преимуществу Островскому, скажите, что я на них сердит: они все в отношении меня поступают не только не по приятельски, но даже неприлично: все это я им выскажу при свидании при вас. Затем прощайте. Не позабудьте в вашем ударе <?>, я вам за это послужу.

Ваш слуга

Писемский

1852 г.
Октября 28.

XXXVI

<25 марта 1854 г., Раменье>

Милостивый Государь,
Михаил Петровичь!

Спешу отвечать на ваше письмецо, в котором вы пишите, что сердиты на меня, а за что — необъяснили, а потому я ничего не могу Вам сказать на это, что же касается до

поручения к Иванову, то я ему писал, лично-же передать не мог, потому что не живу более в Костроме, а не живу потому что не служу более: с легкой руки Муравьева у нас такая дрянь стала начальниками, что поставили в необходимость не соглашаться с их дурацкими распоряжениями, они написали кляузы к министру и так как на святой Руси подчиненный всегда виноват, то для *пользы службы* меня и перевели в *Херсонь* — за 1700 верст, а мне и ехать-то с моей семьей туда неначто. Теперь я живу в маленкой своей деревнюшке и когда и чем улучшиться мое положение — не знаю. Пишется мало, а хандриться много; будущею осенью еду в Петербург хлопотать о какой нибудь службе, буду поэтому в Москве и буду у Вас; а затем желая вам всего хорошего остаюсь

покорный ко услугам

А. Писемский

1854.
Марта 25.

XXXVII

⟨1863—1864 гг., Москва⟩

Непременно буду, почтеннейший Михайло Никифоровичь. Островского повидать некогда, да он [уж и знает — слышал

ваш

Писемский

XXXVIII

⟨22 ноября 1864 г., Москва⟩

Мой дорогой и многоуважаемой Михайло Петровичь!

И сказать не могу как мне стыдно Вас, но не душа сие творит, а разные житейские заботы: я бы сейчас же к Вам ехал и заключился в ваши объятия; но две недели как болею и никуда не выезжаю; боюсь сильно, что до воскре⟨се⟩нья не выеду, а потому не завернете-ли как нибудь ко мне: для прочтения в обществе есть у меня „Русские Лгуны" и Драма (очень ужь нецензурная!) и потолкуем что лучше прочесть.

душевно и искренно

Вам

преданный

А. Писемский

1864 г.
Ноября 22.

XXXIX

<Декабрь 1864 г., Москва>

Почтеннейший Михайло Петрович!

На сегодня я уже дал слово, а потому я приеду к вам в субботу; (сын ваш сказал, что это ничего и возможно сделать эту перемену). Привезу к вам и драму и очерки „Лгуны“, что желаете, то и можете заставить меня читать. В Московских Ведомостях я сейчас был; там никакой грозы не чают и не ждут. О какой это туче вы слышали, напишите пожалуста.

ваш *Писемский*

XL

<5 февраля 1869 г., Москва>

Многоуважаемый
Михайло Петрович!

С величайшею готовностью исполнил-бы Вашу просьбу, но не имею к тому возможности, во 1-х потому что просимое Г-ом Смирновым место решительно независит от меня: Газетным столом у нас заведывает Ассесор, которому я уже и говорил о Г-не Смирнове, о котором я уже несколько дней тому назад получил письмо от Максимова; но Ассесор мне отвечал, что место это отдаст бывшему Помощнику, уже около 20 лет служившему на этом месте и никакому другому лицу этого места отдать не может — и не смотря на дальнейшие мои просьбы он окончательно отказался их исполнить.

Что же касается до того, что не бывал у Вас, так в этом *виноват и сильно виноват*, но что делать?.. недуги, дела, писанье: написал и печатаю Роман в 5-и частях, но непременно буду у вас; сговорюсь с Майковым и буду у вас.

Душевно и глубоко вас уважающий

А. Писемский

5 Февраля
1869 г.

ПИСЬМА К РАЗНЫМ АДРЕСАТАМ

XLI. РЕКТОРУ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

〈19 августа 1844 г., Галич〉

Его Превосходительству, Господину Ректору
императорского Московского Университета
Аркадию Алексеевичу Альфонскому

Действительного Студента 2-го отделения Философского Факультета
Алексея Писемского

ПРОШЕНИЕ

Имея честь быть удостоин советом императорского Московского Университета звания Действительного Студента на акте, бывшем в нынешнем 1844-м году, Июня 10-го, покорнейше прошу, Ваше Превосходительство, о выслании мне атестата и бумаг моих, поданных мною при поступлении моем в императорской Московской Университет в 1840-м году на собственное мое имя, в место моего жительства, которое имею в городе Галиче Костромской Губернии. В удостоверение же моей личности прилагаю присем свидетельство, полученное мною из Правления императорского Московского Университета и подпись собственной руки, засвидетельствованную Г-м Галичским Городничим. 1844-го года Августа 19-го дня. К сему прошению Действительный Студент 2-го отделения Философского Факультета *Алексей Писемский* руку приложил.

XLII. М. Н. ПОХВИСНЕВУ

<28 мая 1868 г., Москва>

Милостивый Государь,
Михайло Николаевичь!

Ваше милостивое внимание к литературным трудам моим дают мне смелость снова обратиться к Вам по поводу пиэсы моей Бывые Соколы, составившей для меня предмет стольких колебаний и опасений. Долгое размышление о ней наконец вразумило меня нетолько смягчить сюжет, который состоял в кровосмешении, но даже совершенно исключить этот возмущающий мотив, так что пиэса моя сделалась нетолько вполне цензурною для печати, но даже возможною и к постановке на сцену, в следствии чего я вместе с сим письмом и представляю ее в Главное Управление Цензуры для разрешения ее к представлению на театр. Если бы и в настоящей ее переделке г. Цензор встретил надобность в изменении каких либо несущественных подробностей, то я покорнейше просил бы дать мне о том знать, и я их немедленно и с полною моей готовностью сделаю.

Еще раз поручая Вашему благосклонному вниманию мой труд, имею честь пребыть

Вашего Превосходительства
покорнейшим слугою
А. Писемский

1868 г.
Мая 28.

Адрес мой: на Поварской, в Борисоглебском переулке, в собственном доме.

XLIII. В. И. РОДИСЛАВСКОМУ

<18 мая 1873 г., Москва>

Милостивый Государь
Владимир Ивановичь!

Покорнейше прошу Вас войти в соглашение с содержателями всех частных театров в России, а также и с обществами, дающими театральные представления, касательно платы мне, как автору, за представление сочиненных или переведенных мною пиэс и в случае последовавшего на то между

Вами соглашения, заключать контракты или брать подписки с Г. г. содержателей театров и помянутых обществ на условиях Вам известных; в случае же не согласия кого либо из тех содержателей и обществ производить требуемую Вам в мою пользу плату и заключить с Вами на сей предмет контракт или дать подписку на то и представления им какой либо из сочиненных или переведенных мною пиэс; прошу Вас предъявить на то лицо или общество надлежащий иск и преследовать его судебным порядком, требуя с него вознаграждения и наказания его по закону а также просить административные места и лица о принятии мер к предупреждению нарушения моих авторских прав. По сему во всех случаях нарушения моего авторского права, относительно представления на сцене сочиненных или переведенных мною пиэс, а также и в случае если бы кто из заключивших с Вами помянутое условие или давши подписку в платеже в мою пользу денег, потом бы не стал сего соблюдать, Вы имеете полное право подавать во все судебные и административные места и должностным лицам прошения, объявления и всякого рода бумаги, а также и апеляционные ⟨и⟩ кассационные жалобы, выслушивать решения, изъявлять удовольствие или неудовольствие и рукоприкладствовать к тем решениям, а также и заключать мировые сделки, но сии последние не иначе как с моего письменного согласия на них, равно получать исполнительные листы и производить по ним взыскания и получать деньги за представление моих пиэс. Во всем том, что по сей доверенности Вы или Ваши поверенные или поверенные сих последних законно учините в том Вам верю, спорить и прекословить не буду. Доверенность сия принадлежит Коллежскому Советнику Владимиру Ивановичу Родиславскому. — Коллежский Советник *Алексей Феофилактов Писемский*. Жительство имею на Поварской, в Борисоглебском переулке в своем доме.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ОБ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ В 1861 ГОДУ

Библиотека для Чтения, с ноября месяца этого года и в будущем 1861 году, будет издаваться под редакциею А. Ф. Писемского.

Сознавая вполне всю трудность принимаемой на себя обязанности подписавшийся под этим объявлением прежде всего озаботится о том, чтобы пригласить для участия в различных отделах журнала таких постоянных сотрудников, из числа которых иные исключительно, а другие преимущественно обязались или сделали обещание отдавать свои труды и время этому журналу. Обещание сотрудничества в „Библиотеке для Чтения“ нам дано между прочим и от бывшего ее редактора, которому она по справедливости, обязана своим настоящим положением в общественном мнении.

Доводя об этом до сведения публики и не делая заранее никаких преувеличенных обещаний, редакция „Библиотеки для Чтения“ считает, однако, необходимым объяснить, что сообразно с симпатиями лучшего большинства, во внутреннем характере этого журнала должно произойти существенное изменение. По своему способу смотреть на вещи, редакция „Библиотеки для Чтения“ столько же далека от того, чтобы проникнуться духом порицания и крайней неудовлетворенности, сколько и от того, чтобы приходить в восторг от характера того совершающегося на наших глазах движения, в которое вовлечены все действующие силы нашей страны.

Наряду с многими другими размышляющими людьми, мы имеем наклонность думать, что за исключением отъявленных врагов рода человеческого, действиями всех остальных человеческих существ скорее управляет желание добра и правды, чем какие нибудь другие побуждения; только различные умы, вследствие подчинения их разнообразным влияниям, утрачивают свое природное свойство понимать добро и истину одинаковым образом. В этом заключается обильный источник коллизий между человеческими волями и убеждениями. Но в этом же самом, с другой стороны, открывается и способ смотреть на неблагоприятные факты не как на злоумышленные поступки, и представляется возможность не почитать заблуждение за преднамеренную ложь. Издаваемый нами журнал никогда не будет упускать из виду эту простую истину. Живая борьба из за живых предметов, конечно, может и даже должна вызывать на увлечение, тем не менее, высказанная нами правда постоянно будет присуща духу нашего журнала: этого требуют как чувство собственного достоинства со стороны лиц, принимающих в нем

участие, так и безусловная необходимость честного поведения в отношении к чужим личностям, не одинаково с нами думающим или поступающим.

Оставаясь по прежнему при своей широкой программе — „Журналом Словесности, Наук и Политики“ „Библиотека для Чтения“ в ее литературном отделе [1] будет пользоваться, как это было и прежде, кроме исключительного и обязательного участия в ней ее нового редактора, сотрудничеством наших лучших писателей; для заведывания другими ее отделами, как сказано выше, приглашены постоянные сотрудники; кроме того редакция не только не уклоняется, но и оказывает полнейшую готовность к принятию всякого дельного труда, подходящего под программу и общее направление нашего журнала: при этом мы вменяем себе даже в обязанность поселять уверенность в всех, кто желает войдти в сотруднические сношения с нами и журналом, что дальность расстояния и невозможность личных переговоров для нас ни в коем случае не могут и никогда не будут служить препятствием — оказывать должное внимание всему, что только, по нашему мнению, будет того заслуживать.

По примеру прежних годов „Библиотека для Чтения“ будет выходить с „отдельными приложениями“, с тою, однако, разницею, что приложения эти только наполовину будут состоять из произведений бельлетрических; другая половина их, по предположению редакции, составится из переводов лучших иностранных публицистов. Редакция предполагает также отступать иногда от прежнего правила, принятого нашим журналом — давать приложения без всякого раздробления, непременно в одной книжке, так как правило это, в применении к делу, оказывалось не совсем удобным и нередко заставляло редакцию отказываться от предложения публике самых значительных произведений иностранной литературы единственно по той причине что они по объему своему не могли быть даны в одной книжке.

Полагая, что всякий серьезный орган журналистики только тогда может почитаться состоятельным, когда его теории — со стороны просвещеннейшего меньшинства пользуются добрым сочувствием, а для большинства остальной публики служат более или менее энергической инициативой, редакция „Библиотеки для Чтения“ ничего лучшего не будет добиваться, как только удовлетворения этим двум значительным требованиям. Очень может быть, что при доброй воле людей, приготовленных к труду, при хорошем расположении к нашему журналу многих литераторов, не исключая и тех, которые наиболее ползуются любовию публики, требования эти будут исполнены и на самом деле. Во всяком случае, мы хотели бы как можно менее сбещать, но имеем расположение сделать несравненно более, чем обещаем. За тем нам остается объявить:

Условия подписки на 1861-й год

⟨следуют условия подписки⟩

Редактор *А. Писемский*
Издатель *В. Печаткин*

---

[1] С конца прошлого года по настоящее время „Библиотека для Чтения“, между прочим, успела счастливо соединить в этом отделе: Повесть И. С. Тургенева „Первая любовь“ и Драмы А. Н. Островского „Гроза“ и самого редактора — „Горькая Судьбина“. Оба последние произведения были удостоены в нынешнем году Уваровских премий.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

ОБ ИЗДАНИИ В 1862 ГОДУ ЖУРНАЛА БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ

В 1862 году „Библиотека для Чтения" будет издаваться под той же редакцией и при участии многих новых сотрудников.

По истечении годичного издания мы считаем себя некоторым образом в праве заявить о своем, по преимуществу реальном, направлении, которое в будущем году мы надеемся сделать еще более определительным.

Следившие в продолжение истекающего года за нашим журналом могли заметить, что мы в самом отделе беллетристики по преимуществу старались сказать дело, правду, — выражалась ли она в протесте против какого нибудь существующего зла, или в раскрытии каких нибудь новых бытовых сторон русской жизни, или, наконец, в эскизах и очерках, знакомящих, почти этнографически, с каким нибудь краем — с его обычаями, поверьями и преданьями, — таковы, например: „Гаваньские чиновники", очерки г. Генслера; „Бедные дворяне", роман г. Потехина; „Свои собаки грызутся, чужая не приставай", картина Московской жизни, г. Островского; „Мещанская жизнь", повесть г. Зарубина; „Сказания Уральских казаков", г. Железнова.

В научном и критическом отделах мы держались того же самого направления, которое, при научной строгости, всегда старались соединить с возможно-популярным изложением. Запас статей, а также и приглашение новых сотрудников, специалистов по предметам сельского хозяйства и финансов, дают нам возможность коснуться, в будущем году, тех новых житейских нужд и интересов, которые в настоящее время, конечно, составляют для каждого главнейший предмет внимания [1].

---

[1] Редакция покорнейше просит г. г. землевладельцев доставлять ей всевозможные статьи, касающиеся устройства имений по вновь установляющимся отношениям с временно-обязанными крестьянами, об устройстве имений на наемном труде, о лесном хозяйстве, о дренаже, об употреблении машин, о пользе или бесполезности применения их на нашей почве, разведении и выкормке скота, об разного рода семенах, о посевах собственно корнеплодовых растений, — словом все те сведения, которые в настоящее время при переходе к рациональному хозяйству, необходимо распространять во всеобщее известие ⟨*примечание автора*⟩.

Программа нашего журнала, мы полагаем, достаточно известна читателям; она — почти общепринятая в русской журналистике:

I. Беллетристика.

II. Статьи научного содержания и критические.

III. Библиография.

IV. Обозрение внутренней жизни России, которое мы будем предлагать постоянно.

V. Политика.

VI. Иностранная литература.

VII. Фельетон, который будет состоять из беглых записок Юного Фельетониста Петра Нескажусь, юмористических рассказов и поэм, а также из писем Салатушки.

и VIII. Приложения, которые и в будущем году будут нами даваемы в том же объеме и на тех же условиях...

⟨следуют условия подписки⟩

Редактор *А. Писемский*
Издатель *В. Печаткин*

НАБРОСКИ ИЗ ПРОШЛОГО

I

ЗЕНАИДА СЕМЕНОВНА ГРУДИНА

⟨*ПОСЛЕДНЯЯ РЕДАКЦИЯ*⟩

Мне от всюду приходится слышать, что [в] настоящее время укоряют в разпущенности нравов, в отсутствии строгой семейной жизни... Я сам неохотник до настоящего времени за его меркантильное и почти рыночное направление, за его повсеместно совершающие⟨ся⟩ крупные [и] бесстыдные *и слабонаказуемые* кражи и подлоги, за пошлость всего того, на чем, казалось бы, непременно должна была лежать печать таланта, ума, добросовестности; но что касается до господства амура и его шаловливых проказ, то смею заверить, что сей маленький божок также [*как и ныне*] царил [и также проказничал] во время моей ранней молодости, [а мне ужь теперь 60 лет,] как творит он это и ныне: в целом околодке, где я жил и где протекли мои юные года, может быть насчитывалось собственно в дворянском и чиновничьем кругу две, три добродетельные матроны [а прочие дамы увы-далеко были небезукоризненны], я не считаю в этом случае дам безобразных по весьма простой причине, что считаю их нравственность несколько вынужденным качеством: они оставались добродетельными по невозможности быть грешными, хотя и между ими встретил я весьма яркое исключени⟨е⟩, показывающее, что *даже некрасивые* дамы при известной ловкости и уменьи обходят это затруднение и являются не только путаницами, т. е. такими, что [за]*по*путается незаконно с каким нибудь одним господином да ⟨и путается⟩ с ним *потом* всю жизнь, но даже ⟨могут⟩ быть шалуньями, меняющими свои победы *с тою же поспешность*⟨*ю*⟩, как башмаки. Такого рода [пример] *экземпляр* я встретил в З⟨енаиде⟩ М⟨ихайловне⟩ Грудиной, которую узнал когда ей было лет 35 слишичком: собой она не думаю чтобы когда нибудь была хороша. Фамилию Грудиной она заимствовала от мужа, весьма недолго с ней прожившего в сожительстве и затем уехавшего куда-то далеко служить [и З⟨енаида⟩ М⟨ихайловна⟩ вряд-ли [даже] имела об нем какие нибудь] [да, кажется,] *впрочем писавшего ей довольно часто весьма нежные* [чувства] и дружественные *письма*, которые З⟨енаида⟩ Ник⟨олаевна⟩ читала своим знакомым и при этом прибавляла, что человек раз ее полюбивший, никогда не [чувствует к ней озлобления] озлобляется *против нее*, а напротив сохраняет в *отношении ее* самое теплое

чувство [к ней]; но как бы то небыло фамилия Грудиной к ней чрезвычайно шла: самому близорукому человеку кидалось в глаза гигантское развитие ее груди, так что [я до] ее довольно большой живот не замечался при этом и казался необходимым подстаментом тяжеловесных орнаментов, украшающих ее груды. Лицо З<енаида> М<ихайловна [имела красное, надутое, как-бы с подложеными кулаками под щеки, одевалась или полохолом или без вкуса, а, по живости своего характера, говорила без умолку и по преимуществу с молодыми мущинами, беседуя с которыми бесцеремонно выражал<а> свои чувства и даже малейшие ощущения за [непреложные мысли и аксиомы. Бывало как пустит трель [о превосходстве женщин перед му<жчинами>] об любимых своих тэмах, так возражать ей было совершенно невозм<ож>но, и главным образом потому что она топила вас в [мор] целой квашне, доморощеных фраз, из которых как из густого теста выкарабкаться было невозм<ож>но[сти].

Я жил с З<енаидой> М<ихайловной> *несколько месяцев в одном* уезд<н>ом городке, в высшем обществе которого и по преимуществу между дамами был на меня спрос — чему конечно весьма много содействовали мой московский туалет, мои парные с энотовой полостью сани и пара серых лошадей, раскормленых, но глупо приезжаных, которые то и дело, что подхватывали. Садясь в [эти] свои сани и закутываясь в ватяную с бобровым воротником шинель [я испытывал] и приподнимая даже плечи, чтобы казаться военным, я испытывал нечто похожее, что испытывали вероятно тогда все молодые люди: вообще в этот период моей жизни я был большой шалопай: ничего не делал, ничего не предпринимал и предпочитал всему на свете разговаривать с нестарыми женщинами о чувствах, сохраняя при этом несколько печеренский тон, имея девизом: вы мо<л> для меня ничего, а я для вас кое что значу... Когда я написал эти строки меня точно ножем ольнуло в сердце: о, где и куда ты мелькнула моя молодость! Возвратись возвратись мне хоть в сновидении со всею твоей глу<постью,> пустотой увлечениями и надеждам<и!>

З<енаида> М<ихайловна> с первой же встречи подцепила меня и непременно потребовала [от меня] чтобы я бывал у нее. Я стал бывать... Сначала я слушал ее, трели с некоторым удовольствием, а потом мне стало [становиться] это и скучновато, но все таки я заезжал к ней и раз наскочил, что она была в экстазе самоговорения, иначе не могу этого назвать, потому что З<енаида> М<ихайловна>] не допускала малейш<его> возражения себе.

— Поверьте вы мне, начала она сразу, [кладя] сажая меня рядом с собой на диван и кладя свою толстую и красновату<ю> руку на мою руку, случайно положеную на стол, что женщины умеют люб<ить>.

— Чем вы это докажите, возражал я ей, полегоньку вытаскивая свою руку из под ее руки и в тоже время желая посердить и взволновать ее.

— Тем, отвечала Зенаида Н<иколае>вна, ударяя себя пальцем в один из угорьков своей не совсем скромно распахнувшейся груди: тем, например, что я люблю даже животных.

Я насмешливо выпучил на нее глаза. З<енаида> Н<иколаевна> оскорбилась моим насмешливым взглядом.

— Даже животных, проговорил я протяжно.

II

Зинаида Семеновна Грудина.

СТРАНИЦА РУКОПИСИ ТРЕТЬЕЙ РЕДАКЦИИ РАССКАЗА „З. ГРУДИНА“

— Ах вы, дрянной, дрянной человек, воскликнула она: я очень хорошо понимаю какая скверная мысль сидит у вас в голове обо мне!.. Я к ним сострадаю и милосердствую, — поймите вы меня!.. И вот доказательство: я третий год не ем мяса... Мне ужасно подумать, что их убили, казнили, как преступников, убили хитро, лукаво, так что они даже не ожидали что дни их сочтены, и все это для того, чтобы я наслаждалась и кушала их мясо.... Я не хочу этого наслаждения и питаюсь только мучной пищею и зеленью.

Об этом самоотвержении З<енаиды> Н<иколаевны> я еще прежде слышал по городским рассказам и местные скептики [более умеренные] объясняли этот факт тем, что З<енаида> Н<иколаевна> не кушает никакого мяса потому что надеется этим уменьшить красноту своего лица, а другие более злобные говорили, что она это делает из боязни продолжать свое плодородие, хотя [из] у нее из восьми рожденных детей всего только и оставался один, сынишко. Но она жила если не de jure, то de facto врозь с мужем, а потому ей делаться беременной было неловко].

— Но не все-ли это равно, возразил я ей с некоторой горячностью, разве у тех растений, которые вы кушаете, не отнимают точно также жизни, когда их скашивают и срывают!

— Растения не чувствуют! на первых порах смело отпарировала [мою мысль] *мое возражение* З<енаида> Н<икола>в<на>.

— В том-то и дело, что чувствуют! От чего-же они лезут своими ветвями всегда к солнцу? от чего, при благоприятной погоде, вид всех растений веселей?

Видимо, что последним моим замечанием З<енаида> Н<иколаевна> [*по ее мнению*] была приперта к стене — я ударил ее [своим] *ее* собственым ору[ж]*д*ием.

— Да, вы правы и они тоже вероятно чувствуют, произнесла она с некоторым оттенком сентементальности в голосе и вместе с тем снова положила свою руку на мою руку, которую я имел неосторожность все еще продолжать держать на столе.

— Вы, я знаю, любите одну женщину, начала она и при этом сильно пододвинулась ко мне так что я почувствовал легкое и тепловатое [со] прикосновение ее ноги к моей ноге. Я поспешил поотодвинуться от З<енаиды> Н<иколаевны.>

— Это кто еще вам сказал, спросил я ее уже сурово: мне всегда *было* оскорбительно когда со мно<ю> разгова*рив*али об этом.

— Сказывали; и я сама это наблюдала и что-жь? Эта женщина достойна любви. Она может любить горячо и глубоко — неужели вы не убеждены что сила женщины не в уме, ни в красоте, а в том, что она может безрассудно любить.

Зенаида Николаевна закурила папироску и чем далее ее курила, тем в больший и больший приходила азарт.

— Что мне в вас досадно! — восклицала она, кидая на пол недокуренную папироску и снова сей час же закуривая другую — вы слишком сидите в себе!.. Слишком умны и слишком благоразумны для ваших лет, — это ужь гадко!

„Я [очень] не то, что очень умен и благоразумен, но главное — ты-то мне противна“, — подумал я [и в] про себя; вслух-же проговорил:

— Нельзя об человеке с ветру судить; надобно пуд соли прежде съесть!

— Правда, правда! подхватила З<енаида> М<ихайловна>: постараюсь поскорее съесть с вами этот пуд соли.

В передней в это время раздался чей-то голос, звонков тогда еще не было. Зенаида Семеновна неизвестно почему-то сконфузилась и отсела от меня на другой совсем конец дивана.

Вошел молодой человек с незначительным лицом, шепелявый, но вежливый и покорный, одетый плоховато.

— Я был у вас по-утру, но не застал вас дома и пришел теперь.. произнес молодой человек и скромно уселся на кресло.

Зенаида Семеновна совсем притихла и между нами прекратился всякий разговор; но вдруг в комнату шумно вбежал сынишко Зенаиды Семеновны, мальчик лет шести, — кто был собственно ему отец это, может быть, ведала одна только Зен<аида> Сем<еновна,> но в обществе только отрицали <*на этом рукопись кончается*>

⟨ЗЕНАИДА НИКОЛАЕВНА БРЮХОВА⟩

⟨ФРАГМЕНТ ПЕРВОЙ РЕДАКЦИИ⟩

⟨...⟩ как нынче щеголяет разговорами о политике, о науке, об искусстве.

[Но] *Вскоре* раздался [зво] голос в передней, (звонков тогда еще не было) [М. М.] *З⟨енаида⟩ Н⟨иколаевна⟩* видимо смутилась несколько и отсела от меня совсем в угол дивана.

Вошел молодой [чиновник] *на вид человек* с незначительным лицом — шепелявый но вежливый и покорный: одетый плоховато.

— Я был у вас поутру но не застал вас дома и пришел теперь.

И молодой человек опустился на кресло. [М. М.] *З⟨енаида⟩ Н⟨иколаевна⟩* совсем притихла.

— А матуш⟨ке⟩ вашей лучше? спросила она кротким голосом.

— Нет, она больна очень, отвечал м⟨олодой⟩ челове⟨к.⟩

В это время влетел сыни⟨шка⟩ лет шести [М. Ми] З⟨енаиды⟩ Н⟨иколаевны⟩.

— Дядя Николя, [заревел] заорал он на всю комнату и прямо вскочил на колени молодого человека.

Тот [с ним] было начал *с ним* говорить [что-то весьма интересное для обоих], но мальчишка *вместо того, чтобы слушать его* схватил его за халстук и [перевер] потащил [его] к себе.

— Миша, будь умен! [воскликнула] *произне⟨сла⟩* мать.

Но мальчик продолжал тянуть так что молод⟨ой⟩ человек силился у него вырвать галстук и с некоторым усилием успел это сделать; тогда мальчишка соскочил с его колен и схватив стоящий в углу прут, которым выбивали мебель, [и по] снова подбежал к молодому человеку ⟨и⟩ начал его хлестать им по [колен⟨ям⟩] *лядвеям*.

— Миша, Миша! кричала почти в отчаянии мать и сделала было движение, чтобы вырвать у расвирепевше⟨го⟩ ребенка пруд, но он и ее огрел по шее.

— Боже мой, боже мой, что он со мной делает! почти прост⟨она⟩ла [М. Брюхова] *З⟨енаида⟩ Н⟨иколаевна⟩*.

Я бесился, а *бедн⟨ый⟩* молодой человек потирал себе [колени] *лядвеи* нахлестанн⟨ые⟩ прутом. К счастью быстро вошла нянька, сурового как видно закала женщина, схватила ребенка, вырвала у него хлыст и как он не корчился и не кричал унесла его к себе и вероятно куда нибудь еао заперла, потому что [слышался] *послышался* рев и стук.

— [Эта женщина] *Эта старуха* только и спасает меня от его — но чтожь — я не мо⟨гу⟩ воспитывать детей [сурозо] строго!

Все это *наконец* показалось мне отвратительны⟨м,⟩ и эта базобразная маменька и чудище ее ребен⟨ок⟩ и шепелявый молодой человек — я поспешил уехать от нее и приехал в клуб, где прямо наскочил на пьяного Трухова, ведающего как свои пять пальцев всю губ⟨ернию⟩ [и при этом человека весьма злого, но беспристра⟨стного.⟩] Меня он совсем, кажется, не уважал и разумел за пустого малого.

— Что вы все возитесь с барынями.

Слух об этом был уже силь⟨но⟩ растрепан в городе, но слуша⟨тель⟩ мо⟨й⟩ поклонник разговоров о женщи⟨нах⟩, о чувс⟨твах.⟩

— Все с барынями, отвечал я.

— Теперь от кого же?

— От Брюховой.

— Начала ужь вас обхаживать.

— Меня ей обхаживать не для чего. У нее ужь ес⟨ть⟩ обхоженый.

— Это ничего, она меньше как на тройке не ездит.

— Что-жь она за мужем?

— За мужем.

— Где жь ее муж?

— Уехал в Сибирь, чтоб хо⟨ть⟩ как нибудь не прос⟨л⟩ыхать о ней.

— Но зачем же он так бегает от нее?

— Во первых от безобразия ее, а затем от того, что она оче⟨нь⟩ ужь сильно любит.

— Как сильно любит, когд⟨а⟩ ездит постоянно на трой⟨ке?⟩

— Это ничего не значит. — Но как же вы познакомились с ней?

— Я играл с ней на благород⟨ном⟩ спектак⟨ле.⟩

— Так!

— Играл я и прескверно роль перво⟨го⟩ любовника.

— Так.

— Но ей исполнение моей роли ужас⟨но⟩ понравил⟨ось.⟩

— Так.

— Она пристала ко мне, чтобы я непременно был.

— Так, так все как подобает.

— Но я у ней ужь больше не буду.

— Нет, будете еще! отвечал Крюков и ушел от меня играть в карты.

За тем мне предстояло еще другое щекотливое объясне⟨ние⟩ — я приехал поутру [к] собственно к предмету моей страсти — это была женщина *по своему* умная, сдержанная. Первый вопрос который она мне сделала

— А где это вы были вчера вечером?

Я ей сказал прямо, что у Брюхо⟨вой,⟩ а потом в клубе.

Вдруг у предмета моей страсти глаза вспыхнули, она привстала даже на своем кресле и произнесла почти шипящим голо⟨сом⟩

— Если вы у этой женщины побываете еще раз, то я вас возне⟨на⟩вижу и умру.

— Но что-жь вас толь⟨ко⟩ может тут так беспокои⟨ть⟩: вы этой женщины моложе, красивее, умнее.

— Конечно, подтвердила она несколь⟨ко⟩ успокоясь, но еще от нее никто не уходил, кого она хотела сделать своим любовником.

— Но она вовсе не хочет сдел⟨ать⟩ ⟨меня⟩ своим любовником! возразил я, смутно чувствуя, что Б⟨рюхо⟩в⟨ой⟩ я нравлюсь.

— Нет хочет, возразила мне моя bien aime — иначе бы она не стала ни разговаривать ни приглаш⟨ать⟩ вас к себе.

„Вот, подумал я, едучи домой, попал в передел, между тем как в голове все более и более зрела мысль стать больш⟨им⟩ писател⟨ем⟩, сделаться известным всему миру, а между тем что-же я делаю: шелопайничаю и увы! как странен путь провиденья — все это шелопайничанье и разговоры с женщинами оказались очень полезны и психически и практически.

Но как бы то не было я к Брюховой не ездил, но вот в дру⟨гой⟩ раз, мне лакей сказал — единственный лакей — что ко мне приехала Г-ж⟨а⟩ Б⟨рю⟩хова — я пришел почти в ужас — во первых я ее видеть не желал, а потом по понятиям того време⟨ни⟩ прие⟨хать⟩ к холосто⟨му⟩ челове⟨ку⟩ даме известного, порядочно⟨го⟩ кру⟨га⟩ неприлич⟨но⟩ но это не удержало и всегда мне при существ⟨овании⟩ чувств⟨а⟩ любовн⟨ого⟩ ⟨*недописано*⟩ Я пригласил ее. Она вошла ко мне по обыкновению омерзительно одетой и оче⟨нь⟩ печально⟨й.⟩

— Я к вам, сказала она и сейчас же *порыви⟨сто⟩* закурил⟨а⟩ папиро⟨ску.⟩

Я молчал.

— Вы слышали, что я человека, которо⟨го⟩ любил⟨а⟩, лишила⟨сь.⟩

Я на это только вопроситель⟨но⟩ взмахнул гла⟨зами.⟩

— Вот того, которого вы видели у меня — очень еще молодого человека:

— Что-жь он умер? спросил я с некоторым учас⟨тием.⟩

— Он уехал, служить куда-то далеко.

— Но что-же [вам] *тебе* угодно от меня? подумал я — и в слух сказал.

— Очень жаль конечно! ответи⟨л⟩ я.

— Но вы приедете ко мне, навестите меня хоть умирающ⟨ую?⟩

— Непременно, бухнул я.

Б⟨рюхо⟩в⟨а⟩ пожал⟨а⟩ мне руку и уехал⟨а⟩.

Дня через два мне опять бы⟨ла⟩ трепка от предмета моей страсти. Она, кажется, знала до мельчайших подробностей, где я был и что делал.

— У вас была Брухова? спросила она.

— Была! отвечал я ей открыто⟨?⟩

— А что я вам говорила, что если [она будет] вы будете видаться с ней, то я вас брошу, и прошу вас не бывать у нее.

Как я не старался ей объяснить, что не я у ней, а она у меня была, ничто не действ⟨овало.⟩ Предмет моей страсти ушел от меня тигрицей.

Я остался глубоко огорчен, но не как все⟨?⟩ и продолжал измышлять что вот как бы написать так-то роман и такой-то — все это проходило впрочем скоро а мой гневный⟨?⟩ предмет моей страсти не был в действитель⟨ности⟩ так жесток; когда я приезжал к ней она плакала, рыдала, обнимала, целовала. Я как б⟨удто⟩ бы до сих пор чувств⟨ую⟩ капающие на мое лицо слезы, из которых попали мне некоторые в рот и я до сих пор еще чувствую их горько соленоватый вкус ⟨*на этом рукопись кончается*⟩

НАБРОСКИ ИЗ ПРОШЛОГО

I

ЗЕНАИДА НИКОЛАЕВНА ГРУДИНА

⟨ВТОРАЯ РЕДАКЦИЯ⟩

Зимние удовольствия в [довольно большом уездном городе] *городе N.* были в самом разгаре: я в качестве молодого человека (мне тогда было всего дватцать пять *лет)* был нарасхват в обществе. Меня лично и по запискам беспрерывно приглашали на балы, на вечера, в собрание. Вероятно этому успеху моему не мало содействовали мой сшитый еще в Москве у лучшего портного в Москве на широкий, Англинский покрой, начинавший тогда *входить* в моду ⟨фрак⟩ и не могу скрыть, что я сам чувствовал эфект [этого] моего фрака и гордился им; [не могу] не мало [к тому] вероятно придавали блезку мне и мои парные, с пол⟨о⟩стью, сани запряженные хорошо выезженной парой серых коней. Садясь на них я не без ефекту закутывался в свою энотовую шубу и вылетал со двора. Добрая матушка *моя,* в это время стоявшая у окна [*вместе ⟨с⟩ двумя теткам и моими*], молила *бога* только об одно⟨м⟩, чтобы лошади не зашалили и чтоб кучер не напился пьян. [О любви и об пристрастии ко мне [доб] старушки не могу даже вспомнить без слез, пиша эти строки; но тогда конечно ничего этого не понимал и даже тяготился этим] *Я на ее беспокойство обо мне, доходящем почти до страдания, тогда не обращал никакого внимания* и вообще *в перед моей жизни* был несколько фат и предпочитал всему на свете разговаривать с нестарыми женщинами о чувствах, сохраняя [впрочем] при этом несколько Печеренский оттенок *с таким девизом:* вы мо⟨л⟩ для меня ничего, а я для вас кой-что значу; последующий затем [горький опыт] *события* показали *мне,* что они-то для меня гораздо *более* значил⟨и,⟩ чем я для них. [Но как бы то не было [я вечер] *за отсутствие⟨м⟩ чисто детских удовольствий*] *Один из вечеров* я проводил у З⟨енаиды⟩ Н⟨иколаевны⟩ Грудиной. [Когда я с ней познакомился ей вероятно] *Ей в это время*[было слишком за 35; собой не думаю, чтобы она когда нибудь была хороша и ужь совершенно не грациозна. Фамилию Грудиной она приняла от мужа конечно [совершенно] случайно, но она к ней шла *до* невероятности. Всякий самый близорукий человек *и* самый ненаблюдательный замечал [этой] гиган⟨т⟩ское развитостию ее груди, — *так что* даже ее большой живот не замечался при этом и

казался необходимою подстановкой [этих] тяжеловесных орнаментов, *украшающих ее грудь*; одевалась З⟨енаида⟩ Н⟨иколаевна⟩ полохо а по живости своего характера говорила без умол⟨к⟩а и по прейму⟨ще⟩ству с молодыми людьми, которых она собирала к себе с [невероятным] *замечательным* искусством. В беседе со всеми нами юными [птенцами] *ее знакомыми* она [го] ⟨говорила⟩ не стесняясь, и главная *сила* ее речи состояла в том, что она свои чувства и даже мимолетные ощущения выражала за непреложные мысли и аксиомы. Бывало, как пустит трель о самоотвержении, [и главное] о любви и [главным образом] о превосходстве женщин над мущинами, то возражать ей было трудно, главным образом потому, что она топила вас в море фраз, выкарабкиваться из которых можно было только с большим усилием.

— Поверьте вы мне, говорила она на этот раз, кладя свою *толстую и,* красноватую руку на мою руку (что мне было [почти физиологически] *невыносимо* противно), поверьте: женщины умеют любить.

— Чем вы это докажете, возра⟨*часть рукописи отсутствует*⟩

И молодой человек опустился на кресло.

Зенаида Николаевна совсем притихла

[— А сестре вашей лучше? спросила она кротким голосом] и разговор между нами не начинался. Вдруг в комнату шумно влетел сынишко З⟨енаиды⟩ Н⟨иколаевны⟩, мальчик лет шести, *от кого он у нее был может быть она сама это ведала, а другой никто, кроме того, что он прижит не от мужа.*

— Дядя Николя, *дядя Николя,* заорал он [на всю комнату] во все горло и прямо вскочил молодому человеку на колени. Тот было начал что-то такое рассказывать ему но мальчишка вместо того, чтобы слушать, схватил его за галстук и начал его тянуть к себе так что молодой человек побагровел даже.

— Миша, будь умней! произнесла слегка строгим голосом ⟨Зенаида Николаевна.⟩

Но мал⟨ь⟩чишка продолжал душить молодого ⟨человека⟩, который наконец сделав усилие успел у него вырвать концы галстука, тогда мальчишка соскочив с колен, схватил стоявший в углу хлыст, снова подбежал к молодом, человеку и начал хлестать этим хлыстом молодого человека по лядвеям.

— Миша, Миша! стонала почти в отчаянии мать и сделала было движение ч⟨тобы отнять у⟩ расвирепевшего ребенка хлыст, но и ее огрел своим орудием по раскрытой шее.

— Боже мой, что он со мной делает! простонала уже в окончательном отчаянии мать.

[К счастию быстро вошла должно быть нянька и сурового, повидимому, закала женщина] Я бесился, а бедный молодой человек потирал себе лядвеи. К счастию быстро вошла вероятно нянька и сурового, как видно, закала женщина она, ни слова не говоря, схватила ребенка, вырвала у него хлыст и как он ни корчился и не орал и унесла его во внутрение комнаты и думаю, что заперла его в какой нибудь ⟨чулан?⟩ потому что стук и крик его раздавался на [все комнаты] весь дом.

— Эта старуха только и спасает меня от Миши, но что жь делать: я не могу воспитывать детей строго.

Наконец мне сделалось невыносимо созерцать все это, начиная с безобразной маменьки и ее чудовища ребенка, до скромного, но глупого должно быть молодого человека. Я поспешил уехать и направился в клуб. Там как нарочно я застал Григорья Матвеича Ковырнева, громадного мущину, толстяка, занимающего<ся> исключительно тем, что он ел, пил, и острил.

Он был уже на пятой бутылке шампанского, но как и всегда не в одном глазе. Он в это время, по его собственным словам, опивал одного молодого джентильме<на> в силу того своего нравственного правила, чтобы приучать молодых людей уважать старших. Меня Г<ригорий> М<атвеич>, как еще щенка, [не уважал] полюбил зато, что я с искренным удовольствием выслушивал его рассказы про всю почти губернию, которую он знал *всю* до мельчайших подробностей.

— А, тебя только и недоставало! воскликнул он — шампанского! приказал он опиваемому им молодому человеку.

Тот немедленно разспорядился об исполнении его приказан<ия> и мне был налит бокал шампанского.

— Откуда? [продолжал ме] начал меня допрашивать Ковырнев.

— От Грудиной! отвечал я ему.

— Так! протянул Ковырнев. Кого-же видел<и> там?

— Прежде всего ее самое.

— Так!

— Потом молодого человека <...>

— Белокурого и сопливого? подхватил Ковырнев.

— Белокурого и сопливого, повторил я значит<ельно.>

— Так — все это в порядке. Нежна она с ним? спросил Ковырнев.

— Больше молчалива и сентементальна.

— Так! согласился Ковырнев — шубу ему сшила, чтобы не простужался милушка!

— Но меня вывел из терпения ее сынишка. Этот дьяволенок какой-то.

— Отчего-же дьяволенок? В мать.

— Но где же муж ее? спросил я.

— В Сибирь даже уехал *от нее* на службу.

— Почему от нее?

— От пламенной любви.

— Но помилуйте, я слышал, она и многих других еще любит.

— Многих, но это ничего не значит. Она всех пламенно любит, а ваше благородие она еще не обошла?

— Нет, и не обо<й>дет надеюсь.

— Ну, не надейтесь.

— Надеюсь, *потому* что она мне гадка.

— Теперь гадка, а потом покажется мила — она многих вас сосунцев оплела.

— Но чем?

— Тем, что [говорит умно] *разговаривая все о возвышен<ных> предметах* и чувствовать умеет сильно.

Проговор<ив> это Ковырнев встал, увел сво<е>го учени<ка> играть с ним в карты, тоже вероятно, что<бы> заставить уважать старших; я же поехал к предмету моей страсти, *М-те Мери*; это была высокая стройная

брюнетки с жгучими черными *глазами* и далеко не с поко‹р›ным характером. Я любил ее искренно и она, как мне казалось любит *меня* очень сильно, хотя я у ней и был уже в третьем номере. Поздний час моего приезда был между нами условлен заранее: муж [предмета моей страсти] *M-me Мери* уезжал в это время к своей любовнице, крепостной женщине, отпущенной им на волю и [которой он на свой счет устроил] [которую он содержал почти как дворянку] содержимой им в довольстве. По сухому и пристальному взгляду [*с которым*] M-me Мери, которым она встретила меня, я понял, что мне предстоит трепка, но за что собственно на первых порах я не догадывался.

— От куда вы ко мне приехали? спросила она с первого же слова.

— Из клуба, отвечал я не могу сказать чтобы мягко и‹ли› сурово.

А перед клубом где вы были? продолжала Мери *свой допрос* с тем же суровым и строгим выражением в лице:

[— До клуба я был] она имела привычку разузнавать о каждом моем выезде из дома.

— До клуба я был у Грудиной, отвечал я ей тем же нетрусливым тоном.

Мери встала и выпрямилась во весь свой большой рост. Грациозна она *была* [до последней степени] в этот момент, как пальма.

— Я это наперед ожидала, произнесла она и начал‹а› ходить по комнате.

Я в свою очередь тоже обозлился.

— Я у Грудиной всего третий и‹ли› четвер‹т›ый раз.

— Вы не должны у нее бывать ни одного разу: я лучше и красивее всех здешних женщин! воскликнула Мери: вы не шу‹ти›те со мной! заключила она и погрозила мне своим бериловым кольц‹ом›.

— Но я вовсе не для красоты и бывал у Грудиной и других женщин.

— Для чего же?.. Что жь они умнее меня и больше занимают ваш ум своими разговорами?

Будь я в то время уже [писателем] автором я бы ответил ей, что я бываю потому что я писатель, а писатель всюду должен стараться бывать начиная с дворца до кабака, но я не был еще ‹им›, но Мери и не поверила ‹бы› мне: в какие нибудь мои писатель‹ские› способности она не верила, да если бы и верила, так невысоко бы их оценила: она видела во мне человека глубоко *и безраздельно* ей преданного ‹*на этом рукопись кончается*›

ПИСЬМА Н. А. ПИСЕМСКОГО к А. Ф. и Е. П. ПИСЕМСКИМ

I

9 сентября ⟨1873 г.⟩
С. Петербург, Вознесенский проспект, дом № 101/57, квар. № 9.

Любезная мамаша!

Всю эту неделю я был занят отыскиванием разного рода книг кые мне нужны для приготовления к экзамену, так как я решился в Ноябре держать на второй, в Мае на третий, в Ноябре будущего года — на четвертый, в Мае будущего ⟨1875⟩ года — на пятый. Благодаря такому более равномерному распределению своих экзаменов я в состоянии буду окончить курс Института в три года. Вчера я был у Куликовых и у Майковых. И те, и другие только что вернулись с дачи. Целое утро мне пришлось пробеседовать с Николай Ивановичем Куликовым. Признаться сказать он меня удивил. Я воображал его дряхлым старцем и вместо того нашел, в нем человека весьма приятного в беседе, всем интересующегося, следящего за литературой и в добавок ко всему сохраняющего постоянную веселость духа не смотря на испытываемые им страдания. У Аполлона Николаевича Майкова траур и скука. От самого Аполлона Николаевича так и разит „Гражданином". Избавляю себя от передачи разного рода поклонов, кые Вам посылают, ибо это заняло бы целую страницу. На днях был у Максимова, но не застал его дома. Его в этот день постигла маленькая неприятность: Трепов за что-то рассердился на него и чуть-чуть было не посадил его под арест. Оригинальный способ наказывать провинившегося редактора!

Николай Николаевич Куликов предлагал мне один довольно выгодный урок, а именно обучать великого князя Николая Николаевича младшего сельскому хозяйству, но к сожалению я должен был отказаться от него, ибо в сельском хозяйстве ни черта не смыслю. Куликов в настоящее время обучает детей всех наших министров.

В настоящее время я живу не один: ко мне переехал товарищ мой по унивиреитету и теперь студент Института Лукин; экономии ради мы будем жить вместе. Да притом оно и веселей, так как один я порядком соскучился на своей квартире. Не сомневаюсь, что Павла скоро выбалло-

тируют и пошлют за границу. Что вам тогда делать в Москве. Уговорите папашу переехать в Петербург. Климат петербургский положительно изменился к лучшему за последние два года. В прошлом году напр. стояла такая великолепная погода, что члены Статистического конгресса уехали от нас в полном убеждении, что ни одна страна земного шара не обладает таким восхитительным климатом как Петербург. В своих прощальных речах они выражали сожаление, что им приходится расставаться с этим великолепным небом вечно безоблачным и чистым!... Больше писать некогда, ибо тороплюсь в одно место.

Остаюсь любящий Вас сын *Н. Писемский*

Целую папашу и Павла.

II

<22 октября 1873 г.>

Любезный папаша!

Спешу тебя известить, что сегодня, т. е. в Понедельник, я не имел возможности навести справку в Министерстве народного просвящения, так как сегодня праздник казанской божьей матери и присутствия в Министерствах нет. Есть правда дежурный чиновник, но на предложенный мною вопрос он отозвался незнанием и пригласил меня явиться за справкою завтра, т. е. во Вторник. (Кстати: Дьяков не директор, а вице-директор). Само собою разумеется, что я завтра же напишу тебе о результате моей справки.

Что касается до твоей пиэсы <„Ваал">, то во второй раз она прошла с гораздо бо́льшим успехом, чем в первый, так что на нынешнюю неделю она назначена два раза: сегодня в Понедельник и потом еще в Четверг. Я сказал, что она прошла с гораздо бо́льшим успехом; но из этого не следует, чтб. актеры играли лучше. Напротив того: они играли хуже, но они играли во вкусе публики Александринского театра. Пожинать лавры на этот раз пришлось Струйской, Подобедовой и Жиду. Каждая сцена, в кой они участвовали, вызывала шумные и продолжительные рукоплескания. В игре Струйской и Подобедовой не было прежней сдержанности и прежнего старания: они развязались, произносили свои монологи с подчеркиваньем наиболее эффектных мест, одним словом делами все чтб. угодить грубому и неразвитому вкусу Александрин<ской> публики, — и достигли своей цели.

Отзывы петербургских газет об твоей пиэсе в высшей степени разноречивы: одни отнеслись к ней с похвалой, другие — со словом осуждения, но и те и другие обнаружили полное непонимание как основной идеи пиэсы, так и разных частностей. Обвинения вертелись главн. образом на том, что ты опять бросаешь грязью в молодое поколенье, что твой „Ваал" есть не что иное как продолжение „Взбуламученного моря", что твой желчный темперамент не позволяет тебе замечать прекрасных сторон в молодом поколении и т. п.

Остаюсь любящий тебя сын *Н. Писемский*

Целую мамашу и Павла.

III

⟨23 октября 1873 г.⟩

Любезный папаша!

Я сейчас от Дьякова и спешу тебе сообщить о результате моей справки. Дьяков объявил мне, что окончательного решения еще не воспоследовало и пригласил меня придти за оным в Четверг. По мнению Дьякова, должно ожидать решения в благоприятном смысле. Товарищ министра написал, что „желательно было бы“..., что равносильно согласию.

Н. Писем⟨ский⟩

IV

ТЕЛЕГРАММА № 720

26 окт⟨ября⟩ 1873 года 3 часа 20 мин. д⟨ня⟩

Москва

Повар. Борисоглеб. пер. д. Писемского
Алексею Феофилактовичу Писемскому

Павел командирован с 1 ноября пусть немедленно приезжает в Петербург.

Писемский

V

Понедельник
29-го октября ⟨1873 г.⟩

Любезный папаша!

Бумага о посылке Павла за границу отправлена к попечителю в Субботу за № 11267. (Впрочем не придавай особенного доверия этой цифре, так как чиновник, кый мне ее говорил, сам кажется не особенно был в ней уверен). От попечителя бумага пойдет в университет, где Павлу должны дать инструкцию для его заграничных занятий. Если он успеет взять эту инструкцию — хорошо; но *мне кажется*, что он может ехать не дожидаясь ее.

Пиэса твоя назначена на этой неделе один раз. Об игре актеров в двух последних представлениях я не успел еще собрать сведений. Что же касается до публики, то она как и печать разделилась на два лагеря: одни безусловно осуждают, другие безусловно хвалят. Ваал сделался новостью дня. „Слышали ли Вы Ваала“ — теперь обычная фраза в петербургских гостиных.

Остаюсь любящий тебя сын *Н. Писем⟨ский⟩*

На днях представлялся Семенову, директору статистического комитета. Принял он меня в высшей степени любезно.

VI

⟨Ноябрь 1873 г.⟩

Любезный папаша!

Сегодня я проводил Павла за границу. Пиэса твоя на эту неделю не была назначена к представлению, о чем публика весьма сожалеет. Был сегодня у Аполлона Павлыча. Марья Павловна нездорова.

До Берлина во втором классе Павел заплатил 38 рубл., да за багаж 9 р. 60 к. На днях был у Маркевича. Я встретил его в Министерстве народного просвещения, и он меня настоятельно просил, чтб. я его посетил. Принял он меня в высшей степени любезно, познакомил с женой, племянником и племянницей. При прощании пригласил меня навещать его как можно чаще. По всему видно, что я имел счастье приобресть его расположение.

Ты, бы сделал очень хорошо, если бы переехал в Петербург, ибо, не знаю как Вам, а мне одному страшно скучно жить.

Писать больше нечего. Остаюсь любящий тебя сын *Н. Писемс⟨кий⟩*

P. S. Месячные свои деньги я получил и приношу тебе за них благодарность.

VII

⟨24–27 ноября 1873 г.⟩

Любезный папаша!

Спешу тебе самым категорическим и точным образом отвечать на все поставленные тобою вопросы. Я принят, согласно прошению, на государственную службу, в Министерство, Внутренних Дел, с причислением к оному и с откомандированием для занятий в Центральный Статистический Комитет, с 27-го минувшего Октября, о чем и получил уведомление от Департамента Общих Дел. Пиеса твоя пойдет на Мариинском театре в Четверг; не замедлю сообщить тебе о впечатлении, кое она произведет на мариинскую публику. Вчера я был у Авсеенко. Там меня между прочим многие спрашивали, начал ли ты писать задуманный тобою роман, на что я отзывался незнанием, так как мне ни слова об нем не говорил. На днях получил письмо от Павла, но он так скверно пишет, что я многих слов не понял, адреса же совсем не разобрал, так что вынужден был отвечать молчанием на его послание. Напиши мне пожалуйста поразборчивее его адрес.

У нас стоит теперь погода, известная под названием Треповской весны. На улицах снег весь свезен и ездят в пролетках; таких куриозов в Москве никогда не бывало.

На днях представлялся великой княгине Александре Петровне. Аудиенция продолжалась около четверти часа. Между прочим спрашивала меня, сколько тебе лет. Я удовлетворил ее любопытство и затем раскланялся.

В Пятницу отправляюсь к Майкову и сообщу ему все, о чем ты пишешь. В Воскресенье узнаю о результате Субботного заседания и в тот же день извещу тебя. Остаюсь любящ. тебя сын *Н. Писемск⟨ий⟩*

P. S. Крепко целую мамашу. Маркевич между прочим каждый раз меня спрашивает, такая ли она теперь красавица, какая была прежде.

VIII

⟨2 декабря 1873 г.⟩

Любезный папаша!

В Субботу „Ипохондрик“ был пропущен; рассмотрение же „Раздела“ отложено до следующей Субботы, так как некоторые из членов комитета не были знакомы с этой пиесой (так по кр⟨айней⟩ мере говорил мне

Ап. Ник. Майков). На Четверг я взял было себе билет в Мариинск. театр, явился туда и к великому моему удивлению мне пришлось видеть вместо „Ваала“ — „Прекрасную Елену“. Дело в том, что „Ваал“ в этот день шел в Александрин. театре и только по ошибке было напечатано, что он идет на Мариинск. В Алекс. театре он шел с громадным успехом. Особенно много вызывали Струйскую. Об том, что „Ваал“ прекрасно идет на московской сцене, я прочел в „Голосе“.

Не замедлю исполнить все твои поручения и, исполнивши, тотчас же извещу.

Остаюсь любящий тебя сын *Н. Писем⟨ский⟩*

P. S. Деньги я получил и приношу тебе за них мою благодарность. Крепко целую мамашу. В след. письме напишу ей адрес Марьи Павловны, она теперь чувствует себя лучше.

Воскресенье.

IX

⟨5 декабря 1873 г.⟩

Любезный папаша!

Душевно радуюсь тому громадному успеху, кый твой „Ваал“ имеет на Московской сцене. Я очень рад, что это по истине прекрасное произведение нашло себе достойных актеров. Нечего и говорить, как я желал бы видеть „Ваала“ разыгранного московскими актерами; к сожалению это невозможно. В типографии Траншеля я был в Понедельник. Оказалось, что она переехала в Стремянную улицу в собств. дом № 12. Вследствие переезда там царствует хаос невообразимый. Процензированного экземпляра они не нашли. Я взял удостоверение в том, что пиеса „Подкопы“ была пропущена цензурою в том тексте, в каком она напечатана в „Гражданине“ в 1873 году. Впрочем я не теряю надежды, что они отыщут этот экземпляр. В Академии наук я был сегодня, но оказалось что Сомова (заведывающего канцелярией) нет дома. Узнав час, когда он бывает дома, я вынужден был уехать, не исполнив твоего поручения.

Что касается до удостоверения, выданного мне типографией Траншеля, то форма его такова:

„Сим удостоверяю, что пиеса „Подкопы“ Г-на Писемского была пропущена цензурою в том виде, в каком она напечатана в „Гражданине“ в 1873 году“.

4 Декабря
1873 года.

Фактор Типографии *Ив. Дмитриев*

Удостоверение это написано на листочке, в ком сбоку напечатано: „Типография и Литография Траншеля“.

Если процензированный экземпляр не будет найден, то можно ли будет удовольствоваться этим удостоверением или нет?

На днях был у Алекс. Ив. Георгиевского по неоднократному приглашению его супруги. Имел удовольствие во время обеда беседовать с Катковым.

Остаюсь любящий тебя сын *Н. Писем⟨ский⟩*

1873 года
5 Декабря

P. S. Милая мамаша! В прошлом письме я не мог Вам написать адреса Марьи Павл., ибо хотя я и был у нее, но не знал номера дома.

Адр.: Большая Садовая, Усачев переулок, дом № 2.

X

⟨7—8 декабря 1873 г.⟩

Любезный папаша!

Я был сегодня в Академии Наук. Секретарь сказал мне, что тобою была представлена не рукопись, а печатный экземпляр, кый и поступил в собственность библиотеки, кая есть при Академии. Канцелярия возвращает обыкновенно только рукописи; все же печатные экземпляры поступают в собственность библиотеки и авторам не возвращаются.

Заходил в типографию Траншеля. Экземпляра с печатью Цензурного Комитета не отыскалось, хотя я в течении всей недели заходил в типографию и убедительнейше просил его отыскать. Мне дали печатный экземпляр „Подкопов", но этот экземпляр, я думаю, тебе не нужен. Так как по всей вероятности экземпляра с печатью Цензурн. Ком. не найдут, то придется удовольствоваться удостоверением. В прошлом письме я писал тебе форму этого удостоверения. Не забудь мне написать, годится ли такая форма.

Был сегодня у Федорова. Застал там между проч. Родиславского. Пиеса твоя „Ипохондрик" отправлена в главное управление еще в Понедельник. Я тотчас же отправился туда, но не застал Богушевича, так как он уехал за 10 минут до моего прихода.

Остаюсь любящий тебя сын *Н. Писемский*

XI

Вторник. 11 Декабря ⟨1873 г.⟩

Любезный папаша!

Пиеса твоя „Раздел" прошла в комитете.

Все мои старания застать Богушевича остаются тщетными. В Воскресенье я был у него на дому и не застал его. В Понедельник во втором часу я отправился в Главное Управление, но и на этот раз судьба мне не благоприятствовала: за 10 минут перед моим приходом он отправился к Лонгинову (или, как мне сказали, к начальнику). Наконец сегодня я пришел в Главное Управл. в то время, когда там происходило какое-то совещание, так что Богушевича раньше чем через полтора часа нельзя было видеть, а у меня именно в это время был назначен первый урок у графини Орловой - Давыдовой, так что, не смотря на все мое желание, я еще не успел исполнить твоей просьбы.

Остаюсь любящий тебя сын *Н. Писемск⟨ий⟩*

P. S. Крепко целую мамашу. Не знаю, получил ли Павел мое письмо? Твой „Ваал" идет сегодня на Александринском театре.

XII

⟨20 декабря 1873 г.⟩

Любезный папаша!

Я был в Главном Управлении по Делам Печати. Мне сказали там, что пиеса твоя пропущена еще 18 Декабря и отослана в Дирекцию. Я отправился в Дирекцию. Там мне сказали, что пиеса не получена. Тогда я опять отправился в Главное Управл. и вытребовал себе чиновника, к̃ый заведует отправкой пиес в Дирекцию. Сей последний объявил мне, что завтра даст мне определенный ответ: что сделалось с тем экземпляром пиесы, к̃ый просматривал цензор; он предполагает, что он по чему-нибудь остался у цензора.

Любезная мамаша!

Сейчас получил Ваше письмо и немедленно отправляюсь узнать о здоровье Марьи Павловны.

Остаюсь любящий Вас сын *Н. Писем⟨ский⟩*

P. S. Завтра дам ответ как относительно пиесы, так и относительно здоровья Марьи П.

Авсеенко сделан чиновником особых поручений при министре народного просвещ. и членом ученого комитета.

XIII

⟨21 декабря 1873 г.⟩

Любезный папаша!

Твоя пиэса будет переслана завтра из Главного Управл. по Делам Печати в Дирекцию. По каким причинам она была так долго задержана в Главном Управл., — мне не было разъяснено.

Остаюсь люб⟨ящий⟩ тебя сын *Н. Пис⟨емский⟩*

Любезная мамаша!

Марья Павловна вне опасности. Я был у них сегодня: она сидит на кресле.

XIV

22-го Декабря ⟨1873 г.⟩

Любезный папаша!
Любезная мамаша!

Поздравляю Вас с наступающими праздниками и от души желаю Вам всего лучшего. Весьма желал бы провести их вместе с Вами, но к крайнему моему сожалению лишон этой возможности, так как мои уроки не позволяют мне отлучиться из Петербурга.

Поручение твое, любезный папаша, я исполнил: сходил в библиотеку импер. Акад. Наук и взял оттуда под росписку экземпляр твоей пиесы

СТРАНИЦА РУКОПИСИ ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ РЕДАКЦИЙ РАССКАЗА „З. ГРУДИНА“

с обязательством вместо взятого мною экземпляра представить другой. Впрочем по *тщательном* рассмотрении взятого мною экземпляра я *нигде* не нашол в нем печати Цензурного Комитета; единственная печать кая там есть, есть печать библиотеки Академии Наук. Но впрочем если по каким-ниб. причинам этот экземпляр имеет для тебя особенное значение, то напиши мне и я вышлю его тебе по почте, при чем в замен попрошу тебя выслать другой.

Ты неоднократно просил меня известить тебя об том, как я служу и скоро ли я получу штатное место. До сих пор я не давал тебе определенного ответа на этот вопрос, так как сам не имел ничего определенного в виду. В настоящем письме я решаюсь нарушить свое молчание, но только прошу тебя сохранить в тайне все что я тебе теперь сообщу.

Само собою разумеется, что я не удовольствуюсь карьерой учителя, хотя учительская карьера в аристократическом кружку не безвыгодна в материальном отношении и, при некоторой с моей стороны ловкости, со временем может открыть мне более блестящие перспективы. Но как бы то ни было я не мирюсь с мыслью остаться на всегда учителем. Я употребляю все старания, чтб. получить штатное место, и надеюсь, что эти старания рано или поздно принесут свои плоды. Надежды свои я возлагаю на трех лиц: на Л. Н. Майкова, на Б. М. Маркевича и на Т. И. Филипова. Леонид Николаевич обещал мне место, как только откроется ваканция; но к сожалению личный состав статистического комитета довольно ограниченный (там 11 челов.) и поэтому ваканции открываются там довольно редко. Главная моя надежда на Маркевича. Он же выхлопотал было мне место с жалованьем в 2000 руб. в Министерстве путей сообщения и место это я должен был получить с открытием новых штатов в феврале; но к сожалению открытие новых штатов отложено теперь на год и мне пришлось бы ожидать этого места в течении целого года. Вчера я был у Маркевича. Он принял меня весьма любезно, выказал самое теплое участие к моей судьбе и, узнав об отмене новых штатов на целый год, обещался на днях съездить к Гейнцу (директору департамента общих дел в Минист. пут. сообщ.) и выхлопотать мне место в самом непродолжительном времени и все это, заметь, без всякой с моей стороны просьбы. Наконец я имею еще надежду на Филипова. В один из разов, когда я у него был, он без всякого с моей стороны вызова спросил меня, не совершенно ли мои мысли отвратились от Контроля, на что я разумеется отвечал, что мысли мои от Контроля никогда не отвращались и что только по необдуманности я взял место в Семинарии. Тогда он сказал мне, что если я немножко подожду, то он даст мне место, так как у него имеется таковое в виду.

Из всех этих фактов я кажется имею право, не обольщая себя несбыточными надеждами, заключить, что рано или поздно я получу штатное место. А до того времени мое материальное существование совершенно обеспечено теми уроками, какие я имею в настоящее время. У графини Орлов<ой->Давыдовой я беру 5 рубл. за час и имею четыре урока в неделю. Кроме того у меня в виду есть еще один урок, где меньше 5 руб. за час я тоже не возьму. С великим князем мы весьма хороши и, так как на уроках теперь уже никто не присутствует, то я имею возможность придать им более интимный характер. Теперь мы проходим с ним Пушкина.

В течении моего пятимесячного пребывания в Петербурге я многому научился и во многом изменился. Каждый день приносил мне подтверждение справедливости твоих слов, что жизнь есть не сад, наполненный всевозможными удовольствиями, а подвиг и в добавок еще трудный подвиг. Да! Петербург прекрасная школа для молодых людей: он превосходно отрезвляет слишком горячие головы и приучает их налагать узду на свои страсти. Моя прежняя расточительность сменилась строгой экономией, доходящей иногда до скупости. Но впрочем, не смотря на введенную мною строгую экономию, я за это время не успел скопить себе на столько денег, чтб. исправить мой туалет, кый пришол в весьма ветхое состояние. Дело в том, что моя шуба вследствие полусъеденного молью воротника приняла такой вид, что в ней положительно совестно являться во дворец и на уроки в аристократические дома. Моя фрачная пара также отказывается мне служить, а между тем фрак сделался для меня теперь необходимой вещью. Наконец белье мое за исключением пяти рубашек, купленных мною в нынешнем году, никуда не годится. Ты как-то говорил, что тебе все равно, высылать ли каждый месяц по 50 руб. в месяц или выслать вперед за целый год. Я попросил бы тебя выслать мне 600 руб.; само собою разумеется, что это *последние* деньги, кые я от тебя [требую] прошу. Эти деньги мне положительно необходимы для того чтб. привесть в порядок мой туалет. А туалет в Петербурге довольно важная вещь.

Остаюсь любящий тебя сын *Н. Писемский*

XV

⟨3 января 1874 г.⟩

Любезный папаша!

Несказанно благодарен тебе за те деньги, кые ты мне прислал. Что касается до твоего опасения, что летом я не буду иметь ни места, ни уроков, то оно совершевно неосновательно, так как я уже получил приглашение ехать на лето и даже изъявил *на всякий случай* согласие на это приглашение. Как видишь, я сам довольно предусмотрителен. На днях я получил извещение от Департамента Общих Дел Министерства Внутренних Дел, что я утвержден в чине Колежского Секретаря с 27-го минувшего Октября. Что касается до того, что чин мой воспрепятствует получить мне место выше помощника столоначальника, то это мнение также несправедливо, так как Гейнц, зная что я имею чин 10-го класса, предложил мне *по введении* новых штатов в Министерстве путей сообщения место *секретаря* (в VII классе), кое выше не только *помощника столоначальника,* но и выше *столоначальника* и составляет переходную ступень от столоначальника к начальнику отделения. В настоящее время на чины не обращают того внимания, какое прежде на них обращали. Вследствие ускорения заседаний комиссии, рассматрив⟨ающей⟩ новые штаты, есть надежда, что они будут введены в Апреле.

По тону твоего письма видно, что ты мало веруешь в мое исправление. Словами конечно тебя трудно убедить, но я надеюсь, что вскоре на деле я буду иметь возможность доказать тебе это.

Вчера в Александринском Театре шла твоя пиеса „Ваал“. Я не имел возможности попасть, так как все билеты были разобраны.

Поздравляю и тебя, и мамашу с Новым Годом. Где Вы его встретили?

Остаюсь любящий Вас сын *Н. Писемский*

P.S. Ты мне не дал ответа, как я должен распорядиться с книгою, кую я взял из библиотеки Академии Наук.

XVI

⟨Середина января 1874 г.⟩

Любезный папаша!

Твои опасения относительно того, что я могу попасть в солдаты, совершенно неосновательны, так как только подростки 20 лет будут привлечены к вынутию жребия. Единственное что мне угрожает — это то, что я буду зачислен в запас.

На одном из последних заседаний комиссии жалованье секретарю увеличено до 2200 (не считая наградных), так что теперь я нахожусь в недоумении, выжидать ли мне этого места или же просить места старшего помощника делопроизводителя (равносильное столоначальнику) с жалованьем в 1500 р., тем более, что в настоящее время открылась вакансия.

Писать больше нечего. Ожидаю Вас в Феврале и остаюсь любящий Вас сын *Н. Писемский*

P. S. Крепко целую мамашу.

XVII

⟨28—29 январь 1874 г.⟩

Любезный папаша!

Относительно твоей пиесы „Раздел“ я нахожусь в недоумении, как мне с нею поступить. Дело в том, что дирекция вопреки моему заявлению, что ты желаешь получить пиесу как можно скорее для напечатания ее в Сборнике своих Драматических вещей, тем не менее передала твою пиесу режиссеру Яблочкину. Дирекция оправдывает свой поступок тем, что *твою пиесу взяла для своего бенефиса актриса Жулева и в настоящее ⟨время⟩ она уже репетируется*. Напиши мне, как ты желаешь, чтб. я поступил.

Метрическое свидетельство я не могу прислать по той причине, что я в настоящее время *получил* место столоначальника в Департаменте Общих Дел Министерства Путей Сообщения и поэтому мои бумаги переходят из одного Министерства в другое. Как только сей переход совершится, я тебе вышлю его. Что касается до уроков, то я их все сохранил и ни одного не [оставлю] покину. Конечно работать придется довольно много — но я труда не боюсь.

Место секретаря остается все таки за мной и я его получу тотчас по введении новых штатов. Жалованья там 2200 р., да наградных рублей до 800, так как на этом месте наградные деньги вообще весьма значительны. Так. обр. в Мае или в Июне нынешнего года я получу те 3 тысячи, кых в университете я может быть добился бы годов через 10.

Служба в Министерстве Путей Сообщения хороша в том отношении, что она может быть соединена с частной службой в правлениях разных железных дорог. Современем когда я утвержусь на моем месте я конечно без всякого особенного труда получу место и в частных компаниях. Впрочем тебе может быть все это покажется химерическими надеждами.

Жалованья я буду теперь получать 1500 р., да потом еще наградные деньги.

Мне придется сшить себе вицмундир и другие чиновничьи одежды. Первое жалованье я получу только 20-го февраля. Поэтому не можешь ли ты выслать мне 450 руб. Само собою разумеется, что это *последние* деньги, кые я у тебя прошу.

Остаюсь любящий тебя сын *Н. Писемс⟨кий⟩*

P. S. Крепко целую мамашу. Ты должен теперь кажется согласиться, что мои надежды не оказались столь неосновательными, как тебе это казалось в начале. |Благодаря моим трехме]

XVIII

⟨31 января 1874 г.,⟩

Любезный папаша!

Я так был занят все эти дни, что не имел возможности отвечать тебе на твое письмо. Ты пишешь, что Ник. Вас. Бугаев весьма желает, чтб арифметика его распространилась в учительском петербургском мире. Но он не принял при этом во внимание, что это ни к чему не поведет. Главное, чего ему нужно добиться, это одобрения ученого комитета. Но для этого он должен представить свою книгу в ученый комитет. Во всяком случае я сегодня буду у Маркевича и заявлю ему, что вот мол вышла в свет образцовая арифметика. Завтра я буду у Авсе⟨енки⟩ ⟨*оборвано*⟩ ⟨нако⟩нец в Воскресенье увижу Аполлона Николаевича (он тоже сделан членом ученого комитета) и ему скажу в том же.

Кстати, что Павел все еще в Гейдельберге или уже уехал оттуда? Я не знаю, куда ему писать. Вопреки всем моим стараниям я по настоящее время не мог исполнить одной его просьбы. Мне нужно его известить об этом, и я не знаю, куда писать.

Остаюсь любящий тебя сын *Н. Писемский*

P. S. Крепко целую мамашу. Извините что пишу такое короткое письмо, но решительно нет ⟨*оборвано*⟩. Бенефис Жулевой на Мяслянице, в Понедельник. Иду доставать билет.

1874 года
Четверг 31-го Января

Оказывается, что один из моих теперешних сослуживцев — Бочинский — хорошо тебя знает. Помнишь ты его?

ПИСЬМА А. Н. МАЙКОВА к А. Ф. и Е. П. ПИСЕМСКИМ

I

15-го февр. 1874. ⟨С. Петербург⟩

Не знаю, с чего и начать вам письмо мое. У самого голова идет кругом, воображаю, что̀ у вас! Похороны всегда являются неожиданно, а ужь эти, как снег на голову. Не приищешь что и сказать вам утешительного. Самое любопытное, конечно, это психическое настроение которое привело к такому исходу, а эту тайну самоубийцы уносят с собою. Из оставшихся в *нескольких экземплярах* стихов можно отчасти судить; посылаю вам один экземпляр.

Признаюсь хотя еще и не похоронен покойник, тщетно ищу я в уме что нибудь чтобы его сколько нибудь оправдать — конечно вам, как родителям хотелось бы услышать что нибудь в этом роде. Темпераментом он был, кажется, ипохондрик, идеалов не имел никаких, ел ужасно много, и полагал счастье в 20.000 дохода. Засим пристал, кажется, к обществу жуиров — о чем впрочем, нам не говорил, и вообще был очень скрытен, может быть потому что я, раза два серьозно его осуждал, в первый раз за то что бросил поступление в Институт Путей Сообщения, а в другой перед Рождеством, зачем на праздники не поехал к вам. Тут его просто хором у нас обругали все. О непоступлении в Институт я говорил ему, что этим лишает себя самой лучшей деятельности, к какой только он способен, ибо все таки это *искусство*; много говорили на эту тему. — В обществе же в которое он попал, кажется, кутят, и если бы я знал что он туда вдался, то постарался бы отвести. Впрочем едва ли бы успел, потому что в нем не было заметно никаких стремлений к чему нибудь высшему, и вообще господствовало в нем более материалистическое направление, впрочем, без фанфаронства, а какое то, повидимому, спокойное. Мне кажется, у него был такой силлогизм: счастье — удовлетворение материальных потребностей; для этого надобно работать — в сущности — стоит ли? Пулю в лоб и конец.

Все это ужасно печально. Не то вам хочется услышать — да может быть я и ошибаюсь, вы лучше его знаете, хоть по письмам. Вообще в душе его читать было трудно, а так, когда он приходил, он был очень мил, и все

его у нас полюбили. Что касается до меня, то ужь из той откровенности и свободы с которой я ему делал выговоры, вы можете видеть, что я считал его за своего. Был он вообще очень удобен, покладист, совсем, как свой. В petit-jeux и с барышнями часто говорил о самоубийстве — никто конечно не принимал за серьозное. — Теперь, как случилось ?После обеда, его сожитель Лукин, насидевший от занятий геморрой, по предписанию врача, вышел пробежаться — возвращается, а ужь тут следствие. Он, т. е. Коля, сидел на диване, в запертой комнате, в правой руке был револьвер, голова склонилась к серединному выступу на диване. В правом виске маленькая ранка. Он хрипел. Так как были признаки жизни, тотчас перенесли по соседству в Обуховскую больницу, где он и умер. Это было часов в 7—8 вечера 13-го февраля. Хватился Лукин — кому дать знать, нашего адреса не имея, бросился в Статистический Комитет, достал адресс Леонида и разбудил его в 5 часов утра. Отправились в больницу. Засим поднялась тревога.

Хоронить мы решили, где похоронены все наши, в Девичьем монастыре [хотя это и вдвое дороже]; полагаю, что вы это одобрите. До сих пор не можем назначить дня, ибо тут случай экстраординарный. Кони, которого отыскала жена в Окружном суде, сказал что будет дозволение похоронить. Теперь Вадима послал в монастырь купить место и сторговаться на счет похорон, которые, полагаем, будут [или в суботу или] в воскресение. У него найден список долгов, и список получений, все отобрано следств. комиссией. — Сию минуту вернулся Вадим из монастыря и больницы. От Кони еще нет распоряжений. В монастыре похороны будут стоить 205 р., засим гробовщик и пр. вся история слишком 300 или 350 р.

II

⟨15 февраля 1874 г., С. Петербург⟩

Телеграмма ваша опоздала, она пришла в 1 час, когда уже все было порешено в Девичьем, и дан задаток. Езда же на Охту при нашем бездорожье одна поглотит время, между тем как Девичий — подле. Ужь пожалуйста примите наше распоряжение, хлопот всем очень довольно... Мне страшно воображением перенестись в вашу душу. В какое время мы живем! Господи! и вся его тягость падает на бедных родителей! и, разумеется, на тех которые любят детей!..

Теперь у нас главный, еще нерешенный вопрос — о дозволении хоронить. Я буду вас уведомлять маленькими записочками, в роде этой, беспрестанно. Спасибо вашим Вадиму и Аполлону, помогают в беготне. Машу ужасно расстроило это событие — Коля у них часто бывал и все спал после обеда у нее на диване. Они очень его полюбили. Сегодня пропечатали в газетах, хотя я и заезжал к Краевскому сказать чтоб подождали денек — но он вероятно рассудил что сегодня ужь вам известно. Я его не застал, а оставил записку.

Не решаюсь просить вас уведомлять о себе.

Может быть в моем письме к вам я был слишком строг к Коле — простите, весьма понятное раздражение с моей стороны.

ваш

15 фев.
1874

А. Майков

III

Субота ⟨16 февраля 1874 г., С. Петербург⟩

Вы должны были получить от меня два письма, одно подлиннее и другое коротенькое. Признаюсь, первое меня очень беспокоит, оно написано в таком расположении, когда я ломал себе голову что за причина; при этом скажу первое чувство было – испуга, и негодования — зачем не подумал несчастный об отце и матери. Вот, может быть, почему слова мои о Коле были жестки и суровы, а для вас тяжелы и вы меня ругали, читая. Понятно при этом старании найти корень его поступка, я и не думал о его милых и добрых качествах, и ты, милая Катя, ты особенно должна быть недовольна мною. Но время ли было тогда говорить как Коля сошелся с нами, по воскресеньям со всей нашей молодежью орали арии и трио и дуэты и хоры; как трунили мы все над его страстью к ветчине, и пр. и пр. В посторонних домах, особенно у Маркевича, он также был очень полюблен. — Да если бы этого не было, то ведь равнодушнее бы все, и я тоже, отнеслись бы к несчастью. — Теперь, эти дни, вчера и сегодня, заняты были у нас—разрешением, во первых, вопроса о том что побудило его к этому шагу? Никто не может указать ни на что. Ни влюблен, ни нужда — какая же нужда! он получал много, 200, 300 р. в месяц! Ни проигрышь — он не играл! Наконец, перед смертью, т. е. собираясь, он оставил список своих долгов — менее *ста* рублей, и список получений с уроков — около *100 р.* – Одно обстоятельство, кажется, имеет смысл: он жаловался своей хозяйке, что ничего не делает, т. е. давал он уроки механически, и не имел занятия, которое бы интересовало — (Зачем не поступил в инженеры! тогда-бы наверно, не было того!)... Впрочем размышлять мне было некогда: вы представить себе не можете сколько беготни надобно было, чтобы выхлопотать позволение похоронить по христиански — езда в Окружной суд, в больницу, в контору больницы, к главному доктору, в мертвецкую, оттуда в Девичий, и опять в суд, и опять и опять — чего не сделаешь сам, другие сделают не так, перепугают, надо поправлять. Достиг наконец того, что завтра в воскресение похороним в Девичьем монастыре, будет и отпевание с хором монахинь, и все как говорится, *как следует*. Об этом последнем особенно хлопотала жена — для Кати — вот ужь могу тебе сказать, моя милая, что она заступила вполне мать или образ матери, перед этим бледным трупом... Он совсем пока не изменился, лежит в часовне, в Обуховской, и мы сейчас вернулись с панихиды. Только на правом виске черная ранка и вокруг нее отек малиновый в большой пятак. Жена [и мой Коля] плакала от мысли, что все таки тебе, Катя успокоительнее думать что он все таки хоронится с панихидой и пеньем хотя простого причта, но всегда за душу хватающего погребального напева (Ведь по закону хоронить его бы нельзя было). Мой Коля тоже не мог сдержать слез, хотя очень старался.

Ну—больше писать — очень устал, да и нечего. Пишу несвязно — простите, устал. Константин Аполлоновичь принес письмо от Егорова, где он пишет о вас убитых горем. Ты, Катя, знаешь где утешение — не нам его тебе указывать... авось оттуда почерпнешь ты сил и для того, чтобы преподать утешение и мужу.

Завтра вернувшись с похорон напишу что было.

ваш *А. Майков*

IV

⟨17 февраля 1874 г., С. Петербург⟩

Ну—сейчас вернулись из Девичья монастыря. Признаюсь, до последней минуты, когда только по-окончании литии вручил благодарность священнику и причту — отлегло беспокойство. Дело в том, что требовали бумаг, а именно кто он, и свидетельство от священника (обуховского). Священник же этот говорил, что он и не может дать свидетельства, ибо разрешение хоронить по христ. обряду дано из Окружного суда, судебным следователем. Все это надобно было внушить матери игуменьи, да матери казначеи, да еще посылали к какой-то матери Магдалине, а главное дьячок никак не мог понять что в кладбищенский список он должен занести, что „схоронен“ не по свидетельству священника такого-то, а по разрешению Окружного суда. Этого, говорит, никогда не бывало... нынче очень стало строго и пр.... Но слава богу, все обошлось благополучно. На похороны собралось таки много народу. Утвердилось мнение о причинах самоубийства так как выразился вскрывавший доктор, что совершил это в припадке меланхолии от бездействия. И это, по моему, должно быть верно. — [Доктор] Под его комнатой живет доктор (Островский, который и был призван для первой помощи) он сказывал, что каждый день в известное время, когда доктор обедал, жилец его на верху (Николай) садился что-то наигрывать на фортепиано. И в этот день тоже начал наигрывать, вдруг взял сильный аккорд — все смолкло — и через минуту раздался выстрел. [Вот еще] Я вам сообщаю всякие, сколько нибудь интересные подробности. — Впрочем пока еще нет ничего. — Вот, однако, еще черта — не знаю, ужь кажется это я вам писал — Маркевичь хлопотал о его месте у Бобринского, и место ужь вышло — Николай и говорит ему „какое, право, мне счастье! и уроки и место! и все как по щучьему велению, посмотрю на товарищей — те еще все бьются, бьются, ничего не добьются!“ Это дня за два до катастрофы.

Ну, друзья мои, простите, больше писать пока нечего. Вот вам счет похорон — рублей на 20 меньше папенькиных—

В больнице:

Гробовщику (гроб, дроги, факельщ.)	38
За покров и свечи	8
Священнику	7
Диакону	3
Сторожам (одевали и пр.)	1
В монастыре, — по таксе: могила, служба, катафалк, хор монахинь, крест и пр. . . .	205
Платится особо (ad libitum)	
Священнику	10
Диакону	3
Дьячку	2
Сторожам	} 6
Могильщикам	
Факельщикам	
[Разным лицам] (тут являются разные просильщики . . .	
Свечи — большие у гроба, и мелкие для присутствующих	12
Всего . . .	295 рублей.

Девичий монастырь — место высокое, песчаное, единственное кладбище имеющее нечто привлекательное. Колина могила близь Верочкиной, папенькиной и двоих Трескиных, отца и сына, так что наши все вместе. Посещая Верочку, жена, конечно, не оставит без венка и вашу могилку.

Теперь — думайте о себе — писали ли вы Павлу? Без сомнения его поразит известие, но любопытно ка̀к он будет объяснять дело? Когда будете в состоянии, уведомьте.

А. Майков

1874
Февр. 17. Воскресение.

V

⟨18 февраля 1874 г., С. Петербург⟩

Катя в своем письме допрашивает: что за причина? отчего?... Это же и у нас в головах. И все выходит, что причин понятных нет. А все таки ищешь. И всякие приходящие в голову мысли хочется сообщить вам, не для того чтобы что нибудь открыть вам, но просто, поговорить. В первом письме я писал вам, что у него был материалистический образ мыслей, непризнавание никаких идеалов. Это, точно, было; но это было *не в натуре* его, судя потому, что он страстно любил поэзию, знал наизусть множество стихов, и понимал поэзию прекрасно. В последнем скорее сказывалась н а т у р а, а то материалистическое принадлежит веку, современной науке и вечному самодовольству и вере в свою папскую непогрешимость ученых, которые, хуже детей, играют с детьми рисуясь перед ними авторитетами истины. Следствие этого в детях — внутренний разлад; как на кого падет семя — а *он* все таки натура серьозная; он отдавал, как видно строгий отчет себе в том что принимал. Ум начиненный наукой оголил жизнь— до скотских отправлений — „если так", говорил сбитый с толку инстинкт высших стремлений, — „то зачем жить?". — Вот как мне теперь (т. е. в сию минуту,) представляется ответ на вопрос: что за причина?

А. Майков

18 фев. 1874.

VI

1874. Марта 8 ⟨С. Петербург⟩

Простите, что я так долго вам не писал. Собственно говоря, писать было нечево. А нечево было писать, потому что ничего нельзя было делать или, лучше сказать, мы не знаем еще и теперь — можно ли приступить к [собр] получению денег которые остались должны Николаю разные лица, и платить его долги, так как — бумаги все у следователя, в том числе и роспись долгов и получений. Обращаться к Кони с вопросами то же казалось не во время, у него были два большие дела, в том числе Непениных. Сто рублей я получил (тобой присланные). Был у меня Лукин — молодой — я ему отдал, чтобы он переслал с отцом своим к вам Колины часы и портмоне, и в тот же день получил от тебя, Алексей Феофилактович, письмо чтобы не посылать этих вещей. Я же рассудил совсем иначе, именно, [что вещи] помню, что Верочкины вещи и теперь для меня особенно драгоценны,

и в первое время после ее потери, как будто получили жизнь и значение в моих глазах. Поэтому и послал. Катя пишет что вы изломали головы отыскивая причины. Самая верная причина та, которую ты писал в первом письме — мономания; здесь тоже все ломали головы, и я вам сообщал различные толкования. В числе толкований были очень странные, напр. кго<то> вспомнил, что он говорил, что если получит шанкер, то застрелится. Я даже велел посмотреть на трупе — не оказалось. Тетушка Клеоп<атра> Апол<лоновна>, которая приехала вчера, привезла еще новое толкование: что ведя жизнь невоздержную, он сделался „как старик“ — (импотент). Это она высказала легши лицом на стол... Я не добился от кого она это узнала.

Был ли у вас Лукин-старик? отдал ли вещи? Сколько его сыну должен был Коля — не знаю; когда можно будет расплачиваться, отыщу его и спрошу. Клеопатра говорит, что вы собираетесь ехать к Павлу — это самое лучшее, что вы можете придумать, и, пожалуйста, не изменяйте решения. Ты, Алексей Феоф., переломи себя и заставь себя работать: по опыту знаю, что это лучшее лекарство в душевном потрясении, бездействие же — смерть. Приневоль, заставь себя. Жена обнимает тебя, Катя — представьте себе — у нее новое горе. Может быть ты помнишь мужа ее сестры Александра Николаевича Витте — он служил в Минской губернии посредником; вчера получили известие, что он умер, оставив жену и троих детей — двое в гимназии — в 6-м и 4-м классе, тоже в Слуцке. Имущества — никакого. Все приятности!

До свидания!

Ваш

А. Майков

КОММЕНТАРИИ

ПИСЬМО 1

На прошении Писемского лаконичная пометка „Документы достаточны— Синдик Захаров“. Из дела № 459 Правления Московского университета за 1840 г. „О принятии в студенты Алексея Писемского (Началось 30 Сентября, решено 30 сентября, на 10 листах)“ выясняется, что постановление о приеме Алексея Писемского состоялось и было записано в журнале Правления 30 сентября 1840 г., статья 60.

В незаконченной подробной автобиографии Писемский вспоминал о своих университетских годах: „В 1840 году я кончил курс гимназии и поступил в университет, будучи большим фразером, и в этом случае я благодарю бога, что избрал математический факультет, который сразу же отрезвил меня и стал приучать говорить только то, что сам ясно понимаешь; но этим, кажется, только и кончилось благодетельное влияние университета. Научных сведений из моего собственного факультета я приобрел немного, но зато познакомился с Шекспиром, Шиллером, Гёте, Корнелем, Расином, Жан-Жаком Руссо, Вольтером, Виктором Гюго и Жорж Зандом, сознательно оценил русскую литературу и при окончании курса, что было в 1844 году, стяжал снова славу актера: я так сыграл Подколесина в пьесе Гоголя „Женитьба“, что, по мнению тогдашних знатоков театра, был выше игравшего в то время эту роль на императорской сцене актера Щепкина. Успех этот описан мною отчасти в рассказе моем „Комик“. Но этим и кончилась моя научная и эстетическая жизнь. Впереди мне предстояло горе и необходимость служить“.

ПИСЬМО 2

„Рассказ „Нина“ — первое печатное произведение Писемского, был опубликован, более чем через год после отсылки его С. П. Шевыреву, в июльской книжке „Сына Отечества“ за 1848 г. (отд. „Русская Словесность“, стр. 3—30) с подзаголовком „Эпизод из дневника моего приятеля“.

„Виновата ли она?“— первоначальное название раннего романа Писемского, опубликованного под заглавием „Боярщина“ в „Библиотеке для Чтения“ за 1858 год, кн. 1 (стр. 1—81) и 2 (стр. 82—166). Датировка первой редакции романа неясна. В библиографической справке, составленной для В. Дерели, Писемский отмечал: „Первая повесть, мною написанная еще в 1846 г., была „Боярщина“, но по цензурным условиям она пролежала в моем письменном столе 10 лет“. Это сведение повторяется во всех автобиографиях

Писемского, но в „Библиотеке для Чтения“ под „Боярщиной“ значится другая дата—„1844, сентября 30. Москва“, а в издании Стелловского „1845, сентября 30. Москва“. Из этих двух дат вероятнее последняя, так как осенью 1845 г., находясь с 14 июля в трехмесячном отпуску, Писемский хлопотал в Москве об определении на службу в Московскую палату государственных имуществ. Возможно, что в 1845 г. роман был написан, а в 1846 г. переработан, согласно указаниям С. П. Шевырева: изложенное в письме к последнему содержание романа „Виновата ли она?“ вполне совпадает с сюжетной схемой „Боярщины“. Весной 1848 г. рукопись романа была передана в редакцию „Отечественных Записок“, однако не через Шевырева, а через М. Н. Каткова, которому была вручена Н. П. Колюпановым. В своих мемуарах „Из прошлого (Посмертные записки)“ Н. П. Колюпанов вспоминал:

„В сороковых годах, когда я еще был студентом, Писемский поручил мне отвезти Галахову первую написанную им повесть под названием „Виновата ли она?“ Впоследствии Писемский напечатал ее в несколько переделанном виде, под тем же заглавием“ („Русское Обозрение“ 1895, кн. 5, стр. 27—28).

В неопубликованном письме от 25 марта 1848 г. А. Д. Галахов, представлявший в Москве редакцию „Отечественных Записок“, извещал А. А. Краевского: „Принес мне Катков повесть какого-то Писемского, под названием: Виновата ли она. Прочту и перешлю вам, если она того стоит с моим мнением“. К сожалению, дальнейшие письма Галахова к Краевскому, основной фонд которых хранится в Рукописном отделении Государственной Публичной Библиотеки им. Салтыкова, до нас не дошли. Осенью 1850 г. рукопись была возвращена редакцией „Отечественных Записок“ автору, так как опубликование ее встретило цензурные препятствия (см. письма Писемского к А. Д. Галахову от 16 ноября 1850 г. и к А. Н. Островскому от 26 декабря того же года). Сделав еще одну попытку напечатать роман в Москве (см. упомянутое выше письмо к Островскому), Писемский отказался от его публикации и использовал в дальнейшем большие куски из него в своих произведених пятидесятых годов. Так, из рукописи романа „Виновата-ли она?“ были перенесены целые главы в журнальную редакцию романа „Богатый жених“, сюда же перешел из раннего произведения один из основных персонажей — Шамилов, а также ряд второстепенных — князь, его приспешник Иван Александрович, „самородок“ Савелий (см. об этом подробнее в примечаниях к роману „Богатый жених“ в однотомнике „А. Ф. Писемский, Избранные произведения“, Л., ГИХЛ, 1932, стр. 606—608). С романом „Виновата-ли она?“ связана, повидимому, и одноименная повесть 1855 г. — в ней встречается фамилия „Ваньковские“ — фамилия мужа героини романа в его начальной редакции (ср. также приведенное выше свидетельство Н. П. Колюпанова). Вследствие этого, получив возможность напечатать в 1858 г. свой ранний роман, Писемский принужден был изменить его заглавие и переименовать часть персонажей (Шамилов ранней редакции выступает в „Боярщине“ под фамилией Эльчанинов, Ваньковский под фамилией Задор-Мановский).

Пересказ романа „Виновата-ли она?“ в письме к Шевыреву интересен тем, что позволяет выяснять связь с ним двух позднейших произведений, связь, несколько затемненную тем обстоятельством, что Писемский, маскируя близость к „Боярщине“ „Богатого жениха“, значительно переработал журнальный текст этой вещи при включении ее в собрание „Сочинений“ 1861 года.

Матвей Григорьевич Попов — репетитор детей Шевырева. Вероятно при его посредстве познакомился с Шевыревым Писемский (см. Н. Барсуков Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XI, стр. 67).

ПИСЬМО 3

„Автор Банкрута" — ранним заглавием „Банкрут" Писемский именует комедию Островского „Свои люди — сочтемся", напечатанную в № 6 (кн. 2-й мартовской) „Москвитянина" за 1850 год (стр. 34—136). Письмо Писемского было вызвано именно появлением печатного текста пьесы.

Работу над комедией „Свои люди — сочтемся" Островский начал осенью 1846 г., тогда же мог Писемский познакомиться с ее автором и слушать чтение ее по незаконченной рукописи в ближайшие же месяцы: уже 8 февраля 1847 г. Писемский был уволен со службы из Московской палаты государственных имуществ „по расстроенному здоровью и домашним обстоятельствам" и, повидимому, уехал в Костромскую губернию.

Чиновником особых поручений при „г. Начальнике Костромской губернии" Писемский был определен 6 октября 1848 г. и состоял им до 4 июля 1850 г.

ПИСЬМО 4

Текст письма, за исключением подписи и даты, писан чужой рукой.

„Семейные драмы" — раннее заглавие повести „Тюфяк", напечатанной в октябрьских книжках „Москвитянина" 1850 г. (№ 19, стр. 161—244; № 20, стр. 255—292). Рукопись „Тюфяка" была передана Островским М. П. Погодину 4 сентября 1850 г. (см. Н. Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XI, стр. 89).

ПИСЬМО 5

Текст письма, за исключением подписи и даты, писан чужой рукой.

„Авторский подарок" — отдельное издание комедии Островского „Свои люди – сочтемся", М. 1850 (цензурное разрешение помечено 14 марта).

„Мой роман" — „Тюфяк" (см. прим. к предыдущему письму).

ПИСЬМО 6

На обороте второго листка адрес: „Его Высокоблагородию Александру Николаевичу Островскому. В Москве. Яузской части в 3-м квартале, в собственном доме".

Отдельное издание повести „Тюфяк" осуществилось в 1850 г.

ПИСЬМО 7

На обороте письма адрес: „Его Высокоблагородию Алексею Дмитриевичу Галахову. В Москву Сущевской части Пименовская Улица, в доме священника Коринского".

Письмо было переслано Галаховым А. А. Краевскому и сопровождалось его припиской: „Любезный друг, из сего подлинного письма Вы увидите дело. А. Галахов".

„Виновата-ли она?" — см. примечание к письму 2.

„Брак по страсти“ — повесть „Сергей Петрович Хозаров и Мари Ступицина. Брак по страсти“, напечатанная с посвящением Юрию Никитичу Бартеневу в февральских, мартовских и апрельских книжках „Москвитянина“ 1851 г. (№ 4, стр. 457—493; № 5, стр. 21—51; № 6, стр. 139—189; № 7, стр. 317—365).

„Никитушка“ — повидимому, незавершенный замысел Писемского, дальнейших упоминаний о котором в переписке не встречается.

„Я получил другое место“ — состоя чиновником особых поручений при костромском губернаторе Каменском, Писемский был назначен секретарем секретного Совещательного комитета по делам о расколе и раскольниках и в качестве такового принужден был разъезжать, проводя ряд дел по преследованию старообрядцев и уничтожению их молелен. 4 июня 1850 г. Писемский был назначен исправляющим должность ассесора Костромского губернского правления, однако еще несколько месяцев, как видно из письма, до поздней осени, занимался в Совещательном комитете делами о старообрядцах (см. об этом подробнее в статье Н. Виноградова „Алексей Феофилактович Писемский. Материалы для его биографии и выяснения процесса творчества“ — „Известия ОРЯС“ 1916, т. XXI, кн. 2, стр. 123—151).

ПИСЬМО 8

Публикация повести „Брак по страсти“ („Сергей Петрович Хозаров и Мари Ступицына“) в „Отечественных Записках“ не состоялась. См. примечание к предыдущему письму.

ПИСЬМО 9

„Ваш альманах“ — „Раут на 1851 год“ Н. В. Сушкова, вышедший в конце февраля 1851 г. (дата цензурного разрешения: 24 февраля). Опубликование в альманахе романа „Виновата ли она?“ не осуществилось, в нем были напечатаны „Отрывки из комедии Ипохондрик“ (стр. 17—43).

„Комик“ — рассказ Писемского, опубликованный впервые в первой ноябрьской книге „Москвитянина“ 1851 г. (№ 21, стр. 23—104).

ПИСЬМО 10

По сообщению Н. Барсукова начало 1851 г. Писемский провел в Москве, сблизившись теснее с „молодой редакцией“ „Москвитянина“ и оформив свое сотрудничество в журнале. 12 февраля на вечере у М. П. Погодина Писемский прочел несколько сцен из комедии „Ипохондрик“ и две главы из повести „Брак по страсти“ („Москвитянин“ 1851, № 4, стр. 244—246, „Совр. Известия“). Около этого же времени он заключил с издателем „Москвитянина“ следующий договор:

> 1851 года, февраля дня, Мы нижеподписавшиеся Статский Советник Михаил Петровичь Погодин и Колежский Секретарь Алексей Феофилактовичь Писемский заключили сие условие в нижеследующем:
>
> 1) Я Писемский отдал Г. Погодину в издаваемой им журнал Москвитянин окончательно мною написанную повесть Сергей Петровичь Хазаров и Мари Ступицына.
>
> 2) Сверх того, обязуюсь я, Писемский, доставить в издаваемый Г. Погодиным Журнал в продолжении 1851 года комедию мою Ипо-

хондрик и расказ Комик и два расказа X и У, не менее десяти печатных листов в обоих.

3) Все вышеэзначенные труды мои, Писемского, включительно с романом Тюфяк, предоставляю я Г. Погодину в свою пользу напичатать в каком угодно количестве, предоставя в мою пользу только 50 экземпляров для подарков.

4) За все это Г. Погодин обязан мне, Писемскому, заплатить в продолжении 1851 г. тысячу пятьсот р. сер. или пять тысячь двести пятьдесят р. ассигнациями. Сроки на уплату нижеследующие: а) по отдаче романа моего Сергей Петровичь Хазаров и Мари Ступицына получаю я, Писемский, от Г. Погодина двести пятьдесят ру<блей> сер.; по окончательному напечатанию этого романа, двести пятьдесят ру<блей>. сер.; по присылке комедии Ипохондрик пятьсот ру<блей> сер., к 1-му сентября сего 1851 года; по доставке расказа Комик, к 1-му июня, двести пятьдесят р. сер., по доставленному мною заглавию на два расказа X и У двести пятьдесят р. сер., каковые я, Писемский, обязуюсь доставить безотложно в начале 1852 года.

5) В случае смерти Г. Погодина или передачи издаваемого им журнала в ведомство других лиц, вышеозначенные условия должны быть выполнены ненарушимо; на случай же моей смерти, Писемского, Г. Погодин или приемник его должны уплатить мне или моему семейству сообразно с высланными мною произведениями;

6) Поставку на сцену пиэсы моей: Ипохондрик оставляю я за собой, Писемский, и только сам лично могу входить в сношения с дирекциями императорских театров и продать эту комедию в мою пользу. Условие сие исполнять с обоих сторон свято и ненарушимо.

Подлинное подписали: „Статский Советник Михаил Петров сын Погодин. Колежский Секретарь Алексей Феофилактов сын Писемский".

В конце договора запись: „Двести пятьдесят ру<блей> сер. получил Писемский". (Воспроизводится по оригиналу, ср. Н. Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XI, стр. 89—90).

Из предположенных и точно не названных Писемским рассказов X и У был осуществлен только один — очерк „Питерщик"; взамен второго в „Москвитянин" была отдана повесть „M-r Батманов", смягченная редакция запрещенного петербургской цензурой „Москвича в Гарольдовом плаще".

„Ипохондрик" — комедия Писемского, доставленная Погодину в окончательном виде в октябре 1851 г. и напечатанная в № 1 „Москвитянина" 1852 г. (стр. 3—120).

„Приготовляется большая церемония я вам опишу ее" — Намерение описать торжество открытия в Костроме памятника Михаилу Романову и Ивану Сусанину Писемским выполнено не было.

ПИСЬМО 11

„Посылаю вам нашу газетную статью" — корреспонденцию „Из Костромы" (рассказ об открытии в Костроме памятника Михаилу Федоровичу и Сусанину), опубликованную без подписи в „Москвитянине" 1851, № 8, апрель, кн. 2, стр. 334—341 („Современные Известия"). Корреспонденция была первоначально напечатана в неофициальной части „Костромских Губернских Ведомостей (1851 г., № 12, от 24 марта, стр. 87—92) без подписи и под заглавием „Открытие памятника в г. Костроме царю Михаилу Федоровичу и поселянину Ивану Сусанину, последовавшее 14 марта 1851 года".

„Москвич в Гарольдовом плаще". — первоначальное заглавие повести „M-r Батманов", предназначавшейся для „Отечественных Записок". Рукопись

была отправлена к Краевскому при письме от 4 апреля 1851 г., принята им к печати (см. письмо к Краевскому от 12 июня 1851 г.), но опубликование ее встретило цензурные препятствия (см. письмо к нему же от 10 июля 1851 г.). В измененной редакции и под новым заглавием повесть была напечатана в сентябрьских книжках „Москвитянина" 1852 г. (№ 17, стр. 1 52; № 18, стр. 53—112).

ПИСЬМО 14

Приблизительная датировка письма устанавливается по стоящему во главе пасхальному приветствию: в 1851 г. пасха приходилась на 8 апреля.

„Москвич в Гарольдовом плаще" — см. примечание к письму 11.

„Разбор Тюфяка" — в статье „Москвитянин, учено-литературный журнал на 1850 г., издаваемый М. Погодиным, № 13—21, с июля по ноябрь", в библиографической хронике „Отечественных Записок" 1850 г., кн. 12, отд. VI стр. 122.

„Некой Г-н А-в начал уже осмеивать этот тип" — Писемский имеет в виду „Провинциальные письма" П. В. Анненкова, печатавшиеся в „Современнике" за подписью „П. А—в", точнее пятое „письмо" („Современник" 1850, кн. 3, Смесь, стр. 22—39). Ср. отзыв А. Григорьева о „Провинциальных письмах" Анненкова: Анненков „удачно анализирует натуры маленьких великих людей нашего времени... он казнит их беспощадно, смеется безучастно"... „нынешний год Г. А—в подарил нас новым столь же верным изображением Володи Верженцева в своем V-м провинциальном письме... Володя Верженцев — ни более, ни менее как разоблаченный Тамарин, герой нашего времени, сведенный с ходуль, поставленный лицом к лицу с настоящей действительностью и оказывающийся лицом крайне комическим" (Г., Современник в 1850 году — „Москвитянин" 1851 г., № 3, февраль, кн. 1, стр. 390—391).

„Сборник Щепкина" — „Комета. Учено-литературный альманах, изданный Николаем Щепкиным". М. 1851.

ПИСЬМО 15

„Роман мой наконец напечатался" — „Сергей Петрович Хозаров и Мари Ступицына", публикация которого закончилась в первой апрельской книжке „Москвитянина". Писемский предполагал первоначально отдать эту вещь в „Отечественные Записки", о чем и писал А. Д. Галахову 16 ноября 1850 г.

„Следующие двести пятьдесят рублей" — гонорар, который, согласно договору с М. П. Погодиным, Писемский должен был получить по окончании публикации в „Москвитянине" повести „Сергей Петрович Хазаров и Мари Ступицина". См. примечание к письму 10.

ПИСЬМО 17

Датировка письма устанавливается по упоминанию в нем фельетона Б. Н. Алмазова, напечатавшего в №№ 7 и 9—10 (апрель — май) „Москвитянина" 1851 г., под псевдонимом Эраст Благонравов, статью: „Сон по случаю одной комедии. Драматическая фантазия, с отвлеченными рассуждениями, патетическими местами, хорами, танцами, торжеством добродетели, наказанием порока, бенгальским огнем и великолепным спектаклем".

ПИСЬМО 18

„Двумя моими письмами" — см. письма к Погодину от 10 и 27 апреля.

„Приходит срок высылки моего Комика" — по договору, заключенному Писемским с Погодиным, он обязывался доставить свою повесть „Комик" к 1 июня 1851 г. (см. примечание к письму 10).

ПИСЬМО 19

„Рукопись... которую при сем посылаю" — рукопись повести „Комик" (см. примечание к предыдущему письму).

Кита — жена Писемского, Екатерина Павловна, урожденная Свиньина.

Апполон — сын Писемского, умерший в декабре 1851 г. (см. письмо к Погодину от 21 декабря 1851 г.).

По получении письма Писемского А. А. Майков обратился к М. П. Погодину:

> Не имея чести знать вас лично и получив поручение от своего родственника А. Ф. Писемского, я счел бы за особенное удовольствие для себя приобрести лично ваше знакомство, но некоторые обстоятельства лишают меня на нынешний раз этого удовольствия — и потому решаюсь обратиться к вам письменно. Дело в том, что я сейчас получил от Писемского рукопись, которую, как видите, он высылает к сроку (т. е. 1 июня), по условию, заключенному с вами. Рукопись остается пока у меня; сам же я еду в деревню в следующую субботу, 2 июня, в 8 ч. утра: — следовательно, только завтрашний день остается мне для получения вашего ответа и передачи вам рукописи, если только с вашей стороны соблюдено условие, предложенное вами Писемскому, т. е. высланы вперед д в е с т и п я т ь д е с я т руб. сер. Но так как письмо Писемского отправлено из Костромы 25 мая, а деньги еще не были получены, то я считаю вероятным думать, что вышеозначенные деньги еще не высланы вами Писемскому. В таком случае, чтобы объясниться нам короче и яснее, я не могу придумать лучшего способа, как просить вас покорнейше, прислать ко мне (близ Сухаревой башни, рядом с церковью Спаса во Спасской, дом г. Майковой) завтра доверенного человека с двумя стами пятью-десятью руб. сер., которые я беру на свою ответственность, и получить от меня рукопись. Или, если вам не угодно будет так поступить, то рукопись отправится со мною в деревню, и я буду ждать пока Писемский уведомит меня, что деньги д в е с т и п я т ь д е с я т руб. сер. им получены, и тогда тотчас же вышлю вам рукопись. Но, может быть, для сокращения переписки, вы вышлете деньги прямо ко мне, по следующему адресу: Владимирской губернии в г. Судогду Его Благородию Василью Федоровичу Суетину, для доставления в с. Аксеново, Его Благородию Аполлону Александровичу Майкову. Во всяком случае предоставляю на ваше полное усмотрение способы нашего взаимного соглашения... (Н. Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XI, стр. 376—377).

ПИСЬМО 20

„Рукопись моя" — рукопись повести „Комик" (см. примечание к предыдущему письму).

„Следующие двести пятьдесят" — очередной платеж по договору Писемского с Погодиным, связанный с доставлением рукописи повести „Комик" (см. примечание к письму 10).

ПИСЬМО 21

„Месяца три тому назад" — см. письмо к А. А. Краевскому от 4 апреля 1851 г.

ПИСЬМО 22

Отрывок помечен у Н. Барсукова, впервые опубликовавшего его, приблизительной датой: „июнь“ (Н. Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XI, стр. 377. Ср. письма к А. А. Майкову и М. П. Погодину от 25 мая 1851 г.).

„У нас в Костроме ограбили почту“ — разграбление почты, шедшей из Макарьева в Кострому, произошло между Мостовскою почтовою станцией и Кадыем 7 мая 1851 г. см. „Костромские Губернские Ведомости“ 1851, № 22 от 9 июня, отдел первый, общий, стр. 256: „О разграблении почты“.

ПИСЬМО 23

„Москвич“ — „Москвич в Гарольдовом плаще“, раннее заглавие повести „M-r Батманов“, см. примечание к письму 11.

„Осенью... пришлю вам в самом начале мой труд“ — это намерение Писемским выполнено не было, первое его произведение в „Отечественных Записках“, пьеса „Ветеран и новобранец“, появилось только в 1854 г. См. примечание к письму 25.

ПИСЬМО 24

Н. Барсуков, впервые опубликовавший отрывок, пометил его только годом, более точная дата устанавливается из содержания письма („прошло более полугода“. См. Н. Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XI, стр. 441—442). Письмо было вызвано обращенным к ближайшим сотрудникам „Москвитянина“ предложением Погодина усилить распространение журнала (См. там же).

ПИСЬМО 25

„Роман по главам для „Современника“ — „Богатый жених“, публикация которого в „Современнике“ началась с октябрьской книжки 1851 г. и была закончена в 1852 г. О связи „Богатого жениха“ с ранним романом „Виновата ли она?“ см. в примечании к письму 2.

„Автобиография обыкновенного человека“ — начальный замысел обещанного в „Отечественные Записки“ и осуществленного только через семнадцать лет романа „Люди сороковых годов“.

ПИСЬМО 27

„Сейчас я был у Верстовского“ — Во время пребывания в Москве Писемский вел переговоры с управляющим конторою московских театров А. Н. Верстовским о постановке на сцене комедии „Ипохондрик“. Посредниками между Верстовским и автором пьесы выступали Погодин и Шевырев. Последний писал в связи с этим издателю „Москвитянина“: „...у Писемского большой комический талант, надеюсь, что Верстовский обрадуется такой комедии для Московской сцены“ (см. Н. Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XI, стр. 379).

„Он сделал мне несколько весьма дельных и весьма сценических замечаний“ — см. историю сценических переработок „Ипохондрика“ в комментариях к комедии в однотомнике „А. Ф. Писемский, Избранные произведения“, Л., ГИХЛ, 1932, стр. 622—623.

ПИСЬМО 28

На обороте адрес: „Его Высокородию Михаилу Петровичу *Погодину*. На Девичьем поле, близ церкви Саввы, в собственном доме".

В дате у Писемского ошибка: вместо „6 октября" следует—„6 ноября". Действительно, из содержания письма видно, что оно было написано во вторник, на этот день и приходилось 6 ноября, между тем как 6 октября 1851 г. было в субботу. Неделей раньше М. П. Погодин обращался к П. Васильчикову, сообщая о предстоящем визите и получил от него ответную записку, помеченную 30 октября 1851 г. П. А. Васильчиков писал Погодину:

> Я сообщил маменьке ваше любезное предложение... Она очень рада, как случаю познакомиться с г. Писемским, так и возможности насладиться слушаньем его произведения. Она совершенно предоставляет на ваше усмотрение выбор для чтения...

У Васильчиковых Писемский мог читать повесть „Комик" и комедию „Ипохондрик" (см. Н. Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XI, стр. 378).

ПИСЬМО 29

Дата прощальной записки к Погодину определяется сроком окончания 28-дневного служебного отпуска Писемского —20 ноября 1851 г.

ПИСЬМО 30

„Перемещение в Москву" — обращение Шевырева к попечителю московского учебного округа В. И. Назимову о назначении Писемского инспектором 1-й Московской гимназии не увенчалось успехом.

„Служебные перемены" — имеется в виду предстоящая отставка Костромского губернатора Каменского, см. примечание к письму 41.

ПИСЬМО 31

Дата отрывка определяется при сопоставлении с письмом 30 и 32, отосланным одновременно с обращением к М. П. Погодину.

ПИСЬМО 33

Точная дата (год) письма устанавливается по упоминанию „Москвича", т. е. повести „Москвич в Гарольдовом плаще", опубликованной, после запрещения Петербургской цензурой, под заглавием „М-г Батманов" в сентябрьских книжках „Москвитянина" 1852 г.

ПИСЬМО 34

„Маленький мой ребенок" — сын Аполлон.

ПИСЬМО 35

„Успех Островского" — успех его комедии „Бедная невеста", прочтенной на вечере у гр. Ростопчиной и вызвавшей восхищение слушателей (см. Н. Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XI, стр. 392 –393).

ПИСЬМО 36

На обороте второго листка адрес: *„В Москву. В контору Москвитянина,* против Дворянского клуба, в доме *Живаго"*.

„Записочку прошу доставить Михаилу Петровичу" — адресованную М. П. Погодину записку от 28 дек. 1851 г. см. в „Дополнениях", письмо XIX.

ПИСЬМО 37

Приблизительная дата устанавливается содержанием письма: Писемский ждет еще ответа на свое письмо к С. П. Шевыреву от 7 декабря 1851 г. и не получил от Островского рукописи „Москвича в Гарольдовом плаще", над переработкой которого трудился в феврале 1852 г. (ср. письма к Островскому от 14 декабря 1851 г. и к Погодину от 22 января и февраля 1852 г.).

ПИСЬМО 38

Приблизительная дата отрывка устанавливается по упоминанию в нем обзора А. А. Григорьева, печатание которого началось с первой книжки „Москвитянина" 1851 г.: „Русская литература в 1851 г. Статья первая. О значении исторической критики и о различных злоупотреблениях, к которым оная, бывши совершенно невинною, подала в русской литературе повод" (№ 1, отд. V, стр. 1—9). Последняя, четвертая статья обзора появилась во второй февральской книжке журнала (№ 4, отд. V, стр. 95—108).

ПИСЬМО 39

„Из Современника получил тысячу руб. сер." — гонорар за первую часть романа „Богатый жених", см. примечание к письму 25.

„Комедия моя прошла или нет цензуру" — Комедия „Ипохондрик", напечатанная в первой книжке „Москвитянина" 1852 г. Запрос относится к разрешению комедии для постановки на сцене, хлопоты о котором были предприняты во время пребывания Писемского в Москве, в октябре—ноябре 1851 г.

„Что Назимов" — вопрос касается судьбы ходатайства о назначении Писемского инспектором 1-й Московской гимназии (см. письма к Шевыреву, Погодину и Островскому от 7 декабря 1851 г.)

„Принялся бы за новую комедию" — первое упоминание о замысле комедии „Раздел", см. примечание к письму 50.

„Переводы Вильгельма Мейстера и романа Шарля Бернарда" —роман Гете „Вильгельм Мейстер" в переводе А. А. Григорьева появился в № 1, 2, 3, 5, 10, 21, 22 и 23 „Москвитянина" 1852 г. Роман Шарля Бернара „Виконт де-Жерво" печатался в приложении к № 1, 2 и 3 „Москвитянина" 1852 г.

ПИСЬМО 40

„Москвича... начинаю переделывать" — роман „Москвич в Гарольдовом плаще", ранняя редакция повести „М-r Батманов", см. примечание к письму 11.

„Поставка Ипохондрика на сцену" — хлопоты о цензурном разрешении постановки комедии. Цензурная история „Ипохондрика" изложена Н. В. Дризеном в его книге „Драматическая цензура двух эпох", П. 1915, стр. 75.

„Петербургские журналы вооружились на меня" — фельетонист „С. Петербургских Ведомостей" писал об „Ипохондрике": „Автор не кладет в основание его ‹основного персонажа, Дурнолечина› характера никакого духовного

начала. Все его действия он основывает на мнительности ... От этого отсутствия глубокой основной мысли в пьесе, действие ее идет вяло и части ее не имеют между собой никакой внутренней связи" (И. М., Петербургская летопись, „С. Петербургские Ведомости" от 27 января 1852, № 23, стр. 93).

Дошло ответное письмо Погодина к Писемскому, ошибочно отнесенное Н. Барсуковым к концу 1851 г. Оно содержит предварительную программу издания „Повестей и рассказов" А. Ф. Писемского:

> Предыдущее письмо написал я вам жестоконько, потому что ваше произвело на меня пренеприятное впечатление. Еще если бы вы мне написали: мне случилась неожиданная нужда, и я прошу, вас, мимо условий, прислать мне etc. А то вы спрашиваете денег без права, и поступаете со мною весьма неделикатно, за мое слишком приязненное отношение. Но сердце у меня отходчивое, и потому я готов прислать вам денег теперь вперед. Только прошу прислать мне счет всех получений ваших, деньгами, книгами, билетами. Издание должен я начать, не медля и потому присылайте исправлений, каких хотите, к Тюфяку, Браку, Ипохондрику. Хочу печатать в формате Русских Авторов... Какое заглавие дать: Сочинения А. Ф. П., или Повести и пиэсы А. Ф. П.? Я думаю, в трех частях: 1. Тюфяк, Брак по страсти. 2. Ипохондрик, Богатый жених.— 3. Комик, Гаральд, Леший или комедийка. Москвитянин пошел лучше, но все еще только семьсот; прибавление идет ровным шагом. Так вот и добьюсь до тысячи, и тогда я буду повольнее в своих действиях. Ипохондриком довольных больше, чем недовольных. Надо уничтожить дурное впечатление Жениха, и постарайтесь отделывать вторую часть получше. Я не читал его, а по сторонам слышал. Пишу к вам дурно, чтоб отомстить за ваше дурное писанье. Повторяю вам — имейте терпенье; трудитесь добросовестно и не пишите писем, подобных последнему. 1851 год был все-таки для вас лучше 1850-го; ну, 1852-й — будет лучше первого, и довольно.

Необходимость изменения датировки, принятой Н. Барсуковым, вызывается сообщением в письме отзывов об „Ипохондрике", напечатанном в первой книжке „Москвитянина" за 1852 г. (Н. Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XI, стр. 380—381).

В издание „Повестей и рассказов" 1853 г. не вошли намеченные программой „Богатый жених", „Леший" и „Комедийка" („Раздел"), напечатанные в „Современнике" (согласно договора с Писемским Погодин приобретал право на перепечатку в отдельном издании только тех вещей, которые прошли через „Москвитянин", см. примечание к письму 10). В первую часть „Повестей и рассказов" вошел не предусмотренный программой очерк „Питерщик", впервые опубликованный в первой декабрьской книжке „Москвитянина" 1852 г. В письме А. Н. Майкову от 2 июня 1853 г. Писемский подчеркивал малую прикосновенность свою к изданию „Повестей и рассказов": „извиняюсь в небрежности издания, я в этом деле не участвовал: их издавал Погодин, который все делает расчетливо - хозяйственным образом". Не прислал Писемский для издания и поправок к „Тюфяку", „Сергею Петровичу Хозарову и Мари Ступицыной" и „Ипохондрику": текст этих вещей в „Повестях и рассказах" воспроизводит без изменения журнальную редакцию.

В письме Погодина останавливает внимание упоминание об очерке „Леший", напечатанном только в ноябрьской книжке „Современника" 1853 г., — это первое по времени известие о новом замысле Писемского.

ПИСЬМО 41

Приблизительная дата письма определяется запросом Писемского о местонахождении Погодина. Из Москвы в Суздаль он выехал около 9 февраля 1852 г. и пробыл там до конца месяца (см. Н. Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XII, стр. 46—52).

„У нас в Костроме перемены большие“ — сообщение о выходе в отставку Костромского гражданского губернатора Каменского появилось в № 11 „Костромских Губернских Ведомостей“ от 15 марта 1852 года (часть официальная, стр. 109—110), сообщение о назначении „помощника попечителя Московского учебного округа статского советника Муравьева“ „исправляющим должность Костромского гражданского губернатора“ — в № 12 от 22 марта 1852 года (часть официальная, стр. 119). Сведения о предстоящих переменах имелись, конечно, у Писемского до появления официальных уведомлений.

ПИСЬМО 42

Дата письма определяется датой смерти Н. В. Гоголя — 21 февраля 1851 г.

ПИСЬМО 43

Дата устанавливается сопоставлением с отрывком 41.

ПИСЬМО 44

„Комедия ваша“ — „Бедная невеста“ Островского, напечатанная в № 4 „Москвитянина“ 1852 г. (цензурное разрешение — 21 февраля).

„Задумываю еще большую комедию“ — комедию „Раздел“, см. примечание к письму 50.

„Богатым женихом я сам недоволен“ — в биографической справке, набросанной в 1859 г. для „Русского художественного листка“, Писемский отмечал о „Богатом женихе“: „длинный и совершенно неудавшийся мне роман“. Ср. отзыв в письме к А. Н. Майкову от 1 октября 1854 г. „Я уже пробовал заставлять себя сочинять в Богатом женихе и вышла такая мерзость, что самому стыдно“.

„Погодинское известие о смерти Гоголя“ — подписанная инициалами М. П. статья „Кончина Гоголя“, „Москвитянин“ 1852, № 5, март, кн. 1, отд. VII, стр. 47—50.

ПИСЬМО 46

„Ваш роман“ — „Племянница“ Евгении Тур, вышедший отдельным изданием в Москве в 1851 г.

„Чужая душа — потемки“ — драматическая „поговорка“ Евгении Тур, „Отечественные Записки“ 1852, кн. 3, отд. I, стр. 1—30.

ПИСЬМО 47

Приблизительная дата устанавливается датой запрещения постановки на сцену комедии „Ипохондрик“ — 14 марта 1852 г. (см. Н. В. Дризен, Драматическая цензура двух эпох, П. 1915, стр. 76).

ПИСЬМО 48

Приблизительная дата письма устанавливается по содержащемуся в нем сообщению о пребывании в Костроме Перфильева. „Костромские Губернские Ведомости“ сообщают на протяжении 1852 г. три раза

о приезде в Кострому начальника 2-го округа корпуса жандармов генерал-лейтенанта С. В. Перфильева: между 1 и 8 мая (часть неофициальная № 18 от 10 мая, стр. 199), между 11 и 17 июля (там же, № 28 от 19 июля, стр. 307 тогда же Перфильев проехал дальше в Кологрив) и между 31 июля и 7 августа — проездом из Кологрива (там же, № 31 от 9 августа, стр. 340, ср. № 32 от 16 августа, стр. 349). Вероятнее предположить, что Писемский беседовал с С. В. Перфильевым в его первый приезд в Кострому, в ближайшие же месяцы по запрещении „Ипохондрика".

ПИСЬМО 49

Из содержания письма следует, что оно было написано вскоре после получения известия о запрещении комедии „Ипохондрик" к постановке на сцену. Запрещение состоялось 14 марта 1852 г.— этим определяется приблизительная дата письма.

„Современник... сказал, что в комедии нет общей завязки" — см. „Заметки и размышления нового поэта по поводу русской журналистики", „Современник" 1852, кн. 2, отд. VI, стр. 239.

„Библиотека для Чтения наговорила вздор какой-то" — см. отзыв об „Ипохондрике" А. В. Дружинина в 26-м „Письме иногородного подписчика о русской журналистике", „Библиотека для Чтения" 1852, кн. 2, Смесь, стр. 221—224.

„Отечественные Записки отозвались желчно" — см. отзыв об „Ипохондрике" в обзоре „Журналистика", „Отечественные Записки" 1852, кн. 3, отд. VI, стр. 64—65.

ПИСЬМО 50

Приблизительная дата письма устанавливается по содержащимся в нем сообщениям о пребывании в Костроме В. И. Назимова и Л. И. Арнольди. В. И. Назимов указан в „Костромских Губернских Ведомостях" в числе приехавших из Москвы между 23 и 30 мая 1852 г., Л. И. Арнольди — между 6 и 13 июня (из Петербурга), Л. И. Арнольди выехал из Костромы между 20 и 27 июня (см. неофициальную часть „Костромских Губернских Ведомостей" 1852 г., № 21, стр. 230; № 23, стр. 249, № 25, стр. 274).

„Новый наш губернатор приехал" — В. Н. Муравьев, состоявший Костромским гражданским губернатором с 28 февраля 1852 г. по 10 апреля 1853 г.

ПИСЬМО 51

„Раздел" — комедия Писемского, напечатанная впервые в январской книжке „Современника" 1853 г. (отд. I, стр. 79—155).

Изложенная в письме развязка комедии не совпадает с журнальной версией, в заключительных сценах которой обнаруживается завещание Манохина, составленное в пользу его воспитанника — жадные обманутые родственники принуждены признать этот факт. При следующих перепечатках комедии ее развязка подвергалась дальнейшей переработке.

„Причитающиеся мне деньги" — гонорар за роман „Богатый жених" оконченный печатанием в майской книжке „Современника" 1852 г.

ПИСЬМО 52

М-r Батманов был закончен печатанием во второй сентябрьской книжке „Москвитянина".

ПИСЬМО 54

„Посылаю Вам свою комедию“ — комедию „Раздел“, опубликованную в январской книжке „Современника“ за 1853 г.

„На щет Батманова вы сделали мне много замечаний справедливых“ — о характере замечаний, сделанных Некрасовым по поводу повести „M-r Батманов“ в недошедшем до нас письме к Писемскому, можно судить по его отзыву об этой вещи в письме к И. С. Тургеневу от 21 октября 1852 г. „Батманов (особенно первая половина) очень хорош, но какое грубое существо этот господин (т. е. автор)! Я думаю, ты уж прочел 2 часть Батманова; эта часть поразила меня своей грубостью; сцена с фраком, львица княгиня, которая все толкает мужчин; письмо Наумовой о пощечинах, с подписью: женщина, которой очень хотелось за вас замуж — как все это нежно! Удивительно еще как мало автор затрудняется в разрешении самых трудных вопросов. После этой повести, не знаю почему, он мне иначе не представляется как литературным городовым, разрешающим все вопросы жизни и сердца палкой! Впрочем, потому это и досадно, что таланту много“ (Некрасов, Письма, 1840—1877. Под ред. В. Е. Евгеньева-Максимова, Л., Гиз, 1930, стр. 169—170).

ПИСЬМО 55

„Получили ли вы моего переделанного Ипохондрика“ — переработку комедии „Ипохондрик“, запрещенной к постановке на сцену 14 марта 1852 г. по докладу цензора Гедерштерна, Писемский закончил к исходу октября. 3 ноября 1852 г. Т. И. Филиппов писал в Петербург М. П. Погодину: „Писемский прислал Ипохондрика переделанного, который пересылается к вам; он просил вас похлопотать о нем, т. е. чтобы на сцену“. Длительное молчание Погодина, занятого в Петербурге сдачей своего древлехранилища Публичной Библиотеке, вызвало тревожный запрос Писемского, сделанный по замечанию Н. Барсукова, „через месяц“ после отсылки рукописи — этим замечанием и определяется дата отрывка (Н. Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XII, стр. 207).

5 января 1853 г. С. А. Гедеонов извещал М. П. Погодина о результате его хлопот о разрешении сценической постановки „Ипохондрика“:

> Только сегодня получил я, любезный и многоуважаемый Михаил Петрович, отзыв Третьего Отделения о пьесе г. Писемского. Утешительного в нем мало. Я прочел Мнительного (Ипохондрика) с большим удовольствием и не нашел в нем решительно ничего, что бы могло оправдать опасения цензуры... Пьеса г. Писемского останется у меня; буду здесь, — стану сам о ней хлопотать: не то передам ее в добрые руки. (Там же, стр. 207–208).

ПИСЬМО 57

„Роман Ростопчиной“ — Публикация романа Е. П. Ростопчиной „Счастливая женщина. Современная биография“ началась в „Москвитянине“ в 1851 г. (№ 23, декабрь, кн. 1, стр. 381—432); он печатался в 1852 г. во второй и пятой книжке журнала; этим определяется примерная дата письма, помеченного у Н. Барсукова только годом.

ПИСЬМО 58

Переговоры о сотрудничестве Писемского в „Библиотеке для Чтения" не привели ни к каким результатам, его работа в этом издании началась значительно позже, осенью 1857 г., когда Писемский был привлечен к редактированию журнала.

ПИСЬМО 59

„Благодарю вас за присылку справки Гедеонова" — речь идет, повидимому, о записке С. А. Гедеонова, извещавшего 5 января 1853 г. М. П. Погодина о результатах хлопот по разрешению к постановке новой переработки комедии Писемского „Ипохондрик" (см. примечания к письму 55).

„Я... потерял надежду поставить когда либо его на сцену" — Писемский имел в виду, конечно, „Ипохондрика".

„Наш новый губернатор" — В. Н. Муравьев.

ПИСЬМО 61

Приблизительная дата письма устанавливается по упоминаниям о пожаре Большого Московского театра (11 марта 1853 г.) и смерти В. А. Каратыгина (умер 13 марта 1853 г.).

Н. В. Гоголь умер 21 февраля 1852 г., В. А. Жуковский — 12 апреля 1852 г., К. П. Брюлов — 12 июня 1852 г.

„Вышли мои Повести и рассказы" — издание „Повестей [и рассказов" А. Ф. Писемского помечено цензурным разрешением от 4 февраля 1853 г.

ПИСЬМО 62

„Ваши стихотворения" — А. Н. Майков прислал Писемскому, очевидно, свой первый сборник: „Стихотворения", СПБ. 1842,— следующее издание вышло только в 1858 г.

„Непропущенное произведение" — лирическая драма А. Н. Майкова „Три смерти", запрещенная цензурой и опубликованная только в 1857 г. в кн. 10 „Библиотеки для Чтения" (стр. 195—213). В авторском примечании ко „Второй части лирической драмы" „Смерть Люция" А. Н. Майков писал „Первая часть этой поэмы было написана мною одиннадцать лет тому назад и еще тогда распространялась в рукописи под разными названиями. В одних списках ее озаглавили: „Выбор смерти", в других: „Три смерти". Автор же имел в виду одну поэму в двух частях, с названием: „Смерть Люция" („Русский Вестник" 1863, кн. 2, стр. 674).

„Три томика моих сочинений" — три части „Повестей и рассказов А. Ф. Писемского", М. 1853, см. примечание к письму 40.

ПИСЬМО 63

В конце письма приписка А. Н. Островского:

> Михайло Петровичь, позвольте мне побывать у вас с Писемским. Мне тоже нужно поговорить с Вами, вот уже более полугода, как я ничего не знаю о Ваших намерениях относительно журнала. — Отвечайте на мое имя, Писемский остановился у меня.
>
> Ваш слуга
>
> *А. Островский*

На обороте второго листка адрес (также рукой А. Н. Островского): „Его Превосходительству Михайлу Петровичу Погодину. На Девичьем поле, в собственном доме“.

ПИСЬМО 64

Приблизительная дата письма устанавливается сроком окончания служебного отпуска Писемского, использованного им для поездки в Петербург и установления связей с петербургскими литераторами. В 1853 г. Писемский числился в четырехмесячном отпуску с 9 июня по 8 октября. Остановившись на возвратном пути в Москве, он предполагал выехать в Кострому 6 октября (см. письмо 63) и вернулся из отпуска повидимому точно в срок. Производство Писемского в титулярные советники состоялось 9/21 сентября.

„Получил... предложение быть редактором неофициальной части Губерн. Ведомостей“ — С 1852 г. редактором неофициальной части „Костромских Губернских Ведомостей“ состоял старший чиновник по особым поручениям при Костромском губернаторе Н. Ф. фон-Краузе. Назначение редактором Писемского не состоялось в виду его служебного перевода и отставки. Не состоялось и его сотрудничество в газете, обещанное в заметке „От редакции“ в № 4 „Костромских Губернских Ведомостей“ 1854 г. (см. Н. Н. Виноградов, Мелочи для биографии А. Ф. Писемского и А. А. Потехина. „Известия ОРЯС“ 1908, т. XIII, кн. 3, стр. 322—327).

„Наш вице-губернатор“ — П. А. Брянчанинов.

„Три смерти“ — см. примечание к письму 62. Запрещенная цензурой лирическая драма „Три смерти“ была поставлена в декабре 1854 г. в домашнем театре у Штакеншнейдеров. Е. А. Штакеншнейдер занесла в своих записках „Из воспоминаний“: „На представлении зала была полна, но и на репетиции приезжали также. Приезжал, между прочим, Писемский, которого Майков приглашал как знатока и критика для советов. Но какие советы мог дать Писемский, уже посоветовавший в то время с таким выражением читать: „Тень Грозного меня усыновила...“ и прочее, как будто бы то была самая обыкновенная проза. Зато на репетициях он и молчал“. (Е. А. Штакеншнейдер, Дневник и записки (1854—1886). Редакция, статья и комментарий И. Н. Розанова, М., „Academia“, 1934, стр. 45).

„Саванарола“ — стихотворение А. Н. Майкова („В столице Медичи счастливой...“), впервые опубликованное в „Библиотеки для Чтения“ 1857 г., кн. 1, отд. „Словесность“, стр. 4—8, с датой „1851 г“.

„Мои сочинения“ — „Повести и рассказы“ издания 1853 г.

ПИСЬМО 65

„Я отдал вам сборники покойного моего тестя“ — О сборниках „различных старинных актов и документов“, оставшихся после П. П. Свиньина, Писемский сообщал М. П. Погодину 17 мая 1851 г., обещая привезти их в ближайшую поездку в Москву (см. „Дополнения“, письмо VI).

ПИСЬМО 66

Указания для датировки письма дает обещание Писемского прислать роман „Виновата-ли она?“ „в конце будущего месяца или в начале февраля“. В деревню Раменье Писемский переехал в конце декабря, см. его письмо к А. А. Краевскому от 17 июня 1854 г.

„Я переведен в Херсонь" — постановлением министра внутренних дел от 19 ноября 1853 г. Писемский был переведен из Костромы в Херсонское Губернское Правление „исправляющим должность ассесора".

„Виновата-ли она?" — в февральской книжке „Современника" 1855 г. была напечатана повесть Писемского „Виновата-ли она?". Вероятнее однако, что в настоящем письме речь идет об одноименном раннем романе, см. примечание к письму 2.

„Комедия Иванова" — в „Современнике" комедия А. В. Иванова не появлялась.

„Роман, о котором я говорил" — „Тысяча душ", завершенный значительно позднее и опубликованный впервые в „Отечественных Записках" 1858 г. (кн. 1, 2, 3, 4, 5 и 6).

ПИСЬМО 67

Приблизительная датировка устанавливается сопоставлением с письмом 66 к Панаеву и Некрасову — в формулировках обоих писем имеются буквальные совпадения, заставляющие предполагать, что они писались в один и тот же день.

„Начал новой и очень длинной роман" — в дальнейшем излагается начальный замысел романа „Тысяча душ".

ПИСЬМО 68

„Дурочка" — идиллия А. Н. Майкова „Дурочка Дуня", впервые напечатанная в январской книжке „Отечественных Записок" 1854 г. (отд. I, стр. 1 – 6).

„Ребенок" — стихотворение А. Н. Майкова, напечатанное в февральской книжке „Отечественных Записок" 1854 г. (отд. I, стр. 386).

„Придирчив, как] Покровский" — И. Г. Покровский, автор филологических заметок „Памятные листки [ошибок в русском языке встречаемых в произведениях многих русских писателей", печатавшихся в „Москвитянине" 1852 и 1853 года (1852 г., № 24; 1853 г. № 3, 5, 6, 9, 10, 17, 21, 22, 23). Приводя в „Памятных листках" цитатный материал преимущественно из „Отечественных Записок" и „С. Петербургских Ведомостей", И. Покровский вызвал своей строгостью по отношению к правильности языка нападки печати, на которые отвечал письмом „Необходимое объяснение" (№ 13 „С. Петербургских Ведомостей" от 17 января 1854 г.). В нем Покровский оправдывался: „При составлении моих „Листков" <не могла> зарониться во мне и малейшая мысль о выставлении на показ ошибок в произведениях писателей, и я, лишь по необходимости, прибегал к выписке мест, погрешающих против языка, чтобы из разбора их делать полезные выводы" (ср. И. Рогозников, Филологические заметки. „Отечественные Записки" 1853 г., кн. 5 Смесь, стр. 83. „С. Петербургские Ведомости", 1853, № 206).

„Умный человек" — первоначальное заглавие романа „Тысяча душ".

„Матушкин сынок" — начальное заглавие рассказа „Фанфарон", напечатанного впервые с подзаголовком „Один из наших снобсов. Рассказ исправника" в августовской книжке „Современника" 1854 г. (отд. I, стр. 121 - 182).

„Порченый" — начальное заглавие очерка „Плотничья артель", впервые опубликованного с подзаголовком „Деревенские записки" в сентябрьской книжке „Отечественных Записок" 1855 г. (отд. I, стр. 1—54).

„Виновата-ли она?“ — см. примечание к письму 66.

„Для От. Зап. изготовлю рассказ“ — намерение написать сверх намеченных еще один рассказ для Краевского осталось невыполненным. Писемский отдал в „Отечественные Записки“ очерк „Плотничья артель“.

„Надежда Аполлоновна“ — Н. А. Свиньина, ур. Майкова, теща Писемского.

„Заколдованный круг“ — повесть Е. Тур „Заколдованный круг“ была впервые напечатана в январской книжке „Отечественных Записок“ 1854 г. (отд. I, стр. 139—240).

ПИСЬМО 69

„Леший“ — очерк Писемского, впервые напечатанный с подзаголовком „Рассказ исправника“ в ноябрьской книжке „Современника“ 1853 г. Об этом рассказе Писемский говорил Погодину еще во время своего пребывания в Москве осенью 1851 г. (см. примечание к письму 40).

ПИСЬМО 71

На обороте второго листка адрес: „В С. Петербург. Его Высокоблагородию Николаю Аполлоновичу Майкову. На углу большой Садовой и Екатерингофского проспекта, в бывшем доме Адамса, а вас прошу передать Аполлону Николаевичу Майкову“.

„Было ли... представление об увольнении меня в отставку“ — „высочайший“ приказ об увольнении Писемского от службы, согласно его прошению, был отдан только 25 марта 1854 г.

ПИСЬМО 72

„Матушкин сынок“ — см. примечание к письму 68.

„Герою дается место чиновника“ — именно этот вариант, за цензурную участь которого опасался Писемский, появился в журнальном тексте рассказа, в августовской книжке „Современника“ 1854 г.

„Примечание к Фанфарону на первой странице“ — в „Современнике“ подзаголовок „Фанфарона“ „Один из наших снобсов. Рассказ исправника сопровождался подстрочным авторским примечанием:

> Меткость сатиры и поучительная сила очерков Теккерея „Снобсы“ дали автору мысль написать настоящую статью. Под общим названием „Наши снобсы“ он предполагает привести несколько биографических очерков. Предчувствуя обвинения в смелости, и сам сознаюсь в своей немощи итти вслед великому юмористу, но все-таки решаюсь.

Это примечание было снято при перепечатке „Фанфарона“ в т. II „Сочинений“ Писемского, издания Ф. Стелловского, СПБ. 1861 (здесь же был изменен подзаголовок рассказа, текст которого также подвергся значительной правке, см. примечания к „Фанфарону“ в однотомнике „А. Ф. Писемский, Избранные произведения“, Л., ГИХЛ, 1932, стр. 608—609).

В ошибочной цитации заглавия книги Теккерея Писемский следовал за первым русским переводчиком „Книги Снобов“ (Теккерей, Очерки английских нравов. Английские снобсы, „Современник“ 1852, кн. 11, стр. 1 – 62; кн. 12, стр. 63—154).

„Муму“ — рассказ Тургенева „Муму“ был впервые опубликован в мартовской книжке „Современника“ 1854 г.

„Статья Анненкова“ — „По поводу романов и рассказов из простонародного быта“, „Современник“ 1854 г., кн. 2, отд. III, стр. 53—70; кн. 3, отд. III, стр. 1—22.

ПИСЬМО 73

Текст письма, за исключением подстрочной сноски, подписи и приписки, написан чужой рукой, но с поправками Писемского. Дата письма устанавливается при сопоставлении с письмом к А. А. Краевскому № 74.

„Драматический очерк“ — отклик на восточную войну 1854—1855 гг., пьеса „Ветеран и новобранец“, напечатанная с подзаголовком „Драматический случай из 1854 года“ в кн. 9 „Отечественных Записок“ 1854 (стр. 97—122). Поставлена впервые на сцену в Александринском театре 17 декабря того же года. При первой постановке роли были распределены согласно предположениям автора, за одним изменением — гимназиста Александра играл не А. М. Максимов, а Г. Н. Жулев (см. „Театральную хронику“ в № 281 „С. Петербургских Ведомостей“ 1854 г.).

„Пятиактная комедия“ Островского — „Бедная невеста“, поставленная впервые в Александринском театре в бенефис артистки А. М. Читау 12 октября 1853 г. и доставившая автору названный Писемским гонорар.

„Ода“ Майкова — его стихотворение „Памяти Державина. По получении известия о победах при Синопе и Ахалцыхе“ („Что я слышу? Что сердце волнует“...) До своего опубликования в сборнике А. Н. Майкова „1854 год“ стихотворение ходило по рукам в многочисленных списках. Приводимые в дальнейшем тексте письма стихи — точные цитаты из „Оды“.

Говоря о *„рецензентах“, „кричащих в пользу Фета и Тютчева“*, Писемский имел в виду подписанную инициалами И. Т. статью И. С. Тургенева „Несколько слов о стихотворениях Тютчева“, напечатанную в апрельской книжке „Современника“ 1854 года, вслед за публикацией стихотворений поэта в мартовской книжке журнала.

„Красота-красота“ — пародическая цитата из стихотворения Н. Ф. Щербины „Письмо“ („Я теперь не в Афинах, мой друг...“, см. „Греческие стихотворения“, Одесса, 1850, стр. 28—29).

„Сестра Маша“ — сестра Е. П. Писемской, Мария Павловна Свиньина.

„Весенний бред“ — стихотворение А. Н. Майкова, впервые напечатанное в апрельской книжке „Современника“ за 1854 г. (стр. 139—143).

„Об Островском стали говорить“ — первая постановка комедии „Не в свои сани не садись“, определившая, по утверждению Писемского, популярность Островского, состоялась в Москве на сцене Малого театра 14 января 1853 г.

„Рыбаки“ — роман Д. В. Григоровича „Рыбаки“ печатался в „Современнике“ 1853 г. (кн. 3, 5, 6, 9) и вышел в том же году отдельным изданием.

„Потехинские романы“ — говоря о „романах А. А. Потехина“ Писемский имел в виду его роман „Крестьянка“, печатавшийся в „Москвитянине“ 1853 г. (№ 19, 20, 21, 22) и вышедший в следующем году отдельным изданием.

„Жена автора Барышни“ — игра заглавием стихотворения А. Н. Майкова „Барышне“, опубликованного впервые в кн. 4 „Современника“ 1847 года (стр. 467—474).

„Мои ребятишки в деревне лихо растут" — речь идет о сыновьях Писемского Павле и Николае, ср. биографического характера запись о их жизни в деревне и воинских играх весной 1854 г. в первой главе „Плотничьей артели".

ПИСЬМО 75

„Моя пиеска" — „Ветеран и новобранец", см. примечание к письму 73.

Маша — Мария Павловна Свиньина.

ПИСЬМО 76

„Пишу длинный роман" — „Тысяча душ", см. примечание к письму 79. В дальнейших строках Писемский сообщает об окончании работы над очерком „Плотничья артель", рассказом „Фанфарон" и пьесой „Ветеран и новобранец".

„За подарок жене твоей пьесы Бедность не порок благодарю" – комедия Островского „Бедность не порок" вышла отдельным изданием в Москве, в конце января 1854 г. (см. Г. Т. Синюхаев, Труды и дни Островского, сб. „Островский" под ред. М. Д. Беляева, Л., 1924, стр. 321).

„Драма Потехина" — „Суд людской — не божий", поставленная впервые на сцене Александринского театра в сезон 1854—1855 гг. (Вольф, „Хроника петербургских театров", т. II, стр. 175).

ПИСЬМО 77

„Пиэсу мою я желал бы предварительно поставить на сцену" — расчеты Писемского не осуществились, „Ветеран и новобранец" был предварительно напечатан в „Отечественных Записках" 1854 г. (кн. 9, стр. 97—122) и затем уже поставлен на сцену Александринского театра 17 декабря того-же года.

„Длиннейший роман" — „Тысяча душ".

ПИСЬМО 78

На обороте второго листка письма адрес: „В С. Петербург Его Высокоблагородию Аполлону Николаевичу Майкову. На углу большой Подьяческой в доме Струка № 16".

Приближенная дата письма определяется, с одной стороны, его заключительными строками, говорящими о сенокосной поре, с другой — датой ответного письма А. Н. Майкова, помеченного 5 августа. Большой отрывок из этого письма, заключающий восторженный разбор стихотворения К. Павловой „Разговор в Кремле" и ряд суждений об откликах литературы на военные события, был напечатан в „С. Петербургских Ведомостях" (А. Майков, Отрывок из письма к А. Ф. Писемскому, „С. Петербургские Ведомости" от 11 августа 1854, № 176).

ПИСЬМО 79

„Длинный роман... остановился" — роман „Тысяча душ", первую часть которого Писемский завершил весной 1854 года (см. письмо к А. Н. Майкову от 12 марта), был окончен в первой редакции уже в Петербурге, к исходу зимы 1854—1855 г. Слухи о нем доходили до редакционного кружка „Современника", и Некрасов задумывался, не начать ли новый год журнала публикацией произведения Писемского. 22 октября 1854 г., еще до приезда

автора „Тюфяка“ в Петербург, Некрасов писал И. С. Тургеневу: „Слезно тебя прошу написать на 1 или 2 книжку Современника рассказ хоть небольшой или что ты хочешь, да чтоб было твое имя. А то чем мы начнем год — Дружининым? Это самое блестящее из всего что есть: — Писемским? Но он наворотил исполинский роман, который на-авось начать печатать страшно — надо бы весь просмотреть. Это неряха, на котором не худо оглядывать каждую пуговку, а то под застегнутым сюртуком как раз окажутся штаны с дыркой“ (Некрасов, Письма 1840—1877. Под ред. В. Е. Евгеньева-Максимова, Л., Гиз, 1930, стр. 194). Проездом в Москве Писемский пересказывал содержание своего романа у А. А. Григорьева (см. „Из воспоминаний“ И. Ф. Горбунова в т. III его „Сочинений“, СПБ. 1907, стр. 13), а в Петербурге продолжал работу над ним (см. И. Ф. Горбунов, Из моего дневника, запись 1855 г., там же, стр. 50).

„Пьеска моя ставится“ — пьеса „Ветеран и новобранец“, см. примечание к письму 73.

ПИСЬМО 80

„Отправляюсь в Питер... искать там места“ — 10 февраля 1855 г. Писемский был причислен к Департаменту Уделов и состоял при нем до 20 апреля 1857 г., однако без оклада.

„Виновата-ли она?“ — см. примечание к письму 66.

ПИСЬМО 82

„Тургенев едет скоро в Москву“ — И. С. Тургенев уехал из Петербурга через Москву в с. Спасское 6 апреля 1855 г.

„Подвизаюсь в чтении“ — П. А. Кулиш в письме к М. П. Погодину от 6 апреля 1855 г. сообщал, что Писемский в Петербурге „везде читает неоконченный роман свой, в котором играют роль два штатных смотрителя да переодетые журналисты Краевский и Панаев“ (Н. Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XV, стр. 36).

„Если только получу командировку“ — речь идет о командировании Морским министерством молодых литераторов „для описания быта жителей России, занимающихся морским делом и рыболовством“. Командировка Писемского осуществилась позднее, в январе 1856 г.

„Возвратился из кругосветного путешествия Гончаров“ — И. А. Гончаров возвратился в Петербург из Японии в феврале 1855 г. (см. „Русская Старина“ 1900, кн. 1, стр. 12).

ПИСЬМО 83

На обороте адрес: „Его В-ю Ивану Федоровичу Горбунову. В контору Александрынского театра. Очень нужное“.

Общее содержание письма заставляет предполагать, что оно относится к первым месяцам пребывания И. Ф. Горбунова в Петербурге, куда он приехал из Москвы 9 апреля 1855 г. Около этого же времени Писемский настойчиво знакомил П. В. Анненкова с членами редакционного кружка „Москвитянина“ (см. письма 85 и 86).

Если бы, руководствуясь адресом, отнести письмо ко времени вступления И. Ф. Горбунова в петербургскую драматическую труппу (19 февраля 1856), его пришлось бы датировать ноябрем — декабрем 1856 г., что мало

вероятно (уехав в конце января 1856 года в свою литературную командировку, Писемский возвратился в Петербург к исходу октября).

ПИСЬМО 85

„Ипохондрик... пропускается, но не пропущен“ — разрешенная после долгих хлопот к постановке на сцену, комедия „Ипохондрик“ была впервые представлена в Петербурге, в Михайловском театре 21 сентября 1855 г. В письме речь идет о постановке комедии в Москве в бенефис С. В. Васильева.

„Артель“ — очерк „Плотничья артель“. Чтения Писемским своих вещей „сильным мира сего“ предпринимались в ряде случаев с целью облегчить прохождение цензурных инстанций.

„Вчера вечером слушал я новый очерк Толстого Июльская ночь в Севастополе“ — Речь идет о законченном Л. Н. Толстым 26 июня 1855 г. очерке, напечатанном в сентябрьской книжке „Современника“ под заглавием „Ночь весною 1855 г. в Севастополе“.

„Об твоих Свои люди сочтемся непременно надобно хлопотать“ — комедия Островского „Свои люди — сочтемся“ была одобрена к представлению под измененным заглавием („За чем пойдешь, то и найдешь“) только 2 августа 1858 г.

„Его маленькое личное творчество“ — импровизация в рассказах и сценках И. Ф. Горбунова.

„Мой роман перевалил в третью часть“ — роман „Тысяча душ“.

ПИСЬМО 86

„Роман“ — персонаж „Романтической драмы в 2-х частях“ „Двумужница, или за чем пойдешь, то и найдешь“ А. А. Шаховского.

ПИСЬМО 87

Полная дата письма (год) устанавливается по содержащимся в нем сообщениям о разрешении к постановке на сцену „Ипохондрика“ (впервые представлен в Петербурге в Михайловском театре 21 сентября 1855 г.) и по сообщениям о затруднениях в прохождении через цензуру очерка „Плотничья артель“, напечатанного в сентябрьской книжке „Отечественных Записок“ 1855 г.

„Письмо к Васильеву“ — письмо к артисту С. В. Васильеву, предполагавшему взять комедию „Ипохондрик“ для своего бенефиса. В Москве комедия была поставлена на сцене Малого театра двумя годами позднее, 29 октября 1857 года.

ПИСЬМО 88

„По некогда существовавшему между нами условию“ — имеется в виду договор, заключенный Писемским с М. П. Погодиным в феврале 1851 г. (см. примечания к письму 10).

„Мои сочинения“ — изданные М. П. Погодиным в 1853 г. в 3 частях „Повести и рассказы“ А. Ф. Писемского.

ПИСЬМО 89

Полная дата письма (год) устанавливается по содержащимся в нем сведениям о хлопотах Писемского по постановке комедии „Ипохондрик“ в Москве в бенефис С. В. Васильева (см. примечание к предыдущему письму).

ПИСЬМО 90

„Ипохондрик мой имел успех“ — комедия „Ипохондрик“ была впервые поставлена на сцену в Петербурге, в Михайловском театре 21 сентября 1855 г. и повторялась на сцене Александринского театра 22, 27 и 29 сентября (см. „С. Петербургские Ведомости“ 1855, № 205, 206, 210 и 212). Театральный обозреватель „С. Петербургских Ведомостей“ писал о „бесспорном успехе“ постановки: „Г. Писемский был дважды вызван по окончании комедии, привлекшей в театр весьма многочисленную публику. Лучшие литераторы наши также были в этот вечер в театре, вместе со всеми, следящими за успехами отечественной словесности. Оригинальная комедия в глазах таких людей... всегда составляет отрадное и интересное явление, особенно если автор ее человек, приобревший такую справедливую известность, какою пользуется в ряду наших литераторов г. Писемский“ („Петербургская Летопись“. „С. Петербургские Ведомости“ 1855, № 214 от 1 октября).

„Написал я статью о Гоголе“ — статья „Сочинения Н. В. Гоголя, найденные после его смерти. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Том второй (5 глав) Москва, 1855“, напечатанная в октябрьской книжке „Отечественных Записок“ 1855 г. (отд. III, стр. 57—76).

„У вас возникает в Москве два журнала“ — начавшие выходить в 1856 г. „Русская Беседа“ (издатели-редакторы—А. И. Кошелев и Т. И. Филиппов) и „Русский Вестник“ (издатель-редактор — М. Н. Катков).

ПИСЬМО 91

„Пиэса моя, наконец, переправлена“ — историю переработок текста комедии „Ипохондрик“ см. в примечаниях к пьесе в однотомнике „А. Ф. Писемский, Избранные произведения“, Л., ГИХЛ, 1932, стр. 622—623. Постановка комедии в Москве, на сцене Малого театра, состоялась только через два года, 29 октября 1857 г. (см. „Московские Ведомости“ от 29 октября 1857, № 130, Литературный отдел, стр. 578).

ПИСЬМО 93

Дата письма (год) устанавливается по следующим соображениям: при Департаменте Уделов А. Ф. Писемский состоял с 10 февраля 1855 г. по 20 апреля 1857 г., в этот промежуток 25 ноября приходилось на пятницу только в 1855 г.

„Еще прошлый раз у Тургенева“ — на вечере у И. С. Тургенева, 23 ноября 1855 г., на котором присутствовали И. А. Гончаров, А. Н. Майков, Л. Н. Толстой, А. Ф. Писемский и А. В. Никитенко (см. „Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева“, Л. 1934, стр. 80).

„Читаю свой новый роман“ — чтение романа „Тысяча душ“ у министра народного просвещения А. С. Норова.

ПИСЬМО 94

На обороте второго листка адрес: „Его В-ю Аполлону Николаевичу Майкову. Против Юсуповского Сада в доме Адамса на Садовой“.

Датировка устанавливается при сопоставлении с предыдущим письмом.

ПИСЬМО 95

На обороте второго листка адрес: „[Ярославль] Его В-ю Николаю Алексеевичу Некрасову. В М. Конюшенной в д. Имзина“.

Датировка письма усложняется ошибкой Писемского в указании месяца. Рассказ „Леший", опубликованный впервые в ноябрьской книжке „Современника" 1853 г., вошел в состав сборника „Очерки из крестьянского быта", печатавшегося в отсутствии Писемского и вышедшего в свет в Петербурге в 1856 г. (дата цензурного разрешения — 9 января 1856 г.). Именно о подготовке к печати этого сборника идет речь в письме. Отсюда выясняется год его написания — 1855; но 28 октября 1855 г. приходилось не на среду, а на пятницу, на среду приходилось 28 декабря 1855 г. С этой датировкой вполне согласуется указание в письме на близость нового года, звучащее странно, если предположить, что Писемский правильно пометил письмо октябрем.

ПИСЬМО 96

„Пишу к тебе... из Астрахани" — в Астрахань Писемский поехал, командированный Морским министерством „в Астраханскую губернию и к прочим прибрежьям Каспийского моря" „для исследования быта жителей, занимающихся морским делом и рыболовством". Сохранившиеся документы не позволяют точно установить срок его выезда — последняя из известных дат, фиксирующая пребывание Писемского в Петербурге, дается его записью в альбоме С. Степанова (альбом хранится в Рукописном отделении Института литературы Академии Наук СССР):

1856 года, 8 января я познакомился с милым хозяином альбома и уверенно пророчу ему прекрасную будущность

А. Писемский

„Губернатора нет в городе" — во время пребывания Писемского в Астрахани губернатором состоял контр-адмирал Н. А. Васильев. 2 декабря 1855 г. Морское министерство специальным отношением просило об оказании Писемскому содействия в выполнении данного ему поручения („Дело о командировании литераторов в разные края России для собрания сведений до морской части относящихся", № 14686, 1855—1860 гг.).

„Из путевых записок написал целую сцену" — речь идет, повидимому, о начальных страницах первого, неозаглавленного очерка, впервые опубликованного в февральской книжке „Морского Сборника" 1857 г. (часть неофициальная, стр. 237—270).

„Вице-губернатор" — П. Е. Иванов.

„Председатель Казенной палаты" — А. П. Козаченко.

История командирования Писемского „в Астраханскую губернию и к прочим прибрежьям Каспийского моря" представляется в следующем виде:

11 августа 1855 г. генерал-адмирал, великий князь Константин обратился со следующим письмом к директору Комиссариатского департамента Морского министерства кн. Д. А. Оболенскому:

Прошу вас поискать между молодыми даровитыми литераторами (например Писемский, Потехин и т. п.) лиц, которых мы могли бы командировать на время в Архангельск, Астрахань, Оренбург, на Волгу и главные озера наши, для исследования быта жителей, занимающихся морским делом и рыболовством, и составления статей в „Морской Сборник", не определяя этих лиц к нам на службу. („Дело...", л. 1 или „Русская Мысль" 1898 г., кн. 2, стр. 19).

Вскоре начались поиски подходящих литераторов; в частности переговоры с Писемским, повидимому, сразу же согласившимся поехать в проектируемую экспедицию. А. Я. Панаева ошибается, уверяя, что Писемский был рекомендован И. И. Панаевым. Из сохранившихся деле двух его писем (от 27 августа и 28 ноября 1855 г.) видно, что Панаев выдвинул кандидатуры Я. П. Полонского, М. Л. Михайлова и С. В. Максимова. Двое последних и приняли участие в экспедиции. Вообще весь рассказ Панаевой о том, что Писемский якобы „не представил в морское ведомство ни одной строки", „пробыл в ⟨местности, в которую он был командирован⟩ всего с неделю" и т. д., является сплошным вымыслом. („Воспоминания" под ред. К. И. Чуковского, изд. 2, 1928, стр. 225). Из цитируемого нами дела видно, что командировка Писемского продолжалась ровно 10 месяцев (с 9 января по 9 ноября 1856 г); всего им было представлено в редакцию по подсчетам последней $8^1/_2$ печ. листов за которые ему и было уплочено 175 руб., а вместе с жалованьем за 10 месяцев — 1 175 руб. (л. 309 назв. дела).

19 сентября 1855 г. Морское министерство обратилось в Министерство уделов, в котором служил Писемский, с просьбой об откомандировании его (л. 18). 28 сентября Министерство уделов запросило Морское министерство о том, на какой срок предполагается командировать Писемского (л. 15). 7 октября последовал ответ: „на срок около года" (л. 16). 14 октября Министерство уделов предложило не откомандировывать Писемского, а просто зачислить его на это время в штат Морского министерства (л. 22). 18 октября Морское министерство уведомило А. Ф. Писемского о невозможности причисления его к министерству (л. 23).

Вся эта нудная бюрократическая переписка продолжилась бы и дальше, но 14 октября рассерженный волокитою Константин раздраженно запросил управляющего Морским министерством барона Ф. П. Врангеля: „за чем стало дело о командировании молодых литераторов для составления статей для „Морского Сборника"? Я весьма желал бы чтоб предположение это исполнилось поскорее, хотя даже с риском, что выбор этих писателей не вполне будет удачен" (л. 19). 26 октября (т. е. почти через 2 недели) Врангель касаясь в своем ответе Писемского, „долгом поставил себе донести, что министр уделов не согласился уволить... на год служащего в его министерстве г. Писемского, иначе как если он будет переведен в морское ведомство, на что я согласиться не мог, имея ввиду волю вашего высочества, что лица сии не будут состоять на службе в Морском министерстве" (л. 20).

Тогда 27 ноября Константин обратился с личным письмом к министру уделов гр. Л. А. Перовскому, в котором, между прочим, писал: „прошу Ваше сиятельство в личное мне одолжение за которое буду весьма благодарен Вам предоставить на 8 месяцев считая с февраля будущего года титулярного советника Писемского в мое распоряжение оставив его во все это время на службе по департаменту уделов и с тем что пособие на путевые расходы он получит от Морского ведомства. Я полагаю, что сведения которые он приобретет в разных местах во время предстоящей ему поездки не будут бесполезны и для удельного ведомства. С своей стороны если я могу быть Вам полезен командировкой в Ваше распоряжение морских или штурманских офицеров я всегда с большим удовольствием и готовностью исполню Ваши желания" (л. 26—26 об.).

Только после такого вмешательства Перовский сдался и 29 ноября известил о своем согласии на откомандирование Писемского (л. 27).

Но аппарат дореформенного министерства с трудом раскачивался на столь либеральное и экстравагантное с его точки зрения предприятие. Начались глухая оппозиция и саботаж задуманного предприятия.

Ф. П. Врангель всячески хотел облечь предполагаемую экспедицию в „законные“ формы. В частности, его особенно пугало „появление толпы охотников-литераторов, молодых, даровитых пожалуй на составление легоньких литературных (по вкусу нашей публики) статеек, сентиментальных и живописных, — но нашей цели несоответствующих“. Поэтому он — „положил себе за правило подвергнуть каждого из охотников следовать призыву великого князя некоторого рода экзамену... Экзамен этот должен состоять в требовании предварительной работы, в которой будущий путешественник излагал бы отчет о материалах, имеющихся уже в печати, относительно страны и обитателей избранных ими к исследованию, с некоторым критическим разбором и с указанием на неполноты; а в заключение составил бы программу, основанную на таком предварительном изучении предмета и разборе его“... (л. 11).

Чиновники министерства немедленно приступили к составлению подобной программы и к 18 сентября 1855 г. она была готова. Один из современников сравнил это канцелярское творение с программой магистерских экзаменов. Приводим полностью этот примечательный документ:

Изъявляющий желание отправиться для исследования быта жителей России, занимающихся судоходством, приглашается представить предварительно:

1) Полный перечень сочинений, изданных, как на русском, так и на иностранных языках о той части России, которую изберет предметом своих изысканий.

2) Критический разбор этих сочинений с означением их содержания, достоинств и недостатков и в особенности с указанием того, чего в них недостает относительно приморского и поречного народонаселения.

3) Изучив таким образом литературу избранного предмета, будущий путешественник обязан составить программу тех главных задач, которые он предполагает решить на месте.

4) При этом следует иметь преимущественною целью доставить со временем возможность комплектовать наш флот такими людьми, которые, по самой местности их нахождения и по занятиям, переходящим от отца к сыну, сроднились с детства с судоходством.

5) Для достижения этой главной цели необходимо изучить в подробности и во всех оттенках быт этих жителей, то есть:

а) их жилища, б) их промыслы с показанием обстоятельств, благоприятствующих и мешающих развитию оных, в) суда и разные судоходные орудия и средства, ими употребляемые, означая их названия, и представляя, если возможно, их изображение на рисунке, г) физический их вид и состояние и д) преимущественно их нравы, обычаи, привычки и все особенности, резко отделяющие их от прочих обитателей той же страны, как в нравственном, так и в промышленном отношении, а равно и в речи, поговорках, поверьях и т. п. Здесь всякая черта, снятая с натуры, будет полезна.

6) Предлагая лишь в общих очерках предлежащие к исследованию задачи, морское ведомство желает не ограничивать тесными рамками таланта и наблюдательности путешественников, которые конечно не упустят из вида всего того, что может обещать блестящую будущность нашему русскому флоту (л. 13—14).

Само собою разумеется, что этот проект остался неосуществленным, и никто из командированных не выполнил всей предусмотренной здесь программы. Вместо этого всем писателям при их отъезде вручались почти тождественные по содержанию инструкции гораздо более скромного содержания, предоставлявшие писателям почти полную свободу действий.

Текст врученной Писемскому инструкции следующий:

„Милостивый Государь Алексей Феофилактович!

Вследствие изъявленного Вами желания отправиться по поручению Морского министерства обозреть жителей Астраханской губернии и прибрежья Каспийского моря, занимающихся рыболовством и судоходством, для составления по этому предмету статей в „Морской Сборник" прошу Вас обратить при сем особенное внимание: на а) их жилища, их промыслы, с показанием обстоятельств благоприятствующих и мешающих развитию оных, в) суда и разные судоходные орудия и средства ими употребляемые, означая их названия и представляя если возможно их изображение на рисунке, с) физический их вид и состояние и д) преимущественно их нравы, обычаи, привычки и все особенности резко отличающие их от прочих обитателей той же страны, как в нравственности так и в промышленном отношении, а равно и в речи, поговорках, поверьях и т. п. Если Вы найдете возможным подметить и другие характеристические черты обозреваемой Вами страны и ее жителей то совершенно от Вашего усмотрения будет зависеть вместить их в описание, как признаете за лучшее. Морское начальство, не желая стеснить таланта, вполне предоставляет Вам излагать Ваше путешествие и результаты Ваших наблюдений в той форме и тех размерах, которые Вам покажутся наиболее удобными, ожидая от Вашего пера, произведения его достойного, как по содержанию и изложению, так и по объему.

В продолжении поездки Вы будете получать на разъезды и содержание в пути по сту рублей сер. в месяц из Комиссариатского Департамента Морского Министерства и в числе этой суммы выдано вам будет перед отъездом вперед за 6 месяцев, независимо от вознаграждения за статьи, которые доставлены будут Вами в „Морской Сборник". Подорожную по казенной надобности получите из Канцелярии Министерства, а вместе с сим я обращаюсь к г. Астраханскому военному губернатору с просьбою оказать Вам зависящее содействие в предстоящей командировке.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности Барон *Врангель*".

2/XII—1855 Спб. № 11697. (л. 34—36).

Предприятие было задумано как „исследование быта жителей, занимающихся морским делом и рыболовством"; в позднейших проектах наметилось некоторое уточнение этого задания: „следует иметь преимущественною целию доставить со временем возможность комплектовать наш флот такими людьми, которые по самой местности их нахождения и по занятиям, переходящим от отца к сыну, сроднились с детства с судоходством". Вообще писатели должны были „не упустить из вида всего того, что может обещать блестящую будущность русскому флоту". Под всеми этими формулировками скрывалось довольно прозрачно завуалированное исследование возможности колонизационной политики правительства, вызванной в конечном счете развитием промышленного капитала и недавним крупным поражением на Юге. Естественно, что ряд чисто бытовых очерков, в частности и Писемского, ока-

зался для „Морского Сборника“ неприемлемым, точнее говоря, не отвечающим его заданиям. Вообще экспедиция эта, обошедшаяся правительству в 13 с лишним тысяч рублей серебром, не оправдала возлагавшихся на нее надежд.

ПИСЬМО 97

„Володю попроси написать мне о моих очерках“ — обращенная к В. Н. Майкову просьба касается хода печатания отдельного издания „Очерков из крестьянского быта“, СПБ. 1856.

„Комедия Иванова“ — только одна из известных в печати пьес А. Иванова близка по дате опубликования к дате письма — напечатанная в декабрьской книжке „Русского Вестника“ 1857 г. комедия „Заговенье. Провинциальные сцены“.

На обороте письма черновые записи А. Н. Майкова, относящиеся к стихотворениям: „Мне снилось: на рынке в народе...“, „Я вглядываюсь жадно...“, „Плачу я, в лесу блуждая...“, „Сиял один мне в жизни...“, „Одинокая слезка...“ и четвертой песне поэмы „Сны“.

ПИСЬМО 98

Письмо сопровождается припиской Я. Я. Фейгина: „При сей верной оказии уважаемому Андрею Александровичу свидетельствую мое глубочайшее почтение. Я. Фейгин.“

ПИСЬМО 99

„Состоялась ли твоя поездка на Дон“ — А. Н. Островский ездил не на Дон, а в приволжские губернии (выехал 21 марта 1856 г.); поездку на Дон осуществил Ал. Михайлов.

ПИСЬМО 100

„Ездил я с адмиралом“ — с астраханским губернатором, контр-адмиралом Н. А. Васильевым.

Письмо является первоначальным наброском очерка „Бирючья коса“ — этим и объясняется просьба о его сохранении. Бо́льшая часть описания поездки почти без изменений вошла в названный очерк. Из исправлений следует отметить заключение абзаца о баклане и пеликане. В „Морском Сборнике“, в апрельской книжке которого за 1857 г. очерк был впервые напечатан- конец гораздо нейтральнее: „ни дать ни взять как на новой половине земного шара белая и черная порода людей“.

ПИСЬМО 101

„Порадуясь изгнанию... Старчевского“ — окончательная передача редакции „Библиотеки для Чтения“ А. В. Дружинину состоялась в ноябре 1856 г.

„По условию моему... я должен доставить рассказ „Старая барыня“ — рассказ „Старая барыня“ был закончен 1 января 1857 г, и напечатан в февральской книжке „Библиотеки для Чтения“ за тот же год.

„От Тургенева я получил письмо“ — Недошедшее до нас письмо Тургенева к Писемскому было написано, нужно думать, в последних числах апреля 1856 г., так как уже 3 мая он выехал из Петербурга в Москву.

Пробыв в Москве два дня, Тургенев выехал в Спасское, чем и объясняется запрос Писемского о его местонахождении (см. М. Клеман, „Летопись жизни Тургенева“, стр. 82–83).

ПИСЬМО 102

„*Контракт Некрасова*“ — договор об исключительном и постоянном участии в „Современнике“ Д. В. Григоровича, А. Н. Островского, Л. Н. Толстого и И. С. Тургенева. Названные писатели с начала 1857 г. становились участниками в доходах „Современника“, но зато обязывались сотрудничать только в этом журнале. Договор был намеренно широко оглашен с целью привлечь к журналу большое число подписчиков. Печатно о нем было заявлено на обложке октябрьской книжки „Современника“ 1856 г.

„*За роман не принимался*“ — речь идет об окончательной отделке романа „Тысяча душ“, печатание которого началось только в январской книжке „Отечественных Записок“ 1858 г.

ПИСЬМО 103

Не дошедшее до нас письмо, пересланное через А. А. Краевского, обращено к Анастасии Ивановне Толстой, жене вице-президента Академии Художеств Ф. П. Толстого, принимавшей деятельное участие в возвращении Т. Г. Шевченко из ссылки. Подробнее историю ее хлопот см. в примечаниях к академическому изданию переписки Шевченко (Тарас Шевченко, Твори, изд. Украинской Академии наук, т. III, 1929, по указателю).

ПИСЬМО 104

При сопоставлении с письмом к А. А. Краевскому от 6 июля письмо к Шевченко можно датировать довольно точно — самыми первыми числами июля 1856 г., а сделанную несколькими днями позднее приписку — 6 или 7 июля.

„*Виделся с Бэром*“ — С академиком К. Э. Бэром, о встрече с которым извещал Писемский своего корреспондента, Шевченко познакомился во время его поездки с научной экспедицией Географического общества в 1853—1856 гг. на Волгу и Каспийское море. Об отношениях Шевченко и Бэра и об его участии в освобождении Шевченко см. по указателю к т. III и IV „Творів“ Т. Шевченко (издание Украинской Академии наук, Киев, 1927 и 1929).

ПИСЬМО 105

На обороте письма адрес: „В г. Галичь Костромской Губернии. Ее высокоблагородию Екатерине Павловне Писемской“.

„*Поздравляю тебя с дочькой*“ — умершей ребенком дочерью Евдокией.

„*Слаб и чувствую нервическое изнурение*“ — В. П. Боткин, встретившийся 23 сентября 1856 г. с Писемским у А. Н. Островского, сообщал И. С. Тургеневу в письме от 29 сентября:

„У Островского встретил я Писемского — бледного, исхудалого, больного, — тень прежнего Писемского. Он приехал сюда лечиться. Островский говорит, что у него развилась ипохондрия. Дело в том, что Писемский начитался медицинских книг и нашел в себе многие болезни. Но теперь он вообще чувствует себя лучше. На мои глаза — кажется у него болезнь печени, подготовленная прежнею склонностью к водке“ („В. П. Боткин и

И. С. Тургенев. Неизданная переписка, 1851—1869. Приготовил к печати Н. Л. Бродский", М., „Academia", 1930, стр. 92, ср. письмо В. П. Боткина к И. И. Панаеву от 21—23 сентября 1856 г., „И. С. Тургенев и круг „Современника", Л., „Academia", 1930, стр. 387).

ПИСЬМО 106

На обороте последней страницы адрес: „В Москву. Его Высокоблагородию Александру Николаевичу Островскому. У Никола в Воробине, близь Серебряных бань, в собственном доме".

Датируется по почтовому штемпелю: „Спб. 18 окт. 1856".

„*Заяви барыне, как она приедет*" — Е. П. Писемской.

ПИСЬМО 108

На обороте адрес: „Его Высокоблагородию Александру Васильевичу *Дружинину*. В книжной лавке Печаткина. От Писемского".

Полная дата устанавливается путем сопоставления с данными предыдущих писем (на вновь нанятую квартиру в доме Раменской Писемской переехал 19 октября 1856 г.)

ПИСЬМО 109

Полная дата письма (год) устанавливается по сообщению о высылке „Очерков из крестьянского быта", отдельное издание которых печаталось в Петербурге в 1856 г. в отсутствие Писемского, во время его командировки в Астрахань и на побережье Каспийского моря.

„*У Оболенского еще не был*" — речь идет об официальной явке после командировки к директору Комиссариатского департамента Морского министерства Д. А. Оболенскому.

ПИСЬМО 110

На обороте второго листка адрес: „В Москву Его Высокоблагородию Александру Николаевичу Островскому. У Серебряных бань, близь Николы в Воробине, в собственном доме". Дата письма устанавливается из сопоставления с письмом 106 и 108 и по сообщению о пьесе Брянцева — пасквиле на Островского.

„*У Оболенского я еще не был*"— см. примечание к письму 109.

„*В бенефис Марковецкого, действительно, давали какую-то ерунду*" — В бенефис Марковецкого 17 октября 1856 г. в Александринском театре шла пьеса Брянцева „Заблуждение", представлявшая собою драматический пасквиль на тему о плагиате Островского, якобы списавшего комедию „Свои люди — сочтемся" с пьесы Д. А. Горева-Тарасенкова „Сплошь да рядом". И. Ф. Горбунов писал Островскому в первых числах ноября 1856 г.:

„Пьеса, данная в бенефис Марковецкого, принадлежит к числу таких пьес, за которые обыкновенно бьют по роже: автор и бенефициант получили это... содержания в пьесе нет никакого, рассказан только в лицах известный анекдот о Гореве... „На всякое чиханье не наздравствуешься", говорит пословица, а потому это дело нужно оставить втуне, сказал Писемский. ...Писемский болен не столько физически, сколько морально. Шипулинский сказал, что у него болезнь нервная и лечить его должна сама натура". („Сочинения И. Ф. Горбунова", т. III, СПБ. 1907, стр. 534). Г. Т. Си-

нюхаев относит это письмо ко второй половине октября 1856 г. между тем оно может быть датировано точнее на основании приписки: „На днях был бенефис Леонидова. Он давал Ермака Полевого. Сбор был очень хороший. На повторении бенефиса в театре сделали скандал: кто-то закричал: пожар“. Бенефис Леонидова состоялся 26 октября, а повторное исполнение „Ермака“ 2 ноября 1856 г. Таким образом, письмо Горбунова к Островскому было написано не раньше 3 ноября. (Ср. №№ 234 и 240 „С. Петербургских Ведомостей“ от 26 октября и 2 ноября 1856 г.)

ПИСЬМО 111

Вверху письма канцелярская пометка: „23 ноября 1856 г.“ (дата регистрации).

„Первый отдел моих путевых очерков“ — Писемский представлял, повидимому, статьи „Путевые очерки (Астрахань)“ („Морской Сборник“ 1857, т. XXVII, кн. 2, часть неофициальная, стр. 237—270) и „Морские поездки“ (1. „Бирючья коса“, 2. „Поездка в Баку“, 3. „Тюк-Караганский полуостров и Тюленьи острова“) (там же, т. XXVIII, кн. 4, часть неофициальная, стр. 231—251). Сбоку письма надпись: „посланы в редакцию 23 ноября“.

ПИСЬМО 112

„Весь этот скандал чрезвычайно неприятен всем нам“ — Во время пребывания Некрасова за границей Н. Г. Чернышевским в библиографическом обзоре ноябрьской книжки „Современника“ за 1856 г. был перепечатан ряд пьес из только что вышедших „Стихотворений Н. Некрасова“ (М. 1856). Среди перепечатанных стихотворений находился диалог „Поэт и гражданин“, обративший на себя внимание высших властей и повлекший в связи с этим ряд репрессивных мер как в отношении журнала „Современник“, так и (в особенности) в отношении „Стихотворений“ Некрасова. Соредактор „Современника“ И. И. Панаев был официально предупрежден, что „первая подобная выходка подвергнет его журнал совершенному прекращению“ (М. К. Лемке, Очерки по истории русской цензуры, СПБ. 1904, стр. 313). См. также „Тургенев и круг „Современника“, изд. „Academia“, Л. 1930, стр. 58.

ПИСЬМО 113

Письмо является ответом Писемского на циркулярное обращение директора канцелярии Морского министерства гр. Д. А. Толстого от 26 ноября 1856 г., разосланное ко всем командированным литераторам, в том числе и *„Адаму* Феофилактовичу Писемскому“.

„По воле государя великого князя генерал-адмирала имею честь покорнейше просить вас... доставить мне для доклада его высочеству сведения о том, к какому сроку и какие статьи вы предполагаете изготовить для помещения в „Морском Сборнике“. („Дело о командировании литераторов в разные края России для собрания сведений до морской части относящихся“, № 14686, 1855—1860 гг, лист 211).

Из перечисленных в письме статей в „Морском Сборнике“ не были напечатаны очерки 2-й „Армяне“, 3-й „Татары“, 6-й „Новопетровское укрепление“, 7-й „Поездка в Красный Яр“ и 8-й „Астраханские калмыки“. Два первых очерка („Армяне“ и „Татары“) не были приняты редакцией

(Писемский опубликовал их позднее в „Библиотеке для Чтения“ 1858 г., кн. 10 и 11). Судьба остальных неизвестна.

Вместо ненапечатанных, но названных в настоящем письме очерков в „Морском Сборнике“ была опубликована не упомянутая Писемским статья „Тюк-Караганский полуостров и Тюленьи острова“. Повидимому, Писемский не сразу представил перечисленные в письме очерки — ср. в письме к А. Н. Островскому от 4 февраля 1857 г.: „В „Морской Сб.“ статьи свои изготовил почти окончательно“.

ПИСЬМО 114

Полная дата устанавливается в связи с содержащимися в письме указаниями на хлопоты по поводу рассказа „Старая барыня“ (см. примечание к письму 101) и принятие служебного поручения.

„Дела я должен принимать в Земледельческом училище“ — О характере возложенного на Писемского служебного поручения представление дает следующая сохранившаяся в личном деле писателя „Справка“: „С разрешения Господина Председателя Департамента Уделов, на Титулярного Советника Писемского было возложено пересмотреть, во всей подробности, дела бывшего Стрелкового полка императорской фамилии и представить заключение в каком они порядке находятся и не требуют-ли некоторые из них какого-либо производства. О сем дано было предписание г. Писемскому 24 января 1857, № 1483, и от него получено донесение от 13 прошедшего февраля за № 2“ (ЛОЦИА, Архив департамента уделов, отделение 1, стол 1, дело № 3739).

Упоминаемый в „Справке“ стрелковый полк был сформирован в 1854 г. и расформирован в 1856 г. (вместо него был сформирован лейб-гвардии стрелковый батальон).

В обращении Писемский допустил ошибку: отчество Лазаревского *Матвеевич*, а не Михайлович.

ПИСЬМО 115

На обороте адрес: „Его В-ю Василью Михайловичу *Лазаревскому*“.

Датируется на основании следующих соображений. Повторение ошибки в обращении (Михайлович вм. *Матвеевич*) свидетельствует о непосредственной близости моментов написания настоящего и предыдущего (от 29-го января 1857 г.) писем. Ближайшим же понедельником, о котором говорится в письме, было 4 февраля 1857 г.

„Несказанно благодарен... за ваше ходатайство“ — речь идет, надо полагать, о хлопотах в отношении проездных денег до станции Удельная, где находилось Земледельческое училище. См. предыдущее письмо.

ПИСЬМО 116

Текст письма, за исключением подписи и даты, писан рукою И. Ф. Горбунова.

В конце письма приписка И. Ф. Горбунова.

> Мы сейчас с Ал. Феоф., воротились из бани; он распарился телесно и душевно, что меня очень обрадовало, потому что я его давно не видал в таком веселом расположении духа, в каком он находится в настоящую минуту. — Недели полторы тому назад, я послал к Вам

письмо; но не получая до сих пор ответа, думаю, что оно не дошло до Вас. Леонидов женился; вчера мы пировали на его сватьбе.

Всей душой преданный Вам

И. Горбунов

Агафье Ивановне мой поклон

9 часов вечера.

„О твоей комедии я слышал" — речь идет о комедии „Праздничный сон до обеда", только что законченной Островским и опубликованной в февральской книжке „Современника" 1857 г.

ПИСЬМО 117

Текст письма, за исключением подписи, написан рукой И. Ф. Горбунова. В заключении письма приписка И. Ф. Горбунова.

Александр Николаевич

P. S. Будьте здоровы. Приезжайте в Петербург. Вслед за этим письмом, Вы получите письмо от меня.

И. Горбунов

15 фев. утро

Полная дата письма (год) устанавливается по сообщению об отсылке двух экземпляров „Старой Барыни" — оттисков из февральской книжки „Библиотеки для Чтения" 1857 г., в которой был опубликован рассказ Писемского.

„Твои сценки в Современнике я прочитал" — „Праздничный сон до обеда", в февральской книжке журнала.

„Твоя новая комедия" — „Доходное место" Островского, опубликованное в кн. 1 „Русской Беседы" 1857 г. (ценз. разр. 2 марта)

„Разборы Дружинина" — рецензия А. В. Дружинина об „Очерках из крестьянского быта" Писемского — „Библиотека для Чтения" 1857, кн. 1. отд. V, стр. 1—20.

„Я встретился с Григоровичем в магазине Печаткина" — П. В. Анненков писал 28 февраля 1857 г. И. С. Тургеневу:

> В пьяном виде, все более и более возвращающемся к нему, Писемский делается ненавистником Григоровича. На-днях поймал его в книжной лавке, прижал его в угол и публично стал говорить: „Зачем вы не пишите по-французски своих простонародных романов, пишите по-французски — больше успеха будет": тот ежился и искал спасения в отчаянной лести, но не умилостивил его. („Труды Публичной Библиотеки СССР имени Ленина", вып. III, М. 1934, стр. 67).

„Ермил" — прозвище Писемского в редакционном кружке „Современника".

ПИСЬМО 118

На обороте второго листка адрес: „Его Б<лагороди>ю Ивану Федоровичу Горбунову в Средней Подъяческой, в д. Зандорфа". Датируется по штемпелю: „Городск. почта 1857 мар. 6".

ПИСЬМО 120

„Обе комедии здесь твои пользуются полным успехом" — комедии Островского „Праздничный сон до обеда" и „Доходное место", напечатан-

ные в февральской книжке „Современника“ и первой книжке „Русской Беседы“ (дата цензурного разрешения 2 марта 1857 г.)

„Вспомнил мой первый роман Виновата-ли она“ — напечатан под заглавием „Боярщина“ в январской книжке „Библиотеки для Чтения“ 1858 г. Присутствовавший на чтении романа П. В. Анненков писал 28 февраля 1857 г. И. С. Тургеневу о Писемском: „На-днях слушал его роман (Жорж Занд в Бояровщине, кажется) — из эпохи еще студенческой его жизни. Необычайная внешняя занимательность, множество лиц, простых по характеру и поэтому весьма рельефных, перекрещиваются в мастерской кадрили, а событие, естественно-мелодраматическое, развивается с изумительной твердостью. Ни малейшего колебания в ходе, чего-либо похожего на дрожание, рассеяние или суетливость. За то и мысль романа груба и положительна, как горбушка окаменелого черного хлеба“ („Труды Публичной Библиотеки СССР имени Ленина“, вып. III, М. 1934, стр. 67).

„Уваров, говорят, назначил 3000 руб. сер. пожизненной пенсии тому, кто напишет лучшую комедию или драму“ — об установлении уваровской премии см. примечание к письму 175.

ПИСЬМО 121

„Ты возвратился из своего вояжа“ — поездки в Ярославль и с. Шалыково.

„Я вместе с Дружининым делаюсь редактором Библиотеки для Чтения“ — А. В. Дружинин сменил О. И. Сенковского в редактировании „Библиотеки для Чтения“ еще в 1856 г., поставив себе задачей объединить вокруг журнала писателей либерально-дворянского лагеря и создать авторитетный печатный орган в противовес „Современнику“, командные роли в котором переходили к Чернышевскому и Добролюбову. Писемский был привлечен к заведыванию литературным отделом годом позднее, с осени 1857 г., и работал совместно с Дружининым в течение трех лет. С ноября 1860 г. Писемский стал единоличным редактором журнала — на титульном листе „Библиотеки для Чтения“ его имя сменяет имя Дружинина с тома 162 (ноябрь — декабрь 1860 г.). Сохранившиеся в Ленинградском отделении Центрального Исторического Архива документы освещают этот эпизод литературной биографии Писемского.

26 сентября 1860 г. помечено лаконичное поручительство:

> Мы нижеподписавшиеся удостоверяем, что Алексей Феофилактович Писемский, участвовавший несколько лет в издании журналов, вполне способен к редакторству и во всех отношениях благонадежен.
>
> Коллежский Советник *А. Майков*
> Коллежский Секретарь *П. Анненков*
> Академик *К. Веселовский*

На основании особого ходатайства о Писемском со стороны редактора журнала „Библиотеки для Чтения“ А. Дружинина и приведенного поручительства С.-Петербургский цензурный комитет вошел 4 октября 1860 г. в Главное управление цензуры со следующим представлением:

> Предложением Гл. упр. Ценсуры от 19-го Октября 1856 г. за № 1511 разрешено было Коллежскому Ассесору Александру Дружинину принять на себя звание ответственного редактора в издании

журнала „Библиотека для Чтения“. В настоящее время Коллежский Ассесор Александр Дружинин, оставляя редакцию журнала „Библиотека для Чтения“, просит об исходатайствовании разрешения передать обязанности редактора Отставному Титулярному Советнику Алексею Писемскому.

С.ПБ. Ценсурный Комитет, не встречая со своей стороны препятствий к удовлетворению означенной просьбы о передаче редакции журнала „Библиотека для Чтения“ от Коллежского Ассесора А. Дружина Алексею Писемскому, имеет честь представить об этом на разрешение Главного управления Ценсуры, с приложением аттестата о службе Титулярного Советника Писемского за № 9796 и частного удостоверения о его способностях принять на себя звание редактора.

Председатель барон *Н. Медем*

13 Октября 1860 г. председатель Главного управления цензуры Е. Ковалевский обратился по поводу этого дела в III-е отделение собственной его импер. величества канцелярии с особым отношением, в котором между прочим указывал:

...Вследствие представления о сем СПБ. ценсурного Комитета, я имею честь обратиться к вашему сиятельству с покорнейшею просьбою почтить меня уведомлением: не встретится ли по делам III отд. собственной его императорского величества канцелярии каких-либо препятствий к дозволению г. Писемскому быть редактором означенного журнала.

На это последовал ответ III отделения (от 16 октября 1860 г.):

Господину Председателю Главного управления Ценсуры.

Вследствие отношения вашего высокопревосходительства за № 1355, имею честь за отсутствием г. Генерал-Адьютанта Князя Долгорукова, уведомить, что к дозволению титулярному советнику Алексею Писемскому быть редактором журнала „Библиотека для Чтения“, со стороны 3-го Отделения собственной его императорского величества канцелярии препятствия не встречается.

Генерал-Адьютант *Тимашев*

На полях была сделана надпись: „Главное управление Ценсуры. Определено: Разрешить. 4 ноября 1860 г.“

„Покойный Москвитянин“ — издание „Москвитянина“ оборвалось на 16-ой книжке 1856 г.

„Востановить... свойства человеческие, русского человека, которые Русский Вестник окончательно у него отнял“—выпад по адресу М. Е. Салтыкова-Щедрина, „Губернские очерки“ которого начали печататься в 1856 г. в „Русском Вестнике“. Е. А. Штакеншнейдер записала в своем дневнике под датой 23 июня 1858 года: „Еще год тому назад возникло в кружке Майковых, который принадлежит к „Библиотеке для Чтения“, редактируемой Дружининым, намерение противодействовать мутному потоку, пробивающемуся, со Щедриным во главе, в литературу, и придать ей, не отступая от действительности, несколько более изящное направление. Тургенев и Гончаров писали об этом из-за границы. Но партия Щедрина становится сильна. „Губернские очерки“ пришлись к дому; к этому направлению примыкает все молодое, появляющееся со всех сторон на смену господствовавшему до сих пор исключительно дворянскому сословию в литературе“ (Е. А. Штакеншнейдер, Дневник и записки, редакция, статья и комментарий И. Н. Розанова, М. 1934, стр. 220—221).

„Медвежий угол“ — повесть П. И. Мельникова-Печерского, впервые опубликованная в „Русском Вестнике“ 1857, август, кн. 2, стр. 645—664 (подпись: А. Печерский).

„Постановка Ипохондрика“ — комедия Писемского „Ипохондрик“ была впервые поставлена в Москве 29 октября 1857 г.

„Доходное место“ — одобренная Театрально-литературным комитетом 9 ноября 1857 г. (Писемский несколько предвосхитил события), комедия Островского была уже 2 декабря запрещена к представлению во всех театрах.

ПИСЬМО 122

На обороте: „Его Высокоблагородию Александру Васильевичу Дружинину от Писемского“.

Датируется в связи с упоминанием в письме „семейных сцен“, т. е. наиболее раннего произведения А. Н. Островского — „Картина семейного счастья“ (1847). Первое представление этой пьесы на сцене Малого театра состоялось 2 декабря 1857 г. (см. сб. „Островский“, под ред. М. Д. Беляева, Л. 1924, стр. 412).

ПИСЬМО 123

Полная дата письма (год) определяется по упоминанию о пьесе Н. М. Львова „Свет не без добрых людей“, напечатанной в мартовской книжке „Отечественных Записок“ за 1857 г.

„Получил ли ты свою комедию“ — „Доходное место“, см. примечание к письму 121.

ПИСЬМО 124

Датируется по содержащемуся в письме указанию на скорый отъезд в Москву (см. письмо 125).

„Повесть Кохановской... следует напечатать“ — Речь идет о повести Н. С. Соханской „Любила“, напечатанной впервые в июльской книжке „Библиотеки для Чтения“ 1858 г.

„Что касается Очерков быта Уральских козаков“ — Рассказ И. И. Железнова под названием „Очерки из быта уральских казаков“ был напечатан в январской книжке „Библиотеки для Чтения“ за 1858 г.

„Вы говорили о каком то сибирском рассказе“ — Речь идет, повидимому, о серии очерков И. А. Шафранец-Кацюцевича „Сибирские рассказы“, напечатанных в „Библиотеке для Чтения“ за 1858 г. кн. 5, 6 и 12.

„Максимов обещал... маленький рассказ Странница“ — Вместо рассказа „Странница“ в ноябрьской книжке „Библиотеки для Чтения“ за 1857 г. был помещен рассказ С. В. Максимова „Колдун“ (недавняя быль).

„Роман Дрианского Квартет“ — Повесть Е. Э. Дриянского „Квартет“ была напечатана в сентябрьской и октябрьской книжках „Библиотеки для Чтения“ за 1858 г. О возникших в процессе печатания недоразумениях см. письма 143—145.

ПИСЬМО 125

Полная дата письма (год) устанавливается по упоминанию о комедии Островского „Доходное место“, см. примечание к письму 121.

„Я тоже назначен членом Комитета“ — членом театрально-литературного комитета Писемский состоял с ноября 1857 по ноябрь 1858 г.

ПИСЬМО 126

„Обещанную статью о Щедрине“ — Статья Е. Н. Эдельсона „Н. Щедрин и новейшая сатирическая литтература“ была напечатана не в Библиотеке для Чтения“, а в сборнике „Утро“ (М. 1859, стр. 351—366). См. письмо 128.

„Очерки Железнова“ — см. примечание к письму 124.

ПИСЬМО 127

„Статья твоя очень хороша“ — см. примечание к письму 126.

ПИСЬМО 128

„Статья вполне мне понравилась“ — см. примечание к письму 126.

ПИСЬМО 129

„Страшно был занят по случаю печатания двух моих романов — „Боярщины“, публикация которой началась в январской книжке „Библиотеки для Чтения“ 1858 г. и „Тысячи душ“ — в январской книжке „Отечественных Записок“ того же года.

„Известие о запрещении твоей пьесы“ — запрещении к постановке во всех театрах комедии „Доходное место“, см. примечание к письму 121.

ПИСЬМО 130

На обороте второго листка адрес: „Его Высокоблагородию Павлу Васильевичу Анненкову, в Демидовом переулке, против Английского Клуба, в доме Висконти.“

Дата письма определяется по почтовому штемпелю: „1858. Ген. 28“, написано оно было в понедельник 27 января.

ПИСЬМО 131

Датируется в виду явной описки Писемского (1. III. 1856 г. он находился на берегах Каспийского моря) по содержащимся в письме указаниям на расчеты с московским Малым театром. Малый театр должен был выплатить Писемскому поспектакльную плату за ряд постановок — начиная с 29 октября 1857 г. — комедии „Ипохондрик“. См. примечание к письму 90.

ПИСЬМО 133

Полная дата письма (год) устанавливается из сообщения о переговорах издателя „Библиотеки для Чтения“ В. П. Печаткина с И. А. Гончаровым по поводу приобретения „Обломова“. Роман был закончен в августе 1857 г., и в переговоры о печатании его Гончаров вступил с редакциями ряда изданий („Современника“, „Русского Слова“, „Библиотеки для Чтения“). На назначенный автором гонорар согласились „Отечественные Записки“, в которых началась публикация „Обломова“ с январской книжки 1859 г. (см. письмо Н. А. Некрасова к И. С. Тургеневу конца сентября 1858 г. — Некрасов, Письма, 1840 - 1877. Под ред. В. Е. Евгеньева-Максимова, Л., Гиз, 1930, стр. 336). Сверх появившегося еще в 1849 г. в „Иллюстрированном Альманахе“ „Современника“ 1849 г. отрывка „Сон Обломова“, один отрывок из романа появился в первой книжке „Атенея“ 1858 года.

„По делу твоему я сейчас же поехал к Печаткину“ — речь идет, вероятно, о переговорах об отдельном издании пьес Островского. С предло-

жением издать „5 мелких пьес“ Островский обращался 3 апреля 1858 г. к Н. А. Некрасову, а летом того же года вошел в переговоры с гр. Г. А. Кушелевым-Безбородко, который и осуществил первое двухтомное издание „Собрания сочинений“ А. Н. Островского (СПБ. 1858).

„За свои очерки“ — отдельное издание „Очерков из крестьянского быта“ Писемского (СПБ. 1856).

ПИСЬМО 134

Полная дата (год) устанавливается из сопоставления с письмом 132.

ПИСЬМО 135

Письмо сопровождается припиской Е. П. Писемской:

> И я также, милый cousin, прошу тебя не полениться съездить в Совет и попросить об моем деле, а если можно, то и уведомить меня об нем. Что ты поделываешь и все твои? Мы тебя с Майковыми часто вспоминаем и жалеем, что ты не здесь служишь, а в скучной Москве, по крайней мере не забудь свое обещанье приехать опять к нам и уж вместе с Лизой. Поздравляю всех вас с наступающим праздником. Любящая тебя кузина *Екатерина Писемская*

Приблизительная дата устанавливается из сопоставления с письмом 132 и из заключительных строк приписки Е. П. Писемской: пасха приходилась в 1853 году на 23 марта.

ПИСЬМО 136

„Занят окончанием моего романа“ — „Тысяча душ“, печатание которого началось в январе в „Отечественных Записках“ 1858 г. и было закончено в июньской книжке.

„Как пройдет 4-я цензуру“ — четвертая часть романа „Тысяча душ“. В позднейшем письме от 4 декабря 1872 г., сообщая Писемскому о невозможности удовлетворить его просьбу и помочь в проведении через цензуру комедии „Подкопы“, Гончаров вспоминал: „Вы ссылаетесь на прошлое: что я пропустил „Горькую судьбину“ и четвертую часть „Тысячи душ“ (и получил тогда выговор, прибавлю кстати), — но ведь я тогда служил, был цензором и, бывши моложе и здоровее, посещал общество. Помните, бывало, в случае Ваших сомнений (например, насчет „Плотничьей артели“, „Взбаламученного моря“) о том, пропустят-ли, я шел к министру, А. С. Норову, Е. П. Ковалевскому и потом к П. А. Валуеву и упрашивал их прослушать Вас самих“ „Новь“ 1891, т. X, № 13—14, стр. 41).

ПИСЬМО 137

Датируется по содержащемуся в тексте указанию на выход двухтомного издания (Г. А. Кушелева-Безбородко) „Стихотворений Аполлона Майкова“ СПБ. 1858, в продажу поступило в последних числах апреля 1858 г.). Статья Е. Н. Эдельсона об этом издании в „Библиотеке для Чтения“ не появлялась.

ПИСЬМО 138

На обороте второго листка адрес: „Его В-ю Сергею Васильевичу Максимову в больш. Конюшенной в доме Пущина № 17. От Писемского“. Дата письма устанавливается сроком возвращения гр. Г. А. Кушелева-Безбородко в Россию из заграничного путешествия — май 1858 г.

ПИСЬМО 139

На обороте второго листа адрес: „Его Высокоблагородию Александру Николаевичу Островскому. В Гостинице, на углу Садовой и Театрального переулка."

Полная дата письма (год) устанавливается по заключенным в нем сведениям о пребывании Островского в Петербурге (ср. письмо Островского к И. Ф. Горбунову от 10 мая 1858 г., „Ежегодник императорских театров" 1901 г., вып. VI, стр. 27—23) и о предположении Писемского провести лето в Безбородке (см. письмо 136).

ПИСЬМО 141

„С нее начнутся романы в приложении" — Ежемесячные приложения сохранялись в течение почти всего времени редактирования Писемским „Библиотеки для Чтения", до мая 1862 г.

„Будет помещен Остап" — Роман известного польского писателя Иосифа Крашевского „Остап Бондарчук" был напечатан в виде приложения к июльской книжке „Библиотеки для Чтения".

„В следующей книжке пойдет Бовари" — Роман Гюстава Флобера „Мадам Бовари" (1857) был приложен к августовской книжке „Библиотеки для Чтения".

Тургенев, проезжая, пробыл... дня четыре" — Тургенев остановился в Петербурге по дороге из Берлина в с. Спасское в первых числах июня 1858 г. (см. М. Клеман, „Летопись"..., Л. 1934, стр. 100).

„Давали прощальный обед князю Щербатову" — Обед в честь князя Г. А. Щербатова, попечителя петербургского учебного округа, по поводу подачи им прошения об отставке, состоялся в ресторане Донона 9 июня 1858 г. По вопросу об отставке Щербатова Писемский несколько предвосхищает события: указ об отставке был подписан 21 июня 1858 г., но в Сенате он был оформлен 5 июля 1858 г., и вступил в силу только 17 июля 1858 г. (см. А. В. Никитенко, „Дневник", т. I, СПБ. 1905, стр. 520; ЛОАУ, Архив попечителя Петербургского учебного округа, дело № 1018 от 17 июля 1858 г.).

„Островский... продал свои сочинения" — Островским были проданы Г. А. Кушелеву-Безбородко 11 комедий (изданы в двух томах, СПБ. 1859)

„Кушелев приторговывает... „Тысячу душ" — Продажа романа Кушелеву-Безбородко не состоялась. См. письмо 143.

„Григорович... переводит романы" — Совместно с Александром Дюма Д. В. Григорович перевел на французский язык роман И. И. Лажечникова „Ледяной дом".

„Главная из новостей... картина Иванова" — речь идет о картине А. А. Иванова „Явление Христа народу на реке Иордан", впервые выставленной 28 мая 1858 г. в Зимнем Дворце и 9 июня 1858 г. перенесенной в Афинский зал Академии Художеств. О противоречивых толках по поводу картины М. А. Загуляев уже 14 июня писал: „Странное дело, по городу начинают ходить толки совершенно другого рода, слышатся мнения чрезвычайно резкого свойства, — говорят, что картина Иванова не совсем удачна (!!!..), что колорит слишком зелен", и т. д. („Сын Отечества" 1858, № 24 от 15 июня). Особенно тяжелое впечатление на художника произвела

резкая статья известного беллетриста В. В. Толбина „О картине г. Иванова“ (там же, № 25 от 22 июня). См. книгу: „Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка“, СПБ. 1880. См. также письмо 142.

ПИСЬМО 142

„Будем помещать Бовари“ — см. примечание к письму 141.

„Остап Бондарчук очень всем нравится“ — см. примечание к письму 141.

„Здесь... печальная новость“ — см. примечание к письму 141.

О похоронах А. А. Иванова, состоявшихся 6 июля 1858 г., в петербургских газетах появились специальные статьи, причем особенное внимание было обращено на выступления против Ф. А. Бруни и Григоровича (без указания имен, что еще более приковывало внимание читателей к этому инциденту). См. „Русский Инвалид“ № 147 от 9 июля 1858; „Спб. Ведомости“ 1858, № 152 от 13 июля.

„Мей... объяснил Дюма откровенно“ — В связи с приездом Александра Дюма 10 июня 1858 в Россию в петербургских газетах появилось несколько едких замечаний по адресу французского романиста. Так напр. фельетонист „Спб. Ведомостей“ привел сведения о литературных плагиатах Дюма (№ 129 от 15 июня 1858 г.); М. А. Загуляев в „Сыне Отечества“ писал, что Дюма-путешественник более руководствуется желанием показать себя, чем посмотреть людей и что приездом его совсем не заинтересованы (№ 24 от 15 июня, стр. 682). Все эти выпады, повидимому, и были суммированы Л. А. Меем, жившим в доме гр. Г. А. Кушелева-Безбородко, где остановился и Дюма.

ПИСЬМО 143

Полная дата устанавливается по содержащемуся в письме указанию на продажу Кожанчикову права отдельного издания романа „Тысяча душ“.

„Дрианский... пишет, что повесть он продает Кушелеву — Речь идет о повести „Квартет“. См. примечание к письмам 124 и 144.

„Тысячу душ... начали набирать“ — отдельное издание романа „Тысяча душ“ в издании Д. Е. Кожанчикова.

ПИСЬМО 144

Приблизительная дата письма устанавливается по сообщению о начале печатания отдельного издания романа „Тысяча душ“ (дата цензурного разрешения: 31 июля 1858), ср. письмо 145.

„Что этот дуралей Дрианский делает“ — речь идет о печатании в „Библиотеке для Чтения“ романа Е. Э. Дриянского „Квартет“. Публикация романа предполагалась еще в „Москвитянине“ в 1850 г., но встретила цензурные затруднения. В 1856 и 1857 гг. рукопись „Квартета“ предлагалась „Отечественным Запискам“ и „Современнику“, но была отвергнута редакциями обоих журналов. „Квартет“ был напечатан в сентябрьской и октябрьской книжках „Библиотеки для Чтения“ (см. „Неизданные письма к А. Н. Островскому“, М. 1932, стр. 108—109, 111, 115, 118, 120).

„Гончарову было замечание за 4-ю часть“ — см. примечание к письму 136.

„Комедию незамедли выслать“ — речь идет о комедии „Воспитанница“, законченной Островским в декабре 1858 г. и напечатанной в первой книжке „Библиотеки для Чтения“ следующего 1859 г.

ПИСЬМО 145

„Пойдет Болотов, его служба в Петербурге" — Отрывок из мемуаров А. Т. Болотова под названием „Петербург при Петре III" был напечатан в декабрьской книжке „Библиотеки для Чтения" за 1858 г.

„Заговор... буду отстаивать до последнего слова" — Речь идет о 95-м письме „Записок" А. Т. Болотова, описывающем заговор против Петра III. Письмо было напечатано с большими купюрами на стр. 29—35 декабрьской книжки.

„Дошли слухи о страшном случае" — Официальное сообщение о взрыве охтенского порохового завода, происшедшего по неустановленной следствием причине около 8 часов утра 19 августа 1858 г., появилось только 21 августа в „Русском Инвалиде" (№ 181, стр. 785; 22-го августа сообщение было перепечатано в других газетах). Сообщение это представляет точную передачу первого рапорта командира завода генерал-майора Саблина на имя инспектора пороховых заводов. В дальнейшем было установлено, что взрывом было убито не 33, а 45 чел. (см. „Дело... о происшедшем взрыве в пороховом городке Охтенского завода", ЛОАУ).

„Получил от Тургенева письмо" — Письмо Тургенева не сохранилось.

„Попросить о том-же и Толстого" — в январской книжке „Библиотеки для Чтения" за 1858 г. был помещен рассказ Л. Н. Толстого „Три смерти".

„Островский своей комедии еще не выслал" — речь идет о комедии „Воспитанница", законченной 7 декабря 1858 г. и напечатанной в январской книжке „Библиотеки для Чтения" за 1859 г.

ПИСЬМО 147

„Посылаю... экземпляр моего романа" — Речь идет об отдельном издании романа „Тысяча душ", поступившем в продажу за день до этого (16 ноября 1858 г., см. „Спб. Ведомости" № 252, стр. 1480).

Пров Михайлович и Александр Николаевич — Садовский и Островский.

ПИСЬМО 148

„Журналов прибавилось, кажется, миллион" — во второй половине пятидесятых годов начался быстрый рост числа периодических изданий. Это явление выразилось в следующих цифровых данных: в 1854 г. новых изданий было основано 5, в 1855 —8, в 1856—10, в 1857—24, в 1858—32, в 1859—38.

„Кушелев принялся за издание своего журнала" — журнала „Русское Слово", начавшего выходить с 1859 г. Первое объявление о новом издании появилось в № 233 „С. Петербургских Ведомостей" от 25 октября 1858 г. Ироническое замечание Писемского было вызвано, очевидно, его широковещательными заявлениями:

> В 1859 году ежемесячно будет выходить Русское Слово, Литературно-ученый журнал, издаваемый Г. А. Кушелевым-Безбородко.
>
> Россия славится своим богатством, могуществом, многосторонностью и обилием своих материальных средств. Кто изучал историю нашего отечества, кто только проследил, хотя бы поверхностно, ход его самобытного развития, тот несомненно признает, вместе с нами, и ту нравственную силу, которая подняла Россию до ее современного значения в семье европейских государств, и которая так много еще обещает в будущем.

Русский язык один из самых богатых языков мира. Разработанный усилием и рвением целого ряда замечательных писателей, он уже сложился в правильные и звучные формы, остается стало быть русской речи, распространяя повсеместно знания, раскрыть и разработать это обилие подготовленных данных нравственной и материальной жизни народа. Не даром просыпается русская мысль и как будто торопится себя высказывать, со всех сторон заживо задетая вопросами, — не теми далекими, которые недоступны массе, но теми близкими глубокожизненными вопросами, к которым и масса (т. е. все, что ни есть грамотного в России) не может оставаться равнодушной.

„Здесь теперь Островский и приехал Тургенев“ — пребывание Островского в Петербурге в ноябре 1858 г. в биографической литературе не отмечалось (см. Г. Т. Синюхаев, Труды и дни Островского — „Островский“, под ред. М. Д. Беляева, Л. 1924). Тургенев приехал в Петербург из с. Спасского около 9 ноября.

„Был ли в Англии — в Лондоне“ — Писемский осторожно запрашивал А. Н. Майкова, не посетил ли он во время заграничной поездки Герцена. В Лондон в 1858 г. Майков не заезжал.

„Здесь играет шекспировские роли африканский трагик Айр Ольдридж“ — „африканский трагик“ Эйр Ольдридж гастролировал в петербургском театре-цирке (немецком театре) в ноябре-декабре 1858 г., выступая в „Отелло“, „Венецианском купце“ и „Короле Лире“. См. отзыв о его игре в „Петербургской летописи“ в № 252 „С. Петербургских Ведомостей“ от 16 ноября 1858 г.

ПИСЬМО 149

На обороте второго листка адрес: „Его Высокоблагородию Павлу Васильевичу Анненкову. Дом Висконти“. Датируется согласно позднейшей карандашной пометке П. В. Анненкова: „Писемский, 1858“.

ПИСЬМО 150

Приблизительная датировка письма устанавливается по следующим соображениям. Полонский женился на Елене Васильевне Устюжской в Париже в июле 1858 г. В Петербург Полонские приехали около 6 августа — этим определяется граница post quam (см. Е. А. Штакеншнейдер, Дневник и записки, М. 1934, стр. 224). Письмо написано в начале знакомства обоих писателей, так как Писемский еще путает отчество Якова Петровича Полонского и обращается к нему на „вы“ — в двух письмах 1859 года он обращается к нему уже на „ты“.

ПИСЬМО 151

На обороте второго листка адрес: „Его В-ю Якову Петровичу Полонскому на [Вознесенском проспекте] углу Подъяческой и Фонтанки, в доме Гете“, „Петровичу“ надписано по первоначальному „Васильевичу“.

Основание для датировки письма дает 1) характер обращения к Полонскому и 2) то обстоятельство, что Писемский еще не тверд в отчестве адресата. См. примечание к предыдущему письму.

„Собирается у Мея чтение его драмы“ — чтение „Псковитянки“, опубликованной впервые в февральской книжке „Отечественных Записок“ 1860 г.

ПИСЬМО 152

На обороте второго листка адрес: „Его В-ю Павлу Васильевичу Анненкову“.

Позднейшая карандашная пометка П. В. Анненкова „1858--1859“ дает ключ к датировке письма — в нем идет речь об обеде основателей Литературного фонда, состоявшемся на квартире у И. С. Тургенева 9 февраля 1859 г.

ПИСЬМО 153

Датируется по содержащемуся в тексте указанию на чтение переведенного Е. Н. Эдельсоном „Лаокоона“ Лессинга (М. 1859). В Петербурге „Лаокоон“ поступил в продажу 8 февраля 1859 г.

„Статью я отдал разобрать Лаврову“ — Статья П. Л. Лаврова о „Лаокооне“ была напечатана в мартовской книжке „Библиотеки для Чтения“ за 1860 г. (т. 158-bis, отдел критики, стр. 1—58). Статьи Лаврова под общим названием „Гегелизм“ были напечатаны в майской и сентябрьской книжках „Библиотеки для Чтения“ за 1858 г.

ПИСЬМО 154

„Разбору твоему очень будем рады“ — речь идет об обширной рецензии А. А. Майкова на „Опыт исторической грамматики русского языка“ Ф. Буслаева. Рецензия была напечатана в октябрьской, ноябрьской и декабрьской книжках „Библиотеки для Чтения“ 1859 г.

ПИСЬМО 155

Общность тона этого письма с тоном писем к А. Н. Островскому осени 1859 г. (ср. №№ 148, 151, 154) заставляет предполагать, что в нем идет речь о драме „Гроза“, напечатанной в январской книжке „Библиотеки для Чтения“ 1860 г. В таком случае письмо это предшествует обращению Писемского к Островскому от 7 августа 1859 г., но написано не раньше июля, когда была начата работа над „Грозой“ (см. Г. Т. Синюхаев, Труды и дни Островского — „Островский“, Л. 1924, стр. 332). „Комедией“ „Грозу“ называл сам автор в начале работы над ней, а Писемский продолжал ее так называть и в позднейших письмах (ср. письмо 163).

ПИСЬМО 156

Приблизительная дата устанавливается при сопоставлении с письмом 154.

„Мы желаем подписать твою фамилию“ — полная подпись А. А. Майкова появилась под заключительной частью его обширной рецензии на „Опыт исторической грамматики“ Ф. Буслаева в декабрьской книжке „Библиотеки для Чтения“. Две первые части были напечатаны без подписи.

ПИСЬМО 157

„Что твоя пьеса“ — драма „Гроза“, оконченная Островским 9 октября 1859 г.

„Я сам написал драму“ — „Горькую судьбину“. В печати драма Писемского помечена датой „19 августа 1859“.

ПИСЬМО 158

Полная дата устанавливается по содержащимся в письме указаниям на близкое окончание работы над драмой („Горькой судьбиной“).

„Сейчас же примусь и за роман“ — речь идет о „Старческом грехе“, в дальнейшем осуществленном в виде повести. Закончена повесть была 23 ноября 1860 г. и напечатана в январской книжке „Библиотеки для Чтения“ за 1861 г.

„Тургенев... уверяет, что к декабрю приготовит нам повесть“ — речь идет о повести „Первая любовь“, законченной Тургеневым лишь 10 марта 1860 г. и напечатанной в мартовской книжке „Библиотеки для Чтения“ 1860 г.

„Островский... пишет, что вскоре вышлет комедию“ — речь идет о драме „Гроза“.

„В сентябрьскую книжку идет повесть Петрова“ — речь идет о „простонародном очерке“ М. А. Петрова „Выборы“ („Библиотека для Чтения“ 1859, кн. 9.).

ПИСЬМО 159

Полная дата (год) устанавливается при сопоставлении с письмом И. А. Гончарова к Писемскому, пересланным последним Островскому:

$\frac{\text{28 августа}}{\text{9 сентября}}$ 1859 Булонь

Я только что из моря вылез, любезнейший Алексей Феофилактович, и дрожащей от холода рукой спешу отвечать на Ваше приятное послание. Давно бы я и сам написал к Вам, еслиб нынешнее странствие мое представляло хотя малейший интерес. Но нет ничего: в Мариенбаде я прожил пять недель, потом воротился в Дрезден, наскучило там — поехал на Рейн, там нашел Майковых и оттуда отправился в место злачное и покойное, в Париж, ибо мариенбадский доктор уверил меня, что после Мариенбад. воды, расслабляющей желудочные нервы, нужно укреплять их, или железными водами, или морем, или наконец веселым житьем в большом городе, с хорошей едой, с хорошим вином: я выбрал было последнее, но схватил в Париже жестокую холерину и должен был приехать вот сюда, к морю. Уж не знаю против чего укрепляться мне: разве против сплетен известного нашего общего друга, да нет, ни море, ни расстояние не спасают. Читая некоторые статейки в одном издании, направленные против *людей, звуков и форм* и узнавши, что друг побывал в Лондоне, я сейчас понял, откуда подул ветер.

В Париже я встретил никак не угадаете кого — Григоровича! Мне хотелось знать, что с ним случилось на корабле и я потащил его в нашу отель обедать. Он мне рассказывал пространную и подробную историю, но так рассыпался в подробностях, что я никак не мог сделать общего вывода о том, почему он удалился оттуда: по смыслу его рассказа выходит, что он яко бы был очень либерален. О поручении писать для матросов он мне что-то рассказывал, но я забыл. Живет он там у Дюма и в настоящее время уехал тоже к морю купаться, и не один, а с какой-то девочкой; у него завелся там роман, который он сейчас же за столом и рассказал нам всем троим, в том числе и Е. П. Майковой. Потом мы хотели показать ей, как бесятся французы и возили ее в Елисейские поля, куда он нам сопутствовал. Потом я отдал ему визит, но не застал дома. Но о нем поговорим поподробнее при свидании, а теперь бог с ним. Есть нужнее кое-что сказать Вам.

Я виделся в Париже с Деляво и беседовал с ним часа два. Он поручил мне передать Вам, что он „давно изготовил статью о Вас и отдал в Редакцию Journal des deux mondes, также не раз напоминал, что пора бы ее пустить в ход, но сам хорошенько не знает причины, почему они ее держат, а догадывается, что редакторы, встретивши там

сильные и резкие описания русской администрации, нравов и проч. должно быть не решаются печатать ее, по нынешним отношениям Франции с Россией, чтобы не навлечь на себя замечания своего правительства". Вот приблизительно смысл его слов и я передаю их сколько могу точно. „Il parait, que les rédacteurs sont gagnés ce moment-ci par le même esprit d'autorité de censure", прибавил он. Так ли это, или нет, не знаю; я, слушая это, думал было сначала, нет ли и тут немножко нашего *общего друга*, однако из дальнейших слов его видел, что он разумеет его как следует. Я рассказал Деляво, сколько Вы нам прочли Вашей новой драмы и сильно задел его за живое, равно как и рассказом Воспитанницы Островского. Последнюю он, как уже вышедшую в свет, хотел бы уже перевести, но у него нет Библ. д<ля> чтения. Между прочим я возбудил его жажду познакомиться покороче с Островским, благо он весь появился теперь в печати и он весьма просил меня прислать ему экземпляр, что я и обещал сделать чрез Николая Петр. Боткина, который едет туда в конце Сентября из Москвы. Но как я не знаю, застану ли я Боткина в России, ибо буду там не прежде 20-х чисел Сентября, то не возьмете ли Вы на себя труд, Алексей Феофил., с поклоном от меня передать просьбу Деляво прямо Островскому, который мог бы лично передать Боткину экз. своих комедий для доставки в Париж, и особенно еслиб присоединил и оттиск с Воспитанницы. Особенно Деляво понравилась сама мысль о *воспитанницах* и о благодеяниях Уланбековой.

Что касается до Вашей драмы, то не судить собираюсь ее, а наслаждаться ею; до сих пор она ведена удивительно по силе и по естественности; мне кто-то тогда же сказал, что в конце у Вас будто бы предположено разбить голову ребенку взбешенным отцом: не переиначено ли это как-нибудь? Если же это в самом деле так, то извините мою откровенность, если скажу, что это сильное и пожалуй весьма быть могущее и конечно бывалое окончание подобного дела — все-таки не может быть допущено иначе и в натуре, как исключение (примите в соображение общий характер отношений наших крестьян к господам: этого не надо отнюдь выпускать из вида, особенно в искусстве), а искусство непременно задумается и оробеет перед этим. Но, опять-таки, поспешу прибавить, это не будет чересчур противно и даже может быть примется одобрительно при последнем современном направлении литературы. Я вот старый литератор может быть гляжу на это очень робко, но это мое личное мнение и я за него не стою горой. Однако я боюсь цензуры — за драму, разве Вы сделаете уступки.

Сам я сначала принялся было писать, но повредил так леченью, что у меня и в Петербурге не было такого зелено-желтого лица, как там, я и бросил в самом начале. И добро бы была коротенькая вещь, а то опять махина: да уж и пора мне бросить, не то теперь требуется, это я понимаю и умолкаю. Кланяйтесь Дружинину, скажите, что в Италию ни за что не поеду: жажду видеться с ним.

Екатерина Павловна Писемская верно велела кланяться мне, а Вы ни слова: поручил бы Вам поцеловать ее за меня, да нет, Вас на это не уломаешь! Здоровы ли разбойники? Что рука Павла? До свидания!

Ваш *И. Гончаров*

(„Неизданные письма к А. Н. Островскому", М. 1932, стр. 687—690).

ПИСЬМО 160

На конверте адрес: „Его Высокоблагородию Павлу Васильевичу Анненкову".

Основание для датировки письма дает позднейшая пометка П. В. Анненкова на конверте: „Писемский 1859". В письме идет речь о „Горькой судьбине" внесенной на рассмотрение цензуры в конце августа или в сентябре. 1859 г.

ПИСЬМО 161

Дата устанавливается при сопоставлении с письмами 159 и 164. Писемский повторял просьбу о высылке драмы „Гроза", печатание которой предполагалось первоначально в октябрьской или ноябрьской книжке „Библиотеки для Чтения".

ПИСЬМО 162

На обороте второго листа адрес: „Его Высокоблагородию Стахию Петровичу Загибенинову".

Драма „Горькая судьбина", уже одобренная к печати, была внезапно вновь затребована у автора, являвшегося одновременно и редактором журнала, в котором предполагалась ее публикация („Библиотеки для Чтения") вследствие распоряжения помощника попечителя Петербургского учебного округа П. П. Вяземского. 18 октября 1859 г. он обратился в С. Петербургский цензурный комитет со следующим отношением:

> Представленное в СПБ. Цензурный Комитет драматическое сочинение г. Писемского „Горькая Судьбина" одобрена была г. цензором Палаузовым.
>
> Имею честь предложить Цензурному Комитету истребовать означенную статью в оригинале или в корректурных листах для представления г. Министру Народного Просвещения и вместе с тем сделать распоряжение о невыдаче билета на выпуск в свет этого сочинения до особого распоряжения.

К этому распоряжению была сделана самим П. П. Вяземским приписка более общего характера:

> ...Покорнейше прошу г. г. членов Цензурного Комитета обратить особое внимание на все статьи уже одобренные или находящиеся в рассмотрении, которые по содержанию касаются быта помещичьих крестьян и о подобных статьях предварительно докладывать не ожидая собрания Комитета — что касается до статей сего рода уже одобренных, то покорнейше прошу довести до сведения Комитета для зависящего распоряжения.
>
> Кн. *Павел Вяземский*

Это общее предписание было впрочем в ближайшие же дни отменено циркуляром от 23 октября 1859 г.

> Имею честь сообщить г. г. членам Цензурного Комитета, что временное распоряжение касательно непропуска одобренных уже статей, касающихся быта крестьян и помещиков, отменяется вследствие представления на рассмотрение г. Министру Народного Просвещения сочинения г. Писемского „Горькая Судьбина" одобренного цензором Палаузовым.
>
> Октября 23 дня 1859 года.
>
> Помощник Попечителя
>
> Учебного Округа кн. *Павел Вяземский*

Секретарь Петербургского Цензурного Комитета С. П. Загибенин осведомлял 19 октября П. П. Вяземского особым рапортом о мерах, принятых к истребованию рукописи „Горькой Судьбины":

> По поручению Вашего сиятельства я лично отправился, в Воскресенье, 18-го сего Октября, в квартиру автора драмы „Горькая Судьбина" г. Писемского, но не застав его дома оставил ему письмо, в котором сообщил о желании г. министра Народного Просвещения прочесть, до выхода в свет, — его последнее произведение и просил

представить рукопись в канцелярию Комитета. Сегодня, в Понедельник 19 Октября, я получил, в 4 часа пополудни от г. Писемского на вторичное мое письмо ответ, в котором он уведомляет, что рукопись: Горькая Судьбина, согласно объявленному ему требованию, представлена им сего 19 числа лично в Канцелярию г. Министра. (ЛОЦИА, Дело СПБ. Цензурного Комитета — 1859 г. № 120).

А. В. Никитенко записал в „Дневнике" под 23 октября 1859 г.:

Говорено у министра о новой драме Писемского, которую пропустил было Палаузов. Драма из крестьянского быта. В ней помещик соблазняет жену крестьянина, и последний, в порыве ярости, убивает первого. В настоящую минуту, когда крестьянский вопрос в самом разгаре, печатать эту драму найдено неблагоразумным. Но как драма, действительно, говорят хороша, то ее не следует запрещать, а только остановить на время.

Под 26 октября Никитенко писал:

Министр призывал к себе Писемского, очень хвалил его драму, дал слово пропустить ее, только спустя некоторое время (А. В. Никитенко, Записки и дневник, СПБ. 1905, т. I, стр. 576).

Вынужденную отсрочку в печатании драмы Писемский использовал для переработки ее заключительных сцен: изложенная А. В. Никитенко развязка „Горькой Судьбины" не совпадает с печатным текстом (см. подробнее в комментариях к „Горькой судьбине" в однотомнике „А. Ф. Писемский, Избранные произведения", Л. 1932, стр. 623—624).

Окончательное разрешение публиковать „Горькую судьбину" было дано по особому рапорту цензора И. А. Гончарова от 12 ноября 1859 г. на имя председателя Петербургского Цензурного Комитета:

Честь имею донести вашему превосходительству что по личному приказанию Господина Министра Народного Просвещения, я вновь рассмотрел уже одобренную в печать бывшим цензором Палаузовым драму Писемского „Горькая Судьбина" и по исключению и переделке автором некоторых мест, о которых доложено мною его высокопревосходительству, Господин Министр изволил разрешить оставить одобрение г. Палаузова в своей силе.

Статский Советник *И. Гончаров*

Определено: принять к сведению.

ПИСЬМО 163

Датировка письма, требующая исправления ошибочной пометки Писемского (вместо „19 октября" — „19 ноября"), устанавливается при сопоставлении с письмом 162. Предвидя затруднения с опубликованием „Горькой судьбины" в ближайших книжках „Библиотеки для Чтения", Писемский настойчиво торопил Островского с высылкой драмы „Гроза".

ПИСЬМА 164 и 165

Мысль о публикации „Горькой судьбины" могла возникнуть у Писемского после непосредственного ознакомления с ней министра народного просвещения и решения задержать ее цензурное одобрение на неопределенный срок, т. е. около 23 октября (см. примечание к письму 162). Выяснившаяся в ближайшее же время возможность напечатать „Горькую судьбину" в ноябрьской книжке „Библиотеки для Чтения" сняла необходимость вступать в переговоры с редакцией „Русского Слова"— этими соображениями устанавливается дата письма.

ПИСЬМО 166

На конверте адрес: „Его Высокоблагородию Павлу Васильевичу Анненкову".

Ключ к датировке письма дает позднейшая пометка на нем П. В. Анненкова „Писемский 1859". В декабрьской книжке „Библиотеки для Чтения" 1859 г. была напечатана статья П. В. Анненкова „Париж в конце 1848 года". Именно об этой статье могла итти речь в письме, так как другие работы Анненкова, появившиеся в „Библиотеке для Чтения" во время редакторства Писемского, не возбуждали цензурных сомнений (в журнале были напечатаны в кн. второй 1857 г. „Воспоминания о Гоголе", в кн. третьей 1860 г. „О бурной рецензии на „Грозу" г. Островского, о народности, образованности и о прочем", в кн. второй 1861 г. „О двух национальных школах живописи в XV столетии"). Принятая датировка подкрепляется содержащимися в письме жалобами на недостаток материалов, жалобами постоянно повторяющимися в письмах осени 1859 г.

ПИСЬМО 167

На четвертой странице приписка И. А. Гончарова:

> И я свидетельствую, почтеннейший Александр Николаевич, о крайней необходимости, по которой нужно было дать место драме Писемского в нынешнем месяце. Я в большом горе, что никак нельзя мне было послушать Вас самих: со всех сторон слышу восторженные отзывы, а когда теперь придется прочесть драму? Через месяц, да еще прочтешь сам, а не услышишь автора?
>
> Усердно кланяюсь Вам. Искренно преданный
>
> *И. Гончаров*

Дата письма определяется содержащимся в нем сообщением о замене предположенной в ноябрьской книжке „Библиотеки для Чтения" 1859 г. драмы „Гроза" Островского драмой Писемского „Горькая Судьбина".

„Нам бы гораздо лучше сохранить ее (драму Островского) до Генваря —„Гроза" Островского была напечатана в январской книжке „Библиотеки для Чтения" 1860 г.

ПИСЬМО 168

Из содержания письма следует, что оно было написано в ближайшие дни после выхода запоздавшей ноябрьской книжки „Библиотеки для Чтения", в период работы над декабрьским номером 1859 г., в котором было напечатано окончание обширной рецензии А. А. Майкова на „Опыт исторической грамматики" Ф. Буслаева. См. примечание к письму 156.

ПИСЬМО 169

Датируется по содержащемуся в тексте указанию на выход отдельного издания пьесы („Горькой судьбины"). Издание Кожанчикова поступило в продажу 19 декабря 1859 г., в субботу (см. „Спб. Ведомости", № 277).

Михаил Николаевич — Лонгинов.

Ал. — повидимому, Б. Н. Алмазов.

ПИСЬМО 170

На обороте: „Его В-ю Александру Васильевичу Дружинину".

Датируется по содержащимся в письме указаниям на ожидание повести Тургенева (см. примечание к письму 158) и болезнь сыновей Писемского

„Повесть Два света получена мною лично" — Речь идет о романе Крашевского „Два света", напечатанном в приложениях к октябрьской книжке „Библиотеки для Чтения" за 1859 г.

ПИСЬМО 171

В письме идет речь об оттисках одного из напечатанных в „Библиотеке для Чтения" во время редакторства Писемского произведений Островского, т. е. „Воспитанницы" (1859 г. кн. 1), „Грозы" (1860 г. кн. 1) или „Свои собаки грызутся, чужая не приставай" (1861 г. кн. 3). Заключительные строки письма говорят о недавнем пребывании Островского в Петербурге. Это решает вопрос о датировке — Островский провел в Петербурге ноябрь 1859 г.

ПИСЬМО 172

Датируется по содержащемуся в письме указанию на начало работы по редактированию журнала „Искусства" (см. примечание к письму 174).

„Скажи Калошину чтобы он высылал повесть" — В дальнейшем ни одно из произведений С. П. Колошина на страницах „Библиотеки для Чтения" не появлялось.

„Не возьмешь-ли ты на себя составление Летописи о Московском Театре" — Б. Н. Алмазов участия в журнале „Искусства" не принял. Упомянутая Писемским летопись под названиями „Московская театральная летопись" (№ 1) и „Московские театральные письма" (№ 2—4) составлялась А. Н. Баженовым и печаталась за его полной подписью.

ПИСЬМО 173

Датируется по содержащемуся в письме указанию на выход А. В. Дружинина из редакции „Библиотеки для Чтения". См. примечание к письму 121.

ПИСЬМО 174

Приблизительная дата письма устанавливается на основании содержащихся в нем сообщений о присуждении Островскому уваровской премии (за драму „Гроза", 25 сентября 1860 года) и об участии Писемского в издании В. Герике „Искусства. Журнал театра, музыки, живописи, скульптуры, архитектуры и словесности" (начало выходить в сентябре 1860 года).

Работа Писемского в журнале „Искусства", в котором он редактировал литературный и библиографический отдел и поместил свою рецензию на комедию Н. А. Потехина „Дока на доку нашел", была непродолжительна. Уже 23 декабря 1860 г. в № 280 „С. Петербургских Ведомостей (стр. 1502) им была напечатана заметка об уходе из числа сотрудников журнала:

Заявление

> Сдав весь следующий от меня материал для 6 и 7 книжек журнала „Искусства", я с будущего 1861 г. прекращаю в нем всякое мое участие, о чем и считаю себя обязанным объявить, как и подписчикам, так равно и лицам, обязательно принимавшим сотрудничество по моим отделам, прося их, на будущее время, уже прямо обращаться к г. издателю, Герике
>
> *Алексей Писемский*

„Соблаговолишь ли ты дать нам что нибудь в Библиотеку для Чтения" — В мартовской книжке журнала за 1861 г. была напечатана пьеса Островского „Свои собаки дерутся, чужая не приставай". Осенью 1860 г.

Островский передал Писемскому для опубликования в „Библиотеке для Чтения" пьесу И. Баулина „Подрядчик" (см. „Островский", под ред. М. Д. Беляева, Л. 1924, стр. 326, ср. примечание к письму 204).

„Не напишешь ли... о последних днях Мартынова и его смерти" — А. Е. Мартынов скончался 16 августа 1860 г. в Харькове на руках у Островского.

ПИСЬМО 175

На письме пометка П. А. Плетнева: „П‹олучено› и о‹твечено› 10 окт. 1860".

В сопровождении письма посылался экземпляр отдельного издания драмы „Горькая судьбина" (СПБ.1860, дата цензурного разрешения: 27 ноября 1859), премированию которой содействовал П. А. Плетнев.

Ежегодные уваровские премии за лучшие исторические труды и драматические произведения были учреждены А. С. Уваровым в память его отца, известного в свое время министра народного просвещения С. С. Уварова. Представленное А. С. Уваровым „Положение" об уваровских наградах было дважды — 3 мая 1857 г. и 7 ноября 1858 г. — утверждено Академией Наук. Первое присуждение наград состоялось 25 сентября 1857 г. Однако на первых трех конкурсах (1858—1859 гг.) награды присуждались исключительно историческим трудам, ни одно из представленных драматических произведений награждено не было. Между тем среди состязавшихся драматургов мы находим имена Н. М. Львова (комедия в 3 действиях „Свет не без добрых людей"), А. А. Потехина (комедия в 4 действиях „Мишура"), Е. Ф. Розена (трагедии „Царевич" и „Князья Курбские"), И. Е. Великопольского (комедия в 5 действиях „Мир слепых"), В. Я. Стоюнина (комедия в 4 действиях „В семье не без урода") и др.

Тем более выделяется среди уваровских состязаний четвертый конкурс, единственный в своем роде, так как ученые ценители присудили — вопреки положению о наградах Уварова — одновременно две большие (по 1500 руб. сер.) премии: Писемскому за драму „Горькая судьбина" и А. Н. Островскому за драму „Гроза". Из приводимых ниже материалов видно, что указанное нарушение положения о наградах Уварова явилось следствием значительных трений.

К состязанию, кроме указанных драм Писемского и Островского, были представлены: 1) „Фельдмаршел Суворов и камердинер его Прошка", историческая быль в 3 действиях К. К. Задлера и С. И. В-ной; 2) „Свои люди сочтемся", комедия в 4 действиях Р. М. Зотова, скрывшегося под девизом „Свежо предание, а верится с трудом"; 3) „Псковитянка", драма в 5 действиях Л. А. Мея; 4) „Князь Донгронов или происшествие из нынешнего века", комедия в 3 действиях М. П. Руднева; 5) „Сватовство Ченского или материализм и идеализм", комедия в 3 действиях его же; 6) „Опричник", трагедия в 5 действиях И. И. Лажечникова.

Составление отзывов о драмах Писемского и Островского было постановлено возложить на А. С. Хомякова и И. А. Гончарова.

По своему содержанию отзыв Хомякова, посланный последним в Академию 18 марта 1860 г., был весьма неблагоприятен для пьесы Писемского, что характерно не только для идеологов славянофильства (ср. отзыв К. С. Ак-

сакова, помещенный в „Русской Беседе“, 1860, кн. XIX, стр. 117—118), но и для более широких слоев консервативного дворянства. В своем отзыве Хомяков после внешне благосклонного введения, между прочим, писал: „Два главные лица, недостатком в них внутренней жизни, убивают весь интерес драмы. Верность речи имеет характер чисто внешний. Нет ни одного чувства и ни одного слова, которые определительно можно было бы назвать неверными или неуместными; но зато нет ни одного чувства, ни одного слова, которое бы казалось вырвавшимся из самой жизни или подсказанным ею. Речи кажутся просто записанными из допроса“... Окончательный вывод Хомякова таков: „Вся драма содержит в себе все стихии художественного произведения и в то же время составляет крайне нехудожественное целое“. С таким отзывом драма Писемского премирована быть не могла. По инициативе П. А. Плетнева, утвержденной заседанием комиссии 24 мая 1860 г. Н. Д. Ахшарумову, впоследствии автору известного романа „Чужое имя“ было послано следующее отношение:

> Милостивый Государь Николай Дмитриевич. На соискание награды Графа Уварова поступила в императорскую Академию Наук драма Г. Писемского: Горькая Судьбина. Академия, обязанная самым положением о сих наградах принимать в соображение суждения известнейших наших писателей и литературных критиков, имея в виду замечательный помещенный Вами в Русском Вестнике разбор романа Г. Гончарова Обломов, весьма бы желала при суждении о драме Г. Писемского знать Ваше, Милостивый Государь, мнение о сем произведении, и поручила мне покорнейше просить Вас не отказать Академии в Вашем при сем случае содействии сообщением, буде изволите найти для себя возможным, отзыва Вашего о сказанной драме.

Отзыв Н. Д. Ахшарумова, однако, поставил Академию Наук в еще более затруднительное положение: *Ахшарумов еще решительнее высказался против награждения „Горькой судьбины“ уваровской премией.*

„Манерность — писал рецензент — вот первое, что кидается в глаза при изучении настоящей драмы“ (см. „Отчет о четвертом присуждении наград графа Уварова“, СПБ. 1860, стр. 55). „Таким образом то, что с первого взгляда кажется богатством, свободою формы,— на поверку выходит ни что иное, как рабство, бедность и ложь“ (там же, стр. 59). Заканчивалось письмо следующими словами: „В заключение, долг рецензента заставляет меня сказать, что хотя я и признаю за автором драмы большой талант, заслуживающий всякого поощрения, но настоящий труд его не нахожу образцовым; а потому не полагаю чтобы он мог вполне соответствовать тем строгим требованиям, которые высказаны в 4-м пункте 9-го параграфа Положения о наградах Графа Уварова, предписывающем иметь в виду не относительное значение представленного к соисканию драматического сочинения, а безусловное литературное его достоинство“ („Дело № 377“ Архива конференции Академии Наук, л. 93).

Предварительное рассмотрение конкурирующих драм показало П. А Плетневу, что отрицательным отзывам Хомякова и Ахшарумова необходимо противопоставить что-то существенное, в виду чего при нижеследующем письме им было представлено К. С. Веселовскому особое мнение о драмах Писемского и Островского.

Спешу передать на рассмотрение ваше, Почтеннейший Константин Степановичь, что̀ успел я набросать о двух драмах, представленных на конкурс. Мне было необходимо только совесть свою очистить, т. к. я не могу принудить себя к подтверждению того заключения, которое утверждено было касательно этих драм в последнем собрании.

Я прошу вас, по прочтении прилагаемого здесь моего мнения, дать ему такое назначение, какое покажется вам лучше.

23 Августа
1860.

Душевно преданный вам

П. Плетнев

В своем особом мнении Плетнев говорит о „Горькой судьбине" как о произведении образцовом:

Автор с изумительным знанием обдумал все до одной черты в составе картины, столь новой по содержанию и столь трудной по исполнению. Она так органически отработана, что нет возможности не испортить целого, отнявши какую нибудь часть для отдельного рассмотрения (см. „Отчет", стр. 37).

Под влиянием П. А. Плетнева К. С. Веселовский вынужден был вступить с Н. Д. Ахшарумовым в переговоры, в результате которых вышеприведенное заключение было рецензентом собственноручно изменено следующим образом: „В заключение, долг рецензента заставляет меня сказать, что хотя я и не считаю драму Г. Писемского произведением образцовым, но тем не менее нахожу сюжет ее в общих чертах глубоко задуманным, и вижу в ней проявление сильного таланта, заслуживающего всякое поощрение" („Дело", л. 92 об.; „Отчет"... стр. 64).

ПИСЬМО 176

Дата устанавливается при сопоставлении с письмом 175.

„Жду решения своей цензурной участи" — утверждения редактором „Библиотеки для Чтения", см. примечание к письму 121.

ПИСЬМО 177

Дата устанавливается при сопоставлении с письмом 175.

ПИСЬМО 178

Объявление о выходе первого номера журнала „Искусства" появилось в № 219 „С. Петербургских Ведомостей" от 9 октября 1850 г.

ПИСЬМО 179

Дата письма определяется сроком выхода второго номера журнала „Искусства" — объявление о нем было дано 30 октября в № 236 „С. Петербургских Ведомостей" 1850 г.

„Пришли... заглавие твоей комедии" — комедии „Свои собаки дерутся, чужая не приставай", напечатанной в мартовской книжке „Библиотеки для Чтения" 1851 г.

„Каковы у нас в Библиотеке Гаваньские чиновники" — очерки И. Генслера „Гаваньские чиновники в домашнем быту или Галерная гавань во всякое время дня и года (Пейзаж и жанр)" в ноябрьской и декабрьской книжках „Библиотеки для Чтения" 1850 г.

ПИСЬМО 180

На письме пометка П. А. Плетнева: „П<олучено> 19 ноября 1860“.

Письмо явилось ответом на присылку П. А. Плетневым своего резюме по отзывам о драме Писемского „Горькая судьбина“, представленной на уваровскую премию, см. примечания к письму 175.

„Две редакции и издание полного собрания моих сочинений отнимают у меня целый день“ — осенью 1860 г. Писемский состоял редактором „Библиотеки для Чтения“, заведывал литературным отделом журнала „Искусства“ и подготовлял трехтомное издание „Сочинения А. Ф. Писемского изд. Ф. Стелловского. СПБ. 1861“, (даты цензурного разрешения: 1-го тома — 5 ноября, 2-го — 22 ноября и 3-го — 5 декабря 1860 г.)

„Гаваньские чиновники“ — очерки И. Генслера, см. примечание к письму 179.

ПИСЬМО 181

На обороте: „Его В-ию Александру Васильевичу Дружинину“.

Датируется по содержащемуся в письме указанию на продажу „Собрания сочинений“. Окончательно продажа сочинений Ф. Т. Стелловскому и А. С. Гиероглифову была оформлена 7 ноября 1860, по разрешении цензурой первого тома (5 ноября 1860 г.). За 8000 руб. Писемский уступал право на все свои сочинения сроком на пять лет, с выплатой суммы в разные сроки (последний — апрель 1862 г.). См. „Новь“, 1890, № 5, стр. 39.

„Вы могли бы написать о Гогарте“ — Статья о Гогарте в журнале „Искусства“ не появлялась.

ПИСЬМО 182

Датируется по содержащемуся в тексте упоминанию „статейки“ Е. Н. Эдельсона. Речь идет о „письме в редакцию“ — „Два слова о русской драматической сцене“, напечатанном впоследствии в № 5 журнала „Искусства“ (стр. 41—44; цензурное разрешение — 28 ноября 1860 г.). Статья была написана по просьбе Писемского в связи с замечаниями о критическом отделе журнала, появившимся в „Спб. Ведомостях“ (№ 248 от 13 ноября).

ПИСЬМО 183

Дата письма устанавливается сопоставлением его с письмом 180. Одновременно с присуждением уваровской премии „Горькой судьбине“ Писемского была премирована драма Островского „Гроза“.

ПИСЬМО 184

Датируется по содержащемуся в тексте указанию на „вторую статейку“ (для журнала „Искусства“). Нужно полагать, что речь шла о статье в связи с новыми постановками пьес А. Н. Островского. В виду прекращения журнала „Искусства“ замысел Эдельсона реализовался позднее (в февральской книжке „Библиотеки для Чтения“ за 1861 г. была напечатана статья Эдельсона „Первое представление комедии „Свои люди сочтемся“ на Московской сцене“; в ноябре — декабре 1860 г. речь могла итти только о постановке комедии „Старый друг лучше новых двух“).

ПИСЬМО 185

Датируется по связи с предыдущим письмом (указание на заболевание жабой).

ПИСЬМО 186

На обороте: „Его В-ю А. В. Дружинину". Датируется по содержащемуся в письме указанию на приближающееся прекращение журнала „Искусства".

ПИСЬМО 187

На обороте: „Его В-ию Александру Васильевичу Дружинину". Датируется предположительно, по связи с предыдущим письмом.

ПИСЬМО 188

Приблизительная дата устанавливается при сопоставлении с письмом 190. Оба письма должны быть отнесены к самому концу года, так как упоминаемые в нем журналы „Век" и „Время" („Журнал Достоевских") начали выходить с января 1861 г.

ПИСЬМО 189

Приблизительная дата письма устанавливается по содержащемуся в нем сообщению о разрешении к постановке комедии Островского „Свои люди — сочтемся"; разрешение это было получено в конце 1860 г.

„*Стелловский уже написал...*" — речь идет о выплате гонорара за выпущенное Ф. Стелловским в начале 1861 г. отдельное издание комедии Островского „Не в свои сани не садись" (дата цензурного разрешения — 30 января).

„*К февральской книжке на твою пьесу рассчитываю*" — обещанная Островским в осенние месяцы 1860 г. пьеса „Свои собаки дерутся, чужая не приставай" была напечатана в мартовской книжке „Библиотеки для Чтения" следующего года.

ПИСЬМО 190

Приблизительная дата письма устанавливается по упоминанию в нем Токвиля — имеется в виду его работа „Старый порядок и революция", перевод которой был напечатан приложением к январской книжке „Библиотеки для Чтения" 1861 г.

ПИСЬМО 191

„*Две сеструшки мастерицы*" — заглавие главы 1 повести Н. Зарубина „Жизнь. Часть I, заключающая в себе внутреннюю семейную жизнь мещан", напечатанной в февральской книжке „Библиотеки для Чтения" 1861 г

ПИСЬМО 192

Из трех пьес Островского, напечатанных в „Библиотеке для Чтения", только одна „Свои собаки дерутся, чужая не приставай" была помещена в мартовской книжке (1861 г.) — этим определяется датировка.

ПИСЬМО 193

Из содержания записки остается неясным, о котором именно из трех фельетонов Писемского идет в ней речь — это препятствует уточнению датировки. „Мысли, чувства и воззрения статского советника Салатушки" печатались в январской, февральской и мартовской книжках „Библиотеки для Чтения" 1861 г.

ПИСЬМО 194

На обороте адрес: „Его В-ю Александру Васильевичу Дружинину у Владимирской, в Хлебном переулке, в д. Кушелевой".

Датируется по содержащемуся в письме указанию на роман Криницкого (псевдоним княгини Вадбольской) „Записки холостяка", напечатанный в июльской книжке „Библиотеки для Чтения" за 1861 г.

ПИСЬМО 195

Датируется на основании следующей записи в „Журнале Комитета Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым" (казначеем которого состоял П. Л. Лавров) от 19 марта 1861 г. (38-е заседание):

> 7) П. В. Анненков сообщил комитету, что вследствие оказанного обществом пособия в 100 р. А. В. Иванову (автору комедии „Дикобраз" и разных повестей „Капустница", „Великан", „Барышня" и проч.) он мог устроить свои дела в С. Петербурге и уехать в Кострому, на родину.
>
> Определено: Утвердить распоряжение Г. Председателя ⟨Е. П. Ковалевского⟩ на счет выдачи ему (Иванову) ста рублей в единовременное пособие (Рук. Отд. Ленинградской Государственной Публичной Библиотеки).

Следующее пособие Общества А. В. Иванов (по ходатайству П. В Анненкова) получил в мае 1863 г., т. е. когда Писемского в Петербурге уже не было. Последнему Иванов был хорошо известен как земляк и сотрудник „Библиотеки для Чтения" (1859—1861 гг.).

ПИСЬМА 196 и 197

Статья М. И. Семевского „Сторонники царевича Алексея (Исторический очерк по вновь открытым материалам)" была напечатана в майской и июньской книжках „Библиотеки для Чтения" 1861 г. с пометкой „Апрель, 1861 г. С. Петербург" — этой пометкой определяется датировка обоих написанных в один день писем.

ПИСЬМО 198

На конверте адрес: „Его В-ю Павлу Васильевичу Анненкову, у Владимирской, в Кузнечном переулке, в д. Коншина."

Датировка устанавливается по почтовому штемпелю „С. Петербург 11 Апр. 1861 г."

ПИСЬМО 199

На письме пометка П. А. Плетнева „П⟨олучено⟩ и о⟨твечено⟩ 19 марта 1861".

„Мне горько и досадно за князя Вяземского"—2 марта 1861 г. в Академии наук состоялось чествование пятидесятилетия литературной деятельности князя П. А. Вяземского. В. А. Соллогуб прочел стихи „Сегодня праздник юбилейный" и поместил в „С. Петербургских Ведомостях" (№ 58) статью, в которой значение Вяземского определялось как „миротворящее и соединяющее" старое и новое поколения. Ф. М. Толстой в письме к издателю „Северной Пчелы" П. С. Усову заявил противоположную точку зрения, находя, что чествование Вяземского знаменовало не „соединение", а „разрыв между старой и новой литературой" („Северная Пчела" 1861 г. № 55). Статьи В. А. Соллогуба и Ф. М. Толстого послужили поводом к шумной

газетно-журнальной полемике, в которой был высказан ряд горьких для юбиляра истин (ср. материалы Н. В. Яковлева в издании „Радуга. Альманах Пушкинского Дома“, П. 1922, стр. 201—203, а также брошюру „Юбилей 50-летия литературной деятельности академика князя П. А. Вяземского“, СПБ. 1861).

ПИСЬМО 200

На обороте письма адрес: „Его В-ю Михайлу Ивановичу Семевскому. У Спаса Преображения в д. Трута“.

Дата определяется почтовым штемпелем „С. Петербург 11 Мая 1861“

ПИСЬМО 201

Письмо связано с запиской петербургских и московских литераторов, поданной в конце 1861 г. через П. А. Валуева в междуведомственный комитет, разрабатывавший вопрос о передаче цензуры из Министерства народного просвещения в ведомство Министерства внутренних дел.

Мысль о составлении записки возникла между „редакторами некоторых изданий и литераторами различных оттенков“ в связи со слухами о предстоящей реформе. „С этой целью петербургская группа журналистов составила проект и передала его для обсуждения в Москву. В основах разногласия не произошло. Мнения разделились лишь в практической части. Приехавшие из Петербурга Чернышевский и Елисеев заявили, что они уполномочены своими товарищами на дальнейшее ведение этого дела, и потому тут же Каткову было поручено составить подробную записку на единогласно принятых основаниях“... „Записка эта была составлена и одобрена, оставался еще нерешенный вопрос о том, каким способом дать ход этому делу“. За это время состоялось назначение министром народного просвещения Е. В. Путятина (28 июня 1861 г.), и дело вступило в новую стадию. „В сентябре было еще раз собрание литераторов по случаю нового предложения, пришедшего из Петербурга. Предложение это относилось не к сущности того вопроса, который был рассмотрен и решен в прежних совещаниях, оно касалось некоторых тогдашних обстоятельств и имело целью обозначить повод и форму ходатайства об улучшении положения нашей печати. Этот повод и эта форма найдены были не совсем удобными; но вопрос о цензуре был снова поднят некоторыми из лиц, присутствовавших на прежних совещаниях и тогда-же было решено между ними, чтобы издатель „Русского Вестника“ поспешил дать ход составленной им записке, что он вскоре и сделал“ („Современная летопись“ 1862, № 14, стр. 17). Самая коллективная записка литераторов напечатана в книге М. К. Лемке „Эпоха цензурных реформ 1859—1865 годов“, СПБ. 1904, стр. 59—82.

ПИСЬМО 202

Датировка письма определяется пометкой на нем Островского „Пол⟨учено⟩ 6 ноября“ и запросом о ходе работы над пьесой „Козьма Минин“, законченной 9 декабря 1861 г. и опубликованной в январской книжке „Современника“ следующего года.

ПИСЬМО 204

Датируется по следующим соображениям. Письмо Баулина Писемский получил, повидимому, не ранее 20 ноября, 28 же ноября письмо Баулина (на

3-й странице которого написана карандашом записка Писемского) уже обсуждалось на 49-м заседании Литературного Фонда. Баулин писал Писемскому:

Милостивый Государь,
Алексей Феофилактович!

Прошлого года осенью была передана Вам моя комедия „Подрядчик" А. Н. Островским. После лестного отзыва о ней П. М. Садовского и А. Н. Плещеева я надеялся, что Вы будете так добры, напечатаете ее или хоть отдельные сцены из нее в Библиотеке для Чтения. Если это невозможно, то позвольте покорнейше просить Вас передать ее В. П. Анненкову. Вы этим сделаете для меня большую милость, потому что я прошу пособия у Комитета для пособия нуждающимся литераторам и учоным, при чем послал В. П. Анненкову несколько уже напечатанных моих стихотворений и новые комические сцены. А так как в „Подрядчике" есть места, по уверению П. М. Садовского, написанные с несомненным талантом, то это может много помочь мне получить пособие, без которого мое бедственное положение примет решительно трагический характер.

Позвольте надеяться, что Вы не откажетесь исполнить мою покорнейшую просьбу и этим самым дадите молодому человеку возможность трудиться для дальнейшего образования.

Имею честь быть
Вашим покорнейшим слугою

Иван Баулин

Москва
1861 года ноября 18-го дня.

В упоминаемом письме (от того же числа) на имя П. В. Анненкова Баулин, между прочим, писал:

Прилагаю мои стихотворения и комедию. Что в ней многое множество недодуманного, недосказанного, что она только еще абрис, набросанный наскоро, это я сознаю очень хорошо и тем с большею грустью и досадой, что для добросовестной выработки ее еще долго не предвидится ни малейшей возможности и вот вместе с тем обстановка, среди которой я писал: отсутствие квартиры, стола, зимнего платья и т. д. Подобное положение с первого раза покажется пожалуй даже двусмысленным, если не принять во внимание следующих обстоятельств: я сын бедного крестьянина; мое стремление — получить университетское образование и посвятить себя литературе, и хоть я достаточно поплатился за смелость — достичь предположенной цели без гроша в кармане и малейшей подготовки, но пока есть силы и не ушла моя молодость, я не хочу покончить с моими заветными убеждениями, а сказать по правде, мое положение таково, что выход из него один — в писаря к квартальному или становому. Не смотря однакож на постоянную нищету и бесконечные в этом случае сюрпризы, способные охладить самую крепкую энергию, я все таки двигался вперед: в 1853 году, шестнадцати лет, умея только читать и писать по деревенски, я ушол учиться и начал с уездного училища, а в 55 году уже получил звание домашнего учителя; в 57 году поступил в Московский университет и это было началом самой тяжолой борьбы, бедствий самых неожиданных: займешься сурьезно университетом — жить нечем, и бродишь месяца три без пристанища, ищешь постороннего труда; займешься потом добыванием денег — упущения по университету. Чтобы сократить эту спартанскую жизнь, я вышел из университета, надеясь прямо со второго курса держать экзамен на кандидата естественных наук, но тут я очутился на краю

пропасти, когда цель, к которой я шэл твердо восемь лет, была почти достигнута... Для выхода из этого мрачного положения нечего ждать помощи от кого-бы то ни было, кроме Комитета: мой отец — беднее меня; обществу, к которому теперь принадлежу, я чужой, выскочка, ворвавшийся в него силой, без родственных отношений, без знакомых, а если и есть знакомые, то такие же бедняки, как и я. А тут еще зима да долг, который я сделал, чтобы уплатить крестьянскому обществу 575 руб. за то, что оно уволило меня от платежа податей и от рекрутской повинности, и бог весть, скоро ли я начну держать экзамен, а время проходит и самое лучшее время...

Несмотря на косвенное ходатайство Писемского, Баулину — после двукратного рассмотрения его заявления — в пособии было отказано. Обстоятельства этого отказа ярко характеризуют деятельность общества и уясняют причины выхода из общества Писемского. Приводим относящиеся сюда документы полностью. На 49-м заседании общества (28 ноября 1861 г.), несмотря на признание, что „опыты бывшего студента из крестьян“ Баулина „обличают талант“, было постановлено: „Просить Г-на Г. Е. Щуровского, Главного Доктора в Московском Воспитательном Доме, о доставлении верных и положительных сведений о Г. Баулине“.

На 52-м заседании (17 января 1862 г.) был заслушан следующий ответ Г. Е. Щуровского (полученный 23 декабря 1861 г.), якобы „объясняющий настоящие причины бедности и дурного положения просителя“ (протокол заседания):

Милостивый Государь
Егор Петрович,

По поручению Общества и Вашего Превосходительства я собрал справки о бывшем студенте Баулине. К сожалению, сведения, доставленные мне нашею Университетскою инспекциею, оказываются для него весьма неблагоприятными. Баулин должен был оставить Университет по своей скандалезной истории. Бывши в одном из Московских ресторанов вместе с другими, он вынул из кармана у какого-то Офицера 500 руб. в чем был и уличен. Вследствие этого, по настоянию самих студентов, он был удален из Университета.

Кроме того, до этой истории он участвовал еще в какой-то драке, доходившей до разбирательства полиции. Настоящее имя его, кажется, Александр, но он изменяет его, вероятно, для того, чтобы не так легко было добраться до его скандалезного поведения.

С глубочайшим почтением честь имею быть

Вашего Превосходительства,
Милостивый Государь,
покорнейшим слугою

Григорий Щуровский

На основании этой информации (полностью опровергаемой документами, сохранившимся в архиве московского университета) комитет общества определил: „Студенту Баулину отказать в пособии, а Г. Е. Щуровского благодарить за беспристрастный и обстоятельный его отзыв, при чем переслать ему и сочинения Баулина для возвращения их автору“ (Бумаги Литфонда, Рук. Отд. Ленинградской Гос. Публичной Библиотеки). См. примечание к письму 261.

ПИСЬМО 205

В письме идет речь о рассказе М. Петрова „Изуроченная", напечатанном в декабрьской книжке „Библиотеки для Чтения" 1861 г. — этим определяется датировка письма.

ПИСЬМО 206

К записке Писемского приложено следующее письмо к нему А. А. Осиповой:

London
4 Stanley street
Peinlien
19-го ноября/61

(От Аполлинарии Аркадьевны Осиповой)

Я, Писемский, даже имени Вашего не помню, — но хорошо знаю, что Вы были добрым товарищем моего брата, лето жили с ним вместе и если судить по его рассказам и по рассказам моей старушки няни, в моей судьбе Вы постоянно принимали самое искреннее и теплое участие —.

Основываясь только на одном этом заочном знакомстве, я решаюсь обратиться к Вам, как к близкому человеку. — Если найдете, что эта может уже и забытая Ваша дружба с моим братом вовсе не дает мне-то права действовать так нецеремонно, то я заранее Вас уполномочиваю без дальних околичностей оставить мое письмо без ответа — и, уверяю, нисколько в претензии за это не буду, да и быть не имею права. — Если-же участие, которое Вы всегда принимали во мне не успело еще совсем изгладиться из Вашей памяти, то, в настоящем случае, Вы очень можете быть мне полезны. — Дело вот в чем. Покойный брат продал через Федора Баталина свою комедию Краевскому, но денег не получал. Узнайте, пожалуста: сколько следует получить и намерен-ли этот господин их отдать? — А потом вот еще что: я перевожу с английского Р. Оуэн – позволят-ли эту книгу, т. е. перевод-то напечатать в России!

Я думаю, Писемский, что письмо мое, по своей неожиданности произведет на Вас, в некотором роде, ошеломляющее впечатление.

Но видите нужда свой <1 нрзб> пишет: я думала и передумала к кому-бы обратиться и уже давно порешила, что всего лучше к Вам: не беда если Вы с Краевского денег не получите, но важно для меня то, если Вы мне не откажетесь ответить и позволите к Вам писать. —

Вот мой адрес:

London
Meur Vergught
Panton Hotel. Panton Street
Haymarket

А внутри письма:

M-me Ivanoff
4, Stanley Street, Peinlien

Письмо это я посылаю с одним молодым человеком, которого прошу переслать его к Вам по городской почте.

Аполлинария

„Комедия моего умершего друга" — сцены В. Осипова „Ученье свет — неученье тьма" в июльской книжке „Отечественных Записок" 1859 г. (отд. I, стр. 131–156).

ПИСЬМО 207

Датировка письма определяется пометкой на нем М. И. Семевского „получено 24 декабря 1861 г., отвечал“.

ПИСЬМО 208

На обороте второго листка адрес: „Его В-ю Сергею Васильичу Максимову, в Кузнечном переулке, в Владимирской, в д. Тимофеева“.

Дата устанавливается по почтовому штемпелю „С. Петербург, 31 дек. 1861“. Записка была написана в субботу, т. е. 30 декабря.

ПИСЬМО 209

„Прилагаю при сем записку“ — Художник Якутович писал о себе в 3-м лице:

> Художник, служивший учителем рисования в С. Петербургских училищах для приходящих девиц, Губернский Секретарь Николай Якутович 2-го Октября прошлого 1861 года проходил мимо Университета и случайно, в толпе студентов, был препровожден в Петропавловскую крепость, где и находился до 6 Декабря. По освобождении его, возник вопрос, который не разрешен и до сих пор: может ли художник Якутович оставаться на прежнем месте служения. Между тем начальство училищ, не имея возможности долее оставлять классы рисования без учителя, вынуждено было пригласить другого, и таким образом Якутович лишился места, а следовательно всех средств к существованию. Хотя нуждающиеся из арестованных студентов уже получили некоторые пособия, или от правительства, или от частных обществ и лиц; но Якутович, надеясь на свой труд, не искал и не получал ни какого вспоможения. В настоящее же время, находясь с женою своею совершенно в беспомощном состоянии, берет на себя смелость обратиться к Обществу вспоможения нуждающимся Литераторам, не благоволит ли оно оказать ему временное вспоможение, пока он не найдет занятий для обеспечения своего семейства. Якутович имеет жительство на Петербургской Стороне в Колпинской улице в доме Эргардта. 18 Января 1862 г.

Заявление Якутовича было рассмотрено комитетом общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым на 53-м заседании — 5 февраля 1862 г., причем было определено: „К сожалению Комитет на основании действующего устава не может исполнить просьбы г. Якутовича, так как он не принадлежит к кругу литераторов и ученых, для которых учреждено Общество вспомоществования“ („Журнал Комитета“, Рук. Отд. Государственной Публичной Библиотеки). См. примечание к письму 261.

ПИСЬМО 210

На обороте второго листка приписка М. Н. Островского:

> Проект адреса я читал: он написан не очень резко и уже подписан Кушелевым, Краевским, Майковым, Потехиным, Благосветловым и другими.
>
> Любящий тебя брат
>
> 7 февраля. *М. Островский*

Полная дата письма (год) устанавливается по сообщению о полемических выпадах „Искры“, вызванных „безрыловскими“ фельетонами Писемского в „Библиотеке для Чтения“ 1861 - 1862 гг.

„Составлен адрес против проступка „Искры“ со мной“ — В „Хронике прогресса“ № 5 „Искры“ за 1862 г. (от 2 февраля) была дана суровая отповедь Писемскому за его фельетон, подписанный псевдонимом „Старая фельетонная кляча Никита Безрылов“ в декабрьской книжке „Библиотеки для Чтения“ 1861 года. Резкость полемических выпадов характеризуется начальными строками статьи: „Общество поморных ‹т. е. искровцы› находится в невыразимом огорчении. Никогда еще русское печатное слово не было низведено до такого позора, до такого поругания, до какого низвела его „Библиотека для Чтения“ в декабрьском фельетоне своем прошлого года“. Подготовлявшийся по инициативе друзей Писемского протест против выпадов „Искры“ был сорван бестактным выступлением редакции газеты „Русский Мир“, печатно заявившей о присоединении к протесту сотрудников „Современника“. Заметка в „Русском Мире“ вызвала ответное письмо, подписанное основными работниками „Современника“ и похоронившее окончательно возможность общественного протеста.

В редакцию газеты „Русский Мир“.

В № 6 „Русского Мира“, на стр. 153, в статье под заглавием: „О литературном протесте против „Искры“, напечатано, между прочим, следующее:

В обществе здешних литераторов и журналистов составляется протест по поводу напечатанной в №5 „Искры“ заметки о г. Писемском. Когда лист с подписями находился в редакции „Русского Мира“, подписавшихся было до 30, и ожидается еще значительное число. Мы встретили здесь имена почти всех лучших представителей русской литературы и редакторов и сотрудников наших наиболее популярных журналов: Современника, и проч“.

Какие подписи лиц, принадлежащих к нашему журналу, могла видеть на этом протесте редакция газеты „Русский Мир“, мы не знаем, потому что не видали этого протеста. А не видели мы потому, что господа собиратели подписей к этому протесту не обращались к нам и с вопросом о том, согласимся ли мы подписать их протест, и в этом случае, они поступили очень благоразумно, потому что мы вполне одобряем ту статью „Искры“, против которой по объяснению редакции „Русского Мира“, хотят они протестовать.

М. Антонович, Н. Некрасов, И. Панаев, Н. Чернышевский, А. Пыпин.

10 февраля 1862 г.

(„Искра“ 1862, № 7 от 16 февраля, стр. 104).

ПИСЬМО 211

„Поручить себя как литератора и редактора вашему вниманию“ — В. А. Цеэ был назначен цензором „Библиотеки для Чтения“.

ПИСЬМО 212

Дата выезда Писемского из России неизвестна, как неизвестен и точный маршрут его первого заграничного путешествия. По справке III Отделения Писемский получил паспорт в апреле 1862 г. (см. А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем под ред. М. К. Лемке, т. XV, 1920, стр. 383), в июне он был в Лондоне (его поездка совпала с всемирной выставкой 1862 г.) вторую половину лета провел, повидимому, в Париже (см. письмо к П. В. Анненкову от $^{14}/_{26}$ августа 1874 г.). Не застав в Лондоне Герцена, проводившего лето на о. Уайте, Писемский обратился к нему

с двумя письмами и послал экземпляр своих сочинений, добиваясь свидания с ним и с Огаревым (см. письма Герцена к Огареву от 14 и 15 июня 1862 г., там же стр. 206 и 214). Повидимому, отрывок одного из этих писем Герцен цитирует в заметке „Ввоз нечистот в Лондон" (1863 г.), в пародической главе из романа „Взболтанная помойная яма":

> Герой наш ⟨Герцен⟩ прочел следующее:
>
> Одна из главнейших целей моей поездки в Лондон состояла в том, чтобы лично узнать вас, чтобы пожать руку человека, которого я так давно привык любить и уважать. Когда вы воротитесь? Пожалуйста сообщите об этом NN ⟨Огареву⟩, которого я имел счастье знать еще в RR ⟨России⟩.
>
> P. S. Я прошу вас принять новое издание моих сочинений в знак глубокого... глубокого уважения к вам...
>
> И герой наш развернул сочинения, переплетенные в сафьянах и позолотах и не читал их (там же, том XVI, стр. 556—557).

Писемский вместе с В. Ф. Коршем посетил Герцена в приезд его в Лондон 19 июня. В письме к Н. А. Огаревой от 21 июня Герцен сообщал: „С Писемским и Коршем были сильные и сильно неприятные объяснения" (Там же. т. XV, стр. 220).

Агентурные сведения о сношениях Писемского с Герценом поступили в III Отделение, и по возвращении в Россию в конце лета или ранней осенью 1862 г. он был подвергнут на границе строгому обыску („Русская Старина" 1891, кн. 2, стр. 268, ср. А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, т. XV стр. 379—386).

Впечатления от заграничной поездки Писемский использовал в шестой части романа „Взбаламученное море" в повествовании о пребывании Бакланова в Лондоне и Париже (гл. I—XX).

ПИСЬМО 213

„Пишу, пишу мой длинный роман" — „Взбаламученное море".

Варвара Яковлевна — В. Я. Карташевская.

ПИСЬМО 214

„Связал себя некоторым обещанием Коршу" — с редактором „С. Петербургских Ведомостей" В. Ф. Коршем Писемский встречался в Лондоне в июне 1862 года (см. примечания к письму 212) и тогда же, вероятно, обязался предоставить ему для „С. Петербургских Ведомостей" роман „Взбаламученное море".

На обороте второго листка письма Писемского набросана следующая записка Б. Н. Алмазова к М. Н. Каткову:

> Сделайте милость, Михаил Никифорович, потрудитесь написать мне (поскорее), что я должен отвечать на это письмо [не знаю, что он пишет к Вам]. Не напишете-ли Вы к нему сами? Только ни в каком случае дела этого откладывать нельзя.
>
> *Б. Алмазов*
>
> Письмо потрудитесь мне возвратить.

ПИСЬМО 215

„Я теперь пишу огромный роман" — „Взбаламученное море", опубликованное впервые в мартовской — августовской книжках „Русского Вестника"

1863 г. (Отрывок из него — глава „Иона Циник“ — был напечатан в январской книжке „Библиотеки для Чтения“ 1863 г.).

ПИСЬМО 216

Характер обращения к Я. П. Полонскому заставляет отнести записку ко времени установления большей близости между обоими писателями (в 1858 г. Писемский обращался к Полонскому на „вы“, ср. письма 150 и 151); вместе с тем записка была написана еще в Петербурге. Таким образом, речь в ней могла итти только об одном романе — „Взбаламученное море“,—читанном в редакционном кружке „Библиотеки для Чтения“. Этим определяется примерная датировка письма.

ПИСЬМО 218

На обороте адрес: „Его В-ю Александру Васильевичу Дружинину. Около Владимирской, в Хлебном переулке, в д. Гр. Кушелевой (бывшем Водова)“.

Датируется по почтовому штемпелю: „29 дек. 1862. Спб. Гор. почта“.

ПИСЬМО 220

На обороте второго листка адрес: „Его В-ию Борису Николаичу Алмазову. В Шереметевском переулке, в д. Шереметева“.

Датируется по связи с письмом 219.

ПИСЬМО 221

Общее содержание письма заставляет предполагать, что в нем речь идет о масленичных катаниях. В 1863 г. масленица началась 10 февраля — эти соображения послужили основанием к датировке.

ПИСЬМО 223

Полная дата (год) устанавливается сопоставлением с предыдущим письмом.

История цензурного разрешения „Горькой Судьбины“ к постановке на сцену изложена в статье N (Н. В. Дризена) „Новые данные о А. Ф. Писемском“ —„Ежегодник императорских театров“ 1909, вып. 1, стр. 9—14.

ПИСЬМО 224

Приблизительная дата записки, относящейся, как видно из ее содержания, ко времени работы Писемского в редакции „Русского Вестника“, устанавливается по указанию на летний адрес — на даче в Петровском парке Писемский жил летом 1863 г. (см. письмо 222).

ПИСЬМО 225

„*Чтобы роль Ананья играли Вы*“ — Горькая судьбина“ шла на сцене Александринского театра с 18 октября 1863 г. (бенефис П. В. Васильева) по 24 февраля 1864 г., выдержав (включая одну постановку на сцене Мариинского театра, 22 октября 1863 г.) 12 представлений. Роли распределены были следующим образом: Чеглов-Соковин — П. И. Малышев, Г. Н. Жулев и А. А. Яблочкин, Ананий — П. В. Васильев, Лизавета — М. И. Петрова, бурмистр Григорьев — Ф. А. Бурдин, Никон — П. И. Зубров, Золотилов — Л. Л. Леонидов, Матрена — Ю. Н. Линская, Давыд Иванов — С. М. Сосновский. И. Ф. Горбунов исполнял малозначительную роль выборного.

ПИСЬМО 226

Дата определяется сопоставлением с письмом 228.

„Из письма к директору вы увидите в чем дело“ — копию письма к директору императорских театров А. М. Борху Писемский посылал А. А. Краевскому, см. письмо 227.

„Роман мой пришлю к Вам на веленевой бумаге“ — трехтомное отдельное издание романа „Взбаламученное море“, М. 1863.

ПИСЬМО 227

Дата устанавливается сопоставлением с письмом 228.

„Пиэса моя была сыграна любителями“ — „Горькая Судьбина“ была поставлена „с высочайшего соизволения“ на любительском спектакле в Петровском парке 31 июля 1863 г. с участием самого Писемского, выступавшего в роли Анания Яковлева, см. „Московские Ведомости“ 1863, № 166 от 31 июля.

„Пиэсу мою я... просил бы .. приказать поставить“ — мнение Львова было доложено министру двора гр. Адлербергу, наложившему на докладе резолюцию, решившую исход дела: „Изустно я уже приказал гр. Борху разрешить представление драмы и он сообщил о том г. Львову. 18 сентября 1863 г.“

Первое представление „Горькой Судьбины“ в Московском Малом театре состоялось 18 ноября 1863 г. в бенефис С. В. Шумского.

„Пьеса... выдержала уже четыре издания“ — Писемский имеет в виду журнальную публикацию „Горькой Судьбины“ („Библиотека для Чтения“ 1859, кн. 11), отдельное издание Д. Е. Кожанчикова, СПБ. 1860 г., перепечатку в третьем томе „Сочинений А. Ф. Писемского“, изд. Ф. Стелловского, СПБ. 1861 и, наконец, второе отдельное издание 1861 г. (по набору издания „Сочинений“).

ПИСЬМО 228

„Самой ожесточенной бранью была встречена со стороны наших демократических журналов „Русской Беседы“ и „Современника“ — резкая рецензия К. Аксакова на „Горькую Судьбину“ в т. I „Русской Беседы“ 1860 г. открывалась категорическим заявлением: „Трудно себе представить более неприятное и даже оскорбительное впечатление, какое овладевает при чтении этой драмы“.

„Последний роман“ — „Взбаламученное море“.

ПИСЬМО 229

Приблизительная дата устанавливается сопоставлением с письмом 228.

ПИСЬМО 231

„Пьесу мою... я предоставил на бенефис г. Васильеву“ — см. примечание к письму 225.

ПИСЬМО 232

Приблизительная дата устанавливается на основании сопоставления с письмами 225 и 226. Желание Писемского В. В. Самойловым исполнено не было, см. примечание к письму 225.

ПИСЬМО 234

„Творения г. Кугушевых и Родиславских“ — Писемский значительно преувеличивает, говоря о заполнении пьесами князя Г. В. Кугушева и В. И. Родиславского всего праздничного репертуара. Только с поставленной 26 декабря 1863 г. комедией „Провинциальный Дон-Жуан“ связано имя Г. В. Кугушева (пьеса переделана из его романа „Корнет Отлетаев“; автор переделки — Ф. М. Толстой). Переведенная В. И. Родиславским под названием „Было да прошло“ комедия Вольфсона „Nur eine Seele“ ставилась до праздников.

„Действия Г. Львова против меня“ — Позиция Л. Ф. Львова по отношению к драме Писемского была крайне непримирима. По его выражению „Подобной пиесы неприличной у нас в репертуаре еще не бывало“ (Донесение на имя директора театров от 27 августа 1863 г.). Тем не менее в результате письма Писемского к гр. А. М. Борху „Горькая судьбина“ ставилась на сцене Малого театра 14 и 28 января и 24 февраля 1864 г.

ПИСЬМО 235

На конверте адрес: „Его В-ю Борису Николаевичу Алмазову в Шереметевском пе<реу>лке, в доме Ш<ереметева>“ (часть конверта оборвана). Штемпель: „Город. почта. 29 янв. 1864.“

„Ты как-то говорил, что желал-бы... написать“ — Намерение написать статью в защиту „Взбаламученного моря“ Б. Н. Алмазовым выполнено не было.

„Статей сих появилась пропасть“ — Писемский имеет в виду следующие статьи: 1) „Библиотека для Чтения“ 1863 г., т. 180, XI, о. 2, стр. 1—26, XII, о. 2, стр. 1—21. „Взбаламученное море“. Подпись: Е. Э<дельсо>н; 2) „Голос“ 1863, № 317 (29.XI), стр. 1253—1254. „Библиография. Взбаламученное море“. Без подписи <А. П. Милюков>; перепечатано в книге: А. Милюков“, Отголоски на литературные и общественные явления,“ Критические очерки, СПБ. 1875 под названием: „Мертвое море и взбаламученное море“ (разбор романа г. Писемского), стр. 188—203; 3) „Народное Богатство“, 1863, № 269 (11. XII), стр. 1—2. „Кое-что о здравом смысле „Взбаламученного моря“, подпись: А. Ставлов; 4) „Отечественные Записки“ 1863, т. 149, VIII, о. 2, стр. 140. „Литературная Летопись“ Новый роман г. Писемского „Взбаламученное море“, без подписи; 5) там же, т. 150, X, о. 2, „Лит. Летопись“. стр. 188, 190—191, 198, без подписи <Н. Д. Хвощинская>; 6) там же, т. 151, XI—XII, о. 2; стр. 87—99, 112, 114—115, без подписи; 7) „Русское Слово“, 1863, X, о. 2, стр. 23—44, „Взбаломученный романист“, подпись: В. Зайцев; перепечатано в „Избранных сочинениях“ В. А. Зайцева, т. 1, М. 1934, стр. 138—155; 8) „СПБ. Ведомости“, 1863, № 250 (9. XI), стр. 1117—1118, „Взбаламученное море“, подпись: П. Анненков; перепечатано в книге: „Воспоминания и критические очерки“. Собрание статей и заметок П. В. Анненкова, отд. II, СПБ. 1879, стр. 313—322; 9) „Современник“ 1863, т. 98, IX, о. 2, стр. 131. „Наша общественная жизнь“, без подписи; 10) „Сын Отечества“ 1863, № 277 (19. XI), стр. 2203—2205; № 278 (20.XI), стр. 2211—2213; „Взбаламученное море“, без подписи; 11) „Якорь“ 1863, № 18 (6.VII), стр. 341—345; „О Писемском и его значении в нашей литературе“ (Вступление к разбору его нового романа „Взбаламученное море“), подпись: Ред. <А. А. Григорьев>; 12) там же, 1863,

№ 19 (13. VII), стр. 365—366; № 20 (20.VII), стр. 386—389; № 21 (27.VII), стр. 409—410; № 22 (3.VIII), стр. 426—428; № 23 (10.VIII), стр. 446—447, № 24 (17.VIII), стр. 464—465; № 25 (24.VIII), стр. 483—484; № 28 (14.IX), стр. 549—550 <статья не закончена>; „Взбаламученное море", подпись: Ред. <А. А. Григорьев>. Безусловно известна была Писемскому также помещенная в „Колоколе" статья А. И. Герцена „Ввоз нечистот в Лондон" (1863, лист 175; перепечатана в „Полном собрании сочинений и писем", т. XVI, стр. 556—557.) Все эти статьи объединяются только одним признаком — отрицательной оценкой политического смысла романа Писемского в целом; сами же мотивы этой отрицательной оценки в них совершенно различны. См. комментарий И. Г. Ямпольского в „Избранных сочинениях" В. А. Зайцева, т. 1, стр. 474—478.

ПИСЬМО 231

„Ты написал поэму" — речь идет о драматической хронике „Разлад. Сцены из последнего польского восстания", законченной Полонским к 9 февраля 1864 г. (См. письмо И. С. Тургенева к П. Виардо от этого числа, „Современный Мир" 1911, кн. 12, стр. 178—180).

ПИСЬМО 237

Дата устанавливается сопоставлением с предыдущим письмом.

ПИСЬМО 238

Приблизительная дата устанавливается сопоставлением с письмом 236 Драматическая хроника Полонского „Разлад. Сцены из последнего польского восстания", о которой идет речь в письме, была отвергнута редакцией „Русского Вестника" и была впервые опубликована в запоздавшей выходом четвертой книжке „Эпохи" 1864 г. (дата цензурного разрешения — 3 июня 1864).

ПИСЬМО 239

По справке Н. А. Купреянова, мирового посредника 2-го участка Солигаличского уезда, к которому обращался Писемский, из числа 15 ревизских душ по д. Вонышеву „1 умерший, 1 немощный, 3 малолетних, 7 чел. находится в Петербурге и 3 в Москве и неизвестно, когда сии последние явятся в местожительство". Ежегодный оброк по обоим деревням выражался в сумме 198 руб. — 9 руб. с души. („Дело Солигаличского мирового посредника 2-го участка о представлении г-м Алексеем Феофилактовичем Писемским имения своего по деревням Вонышеву и Васильевскому на выкуп по 35-й статье", Ивановское Областное Архивное Управление).

ПИСЬМО 241

„Я с Катковым разошелся" — о причинах отказа Писемского от заведывания литературным отделом „Русского Вестника" см. его письмо к И. С. Тургеневу от 8 мая 1866 г.

„Желал бы написать и напечатать несколько статеек о Московском театре" — намерение Писемского осталось неосуществленным.

„Пишутся у меня очерки под названием „Русские лгуны" — Восемь очерков, объединенных общим заглавием „Русские лгуны": 1) „Конкурент", 2) „Богатые лгуны и бедный", 3) „Кавалер ордена Пур-ле-мерит", 4) „Фантазерка", 5) „Блестящий лгун", 6) „Сентименталы", 7) „История о петухе"

8) „Красавец“ были напечатаны в январской, февральской (1-ой) и апрельской (2-ой) книжках „Отечественных Записок“ 1865 г. Эта публикация представляла собою начальную часть незавершенного и оставленного по цензурным обстоятельствам большого сатирического цикла, на общественную и политическую злободневность которого автор намекал в заключительных строках предисловия, посланного Краевскому (оно было опубликовано без значительных изменений в журнале и повторено во всех перепечатках).

Программа, набросанная для издателя „Отечественных Записок“, представляет интерес не только для истории „Русских лгунов“ — она является чрезвычайно ценным документом для определения социальных позиций писателя. Сатирические удары направляются одновременно и налево и направо. Наряду с „народолюбцами“ и „герценистами“ фигурируют „тонкие эстетики“ (т. е. представители дворянской эстетической критики) и „катковисты“.

Цензурные затруднения, возникшие уже при публикации первых очерков, помешали осуществлению целиком всей намеченной программы. К концу января 1865 г. Писемский отказался от завершения начального замысла и намечал неосуществленный очерк „Все лгут“, который должен был служить концовкой ко всему циклу. Печатный текст „Русских лгунов“ занимает четыре печатных листа — ровно половину начально предположенного объема произведения. Из проектировавшихся восьми „серий“ получили осуществление только три первые: „Невинные врали“ (5 первых очерков), „Сентименталы и сентименталки“ (6-й очерк) и „Марлинщина“ („Лживый красавец“, озаглавленный в печатном тексте „Красавец“). Очерк „История о петухе“, присоединенный ко второй „серии“, едва ли не представляет собою фрагмент, также не осуществленного, более раннего цикла „Наши снобсы“. Неожиданно появляющийся в „Истории о петухе“ образ добродетельного кокинского исправника Шамаева разрабатывался Писемским в 1853 и 1854 гг. в очерках „Леший“ и „Фанфарон“ и должен был, повидимому, в роли рассказчика объединить все эпизоды „Наших снобсов“.

Таким образом, „Русские лгуны“, замышленные как сатирический цикл со злободневной публицистической установкой, получили осуществление только в своей вступительной части в ряде очерков, персонажи которых характеризовались автором как „невинные врали“. Отказ от исполнения замысла обусловливался цензурными затруднениями, возникшими на первых же шагах, а также переходом Писемского к драматической деятельности: одновременно с работой над очерками Писемский создавал свои трагедии „Бойцы и выжидатели“ и „Бывые соколы“.

ПИСЬМО 242

Датируется не основании пометки адресата: „Получ<ено> 1864 г. Сентября 3“.

„Васильевское досталось... по купчей крепости“ — в купчей, сохранявшейся в Костромской палате гражданского суда названы продавцы имения: „вдова коллежского асессора Мария Захаровна Шипова и дети ее штабслекарша Ольга Яковлевна Муравьева, флотского офицера лейтенантша Дарья Яковлевна Постельникова и из дворян девица Екатерина Яковлевна Шипова“.

ПИСЬМО 243

На обороте второго листка адрес: „Его В-ю Борису Николаевичу Алмазову. В Шереметевском переулке, в доме Шереметева“.

Приблизительная дата устанавливается сопоставлением с предыдущем письмом.

„Я написал одну небольшую вещь“ — начальные очерки „Русских лгунов“.

ПИСЬМО 244

На обороте второго листка адрес: „Его В-ю Борису Николаичу Алмазову. В Шереметевском переулке, в д. Шереметева“.

Приблизительная дата устанавливается сопоставлением с двумя предыдущими письмами.

ПИСЬМО 245

Приблизительная дата устанавливается сопоставлением с письмами 241 и 24[illegible].

Вышлю... статейку о театре — см. примечание к письму 241.

ПИСЬМО 247

„Высылаю Вам 1-ю серию „Лгунов“ — очерки „Конкурент“, „Богатые лгуны и бедный“, „Кавалер ордена Пур-ле-мерит“, „Друг царствующего дома“, „Блестящий лгун“. Очерки 1, 2 и 5-й были без значительных изменений напечатаны в 1-й январской книжке „Отечественных Записок“ 1865 г. Третий очерк был напечатан в совершенно иной редакции, наконец, очерк „Друг царствующего дома“ был заменен в журнале очерком „Фантазерка“ (общим для обоих оставался основной персонаж Мавра Исаевна Исаева) В своем первоначальном виде оба очерка появились только в 1884 г. в т. 5 посмертного полного издания „Сочинений“ А. Ф. Писемского. В журнале публикация первых пяти очерков „Русских лгунов“ сопровождалась датой „Москва, 16 сентября 1864.“

ПИСЬМО 248

Приблизительная дата устанавливается сопоставлением с письмами 2[illegible]7 и 24[illegible].

ПИСЬМО 249

В недошедшем до нас письме А. А. Краевский извещал, очевидно Писемского о требовании С. Петербургского цензурного комитета представить два очерка из серии „Русские лгуны“ на особую цензуру министра двора Адлерберга. По общему совету было решено послать Адлербергу только один очерк — „Друг царствующего дома“ под измененным заглавием „Старуха Исаева“.

Журнал заседаний С. Петербургского цензурного комитета, так же, как и дело по цензурированию „Отечественных Записок“ за 1864 г., по которым можно было бы проследить в подробностях цензурную историю „Русских Лгунов“, до нас не дошли, но в других делах, хранящихся в Ленинградском отделении Центрального Исторического Архива, сохранились документы, освещающие отдельные эпизоды этой истории.

Хотя необходимость специальной цензуры Министерства двора для очерков „Кавалер ордена Пур-ле-мерит“ и „Друг царствующего дома“ была

становлена еще в конце октября, однако самые тексты были отправлены на рассмотрение министра только 19 ноября, когда председатель С. Петербургского цензурного комитета М. Н. Турунов обратился к управляющему контролем Министерства двора К. К. Кистеру со следующим запросом:

В С. Петербургский Цензурный Комитет поступила на рассмотрение статья для помещения в „Отечественных Записках" под заглавием „Русские Лгуны".

Препровождая при сем означенную статью, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство почтить меня уведомлением: не встречается-ли со стороны Министерства императорского двора препятствий к дозволению напечатать эту статью.

Вместе с отношением препровождался корректурный оттиск (в гранках) предисловия к „Русским лгунам" и очерка четвертого уже с измененным заглавием „Старуха Исаева".

Несколько замедлившийся ответ Министерства двора на имя М. Н. Турунова поступил через 10 дней.

Вследствие отношения Вашего Превосходительства от 19-го сего ноября за № 838 имею честь Вас, Милостивый Государь, уведомить, что препровожденная при оном и у сего возвращаемая статья, под заглавием „Русские Лгуны", была представлена Господину Министру императорского двора и Его Сиятельство изволил отозваться, что он полагал бы отклонить напечатание означенной статьи, так как некоторые из приведенных в ней случаев относятся к высочайшим особам, а между тем рассказ, как и самое заглавие свидетельствует, заключает в себе лишь грубый вымысел и вообще не имеет никакого интереса.

Отношение это было составлено на основании резолюции Адлерберга нанесенной на запросе С. Петербургского Цензурного Комитета: „Не понимаю с какой стати эта статья посылается на мой просмотр... Если рассказ о лжи Исаевой не выдумка, то этот рассказ вовсе не интересен; если же это выдумка, то надобно признаться, что выдумка чрезвычайно глупа".

(ЛОЦИА, Дело № 13 „О сочинениях и статьях, присылаемых на цензуру г. Министра императорского двора" за 1864 г., л. 142 и дело № 8 С. Петербургского Цензурного Комитета „О сочинениях, препровождаемых на предварительное заключение посторонних ведомств" за 1864 г., л. 266)

Мина Ивановна Буркова — фаворитка гр. В. Ф. Адлерберга. О ее исключительном закулисном влиянии см. в „Петербургских очерках" П. В. Долгорукова (М. 1934, стр. 133—135).

„*Статья о московском пьянстве и московских мошенниках*" — неосуществленный замысел Писемского.

ПИСЬМО 253

На обороте второго листка адрес: „Его В-ю Александру Николаичу Островскому. У Николы в Воробине близ Серебрянных бань, в собственном доме". Датируется по почтовому штемпелю „Москва 19 ноября 1864".

„*Моя новая драма*" — речь могла итти об одной из двух пьес — драме „Бойцы и выжидатели" (запрещенной цензурой и напечатанной только в 1886 г. в т. XX посмертного издания „Сочинений" А. Ф. Писемского)

или начальной редакции трагедии „Бывые соколы", которая может быть датирована на основании воспоминаний А. Ф. Кони 1864 г. (см. примечания к письму 336).

ПИСЬМО 254

Дата устанавливается сопоставлением с предыдущим письмом.

ПИСЬМО 255

Датируется предположительно, по связи с письмом 254.

ПИСЬМА 256 и 257

Приблизительная дата писем устанавливается при сопоставлении с письмом 249. Ср. примечания к письму 258.

ПИСЬМО 258

Отношение министерства двора в С. Петербургский цензурный комитет о запрещении очерка „Старуха Исаева" („Друг царствующего дома") помечено 28 ноября 1864 г. (см. примечание к письму 249.). Таким образом извещение о нем от Краевского Писемский мог получить не раньше первых чисел декабря — этим определяется приблизительная датировка письма.

„Другие очерки (2)... называются „Сентименталы" — в печати появился только один очерк под этим заглавием — в первой февральской книжке „Отечественных Записок" 1865 г.

ПИСЬМО 259

„Посылаю Вам переделанную „Старуху Исаеву" — очерк „Фантазерка", заменивший в журнальной публикации запрещенный цензурою очерк „Друг царствующего дома".

„Бойцы и выжидатели" — см. примечание к письму 253.

ПИСЬМО 260

Предположительная дата устанавливается из сопоставления с письмом 246: в обоих письмах сообщается о желании А. Н. Андреева поместить в газете А. А. Краевского „Голос" „статейку" о „московской опере и балете"

ПИСЬМО 261

„Я перестал быть членом оного <общества>" — Выход Писемского из числа членов общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым не является фактом единичным. В. П. Гаевский, один из наиболее активных деятелей общества, писал по этому поводу в своих воспоминаниях: „Сильное общественное движение... не могло не коснуться литературного фонда, естественно отражавшего на своем личном составе колебания общественной мысли, и выразилось в направлении, которое желал дать Обществу П. Л. Лавров. Он проводил мысль, чтобы Комитет при обсуждении прав на пособие, принимал в соображение образ мыслей и направление писателя. Хотя эта мысль не разделялась большинством членов Комитета, но она повлияла на охлаждение к Обществу многих его членов. Дружинин, всегда спокойно выслушивавший всякие мнения, насмешливо относился к такому взгляду, и говорил, что Лавров готов наградить всякого, кто обругает или побьет городового. Разлад в самой литературе, разделившейся на враждебные лагери, также вредно отразился на Обществе, от которого прежде всего

отпали многие московские члены, а некоторые, даже приятели Дружинина, как например В. П. Боткин, обратились в злейших врагов Общества" (статья „А. В. Дружинин, как основатель литературного фонда", сб. „XXV лет. 1859—1884", СПБ. 1884, стр. 432). Однако приводимые в настоящей книге материалы ни в коей мере не позволяют отнести Писемского целиком к правому, „антилавристскому" лагерю литфонда: едва ли не в большей мере его вооружали взгляды и действия представителей этого последнего. Первоначально Писемский являлся одним из активнейших членов литфонда и проявил значительную инициативу в деле укрепления его материальной базы. Тем не менее как раз представители руководящей (правой) группировки общества к деятельности Писемского отнеслись в значительной мере равнодушно, что также способствовало его постепенному отдалению от общества в целом. В хронологической последовательности все моменты участия Писемского в делах общества представляются в следующем виде:

1) 8 ноября 1859 г. Писемский принимает участие в первом, учредительном собрании общества и подписывается под протоколом собрания в числе первых 26 членов общества.

2) 18 ноября 1859 г. на третьем заседании комитета общества „член комитета Анненков передал ему <комитету> желание гг. Писемского, Островского и Тургенева читать публично свои произведения для сбора в пользу Общества" („Журнал комитета", Рук. Отд. Ленинградской Гос. Публичной Библиотеки). В дальнейшем состоялся ряд литературных чтений, причем 23 февраля 1860 г. Писемский впервые читал свой рассказ „Старая барыня" (см. „Спб. Ведомости" 1860, № 40 (23. II)). Принимал участие Писемский и в последующих чтениях.

3) 17 февраля 1860 г. на тринадцатом заседании комитета было доложено, что „члены Общества А. Ф. Писемский и П. И. Вейнберг, предлагая устроить на Фоминой неделе один или два спектакля в пользу Общества, просят Комитет принять в этом деле участие и учинить зависящие от него распоряжения. Определено: принести искреннюю благодарность гг. Писемскому и Вейнбергу и для содействия им нарядить комиссию из двух членов Комитета: А. В. Дружинина и И. С. Тургенева" (там же).

Из воспоминаний П. И. Вейнберга, специально посвященных указанным спектаклям, видно, что мысль об устройстве спектаклей в пользу общества силами литераторов первоначально возникла у него. „В то время, — говорит Вейнберг, — вращаясь преимущественно в „Дружининском" кружке, где часто собирались все тогдашние главари литературы, я был особенно близок, между прочим, с Писемским, который, сверх своего громадного литературного дарования, обладал еще, как говорили видевшие его в качестве актера, большим талантом сценическим. Я сообщил ему мою мысль, он горячо ухватился за нее — и мы начали работу" („Ежегодник имп. театров", сезон 1893/94 гг., приложения, кн. 3, ст. „Литературные спектакли", стр. 97).

8 марта 1860 г. на четырнадцатом заседании комитета А. В. Дружинин как „член Комиссии, назначенной для устройства спектакля, предпринимаемого гг. Писемским и Вейнбергом в пользу Общества, предложил Комитету выдать известную сумму, необходимую для означенного устройства" („Журнал "...). 15 марта 1860 г. Дружининым было получено 250 руб.

14 апреля 1860 г. в большом зале дома М. Ф. Руадзе состоялся первый спектакль (комедия Н. В. Гоголя „Ревизор“) в пользу общества при участии Писемского (городничий), П. И. Вейнберга (Хлестаков), Ф. М. Достоевского (Шпекин), Ф. А. Кони (вместо предполагавшегося А. Н. Островского, Абдулин), А. Г. Витковского (Хлопов), И. С. Кони (Анна Андреевна), И. С. Тургенева, А. А. Краевского, Д. В. Григоровича, А. Н. Майкова, А. В. Дружинина, В. С. Курочкина (купцы), А. П. Сниткина (Свистунов), В. П. Свиньина (слуга трактирный), Е. П. Ловягина (Осип), Е. К. Мокрицкой (Марья Антоновна), И. И. Ознобишина (Бобчинский), В. И. Аничкова (Добчинский), В. Ф. Панютина (Ляпкин-Тяпкин) и др. Организационно-режиссерское участие в спектакле принимал артист М. А. Стрекалов.

18 апреля 1860 г. в том же помещении состоялся второй спектакль („Женитьба“ Гоголя и „Провинциалка“ Тургенева), при участии Писемского (Подколесин), П. И. Вейнберга (Кочкарев, граф). В. В. Мичуриной (провинциалка), И. С. Кони (сваха), И. И. Ознобишина (Жевакин), А. И. Эллиот (Агафья Тихоновна), Е. Н. Малаховой (Арина Пантелеймоновна), С. С. Кокошкина (Анучкин) и др. Оба спектакля имели исключительный успех.

4) В начале августа 1860 г. Писемский ходатайствует о выдаче пособия погоревшему 16 июля 1860 г. писателю М. П. Федорову (см. Бумаги Литфонда, т. VIII, л. 94: расписка А. Н. Майкова от 14 августа 1860 г. в получении пятидесяти рублей, назначенных Федорову, „для передачи А. Ф. Писемскому“; „Журнал Комитета“ от 13 сентября 1860 г. (заседание № 24); прошение Федорова о выдаче ему пособия в бумагах Литфонда не сохранилось).

5) 6 сентября 1861 г. на 45-м заседании комитета при рассмотрении вторичного прошения писателя П. Н. Горского от 25 августа 1861 г. об оказании ему пособия было определено: „Собрание сведений поручить Г. Писемскому“. Однако в дальнейшем, повидимому, Писемским никаких положительных сведений о Горском, являвшемся сотрудником „Библиотеки для Чтения“, в письменном виде представлено не было, так как в ближайшее время вопрос о пособии Горскому комитетом более не рассматривался. Следующее прошение Горским было подано 25 мая 1862 г., когда Писемский находился за границей. В 1864 г. в судьбе Горского принял участие Ф. М. Достоевский (см. Бумаги Литфонда 1866 г., № 48).

6) В двадцатых числах ноября 1861 г. Писемский косвенно ходатайствует за драматурга Баулина (см. письмо 204 и примечание к нему).

7) 18 января 1862 г. Писемский косвенно ходатайствует за художника Якутовича (см. письмо 209 и примечание к нему).

Заявление Писемского о выходе его из состава членов общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым рассматривалось комитетом в составе Е. П. Ковалевского, В. П. Гаевского, А. Д. Галахова, Ф. М. Достоевского, К. Д. Кавелина, В. Ф. Корша, П. П. Пекарского, А. Н. Пыпина и Б. И. Утина на 126-м заседании, 11 января 1865 г., причем исключение Писемского было запротоколировано следующим образом:

„4. Слушали письмо А. Ф. Писемского, который просит не считать его членом Общества.

Определено: не считать Писемского членом Общества“ („Журнал“, т. II).

ПИСЬМО 262

В дате Писемского, под текстом письма, явная описка — вместо „9-го января *1864 г.*" следует „9-го января *1865 г.*".

8 марта 1865 г. Костромское по крестьянским делам присутствие отмечало в своем отношении мировому посреднику расхождение между сообщенными им сведениями по деревням Вонышеву и Васильевскому и данными уставных грамот. Мировой посредник указывал, что обе деревни состояли до введения в действие уставных грамот на денежном оброке, тогда как в уставных грамотах крестьяне значились состоящими на барщине, срок для перехода с которой на оброк был назначен в октябре 1862 года. В виду этого Костромское по крестьянским делам присутствие предлагало отобрать от крестьян этих деревень „положительный по сему предмету отзыв" и с крестьян деревни Вонышево, „по явке их с промыслов в места своих жительств", потребовать приговор, согласно 97 ст. Положения о выкупе. Мировой посредник объяснял причину „несогласности" сведений тем, что „многие помещики, не обратив внимания на сущность дела, писали уставные грамоты от слова до слова по форме, изданной Губернским присутствием; так точно ст. IV п. 2 да и вообще вся уставная грамота на деревни Васильевское и Вонышево списаны буквально с формы 1-й для высшего душевого надела". „Я же со своей стороны — писал Н. А. Купреянов — зная лично таковые имения, сообщаю, что барщины в них не существовало... крестьяне состояли на оброчной повинности" („Дело Солигаличского мирового посредника...").

ПИСЬМО 263

„Посылаю одну небольшую серию моих очерков" — вторую серию „Русских лгунов", очерки „Сентименталы" и „История о петухе", опубликованные в первой февральской книжке „Отечественных Записок" 1865 г. (стр. 483—496). Третий очерк этой серии написан не был.

„Лживый красавец" — повесть „Красавец", опубликованная в составе „Русских лгунов" во второй апрельской книжке „Отечественных Записок" 1865 г. (стр. 501—524).

„Все лгут" — неосуществленный заключительный очерк цикла „Русские лгуны". В журнальном тексте „Истории о петухе" имелся исключенный в переизданиях заключительный абзац, подводивший читателя к теме „Все лгут":

> ... Наконец сам то я... автор. Боже мой, боже мой, совесть немолчно говорила во мне: скоро читатель, невдолге я обличу тебе себя и расскажу, как я сам лгал. Медлю в этом случае не из стыдливого самолюбия, а единственно потому, что еще не дошел до исторического момента моего лганья... До свиданья.

ПИСЬМО 264

„Красавец" — см. примечание к предыдущему письму.

„Осенью привезу к вам две трагедии" — „Бойцы и выжидатели" и „Самоуправцы".

„Что новый цензурный устав..." — речь идет о реализации утвержденных 6 апреля 1866 г. „Временных правил о цензуре и печати", реорганизовавших Главное управление по делам печати. Новыми правилами была установлена цензура предварительная (запрещавшая и разрешавшая

рукописи к печати) и карательная. Основные принципы, установленные цензурным уставом и временными правилами 1865 г., заключались в следующем. Запрещались печатные произведения: „1) когда они клонились к поколебанию учения православной церкви, 2) подрывали уважение к верховной самодержавной власти или к коренным государственным постановлениям, 3) оскорбляли добрые нравы и благопристойность или 4) честь какого-либо лица непристойными выражениями или обнародованием того, что относится до его нравственности или домашней жизни, а тем более клеветою.“ Не должны были допускаться „дерзкие и буйственные мудрования, равно противные истинной вере и истинному любомудрию“ (ст. 94), сочинения, „излагающие вредные учения социализма и коммунизма“ (ст. 95), возбуждающие „неприязнь и ненависть одного сословия к другому“ (ст. 96) и т. д.

ПИСЬМО 265

Приблизительная дата письма устанавливается пометкою на нем мирового посредника: „Получ. 1865 г. Мая 2-го дня“.

ПИСЬМО 266

„Какие крестьяне проживают в Петербурге и какие в Москве“ — Карцевское Волостное правление сообщало мировому посреднику, что в деревне Вонышево „из числа 5 домохозяев находятся на лицо в деревне по прибытии из С. Петербурга Абрам Ананьев, Прокофий Абрамов, по состоянию живущий в деревне Фадей Васильев, а два домохозяина проживают в С. Петербурге: 1) Севастьян Фадеев в Большой Миллионной в доме Нееловой, мастерством оброчник, 2) Терентий Иванов в Б. Мещанской в доме Глазунова в квартире столяра Леонтия Захарова“ („Дело Солигаличского мирового посредника 2-го участка о представлении г-м Алексеем Феофилактовичем Писемским имения своего по деревням Вонышеву и Васильевскому на выкуп“, Ивановское Архивное Управление).

ПИСЬМО 267

7 октября 1865 г. Костромское по крестьянским делам присутствие сообщало мировому посреднику, что „Главное Выкупное Управление, признав поданное А. Ф. Писемским выкупное объявление по деревне Васильевское в числе 7 душ правильным, разрешило выдачу выкупной ссуды с 1-го августа 1865 года и просило Государственный Банк выдать Писемскому 5% билетами 800 рублей и наличными деньгами 40 рублей“. Всего по обеим деревням Писемский получил выкупную ссуду в сумме 1800 рублей“ („Дело“. . .).

ПИСЬМО 268

„Крестьяне мои... послали наконец от себя доверенность“ — С доверенностью крестьян произошло какое-то недоразумение Вызванные С. Петербургской управой благочиния Иванов и Фадеев 17 октября 1865 г. письменно заявили: „Мы по земскому наделу нас землей доверенности заочно никому дать не можем, а желаем быть при этом сами лично, для чего и прибудем на родину немедленно, тем более, что нам необходимо о сем переговорить и с самим помещиком Алексеим Феофилактовичем Писемским“. Однако мировой посредник еще ранее того сообщал Писемскому, что

27-го августа им получена доверенность от „питерщиков“, уполномачивавших Якова Иванова подписать за себя приговор, что он, Я. Иванов, и сделал“ („Дело...“).

ПИСЬМО 269

На обороте второго листка адрес: „Его В-ю Сергею Васильевичу Максимову. На углу Малой Мещанской и Екатерининского канала, д. Козловых, кв. № 19“.

Дата определяется почтовым штемпелем: “С. Петербург, 6 окт. 1865“. Запиской точнее устанавливается время пребывания Писемского в Петербурге осенью 1865 г. О чтениях трагедий в этот приезд у Майковых и у Ф. И. Тютчева см. письма к И. С. Тургеневу от 8 мая 1866 г. и к М. О. Микешину май 1878 г.

ПИСЬМО 271

На полях прошения А. Ф. Писемского пометка: „Г. Министр изъявил согласие“.

В „деле“ Департамента общих дел, в котором сохранилось прошение Писемского на имя министра внутренних дел П. А. Валуева, к нему приложено две справки: одна о том, что „приказом по Министерству внутренних дел 20 октября 1865 г. № 44 отставной титулярный советник Писемский определен в министерство с причислением к оному“ и вторая о том, что „титулярный советник Писемский представлен к производству в следующий чин 15 января 1866 г. за № 1366“ (ЛОЦИА, Департамент общих дел, М. В. Д. II отд., по 2 столу. Дело № 242 за 1865 г.).

„Прилагая при сем аттестат о моей службе“ — аттестат о службе Писемского, данный ему при выходе в отставку в 1857 г. Департаментом Уделов сохранился в деле № 162 1866 г. I стола I отделения Департамента общих дел М. В. Д. в ЛОЦИА.

АТТЕСТАТ

Служивший в Департаменте Уделов в числе причисленных к оному чиновников, Титулярный Советник Алексей Феофилактович Писемский, как из формулярного о службе его списка видно, происходит и дворян, православного исповедания, от роду ему тридцать шесть лет женат на Екатерине Павловой, имеет сына Павла, родившегося 29 Марта 1850 г., находится при нем; жена и сын православного исповедания за родительницею его состоит родовых в Чухломском и Солигаличском уездах 55 душ по 9 ревизии и за женою благоприобретенных в Макарьевском уезде 18 душ крестьян. По окончании курса наук в московском университете с званием действительного студента, определен в число канцелярских чиновников Костромской Палаты Государственных Имуществ тысяча восемьсот сорок пятого года января тридцать первого; указом правительствующего Сената от 19 марта 1845 г. утвержден в чине Губернского Секретаря, со старшинством со дня вступления в службу; по прошению перемещен на службу в Московскую Палату Государственных Имуществ по Хозяйственному Отделению 1845 г. Октября 23; определен Помощником Столоначальника по лесному отделению 1846 г. Мая 30; по расстроенному здоровью и домашним обстоятельствам, высочайшим приказом 8 февраля 1847 г., от службы уволен; по прошению определен младшим чиновником особых поручений при Г. Начальнике Костромской Губернии без жалованья 1848 года Октября 6; по представлению Г. Начальника Губернии перемещен на таковую же вакансию с жалованьем 1849 г. Мая 5; за

отличие по службе, всемилостивейше пожалован в Коллежские Секретари 1849 г. Августа 17; согласно представлению Начальника Губернии Г. Министром Внутренних Дел перемещен исправляющим должность Ассесора Костромского Губернского Правления 1850 г. Июля 4; произведен за выслугу лет в Титулярные Советники 1853 г. Сентября 9/21, со старшинством с 1853 г. Августа 23; исправлял должность Советника с 5 Марта по 10 Апреля, с 19 Мая по 30 Июня и с 11 по 24 Июля 1851 г., а с сего числа исправлял должность непременного члена в Костромском Приказе общественного призрения по 6 Сентября 1851 г.; исправлял должность Советника с 14 по 24 Октября 1851 г.; с 17 Июля по 5 Августа с 12 Августа по 6 Сентября 1852 г. непременного члена в Костромском Приказе общественного призрения, с 4 Октября 1852 г. по 6-е Февраля 1853 г. и с 16 Февраля по 16 Марта 1853 г. и должность Советника Правления с 23 Ноября по 2-е Декабря 1853 г.; переведен Г. Министром Внутренних Дел в Херсонское Губернское Правление исправляющим должность Ассесора 1853 г. Ноября 19; высочайшим приказом по гражданскому ведомству, № 59, согласно прошению его, уволен вовсе от службы 1854 г. Марта 25; таковым же приказом № 28, определен в Департамент Уделов с причислением к оному 1855 г. Февраля 10; по желанию его императорского высочества Генерал-Адмирала, Г. Писемский с разрешения Г. Министра Уделов, командирован в ведомство Морского Министерства для исполнения некоторых поручений 1855 г. Декабря 3; и из командировки этой возвратился 21 января 1857 г.; с разрешения Господина Председателя Департамента Уделов предписанием от 24 Января 1857 г., № 1483, возложено было на Титулярного Советника Писемского пересмотреть дела бывшего Стрелкового Полка императорской фамилии; исполнительное донесение Титулярного Советника Писемского поступило от 13 февраля сего года за № 2. В походах, штрафах, под судом и следствием не был, аттестовался способным и достойным; в отпусках находился: в 1845 г. с 14 Июня на три месяца, с 22 Ноября 1846 г. по 15 Января 1847 г., до истечения срока первого отпуска подано им 13 Августа 1845 г. в московскую Палату Государственных Имуществ прошение об определении его на службу, а до истечения срока второго отпуска 7-го Января 1847 г. подано им прошение об увольнении от службы из оной Палаты и вследствие приказа по гражданскому ведомству от службы уволен 8 Февраля 1847 г., с 24 Октября 1851 г. на 28 дней, с 9 Июня 1853 г. на четыре месяца и на срок явился. В отставке был с 8 Февраля 1847 г. по 6 Октября 1848 г. и с 25 Марта 1854 по 10 Февраля 1855 г. без награждения чином. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству 20 Апреля 1857 г., № 83, уволен, согласно прошению, в отставку. — Во время служения в Департаменте Уделов, Титулярный Советник Писемский аттестовался способным и достойным и случаям, лишающим его права на получение знака отличия беспорочной службы, не подвергался. В удостоверение чего дан ему, Г. Писемскому, сей аттестат из Департамента Уделов за надлежащим подписанием и приложением печати. С. Петербург. Мая 22 дня 1857 года.

Помощник Председателя Департамента Уделов *Граф Ю. Стенбок*

Начальник Отделения *Тютчев*

(ЛОЦИА. М. В. Д. Деп. Общ. Дел. Отд. I, стол. I. Дело № 162—1866 г.)

ПИСЬМО 272

На конверте адрес: „Его В-ю Павлу Васильевичу Анненкову. На углу Итальянской и Ертелева переулка, дом Шляндера". Здесь же позднейшая карандашная пометка П. В. Анненкова: „Писемский 1865". Судя по содержанию, письмо было написано в Петербурге назадолго до отъезда в Москву.

ПИСЬМО 273

Письмо написано рукою Е. П. Писемской и сопровождается ее припиской: „*И я также усердно вам кланяюсь а равно и Глафире Александровне. Катерина Писемская*“.

На конверте адрес: „В. С. Петербург. Его Высокоблагородию Павлу Васильевичу Анненкову. На Итальянской близь Литейной в доме Шляндера.“

Дата устанавливается по почтовому штемпелю: „Москва, 19 окт. 1865“.

ПИСЬМО 274

На конверте адрес: „В Петербург. Его В-ю Павлу Васильевичу Анненкову. На углу Итальянской и Ертелева переулка, дом Шляндера.“

Дата устанавливается по почтовому штемпелю: „Москва, 22 Окт. 1865“.

„*Не зачислен ли я середовым приказом*“ — см. примечание к письму 271.

ПИСЬМО 275

На письме пометка В. М. Лазаревского (управляющего делами Департамента общих дел Министерства внутренних дел): „Иметь в виду при поступлении просьбы Лопухина“.

ПИСЬМО 276

На конверте адрес: „В Петербург. Его В-ю Павлу Васильевичу Анненкову. В доме Шляндера, на углу Итальянской и Ертелева переулка“.

„*Самоуправцы*“ — пьеса была впервые поставлена в Москве на сцене Малого театра 17 января 1866 года и в Петербурге в Александринском театре 1 апреля того же года. Напечатана в февральской книжке журнала „Всемирный Труд“ 1867-го года.

ПИСЬМО 277

„*Екатерининские Орлы*“ — под этим заглавием Писемским была представлена на десятый уваровский конкурс пьеса „Самоуправцы“. Почти одновременно на конкурс были представлены следующие произведения: 1) „Артемий Петрович Волынский“, драма в 5 действиях известного поэта 1830-х гг. А. В. Тимофеева; 2) „Эмансипированная девушка“, комедия в 5 действиях того же автора (оба произведения никогда напечатаны не были и совершенно неизвестны в литературе о Тимофееве); 3) „Воевода, сон на Волге“, комедия в 5 действиях с прологом А. Н. Островского (впервые напечатана в январской книжке „Современника“ за 1865 г., на сцене с 23 апреля того же года); 4) „Песнь о рубашке“, драма в 3 действиях скрывшегося под девизом К. И. Попова (опубликована не была, рукопись сохранилась); 5) „Слобода Неволя“, бывальщина в 5 действиях Д. В. Аверкиева (впервые напечатана в журнале „Всемирный Труд“, 1867, кн. IV); 6) „Отрезанный ломоть“, комедия в 4 действиях А. А. Потехина (впервые напечатана в октябрьской книжке „Современника“ за 1865 г., в том же году издана отдельно); 7) „Смерть Иоанна Грозного“, трагедия в 5 действиях А. К. Толстого (впервые напечатана в январской книжке „Отечественных Записок“ за 1866 г.). Рецензии на перечисленные произведения представили: А. В. Никитенко, Н. А. Лавровский, Н. Н. Булич, Н. Ф. Щербина, А. Д. Галахов, П. В. Анненков и Н. С. Тихонравов. Согласно отзывам этих рецензентов, порою явно тенденциозным (таков, например, отзыв Щербины об интересной социальной драме Попова), ни

одно из представленных на конкурс произведений награждено уваровской премией не было (см. „Дело № 383“ Конференции Академии Наук, лл. 91—104, и „Отчет о девятом присуждении наград графа Уварова. 25-го сентября 1866 года“, СПБ. 1857). Написанный академиком А. В. Никитенко отзыв о „Екатерининских Орлах“ в своей первоначальной редакции до нас не дошел. В переработанном виде отзыв был напечатан в книге „Три литературно-критические очерка А. Никитенко“, СПБ. 1866, стр. 1—16 („Самоуправцы. Трагедия в пяти действиях Алексея Писемского“). Пьесу Писемского Никитенко критикует с антинатуралистических позиций: „Удивительно до каких странностей может довести писателя, не лишенного дарования, ложное убеждение, что в искусстве все хорошо, что натурально и что верность в изображении всякого, никакою мыслию неозаренного и ни к какой мысли неприложимого факта, достаточна для удовлетворения великим требованиям развитого человеческого разума и чувства“ (стр. 4). По мнению Никитенко „Самоуправцы“ — „есть не иное что, как изложение уголовного дела в форме диалога и с разделением на несколько частей (актов)“ (стр. 6). „Автор не потрудился заглянуть внутрь выведенных им на сцену людей; от этого они не выражают собою ничего нравственного, или психологически человеческого; в них в то же время нет и ничего сосредоточенного; они — и не характеры. Это просто какие то негодные, безличные существа, которые сошлись, чтобы наделать пакостей друг другу, наделали их — вот и все“ (там же, стр. 8).

„Знаменитая трагедия Ченчи“ — написанная Шелли в 1819 г. трагедия „Ченчи“ упомянута далеко не случайно: под непосредственным влиянием Шелли были написаны обе редакции центрального произведения творчества Писемского середины 60-х гг. — трагедии „Бывые Соколы“. См. примечание к письму 336.

ПИСЬМО 279

На письме пометки рукою П. С. Федорова: 1) ⟨получено⟩ 15 ноября 1865 г. 2) внесена в Комитет 20 Ноября 1865 г.

Пьеса „Екатерининские Орлы“ в дальнейшем была названа „Самоуправцами“. Первое представление пьесы состоялось 17 января 1866 г. на сцене Малого театра в бенефис А. П. Савиной при следующем распределении ролей: князь Платон — Самарин, княгиня Настасья — Савина, князь Сергей — Петров, кн. Наталья — Рыкалова, Девочкин — Шумский, Рыков — Лавров, Кадушкин — Степанов. См. примечания к письмам 276 и 277.

ПИСЬМО 281

На конверте адрес: „В Петербург. Его В-ю Павлу Васильичу Анненкову. На углу Итальянской и Ертелева переулка, в доме Шляндера“.

Дата устанавливается по почтовому штемпелю: „Москва 13 дек. 1865“.

„Пьеса моя прошла и театральную цензуру“ — пьеса „Самоуправцы“, см. примечание к письму 277.

ПИСЬМО 283

На конверте адрес: „Его Высокоблагородию Павлу Васильичу Анненкову. В С. Петербург. На углу Итальянской и Эртелева переулка, дом Шляндера“.

ПИСЬМО 284

На конверте адрес: „В Петербург. Его В-ю Павлу Васильичу Анненкову. На углу Итальянской и Эртелева переулка, дом Шляндера“.

„Пьесу мою Самоуправцы 27 декабря послали в Москву“ — см. письмо 285.

ПИСЬМО 285

На конверте адрес: „В Петербург. Его В-ю Павлу Васильичу Анненкову. На углу Итальянской и Эртелева переулка, дом Шляндера“.

Дата устанавливается по почтовому штемпелю: „Москва, 4 янв. 1866“.

ПИСЬМО 286

На конверте адрес: „Его Высокоблагородию Павлу Васильичу Анненкову. В С. Петербург. На углу Эртелева переулка и Итальянской улицы, в доме Шляндера“.

Полная дата (год) устанавливается по почтовому штемпелю: „18 янв. 1866, Москва“.

„Идет ли моя пьеса Самоуправцы в Петербурге в бенефис Владимировой“ — В Петербурге „Самоуправцы“ были впервые поставлены на сцене Александринского театра 1 апреля 1866 г.

ПИСЬМО 287

Копия формулярного списка была выслана А. Ф. Писемскому 22 января 1866 г. (ЛОЦИА, Департамент общих дел МВД, отд. II, 2 стол, дело № 248, 1865 г.).

ПИСЬМО 288

На конверте адрес: „В Петербург, Его В-ю Павлу Васильичу Анненкову, на углу Итальянской и Эртелева переулка, дом Шляндера“.

Дата устанавливается по почтовому штемпелю: „27 янв. 1866, Москва“.

„Вскоре после представления на сцене моей пьесы“ — пьеса „Самоуправцы“ была поставлена в Москве на сцене Малого театра 17 января 1866 г.

„Шумский, игравший Девочкина, был совершенный петух-Суворов“ — в списке действующих лиц пьесы „Самоуправцы“ значится: „Петр Григорьевич Девочкин, отец княгини Настасьи Петровны, отставной портупей-прапорщик: фигурой похож на Суворова, беспрестанно петушится; елый день пьян: курит из коротенькой трубочки корешки; человек, про которого можно сказать: „чорт его знает что такое“.

ПИСЬМО 289

Датировка устанавливается по упоминанию в письме статьи Д. Назарова, помещенной в № 38 „Голоса“ от 8 февраля 1866 г. Статья носила заглавие „Несколько слов на письмо полковника Поля к издателям „Московских Ведомостей“.

ПИСЬМО 290

„С. А. Усов... раскажет вам... о новой моей трагедии“ — о „Поручике Гладкове“ см. письма 316 и 318.

ПИСЬМО 291

Представление Московского генерала-губернатора Долгорукова на имя министра внутренних дел П. А. Валуева об увольнении исправляющего должность советника Московского губернского правления титулярного советника Лопухина „по случаю избрания его в столичные мировые судьи“ было сделано только 26 апреля 1866 г. При этом генерал-губернатор официально просил министра не отказать в назначении советником Московского губернского правления „состоящего при Министерстве внутренних дел титулярного советника Писемского“. На представлении была поставлена резолюция П. А. Валуева: „Произвести завтра исполнение, 29/IV“. 4 мая 1866 г. появился приказ по Министерству внутренних дел о том, что „состоящий при Министерстве титулярный советник Писемский назначен исправляющим должность Советника Московского Губернского Правления, с 30 апреля 1866 г.“ (ЛОЦИА. Департамент общих дел МВД., Отд. I, по 1 столу, дело № 162 за 1866 год), см. также примечание к письму 293.

ПИСЬМО 292

На конверте адрес: „В Петербург. Его В-ю Павлу Васильичу Анненкову. На углу Итальянской и Ертелева переулка“. Из содержания письма ясно, что пометка Писемского „2 февраля“ ошибочна, следует „2 марта“. Эта догадка подтверждается датами почтовых штемпелей: „3 мар<та> 1866, Москва“, „С. Петербург, 4 мар<та> 1866“.

ПИСЬМО 293

Представление Писемского было вызвано отношением управляющего делами департамента общих дел Министерства внутренних дел В. М. Лазаревского, предлагавшего, одновременно с препровождением копии формулярного списка о службе Писемского, „внести в местное губернское казначейство два рубля десять копеек за употребленную для написания означенного списка вместо гербовой простую бумагу и квитанцию во взносе денег доставить в Департамент общих дел“ (ЛОЦИА, Департамент Общих дел МВД. Отд. II, 2 стол, дело № 242, 1865 г).

ПИСЬМО 295

На конверте адрес: „В Петербург. Его Высокоблагородию Павлу Васильичу Анненкову. На углу Итальянской и Ертелева переулка, в доме Шляндера“

Полная дата (год) устанавливается почтовым штемпелем: „Москва, 25 Мар<та> 1866“.

В делах Департамента общих дел Министерства внутренних дел сохранилась переписка кн. А. В. Оболенского с П. А. Валуевым, комментирующая письмо Писемского к Анненкову. 29 апреля 1866 П. А. Валуев предложил резолюцией на просьбе Писемского оформить его назначение советником Московского губернского правления, а в ближайшие дни получил от кн. А. В. Оболенского следующее письмо:

Милостивый Государь Петр Александрович.

Представив ассесора Губернского правления Карновича на открывшуюся вакансию в Советники Московского губернского правления, как человека вполне способного, добросовестного и весьма трудолюбивого, я смею надеяться что Ваше высокопревосходительство, не отка-

жете утвердить представление, сделанное мною через Московского генерал-губернатора, к которому я отнесся по этому делу 21 апреля за № 210.

С глубочайшим уважением и совершенной преданностью имею честь быть

Вашего высокопревосходительства покорный слуга

К. Ал. Оболенский

№ 73
2 мая 1866
Москва.

П. А. Валуев отвечал Оболенскому в мае, уже после утверждения приказа о назначении Писемского:

Милостивый Государь князь Алексей Васильевич.

На письмо Вашего Сиятельства от 2-го сего Мая за № 73 касательно определения ассесора Московского губернского правления Карновича имею честь Вас, Милостивый Государь, уведомить, что согласно представлению г. Московского генерал-губернатора, от 26 Апреля за № 3541, мною утвержден был на помянутую должность советника коллежский ассесор Писемский, и что хотя по имевшимся сведениям о предположенном назначении Карновича я приказал приостановиться окончательным о том объявлением в приказе по Министерству, но, за неполучением своевременно оффициального представления, делу об утверждении Г. Писемского дано было, наконец, надлежащее формальное движение.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности:

П. Валуев

Письмо сопровождалось припиской министра на французском языке: „J'ai vu votre lettre trop tard. Fonviesen s'est aussi intéressé à Karnovitch, mais j'ai du admettre le candidat de g^r — g^l". (ЛОЦИА. Департамент общих дел МВД, Отд. I, стол. 1, Дело № 162, 1866 г.).

Архивные документы освещают ход дальнейшей служебной карьеры Писемского. 16 февраля 1867 г. Московский генерал-губернатор кн. Долгоруков доносил министру внутренних дел о том, что „Губернское правление вошло к нему с представлением об утверждении г. Писемского в исправляемой им должности" и поддерживал со своей стороны это представление. 21 февраля 1867 года П. А. Валуев уведомлял Долгорукова об утверждении „исправляющего должность советника Московского Губернского правления коллежского ассесора Писемского" в „означенной должности", о чем объявлялось в приказе по Министерству внутренних дел (ЛОЦИА. Департамент общих дел МВД. Отд. I, стол I, дело № 60 1867 г.).

18 декабря 1868 г. кн. Долгоруков сообщал министру внутренних дел Тимашеву о представлении Московского губернатора Фонвизина о „перемещении на вакансию старшего советника Губернского правления.. коллежского ассесора Писемского, а на место его ассесора правления коллежского ассесора Карновича, на вакансию же последнего — секретаря Губернского правления надворного советника Иноземцева. „При этом действительный статский советник Фонвизин, свидетельствуя об отлично-усердной и примерной деятельности по службе означенных лиц, присовокупил, что г. Писемский по всей справедливости заслужил право на назначение в старшие

советники Губернского правления, как по полезной службе, так и старшинству пред другими".

На основании этого ходатайства приказом по Министерству внутренних дел А. Ф. Писемский был утвержден 25 декабря 1868 года старшим советником Московского губернского правления (ЛОЦИА. Департамент общих дел МВД, Отд. I, дело № 332, 1868 г.).

ПИСЬМО 296

На конверте адрес: „В Петербург. Его В-ю Павлу Васильичу Анненкову. На углу Итальянской и Эртелева переулка, дом Шляндера".

Датировка устанавливается по почтовому штемпелю: „Москва, 14 апр.1866".

„Событие 4 апреля" — покушение Д. В. Каракозова на Александра II.

„Уведомление о моей пьеске" — сообщение Анненкова о постановке пьесы Писемского „Самоуправцы" в Петербурге на сцене Александринского театра 1 апреля 1866 г.

„Здесь ходят слухи о всевозможных переменах" — 9 апреля А. В. Никитенко записал в „Дневнике" по поводу увольнения шефа жандармов В. А. Долгорукого и назначения на его место П. А. Шувалова: „Толкуют об учреждении министерства полиции. Говорят также о близком увольнении Валуева и Головнина" (А. В. Никитенко, Записки и дневник, изд. 2-ое, СПБ. 1905, т. II, стр. 285). Министр народного просвещения Головнин был действительно уволен 12 апреля и заменен Д. А. Толстым.

ПИСЬМО 297

Объявление „Костромичей проживающих в Петербурге" об организации празднества было напечатано в № 101 „Голоса" от 13 апреля 1866 г. В „Петербургской хронике" № 109 „Голоса" от 21 апреля 1866 г. сообщалось:

> Мы получили от А. Ф. Писемского (родом костромича) следующее заявление:
>
> КОСТРОМИЧАМ
>
> Прошу и меня, как согуберника Вашего, причислить к предполагаемому вами празднеству 24 апреля и выразить от меня поздравление Осипу Ивановичу Комиссарову: ему господь бог соблаговолил величайшее счастие на земле — спасти жизнь кроткого и великодушного монарха нашего, монарха, который в минуту зверски-дерзкого покушения на его жизнь исполнился лишь печалью и скорбью и ни единым словом гнева; да запишет это История на страницах своих — такие примеры в ней не часты.
>
> *А. Писемский*
>
> 17 апреля 1866 года.

См. отчет о собрании костромичей „Голос" 1866, № 114, от 26 апреля.

ПИСЬМО 298

На конверте адрес: „В С. Петербург. Его Высокоблагородию Павлу Васильичу Анненкову. На углу Итальянской и Эртелева переулка, дом Шляндера".

Датировка устанавливается почтовым штемпелем: „28 апр. 1866, Москва".

„Отсюда снова пошло представление" — см. примечание к письмам 291 и 295.

ПИСЬМО 299

Датировка устанавливается на основании упоминания в письме о запрещении на два месяца издания „Московских Ведомостей“ — запрещение это состоялось 7 мая 1866 г.

„Я написал одну трагедию, другую, третью, четвертую“ — пьесы „Бойцы и выжидатели“, „Бывые соколы“, „Птенцы последнего слета“ и „Самоуправцы“.

„Пьесам моим нашелся и издатель — Стелловский“ — публикация пьес Писемского в 1866 году не состоялась. В четвертый, дополнительный том „Сочинений А. Ф. Писемского“, изданный Стелловским, была включена только одна пьеса „Самоуправцы“, вышедшая в том же году отдельным изданием.

«Разные газетишки разругали меня наповал“ — Писемский имеет в виду рецензии на постановку в Петербурге „Самоуправцев“.

„Я написал еще трагедию“ — „Поручик Гладков“.

„Московские Ведомости получили 3 предостережения“ — первое предостережение было сделано „Московским Ведомостям“, издававшимся без предварительной цензуры, 1 апреля 1866 г. за передовую статью в № 61 от 20 марта. По ст. 31 закона от 6 апреля 1865 г. повременные издания должны были публиковать полученное предостережение „в главе первого имеющего после того выйти в свет номера, без всяких изменений или возражений“, ст. 33 того же закона предусматривала взыскание штрафа за нарушение ст. 31, тем самым предоставлялась, в сущности, периодическим изданиям возможность не печатать предостережений, при условии уплаты по 25 рублей штрафу за номер в течение 3 месяцев, по истечении которых издание приостанавливалось. Эта возможность была использована Катковым, вступившим в печатную полемику с Главным управлением по делам печати (см. „Московские Ведомости“ от 3 апреля, 1866, № 69, и ответ Валуева в № 78 „Северной Почты“ 1866 г.). Второе предостережение „Московским Ведомостям“ было сделано 6 мая, и на следующий же день третье, повлекшее за собой остановку издания на два месяца (см. „Северную Почту“ 1866, № 98, 99).

ПИСЬМО 301

На конверте адрес: „В Петербург. Его В-ю Павлу Васильичу Анненкову. На углу Итальянской и Эртелева переулка, в доме Шляндера“.

Датировка устанавливается по почтовому штемпелю: „11 мая 1866, Москва“.

„Пишу это письмо, приготовляясь явиться на службу“ — 4 мая 1866 г. Писемский был назначен исправляющим должность советника Московского губернского правления.

ПИСЬМО 302

„Пруссаки идут напролом, не обеспокоят ли они Вас в Бадене“ — речь идет об австро-прусской войне.

„Русское Слово — Современник... запрещены на веки-веченские“ — оба журнала были запрещены в один день, „по высочайшему повелению“ „вследствие доказанного с давнего времени вредного их направления“.

ПИСЬМО 303

Письмо сопровождается припиской Е. П. Писемской:

Милые друзья мои Аполлон и Анна Ивановна! Нечего говорить вам, как искренно и от души пожалела я вашу Верочку. Не легко терять детей, а особенно уж в такие года; она была помощницей своей мамы и обещала быть славной такой девушкой! Что такое с ней было, чем она была больна, я ничего этого не знаю. Где вы теперь на даче или в городе? Хоть бы для рассеяния прокатились к нам в Москву. Мы уже на даче, недели две как переехали, сначала мерзли порядочно, но за то теперь благодать такая, воздух благоухающий, кустарники, сирень в цвету и я начала купаться. Черкните нам хоть несколько строчек, вот наш адрес: в Петровский Парк на дачу Умова возле немецкого клуба № 8-й дачи. Целую вас крепко, а также и всех ваших и старичков и молодых

Любящая вас душею

Катерина Писемская

22 Июня.

Дата письма устанавливается датой приписки и по содержащемуся в нем отзыву о смерти Веры Майковой, умершей 13 апреля 1866 г. („Петербургский некрополь", т. 3, стр. 8).

ПИСЬМО 304

Приблизительная дата устанавливается сопоставлением с письмом 307.

„Хан—редактор нового питерского журнала" — журнала „Всемирный труд", издание которого началось с 1867 г.

ПИСЬМО 307

На конверте адрес: „В Петербург. Его В-ю Павлу Васильичу Анненкову. На Невском проспекте, в доме Лонгиновой, квартира № 14".

„Драмы мои... у меня берет и Стелловский и г. Хан" — В журнале „Всемирный Труд", издание которого было предпринято М. А. Ханом с января 1867 г., были напечатаны три пьесы Писемского: „Самоуправцы. Трагедия в пяти действиях" (1867 г., кн. 2, стр. 1—82), „Поручик Гладков. Трагедия в пяти действиях" (1867 г., кн. 3, стр. 1—95), „Бывые соколы Трагедия в четырех действиях" (1868 г., кн. 9, стр. 1—71). Ф. Т. Стелловским была издана только одна пьеса Писемского — „Самоуправцы" (см. примечание к письму 299).

„Новая историческая трагедия" — „Поручик Гладков", публикация ее в „Вестнике Европы" не состоялась (см. письмо 308).

„Она вся впрочем с печатных документов написана" — источники пьесы были указаны Писемским в подстрочных примечаниях к тексту „Поручика Гладкова".

ПИСЬМО 308

На конверте адрес: „В С. Петербург. Его В-ю Павлу Васильичу Анненкову. На Невском проспекте, в доме Лонгиновой, квартира № 14".

Дата устанавливается почтовым штемпелем: „8 ноя<бря> 1866, Москва".

„Издателя Современного Труда" — ошибочно, вместо „Всемирного Труда".

ПИСЬМО 309

На конверте адрес: „В С. Петербург. Его В-ю Павлу Васильевичу Анненкову. На Невском проспекте в доме Лонгиновой, квар. № 14“.

Писемский отвечал на письмо П. В. Анненкова от 15 ноября 1866 г., с подробным отзывом о „Поручике Гладкове“. Дав общую оценку пьесы, Анненков переходил в нем к отдельным замечаниям:

> 1) В мечтаниях Волынского мысль о троне для сына должна быть исключена, так как это клевета его палачей, которую он сам подтверждать без пытки не должен. Она меня ковырнула, как ножичком в бок.
>
> 2) Важнее этого следующее: после великолепной сцены суда над Волынским, сватовство Бирона в том же самом помещении и затем известие, тут же сообщенное, о подробностях казни Волынского — все это, не смотря ни на какие оговорки действующих лиц, есть вещь скомканная, поспешная, сырая и невозможная. Делайте что хотите, но ослаблять впечатление суда, написанного твердой рукой, этим неверным, колеблющимся и слабосильным очерком — преступление. Еще Бирон может говорить с Гладковым о тайном суде, но привлекать туда женщину и любовные объяснения — это опера.
>
> 3) И наконец — пятый акт. Вдумайтесь в него, друг мой, ибо от него все зависит: полное торжество или полу-успех. Весь он должен двигаться на Гладкове, который тут получает все свое объяснение, как характер. Теперь он делает необычайные вещи — ругает жену, держит ее на посылках и сам стоит на одном месте. Беготня жены от дворца к мужу — имеет что-то детское в приемах драмы. Да почему же ему самому не быть во дворце у правительницы, самому не видеть невозможности ее спасти и не принять решения умереть за нее, так как изменять более нельзя и жизнь вытанцовалась вполне? После этого и могут наступить сцены в садах, разумеется несколько у п р о щ е н н ы е и особенно главная превосходнейшая подробность их — смерть Гладкова, мороз, заря и на Неве вместе с зарей — новая императрица в санях... Великолепно!
>
> („Новь“ 1880, т. XXIII, № 20, стр. 200).

В письме от 11 декабря 1866 г. Анненков отвечал на возражения Писемского по замечаниям о „Поручике Гладкове“.

> Что вы говорите в защиту сцены после суда — имеет хорошие основания. Пусть будет так, но несомненно и то, что от нее веет и всегда будет веять сноровкой, авторской необходимостью, прилаживанием, а не созданием. Такие места есть и у Шекспира — правда, но узаконены они Шекспиром не могут быть, как и многое другое, что у него есть. Впрочем, в общем строе драмы эта сцена пройдет, и об ней заботиться очень не следует, лишь бы общий строй был полон, правилен, целен и благообразен (там же, стр. 201).

ПИСЬМО 310

На конверте адрес: „В Петербург. Его В-ю Павлу Васильичу Анненкову на Невском, в доме Лонгиновой“.

П. В. Анненков отвечал Писемскому 11 декабря 1866 г. „...Строчу вам только краткий ответ на вопрос цензурна ли новая драма ваша? Она цензурна, как все здесь говорят, на одном условии, чтоб автор был сам на-лицо и сам убедил-бы могущественных] людей литературной полиции в своем благонадежном и исключительно историческом, без задних мыслей, направлении. С этой гарантией — ибо цензура теперешняя есть

преимущественно вопрос личный - драма может пройти и, по всем вероятиям, пройдет непременно. Сообщаю вам это воззрение, которое, по моему мнению, есть дельное, справедливое и практическое“ („Новь“ 1888, т. XXIII, № 20, стр. 201).

ПИСЬМО 311

Вполне точная дата письма устанавливается при сопоставлении с записью А. В. Никитенко в „Дневнике“ 1867 г. под датой „Январь, 29, воскресенье“: „Вечер у Тютчева. Писемский читал свою трагедию: „Гладкий“ из времен Бирона, регенства Анны Леопольдовны и вступления на престол Елисаветы. Пьеса не лишена достоинств. Она чище других пьес Писемского“ (А. В. Никитенко, Записки и дневник, изд. 2-ое, СПБ. 1905, т. II, стр. 324).

ПИСЬМО 312

На обороте второго листка адрес „Его В-ю Борису Николаевичу Алмазову. В Шереметевском переулке, в д. Шереметева“. Дата письма устанавливается по следующим соображениям. С издателем „Всемирного Труда“ доктором Ханом Писемский познакомился во время поездки в Петербург, в январе 1867 г., вступив с ним в непосредственные переговоры о печатании в журнале ряда своих пьес. Из Петербурга Писемский выехал в последних числах января (см. предыдущее письмо). Из текста письма явствует, что оно было набросано на следующий же день по приезде в Москву и именно в среду, то есть 1 февраля.

ПИСЬМО 313

„Я... успел уже написать три акта новой пьесы из времени Стрелецких бунтов“ — речь идет о трагедии в 5 действиях „Милославские и Нарышкины“, опубликованной уже после смерти Писемского в т. XX „Сочинений“, изд. Вольфа, 1883—86 гг.

ПИСЬМО 314

На обороте второго листка адрес: „Его В-ю Борису Николаевичу Алмазову от Писемского, в Шереметевском переулке, в доме Шереметева“. Приблизительная дата устанавливается из сопоставления с письмом 312 и из указания на работу над „еще одной новой вещью“ — трагедией „Милославские и Нарышкины“ (ср. предыдущее письмо).

ПИСЬМО 315

Письмо сопровождалось посылкой трех экземпляров оттисков трагедии „Поручик Гладков“ из кн. 3 „Всемирного Труда“ за 1867 г., в которой пьеса была впервые опубликована.

ПИСЬМО 316

Трагедия „Поручик Гладков“, представленная вместе с отношением Писемского в Главное управление по делам печати была направлена на просмотр цензору драматических сочинений П. И. Фридбергу, давшему о ней отрицательный отзыв.

Цензора драматических сочинений

Фридберга

РАПОРТ

Имею честь доложить Вашему Превосходительству, что мною рассмотрены следующие пьесы:

1) Поручик Гладков. Трагедия в 5 действиях соч. Писемского.

Действие настоящей драмы (но никак не трагедии) открывается 5-го марта 1740 года и заключается восшествием на всероссийский престол Елисаветы Петровны 25 ноября 1741 г. Перед глазами, на подобие калейдоскопа, быстро меняются одна другою грустные картины смутного периода нашей истории, разоблачающие с одной стороны — пагубные последствия слабого правления преемников Петра Великого, а с другой — всеобщую неурядицу и разгул властолюбивых страстей государственных деятелей и временщиков, корыстно расшатывающих престол русских царей. — Таким образом мы видим безграничное могущество иноплеменного честолюбца — герцога Курляндского, — казнение Волынского Бироном, — деспотическое регенство сего последнего, — низвержение его гр. Минихом и наконец — возведение на престол законной наследницы Петра, совершенное ночью, тайком, и отчасти происками французского посла, графа Лашатарди и помощью его золота и преображенцев.

Елисавета Петровна положила конец этим дворцовым интригам и трагедиям, но по близости к нам этого времени — едва-ли прилично с театральных подмостков напоминать русской публике — с какою легкостью производились у нас государственные перевороты и до какой степени тогдашние временщики злоупотребляли и царскою и своею властию и колебали Русский престол. — В одинаковой степени представляется неудобным оживлять на нашей сцене слишком подробные приемы заговоров совершившихся у самого подножия престола и прямое в них участие гвардейских преторианцев.

Хоть приведенные в драме подробности были уже неоднократно оглашены в печати, но из этого еще не следует чтобы они были дозволительны для сцены, — а потому я признавал бы основательным в настоящем случае — не разрешать постановки трагедии г. Писемского „Поручик Гладков“ — на русской театр.

Действительный Статский
Советник *Фридберг*

3 апреля 1867г.

23 апреля 1867 г. Совет Главного управления по делам печати, ознакомившись с рапортом цензора Фридберга, запретил трагедию „Поручик Гладков“ к постановке на сцену. Члены совета И. Гончаров и Ф. Толстой „остались при особом мнении, находя, что трагедия Писемского, как талантливая историческая пьеса, может украсить репертуар русского театра“.

Официальное уведомление о запрещении пьесы было направлено автору через Московского обер-полицмейстера:

Канцелярия Главного Управления по делам печати, по приказанию г. начальника сего Управления, препровождая при сем трагедию соч. А. Ф. Писемского, под заглавием: „Поручик Гладков“, признанную неудобною к представлению на сцене, имеет честь покорнейше просить Ваше Превосходительство приказать выдать эту пьесу Коллежскому Ассесору Алексею Феофилактовичу Писемскому, по жительству его на Поварской, в Борисоглебском переулке, в собственном доме.

Подписал: Правитель Дел: *П. Капнист*

Скрепил: Помощн. Правителя Дел: *В. Адикаевской*

(ЛОЦИА, Фонд Драматической цензуры, дело № 5, 1867 г. лл. 1—71. Ср. Н. В. Дризен. Драматическая цензура двух эпох, стр. 172—173 и 211).

ПИСЬМО 317

На конверте адрес: „В С. Петербург. Его В-ю Павлу Васильичу Анненкову. На Невском, в доме Лонгиновой".

Ответное письмо П. В. Анненкова от 22 апреля 1867 г. опубликовано в „Нови" 1888 г.. (т. XXIII, № 20, стр. 201). В нем Анненков между прочим писал: „Удивили вы меня запросом о Тургеневе. Да он на другой день своего приезда сюда уже скакал в Баден, где теперь и обретается".

ПИСЬМО 318

„Поручик Гладков"—трагедия в 5 действиях -- впервые была напечатана в журнале „Всемирный Труд" 1867, № 3, стр. 1—95. К постановке на сцене трагедия была запрещена (см. выше, примечание к письму 316) и запрещение это при жизни автора снято не было, хотя почти до самой смерти Писемский изыскивал возможности к проведению ее на сцену (см. письма в 935 и 943).

Появление „Поручика Гладкова" в печати вместо критических разборов и отзывов вызвало только злую пародию Ивана Маслова (псевдоним П. А. Ефремова) „Старец Пафнутий", трагедия в 5 действиях, напечатанную в 16-м номере журнала „Искра" за 1867 г. (и отдельный оттиск — 14 стр.). В обращении к читателю Ефремов между прочим писал: „Никогда не дерзнул бы я предложить тебе, благосклонный и охотный читателю, сию мою трагическую пиесу, ежелиб к тому ободрен не был трагедиею, под заглавием: Поручик Гладков, от господина А. Писемского сочиненною и господином доктором М. Ханом в ежемесячном периодическом издании „Всемирный Труд" (книжка третия, сего года) напечатанною. Не без гордости уповаю, что более приблизился я к исторической, называемой, достоверности, чем господин А. Писемский. Сей автор многое опускал, многое же неправильно переписал, а я доподлинно из книжек все списывал и даже ортографию списываемого соблюдал".

Неудача постигла „Поручика Гладкова" и на уваровском конкурсе драматических произведений 1868 г.

На двенадцатое „соискание уваровских наград", кроме „Поручика Гладкова", были представлены: „Виноватая", комедия в 5 действиях А. А. Потехина (напечатана в „Совр. Обозрении", 1868, кн. 1) и „Загубленная жизнь", драма в 4 действиях скрывшегося под девизом „Чем богат, тем и рад" А. А. Слепцова (напечатана в 1871 г. в „Дешевой библиотеке для легкого чтения", № 8, стр. 1—56). 18 января 1868 г. на заседании комиссии по рассмотрению драматических произведений было положено рассмотрение всех перечисленных пьес поручить академику А. В. Никитенко (см. „Дело Архива Конференции Академии Наук, № 396", нач. 2 мая 1867 г., конч. 8 октября 1868 г., л. 25 об.) К заседанию комиссии от 6 сентября 1868 г. А. В. Никитенко о „Поручике Гладкове" был представлен следующий отзыв:

„Поручик Гладков",
драма в пяти действиях Г. Писемского.

Произведение это не иное что, как неудавшееся покушение написать историческую драму. Автор возымел странную мысль — сложить

в одно целое несколько исторических эпох. Это привело к тому, что в этом мнимом целом не оказывается никакого органического единства: части у него легли слоями друг на друга. С другой стороны происшествий столько стеснилось в рамах, которые по необходимости оказались тесными, что автору пришлось ограничиться одними начатками важнейших из них, одними, так сказать, зародышами без надлежащего развития. Вся пьеса является чем то в роде исторического перечня. Элементы драмы суть: падение Волынского, потом смерть Анны Иоанновны и призвание Бирона на регенство, за тем его низвержение, провозглашение императором малолетнего Ивана Антоновича и регентшей Анны Леопольдовны, наконец возведение на престол Елисаветы Петровны. Очевидно автор стал на торную дорогу, которая, каким бы дарованием он ни обладал, должна была привести его к полнейшей неудаче. Направительной идеей его, повидимому, было представить ряд переворотов и катастроф, наполнявших нашу новейшую историю. Само собою разумеется, что там, где могло выдти несколько трагедий, не вышло ни одной по неопределенности содержания, коего стихии расходились по разным направлениям и сосредоточивались около различных центров. Происшествий тут много, но они не связаны ни какою внутреннею связью. Автор сам чувствовал недостаток этой связи и думал достигнуть ее в поручике Гладкове. Но чтобы быть связующею и централизирующею силою, надобно чтобы лице было по положению главным двигателем событий, а по духу и характеру своему способное стать на эту высоту. Ни того, ни другого нет в Гладкове. Как поручик, он был слишком политически ничтожен для того, чтобы быть главною пружиною тех важных совершавшихся переворотов; участие его в них есть участие мелкого исполнителя того, что задумано и приведено в движение другими могущественными лицами, корифеями и героями моментов—Волынским, Бироном, Минихом, Остерманом и пр. Не смотря на свое политическое ничтожество, однако Гладков мог бы своим нравственным и умственным значением, силою ума и воли, словом характером своим дать перевес той или другой из действующих и борющихся сторон. Но ничего подобного в нем нет. Это низкий, безнравственный человек, заразившийся похотью придворного честолюбия, готовый продать себя и продающий за цену своего возвышения всякому, от кого надеется он чем нибудь воспользоваться, доноситель, шпион, губящий своего отца и жену, пустую глупую женщину, которая однако очень его любит и на которой он женился обманув ее сердце притворною нежностию.

На сцену выведены разные исторические лица нашей послепетровской истории. Но при тех обстоятельствах, в какие автор поставил свою драму, нельзя уже и ожидать, чтобы характеры их определились, развились и выразились явственно и сообразно своему историческому значению и месту, какое им назначал автор в пьесе. Тут конечно вы не угадаете ни Бирона, ни Остермана, ни Миниха и пр. Из того, что автор заставляет каждого из них сказать несколько фраз, приписываемых им историей, ничего не следует; от этого не выдвигается их личность из среды других действующих лиц и не выясняется их физиономия. Вообще автор напрасно вменяет, повидимому, в большое достоинство своей пьесе то, что ко многим местам ее он может привести цитаты из разных монографий и статей, относящихся к истории изображаемых им эпох. Во-первых, от этих мелких прикрас и приставок пьеса его не делается, так сказать, историчнее, потому что эти механические приемы ни мало не делают вам доступными ни духа времени, ни прагматического значения событий; во вторых, и драматический элемент, за отсутствием художественной его обработки, ничего не выигрывает, и так называемая драма, все таки остается, как мы сказали выше, сухим и холодным перечнем происшествий, из которых конечно некоторые из них точно могли бы быть сюжетом драмы, но все вместе взятые, остаются не более, как перечнем (там же, лл. 84—86).

6 сентября 1868 г. на заседании под председательством непременного секретаря К. С. Веселовского академики Н. Г. Устрялов, И. И. Срезневский, А. В. Никитенко, Я. К. Грот, А. А. Куник, Д. М. Перевощиков и А. Ф. Бычков заслушали отзывы о пьесах, составленные А. В. Никитенко, и нашли, что „нет повода присудить за которую либо из них уваровскую премию“ (там же, л. 90 об.).

ПИСЬМО 319

Ходатайство А. Ф. Писемского, обращенное при посредстве П. А. Вяземского к министру внутренних дел П. А. Валуеву, не привело к желанным результатам — трагедия „Поручик Гладков“ осталась под цензурным запретом и к постановке на сцену допущена не была, см. письма 323 и 324.

ПИСЬМО 321

„Дым“ — роман Тургенева „Дым“ был напечатан в кн. 3 „Русского Вестника“ 1867 г., вышедшей в середине апреля.

„Москва... открыла этнографическую выставку“ — Русская этнографическая выставка, устроенная Московским Обществом естествознания, открылась в Москве 23 апреля 1867 года. См. „Русские Ведомости“ 1867, № 46 от 25 апреля.

„Мы принимали наших братьев-славян“ — прием делегации чешских и сербских ученых и общественных деятелей, приехавших 16 мая 1867 г. в Москву на Русскую этнографическую выставку, явился поводом для устройства шумной политической демонстрации панславистского характера.

„Пьес моих не посылаю“ — Тургенев во время пребывания в Москве в марте 1867 г. предлагал, повидимому, Писемскому при личных свиданиях организовать печатание запрещенных в России пьес заграницей. 12 июня 1867 года, отвечая на письмо Писемского от 25 мая, Тургенев возобновлял свое предложение: „Высылайте сюда ваши пьесы, как только это будет цензурно-возможным“ („Новь“ 1886, т. XII, № 23, стр. 184).

ПИСЬМО 322

На конверте адрес: „В Петербург. Его В-ю Павлу Васильичу Анненкову. У [Цепного] Аничкова Моста, на Фонтанке, в Английской клуб. Если Г. Анненков на даче, прошу письмо переслать туда“.

„В последнем письме вашем“ — см. письмо П. В. Анненкова к Писемскому от 22 апреля 1867 г. — „Новь“ 1888, т. XXIII, № 20, стр. 201.

ПИСЬМО 323

На конверте адрес: „Его В-ю Павлу Васильичу Анненкову. В Петербург в Лесном на Паргаловской дороге, близь часовни, дача Терешина“.

„Не знаю как и благодарить Вас за ваш скорый ответ“ — см. письмо П. В. Анненкова к Писемскому от 29 мая 1867 года — „Новь“ 1888, т. XXIII, № 20, стр. 201.

„Вяземский... взялся мне похлопотать у министра внутренних дел Валуева“ — см. письмо 319 и 320:

ПИСЬМО 324

На конверте адрес: „В Петербург. Его В-ю Павлу Васильичу Анненкову. В Лесном, на Парголовской дороге, близь часовни на даче Терешина“.

Полная дата письма (год) устанавливается по почтовому штемпелю: „Москва, 21 июня 1867 ".

„По делу о моей пьесе не хлопочите" — см. письма 319, 320 и 323.

ПИСЬМО 326

На конверте адрес: „В Петербург. Его В-ю Павлу Васильичу Анненкову. В Английский Клуб, в‹есьма› нужное".

Полная дата письма (год) устанавливается почтовым штемпелем: „Москва, 10 авг. 1867".

ПИСЬМО 327

В сохранившемся ответном письме от 9 сент. (28 авг.) 1867 г. И. С. Тургенев сообщал Писемскому: „... Я очень виноват перед вами, что не тотчас отвечал на ваше письмо, в котором вы говорите мне о вашем сыне; но так как Чичерин о ту пору находился в деревне, где-то далеко в Саратове, — то я не счел нужным поспешить; притом же я был завален делами, большей частью свойства невеселого, о которых не стоит распространяться. Теперь я хочу загладить мою вину — и посылаю вам под сим же кувертом письмо к Чичерину, которое вы ему доставьте и которое, я надеюсь, произведет на него некоторое впечатление" („Новь" 1886, т. XII, № 23 стр. 184—185).

ПИСЬМО 328

На конверте адрес: „В Петербург. Его В-ю Павлу Васильичу Анненкову. В Английский клуб".

„Скажите что нибудь о Тургеневе" — см. примечание к предыдущему письму.

ПИСЬМО 329

„П. А. Валуев... был у Толстого на твоем чтении" — 17 ноября 1867 г. А. Н. Островский читал на вечере у А. К. Толстого „Василису Мелентьеву".

ПИСЬМО 330

Датировка уточняется на следующих основаниях: в Петербурге Писемский был в 1867 г. в ноябре, в конце которого возвратился в Москву. На понедельник приходилось в 1867 г. 20 ноября.

„Песня из моей драмы" — при письме препровождался текст песни из трагедии „Поручик Гладков" (см. действие I, явление VIII).

ПИСЬМО 331

На конверте адрес: „В Петербург. Его В-ю Павлу Васильичу Анненкову. На углу Итальянской и Надеждинской, дом Овсяникова".

„Не замедляю ответить на ваше письмецо" — см. письмо П. В. Анненкова к Писемскому от 29 ноября ‹1867› г.—„Новь" 1888, т. XXIII, № 20, стр. 203—204.

Предположения мои... не увенчались никаким почти успехом" — Писемский ездил в Петербург с целью исхлопотать зачисление на должность цензора в Московский цензурный комитет.

„Анекдот о Филарете" — ироническое замечание Писемского могло быть вызвано помпезностью и продолжительностью похорон митрополита Филарета, умершего в Москве 19 ноября 1867 г. Вынос тела состоялся 22 ноября, а закончены похороны были в Троицкой лавре 28 ноября.

ПИСЬМО 332

На конверте адрес: „В Петербург Его В-ю Павлу Васильичу Анненкову. На углу Надеждинской и Итальянской, дом Овсяникова".

„Новый губернатор" — московского гражданского губернатора гр. А. К. Сиверса сменил в его должности в октябре 1867 г. А. И. Баранов.

„Есть-ли надежда, что меня... переведут в цензоры" — В ответном письме от 14 февраля 1868 г. П. В. Анненков сообщал Писемскому: „Только вчера успел я поговорить с Похвисневым и вот что услышал от него. Предполагалось одного из московских цензоров перевесть сюда, и тогда открывалась бы вакансия у вас на месте, которой и можно было-бы вам добиваться, но распоряжение это не состоялось. Таким образом покамест в Москве свободного поста нет и надо просто дожидаться — когда таковый откроется, а это может случиться не нынче, завтра" („Новь" 1888, т. XXIII, № 20, стр. 202)

ПИСЬМО 333

На конверте адрес: „В Петербург. Его В-ю Павлу Васильевичу Анненкову. На углу Надеждинской и Итальянской, дом Овсяникова."

„Валуев уходит с горизонта" — А. В. Никитенко записал в своем дневнике под 4 марта 1868 г.: „Валуев оставил министерство или министерство оставило его. Место его занял <А. Е.> Тимашев". Несколькими днями позднее Никитенко задавал себе вопрос, аналогичный тому, с которым Писемский обратился к П. В. Анненкову: „Тимашев был директором тайной полиции, или начальником III отделения. Восторжествуют-ли в нем полицейские инстинкты или призвания государственного человека?" (А. В. Никитенко Записки и дневник, 2-ое изд., СПБ. 1905, т. II, стр. 359—360).

ПИСЬМО 334

На обороте адрес: „Его В-ю Аполлону Александрычу М а й к о в у. На Садовой, у Спаса во Спасском, в Спасском переулке, близь Сухаревой Башни, в собственном доме".

Датируется по почтовому штемпелю: „Москва. 1868. Мая 6". Записка набросана на третьей странице письма к Писемскому М. Хана:

Редакция журнала
Всемирный Труд
С. Петербург 18 $\frac{5}{V}$ 68

Многоуважаемый
Алексей Феофилактович!

Статья г. Майкова напечатана в 4-й книжке журнала, которая сегодня вышла. В этой или будущей неделе буду в Москве и расчитаемся

Весь преданный Вам
М. Хан

Речь идет о статье Майкова „Заметка на заметки о самозванцах в России" („Всемирный Труд" 1868, кн. 4, стр. 65—66).

ПИСЬМО 335

На обороте адрес: „Его В-ю Аполлону Александровичу М а й к о в у, у Спаса во Спасском, в Спаском переулке, в<есьма> нужное. От П и с е м с к о г о".

Полная дата (год) устанавливается по почтовому штемпелю: „Москва, 1868 май 20“.

„Хан... привез тебе деньги и оттиски“ — оттиски статьи А. А. Майкова „Заметка на заметки о самозванцах в России“, см. примечание к предыдущему письму.

ПИСЬМО 336

„Бывые соколы“ — трагедия в 4 действиях — была первоначально написана весной и летом 1864 г., причем по своему составу первая редакция трагедии (имевшей, повидимому, пять действий) резко отличалась от всех известных нам позднейших ее редакций. Текст первой редакции до нас не дошел и приблизительное представление о ней нам дает только краткое сообщение в воспоминаниях А. Ф. Кони: „Я никогда впоследствии не читал и не слышал ничего, что бы производило такое потрясающее впечатление трагизмом своего сюжета и яркими, до грубости реальными, красками. В этой драме был соединен и, так сказать, скован воедино тяжкий и неизбежный рок античной трагедии с мрачными проявлениями русской жизни, выросшей на почве крепостного права. Жестокость и чувственность, — сильные характеры и едва мерцающие, условные понятия о добре и зле, — насилие и восторженное самозабвение — были переплетены между собой в грубую ткань, в одно и то же время привлекая и отталкивая зрителя, волнуя его и умиляя. Откровенность некоторых сцен, совершенно необычная в то время, напоминала по своей манере иныя места в шекспировских хрониках. Я помню сцену, где жена и мать, заподозрив связь своего мужа с дочерью, берет последнюю за руку и в присутствии мужа, окинув ее внимательным взором, говорит ей тоном, недопускающим возражений: „Ты беременна!“ Дочь выносит пристальный взгляд матери и отвечает решительно: „Да!“ — „От него?“ спрашивает мать, показывая дочери на ее отца. „От него“, отвечает спокойно дочь. По тогдашним цензурным условиям такая пьеса, конечно, не могла появиться не только на сцене, но и в печати. И действительно, когда через много лет я прочел в печати „Бывых Соколов“, то я не нашел в них даже отдельного сходства с тем, что мы слышали от Писемского в памятный августовский вечер. То, что он нам читал тогда, было словно положено в щелок, который выел все краски и на все наложил один серенький колорит. Самый сюжет был изменен, смягчен и все его острые углы обточены неохотною и потерявшею к своему произведению любовь рукою. Контуры типических, властных и суровых лиц оказались очерченными слабее и далеко не производили прежнего впечатления. Исчез и монолог актера“* (см. „Вестник Европы“ 1908, кн. V, стр. 55—56; перепечатано во втором томе „На жизненном пути“, СПБ. 1912 г.). В виду того, что имелись попытки скомпрометировать достоверность цитированных воспоминаний (см. „Голос Минувшего“ 1913, кн. 1, стр. 210, рецензия В. Е. Чешихина-Ветринского на книгу Кони.

---

* О монологе Кони перед этим сообщал следующее: „Он (Писемский) уже не сидел, а стоял у стола и говорил последний монолог пьяницы актера в одной из трущоб московской „Грачевки“, начинавшийся и кончавшийся словами: „Люди вы бедные, — люди вы скверные!“ (там же, стр. 55; ср. монолог Ераста в I явлении 4-го действия трагедии „Птенцы последнего слета“).

„Очевидно, что в чтении Писемского он слышал не собственно трагедию „Бывые соколы“, а ее продолжение — „Птенцы последнего слета“), в марте 1925 г. я посетил А. Ф. Кони, причем он полностью подтвердил сообщенные им в воспоминаниях факты (оговорив лишь свою хронологическую ошибку: чтение происходило не в 1865, а в 1894 году) и указал, что трагедия „Птенцы последнего слета“ ему также была хорошо известна по посмертной публикации.

Никаких следов запрещения трагедии Писемского цензурой не сохранилось. Повидимому, автор учел ее явную нецензурность и, не дожидаясь запрещения, решил переделать. С 13 февраля по 17 марта 1865 г. Писемский, как это видно из авторских помегок на рукописи, находящейся в Всесоюзной Публичной библиотеке им. В. И. Ленина, написал вторую редакцию первой части трагедии, присвоив ей первоначальное название („Бывые соколы“) и вскоре же после этого (в марте — апреле того же года) написал вторую редакцию второй части — „Птенцы последнего слета“. Эти редакции — в основном — известны нам по посмертным публикациям трагедий в XX томе „Сочинений“ Писемского (СПБ. 1886). Однако и в этом виде ни одна из частей драматической дилогии ни к печати, ни к постановке на сцене допущена не была. Три года „Бывые соколы“ пролежали в авторском портфеле. Примирившись с мыслью о дальнейшем искажении первоначального замысла, в 1868 г., Писемский написал третью редакцию „Бывых соколов“, которая и была помещена в сентябрьской книжке журнала „Всемирный Труд“ за 1868 г. (стр. 1—71). Основное различие редакций заключается в исключении мотива кровосмешения, заимствованного из трагедии Шелли „Ченчи“ (бывшей Писемскому известной, повидимому, в переводе Н. П. Грекова), и замене последнего мотивом социально-неравной связи (любовником Веры Бакреевой — данным в форгешихте — является в третьей редакции крепостной Бакреевых, Иван Фортунатов). Естественно, что это вынужденное переосмысление всего произведения крайне исказило творческий замысел Писемского. Тем не менее даже эта, третья по счету, редакция, представленная в Главное Управление по делам печати Министерства внутренних дел (Главное Управление цензуры не существовало с 1862 г.), требованиям драматической цензуры не удовлетворила. 14 августа 1868 г. Писемскому из Главного Управления по делам печати было направлено следующее отношение:

Милостивый Государь
Алексей Феофилактович

Совет Главного Управления по делам печати, по рассмотрении доставленной Вами пьесы, под заглавием: „Бывые Соколы“, признал возможным дозволить ее к представлению на сцене, с тем однако же, чтобы чтение псалтыря, проклятие отцем сына, убийство на сцене и упоминание имени Муравьева было из оной исключено. Таковое определение Совета утверждено Г. Министром Внутр. Дел.

Вследствие сего имею честь препроводить при сем оба экземпляра представленной Вами пьесы для надлежащего исправления сообразно указаниям Совета, и пользуясь настоящим случаем покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверение в моем искреннем уважении и преданности

(подписал) *Ю. Богушевич*

(См. дело № 3 Цензуры драматических сочинений за 1868 г., ЛОЦИА).

ПИСЬМО 338

Датировка уточняется при сопоставлении с предыдущим письмом.

„Я вам года три тому назад читал пьесу" — Писемский читал свои пьесы, в том числе „Бывые соколы" у Дудышкина и Тютчева во время пребывания в Петербурге, осенью 1865 г. Ср. письма 299 и 687.

ПИСЬМО 340

На конверте адрес: „В Петербург. Его В-ю Павлу Васильичу Анненкову. В Англинский клуб". На обороте конверта чужой рукой: „В Лесной Корпус, Муринская улица. Дача № 25. С. П. Борисов. 3 июня."

Датировка устанавливается по почтовому штемпелю: „Москва, 1 июня 1868".

ПИСЬМО 341

На обороте второго листка: „Его В-ю Борису Николаевичу Алмазову". Дата устанавливается на основании сопоставления с письмами 342 и 343 и по указанию текста, что записка была набросана в пятницу.

„Я ему буду читать начало моего романа" — романа „Люди сороковых годов".

ПИСЬМО 342

На конверте адрес: „Его В-ю Павлу Васильичу Анненкову. В Казенной Палате, в квартире Г-на Макарова".

Дата устанавливается на основании сопоставления с письмами 341 и 343.

ПИСЬМО 343

„Я ему (Анненкову) читал свой роман" — роман „Люди сороковых годов", печатание которого началось с январской книжки 1869 г. в журнале „Заря".

„Рассказ его (Имплева) любви с Аннушкой" — см. главу VI первой части окончательной редакции романа „Люди сороковых годов".

„Напишите мне об этом ваше мнение" — И. С. Тургенев отвечал Писемскому 9(21) августа 1868 г.: „Что касается до замечаний Анненкова насчет якобы необъективных глав вашего романа, в котором вы рассказываете отношения старика к Аннушке, к княгине и т. д., — я признаюсь, нисколько не был этим поражен: вы прошли по всей истории быстрее, чем по другим пунктам романа, но я полагаю, что оно так и следовало: — не все же выдвигать на первый план. Добрый Павел Васильевич тут словно перетонил. Во всяком случае, я этой сделанности не заметил. Мои сомнения были, если вы помните, возбуждены другими местами (свидание при прежнем любовнике и т. д.). Работайте, кончайте — это дело хорошее." („Новь" 1886, т. XII, № 23, стр. 185).

„Напишите мне и то место из Виктора Гюго" — в цитированном уже ответном письме Тургенев писал: „Стихи В. Гюго, на которые вы намекаете, находятся в его „Châtiments", а именно:

l'Empereur surhumain
Devant qui, gorge au vente, pieds nus, les Renommées
Volaient, clairons en main

Но „Châtiments" появились в 1862 году, и стало быть — цитировать эти стихи в 30-х годах было бы анахронизмом. В то время особой шум производили „Les Orientales". — Вы что-нибудь оттуда возьмите."

ПИСЬМО 344

„Согласно указаний Совета изменил“ – См. примечание к письму 336.

„Упоминание имя Муравьева“ — Во 2-м явлении первого действия трагедии Цаплинов декламирует четверостишие из стихотворения известного поэта конца XVIII века М. Н. Муравьева „Сельская жизнь“ (послание А. М. Брянчанинову). По требованию цензуры указанное место Писемским было изменено следующим образом:

> Сашанский. Но теперь вы за то блаженствуете?
>
> Цаплинов. <далее наклейка:> Именно что блаженствую! телом моим стал здоров, душею покоен! Стихи этакие в наше время были... Пишет это господин сочинитель к своему другу: <далее приводятся стихи Муравьева: „Теснятся вкруг тебя прилежные селяне...“>

(См. препровожденную Писемским копию трагедии, ныне хранящуюся в Центральной Библиотеке Русской Драмы).

„Чтение псалтыри“ — После удаления заключительных слов читальщика окончание трагедии приняло следующий вид: „Ребенок с испуганным лицом остается перед публикой *и начинает плакать*“* (там-же).

„Проклятие сына отцу“ — В той же рукописи указываемое Писемским место после исключения приняло следующий вид:

> Борис. Не знаю! *(потрясая кулаками в воздухе) О, боже великий!—взываю к твоему суду и справедливости!*** . [доходят, говорят, проклятия отцев на детей, то я проклинаю отца моего всеми ужасами ада и земли!
>
> Заседатель *(качая головой)*. Вот это уж не хорошо, не следует, не даст вам бог счастья за это в жизни!]

„Убийства совершаются теперь уж не на сцене“ — Два листа первоначальной рукописи Писемским были заменены следующей совершенно новой редакцией сцены убийства Бакреева и Цаплинова крепостным ткачем Егором. После заключительных слов монолога старика Бакреева: „Какой-то огонь горит во мне против всех и всего, потому что я знаю, что это все и все тоже против меня! ...“ на вставленных листах (45–46) рукописи следует:

Идти лучше помолиться наперед *(уходит в свою спальную).*

Явление XIV

> *Через несколько мгновений из других дверей входят Цаплинов и Егор с всклокоченной бородой и головой, с обезображенным лицем и весь перепачканый в глине и саже.*
>
> Цаплинов. Ушел, видно, барин-то куда то (*подходя к спальне*). Вы здесятко-с?
>
> Голос Бакреева. Здесь.
>
> Цаплинов. Я привел Егора!...
>
> Голос Бакреева. Позови его сюда!
>
> Цаплинов *(Егору)*. Проходи, иди!
>
> *Егор проходит в спальну к Бакрееву.*

---

* Набранные курсивом слова написаны по подчищенному первоначальному тексту.

** Написано по подчищенному. Первоначальный текст: „О, силы небесные! Если доходят до вас проклятия детей на отцев, как“ <далее следует приводимый выше зачеркнутый текст>.

Цаплинов *(показывая на него публике)*. Каков красавчик —а? Медведь лесной, и тот по пригляднее его!

Голос Бакреева. Ты пьянствуешь, грубишь?

Голос Егора. Я не буду-с!

Голос Бакреева. Ну, и не будь, а не то стану сечь, не милуя, не щадя.

Голос Егора. Позвольте вам в ножки поклониться.

Голос Бакреева. Поклонись — это хорошо.

Вслед за тем раздается его крик.

Цаплинов. *(побледнев)* Что там такое? *(бросается в спальную)*.

Голос Егора. И тебе то же будет!

Голос Цаплинова. Караул!

Голос Егора. Не скричишь никого.

Несколько минут молчания. Выходит Егор; он перепачкан в крови и останавливается как бы растерянный посреди комнаты.

Егор *(оглядываясь кругом)*. Кто тут есетко здесь! Я обеих бар убил.

Ключница *(вбегая)*. Злодей! Что ты такое наделал! Крови то сколько на нем — батюшки! *(кидается и начинает на нем вытирать кровь)*.

Егор. Не трожь, не вытирай! Все за одно отвечать-то.

(занавес падает)

Все эти изменения достигли своей цели: 3 сентября 1868 г. трагедия Писемского была, наконец, цензором драматических сочинений П. И. Фридбергом к представлению дозволена, и 5 сентября того же года Главным Управлением по делам печати Писемскому был направлен следующий ответ:

Милостивый Государь
Алексей Феофилактович

Вследствие ходатайства Вашего, от 20 минувшего Августа, пиеса, под заглавием: „Бывые Соколы“ постановлением Совета Главного Управления по делам печати, утвержденным Г. Министром Внутренних Дел, разрешена к представлению на сцене и, вместе с сим, отослана при отношении за № 2070, Г. Начальнику Репертуарной части Дирекции императорских Театров.

Уведомляя об этом Вас, Милостивый Государь, покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

(подписал) *Ю. Богушевич*

(Дело № 3 Цензуры драматических сочинений за 1868 г., ЛОЦИА).

ПИСЬМО 345

Полная дата (год) письма устанавливается по содержащемуся в нем запросу о разрешении журнала „Заря“, начавшем выходить под редакцией Н. Н. Страхова при издателе В. В. Кашпиреве с января 1869 г.

„Благодарю вас за хлопоты по моим делам“ — хлопоты о разрешении к постановке трагедии „Бывые соколы“, см. предыдущее письмо.

ПИСЬМО 346

Дата устанавливается при сопоставлении с письмом 344.

„Ваше доброе участие в моей пиесе“ — см. примечание к предыдущим письмам.

„О вашем Расточителе я ничего не слыхал" — „Расточитель" — драма в 5 действиях Н. С. Лескова, впервые опубликованная в седьмом томе „Литературной Библиотеки" за 1867 г. Пьеса была поставлена на сцену в Петербурге 1 ноября 1867 г. в Александринском театре в бенефис Левкеевой. В письме идет речь о подготовке постановки ее в Москве на сцене Малого театра. Постановка состоялась 24 декабря 1868 г. в бенефис Чумаковской.

„Мой роман" — роман Писемского „Люди сороковых годов", печатание которого началось в январской книжке „Зари" за 1869 г.

ПИСЬМО 347

Основанием датировки служит, во-первых, позднейшая карандашная пометка Анненкова на обороте „Писемский 1868" и, во-вторых, замечание самого Писемского в письме к Н. С. Лескову октября 1868 г.: „Приехать в Петербург думаю в конце ноября".

ПИСЬМО 348

„Я в романе моем" — в романе „Люди сороковых годов". Писемский имеет в виду, очевидно, главу первую третьей части романа — „Житейская мудрость Макара Григорьева."

„О том-же самом придется говорить и Данилевскому" — речь идет о статьях Н. Я. Данилевского, печатавшихся под общим заголовком „Россия и Европа" в „Заре" 1869 г. (кн. 1-6, 8—10).

ПИСЬМО 349

На конверте адрес: „В Петербург. Ее превосходительству Ольге Алексеевне Новиковой на Маховой, дом Кноопе, бельэтаж".

Печатание романа „Люди сороковых годов" было закончено только в сентябрьской книжке „Зари" 1869 г. О. А. Новиковой Писемский посылал, повидимому, оттиски из первых книжек журнала.

ПИСЬМО 350

„Я полагал бы необходимым огласить ее в Заре" 〈брошюру Антоновича и Жуковского〉. — В ближайшей книжке „Зари" появилась большая рецензия Н. Страхова на указанную Писемским брошюру („Материалы для характеристики современной русской литературы I. Литературное объяснение с Н. А. Некрасовым М. А. Антоновича. II Post-scriptum.— Содержание и программа „Отечественных Записок" за прошлый год Ю. Жуковского, Петербург 1869") и на ответ на нее Ив. Рождественского („Литературное падение гг. Антоновича и Жуковского. С. Петербург 1869"). В заключительных строках рецензии Н. Страхов писал, вполне солидаризуясь с Писемским: „Нас не могло не порадовать появление книжки гг. Антоновича и Жуковского; авось она снимет с кого-нибудь ярмо авторитета, авось заставит кого-нибудь глядеть своими глазами и судить своим умом. Содействовать такому нравственному и умственному освобождению мы считаем делом весьма полезным, и вот почему решились указать на обнаружившуюся правду, как ни тягостна обязанность подобного указывания" („Заря" 1869, кн. 5, отд. II, стр. 174).

ПИСЬМО 351

На конверте адрес: „В Петербург. Ее превосходительству Ольге Алексеевне Новиковой. Маховая, дом Кноопа, бель-этаж“.

„Одного нашего поэта и теперешнего его друга соиздателя“ — Н. А. Некрасова и А. А. Краевского. С 1868 г. „Отечественные Записки“ перешли от А. А. Краевского к Н. А. Некрасову, М. Е. Салтыкову и Г. З. Елисееву.

ПИСЬМО 352

Юбилей пятидесятилетия литературной деятельности И. И. Лажечникова праздновался в Москве Московским артистическим кружком 4 мая 1869 г. (см. отчет о нем в № 120 „Современных Известий“ 1869 г.) — этим определяется датировка приветственного письма Писемского.

Отрывок опубликован в № 179 „Современных Известий“ от 2 июля 1869 г., уже после смерти И. И. Лажечникова, в полемической заметке Николая Полозова „Об одном из юбилейных приветствий покойному И. И. Лажечникову“. Вспоминая юбилей писателя, Н. Полозов писал:

> Изъявление всеобщего почета и уважения такому человеку было долгом общества и доказывало проявление нравственного такта в общественном мнении.
>
> Но к сожалению, не все заявления сопровождены были этим тактом. Укажу именно на заключительную часть письма к Ив. Ив. г. А. Ф. Писемского.

Приведя отрывок, Н. Полозов продолжал:

> Многие, из услыхавших, а теперь и прочитавших такой необычайный приговор о наших знаменитейших писателях, были неприятным образом удивлены.

Следующие абзацы статьи посвящены защите Жуковского, Загоскина, Булгарина, Марлинского и Полевого от „наветов“ Писемского, причем особенное внимание уделено реабилитации памяти Н. А. Полевого:

> Полевой был многосторонняя и честная натура: он не предпочитал всему — деньги и не искал меценатов. Обозвание его человеком, запятнавшим свое имя, мало того, что нравственно несправедливо, это проступок, воспрещаемый ст. 1535 Уложения о наказаниях. Это возмущает общественную совесть, а близким родственникам его дает право искать покровительства законов для сохранения честной памяти об умершем. Конечно, родственники будут великодушны и оставят это без внимания. Но протест необходим, и мы его заявляем. Всякому свое. Можно высказать привет одному, не трогая других, и притом так бесцеремонно. Позволяем себе быть уверенными, что внутренно сам г. Писемский убежден теперь, что он написал не обдумавши.

ПИСЬМО 353

Судя по содержанию записки, она была набросана в период близости Писемского к редакции „Зари“, т. е. в 1869 г. и в первой его половине, когда в журнале печатался роман „Люди сороковых годов“. В эти месяцы известна только одна поездка Писемского в Петербург числа около 8 - 9 мая (см. письмо 351), это и позволяет точно датировать записку, помеченную воскресеньем, 4 мая 1869 г.

ПИСЬМО 354

„Печатание моего романа“ — печатание романа „Люди сороковых годов“, начатое с первой книжки „Зари“ 1869 г., было закончено в девятой сентябрьской книжке.

„Где наконец печатается Заря“ — первые три книжки „Зари“ за 1869 г. печатались в типографии Ю. А. Бокрама, с 4-й книжки печатание журнала было перенесено в типографию Майкова.

ПИСЬМО 355

Датируется по содержанию.

„Статью об романе Гончарова: Обрыв“ — статья П. В. Анненкова о романе И. А. Гончарова не появилась.

ПИСЬМО 356

„О Вашем намерении издать... журнал“ — Высказанное в недошедшем до нас письме к Писемскому намерение В. Г. Авсеенко осуществлено не было.

„Тургенев объявляет, что он кончил свою литературную деятельность“ — Речь идет о заключительных абзацах „Литературных воспоминаний“ Тургенева, напечатанных впервые в первом томе его „Сочинений“ 1869 г.:

„Мне хочется только перед прощанием сказать несколько слов моим молодым современникам, моим собратьям, вступающим на скользкое поприще литературы. Я уже объявил однажды, и готов повторить, что не ослепляюсь на счет моего положения. Мое двадцатипятилетнее „служение музам“ окончилось среди постепенного охлаждения публики — и я не предвижу причины, почему бы она снова согрелась“ („Сочинения“, ч. I, изд. бр. Салаевых, М. 1869, стр. XCVIII).

„Островский... принадлежит к враждебному лагерю“ — Писемский имеет в виду антидворянскую направленность творчества А. Н. Островского, шедшую в разрез с политической ориентацией В. Г. Авсеенко. В своих дальнейших критических статьях последний оценивал литературную деятельность Островского резко отрицательно. По мнению Авсеенко „упадок драматической литературы со стороны тона и внутреннего содержания шел крупными скачками от Грибоедова к Гоголю и от Гоголя к г. Островскому“ („Русский Мир“ 1874, № 57 (1. III), стр. 2). Говоря о различии отношения Островского и Гоголя к изображаемым им лицам из купеческой и мелкочиновничьей среды, Авсеенко в отношении пьес Островского делает следующий вывод: „Понятно, что театр, посвященный этой низменной среде, не только утрачивает всякую занимательность для лучших, образованнейших классов общества, но и приобретает некоторое принижающее действие на публику“ (там же). Эти взгляды Авсеенко, разумеется, были совершенно чужды Писемскому.

„Лев Толстой.., затевает что-то такое сам издавать“ — в 1868 г. Л. Н. Толстой начал готовить издание „Азбуки“, вышедшей в ноябре 1872 г.

„Клюшников... не кончил еще романа... для Зари“ — В. П. Клюшников, приступивший в конце 1869 г. к редактированию журнала „Нива“, в течение того же года печатал в „Заре“ свой роман „Цыгане“ (окончание

было помещено в декабрьской книжке). Следующим произведением Клюшникова была повесть „Не-марево“ („Заря“ 1871, кн. 2 и 4).

„Ваше бывшее намерение сойтись с Кашпиревым“ — В дальнейшем В. В. Кашпирев сохранил свое положение единоличного издателя и редактора „Зари“, привлекая В. Г. Авсеенко только в качестве постоянного сотрудника беллетристического (повесть „На распутье“ — 1870, кн. 9—12) и критического (статьи за подписью А.) отделов.

ПИСЬМО 357

На конверте адрес: „В Петербург. Его В-ю Павлу Васильевичу Анненкову. В доме Овсяникова на углу Итальянской и Надеждинской“.

„Странный эпизод в его ⟨Тургенева⟩ „Литературных воспоминаниях“ — очерк „По поводу „Отцов и детей»“, напечатанный впервые в составе „Литературных воспоминаний“ в первом томе „Сочинений И. С. Тургенева“ 1869 г. Об этом очерке И. С. Тургенев писал Писемскому 27 декабря ст. ст. 1869 г. — „Уж как-же ругают меня за статейку по поводу „Отцов и детей“! Беда! Даже Анненков вознегодовал. Вы одни взглянули прямо, сказавши, что „верно так оно на деле произошло“. — Могу уверить вас, что каждое слово в этой статейке — *непреложная истина*, а впрочем — пускай делают и думают, что хотят!“ („Новь“ 1886, т. XII, № 23, стр. 188).

ПИСЬМО 358

На конверте адрес: „В. Петербург. Его В-ю Павлу Васильичу Анненкову. На углу Итальянской и Надеждинской в доме Овсяникова“.

В ответном письме А. Ф. Писемскому, ошибочно датированном „10 января 1870“ (вм. „февраля“), П. В. Анненков сообщал:

> Проект преобразования губернского правления действительно находится в комитете министров, в марте действительно он назначен к рассмотрению (но поспеет-ли: это на двое бабушка сказала) и наконец, действительно, советники переименовываются в члены губернского совета, но, конечно, не все, а по выбору и назначению губернатора и министра. В дополнение можно сказать, что весь проект губернского совета есть сколок с французских генеральных советов при префектах; в нем будут заседать также и председатели палат, и управляющие разными ведомствами. Сказать, будет-ли лучше губернским нынешним советникам — тяжело. Которые попадут в члены совета — будет лучше, а которые в должности специальные (начальник отделения и т. п.) хуже. Мысль о губернском совете совпадает с мыслию об увеличение и власти и влияния губернаторов, так как соединенное собрание всех управляющих под его председательством даст ему возможность входить во все дела местной администрации. Вот все, что я узнал.
>
> А теперь — вам личный вопрос. Не вижу причин, кроме разве болезни, теперь-же выходить в отставку. Будет время сделать это, когда и опубликуется проект, ибо эта перемена фронта не может сделаться на военный манер, по команде, мгновенно. Одно назначение советников, открывающее громадный простор интригам и домогательствам, займет много времени. Тогда, буде заблагорассудите, и вы подымете голос, а до тех пор живите, если еще в терпеж, тихо и безмятежно. Таков мой совет. („Новь“ 1888, т. XXIII, № 20, стр. 202).

Преобразование Губернских правлений было осуществлено значительно позднее, 9 марта 1876 (см. „Министерство Внутренних Дел Истор. очерк“. СПБ. 1901, т. I, стр. 132).

ПИСЬМО 359

„Пишется мне совсем тупо" — Речь идет о романе „В водовороте", напечатанном впервые в журнале „Беседа" за 1871 г. (№ 1—6). В переписке Писемского других указаний, касающихся работы над романом, не имеется. Автограф романа также не сохранился. Случайно уцелел следующий набросок плана середины второй части романа, относящийся, повидимому, к осени 1870 г.:

6) родины Елены и все последующ<ие> за оным совещания.
7) [проце] Елизавета Петровна, проце<дура> с нею Елпидифора, свиданье с дочерью.
8) сближение княгин<и> с М<иклако>вы<м>.
9) сближение Николя с Петицк<ой.>

(Пушкинский Дом, автограф на обороте рукописи Н. А. Писемского, содержащий перевод статьи Френкеля о „Тысяче душ", напечатанной в „Nationalzeitung" за 1869 г., № 501).

ПИСЬМО 360

На конверте адрес: „В Петербург. Его В-ю Павлу Васильичу Анненкову. На углу Итальянской и Надеждинской, дом Овсяникова".

„В начале прошлого месяца я получил от него (Тургенева) письмо" — см. письмо И. С. Тургенева к Писемскому от 10 (22) февраля 1870 г. из Веймара, „Новь" 1886, т. XII, № 23, стр. 188.

„Я ему ответил и даже с некоторыми вопросами" — в недошедшем до нас письме, судя по ответу Тургенева, Писемский запрашивал своего корреспондента об отзывах иностранной критики о немецком переводе романа „Тысяча душ". („Tausend Seelen". Roman in vier Theilen, von Alexis Pissemski, aus dem Russichen übertragen von Dr. L. Kayssler. Berlin, 1870).

При письме от 3 (15) апреля 1870 г. из Веймара Тургенев посылал Писемскому ряд вырезок из немецких газет и сообщал, что переводчик Кайслер „прилежно трудится над «Взбаламученным морем»". Содержание недошедшего письма Писемского восстанавливается также отчасти по следующему абзацу ответа Тургенева: „Из вашего письма я вижу, что вы хандрите, жалуетесь на здоровье (желудок) и трусите холеры" („Новь" 1886, т. XII, № 23, стр. 188—189).

ПИСЬМО 361

На обороте второго листка: „Его В-ю Борису Николаевичу Алмазову". Датируется по связи с письмами 362 и 363.

„Нужно поговорить ... по поводу твоей поэмы" — Поэма Б. Н. Алмазова (вольный перевод из испанского „Romancero") „Король Родриго", законченная им 4 марта 1870 г., была напечатана только в августовской книжке (стр. 3—27); в дальнейшем вошли в „Стихотворения" (М. 1874, стр. 203—230) и „Сочинения" (т. II, М. 1892, стр. 47—72) Алмазова.

„Имею надобность купить... его толковый словарь" — Первое издание „Толкового словаря живого великорусского языка" В. И. Даля было осуществлено в Москве в 1863—1866 гг. (4 т.т.) Обществом любителей российской словесности.

ПИСЬМО 362

На обороте второго листка: „Его В-ю Борису Николаевичу Алмазову".

ПИСЬМО 363

На обороте второго листка адрес: „Его В-ю Борису Николаевичу Алмазову в доме Шереметева, в Шереметьевском переулке".

Датируется по связи с письмом 362.

ПИСЬМО 364

На конверте адрес: „Его В-ю Павлу Васильичу Анненкову. На углу Итальянской и Надеждинской, д. Овсяникова".

Предположенное С. А. Юрьевым издание — „Беседа. Журнал ученый, литературный и политический", выходивший в течение 1871 и 1872 г. В этом журнале был впервые напечатан роман Писемского „В водовороте".

ПИСЬМО 365

На обороте адрес: „Его В-ю Аполлону Александровичу Майкову. У Спаса во Спаском, в Спаском переулке, в своем доме".

Датировка определяется почтовым штемпелем: — „Москва, 1870 11 дек.".

ПИСЬМО 366

6 апреля 1871 г. Н. С. Лесков писал из Петербурга Писемскому по поводу его романа „В водовороте":

> Не мне писать вам похвальные листы и давать „книги в руки", но по нетерпячести своей не могу не крикнуть вам, что вы богатырь! Прочел я 3 книжку „Беседы"... молодчина вы! Помимо мастерства, вы никогда не достигали такой силы в работе. Это все из матерой бронзы; этому всему века не будет! Подвизайтесь и не гнушайтесь похвал „молодших людей" радующихся торжеству ваших сил и желающих вам бодрости и долгоденствия („Новь" 1895, № 9, стр. 289).

Более подробный отзыв о том же романе „В водовороте" Н. С. Лесков дал в письме от 17 мая 1871 г. в ответ на письмо Писемского от 12 апреля:

> Я прочел вчера IV кн. „Беседы" и совсем в восторге от романа и восторге не экзальтационном, а прочном и сознательном. Во-первых, характеры поражают верностию и последовательностию развития; во-вторых, рисовка артистическая; в-третьих, экономия соблюдена с такою строгостию, что роман выходит совсем образцовый. (Это лучшее ваше произведение). А наипаче всего радуюсь, что... „орлу обновишася крыла и юность его".
>
> Роман ваш вообще публике нравится, но конечно имеет и хулителей, но и их нападки (очень грубые) направлены против одного, что „очень де нескромно и цинично". Вот вам здешние толки о вас, передаваемые со всею искренностью и прямотою. Я относительно „скороми" имею свои мнения и не почитатель ее. По моему она имеет для автора то неудобство, что дает на него лишний повод накидываться, а читателя немножко ярит и сбивает чересчур на известный лад, но „у всякого барона своя фантазия", а что эти осудители говорят по поводу „Водоворота", то это вздор, ибо за исключением сцены в Роше де Конкаль и глагола „ты ее изнурил", остальное ни мало не шокирует. Сцена же родов так целомудренно прекрасна, что в ней „виден бог в своем творении" и ее надо ставить рядом со сценою

родов Домби у Диккенса. Это просто грандиозно и на такой-то цинизм помогай вам бог, что бы кто ни ворчал и ни шипел от безвкусия, мелкой злобы или безделья (там же, стр. 289—290).

ПИСЬМО 367

На конверте адрес: „Его высокородию Павлу Васильичу Анненкову В Петербурге, на углу Итальянской и Надеждинской, дом Овсяникова".

Проникшее с большим запозданием из иностранных газет („Echo du Soir", „Le Temps" и „Pall Mall Gazette") ложное известие о смерти П. Виардо Писемский мог прочесть в № 86 „Московских Ведомостей" от 24 апреля 1871 г. В газете сообщалось: „Парижская „Echo du Soir" извещает о кончине знаменитой певицы г-жи Полины Виардо".

Тургенев опровергал это известие в письме к П. В. Анненкову от 19 апреля ст. ст. из Лондона, см. „Русское Обозрение" 1898, кн. 3, стр. 13.

ПИСЬМО 368

Текст „прошения на высочайшее имя", за исключением подписи, начатой, по традиционной форме, в первом абзаце („К сему") и законченной во втором, писан чужой рукой.

Увольнение Писемского по прошению от службы состоялось 17 июня 1872 г. Выданный Писемскому „Аттестат", повторивший в своей первой части „аттестат" 1857 г. (см. примечание к письму 271) был дополнен следующими данными:

Приказом по Министерству Внутренних Дел, № 44 определен на службу в сие Министерство, с причислением к оному. 1865 Октября 20.

Министерством Внутренних Дел, согласно ходатайству Московского Генерал-Губернатора, назначен Исправляющим должность Советника Московского Губернского Правления. 1866 Апреля 30. Вступил в исправление своей должности 17 мая 1866 г.

Указом Правительствующего Сената от 20 Июня 1866 г. за № 155 произведен за выслугу лет в Коллежские Ассесоры со старшинством с 8 Января 1866 г.

Приказом по Министерству Внутренних Дел утвержден в должности Советника с 21 февраля 1867 г.

Приказом по Министерству Внутренних Дел от 25 Декабря 1868 года утвержден Старшим Советником Московского Губернского Правления. 1868 Декабря 25.

Высочайшим приказом по Министерству Внутренних Дел от 11 июня 1869 года произведен за отличие в Надворные Советники со старшинством с 1869 Января 8.

По журналам Московского Губернского Правления исправлял должность Вице-Губернатора в 1869 году: с 1-го по 7-е Января, с 13 Января по 14 Февраля, с 24 Февраля по 14 мая, с 26 Июня по 7-е Июля, с 7 Августа по 5 Ноября, с 9 по 16 Ноября; в 1870 г. с 8 по 19 Мая, с 20 Августа по 9 Ноября, с 11 Ноября по 2 Декабря и с 7 по 15 Декабря; в 1871 с 18 Января по 1 Февраля, с 1-го по 23 Марта.

Исправлял должность Московского Вице-Губернатора по журналам Губернского Правления, утвержденным в 1871 году: Апреля 16 — с сего числа по 19 Апреля; с 25-го Апреля — с сего числа по 2 Мая; 12 Мая — с 11 по 24 Мая — с 25 по 1 Июня; 11 Июня — с сего числа по 1 Июля; 17 Июля — с 12 по 21-е Июля; 16 Сентября: — с 16 по 29 Сентября; 14 Октября — с 11 Октября по 3 Декабря; в 1872 году: 7 Января — присутствовал этого числа вместо Вице-Губернатора при освидетельствовании нескольких лиц в умственных способностях; исправлял должность Вице-Губернатора по журналам Губернского Прав-

ления, утверженным: 20-го Января — с сего числа по 25-е Января; 4-го Февраля — исправлял 4-го Февраля; 14-го Февраля — с 8 Февраля по 2 Марта; 10 Марта – с 3 по 11 Марта; 22 Марта — с 14 по 30 Марта; 5 Апреля — с 3 по 28 Апреля; 16 Мая — с 8 по 15 Мая.

17-го Июня 1872 г. уволен, согласно прошению, со службы.

(Подписал): Губернатор *барон Ливен*

(ЛОЦИА, М. В. Д. Деп. Общ. Дел. Отд. 1 стол 1.—1868 г. № 332).

ПИСЬМО 369

Весной 1872 г. Комиссия о попечении рабочих, выделенная Комитетом по подготовке Всероссийской политехнической выставки в Москве, получила после продолжительных ходатайств разрешение на организацию при выставке Народного театра: 12 мая на заседании Комиссии под председательством профессора Московского университета М. Я. Киттары был избран Совет Народного театра, в состав которого вошли: М. Я. Киттары (председатель), Васильчиков (помощник председателя), Ф. Д. Нефедов (секретарь), Н. И. Архипов, И. Ю. Давыдов, А. Ф. Писемский, кн. Ф. М. Урусов, Н. А. Чаев, кн. В. А. Черкасский и Н. М. Щепкин. Активного участия в работе Совета Писемский не принял — он явился только совместно с другими членами совета на официальный прием к генерал-губернатору и взял на рецензию две пьесы, представленные для постановки в Народном театре (см. „История пролетариата в России“, сб. 10, М. 1932).

ПИСЬМО 370

„Препровожденные ко мне пьесы“ — учредители Народного театра, функционировавшего в Москве с 4 июня по 1 октября 1872 г. (см. примечание к предыдущему письму), не желая ограничиваться постановкой пьес классического репертуара, организовали конкурс на лучшую пьесу из народного быта. Две из присланных на конкурс пьес — „Дележка“ и „Приворожиха“ — были направлены на отзыв Писемскому, как члену Совета Народного театра, — обе они были по его рецензии забракованы. Не была принята к постановке и пьеса самого Писемского „Милославские и Нарышкины“. В Владимирском городском архиве, в бумагах Ф. Д. Нефедова, являвшегося секретарем Совета Народного театра, сохранились рецензии на трагедию Писемского С. М. Соловьева и Н. Горлова. Обе рецензии даны в письмах на имя председателя Совета М. Я. Киттары.

Милостивый Государь Модест Яковлевичь!

На письмо Вашего превосходительства от 19 июля за № 169, имею честь ответить, что в пьесе „Милославские и Нарышкины“ я отметил все неверности, как например кто назывался князем, когда князем не был, где говорили о тетках, которых не бывало и т. п. Относительно литературного достоинства я не судья и за успех на сцене я не ручаюсь; но я счел своею обязанностью указать, что старинные теперь уже непонятные слова, так же латинские большинству непонятные фразы не могут произвести хорошего впечатления на слушателей.

Примите уверение в истинном почтении и преданности Вашего покорного слуги.

29 июля 1872 г. *С. Соловьев*

Рукописный экземпляр пьесы Писемского с пометками С. М. Соловьева сохранился в Владимирском городском архиве в бумагах Ф. Д. Нефедова.

Второй рецензент, Н. Горлов, давая более снисходительную оценку трагедии Писемского, также воздерживался от рекомендации ее к постановке:

> Трагедия г. Писемского „Милославские и Нарышкины“ производит на читателей прекрасное впечатление, и нет сомнения, что и со сцены, при хорошем исполнении, она произвела бы сильное и полное впечатление на зрителей.
>
> Обнимая собою значительный промежуток времени, трагедия собственно показывает нам пять дней, события этих пяти дней мастерски очерченные, проводят перед глазами зрителя, довольно законченную картину из интереснейшего периода нашей истории. Большое число действующих лиц необходимых для стройного хода пьесы, не затруднило автора; многие из них, с искусством, составляющим особенность нашего даровитого автора, очерченные лишь немногими штрихами, стоят в воображении рельефно, как живые. К числу наиболее удавшихся принадлежат роли: царевны Софии, царицы Наталии Кирилловны, князь В. В. Голицын, Шакловитый и кн. Одоевский. Язык пьесы силен и образен.
>
> Петр, почти не появляющийся в трагедии, тем не менее постоянно чувствуется в ней; равно чувствуется и то, что вырабатывается из этого юноши царь.
>
> При всем том постановка этой пьесы, по мнению моему, на сцене Народного театра — невозможна. Главнейшим препятствием считаю значительные расходы на декорации (например третьего действия), костюмы для громадного числа статистов, постановка чрезвычайно эффектной и торжественной процессии в конце того же 3-го действия и проч. Помимо этих, так сказать, финансовых соображений, не должно упускать из виду и сказанного в начале этой записки: именно вполне хорошего исполнения, а следовательно — даровитых актеров. Без этого трагедия легко может получить вид отдельных сцен, без внутреннего содержания и связи
>
> *Н. Горлов*
>
> 17 августа 1872 года

ПИСЬМО 371

„Благодарю за ваше попечение о моем деле“ — При встречах с Н. С Лесковым в первой половине августа 1872 г. в Москве Писемский просил его переговорить лично с издателем „Гражданина“ князем В. П. Мещерским о помещении комедии „Подкопы“ („Хищники“) во втором „Сборнике Гражданина“. 17 августа 1872 г. Н. С. Лесков сообщал Писемскому из Петербурга:

> Желая не упустить ни мало времени для приступа к доверенным вами мне предварительным переговорам, я на второй же день по приезде осведомился о М‹ещерском› и его издании и имею честь сообщить вам нижеследующее. Самого сиятельного издателя нет в Петербурге, — он за границей и вернется лишь в начале сентября. Так говорят у него в доме. Редактор же его изданий, г. Г‹радовский› в деле ничего не значит и говорить с ним было бы несовместно с достоинством вашего предложения. Князь вас просил, — с ним надо вести и речи. Но вот что еще нужно вам иметь в виду: первый томик их гражданинского сборника вышел и уже раздается. Я просмотрел хотя бегло, но довольно внимательно эту тощую серожелтую книжку и не могу о ней сказать ничего лестного: очевидно одно, что издатель сильно заботился „пестрить обертку“... Второй... том, по словам служащих в конторе, уже будто-бы почти отпечатан и скоро выйдет, что и вероятно

так как с первого сентября опять уже должна выходить газета. Но отпечатан он или печатается, или даже приготовляется к печатанию, за верность этого вам не поручусь, а за что купил за то и продаю. Князю я послал записку, которою прошу его уведомить меня, когда он приедет и тогда тотчас-же с ним повидаюсь и вас о результате свидания и переговоров уведомлю. Может быть вторая половина его сборника и не полна, а может быть, он будет приобретать вашу пиесу для газеты: одним словом я все это приведу в ясность и незамедлю вас уведомить. Но как до этих переговоров еще есть время, ничем не рискуя, переписаться, то я хотел-бы знать ваше мнение на тот счет: согласны ли вы будете, чтобы ваша прекрасная пиеса печаталась не в сборнике, а в газете? Разумеется, я спрашиваю об этом единственно на тот конец, если справедливо, что и второй том сборника уже составлен и я услышу подтверждение этого от самого М<ещерского>...

По моему мнению: печатать ли пиесу в сборнике, или в газете—это совершенно все равно. Даже в газете лучше: она опрятнее и более читается („Новь" 1895, № 9, стр. 290).

В ответ на письмо от 20 августа Н. С. Лесков сообщал Писемскому 4 сентября 1872 г.:

Почтенное письмо ваше я получил, но не мог исполнить ваших поручений, потому что князя не было в Петербурге. На сих днях он приехал, но в особом настроении, исключающем всякое удобство свиданий с ним с моей стороны... О пьесе вашей я говорил в кружках и об ней напечатаны два раза добрые слухи в „Русском Мире." Лихих болестей здесь никаких нет и вам надо бы пожаловать" (Там же, стр. 289).

Переговоры с В. П. Мещерским получили благоприятное завершение во во время пребывания Писемского в Петербурге в конце сентября — начале октября 1872 г. В заметке „От редакции" в № 24 „Гражданина" от 16 октября в перечне содержания „второго сборника журнала „Гражданин", выпуск которого намечался на „последнюю половину ноября", значилось „2) Подкопы. Оригинальная комедия в прозе, в пяти действиях А. Писемского" (ср. повторные оповещения о том же в № 26 и № 30 „Гражданина" от 30 октября и 27 ноября 1872 г., стр. 288 и 398).

ПИСЬМО 372

Дата записки устанавливается при сопоставлении с письмом Н. С. Лескова к С. А. Юрьеву от 10 сентября и письмом Писемского к Н. С. Лескову от 19 сентября 1872 г. 10 сентября 1872 г. Н. С. Лесков писал редактору журнала „Беседа" С. А. Юрьеву: „Три года тому назад я отдал Вам переписку первого освободителя крестьян, статистика Журавского с графом Перовским. Три года Вы ее держите, обещая напечатать и все не печатаете... Усердно прошу Вас решиться как нибудь кончить эту комедию, вперед Вас заверяя, что я не могу оставить этого еще на неопределенные времена". Речь идет о неопубликованной работе Н. С. Лескова „Из глухой поры. Переписка Дмитрия Петровича Журавского и два письма Льва Александровича Нарышкина (1843—1847)", автограф которой хранится в настоящее время в Государственном Литературном Музее в Москве, куда поступил в августе 1932 г. от А. Н. Лескова. О судьбе этой рукописи Н. С. Лесков писал И. С. Аксакову 23 декабря 1874 г.:

Журавского мне было не дивно обрисовать,—я его тоже знал и он едва ли не первое живое лицо, которое во дни юности моей в Киеве, заставило меня понимать, что добродетель существует не в одних отвлечениях. Статью Юрия Федоровича о Журавском я отлично знаю и пользовался ею для составления очерка о Журавском при основании журнала, который направляли Юрьев и Майков <„Беседа">. Мне в то время были присланы Веригиным письма Журавского к Веригину, к Нарышкину и к Перовскому, — письма в высшей степени интересные для определения характера времени и выражения освободительных идей покойного Дмитрия Петровича. Тут же находятся спокойные, но меткие аттестации, положенные Журавским Нарышкину и Перовскому. Все это я собрал, переписал и, приведя в начале статьи слова Ю. Ф. Самарина о значении Журавского, послал мою статью в „Беседу" Юрьева. Мне казалось, что этой Беседе очень бы хорошо договорить по вновь открывшимся материалам то, что было недоговорено Ю. Ф. вскоре после смерти Журавского. Юрьев так это и понял, и у меня по этому поводу образовалась особая литература из писем почтенного Сергея Андреевича. Однако Майков, или какой-то другой, ему посоветывал не заниматься такими мелочами как Журавский, — борец de facto за права человека в России, в самую глухую пору и Юрьев рассудил за лучшее сначала отложить, а потом совсем потерять мою статью. Дивными путями Писемский как-то проник, где ее надо было искать и прислал ее мне уже гораздо после прекращения кошелевской, или юрьевской „Беседы". Потом эти письма ездили к П. И. Бартеневу и его они тоже не заняли: никакого эффекта нет. Жертвовал я их и Семевскому, — этому велики очень (их будет листа на 3). Теперь просит их у меня Шубинский, который заводит старину с портретами, но а где же взять портрет Д. П. Журавского. — у меня нет его портрета. Нет ли у Юрия Федоровича. Какое бы доброе дело он сделал если бы, имея таковой, ссудил им на время; а то земля русская дала бедняку Журавскому три аршина, а русская литература не хочет дать трех листов для того, чтобы сберечь самые задушевные слова превосходнейшего из людей. (Из неопубликованного письма, хранящегося в Рукописном отделении Пушкинского Дома).

Резкое письмо Н. С. Лескова заставило С. А. Юрьева передать „тетрадку" Писемскому для возвращения ее автору. Записка последнего к Лескову с извещением о получении рукописи помечена воскресеньем и могла быть написана между 10 и 19 сентября, когда определился близкий срок поездки Писемского в Петербург и выяснилась возможность непосредственной передачи из рук в руки „тетрадки" Лескова. Между 10 и 19 сентября 1872 г. воскресенье приходилось на 17-е число.

ПИСЬМО 373

В письме от 15 сентября 1872 г. Н. С. Лесков запрашивал Писемского: „Напишите-ка мне до приезда своего: не прочтете-ли вы своей пьесы <„Подкопы"> прежде литературным людям, которые по тому или по другому к М<ещерскому> теперь не бывают? Я бы советовал это сделать, ибо в числе таких людей много хороших друзей ваших (например, Авсеенко и др.). Если вы найдете, что это хорошо и не откажете нам в этом удовольствии, то не изберете-ли мой дом, где люди нашего кружка бывают без чинов и без претензий. Соберемся как вы укажете, потеснее или пошире, и отворим двери только тому, кто вам приятен" („Новь" 1895, № 9, стр. 289).

ПИСЬМО 374

Писемский выехал из Москвы еще в сентябре, совершив путь до Петербурга в одном вагоне с известным славистом Л. Леже, с которым незадолго до того познакомился. См. L. Leger, Souvenirs d'un slavophile, P. 1905, p. 104, 114.

ПИСЬМО 375

Записка набросана синим карандашом, без конверта, с адресом на чистой страничке сложенного почтового листа: „Его В-ю Николаю Семеновичу Лескову. На Фурштатской, № 62" (адрес написан тем же карандашом, но затем обведен чернилами).

ПИСЬМО 376

Приблизительная дата письма устанавливается на основании содержащегося в нем сообщения об истечении месячного срока со дня представления на предварительную цензуру пьесы, обещанной Мещерскому. Речь идет о комедии „Хищники", предназначавшейся во второй „Сборник Гражданина" и переданной на цензурное рассмотрение под заглавием „Подкопы" во время пребывания Писемского в Петербурге в конце сентября — начале октября 1872 г. Цензурную историю комедии см. в примечаниях к письмам 377 и 378.

ПИСЬМО 377

Полная дата (год) устанавливается сопоставлением с письмом Писемского к А. А. Краевскому от 30 ноября 1872 г.

„Пьесу мою прихлопнула цензура" — в заметке „От редакции" в № 30 „Гражданина" от 27 ноября 1872 года сообщалось: „Вторая книга „Гражданина", обещанная годовым подписчикам 1872 г, с комедией г. Писемского: „Подкопы" и драмою г. Майкова: „Два мира", окончена печатанием 23 ноября и если в семидневный срок задержана не будет, выйдет 1-го декабря". Опасения редакции оправдались — комедия Писемского была запрещена и, по требованию цензуры, вырезана из второго „Сборника Гражданина". И. А. Гончаров, запрошенный Писемским одновременно с Н. С. Лесковым о причинах запрещения комедии, сообщал ее автору в письме от 4 декабря 1872 г.:

> Известие о приостановлении Вашей комедии, почтеннейший и любезнейший Алексей Феофилактович, не мало озадачило меня. Этого я ожидал бы всего менее. Незадолго перед Вашим письмом, мне один, прикосновенный к делам прессы, чиновник даже сказал, что пьеса Ваша с переменами, которые будто Вы в ней сделали, не-невозможна и для сцены.
>
> И вдруг – бац!
>
> По просьбе Вашей, я, несмотря на свое нездоровье, третьего дня отправился за справкой — и узнал, что пьеса в комитет министров представлена не будет, что ее отдали князю Мещерскому, а он будто отправил ее к Вам для указанных каких-то переделок и т. п., что Вы теперь уже, вероятно, сами знаете.
>
> И в газетах, между объявлениями, я прочитал заявление князя Мещерского, что сборник вышел без Вашей пьесы „по независящим от редакции обстоятельствам", далее, что он отправил пьесу к Вам и — по получении от Вас — разошлет ее подписчикам отдельно.
>
> Стало быть, если все это случилось, Вы уже знаете все больше, нежели я могу Вам сказать.

Я спрашивал о причине задержки и получил в ответ, что единственная причина — это щекотливость высшей администрации, которую Вы затронули в живой картине интриг и взаимного подшибательства. Теперь спрашивается: каким образом Вы можете изменить что-нибудь в пьесе так, чтобы она прошла. Надо изменить все, т. е., значит, написать другую пьесу.

По мнению И. А. Гончарова за официальным мотивом запрещения комедии мог скрываться другой — опасение, что в пьесе воспроизведены под прозрачными псевдонимами исторические лица:

Но Вы слишком уважаете искусство и себя, чтобы уронить себя до личности и пасквиля. Имя и перо Ваше никогда не осрамились этим — и при этом в этой комедии соблюдены строго все литературные и человеческие приличия, а на личности и намека нет. Даже не разберешь, какие именно роды службы или ведомства на сцене, — так искусно умели Вы обойти всякий повод к какому-нибудь определению или указанию. („Новь“ 1891, т. XL, № 13—14, стр. 40—41).

Вырезанная в ноябре 1872 г. из сборника Мещерского комедия „Подкопы“ появилась в печати в №№ 7, 8, 9 и 10 „Гражданина“ за следующий, 1873 г. Дальнейшую цензурную историю пьесы см. в примечаниях к письму 378. Ср. также письмо И. А. Гончарова к Писемскому от 13 января 1873 г. (там же, стр. 42). Упомянутое Гончаровым объявление о выходе второй книги (сборника) „Гражданина“ появилось в № 330 „С. Петербургских Ведомостей“ от 1 декабря 1872 г. В нем сообщалось: „по причинам, редакциею не предусмотренным, комедия А. Писемского „Подкопы“ возвращена автору. По получении от автора, она будет доставлена г. г. подписчикам особо“.

Цензурные мытарства пьесы „Подкопы“ Н. С. Лесков изложил в анонимной заметке в № 264 „Петербургской Газеты“ от 26 сентября 1885 г.:

ЗАПОВЕДЬ ПИСЕМСКОГО

Об Алексее Феофилактовиче Писемском говорили, что он большой „трус“, — и в самом деле он был чрезвычайно жизнелюбив, подозрителен и осторожен. Очень часто он доводил свою осторожность до крайности. (Так напр. он одно время находил опасным ходить по тротуарам, потому что стоящие вдоль тротуаров упряжные лошади „могут фыркнуть“). Писемский боялся сапа... Но если над подозрительностью и трусливостью Алексея Филатыча начинали подтрунивать, то он отшучивался если не всегда остро, то всегда более или менее оригинально, — хотя под-час и грубо. Раз, когда Писемский привез в Петербург из Москвы рукопись пьесы „Подкопы“, он совсем расстроился от множества неудач, которые встретил при хлопотах об устройстве этой пьесы. С ней все шло как будто заклятое, — и даже самое заглавие ей долго не давалось. Писемский это чувствовал и говорил Н. С. Лескову:

— Я родил, брат, и умираю. Предаю дух мой. Мне силы нет подумать об имени этого ребенка... Я изнемог в муках рождения... Ты по поповской части очень усерден — ты нареки сему чадищу имя. Только смотри, чтобы кличка была по шерсти. (У г. Лескова есть экземпляр этой пьесы без цензурных пропусков и с любопытными, хотя крайне нецензурными начертаниями, сделанными рукою Писемского).

Пьесу кой-как „окрестили собором“, но духа злобы от нее все-таки не отогнали, и несчастия ее преследовали. Тогда Алексей Филатыч везде стал заподозревать против себя „личности“ и особенно

много и кажется напрасно обвинял одного „юркого литератора“, известного в кружках отменною способностью сплетничать. Это наконец надоело тому, кто должен был в эту пору часто выслушивать жолчное ворчанье Писемского, и тот сказал Алексею Филатовичу:

– Как вам не стыдно всего так бояться? Эго в таком крупном человеке как вы — даже противно!

– Вот тебе и раз! возразил как бы удивленный Писемский: отчего-же бояться стыдно? А если у меня это врожденное?

— Да; но личность, которой вы теперь боитесь — такая сущая ничтожность...

— Вот потому-то я его и боюсь, что он ничтожность. Крупному человеку у нас всякий ногу подставит и далеко не пустит, а ничтожность все будет ползти и всюду проползет. А потому бойтесь, ребята, ничтожества и покланяйтесь ему. Сие есть «моя заповедь роду грядущему».

Ср. также введение к очерку „Однодум“, в котором Н. С. Лесков рассказывал, как при нем „в сорок восьмой раз умирал один большой русский писатель“ — мнительный А. Ф. Писемский.

Под упоминаемым в заметке „юрким литератором“ Лесков подразумевал Г. П. Данилевского.

„Пришлите мне и экземпляр „Соборян“ — экземпляр вышедшего осенью 1872 г. первого издания романа „Соборяне, Старгородская хроника Н. Лескова (Стебницкого)“ (Москва, в университетской типографии).

ПИСЬМО 378

„Пьесу мою „Подкопы“... цензура задержала“ — см. примечание к предыдущему письму. А. А. Краевский принял участие в хлопотах по проведению комедии Писемского через цензуру еще в начале октября 1872 г. Именно у Краевского было устроено, во время пребывания Писемского в Петербурге, чтение пьесы — в целях создания благоприятного общественного мнения и воздействия на цензурный комитет. Присутствовавший на чтении А. В. Никитенко занес в свой дневник под 5 октября: „Писемский читал свою новую комедию у Краевского. Комедия эта лучшее произведение его. Не знаю только, как он сладит с цензурою. Он хочет напечатать ее в „Гражданине“ кн. Мещерского. Писемский превосходно читает, и мне кажется, что кто слышал его комедию из его уст, тому не следует итти в театр на ее представление: она, наверное, будет сыграна там гораздо хуже, чем в чтении автора“ (А. В. Никитенко, Записки и дневник, изд. 2-ое, СПБ. 1905, т. II, стр. 464).

„Мне нельзя ехать... в Петербург“ — вторичная поездка Писемского в Петербург в связи с хлопотами в цензуре об одобрении комедии „Подкопы“ все же состоялась в начале декабря 1872 г. Под 6 декабря Никитенко записал в своем дневнике: „Был у меня Писемский. Комедии его не пропускает цензура. Он объяснялся с Тимашевым, который объявил ему, что комедия может пройти, если он спустит действующих лиц пониже, т. е. директоров и товарищей министров оставит в покое. Он тоже объяснялся с Лонгиновым, но тщетно. Когда Писемский спросил у него: „Как же и о чем писать?“ тот отвечал ему: „лучше вовсе не писать“. Автор обещал, однако, исправить свою пьесу, т. е. не ставить действующих лиц в разряд высших чиновников, а просто отделаться общими характерами“ (А. В. Никитенко, Записки и дневник, изд. 2-ое, СПБ. 1905, т. II, стр. 471).

Представить комедию „Подкопы" на уваровский конкурс Писемскому еще в 1872 г. советовал И. А. Гончаров: „Я полагаю, что если бы Вы представили ее на академический суд, то Академия не отказала бы в премии. Она, т. е. Академия, все еще совестится, кажется, — (и основательно), что не увенчала премией „Смерть Иоанна Грозного", когда общественное мнение высоко поставило драму, и потому теперь судит другие пьесы строже. Но пора уже ей забыть свой промах и не скупиться слишком на награду!" (см. письмо от 20 октября 1872 г., „Новь" 1891, т. XL, № 13—14, стр. 40). Из приводимого ниже отзыва А. В. Никитенко видно, что комедия имела шансы на присуждение ей награды, но Писемский при настоящем письме представил на тот-же (18-й) уваровский конкурс драматических произведений гораздо более значительное произведение — „Ваал" (см. письмо 385), чем предопределил отрицательное решение вопроса о присуждении награды „Подкопам".

Кроме двух пьес Писемского, на восемнадцатое „соискание уваровских наград" были представлены: 1) „Дан горшок — хоть об угол", драматический очерк из народного быта в 4 действиях С. А. Соколовского; 2) „И один в поле воин" — комедия в пяти действиях В. А. Крылова; в письме, раскрывающем девиз, выражена просьба изменить название на „Земцы", под ним комедия и была напечатана в „Вестнике Европы" за 1874 г.; 3) „Снегурочка", весенняя сказка в 4 действиях А. Н. Островского (напечатана в „Вестнике Европы" за 1873 г.) и 4) „Разоренное гнездо", комедия в 4 действиях Д. Д. Минаева (напечатана вместе с „Песнями и сатирами" Д. Д. Минаева (СПБ. 1876). К сентябрьским заседаниям комиссии, назначенной Конференцией Академии Наук для рассмотрения драматических произведений, академиком А. В. Никитенко были представлены следующие отзывы о пьесах Писемского.

ПОДКОПЫ

комедия в пяти действиях Г. Писемского

Содержание пьесы заимствовано из нашего административного мира. Основная идея ее заключается в изображении тех интриг, какими разные чиновные лица стараются достигнуть высших мест по службе. Чиновник Андашевский служащий при графе Зырове, с помощию своей злой и честолюбивой жены, дочери графа, старается столкнуть последнего с значительного поста его и стать на его место, несмотря на то, что он взяточник и плут изобличенный даже печатью, хотя не назвавшею его по имени, однако довольно ясно намекающей на него. Этот то Андашевский ведет подкопы под своего тестя, и повидимому, близок к успеху. Он подобрал себе помощников, людей неспособных и нечестных, которые с первого же раза при докладе дел, им вверенных, изобличили свою неспособность и незнание. Тем не менее они полагаются при пособии своего патрона исполнять значительные должности. Но главное дело его и их, чтобы скорее очистилось место графа Зырова, на которое и должен со славою воссесть Андашевский. Для этого он решается склонить на свою сторону также весьма высокопоставленное лице Михайла Семеновича, располагающего всеми важнейшими делами по управлению. Граф Зыров по старости своей действительно не мог долго оставаться на службе и должность его надобно было возложить на другого. Но в то время, когда Андашевский торжествовал свое определение, осно-

ываясь на некоторых двусмысленных речах Михаила Семеновича, которые он принял за решение в свою пользу, вдруг ему объявляют что граф Зыров с почетом увольняется от службы и на его место определен некто Карга-Короваев. Подкопы значит потерпели полное фиаско.

Хотя пьеса Подкопы не лишена драматического интереса и могла бы с честию конкурировать с другими представленными для получения премии пьесами, но как во всяком случае она уступает в достоинстве драме того же автора: Ваал и по идее менее обширной чем идея последней и по психологическим данным, слишком обыкновенным в нашей литературе, то я не считаю нужным обременять комиссию подробным ее разбором. (Автограф, Архив Пушкинского Дома АН).

ВААЛ

драма в четырех действиях Г-на Писемского

Нравы нашего века, как известно всем мыслящим и не мыслящим людям, отличаются особенною преимущественно ему свойственною чертою — непомерным всепоглощающим стремлением к обогащению. Правда, богатство везде и всегда ценилось высоко; но в наше время оно сделалось предметом какого то обоготворения, исключающего все прочие верования, верование в честь, в нравственное достоинство человека, в истину, — оно стало источником, из которого черпается одушевление на самые невероятные подвиги. Герои биржи, герои концессий и всякого рода спекуляций по широте замыслов своих, по мужеству, с которым они превозмогают все препятствия, противуставляемые им совестию и законом, по могуществу и власти, какие они приобретают над современниками, по истине превосходят всех героев Илиады и великих мужей Плутарха. Все преклоняются пред ними, все ищут их внимания, дружбы: даже порядочные люди, втайне сознающие их непотребства, и те не гнушаются пожимать им руку. И замечательно, что такие слова напр. как негодяй, плут, мошенник, теряют свое значение, когда прилагаются к словам: „он богат". Богатство имеет магическую силу смывать с человека все его нравственные нечистоты и в то же время превращать в какой-то уважаемый принцип отсутствие всех тех качеств, которые составляют истинное достоинство существа разумного. Все это даже не порок века, потому что никто его не признает таким; это просто состояние вещей, факт совершившийся в силу исторической логики, а пред фактом смиряются все умственные и нравственные соображения.

Вот эту то глубокую язву времени автор названной нами драмы выставляет на показ. ⟨*Следует пространный пересказ пьесы*⟩.

Пьеса Писемского есть серьезное художественное произведение литературы. Основная идея ее вполне современна. Впрочем не в этом дело. Как бы многозначительна ни была сама по себе идея в драматическом произведении, она служит только выражением ее целости, единства и связию, соединяющую ее части. Но собственно драма есть художественное изображение человека в наисильнейшем напряжении его воли, и творчество поэта-художника обнаруживается здесь в создании характеров, проявляющих свою энергию в предприятиях и поступках для достижения известной определенной цели и в борьбе с различными препятствиями. Как подобное содержание вполне осуществляется только посредством представления его в настоящем очерчиваемом известными границами, то из этого возникает и особенная форма драмы с ее сценическими принадлежностями. Но соблюдение общих условий драмы все еще не ручается за ее эстетическое достоинство. Оно зависит от *общего эффекта*, который есть не иное что, как живое и глубокое впечатление, возбуждаемое и поддерживаемое

> целым развитием пьесы и ее деталями. Этот эффект есть уже плод не одного соображающего ума, но таланта, способного придать жизненный интерес характерам и их положениям. Разумеется тут, в созданиях искусств, как и во всех человеческих произведениях, есть степени совершенства. От Шекспира и Мольера до какого нибудь из новейших даже даровитых драматургов, расстояние огромное. Но тем не менее мы должны отдать справедливость писателю, если он с достаточным успехом сумел воспользоваться средствами драмы для возбуждения сочувствия к вопросам и предметам представляющим общественный или нравственный интерес более, чем какой бы то ни был писатель другими формами искуства: эту справедливость мы должны оказать и нашему Русскому писателю, автору Ваала. Мы видели какую задачу избрал он для своей пьесы. В конце ее он так формулирует ее устами одного из действующих лиц: „приими Ваал еще новые две жертвы! Мучь и терзай их сердца и души, кровожадный бог в своих огненных когтях. Скоро тебе все поклонятся в этот век без идеалов, без чаяния и надежд, век медных рублей и фальшивых бумаг". Мы однако же должны сказать, что эта задача нигде не является у автора в качестве предвзятой мысли, к которой бы ощутительно и очевидно пригонялись все лица и сцены. Ничего дидактически подготовленного, никаких аргументаций, доказываемой или изъясняемой идеи нет; действие развивается совершенно свободно в духе обстоятельств и нравов, захваченных автором в свое эстетическое заведование, так, что пред вами является жизнь сама собою, а не сложенная по авторскому замышлению. Это дает пьесе тот объективный характер, который особенно требуется от драмы. Взаимные отношения, появления, разговоры и положения действующих лиц так естественны и просты, что читатель или зритель может по ним припоминать знакомых ему в действительности людей. Чувствования, страсти олицетворяющиеся в характерах этих лиц, не вымышлены, они суть продукт и достояние века, и желая изобразить в своей пьесе этот век в одном из самых резких его проявлений, автор достиг своей цели не прибегая ни к каким ухищрениям, преувеличениям и т. п. Нельзя не обратить внимания даже на второстепенные лица; и они примыкают к известному кругу людей, действительно существующих и составляют их типические выражения. *<Следуёт характеристика Толоконникова и Куницына>*
>
> И так со стороны характеров пьеса Г. Писемского отличается замечательным достоинством. Все они верны текущей действительности, которую автор имел в виду, а для драмы по существу своему не обязанной, так сказать, возвышаться до идеалов, главная задача в типическом изображении этой действительности. При том лица, выведенные автором на сцену, не олицетворения каких нибудь понятий, а живые действующие лица — и этим удовлетворено одно из существеннейших требований драмы. Архитектоническая сторона пьесы, представляет стройное, хорошо сложенное целое. Нет растянутости, столь обыкновенной во многих из наших литературных произведений, ничего что не относилось бы к основной идее. Сцены развиваются и связываются одна с другой естественными отношениями необходимо вытекающими из идеи. Диалоги написаны чистым разговорным языком. (Там же).

Заключение отзыва показывает, что на этот раз у Писемского были все данные для получения уваровской премии. Тем не менее ни Писемский, ни Островский и на этот раз премии не получили. На заседаниях комиссии в составе академиков А. В. Никитенко, А. Ф. Бычкова, М. И. Сухомлинова, Я. К. Грота и А. А. Куника под председательством непременного секретаря К. С. Веселовского — 6 и 10 сентября 1874 г. — А. В. Никитенко „обратил внимание членов комиссии на достоинства двух пьес, дающие, по его

мнению, право их авторам на награждение Уваровской премией, а именно комедии, „Разоренное гнездо", автора, скрывшего свое имя под девизом „To be or not to be", и драмы А. Писемского „Ваал". Затем был предложен вопрос: заслуживает ли неизвестный автор комедии „Разоренное гнездо" награждения Уваровской премией? По баллотированию сего вопроса шарами, оказалось, что означенный автор соединил в свою пользу 5 одобрительных голосов против одного неодобрительного. Вследствие сего, согласно § 13 Положения о наградах графа Уварова, комедия „Разоренное гнездо" признана увенчанною большой Уваровской премией (в 1500 руб.). По произведенной за сим баллотировке вопроса о том, удовлетворяют ли какие либо из прочих конкурсных пьес условиям, требуемым Положением об Уваровских наградах для присуждения премий, — этот вопрос большинством 4 голосов был решен в отрицательном смысле, вследствие чего признано, что никто из авторов этих пьес не заслуживает награждения Уваровской премией". (Дело Конференции Академии Наук № 453, л. 81—82).

ПИСЬМО 380

„Ваал" — драма в четырех действиях, впервые напечатанная в апрельской книжке „Русского Вестника" за 1873 г. (стр. 482—567). См. примечание к письму 379.

ПИСЬМО 381

На подлиннике в Главном Управлении по делам печати были сделаны следующие пометки: 1) ⟨получено⟩ 20 марта 1873, 2) „Ваал отослан в Дирекцию 4 мая ⟨1873 г.⟩ за № 2564". Сохранился отпуск ответного отношения Главного Управления:

Г. Московскому Обер-Полицеймейстеру

Жительствующий в Москве, на Поварской улице, в Борисоглебском переулке, в собственном доме, литератор А. Писемский представил в Главное Управление по делам печати на рассмотрение драматической цензуры две пьесы своего сочинения: комедию в 5 действиях „Подкопы" и драму в 4 действиях „Ваал" прося отослать процензированные экземпляры оных в Дирекцию императорских театров.

Вследствие сего, препровождая при сем к Вашему Превосходительству один экземпляр пьесы „Подкопы", Главное Управление по делам печати имеет честь покорнейше просить Вас, М⟨илостивый⟩ Г⟨осударь⟩, приказать возвратить эту пьесу Г. Писемскому и объявить ему, что она признана к представлению неудобною, но что другая его пьеса „Ваал", разрешенная к представлению, отослана в Дирекцию императорских театров при отношении от 4 сего мая за № 2564 (подписал).

Начальник Гл. Упр. по д. п. *Лонгинов*

(Дело № 1 Главного Управления по делам печати за 1873 г., ЛОЦИА). Отправлено отношение было 16 мая 1873 г. за № 2931.

ПИСЬМО 383

„Что твои собаки?" — речь идет о поэме Я. П. Полонского „Собаки", впервые опубликованной в 1875 г. в журнале „Пчела" (№№ 2, 3 и 6).

ПИСЬМО 384

„Ваал“ — см. примечание к письму 380.

„Недурно бы им в Русском Вестнике... завести критическое обозрение“ — предложение Писемского В. Г. Авсеенко было принято. Начиная с майской книжки 1873 г. до 1877 г. им был помещен ряд чрезвычайно резких критических статей — по поводу сочинений Н. А. Некрасова, Г. И. Успенского, Ф. М. Решетникова, Н. Ф. Щербины, Ф. М. Достоевского, А. И. Пальма, Л. Н. Толстого, В. В. Крестовского, П. В. Анненкова, Я. П. Полонского, П. И. Мельникова и др. Воинствующая реакционность критических установок В. Г. Авсеенко неоднократно заставляла представителей демократической литературы вспоминать имя Булгарина.

ПИСЬМО 387

„Пьеса моя „Ваал“ идет в ваш бенефис“ — комедия Писемского „Ваал“ была впервые поставлена в Петербурге на сцене Александринского театра в бенефис Н. Ф. Сазонова 12 октября 1873 г. Спектакль шел с участием Виноградова, Нильского, Сазонова, Монахова, Бурдина, Струйской 1 и Подобедовой 2 („С. Петербургские Ведомости“ 1873, № 281 от 12 октября).

ПИСЬМО 388

„Известие о смерти его <Н. А. Майкова> глубоко огорчило всех нас“ — Н. А. Майков умер в Петербурге 23 августа 1873 года (см. „Петербургский некрополь“, т. III, стр. 9).

ПИСЬМО 390

На подлиннике в департаменте народного просвещения были сделаны следующие пометки: 1) „Получено от Г. Упра<вляюще>го М<инистерст>вом“ 2) „Иметь в виду при получении представления г. Поп<ечите>ля <Московского Учебного Округа>. Г. Упр<авляю>щий М<инистерст>вом, при докладе 13-го окт<ября>, заявил, что было бы весьма желательным командировать г. Писемского ныне же“. Приведенные пометки, дата отъезда Писемского в Москву (по имеющимся данным 13 октября 1873 г.) и связь с следующим письмом — служат основанием для датировки письма.

„Сын мой... имеет быть представлен“ — см. следующее письмо и примечание к нему.

ПИСЬМО 391

На подлиннике в департаменте народного просвещения были сделаны следующие пометки: 1) „К докладу, вместе с представлением, в буд<ущую> субботу. 21 Окт<ября>“. 2) „Можно изготовить разрешительные бумаги 22 окт<ября>“.

„Представление о сыне моем“ — В своем отношении на имя управляющего министерством народного просвещения И. Д. Делянова попечитель московского учебного округа кн. А. П. Ширинский - Шихматов 17 октября 1873 г. писал:

> Совет Московского Университета, вследствие ходатайства Юридического Факультета и на основании произведенной баллотировки, по коей оказалось 34 избирательных и 2 неизбирательных шара, — вошел ко мне с представлением о командировании кандидата Писемского, состоявшего при Университете и выдержавшего экзамен

на степень магистра гражданского права, за границу, с ученою целию, на два года, для усовершенствования в этом предмете, с производством ему содержания из сумм Министерства Народного Просвещения. О таковом ходатайстве Университетского Совета имею честь представить на благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства.

(См. дело № 10/146206 департамента народного Просвещения] „о командировании кандидата московского университета Писемского за границу с ученою целию", ЛОЦИА).

Набросок третьего письма Писемского к И. Д. Делянову см. в примечании к 5-му письму Николая Писемского (Приложения).

ПИСЬМО 392

„Благодарю вас за уведомление о моей пьесе" — речь идет о постановке в Петербурге, на сцене Александринского театра, драмы „Ваал", (12 октября 1873 г.). В Москве „Ваал" был поставлен Малым театром 15 ноября того же 1873 г. в бенефис Богданова (см. „Московские Ведомости" 1873, № 288 от 14 ноября).

ПИСЬМО 393

Датируется по содержащемуся в тексте указанию на отправку московской дирекцией театров в Петербург комедий „Раздел" и „Ипохондрик". Они были препровождены при отношении от 27 ноября 1873 г. за № 2720.

ПИСЬМО 394

Текст воспроизводится по копии, сохранившейся в „Копировальной книге" Писемского, содержащей собственноручные записи последнего за 1874—1880 г. (копии деловых писем, договоров, расчетов с съемщиками квартир и пр). Рукопись представляет собой книгу в переплете, лл. 16 + 500 с печатной нумерацией + 23 ‹алфавитный указатель› + 16. Автографические записи Писемского обрываются на л. 234 (в дальнейшем записи производились исключительно Е. П. Писемской, до зимы 1883/84 г.). Начиная с л. 270 книга никаких записей не содержит. Хранится книга в Гос. Театральном музее им. Бахрушина, за № 11490.

„Их нужно... представить к делу" — речь идет о следственном деле о самоубийстве Н. А. Писемского. См. примечание к письму 404 и письма А. Н. Майкова в приложении к настоящей книге.

ПИСЬМО 395

Текст воспроизводится по копии, сохранившейся в „Копировальной книге". Под текстом адрес: „В Петербург. Его В-ю Федору Алексеевичу Бурдину у Владимирской, дом Фридрикса".

„Причитающиеся мне деньги с театра за Ваала и Раздел" — речь идет о постановках комедии „Раздел" (разрешенной к постановке в декабре 1873 г.) - 6, 9 и 10 февраля 1874 г. и драмы „Ваал" —12, 17, 22, 25 и 31 октября, 14 и 29 ноября, 11 декабря 1873 г. и 2 января 1874 г. (см. „Ежегодник имп. Театров", 1905/1906 г., приложения).

ПИСЬМО 396

Печатается по черновику. В. М. Михеев служил у Писемских в качестве дворника до весны 1878 г. В черновой тетради 1878—1880 гг. сохранился черновик следующей рекомендации, выданной Михееву:

Василий Михеев действительно жил у нас в дворниках почти десять лет и поведения был честного.

27 апреля 1878-го года. Жена Коллежского Советника *К. Писемская* 〈л. 17〉

ПИСЬМО 397

Текст воспроизводится по копии, сохранившейся в „Копировальной книге“. Под текстом адрес: „Russie Moskau. Его превосходительству Лотару Федоровичу Фонвендриху. На Поварской в Борисоглебском переулке в доме Писемского“.

ПИСЬМО 398

Текст воспроизводится по копии, сохранившейся в „Копировальной книге“. Под текстом адрес: ,Russie Moskou. Его В-ю Дмитрию Алексеевичу Соколову на Поварской, в Борисоглебском переулке, в доме Писемского“.

ПИСЬМО 399

Печатается по черновику.

„В нашем горестном положении“ — подразумевается самоубийство сына Николая. См. примечание к письму 404.

ПИСЬМО 400

Печатается по черновику. Датируется по связи с письмом 399.

ПИСЬМО 401

Печается по черновику. Датируется по связи с письмами 399—400.

Грюне Геволбе (Crüne Gewölbe) — одна из достопримечательностей Дрездена, хранилище различных ценностей в нижнем этаже дрезденского так называемого королевского замка.

„Предлагаем съездить в (*Касиль*) *Вильгельмсгое, где содержался Наполеон“* — В замке Wilhelmshöhe, расположенном на запад от г. Касселя, с сентября 1870 г. по март 1871 в качестве пленника содержался французский император Наполеон III.

ПИСЬМО 402

Текст воспроизводится по копии, сохранившейся в „Копировальной книге“. Под текстом адрес: „Rusland Moskau. Кохнову. На Поварской в Борисоглебском переулке дом Писемского.“

„Причитающие с вас за квартиру деньги“ — деньги, по просьбе Писемского В. И. Кохновым были уплачены. Но в дальнейшем — в 1875 г. - Кохнов оказался наиболее неисправным плательщиком квартирных сумм, в виду чего Писемский вынужден был обратиться к суд. В „Копировальной книге“ сохранились следующие записи:

> По исполнительному листу, выданному мне Арбатским мировым Судьей 3-го сентября 1875-го года за № 3434 в уплату квартирных денег, присужденных мне с Г-на Кохнова получил *двести рублей серебром*. 1875-го года, октября 4-го. *А. Писемский.*
>
> По вышеозначенному исполнительному листу получено еще в уплату *семьдесят пять рублей серебром.*

4-го Декабря 1875-го года. *Писемский.*

(л. 63, наклейка; за исключением подписей писано рукою Е. П. Писемской). См. письма 523, 525 и 530.

ПИСЬМО 403

Печатается по черновику.

„Вы были у меня в Москве" — И. С. Тургенев был в Москве, проездом из Петербурга в с. Спасское, с 28 мая по 4 июня 1874 г.

В Рукописном отделении Института Литературы Академии Наук СССР сохранился автограф неопубликованного ответного письма И. С. Тургенева:

С. Спасское-Лутовиново
(Орловской губернии)
в город Мценск
Понедельник, 10/22-го Июня 74

Любезнейший друг Алексей Феофилактович, Ваше письмо из Геттингена не застало меня уже в Москве — а было переслано мне сюда, и я получил его сегодня. — Приехавши в Москву две недели тому назад, я тотчас же отправился в Ваш дом — но там мне сказали, что Вы за границей. — Не считаю нужным говорить Вам, как глубоко поразил меня удар, обрушившийся на Ваше семейство и как искренне я сочувствую Вашему горю. — Понять причины подобного бедствия невозможно; тут вероятно действовала скрытая от всех глаз психическая болезнь, которую, конечно, никто бы не стал подозревать в том прекрасном, цветущем юноше... Но я не хочу вновь тревожить Ваши раны — и ограничусь тем, что крепко сожму руку и Вам и Вашей супруге - и буду просить Вас обоих никогда не сомневаться в моих дружеских и преданных чувствах. —

Вы желаете знать, какие мои намеренья в настоящее время. — Вот они: — Я остаюсь в деревне ещё неделю, потом, не останавливаясь ни в Москве ни в Петербурге, еду в Карлсбад и буду пить тамошние воды в теченьи пяти недель; (воды эти чрезвычайно помогли мне от подагры). Около 10-го Августа нового стиля — я через Баден-Баден еду в Париж - или собственно в Буживáль, маленький городок в получасовом расстоянии от Парижа; там мои друзья Виардó наняли дачу — и я буду жить там с ними до 15-го Октября. Если Вы приедете в Париж в Августе месяце — то Вам стóит только написать мне два слова и отдать их на моей постоянной квартире — Rue de Douai, 50 — и я тотчас явлюсь к Вам. — Мне очень приятно было услышать что Ваш Павел останется в Париже; следовательно — я буду чáсто с ним видеться — и мы всячески постараемся его пригреть. — Вы мне не пишете о себе, где Вы думаете провести зиму. Может быть Вы сами этого еще не знаете — но об этом надо будет поговорить. Отправляясь из Гёттингена в Швейцарию, заезжайте в Баден-Баден; — он у Вас на пути — и там Вы найдете П. В. Анненкова, который поселился там на всё лето (Schillerstrasse, № 7) — Он будет очень рад увидеть Вас — и Вам, я уверен, будет приятно провести несколько дней с человеком вполне сочувствующим Вам. —

И так — во всяком случае — до скорого свидания, мой любезнейший Алексей Феофилактовичь. — Обнимаю Вас и Вашего Павла — и цалую руки Вашей доброй и милой жены. — Чем дальше человек подвигается в жизнь, тем больше убеждается, какая это трудная и горькая штука... Да что делать? Этого не переделаешь.

Будьте здоровы —
искренне Вам преданный
Ив. Тургенев

⟨На письме пометка Писемского:⟩ Получено в понедельник 17/29 Июня

ПИСЬМО 404

К беловому автографу, по которому воспроизводится текст письма, сохранился черновик.

„За присылку вашей статьи о Пушкине" — Речь идет о статье П. В. Анненкова „Александр Сергеевич Пушкин, в Александровскую эпоху", помещенную в январской и февральской книжках „Вестника Европы" за 1874 г.

„Сын Николай... застрелился" — Самоубийство блестяще одаренного двадцатидвухлетнего Николая Писемского (13 февраля 1874 г.), оставившее глубокий след в психике его отца до последних дней его жизни, до настоящего времени в биографической литературе о Писемском никак освещено не было. Между тем, переданные в 1912 г. наследником П. А. Писемского художником А. А. Писемским в Академию Наук материалы — письма А. Н. Майкова и самого Н. А. Писемского — дают почти исчерпывающие ответы на все возникающие в связи с гибелью младшего сына писателя вопросами (см. ниже, в приложении, публикацию этих писем).

ПИСЬМО 405

Печатается по черновику.

„Вы вероятно уже теперь в Карлсбаде" — И. С. Тургенев задержался в России на более продолжительный срок, чем предполагал. 23 июня ст. ст. он только приехал из с. Спасского в Москву, 20 июля выехал из Петербурга за границу, а в Карлсбад прибыл только 22 июля (3 августа) 1874 г. Таким образом, возможно, что письмо Писемского до Тургенева не дошло, во всяком случае ответа на него он не получил — ср. начальные строки письма 411.

ПИСЬМО 406

Печатается по черновику.

ПИСЬМО 407

Печатается по черновику. Датируется по связи с письмом 408.

„Начался ли процесс мат⟨ери⟩ Митрофании" — Дело игуменьи серпуховского владычного монастыря Митрофании, начавшееся еще 25 января 1873 г., слушалось в московском окружном суде с 5 по 18 октября 1874 г. См. примечание к письму 419.

ПИСЬМО 408

Печатается по черновику. Датируется по связи с письмом 396.

ПИСЬМО 409

Печатается по черновику. Датируется по связи с письмом 405.

ПИСЬМО 410

На конверте адрес: „Baden-Baden. Herr⟨n⟩ Annenkoff. Schillerstrasse 7". К беловому автографу, по которому воспроизводится текст письма, сохранился черновик.

ПИСЬМО 411

Печатается по черновику.

„Хоть и наверное почти знаю... что вы в Карлсбаде" — И. С. Тургенев, прервав лечение в Карлсбаде, вернулся в Буживаль раньше, чем предполагал, а именно 13 (25) августа 1874 г. Таким образом, Писемский мог с ним в Париже встречаться, и о том, что свидание обоих писателей

состоялось, свидетельствует общий тон сохранившегося в Рукописном отделении Института Литературы Академии Наук СССР неизданного письма И. С. Тургенева от 25 сентября н. ст. 1874 г. — ответ на неизвестное письмо Писемского, отправленное из Москвы, уже по приезде из-за границы.

Париж
50, Rue de Douai
Середа, 7-го Окт. 1874 / 25-го Сент.

Любезнейший друг Алексей Феофилактовичь! И так Вы добрались до своего гнездышка! Желаю Вам отдохнуть в нем от всех невзгод и треволнений — и приняться опять за перо, которое Вы ещё не имеете права выпускать из рук!

Я Вашего славного сынка видел два раза, раз завтракал с ним: он старается — пока — усовершенствоваться во французском языке. — Через два дня мы переезжаем окончательно в город — очень уже становится сыро и холодно на даче — и тогда я буду часто видеться с Вашим Павлом. Будьте покойны — я буду за ним посматривать: впрочем он так благоразумен и рассудителен — что за него бояться нечего.

Сам я всё хвораю: ноги всё ещё болят и ноют и пухнут как у старика... Худое дело — немощь! —

Я получил от Г-на Родиславского от имени общества Драматических писателей разные циркуляры и пр. Я отвечал ему что передаю свой голос Вам — о чём спешу известить Вас, в надежде что это не будет для Вас отяготительно.

Поклонитесь от меня Вашей любезной супруге и примите уверение в искренной привязанности

преданного Вам
Ив. Тургенева

⟨Пометка Писемского:⟩ Получено во вторник 1/13 окт.

ПИСЬМО 412

На конверте адрес: „Bade. M-r Annenkoff. Schillerstrasse, 7.“. К беловому автографу, по которому воспроизводится письмо, сохранился черновик.

ПИСЬМО 414

На конверте адрес: „Deutschland. Baden. Herr⟨n⟩ Annenkoff. Schillerstrasse, № 7. В Германию, в Баден“.

ПИСЬМО 415

На конверте адрес: „В Германию. В Баден. Deutschland. Baden. Herr⟨n⟩ Annenkoff, Schillerstrasse, № 7“.

„Вы конечно уже прочли в газетах“ — Сообщение о совершенном 11 сентября 1874 г. братом М. Н. Каткова — Мефодием Катковым покушении на жизнь директора лицея в память цесаревича Николая П. М. Леонтьева появилось впервые в „Русских Ведомостях“ (№ 197 от 13 сентября), затем в „Современных Известиях“ (№ 232 от 14 сентября), „Московских Ведомостях“ (№ 230 от того же числа) и др. газетах. Сообщение „Московских Ведомостей“, редактором которых был сам П. М. Леонтьев, пыталось представить происшествие в лицее как „событие, ознаменованное явным действием божественного промысла“. „Умственно расстроенный человек, — писали „Московские Ведомости“ — родной брат одного из основателей

лицея, бывший долгое время предметом тяжких и мучительных забот для близких, в припадке помешательства явился в лицей, где воспитываются двое сыновей его и без всякой причины, без всякого повода, не произнося ни слова, дважды выстрелил в упор в директора лицея, но обе пули, проникнув до тела, не причинили никакого вреда". Между тем из сообщений других газет уже тогда было известно, что при покушавшемся было обнаружено письмо, в котором высказывались жалобы на то, что учившимся в лицее сыновьям стрелявшего Михаилу и Петру ставятся „неудовлетворительные баллы по учению" („Современные Известия" 1874, № 232, стр. 2). В числе свидетелей покушения были И. И. Срезневский и Б. М. Маркевич.

„Солдата, подбежавшего, чтобы схватить его, ранил" — Сторож лицея — отставной унтер-офицер Дмитриев — был тяжело ранен М. Н. Катковым в живот.

ПИСЬМО 416

Печатается по черновику.

„Новую комедию мою" — Речь идет о драме „Просвещенное время". См. примечание к письму 419.

ПИСЬМО 417

На обороте: „Его В. Сергею Алексеевичу Усову. В Шереметевском переулке, дом Князя Мещерского". Датируется по почтовому штемпелю „Москва 15 окт. 1874".

„В субботу... буду читать мою новую комедию" — речь идет о драме „Просвещенное время" (см. примечание к письму 419). Суббота — 19 октября 1874 г.

Анна Павловна — жена С. А. Усова.

ПИСЬМО 418

На первой странице письма надпись адресата: „Это письмо, адресованное мне нашим знаменитым писателем *А. Ф. Писемским,* передаю О. И. Фельдману для его альбома автографов. *А. Никольский.*"

ПИСЬМО 419

Весь текст, за исключением подписи, писан рукою Е. П. Писемской. На конверте адрес: „Baden-Baden. Herr(n)Annenkoff. Lichtenthaler-Strasse, 9."

„Просвещенное время", драма в 4 действиях, была напечатана в „Русском Вестнике" 1875, т. 115, январь, стр. 68—139. О постановке драмы см. примечание к письму 469.

„Вся Москва... занята процессом игуменьи Митрофании" — Обвинявшаяся в мошенничестве, подлогах и использовании своего сана игуменьи Серпуховского владычного монастыря и начальницы Московской епархиальной Владычне-Покровской общины сестер милосердия Митрофания, урожденная баронесса Розен, Московским окружным судом была приговорена к „лишению всех лично и по состоянию ей присвоенных прав и преимуществ и ссылке в Енисейскую губернию с запрещением выезда в течение 3 лет из места ссылки и в течении 11 лет в другие губернии". Но фактически Митрофания наказания не отбывала. О начале процесса см. примечание к письму 407.

„Очень замечательна была речь Плевако“ — Ф. Н. Плевако участвовал в процессе игуменьи Митрофании в качестве поверенного гражданских истцов В. Г. Солодовникова и П. И. Медынцевой. В суде Плевако произнес свою речь 17 октября 1874 г. Приводимые Писемским выражения относятся к концу первой части речи (после которой был устроен перерыв) и концу всей речи. Подлинные выражения Плевако таковы: „Путник, идущий мимо высоких стен владычного монастыря, вверенного нравственному руководительству этой женщины, набожно крестится на золотые кресты храмов и думает, что идет мимо дома божьего, а в этом доме утренний звон подымал настоятельницу и ее слуг не на молитву, а на темные дела. Вместо храма — биржа, вместо молящегося люда — аферисты и скупщики поддельных документов, вместо молитвы — упражнение в составлении вексельных текстов, вместо подвигов добра — приготовление к лживым показаниям, вот что скрывалось за стенами. Стены монастырские в наших древних обителях скрывают от монаха мирские соблазны, а у игуменьи Митрофании не то. Выше, выше стройте стены вверенных вам общин, чтобы миру было не видно дел, которые вы творите под покровом рясы и обители“ (Е. П. Забелина, „Дело игуменьи Митрофании. Подробный стенографический отчет“, М. 1874, изд. „Современных Известий“, отдел „Прения“, стр. 102). „С вершины дымящегося Синая сказано человечеству: „не укради“... вы не могли не знать этого, а что вы творите? — вы обираете до нищеты прибегнувших к вашей помощи. С вершины Синая сказано: „не лжесвидетельствуй“ — а вы посылаете вверивших вам свое спасение инокинь говорить неправду и губите их совесть и доброе имя. Оттуда же запрещено „всуе призывать имя бога“, а вы, призывая его благословение на ваши подлоги и обманы, дерзаете обмануть правосудие и вместо себя свалить вину на неповинных. Нет, этого не удастся вам; правосудие молодо и сильно, и чутка совесть судей“... (там же, стр. 115).

„Адвокат-же матери игуменьи Шайкевич“ — У Митрофании было два защитника: С. В. Щелкан и С. С. Шайкевич.

ПИСЬМО 420

За исключением подписи и даты писано рукою Е. П. Писемской. На подлиннике пометки, сделанные в Главном Управлении по делам печати: „‹поступило› 25 окт. 1874 № 4111, ‹ответное отношение на имя автора› 20 ноября 1874 г. № 5372“.

Совет Главного Управления по делам печати по докладу цензора драматических сочинений П. И. Фридберга рассматривал драму Писемского на своем заседании 6 ноября 1874 г. Нужно думать, что изменения, посланные Писемским на имя А. Н. Майкова (см. письмо 421) по назначению дойти еще не успели и пьеса рассматривалась в своем первоначальном виде. В журнал Совета было занесено следующее:

> Автор комедии изображает в ней картину упадка нравов в современном обществе и с этою целию представляет ряд более или менее цинических картин из быта семейного и общественного. Таким образом, хотя цель комедии и похвальная, но в настоящем своем виде комедия заключает в себе слишком много цинических сцен и потому, по мнению цензора, не может быть разрешена к представлению.

Совет, соглашаясь с этим мнением цензора, полагает: означенную комедию в ее настоящем виде к представлению не дозволять (ЛОЦИА, Журнал Совета Главного Управления по делам печати, 1874, л. 464).

ПИСЬМО 421

В Рукописном отделении Института Литературы Академии Наук СССР сохранилось письмо И. А. Гончарова, к которому Писемский обращался с просьбой содействовать прохождению пьесы „Просвещенное время" через цензурные инстанции.

Моховая, близь Сергиевской дом № 3 — 4 Ноября, Понедельник 1874

Я получил Ваше письмо, любезнейший Алексей Феофилактович, и в тот же вечер увиделся с одним, прикосновенным к делам печати лицом, к которому и обратился за справкою о Вашей новой пиесе. Хотя он мне положительного ничего, в цензурном отношении, не сказал, так как пиеса будет доложена только *завтра, в вторник* 5-го числа, но однако из слов его я мог заметить, что на счет ее есть какие-то цензурные сомнения. Я, не зная пиесы, конечно опровергнуть этих сомнений не мог, но просил только, чтобы относительно ее, из внимания к Вам и Вашему таланту, были допущены все возможные снисхождения и льготы. Он обещал содействовать этому — и потом уведомить меня, чем кончится дело. А я конечно, уведомлю Вас если исход будет благоприятный, в противном же случае лучше промолчу, ибо цензурное начальство само незамедлит передать Вам решение в Москву.

Сколько я мог понять, в пиесе есть довольно резкие выражения: если это одно, то пиеса может пройти с исключениями. Но Вам лучше знать, нет ли там еще чего-нибудь и другого. На этот счет мой знакомый мне ничего не сказал.

Жалею очень о болезни Екатерины Павловны и прошу передать ей дружеский поклон. Вчера я видел всех Майковых: они здоровы — особенно приятно смотреть на Евгению Петровну, на ее бодрую и мирную старость посреди внучат.— Вашей семейной трагедии я ужаснулся и не вдруг поверил ей — всего больнее за бедную Екатерину Павловну.

Прощайте — от всей души желаю Вам здоровья и спокойствия обоим.

Ваш *Ив. Гончаров*

ПИСЬМО 422

На обороте письма адрес: „Его В-ю Александру Николаичу Островскому. У Николы в Воробине, близ Серебряных бань, в собственном доме".

ПИСЬМО 423

На конверте адрес: „В Германию. В Баден. Deutschland. Baden-Baden. Herr<n> Annenkoff. Lichtenthaler-Strasse.

„Благодарю вас за вашу книжку" — речь идет о книге П. В. Анненкова „Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху", СПБ. 1874. См. примечание к письму 404.

ПИСЬМО 424

На обороте второго листка адрес: „Его В-ю Александру Николаичу Островскому. У Николы в Воробине близь Серебряных бань, в собственном доме".

ПИСЬМО 425

В своей второй (фактически третьей) редакции драма Писемского рассматривалась Советом Главного Управления по делам печати по докладу цензора П. И. Фридберга 18 декабря 1874 г. Одобрение пьесы в протоколе заседания было мотивировано следующим образом:

> Пьеса эта в первоначальном ее виде журналом Совета, утвержденным Г. Министром Внутренних Дел 14 минувшего ноября, признана была, согласно с мнением цензора, неудобною к представлению — главнейшим образом потому, что при изображении ряда картин из быта семейного и общественного, автором внесены были некоторые цинические приемы и подробности, которые, не смотря на сатирическую и нравственную конечную цель пьесы, представлялись слишком резкими и неприличными для сцены.
>
> Ныне автор, приняв к руководству поставленные ему на вид цензурные указания, устранил из сказанной пьесы все места и частности, которые вызвали ее запрещение, и кроме того написал новые заключительные сцены, которые придали драме его еще более рельефный благонамеренный характер. Поэтому цензор признавал бы справедливым переделанную ныне автором пьесу „Просвещенное Время“ безусловно дозволить к представлению.
>
> Член Совета Каменский, просматривавший эту пьесу и в ее первоначальном и затем в исправленном виде, выразил, что он соглашается с мнением цензора о ее дозволительности в исправленном виде.
>
> Совет, соглашаясь с таковыми мнениями Действительного Статского Советника Каменского и цензора, п о л а г а е т: дозволить означенную пьесу к представлению (ЛОЦИА, Журнал Совета Главного Управления по делам печати, 1874, лл. 517—518).

ПИСЬМО 426

На подлинном пометки, сделанные в Главном Управлении по делам печати: „<поступило> 19 дек. 1874 г. № 5004. Оставлено без последствий.“

„Представляя... пиэсы мои“ — Речь идет о двух томах „Комедий, драм и трагедий А. Писемского“, изданных автором в 1874 г. без предварительной цензуры. Кроме названных произведений, в издание вошли пьесы „Поручик Гладков“ и „Подкопы“, в свое время запрещенные к постановке на сцене.

ПИСЬМО 427

Письма 1875—1877 г.г., за исключением 512—520, 560—563 и небольшого числа особо оговоренных в примечаниях, публикуется по черновым отпускам, сохранившимся в первой черновой тетради („брульоне“) Писемского. Приводим ее общее описание.

Рукопись представляет собою прошитую и переплетенную не позднее начала 1877 г. книгу в лист. Бумага с маркой фабрики Л. Д. Гончарова, № $6^1/_2$. Всего в рукописи 177 непронумерованных листов. Текст заканчивается на лицевой стороне 168-го листа, последующие листы остались чистыми. Семь листов из рукописи было вырезано ножницами: 2 между лл. 105—106, 2 между лл. 120 и 121, 2 между лл. 122 и 123. Не считая квитанций московского почтамта, рукопись содержит 18 наклеек, преимущественно неудавшихся беловых писем, на следующих листах: 16 (2), 53 об., 61, 69 об., 89 об., 91, 113 об., 115, 118 об. (список персонажей романа „Мещане“), 131 (план нескольких глав романа „Мещане“), 132 об., 133 об.,

153 об., 158, 163 об., 166 об. и на внутренней стороне задней части переплета. Сорваны и отсутствуют наклейки на внутренней стороне передней части переплета и на листах 32 об., 90 и 159. Наклейка, сорванная с л. 170 сохранилась. На лл. 95—100 помещен первоначальный набросок середины первого акта драмы „Старые счеты“. На лл. 130 об.— 132 и 139—139 об. помещены планы романа „Мещане“. Писана рукопись карандашом и чернилами тремя почерками: автора, Е. П. Писемской и неизвестного лица.

„Просвещенное время“ — комедия „Просвещенное время“ была впервые поставлена в Москве на сцене Малого театра 30 января 1875 г.

„Роман графа Толстого Льва“ — „Анна Каренина“, печатание романа началось с январской книжки „Русского Вестника“ 1875 г.

„Мой 25-ний юбилей“ — см. примечание к письму 469.

В Рукописном отделении Института Литературы Академии Наук СССР сохранилось оставшееся до настоящего времени неопубликованным ответное письмо Тургенева:

Париж.
50 Rue de Douai
Пятница, 22 10 Янв. 75.

Любезнейший Алексей Феофилактовичь, не Вы у меня были в долгу — а я у Вас: на последнее Ваше письмо я всё ещё не собрался ответить. Получив сегодня от Вас второе, я уже не хочу медлить ни минуты более и пишу Вам.

Во 1-х) Скажу о Вашем сыне. Я недавно позавтракал с ним и с некием Л. Лежэ, французом, хорошо знающим Русский язык и Рускую литературу; — и преподающим её здесь. Ваш сын продолжает производить на меня впечатление умного, дельного, душой и телом здравого молодого человека; не сомневаюсь в том, что пребывание в Париже принесёт ему существенную пользу: из него выйдет славный профессор.

Во 2-х) Я уже много слышал о Вашей комедии и рад что препятствия к обнародованию ее — устранились. — Я подписался на Русский Вестник и с нетерпеньем жду первого номера, в котором она будет помещена вместе с романом Толстого. — Цену он получил за него громадную — но Катков от этого не будет в накладе — а Толстой, как занимающий теперь первое место в нашей беллетристике, мог назначить какие сам захотел, условия.

В 3-х) Радуюсь Вашему юбилею — и с своей стороны посылаю Вам мое задушевное поздравление. — Конечно, не совсем приятно получить юбилей после Г-на Миллера (!) — но в этом не Вы виноваты; — а отказать желающим почтить Ваши литературные заслуги Вы не были в праве. — И потому — да здравствует юбиляр!

Вы мне ничего не пишете о Вашем здоровье; дипломаты говорят: point de nouvelles — bonne nouvelle — значит: оно хорошо.. Моё тоже поправилось — подагра оставляет меня в покое — так что даже у меня нет предлога не работать; однако я ничего не делаю — и только иногда из газет узнаю, что что-то такое готовлю.

Павла Васильевича Анненкова мы со дня на день ожидаем сюда, в Париж; семейство его, как Вам известно, основалось в Баден-Бадене.

Если Вы точно собираетесь весною в Париж, то приезжайте пораньше — ибо я в половине Мая отправляюсь в Карлсбад пить воды.

За сим прошу передать мой искренный привет Вашей супруге жму Вам крепко руку и остаюсь

Преданный Вам

Ив. Тургенев

Дополнением к этому письму служит неопубликованная записка И. С. Тургенева к П. А. Писемскому, хранящаяся в Рукописном отделении Института Литературы Академии Наук СССР:

50 Rue de Douai
Четверг, 7-го Янв. 75

Любезнейший Писемский, Вы были у меня с Г-м Л. Леж:) — и к искреннему моему сожалению, не застали меня дома. Я был с тех пор в больших хлопотах и не имел возможности изворотиться: но мне бы очень хотелось Вас видеть и Г-а Л. — Вот что я Вам предлагаю — позавтракаемте вместе в *Субботу* или в *Понедельник* — в 11½. В один из этих дней — смотря *по тому, как Вы мне напишите*, я буду ждать Вас в кофейной Pellé et Adolphe — 31, Boulevard Haussmann, возле большой оперы.

Если M-r Léger не может придти – так приходите по крайней мере Вы.

До свиданья жму Вам дружески руку.

Ив. Тургенев

ПИСЬМО 428

Печатается по черновику, писанному чернилами рукою Е. П. Писемской.

ПИСЬМО 429

Печатается по черновику, писанному чернилами рукою Е. П. Писемской.

„Ляпидевский сделал глупость" — статья Н. П. Ляпидевского в печати не появлялась.

Вслед за этим письмом в черновой тетради помещено письмо Е. П. Писемской к В. Н. Куликовой:

6 янв⟨аря 1875 г., Москва⟩

Люб⟨езнейшая⟩ В⟨арвара⟩ Н⟨иколаевна⟩

Муж мой поручил мне написать вам, что так как все что касается до представления его пьэс на частных театрах им вместе с прочими авторами передано в заведывание Комитета Общества Драматических Писателей то пусть Г-н Стрельский с своим вопросом обратиться в этот комитет на имя секретаря этого комитета Г-на Родиславского (на Тверской дом генерал губернатора) и комитет ему ответит о своем заключении, муж-же со своей стороны может сказать одно, что в столицах не дозволяется играть ранее, чем пьэса будет съиграна на императорской сцене, но как в этом случае взгляды касательно провинциальных театров он не знает, и вместе с тем муж просит извинения у ваших батюшки и матушки в том, что он не был у них в последнюю свою бытность в Петербурге, но он там очень захлопотался так что под конец заболел и поспешил поскорее уехать в Москву не побывав у многих знакомых.

„Последняя бытность в Петербурге" — первая половина декабря 1874 г. (см. „Петербургская Газета" 1874, № 194 (12. XII), стр. 3, „Театральное эхо").

ПИСЬМО 430

Печатается по черновику, писанному чернилами рукою Е. П. Писемской.

ПИСЬМО 432

Печатается по черновику, писанному чернилами рукою Е. П. Писемской. Датируется по положению в черновой тетради.

ПИСЬМО 433

Печатается по черновику, писанному чернилами рукою Е. П. Писемской. Датируется по положению в черновой тетради.

„Кружок“ — Артистический кружок. См. примечание к письму 757.

ПИСЬМО 434

Печатается по черновику, писанному чернилами рукою Е. П. Писемской.

ПИСЬМО 435

Печатается по черновику, писанному чернилами рукою Е. П. Писемской.

„Пьеса моя“ — драма „Просвещенное время“.

ПИСЬМО 436

Печатается по черновику, писанному чернилами рукою Е. П. Писемской.

„О командировании за границу . . . Зилова“ — В ответ на представление попечителя московского учебного округа кн. Н. П. Мещерского от 7 января 1875 г. министр народного просвещения гр. Д. А. Толстой сообщал, что командирование Зилова состояться не может в связи с исчерпанием сумм по смете 1875 г., но вместе с тем разрешал возобновить ходатайство осенью 1875 г. (ЛОЦИА, Архив Мин. Нар. Просвещения, дело № 145957). Уже будучи в Берлине, в декабре 1875 г., П. А. Зилов получил извещение об утверждении его заграничной командировки сроком на два года. См. „Отчет ... Московского университета в 1874/75 акад. году“ ... М. 1876, стр. 103.

„Празднование ... юбилея“ — см. примечание к письму 469.

„Моя пьеса“ — драма „Просвещенное время“.

ПИСЬМО 437

Печатается по черновику, писанному чернилами рукою Е. П. Писемской.

ПИСЬМО 438

Печатается по черновику, писанному чернилами рукою Е. П. Писемской с поправкой автора.

„Окончить диссертацию“ — см. примечание к письму 568. Об ответе Вс. С. Соловьева см. письмо 452.

Непосредственно перед этим письмом в черновой тетради помещено следующее письмо Е. П. Писемской к И. В. Цветухину:

〈16 января 1875 г., Москва〉

Почтеннейший Иван Васильичь!

Муж мой так устал от разного рода хлопот, что поручил уж мне написать вам и передать его покорнейшую просьбу, к которой присоединяюсь и я, вот в чем она состоит: сын наш Павел, который в

настоящее время находится в Париже и пишет диссертацию об акционерных компаниях, просил достать и выслать ему проэкты акционерного законодательства; будьте же так добры узнайте где находятся эти проэкты, в Министерстве ли каком, во 2-м ли отделении собственной его импер<аторского> величест<ва> Канцелярии или в Государственном Совете и каким образом можно получить с них копии и все что вы узнаете об этом деле потрудитесь нас уведомить, чем несказанно обяжете

искренно предан<ную> вам

К. Пи<семскую>

ПИСЬМО 439

Черновик, по которому воспроизводится текст письма, в черновой тетради помещается перед письмом Е. П. Писемской к И. В. Цветухину (см. примечание к предыдушему письму).

ПИСЬМО 441

Печатается по черновику, писанному чернилами рукою Е. П. Писемской. Датируется по положению в черновой тетради. Перед письмом помещена копия с телеграммы петербургских литераторов. Приводим подлинный текст телеграммы, отправленной в 11 ч. 02 м. утра 18 января 1875 г. за № 5937:

> Москва Борисоглебский переулок свой дом Алексею Феофилактовичу Писемскому
>
> Поздравляем и желаем Вам отпраздновать и пятидесятилетний юбилей А. Майков Л. Майков Мещерский Прахов Филиппов Порецкий Белов Пуцикович Достоевский Полонский Страхов Бычков Барсуков Кашпирев Гончаров <Архив Пушкинского Дома>.

ПИСЬМО 442

„Посылаю тебе свой портрет“ — В черновой тетради сохранилась копия надписи, сделанной Писемским на портрете: „Генадию Василь<евичу> Лермонтову дар в воспоминание наших дружественных отношений тож оригинальный портрет. 1875 г. Генваря 19“.

ПИСЬМО 443

Адрес: „Петербург. На Фонтанке. Дом Тарасова. Максимову.“ Телеграмма является ответом на адрес, составленный С. В. Максимовым в двух экземплярах. Приводим текст основного адреса:

> Алексею Феофилактовичу Писемскому
>
> Исполненные искреннего и неизменного уважения к Вашей литературной деятельности, с сердечным сочувствием приветствуем двадцатипятилетнюю годовщину ее. Да процветает Ваш талант на многие годы и служит общему делу <с> присущею ему правдивостью и силой, не тревожась случайными и преходящими недоразумениями.
>
> С. Максимов, Ф. Берг, Н. Костомаров, И. Похитонов, Н. Катенин, А. Милюков, М. Черняев, Павел Потехин, Г. Лермонтов, А. Антипов, П. Карцов, Иван Лермонтов, Ор. Миллер, Г. Лермонтов, Алексей Потехин, Николай Потехин, Василий Бильбасов, Владимир Зотов, Михаил Загуляев, Андрей Краевский, Христианович, И. Гончаров.

Под вторым адресом подписались: Петр Вейнберг, Яков Полонский, Сергей Турбин, Т. Филиппов, М. Островский.

Письмо С. В. Максимова см. в примечании к письму 469.

ПИСЬМО 444

Адрес: „Петербург, Маховая дом Устинова Гончарову". Телеграмма является ответом на телеграмму, приведенную в примечании к письму 441.

Непосредственно за текстом телеграммы в черновой тетради следуют копии с надписей на портретах:

> Милей<ше>му другу моему Сергею Андреевичу Юрьеву в благодарность за 19 Генваря 1875 года и в доказательство своей дружбы препод<но><шу> себя *Писе<мский>*

> Дорогому другу моему Б. Н. Алмазову в изъявление своей приязни и благодарности за 19 Генваря 1875 г. *Писе<мский>*

ПИСЬМО 446

Датируется по положению в черновой тетради. Телеграмму П. С. Федорова см. в „Московских Ведомостях" 1875, № 19 (21. I), стр. 3.

ПИСЬМО 447

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской. См. примечание к письму 443.

ПИСЬМО 448

Адрес: „Петербург Сазонову". Датируется по положению в черновой тетради. Телеграмма является ответом на следующую коллективную телеграмму, отправленную из Петербурга 19 января 1875 г.:

> Москва Поварская Борисоглебский пер<еулок> свой дом Алексею Феофилактовичу Писемскому
>
> Мы Петербургские Артисты приносим Вам поздравление с днем Вашего Юбилея и шлем наш искренний и душевный привет как художнику имя которого так долго и ярко светит на пути родного искуства. Самойлов Каратыгин Леонидов Марковецкий Нильский Горбунов Бурдин Сазонов Монахов Лепин Пронский Виноградов Арди Зубов Жулева Читау Громова Сабурова Левкеева Лелева Подобедова Струйская Савина и другие

(Архив Пушкинского Дома. См. также „Московские Ведомости" 1875, № 19).

ПИСЬМО 450

Датируется по положению в черновой тетради.

„Я уже писал тебе об этом" — подразумевается недошедшее до нас письмо от декабря 1874 г. В обоих письмах речь идет об отзыве о письменных отчетах П. А. Писемского, оглашенном и обсужденном 9 декабря 1874 г. на заседании ученого комитета министерства народного просвещения. В виду того, что в дальнейшей переписке с П. А. Писемским и другими лицами Писемский неоднократно возвращается к этому, составленному доцентом петербургского университета Л. Б. Дорном, отзыву, приводим его полностью:

> В отношении к отчетам кандидата Писемского прежде всего позволю себе обратить внимание на то обстоятельство, что г. Писемский слишком пренебрегает внешнею формою своих отчетов, между тем как он бы должен был иметь в виду, что они посылаются им в Министерство, следовательно имеют в известной степени значение служебных докладов. Особенною спешностию составления отчета имен-

но я объясняю те орфографические ошибки, которые в большом количестве встречаются в его последнем отчете, напр. стр. 6: презреніе ныне; стр. 7: управленіе всемъ; стр. 9: отдѣльныя институты; стр. 13 своекорысны; стр. 18: отныне; стр. 20: вызсказывается; стр. 21: семени; стр. 24: Code Civile; стр. 25: по крайнѣй мѣрѣ; стр. 9 и 27 уясниться вместо уяснится и т. д. Что касается до содержания отчетов, то из первого явствует, что г. Писемский действительно познакомился с общегерманским торговым уложением и с комментариями на это уложение, о которых он упоминает в своем отчете. Если затем слушание лекций у профессора Виндшейда было соединено с необходимыми для действительной пользы от такого слушания домашними занятиями, то г. Писемский успел в первые три месяца своего заграничного пребывания вполне удовлетворить требованиям, выставленным в инструкции, данной ему Московским Университетом. Что же касается до второго отчета г. Писемского, заключающего в себе характеристику профессор Игеринга как ученого, то, по моему мнению, отчеты подобного рода не дают ни каких данных для обсуждения занятий и трудов лица, писавшего отчет. Весь последний отчет г. Писемского именно состои из общих рассуждений и фраз, которые могли быть выработаны на основании нескольких лекций того же проф. Игеринга; может быть даже, что эти общие рассуждения основываются на одной вступительной лекции названного профессора. Мне кажется, что молодые люди, посылаемые за границу для подробнейшего *изучения* права, в особенности в том случае, когда они еще не имеют ученой степени магистра, следовательно не представляют еще никаких ручательств в более специальных познаниях по какому нибудь предмету, должны бы были доставлять в своих отчетах более положительного материала, нежели общих рассуждений Если бы г. Писемский, вместо общей характеристики пр. Игеринга, представил обстоятельное изложение хоть одной необширной части курса, прослушанного им у этого профессора, и показал, чем отличается это учение по Игерингу от тех теорий, которых придерживаются другие юристы, напр. Виндшейд, которого ведь также слушал г. Писемский, то он, по моему мнению, гораздо лучше свидетельствовал бы о своих серьезных занятиях, нежели он это делает общими фразами настоящего отчета. С этой точки зрения я безусловно отдаю предпочтение первому отчету г. Писемского сравнительно со вторым.

(ЛОЦИА, журнал ученого комитета, № 476).

„Посылаю печатный отчет“ — речь идет об обширной статье: „Юбилей А. Ф. Писемского“ („Московские Ведомости“ 1875, № 19 (21. I), стр. 2—3).

ПИСЬМО 451

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской (за исключением даты, приписанной автором). См. примечание к письму 438 и письмо 452.

ПИСЬМО 452

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской (за исключением даты, приписанной автором).

„Письмо Всеволода Соловьева“ — см. письмо 438.

„Об выходке министерства“ — см. примечание к письму 450.

„Преобразование университетов“ — преобразование университетов и введение нового университетского устава, предполагавшиеся в 1875 г., не осуществились. Новый устав был введен только в 1884 г.

ПИСЬМО 453

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской с приписками автора.

„Благодарю за ваше приветствие“ — подразумевается телеграмма, отправленная П. К. Щебальским из Сувалок 19 января 1875 г.

„Сборник моих драматических вещей“ — см. примечание к письму 426.

ПИСЬМО 454

Печатается по черновику, писанному карандашом неизвестною рукою с поправками автора. Сохранилась также первоначальная редакция письма, писанная рукою автора.

„Благодарю за твое приветствие“ — см. примечания к письмам 441 и 443.

ПИСЬМО 455

Датируется по положению в черновой тетради.

„В воскресенье вечером“ — речь идет о воскресеньи 26 января 1875 г.

„Ты был мой Бард“ — подразумевается речь С. А. Юрьева о Писемском, как драматурге, прочтенная 19 января 1875 г. на юбилейном торжестве (изложение и отрывки речи помещены в „Московских Ведомостях“ 1875, № 19; черновой набросок речи хранится в архиве Юрьева в Гос. Историческом Музее).

ПИСЬМО 456

„Что касается до выходки Министерства“ — см. примечание к письму 450.

„Еду ставить пьесу мою на сцену“ — подразумевается репетиция драмы „Просвещенное время“ на сцене Малого театра.

ПИСЬМО 457

Датируется по положению в черновой тетради.

„В университет прислан отзыв“ — отзыв ученого комитета министерства народного просвещения (см. примечание к письму 450) в московский университет и П. А. Писемскому был направлен 31 декабря 1874 г.

„Дополнительное мнение о первом отчете“ — речь идет не о первом, а о втором отчете П. А. Писемского, написанном 13 мая 1874 г. и отправленном департаментом министерства народного просвещения ректору московского университета С. М. Соловьеву при отношении от 6 июня 1874 г. за № 6147. Положительный отзыв об отчете, написанный В. А. Умовым, был вполне одобрен юридическим факультетом московского университета на заседании 6 февраля 1875 г., после чего был направлен в Министерство. Ученым комитетом отзыв Умова был рассмотрен и с оговорками стилистического характера одобрен на заседании 28 апреля 1875 г. Под названием „Торговые Товарищества по Обще-Германскому Торговому Уложению“ отчет П. А. Писемского был напечатан в книге: „Отчет и речь императорского Московского Университета 12 января 1876 г.“, М. 1876. См. также ЛОЦИА, Журнал ученого комитета, № 491; МОАУ, дело № 162 — 1874 г. Совета московского университета.

„Факультет весь за тебя“ — Помимо В. А. Умова, о мнениях факультета Писемского информировал преподаватель университета по курсу гражданского судопроизводства А. М. Фальковский, его университетский товарищ.

ПИСЬМО 458

Печатается по черновику, писанному карандашом неизвестною рукою. Датируется по положению в черновой тетради и содержанию письма; в нем речь идет о вечере, устроенном Писемским 26 января 1875 г. для участников обеда, организованного в честь писателя см. письмо 455). Стихи Д. В. Аверкиева по поводу юбилея Писемского нам неизвестны.

ПИСЬМО 459

Печатается по черновику, писанному карандашом неизвестною рукою. Датируется по положению в черновой тетради.

„В газетах я прочел“ — В „Русском Мире“ была напечатана следующая заметка: „Мы слышали, что 25-тилетний *юбилей литературной деятельности А. Ф. Писемского*, праздновавшийся на-днях в Москве, вызвал в среде *литераторов-костромичей* желание увековечить это событие изданием литературного сборника. Мысль эта встретила живое сочувствие в среде земляков Писемского, и в сборнике примут участие литераторы, художники и ученые, уроженцы Костромской губернии. — Сборник выйдет в нынешнем году и вырученные деньги будут употреблены на какое нибудь доброе и полезное дело“ (1875, № 21 (23.I), стр. 1). Заметка была перепечатана в „Современных Известиях“ 1875, № 25 (26.I), стр. 2 („К известию о юбилее г. Писемского“). Замысел костромичей осуществлен не был.

ПИСЬМО 460

Печатается по черновику, писанному карандашом неизвестною рукою. Письмо представляет собою ответ на следующее письмо Т. И. Филиппова, отправленное до получения письма 454:

Любезный друг Алексей Феофилактович!

От всей души поздравляю тебя с твоим вполне удавшимся торжеством и желаю тебе дожить до 50-тилетия твоего литературного поприща, с сохранением дарованных тебе творческих сил. Я имел удовольствие подписаться под одним из приветствий, которые посланы были к тебе из Петербурга; надеюсь, что ты заметил мою подпись и вспомнил при этом наши ранние годы. Я был из первых свидетелей твоих начальных шагов на пути литературном и по ним угадывал будущее развитие твоего дарования.

О том, смогу ли исполнить твою просьбу, теперь ничего тебе не скажу; думаю, что это очень трудно. Впрочем все усилия, какие в моей власти, употреблю, чтобы удовлетворить твоему желанию. Жена тебе кланяется и тебя от души поздравляет; она очень полюбила Екатерину Павловну и просит тебя передать ей дружеский поклон. К сей просьбе присоединяю и свою.

Быть-может мне придется побывать в Москве.

Твой *Т. Филиппов*

Спб. 25 янв. 1875

⟨Архив Пушкинского Дома⟩

ПИСЬМО 461

„Сам министр обратил внимание“ — На выписке из журнала ученого комитета министерства народного просвещения от 9 декабря 1874 г. директором департамента фон-Брадке сделана следующая запись: „По докладу 21 декабря Г. Министру, Его Сиятельство <гр. Д. А. Толстой> изволил приказать объявить г. Писемскому о сделанных Ученым Комитетом по поводу его отчета замечаниях, на которые Его Сиятельство обратил особенное внимание. Директор *М. Брадке.* Кроме того приказано узнать, в какой гимназии Пис<емский> обучался“. На запрос департамента от 31 декабря 1874 г. ректор московского университета С. М. Соловьев ответил 20 января 1875 г., приложив к отношению копию аттестата, выданного П. А. Писемскому 5-й московской гимназией 30 июня 1867 г. Из аттестата видно, что последний все гимназические предметы усвоил *отлично* и был награжден золотой медалью (см. дело № 146206 архива министерства народного просвещения, ЛОЦИА). См. примечания к письмам 450 и 457.

ПИСЬМА 462—465

Печатаются по черновикам, писанным карандашом рукою Е. П. Писемской. О первом представлении драмы „Просвещенное время“ см. примечание к письму 469. Письма 463—464 отправлены не были, см. письма 478 и 480. Письмо 464 датируется по положению в черновой тетради и содержанию письма.

ПИСЬМО 466

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

„Ваше приветствие ко мне“ — М. Н. Островский был одним из подписавшихся под вторым адресом по поводу юбилея Писемского. См. примечание к письму 443.

ПИСЬМО 467

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской. Датируется по положению в черновой тетради.

ПИСЬМО 468

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской. Датируется по положению в черновой тетради.

ПИСЬМО 469

Печатается по беловому автографу. В дате письма Писемский ошибочно пометил число латинской, а месяц арабской цифрой, следует: 18 $\frac{1}{II}$ 75.

„Вы почтили меня... в мой юбилей“ — Юбилей 25-летия литературной деятельности Писемского был отпразднован в Москве 19 января 1875 г. на публичном заседании Общества любителей российской словесности, членом которого Писемский состоял с 1859 г. А. А. Краевский был одним из 22 петербургских литераторов, подписавших поздравительный адрес юбиляру. См. „Московские Ведомости“ 1875, № 19, стр. 2—3; „Газета Гатцука“ 1875, № 4, стр. 60. Помимо адресов и телеграмм, Писемский получил следующие письма И. А. Гончарова и С. В. Максимова.

Многоуважаемый и любезнейший Алексей Феофилактович,

С величайшим удовольствием я подписался, вместе со многими почитателями Вашего таланта, под приветственными строками, посылаемыми к Вам по случаю 25-летнего юбилея Вашей литтературной деятельности.

Кроме того, я считаю себя в праве, по дружеским к Вам отношениям, самостоятельно и отдельно выразить Вам — и сочувствие мое по случаю Вашего литтературного торжества, как к писателю, и мое уважение и приязнь, как к человеку.

Будьте же здоровы и счастливы на многие лета.

Искренно преданный

И. Гончаров

17 Января
1875.

Дорогой, бесценный и бесподобный
Алексей Феофилактович!

Узнавши из газет об юбилее, я хотел приветствовать его: по первой мысли лично с некоторыми земляками; потом захотелось приветствовать высокий и дорогой для нас день в Москве всеми земляками пишущими. Наконец, не удовлетворившись и этим по увлечению чувств и глубокого моего самого искреннего уважения, решился по мере сил пригласить в товарищи тех, на которых остановилась моя мысль, как на несомненных и неподкупных ценителях несомненных сильных и плодотворных услуг. Посылаю те подписи, которые удалось мне собрать при *физических* препятствиях одному, имея в запасе множество других заговоренных и заявленных, но не внесенных за невозможностию, по краткости времени, предложить подлинный лист для подписи. Между прочими я *не успел заехать* к Некрасову, который выразил между прочим и то, что, будучи в Москве, он и сам лично явился бы на юбилей, Нет Кони (прокурора), нет Григоровича, нет Достоевского (уехавшего на днях отсюда), нет Плещеева — лично заявивших мне свое желание, но не подписавшихся за неимением листа; нет целых десятков, которыми заполнились бы оба листа, слабо выразивших то, что хотелось сказать в адресе, но выразилось для телеграммы. Между тем безжалостно идет время и я не успел совладать с ним в этом городе, где трудно найти утро и всякой вечер так неудачен, как четыре, предшествовавших сегодняшнему, столь интересные и серьезные для меня.

Скажу одно: все с Вами и все за Вас и мое сердечное поздравление исчезает, как капля в море, среди тех заявлений, которыми встречено мое голое заявление и которыми высказывалось желание Вам, как одному из сильнейших и главнейших представителей литературы русской в настоящее время. Говорю это в качестве заполучившего такое впечатление в самом свежем виде.

Еще раз приветствую Вас за себя и за своих близких с дорогим для всех нас днем 19 января.

Вас глубоко-почитающий и искренно любящий

С. Максимов

17 Января 1874.

Многоуважаемой Екатерине Павловне я и жена свидетельствуем самое искренное душевное почтение.
(Архив Пушкинского Дома).

„Пиэска эта... получила большой успех“ — О первой постановке драмы „Просвещенное время“ на сцене Малого театра „Современные Известия“ писали: „Бурные, единодушные вызовы автора, начавшиеся еще после

второго акта драмы, громко говорят за ее несомненный успех на нашей сцене" (1875, № 36, стр. 2; далее успех драмы Писемского называется „колоссальным"). Позднее, в своих воспоминаниях, Ф. Д. Бобков писал о том же представлении драмы: „Пьеса принята была довольно сочувственно... — Его ⟨Писемского⟩ поздравляли. Он кланялся и говорил: „нехорошо, но правдиво" („Историч. Вестник" 1907, т. 109, № 7, стр. 161).

ПИСЬМО 470

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской. Датируется по положению в черновой тетради. См. примечание к письму 443.

ПИСЬМО 471

Печатается по беловому автографу.

„Спасибо Вам... за ваш привет" — речь идет, повидимому, о недошедшем до нас письме П. В. Анненкова.

„Посылаю... экземплярчик моей пьесы" —оттиск драмы „Просвещенное время" из январской книжки „Русского Вестника" 1875 г.

ПИСЬМО 472

В Рукописном отделении Пушкинского Дома сохранилось ответное письмо И. А. Гончарова с подробным отзывом о драме „Просвещенное время", оттиск которой из „Русского Вестника" посылал Писемский

5 февр. 1875.

Я получил Вашу пиесу, почтеннейший Алексей Феофилактович — благодарю за присылку.

При этом не могу не поделиться с Вами впечатлением, которое она произвела на меня — тем более, что это впечатление идет в разрез всему тому что о пиесе говорили мне другие. Я только и слышал и слышу каждый день от всех, что пиеса плоха, некоторые говорили даже что она ниже всякой критики.

Поэтому, я вчера с большим предубеждением принялся читать ее, но к изумлению моему — пиеса подействовала на меня совсем иначе. Она мне показалась умна, жива, искусно задумана, и чрезвычайно удачно ведена, как будто вылитая сразу из одного куска металла.

Но что в ней лучше всего — это обе героини. Дарьялова и Надя — обе — женственны. Это настоящие женщины: очерк горничной Нади — сделан мастерски.

Откуда же, думаю я с удивлением, эти единодушные порицания? Или - неужели я сам так *грубо* ошибаюсь, что не умею отличить из рук вон слабой пьесы, как ее называют все, от положительно хорошей, как я ее нахожу? Или это от пристрастия к Вам: но у меня его нет — доказательство тому—мое невысокое мнение о Ваале.

Кроме героев — в драме живо и искусно начертана каррикатура мошеннических акционерных обществ — и особенно удачно введен азиятский элемент, армяне, татары etc., играющие большую роль, в торговле от Астрахани до Петерб⟨урга⟩.—Все это метит не в бровь, а прямо в глаз — следовательно с этой стороны — это большая услуга обществу — ткнуть пальцем в разных Дарьяловых и т. п. народ!

Кроме того пиеса нравственна — обнажая грубые понятия о правах и жалкие отношения обоих полов друг к другу — в *просвещенное время!* — Последняя сцена в саду этой новой Травиаты — глубоко трогательна, даже без пистолетного выстрела.

И вдруг эта пиеса не нравится, а нравится, например, Shinx Сфинкс, игранная на Михайл⟨овском⟩ театре где содержание скудно [нрзб], конец натянут—(я ее читал но не видал на сцене)— и все убо-

жество идеи и характеров прикрыто красивым, выработанным языком!

Кажется, я не ошибусь, если предположу причины нерасположения к Вашей пиесе в следующем:

1) Сфера Ваших характеров—[довольно] отчасти надоела: это танц-классы или кафе-chantants, где герои — плуты, кокотки, а у Вас тут примешались дворники и бутошник и т. д.

Но что̀ же делать, если эта сфера с каждым днем все распространяется и захватывает более и более простора и народу? А кокотки? Они положительно господствуют в обществе и вместе с разными акционерами и концессионерами ворочают машиной почти всей спекулятивной и промышленной деятельности, следовательно большая часть общественной арены общественных сил и денег — во власти у них! „Зачем же пугать их"? Как, зачем писателю трогать их? Кому же и пугать и указывать на них как не сатирику, не комику там, где законы и полиция бессильны.

Ведь *они* и *оне* затрогивают все наши интересы, чувства, будят, и даже создают гадкие, неестественные страсти и т. д, и т. д. — словом будоражат все общество!

Вы берете на свою долю то̀ что сами видали. Пусть другие комики берут тоже самое в другой сфере повыше, в классе развитых и опрятных плутов и кокоток — в бархате, шелку в больших салонах! Suum cuique!

2) Другая причина злой критики против Просвещенного времени — это противоречие, вкравшееся в характер героини Дарьяловой.

В последнем акте она возбуждает глубокое участие к себе своею женственностию: она там жертва ошибки, она не поняла сама Аматурова и не понята им. Выходит, что она искала не чувственной страсти, а глубокой, сознательной любви на которой сердце ее могло бы отдохнуть от мерзкой сферы и гадостей ее мужа?

И этим пьесе сообщен в конце глубокий интерес.

Но так ли это? Посмотрите что̀ делает эта госпожа в начале? Она вешается на шею к Аматурову, целует ему руки, не спускает, ревнует его на каждом шагу, и в каждом слове — и наконец разражается (стр. 71) монологом, с такими выражениями — „Ты бог какой-то для меня! Идол!" — так что ему становится даже неловко.

„За ум, говорит, за твое доброе сердце люблю тебя — (и тут же прибавляет) и за чудные глаза!"

В чем эта женщина успела разглядеть его „доброе сердце" — это неизвестно, но только ясно одно, что язык этот есть язык половой страсти и что она отнюдь не имела права называть его чувственником, когда вся пиеса до последнего акта наполнена горячешными и страстными излияниями ее ревнивой половой любви.

Сознательная и глубокая любовь проповедницею которой она является в последней сцене так не выражается или выражается не так.

Даже первый разговор ее с Аматуровым в начале пиесы, где она добивается от него, за что он ее любит, и как будто обижается, ответом, что за ее красоту, очевидно сочинен, чтоб сделать из нее в конце идеальною не пошлою женщиной. Но и эта прелюдия не спасает ее, а только как будто прикрывает искусно ее нервную и раздражительно-чувственную натуру. Даже и в этой сцене — она как будто добивается узнать только, одну ли ее и страстно ли он ее любит? Нет, кроме конца во всей пиесе, она является уже готовою кокоткой — если не по принципу, не продажною, то по темпераменту.

Вот это-то противоречие, которое вероятно заметит Вам и сериозная, а не фельетонная критика, конечно и служит оружием против пиесы многочисленным ее порицателям.

Что касается до меня, я радуюсь Вашему успеху — и нахожу его вполне заслуженным. Если актеры съумеют сыграть — пьеса очень сценична и будет смотреться с удовольствием.

Дружески кланяюсь Вам и Екатерине Павловне.

Ив. Гончаров

ПИСЬМО 473

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской. Датируется по положению в черновой тетради.

„Благодарю за ваше приветствие“ — запоздавшее письмо В. Г. Авсеенко до нас не дошло.

„Моему клиенту отказано“ — речь идет о научной командировке П. А. Зилова. См. письмо 436 и примечание к нему.

ПИСЬМО 474

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской. Датируется по положению в черновой тетради.

ПИСЬМО 475

Датируется по положению в черновой тетради.

ПИСЬМО 476

Датируется по положению в черновой тетради.

„Благодарю за вашу справку“ — см. письмо 461.

ПИСЬМО 477

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

„Желает почеркнуть князя Мещерского“ — см. письмо 484.

„Послана полная похвала“ — Писемский несколько предупреждает события, см. примечание к письму 457.

ПИСЬМО 478

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской. Датируется по положению в черновой тетради.

„Я забыл повестить вас“ — см. неотправленное письмо 464.

ПИСЬМО 479

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

ПИСЬМО 480

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской. См. неотправленное письмо 463.

ПИСЬМО 483

Датируется по положению в черновой тетради.

„Он послал еще 4-й отчет“ — в дальнейшем отчеты П. А. Писемского замечаний ученого комитета министерства народного просвещения не вызывали. Отчет от 15 февраля 1875 г. под названием „Французское законодательство об акционерных компаниях“ был напечатан в книге: „Отчет и речи, произнесенные на торжественном собрании имп. московского университета

12 января 1877 года" (М. 1877, отд. 3, стр. 3—28). Положительный отзыв профессора С. В. Пахмана об отчете „Учение об юридических лицах в применении к акционерным компаниям" рассматривался ученым комитетом 9 февраля 1876 г. (ЛОЦИА, Журнал № 521).

Между письмами 432 и 433 в черновой тетради помещена

ЭПИТАФИЯ НА СМЕРТЬ ЛОНГИНОВА

Щадя свою гнилую шкуру
Министра забрал он в кулак.
Он раком вел литературу
И раком умер, как дурак.

ПИСЬМО 484

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

„Кого государь из них утвердит" — московским губернским предводителем дворянства утвержден был граф А. В. Бобринский.

ПИСЬМО 485

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

„То, что предполагал читать" — речь идет о первой части романа „Мещане".

ПИСЬМО 486

Печатается по беловому автографу.

На конверте адрес: „Германия. Баден. Deutschland Baden-Baden Herr⟨n⟩ Annenkoff. Lichtenthaler-Strasse, 9."

„Алмазов пишет мой автобиографический очерк" — статья Б. Н. Алмазова, представляющая собою переработку его речи о Писемском, произнесенной 19 января 1875 г. в Московском университете на праздновании юбилея литературной деятельности Писемского, была напечатана в „Русском Архиве" 1875, т. I, № 4, стр. 453—467 („А. Ф. Писемский и его 25-летняя литературная деятельность"). В одном из примечаний к статье Алмазова было сказано: „А. Ф. Писемский прочел на своем юбилее второй акт драмы своей „Просвещенное время", напечатанной в первой книжке „Русского Вестника" сего года. Приводим выдержку из письма П. Анненкова к автору по поводу этой драмы: „Меня не удивляет ее успех на сцене, ибо крупные характеры и крупная интрига пиесы, намеченные чрезвычайно-твердою рукою, должны были произвести большой эффект. Так и должны писаться политические комедии, которые всегда сродни памфлету, и родства этого стыдиться не должно. В последнее время вы сделались отцом драматического памфлета и сказываете в этом новом роде мастерство не подверженное сомнению. Продолжайте разработывать этот новый род и не изменяйте своей манеры: род этот очень важен, очень полезен и сбережет ваше имя и вашу память в людях современных и будущих" (стр. 455).

ПИСЬМО 487

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

ПИСЬМО 488

„Желаю заказать памятник“ — речь идет о постановке памятника на могиле Н. А. Писемского. См. письмо Е. П. Писемской в примечании к письму 521.

ПИСЬМО 489

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

ПИСЬМО 490

Печатается по черновику, писанному карандашом неизвестною рукою.

„Посылаю Иллюстрацию“ — в 9-м № „Всемирной Иллюстрации“ за 1875 г. (от 22 февраля) на стр. 157 помещен портрет Писемского работы П. Ф. Бореля (гравировал И. Матюшин).

„Маркевич принужден был оставить службу“ — Экстренное увольнение Б. М. Маркевича из министерства народного просвещения состоялось 15 февраля 1875 г. („прошение“ об увольнении было подписано 14 февраля). Об обстоятельствах получения Маркевичем от Ф. П. Баймакова взятки в сумме 5 000 р. см. „Критико-биографический словарь русских писателей и ученых“ С. В. Венгерова, т. II, СПБ. 1891, стр. 64, и его же заметку в „Энциклопедическом словаре“ Брокгауза и Ефрона (т. 18). Огласка преступления Маркевича не помешала ему, однако, сохранить звание камергера и в августе того же года получить должность директора галичского тюремного отделения („Костромские Губернские Ведомости“ 1875, № 39 от 4 октября, стр. 246).

ПИСЬМО 491

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

„О горе нашем“ — речь идет о самоубийстве Н. А. Писемского.

ПИСЬМА 492—494

Печатаются по черновикам, писанным карандашом рукою Е. П. Писемской. Датируются по письму 496.

„Мой роман“ — „Мещане“. См. примечание к письму 604.

ПИСЬМО 495

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской. Датируется по положению в черновой тетради.

„В Париж выезжает труппа“ —Парижские гастроли труппы Общедоступного частного театра С. В. Танеева возбудили в театральных кругах повышенный интерес к себе еще задолго до их начала. Петербургская и московская пресса обсуждала вероятный состав гастрольной труппы. Дальнейшие события полностью оправдали, однако, опасения Писемского. Несмотря на благожелательные отзывы парижских газет, гастроли русской труппы в целом успеха не имели. По общему мнению критики и позднейших историков театра неудача Танеева была обусловлена, преимущественно, выбором пьесы. „Русская свадьба в исходе XVI века“ (впервые поставлена в 1852 г., издана в 1854 г.) П. П. Сухонина, ценная в историко-этнографическом плане, совершенно неинтересна и бессодержательна как драматическое произведение („первобытная наивность“ по выражению одного из

французских рецензентов). С 31 марта по 17 апреля 1875 г. пьеса Сухонина выдержала (на сцене театра Ventadour) 11 представлений. Из отдельных исполнителей успехом пользовались О. А. Пускова, Н. К. Милославский и Н. С. Васильева. См. „Journal des Debats" 1875, 5 avril; „Liberté" 1875, 2, 5 и 15 avril; „Русский Мир" 1875, № 51(22. II); „Ежегодник имп. театров" 1909, вып. 6—7, стр. 150; В. Н. Давыдов, „Рассказ о прошлом", Л. 1931, стр. 272—273, 432.

„Катков стрелял в Леонтьева" — см. примечание к письму 415.

ПИСЬМО 496

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

„Вчера я кой кому из приятелей" —см. письма 492—494.

ПИСЬМО 497

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской. Датируется по положению в черновой тетради.

„Сделано ли распоряжение об изготовлении векселя" — Отношение департамента министерства народного просвещения в особенную канцелярию по кредитной части о выписке П. Писемскому векселя на сумму 367 руб. 50 коп. было отправлено 4 марта 1875 г. ;Уведомление на имя П. А. Писемского о высылке ему 1279 франков 11 сантимов послано было 21 марта 1875 г. (ЛОЦИА, дело № 145950).

ПИСЬМО 498

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

„Вчера получил статью Курьера" — речь идет о книге Курьера (Courrier) „Histoire de la littérature contemporaine en Russie", Paris 1875. В книге много внимания уделено творчеству Писемского (стр. 274—280, 311—320).

ПИСЬМО 499

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

„Приезжала сестра Патти" — концерты Карлотты Патти при участии пианиста Риттера и скрипача Сивори состоялись в Москве 6, 7, 9 и 10 марта. Холодный прием итальянской певицы московской публикой был отмечен и современной прессой. „Наименьший успех имела царица концертов, К. Патти, от которой может быть мы ожидали слишком многого" („Современные Известия" 1875, № 70 (11. III), стр. 2). „Больше всего публика негодует на г-жу Патти, от которой ожидала бо́льшего голоса и большей свежести его" („Московские Ведомости" 1875, № 63 (11. III), стр. 5).

ПИСЬМО 500

„Я писал к вам" — см. письмо 497 и примечание к нему.

ПИСЬМО 501

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

„Я только что просил вас" — см. письма 500 и 497.

„Объясню, почему я так беспокоился" — из писем 461 и 483 видно, что Писемский опасался лишения П. А. Писемского стипендии министерства народного просвещения.

ПИСЬМО 502

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской. Датируется по положению в черновой тетради.

„Попросите в том отделении“ — см. примечание к письму 497. В. Н. Майков служил в министерстве финансов.

ПИСЬМО 503

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

„Цветухин справлялся“ — см. примечание к письму 497.

„Русская труппа“ — см. примечание к письму 495.

ПИСЬМО 504

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

„К тебе отправится числа 18“ — см. примечание к письму 497.

ПИСЬМО 505

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

ПИСЬМО 506

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

„Для вас вернее на меня не расчитывать“ — речь идет об участии в „Вестнике Европы“, постоянным сотрудником которого был А. А. Потехин.

ПИСЬМА 507—508

Печатаются по черновикам, писанным карандашом рукою Е. П. Писемской.

ПИСЬМО 509

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской с вставкой автора. Датируется по связи с письмом 508.

„Поздравляю с повышением вашего брата“ — речь идет о В. И. Постельникове.

ПИСЬМА 510—511

Печатаются по черновикам, писанным карандашом неизвестною рукою.

ПИСЬМО 512

На обороте второго листка письма адрес: „Monsieur Tourgueneff. Rue de Douai 50“.

В переводе даты записки на новый стиль у Писемского ошибка: вм. „6/12 апреля“ следует „6/18 апреля“, ср. почтовый штемпель „Paris, 19 avril 75“.

Сохранилась ответная записка И. С. Тургенева:

50, Rue de Douai
Понедельник, 19 апреля 1875
5½ часов.

Сейчас вернулся домой и нашел вашу записку, любезнейший Писемский. — Поздравляю с приездом и очень желаю вас видеть.

MATINÉE LITTÉRAIRE

ET MUSICALE

Du Vendredi 14 Mai, à deux heures

50, RUE DE DOUAI, 50

MM.

1° Scène de Ballet . . . . De Bériot.

Par M. PAUL VIARDOT.

2° *Les Reliques vivantes* . . . . Tourguéneff.

Lu par l'Auteur.

3° Air de *Rousslane* . . . . Glinka

Par Mme PAULINE VIARDOT.

4° Sonate. (Allegro, Adagio, Scherzo, Rondo.) . . . . . . Weber.

Par M. RUBINSTEIN.

5° Le deuxième acte de la Comédie : *les Temps éclairés*. Pissemski.

Lu par l'Auteur.

6° *A*. Lied. . . . . Rubinstein.
B. Romance. . . . . Tchaïkofski.

Par Mme PAULINE VIARDOT.

7° Le *Hamlet du district de S*. . . . . Tourguéneff.

Lu par l'Auteur.

8° *A*. Impromptu sur des airs populaires russes. . . Rubinstein.
B. Sérénade et Caprice russe . . . . —

Par M. RUBINSTEIN.

Paris. — Typ. Georges Chamerot, rue des Saints-Pères, 19.

АФИША ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНОГО УТРА 14 МАЯ 1875 Г. В ПАРИЖЕ

Самое лучше: я к вам приеду завтра в 11 часов утра. Ждите меня.
Дружески жму вам руку и кланяюсь вашей милой супруге.

Ваш
Ив. Тургенев

(„Новь“ 1886, т. XII, № 23, стр. 191).

ПИСЬМО 513

На конверте адрес: „Baden-Baden. Monsieur Annenkoff, Lichtenthaler-Strasse, № 9.“

ПИСЬМО 514

Дата письма устанавливается датой ответной записки И. С. Тургенева:

50, Rue de Douai
Четверг, 29 (17-го) апреля ⟨1875.⟩

Любезнейший Алексей Феофилактович, напрасно вы сегодня не приехали, — я целое утро сижу дома, а завтра я еду по делам моей злополучной постройки за город; в субботу же открытие выставки — и я целый день там. В воскресенье также неудобно, а хотите — я в понедельник к вам приеду часов в 12 и будем продолжать начатое чтение, которое крайне меня заинтересовало. Если ничего не напишете, значит — да.

Известие об отъезде Анненкова в Россию меня изумило; во всяком случае я ему написал, чтобы он не смел отлучаться из Бадена до нашего приезда.

Дружески жму руку вашей жене и вам

Ваш *Ив. Тургенев*

(„Новь“ 1886, т. XII, № 23, стр. 192).

В Париже Писемский читал у Тургенева свои неопубликованные пьесы и первые главы романа „Мещане“, см. ряд записок Тургенева к Писемскому апреля — мая 1875 г. (там же, стр. 191—192), а также письмо Тургенева к Н. В. Ханыкову от 23 апреля н. ст. 1875 г. („Ежемесячные Сочинения“ 1901, кн. 12, стр. 317).

ПИСЬМО 515

На конверте адрес: „Baden-Baden. Lichtenthaler-Strasse, 9. M. Annenkoff. Дата устанавливается по почтовому штемпелю „Paris 12 mai 75“.

„Должно... состояться литературно-музыкальное утро“ — „matinée littéraire et musicale“ состоялось 2(14) мая 1875 г. по следующей программе: 1) Тургенев, И. С. — „Живые мощи“ и „Гамлет Щигровского уезда“; 2) Писемский, А. Ф. — второй акт драмы „Просвещенное время“; 3) Полина Виардо — „Ария Руслана“ Глинки, „Lied“ Рубинштейна и „Романс“ Чайковского; 4) Поль Виардо — сцена из балета Берио; 5) Рубинштейн — „Соната“ Вебера, „Impromptu sur des airs popalaires russes“ и „Sérénade et caprice russe“ Рубинштейна (афиша, Архив Пушкинского Дома АН СССР).

„Бедный Салтыков очень заболел“—П. В. Анненков писал из Бадена Писемскому 1(13) мая: „Салтыков у меня выходит понемногу и очень понемногу из гроба. И за то ему спасибо, а то напугал меня до поноса, поверите-ли — плерезия и пневмония в одно время при едком, жесточайшем ревматизме. Перестал уже и стонать, а впал в беспамятство и спячку: тут

с ним и кризис произошел. Бойкий народ — петербургские доктора. Мертвеца с рук долой посылают в неизвестный город на руки Анненкову: пускай оправляется... Уморительно!“ („Новь“ 1888, № 20, стр. 203). См. также: М. Е. Салтыков-Щедрин, „Письма 1845 — 1889“, Л. 1925, стр. 78 (письмо к Н. А. Некрасову от 12 мая 1875 г.).

ПИСЬМО 516

Текст воспроизводится с копии, сохранившейся в „Копировальной книге“.

ПИСЬМО 517

Текст воспроизводится по копии, сохранившейся в „Копировальной книге“.

ПИСЬМО 518

На конверте адрес: „Baden - Baden. M r Annenkoff. Lichtentlraler - Strasse, 9“.

ПИСЬМО 519

Текст воспроизводится по копии, сохранившейся в „Копировальной книге“.

ПИСЬМО 520

Томик стихотворений, о котором идет речь в записке, помечен на титульном листе 1874 г., вышел однако позднее и, как видно из письма к И. С. Тургеневу от 19 августа 1875 г., стал доступен Писемскому только по возвращении из третьей заграничной поездки. На этом основании и устанавливается приблизительная датировка записки.

ПИСЬМО 521

Печатается по черновику, писанному карандашом неизвестною рукою.

Вслед за этим письмом в черновой тетради помещено следующее письмо Е. П. Писемской к И. В. Цветухину, писанное неизвестною рукою:

11-го Июля 1875. ⟨Москва⟩

Добрейший Иван Васильевичъ

Вот наконец добрались мы до нашего гнезда совсем измученные, усталые и начинаем понемногу приходить в себя. Боль горла у моего мужа, благодаря бога, прошла не развившись в жабу — боязнь которой заставила его так поспешить отъездом из Петербурга в Москву, что и лишило на возможности видется с вами, о чем мы душевно сожалеем. Утром в день отъезда из Петербурга я все таки была на могиле и видела памятник; он кажется, сделан недурно, только надо обсыпать песком, о чем вы уже и писали, но я сама не распорядилась это сделать и буду просить уже вас об этом, и что будет стоить уведомить меня. К мастеру Ефимову я тоже заезжала и сказала ему, что остальные деньги за памятник 125-ть рублей сер. я перешлю вам для передачи ему, Ефимову, что и исполняю, прилагая при сем письме 125 руб. сер. и прося вас отдать их Ефимову. Вместе с сим письмом вы, вероятно, получите и посылочку мою — пор-сигар, который везла вам из Парижа и очень сожалею, что не могла вам передать его лично. Поклонитесь пожалуста от меня вашей милой жене и поцелуйте от меня ребяток. Преданная вам *Е. Писемская*

ПИСЬМО 523

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской. Датируется по связи с письмом 525.

ПИСЬМО 524

Печатается по черновику, писанному карандашом неизвестною рукою.

„На счет закона 30 марта“ — речь идет об утвержденных 30 марта 1873 г. „Правилах для разрешения постройки железных дорог“ („Правительственный вестник“ 1873, № 83 (7. IV), стр. 1.)

ПИСЬМО 525

Печатается по черновику, писанному карандашом неизвестною рукою. Адрес: „Германия. Берлин. Deutschland Berlin. Herrn Pissemsky. Mittelstrasse 50. Testes's chambres garnies.“

„Вчерашний день я судился“—см. письмо 523 и примечание к письму 402.

ПИСЬМО 526

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

„Постараюсь отыскать книгу Зарудного“ — речь идет о книге: „Торговое уложение италиянского королевства и русские торговые законы. Опыт сравнительного изучения системы законодательств“ С. Зарудного. СПБ. 1870.

ПИСЬМО 527

Печатается по черновику, писанному карандашом неизвестною рукою.

„Я отправляю... Зарудного“ — О первой книге см. примечание к предыдущему письму. Полное название второй книги: „Гражданское уложение италиянского королевства и русские гражданские законы“, СПБ. 1869, 2 части.

ПИСЬМО 528

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

„2-ой части X-го тома“ — речь идет об одном из отдельных изданий 2-й части X-го тома „Свода законов гражданских“. Книга содержит законы о судопроизводстве и взысканиях гражданских.

ПИСЬМО 529

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

„Ты разрезал книгу Зарудного“ — см. примечание к письму 527.

„Сборник Думашевского“ — речь идет о труде: „Систематический свод решений кассационных департаментов сената 1866—1873 гг. с подлинным текстом решений, извлеченными из них тезисами и критическим разбором их“ (4 тт., 2-ое издание вышло в 1874—1875 гг.), и именно о первом его томе, составленном А. Б. Думашевским: „Решения гражданского кассационного департамента, разъясняющие т. X ч. I свода законов с прибавлением решений относящихся ко всем другим томам свода законов, за исключением Уложения о наказаниях“ (см. следующее письмо).

ПИСЬМО 530

Печатается по черновику, писанному карандашом неизвестною рукою.

„Отправил Думашевского" — см. примечание к предыдущему письму.

„Об уплате денег не думает" — см. примечание к письму 402.

ПИСЬМО 531

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

„Закон 30-го марта" — см. примечание к письму 524. Перед настоящим письмом в черновой тетради помещено следующее письмо Е. П. Писемской к А. И. Постельникову:

> Добрейш<ий> Александр Иваныч! Муж мой просил вас насчет закона, об котором писал нам Павел, а именно: закон 30-го марта 1873 года относительно железнодорожных компаний, а потому, если найдется у вас таковой, то будьте так добры уведомьте, а всего лучше приезжайте к нам сами, мы уже давно не видались с вами. Итак до свиданья! Преданная вам душевно
>
> *К. Писем<ская>*
>
> 17-го Августа
> воскресенье.

ПИСЬМО 532

В датировке у Писемского ошибка: вм. „19 сентября" следует „19 августа". Действительно, из Парижа Писемский выехал в Баден, где находился в то время Анненков, 15(27) мая 1875 г. (см. письмо к Анненкову от 14(26) мая). Двумя днями позднее заехал туда на несколько дней, по пути в Карлсбад, Тургенев. В начале июля н. ст. Писемский с сыном Павлом приезжает в Карлсбад к Тургеневу, а к 27 июня (9 июля) уже выезжает в Берлин. В Москву Писемский возвратился в начале июля (см. письмо 521). Ошибочность проставленной Писемским даты устанавливается также сопоставлением с ответным письмом Тургенева, датированным „14(2) сентября 1875". Наконец, в письме своем Писемский сообщает, что Анненков „вот уже более недели, как проехал обратно за границу", между тем как письмо Писемского к Анненкову, известившего его о приезде в Берлин, датировано 26 августа. В черновой тетради письмо это предшествует письмам от 19, 22 и 26 августа 1875 г., чем подтверждается ошибочность авторской датировки (черновик писан карандашом неизвестной рукой с поправками Писемского).

„Посылаю вам стихотворения Алмазова" — о получении книги (Б. Алмазов, Стихотворения, Москва 1874) Тургенев извещал Писемского 2(14) сентября 1875 г.: „Я получил ваше письмо, а вслед за ним том стихотворений Б. Алмазова. Я и не воображал, что их так много! Немедленно примусь за чтение, а пока поблагодарите его от моего имени за любезную память обо мне („Новь" 1886, т. XII, № 23, стр. 193).

„По письму вашему, я был у Юлиана Шмидта" — 9 июля н. ст. 1875 г. Тургенев писал Писемскому:

> Я перед вами виноват до безобразия, до отсутствия всякого предела к извинению, — что делать! Спешу по мере возможности загладить свой поступок и высылаю вам не адрес Кайслера, который не знаю, но который весьма легко узнать в любой книжной лавке или еще

лучше — в редакции „Vossische Zeitung“, где он сотрудником, — а письмецо к Юлиану Шмидту, который написал такую хорошую статью о „Тысяче душ“, и к которому вы сходите вместе с вашим сыном. Не сомневаюсь в том, что он будет очень рад вас увидеть и познакомиться с вами. („Новь“ 1886, т. XII, № 23, стр. 192).

В ответ на сообщение Писемского о посещении Ю. Шмидта Тургенев писал 2(14) сентября: „В оценке Юлиана Шмидта вы не ошиблись: он, действительно, грубоват, да и запивает сильно: а немец умный — и старается распространить вашу репутацию в Германии“ (Там же, стр. 193).

Рекомендательное письмо, данное Тургеневым Писемскому, см. „Вестник Европы“ 1909, кн. 3, стр. 271.

ПИСЬМО 533

Датируется по письму 539.

„Поступило дело мое“ — см. письма 539 и 551. В архиве сената дело не сохранилось.

Непосредственно за приведенным письмом в черновой тетради следует писанное рукою А. Ф. Писемского письмо Е. П. Писемской к А. П. Свиньину:

Люб⟨езный⟩ друг Аполлон! От души благодарю тебя за образочек, присланный мне из Киева, крой мне ещ· тем более приятно было получить, что у меня не бы о до него образа моего Ангела Великомученицы Екатерины. О твоем проезде через Москву я узнала от Майковых, к крым приехала на дачу на другой день по⟨сле⟩ тебя и они мне сказали, что ты очень торопился отъездом в Киев. Радуюсь за тебя, что [ты] поручение свое исполнил так удачно и душевно желаю, чтобы ты получил место в Петербурге, а ехать служить в Сибирь за такую даль бог знает: еще хорошо-ли там будет. Мы с мужем возвратились из-за границы еще в начале июля и в Петербурге только переночевали, потому что муж мой захворал дорогой и мы торопились скорее добрат⟨ся⟩ до дому и поэтому самому я ни с кем и не виделась в Петербурге. Вероятно Маша теперь ужь возвратилась из деревни — как ее здоровье?

Желаю тебе всего лучшего, прошу на забывать меня и хотя изредка давать о себе весточку. Целую тебя крепко. Любящая тебя сестра *К. П⟨исемская⟩*

19 Августа 1875 г.

ПИСЬМО 534

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

ПИСЬМА 535—536

Печатаются по черновикам, писанным неизвестною рукою.

„Завтра идут „Самоуправцы“ — 27-го августа 1875 г. постановка трагедии „Самоуправцы“ состоялась при участии И. В. Самарина, М. Н. Ермоловой, Е. О. Петрова, Н. В. Рыкаловой, С. В. Шумского, М. А. Дурново, И. И. Лаврова, Д. В. Живокини, Н. М. Никифорова, В. А. Макшеева, Н. И. Музиля и др. (Афиша).

ПИСЬМО 537

Печатается по черновику, писанному карандашом неизвестною рукою с поправкой автора.

ПИСЬМО 538

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

„Послал Цитовича“ — речь идет о книге: „Лекции по торговому праву, читанные в имп. новороссийском университете в 1873/74 учебном году э<кстра>о<рдинарным> профессором П. П. Цитовичем“. Одесса, вып. I—1873, вып. II, тетради 1—2, 1874—1875.

„Существует его „Гражданское право“ — речь идет о книге: „Курс гражданского судопроизводства. Сочинение Кронида Малышева, доцента СПБ. Университета“ (т. I—СПБ. 1874, т. II —СПБ. 1875 (вышел в конце года), т. III—СПБ, 1879). „Курс гражданского права“ Малышевым был издан (литогр.) только в 1881 г. „Торговое право“ Малышева не выходило вовсе.

ПИСЬМО 539

„Я писал вам“ — см. письмо 533.

ПИСЬМО 540

Печатается по черновику, писанному карандашом неизвестною рукою.

„Артистический кружок“ — см. примечание к письму 757. Н. Е. Вильде, бывший старшиной-руководителем кружка до 1872 г., вновь был приглашен для руководства в связи с резким ухудшением финансовых дел кружка, в январе 1875 г. Далеко не оправдав возлагавшихся на него надежд, Вильде был вторично лишен полномочий в апреле 1877 г. Осенью 1875 г. Вильде значительно оживил деятельность кружка приглашением ряда выдающихся артистов (П. А. Стрепетова, М. И. Писарев и др.).

„Предстоит получить еще два выпуска“ — см. примечание к письму 538.

Вслед за настоящим письмом в черновой тетради помещена записка Е. П. Писемской к С. А. Юрьеву:

Добрейший Сергей Андреичь!

Муж велел вам передать, что ждет вас сегодня и повестит Усова.

К. Писемская

12-го сентября.

ПИСЬМО 541

Печатается по черновику, писанному карандашом неизвестною рукою.

ПИСЬМО 542

Печатается по черновику, писанному неизвестною рукою.

„Юрьев перевел две драмы“ — речь идет о драмах Лопе де Вега „Овечий источник“ и „Наказание не мщение“. См. письмо 558.

Вслед за настоящим письмом в черновой тетради помещено письмо Е. П. Писемской к В. А. Куликовой, писанное неизвестною рукою:

Середа 17 сентября <1875 г., Москва>

Добрейшая Варвара Александровна!

Обращаюсь к вам с превеликою просьбою: будьте так добры зайдите в Министерство народного просвещения, которое находится

в двух шагах от вас у Чернышева моста, и справьтесь там - сделано-ли распоряжение о высылке заграницу денег магистранту Писемскому, и когда именно они к нему пошлются — это необходимо мне знать и вы меня крайне обяжете, известив меня поскорее. Муж мой также просит вас узнать о судьбе его пиэсы Просвещенное время, будет-ли она ставиться на Петербургской сцене и когда именно? Простите, что я вам даю столько поручений, но я уверена в вашем расположении ко мне и знаю что вы не потяготитесь исполнить их, я же, в свою очередь, всегда готова служить вам чем могу. Что-то Анна Ивановна поделывает, довольна-ли она своей дачной жизнью, пожалуста когда увидите ее поцелуйте. За тем, желаю вам всего лучшего, в ожидании вашего письмеца остаюсь преданная вам душою

К. Писемская

Николаю Ивановичу и всем вашим прошу передать мой дружеский поклон.

Постановка драмы „Просвещенное время" на сцене Александринского театра не состоялась.

ПИСЬМО 544

Печатается по черновику, писанному карандашом неизвестною рукою.

„Касательно высылки жалованья" — см. примечание к письму 542.

ПИСЬМО 545

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской. В дате две ошибки: 24 сентября 1875 г. — среда, а не четверг; по новому стилю — 6 октября.

„Получили от Куликовой известие" — письмо к В. А. Куликовой см. в примечании к письму 542. Деньги были отправлены департаментом министерства народного просвещения 24 сентября 1875 г. (ЛОЦИА, дело № 145950).

ПИСЬМО 546

Печатается по беловому автографу.

„Аки бы она безнравственна" — На „безнравственность" и „циничность" драмы Писемского „Просвещенное время" в свое время указывал и цензор драматических сочинений П. И. Фридберг (см. Н. В. Дризен, „Драматическая цензура двух эпох. 1825—1881", стр. 256).

ПИСЬМО 547

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

„Варвара Александровна писала" — см. примечания к письмам 542 и 545.

„Твои два отчета" — речь идет о февральском и июньском отчетах П. А. Писемского. О первом из них см. примечание к письму 483. Второй отчет, задержанный болезнью П. А. Писемского, напечатан не был.

ПИСЬМО 548

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

ПИСЬМО 549

Печатается по черновику, писанному карандашом неизвестною рукою (за исключением второго постскриптума).

ПИСЬМО 550

Печатается по черновику, писанному карандашом неизвестною рукою с поправками автора.

„Лопнул банк“ — Правление московского коммерческого ссудного банка объявило о прекращении платежей по всем видам обязательств 13 сентября 1875 г. („Московские Ведомости“ 1875, № 260, стр. 1). В следующем номере „Московских Ведомостей“ этому событию посвящена передовая.

„Фамилии я не знаю“ — речь идет о Густаве Ландау.

ПИСЬМО 551

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

„Дело Орлова“ — см. письма 533 и 539.

ПИСЬМО 552

Печатается по черновику, писанному карандашом неизвестною рукою.

„Статейки уже пошли“ — статья Ю. Шмидта „Тургенев и Писемский“ в переводе Е⟨лены⟩ Б⟨ларамберг⟩ помещена в №№ 43—44 (стр. 711—715 и 730—732) „Газеты Гатцука“ за 1875 г.

Подлинник напечатан в книге Шмидта „Kharacterbilder aus der Zeitgenössischen Literatur“, band IV, Leipzig 1875, ss. 250—267.

ПИСЬМО 553

Печатается по черновику, писанному карандашом неизвестною рукою.

„Об увольнении меня из членов Комитета“ — членом комитета Общества драматических писателей Писемский состоял со дня его образования (21 октября1874 г.) При перевыборах комитета, состоявшихся 13 марта 1876 г., Писемский был избран кандидатом в члены комитета („Московские Ведомости“ 1877, № 64, стр. 5).

ПИСЬМО 554

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

„Письмецо меня поразило“ — 4 декабря 1875 г. скончался В. В. Каширев.

„Я передал одному знакомому“ — речь идет о Н. П. Гилярове-Платонове.

ПИСЬМО 555

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

„Схлопочи, чтобы она была разрешена“ — комедия „Финансовый гений“ была рассмотрена и одобрена театрально-литературным комитетом на заседании 10 января 1876 г. (ЛОЦИА, Журнал).

„Я читал в обществе“ — речь идет об Обществе драматических писателей.

ПИСЬМО 556

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

Далее в черновой тетради помещена следующая запись:

ПРОТОКОЛ ПРИГОТОВИТ⟨ЕЛЬНОГО⟩ СОБРА⟨НИЯ⟩

В публичном заседании 18 января 1876 года постановле⟨но⟩ прочитать Финансовый Гений, комедию в 4-х действиях Д. Члена А. Ф. Писем⟨ского⟩.

См. примечание к письму 561.

ПИСЬМО 557

Текст письма, за исключением подписи, писан рукой Е. П. Писемской. На обороте второго листка адрес: „Его В-ю Александру Николаевичу Островскому. У Серебрянных бань в Приходе Николы Воробино близь Солянки в собственном доме". Датируется по почтовому штемпелю „Москва, 1876 3 янв.".

„Пиэсу я уже сдал Вильде" — Первое представление комедии „Финансовый гений" состоялось в Москве на сцене Малого театра в бенефис Н. Е. Вильде (бар. Кергоф) при участии И. В. Самарина (Сосипатов), М. Н. Ермоловой (Сосипатова), Н. М. Медведевой (баронесса) и др. 30 января 1876 г. По просьбе Писемского А. Н. Островский 5 января 1876 г. написал письмо Ф. А. Бурдину, прося со своей стороны „похлопотать, чтобы пьеса поскорее прошла Комитет и цензуру" (А. Островский и Ф. А. Бурдин, „Неизданные письма", М. 1923, стр. 205).

ПИСЬМО 558

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

„Пиэсы Лопе де Вега" — драмы Лопе де Вега „Местечко Фуенте Овехуна" („Овечий источник") и „Кассандра, герцогиня феррарская" (Наказание не мщение) были одобрены театрально-литературным комитетом 10 и 17 января 1876 г. Главным управлением по делам печати вторая драма была разрешена с исключениями (см. „Указатель по делам печати" 1876, № 7, стр. 149). С 7 марта 1876 г. драма „Овечий источник" с успехом шла на сцене Малого театра.

ПИСЬМО 559

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской. Датируется по положению в черновой тетради.

„Моя комедия" — Финансовый гений".

ПИСЬМО 560

На обороте второго листка адрес: „Его В-ю Александру Николаевичу Островскому у Николы в Воробине, близь Серебряных бань, в собственном доме".

„Он непрочь от твоего предприятия" — Речь идет о неосуществившемся участии А. Н. Островского в редактировании „Газеты политическо-литературной, художественной и ремесленной А. Гатцука", издававшейся с начала 1875 г. до 1891 г. (в 1891 г. — под названием „Заря"). См. письмо 565.

ПИСЬМО 561

„Финансовый гений" — Комедия Писемского „Финансовый гений" была напечатана в №№ 3 и 4 „Газеты Гатцука" от 24 и 31 января 1876 г. 18 января Писемский читал ее в публичном собрании Общества любителей

российской словесности (см. „Словарь членов Общества любителей российской словесности при Московском университете“. М. 1911, стр. 221).

ПИСЬМО 562

На конверте адрес: „В Германию. В. Баден. Deutschland. Baden-Baden. Herr<n> Annenkoff. Poste restante“.

„С этой пиэской произошел странный случай“ — 22 февраля (5 марта) 1876 г. П. В. Анненков отвечал Писемскому: „Поступок с вами молодой партии „Русского Вестника“ меня нисколько не удивляет — не принять на страницы журнала произведения испробованного, заслуженного и известного писателя — есть уж, с европейской точки зрения, канибальство, хотя-бы произведение было и слабо, чего вовсе и нет в данном случае. Чистые консерваторы на Руси очень становятся похожи на первейших консерваторов во вселенной — патагонцев, краснокожих индейцев и т. д. Что касается до комедии вашей, то она до такой степени ультра-сценична, что в простом чтении не может дать и понятия о впечатлении, какое должна производить на театре“ („Новь“ 1888, № 20, стр. 204).

ПИСЬМО 563

Записка набросана на свободном листке письма К. Н. Леонтьева, присланного А. Н. Островскому.

26 Февраля 1876 г.
Москва.

Милостивый Государь
Алексей Феофилактовичь.

Позвольте представить Вам вышедшую на днях брошюрку мою... Может быть в ней что нибудь и понравится Вам.

Я вчера хотел непременно быть на Вашей *Середе*, но к сожалению у меня заболела голова.

Не знаю, что мне делать с Г. Островским? Вот уже месяц я думаю он в *Артистический Кружок* никакого ответа о 2-х Комедиях *Соловьева* которые я ему доставил, <не дает>! Живет он далеко, адресса мне своего не сказал, не желая, повидимому, чтобы я к нему на дом ехал... А между тем мне очень жаль молодого и способного автора, который мучается.

— Не научите ли Вы меня, что мне делать?

Остаюсь с истинным почтением
готовый к услугам *К. Леонтьев*

Р. S. Прошу не прогневаться, что в книжке много опечаток, это не моя вина!

Датируется записка по письму К. Н. Леонтьева. Под упоминаемой в этом последнем „брошюрке“ подразумевается книга: „Византизм и славянство. Сочинение К. Н. Леонтьева“, М. 1876 (отдельный оттиск из „Чтений при имп. обществе истории и древностей российских“ 1875, кн. III).

Комедии Н. Я. Соловьева „Разладица“ (закончена 26 октября 1874 г. в Николо-Угрешском монастыре) и „Кто ожидал?“ (в дальнейшем „Конец — делу венец“ и окончательно „Женитьба Белугина“, первая редакция закончена там же 9 марта 1875 г.) были переданы А. Н. Островскому сблизившимся с Н. Я. Соловьевым во время совместного пребывания в Николо-Угрешском монастыре К. Н. Леонтьевым в конце 1875 г. (см. „Труды Ко-

стромского Научного Общества по изучению местного края", вып. 42. „Литературный сборник I", Кострома 1928; Д. И. Малинин, „Переписка А. Н. Островского и Н. Я. Соловьева (1876—1886)", стр. 17—122).

ПИСЬМО 565

За исключением подписи письмо писано рукою Е. П. Писемской.

„Вчера я передал... твое желание" - см. примечание к письму 560.

ПИСЬМО 566

Датируется по положению в черновой тетради.

„Благодарю за вашу книжку" – В конце апреля 1876 г. Д. И. Иловайский одновременно выпустил два труда: „Разыскания о начале Руси". Вместо введения в русскую историю, М. 1876 и „История России", часть первая, Киевский период, М. 1876. Нужно думать, что речь идет о первой книге.

„Посылаю мой драматический сборник" — см. примечание к письму 426.

ПИСЬМО 567

Датируется по положению в черновой тетради.

Непосредственно за настоящим письмом в черновой тетради помещены аккуратно переписанные чернилами рукою Писемского три стихотворения под общим заголовком: „Некоторые стихотворения Ленского". Приводим из них первые два.

ХАВРОНЬЯ

(ВЛ. И. Р⟨ОДИСЛАВСКОМ⟩У)

Свинья в театр когда-то затесалась
И хрюкает себе кому хвалу, кому хулу.
Не за свое взялась, хавронья!.. Ты зазналась,
Театр не по тебе; ты знай свой задний двор,
Где, нежелея рыла,
Ты с наслажденьем перерыла
Навоз и сор.

Какой ты знаеш толк в искустве, в песно⟨пе⟩ньях?
Ушам твоим понять их не легко,
В твоих заметках и сужденьях
И брань, и похвала — все хрюканье одно.

В роскошной наш цветник, где в изобильи многом
По вкусам и глазам разбросаны цветы
Незваная с своим поганым рылом
        Не суйся ты!

И в розе прелесть есть, и прелесть есть в лилее:
Та яркостью берет, а эта чистотою.
Соперницы-ль они? одна-ль другой милее?
Нет нужды!.. Радуйтесь и тою, и другой,
Но мой совет цветам — гнать от себя хавронью
И хрюканьем ее себя не обольщать.

ЗАКУЛИСНОМУ СЛАВЯНОФИЛУ

Кафтанник и квасник, Ост⟨ровско⟩го клеврет,
История Руси есть для тебя секрет,
Ты не читал ее!.. совсем ее не знаеш!

Опричь своих ролей ты вряд-ли что читаеш.
Опричник ты!.. Мужик со скотного двора,
Тебе-ль судить дела великого Петра
И явно утверждать, что будто просвещенье
Есть гибель для Руси и нравов развращенье?
Пожалуй, ври себе, рассудку вопреки,
Что будто там лиш Русь, где гашник и портки,
Но мы, мы, русские, тебе не подражаем
И умный наш народ иначе понимаем.
С косым воротником рубашка да кафтан
Не суть еще для нас все доблести славян.
Засаленый армяк, засаленое пузо —
Какой смешной оттенок от француза.
Ты прежде поучись, ты прежде почитай,
Да там к историкам себя и причисляй.
Ты возмечтал, что ты Козьма наш Минин,
А ты в моих глазах второй Тарас Скотинин.

Стихотворения принадлежат известному артисту и водевилисту Д. Т. Ленскому. Многочисленные эпиграммы его, преимущественно связанные с театральной жизнью, в печать проникали скупо и распространялись главным образом, в списках и устно.

Второе из приведенных нами стихотворений направлено против П. М. Садовского, которому посвящена еще одна эпиграмма Ленского („Вот вам талант вполне московский“..., см. „Исторический Вестник“ 1912, июнь, стр. 884).

Третье стихотворение направлено против С. В. Шумского и называется „Мерзавцу“. Частично оно было опубликовано в „Закулисной хронике“ А. А. Нильского.

ПИСЬМО 568

Датируется содержащимся в письме указанием на наступление холодной погоды в течение последней недели. Речь идет о резком и длительном похолодании, начавшемся в Москве вечером 4 августа 1876 г. (см. „Московские Ведомости“ 1876, № 200). С 12—13 августа опять началось потепление.

„Роман ваш“ — речь идет о первом романе Е. И. Бларамберг „Без вины виноватые“, начатом летом 1875 г. незадолго до знакомства с Писемским, оконченном в феврале 1877 г. и напечатанном под ее псевдонимом Ардов в „Вестнике Европы“ за тот же год (кн. 7—8).

„Сын защитил диссертацию“ — Диссертация на степень магистра гражданского права „Акционерные компании с точки зрения гражданского права“ (М. 1876 была защищена П. А. Писемским в публичном заседании юридического факультета 8 мая 1876 г. После утверждения 11 мая 1876 г. советом университета Писемского в степени магистра деканом юридического факультета Ф. Б. Мильгаузеном был возбужден вопрос об утверждении его в должности доцента по кафедре гражданского судопроизводства и судоустройства. 31 мая 1876 г. совет университета постановил: „подвергнуть г. Писемского баллотированию на должность доцента“. Осуществлено это решение было только в сентябре 1876 г., см. примечание к письму 572. (МОАУ, архив московского университета, дело № 197 „об утверждении П. Писемского в степени магистра“...; дело № 303 „об утверждении магистра Писемского в должности доцента“...).

ПИСЬМО 569

„*Благодарю за ваше поздравление*" — речь идет об избрании П. А. Писемского советом московского университета на должность доцента. См. примечание к письму 572.

ПИСЬМО 571

Датировка устанавливается при сопоставлении с ответным письмом от 26 октября (7 ноября) 1876 г., в начальных строках которого Тургенев извещал своего корреспондента: „Вчера получил я ваше письмо, любезнейший Алексей Феофилактович" („Новь" 1886, т. XII, № 23, стр. 193).

„*Вы кончили ваш большой роман*" — роман „Новь", законченный Тургеневым в июле 1876 г. и напечатанный в январской и февральской книжках „Вестника Европы" 1877 г.

„*Дело Струсберга*" — собственно, дело членов правления Московского ссудного банка, обвинявшихся в мошенничестве, взяточничестве и незаконной выдаче, без ведома акционеров-членов Совета, необеспеченных ссуд на сумму около 7 млн. руб. международному аферисту Струсбергу, что повлекло за собой крах банка. Слушалось в Московском окружном суде с участием присяжных со 2 по 25 октября 1876 г.

ПИСЬМО 572

В дате описка (1867 вм. 1876).

„*Во многих ролях имела успех*" — наибольшим успехом Н. В. Савицкая пользовалась в ролях Лизаветы („Горькая судьбина"), Изабеллы („Мера за меру" Шекспира) и Катерины („Гроза" Островского).

„*Павел уже доцент*" — Баллотирование П. А. Писемского Советом Московского университета на должность доцента по кафедре гражданского судопроизводства и судоустройства состоялось 11 сентября 1876 г. и дало 23 избирательных балла против 20 неизбирательных. Попечителем московского учебного округа Писемский был утвержден в должности доцента 25 сентября 1876 г. (МОАУ, д. № 303—1876 г.). См. примечание к письму 568.

ПИСЬМО 573

„*Посылаю письмо к Майкову*" — см. письмо 572.

„*Сегодня уехала Стрепетова*" — Постановка „Горькой судьбины" на сцене петербургского Клуба Художников при участии П. А. Стрепетовой, К. А. Варламова, Ф. А. Бурдина, Н. И. Арди и др. состоялось 16 октября 1876. Характеристика игры Стрепетовой была помещена в „Новом Времени" (1876, № 234 от 22 октября, стр. 4. „Театр и музыка"). День отъезда Стрепетовой из Москвы, следовательно, не 16, а 15 октября.

ПИСЬМО 574

„*Вы намекаете в вашей статье*" — В „Московском фельетоне", появившемся в 221-м № „Нового Времени" (9 октября 1876 г.) А. Д. Курепин писал по поводу постановки трагедии „Бывые соколы" на сцене Общедоступного частного театра:

> Рассказ содержания „Бывых Соколов" представлет некоторые трудности, но попробуем связать вместе и „настоящую" пьесу, как она написана автором, и ту, которую мы увидели на сцене. — У дес-

пота-помещика две взрослых дочери; младшая (довольно бледная личность) не прочь замуж, что вполне естественно, старшая — непременно хочет в монастырь, отказывает женихам и даже нежно-любимому брату не хочет объяснить причин своих отказов и своего стремления к монашеству. Стороной уже брат узнает, что его Вера любила когда-то своего крепостного человека и имеет от него сына. — Так рассказывается на сцене, но не так было оно в „настоящей“ пьесе г. Писемского. Там место крепостного управляющего занимает сам деспот-отец... Мы вполне понимаем побуждения, руководившие автором в переделке пьесы: театр — не книга и не зала суда, он не терпит *слишком грубых* разоблачений грешной человеческой природы, публика его так разнообразна, в ней много щекотливых мест, к которым следует прикасаться с осторожностью... — Прибавьте к этому, что в пьесе есть несколько мест, прямо намекающих на скрытые мотивы и пружины, двигающие лицами драмы. Эти места совершено понятны для знающего и могут казаться странными незнающему сути дела. Все это — последствия нарушения художественного целого. И при всем том, какая сила чувствуется в создании характеров, сколько драматизма в положениях! Личность деспота-отца задумана и очерчена прекрасно: кто сам не застал таких типов в живых, тот знает их из истории нашего недавнего прошедшего. Положим, они исключительны, но эта исключительность ведь не мешала им быть причинами страшных нравственных драм, которые разыгрывались в семействах и губили честь всей семьи и жизнь многих из ее членов... И старшая дочь — не преступница, не отвращение ваше возбуждает она, а жалость, участие и сострадание. Жертва деспотизма, отвратительного воспитания и разнузданной похотливости, она является перед вами завядшим, некогда прелестным цветком, сломанным грубою и — родственной рукою.

Еще ранее сообщение о первоначальном содержании трагедии появилось в „Тетральной Газете“ (1876, № 84, от 3 октября, стр. 326). Раскрытие авторского секрета здесь было мотивировано следующим образом: „Почтенный автор *написал*, — но не напечатал, заметьте, — эту пьесу в таком виде: на сцену выведен деспот отец, помещик доброго, чтоб ему пусто было, старого времени, *сделавший* свою старшую дочь — девушку, конечно, пассивно ему повиновавшуюся, своею любовницей. Отсюда возникла целая масса самых тяжелых, невыносимых, нетерпимых отношений этой несчастной девушки к ее брату, жениху, к ребенку и, наконец, к ее младшей сестре. Отношения эти глубоко правдивы, высоко драматичны. — Зачем далее автор, *почти не меняя* пьесы, соблюдая *первоначальный* тон себе, заменил злодея-отца управляющим, зачем было сделано это — мы объяснить ее не можем, не в силах... — Ничего не изменив ни в тоне пьесы, ни в ее развитии, и переменив только одно имя на другое, автор дает нам право объяснить историю ее“.

Обращение А. Д. Курепина к Писемскому за подтверждением изложенных сообщений было вызвано статьей „Театральная хроника“, появившейся за подписью *Н. М.* в „Русских Ведомостях“ (1876, № 266 от 21 октября). Основная мысль статьи заключается в следующем:

Полнейшее отсутствие художественности в трагедии г. Писемского рецензенты Театральной Газеты и газ. Новое Время желают объснить тем, что будто бы трагедия г. Писемского, в силу требований театральной цензуры, *переделана* для сцены, и что в печатной пьесе место крепостного Фортунатова занимает сам деспот-

отец... — Смею уверить почтенных г. г. рецензентов, что они впали в ошибку и ничего того, что приписывают они *знающим* настоящую фабулу пьесы, нет и не было в трагедии г. Писемского. Моя сегодняшняя хроника несколько и запоздала потому, что я хотел проверить слова г. г. рецензентов, и, отыскав в Всемирном Труде трагедию г. Писемского, я нашел, что пьеса явилась на сцене в том же виде, в каком была напечатана.

Письмо Писемского было использовано Курепиным в очередном „Московском фельетоне", появившемся 30 октября 1876 г. („Новое Время", № 242, стр. 4). „Смею уверить почтенного „рецензента" — отвечал он фельетонисту „Русских Ведомостей", — что ему не было никакой нужды копаться в кучах покойного Ханова журнала и „задерживать" свою хронику: ведь никто ему не говорил, что „Бывые соколы" напечатаны в их „первоначальном" виде, а каков был этот первоначальный вид, в этом убедят рецензента следующие строки из письма А. Ф. Писемского, который обязательно согласился разрешить недоумение „незнающих" настоящей фабулы его пьесы.

... Пиеса моя „Бывые соколы", действительно имела тот сюжет, на который вы намекаете, но не была напечатана мною в таком виде отчасти по цензурным, а еще более, чисто по моим авторским соображениям, а потом я ее переделал...

„Теперь играется на сцене" — трагедия „Бывые соколы" впервые была поставлена на сцене харьковского Большого театра 28 сентября 1876 г. и затем шла на сцене Общедоступного частного театра в Москве (29 сентября и октябрь 1876 г.). В последнем роли были распределены следующим образом: Бакреев — Воронковский, Борис — Брагин, Вера — Таланова I, Софья — Грекова, Сашанский — Вехтер, Цаплинов — Греков. О первом представлении анонимный рецензент „Театральной Газеты" писал: „Пьеса имела несомненный и серьезный успех. Весь театр, по окончании ее, вызывал автора, которого, по обыкновению, оказалось, что „в театре де не находится", хотя он и находился в директорской ложе, что все видели" (№ 81 от 30 сентября, стр. 314). О постановке „Бывых соколов" в театре Танеева кроме указанных выше рецензий см. статью Д. В. Аверкиева „Московская драматургия" („Московские Ведомости" 1876, № 267 от 19 октября стр. 5) и анонимную статью в „Московском Обозрении" (1876, № 2 от 10 октября, стр. 29—30). Аверкиев в своей статье проявляет осведомленность в существовании иной редакции трагедии. Второй рецензент самостоятельно догадывается о ее истинном мотиве.

ПИСЬМО 575

Печатается по черновику, писанному рукою Е. П. Писемской. Датируется по положению в черновой тетради.

„Утверждение Павла совершилось" — см. примечание к письму 572.

„Спасибо за заметку о Струсберге" — Корреспонденции о процессе Струсберга (см. примечание к письму 571) печатались в „Русском Мире" ежедневно; которую из них подразумевает Писемский — неясно.

ПИСЬМО 576

„Начат большой роман" — речь идет о романе „Мещане". См. примечание к письму 604.

„Начата также драма“ — речь идет о драме „Старые счеты“. См. примечание к письму 700.

„Начинаемый вами журнал“ — в 1877—1878 гг. Н. И. Зуев издавал под названием „Северная Звезда“ еженедельный журнал „литературы, наук, искусств, политики и общественной жизни“. Сотрудничали в журнале: П. В. Быков, Н. Панов, А. Шкафф и др.

ПИСЬМО 579

„Измышлял как назвать пиэсу“ — см. письмо 648 и примечание к письму 700.

ПИСЬМО 580

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

„По письму Родиславского“ — см. письмо 578.

ПИСЬМО 581

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской. Датируется по положению в черновой тетради и по связи с следующим письмом.

ПИСЬМО 582

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской. Датируется по положению в черновой тетради.

ПИСЬМО 583

„Спасибо за высылку Кругозора“ — речь идет об издававшемся еженедельно и редактировавшемся В. П. Клюшниковым в 1876 — 1878 г. г. „иллюстрированном журнале литературы, наук, искусств, политики и общественной жизни“. В „Кругозоре“ сотрудничали: Н. С. Лесков, Е. В. Сальяс-де-Турнемир, А. Н. Майков, В. Г. Авсеенко, И. И. Ясинский, Н. Н. Страхов, В. В. Крестовский, Н. И. Зуев, А. А. Шкляревский и др. Кроме того в конце 1876 г. были объявлены сотрудниками: А. Ф. Писемский, Ф. М. Достоевский, П. И. Мельников, Д. В. Аверкиев, Г. П. Данилевский, Л. Н. Антропов и др.

ПИСЬМО 584

„Один акт из пиэсы“ — речь идет о драме „Старые счеты“. См. примечание к письму 700.

„Первая часть длинного романа“ — речь идет о романе „Мещане“.

ПИСЬМО 586

Помимо приведенной в тексте черновой (окончательной) редакции письма, в черновой тетради сохранились еще две, зачеркнутые, редакции. В виду их полнейшего несходства, отражавшего колебания Писемского, приводим их полностью.

ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ:

〈Около 14 января 1877 г., Москва〉

Я вам уже отвечал, почтеннейший Федор Николаичь, и теперь на второе ваше письмецо повторю еще раз мои желания: я могу решиться печатать только всю часть, по причинам, которые я уже

вам излагал в предыдущем письме. Во всей этой части двенадцать глав; величина [каждой главы приблизительно около 1 печатного листа] же построчная приблизительно до 10 печатных листов или около ⟨?⟩ того ⟨?⟩ (впрочем это по моему собственно⟨му⟩ разчету, который может быть и неверен). Плату я обыкновенно получал, как и вы, я думаю, знаете, по двести пятидесяти рублей сер. за печатный лист, но так как вы еще в начинающем положении, то дайте мне по двести рублей сер. за печатный лист в формате бывшего журнала Зари [или Отечествен⟨ных Записок⟩ бывшей Библиотеки для Чтения] или Русского Вестника; деньги разу⟨ме⟩ется желаю чтобы платили мне окуратно и нисколько не затягивая в платеже. Роман я буду высылать вам по [частям] главам, потому что он хоть и небольших, но все таки будет требовать поправок. В случае согласия вашего на эти условия вы потрудитесь от издателя вашего прислать мне расписочку в том, что он желает напечатать в своей Газете Русский Мир 1-ю часть моего романа [названного] под названием Мещане с платою мне по двести рублей сер. за печатный лист в форм⟨ате⟩ бывшего журнала Заря или Русского Вестника с обязательством напечатать сказанную 1-ю часть в продолжении года.

Наконец, последнее мое так сказать предполагаемое желание: если роман я буду продолжать, то чтобы [роман] Русский Мир и это продолжение принял на тех же условиях, как и 1-ю часть романа.

Дружески жму вашу руку ⟨*Писемский*⟩

ВТОРАЯ РЕДАКЦИЯ:

⟨14–15 января 1877 г., Москва⟩

Почтеннейший Федор Николаичь

С чего это вы взяли, что написали мне что-то такое неприятное. Вы в письме выражали только желание ваше поместить несколько глав из моего романа, на это письмо я вам и ответил немедленно, что несколько глав я поместить не могу, потому что они освещаются только сюжетом; в последнем письме вашем вы пишете, что желаете поместить 3 главы, на это я вам опять отвечу, что могу только поместить в вашей газете всю часть, которая вся как оказывает⟨ся⟩ по проверке моей в редакции никак не больше 6 листов; но опять таки повторяю вам, что если бы вы поместили всю первую часть, то и то [в смысле газеты] будет совершенно бесполезным для вас, а равно и бесполезно для меня. Что вы так гонитесь за [надерган] клочками: неужели только для объявления, для улова публики? И тем более для меня непонятно: зачем какой-бы то не было газете хлопотать об каких-то авторах, когда есть банковские и разные конференции по по⟨во⟩д⟨у⟩⟨?⟩ грозящей войны — пожинайте только плоды. Я полагаю, что никто искренно ничем теперь не интересуется, кроме политических событий, волнующих всю Европу: [лире] нравоописателям и даже лир⟨икам?⟩ я полагаю теперь ⟨?⟩ следу⟨ет⟩ умолкнуть; я же, голубчик, так болен, что, ей богу, мне ни до каких треволнений земных.

ПИСЬМО 587

Датируется по письму А. В. Прахова от 12 февраля 1877 г., ответом на которое оно является (см. „Известия книжных магазинов т-ва М. О. Вольф“ 1913, № 5, стр. 122).

„Пчела“ — „русская иллюстрация, еженедельный журнал искусств, литературы, политики и общественной жизни“, издававшийся М. О. Микешиным (первоначально совместно с А. С. Гиероглифовым) в 1875–1878 г.г. В 1877 г. в литературном отделе журнала сотрудничали: Г. И. Успенский, Я. П. Полонский, М. П. Розенгейм, Д. Д. Минаев, Л. И. Пальмин,

Д. Л. Мордовцев, В. А. Крылов, Н. А. Чаев, В. В. Стасов, П. В. Шумахер и др.

„*Что касается до цензуры*“ — А. В. Прахов в упомянутом выше письме писал: „Роман Ваш увлекателен, и мы готовы взять его обеими руками, но мы — журнал подцензурный и потому с Михаилом Осиповичем Микешиным порешили так: пригласим нашего цензора, Ратынского, на вечер и прочтем ему Вашу рукопись: если он поручится, что роман пройдет, тогда мы будем просить Вас оставить его за нами и сообщим наши условия“ (там же). О чтении романа см. примечание к следующему письму.

ПИСЬМО 588

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

„*Как вам не грех*“ — 22 февраля 1877 г. М. О. Микешин писал Писемскому:

> Много воды и времени утекло с той поры, когда встречался я с Вами в гостиной покойного гр. Федора Петровича Толстого в Академии Художеств! Может Вы меня и не помните, хотя я не раз брал слово со своего старого московского приятеля, А. Н. Островского, напоминать Вам о моем существовании („Известия“... 1913 № 5, стр. 123).

„*Что касается бороды Бегушева*“ — М. О. Микешин писал:

> Я бы, со своей — чисто художнической стороны, заметил, что в высшей степени симпатичном типе Бегушева не хватает густой, коротко подстриженной бороды... Не умею Вам пояснить, отчего он мне представляется с такой бородкой. Как будто бы и его солидный возраст, и его обособленность взглядов и мыслей, и его прошлое, и его „ношение“ принципов 40-х годов, — все, все меня как-то инстинктивно приводит к тому, что ему не можно быть без бороды, т. е. без той характерной, русского характера, подстриженной бородки, которая идет лишь к свободолюбивым нашим барам. Мне очень хотелось бы склонить Вас на этот компромисс, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ карандаш мой невольно егозит по бумаге, добиваясь воплощения Ваших типов в рисунке... Попаду ли я в цель? — Это ужасно меня интригует (там же).

В окончательном тексте романа „Мещане“ о бороде Бегушева сказано: „Борода у Бегушева была коротко подстрижена“ (ч. I, гл. 3).

„*Касательно цензурных и редакционных неряшеств*“ — М. О. Микешин в том же письме писал:

> Встретив в рукописи некоторые щекотливые на цензорское ухо места, мы, с другом и товарищем моим Ад. Вик. Праховым, порешили предварительно прочесть ее в среде своих сотрудников и в присутствии „пчелиного“ цензора — Н. А. Ратынского, что и совершилось в прошлую субботу у меня. — Общее впечатление слушателей было восторженно, несмотря на то, что в числе их были особи противоположных партий, т. е. и „западники“, и „славянофилы“; остался вполне доволен и Ратынский, не считая конечно нескольких случайно-недосмотренных редакционных недоделок (там же).

Чтение в редакции „Пчелы“ первой части романа „Мещане“, состоявшееся 19 февраля 1877 г., не укрылось от внимания современной прессы. 24 февраля 1877 г. в газете „Новости“ появилась следующая заметка:

> На днях в одном литературном кружке была прочитана часть нового романа г. Писемского под заглавием „Мещане“. Основные мотивы этого романа — типы современных дельцов. По отзыву при-

сутствовавших на чтении, кроме необыкновенно яркой обрисовки типов, в романе встречаются сцены, замечательные по художественной отделке и внутренней правде; таково, например, описание обеда, данного одним из действующих лиц в одной из московских гостиниц. Роман этот, вероятно, будет напечатан в „Пчеле“ (№ 52, стр. 3).

На следующий день заметка под названием „Новый роман Писемского“ была перепечатана в „Новом Времени“ (1877, № 357 от 25 февраля, стр. 2). В „Театральной газете“ анонимный корресподент в обширном сообщении („Новый роман А. Ф. Писемского“) писал: „Новое произведение маститого беллетриста нашего обещает быть несравненно выше его „Взбаламученного моря“, „В водовороте“. Если можно судить по первой части, г. Писемский дает нам произведение, не уступающее его „Тысяче душ“. Во всяком случае Писемский могуче и ярко отмечает ту гоньбу за наживой, которая составляет особенность и характерную черту нашего времени“ (№ 50 от 10 марта, стр. 1—2).

ПИСЬМО 589

Черновик письма сохранился в двух редакциях.

„К комедии моей“ — речь идет о драме „Старые счеты“. См. письма 576 и 579.

ПИСЬМО 590

Черновик письма сохранился в двух редакциях. Ответ А. В. Прахова не сохранился.

ПИСЬМО 591

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

„Попросите ответить мне“ — см. примечание к предыдущему письму.

ПИСЬМО 592

Черновик письма сохранился в двух редакциях.

„Я согласен уступить“ — гонорар в размере 200 руб. за печатный лист был предложен А. В. Праховым от имени М. О. Микешина в письме от 25 февраля 1877. Однако еще 27 февраля 1877 г., т. е. до получения согласия Писемского, редакцией было помещено объявление следующего содержания: „Редакция имеет честь заявить, что ею приобретен новый роман А. Ф. Писемского, под заглавием „Мещане“; печатание этого романа начнется в апрельских №№ журнала“ („Новое Время“ 1877, № 359, стр. 1).

ПИСЬМО 593

„Предполагаемое Вами чтение“ — речь идет о публичном чтении в Обществе любителей российской словесности романа „Мещане“. Отчет о состоявшемся 13 марта 1877 г. чтении см. в „Современных Известиях“ 1877, № 75 от 18 марта, стр. 1—2 (статья В. Лебедева).

ПИСЬМО 595

„В будущее воскресенье“ — см. примечание к письму 593.

„Касательно портрета“ — 5 марта 1877 г. А. В. Прахов писал Писемскому: „Позвольте побеспокоить Вас убедительнейшею просьбою выслать нам (буде на то Ваша воля) Ваш портрет (хорошую крупную фотографию) для

помещения в „Пчеле“ в том №, с которого начнется печатание Вашего прекрасного романа“ („Известия“... 1913, № 5, стр. 126). Портрет Писемского работы М. О. Микешина был воспроизведен в № 18 „Пчелы“ от 1 мая 1877 г.

ПИСЬМО 596

„Согласно вашему желанию“ — письмо М. О. Микешина не сохранилось.

„Мастерской рисунок ваш“ — 22 февраля 1877 г. М. О. Микешин писал Писемскому: „Вышлю Вам эскиз и прошу Вас хорошенько его пробрать. Нечего и думать иллюстрировать весь роман, на это потребовались бы целые годы времени; но вереницу типов, фигурирующих в нем, можно бы изобразить“ („Известия“... 1913, № 5, ср. 124). Иллюстрации к „Мещанам“ в „Пчеле“ не появлялись.

. *ПИСЬМО 597*

„Посылаю карточку“ — см. письмо 595.

„Сборник драматических пиэс“ — см. примечание к письму 426.

ПИСЬМО 598

„О чем упоминается в романе“ — см. „Мещане“, ч. I, гл. I.

ПИСЬМО 600

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской. Датируется по следующему письму („Вчера я отправил Вам корректуру“...)

„Посылаю свой факсимиль“ — М. О. Микешин просил о высылке факсимиле в письме от 19 марта 1877 г. („Известия“... 1913, № 5 ср. 126).

„Посылаю портрет Аксакова“ — портрет И. С. Аксакова был помещен в „Газете Гатцука“ (1877, № 11 от 20 марта, стр. 183) в связи с избранием его 6 марта 1877 г. председателем славянского благотворительного комитета в Москве. В „Пчеле“ портрет Аксакова был воспроизведен в № 22 от 29 марта 1877 г.

ПИСЬМО 601

Черновик письма сохранился в двух редакциях (первая редакция была написана 21 марта 1877 г., ранее письма к М. О. Микешину). В дате Писемского описка.

ПИСЬМО 602

„Спасибо за высылку твоей книжки“ — речь идет о книге С. В. Максимова „Бродячая Русь Христа ради“ (СПБ. 1877).

ПИСЬМО 603

„О заметках цензора писал Микешин“ — В своем письме от 25 февраля 1877 г. М. О. Микешин писал Писемскому:

> На Хмуринский монолог он <Н. А. Ратынский> несколько поморщился, да заметил, что звезд (да еще трех) Тюменев не мог надеть, идя на трактирный обед („Известия“... 1913, № 5, стр. 123).

ПИСЬМО 604

„Письмо... не застанет вас в Париже“ — Тургенев отсрочил свою поездку в Россию и выехал из Парижа только 17 (29) мая.

„Хочу поблагодарить вас, что вы познакомили меня с т-г Дюраном“ — 28 марта (9 апреля) 1877 г. И. С. Тургенев писал Писемскому: „Мой хороший приятель, известный литератор и знаток русского языка, г-н Эмиль Дюран получил от редакции „Revue des Deux Mondes“ поручение составить монографии (биографические и литературно-критические) о выдающихся представителях русской словесности — и с этой целью отправился в Россию. Вы, конечно, стоите в этом случае на первом плане — и он меня просил снабдить его рекомендательным письмом к вам, что я исполняю с тем большей охотой, что личное знакомство с г-ном Дюраном, как с человеком в высшей степени добросовестным, образованным и умным, не может не доставить вам самим большое удовольствие. Не сомневаюсь в радушии вашего приема и в вашем сочувствии к самой цели путешествия г-на Дюрана — и заранее благодарю вас“, („Новь“ 1886, т. XII, № 23 стр. 194. Ср. там же письмо Тургенева к Писемскому от 5 (17) мая 1877 года).

„Оканчиваю роман „Мещане“ — роман „Мещане“, напечатанный в 1877 г. в журнале „Пчела“ (№№ 18—48) и вышедший тогда же отдельным изданием, был задуман Писемским, подобно другим его романам, многими годами ранее. В апреле-мае 1875 г. Писемский читал главы из него в Париже И. С. Тургеневу, а В. Г. Авсеенко, познакомившийся с Писемским в конце 1869 г., сообщает в своих воспоминаниях: „Роман „Мещане“, задуманный давно, заваляется на первых главах; после А. Ф. опять принялся за него, но значительно сузил первоначальные рамки“ (В. Г. Авсеенко, Памяти А. Ф. Писемского (Письмо из Петербурга): „Московские Ведомости“ 1881, № 26 от 26 января).

„Московскую публику приводит в восторг... Росси“ — И. С. Тургенев писал в ответном письме от 5 (17) мая 1877 г. Писемскому: „Что же касается до Росси — то ваш художнический инстинкт и тут оказался непогрешительным: это ничто иное как итальянский Каратыгин, с еще большей рисовкой и аффектацией; жалко и больно было читать про все овации, речи, обеды стихи, слезы... Ведь, кажется, и слезы были! — За одно его непозволительное уродование Шекспировского текста — его бы следовало осыпать градом гнилых яблок! Но у нас все так“. („Новь“ 1886, т. XII, № 23, стр. 194). В Московском Большом театре Эрнест Росси гастролировал с 29 марта по 3 мая 1877 г., выступая в „Макбете“, „Отелло“, „Кориолане“, „Короле Лире“ (См. „Московские Ведомости“ 1877, № 73 (особое прибавление от 29 марта и 106 от 2 мая). О бурном успехе гастролей Росси свидетельствует открытое письмо, с которым он обратился к русской аудитории перед отъездом из Москвы:

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ

М. Г., — Позвольте мне прибегнуть к гласности вашей уважаемой газеты, чтоб от глубины души возблагодарить Московскую публику оказавшую мне столь сочувственный, столь радушный прием.

Считаю себя счастливым и горжусь, что могу внести в мои самые дорогие воспоминания блестящее одобрение обеих столиц России. В Москве, так же как и в Петербурге, я был глубоко тронут

выражениями симпатии, которыми щедро осыпала меня избранная русская интеллигенция.

Когда в числе одобрительных заявлений артист может указать на одобрение знаменитого виртуоза, которому столица обязана своим музыкальным развитием, вдохновенной певицы, дарование которой создано для возбуждения общего восторга, плеяды художников, составляющей гордость Москвы, писателя, составившего эпоху в национальном театре, писателя, в котором воплотилось русское драматическое искусство — то сердце его не может не преисполниться чувством признательности и гордости.

Благодарю всю печать, благодарю все благородные умы, которые вблизи и вдали почтили меня выражениями чувств собратства. Благодарю, наконец, эту великую русскую публику, которая своим приемом доказала мне, что название матушки России имеет глубокий смысл не только для детей славянского семейства, но и для всякого иностранца, который ищет гостеприимства в вашем отечестве.

Примите, м. г. уверение и пр.

Москва, 5 мая 1377 *Эрнесто Росси*

(„Московские Ведомости" 1877, № 111 от 8 мая. См. там же оригинальный французский текст письма).

ПИСЬМО 606

Печатается по черновику, писанному чернилами рукою Е. П. Писемской с поправками и припиской автора. В дате описка (май вм. апреля). Сохранилась также первоначальная редакция черновика.

„Когда начнете печатать" — см. примечание к письму 608.

ПИСЬМО 607

„Спасибо за уведомление" — см. предыдущее письмо.

„Он желал подобного конца"—22 февраля 1877 г. М. О. Микешин писал:

> Как бы хотелось поставить Вашего Бегушева — перед „Восточным вопросом" — лицом к лицу! Вот интересен был бы в данном случае Ваш раздраженный идеалист. Тут бы ему и конец — где-нибудь на турецком костре. Каким бы вечным и многосмысленным вопросом остался такой конец в русском сердце? — Не осудите меня, Алексей Феофилактович, за мечтания на Вашу тему... Жаль, ведь, дать Вашему Бегушеву прокиснуть и состариться, жаль было бы уложить его на дуэли — за какой бы то ни было, хотя идеальный, но частный, личный вопрос... („Известия... 1913, № 5, стр. 124).

ПИСЬМО 608

Печатается по беловому автографу.

„Роман они уже начали печатать" — Речь идет о романе „Мещане", печатание которого началось в журнале М. О. Микешина и А. В. Прахова „Пчела" с 1 мая 1877 г. (с № 18).

ПИСЬМО 612

Печатается по черновику, писанному чернилами рукою Е. П. Писемской (за исключением подписи и даты, приписанных автором карандашом). Сохранилась также первоначальная редакция черновика.

„Обещанная вам комедия" — речь идет о драме „Старые счеты". См. письма 576, 579, 589 и примечание к письму 700.

ПИСЬМО 614

Черновик письма сохранился в двух редакциях.

ПИСЬМО 615

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

ПИСЬМО 616

Печатается по черновику, писанному синим карандашом рукою Е. П. Писемской.

„Жена благодарит вашу супругу“ — Жена Э. Дюрана, известная романистка, печатавшаяся под псевдонимом Henry Gréville, за 1876—1877 гг. опубликовала 7 романов: „Dosia“, „L'Expiation de Savéli“, „La Koumiassine“, „La Princesse Oghérof“, „Sonia“, „Stephane Makarief“ и „Autour d'un phare“. О котором из них идет речь — неясно.

ПИСЬМО 619

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской с поправками и припиской (начиная со слов „Сей час получил“) автора. Датируется по связи с следующим письмом.

ПИСЬМО 620

Черновик сохранился в двух различных, написанных в разное время редакциях. Приводим текст первой редакции, писанной 26 июня 1877 г.:

Почт⟨еннейший Михаил Осипович!⟩

Сей час получил корректуру 4 глав 1-й части и 6 глав 2-й части Просижу весь день и ночь и завтра надеюсь послать к вам в обратную для верности под заказным бандеролем 4 главы I части. [Если паче чаяния на почте что нибудь задержит эту коррект⟨уру⟩ так как не за одну в мире почту нельзя поручить⟨ся⟩, то вы прикажите ужь печа⟨та⟩ть IX главу без моего просмотра но никак не прерывайте печата⟨ния⟩. От публики я и то уже слышу укоры, что по таким маленьким кусочкам дают ей роман. Лист отдельного издания я вышлю послезавтра. Все буду это посылать под заказным бандеролем. Дружески жму вашу руку]

[отдельн] Лист Романа для отдельного печатания вышлю послезавтра, а не в долге и 1-ю половину 2 части. Я все это буду высылать для верности или под заказным бандеролем или посылками. Остаюсь друже⟨ски⟩ пожимая ва⟨шу⟩ руку ⟨*Писемский*⟩

ПИСЬМО 623

„Статейка ваша прекрасна“ см. письмо 639 и примечание к нему.

В черновой тетради за настоящим письмом следует письмо Е. П. Писемской к М. М. Михайловой:

20 Июля 1877. ⟨Москва⟩

Любез⟨нейшая⟩ Марья Марцеловна!

Я вам не писала до сих пор потому что ничего определенного об ваших делах не имела вам сообщить. Пустовалов живет в своем именьи и как сказали мне в субботу на этой неделе будет в Москве; я конечно употреблю все чтобы повидать его и предложить ему взять в аренду ваш завод и об результате моего свиданья уведомить вас. Сегодня мой муж ездил к Волкову ходатайствовать об вашем деле и тот обещал ему сделать все возможное в вашу пользу и обо всем

уведомить моего мужа, который в свою очередь по получении от Волкова сведений сообщит все вам; но пока бумаги по вашему имению еще не получены в Москве. Обидно и досадно, что дела так медленно подвигаются, а как бы хорошо поскорее с ними развязаться! Муж мой и сын усердно вам кланяются; первой все хвораег, а Павел собирается прокатиться к вам, а может быть вы еще ранее его соберетесь в Москву, как вы и предполагали это сделать и тогда мы будем очень рады вас повидать еще раз с милейшей вашей Марьей Андреевной. А пока целую вас крепко обеих и желаю от души устроить хорошенько ваши дела.

П⟨реданная вам?⟩ *К.* ⟨*Писемская*⟩

P. S. Касательно же завода Волков сказал, что банк ничего вероятно не прибавит.

ПИСЬМО 624

В дате описка (сентябрь вместо августа).

ПИСЬМО 625

Датируется по содержанию (указание на повестку от 12 августа 1877 г.). Непосредственно за текстом в черновой тетради помещены следующие заметки:

> Выхлопотать копию с решения палаты по иску Толченова с Г-жи Марьи Марцельевны Михайловой, дело № 1989; а второе ⟨далее рукою Е. П. Писемской:⟩ справиться если дело Ермакова уже решено, немедленно уведомить, если же не решено — что делать чтобы Михайлова успела подать разъяснение по этому делу: войти ли с прошением об отсрочке его разбирательства или отнестись с просьбою личною об том, чтобы оттянуть разбор дела и к кому именно отнестись?

ПИСЬМО 626

„*Корректуры я не получил*" — речь идет о корректуре второй части романа „Мещане".

ПИСЬМО 628

„*Вчера получил корректуру*" — речь идет о корректуре седьмой главы второй части романа „Мещане".

ПИСЬМО 630

Дата обозначает: 10 сентября 1877 г.

ПИСЬМО 631

Датируется по почтовой квитанции, выданной при отправке корректуры десятой главы второй части романа „Мещане".

ПИСЬМО 633

Датируется по почтовой квитанции, приклеенной к черновику.

„*Или цензор замарал*" — 16 октября 1877 г. А. В. Прахов отвечал Писемскому:

> Дело объяснилось простою ошибкою типографии, цензор неповинен. Сегодня высылается типографией к Вам в Москву новый перебранный оттиск 2-го листа („Известия..." 1913, № 5, стр. 127—128. В дате письма здесь ошибка: 10 вместо 16).

ПИСЬМО 634

„Письмецо ваше“ – см. примечание к предыдущему письму.

„Он <роман> уже кончен“ — Время окончания романа „Мещане“ точно определяется записью в черновой тетради: „Роман Мещане мною кончен 24 октября 1877 г.“

ПИСЬМА 636—637

Датируются по положению в черновой тетради.

ПИСЬМО 639

„Брошурку вашу... я прочел немедленно“ — Подразумевается работа Ф. И. Буслаева „О значении современного романа и его задачах“, М. 1877 (первоначально в „Газете Гатцука“ 1877, № 5, стр. 93—95; № 6, стр. 109, 114; № 7, стр. 124–126; № 8, стр. 140 — 141).

„Семь смертных грехов“ — роман Евг. Сю был известен Писемскому в переводе, изданном в Петербурге в 1875—76 гг.

„Смолет... дал нам такие из меди литые фигуры“ — Подразумевается роман Тобиаса Смоллета „Родерик Рендом“, известный Писемскому в переводе, напечатанном в приложении к „Библиотеке для Чтения“ (СПБ. 1860).

„Гремел Кукольник [своими патриотическими драмами“ — Подразумеваются драмы Н. В. Кукольника „Рука всевышнего отечество спасла“ (1834) и „Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский“ (1835). Обе драмы помещены в первом томе „Сочинений Нестора Кукольника“ (СПБ. 1851).

„Предрасполагающее сродство“ — роман Гете, под названием „Оттилия“ в русском переводе был напечатан в „Современнике“ 1847, кн. 7, стр. 5—108; кн. 8, стр. 298–406.

„Он, как известно, писал драму“ — В. Г. Белинский написал две пьесы: „Дмитрий Калинин“ и „Пятидесятилетний дядюшка или странная болезнь“.

ПИСЬМО 641

Датируется по содержанию письма: Карс был взят русскими войсками 6 ноября, телеграммы же о взятии были помещены в московских газетах 7 ноября 1877 г.

„Брат ваш под Карсом“ — речь идет о В. И. Постельникове.

ПИСЬМО 642

„Посылаю 9 главу“ – речь идет о девятой главе третьей части романа „Мещане“.

ПИСЬМО 643

„Напечатаны 5 и 6 главы“ — речь идет о главах третьей части романа.

ПИСЬМО 645

В дате описка („ноября“ вместо „декабря“). Сохранилась также следующая первоначальная редакция письма, написанная, повидимому, 1 декабря 1877 г.:

> [Почтеннейший Андр<иан> В<икторович>ь!
>
> Возвращаю вам присланную мне корректуру. Что это такое — я просмотрел до конца 1 части а теперь мне присыла<ют> с [начала] конца [1-й] 2 <?> главы — у вас в типографии сидят и распоряжаются

или пьяные или сумашед<шие.>Я эти листочки не правил и возвращаю но прошу вас, чтобы вы вновь<?> послали. В сем колосальном безобразии остаюсь ничего непонимающий *Пи<семский>*]

ПИСЬМО 646

Датируется по положению в черновой тетради.

„Журнала Зуева я не видал“ — речь идет о журнале „Северная звезда“ (см. примечание к письму 576).

„1-й акт моей пиэсы“ — речь идет о драме „Старые счеты“. См. письма 612 и 648.

ПИСЬМО 647

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской. Датируется по положению в черновой тетради.

„Злодейство встанет“ — речь идет о следующих словах Гамлета:

Злодейство встанет на беду себе,
И если ты его землей закроешь целой,
Оно стряхнет ее и явится на свет!

(См. „Драматические сочинения и переводы“ Н. А. Полевого, ч. III, СПБ. 1843, стр. 33.) Стихи нужны были Писемскому для эпиграфа к драме „Старые счеты“. См. примечание к письму 700.

ПИСЬМО 648

Датируется по положению в черновой тетради. У письма пометка: *„Непослано еще!“* Повидимому, письмо никогда отправлено не было.

„1-й акт моей драмы“ — см. примечание к письму 700.

ПИСЬМО 650

Датируется по почтовой квитанции, приклеенной к черновику.

„За представление в бенефис Левкеевой“ — бенефис Е. М. Левкеевой I состоялся 15 ноября 1876 г. „Горькую судьбину“ исполняли: П. А. Стрепетова, В. И. Виноградов (Ананий), С. М. Сосновский (Чеглов-Соковин), Ф. А. Бурдин (бурмистр), В. В. Стрельская (Матрена), Л. Л. Леонидов (Золотилов), Н. И. Арди (Никон) и др. Бенефициантка принимала участие только в одноактной переводной комедии „Осеннее солнышко“. См. рецензию С. М. Лободы („Новое Время“ 1876, № 260 (17. XI), стр. 3).

ПИСЬМО 651

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской. См. предыдущее письмо.

ПИСЬМО 652

Датируется по почтовой квитанции, приклеенной к черновику.

„Будут-ли ко мне высылаемы“ — М. О. Микешин в письме от 18 декабря 1877 г. отвечал: „Будьте покойны, все листы отдельного издания Мещан будут Вам высланы, будьте добры не задерживайте корректуры, и тогда мы еще управимся к празднику“ („Известия...“ 1913, № 6, стр. 160).

ПИСЬМО 653

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

„Последнее ваше письмецо“ — имеется в виду ответ А. И. Постельникова на письмо 651.

ПИСЬМО 654

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

ПИСЬМО 655

Печатается по черновику. Часть письма оторвана.

„Скоро выйдет отдельное издание“ — см. примечание к письму 670.

ПИСЬМО 656

Письма 1878—1880 гг. за исключением небольшого числа особо оговоренных в примечаниях, публикуются по черновым отпускам, сохранившимся во второй общей черновой тетради, „брульоне“ Писемского. Приводим ее общее описание.

Рукопись представляет собою прошитую и переплетенную Писемским не позднее первой половины 1880 г. книгу в лист. На лицевой стороне переплета наклейка с надписью чернилами (автограф): „Черновые письма за 1878, 1879, 1880 год“. На 1-м (ненумерованном) листе надпись чернилами (автограф): „Копии с писем, начиная с 1878 года“. До листа 183 рукопись пронумерована автором собственноручно, в дальнейшем нумерация доведена до л. 196. Однако при нумерации была засчитана за листы часть вклеек (лл. 12, 149-150, 191). После нумерации часть листов была вырвана лл. 30, 105, 173). Два листа — лл. $137^{а}$ и $164^{а}$ —пронумерованы автором не были. В результате рукопись в настоящее время, не считая вклеек, имеет (192 + 1 б. лист. За исключением квитанций московского почтамта и телеграфа, рукопись содержит (помимо пронумерованных автором, см. выше) 45 наклеек, преимущественно черновые письма и газетные вырезки, на следующих листах (по старой нумерации): 11, 28 об., 47, 48 об., 51 об. две), 54, 55, 64 об., 71, 73 об., 87 об., 88 об., 91 (рецепт В. А. Басова), 104, 106, 106 об., 107, 107 об. 113 (две), 113 об., 121, 124, 126, 133, 135 об., 136 об., $137^{а}$ (две), 141 об., 146, 148, 152, 157, 161, 161 об. 178, 180, 180 об., 186 об., 187, 192, 192 об. (две). Последние два листа рукописи вырваны. Кроме того, обрывки листов сохранились между листами: I и 1, 6 и 7, 38 и 39 (два). Часть листа 146-го вырезана. С л. 16 наклейка сорвана.

Листы, наклеенные на внутреннюю часть переплета, содержат подсчет печатных знаков романа „Масоны“ по частям и главам, список просмотренных автором листов отдельного издания романа (СПБ. 1880) и следующий план окончания пятой части романа, начиная с 9-й главы:

[9. ⟨нрзб⟩]
[10. Мир⟨опа⟩ Дм⟨итриевна⟩ ⟨нрзб⟩]
11. Лябьев и А⟨ггей⟩ Н⟨икитичь⟩
12. Привоз тел⟨а⟩ и погребал⟨ьн⟩ ⟨нрзб⟩
13. Женид⟨ьба⟩ Терхов⟨а⟩ на С⟨усанне⟩ Н⟨иколаевне⟩.
[14. Эпилог.]
14. Мир⟨опа⟩ Д⟨митревна⟩ и кам⟨ер-юнкер⟩
15. Эпилог.

Писана рукопись карандашом и чернилами четырьмя почерками: автора, Е. П. Писемской, В. А. Федоровского и неизвестного (письмо к Бауммштейну).

„Деньги... за роман мой „Мещане“ — В „Копировальной книге“ сохранилась копия следующего условия между Писемским и М. О. Микешиным:

> Прежде всего согласно вашему желанию письменно сим удостоверяю, что я, Писемский, при точном исполнении принятых вами Микешиным платежных условий за роман мой Мещане, т. е. по двести руб⟨лей⟩ сереб. за печатный лист Пчелы, обязуюсь последующие части романа, если таковые будут мною написаны, печатать в Пчеле и отнюдь не передавать ни в какой другой журнал и части эти должны быть принимаемы редакцией на тех-же условиях на каких принята и 1-я часть романа.

„Роман мой вероятно уже вышел“ — отдельное издание романа „Мещане“ вышло только в середине февраля 1878 г.; см. примечание к письму 670.

ПИСЬМО 657

„За роман мне следует получить“ — см. примечание к письму 656.

ПИСЬМО 659

„Кроме пиэсы моей Горькая Судьбина играли и другие мои пиэсы“ — речь идет о постановках драмы „Ваал“ 19 января и 22 февраля 1875 г. (см. „Ежегодник имп. театров“, 1905, 6, приложения, статья Н. В. Дризена), см. также письма 666 и 668.

ПИСЬМО 661

„Корректуру 8-го листа... возвращаю“ — речь идет о корректуре отдельного издания романа „Мещане“.

ПИСЬМО 663

„Я получил 9-й лист корректуры“ — см. примечание к письму 661.

ПИСЬМО 664

„Книгопродавцы... у нас вероятно почище ваших петербурских“ — В письме от 18 января 1878 г. М. О. Микешин писал Писемскому: „... магазин этот, т. е. фирма Мамонтова, (простите) такая же сволочь как и фирмы Исакова, Черкесова, Колосова и Михина и пр., и пр. Обратите Ваше сатирическое внимание на всю ту шваль, в руках которой находится наше бедное журнальное дело!“ (см. „Известия книжных магазинов т-ва М. О. Вольф“... 1913, № 6, стр. 161).

„Касательно сотрудничества моего“ — В письме от 18 декабря 1877 г. Микешин писал Писемскому: „Нет ли у Вас, достойнейший Ал. Феоф., чего либо хорошего в роде очерков, рассказов и т. п. Очень бы хотелось еще Вашего даровитого пера“ (там же, стр. 160). В письме от 18 января 1878 г. Микешин опять повторяет ту же просьбу.

„Первые два номера Пчелы... по рисункам превосходны“ — в первых двух номерах „Пчелы“ за 1878 г. были воспроизведены рисунки М. О. Микешина („Некрасов в гробу“), Матэ, М. Е. Эдварс („В дождь“), В. Г. Перова („Савояр“), Е. Сорокина („Il far l'amore“), Т. Г. Шевченко (портрет невесты), К. Бишопа („Зимняя забава“), Кнезинга („Король Лир и шут“) и др.

ПИСЬМО 665

„Об уплате мне поспектакельных денег“ — см. примечание к письму 659.

ПИСЬМО 666

Датируется по положению в черновой тетради. Над текстом адрес: „В Дворцовую Контору в Кремле. Гавриле Осиповичу Терещенке".

ПИСЬМО 667

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

„Прошу... прислать мне книгу мой юбилей" — речь идет о переплете всех материалов (приветственные письма, телеграммы и пр.), касающихся празднования 25-тилетия литературной деятельности Писемского — 19 января 1875 г. Книга в настоящее время хранится в Архиве Пушкинского Дома АН СССР.

ПИСЬМО 668

См. примечание к письму 656.

ПИСЬМО 669

„Что ваш брат" — речь идет о В. И. Постельникове.

ПИСЬМО 670

„Из полученной мною Пчелы" — речь идет о 8-м номере „Пчелы" от 19 февраля 1878 г., на обложке которого было сказано: „Поступил в продажу отдельным изданием роман А. Ф. Писемского „Мещане" в 3-х частях, красивый том большого формата, отпечатанный на лучшей бумаге, с портретом А. Ф. Писемского. Цена для подписчиков „Пчелы" — 1 р. 50 к., для всех прочих — 2 р.".

ПИСЬМО 672

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

„Русская Беседа" — журнал, издававшийся А. И. Кошелевым в Москве в 1856—1860 гг.

ПИСЬМО 673

Печатается по черновику, писанному чернилами рукою Е. П. Писемской. Датируется по положению в черновой тетради.

ПИСЬМО 674

Печатается по черновику, писанному карандашом Е. П. Писемской. Сохранилось также начало первой редакции черновика (автограф).

„Переданный через Салаева экземпляр Нови" — речь идет о первом отдельном издании романа И. С. Тургенева „Новь", СПБ. 1878.

„Только и приходится слышать: умер, умер... один Моск. Университет потерял четырех профессоров" — в 1878 г. скончались: ординарный профессор по кафедре энциклопедии права П. Л. Карасевич (4 марта) и заслуженный профессор Ф. Б. Мильгаузен (11 января). Помимо них, повидимому, Писемский подразумевает скончавшихся в 1877 г. — профессора Чистякова и доцента Кириллова.

„Актеры тоже мрут" — подразумеваются С. В. Шумский, О. А. Петров, Н. И. Сариотти, И. И. Монахов и др.

ПИСЬМО 675

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

„Я сам страдаю подобным уже несколько лет" — подразумевается самоубийство сына Писемского Николая, см. примечание к письму 404.

ПИСЬМО 676

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

„Я был потрясен полученным от вас известием“ — речь идет о смерти брата А. И. Постельникова — Василия Ивановича Постельникова.

ПИСЬМО 682

„Вчера я получил письмо от Тургенева“ — речь идет о письме Тургенева от 25 апреля 1878 г., см. примечание к письму 686.

ПИСЬМО 684

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской с поправкой автора.

ПИСЬМО 685

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

ПИСЬМО 686

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской с поправками автора.

„Юный доктор“ — А. А. Бобров.

„Касательно романа вы совершенно справедливо сказали“ — В письме от 25 апреля 1878 г. Тургенев писал Писемскому: „Чтение „Мещан“ доставило мне много удовольствия — хотя, конечно, поставить этот роман на одну высоту с „Тысячью душ“, „Взбаломученным морем“ и другими вашими крупными вещами — нельзя; но вы сохранили ту силу, жизненность и правдивость таланта, которые особенно свойственны вам и составляют вашу литературную физиономию. Виден мастер, хоть и несколько усталый, думая о котором все еще хочется повторить: „Вы, нынешние, нут-ка!“ (см. „Новь“ 1886, т. XII, № 23, стр. 195).

ПИСЬМО 687

Датируется по положению в черновой тетради.

„У меня есть две пиесы не бывшие в печати“ — Писемский имеет в виду две связанные между собой пьесы „Бывые соколы“ и „Птенцы последнего слета“. О том, почему Писемский считал трагедию „Бывые соколы“ ненапечатанной, см. примечание к письму 336. См. также письма 711 и 958.

„Прочел некоторым из приятелей“ — Писемский читал свои пьесы 1865 г. у С. С. Дудышкина и Ф. И. Тютчева (см. письмо 299).

„В первой из них у отца связь с незамужней дочерью“ — ясное указание на трагедию „Бывые соколы“.

ПИСЬМО 689

„Вчера я получил письмо от Анненкова“ — Анненков в письме от 9 июня 1878 г. из Брюсселя сообщал Писемскому: „Посмотрели бы вы на нас с Тургеневым, что мы делали две недели в Париже, осматривая выставку. Надо сказать, что такой еще не было горы богатства, искусства, изобретательности, труда и смелости человеческих“ (см. „Новь“ 1888, т. 23, № 20, стр. 205).

ПИСЬМО 691

Печатается по черновику, набросанному Писемским от имени жены. Датируется по положению в черновой тетради.

ПИСЬМО 693

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

„Обращаюсь... с ходатайством о г-не Шпажинском, которого пиэса Майорша“ — В благодарность за хлопоты о драме Шпажинский при публикации последней в журнале „Дело“ посвятил ее Писемскому („Дело“ 1879, кн. 3, стр. 63). Поставлена пьеса впервые была 21 ноября 1878 г. на сцене московского Малого театра в бенефис Акимовой (см. „Современные Известия“ 1878, № 325 от 25 ноября, стр. 2—3).

ПИСЬМО 694

„О страшном происшествии, случившимся в Петербурге“ — В „Московских Ведомостях“ от 5 августа 1878 г. было опубликовано „правительственное сообщение“ об убийстве „неизвестными лицами“ шефа жандармов генерал-адъютанта Мезенцова.

ПИСЬМО 697

Печатается по черновику, писанному рукою Писемского, в общей етради лл. 29 об. — 35. Лист 30 оказался из тетради вырванным, соответствующий текст восстанавливается по изданию „Полного собрания сочинений А. Ф. Писемского“, приложение к „Ниве“ на 1911 год (т. I, стр. 7—8), где отрывок письма опубликован под заголовком „Из автобиографии, написанной для Дерели“.

„Я отправил к вам по почте мои сочинения“ — К письму подклеена расписка московского почтамта от 12 октября 1878 г. в приеме ценной посылки на имя Victor Derély.

„Хронологический порядок моих... трудов таков“ — приводя неполный список своих произведений в порядке их опубликования, Писемский допустил ряд неточностей: „Комик“ был напечатан в „Москвитянине“ ранее повести „M-r Батманов“, рассказ „Старая барыня“ появился в „Библиотеке для Чтения“ 1857 г., а не 1858 г., „Ваал“ был напечатан в „Русском Вестнике“ не в 1874 г., а в 1873 г. Из крупных вещей не назван вовсе „Ипохондрик“.

„Роман „Тысяча душ“ подробно разобранный... Деляво“ — см. статью А. Делаво „Le roman satirique et les Moeurs administratives en Russie, Mille âmes, par Pisemski“, „Revue des deux Mondes“, 15 janvier 1860.

„Письмо это я пишу рукой жены“ — как отмечалось выше, черновик писан рукою самого Писемского; очевидно, он предполагал поручить переписку набело Е. П. Писемской.

В бумагах Писемского, в Рукописном отделении Института Литературы Академии Наук СССР, сохранился ответ В. Дерели:

Париж $\frac{5 \text{ Ноября}}{24 \text{ Октября}}$ 1878

Многоуважаемый Господин,

Я не знаю как изъявлять Вам мою признательность за доброхотные поступки которым Вы изволили осыпать меня. После посылки вашего портрета который сделал меня очень счастливым, я получил прелестное письмо от Вас, и потом пришли ваши сочинения, источник долгих наслаждений для меня: в правде я не могу выражать Вам полноту моих чувств, тем более что у меня нет привычки вашего языка. Я пишу сегодня в первый раз по русски: поэтому я прошу Вас извинить недостаточность моих слов.

Только вчера мне было возможно иметь книги мне посылаемые Вами: они пришли уже четыре дня назад в министерстве внутренних дел (отдел печатни и книжной торговли), но чиновники отпустились по случаю праздника Всех святых, так что я был должен ждать до сих пор. Я благодарю Вас очень много за то что Вы мне дали перечень ваших трудов в хронологическом порядке: он интересовал меня в высшей степени, как все что касается до биографии автора которого я весьма ценю великие способности. Тоже меня очень занимало коротенькое изложение ваших нравственных стремлений. Я говорил в самом деле Господину Павлу Алексевичу что я намерен печатать — с вашего позволения, разумеется, — французское издание вашего хорошего романа „В водовороте", и я уже начал перевести его немногие месяцы тому назад. Эта книга меня невыразимо очаровывала. Без сомнения, иностранцы не могут ценить красоту слога и верность некоторых местных изображений, но кроме местной истини есть человеческая истина которая показывается в всех лицах этого романа. Между прочим я был поражен большою разностью ваших типов; я заметил тоже как Вы умеете обрисовывать их делами, а не фразами. На примере, когда князь Григоров купил естестворловные книги, подал милостыню крошечной девочке, спорился с дядею его, и пр., то читатель знает его гораздо лучше таким образом чем длинным описанием. За исключением Стендала и некоторых других, это понятие романа, которое дает такую живость рассказе, редко находится в наших писателях.

Мне очень жаль что я выражаюсь так худо и трудно по русски; остается множество вещей о которых я желал бы говорить с Вами, если я был опытнее в вашем языке, но уже всия ваша доброта Вам будет нужна чтобы дочитать это письмо. Что касается до портрета которого Вы мне сделали честь просить у меня, я буду отправлять его к Вам как можно скорее: я думаю с радостью и гордостью о том что он будет находиться посреди портретов ваших друзей.

Позвольте мне, Многоуважаемый Господин, адресовать мои сами искренние и почтительные благодарения к Госпоже Писемской, которой отчасти я обязан удовольствием читать ваше письмо, и сделайте мне милость уверить Господина Павла Алексевича что я принимаю искреннейшее участие в трудах и успехах его. Я усердно кланяюсь ему, и прошу Вас, многоуважаемый Господин, принять уверение в глубоких чувствах благодарности и почтения, с которыми я имею честь быть, Многоуважаемый Господин,

Ваш всеподданнейший слуга

Виктор Дерели

26, rue de Vaugirard

ПИСЬМО 699

Под текстом письма адрес: „Учителю Народного училища Г. Федорову, в местечко Ильин, Г. Велиж. Виленской губернии".

„Посылаю вам только мои драматические пиэсы" — речь идет об изданных автором двух томах „Комедий, драм и трагедий А. Писемского" (М. 1874; вошло восемь произведений).

„В нем хранятся два первые акта моей новой пиэсы“ — речь идет о незаконченной Писемским драме „Старые счеты“, опубликованной после смерти автора в XX томе его „Сочинений“ (СПБ. 1886, стр. 229 - 249) по недошедшей до нас рукописи под названием „Семейный омут“ (рукопись обрывалась на 5-м явлении третьего действия). В настоящее время, кроме печатной — наиболее законченной — редакции, драма представлена четырьмя черновыми рукописями:

1. I-е действие новой пиэсы. Архив Пушкинского Дома АН СССР. Конверт + 24 листа, в лист. Автограф. Бумага ф-ки Д. Сергиевской. Поступила в 1912 г. от А. А. Писемского.

2. Без названия. Действия I—II. Рук. Отд. Ленинградской Государственной Публичной Библиотеки. Шифр—XV—№ 77. 53 + 1 б. л. Автограф. Бумага фабрики Д. Сергиевской. Куплена в 1918 г. у неизвестного лица.

3. *„Старые счеты“*. Драма в 4 действиях. Действия I—II. Рук. Отд. Ленинградской Государственной Публичной Библиотеки. 57 лл. Эпиграф: „Злодейство встанет на беду себе, хоть засыпь его землею“ Шекспир (Гамлет). Действие I — копия, писанная (в основном с предыдущей рукописи) рукою Е. П. Писемской, с исправлениями автора. Действие II — позднейший автограф. Бумага трех сортов: 1) неизвестной ф-ки; 2) ф-ки Д. Сергиевской; 3) ф-ки „Lacroix Frères“. Поступила в 1890 г. от Е. П. Писемской.

4. *„Старые счеты“*. Драма в 4 действиях. Действие I. Рук. Отд. Всесоюзной Публичной Библиотеки им. В. И. Ленина. № 3129. 26 лл. Эпиграф:

> Злодейство выступит на свет дневной
> Хотя-б его засыпали землей.
>
> Гамлет (Шекспир).

Копия с неизвестной рукописи, писанная рукою Е. П. Писемской, с исправлениями автора. Текст к печатной (окончательной) редакции непосредственно не примыкает. Поступила от академика Л. Н. Майкова (см. „Отчет Московского публичного и Румянцевского музеев за 1889—1891 гг.“, М. 1892, стр. 72—73).

Ни в одной из рукописей дат не имеется. Указанную хронологическую последовательность редакций нарушает то обстоятельство, что перечисленные выше рукописи (главным образом 2 и 3) содержат ряд напластований более позднего времени, а именно 1880 г. (см. письма к А. И. Постельникову и В. А. Федоровскому).

В период 19—26 сентября 1880 г., после переделки первых двух актов драмы, работая над третьим актом, Писемский набросал следующий план последнего действия, впервые дающий возможность судить о драме в целом:

> В последнем акте Е⟨лизавета⟩ Егор⟨овна⟩ отравляет Зерцал⟨ова⟩, и после того направ⟨ление⟩ [ее] сумашед. Сме⟨р⟩ть ее; ⟨в⟩ б⟨ольни⟩це там ⟨?⟩ в дверь успо⟨ка⟩ива⟨ют⟩ Е⟨лизавету⟩ Е⟨горовну⟩ что никто не придет и призна⟨ние⟩ что и она тоже отравилась („Черновая тетрадь“, л. 184 об., карандаш).

Материалы, содержащиеся в найденной во время печатания настоящей книги первой черновой тетради (см. примечание к письму 427 и письма

576, 579, 589, 612 и 646—648), значительно уясняют первый этап работы писателя над пьесой и начало его позволяют отнести к середине 1876 г.

Из публикуемых писем видно, что А. И. Постельников являлся хранителем значительного количества черновых рукописей Писемского, дальнейшая судьба которых остается неизвестной.

ПИСЬМО 701

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

ПИСЬМО 702

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской. Датируется по положению в черновой тетради.

„Я до сих пор не был у вас в типографии“ — речь идет о типографии А. А. Гатцука, помещавшейся в доме Торлецкого на Кузнецком Мосту.

ПИСЬМО 703

К письму подклеена расписка московского почтамта от 2 ноября 1878 г. в приеме заказного отправления на имя Victor Derély.

„Ваше любезное письмо“ — см. письмо В. Дерели от 24 октября (5 ноября) 1878 г. в примечании к письму 697.

„Посылаю вам том моих сочинений“ — том третий „Сочинений А. Ф. Писемского“, СПБ. 1861.

В ответном письме от 12 (24) ноября 1878 г. из Парижа В. Дерели писал А. Ф. Писемскому:

> Я Вам тоже несказанно обязан всем трудом который Вы взяли на себя чтобы доставить мне свой роман „Тысяча душ“, мне были очень приятно получить эту книгу, тем более что давно слышавший от многих Русских великую хвалу ее, я напрасно спросил ее у некоторых здешних книгопродавцов. Теперь я читаю „Взбаламученное море“, и это чтение прибавляет еще, если возможно, к высокому мнению которое я имел уже о ваших необыкновенных способностях. Как сильно без фраз Вы изображаете скотство причиненное крепостным состоянием! Как тонко Вы насмехаетесь над романтическим преувеличением чувств и речей в Бакланове! Какое живое описание губернского дворянства! Все эти виды впечатлеются и уже не выходят из ее. Некоторые найдут, может быть, что у Вас нет лиц совсем симпатических, а, по моему мнению, Вы заслужили похвали отвращавшись от пошлого оптимизма читателей bourgeois и сыщи только истину.
>
> Судя по достоинству ваших сочинений, Многоуважаемый Господин, я уверен что они бы нравились нашей публике, и так я надеюсь что французский перевод „В водовороте“, когда он будет докончен, найдет легко издателя. Я буду поставлять за честь и счастие, разумеется, отправлять Вам первый печатный экземпляр.
>
> Если можно, я полагаю делать предисловие с помощию осведомлений которые вы имели доброту сообщать мне, а прежде всего вряд ли я не буду хлопотать о помещении некоторых из ваших повестей в каком нибудь журнале или периодическом собрании.

ПИСЬМО 704

Черновик письма, воспроизведенный с полным соблюдением орфографических особенностей оригинала, набросан кончая словами „ce nihilisme pratique“ собственноручно Писемским, продолжение — Е. П. Писемской.

Письмо представляет собою ответ на анкету, присланную А. де Губернатисом, составителем „Биографического словаря современных писателей“ („Dizionario biographico degli scrittori contemporanei“).

Перевод:

Господин [Анжело де Губернатис!).

Посылаю ответы на ваши вопросы: 1) [Имя писателя] Имя писателя, звание, занятие в настоящее время? Алексей Писемский, дворянин и собственник. 2) Год и место рождения? [Начальное образование, первый успех, течение литературной деятельности?] Возраст — 58 лет, родился в Костромской губернии, в поместьи Раменье. 3) Начальное образование? В Костромской гимназии, затем в Московском университете, 4) Первый успех? Повести: „Тюфяк“, „Брак по страсти“, комедия „Ипохондрик“, „Питерщик“ — очерк из крестьянского быта. [Все эти произведения! Все эти вещи были напечатаны в Москве в периодическом издании: Москвитянин. [В 1857 я стал] [С года] С 1852 по 1863 год я состоял сотрудником петербургских журналов: Современника, Отечественных Записок и Библиотеки для Чтения, редактором, которой стал в 1857 году. В течение этого времени я опубликовал роман „Тысяча душ“ переведенный [на французский и] на немецкий язык, трагедию „Горькая Судьбина“, за которую получил первую премию от Академии Наук, и повесть „Старческий грех“, переведенную на немецкий язык. В 1863 году я опубликовал в журнале Русский Вестник большой роман под заглавием: „Взбаламученное море“, имевший политическое значение ввиду зарождения в России нигилизма, который я описал. Этот роман был переведен на немецкий язык. В 1871 году я напечатал в журнале Беседа роман „В водовороте“, в котором представил читателю нигилизм в действии в широких общественных кругах. В 1874 году я разоблачил в нескольких драмах чудовищное зло, порожденное могуществом и злоупотреблениями капитала. 5) *Список опубликованных произведений?* Романы: „Тюфяк“, „Брак по страсти“, „M-r Батманов“, „Комик“, „Богатый жених“, „Виновата ли она?“ „Тысяча душ“, „Боярщина“, „Взбаламученное море“, „Люди сороковых годов“, „Мещане“; повести и рассказы: „Леший“, „Фанфарон“, „Плотничья артель“, „Старая барыня“, „Старческий грех“, „Батька“ „Русские лгуны“ [Трагедии, драмы, комедии] Драматические вещи: Ипохондрик, комедия. Ветеран и новобранец, драма. Горькая судьбина (трагедия). Самоправцы (трагедия). Лейтенант Гладков — трагедия. Подкопы — комедия, Ваал — драма, Просвещенное время — драма, Финансовый гений — комедия.

18 3/XI 78

ПИСЬМО 705

Датируется по положению в черновой тетради.

ПИСЬМО 706

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской. Датируется по содержанию письма и положению в черновой тетради.

ПИСЬМО 707

Датируется по положению в черновой тетради.

ПИСЬМО 708

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской с поправкой автора.

„Поздравляю Вас с звездою — подразумевается награждение В. И. Родиславского по службе в канцелярии московского генерал-губернатора, начальником которой он состоял.

ПИСЬМО 709

Датируется по положению в черновой тетради.

„Обещенные вами мне книги Пыпина“ — речь идет о статьях А. Н. Пыпина „Материалы для истории масонских лож“ („Вестник Европы“, 1872, кн. I, 174—214; кн. II, 561—603; кн. VII, 244—288).

ПИСЬМО 710

„Большой роман под названием Масон“ — роман „Масоны“, напечатанный первоначально в журнале „Огонек“ 1880, №№ 1—43 и вышедший в том же году отдельным изданием в двух томах (на обложке первого тома и титульном листе второго неточно указан 1881 г.)

ПИСЬМО 711

Сбоку пометка Писемского: „NB. Адрес редакции, в С. Петербурге, Исакиевская площадь, д. № 6“.

„Нева“ — иллюстрированная газета, до 1879 г. в течение 21 года издававшаяся в Петербурге под разными названиями („Иллюстрация“, „Иллюстрированная газета“, с 1873 г. „Иллюстрированная неделя“); в 1879 г. главные сотрудники — Н. В. Успенский, В. К. Мюр, А. А. Шкляревский, В. И. Немирович-Данченко; редактор — П. М. Дмитриев. Издавалась газета А. О. Бауманом.

Приглашая Писемского сотрудничать в „Неве“, Дмитриев, однако, материал у Писемского просил для помещения не в „Неве“, а в вышедшем в 1879 г. приложении (премии) к этой газете под названием „Наши деятели. Галлерея замечательных людей России в портретах и биографиях“. В 6-м (фактически 2-м) томе этого издания на седьмом месте была помещена статья „А. Ф. Писемский“ (стр. 56—64).

Сведения, сообщенные Писемским, в статье приведены почти дословно на стр. 56—57. Наиболее существенно следующее изменение текста Писемского: „С 1866 года по 1859 год в Всемирном Труде пиэсы: „Поручик Гладков“, трагедия в пяти актах, переделанная для сцены; „Самоуправцы“ тоже трагедия и драма: „Бывые Соколы“, явившаяся в свет в совершенно измененном виде“ (стр. 57). Вслед за сведениями, сообщенными Писемским, в статье сказано: „Г. Писемский представляет собою одно из самых крупных явлений в нашей литературе. Талант его, отмеченный печатью суровой силы весьма обширен и совершенно самобытен. Автор „Тысячи душ“, „Горькой судьбины“ и др., по всей справедливости, может быть назван русским представителем литературного реализма, в том именно духе, в каком понимают это явление адепты новой реалистической школы на западе с Зола во главе... В настоящее время воинствующей партией в литературе представляется реализм. Образы, созданные предыдущим поколением, успели поблекнуть. Требуются новые краски, более густые тени. Пошлем привет новой нарождающейся силе и — оценим по достоинству тех деятелей, труды которых уготовили ей путь“ (стр. 57—59). В заключение приводится длинная выписка из статьи А. В. Дружинина по поводу „Тысячи душ“.

„Роман Тысяча душ, переведенный на несколько иностранных языков" — при жизни Писемского роман „Тысяча душ" был переведен на немецкий (1869) и голландский (1871) языки (после смерти Писемского — на французский и чешский).

„Драма „Бывые соколы", явившаяся в свет совершенно не в том виде" — см. примечание к письму 336.

ПИСЬМО 712

См. примечание к письму 700.

ПИСЬМО 713

„Рассказ „Отставной капитан Рухнев" — под названием „Капитан Рухнев" (о времени написания см. комментарий к рассказу „Грудина") был напечатан в „Газете Гатцука" 1879 т. V, № 2, стр. 21—23, 26 и № 3, стр. 37—39.

ПИСЬМО 714

„Посылаю вам небольшой свой рассказец" — „Капитан Рухнев", напечатанный с заголовком „Уже отцветшие цветки" в „Газете Гатцука" 1879 г. Рассказ был переведен В. Дерели и опубликован в парижской газете „Телеграф" (Le capitaine Roukhneff. Nouvelle. Feuilleton du Tèlégraphe du 25, 26 27, et 28 novembre 1879. Traduit du russe de Pissemsky . Ср. письма к В. Дерели 717 и 721 (примечания).

ПИСЬМО 715

„Ты назначаешь чтение" — В воскресение 18 февраля 1879 г. в 1 ч. дня в здании университета состоялось публичное заседание Общества любителей российской словесности, на котором были прочтены 1) доклад Н. П. Аксакова „О стихотворениях Владислава Сырокомли", 2) статья Е. В. Барсова „О рекрутских причитаниях" и 3) две главы из романа „Масоны" Писемского (см. „Моск. Ведомости" 1879, № 40 от 16 февраля, стр. 1 и № 41 от 17 февраля, стр. 1).

„Я уже читал публично" — В пятницу 2 февраля 1879 г. в 1 ч. дня в концертном зале „Славянского Базара" состоялось музыкально-литературное утро в пользу Общества распространения полезных книг и Комиссии народных чтений. Кроме Писемского, в программе утра приняли участие: В. В. Безекирский (скрипка), Бауер (цитра), Грубин, Скрипицына и др. (см. „Моск. Ведомости" 1879, № 29 от 1 февраля, стр. 1 и № 30 от 2 февраля, стр. 3). Первоначально предполагалось, что „утро, на котором А. Ф. Писемский прочтет первые главы из своего нового романа „Масоны", состоится в январе 1879 г. (см. „Моск. Ведомости" 1878, № 324 от 20 декабря).

Непосредственно за письмом 715 в черновой тетради на приклеенном клочке неизвестной рукописи Писемского следует написанное рукою Е. П. Писемской пятистишие:

Когда в Москву царь приезжал
Повсюду было ликованье;
Случной конюшни генерал
Василий Коптев издавал
Патриотическое ржанье.

ПИСЬМО 716

На обороте второго листка адрес (рукой Е. П. Писемской): „Его В-ю Александру Николаичу Островскому. Близь Пречистенских ворот у 1-й Гимназии в доме князя Голицына".

ПИСЬМО 717

„В ответ на последнее письмо ваше" — среди 14 писем В. Дерели, сохранившихся в бумагах А. Ф. Писемского в Рукописном отделении Института Литературы, январские и февральские письма 1879 г. отсутствуют.

„Вы получите письмо и от Тургенева" — отвечая Писемскому, В. Дерели писал 10(22) марта 1879 г.

> La lettre de M. Ivan Tourguénief que vous me faites espérer ne m'est pas encore parvenue. Pas n'est besoin de vous dire, cher et illustre maître, combien je m'estimerai heureux de faire sous vos bienveillants auspices la connaissance d'un écrivain distingué dont le talent n'est pas un secret pour moi, quoique je n'aie lu jusqu'ici qu'un seul de ses ouvrages: les Terres vierges (Новь) le roman a été fort remarqué ici, il y a quelques années, quand le Temps en a publié une traduction française. C'est pour moi une vive satisfaction de constater que chez M. Tourguénief, l'homme vaut le littérateur. Dans le monde littéraire où regnent presque sans partage l'envie et la malveillance réciproques, il est rare, en effet, de rencontrer un auteur doué d'une assez grande élevation de sentiments pour ne voir qu'un ami dans un rival d'illustration et de succès. „Родятся же на свете такие добрые и хорошие люди!" dirai-je avec le héros de Mille âmes, à la vue d'un si noble exemple de confraternité intellectuelle.

„Жду с нетерпением... перевод Капитана Рухнева" — в письме от 10 (22) марта 1879 г. В. Дерели сообщал Писемскому:

> Quelque vif que soit mon désir de vous envoyer au plus tôt ma traduction de votre Capitaine Roukhnief, je ne me vois point encore en mesure de le faire, car, après avoir terminé mon travail, m'en trouvant peu satisfait, j'ai cru devoir le recommencer, et cela au milieu d'interruptions et de dérangements de toute espèce. De là un nouvel ajournement qui, je l'espère, sera le dernier. Je compte présenter ma traduction au Figaro dans les premiers jours de la semaine prochaine et j'ai lieu de penser qu'elle sera favorablement accueillie. Il n'est guère vraisemblable en effet que ces Messieurs m'allèguent — comme on le fit à Kalinovitch — l'éternelle et banale objection de l'abondance des matières quand, pour remplir leurs numéros supplémentaires, ils sont souvent obligés d'aller fouiller dans des ouvrages publiés il y a vingt ans et plus. Un récit inédit, plein de détails piquants et d'une saveur exotique, doit être une bonne fortune pour des gens qui se disent à l'affût de l'original et du nouveau. Bref, à ne considérer que les qualités intrinsèques du Capitaine Roukhnief, il a sa place marquée dans un journal en quête de nouvelle intéressantes.

12/24 апреля, продолжая чтение романа „Взбаламученное море" В. Дерели сообщил Писемскому о дальнейшей судьбе своего перевода „Капитана Рухнева":

> Baklanoff ne me fait pas oublier non plus „le Capitaine Roukhnieff", dont le manuscrit est déposé depuis longtemps aux bureaux du Figaro. La mort de Villemessant a apporté là un certain désarroi: de là, parait-il, le retard qu'on met á me donner une réponse. Enfin, samedi, je compte bien être fixé. Si je ne réussissais pas de ce côté, je m'adresserais au Gaulois qui, je pense, a aussi ses entrées en Russie.

„В дружественной ему <Тургеневу> газете“ — вероятно, в газете „Le Temps“, к редактору которой Эбрару Тургенев неоднократно обращался с предложением переводов произведений русских авторов.

„Не найдете ли вы удобным перевести... Просвещенное время“ — 12 (24) апреля 1879 года В. Дерели, ознакомившись с пьесами Писемского, писал своему корреспонденту:

> Depuis que j'ai eu l'honneur de Vous écrire, j'ai lu le Partage, les Mines et Baal. Ces ouvrages, les deux derniers surtout, m'ont vivement intéressé tant par la puissance des situations que par l'originalité des personnages. Sous ce rapport, le caractère de Kounitzine, dans Baal, me paraît une véritable trouvaille. Mais, à propos de cette pièce, je ne puis m'empêcher de m'étonner que la censure russe, si étrangement sévère quand il s'agit de politique — le Lieutenant Gladkoff en est la preuve — soit en même temps si tolérante à d'autres égards. Chez nous où la scène passe pour jouir de plus de liberté qu'en Russie, les attaques d'ailleurs très-justes de Mirovitch contre toute la classe des marchands risqueraient fort de n'être point autorisées par la commission d'examen des ouvrages dramatiques.

ПИСЬМО 718

На конверте адрес „Ее В-ию Елене Ивановне Бларамберг. Малая Дмитровка, Дегтярный переулок, дом Мартынова“. Датировка определяется почтовым штемпелем от 4 марта 1879 г.

„Завтра... хотел приехать ко мне И. С. Тургенев“ — И. С. Тургенев находился в Москве с 14 февраля 1879 г. (см. М. К. Клеман, „Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева“, М.—Л. 1934, стр. 277).

ПИСЬМО 719

Датируется по положению в черновой тетради.

„Мне теперь предстоит в этом крайняя надобность“ — Об умном делании Писемский писал в 12-й главе второй части „Масонов“ (т. I, СПБ. 1880, стр. 322—323). В ответ на просьбу Писемского В. С. Соловьевым была представлена довольно значительная характеристика умного делания (автограф см. в „Материалах к роману Масоны“, лл. 105—109). Помимо этой характеристики, В. С. Соловьевым для романа были написаны: 1) „Проповедь“, см. примечание к письму 749; 2) Набросок учения Гегеля об идее: „На востоке идея является в своей чистой бесконечности как безусловная субстанция в себе (an sich) безо всякой формы, безо всякого определения поглощающая и подавляющая все конечное человеческое; поэтому единственная форма общества здесь есть теократия в которой человек безусловно подчинен божеству, подавлен им. В Греции идея уже получает конечную форму и определение, человеческое начало выступает [освобождается] и выражает свободно идею в определенных прекрасных образах и созданиях; это есть для себя бытие идеи (Für sich Seyn) в области [художества и] идеального созерцания и творчества. В Риме [идея] человек [свободно] как [личная] практическая воля осуществляет идею в практической жизни и деятельностью как право и закон и создает [унив] всемирное государство как практическое выражение абсолютной истины. Это есть осуществление или для себя бытие идеи в сфере практической. В мире Германском человек [осуществляет] как свободное лицо осуществляет идею в ее собственной

области как безусловную свободу; здесь является свободное государство и чистая наука, т. е. чистая философия. Это есть для себя бытие идеи как такой“ (см. там же, л. 210). 3) Стихотворение:

Колеблется воля людей что волна,
Но есть неизменная воля святая;
Превыше времен и пространства, одна
Как солнце сияет идея живая,
И в вечной тревоге один недвижим
Дух мощный все движет покоем своим

(там же, л. 186). 4) Кроме того, четыре строки были приписаны Соловьевым к следующему стихотворению Писемского:

[К сестре твоей успел душей я привя⟨за⟩ться,
Но ныне бог призвал ее к небесной доле.
Покорствуя ему, не станем мы терзаться
И мать твоя больна по той же божьей воле
Одна стоишь теперь ты пред путем далеким,

и затем лира Егора Егорыча стала все более и более туманно и нескладно бряцать, и только последние два стиха вышли у него как бы несколько пояснее:

[О, знаю я, что сердцем ищешь бога ты
И я его ищу: грядешь во сретенье ему.

⟨далее рукою В. С. Соловьева:⟩

Я знаю: сердцем ты стремишься к богу,
И я к нему стремлюсь, ищу его давно;
Итак нам путь один к небесному чертогу;
Пред нами общий труд и счастие одно.]

(там же, л. 173; все стихотворение, включая строки В. С. Соловьева, Писемским зачеркнуто.)

ПИСЬМО 720

„Несколько глав из моего романа“ — речь идет о главах первой части романа „Масоны“.

ПИСЬМО 721

„Виделись ли Вы с И. С. Тургеневым“ — 12/24 апреля 1879 г. В. Дерели сообщал Писемскому:

Quelques jours après Vous avoir écrit, j'ai reçu de M. Tourguénieff une lettre où il me donnait l'explication des passages de la „Mer agitée“ que je m'étais permis de Vous signaler comme m'offrant des difficultés. Vous savez déjà sans doute que son séjour en Russie s'est prolongé un peu au-delà de ses prévisions premières. Rentré à Paris, il s'est empressé de m'écrire de nouveau pour me prier de l'aller voir. Je lui ai fait une visite vendredi, et je suis encore sous le charme de l'accueil gracieux que j'ai reçu de lui. Aussi ne saurais-je assez Vous remercier, Cher et Illustre maître, de m'avoir mis en rapport avec un homme non moins aimable que distingué: parmi les nombreuses obligations que je Vous ai, celle-là n'est certes pas une des moindres. M. Tourguénieff a bien voulu se mettre à ma disposition pour l'avenir, et il l'a fait dans des termes de nature à vaincre la répugnance bien naturelle que j'éprou-

vais à distraire au profit de mon travail une partie du temps dont cet éminent romancier pourrait disposer dans l'intérêt de la littérature russe. Je n'ai pas besoin de Vous apprendre combien sa parole claire et analytique est appelée à me rendre de services. Avec ma connaissance à peine ébauchée de la langue russe, c'était de ma part une grande témérité que d'entreprendre sans guide la traduction d'un auteur fort difficile pour un étranger, comme le sont tous les écrivains d'un talent très personnel.

И. С. Тургенев сообщал со своей стороны Писемскому 5 (17) мая 1879 г.:

С г. Дерели я виделся уже три раза: мы проходили вместе с ним места в вашем романе, которые представляли ему затруднения.— Он очень порядочный малый, французским языком владеет вполне, русский понимает, — питает великое к вам уважение; но задачу он взял на себя больно трудную, и перевод подвигается весьма медленно. — Я и вперед готов ему помогать, и, если будет возможно, постараюсь поместить в каком-нибудь фельетоне переведенного им „Капитана Рухнева". Время только теперь неудобное: в большом мы, русские, теперь загоне и пренебрежении у г-д французов. („Новь" 1885, т. XII, № 23, стр. 195).

ПИСЬМО 723

„Я поправил остальные главы" — речь идет о последних главах первой части романа „Масоны".

ПИСЬМО 724

Печатается впервые по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

ПИСЬМО 725

Датируется по положению в черновой тетради.

„Об увольнении меня от звания судьи" — Положение о премиях было утверждено Обществом драматических писателей 21 февраля 1876 г., когда Писемский был членом комитета общества. В том же году Писемский был избран членом московской конкурсной комиссии. В октябре 1877 г. Писемский был переизбран вместе с другими членами комиссии: А. Н. Островским, Н. А. Чаевым, В. И. Родиславским и С. А. Юрьевым (см. „Обзор деятельности общества русских драматических писателей и оперных композиторов за 25-летие его существования (1874–1899)", М. 1899, стр. 17–18; „Московские Ведомости" 1877, № 275 (6. XI), стр. 1).

ПИСЬМО 728

„Романа написано только полторы части" — вторая часть романа как это видно из пометок на беловой рукописи романа, была начата 1 апреля 1879 г.

„Я Масонов лично знал" — Масоном был двоюродный дядюшка Писемского—Ю. Н. Бартенев.

ПИСЬМО 729

Датируется по положению в черновой тетради.

„Восторга от статей Сироты" — речь идет о фельетонах, печатавшихся в газете „Современные Известия" под общим названием „Из области мрака и наживы" за подписью Сирота (псевдоним не раскрыт) с октября

1878 г. — № 282 (13.X), № 296 (27.X), № 305 (5.XI), № 330 (30.XI), № 334 (4.XII), № 357 (28.XII), 1879 г., № 6 (7.I), № 18 (19.I), № 25 (26.I), № 32 (2.II), № 39 (9.II), № 53 (23.II), № 60 (2.III), № 68 (10.III), № 95 (8.IV), № 104 (17.IV), № 120 (3.V), № 135 (18.V). Кроме того, Сиротой в „Современных Известиях" были напечатаны фельетоны: 1) „Железнодорожный конгресс" (фельетон о сынах Зевса и Майи) — 1878, № 265 (26.XI), 2) „Вот так поехали" (из быта нашего простолюдина) — 1879, № 122 (5.V), 3) „От Москвы до Тарасовки" (из путевых заметок) — 1879, № 152 (5.VI), 4) „От Тарасовки до Сергиевского посада" — 1879, № 159 (12.VI) и ряд корреспонденций под общим названием „Железные дороги" (отчасти анонимно). Проникнутые мелкобуржуазным демократизмом фельетоны Сироты посвящены преимущественно защите интересов мелких служащих и рабочих железных дорог и исключительно резкому обличению спекулятивного ажиотажа русских железнодорожных и пр. предпринимателей и их стремления к безграничной эксплоатации наемного труда. Конечной, неоднократно подчеркивавшейся редакцией „Современных Известий" целью фельетонов Сироты, как и помещавшихся одновременно фельетонов и корреспонденций за подписями Мелкая Сошка („Тайны железных дорог"), Все тот же („Железные дороги"), Бр. . . . („Железные дороги", передовые), — была организация государственного контроля над железнодорожным хозяйством.

ПИСЬМО 730

„Стрепетова прислала... портрет свой „Всем. Иллюс⟨трации⟩" — В издававшемся Г. Д. Гоппе журнале „Всемирная Иллюстрация" портрет П. А. Стрепетовой не появлялся.

ПИСЬМО 731

Датируется по связи с письмом 730.

„Журнал Живоп. Обозрение № 4 — в указанном номере на стр. 90—94 помещена статья Н. И. Шульгина (издателя журнала) „Полина Антиповна Стрепетова". К статье приложен портрет Стрепетовой (по рисунку И. Т. Михайлова на дереве гравировал Г. И. Грачев).

ПИСЬМО 733

„Что касается до биографических сведений" — см. примечание к письму 731.

ПИСЬМО 734

Адрес: „В Петербург, Николаю Павловичу Аловерту, Сергиевская, № 16, квартира № 13". Датируется по содержанию вопреки положению в черновой тетради.

ПИСЬМО 735

„I глава романа готова" — речь идет о первой главе второй части романа „Масоны".

ПИСЬМО 736

„Условие я подписал" — В „Копировальной книге" сохранилась копия полного текста договора, заключенного Писемским с Г. Д. Гоппе. Приводим этот договор.

1879 г., Июля 19 дня, мы нижеподписавшиеся Коллежский Советник Алексей Феофилактовичь Писемский и издатель журнала Огонек Герман Дмитриевичь Гоппе заключили сей договор в том, что я А. Ф. Писемский уступаю свой роман Массоны Г. Д. Гоппе для печатания в журн. Огонек и для одного отдельного издания на следующих условиях:

1) Г. Гоппе платит мне, А. Ф. Писемскому, двести пятьдесят руб. (250 р.) за печатный лист (в формате жур⟨нала⟩ Руской Вестник) за печатание в Огоньке и за одно отдельное издание в 2400 ⟨экземпляров⟩.

2) Я А. Ф. Писемский имею право независимо от этого издать ром. Массоны в полном собрании моих сочинений хотя бы и ранее отдельного издания Г. Гоппе.

3) Роман Массоны Г. Гоппе обязывается начать печатать с Февраля 1880 г. но я А. Ф. Писемский должен доставить начало романа (напр. 1-ю часть) не позже 1-го сего октября в редакцию Огонька.

4) При высылке I-й части Массонов Г. Гоппе уплачивает мне две тысячи руб. точно также как и при высылке 2 части две тысячи руб. Остальные деньги уплачиваются по мере доставления Оригинала романа в редакцию.

5) В случае болезни или каких либо других причин неокончания мною А. Ф. Писемским романа Массоны Г. Гоппе не имеет права иметь притензию, как и в случае несвоевременной доставки 3-й и пр. частей романа.

6) Во всяком случае Г. Гоппе обязывается окончить весь роман Массоны печатанием в Огоньке по доставлении рукописи романа в редакцию и разрешения романа цензурою.

7) В случае каких либо пререканий я А. Ф. Писемский имею право начать иск в Московском Окружном Суде.

Договор сей мы обязуемся хранить в точности.

Издатель Журнала Огонек

Герман Гоппе
Алексей Феофилактов
Писемский

„Огонек" — „иллюстрированный журнал литературы, науки и искусств" — выходил с 1879 г. еженедельно; главные сотрудники: Е. А. Салиас, В. В. Крестовский, В. Г. Авсеенко, К. К. Случевский, Я. П. Полонский, Д. Н. Садовников, Н. А. Потехин, Е. А. Лишин, П. Н. Полевой, Д. Л. Мордовцев, Г. П. Данилевский, К. Ф. Головин, А. Н. Майков, А. А. Фет, П. В. Быков и др. С 1880 г. в число сотрудников журнала вошли Д. В. Григорович и Д. В. Аверкиев. Число подписчиков в 1879 г. достигло 22 000.

„Препровождаю часть моего романа" — беловая рукопись романа „Масоны", посланная Н. П. Аловерту, в настоящее время хранится в Лен. Государственной Публичной Библиотеке.

„Художники ваши" — текст „Масонов" иллюстрировал художник К. И. Брож.

„Вторая часть романа приходит к концу" — Писать вторую часть романа „Масоны" Писемский в основном кончил 22-го июля 1879 г., т. е. через два дня после настоящего письма. Однако окончательная отделка второй части продолжалась еще два месяца, отчасти в связи с задержкой В. С. Соловьевым написанной им для конца второй части романа проповеди о. Василия (ч. II, гл. XII), см. письмо 749.

Непосредственно за настоящим письмом в черновой тетради следует приклеенный Писемским набросок плана 3-й части романа, написанный

около 21—22 июля 1879 года (23 июля уже был начат писанием текст 3-й части романа). Набросок имеет следующий вид:

Глава 1.

Несчастия Кр⟨апчика,⟩ его смерть и похоро⟨ны.⟩ Катер⟨ина⟩ Петр⟨овна⟩ и Ченцо⟨в⟩ их ⟨?⟩ приезд и доклад Управля⟨ющего.⟩

Глав⟨а⟩ 2.

Жизнь в дер⟨евне⟩ Ченцова и Кате⟨рины Петровны,⟩ разговор их с Управляю⟨щим.⟩

Г. 3.

Вражд⟨а⟩ Ченц⟨ова⟩ ⟨с⟩ женой. Его волокитство и ревност⟨ь⟩ Катр⟨ин⟩ и жестокость к сопернице.

Г. 4.

Запой Ченцова, объяснение его характер⟨а⟩, сцена с женой и отъезд в Петерб⟨ург.⟩

Г. 5.

Скуча⟨ет⟩ Катр⟨ин.⟩ Ухажив⟨ает⟩ Упра⟨вляющий⟩ и кадит Катри⟨н.⟩

Г. 6.

Сожжение бани, получен⟨ие⟩ Упра⟨вляющим⟩ владимир⟨а.⟩

Г. 7.

Приезд Зверев⟨а⟩ в Куз⟨ьмищево⟩ — посте⟨пенное⟩ приготовлен⟨ие⟩ ег⟨о⟩ в масон⟨ы.⟩

Г. 8.

Приняти⟨е⟩ [Люд⟨милы⟩] Сус⟨анны⟩ в масонки.

Г. 9.

Отъезд Управля⟨ющего⟩ в Пете⟨рбург.⟩ Смерт⟨ь⟩ Ченцо⟨ва.⟩

Г. 10.

Возвращ⟨ение⟩ Упра⟨вляющего⟩ и женить⟨ба⟩ его на Кат⟨рин.⟩

Г. 11.

Избран⟨ие⟩ Управл⟨яющего⟩ в Пред⟨водители.⟩

Г. 12.

Расказ об эт⟨ом⟩ в Кузьм⟨ищеве,⟩ запавшие сомнен⟨ия⟩ в гол⟨ов⟩у Свер⟨стова.⟩

При реализации этого плана Писемский сделал ряд отступлений как композиционного, так и тематического характера.

К тексту письма приклеена расписка московского почтамта от 20 июля 1879 г. в приеме заказного письма на имя Николая Аловерта. Ниже пометка Писемского: „рукопись отправлена сего же 20 числа и росписка в том хранится в мешке 4 номера“.

ПИСЬМО 737

„Портрет для Огонька“ — В журнале „Огонек“ портрет Писемского не появлялся.

К тексту приклеена расписка московского почтамта от 26 июля 1879 г. в приеме заказного письма на имя Николая Аловерта.

ПИСЬМО 738

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

Датируется по следующему письму.

ПИСЬМО 739

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской. Воскресным днем было 6 августа 1879 г., в дате Писемского — описка.

ПИСЬМО 740

Текст воспроизводится с копии, сохранившейся в „Копировальной книге“.

„Благодарю... за уплату денег“ — В „Копировальной книге“ сохранилась копия следующей расписки:

> Получено от Господина А. Ланг в счет Господина Германа Гоппе в С. Петербурге две тысячи рублей.
>
> Москва 10 августа 1879 года.

„Когда сие чтение совершится“ — чтение Писемским второй части романа „Масоны“ М. Н. Лопатину и С. А. Усову состоялось 6 сентября 1879 г. См. письма 747 и 748.

„Фотографию с картины Ге я получил“ — Картина Н. Н. Ге „Пушкин в селе Михайловском“ (написана в 1875 г.) имеет в виду стихи Пушкина

> Поэта дом опальный
> О Пущин мой, ты первый посетил;
> Ты усладил изгнанья день печальный,
> Ты в день его лицея превратил
>
> („19 октября“, писано в 1825 г.).

Независимо от этого известно, что лицо гостя Пушкина писалось художником именно с портретов декабриста И. И. Пущина, в виду чего недоумение Писемского никаких оснований не имеет.

„Он... снят с моего большего портрета“ — большой овальный (46 × 60) портрет Писемского был изготовлен в 1877 г. фотографом М. Пановым. В настоящее время портрет находится в собрании А. П. Могилянского.

ПИСЬМО 741

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

Датируется по положению в черновой тетради — между письмами от 6 и 19 августа 1879 г.

„Приятели принимавшие живое участие в моих масонах" — подразумеваются В. С. Соловьев, А. И. Постельников, Ф. А. Гиляров, Е. В. Барсов, Ф. Ф. Попудогло, С. А. Усов, М. Н. Лопатин, В. А. Федоровский и др.

ПИСЬМО 743

„Находящийся еще в облацех журнала" — подразумевается журнал „Русская Мысль", начавший с января 1880 г. издаваться В. М. Лавровым под редакцией С. А. Юрьева.

„Журнал Огонек" — см. примечание к письму 736.

ПИСЬМО 745

„Рисунок церкви Архангела Гавриила" — Художником Брожем для иллюстрации 3-й главы второй части романа „Масоны" был выбран не указанный Писемским момент обозрения „наружных орнаментов" церкви („Масоны", т. I, СПБ. 1880, стр. 191—192), а следующий за ним момент обозрения внутренности церкви (там же, стр. 195—196), в виду чего на рисунке изображен также — в соответствии с текстом — и капитан Зверев.

„Рисунок с ковра масонского" — в дальнейшем, по указанию Писемского (см. письмо 805), был изменен, а именно: ковер с пола был перенесен на стену, как это и изобразил художник Брож (см. „Масоны", т. I, стр. 293).

„Новая комедия Островского" — комедия „Сердце не камень", напечатанная в „Отечественных Записках" 1880 г., кн. 1.

„Я придерживаюсь мнения Лессинга" — С эстетическими взглядами Лессинга Писемский был знаком по переводу „Лаокоона", выполненному и изданному в 1859 г. бывшим членом „молодой редакции Москвитянина" Е. Н. Эдельсоном.[1] Интересующее нас место „Лаокоона" было передано следующим образом:

> Если с одной стороны художник из вечно изменяющейся действительности может брать только один момент, а живописец даже этот один момент лишь с одной точки зрения; а с другой стороны произведения их назначаются не для одного только мимолетного взгляда, но для внимательного и неоднократного рассматривания, то очевидно, что этот единственный момент и эта единственная точка зрения на этот момент должны быть сколько можно плодотворнее. Но плодотворно только то, что оставляет воображению свободное поле. Чем более мы глядим, тем более мысль наша добавляет к видимому, и чем сильнее работает мысль, тем более возбуждается наше воображение („Лаокоон или о границах живописи и поэзии" Лессинга, пер. Е. Эдельсона, Москва 1859, стр. 17; см. так же стр. 101—102 и 103).

ПИСЬМО 746

Печатается по черновику, писанному карандашом рукой Е. П. Писемской.

ПИСЬМО 747

Печатается по черновику, писанному карандашом рукой Е. П. Писемской. Датируется по положению в черновой тетради — между письмами 746 и 749.

ПИСЬМО 748

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской. Датируется по положению в черновой тетради — между письмами 746 и 749.

„Это наш установленный день“ — По средам у Писемского в 1870-х гг. регулярно устраивались литературные собрания, посещавшиеся целым рядом литераторов и ученых, а именно: А. Н. Островским, С. А. Юрьевым, А. И. Кошелевым, Б. Н. Алмазовым, Вл. С. Соловьевым, С. А. Усовым, М. Н. Лопатиным, Н. И. Костомаровым, И. И. Янжулом, Н. В. Бугаевым, М. М. Ковалевским, П. И. Мельниковым, А. Н. Веселовским, Ф. А. Гиляровым, П. Д. Боборыкиным, М. И. Писаревым, П. А. Стрепетовой, А. И. Постельниковым и др.

ПИСЬМО 749

„Поспешить доставкою мне проповеди“ — подразумевается проповедь, произнесенная о. Василием в 12-й главе второй части романа „Масоны“ (т. I, СПБ. 1880, стр. 325—330). В „Материалах к роману Масоны“ сохранился беловой автограф В. С. Соловьева (лл. 177—182). О других работах В. С. Соловьева для романа „Масоны“ см. примечание к письму 719.

ПИСЬМО 750

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

„Я читал Ваш ответ какому-то господину“ — в № 36 „Огонька“ за 1879 г. на стр. 722 в отделе „Почтовый ящик“ было напечатано:

> Г. Воронеж. N. „Массоны“, роман в 4-х частях появится, действительно, на страницах „Огонька“; достаточно прибавить, что он принадлежит перу А. Ф. Писемского, и ответ на ваш второй вопрос будет лишним.

ПИСЬМО 751

Текст воспроизводится по копии, сохранившейся в „Копировальной книге“.

„Прошу Вас выслать... две тысячи рублей“ — из письма 755 видно, что причитавшаяся Писемскому сумма была получена им через контору Юнкера 24 сентября 1879 г.

ПИСЬМО 752

Датируется по положению в черновой тетради — между письмами 750 и 753.

ПИСЬМО 754

„Узаконение о ссылке крестьян“ — Присланная Е. Р. Ринком выписка из „Свода законов“ (т. XIV, СПБ. 1857) содержит: 1) „Устав о предупреждении и пресечении преступлений“, ст.ст. 335—340; 2) „Устав о ссыльных“, ст. 11, п. 3 и 897—905. К выписке были приложены отдельные параграфы журнала присутствия тверского губернского правления от 21 августа 1850 г. (о прошении помещика майора Баумгартена о ссылке крестьянина Иванова в Сибирь за „нетерпимое и развратное поведение“) и 23 августа 1850 г. (о прошении помещика полковника Извекова о ссылке крестьянина Николаева в Сибирь за „дурное поведение“ — на поселение). См. „Материалы к роману „Масоны“, лл. 191—195 (Пушкинский Дом).

ПИСЬМО 755

Текст воспроизводится по копии, сохранившейся в „Копировальной книге".

ПИСЬМО 756

Текст воспроизводится с копии, сохранившейся в „Копировальной книге".

„Я ... и не помышлял писать пиэсы, и это чисто журнальная утка" — О писавшейся в 1876—1878 гг. пьесе Писемского „Старые счеты" см. примечание к письму 700. Под названием „Молодые побеги" в мартовской книжке „Вестника Европы" за 1879 г. закончился печатанием роман А. А. Потехина.

ПИСЬМО 757

„Почетным членом Артистического кружка" — Активным членом основанного А. Н. Баженовым и В. И. Родиславским Артистического кружка Писемский стал еще в 1863 г., т. е. до начала официального существования кружка (с 1865 г.) См. М. В. Карнеев, „Модест Иванович Писарев", СПБ. 1893; „Исторический Вестник" 1912, № 5—7, статья П. А. Россиева „Артистический кружок в Москве (1865—1883)".

ПИСЬМО 758

„У меня накопились поправки" — речь идет о поправках к первым главам третьей части романа „Масоны".

ПИСЬМО 759

К беловому автографу, по которому воспроизводится текст письма, сохранился черновик.

„Сожалею душевно, что вы предпочли Вильну — Москве" — Переезд А. И. Шуберт имел временный характер. До этого, в 1874 г., Шуберт целый сезон служила в Виленском городском театре.

„Дай бог успеха начатому Вами труду" — речь идет о мемуарах А. И. Шуберт, впервые полностью опубликованных после ее смерти в 1911—1912 гг. в приложениях к „Ежегоднику императорских театров" под названием „Моя жизнь" (2-е издание — под редакцией и с примечаниями А. Дермана — Л. 1929; редакция текста обоих изданий оставляет желать лучшего.) Мемуары Шуберт в основном охватывают период 1827—1876 гг., и только начало дополнительной (тринадцатой) главы, написанное значительно позже, касается событий 1882 г. (возвращение на сцену по предложению А. А. Потехина).

Писемский в тексте воспоминаний Шуберт фигурирует неоднократно в качестве одного из наиболее близких ей (начиная с середины 1850-х гг.) людей (см. изд. 1929 г., стр. 159, 169, 178, 192, 193, 195—198, 200, 201, 215, 219, 251, 253, 294, 297).

„Уведомление о представлении моей Горькой Судьбины" — „Горькая судьбина" была представлена на сцене Виленского городского театра в бенефис А. Н. Мельниковой-Самойловой 27 сентября 1879 г. Исполнителями были: Ананий Яковлев — Ф. П. Горев, Лизавета — Мельникова-Самойлова, Никон — М. Б. Соловьев, бурмистр Григорьев — А. Е. Осокин, Матрена — А. А. Соловьева (см. „Виленский Вестник" 1879, № 207 (3.X), стр. 831—832, „Театр и музыка". Подпись: К. И.)

ПИСЬМО 760

Печатается по черновику, писанному чернилами неизвестною рукой. Датируется по положению в черновой тетради — между письмами 759 и 761, имеющими указанные даты.

„Принятую мною на воспитание девочку Софью" — речь идет о дочери П. А. Писемского от швеи, личность которой установить не удалось. А. Ф. Писемский был против этой связи, что и явилось, главным образом, причиной семейной драмы Писемских и что, в свою очередь, отразилось на психике П. А. Писемского.

ПИСЬМО 761

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

„Прослушать пиэсу Александра Николаича" — комедия А. Н. Островского „Сердце не камень".

ПИСЬМО 765

Печатается по тексту, опубликованному Е. И. Бларамберг-Апрелевой в 1905 г., с проверкой по черновику. На конверте адрес: „В Петербург, ее в. б. Елене Ивановне Бларамберг, Новая улица, д. 8, кв. 13".

„Чтобы заставить какого нибудь гегельянца" — в 3-й главе четвертой части романа „Масоны" Писемский ввел новое лицо — гегельянца Терхова, женившегося впоследствии на героине романа — Сусанне Рыжовой-Марфиной.

„Третью часть я кончил и раскачиваюсь, чтобы приступить к четвертой" — третья часть романа „Масоны" Писемским была кончена 31 октября 1879 г. Из пометок Писемского на беловой рукописи „Масонов" видно, что тогда же — 31 октября 1879 г. — была начата и четвертая часть романа.

ПИСЬМО 766

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

„Я передавал ваше желание" — речь идет о желании Н. П. Аловерта привлечь Островского к сотрудничеству в журнале „Огонек" (см. письмо № 745).

ПИСЬМО 767

Датируется по приклеенной к черновику письма расписке московского почтамта от 17 ноября 1879 г. в приеме заказного письма на имя Николая Аловерта.

ПИСЬМО 768

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

„Твой журнал" — журнал „Русская Мысль".

ПИСЬМО 769

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

„Перемены в моем романе" — речь идет о переменах в третьей части романа „Масоны".

ПИСЬМО 770

Датируется по положению в черновой тетради — между письмами 769 и 772.

ПИСЬМО 771

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

Датируется по положению в черновой тетради — между письмами 769 и 772.

„Песня о Ванюше Ключнике“ — привлекла внимания Писемского еще в 1862 г. — в романе „Взбаламученное море“ (часть вторая, гл. 1).

„Не можете ли Вы мне указать на апокрифическое сказание“ — Из „Материалов к роману Масоны“ видно, что Гиляров указал Писемскому на напечатанное в третьем выпуске „Памятников старинной русской литературы“ Г. А. Кушелева-Безбородко „Сказание Григория Богослова о кресте честном и о дву кресту разбойничю“ (стр. 81).

„Глинка написал мистическую поэму Капля“ - подразумевается известная в свое время поэма („народное предание“) Ф. Н. Глинки „Таинственная капля“, изданная в 1861 г. в Берлине в двух томах.

ПИСЬМО 772

Текст воспроизводится с копии, сохранившейся в „Копировальной книге“. В черновике, имеющемся в черновой тетради, сообщение о написании трех глав четвертой части романа „Масоны“ отсутствует.

ПИСЬМО 773

„Благодарю от души за ваш перевод „Капитана Рухнева“ — в письме от 22 ноября (4 декабря) 1879 г. В. Дерели сообщал Писемскому:

> Après bien des démarches dont je vous épargne l'ennuyeux détail, j'ai enfin réussi à faire insérer dans le journal le Télégraphe ma traduction du Capitaine Roukhnief. Ce récit a fourni le feuilleton de quatre numéros que j'ai eu l'honneur de Vous adresser hier.

Перевод появился в фельетонах газеты „Телеграф“ от 25, 26, 27 и 28 ноября 1879 г. (См. примечания к письму 714). Экземпляр подбора этих фельетонов, посланный переводчиком Писемскому, хранится в Рукописном отделении Института Литературы Академии Наук СССР.

„Я получу его через Министерство Иностранных дел“ — в цитированном выше письме В. Дерели извещал Писемского:

> Pour être plus sûr que mon envoi Vous parvienne, je me suis décidé, suivant le conseil qui m'a été donné, à Vous l'adresser par la voie diplomatique. On s'est montré très obligeant pour moi à l'ambassade russe, et l'on m'a promis que les numéros en question seraient expédiés avec le prochain courrier.

О получении пересланных через русское посольство в Париже фельетонов газеты „Телеграф“ Писемский извещал В. Дерели в недошедшем до нас письме от 4/16 декабря 1879 г., см. примечания к письму 782.

„С... Иваном Сергеевичем я... давно не переписывался“ — В письме от 22 ноября (4 декабря) 1879 г. В. Дерели запрашивал Писемского:

Comment allez-Vous? Depuis de longs mois, je n'ai plus de vos nouvelles que par M. Ivan Tourguéneff, qui lui-même n'en reçoit qu'indirectement de loin en loin par quelque ami arrivé de Moscou.

В этом же письме В. Дерели сообщал Писемскому о завершении своего перевода первой части романа „В водовороте" и о передаче рукописи его редактору „Телеграфа" Езерскому:

M. Louis Jézierski, rédacteur en chef du Télégraphe a, depuis hier, entre les mains la première partie du В водовороте, la seule que j'aie entièrement traduite. Etant donnée sa grande habitude de lire des manuscrits, cela lui suffira pour se faire une idée du mérite de l'ouvrage. Si le Capitaine Roukhnief lui a plu, en raisonnant à fortiori, je ne puis douter que Dans le tourbillon ne lui plaira encore davantage, car ce livre me semble réunir à un haut degré les deux éléments dont la combinaison est nécessaire pour assurer le succès d'un roman étranger auprès de notre public. La vérité générale et humaine s'y allie dans une large mesure à la vérité locale, de sorte que tout le monde y trouve son compte: les bonnes gens aussi bien que les esprits curieux. Ces derniers seuls pouvaient s'intéresser au Capitaine Roukhnief, un peu trop exclusivement russe et russe de gouvernement ou, comme nous disons ici, de province.

ПИСЬМО 775

К беловому тексту, по которому письмо воспроизводится в настоящем издании, чернового отпуска в тетради Писемского не сохранилось.

„Я получил Телеграф в исправности" — номера газеты „Télégraphe" с переводом рассказа „Капитан Рухнев"

В ответном письме от 11 (23) декабря 1879 г., извиняясь в допущенных по вине редакции опечатках и искажениях текста (перевод печатался в отсутствии переводчика), В. Дерели заверял Писемского:

J'ajoute ceci: quelque soit mon désir de voir le Télégraphe publier ma traduction de „В водовороте", si la direction du journal devait encore se permettre de pratiquer de semblables enjolivements sur mon manuscrit, j'aimerais mieux de lui retirer.

ПИСЬМО 777

Текст воспроизводится по копии, сохранившейся в „Копировальной книге".

ПИСЬМО 778

„Адрес моего переводчика" — адрес В. Дерели Писемский сообщал Ф. Ф. Попудогло для передачи Н. П. Аловерту в целях высылки Дерели одного экземпляра журнала „Огонек" (см. письмо 782).

ПИСЬМО 779

„Снова молю вас о корректуре" — речь идет о корректуре первых двух глав первой части романа „Масоны".

ПИСЬМО 780

„История масонства Финделя" — подразумевается труд масона Иозефа-Габриэля Финделя „Geschichte der Freimaurerei", Leipzig 1861; русский перевод СПБ. 1872-74, 2 тт.

К черновику приклеена расписка московского почтамта от 18 декабря 1879 г. в приеме заказного письма на имя Николая Аловерта.

ПИСЬМО 781

„Дерели ... перевел ... рассказец Капитан Рухнев“ — перевод рассказа был напечатан в газете „Télégraphe за 1879 г. (фельетоны от 25—28 ноября).

„Перевести моих Масонов“ — перевод романа „Масоны“ на французский язык не осуществился.

ПИСЬМО 782

„Признателен вам за ваше пророчество, что роман выйдет хорош“ — 11 (23) декабря 1879 г. В. Дерели писал Писемскому:

> Malgré vos souffrances, Vous n'en continuez pas moins à travailler, montrant par là qu'une âme forte est ma tresse du corps qu elle anime. Puisse le succès récompenser largement vos efforts! En ce qui me concerne, j'y app audirai de tout mon coeur. Vous avez bien voulu, Cher et Illustre Ma tre, m'initier, pour ainsi dire, à l'incubation de votre nouvel ouvrage. Je sais que dans un roman de moeurs rétrospectives Vous n'avez reculé devant aucune peine pour donner à vos personnages le cachet de l'époque à laquelle ils appartiennent. Tâche d'autant plus méritoire qu'un écrivain aussi richement doué que Vous l'ètes sous le rapport de l'imagination, pouvait se croire en droit de la dédaigner, si chez lui la conscience n'eût pas été à la hauteur du talent. Je me fais d'avance une fête de lire vos Francs-Maçons au fur et à mesure qu'ils paraîtront dans la revue dont Vous avez la bonté de me promettre l'envoi.

ПИСЬМО 783

Датируется по положению в черновой тетради.

ПИСЬМО 784

Печатается по черновику, писанному карандашом Е. П. Писемской.

„Вы подвизаетесь со славою“ — М. И. Писарев выступал на сцене Клуба Художников преимущественно в пьесах А. Н. Островского („Грех и беда на кого ни живет“, роль Льва Краснова, „Лес“, роль Несчастливцева, и др.).

ПИСЬМО 785

К беловому автографу, по которому воспроизводится текст письма, сохранился черновик.

ПИСЬМО 786

К беловому автографу, по которому воспроизводится текст письма, сохранился черновик. См. примечания к письмам 730 и 731.

ПИСЬМО 787

Датируется сопоставлением со следующим письмом.

ПИСЬМО 788

„Тут я не вижу окончания II-й главы“ — речь идет о 2-й главе второй части романа „Масоны“.

ПИСЬМО 789

Датируется по положению в черновой тетради.

ПИСЬМО 790

Печатается по черновику, писанному чернилами рукою В. А. Федоровского.

„В рисунках старуха Рыжова“ — речь идет о рисунке к 2-й главе первой части романа „Масоны“ (см. „Огонек“ 1880, № 1 и отдельное издание, т. I, СПБ. 1880, стр. 14—15.)

К черновику приклеена расписка московского почтамта от 6 января 1880 г. в приеме заказного письма на имя Николая Аловерта.

ПИСЬМО 791

К беловому автографу, по которому воспроизводится текст письма, сохранился черновик.

„Возвращаю тебе 6-ю часть твоих сочинений“ — Речь идет о третьем издании сочинений А. Н. Островского (СПБ. 1874). В 6-м томе помещены: „Тушино“, „Василиса Мелентьева“ и „На всякого мудреца довольно простоты.

„Прошу наделить 2-ю частью“ - Во втором томе „Собрания сочинений“ Островского помещены: „Бедность не порок“, „Не так живи как хочется“, „В чужом пиру похмелье“, „Доходное место“, „Праздничный сон до обеда“ и „Не сошлись характерами“.

„Павел хотел привести своих товарищей“ — Речь идет о традиционном университетском обеде, состоявшемся в трактире Лопашева 12 января 1880 г. при участии А. Ф. и П. А. Писемских, А. Н. Островского, Н. А. Карышева, П. Е. Басистова и др. См. письма 795 и 797.

ПИСЬМО 792

„Директор вашего заведения“ — речь идет о директоре Арнольдовского училища для глухонемых детей Д. К. Органове. В училище принимались дети не моложе 7 лет.

ПИСЬМО 793

Датируется по смыслу следующего за ним письма и по наклеенной перед ним расписке московского почтамта от 10 января 1880 г.

„Прислали... седьмую главу“ — Речь идет о 7-й главе первой части романа „Масоны“.

ПИСЬМО 794

„Вчера я послал вам“ — к л. 91 черновой тетради приклеена расписка московского почтамта от 10 января 1880 г. на имя Николая Аловерта, под которой рукою Писемского написано: „под этой квитанцией отправлены окончание 5-й и вся 6-я глава“ (первой части романа „Масоны“).

К тексту письма в свою очередь приклеена расписка почтамта от 11 января 1880 г. У Писемского в дате описка.

„Огонька 1-й номер“ — в 1-м № „Огонька (цензурное разрешение - 30 декабря 1879 г.) помещены первые две главы первой части романа „Масоны“.

ПИСЬМО 795

См. примечание к письму 791.

ПИСЬМО 796

„Благодарю Вас за ваши хлопоты“ — В письме от 30 декабря 1879 г. (11 января 1880) В. Дерели сообщал Писемскому о своих попытках провести на сцену парижского „Théâtre des Nations“ комедию „Ваал“ и о предстоявших переговорах по этому поводу Narrey с администрацией театра:

Je ne sais, Cher et Illustre Maître, si Vous avez entendu parler des Matinées caratéristiques du Théâtre des Nations. Ce sont des représentations dramatiques qui sont données chaque dimanche pendant la saison d'hiver et qui ont pour objet de faire connaitre à nos Parisiens les principales oeuvres des répertoires étrangers. La directrice de cette entreprise, M-elle Marie Dumas, m'avait prié de traduire, pour ses *matinées*, la pièce de Catherine II intitulée Именины Госпожи Ворчалкины. Le travail terminé, je ne pus lui cacher que cette comédie qu'elle ne connaissait que de nom, me paraissait absolument insignifiante et je lui proposai à la place votre Baal dont j'avais fait aussi la traduction. Il me fut répondu qu'on avait pour principe, dans les Matinées. de ne jouer aucun auteur vivant. Ce n'était qu'une défaite, car cette prétendue règle a déjà subi, à ma connaissance, au moins une exception. Au fond, la vraie et unique raison pour laquelle M-elle Dumas tient à jouer le Jour de fête de Madame Vortchalkine, c'est qu'elle attache une importance énorme à pouvoir mettre en vedette sur ses affiches le nom de l'Impératrice Catherine II. Ma traduction fut donc remise à M. Charles Narrey, chargé de la remanier en vue des exigences de notre scène. Ce Monsieur, dont l'expérience théâtrale est incontestable, puisqu'il est auteur dramatique lui-même et qu'il a été directeur de l'Odéon, jeta les hauts ciels en se voyant confier une pareille tâche: il déclara qu'à moins de ne rien laisser subsister de l'intrigue primitive, la pièce était de tout point injouable. Ce que voyant, je lui communiquai ma traduction de Baal. Il lut votre beau drame, y reconnut des situations très-fortes en même temps que neuves et n'hésita pas à me dire qu'il serait charmé d'en faire l'adaptation, de préférence à la plate élucubration de Catherine II. Voilà où en sont les choses pour le moment. Plus heureux que moi, M. Narrey réussira-t-il à triompher des partis pris de M-elle Dumas? Je le souhaite vivement, sans trop oser l'espérer, car quand une femme est batée à une idée, il est bien difficile de vaincre son entêtement.

В этом же письме В. Дерели сообщал Писемскому о своей встрече с И. С. Тургеневым:

Le 25/13 décembre, j'ai été chez M. Tourguéneff et lui ai donné de vos nouvelles. Vous le verrez probablement sous peu, car il m'a annoncé comme très prochain son départ pour la Russie. Le froid extrêmement rigoureux que nous avons eu en Décembre avait seul rétardé son voyage. Je ne saurais Vous dire, Cher et Illustre Maître, combien je Vous suis obligé de m'avoir mis en rapport avec cet homme éminent chez qui j'ai toujours trouvé, grâce à votre recommandation, l'accueil le plus aimable et la bienveillance la plus empressée.

„*Чем окончатся препинания M-elle Дюма и M-eur Нанси*"—в письме от 29 января (10 февраля) 1880 г. В. Дерели сообщал Писемскому:

Comme je ne le prévoyais que trop bien, M-elle Marie Dumas — une actrice qui, par parenthèse, n'a rien de commun que le nom et le prénom avec la fille de notre célèbre romancier, — s'obstine, malgré tout, dans son idée de monter Le jour de fête de Madame Vortchalkine. M. Charles Narrey lui a signifié son refus motivé de travailler à l'adaptation de cette comédie, mais aux premiers mots qu'il lui a dits pour lui recommander votre Baal, elle lui a déclaré, furieuse, qu'elle ne voulait pas même entendre parler d'une autre pièce que celle de Catherine II. Cette dernière étant injouable à moins d'un remaniement complet dont M. Narrey ne veut pas se charger, il ne reste à M-elle Dumas qu'à chercher un autre adaptateur, ce qui me paraît assez difficile à trouver, — ou à monter, pour sa matinée

russe, le même spectacle que l'année dernière, c'est à dire le R e v i s o r de Gogol: voilà tout ce qu'elle gagne à son ridicule entêtement".

„М-г Нанси" — Писемский ошибочно прочел в письме В. Дерели от 30 декабря 1879 г. (11 января 1880) неясно написанную фамилию Charles Narrey,

„Действительно ли роман Додэ Les Rois en exil вышел 16-м изданием" — в цитированном письме от 29 января ст. ст. 1879 г. В. Дерели отвечал Писемскому:

> Je me suis permis de Vous adresser hier le volume de M. Alphonse Daudet: l e s R o i s e n e x i l. En jetant les yeux sur la couverture, vous aurez vu que cet ouvrage a atteint jusqu'ici non pas 16 mais 40 éditions. Une édition ordinaire est de 1000 exemplaires, les plus faibles sont de 500; les plus fortes de 2 à 3000. Les libraires ont d'ailleurs intérêt à faire de petits tirages pour pouvoir ainsi multiplier en très-peu de temps le chiffre des éditions et donner à leur publications l'apparence d'un succès inouï. C'est un procédé de charlatanisme dont, ici, le public commence à n'être plus dupe, parce qu'on a effrontément abusé. Par exemple, lorsque la librairie Lacroix et Verboekoven publia les M i s é r a b l e s de M. Victor Hugo, la deuxième édition de cet ouvrage fut mise en vente le soir même de jour où avait paru la première, alors que le temps matériel avait manqué pour faire un second tirage...... Je n'entends pas naturellement.... contester le succès tréss grand, en effet, du livre de M. Daudet, mais tout bonnement le ramener à ses proportions véritables. Les éditions à 10000 exemplairesont un mythe, Vous pouvez m'en croire.

„Я нетерпеливо желаю слышать ваше мнение о („Масонах")" — еще до получения запроса Писемского, В. Дерели писал ему 12 (24) января 1880 г.:

> Grâce au soin que Vous avez bien voulu prendre de me faire adresser l'О г о н е к, j'ai le plaisir de Vous annoncer que j'ai recu le premier numéro de cette charmante publication où tout semble avoir été combiné pour flatter l'oeil en même temps que pour plaire à l'esprit..... L' e x p o s i t i o n de votre roman m'a paru très remarquable. J'admire avec quel art Vous savez poser si rapidement vos personnages sous les yeux du lecteur et expliquer les divers motifs, les intérêts variés qui d'rigeront ultèrieurement leur conduite.

В этом же письме В. Дерели сообщал Писемскому о задержке выезда в Россию И. С. Тургенева в связи с выпадами против него „Московских Ведомостей" по поводу предисловия к очеркам И. Я. Павловского „En cellule. Impressions d'un nihiliste".

> Contrairement à ce que je Vous annonçais dans ma dernière lettre, M. Tourguéneff n'a pas encore quitté Paris, et peut-être ne le quittera-t-il pas. Vous avez sans doute en connaissance des attaques auxquelles se sont livrés contre lui, dans ces derniers temps, certains journaux russes qui s'étaient complètement mépris sur ses tendances politiques. Ce malentendu pourrait bien n'être pas étranger au changement qui paraît s'être opéré dans ses projets. C'est une supposition de ma part, mais ce que je sais, c'est que plusieurs des compatriotes de M. Tourguéneff qui habitent Paris, l'ont engagé, dans les circonstances présentes, à ne pas se rendre en Russie.

Незаконченный и оставленный вариант к письму 796 представляет собой зачеркнутую запись в черновой тетради (лл. 89 об., 90), датируемая по положению в рукописи 7—8 января 1880 г.

[M-r Derely]

Господин Дерели
Господи<н> Д<ерели>

Я несколько позамедлил ответить вам, причина тому что я все это время был заняг просмотром коррект<уры> моего романа, который уже начали печатать, а вместе и продолжаю писать далее. Все что вы сообщили мне в последнем письме, касательно [той битвы которая происходи<т> между тех перепетий, которы<е> происход<ят>]

ПИСЬМО 797

Печатается по публикации Е. И. Бларамберг-Апрелевой с проверкой по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

„Я еду с Островским“ — см. примечание к письму 791.

ПИСЬМО 798

Адресат определяется по содержанию письма.

ПИСЬМО 799

Печатается по черновику, писанному чернилами рукою В. А. Федоровского.

„Что говорит архиерей о хлыстах“ — см. „Масоны“, т. I, СПБ. 1880, стр. 98—102, с иллюстрацией.

„Было неоднократно напечатано“ — Подразумеваются: 1) „Исследование о скопческой ереси“ Н. И. Надеждина, М. 1845 (затем Лондон 1862); 2) „Люди божии и скопцы“, историческое исследование Н. В. Реутского, М. 1872; 3) „Материалы для истории хлыстовской и скопческой ересей“ П. И. Мельникова („Чтение в имп. обществе истории и древностей российских“ 1872, кн. 1—4, отд. 5, стр. 45—174, 35—205, 25—324 и 15—139); 5) „Новейшие исследователи русского раскола“ Е. В. Барсова („Православное Обозрение“ 1873, кн. 1, стр. 126—162).

Под текстом письма приклеена расписка московского почтамта от 17 января 1880 г. в приеме заказного письма на имя Николая Аловерта. Далее на л. 95 об. наклеена росписка почтамта от 18 января 1880 г. за № 24, над которой рукою Писемского написано: „отправлены окончание 9 и вся 10 глава“ (первой части романа „Масоны“).

ПИСЬМО 800

„В 1-м рисунке 3-го номера“ — В 3-м номере журнала „Огонек“ (цензурное разрешение 14 января 1880 г.) были помещены 5 и 6-я главы 1-й части романа „Масоны“ с двумя иллюстрациями, без каких-либо перемен вошедшими и в отдельное издание (см. т. I, СПБ. 1880, стр. 56 и 88).

ПИСЬМО 801

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

ПИСЬМО 802

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

„Девочку глухонемую“ — речь идет о Марии Кузьминой, см. письмо 792.

ПИСЬМО 803

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

„Мне это необходимо знать, чтобы не проговориться" — Сведения требовались Писемскому для эпизода объявления приговора Лябьеву в XI главе четвертой части романа „Масоны" (т. II, стр. 159—162).

ПИСЬМО 805

Печатается по черновику, писанному чернилами рукою В. А. Федоровского.

„Ковер... следует повесить на стене„ — ср. письмо 745. Указание Писемского было учтено (см. „Масоны", т. I, СПБ. 1880, стр. 293).

„Мюнстеровское издание" — подразумевается изданная А. Э. Мюнстером „Портретная галлерея русских деятелей," тт. I—II, СПБ. 1865—1869 (200 портретов и биографий).

ПИСЬМО 807

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою В. А. Федоровского.

„В отправленной мною сегодня" — перед текстом письма приклеена расписка московского почтамта от 25 января 1880 г. за № 10 в принятии бандероли на имя Николая Альберта. У расписки приписано рукою Писемского: „под эту росписку отправлена 11 глава I-й части ром<ана>".

„Сверстов черес-чур молод" — речь идет об иллюстрации К. Брожа, без изменений перепечатанной в I томе романа (СПБ. 1880, стр. 78—79).

„На сенаторском бале сделана тоже грубейшая ошибка" — речь идет об иллюстрации, изображающей графа Эдлерса, губернатора, и m-me Клавскую (см. т. I, СПБ. 1880, стр. 90—91).

ПИСЬМО 808

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

„Никуда носу не кажу кроме водолечебного звведения" — речь идет о водолечебнице доктора Ф. И. Барановича. Лечение Писемского шведской гимнастикой продолжалось вплоть до июня 1880 г. О посещении Писемским лечебницы см. воспоминания С. Хорошевского „Клочки воспоминаний" (знакомство с А. Ф. Писемским; газета „Северный Край" 1900, № 19, стр. 3). Одновременно Хорошевский говорит о работе Писемского над романом „Масоны": „Это приятное знакомство продолжалось около полугода, причем все это время мы встречались ежедневно в водолечебнице... Писемский не раз спрашивал у меня, как у поляка, отдельные слова и целые фразы польские, которые тут же внимательно вносил в свою записную книжку" (см. „Масоны", часть пятая).

„Хоть бы завернул как нибудь в середу" — см. примечание к письму 748.

ПИСЬМО 809

„По прежнему порядку... решения тогдашних уголовных палат" — — Сведения требовались Писемскому в связи с делом Лябьева („Масоны", ч. IV, гл. II).

ПИСЬМО 810

Печатается по черновику, писанному чернилами рукою В. А. Федоровского с поправкою автора.

„Прилагаю рисунки масонских запонов“ — Черновики рисунков сохранились в „Материалах к роману Масоны“ (л. 212).

„В 3-й части вы ... будете рисовать сцену посвящения Сусанны“ — рисунок был исполнен по указаниям Писемского („Масоны“, т. I, СПБ. 1880, стр. 460—461).

Под текстом приклеена расписка московского почтамта от 31 января 1880 г. в приеме заказного письма на имя Николая Аловерта.

ПИСЬМО 812

„Я получил от вас роман г. Доде“ — см. примечания к письму 796.

„Пишу к вам уже рукою жены“ — черновик письма набросан Писемским собственноручно.

„За участь Марфина не бойтесь“ — в письме от 29 января (10 февраля) 1880 г., сообщая свой отзыв о романе „Масоны“, В. Дерели извещал Писемского:

> Je reçois régulièrement Огонек dont la lecture est pour moi chaque mardi la récréation la plus agréable. En lisant vos Maçons on voit...que Vous connaissez à fond le monde des fonctionnaires et que leurs vilenies, grandes et petites, n'ont pas de secret pour Vous. Il y a là, du moins, un personnage franchement sympathique et auquel, malgré ses travers, on peut s'intéresser sans réserve. Mais, étant donné votre pessimisme ou, pour parler plus exactement, l'inflexible logique qui préside à vos récits sans égards à la sentimentalité du lecteur, je crains bien que le brave Marfine ne soit victime de sa généreuse et imprudente nature.

ПИСЬМО 813

Адрес: „В Петербург Максимову, дом Тарасова, на Фонтанке“. Датируется по приклеенной под текстом квитанции московского телеграфа от 5 февраля 1880 г. за № 344.

„Прочитав о твоем Юбилее“ — О юбилее С. В. Максимова Писемский, повидимому, узнал из 35-го № „Современных Известий“ (от 5 февраля 1880 г.), где было сказано: „В настоящем году исполнилось двадцатипятилетие литературной деятельности нашего известного писателя Сергея Васильевича Максимова. По словам „Новостей“, 29 января на квартире юбиляра собралось довольно многочисленное общество, состоявшее большею частью из представителей науки, литературы и искусства“ („Литературные юбилеи“).

ПИСЬМО 814

Печатается по черновику, писанному чернилами рукою В. А. Федоровского.

„Буду в Понедельник в 7 часов вечера в Артистическом кружке“ — В понедельник 11 февраля 1880 г. в Артистическом кружке состоялся вечер памяти А. С. Грибоедова, имевший своею целью собрать средства для основания Грибоедовской премии за лучшие оригинальные драматические произведения. В программе вечера принимали участие А. Н. Веселовский, С. А. Юрьев (чтение „Хищников в Чегеме“ Грибоедова), Писемский (чтение пролога к „Фаусту“ Гете в переводе Грибоедова), А. Н. Островский

(чтение отрывка из комедии „Своя семья или замужняя невеста"), М. П. Цветков, Н. М. Городецкий, К. А. Трутовский и др. (см. „Современные Известия" 1880, №, 43, стр. 3). В 37-м номере „Современных Известий" (от 7 февраля) было объявлено об имеющем состояться „Грибоедовском празднике".

ПИСЬМО 816

Печатается по беловому автографу, черновик не сохранился.

„Вы не высылаете...корректуры 3 и 4 глав Масонов" — речь идет о второй части романа.

„Четвертую часть я уже дописываю" — Закончена четвертая часть романа „Масоны" была в 20-х числах февраля 1880 г., причем уже 25 февраля была начата пятая часть (см. пометки на беловой рукописи романа, хранящейся в Лен. Гос. Публичной Библиотеке, и письмо 821).

ПИСЬМО 817

Печатается по черновику, писанному чернилами рукою Е. П. Писемской с поправками и дополнением автора.

„После фразы, но даже направить" — см. „Масоны", т. I, СПБ. 1880, стр. 192 (имеются разночтения).

„После фразы: отвечал тот не без гордости" — см. там же, стр. 198—199 (имеются разночтения).

„После фразы: отпереть садовую калитку" — см. там же, стр. 211.

Исключено было слюдующее:

> но какого именно доктора говорила она, выйдя наконец из садика в сопровождении не менее ее испуганного маиора.
>
> — Акушера, непременно акушера, проговорилась старушка на весь двор (Беловая рукопись, ч. II, л. 65 об.—66).

ПИСЬМО 818

Печатается по черновику, писанному чернилами руками автора и Е. П. Писемской. Один листок черновика вырван. Датируется по положению в черновой тетради.

„После фразы сильно воздействовала" — см. „Масоны", т. I, СПБ. 1880, стр. 249—250 (имеются разночтения).

„После фразы сбрасывая с себя шинель" — см. там же, стр. 278 (имеются разночтения).

„После фрсзы многие занимались" — см. там же, стр. 289.

Исключено было следующее:

> из которых многие занимались внешними только делами по ложе и дальше речей никогда не говорили; но ритор должен непременно разъяснять вступающим сущность масонства, что такое масонство, трудность этого пути, выведать искренно ли желает идущий вступить в братство. (Беловая рукопись, ч. II, л. 160 об.)

„После фразы в особую темную комнату" — см. там же, стр. 290.

„После фразы по приказанию" — см. там же, стр. 291 (имеются разночтения).

„*После фразы*: Войдя в дом — см. там же, стр. 319—320 (имеются разночтения).

„*После слова*: аминь“ см. там же, стр. 330 (имеются разночтения).

ПИСЬМО 819

См. примечание к письму 816. Под текстом приклеена расписка московского почтамта от 13 февраля 1880 г. в приеме заказного письма на имя Николая Аловерта.

ПИСЬМО 820

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

ПИСЬМО 821

Датируется по положению в черновой тетради.

„*Принесите и 15 главу*“ — речь идет о 15-й (последней) главе четвертой части романа „Масоны“.

ПИСЬМО 822

„*Возвращаю... просмотренную мною биографию*“ — речь идет о биографии Писемского, помещенной во втором выпуске изданной К. А. Шапиро „Портретной галлереи русских литераторов, ученых и артистов“ (СПБ. 1880).

ПИСЬМО 823

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской с поправками автора.

„*Отец глухонемой девочки*“ — Василий Кузьмин, см. письмо 792.

ПИСЬМО 824

Текст воспроизводится по копии, сохранившейся в „Копировальной книге“.

ПИСЬМО 825

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. Писемской с поправками и подписью (чернилами) автора. Датируется по положению в черновой тетради.

„*В дополнение в корректуре моей*“ — Корректура 5 и 6-й глав второй части романа „Масоны“ была отправлена Н. П. Аловерту 26 февраля 1880 г.; корректура 7 и 8-й глав той же части была отправлена 2 марта 1880 г. (см. расписки московского почтамта).

ПИСЬМО 826

Датируется по подклеенной к черновику расписке московского почтамта от 2 марта 1880 г. в приеме заказного отправления на имя В. Дерели.

„*3 номера газеты Телеграф ... я не получил*“ — в письме от 25 февраля (8 марта) 1880 г. В. Дерели сообщал Писемскому о высылке „дней десять назад“ номера „Телеграфа“ с заметкой о появлении в ближайших №№ газеты перевода романа „В водовороте“, см. примечания к письму 827.

„*Спешу... поблагодарить вас за ваш перевод моего романа*“ — В. Дерели сообщал неоднократно Писемскому о ходе работы по переводу романа и своих переговорах с издателями. 29 января (10 февраля) 1880 г. он его извещал:

J'ai vu Vendredi le rédacteur en chef du T é l é g r a p h e. Il attend, pour se prononcer, d'avoir lu la suite de votre roman dont, à mon très-grand regret, j'ai dû momentanément interrompre la traduction. En somme, je le crois assez favorablement disposé, quoiqu'il ait formulé, sans insister d'ailleurs, quelques réserves au sujet de la note pessimiste qui domine dans l'ouvrage. Ce que je crains, c'est que В водовороте ne paraisse que bien tardivement dans les colonnes du T é l é g r a p h e...

Pour ces raisons, je me verrai probablement foué de me tourner d'un autre côté. Là où j'aurais peut-être le plus de chances d'insertion prompte, c'est dans quelqu'une des feuilles radicales récemment créées. La copie n'y déborde pas encore, mais le moyen de Vous faire parvenir ces journaux en Russie?

Наконец, 25 февраля (8 марта) 1880 г. В. Дерели мог сообщить Писемскому об удачном исходе своих переговоров:

Aujourd'hui, Cher et Illustre Maître, j'ai la satisfaction de Vous apprendre que la traduction de votre beau roman va paraître à partir de Mercredi (après demain). Vous la recevrez aussi exactement que Dieu et la douane russe le permettront.

Ce n'est pas sans concessions de ma part que ce résultat a été obtenu. D'un côté, pour amorcer les badauds, M. Jézierski a tenu à affûter votre ouvrage d'une étiquette de circonstance en ajoutant au dessous du titre les mots S c è n e s d u m o n d e n i h i l i s t e, qui lui paraissent d'un effet irrésistible. De l'autre, il m'a demandé l'autorisation de pratiquer quelques coupures, là où, selon lui, le développement psychologique nuit un peu à la rapidité de l'action.

Avant de consentir à ces deux demandes, j'aurais dû Vous en référer: pardonnez-moi de ne l'avoir point fait. Les pourparlers entre Paris et Moscou prennent toujours un certain temps: j'ai cru qu'il valait mieux, comme dit notre proverbe français, battre le fer pendant qu'il chauffait. Une occasion perdue est si difficile à retrouver!

Je pense d'ailleurs que des retranchements, opérés avec intelligence, constituent une atteinte moins grave à la pensée d'un écrivain que des modifications de texte comme M. Jézerski s'en était permis dans la traduction du C a p i t a i n e R o u k h n e f f. Pour ces dernières, j'étais décidé à me montrer intraitable.

Enfin, j'ose vous promettre.... que, quand l'ouvrage paraîtra en volume, il sera publié tel qu'il a été écrit par Vous: c'est à dire sans soustitre et dans son intégralité.

Французский перевод романа „В водовороте“ — „Dans le tourbillon (V vodovoroté) Scènes du monde nihiliste (Traduit du romancier russe A. Pissemsky)“ начал печататься в фельетоне газеты „Le Thélégraphe“ 9 марта и был закончен публикацией 20 июля 1880 г. Подбор фельетонов с переводом, доставленный Писемскому В. Дерели, сохранился в Рукописном отделении Института Литературы Академии Наук СССР.

ПИСЬМО 827

Черновик письма набросан рукою Писемского на отдельном листке, подклеенном в черновую тетрадь.

„Я вечером получил 3-й номер Телеграфа“ — речь идет о номере парижской газеты „Télégraphe“ с заметкой В. Дерели о предстоящем печатании перевода романа „В водовороте“. В письме к Н. П. Аловерту от 6 апреля 1880 г. Писемский, посылая вырезку из французской газеты, просил перепечатать отрывки из нее в „Огоньке“. Очевидно, с аналогичной просьбой писатель обратился и к Н. П. Гилярову-Платонову, редактору „Современных Известий,“ в № 63 от 5 марта которых появилась заметка:

ОТЗЫВ ФРАНЦУЗСКОЙ ГАЗЕТЫ ОБ А. Ф. ПИСЕМСКОМ

Газета Télégraphe, извещая, что в фельетоне ее будет помещаться роман г. Писемского В водовороте в переводе Виктора Дерели, делает об авторе такого рода отзыв: „Писемский считается в России за одного из более известных литераторов. Признавая в нем преобладающими качествами точный анализ характеров и юмористический реализм наблюдений, его называют преемником Гоголя, знаменитого автора Мертвых душ и Ревизора, а также ставят наравне и с Тургеневым, которым Франция столь справедливо восхищается и которого она так любит.

Тургенев проникнут более гением запада, талант же Писемского не столь общий, более национальный и исключительно русский; вследствие чего его произведения до сих пор еще мало были у нас переводимы, но в настоящее время, когда Россия переживает такой драматический кризис, этот чисто местный и совершенно оригинальный характер произведений г. Писемского и придает им особенную живость и интерес. В повести Новь Тургенев нам нарисовал нигилистический мир, несколько опоэтизированный, кротким, мечтательным, философствующим. В романе Что делать? который незадолго пред сим был разбираем в Телеграфе, Чернышевский представил нам последователей новой революционной веры стоическими героями, апостолами мрачного идеала. Писемский держится более земли. Он не столь поэтичен, как Тургенев, и вовсе не имеет целью создавать новых людей, как мы это видели у Чернышевского.

ПИСЬМО 828

Датируется по содержанию письма и следующей за ним расписке московского почтамта от 8 марта 1880 г. Над распиской пометка автора: „под этой росписк⟨ой⟩ отправле⟨на⟩ корректу⟨ра⟩ IX и X глав“.

ПИСЬМО 829

Черновик письма был написан 8 марта, беловой — 9 марта. Однако отправлено письмо было одновременно с следующим за ним письмом к Г. Д. Гоппе (см. письмо 830) —10 марта 1880 г. (расписки за №№ 6 и 7 приклеены к тексту).

„В конце 5 главы вероятно цензура исключила“ — см. примечание к письму 917.

„Корректуру IX и X глав“ — речь идет о главах второй части романа, отправленных 8 марта 1880 г.

ПИСЬМО 830

„Сделать уплату — речь идет о выплате Писемскому согласно договору (см. примечание к письму 736) 2000 рублей за четвертую часть романа „Масоны“.

ПИСЬМО 831

Датируется по положению в черновой тетради.

„Он... приспособил вас к своей газете“ — речь идет об издававшихся Н. П. Гиляровым-Платоновым „Современных Известиях“.

ПИСЬМО 832

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою В. А. Федоровского.

„Что касается до высылки мне номеров Телеграфа“ — в письме от 9/21 марта 1880 года В. Дерели заверял Писемского:

Le jour où cette feuille ⟨le Télégraphe⟩ a commencé la publication de votre roman, c'est à dire le 9 mars (26 février), j'ai donné votre adresse à l'administration: je ne doute pas qu'on ne Vous envoie le journal, mais je suis mois sûr que Vous le receviez. D'après ce qui m'a été dit, certains journaux français seulement sont autorisés à entrer en Russie quitte à n'arriver que censurés à leurs destinataires. Quant aux autres, et j'ai bien peur que le Télégraphe ne soit du nombre, ils sont purement et simplement confisqués à la frontière. Peut-être le feuilleton découpé et expédié à part aurait-il chance de trouver grâce devant la douane. En tout cas, veuillez avoir la bonté de me dire si Vous avez reçu les numéros qui Vous ont été envoyés jusqu'ici.

„За ваш лестный отзыв... приношу... благодарность“ — в цитированном письме от 9/21/ марта 1880 г. В. Дерели давал следующий отзыв о „Масонах“.

Je serais bien heureux que le Télégraphe Vous fût servi aussi exactement qu'on me sert Огонек. Je reçois toutes les semaines cette charmante publication dans laquelle j'ai le plaisir de lire chaque Mardi vos Maçons. La première partie m'a vivement intéressé. J'admire surtout par quelle foue d'imagination Vous avez pu faire revivre une époque et uné société sur lesquelles vos souvenirs personnels ne Vous fournissaient naturellement que peu de données. Vos autres romans étaient pris dans la réalité contemporaine, toujours plus facile à peindre qu'un passé déjà lointain. Ici, Vous me paraissez Vous être imposé une tâche plus délicate, mais dès à présent, on peut affirmer, je crois, que Vous Vous en tirerez à Votre honneur car votre ouvrage, à en juger par ce qui en a paru, est à la fois curieux et émouvant, deux qualités qu'on n'a pas coutume de rencontrer unies l'une à l'autre.

В письме от 22 марта (3 апреля) 1880 г. В. Дерели сообщал Писемскому дополнительные замечания к своему начальному отзыву о романе „Масоны“.

Je lis toujours cet ouvrage ⟨les Maçons⟩ avec un grand intérêt. C'est peut-être une illusion, mais il me semble que Vous Vous livrez plus dans ce roman que dans d'autres de vos productions. Ici, du moins, Vous paraissez indiquer vos préférences et l'homme perce sous le narrateur. J'avoue qu'en lisant Взбаламученное море et Водовороте je me suis souvent demandé quels étaient vos principes, vos tendances, enfin quelle position Vous aviez prise dans ce grand débat auquel, dans notre XIX-e siècle, il est difficile sinon impossible à un homme intelligent de se soustraire tout à fait. J'étais dérouté par un parti-pris d'impersonnalité qui semblait autoriser les suppositions les plus contradictoires. Or je ne sais si je me trompe, mais je crois Vous connaître mieux depuis que je lis les Maçons. Quant à la valeur littéraire de l'oeuvre, si je ne savais malheuresement, que ce livre a été composé dans les intervalles de relâche que Vous laissent de cruelles souffrances, je n'aurais pas pu m'en douter, tant votre esprit a conservé de verve et votre imagination de fraîcheur.

ПИСЬМО 833

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

„Успешно ли подвигаются ваши записки?“ — см. примечание к письму 759.

ПИСЬМО 834

Печатается по публикации текста Е. И. Бларамберг-Апрелевой с белового автографа с проверкой по черновику, писанному рукою Е. П. Писемской.

„О супруге ее я слышу но не видал его" – речь идет о М. И. Писареве, см. примечание к письму 784.

ПИСЬМО 835

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

„Где по старому судопроизводству начинались дела" – Сведения требовались Писемскому в связи с делом, возбужденным против Тулузова (см. „Масоны", часть пятая, гл. 4 и 8). В ответ на запрос Писемского А. И. Постельников писал: „Дела о дворянах, обвинявшихся в убийстве, по старому судопроизводству, до шестидесятых годов, поступали в Уездные суды, которые постановляли *мнения* и представляли на ревизию в Палаты, а эти в Сенат. В 60-х годах, незадолго до реформы, „мнения" отменены, дела начали поступать прямо в Палаты. Это было в 1862 году кажется" (см. „Материалы к роману Масоны", л. 213).

ПИСЬМО 836

К беловому автографу, по которому воспроизводится текст письма, сохранился черновик, писанный карандашом рукою Е. П. Писемской с поправкой автора.

На обороте белового письма адрес: „Здесь. У Пречистенских Ворот в доме Князя Голицина Его В-ю Александру Николаевичу Островскому".

ПИСЬМО 837

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

„Мог ли женатый человек без согласия своей жены поступить в монахи" — Сведения требовались Писемскому для писавшейся им тогда пятой части романа „Масоны" — в отношении А. Н. Зверева.

Перед письмом помещен набросок плана 5—7 глав пятой части романа:

V.

Геттинген, [Гомбург] Кельн, Рейн, Гейдельберг, встреча с Гегелиянцом, рассказ того об Углакове волнен<ие> Су<санны Николаевны>, которое [А. И.] Е<гор> Е<горычь> замет<ил> его заболевание и письмо М. Д.

VI.

Безумство А<ггея> Н<икитича> скандал который учини<л> Аптекарс<кий> Учени<к> Разнесш<ийся> об эт<ом> слух выговор ученик<ам>; аптекар<...> жена <1нрзб> и А. Н. <2 нрзб> жив <...> <2 нрзб>. Жизнь ее с А<ггеем> Н<икитичем>.

VII.

Приезд Тулу<зова> вм<есте> с Катрин – ухажива<ния> того за аптекарш<ей>, побег той с ним в Москву. Горе А<ггея> Н<икитича>. Пись<мо> того к Е<гору> Е<горычу>.

ПИСЬМО 838

Датируется по положению в черновой тетради.

ПИСЬМО 840

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою В. А. Федоровского.

„Почему 12-я глава не кончена“ — речь идет о 13-м № „Огонька“ (цензурное разрешение — 26 марта 1880 г.), в котором на стр. 245 — 251 были напечатаны 11-я и начало 12-й главы второй части романа. Окончание 12-й главы и 1-я глава третьей части появились в 14-м № (стр. 265 — 272).

ПИСЬМО 841

„Фотографический снимок с моего портрета“ — снимок с портрета Писемского, над которым работал весной 1880 г. И. Е. Репин.

„Что касается до нашего намерения сделать к В водовороте примечания“ — речь идёт о проектированном переводчиком отдельном французском издании романа „В водовороте“. В письме из Парижа от 22 марта (3 апреля) 1880 г. В. Дерели, извиняясь в ошибках перевода и типографских погрешностях, писал Писемскому:

> Je me réserve de donner tous mes soins à l'édition de librairie, et de ne rien négliger pour la rendre digne de l'original russe. En premier lieu, je ferai disparaître les titres de chapitres qui, comme Vous Vous en apercevrez facilement, joignent au défaut d'être peu exacts celui d'être souvent prétentieux. Ensuite, je rétablirai quelques lignes supprimées par la direction du Télégraphe, notamment au chapitre V (page 93 du l'édition Salaeff); je dois dire du reste que les coupures se réduisent jusqu'ici à fort peu de chose. Enfin je multiplierai, s'il y a lieu, les notes explicatives.

Отдельное издание перевода романа „В водовороте“ осуществилось на другой же год после появления газетной его публикации. „A. Pissemsky, Dans le tourbillon. Roman en trois parties. Traduit du russe par Victor Derély“, Paris, 1881.

ПИСЬМО 842

Печатается по черновику, писанному рукою автора (до слов „На телеграмму“...) и В. А. Федоровского (от указанных слов до конца).

ПИСЬМО 843

„Оставлять издание с такой важной опечаткой невозможно“ — Несмотря на указания Писемского опечатка в отдельном издании сохранилась (см. т. I, стр. 271).

Под текстом приклеена расписка московского почтамта от 6 апреля 1880 г. с пометкой автора: „Под этой рос⟨пиской⟩ отправлены 3 и 4 главы 3 части отдельного издан⟨ия⟩.“

ПИСЬМО 844

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской с поправкой автора. Датируется по положению в черновой тетради.

„Для галлереи новый портрет“ — Портрет работы И. Е. Репина, хранящийся в Третьяковской галлерее за № 725, воспроизведен в настоящем издании.

ПИСЬМО 845

Датируется по содержанию письма и положению в черновой тетради.

„Прошу подавать голос в очередном общем собрании“ — Общее собрание (годовое) Общества драматических писателей состоялось 5-го апреля 1880 г. (см. „Обзор деятельности общества“... М. 1899, стр. 22).

ПИСЬМО 846

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою В. А. Федоровского до P. S. (последний — автограф чернилами).

„Обратите внимание“ — указание Писемского было исполнено.

„Напечатано: освящали“ — Опечатка в отдельном издании устранена (т. I, СПБ. 1880, стр. 365).

„Посылаю вам рекламу“ — см. примечание к письму 827.

ПИСЬМО 847

Печатается по черновику, писанному чернилами рукою В. А. Федоровского.

„Прикажите оставить так, как было“ — указание Писемского было исполнено (см. „Масоны“ т. I, СПБ. 1880, стр. 277).

ПИСЬМО 848

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

ПИСЬМО 849

„Заеду к вам в Институт“ — подразумевается Николаевский Сиротский институт, в котором О. А. Чекмарева преподавала.

„Завезу бусы для Сони“ — речь идет о внуке писателя, С. Алексеевой, воспитывавшейся с 1877 г. под наблюдением О. А. Чекмаревой. См. примечание к письму 760.

ПИСЬМО 850

„В субботу у меня были“ — подразумевается суббота 12 апреля 1880 г.

ПИСЬМО 851

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

ПИСЬМО 852

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою В. А. Федоровского.

ПИСЬМО 853

„Благодарю вас за высылку 2-го выпуска“ — речь идет об изданной К. А. Шапиро „Портретной галлерее русских литераторов, ученых и артистов с биографиями и факсимиле“, СПБ. 1880; см. письмо 822.

„Статью Голоса я еще ранее читал“ — имеется в виду анонимная статья „Воскресные наброски“, помещенная в № 104 (13 апреля) „Голоса“ за 1880 г. Об издании Шапиро фельетонист отозвался следующим образом: „Издание, вообще, прекрасно задумано и прекрасно исполняется“.

ПИСЬМО 854

„Вероятно перевод Ваш и в этих номерах... безупречно хорош“ — в письме к Писемскому от 8(20) апреля 1880 г. В. Дерели жаловался на значительное число типографских опечаток, исказивших газетную публикацию перевода романа „В водовороте“:

> Je ne me plains pas de les ⟨les compositeurs⟩ voir écorcher les mots russes ou faire d'autres fautes que le lecteur peut aisément corri

ger de lui-même, mais trop souvent il leur arrive de fausser grossières ment le sens des phrases. Ainsi dans le feuilleton 30, j'avais écrit: „vous et moi ignorons comment il a aimé sa femme". Ils ont remplacé le- derniers mots par ceux-ci: „comment il est aimé de sa femme". Même feuilleton, deux colonnes plus loin, le manuscrit portait: "Ne vous plaisait-il pas d'acheter un piano qui m'est resté après la mort de mon mari?" Les typographes ont mis: „après la mort de ma mère". Dans le feuilleton 33, 1-re colonne, „le baron Minger" est devenu, de par la fantaisie des imprimeurs, „le beau Minger". Dans le feuilleton 37, 3-ème colonne, Hélène au lieu de dire au paysan „Ecoute" lui dit: „Monte", ce qui n'a aucun sens. Bref, je n'en finirais pas, si je voulais relever toutes les sottises qu'on fait dire.

„*Напишите... мне ваше мнение о романе Золя Нана*" — отвечая на запрос Писемского В. Дерели писал ему 29 апреля (11 мая) 1880 года:

> Je vais dès demain Vous envoyer N a n a par l'entremise de l'ambassade russe. La chose, m'a-t-on assuré, ne souffre aucune difficulté. Je ne sais, Cher et Illustre Maître, comment Vous trouverez ce livre: pour moi, il m'a paru bien inférieur à l'A s s o m m o i r qui était la révélation d'un monde encore peu ou point exploré par nos romanciers. Je doute qu'on puisse rencontrer dans N a n a un seul détail original, rien qui n'ait été observé déjà par une foule d'écrivains. C'était d'ailleurs l'écueil du sujet. Il a été publié tant d'ouvrages sur les filles entretenues, que la matière semble epuisée. Quoi qu'il en soit, le livre a obtenu un grand succès: M. Zola possède un style très coloré qui doit être pour beaucoup dans sa vogue, mais peut-être se trompe-t-il en s'imaginant qu'il en est de la littérature comme de la peinture. Celle-ci peut, à la rigueur, se passer, pour ainsi dire, de sujet, parce que tout l'intérêt d'un tableau est dans l'exécution. Mais pour le littérateur, le pittoresque n'est jamais qu'un terme métaphorique, faute d'avoir à sa disposition les mêmes moyens d'expression que l'artiste, l'écrivain est donc obligé, sous peine d'ennuyer ses lecteurs, d'inventer une action intéressante sur elle-même.

ПИСЬМО 855

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской; дата написана чернилами рукою автора.

ПИСЬМО 857

Датируется по положению черновой тетради.

„*Супруга Ваша*" — П. А. Стрепетова.

ПИСЬМО 858

Датируется по положению в черновой тетради.

„*В вашей статейке о моем портрете*" — имеется в виду анонимная заметка Ф. А. Гилярова „Новый портрет А. Ф. Писемского", помещенная в „Современных Известиях" (1880, № 110 от 23 апреля, стр. 2). В ней Гиляров, между прочим, писал: „На днях случайно удалось нам видеть новый портрет А. Ф. Писемского, снимаемый И. Е. Репиным. Портрет предназначается для картинной галлереи П. М. Третьякова, где хотя и есть уже портрет нашего талантливого писателя, исполненный кистью Брюлова, но г. Третьяков, как слышали мы, пожелал иметь еще другой портрет г. Писемского и просил г. Репина исполнить эту работу. Новый портрет хотя еще не окончен, но вполне достоен и оригинала, и мастера. Лицо совсем живое".

„Прежний портрет мой писал не Брюлов, а Перов“ — В. Г. Перов писал портрет Писемского (Третьяковская галлерея, № 372) в 1869 г. В 1870 г. Перов с этого портрета снял увеличенную копию (хранится там же)

ПИСЬМО 859

Датируется по положению в черновой тетради.

„Пришли... том Пушкина“ — сочинения Пушкина потребовались Писемскому для его статьи „Пушкин как исторический романист“, прочтенной им 7 июля 1880 г. на торжественном заседании Общества любителей российской словесности. См. примечание к письму 904.

ПИСЬМО 860

„Посылаю вам коротенький отзыв“ — см. примечание к письму 858.

„Ошибка эта ... в ближайшем-же номере будет поправлена“ — ошибка Ф. А. Гилярова была исправлена в 111 № „Современных Известий“ (стр. 2).

ПИСЬМО 861

Датируется по положению в черновой тетради.

ПИСЬМО 862

Адрес: „Москва, у Спиридонья, свой дом Садовскому“. Телеграмма датируется по положению в черновой тетради.

„Мы поедем в парк“ — Цель поездки — осмотр дачи М. П. Садовского. См. письма 863 и 867.

ПИСЬМО 863

Адрес: „У Спиридонья свой дом Садовскому“. Телеграмма печатается по черновику, писанному чернилами рукою В. А. Федоровского.

ПИСЬМО 864

Печатается по черновику писанному чернилами рукою В. А. Федоровского. Датируется по графической связи с письмом 863.

„Если встретятся в этой главе препятствия“ — речь идет о 9-й главе третьей части романа „Масоны“, в которой опасения Писемского могло вызывать изложение элементов масонского мировоззрения в связи с обрядом приема Сусанны Рыжовой в число масонов.

ПИСЬМО 866

О речи Писемского, произнесенной 7 июня 1880 г., см. примечание к письму 904.

ПИСЬМО 867

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою В. А. Федоровского.

„Следующая суббота“ — 10 мая 1880 г. Однако переехал на дачу Писемский только 15 мая — см. письма 818 и 882.

ПИСЬМО 868

Печатается по черновику, писанному чернилами рукою В. А. Федоровского.

„Милостивый государь“ — Настоящее письмо является официальной редакцией письма 865 — повидимому, согласно указанию С. А. Юрьева.

ПИСЬМО 869

Черновик письма набросан Писемским на отдельном листке, подклеенном в черновую тетрадь.

„Ваше намерение перевести моих Мещан“ — 29 апреля (11 мая) 1880 г. В. Дерели писал Писемскому об окончании работы над переводом романа „В водовороте“ и о своих дальнейших литературных планах:

> Ma traduction... est terminée depuis le 1-er Mai, en sorte que le manuscrit se trouve maintenant tout entier entre les mains de l'administration du Télégraphe... Depuis que je n'ai plus à m'occuper de В Водовороте j'ai commencé à traduire Мещане: c'est un ouvrage qui m'intéresse beaucoup et qui, en nombre d'endroits, est presque un roman parisien, tant il y a de choses qui semblent prises sur le vif de notre société française. Seulement, je rencontre bien des difficultés dans cette traduction. Toutes ces discussions sur les entreprises industrielles sont, notament, pleines d'obscurités pour moi.

„Об романе Сфинкс я дознал“ — в цитированном письме от 29 апреля (11 мая) 1880 г. В. Дерели запрашивал Писемского:

> Votre bienveillance, Cher et Illustre Maître, m'enhardit à Vous demander un service. Voici de quoi il s'agit: depuis longtemps déjà, mon ami Rambaud que Vous connaissez probablement, au moins de nom (il a écrit une Histoire de Russie) est à la recherche d'un roman russe dont il ne connait exactement que le titre „Сфинкс“; il croit, sans en être bien sûr, que le nom de l'auteur est Tchernycheff, mais il ne sait ni dans quelle revue russe cet ouvrage a paru, ni s'il a été publié séparément. Par votre grande connaissance de la littérature russe, Vous êtes certainement plus à même que personne, Cher et Illustre Maître, de me fournir des renseignements à cet égard et, en le faisant, Vous m'obligerez au plus haut point.

„Отдельного издания этого романа... не было“ — роман Е. Дубровиной „Сфинкс“, опубликованный первоначально по вполне точному указанию Писемского в журнале „Дело“ 1877 г., вышел в том же году в Петербурге отдельным изданием.

ПИСЬМО 870

Печатается по черновику, писанному чернилами рукою В. А. Федоровского.

„Мне прислали корректуру 12-й и 13-й глав“ — речь идет о главах третьей части романа „Масоны“. См. письмо 877.

ПИСЬМО 872

„Стихотворения к морю, к Вельможе“ — Названные стихотворения Пушкина Писемский готовил для художественного чтения (см. письмо 897).

„У русского царя в чертогах есть палата“ — см. примечание к письму 897.

ПИСЬМО 873

Датируется по положению в черновой тетради.

„Имею честь представить ... черновой экземпляр ... романа Масоны“ — Рукопись была обещана Писемским Московскому Городскому и Румянцовскому музеям в связи с любезной помощью сотрудников музеев Писемскому при работе над романом (см. письмо 923).

ПИСЬМО 874

К беловому автографу, по которому воспроизводится текст письма, сохранился черновик.

„27 назначено утреннее заседание Общества“ — Празднество открытия памятника Пушкину было отложено в дальнейшем до 6 июня 1880 г. См. письмо 889.

ПИСЬМО 875

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

„Г-жа Хвощинская есть одна из крупнейших женщин писательниц“ — О высоком мнении Писемского о творчестве Н. Д. Хвощинской-Заиончковской, равно как и Н. С. Сохaнской, свидетельствует в своих воспоминаниях Е. И. Бларамберг-Апрелева (см. „Русские Ведомости“ 1905, № 97 и 101).

ПИСЬМО 876

„Билет я для Вас оставлю“ — Предложением Писемского Н. Д. Хвощинская не воспользовалась. В неопубликованном письме к А. Н. Плещееву от 18 июня 1880 г. (из Рязани) она следующим образом определяет свое отношение к пушкинским торжествам: „Меня посылали в Москву, я не поехала; откровенно скажу — по убеждению. Я имею мужество признаваться, что не сочувствую. К чему толковать длинно и полагаю для вас не нужно: вы, заглядывая в себя, тоже не сочувствуете. Ведь так? — Фраз было неумеренно много; я их дочитывать до конца не могла. Слышала (писали мне знакомые), что Достоевский падал в обморок от оваций или от красноречия; что ужь „никого не пускали“ в гостиную, куда он удалился, и прочее. Было-бы смешно, еслиб не было противно“ (Архив А. Н. Плещеева, Гос. Театральный Музей им. А. А. Бахрушина). И далее: „Мне говорил московский студент, что в университете в голос говорили: „другое дело, если бы памятник Белинскому“. Хорошо, если так говорили. Очень ужь заполонили красивые слова и счастливцы“.

ПИСЬМО 877

Печатается по черновику, писанному чернилами рукою В. А. Федоровского с исправлениями рукою автора.

„Корректуры X и XI я получил“ — Речь идет о 10 и 11-й главах третьей части романа „Масоны“ (см. письмо 870).

ПИСЬМО 878

„Посылаю Вам статейку из Моск. ведомостей“ — статью „Пушкинский день в Москве“ излагавшую программу празднеств „Московские Ведомости“ 1880, № 130 от 12 мая). В статье сообщалось о предполагавшемся приезде на пушкинские празднества иностранных делегатов: „... в числе почетных гостей ожидаются ... известный немецкий поэт Фридрих фон Боденштедт... известный французский писатель Рамбо, специально занимающийся изучением русской литературы, Альфред Теннисон, Губернатис и т. д.“

ПИСЬМО 879

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою В. А. Федоровского.

„Вам послано письмо с просьбою приехать“ — приезд В. Дерели для участия в пушкинских торжествах не состоялся. Французским министерством народного просвещения был командирован в Москву на празднества открытия памятника Пушкину славист Л. Леже.

ПИСЬМО 880

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

ПИСЬМО 882

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

ПИСЬМО 883

Датируется по положению в черновой тетради.

„В среду заеду к вам“ — в среду 21 мая 1880 г.

ПИСЬМО 884

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

ПИСЬМО 885

Датируется сопоставлением с письмом 886.

ПИСЬМО 889

К беловому автографу, по которому воспроизводится текст письма, сохранился черновик, писанный карандашом рукою Е. П. Писемской. К письму приложена газетная вырезка:

> От Московского Генерал-Губернатора
>
> По случаю последовавшей 22 сего мая кончины государыни императрицы и наложения глубокого траура, его императорскому величеству благоугодно было повелеть, чтобы торжество открытия памятника Пушкину было на некоторое время отложено.

„Здешний генерал-губернатор“ — кн. В. А. Долгоруков.

ПИСЬМО 891

См. примечание к письму 849.

ПИСЬМО 892

Датируется по положению черновой тетради.

„Перепутаны страницы“ — речь идет о первом томе отдельного издания романа „Масоны“ (СПБ. 1880). По указанию Писемского ошибка была исправлена.

ПИСЬМО 893

Датируется по содержанию письма (среда — 28 мая 1880 г.) и по положению в черновой тетради.

ПИСЬМО 894

Печатается по публикации белового автографа, произведенной С. П. Шестериковым в 1930 г. в „Известиях по РЯС АН“ (т. 3, кн. I, стр. 51—54) с проверкой по черновику.

„Я почти дописал этот роман до конца“ — закончен роман „Масоны“ был значительно позднее — 17 июля 1880 г. (см. письмо 914).

ПИСЬМО 896

„Экземпляр корректуры 2 главы“ — речь идет о 2-й главе четвертой части романа „Масоны“.

„Корректор мой“ — В. А. Федоровский.

ПИСЬМО 897

Адресат определяется по содержанию письма (Л. И. Поливанов был председателем коммисии Общества любителей российской словесности по организации пушкинских торжеств).

„На приготовительном собрании я не буду“ — Предполагалось, что 5 июня 1880 г. в помещении Благородного собрания Писемский, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, Я. К. Грот, И. С. Аксаков и др. прочитают воспитанникам учебных заведений материалы, приготовленные ими для чтения на заседании Общества любителей российской словесности. Однако попечителем московского учебного округа кн. Н. П. Мещерским чтение было отменено „как ненужное“ (см. „Современные Известия“ от 6. VI. 1880 г. № 154, стр. 3).

„Чтение это займет времени около получасу“ — см. примечание к письму 904.

„В 1-м вечернем заседании готов слушать Гусара“ — Стихотворение Пушкина „Гусар“ („Скребницей чистил он коня“, 1833 г.) было прочитано Писемским, как и предполагалось, на первом пушкинском литературно-музыкальном вечере — 5 июня 1880 г. Вечер состоялся в помещении Благородного собрания при участии Ф. М. Достоевского (монолог Пимена из „Бориса Годунова“), А. Н. Островского (сцена из „Русалки“), И. С. Тургенева (стихотворение „Опять на родине“), П. В. Анненкова („Анчар“), А. А. Потехина (сцена из „Полтавы“), Д. В. Григоровича (стихотворение „Кирджали“), И. А. Мельникова (ария из оперы Глинки „Руслан и Людмила“ — „О поле, поле“), И. В. Самарина (сцена из „Скупого рыцаря“), М. Д. Каменской (романсы), М. Н. Климентовой (сцена из оперы Чайковского „Евгений Онегин“) и оркестра под управлением Н. Г. Рубинштейна (там же).

„А во втором Полководца“ — Стихотворение Пушкина „Полководец“ („У русского царя в чертогах есть палата“, 1835 г.) было прочтено Писемским, как и предполагалось, на втором пушкинском литературно-музыкальном вечере, состоявшемся 8 июня 1880 г. В вечере приняли участие: И. С. Тургенев (стихотворение „Зима“), Ф. М. Достоевский („Битва у Зеницы Великой“, „Песня о Георгии Черном“, „Пророк“, „Сказка про бурую медведицу“), Д. В. Григорович („Моцарт и Сальери“), П. В. Анненков, С. А. Юрьев, И. В. Самарин, Н. А. Чаев, П. А. Висковатый, М. Д. Каменская, И. А. Мельников, М. Н. Климентова и оркестр под управлением Н. Г. Рубинштейна (см. „Современные Известия“ 1880, № 156 (8. VI), стр. 2).

ПИСЬМО 898

„Посылаю III главу; IV отпущу“ — речь идет о 3 и 4-й главах четвертой части романа „Масоны“, напечатанных в 26 и 27 № „Огонька“ за 1880 г.

ПИСЬМО 899

Черновик письма набросан Писемским на отдельном листке, подклеенном в общую тетрадь. В этой же тетради имеется начальный черновик того же письма, относящийся к 28-29 мая.

„Мать Митрофания“ — см. примечания к письму 419.

„Еду читать свою статейку“ — речь о Пушкине как историческом романисте, прочтенная Писемским на открытом заседании Общества любителей российской словестности 7 июня 1880 г.

„Получил с почты 3 серию вашего перевода“ — третий подбор фельетонов газеты „Le Télégraphe“, см. письмо 906.

ПИСЬМО 900

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

„Участвовать в вашем журнале“ — речь идет об издававшемся А. Ф. Марксом в Петербурге с 1870 г., под редакцией Ф. Н. Берга, „иллюстрированном журнале литературы, политики и современной жизни“ — „Нива“. Главными сотрудниками журнала в рассматриваемый период были преимущественно реакционные писатели: В. В. Крестовский, Б. М. Маркевич, В. Г. Авсеенко, Н. Н. Каразин, Вс. С. Соловьев, Г. П. Данилевский, А. П. Милюков, А. Н. Майков, К. К. Случевский; сотрудничали также А. А. Потехин, С. В. Максимов, Н. В. Успенский и др.

При возникновении журнала в 1870 г. предполагалось также сотрудничество Писемского (см. „Московские Ведомости“ 1869, № 200, стр. 3: объявление об издании „Нивы“).

ПИСЬМО 901

„Действительно-ли по прежним законам нельзя было сажать в яму людей, служащих при министерстве Двора“ — Настоящий вопрос возник перед Писемским в связи с эпизодом о займе камер-юнкера у ростовщицы Миропы Зудченко 10 000 руб. (см. Масоны“, т. II, СПБ. 1881, стр. 365 и 442).

ПИСЬМО 903

„Роман Золя я получил“ — роман „Нана“, высланный В. Дерели по просьбе Писемского, см. примечания к письму 354.

„Что касается до моего романа“ — см. примечания к письму 826.

ПИСЬМО 904

Датируется по положению в черновой тетради и графической связи с письмом 903.

„Для описания празднеств по поводу открытия памятника Пушкина“... В „Русской Мысли“ пушкинским торжествам были посвящены стр. 9—20 „Внутреннего Обозрения“ за июнь 1880 г. (кн. 4, отд. 4). О Писемском на стр. 16 сказано только: „Последняя речь первого заседания принадлежала другому знаменитому писателю А. Ф. Писемскому“. Статья не подписана, автор ее неизвестен.

Речь Писемского „Пушкин, как исторический романист“ ни в государственных архивах, ни в архиве Л. И. Поливанова — не сохранилась. О содержании речи дает некоторое представление следующая заметка (по-видимому, принадлежащая перу Ф. А. Гилярова), опубликованная еще до пушкинских торжеств.

ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ ЧТЕНИЕ А. Ф. ПИСЕМСКОГО

Из назначенных чтений в Обществе любителей российской словестности нам удалось ознакомиться с предметом чтения А. Ф. Писемского. Алексей Феофилактович намерен указать на особенную свежесть и неувядаемость таланта Пушкина как романиста. Г. Писемский сам по преимуществу романист и поэтому нам кажется, выбор темы сделан особенно удачно. После небольшого вступления лектор предполагает обратиться к анализу повести Капитанская дочь. Самое чтение, повидимому, займет не более получаса.

(„Современные Известия“ 1880, № 137 (от 20 мая), стр. 2).

ПИСЬМО 906

„Ошибся, писав Вам, что получил три серии“ — см. письмо 899.

ПИСЬМО 907

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской с поправками автора.

„Обвести сделанные мною поправки в XI и в XII главах“ — Речь идет о главах пятой части романа „Масоны“.

ПИСЬМО 909

Адрес: „Москва, Леонтьевский переулок, дом Раузера. Постельникову“. Датируется по содержанию.

ПИСЬМО 910

„Начиная со слов между тем... *исключить“*. Писемским исключено и отчасти изменено было следующее место:

Однако прошло дня четыре, в продолжении которых Тулузов [видимо рвал и метал и все спрашивал об Савелье. С женой своей он] вымещал свое нетерпение и гнев на всем и на всех: он выпорол на конюшне кучера за то, что тот недостаточно хорошо [вы] чистил лошадей, сослал совсем в деревню своего камердинера [заме‹ти›в, что он был пьян] когда-то пивавшего. С Катериной Петровной Тулу) зов в продолжении этого времени совершенно даже не видался что было и удобно им делать, так как они жили на совершенно разных половинах: Тулузов на верху, в своих парадных апартаментах, а Катерина Петровна в нижнем этаже, который она украсила картинами, [и] позолоченными стульями, столиками с инкрустацией, мягкими диванами и зеркалами. Уже нередко собирался кружок из двух-ее приятельниц и трех, четырех молодых людей, между которыми [везде] постоянно присутствовал [и] актер, игравший роль Родольфа в Жизни игрока, вечера эти всегда сопровождались ужинами [и] с обильным количеством вина. („Масоны“, беловая рукопись, ч. IV, л. 113).

„От слова на котором“ — см. „Масоны“, т. II, СПБ. 1881, стр. 100.

„От слов ближе к смерти“ — см. там же, стр. 105. (Имеются разночтения).

„От слов вдыхать в себя“ — см. там же, стр. 119.

„Со слов можно здесь“ — см. там же, стр. 121. (Имеются разночтения).

„От слов забормотал про себя“ — см. там же стр. 125 — 126. (Имеются разночтения).

„После слова воскликнул“ — см. там же, стр. 126. (Имеются разночтения.)

ПИСЬМО 911

Датируется по положению в черновой тетради между письмами 910 и 914.

„Некоторое нервное расстройство" — О душевной болезни П. А. Писемского, от которой он не мог оправиться до самой смерти, см. примечание к письму 760 и письмо 964.

ПИСЬМО 912

Датируется по положению в черновой тетради.

„Глава 9-я" — 9-я глава четвертой части романа „Масоны".

„Со слов к о т о р о ю з а в е д ы в а л" — см. „Масоны", т. II, СПБ. 1881, стр. 148 – 149. (Имеются разночтения).

„В той же главе с слова к о ф е й н о й" — см. там же, стр. 150.

„Со слов б ы л п о с л а н А н т и п И л ь и ч ь" — см. там же, стр. 170.

ПИСЬМО 913

Черновик письма набросан Писемским чернилами на отдельном листке, подклеенном в общую тетрадь. Датируется по положению в рукописи.

„Посылаю Вам ответы на ваши вопросы" — вопросы по поводу отдельных мест в романе „Мещане", перевод которых затруднял В. Дерели.

ПИСЬМО 914

„Я получил окончание Вашего перевода моего романа" — публикация перевода романа „В водовороте" была закончена в фельетоне газеты „Le Télégraphe" от 20 июня 1880 г. См. примечания к письму 826.

ПИСЬМО 915

Черновик письма сохранился в двух редакциях.

„После слов п у с т ы е и г л у п ы е" — см. „Масоны", т. II, СПБ. 1881, стр. 178.

„После слов я д о л ж е н — см. там же, стр. 187.

„Со слов н а в к у с н е у з н а е ш ь" — см. там же, стр. 190. Исключено было следующее:

> [и реактивом никаким в трупе не откроешь, и даже теперь вот мы едим это вкусное [блюдо] пирожное и не знаешь, не с ядом ли оно?] даже вот про это прекрасное пирожное, кр͠ое мы теперь едим, никак нельзя поручиться, что оно не с ядом, говорил [мнительный] вовсе не шутя камер-юнкер, уже начинавший как бы чувствовать некоторую боль в „желудке".
>
> [Как все ипохондрики он постоянно страдал этой болезнью. („Масоны", беловая рукопись, ч. IV, л. 221).

„После слов о т д а л е н н о й о т д о м а" — см. там же, стр. 194. Исключено было следующее:

> При этом она увезла с собой всю свою роскошную мебель и устроила свою [квартиру] в новом помещении самым комфортабельным образом и несколько в восточном вкусе (там же, л. 227).

„*Со слов* с настоящей минуты" — см. там же, стр. 219.

После слов тем не менее" — см. там же, стр. 220—221. (Имеются разночтения).

„*После слов* все беседующие... *исключить*" — Указание автора выполнено не было (см. там же, стр. 221).

„*Следует окончить на словах* где раки-то зимуют!" — Указание автора выполнено не было (см. там же, стр. 223).

ПИСЬМО 916

Датируется по положению в черновой тетради.

„*Со слов* Савелий В<ласьев>" — см. „Масоны", т. II, СПБ. 1881, стр. 227. (Имеются разночтения).

„*Со слов* и откупщицею" — см. там же, стр. 231. (Имеются разночтения).

„*В той же главе:* Миропу Д<митрие>вну" — см. там же, стр. 233. (Имеются разночтения).

„*После слова* хотя" — см. там же, стр. 223. (Имеются разночтения).

„*После слов* обрусевших немцев" — см. там же, стр. 234—235. (Имеются разночтения).

„*Со слов* принимать их" — там же, стр. 246—247. (Имеются разночтения).

„*Со слов* Аггей Ники<ти>чь" — см. там же, стр. 247. (Имеются разночтения).

„*Со слов* пани Аптекарша" — см. там же, стр. 255. (Имеются разночтения).

ПИСЬМО 917

„*После слов* лица, шеи" — см. „Масоны", т. II, СПБ. 1881, стр. 256 (Имеются разночтения).

„*После слов* Вибель" — см. там же, стр. 259. (Имеются разночтения).

„*После слов* Аггей Н<ики ти>чь" — см. там же, стр. 259. (Имеются разночтения).

„*После слова* развивать в себе" — исключить". Указание автора выполнено не было (см. там же, стр. 260).

„*После слова* решился" — см. там же, стр. 265. (Имеются разночтения)

„*После слов*: это грех" — см. там же, стр. 266. (Имеются разночтения).

„*После слов* всякое подозрение" — см, там же, стр. 274. (Имеются разночтения).

„*После слов* терпимость" — см. там же, стр. 275. (Имеются разночтения).

„*После слов*: как голос" — см. там же, стр. 276—277. (Имеются разночтения).

„*После слов* самих себя" — см. там же, стр. 283. (Имеются разночтения).

„*После слов* ходенем ходили" — см. там же, стр. 285. (Имеются разночтения).

„*В следствии непропуска цензором большая неловкость*" — речь идет о запрещении цензурой следующих абзацев 5-й главы второй части „Масонов":

[— Может быть у них даже прежде это было соглашено и задумано? — произнес с презрительной улыбкой Сергей Степаныч.]

— Непременно прежде! подтвердил князь. Теперь, конечно это дело [ужь] прошлое, но я кладя на сердце руку скажу, что [коварнее, пронырливее, злее, изувернее православного нашего монашества паче в мире нет!] наше монашество не по божьим путям ⟨идет⟩ и не елеем а оцтом наполнены их сердца.

— Везде они такие, где только государство не подчинило себе церковь, как это есть в Англии, поэтому, там Пасторы и представляют образцы ума и кротости! отозвался с величавостью Сергей Степаныч.

— По моему, возразил на это князь, церковь никому не должна быть подчинена—ни попам, ни государству!.. Она должна заключаться в душе каждого человека: у спасителя мы не находим никаких толков о догматах, а одни только практические аксиомы: он не требовал, чтобы справедливо мыслили, но требовал, чтобы справедливо поступали! („Масоны“, беловая рукопись, ч. II, л. 91).

„*Фразу главы*: теперь конечно ...*следует исключить*“ —Указание автора выполнено не было (см. там же, т. I, стр. 232).

„*Полагал-бы необходимым перепечатать 271 стр.*“ —Указание автора выполнено не было (см. там же, т. I, стр. 271).

ПИСЬМО 918

Датируется по положению в черновой тетради.

„*Со слов*: из нее вышли“— см. „Масоны“, т. II, СПБ. 1881, стр. 286. (Имеются разночтения.)

„*После слов*: немецкий язык“ — см. там же, стр. 287. Исключено было следующее место:

и заметив это с первого же своего вступления в немецкие земли он весьма тем огорчился. („Масоны“, беловая рукопись, ч. V, л. 75.)

„*После слов*: Сусанны Николаевны“ — см. там же, стр. 289.

„*После слов* от этого храма“ — см. там же, стр. 294.

„*После слов* погружен был“ — см. там же, стр. 295. (Имеются разночтения.)

„*После слов* кучеру ехать“ — см. там же, стр. 298. (Имеются разночтения.)

„*После слов* вчитаться в Ритуал“ — см. там же, стр. 303.

„*После слов* было справедливо“ — см. там же, стр. 303.

„*После слов* хоть“ — см. там же, стр. 305. (Имеются разночтения.)

ПИСЬМО 919

„*Если бы паче чаяния в сей главе*“ — речь идет о 10-й главе четвертой части романа „Масоны“. Упоминаемое Писемским место цензурой запрещено не было (см. „Масоны“ т. 2, СПБ. 1881, стр. 155).

ПИСЬМО 920

Датируется по положению в черновой тетради.

„*Поспешите ... переписать 15 главу*“ — речь идет о 15 главе пятой части романа „Масоны“.

ПИСЬМО 921

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

ПИСЬМО 922

Печатается по черновику, писанному чернилами частью рукой автора, частью — В. А. Федоровского.

„*После слов* уехала от мужа“ — см. „Масоны“, т. II, СПБ. 1880, стр. 319. (Имеются разночтения.)

„*После слов* бальные платья“ — см. там же, стр. 323.

„*После слов* повторил он“ — см. там же, стр. 323—324.

„*После слов* служебного долга“ — см. там же, стр. 325. (Имеются разночтения.)

„*После слов* в душе“ — см. там же, стр. 326. (Имеются разночтения.)

„*После слов* Катерины Петровны Тулузовой“ — см. там же, стр. 330.

„*После слов* удобным для себя“ — см. там же, стр. 330.

„*После слов* мне все“ — см. там же, стр. 334.

„*После слова* поручик“ — см. там же, стр. 347. (Имеются разночтения).

„*От слов* Миропа Дмитриевна“ — см. там же, стр. 359—361. (Имеются разночтения.)

Конец письма отсутствует (л. 173 из черновой тетради вырван).

ПИСЬМО 923

„*Во исполнение прежнего письма моего*“ см. письмо 873.

„*Кои были мне истинными руководителями и наставниками*“ — Подразумеваются сотрудники Румянцевского музея — А. Е. Викторов Е. В. Барсов, Д. П. Лебедев и др. По этому вопросу с нами поделился своими воспоминаниями Г. П. Георгиевский, за что выражаем ему свою признательность.

ПИСЬМО 924

Текст воспроизводится с копии, сохранившейся в „Копировальной книге“.

ПИСЬМО 925

Печатается по черновику, писанному карандашом рукой В. А. Федоровского.

ПИСЬМО 926

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою В. А. Федоровского. За настоящим письмом следует черновик второго письма Е. П. Писемской к О. Н. Доппельмейер:

Ми⟨лостивая⟩ Г⟨осударыня⟩
Ольга Николаевна.

С согласия Диодора Васильича мебель Ваша уже вынесена и квартиру мы отделываем для себя. Если же вам возможно подождать некоторое время, то верхняя квартира скоро будет готова и мы согласны сдать ее вам по месячно с платою по 42 рубля серебром в месяц. Будьте так добры уведомить нас об вашем решении.

Готовая ⟨к услугам⟩

26 августа
1880 г.

Писемская

ПИСЬМО 929

Датируется по содержанию письма (дата утери бумажника).

ПИСЬМО 930

„Наблюдите, чтобы не произошло этой ошибки“ — в следующем (37-м) № „Огонька“ конец второй главы пятой части „Масонов“ опущен не был.

ПИСЬМО 931

См. примечание к предыдущему письму.

ПИСЬМО 932

Датируется по положению в черновой тетради.

ПИСЬМО 933

Датируется сопоставлением с письмом 934.

„Ко мне прислали корректуру — речь идет о корректуре 9 и 10-й глав пятой части романа „Масоны“.

ПИСЬМО 934

„Посланные мною летом изменения 10-й главы“ — речь идет о 10-й главе 5-й части романа „Масоны“. См. письмо 922.

ПИСЬМО 935

К беловому автографу, по которому воспроизводится текст письма, сохранился черновик.

„На трагедии... Поручик Гладков и... комедии Подкопы... лежит цензурный запрет“ — См. примечание к письму 962. Цензурный запрет с указанных пьес не был снят до резолюции 1905 г.

ПИСЬМО 936

Печатается по черновику, писанному чернилами рукою Е. П. Писемской.

„Поручи ... сделать расчет театральных денег“ — речь идет о деньгах, причитавшихся Писемскому согласно уставу Общества драматических писателей и композиторов.

„Я заехал... в вашу канцелярию“ — подразумевается канцелярия московского генерал-губернатора В. А. Долгорукова, где А. А. Майков и И. М. Кондратьев служили.

ПИСЬМО

Датируется по положению в черновой тетради.

„Вместо перемаранного рассказа“ — Первоначальный текст приведенного места в беловой рукописи до нас не дошел.

Приводимый в настоящем письме вариант-компромисс в дальнейшем (см. письмо 941) автором был отвергнут и ничем заменен не был, вследствие чего в окончательной редакции 13-й главы пятой части романа упоминания о Янгуржееве отсутствуют.

ПИСЬМО 938

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской.

„Моя новая комедия" — драма „Старые счеты" („Семейный омут"). См. примечание к письму 700.

ПИСЬМО 939

Датируется по положению в черновой тетради.

„Моя комедия" — драма „Старые счеты" („Семейный омут"). См. примечание к письму 700.

ПИСЬМО 940

„Супруг ваш" — Д. В. Аверкиев.

ПИСЬМО 941

„Об Янгуржееве я все уже выкинул" — указание Писемского было исполнено, Янгуржеев в 13-й главе не упоминается. Упоминаемую Писемским „перемену" см. в письме 937.

ПИСЬМО 942

Печатается по черновику, писанному чернилами рукою В. А. Федоровского. Датируется по положению в черновой тетради.

„Русский Энциклопедический Словарь" — издание известного ориенталиста И. Н. Березина (СПБ. 1872—1879, 16 тт.).

ПИСЬМО 943

Печатается по черновику, писанному карандашом частью рукой автора частью — Е. П. Писемской.

Письмо было написано после личного свидания с начальником Главного управления по делам печати Н. С. Абазой, к которому Писемский обратился непосредственно по совету А. А. Краевского, см. письмо 944; о судьбе ходатайства Писемского см. примечание к письму 961.

ПИСЬМО 944

К беловому автографу, по которому воспроизводится текст письма, сохранился черновик, писанный руками автора и Е. П. Писемской.

„Нынешний начальник репертуара" — Н. А. Лукашевич.

ПИСЬМО 945

„Посылаю Вам перечень ошибок" — на л. 176 об. черновой тетради помещен следующий перечень ошибок (автограф):

Напечатано	Следует читать	Страница	Строка
ъ	[когда] как	65	15
[куравая]	[курчавая]	78	15
frau и она	frau, но и	85	31
со мною	со мною:	93	9
дворяне я	дворяне; я	100	23
Из этого	— из этого	102	18
сколько они навыдумывали	сколько на выдумывали	174	22

Сбоку рукою В. А. Федоровского приписано: „Должны быть перепечатаны [231 и] 232, 271 <страницы I тома отдельного издания „Масонов">."

ПИСЬМО 946

Датируется по положению в черновой тетради.

Основой настоящего письма послужила следующая запись (чернилами, неизвестной рукой), находящаяся на втором полулисте вклеенной в черновую тетрадь бумаги: „Полковник Генерального Штаба и Начальник Юнкерской Школы Галахов, от которого зависит перевести из 35-й пехот. дивизии 137 пех. Неженского полка, квартирующего в Ярославле, вольноопределяющегося Николая Александрова Богоявленского, выдержавшего экзамен в Юнкерскую Школу в Москву“.

ПИСЬМО 947

Датируется по положению в черновой тетради.

„Новая моя пиэса“ — драма „Старые счеты“ („Семейный омут“). См. примечание к письму 700.

ПИСЬМО 948

Датируется по положению в черновой тетради.

ПИСЬМО 949

Адрес: „Петербург Аверкиеву контора „Голоса“, [Литейная № 38]“. Датируется по положению в черновой тетради.

„Моя пиэса“ — повидимому, драма „Просвещенное время“. См. письмо 940.

ПИСЬМО 950

Датируется по положению в черновой тетради.

ПИСЬМО 951

Текст воспроизводится с копии, сохранившейся в „Копировальной книге“.

„Роман мой Масоны кончился уже печатаньем в „Огоньке“ — Окончание романа „Масоны“ было напечатано в 43-м № „Огонька (цензурное разрешение 22 октября 1880 г.).

„Итого во всех пяти частях 1.458.153 буквы“ — в черновой тетради сохранился предварительный по главам подсчет, писанный автором и В. А. Федоровским.

ПИСЬМО 952

Текст воспроизводится по копии, сохранившейся в „копировальной книге“. См. примечание к предыдущему письму.

ПИСЬМО 953

Печатается по черновику, писанному чернилами рукою В. А. Федоровского.

ПИСЬМО 954

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою Е. П. Писемской. Датируется по положению в черновой тетради.

ПИСЬМО 955

Датируется по положению в черновой тетради. Письмо адресовано, равно как и письма 956, 959, 963 и 966, повидимому, А. И. Постельникову.

ПИСЬМО 956

Датируется по положению в черновой тетради. См. примечание к письму 955.

ПИСЬМО 957

Датируется по положению в черновой тетради.

ПИСЬМО 958

Печатается по черновику, писанному карандашом рукою автора (10 ноября) с поправками и датой В. А. Федоровского (12 ноября). Датируется по положению в черновой тетради и графической связи с письмами 957 и 959.

„Новая пиэса — драма „Старые счеты“ („Семейный омут“) см. примечание к письму 700.

ПИСЬМО 959

Датируется по положению в черновой тетради. См. примечание к письму 955.

ПИСЬМО 960

Датируется по положению в черновой тетради.

„Я получил письмо“ — речь идет о письме П. И. Фридберга см. письма 961 и 962.

ПИСЬМО 961

Печатается по черновику, писанному чернилами рукою В. А. Федоровского.

Вторичное рассмотрение запрещенной для сцены трагедии „Поручик Гладков“ было произведено цензором драматических сочинений П. И. Фридбергом в виду особого ходатайства Писемского, обратившегося непосредственно к начальнику Главного управления по делам печати Н. С. Абазе см. письмо 943.

ПИСЬМО 962

Печатается по черновику, писанному чернилами рукою В. А. Федоровского.

Не решаясь своей властью разрешить для сцены комедию „Подкопы“ Н. С. Абаза обратился по получении просьбы Писемского с особым письмом к директору департамента государственной полиции барону И. О. Велио:

Милостивый Государь
Барон Иван Осипович

В апреле 1873 года состоялось утвержденное г. Министром Внутренних Дел постановление Совета Главного Управления по делам печати о недозволении к представлению комедии Писемского „Подкопы“, на том основании, что в ней, хотя и в замаскированном виде, изображены в неблаговидном свете лица из среды высшего административного строя.

Ныне, вследствие ходатайства автора, комедия эта снова поступила на рассмотрение драматической цензуры, которая, а равно и Совет Главного Управления по делам печати, пришли к заключению, что в самом тексте комедии не замечается никакого прямого указания на то, что выводимые в ней лица действительно занимают высшие должности министра, его товарища и директоров департаментов, и что во всей комедии нет ни одного намека, наводящего на мысль,

что автор имеет в виду изобразить ту или другую личность административных деятелей, примерно, последних 25—30 лет. Поэтому признавалось бы ныне, при объективном отношении к пьесе, т. е. принимая во внимание ее буквальное содержание, пьеса эта не подлежала бы запрещению, если бы здесь не возникал вопрос чисто политического свойства, насколько удобно представление на сцене лиц, которые, по общему содержанию пьесы и их действиях, могут возбудить в зрителях мысль, что эти лица изображают собою высшие административные власти.

В виду такого характера пьесы, я имею честь препроводить при сем экземпляр оной и покорнейше просить Ваше Превосходительство почтить меня Вашим заключением по возникшему в драматической цензуре сомнению относительно ее дозволительности, присовокупляя с своей стороны, что выводимые в ней лица отнюдь не имеют характера типов, а выставлены с субъективными чертами, обусловливающими завязку комедии, и потому я признавал бы с своей стороны возможным дозволить эту пьесу к представлению.

Примите уверение в истинном почтении и совершенной преданности.

Подписал: *Абаза*

22 ноября 1880 г.

В ответ на это письмо начальником Главного управления по делам печати был получен следующий отзыв барона И. О. Велио, возвращавшего экземпляр комедии „Подкопы“:

Вследствие письма от 22 сего ноября, за № 4424, по поводу возникшего в драматической цензуре сомнения относительно возможности дозволения к представлению комедии Писемского „Подкопы“ на том основании, что в ней, хотя и в замаскированном виде, изображены в неблаговидном свете лица из среды высшей администрации, имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что, хотя и нельзя не признать в этой пьесе тенденциозной мысли автора, которая, при представлении на сцене этой комедии, может получить более рельефное выражение, тем не менее, в виду общего направления настоящей политики в смысле допущения обличений и критики, я полагаю возможным комедию эту к представлению допустить согласно Вашему мнению.

(ЛОЦИА, Фонд Драматической Цензуры. „Дело о пьесе г. Писемского „Поручик Гладков“ 1867 г., № 158, лл. 9—11).

Отзыв Велио был представлен на усмотрение товарища министра внутренних дел Каханова, который и наложил на нем резолюцию: „Ответ неудовлетворительный“. Таким образом, „цензурная оттепель“, о которой говорил Писемский в письме к А. А. Краевскому от 19 сентября 1880 г., не помогла. Комедия „Подкопы“ была вторично запрещена царской цензурой для постановки на сцене.

ПИСЬМО 963

Датируется по положению в черновой тетради. См. примечание к письму 955.

ПИСЬМО 964

Печатается по опубликованному Е. И. Блюрамберг-Апрелевой с белового автографа тексту письма с проверкой по черновику. Датируется по почтовому штемпелю и положению в черновой тетради.

„Не читает лекций и не будет их читать весь нынешний год“ — В деле Московского университета о пропуске профессорами и доцентами лекций никаких упоминаний о П. А. Писемском нет. Он закончил чтение лекций и был уволен от службы в университете весной 1882 г.

„Роман мой... кончился печатанием в „Огоньке“ — см. примечание к письму 951.

ПИСЬМО 965

Датируется по положению в черновой тетради. Вслед за текстом письма помещена памятка в отношении лекарства:

В 6 часов послать зе тирмометр⟨ом.⟩ Принять три ложки лекарства.

ПИСЬМО 966

Датируется по положению в черновой тетради. Об адресате см. примечание к письму 955.

За этим, последним дошедшим до нас письмом, в черновой тетради следовал еще ряд заметок, в том числе писанных рукою В. А. Федоровского (2 листа вырваны у самого корешка рукописи).

ПИСЬМО 967

Предположительно может быть датировано первой половиной 1864 г., так как стихотворения Алмазова в период сотрудничества Писемского в редакции „Русского Вестника“ начали печататься только с мартовской книжки 1864 г. Всего за это время Алмазовым было помещено два стихотворения и две поэмы: „Отшельник“ (т. L, кн. 3, стр. 211—224); „Художнику“ (Из Оппиана, т. LI, кн. 5, стр. 343—344); „Щедрый богач“ (т. LI, кн. 6, стр. 667—691) и „Старая русская партия“ (т. LII, кн. 8, стр. 681—689)

Стихотворение „О наш ли стих“ — на страницах „Русского Вестника“ не появлялось и в дальнейшем ни в „Стихотворения“ (М. 1874), ни в трехтомное посмертное издание „Сочинений“ Алмазова (М. 1892) не вошло

ПИСЬМО 968

На обороте второго листа адрес: „Его В-ю Борису Николаичу Алмазову. В Шереметевском переулке, в д. Шереметева“. С историком П. К. Щебальским и реакционным романистом В. П. Клюшниковым Писемский часто встречался как в период редактирования „Русского Вестника“ (1863—1864), так и в период сотрудничества в журнале „Заря“ (1869—1870) (одновременно с ним сотрудниками указанных журналов были и Щебальский и Клюшников). В виду этого уточнение даты письма затрудняется.

ПИСЬМО 969

На обороте второго листка адрес: „Его В-ю Борису Николаичу Алмазову“. Уточнить время написания настоящего письма (1869—1870) не представилось возможным.

ПИСЬМО 970

На обороте второго листка адрес: „Его В-ю Борису Николаевичу Алмазову. В доме Шереметева в Шереметевском переулке.“

ПИСЬМО 974

На обороте второго листка адрес: „Его В-ю Борису Николаичу Алмазову. В Шереметевском переулке, в доме Шереметева“.

Судя по тому, что в 1864 г. (см. письмо к Алмазову от 29 января 1864 г.) Писемский устраивал у себя вечера уже по *средам* — письмо можно предположительно датировать второй половиной 1863 г.

ПИСЬМО 975

На обороте второго листка адрес: „Его В-ю А. Н. Апухтину на углу Итальянской и Ертелева переулка, д. Шляндера“.

Датируется предположительно, по палеографическим признакам (бумага и почерк).

„Изготовили-ли вы... ваш фельетончик“ — Ни в краткой автобиографии А. Н. Апухтина, написанной 6 июня 1886 г., ни в литературе о нем никаких указаний на составление им фельетонов для „Библиотеки для Чтения“ не имеется. Единственным произведением, помещенным А. Н. Апухтиным в „Библиотеке для Чтения“ (под редакцией Писемского) было стихотворение „Русские песни“ (1862, кн. 1, отд. I, стр. 161—162. Подпись: А. Апухтин).

ПИСЬМО 976

По палеографическим признакам письмо надлежит отнести к середине 1870-х гг.

ПИСЬМО 977

Сравнение записки с письмом к А. А. [illegible]кову от 28 августа 1858 года в котором Писемский жалуется на охлаждение к нему Т. И. Филиппова („Мы совершенно не видимся“), заставляет отнести ее к более раннему времени, предположительно к первым годам пребывания писателя в Петербурге то есть к 1855—1857 годам.

ПИСЬМО 978

На обороте второго письма адрес: „Его В-ию Константину Ивановичу Званцеву. На углу Шестилавочной и Ковенской, д. Гелияшвили“.

Упоминаемая в записке статья о Марии Стюарт, по всей вероятности перевод работы Минье „История Марии Стюарт“, напечатанный в приложении к майской и июньской книжке „Библиотеки для Чтения“ 1861 г. Это позволяет датировать записку концом 1860 или началом 1861 г. Статей о Каламе ни в „Библиотеке для Чтения“, ни в журнале „Искусства“ во время редактуры Писемского не появлялось“.

ПИСЬМО 979

Упоминание Писемского о необходимости явиться к цензору позволяет отнести записку к 1860—1862 году, когда Писемский состоял редактором „Библиотеки для Чтения“. Островский наезжал в эти годы в Петербург неоднократно. Записка не может датироваться позднее января 1862 года (15 января Островский выступал в Петербурге с публичным чтением в пользу Литературного Фонда), так как в апреле Островский уехал за границу, а вернулся в Россию ко времени отъезда в заграничную поездку Писемского.

ПИСЬМО 980

Адресат устанавливается предположительно, на основании семейного предания, сохраненного вдовой одного из знакомых Н. Г. Помяловского — Н. Н. Новокрещеных, среди бумаг которого сберeглась записка в одной пачке с четырьмя письмами к Н. Г. Помяловскому. Если адресат назван правильно, то записку следует отнести к самому началу шестидесятых годов, то есть ко времени ближайшего сотрудничества в „Библиотеке для Чтения“ Писемского и Е. Ф. Зарина (см. по этому поводу соображения впервые опубликовавшего документ В. В. Гиппиуса — „Новый Мир“, 1927, кн. 5, стр. 129).

ПИСЬМО 981

Из текста письма следует, что оно было написано в период тесного сотрудничества Писемского с М. Н. Катковым в „Русском Вестнике“, то есть в 1863 или первой половине 1864 года.

„Драма историческая“ — речь идет, повидимому, о драме „Князь Александр Михайлович Тверской“, опубликованной Н. А. Чаевым в „Библиотеке для Чтения“ 1864, кн. 9.

ДОПОЛНЕНИЯ

ПИСЬМА М. П. ПОГОДИНУ

Во время подготовки к печати настоящего тома автографы писем А. Ф. Писемского к издателю „Москвитянина“, частично использованные Н. Барсуковым, считались затерянными. Они не значились в описях архива Погодина, хранящегося во Всесоюзной Публичной Библиотеке им. В. И. Ленина, и несмотря на неоднократные обращения к сотрудникам Рукописного Отделения, обнаружить их здесь не удавалось. Удача в разыскании автографов этих писем казалась тем более сомнительной, что неполнота архива Погодина была очевидна и было хорошо известно, что часть материалов из него, над которыми работал в свое время Н. Барсуков, в Румянцевский музей не поступала. Между тем письма к М. П. Погодину представляли собою один из наиболее интересных и содержательных фондов эпистолярного наследия Писемского. В виду этого решено было воспроизвести их в составе настоящего тома по отрывочным цитациям Барсукова. Уже по окончании работы над книгой, когда все тексты были набраны, а первые листы сверстаны, пришло сообщение, что в Публичной Библиотеке им. В. И. Ленина, в неразобранной части архива Погодина обнаружено несколько писем А. Ф. Писемского, а вскоре затем были разысканы и остальные впервые публикуемые здесь полностью документы. К сожалению, находка была сделана слишком поздно — в основной текст тома удалось включить только немногие из вновь найденных писем (№№ 10, 27, 28, 59, 63, 88, 90), остальные пришлось дать, в силу технических условий, в отделе „Дополнений“. В силу тех же технических типографских условий в основном тексте пришлось оставить перепечатанные из „Жизни и трудов М. П. Погодина“ отрывки писем, полный текст которых дан в „Дополнениях“.

В нижеследующих примечаниях комментируется только вновь публикуемый текст переписки Писемского с М. П. Погодиным. В примечаниях к каждому письму указывается, под какими номерами напечатаны отрывки из

него в основном тексте — под этими же номерами читатель легко найдет в основном комментарии все необходимые к этим частям текста разъяснения и справки.

Приводя в биографии М. П. Погодина отрывки из писем, Н. Барсуков не преследовал целей публикации и обращался с текстом вполне произвольно: опускал указания на даты документов, цитировал без перекрестных ссылок в разных томах и главах своего труда отрывки из одного и того же письма и, наоборот, соединял в одном абзаце фразы из нескольких писем. Все это, естественно, чрезвычайно затрудняло работу над приводимыми им материалами и влекло, при максимальной осторожности, к неизбежным ошибкам. Разумеется, при обращении к найденным уже по завершении работы автографам писем ошибки эти тотчас же обнаружились. Их следует оговорить, так как в основном тексте тома сохранена большая часть цитируемых Барсуковым отрывков, и разнобой в их датировках по сравнению с полной публикацией в „Дополнениях“ может вызвать недоумение читателя.

Под номером 22 в основном тексте объединены отрывки из двух хронологически близких писем — VIII и IX. Под номером 38 напечатаны с датой январь — март 1852 г. отрывки из двух писем XX и XXIII от 22 января и 23 марта 1852 г. Под номером 45 объединены отрывки из писем XXII и XXIII. Неточно датированы приведенные Барсуковым без хронологических указаний отрывки 17 (вм. „Апрель — май 1851 г.“ следует: „3 июля 1851 г.“), 41 (вм. „Февраль 1852 г.“ следует „Март 1852 г.“), 43 (вм. „Март 1852 г.“ следует: „6 июня 1852 г.“), 49 (вм. „Апрель—май 1852 г.“ следует „22 сентября 1852 г.“) и 60 (вм. „Февраль 1853 г.“ следует: „28 октября 1852 г.“).

В „Жизни и трудах М. П. Погодина“ приведено 63 отрывка из 38 писем А. Ф. Писемского. В настоящем издании, в основном тексте и в „Дополнениях“ печатается 48 писем к Погодину. Ко всем письмам, на которые ссылается Барсуков, нашлись автографы — за одним исключением: в книге XII „Жизни и трудов М. П. Погодина“ (стр. 212) приведен отрывок из письма А. Ф. Писемского, относящийся к „Бедной невесте“ Островского:

„Пятый акт, как говорят, весь перемаран, а он лучший в пиесе; чем более вглядываешься в нашу Литературу и читающую и смотрящую публику, тем более становишься в тупик. Правильно установленного ничего нет, все как-то случайно...“

Судя по содержанию, отрывок этот должен быть отнесен либо к январю-февралю 1852 г., когда подготовлялась публикация комедии Островского в 4-м номере „Москвитянина“ (такая датировка вероятнее и утвердилась в литературе об Островском), либо к августу 1853 г., когда состоялась первая ее постановка (на сцене Малого театра, 20 августа). Подлинник этого письма разыскать в архиве Погодина не удалось.

Приблизительная дата письма устанавливается по упоминанию в нем авторских экземпляров повести „Тюфяк“, цензурное разрешение отдельного издания которой помечено 11 ноября 1850 г. — ближайший приезд Писемского в Москву после этой даты состоялся в феврале 1851 г. В письме

к Погодину от 21 февраля 1852 г. (см. „Дополнения“, письмо XXI), выясняя финансовые отношения с издателем „Москвитянина“, Писемский относил расчеты по авторским экземплярам „Тюфяка“ к началу 1851 г.

„Реэстр книг при сем прилагаю“ — Несохранившийся „реэстр“ восстанавливается отчасти по перечню книг, выписанных Писемским через контору „Москвитянина“ (см. письмо к Погодину от 21 февраля 1852 г.)

II

На обороте второго листка адрес: „Ег<о> В. Михайлу Петровичу *Погодину.* На Девичьем поле в собственном доме“.

Общий тон записки заставляет предполагать, что она относится к самому началу личного знакомства Писемского с Погодиным, то есть ко времени его пребывания в Москве в начале 1851 г. Заключительные строки, сообщающие о предстоящем выезде, позволяют уточнить датировку: 6 марта 1851 г. Писемский сообщал Погодину, что он уже „около трех недель... возвратился в богохранимый город Кострому“.

„Я привез свое творение“ -- повесть „Брак по страсти“, две главы которой Писемский читал у Погодина 12 февраля 1851 г. (см. примечание к письму 10).

III

Отрывки из письма, процитированные Н. Барсуковым, воспроизведены в основном тексте под № 11.

„Ипохондрик“, „Комик“ — оба эти произведения, по условию, заключенному с М. П. Погодиным, Писемский обязался доставить в редакцию „Москвитянина“ в течение 1851 г., см. примечания к письмам 9 и 10.

IV

Отрывки из письма, процитированные Н. Барсуковым, воспроизведены в основном тексте под № 15.

„Нашли ли вы удобным напечатать нашу статью о памятнике“ — см. примечание к письму 11.

V

Отрывок из письма, процитированный Н. Барсуковым, воспроизведен в основном тексте под № 16.

„Брошюрку об обеде Айвазовскому и Иордану я получил“ — имеется в виду анонимная брошюра М. П. Погодина „Обед в честь Айвазовского и Иордана 1851 года марта 19, в Москве, в художественном классе“ (отдельный оттиск статьи Погодина, напечатанной в „Москвитянине“ 1851, № 7 апрель, кн. I, „Современные Известия“, стр. 199—210. См. рецензию на эту брошюру в „Библиотеке для Чтения“ 1851, кн. 6, „Литературная летопись“, стр. 88—89).

VI

Отрывки из письма, процитированные Н. Барсуковым, воспроизведены в основном тексте под № 18.

„К 1-му числу мой расказ будет в Москве у комиссионера моего“ у А. А. Майкова, см. письмо 19.

„8 сборников различных старинных актов“ -- см. о них в письме 65.

„Грюнберг -- немец“ — см. примечание к письму XVIII.

VII

Отрывки из письма, процитированные Н. Барсуковым, воспроизведены в основном тексте под № 20.

VIII

Отрывок из письма, процитированный Н. Барсуковым, воспроизведен в основном тексте под № 22.

IX

Отрывки из письма, процитированные Н. Барсуковым, воспроизведены в основном тексте под №№ 22 и 24. Ср. также Н. Барсуков, „Жизнь и труды М. П. Погодина“, кн. XI, стр. 444.

X

Отрывки из письма, процитированные Н. Барсуковым, воспроизведены в основном тексте под № 26.

XI

Два отрывка из письма процитированы без указания на дату Н. Барсуковым — „Жизнь и труды М. П. Погодина“, кн. XI, стр. 379 и 430.

„Нельзя ли вам выслать мне корректуру“ — корректура „Комика“ из 1-ой ноябрьской книжки „Москвитянина“ была Писемскому доставлена, см. письмо XIII.

„Нащет корреспонденции из Костромы“ — В связи с расширением в 1851 г. в „Москвитянине“ отдела „Внутренних Известий“ Погодин усиленно вербовал провинциальных корреспондентов, в частности поручал Писемскому доставлять материалы для провинциальной хроники по Костроме, однако последний отказался от этой работы (см. Н. Барсуков, „Жизнь и труды М. П. Погодина“, кн. XI, стр. 428—430).

„Юное поколение“ — группа молодых сотрудников „Москвитянина“, дружески связанная с Писемским: А. Н. Островский, Е. Н. Эдельсон Т. И. Филиппов и др.

XII

На обороте адрес: *„В Москву.* Его Высокородию Михаилу Петровичу *Погодину.* На Девичьем поле, в собственном доме“.

Отрывок из письма без указания на дату процитирован Н. Барсуковым — „Жизнь и труды М. П. Погодина“, кн. XI, стр. 439.

XIII

Отрывок из письма без указания на дату процитирован Н. Барсуковым — „Жизнь и труды М. П. Погодина“, кн. XI, стр. 377—378.

„Посылаю Вам исправленную корректуру“ — корректуру рассказа „Комик“, напечатанного в № 21 „Москвитянина“ за 1851 г. (ноябрь кн. 1).

„Привезу мою комедию и... начало нового расказа“ — речь идет о комедии „Ипохондрик“ и очерке „Леший“, публикация которого предполагалась в „Москвитянине“ (см. письмо XVII и примечания к нему).

„Москвича моего Петербурская цензура“ — О цензурной участи предназначавшегося в „Отечественные Записки“ „Москвича в Гарольдовом плаще“ („М-г Батманов“) см. письма Писемского к А. А. Краевскому №№ 23 и 25.

XIV

На обороте адрес: „Его Высокородию Михаилу Петровичу *Погодину*“.

„Верстовский будет у вас“ — Встречи с управляющим конторою московских театров А. Н. Верстовским Писемский добивался, предполагая начать переговоры о постановке на сцену комедии „Ипохондрик“, см. письмо 27.

XV

Отрывок из письма, процитированный Н. Барсуковым, воспроизведен в основном тексте под № 29, ср. два других отрывка без указания на их дату, — „Жизнь и труды М. П. Погодина“, кн. XI, стр. 405 и 420.

„Нащет заглавия погодите“ — по условиям договора, заключенного с М. П. Погодиным (см. примечания к письму 10), Писемский обязывался в течение 1851 года доставить в редакцию „Москвитянина“ сверх „Ипохондрика“ и „Комика“ еще два рассказа, — о заглавии их М. П. Погодин и запрашивал автора. Писемский предполагал отдать в „Москвитянин“ очерк „Леший“ (см. письмо XVII).

„Я может быть разбэру роман Племянница“ — Намерение написать статью о романе Е. Тур „Племянница“ (отдельное издание М. 1851) Писемским осуществлено не было, хотя в дальнейших письмах к М. П. Погодину он повторял свое обещание (см. письма XVII и XX). Повидимому, в свой приезд в Москву Писемский лично познакомился с автором романа, графиней Е. В. Салиас-де-Турнемир, и вступил с нею в переписку (см. письмо 46). Однако, позднейшие отзывы Писемского о ее произведениях звучат резко (ср. отзыв о романе „Заколдованный круг“, письмо 68).

XVI

Отрывки из письма, процитированные Н. Барсуковым, воспроизведены в основном тексте под № 31.

XVII

. Отрывки из письма, процитированные Н. Барсуковым, воспроизведены в основном тексте под № 34, ср. другой отрывок, без указания даты, — „Жизнь и труды М. П. Погодина“, кн. XI, стр. 377.

„Корректуру вашу я получил 19 декабря“ — Корректуру комедии „Ипохондрик“, напечатанной в первой январской книжке „Москвитянина“ за 1852 год.

„Леший — повесть из народного быта“ — О замысле очерка „Леший“

Писемский сообщил М. П. Погодину осенью 1851 года, во время пребывания в Москве (см. примечания к письму 40), однако осуществлен этот замысел был значительно позднее и напечатан „Леший" был не в „Москвитянине", а в „Современнике", в ноябрьской книжке 1853 г. (ср. примечание к письму XV).

XVIII

Отрывок из письма, процитированный Н. Барсуковым, опубликован в основном тексте под № 35.

„Разбор Племянницы" — см. примечание к письму XV.

„Послал из Костромы стихи и журнал некто Жохов" — Стихи Жохова в „Москвитянине" не появлялись.

„Комедия Грюнберга" — Гринберг, о котором Писемский упоминает в письме от 17 мая 1851 г. (см. письмо VI), явился, повидимому, переводчиком пьесы „Ненавистник женщин. Шутка в одном действии", анонимно напечатанной в отделе „Смеси" первой декабрьской книжки „Москвитянина" 1851 г. (№ 23, стр. 200—218).

XIX

„Пишу и в контору" — см. письмо 36.

XX

Отрывки письма, процитированные Н. Барсуковым, воспроизведены в основном тексте под №№ 38, 39 и 57.

XXI

На обороте адрес: *„В Москву.* Его Высокоблагородию Михаилу Петровичу Погодину. На Девичьем Поле в собственном доме".

Отрывки письма, процитированные Н. Барсуковым, воспроизведены в основном тексте под № 40.

„Хорошо, если бы вы надумали заехать в нашу Кострому" — о поездке М. П. Погодина см. примечания к письму 41.

XXII

Отрывки письма, процитированные Н. Барсуковым, воспроизведены в основном тексте под №№ 41, 42 и 45. Ср. также Н. Барсуков, „Жизнь и труды М. П. Погодина", кн. XII, стр. 204 и 208—209.

XXIII

Отрывки письма, процитированные Н. Барсуковым, воспроизведены в основном тексте под №№ 38 и 45. Ср. также Н. Барсуков, „Жизнь и труды М. П. Погодина", кн. XII, стр. 205.

„Сочинения мои когда хотите начинайте издавать" — о подготовке издания „Повестей и рассказов" М. П. Погодин писал Писемскому в конце

февраля или начале марта 1851 г., см. примечания к письму 40.

„Рымов“ — персонаж рассказа Писемского „Комик“.

XXIV

Отрывок письма, процитированный Н. Барсуковым, воспроизведен в основном тексте под № 47. Ср. также Н. Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XII, 205.

„Спасибо за все ваши хлопоты“ — хлопоты по получению разрешения постановки на сцену комедии „Ипохондрик“.

„Капринский в прежних главах „Москвича в Гарольдовом плаще“ очень похож на „Богатого Жениха“ - Письмом устанавливается связь написанного в короткий срок для „Современника“ романа „Богатый жених“ не только с первым романом Писемского „Виновата ли она?“, но и с недошедшим в начальной редакции романом „Москвич в Гарольдовом плаще“. Переработанный текст „Москвича“ был опубликован под заглавием „М-r Батманов“.

XXV

Приблизительная дата письма устанавливается по упоминанию об окончательном запрещении к постановке на сцене комедии „Ипохондрик“ и по сообщению об окончании работы над романом „Богатый жених“, заключительные главы которого были напечатаны в майской книжке „Современника“ за 1852 г.

XXVI

Отрывок письма, процитированный Н. Барсуковым, воспроизведен в основном тексте под № 48.

„Я изменил все почти характеры и переделал более половины сцен“ — речь идет о переработке „Москвича в Гарольдовом плаще“, напечатанного под заглавием „М-r Батманов“ с подзаголовком „очерки“ в первой и во второй сентябрьских книжках „Москвитянина“ за 1852 г.

XXVII

Отрывок из письма был процитирован Н. Барсуковым без указания на его дату („Жизнь и труды М. П. Погодина“, кн. XII, стр. 209).

„Г-жа Кобякова желает поместить свое произведение в Москвитянине“ — по замечанию Н. Барсукова, к Писемскому в Костроме являлись многие авторы „страстно желающие печататься“ и „обо всех он ходатайствовал перед Погодиным“. „Отказать“, — писал Писемский „было совестно, особенно вспомня, как некогда я сам терпел их участь, т. е. писал, а не печаталось“ (Н. Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. XII, стр. 210, ср. письмо XXIX).

В числе начинающих провинциальных авторов к Писемскому обратилась и А. Кобякова с романом „Последняя казнь“, рукопись которого пересылалась Погодину вместе с письмом. Позднее А. Кобякова записала

в своей автобиографии: „Болх...ой ... настаивал, чтобы я обратилась к А. Ф. Писемскому, который жил в Костроме. Переговорив с ним предварительно, я вручила свою рукопись, и он прочитал ее, заметив, что герой повести неестественный, слишком изящный, рисуется и проч., однако обещал содействовать, чтоб ее напечатали, и послал ее в Москвитянин. Прошло с полгода и я написала в Москву к одним знакомым, чтоб они наведались в Москвитянине, и если не принята моя рукопись, то выслали бы ее ко мне в Кострому. В самом деле, она возвратилась скоро ко мне и снова опустилась на дно сундука“ (А. К‹обяко›ва, Автобиография — „Русское Слово“ 1860, кн. 7, Смесь, стр. 12).

Отвергнутый редакцией „Москвитянина“ роман Кобяковой „Последняя казнь“ был напечатан только в мартовской и апрельской книжках „Современника“ 1858 г.

XXVIII

„Этманов“ — конечно, одно из предположительных заглавий переработанного „Москвича в Гарольдовом плаще“ — „М-г Батманова“ (ср. письмо XXIX). Перемена заглавия связывалась с изменениями фамилии персонажа.

XXIX

Отрывок письма, процитированный Н. Барсуковым, воспроизведен в основном тексте под № 43. Ср. также два отрывка из того же письма Н. Барсуков, „Жизнь и труды М. П. Погодина“, кн. XII, стр. 208—210.

„Возвратившись в Кострому“ — Речь идет о возвращении Писемского из поездки в Галич — см. письмо XXX.

„Последние два письма я вручил авторам“ — речь идет, повидимому о письмах М. П. Погодина к А. Кобяковой и Н. Воронову, пославшим рукописи своих произведений в редакцию „Москвитянина“ через Писемского,

„Стихи Воронова можно напечатать“ — Стихи Н. Воронова в „Москвитянине“ не появлялись.

„Нащет письма Назимова к Муравьеву“ — речь идет о письме с рекомендацией Писемского, адресованном вновь назначенному Костромским гражданским губернатором В. Н. Муравьеву, см. письмо XXIII и примечания к письмам 41 и 50.

XXX

Отрывок из письма, процитированный Н. Барсуковым, воспроизведен в основном тексте под № 50. Ср. также другой отрывок из этого же письма Н. Барсуков, „Жизнь и труды М. П. Погодина“, кн. XII, стр. 209.

„Своебышник“ — одно из ранних заглавий повести „М-г Батманов“ см. письмо XXIX.

„Хоть бы Вильгельма Мейстера переводили больше“ — „Вильгельм Мейстер“ Гете в переводе А. Григорьева печатался в №№ 1, 2, 3, 5, 10, 21, 22 и 23 „Москвитянина“ за 1852 год.

„Есть в голове моей план комедии под названием Раздел наследства“ — имеется в виду замысел комедии „Раздел“, о завершении черновой редакции которой Писемский сообщал Некрасову 12 августа 1852 г. см. письмо 51 и примечания к нему).

XXXI

Все письмо, за исключением последней строки, подписи и даты написано чужой рукой.

„Беспрестанно слышим о литературных утратах" — 12 июня 1852 г. умер К. П. Брюлов, 23 июня — М. Н. Загоскин.

XXXII

Два отрывка из этого письма, без указания на дату, процитированы Н. Барсуковым в кн. XII „Жизни и трудов М. П. Погодина" (стр. 209—210).

„Возвращаю Вам корректуру" — корректуру повести „М-г Батманов" печатание которой началось с первой сентябрьской книжки „Москвитянина" 1852 г.

„Какая участь постигла ⟨роман⟩ г-жи Кобяковой" — см. примечание к письму XXVII.

„Такими статьями, как об Алф. Mycel" — В „Москвитянине" 1852 г. были напечатаны три статьи А. Григорьева об А. де-Мюссе: „Современные лирики, романисты и драматурги. Альфред де-Мюссе" (№ 12, июнь, кн. 2, стр. 41—74), „Драмы А. де-Мюссе" (№ 13, июль, кн. 1, стр. 1—24) и „повести Альфреда де-Мюссе" (№ 14, июль, кн. 2, стр. 25—40).

XXXIII

Два отрывка из письма, процитированные Н. Барсуковым, воспроизведены в основном тексте под №№ 49 и 56.

Дата письма устанавливается по сообщаемым в нем подробностям о возвращении корректуры для второй сентябрьской книжки „Москвитянина" — корректуры заключительных глав очерков „М-г Батманов".

„Вторую статейку для Москвитянина готовлю: Питерщик" — Очерк „Питерщик", предоставление которого для опубликования в журнале обусловливалось договором, заключенным Писемским с М. П. Погодиным в феврале 1851 г. (см. примечания к письму 10), был напечатан в декабрьской книжке „Москвитянина" 1852 г. (№ 23, стр. 93—123).

„Уведомьте... меня об Ипохондрике" — О возобновлении попыток Писемского добиться цензурного разрешения постановки на сцене комедии „Ипохондрик" см. примечания к письму 55.

„Успешная продажа Древлехранилища" — речь идет о передаче М. П. Погодиным своего „Древлехранилища" Публичной Библиотеке (см. Н. Барсуков, „Жизнь и труды М. П. Погодина", кн. XII).

XXXIV

На обороте адрес: „в Москву Его Высокоблагородию Михаилу Петровичу *Погодину* на Девичьем Поле в собственном доме".

Два отрывка из письма, процитированные Н. Барсуковым, воспроизведены в основном тексте под №№ 52 и 53.

XXXV

Отрывок из письма, процитированный Н. Барсуковым, воспроизведен в основном тексте под № 60.

„Посылаю моего переделанного Ипохондрика“ — см. примечание к письму 55.

„Я рад успеху в постановке пиэсы Островского“ — Речь идет об исполнении на сцене Московского Купеческого клуба (6 октября 1852 г.) переделанной Островским из пьесы Гр. Основьяненко комедии „Искренняя любовь, или милый дороже счастья“.

XXXVI

Отрывки из письма, процитированные Н. Барсуковым, воспроизведены в основном тексте под № 70.

„Не живу более в Костроме“ — об увольнении Писемского со службы и переезде в Раменье см. письма 66 и 67.

XXXVII

Адресат устанавливается из того факта, что записка сохранилась в архиве М. П. Погодина, в общем собрании его переписки. Характерно, что ошибочно проставленное отчество адресата (Никифорович вм. Петрович) зачеркнуто карандашом, повидимому, самим Погодиным. Ошибка в обращении дает основание предположительно датировать записку 1863—1864 гг. — временем наибольшей близости Писемского к Михаилу Никифоровичу Каткову.

XXXVIII

На обороте адрес: „Его П-ву Михайлу Петровичу Погодину“.

„Для прочтения в обществе“ — в Обществе любителей российской словесности при Московском университете, председателем которого М. П. Погодин состоял с 1860 по 1866 г.

„Русские лгуны“ — см. примечания к письмам 241—247.

„Драма (очень уж нецензурная!)“ — Писемский имел в виду начальную редакцию трагедии „Бывые соколы“, ср. примечания к письму 336.

XXXIX

На обороте адрес: „Его Пре⟨восходительству⟩ Михайлу Петровичу Погодину, на Девичьем поле, в собственном доме близ Монастыря“.

Датируется на основании сопоставления с предыдущим письмом.

XL

„Написал и печатаю Роман в 5-ти частях“ — „Люди сороковых годов“.

ПИСЬМА К РАЗНЫМ АДРЕСАТАМ

XLI

За текстом следует:

> 1844 Года Августа 19 дня Прошение сие Действительно писано и подписано собственною рукою Действительного Студента [illegible] Отделения Философского Факультета Алексея Писемского, в чем и удостоверяю.—
>
> Галицкий Городничий *Поздняков*
> Письмоводитель *Дмитрий Калинников*

У сей надписи Галичского Городнического правления печать.

Печатается по копии. За текстом следует:

Тысяча восемьсот семьдесят третьего года Мая восемнадцатого доверенность эта явлена у меня, Андрея Андреевича Поль, Московского Нотариуса, в Конторе моей находящейся Тверской части, на Тверской улице в доме под № 261, Коллежским Советником Алексеем Феофилактовичем Писемским, живущим в Москве на Поварской улице в Борисоглебском переулке, в своем доме, лично мне известным и имеющим законную правоспособность к совершению актов. При чем я Нотариус удостоверяю, что доверенность эта собственноручно подписана им г. Писемским. По реэстру № 2103. — Нотариус Поль. —

(печать)

Я, нижеподписавшийся, удостоверяю верность этой копии с подлинником ее представленным мне, Андрею Андреевичу Поль, Московскому Нотариусу, в Конторе моей, Тверской части на Тверской улице в доме под № 261 Коллежским Советником Владимиром Ивановичем Родиславским, живущим в Москве в доме Генерал Губернатора. При сличении мною этой копии с подлинником в последнем почисток, приписок, зачеркнутых слов и никаких особенностей не было. 1874 года Февраля 15. По реэстру № 680.

Нотариус *Поль*

ПРИЛОЖЕНИЯ

ОБ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА „БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ"

Редакционные объявления „Библиотеки для Чтения" воспроизводятся по тексту, напечатанному в „С. Петербургских Ведомостях", на 1861 год в № 248 от 13 ноября 1860, на 1862 год — в № 229 от 17 октября 1861 г.

Подпись Писемского появилась под редакционными объявлениями журнала впервые осенью 1858 г., вместе с подписью А. В. Дружинина, которым и были, повидимому, составлены объявления на 1859 и 1860 гг. В объявлении на 1863 год редакция „Библиотеки для Чтения" ограничилась изложением условий подписки.

В рецензии на роман А. Ф. Писемского „Тысяча душ", помещенной в февральской книге „Библиотеки для Чтения" от 1859 г. (т. 153, Литературная летопись, стр. 1—15), А. В. Дружинин писал: „Собираясь говорить с читателем о г. Писемском, которого последний роман есть единственное обширное художественное произведение за весь прошлый 1858 год, мы должны сделать одну небольшую оговорку. В нашем журнале не место похвалам литератору, имеющему голос и постоянный труд по редакции „Библиотеки для Чтения". Пока автор „Тысячи душ" был просто нашим сотрудником, мы имели возможность с подробностью толковать о значении его в русской современной литературе и сделали это в одной из книжек нашего журнала на 1857 год. Теперь, по самой сущности дела, задача наша будет иная" (стр. 1—2).

Таким образом, Дружинин подчеркивал, что Писемский входит в состав редакции, но в „оговорке" своей Дружинин был недостаточно точен: у читателя могло создаться впечатление, что в состав редакции „Библиотеки для Чтения" Писемский вошел сравнительно недавно, если не в 1859 г., то, во всяком случае, не ранее 1858 г. Между тем, еще 6 октября 1857 г. в письме к А. Н. Островскому Писемский сообщал: „На этих днях со мной совершился важный казус: я, вместе с Дружининым, делаюсь редактором „Библиотеки для Чтения". Нужно заметить, что сам Дружинин, лишь за год до этого, именно с ноября 1856 г., сделался редактором „Библиотеки для Чтения" и что приглашение Писемского осуществилось, вероятно, по его предложению.

С Дружининым у Писемского было много точек соприкосновения. Упоминаемая выше в цитате из рецензии Дружинина на „Тысячу душ" статья этого критика о Писемском была помещена в январской книжке „Библио-

теки для Чтения" 1857 г. Она была посвящена „Очеркам из крестьянского быта" Писемского, которые Дружинин высоко ценил за „бестенденциозность", „жизненную правдивость", „за уменье автора уберечься от каких-либо моральных и иных тенденций". Статья Дружинина произвела на Писемского сильное впечатление. „Читал ли ты — запрашивает он А. Н. Островского в письме от 15 февраля 1857 г., — критические разборы Дружинина, где он говорит, что ты, Толстой и я — представители направления, независимого от критики. В какой мере это справедливо, я не могу судить; но уже и то хорошо, что нас определили независимыми от критики".

Повидимому, не только хвалебная рецензия и личное знакомство Дружинина с Писемским положили начало их совместной работе в „Библиотеке для Чтения". Дело в том, что в своих, далеко, впрочем, не оригинальных взглядах на искусство Писемский сходился в выводах с Дружининым. В критической статье „По поводу сочинения Н. В. Гоголя, найденного после его смерти: Похождения Чичикова или Мертвые души. Часть вторая" Писемский незадолго перед тем (1855) выразил свою точку зрения на задачи искусства.

Он решительно выступает против „направления напряженности, стремления сказать больше своего понимания — выразить страсть, которая сердцем не пережита — словом, создать что-то выше своих творческих сил". Он требует „поэтической и жизненной правды". Возражая против предвзятости, против тенденциозности в искусстве, Писемский апеллирует к „процессу творчества" и к „инстинкту художника". „Шекспир, — по словам его, — воспроизводя жизнь в ее многообразной полноте, создавая идеалы добра и порока, никогда ни к одному из своих произведений не приступал с подобным наперед составленным правилом и брал из души только то, что накопилось в ней и требовало излияния в ту или в другую сторону. Поэт узнает жизнь, — продолжает Писемский, — живя в ней сам, втянутый в ее коловорот за самый чувствительный нерв, а не посредством содержания писем и отбирания показаний от различных сведущих людей. Ему не для чего устраивать в душе своей суд присяжных, которые говорили ему, виновен он или невиновен, а, освещая жизнь данным ему от природы светом таланта, он узнает и видит ее яснее всякого трудолюбивого собирателя фактов".

Особенную силу поэтического искусства Писемский видит в юморе, который он определяет как „трезвый разумный взгляд на жизнь, освещенный смехом и принявший полные этою жизнью художественные формы". „Тон <юмора> чувствуется, — продолжает он, — в наших летописях, старинных деловых актах, слышится в наших песнях, в сказках, поговорках и перекидных речах народа, и... в то же время <этот юмор> в печатной литературе не имел права гражданства до Гоголя". Сопоставляя с Гоголем „родственных ему по таланту писателей" Диккенса и Теккерея, Писемский отдает последнему предпочтение: Теккерей „хоть, может-быть, и не столь глубокий сердцеведец, но зато он всюду беспристрастно и отрицательно господствует над своими лицами и постоянно верен своему таланту".

Из сжатого изложения критической статьи Писемского можно уяснить насколько, в сущности, не четки и не конкретны его литературные взгляды, сформулированные при помощи терминов (поэтическая и жизненная правда,

инстинкт художника, юмор, самый чувствительный нерв), в которые можно было вложить и фактически и вкладывалось самое разнообразное содержание. Однако в основном те же взгляды проводил и А. В. Дружинин, взывавший к непритязательному, искренному изображению жизни и горячо пропагандировавший английских юмористических писателей. Дружининская теория „свободного искусства" и „писательской энергии" была близка расплывчатым взглядам Писемского. Таким образом, вступление Писемского в состав редакции „Библиотеки для Чтения" не могло внести разногласий в направление журнала.

Но все изложенное выше представляло только условия и предпосылки для возможности совместной работы Дружинина и Писемского в „Библиотеке для Чтения". Причиною же их объединения явилось то обстоятельство, что их позиции по отношению к левым группировкам в тогдашней литературе были очень близки; в особенности сближало их отношение к Чернышевскому. В одном из поздних писем — от 9 декабря 1883 г. — Чернышевский вспоминал: „Когда я стал писать исключительно для „Современника", я вытеснил из него Дружинина; я писал так много, что для Дружинина, писавшего быстро и много, не оставалось достаточно места: притом его литературные мнения были слишком различны от моих; и при моем возрастающем влиянии на общий тон журнальных отделов „Современника" Дружинин оказался непригодным для него... Он увидел, что ему надобно вовсе удалиться из „Современника".[1] Характерен еще и следующий штрих. В 1856 г. вышли „Стихотворения" Некрасова. Чернышевский желал написать о них критическую статью, которую, ввиду отношения Некрасова к „Современнику", не считал возможным поместить в этом журнале и потому сперва через Панаева, а затем и лично обратился к Дружинину с просьбой предоставить место для статьи в „Библиотеке для Чтения". „Дружинин, — писал об этом Некрасову Чернышевский, — принял меня, как и сообразно с его правилами очень любезно, но отвечал, что сам уже написал статью о Вашей книге (это справедливо); — впрочем, я и полагал, — продолжает Чернышевский, — что он не согласится: ведь дело идет о принципах, по мнению Дружинина, и было бы изменою этим принципам позволить мне писать в Библ<иотеке для Чт>ения о таком предмете, как Ваши стихотворения".[2] Самое любопытное, однако, заключалось в том, что статья Дружинина в „Библиотеке для Чтения" тоже не появилась. Зато в ноябрьской и декабрьской книжках „Библиотеки для Чтения" Дружинин напечатал статью „Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения". Статья эта являлась ответом на печатавшиеся в предшествующие два года в „Современнике" „Очерки гоголевского периода русской литературы" Чернышевского. Статья Дружинина являлась манифестом теории „искусства для искусства"; в ней объявлялась решительная война всякой тенденциозности, и она неприкрыто была направлена против Чернышевского и его „утилитарной" эстетики.

Меньше данных сохранилось об отношениях Чернышевского и Писемского в 1855—1857 гг. Во всяком случае, в позднейших воспоминаниях

---

[1] Чернышевский Н. Г., Литературное наследие, ГИЗ, М-Л. 1930, т. III, стр. 462.

[2] Там же, т. II, стр. 340. (Письмо от 5 ноября 1856 г.).

Чернышевского дважды отмечается, как мало приходилось ему сталкиваться с автором „Тюфяка": „С Писемским, — сообщал Чернышевский Пыпину в 1882 г., — я едва ли когда обменялся десятью словами сряду".[1] В другом письме тому же адресату Чернышевский еще решительнее заявлял, что Писемского знал так мало, что, кажется, ни разу не случилось мне обменяться с ним одним словом, кроме разве „здравствуйте" и „прощайте". Однако, как известно, „Очерки из крестьянского быта" Писемского Чернышевский оценил положительно; вместе с тем известно также и то, что в повторном издании „Очерков" Писемский устранил все те места, которые представлялись Чернышевскому серьезными пунктами обвинения самодержавно-крепостнической России. Наконец, очень важным фактом, освещающим отношения между Писемским и левым флангом литературы шестидесятых годов, является замечательный пост-скриптум в письме Писемского к Островскому от 6 октября 1857 г.; в самом письме заключалось сообщение о вхождении Писемского в состав редакции „Библиотеки для Чтения"; а в пост-скриптуме Писемский прибавил: „По литературным моим делам я сначала сходился было с „Современником", который сам сначала предложил мне, а потом сам же и отказался, и для меня это вышло лучше, потому что вместо жулика Некрасова буду иметь дело с честнейшим Печаткиным".

Приведенные материалы показывают, как близки были позиции Дружинина и Писемского по отношению к „Современнику" эпохи Чернышевского и к самому Чернышевскому. Однако для вхождения Писемского в состав редакции „Библиотеки для Чтения" имелись и некоторые дополнительные основания. Борьба с левым флангом литературы шла у сторонников дворянского лагеря, объединявшегося под лозунгом чистого искусства, не только против Чернышевского, но и против Щедрина. Если сам Дружинин не почувствовал социальной заостренности и классовой направленности печатавшихся в „Русском Вестнике" „Губернских очерков" Щедрина и приветствовал их одобрительной критической статьей, то иначе отнеслись к этому новому литературно-общественному явлению, группировавшиеся вокруг „Библиотеки для Чтения" сторонники „искусства для искусства". Е. А. Штакеншнейдер, достаточно хорошо осведомленная о литературных отношениях своего времени, писала в своем дневнике 23 июня 1858 г.: „Еще год тому назад возникло в кружке Майковых, который принадлежит к „Библиотеке для Чтения", редактируемой Дружининым, намерение противодействовать мутному потоку, пробивающемуся, со Щедриным во главе, в литературу, и придать ей, не отступая от действительности, несколько более изящное направление. Тургенев и Гончаров писали об этом из-за границы. Но партия Щедрина становится сильна. „Губернские очерки" пришлись к дому; к этому направлению примыкает все молодое, появляющееся со всех сторон на смену господствовавшему до сих пор исключительно дворянскому сословию в литературе".[2]

В полном соответствии с цитированной только что записью Штакеншнейдер находится следующее место из упоминавшегося выше письма Пи-

---

[1] Там же, т. II, стр. 570

[2] Штакеншнейдер Е. А., Дневник и записки. Ред. статья и комментарий И. Н. Розанова, М. 1934, стр. 220—221.

семского к Островскому от 6 октября 1857 г.; приглашая к сотрудничеству Островского и, через него, прочих участников бывшей „молодой редакции Москвитянина", Писемский заключал свои предложения: „*Я* открою им свободнейший <зачеркнуто: *полнейший*> орган для выражения их убеждений, в которых, вероятно, мы не будем разниться и которые в Библиотеке будут состоять в том, чтобы восстановить и хоть сколько-нибудь раскрыть не достоинства уж, а свойства человеческие русского человека <зачеркнуто: *втоптанного последнее время*>, которые Русский Вестник окончательно <зачеркнуто: *в грязь*> у него отнял, и что в самых пороках и преступлениях наших есть нравственное макбетовское величие, а не мелкое мошенничество, которым они все хотят запятнать". „Второе, — заканчивает Писемский, — привести в ясность, напомнить те естетические требования, без которых литература все-таки не может назваться литературой".

Таким образом, Писемский ставил своей задачей в „Библиотеке для Чтения" борьбу с „Русским Вестником", т. е. с „Губернскими очерками" Щедрина и его направлением, с одной стороны, и за „естетические требования" т. е. за дружининскую „бестенденциозность", с другой. Иными словами, вхождение Писемского в состав редакции „Библиотеки для Чтения" вытекало из усиливавшегося в годы после Крымской войны классового размежевания в русской литературе: в „Библиотеке для Чтения" Дружинин и Писемский представляли правый фланг тогдашней либеральной журналистики и литературы. События 1861—1863 гг., как известно, еще в большей мере углубили расхождение. С этими событиями совпал обусловленный ими уход Писемского из „Библиотеки для Чтения".

Работа Писемского в редакции „Библиотеки для Чтения" приходится на годы после Крымской кампании и перед эпохой „реформ", в течение которых особенно интенсивна была общественно-политическая, публицистическая струя в литературе и журналистике. Журнал Дружинина и Писемского не стоял в первом ряду боевых органов печати той эпохи. Он, по указанию Л. Пантелеева, читался мало, а если и читался, то преимущественно из-за беллетристики.[1] М. Е. Салтыков, характеризуя издание, писал П. В. Анненкову в начале 1860 г.: „Библ<иотека> д<ля> Чт<ения> все-таки не выходит из разряда скромных фиялок и получается, и читается в провинции весьма мало".[2] Впрочем, это и понятно: общественно-литературная программа Дружинина и Писемского в „Библиотеке для Чтения" шла не по линии основных тенденций тогдашней литературы и журналистики.

Проанализировав содержание журнала за годы совместного редакторства А. В. Дружинина и А. Ф. Писемского (1857—1860), нельзя не заметить, что политическая позиция „Библиотеки для Чтения" в эти годы отвечала интересам умеренно-либерального дворянства, в лучшем случае настроенного благожелательно по отношению к парламентскому строю. Политические темы, затрагивавшиеся, например в 1859 г., следующие: итальянский вопрос, невольничество в Соединенных Штатах, парламентские реформы и т. д. Сюда же следует отнести биографии Гарибальди и Токвиля и мемуары Гизо.

---

[1] Л. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого, под ред. С. А. Рейсера, М. 1934, стр. 570.

[2] М. Е. Салтыков-Щедрин, Письма 1845—1889, Л. 1925, стр. 21.

Еще более умеренный либерализм, переходящий даже в политическое брюзжанье, стала проявлять „Библиотека для Чтения“ при единоличной редактуре А. Ф. Писемского. В объявлении о подписке на журнал на 1861 г. отмечалось: „По своему способу смотреть на вещи, редакция „Библиотеки для Чтения“ столько же далека от того, чтобы проникнуться духом порицания и крайней неудовлетворенности, сколько и от того, чтобы приходить в восторг от характера того совершающегося на наших глазах движения, в которое вовлечены все действующие силы нашей страны“.

Дальнейшие рассуждения Писемского в этом объявлении обнаруживают исключительную политическую нечеткость, наивность и даже беспомощность редактора.

В объявлении о подписке на следующий год Писемский считает себя „некоторым образом в праве заявить о своем, преимущественно реальном, направлении, которое в будущем году“ он надеется „сделать еще более определительным“. Это „реальное направление“ не может, конечно, ввести исследователя в заблуждение — это не реализм, проповедывавшийся крестьянскими демократами Чернышевским и Добролюбовым, вскрывающий социальные корни крепостнической России. Это классово-ограниченный, дворянский реализм, толкавший Писемского к разрыву с прогрессивным реализмом революционных разночинцев и даже к борьбе с ним, развернувшейся на страницах „Библиотеки для Чтения“ в 1862 г.

Не лишена интереса и следующая деталь, позволяющая судить о том, на какие социальные слои ориентировался Писемский при издании своего журнала в начале шестидесятых годов. В объявлении на 1862 г. редактор указывает: „Запас статей, а также и приглашение новых сотрудников, *специалистов по предметам сельского хозяйства и финансов.*, дают нам возможность коснуться в будущем году тех новых житейских нужд и интересов, которые в настоящее время, конечно, составляют для каждого *главнейший предмет внимания*“ (курсив мой. *П. Б.*). Еще больший интерес с этой стороны представляет примечание Писемского к этому объявлению. Таким образом, читателей своих Писемский видел по преимуществу в провинциальных дворянских кругах, более прочих заинтересованных в „предметах сельского хозяйства и финансов“.

В результате политической и литературной нечеткости, „Библиотека для Чтения“ пользовалась в узком читательском кругу скромным успехом по сравнению с „Современником“, „Русским Словом“, „Искрой“, „Отечественными Записками“, даже „Эпохой“.

Участие Писемского в редактировании „Библиотеки для Чтения“ не распределялось равномерно по всем отделам журнала. В объявлении „Об издании журнала Библиотеки для Чтения в 1858 году“ А. В. Дружинин и В. П. Печаткин писали: „По приглашению редакции, известный наш литератор А. Ф Писемский с ноября месяца принимает на себя постоянное сотрудничество по некоторым из отделов журнала нашего, преимущественно по отделу изящной словесности, критики и смеси“.

Если же присмотреться к материалу, опубликованному Писемским в этом журнале с конца 1857 г. до 1862 г., то список его произведений, здесь напечатанных, окажется очень коротким: в 1858 г. „Боярщина“ с датой 1844 г.; 2 путевых очерка („Астраханские армяне“ и „Татары“); в 1859 г.—„Горькая

судьбина“; в 1860 г. - очерк „Калмыки“; в 1861 г. - „Старческий грех“ и ряд фельетонов; в 1862 г. — ряд фельетонов. При этом надо помнить, что с конца 1860 г. Писемский делается единоличным редактором „Библиотеки для Чтения“ и, естественно, больше занят административно-организационной стороной дела, чем раньше при Дружинине. Таким образом, остается предположить, что, кроме произведений подписанных, Писемскому принадлежит ряд анонимных вещей, напечатанных в „Библиотеке для Чтения“ в эти годы. Так, например, достоверно известно, что большая и резко отрицательная рецензия о „Записках Гавриила Романовича Державина“ („Библиотека для Чтения“ 1860, т. 161, стр. 16—44) была написана им. Повидимому, Писемскому принадлежал и ряд других рецензий за эти годы.

В самом деле, если просмотреть библиографический отдел „Библиотеки для Чтения“ за 1858—1860 гг., то представляется следующая картина: некоторые рецензии подписаны: Ред., т. е. Редактор — А. В. Дружинин, другие — инициалами И. Л. (не И. Л. Лавров ли?), М. У-нов и П. В-б-г (П. И. Вейнберг). Кроме того, есть ряд рецензий анонимных. Все подписанные рецензии имеют свой отличительный характер: Дружинин обычно посвящал свои разборы либо переводам иностранных авторов (Поль-де-Кок и др.) либо крупным произведениям (Тысяча душ, Украинские народные рассказы Марко Вовчка в переводе Тургенева, Обломов и др.); М. У-нов преимущественно писал о книгах исторического содержания (Литовская уния, книги Бабста и пр.); П. И. Вейнберг при всем разнообразии своих рецензий все же главным образом давал отзывы о литературных курьезах (Московские элегии М. А. Дмитриева, Прикащик и модистка А. Ежданова и т. д.); к историческим же и историко-литературным книгам обращался и И. Л. Кроме того, рецензии Дружинина написаны обычно в полушутливом, полусерьезном тоне, с обязательными упоминаниями английских и вообще иностранных авторов и т. д. В рецензиях П. И. Вейнберга также имеются свои постоянные черты: с одной стороны, едкая ирония, с другой, подчеркивание „задач современности“, обязанности „молодых поколений“ и пр.

Если же обратиться к анонимным рецензиям, то подавляющее их большинство может быть отнесено к двум группам: о книгах, представляющих материалы этнографического характера (Год на севере С. Максимова, Путевые письма П. Якушкина, Уральцы И. Железнова, Черноморские казаки Попки и др.), и о беллетристике в очерково-новеллистическом жанре (книги Кокорева, Меншикова, Основского, Плещеева и др.). Рецензии каждой категории имеют в большинстве случаев внутреннюю связь; они содержат не только одинаковые мысли, но нередко в более поздних упоминаются книги служившие предметом предшествовавших рецензий. В появлении таких серийных рецензий на страницах „Библиотеки для Чтения“ ничего случайного не было: дело в том, что с 1858 г. в этом журнале стали появляться как очерки полубеллетристического, полуэтнографического содержания (Очерки быта уральских казаков Железнова, Сибирские рассказы Шафранец-Кацюцевича, очерки С. Максимова), так и произведения новеллистического характера (рассказы Плещеева, Н. В. Берга и М. Петрова).

Непосредственных данных, что внесение в программу „Библиотеки для Чтения“ этих двух жанров связано с вхождением в состав редакции именно

Писемского, не имеется, но его личные работы в области „Путевых очерков“ и его цитированные выше взгляды на важность непосредственного наблюдения и изображения писателем жизни позволяют связать как две серии анонимных рецензий, о которых говорилось ранее, так и введение очерков и новелл в постоянные отделы редактируемого им журнала с его именем. Внутренний анализ этих рецензий не дает материалов, которые бы шли в разрез со всем тем, что известно о литературных воззрениях Писемского.

Вот, например, отрывок от рецензии на „Очерки и рассказы И. Т. Кокореза“: „Очерки и рассказы“ суть следствия наблюдений автора над жизнью Москвы, — и преимущественно жизнью низшего промышленного сословия... Кокорев знает Москву, как свои пять пальцев; он ходит по ней полным хозяином, заглядывает проницательным взором во все лачужки, видит радости и страдания низшего класса во всей их наготе и потом переносит свои наблюдения на бумагу с изумительною верностью. В рассказах его нет ничего натянутого, псевдо-натуралистического, псевдо-русского; он рисует тот мирок, изучению которого он посвятил себя так, как он есть, ничего не подкрашивая, не подслащая. Если вы надеетесь отыскать в рассказах этих художественную отделку, поэтические тонкости т. п., — то ошибаетесь. У Кокорева талант большой, — он, если позволено так выразиться, сырой; это алмаз, который лежит в земле, но еще не прошел через руки гранильщика. И таково свойство истинного дарования, что без отделки, без этого гранения оно завлекает и восхищает читателя. Правда в искусстве берет свое: чувствуешь, что имеешь дело с действительностью, и самая грязь, в которую автор ведет тебя, кажется не так грязною: художнический инстинкт писателя сыскивает и в этой грязи светлые стороны и уравновешивает ими то неприятное впечатление, которое могло бы произвести преувеличение, карикатурное списание грязной стороны жизни“ („Б. д. Ч.“, 1859, т. 154, стр. 1—13).

Если вчитаться в этот большой отрывок, общность его не только концепции, но и фразеологии (наблюдения над жизнью, отказ от подкрашивания, правда в искусстве, художнический инстинкт, две стороны жизни и т. д.) со статьей Писемского о второй части „Мертвых душ“ делается очевидной. Но подобные сопоставления могут быть сделаны и с другими „анонимными“, как мы их условно назовем, рецензиями.

Что касается серии рецензий о книгах этнографического содержания, то и их объединяет одна общая точка зрения: именно связь этих книг, с подлинной реальностью. Максимова рецензент особенно ценит за то, что „у этого писателя всегда под ногами твердая почва и он воспитан не на книгах и не на отвлеченных теориях“ („Б. д. Ч.“, 1860, т. 160, стр. 13—22). Говоря о книге Якушкина, анонимный автор подчеркивает, что путешественнику нужен „от природы зоркий глаз, положительный талант для разговора с простым народом“, „наконец, дар изложения, тем более трудный, что предмет повседневен и тускл, даже для людей очень развитых. Но зато, — отмечает он, — если путешественник и рассказчик имеет все это, — труд его всегда выходит и почтенным и истинно увлекательным“ (там же, т. 161, стр. 12 -21).

Таким образом, этот метод путешественника-наблюдателя оказывается очень родственным художественной позиции Писемского, изложенной

в статье о Гоголе, а рецензии об этнографических и беллетристических очерках исходят из того же эстетического источника и дают оценку с одних и тех же точек зрения. Тем самым дается основание приписать их Писемскому: отсутствие документальных подтверждений не позволяет итти дальше.

Кроме рецензий, Писемскому принадлежит ряд статей в „Библиотеке для Чтения". Это фельетоны 1861 — 1862 гг. Первый из них „Петербургский великий пост" (1861 апрель). Фельетон этот связан с серией ранее появившихся „Мыслей, чувств и воззрений статского советника Салатушки". В трех предшествовавших книжках „Библиотеки для Чтения" Писемский использовал сконструированный им образ статского советника Салатушки в качестве мнимого сотрудника своего журнала. Идея дальнейшего применения этого приема подачи социально-заостренного материала не покидала Писемского: в программу „Библиотеки для Чтения" на 1862 г. были включены, как часть отдела фельетона, „Письма Салатушки". Последняя часть фельетона „Петербургский великий пост" служила мотивировкой отсутствия продолжения „Мыслей Салатушки"; принадлежность этой концовки Писемскому во всяком случае бесспорна.

Наконец, принадлежат Писемскому „Современные поминки по друзьям" (Б. д. Ч., 1862, т. 170, стр. 153 - 175), представляющие заключительное звено в серии „безрыловских" фельетонов, с которыми связывает его не только тематика и язык, но и прозрачный псевдоним: Н.—ов (Никита Безрылов). Этот фельетон наиболее резкое, дышащее неприкрашенной классовой враждой публицистическое произведение Писемского; здесь он выступил в полном обнажении своей реакционности, своей почти биологической ненависти к тем деятелям русской литературы, которые были лучшими продолжателями традиций Белинского и имя которых с уважением произносили классики марксизма — к Добролюбову и Чернышевскому.

„НАБРОСКИ ИЗ ПРОШЛОГО"

Рукопись, содержащая все приведенные выше редакции рассказа „Грудина", хранится в Архиве Института Литературы Академии Наук СССР и распадается на две отдельно сшитые части: 1) лл. 1—11+16, 2) 12—20+66. Бумага всей рукописи имеет знак фабрики Д. Сергиевской № 5, но водяных знаков лишена. Листы 15 и 16 Писемским были склеены и вновь разъединены только в 1925 г. в Библиотеке Академии Наук СССР. Открывшаяся лицевая сторона л. 16 оказалась содержащей первую часть недостающего фрагмента второй редакции рассказа (л. 15 об. — белый). Непосредственное продолжение открывшегося фрагмента второй редакции содержат листы 16 об. — 18 об., составившие часть третьей редакции. В пределах этих листов редакции вторая и третья почти совпадают (текст приведен выше только в третьей редакции, т. к. стадии работы автора не поддаются разграничению). Лист 19-й приклеен взамен вырезанного у корешка листа второй редакции. Редакции рассказа расположены в рукописи следующим образом:

1-я редакция — лл. 3— 6 об., 9—11 об.
2-я редакция — лл. 1— 8 об., 16 - 18 об.
3-я редакция — лл. 12—15, 16 об.—20.

Вся рукопись представляет собою сплошной автограф, причем первая редакция писана карандашом, вторая же и третья —чернилами (на лл. 3—6 об. вторая редакция написана по тексту первой редакции; на листах 16—18 об. текст первоначально был написан карандашом и затем обведен чернилами).

Взаимоотношение редакций рассказа в связи с четким подразделением его на стабильные компоненты представляется в следующем виде:

1-я редакция

3. Сцена с дядей Николя.
4. Сцена в клубе.
5. Сцена с „предметом страсти".
6. Визит Брюховой (Грудиной).
7. Вторая сцена с „предметом страсти".

2-я редакция

1. Вступление.
2. Краткая характеристика Грудиной.
3а. Фрагмент сцены с Грудиной.
3б. Сцена с дядей Николя.
4. Сцена в клубе.
5. Сцена с m-me Мери.

3-я редакция

1. Вступление.
2. Характеристика Грудиной.
3а. Сцена с Грудиной.
3б. Фрагмент (начало) сцены с дядей Николя.

О намеченном автором продолжении 3-й редакции некоторое представление дает следующий сохранившийся на л. 12 набросок плана:

⟨3а⟩ сцена со мной
⟨3б⟩ сцена с мол⟨одым человеком⟩
⟨4⟩ сцен⟨а⟩ у агроном⟨а⟩
⟨5⟩ сцена со мной
быть немил ⟨?⟩

Из воспроизводимого ниже, находящегося на том же листе авторского расчета видно, что размер „Грудиной" должен был достигнуть $1^1/_2$ печатного листа.

25
25
125
50
625
2
1250
50
51590

О времени создания „Грудиной“ можно судить по следующим фактам. В черновике письма к Виктору Дерели от 19 июня 1880 г. есть зачеркнутая Писемским фраза: „Если бы меня и снова потянуло к занятиям, то у меня есть несколько небольших начатых вещей, которые я должен кончить“. Под „начатыми вещами“ на ряду с драмой „Старые счеты“ подразумевается также и „Грудина“. Палеографические же данные (бумага, использовавшаяся Писемским в 1877—1878 г., и почерк) позволяют отнести написание первой редакции „Грудиной“ к первой половине 1878 г. Открытым остается вопрос о времени первого замысла „Грудиной“, равно как и „Капитана Рухнева“, составившего первый рассказ серии: „Уже отцветшие цветки“. Тяготение к новеллистическому жанру не оставляло Писемского, начиная с его серии новелл „Русские лгуны“ (1864—65 гг.). Так, напр., в 1869 г. Писемский предполагал опубликовать „несколько очерков из современной жизни“ (см. журнал „Заря“ 1869 г., кн. 10, стр. 1, где сказано, что редакция уже имеет эти очерки в своем распоряжении). То обстоятельство, что в данном случае („Грудина“ и „Капитан Рухнев“) мы имеем дело с очерками „из прошлого“, не исключает возможности замысла и осуществления первых набросков этих произведений и до 1878 г.

Третья редакция „Грудиной“ писалась одновременно с последней редакцией драмы „Семейный омут“, в период с августа по ноябрь 1880 г., когда творческая работа писателя была прервана длительной предсмертной болезнью. В отношении датировки второй редакции возникают значительные трудности: имеющиеся в наличии факты не позволяют приурочить ее к определенному времени, хотя наиболее вероятной датой представляется конец 1878 г. — начало 1879 г. (т. е. время публикации „Капитана Рухнева“).

Едва ли не наибольший интерес в рассказе Писемского должна вызвать новая для писателя функция и новое освещение автобиографического элемента.

В ранних произведениях („Нина“, повесть „Виновата ли она?“) Писемский характеризует себя романтически настроенным и исполненным благородных порывов юношей. „Способный глубоко чувствовать все горести но неспособный переносить их, я упал совершенно духом, а вместе с этим не выдержало и тело мое: я сделался болен горячкою; но едва возвратилось ко мне сознание, я снова начал думать о Нине“ — такими чертами героев сентиментальных повестей начала XIX века наделяет себя Писемский. Из этого не следует, что писатель в сороковые годы не видел других сторон своей личности или не мог изобразить их с присущим ему реализмом. Уже в первом романе „Виновата ли она?“ (1844—1847) мы находим наделенный многими „земными“ чертами автопортрет в образе героя Шамилова (Эльчанинова).

Как показывает дальнейшее развитие автобиографизма Писемского, необходимым условием наделения автопортрета отрицательными или комическими (напр. „Ипохондрик“) чертами долгое время являлась маскирующая автобиографизм объективация образа. Это объясняет нам, почему глубочайшие саморазоблачения даны Писемским в объективированных образах Калиновича („Тысяча душ“) и Бакланова („Взбаламученное море“). Характерно, что в предшествовавший „Взбаламученному морю“ (1863) период даже объективация представлялась Писемскому недостаточно гарантирующей

чистоту его собственного „писательского“ морального облика. Так, напр., при переработке в негативном направлении образа Шамилова во второй редакции романа „Богатый жених“ (1860 Писемский одновременно выбрасывает наиболее автобиографичные места.

Таким образом, несмотря на то, что среди произведений Писемского почти два десятка содержат автобиографический элемент, в его последнем рассказе мы имеем *первую* попытку дать незамаскированное реалистическое изображение своей молодости.

„Я... был несколько фат“ — говорит о себе писатель во второй редакции рассказа, причем в последней редакции расширяет характеристику следующим образом: „Вообще в этот период моей жизни я был большой шалопай: ничего не делал, ничего не предпринимал и предпочитал всему на свете разговаривать с нестарыми женщинами о чувствах, сохраняя при этом несколько печоринский тон, имея девизом: вы мол для меня ничего, а я для вас кое что значу“... Сущность авторского замысла — самопосрамление — четко намечена в исключенных из последней редакции следовавших за приведенным местом словах: „но последующие затем события [горький опыт] показали мне, что они-то для меня гораздо более значили, чем я для них“. Посрамить молодого человека призвана была Грудина, первоначально внушавшая ему „почти физиологическое“ отвращение.

Значение приведенных деталей рассказа „Грудина“ заключается в том, что они впервые позволяют установить наличие автобиографических черт в таких образах, как „фанфарон“ Дмитрий Шамаев (рассказ „Фанфарон“, 1854) и „москвич в гарольдовом плаще“ Батманов (повесть „М-r Батманов“, 1852). В связи с этим становится более понятна и своеобразная логика развития образов ранних произведений Писемского, уясняющая нам его социальный облик.

ПИСЬМА Н. А. ПИСЕМСКОГО К А. Ф. И Е. П. ПИСЕМСКИМ

Текст писем воспроизводится по беловым автографам, хранящимся в Архиве Института Литературы Академии Наук СССР (первоначально были переданы А. А. Писемским в Рукописное Отделение Библиотеки Академии Наук СССР). В настоящем издании не получила отражения характерная особенность орфографии молодого Писемского: отказ от употребления твердого знака в конце слова (в писанных Н. А. Писемским официальных документах эта особенность, разумеется, отсутствует).

Дошедшие до нас 18 писем почти полностью охватывают предсмертный, петербургский период жизни Николая Писемского (начало августа 1873—февраля 1874 г.). Исполненный самонадеянности тон писем останется непонятным, если мы упустим из виду, что автор их „по окончании полного курса учения в 5-й Московской Гимназии с золотою медалью, в августе месяце 1869 года принят был в число студентов сего Московского Университета, где, при *очень хорошем* поведении, окончил курс по отделу Математических наук Физико-Математического Факультета, и, за оказанные им *отличные* успехи, определением Университетского Совета, 8 июня сего года состоявшимся, утвержден в степени *Кандидата*“ (см. аттестат № 847, выданный Николаю Писемскому Московским университетом 24 июля 1873 г. за подписями С. М. Соловьева и Ф. А. Бредихина. Подлинный

хранится в деле № 253/2201 2-го стола 1-го отделения Департамента общих дел министерства внутренних дел — ЛОЦИА. Курсив подлинника).

I

„Окончить курс Института в три года“ — речь идет о предполагавшемся Н. А. Писемским поступлении в Институт путей сообщения. См. ниже, письмо А. Н. Майкова от 15 февраля 1874 г.

„У А. Н. Майкова траур“ — подразумевается смерть отца поэта — Николая Аполлоновича Майкова — 23 августа 1873 г.

„От ... Апполона Николаевича так и разит „Гражданином“ — А. Н. Майков был активным сотрудником издававшегося Г. К. Градовским и (с 1-го января 1873 г.) Ф. М. Достоевским журнала „Гражданин“ с момента его основания. Трехтомное издание стихотворений Майкова (СПБ. 1873) рассылалось подписчикам журнала в качестве льготного приложения. Во второй книге сборника „Гражданин“ (СПБ. 1872) была напечатана лирическая драма Майкова „Два мира“ (стр. 1 — 56).

„Трепов а что-то рассердился на него“ — С. В. Максимов с 3 августа 1873 г. состоял редактором „Ведомостей С. Петербургского градоначальства и С. Петербургской городской полиции“, т. е. был лицом непосредственно подчиненным градоначальнику Ф. Ф. Трепову. Ближайшей причиной недовольства Трепова С. В. Максимовым явилось отношение Совета Главного Управления по делам печати от 3 сентября 1873 г. за № 4899. По инициативе члена совета Вакара Трепова подробно уведомляли о том, что „в Ведомостях“ в течение последнего времени стали постоянно помещаться такого рода статьи, которые ни коим образом, не только по форме, но и по существу не могут быть подведены под вышеуказанные отделы программы и при этом не совместны с значением и достоинством официального органа местного градоначальства“ („Журнал заседаний Совета Главного Управления по делам печати“ 1873 г., № 41 от 14 августа, ЛОЦИА). Кроме того, после этого отношения Трепов, безусловно, не мог не обратить особого внимания на крайнюю неуместность помещенной в №№ 122—123 (198 — 199) „Ведомостей“ (от 29 и 30 августа 1873 г.) большой анонимной статьи под названием „Народная иконопись“ (статья, повидимому, принадлежит перу редактора; см. „Собрание соч. С. В. Максимова“, т. XX, стр. СПБ. 1913, стр. 363).

„Павла ... пошлют за границу“ — см. письма 5 и 6-е и примечания к ним.

„Члены статистического конгресса“ — подразумевается восьмая сессия международного статистического конгресса, состоявшаяся в Петербурге в 1872 г. (см. „Отчет о восьмой сессии“... СПБ. 1872).

II

Датируется по содержащимся в тексте указаниям на религиозный праздник „казанской божьей матери“ и первые четыре постановки на Александринской сцене драмы Писемского „Ваал“, состоявшиеся 12, 17, 22 и 25 октября 1873 г.

„Навести справку в Министерстве народного просвещения“ — речь идет о справке по поводу командирования П. А. Писемского за границу, см. примечания к письмам 5 и 6.

„Из этого не следует, чтобы актеры играли лучше“ — В исполнении драмы Писемского „Ваал“ участие принимали, как и при первом представлении (на котором автор драмы присутствовал), артисты В. И. Виноградов (Бургмейер), А. А. Нильский (Толоконников), Н. Ф. Сазонов (Куницын), И. И. Монахов (Мирович), Ф. А. Бурдин (Самахан), Федоров (Руфин), Струйская 1-я (Клеопатра Сергеевна), Подобедова 2-я (Евгения Николаевна), Натарова 1-я (Татьяна), Медведев (лакей Бургмейера) и Степанов 2-й (лакей Мировича) (афиша).

„Пожинать лавры ... пришлось ... Жиду“ — подразумевается артист Ф. А. Федоров, исполнявший роль еврея Руфина, доверенного лица капиталиста Бургмейера.

„Отзывы петербурских газет ... разноречивы“ — Отсутствие единства в отзывах петербургских газет о драме „Ваал“ побудило анонимного фельетониста „Петербургской Газеты“ даже специально заняться сопоставлением взаимно исключающих высказываний театральных рецензентов как по поводу драмы Писемского, так и игры актеров („Петербургская Газета“ 1873, № 90 (16. X), стр. 2. „Театральное эхо“). Тем не менее большая часть петербургских газет единодушно высказалась против „Ваала“. Таковы рецензии: 1) „СПБ. Ведомости“, 1873, № 283 (14. X), стр. 2. Без подписи, „Театр. Бенефис г. Сазонова“. 2) „Петербургская Газета“ 1873, № 89 (14. X), стр. 3. „Театральное эхо“, подпись: Л. <В. С. Баскин>. 3) „Петербургский Листок“ 1873, № 202 (14. X), стр. 2—3. „Муж одолел и мужья одолели“ (Бенефис г. Сазонова). Подпись: Театральный нигилист <А. А. Соколов>. 4) „Новости“ 1873, № 268 (15. X), стр. 2—3. Без подписи, „Театральные новости“. Бенефис г. Сазонова: „Ваал“, драма в 4 действиях, Писемского; „Мужья одолели“ ком. в 3 действиях (сюжет заимствован)“. 5) „Сын Отечества“ 1873, № 237 (17. X), стр. 2. Без подписи, „Петербургские заметки“. Значительные оговорки были сделаны также и в сочувственной в целом рецензии, помещенной в „Голосе“ (1873, № 284, (14. X), стр. 2.) „Театр. Бенефис г. Сазонова“. Подпись: В. „И читатель, и зритель, — писал рецензент — ознакомившись с этою пьесой, одинаково должны прийти к тому заключению, что она представляет из себя подобие богатой кладовой, в которой беспорядочными грудами разбросаны вещи, весьма разнородные по ценности и достоинству...“ — Очевидно, пьеса г. Писемского написана наскоро и автор не взял на себя труда разобраться в своей кладовой, а предоставил этот труд публике“. Аналогичные оговорки были высказаны рецензентами „Nordische Presse“ (1873, № 273 (21.X/2.XI), s. 1. „Russisches Theater“, без подписи) и „Биржевых Ведомостей“ (1873, № 274 (14.X), стр. 1—3. „Ваал“. Подпись: Ч. П. <А. П. Чебышев-Дмитриев>). Только фельетонист „Русского Мира“ (1873, № 271 (14. X), стр. 1—2. „Из записок петербургского холостяка“, подпись: Маленький Гражданин) дает безусловно положительный отзыв о драме Писемского.

„Ты... бросаешь грязью в молодое поколение“ — В указанной выше рецензии А. А. Соколов писал: „Так вот чем разразился г. Писемский вот что он наблюл в нашей жизни; вот с какими людьми судьба сближала этого несчастного писателя! Вот какую грязь выкопал со дна души молодежи этот некогда честный писатель! У него, что молодой человек, то подлец, что молодая женщина, то развратница и негодяйка“ („Петербургский Лис-

ток“ 1873, № 202, стр. 2). Рецензент „Новостей“ писал: „Вся молодежь, выставленная г. Писемским — дрянь. Мирович бесхарактерная дрянь, падающая от взгляда женщин; Куницын — дрянь мазурнического пошиба, берущий деньги от женщин, с которыми находится в связи; техник-строитель Толоконников — опять таки дрянь, так что старое поколение, представителем которого является Бургмейер, несмотря на свои не особенно идеальные побуждения и принципы — все таки стоит неизмеримо выше всех этих будто бы представителей молодого поколения“ (1873, № 268, стр. 3). В. С. Баскин писал: „В комедии „Ваал“ среди четырех капитальных подлецов выставлены три лица из молодого поколения, в течение всей пьесы искренно толкующие о честности и в то же время делающие подлости. Предвзятая идея обругания современной молодежи введена в пьесу самым топорным образом“ („Петербургская Газета“ 1873, № 89, стр. 3).

„Твой „Ваал“ есть... продолжение „Взбаламученного моря“ — А. А. Соколов в своей рецензии писал: „Писемский живет, таким образом, задним числом. Заднее число для него наступило вместе с романом „Взбаламученное море“, после которого он, подобно корове, занимается „отрыганием жвачки“, т. е. не всматриваясь в жизнь, как наблюдатель, он продолжает пережевывать свой роман, несмотря на то, что мы ушли от его романа очень далеко, и с его точки зрения, если бы он только наблюдал, конечно пали еще глубже“ („Петербургский Листок“ 1873, № 202, стр. 2). В. С. Баскин в своей рецензии также полагал, что „драма г. Писемского „Ваал“... заключает собою серию произведений того же автора, в которых писатель этот отрешился от прежнего своего взгляда на жизнь и начал выводить тенденции, подобные тем, которые изображены им в „Взбаламученном море“ („Петербургская Газета“ 1873, № 89, стр. 3). Неизвестный фельетонист той же газеты выразился по этому поводу образно: „Если читал ты „Взбаламученное море“ и знаешь его закваску, то и „Ваал“ составляет девятый *вал этого моря*“ (там же № 90, стр. 3).

III

Датируется по связи с предыдущим письмом.

„О результате моей справки“ — см. примечание к письму 2.

IV

В телеграмме адрес: „Москва Повар<ская> Борисоглеб<ский> пер. д. Писемского“. См. примечания к письмам 5 и 6.

V

На обороте рукою А. Ф. Писемского карандашом набросано: „Ваш<е> просвещен<ное> и благ<о>склон<ное> внимание ко мне на всегда ост<а>нется запечатленны<м> в сердце и [для] сына подвигнет своим усерди<ем> и трудолюби<ем> старать<ся> возблагодарить министерство за его покровительство. <Начало следующей незаконченной фразы нрзб.>“

„Бумаги о посылке Павла за границу“ — Отношение управляющего Министерством народного просвещения И. Д. Делянова попечителю Московского учебного округа о включении в проект приказа по министерству командировки кандидата Писемского за границу было направлено 25 октября 1873 г. за № 11267 (см. дело № 10/14626 — 1873 г. Архива министерства народного просвещения, ЛОЦИА).

„Павлу должны дать инструкцию“ — Программа „занятий кандидата Писемского на время пребывания его за границей“ была составлена преподавателем Московского университета Н. П. Боголеповым. В виду того, что история ученой карьеры Павла Писемского ближайшим образом отразилась в драме „Старые счеты“ („Семейный омут“, см. примечание к письму 700), приводим документ полностью. „Программа“ предусматривала:

1. Изучение капитальных сочинений по главным частям Римского Гражданского Права и его истории.
2. Слушание специальных курсов по тем же предметам.
3. Слушание общих курсов по Германскому и Французскому Гражданскому Праву и специальных по торговому праву.
4. Знакомство с французскими и немецкими сочинениями по всем вышеозначенным предметам, вышедшими во время пребывания магистранта за границею.

(Копия программы в деле № 151 Совета Московского университета, Московский Областной Архив, фонд № 146). Программа была утверждена на заседании юридического факультета 1 ноября 1873 г.

„Пьеса... назначена на этой неделе один раз“ — Пятое представление драмы „Ваал“ на сцене Александринского театра состоялось 31 октября 1873 г.

„Об игре актеров в двух последних представлениях“ — 22 и 25 октября 1873 г. в исполнении драмы „Ваал“ принимали участие те же артисты, что и при первых двух представлениях (см. примечание к письму 2). Лишь 25 октября Степанова заменял актер Янко (афиша).

VI

Датируется по содержащемуся в тексте указанию на выезд П. А. Писемского из Петербурга за границу. Единственное дошедшее до нас письмо П. А. Писемского к отцу относится именно к этому периоду. Приводим текст письма:

3 ноября 73 г. ⟨С. Петербург⟩

Дорогие батюшка и матушка.

Доехали мы благополучно, хотя за отсутствием на избранном нами поезде спальных вагонов я провел ночь без сна. Вадим ⟨Свиньин⟩ ехал со мною во 2-ом классе и беседа с ним сокращала долгую дорогу. Сегодня был в Министерстве и представлялся Делянову и Дьякову. Делянов еще раз оказал услугу. Строго говоря, следовало бы дождаться высочайшего приказа, который должен был последовать через неделю. Но так как это формальность и в практике бывали случаи выдачей денег, предварительно приказа, то то же и для меня сделали. Мне выдали талон на ассигновку в 250 руб. до 1 января. Следующая выдача последует не ранее 10 января и не позднее 20. По полученному мною талону, в понедельник я получу в казначействе деньги; в понедельник-же в Министерстве выдадут нумер отношения в Канцелярию Градоначальника, куда я должен явиться во вторник за получением паспорта. Больше двух дней эта выдача не займет времени; так что я могу расчитывать во всяком случае выехать в четверг заграницу.

Делянов велел кланяться папаше. Дьяков за услуги им оказанные просит папашу выслать ему его карточку фотографическую для своего альбома.

Из знакомых не видал еще никого. Брата видел. Он кажется сознает дурные стороны своего непостоянства и хочет с рвением приняться за дело. Остановились мы в меблированных комнатах Спарского, на углу Невского и Литейной д. 59—76. Нам дали прекрасную, хотя не много холодную комнату за 1 р. 50. в день. Обнимаю Вас. Кланяюсь Юлие Захаровне.

Ваш *Писемский*

Аполлон Павлович — Свиньин, брат Е. П.-Писемской.

Марья Павловна — М. П. Свиньина, сестра Е. П. Писемской.

„Познакомил с женой“ — Б. М. Маркевич был женат на Александре Карловне Зейфорт.

VII

Датируется по содержащимся в тексте указаниям на ожидавшуюся в четверг 29 ноября 1873 г. постановку драмы „Ваал“ и получение уведомления Департамента общих дел министерства внутренних дел. Последнее было отправлено Николаю Писемскому 19 ноября 1873 г. (отпуск уведомления сохранился в деле № 253/2201 Архива внутренней политики и быта ЛОЦИА).

„Я принят, согласно прошению“ — Прошение на имя министра внутренних дел А. Е. Тимашева об определении „состоящим при Министерстве Внутренних дел, с откомандированием для занятий в Центральный Статистический Комитет“ 27 октября 1873 г. было подано Николаем Писемским директору Центрального Статистического Комитета П. П. Семенову и тогда же последним было доложено министру, после чего 5 ноября 1873 г. было направлено в департамент общих дел (там же).

„Пиеса... пойдет на Мариинском театре“ — Николай Писемский был введен в заблуждение ошибочным объявлением. См. следующее письмо.

„Начал ли писать... задуманный тобою роман“ — речь идет о романе „Мещане“.

„В пятницу отправлюсь к Майкову“ — Подразумевается пятница 1 декабря 1873 г.

„Узнаю о результате субботнего заседания“ — О заседании Литературно-театрального комитета см. примечание к следующему письму.

VIII

„В субботу „Ипохондрик“ был пропущен“ — речь идет об одобрении комедии „Ипохондрик“ к представлению Литературно-театральным комитетом при дирекции императорских театров (см. журнал 39-го заседания комитета от 1 декабря 1872 г. Архив Народного Хозяйства, ЛОЦИА, дело № 3271).

„Рассмотрение „Раздела“ отложено“ — см. письмо 11.

„Я прочел в „Голосе“ — речь идет об анонимных „Московских заметках“, помещенных в 328-м № „Голоса“ от 27 ноября 1873 г. (стр. 3). Успех „Ваала“ на сцене московского Малого театра здесь оценивается как „давно у нас небывалый“. О первом, неудачном представлении „Ваала“ см. „Голос“ 1873 г., № 321 (20. XI), стр. 2 („Московские Заметки“).

IX

„Произведение нашло... достойных актеров“ — В исполнении „Ваала“ на сцене московского Малого театра участие принимали: И. В. Самарин (Бургмейер), Г. Н. Федотова (Клеопатра Сергеевна), Н. А. Никулина (Евгения Николаевна), С. В. Шумский (Куницын), Н. И. Музиль (Руфин), К. Ф. Берг (доктор), М. А. Решимов (Мирович).

Особенным успехом пользовалась игра Федотовой (см. „Голос“ 1873, № 328: „Такого совершенно художественного воспроизведения нам давно не удавалось видеть; пьеса... с каждым новым представлением приобретает все больший и больший успех“...).

„Типография... переехала в Стремянную улицу“ — Перемещение типографии А. Траншеля состоялось еще в октябре 1873 г. (см. „СПБ. Ведомости“ 1873, № 290 (21. X), стр. 1).

X

Датируется по связи с следующим письмом и по указанию на отправку комедии „Ипохондрик“ из дирекции театров в Главное Управление по делам печати. Из сохранившегося в Ленинградском Отделении Центрархива подлинного отношения дирекции видно, что „Ипохондрик“ был отправлен 5 декабря 1873 (см. дело № 3 1873 г., фонд Главного Управления по делам печати).

„Тобою была представлена не рукопись“ — речь идет о представлении Писемским в 1873 г. печатного экземпляра комедии „Подкопы“ на уваровский конкурс драматических произведений. См. письмо 379.

XI

„Пьеса... „Раздел“ прошла в Комитете“ — речь идет об одобрении комедии „Раздел“ к представлению Литературно-театральным комитетом при дирекции театров (см. журнал 40-го заседания комитета от 8 декабря 1873 г., ЛОЦИА).

„Ваал идет сегодня на Александринском театре“ — 11 декабря 1873 г. состоялось восьмое представление драмы.

XII

Датируется по связи с следующим письмом и по содержанию письма.

„Пьеса твоя пропущена еще 18 декабря“ — речь идет о состоявшемся в Главном Управлении по делам печати 18 декабря 1873 г. заседании Совета, на котором предполагалось рассмотрение комедии „Раздел“. Однако разрешение к представлению комедии Писемского в указанный день утверждено не было, в положительном смысле вопрос о постановке комедии разрешен был только 16 января 1874 г. (см. дело № 3—1873 г. фонда Главного Управления по делам печати, ЛОЦИА).

„Авсеенко сделан чиновником особых поручений“ — В. Г. Авсеенко был назначен членом особого отдела ученого комитета Министерства народного просвещения по рассмотрению книг, издаваемых для народного чтения, с 27 октября 1873 г., дополнительное же назначение на должность чиновника особых поручений 6-го класса получил 1 января 1874 г. (см. дело № 106—1873 г. Архива министерства народного просвещения, ЛОЦИА)

XIII

Датируется по связи с письмом 12.

„Твоя пиеса будет переслана“ — см. примечание к предыдущему письму.

XIV

„Твоя пиеса“ — комедия „Подкопы“. См. примечание к письму 10.

„Я взял место в Семинарии“ — Н. А. Писемский здесь, повидимому, подразумевает свои уроки в качестве частного репетитора, так как ни в Петербургской духовной семинарии, ни в Петербургском учительском институте преподавателем он не числился.

XV

Датируется на основании имеющегося в тексте упоминания о девятой постановке драмы „Ваал“ на сцене Александринского театра (2 января 1874 г.).

„На днях я получил извещение“ — Извещение Департамента общих дел об утверждении Николая Писемского указом сената от 20 декабря 1873 г. в чине коллежского секретаря со старшинством со дня своего определения на службу за № 34347 было направлено ему 24 декабря 1873 г. (см. дело № 253/2201, ЛОЦИА).

„Как я должен распорядиться с книгой“ — см. письма 10 и 14.

XVI

Датируется по связи с письмами 17 и 18.

„Жалованье секретарю увеличено“ — речь идет о штатах министерства путей сообщения. См. письмо 17.

XVII

Датируется на основании имеющегося в тексте указания на предоставление Николаю Писемскому штатной должности в Департаменте общих дел Министерства путей сообщения. Подлинное дело о службе Николая Писемского в Министерстве путей сообщения было уничтожено в 1902 г. по постановлению местной архивной комиссии, как не представляющее интереса. В описи же дело № 46, „об определении на службу в Департамент Общих Дел коллежского секретаря Писемского“ значится начатым 29 января 1874 г. (см. опись № 269, ЛОЦИА).

„Для напечатания ее в сборнике“ — Сборник вышел в 1874 г. под названием: „Комедии, драмы и трагедии А. Писемского“ (2 тт.).

„В настоящее время она... репетируется“ — Постановка комедии „Раздел“ на сцене Александринского театра состоялась 6 февраля 1874 г при следующем распределении ролей: Иван Прокофьевич — В. И. Виноградов, Богданов — Руднев, Бурыленко — Е. Н. Жулева, Катенька — А. М. Дюжикова, Захаров — А. А. Нильский, Синицына — Е. И. Подобедова, Кирилл — П. В. Васильев. (Афиша).

XVIII

„Бугаев желает, чтоб арифметика его“ — речь идет о книге: „Руководство к арифметике (в объеме гимназического курса). Арифметика целых чисел. Составил Н. В. Бугаев, ординарный профессор императорского

Московского Университета". М. 1874, 8⁰, стр. [4] + II + 118. (Дозволено цензурой 20 октября 1873 г.). В дальнейшем книга выдержала 12 изданий В том же году вышло продолжение „Руководства" — „Арифметика дробных чисел" (М. 1874).

„Он тоже сделан членом ученого комитета" — Назначение А. Н. Майкова членом особого отдела ученого комитета Министерства народного просвещения по рассмотрению книг, издаваемых для народного чтения, состоялось 1 января 1874 г. (вопрос об утверждении Майкова в указанной должности был возбужден А. И. Георгиевским еще 17 ноября 1873 г. См. дело № 125 – 1873 г. Архива Министерства народного просвещения, ЛОЦИА).

„Бенефис Жулевой на масляницe" — см. примечание к предыдущему письму.

ПИСЬМА А. Н. МАЙКОВА К А. Ф. И Е. П. ПИСЕМСКИМ

Автографы писем А. Н. Майкова поступили в Академию Наук от А. А. Писемского вместе с прочими рукописями в 1912 г.

I

„Из оставшихся в нескольких экземплярах стихов" — Стихотворения Николая Писемского не сохранились.

„Достал адрес Леонида" — Л. Н. Майков состоял редактором Центрального Статистического Комитета.

Вадим — В. П. Свиньин.

„Все отобрано следственной комиссией" — Следственное дело, находившееся в производстве управления Спасской части (по 4-му участку), не сохранилось.

II

Вадим и Аполлон — Свиньины.

Маша — М. П. Свиньина.

„Сегодня пропечатали в газетах" — В „Ведомостях С.-Петербургского градоначальства и С.-Петербургской городской полиции" (1874, № 38 от 15 февраля, стр. 1) за № 108 „СПБ. Дневника приключений" была помещена следующая заметка:

САМОУБИЙСТВО

> 13 февраля, 4 уч. Спасской части, по набережной реки Фонтанки, в доме № 101, в меблированных комнатах, кандидат математических наук выстрелом из револьвера нанес себе рану в правый висок и в бессознательном состоянии отправлен в Обуховскую больницу. Рана смертельна. Поступок этот совершен им в припадке меланхолии.

В „Голосе" никаких сообщений о смерти Н. А. Писемского не появлялось.

III

Константин Аполлонович Майков.

VI

„Дело Непениных" — Дело об убийстве мировым судьей Непениным при участии своей жены почетного мирового судьи Чихачева слушалось в Окружном суде 2 марта 1874 г. А. Ф. Кони выступал по делу в качестве

представителя обвинения. См. „Судебный Вестник“ 1874, № 47—56. Кроме того, Майков, повидимому, подразумевает дело по обвинению Колосова и Ярошевича в подделке акций Тамбовско-Козловской железной дороги (слушалось там же 14 февраля 1874 г.), обвинение по которому поддерживал также Кони.

В тот же день А. Ф. Кони обратился к А. Н. Майкову с следующим письмом:

„Милостивый Государь
Аполлон Николаевич.

Меня известили, что всякое напоминание старикам Писемским о несчастном конце их сына Николая приводит их в отчаяние. Между тем вещи его, окровавленные, — описаны, по закону, судебным приставом и подлежат отдаче родным, хотя могут быть и отданы кому нибудь из знакомых Писемских на хранение или проданы с публичного торга, с выдачею денег этим знакомым. — В виду этого мне пришло в голову обратиться к Вам. Не возьмете ли Вы этих вещей, избавив тем бедных стариков от нового растравления их душевных ран? — Если это вас не стеснит, то я просил бы Вас дать мне ответ и прилагаю, на всякий случай, адрес судебного пристава, к которому в течение пяти дней надо обратиться, чтобы или взять вещи или устроить их продажу. Хотелось бы отнять у Вас несколько минут и зайдти потолковать о Писемском и вообще о том явлении, жертвою которого он сделался и которое с каждым днем принимает размеры, способные ужаснуть всякого мыслящего человека. Знаете ли Вы, что с 1864 года число самоубийств и покушений на них увеличилось на 325%, тогда как население увеличилось на 8%, стоимость предметов первой необходимости — на 36%, — число сумасшедших на 27%, — а самоубийства — повторяю, на 325%! —

Глубоко уважающий Вас
А. Кони

Адрес мой: на ∠ Знаменской и Баскова переулка, в д. Ядрова, кв. № 9.
1874. 8 марта.

УКАЗАТЕЛИ

УКАЗАТЕЛЬ АДРЕСАТОВ И ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ СПРАВКИ К ПИСЬМАМ

Абаза, Николай Саввич (2: 1880) — №№ 943, 961.

Печатаются впервые по черновым отпускам 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Аверкиева, Софья Викторовна (1: 1880) — № 940.

Печатается впервые по черновому отпуску 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Аверкиев, Дмитрий Васильевич (2: 1875, 1880) — №№ 458, 949.

Печатаются впервые по черновым отпускам общих тетрадей Писемского, № 458 — 1-ой тетради (Собрание А. П. Могилянского), № 949—2-ой (ПД).

Авсеенко, Василий Григорьевич (6: 1869—1879) — №№ 356, 359, 384, 436, 473, 728.

Печатаются впервые, №№ 356, 384 — по автографам Государственного Театрального Музея им. А. А. Бахрушина (Москва), № 359 — по автографу Государственного Литературного Музея (Москва), №№ 436, 473 — по черновым отпускам 1-ой общей тетради Писемского (Собрание А. П. Могилянского), № 728 — по черновому отпуску 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Александр II (2: 1857, 1872) — №№ 119, 368.

Печатаются впервые по автографам Ленинградского Отделения Центрального Исторического Архива.

Алмазов, Борис Николаевич (28: 1856—1875) — №№ 112, 172, 214, 217 219, 220, 235, 243, 244 254, 312, 314, 341, 353, 361, 362, 363, 462, 494, 520, 967, 968, 969, 970, 971, 972, 973, 974.

Печатаются впервые, №№ 462, 494 — по черновым отпускам 1-ой общей тетради Писемского (Собрание А. П. Могилянского), остальные — по автографам Государственного Театрального Музея им. А. А. Бахрушина (Москва).

Аловерт, Николай Павлович (63: 1879—1880) — №№ 734, 736, 737, 740, 745, 750, 751, 756, 766, 767, 772, 777, 779, 780, 781, 788, 790, 794, 799, 800, 805, 807, 810, 811, 816, 817, 818, 819, 824, 825, 829, 840, 842, 843, 846, 847, 852, 855, 864, 870, 877, 880, 882, 887, 892, 896, 898, 905, 908, 910, 912, 915, 916, 917, 918, 919, 922, 930, 934, 937, 941, 945, 951.

Печатаются впервые, № 816 - по автографу Института Литературы Академии Наук СССР, №№ 737, 740, 751, 756, 767, 772, 777, 824, 829, 951 — по отпускам „Копировальной книги“ Писемского, хранящейся в Государственном Театральном Музее им. А. А. Бахрушина в Москве (черновые отпуска к №№ 737, 767, 772, 777, 829 сохранились также в 2-ой общей тетради Писемского), прочие письма — по черновым отпускам 2-ой общей тетради Писемского (ПД). 1 лист № 818 хранится в Собрании А. П. Могилянского.

Анненков, Павел Васильевич (62: 1858—1878) — №№ 130, 149, 152, 160, 166, 177, 198, 204, 213, 272, 273, 274, 276, 281, 283, 284, 285, 286, 288, 290, 292, 295, 296, 298, 301, 307, 308, 309, 310, 315, 317, 322, 323, 324, 326, 328, 331, 332, 333, 340, 342, 347, 357, 358, 360, 364, 367, 404, 410, 412, 414, 415, 419, 423, 471, 486, 513, 515, 518, 535, 562, 683..

№ 204 печатается по автографу Государственной Публичной Библиотеки в Ленинграде (Архив Литературного фонда), № 535 — по черновому отпуску 1-ой общей тетради Писемского (Собрание А. П. Могилянского), № 683 печатается по черновому отпуску 2-ой общей тетради Писемского (беловой автограф его хранится в Государственном Литературном Музее); прочие письма печатаются по автографам Пушкинского Дома (черновые отпуска к №№ 404, 410, 412 сохранились собрании Пушкинского Дома, к №№ 471, 486 — в 1-ой общей тетради Писемского).

№№ 471, 486, 535, 562, 683 были первоначально опубликованы в журнале „Новь“ 1891, № 4, стр. 230—232 и перепечатывались в последующих собраниях сочинений Писемского (два последние с неисправными датами 9 февраля и 5 апреля 1880 года).

Апухтин, Алексей Николаевич (1: 1859) — № 975.

Печатается впервые по автографу Государственного Театрального Музея им. А. А. Бахрушина (Москва).

Баранович, Федор Иванович (2: 1880) — №№ 883, 893.

Печатаются впервые по черновым отпускам 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Барсов, Елпидифор Васильевич (1: 1878) — № 709.

Печатается впервые по черновому отпуску 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Басистов, Павел Ефимович, *Карышев,* Николай Александрович. *Дубровский* (1: 1880) — № 795.

Печатается впервые по черновому отпуску 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Басов, Василий Александрович (7: 1878—1879) — №№ 678, 679, 696, 701, 739, 752, 753.

Печатаются впервые по черновым отпускам 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Баумштейн, Моисей Яковлевич (1: 1879) — № 760.

Печатается впервые по черновому отпуску 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Берг, Федор Николаевич (5: 1876—1880) — №№ 575, 584, 585, 586, 900.

Печатаются впервые по черновым отпускам общих тетрадей Писемского, №№ 575, 584, 585, 586 — 1-ой (Собрание А. П. Могилянского), № 900 — 2-ой (ПД).

Бернов, Алексей Никонорович (1:1880) — № 861.

Печатается впервые по черновому отпуску 2-й общей тетради Писемского (ПД).

Бессонов, Петр Алексеевич (1:1877) — № 593.

Печатается впервые по черновому отпуску 1-ой общей тетради Писемского (Собрание А. П. Могилянского).

Бларамберг, Елена Ивановна (9:1877—1880) — №№ 568, 644, 718, 724, 765, 797, 834, 894, 964.

№ 568 печатается впервые по черновому отпуску 1-ой общей тетради Писемского (Собрание А. П. Могилянского), № 724 печатается впервые по черновому отпуску 2-ой общей тетради Писемского (ПД), № 894 воспроизводится по тексту, опубликованному в „Известиях по русскому языку и словесности Академии Наук СССР“ 1930, т. III, кн. 1, стр. 52. Прочие письма воспроизводятся по тексту, опубликованному в „Русских Ведомостях“ 1905, № 101 (№№ 644, 765, 834, 964 сверены с черновыми отпусками общих тетрадей Писемского).

Боборыкин, Петр Дмитриевич (1:1876) — № 580.

Печатается впервые по черновому отпуску 1-ой общей тетради Писемского (Собрание А. П. Могилянского.

Бобров, Александр Алексеевич (1:1878) — № 677.

Печатается впервые по черновому отпуску 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Богушевич, Георгий Михайлович (1:1875) — № 431.

Печатается впервые по автографу Государственной Публичной Библиотеки в Ленинграде. Черновой отпуск сохранился в 1-ой общей тетради Писемского (Собрание А. П. Могилянского).

Борх, гр. Александр Михайлович (2:1863—1864) — №№ 227, 234.

Печатаются впервые, № 227—по авторской копии, хранящейся в Государственной Публичной Библиотеке в Ленинграде (Собрание писем к А. А. Краевскому, „П“), № 234—по автографу Ленинградского Отделения Центрального Исторического Архива.

Бугаев, Николай Васильевич (1:1880) — № 856.

Печатается впервые по черновому отпуску 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Бурдин, Федор Алексеевич (1:1874) — № 395.

Печатается впервые по автографу Государственного Театрального Музея им. А. А. Бахрушина (Москва).

Буслаев, Федор Иванович (3:1877) — №№ 623, 639, 655.

№ 623 печатается впервые по автографу Государственного Литературного Музея в Москве (черновой отпуск сохранился в 1-ой общей тетради Писемского), № 655 печатается впервые по черновому отпуску 1-ой общей тетради Писемского (Собрание А. П. Могилянского), № 639 воспроизводится по тексту, впервые опубликованному в журнале „Пантеон литературы“ 1889, февраль, „Современная летопись“, стр. 1—4 (некоторые поправки внесены по повторной публикации С. А. Венгерова,

см. „Собрание сочинений С. А. Венгерова, т. 5, Дружинин, Гончаров, Писемский“, СПБ. 1911, стр. 158—160).

Бюлер, бар. Федор Андреевич (1:1876) — № 559.

Печатается впервые по черновому отпуску 1-ой общей тетради Писемского (Собрание А. П. Могилянского).

Валуев, Петр Александрович (6:1863—1867) — №№ 228, 233, 270, 271, 291, 319.

№ 270 печатается впервые по автографу Государственного Литературного Музея (Москва), остальные письма печатаются по автографам Ленинградского Отделения Центрального Исторического Архива.

№ 233 был впервые опубликован в „Полном собрании сочинений и писем“ А. И. Герцена под ред. М. К. Лемке, т. XVI, П. 1920, стр. 558—559.

Васильев, Павел Васильевич (1:1863) — № 225.

Печатается впервые по автографу Ленинградского отделения Центрального Исторического Архива.

Верстовский, Алексей Николаевич (1:1855) — № 92.

Печатается впервые по автографу Государственного Театрального Музея им. А. А. Бахрушина (Москва).

Веселаго, Феодосий Федорович (4:1860—1861) — №№ 190, 191, 193, 205.

Печатаются впервые по автографам Государственной Публичной Библиотеки в Ленинграде.

Веселовский, Константин Степанович (5:1865—1873) — 277, 280, 318, 379, 385.

Печатаются впервые по автографам Архива Академии Наук СССР.

Веселов (1:1878) — № 667.

Печатается впервые по черновому отпуску 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Вишневский, Александр Николаевич (1:1880) — № 885.

Печатается впервые по черновому отпуску 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Воронина, Елизавета Петровна (1:1875) — № 517.

Печатается впервые по автографу Государственного Театрального Музея им. А. А. Бахрушина (Москва).

Врангель, бар. Фердинанд Петрович (1:1856) — № 111.

Печатается впервые по автографу Ленинградского Отделения Центрального Исторического Архива.

Галахов, Алексей Дмитрович (3:1850—1851) — №№ 7, 8, 12.

Печатаются впервые по автографам Государственной Публичной Библиотеки в Ленинграде (Собрание писем к А. А. Краевскому, „П“).

Галахов, Николай Иванович (1:1880) — № 946.

Печатается впервые по черновому отпуску 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Ганих, Александр Иванович (1:1876) — № 564.

Печатается впервые по черновому отпуску 1-ой общей тетради Писемского (Собрание А. П. Могилянского).

Гатцук, Алексей Алексеевич (4:1878—1879) — №№ 702, 706, 713, 731.

Печатаются впервые по черновым отпускам 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Генслер, Иван Семенович (1:1860) — № 185.

Печатается впервые по автографу Института Литературы Академии Наук СССР.

Герц, Карл Карлович (1:1860) — № 178.

Печатается впервые по автографу Архива Академии Наук СССР.

Гиляров-Платонов, Никита Петрович (1:1879) — № 729.

Печатается впервые по черновому отпуску 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Гиляров, Федор Александрович (2:1879—1880) — №№ 771, 858.

Печатаются впервые по черновым отпускам 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Главное Управление по делам печати (7:1867—1874) — №№ 316, 336, 344, 381, 420, 425, 426.

Печатаются впервые по автографам Ленинградского Отделения Центрального Исторического Архива.

Главное управление цензуры — см. *Главное Управление по делам печати.*

Гольдгаммер, Николай Германович (1:1877) — № 646.

Печатается впервые по черновому отпуску 1-ой общей тетради Писемского (Собрание А. П. Могилянского).

Гончаров, Иван Александрович (3:1875) — №№ 444, 445, 472.

Печатаются по черновым отпускам 1-ой общей тетради Писемского (Собрание А. П. Могилянского).

№№ 445, 472 были опубликованы в „Полном собрании сочинений“ А. Ф. Писемского, Спб., 1911, т. VIII, стр. 728—729.

Гоппе, Герман Дмитриевич (6:1879—1880)—№№ 755, 830, 888, 924, 931, 952.

Печатаются впервые, №№ 755, 924, 952 — по отпускам в „Копировальной книге“ Писемского, хранящейся в Государственном Театральном Музее им. А. А. Бахрушина в Москве, №№ 830, 888, 931 — по черновым отпускам 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Горбунов, Иван Федорович (3:1855—1857) — №№ 83, 118, 976.

№ 83 печатается по автографу Государственной Публичной Библиотеки в Ленинграде, №№ 118, 976 — по автографам Государственного Театрального Музея им. А. А. Бахрушина в Москве.

№ 976 был впервые опубликован в „Сочинениях“ И. Ф. Горбунова, Спб., 1907, т. II, стр. 70.

Городецкий, Николай Михайлович (1:1880) — № 814.

Печатается впервые по черновому отпуску 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Губернатис, Анжело (1:1878) — № 704.

Печатается впервые по черновому отпуску 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Дашков, Василий Андреевич (2:1880) — №№ 873, 923.

Печатаются впервые по черновым отпускам 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Делянов, Иван Давыдович (2:1873) — №№ 390, 391.

Печатаются впервые по автографам Ленинградского Отделения Центрального Исторического Архива.

Департамент общих дел министерства внутренних дел (1:1886)— №293.

Печатается впервые по автографу Ленинградского Отделения Центрального Исторического Архива.

Дерели, Виктор (26:1878—1880) — №№ 697, 703, 710, 714, 717, 721, 773, 775, 782, 796, 812, 826, 827, 832, 841, 854, 869, 878, 879, 881, 899, 903, 906, 913, 914, 928.

№ 775 публикуется по автографу Государственного Театрального Музея им. А. А. Бахрушина (Москва), прочие письма печатаются по черновым отпускам 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

№№ 703, 710, 714, 717, 721, 773, 782, 812, 826, 832, 841, 854, 869, 879, 881, 899, 903, 906 — были впервые опубликованы в журнале „Новь" 1889, № 19, стр. 115—125 и перепечатаны с присоединением №№ 697, 827, 913 в последующих „Полных собраниях сочинений" А. Ф. Писемского. При этой публикации письма №№ 697, 703, 899, 913 были напечатаны с неправильными датами. Особенному искажению подверглось письмо № 697 от 14(26) октября 1878 года — вступительная и заключительная часть его была напечатана под датой 24 апреля 1878, а середина публиковалась без всяких оговорок в качестве самостоятельной автобиографии, написанной для В. Дерели.

Дмитриев, Павел Михайлович (1:1878) — № 711.

Печатается по черновому отпуску 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Впервые было опубликовано в качестве автобиографии в журнале „Новь" 1889, № 5(2), стр. 7—8.

Доппельмейер, Ольга Николаевна (1:1880) — № 926.

Печатается впервые по черновому отпуску 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Дружинин, Александр Васильевич (17:1855—1862) — №№ 101, 108, 122, 124, 141, 142, 143, 145, 158, 170, 173, 181, 186, 187, 194, 218, 977.

Печатаются впервые; № 977 по автографу Института Литературы Академии Наук СССР, остальные письма по автографам Государственного Литературного Музея (Москва).

Дубровский, см. Басистов, П. Е.

Дюран, Эмиль (1:1877) — № 616.

Печатается впервые по черновому отпуску 1-ой общей тетради Писемского (Собрание А. П. Могилянского).

Егоров, Александр Алексеевич (1:1874) — № 400.

Печатается впервые по черновому отпуску на отдельном листке (ПД).

Загибенин, Стахий Петрович (1: 1859) — № 162.

Печатается впервые по автографу Ленинградского Отделения Центрального Исторического Архива.

Заиончковская, Надежда Дмитриевна (1: 1880) — № 876.

Печатается впервые по черновому отпуску 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Званцев, Константин Иванович (1: 1860—1862) — № 978.

Печатается впервые по автографу Государственного Литературного Музея (Москва).

Зилова, Александра Васильевна (1: 1875) — № 543.

Печатается впервые по черновому отпуску 1-ой общей тетради Писемского (Собрание А. П. Могилянского).

Зуев, Никита Иванович (5: 1876—1877) — №№ 576, 579, 589, 612, 648.

Печатаются впервые по черновым отпускам 1-ой общей тетради Писемского (Собрание А. П. Могилянского).

Иловайский, Дмитрий Иванович (3: 1875) — №№ 437, 485, 566.

Печатаются впервые по черновым отпускам 1-ой общей тетради Писемского (Собрание А. П. Могилянского).

Каншин, Павел Алексеевич (1: 1878) — 707.

Печатается впервые по черновому отпуску 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Карышев, Николай Александрович см. *Басистов*, П. Е.

Катков, Михаил Никифорович (1: 1862) — № 215.

Печатается впервые по автографу Института Литературы Академии Наук СССР.

Кашпирев, Василий Владимирович, (1: 1875) — № 481.

Печатается впервые по черновому отпуску 1-ой общей тетради Писемского (Собрание А. П. Могилянского).

Кашпирева, Софья Сергеевна (1: 1875) — № 554.

Печатается впервые по черновому отпуску 1-ой общей тетради Писемского (Собрание А. П. Могилянского).

Киттары, Модест Яковлевич (2: 1872) — №№ 369, 370.

Печатается впервые по автографам Владимирского Губернского Музея (Бумаги Ф. Д. Нефедова).

Клюшников, Виктор Петрович 1: 1876) — № 583.

Печатается впервые по черновому отпуску 1-ой общей тетради Писемского (Собрание А. П. Могилянского).

Ковалевский, Егор Петрович (3: 1861—1865) — №№ 203, 209, 261.

Печатаются впервые по автографам Государственной Публичной Библиотеки в Ленинграде (Архив Литературного Фонда).

Ковалевский, Максим Максимович (2: 1880) — №№ 875, 884.

Печатаются впервые по черновым отпускам 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Контора императорских С. Петербургских Театров (2: 1877—1878) — №№ 650, 659.

Печатаются впервые, № 650 — по черновому отпуску 1-ой общей тетради Писемского (Собрание А. П. Могилянского), № 659 — по черновому отпуску 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Контора „Москвитянина“ (1: 1851) — № 36.

Печатается впервые по автографу Государственной Публичной Библиотеки им. В. И. Ленина.

Контора „Московских Ведомостей“ (1: 1876) — № 567.

Печатается впервые по черновому отпуску 1-ой общей тетради Писемского (Собрание А. П. Могилянского).

Контора „Огонька“ (1: 1880) — № 925.

Печатается впервые по черновому отпуску 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Кохнов, Виссарион Иванович (1: 1874) — № 402.

Печатается впервые по отпуску „Копировальной книги“ Писемского, хранящейся в Государственном Театральном Музее им. А. А. Бахрушина (Москва).

Кошелев, Александр Иванович (1: 1878) — № 672.

Печатается впервые по черновому отпуску 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Краевский, Андрей Александрович (40: 1851—1880) — № 13, 21, 23, 25, 74, 77, 93, 102, 103, 201, 206, 212, 222, 226, 241, 245, 246, 247, 248, 249, 256, 257, 258, 259, 260, 263, 264, 278, 282, 289, 297, 311, 320, 338, 376, 378, 469, 546, 935, 944.

Печатаются впервые по автографам Государственной Публичной Библиотеки в Ленинграде. Сохранились черновые отпуска к №№ 469 (1-ая общая тетрадь Писемского) и 935, 944 (2-ая общая тетрадь).

№№ 935, 944 — были ранее опубликованы по черновым с ошибочными датами в „Полном собрании сочинений“ Писемского.

Кублицкий, Михаил Егорович (1: 1875) — № 479.

Печатается впервые по черновому отпуску 1-ой общей тетради Писемского (Собрание А. П. Могилянского).

Куликова, Варвара Александровна (3: 1873—1878) — №№ 392, 416, 681.

№№ 392, 416 печатаются впервые по автографам Института Литературы Академии Наук СССР, № 681 — по черновому отпуску 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Купреянов, Николай Александрович (12: 1864—1866) — №№ 239, 240, 242, 250, 251, 252, 262, 265, 266, 267, 268, 306.

Печатаются впервые по автографам Ивановского Областного Архивного Управления.

Курепин, Александр Дмитриевич (1: 1876) — № 574.

Печатается впервые по черновому отпуску 1-ой общей тетради Писемского (Собрание А. П. Могилянского).

Лавров, Петр Лаврович (1: 1861) — № 195.

Печатается впервые по автографу Государственной Публичной Библиотеки в Ленинграде (Архив Литературного Фонда).

Лажечников, Иван Иванович (1: 1869) — № 352.

Воспроизводится по тексту, опубликованному впервые в „Современных Известиях“ 1869, № 179.

Лазаревский, Василий Матвеевич (7: 1857—1866) — №№ 114, 115, 140, 275, 287, 294, 300.

Печатаются впервые, №№ 275, 287 — по автографам Ленинградского Отделения Центрального Исторического Архива, остальные письма — по автографам Государственного Литературного Музея (Москва).

Лебле, Михаил Иванович (1: 1875) — № 519.

Печатается впервые по отпуску „Копировальной книги“ Писемского, сохранившейся в Государственном Театральном Музее им. А. А. Бахрушина (Москва).

Лермонтов, Геннадий Васильевич (3: 1875) — №№ 442, 474, 488.

Печатаются впервые по черновым отпускам 1-ой общей тетради Писемского (Собрание А. П. Могилянского).

Лесков, Николай Семенович (9: 1868—1872) — №№ 345, 346, 366, 371, 372, 373, 374, 375, 377.

Печатаются впервые, № 372 — по автографу Института Литературы Академии Наук СССР, прочие письма — по автографам Государственного Литературного Музея (Москва).

Лонгинов, Михаил Николаевич (1: 1863) — № 224.

Печатается впервые по автографу Института Литературы Академии Наук СССР.

Лопатин, Михаил Николаевич (5: 1875—1879) — №№ 492, 680, 720, 746, 748.

Печатаются впервые по черновым отпускам, № 492 — 1-ой общей тетради Писемского (Собрание А. П. Могилянского), прочие письма — 2-ой общей тетради (ПД).

Майков, Аполлон Александрович (11: 1851—1880) — №№ 19, 132, 135. 146, 154, 156, 168, 334, 335, 305, 936.

Печатаются впервые, № 936 по черновому отпуску 2-ой общей тетради Писемского (ПД), прочие письма — по автографам Государственной Публичной Библиотеки в Ленинграде.

Майков, Аполлон Николаевич (21: 1853—1878) — №№ 62, 64, 67, 68, 71, 73, 75, 78, 79, 94, 148, 237, 303, 388, 394, 421, 467, 555, 558, 572, 693.

Печатаются впервые, №№ 62, 237 по автографам Государственной Публичной Библиотеки им. В. И. Ленина, № 394 — по автографу Государственного Театрального Музея им. А. А. Бахрушина (Москва), №№ 467, 555, 558, 572 по черновым отпускам 1-ой общей тетради Писемского (Собрание А. П. Могилянского), № 693 — по черновому отпуску 2-ой общей тетради Писемского (ПД), прочие письма — по автографам Института Литературы Академии Наук СССР.

Текст № 693 в искаженном виде был напечатан в „Полном собрании сочинений“ Писемского (т. VIII, стр. 729) в качестве письма к Л. Н. Майкову.

Майков, Владимир Николаевич (1: 1875) — № 502.

Печатается впервые по черновому отпуску 1-ой общей тетради Писемского (Собрание А. П. Могилянского).

Майковы, Аполлон Николаевич и Анна Ивановна (1: 1856) — № 97.

Печатается впервые по автографу Института Литературы Академии Наук СССР.

Макаров, Николай Яковлевич (1: 1869) — № 355.

Печатается впервые по автографу Ленинградского Отделения Центрального Исторического Архива.

Максимов, Сергей Васильевич (11: 1858—1880) — №№ 138, 208, 269, 305, 443, 447, 459, 470, 602, 698, 813.

№№ 138, 208, 269 печатаются по автографам Института Литературы Академии Наук СССР, № 305—по автографу Государственного Театрального Музея им. А. А. Бахрушина (Москва), №№ 443, 447, 459, 470, 602—по черновым отпускам 1-ой общей тетради Писемского (Собрание А. П. Могилянского), №№ 698, 813—по черновым отпускам 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

№ 698 был впервые опубликован в „Полном собрании сочинений" А. Ф. Писемского.

Маслов, Иван Ильич (2: 1878) — №№ 665, 682.

Печатаются впервые по черновым отпускам 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Мельников, Павел Иванович (2: 1875) — №№ 464, 478.

Печатаются впервые по черновым отпускам 1-ой общей тетради Писемского (Собрание А. П. Могилянского).

Мещерский, кн. Владимир Петрович (1: 1873) — № 382.

Печатается впервые по автографам Государственного Театрального Музея им. А. А. Бахрушина (Москва).

Микешин, Михаил Осипович (21: 1877—1878) — №№ 588, 591, 596, 598, 600, 606, 614, 618, 619, 620, 626, 629, 652, 656, 657, 660, 662, 664, 670, 685, 687.

№ 670 печатается по автографу Государственного Театрального Музея им. А. А. Бахрушина (Москва) с проверкой по черновому отпуску 2-ой общей тетради Писемского, прочие письма печатаются по черновым отпускам, №№ 588, 591, 596, 598, 600, 606, 614, 618, 619, 620, 626, 629, 652 — 1-ой общей тетради Писемского (Собрание А. П. Могилянского), №№ 656, 657, 660, 662, 664, 685, 687 — 2-ой общей тетради (ПД).

№ 685 был впервые опубликован с неточной датой в „Полном собрании сочинений" А. Ф. Писемского.

Михайлова, Мария Марцеловна (2: 1877) — №№ 625, 630.

Печатаются впервые по черновым отпускам 1-ой общей тетради Писемского (Собрание А. П. Могилянского).

Михеев, Василий Михайлович (2: 1874) — №№ 396, 408.

Печатаются впервые по черновым отпускам Института Литературы Академии Наук СССР.

Московское агенство страхового общества Саламандра (1: 1877) — № 610.

Печатается впервые по черновому отпуску 1-ой общей тетради Писемского (Собрание А. П. Могилянского).

Московская контора Государственного банка (2: 1874—1880) — №№ 413, 929.

Печатаются впервые по черновым отпускам, № 413 — на отдельном листе (Собрание А. П. Могилянского), № 929 — 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Московская контора товарной станции Николаевской железной дороги (1: 1878) — № 671.

Печатается впервые по черновому отпуску 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Некрасов, Николай Алексеевич (6: 1852–1855) — №№ 51, 54, 69, 72, 80, 95.

№ 95 печатается впервые по автографу Института Литературы Академии Наук СССР, прочие письма — по автографам Государственной Публичной Библиотеки им. В. И. Ленина.

№№ 51, 54, 69, 72, 80 были впервые опубликованы в „Архиве села Карабихи“, М. 1916, стр. 144–152.

Некрасов, см. *Панаев* И. И.

Никитенко, Александр Васильевич (4: 1854—1873) — №№ 84, 93, 176, 380.

Печатаются по автографам Института Литературы Академии Наук СССР.

№№ 84 и 93 были впервые опубликованы в „Русской Старине“ 1900, кн. 1, стр. 184—185 и перепечатывались в последующих изданиях „Полного собрания сочинений“ А. Ф. Писемского.

Нильский, Александр Александрович (1: 1874) — № 418.

Печатается впервые по автографу Государственного Литературного Музея (Москва).

Новикова, Ольга Александровна (4: 1867—1875) — №№ 330, 349, 351, 449.

№ 449 печатается по черновому отпуску 1-ой общей тетради Писемского (Собрание А. П. Могилянского), прочие письма печатаются по автографам Государственной Публичной Библиотеки им. В. И. Ленина.

№ 351 был впервые опубликован в „Русском Вестнике“ 1901 кн. 12, стр. 472—473.

Норденстрем, Иван Андреевич (2: 1863) — №№ 223, 230.

Воспроизводятся по тексту, впервые опубликованному в „Ежегоднике императорских театров“ 1909, вып. 1, стр. 9—10.

Островский, Александр Николаевич (69: 1850—1880) — №№ 3, 4, 5, 6, 9, 14, 32, 33, 37, 44, 76, 82, 85, 86, 87, 89, 91, 99, 106, 107, 109, 110, 116, 117, 120, 121, 123, 125, 129, 133, 134, 136, 139, 144, 155, 157, 159, 161, 163, 167, 171, 174, 179, 183, 188, 189, 192, 202, 210, 221, 253, 304, 329, 422, 424, 557, 560, 563, 565, 608, 649, 673, 716, 791, 836, 845, 874, 889, 973.

№№ 673, 716, 845 публикуются впервые по черновым отпускам 2-ой общей тетради Писемского (ПД). Прочие письма печатаются по автографам Государственного Театрального Музея им. А. А. Бахрушина (Москва), опубликованным в издании „Неизданные письма Л. Н. Толстого, И. А. Гончарова, Н. А. Некрасова, Ф. М. Достоевского, А. Ф. Писемского и др. из архива А. Н. Островского. По материалам Гос. Театрального Музея им. А. А. Бахрушина приготовили к печати М. Д. Прыгунов, Ю. А. Бахрушин и Н. Л. Бродский“ М., „Academia“, 1932, стр. 334—395. К №№ 557, 560, 563, 565, 608, 649, 716, 791, 836, 874, 889 сохранились черновые отпуска в общих тетрадях Писемского. В публикации М. Д. Прыгунова, Ю. А. Бахрушина и Н. Л. Бродского неправильно были датированы письма №№ 14, 89, 106, 107, 109, 110, 133, 134, 139, 144, 155, 174, 183, 202, 791.

Островский, Михаил Николаевич (1: 1875) — № 466.

Печатается впервые по черновому отпуску 1-ой общей тетради Писемского (собрание А. П. Могилянского).

Отделение контроля кассы министерства императорского двора (1: 1878) — № 668.

Печатается впервые по черновому отпуску 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Панаев, Иван Иванович и *Некрасов,* Николай Алексеевич (1: 1853) — № 66.

Печатается впервые по автографу Института Литературы Академии Наук СССР.

Первый квартал Арбатской части (1: 1879) — № 726.

Печатается впервые по черновому отпуску 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Перовский, гр. Лев Алексеевич (1: 1855) — № 81.

Печатается впервые по автографу Ленинградского Отделения Центрального Исторического Архива.

Писарев, Модест Иванович (3: 1877—1880) — № 605, 784, 857.

Печатаются впервые по черновым отпускам, № 605 — 1-ой общей тетради Писемского (Собрание А. П. Могилянского), №№ 784, 857 — 2-ой общей тетради (ПД).

Писемская, Екатерина Павловна (3: 1856) — №№ 96, 100, 105.

Печатаются впервые по автографам Института Литературы Академии Наук СССР.

Писемские, Екатерина Павловна и Павел Алексеевич (1: 1873) — № 389.

Печатается впервые по автографу Института Литературы Академии Наук СССР.

Писемский, Павел Алексеевич (55: 1875—1878) — №№ 429, 430, 432, 441, 450, 452, 456, 457, 465, 477, 482, 484, 487, 489, 490, 495, 496, 498, 499, 503, 504, 505, 507, 510, 511, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 534, 536, 537, 538, 540, 541, 542, 544, 545, 547, 548, 549, 550, 688, 689, 690, 691, 694, 695.

Печатаются впервые, №№ 688, 689, 690, 691, 694, 695—по черновым отпускам 2-ой общей тетради Писемского (ПД), прочие письма — по черновым отпускам 1-й общей тетради (Собрание А. П. Могилянского).

Плетнев, Петр Александрович (3: 1860—1861) — №№ 175, 180, 199.

Печатаются по автографам Института Литературы Академии Наук СССР.

Впервые опубликованы в издании „Радуга. Альманах Пушкинского Дома" П., 1922, стр. 197—201.

Погодин, Дмитрий Михайлович (1: 1879) — № 727.

Печатается впервые по черновому отпуску 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Погодин, Михаил Петрович (48: 1851—1869) — №№ („Дополнений" и основного текста) I, II, 10, III, IV, V, VI, VII, VIII, IX, X, XI, XII, XIII, XIV, 27, 28, XV, XVI, XVII, XVIII, XIX, XX, XXI, XXII, XXIII, XXIV, XXV, XXVI, XXVII, XXVIII, XXIX, XXX, XXXI, XXXII, XXXIII, XXXIV, XXXV, 59, 63, 65, XXXVI, 88, 90, XXXVII, XXXVIII, XXXIX, XL.

Печатаются по автографам Государственной Публичной Библиотеки им. В. И. Ленина. №№ I, II. XIV, XIX, XXV, XXVIII, XXXI, 63, 65, 88, XXXVII, XXXVIII, XXXIX, XL публикуются впервые, отрывки

из прочих писем были приведены в издании „Н. Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина“, СПБ., 1898—1900, т. XI, стр. 373—380, 389, 393, 405, 420, 430, 439, 441—442, 444, 474; т. XII, стр. 197, 203—212, 221, 288—289; т. XIII, стр. 204; т. XIV, стр. 233—234, 413—114 (часть этих отрывков перепечатана по публикации Н. Барсукова в основном тексте тома, №№ 11, 15, 16, 17, 18, 20, 22, 24, 26, 29, 31, 34, 35, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 45, 47, 48, 49, 50, 52, 53, 55, 56, 57, 60, 70).

Поливанов, Лев Иванович (2:1880) — №№ 886, 897.

Печатаются впервые по черновым отпускам 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Полонский, Яков Петрович (8:1858—1873) — №№ 150, 151, 164, 165, 216, 236, 238, 383.

Печатаются впервые, № 383—по копии Государственного Литературного Музея (сообщена Т. Рождественским, подлинник — в Музее г. Белева), прочие письма — по автографам Института Литературы Академии Наук СССР.

Помяловский, Николай Герасимович (1:1860—1862) — № 980.

Печатается по автографу Института Литературы Академии Наук СССР.

Впервые было опубликовано в „Новом Мире“, 1927, кн. 5, стр. 129.

Пономарева, Ольга Николаевна (3:1876) — №№ 577, 581, 582.

Печатается впервые по черновым отпускам 1-ой общей тетради Писемского (Собрание А. П. Могилянского).

Попудогло, Федор Федосеевич (8:1879—1880) — №№ 730, 733, 738, 742, 776, 778, 801, 902.

Печатаются впервые по черновым отпускам 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Постельников, Александр Иванович (27:1874—1880) — №№ 399, 509, 641, 651, 653, 669, 676, 700, 712, 769, 789, 803, 809, 835, 837, 851, 890, 901, 909, 911, 938, 947, 955, 956, 959, 963, 966.

Печатаются впервые, № 399 — по черновому отпуску на отдельном листке (ПД), №№ 509, 641, 651, 653—по черновым отпускам 1-ой общей тетради Писемского (Собрание А. П. Могилянского), прочие письма — по черновым отпускам 2-ой общей тетради (ПД).

Постельникова, Дарья Яковлевна (1:1874) — № 675.

Печатается впервые по черновому отпуску 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Потапов, Александр Львович (1:1863) — № 229.

Воспроизводится по тексту, опубликованному в „Ежегоднике императорских театров“ 1909, вып. I, стр. 11—13.

Потехин, Алексей Антипович (1:1875) — № 506.

Печатается впервые по черновому отпуску 1-ой общей тетради Писемского (Собрание А. П. Могилянского).

Похвиснев, Михаил Николаевич (3:1867—1868) №№ 313, 339, XLII („Дополнения“).

Печатаются впервые, №№ 313, XLII — по автографам Института Книги, Документа и Письма Академии Наук СССР, № 339 — по автографу Исторического музея (Москва).

Прахов, Адриан Викторович (30:1878) — №№ 587, 590, 592, 594, 595, 597, 599, 601, 603, 607, 609, 611, 613, 617, 621, 622, 624, 627, 628, 633, 634, 635, 640, 642, 643, 645, 654, 658, 661, 663.

Печатаются впервые, №№ 653, 661, 663 — по черновым отпускам 2-ой общей тетради Писемского (ПД), прочие письма — по черновым отпускам 1-ой общей тетради (Собрание А. П. Могилянского).

Раздеришина, Анна Ивановна (1:1880) — № 921.

Печатается впервые по черновому отпуску 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Редакция „Русской Мысли“ (1:1880) — № 904.

Печатается впервые по черновому отпуску 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Ректор Московского университета (2:1840—1844) — №№ 1, XLI („Дополнения“).

Печатаются впервые, № 1 — по автографу Государственного Литературного Музея (Москва), № XLI — по автографу Московского Областного Архива.

Репин, Илья Ефимович (5:1880) — №№ 815, 850, 860, 943, 953.

Печатаются впервые по черновым отпускам 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Ринк, Евгений Романович (1:1879) — № 754.

Печатается впервые по черновому отпуску 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Родиславский, Владимир Иванович (7:1878—1879) — №№ 553, 578, 705, 703, 725, 732, 762, XLIII („Дополнения“).

Печатаются впервые, № XLIII — по копии Ленинградского Отделения Центрального Исторического Архива, №№ 553, 578 — по черновым отпускам 1-ой общей тетради Писемского (Собрание А. П. Могилянского), прочие письма по черновым отпускам 2-ой общей тетради (ПД).

Савицкая-Батезатул, Надежда Владимировна (1:1876) — № 573.

Печатается впервые по черновому отпуску 1-ой общей тетради Писемского (Собрание А. П. Могилянского).

Садовский, Михаил Провим (3:1880) — №№ 862, 863, 867.

Печатаются впервые по черновым отпускам 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Садовский, Пров Михайлович (1:1858) — № 131.

Печатается впервые по автографу Государственного Театрального Музея им. А. А. Бахрушина (Москва).

Сазонов, Николай Федорович (2:1873—1875) — №№ 387, 448.

Печатаются впервые, № 387 — по автографу Государственной Театральной Библиотеки (Ленинград), № 448 — по черновому отпуску 1-ой общей тетради (Собрание А. П. Могилянского).

Салиас-де-Турнемир, гр. Елизавета Васильевна (1:1852) — № 46.

Печатается впервые по автографу Государственной Публичной Библиотеки в Ленинграде (Бумаги М. Н. Загоскина).

Самойлов, Василий Васильевич (1:1863) — № 232.

Печатается впервые по автографу Государственного Театрального Музея им. А. А. Бахрушина (Москва).

Семевский, Михаил Иванович (4:1851) — №№ 196, 197, 200, 207.

Печатаются впервые по автографам Института Литературы Академии Наук СССР.

Соколов, Дмитрий Алексеевич (1:1874) — № 398.

Печатается впервые по отпуску „Копировальной книги“ Писемского, хранящейся в Государственном Театральном Музее им. А. А. Бахрушина (Москва).

Соколов, Матвей Васильевич (1:1878) — № 692.

Печатается впервые по черновому отпуску 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Соловьев, Владимир Сергеевич (5:1879—1880) — №№ 719, 741, 749, 806, 820.

Печатаются впервые по черновым отпускам 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Соловьев, Всеволод Сергеевич (1:1875) — № 438.

Печатается впервые по черновому отпуску 1-ой общей тетради Писемского (Собрание А. П. Могилянского).

Старчевский, Альберт Викентьевич (2:1853) — №№ 58, 61.

Печатается впервые по автографам Института Литературы Академии Наук СССР.

Старшины Московского артистического кружка (1:1879) — № 757.

Печатается впервые по черновому отпуску 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Страхов, Николай Николаевич (5:1869—1878) — №№ 348, 350, 354, 483, 684.

Печатаются впервые, № 483 — по черновому отпуску 1-ой общей тетради Писемского (Собрание А. П. Могилянского), № 684 — по черновому отпуску 2-ой общей тетради (ПД), прочие письма — по автографам Государственной Публичной Библиотеки в Ленинграде.

Стрепетова, Полина Антиповна (1:1880) — № 786.

Печатается впервые по автографу Института Литературы Академии Наук СССР (черновик к нему сохранился во 2-ой общей тетради Писемского, там же).

Терещенко, Гавриил Осипович (1:1878) — № 666.

Печатается впервые по черновому отпуску 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Типография А. М. Котомина (5:1877) — №№ 631, 632, 636, 637, 638.

Печатаются впервые по черновым отпускам 1-ой общей тетради Писемского (Собрание А. П. Могилянского).

Толстой, гр. Дмитрий Андреевич (1:1856) — № 113.

Печатается впервые по автографу Ленинградского Отделения Центрального Исторического Архива.

Третьяков, Павел Михайлович (4:1880) — №№ 792, 802, 823, 848.

Печатаются впервые по черновым отпускам 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Трутовский, Константин Александрович (1:1879) — № 785.

Печатается впервые по автографу из собрания Ю. Г. Оксмана. Во 2-ой общей тетради Писемского (ПД) сохранился черновой отпуск письма.

Тургенев, Иван Сергеевич (21:1866—1880) — №№ 299, 302, 321, 325, 327, 343, 403, 405, 411, 427, 512, 514, 532, 552, 561, 571, 604, 674, 686, 722, 895.

№№ 427, 532, 552, 561, 571 печатаются по черновым отпускам 1-ой общей тетради Писемского (Собрание А. П. Могилянского), №№ 674, 686, 722 печатаются по черновым отпускам 2-ой общей тетради Писемского (ПД), №№ 604, 895 печатаются по черновикам из собрания Ю. Г. Оксмана. Прочие письма печатаются впервые по автографу Института Литературы Академии Наук СССР (к №№ 403, 405, 411 сохранились там же черновые отпуска).

№№ 427, 532, 561, 571, 604, 674, 686, 895, 722 были впервые опубликованы в „Нови" 1838, № 24, стр. 216—220 и перепечатывались в последующих „Полных собраниях сочинений" Писемского.

Не могли быть использованы в настоящем издании 56 писем 1855—1879 года, помеченные в каталоге парижского архива Тургенева, см. A. Mazon, Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguénev, Paris 1930, p. 108.

Умов, Владимир Алексеевич (1:1875) — № 508.

Печатается впервые по черновому отпуску 1-ой общей тетради Писемского (Собрание А. П. Могилянского).

Усов, Сергей Алексеевич (9:1874—1880) —№№ 401, 417, 647, 747, 844, 859, 865, 872, 950.

Печатаются впервые, № 417 — по автографу Государственного Литературного Музея (Москва), № 401 — по черновому автографу Института Литературы Академии Наук СССР, № 647 — по черновому отпуску 1-ой общей тетради Писемского (Собрание А. П. Могилянского) прочие письма — по черновым отпускам 2-ой общей тетради (ПД).

Федоров, Павел Степанович (8:1863—1878) — №№ 231, 279, 337, 386, 393, 440, 446, 699.

Печатаются впервые, № 446 — по черновому отпуску 1-ой общей тетради Писемского (Собрание А. П. Могилянского), № 699 — по черновому отпуску 2-ой общей тетради (ПД), №№ 231, 279, 440 — по автографам Государственного Театрального Музея им. А. А. Бахрушина (к № 440 сохранился черновик в 1-ой общей тетради), прочие письма — по автографам Ленинградского Отделения Центрального Исторического Архива.

Федоровский, Виктор Александрович (19:1879—1880) — №№ 723, 735, 744, 758, 783, 787, 793, 821, 828, 831, 838, 839, 871, 907, 920, 932, 933, 939, 960.

Печатаются впервые по черновым отпускам 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Филиппов, Тертий Иванович (4:1875) — №№ 439, 454, 460, 468.

Печатаются впервые по черновым отпускам 1-ой общей тетради Писемского (Собрание А. П. Могилянского).

Флеров, Сергей Васильевич (1:1876) — № 569.

Печатается впервые по черновому отпуску 1-ой общей тетради Писемского (Собрание А. П. Могилянского).

Флеров, Федор Григорьевич (3:1880) — №№ 954, 957, 965.

Печатаются впервые по черновым отпускам 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Фон-Вендрих, Лотарь Федорович (2:1874—1875) — №№ 397, 516.

Печатаются впервые по отпускам „Копировальной книги“ Писемского, хранящейся в Государственном Театральном Музее им. А. А. Бахрушина (Москва).

Фридберг, Петр Иванович (4:1875—1880) — №№ 434, 475, 556, 962.

Печатаются впервые, № 962 — по черновому отпуску 2-ой общей тетради Писемского (ПД), прочие письма — по черновым отпускам 1-ой общей тетради (Собрание А. П. Могилянского).

Цветухин, Иван Васильевич (14:1874—1876) — №№ 406, 409, 428, 435, 451, 461, 476, 497, 500, 501, 533, 539, 551, 570.

Печатаются впервые №№ 406, 409 — по черновикам на отдельных листках (ПД), прочие письма — по черновым отпускам 1-ой общей тетради Писемского (Собрание А. П. Могилянского).

Цуханов, Михаил Иванович (1:1875) — № 433.

Печатается впервые по черновому отпуску 1-ой общей тетради Писемского (Собрание А. П. Могилянского).

Цеэ, Василий Андреевич (1:1862) — № 211.

Печатается впервые по автографу Государственной Публичной Библиотеки в Ленинграде.

Чаев, Николай Александрович (1:1863—1864) — № 981.

Печатается впервые по автографу Института Литературы Академии Наук СССР.

Чекмарева, Ольга Александровна (2:1880) — №№ 849, 891.

Печатаются впервые по черновым отпускам 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Шапиро, Константин Александрович (2:1880) — №№ 822, 853.

Печатаются впервые по черновым отпускам 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Шевченко, Тарас Григорьевич (1:1856) — № 104.

Воспроизводится по тексту, впервые опубликованному в издании „М. Чалый. Жизнь и произведения Тараса Шевченко“, Киев, 1882, стр. 93—94.

Шевырев, Степан Петрович (2:1847—1851) — №№ 2, 30.

№ 2 воспроизводится по тексту, впервые опубликованному в „Русской Старине“ 1899, кн. 12, стр. 522 и перепечатанному в „Полных собраниях сочинений“ Писемского, № 30 печатается впервые по автографу Государственной Публичной Библиотеки в Ленинграде.

Шкунов (1:1877) — № 615.

Печатается впервые по черновому отпуску 1-ой общей тетради Писемского (Собрание А. П. Могилянского).

Шуберт, Александра Ивановна (2:1879—1880) — №№ 759, 833.

Печатаются впервые, № 759 — по автографу Государственного Театрального Музея им. А. А. Бахрушина в Москве (к этому письму сохранился также черновой отпуск во 2-ой общей тетради Писемского), № 833 — по черновому отпуску 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Щебальский, Петр Карлович (2:1875) — №№ 453, 491.

Печатаются впервые по черновым отпускам 1-ой общей тетради Писемского (Собрание А. П. Могилянского).

Эдельсон, Евгений Николаевич (11:1957 1864) — №№ 126, 127, 128, 137, 147, 153, 169, 182, 184, 255, 982.

Печатаются впервые по автографам Средне-Волжского Областного Архивного Управления (Куйбышев).

Юркевич, Петр Ильич (1:1880) — № 798.

Печатается впервые по черновому отпуску 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Юрьев, Сергей Андреевич (11:1875—1880) — №№ 455, 463, 480, 493, 715, 743, 768, 808, 866, 868, 958.

Печатаются впервые, №№ 455, 463, 480, 493 — по черновым отпускам 1-ой общей тетради Писемского (Собрание А. П. Могилянского), прочие письма — по черновым отпускам 2-ой общей тетради (ПД).

Неизвестный (Александр Петрович) — № 983.

Печатается впервые по автографу Института Литературы Академии Наук СССР.

Неизвестный (Василий Иванович, 1:1874) — № 407.

Печатается впервые по черновому отпуску на отдельном листке (ПД).

Неизвестный (Иван Григорьевич, 1:1880) — № 942.

Печатается впервые по черновому отпуску 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Неизвестный (Степан Кузьмич, маляр, 5:1879) — №№ 761, 763, 764, 770 774.

Печатаются впервые по черновым отпускам 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Неизвестный (1:1880) — № 804.

Печатается впервые по черновому отпуску 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

Неизвестный (1:1880) — № 927.

Печатается впервые по черновому отпуску 2-ой общей тетради Писемского (ПД).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

